ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Петрозаводск «Периодика»
2001

ББК 63.3 (2Р–6К)
И90

Утверждено к печати Ученым советом Института языка, литературы
и истории Карельского научного центра РАН

Под общей редакцией
Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова,
Ю. А. Савватеева и **М. И. Шумилова**

Рецензенты:
доктор исторических наук **М. И. Мишенев**
кандидат исторических наук **В. Н. Водолазко**

Издание осуществлено при поддержке Правительства Республики Карелия

© Афанасьева А.И., Бутвило А.И., Вавулинская Л.И., Дубровская Е.Ю., Жуков А.Ю., Захарова О.А., Илюха О.П., Кораблев Н.А., Макуров В.Г., Пулькин М.В., Савватеев Ю.А., Филимончик С.Н., Шумилов М.И., 2001

ISBN 5–88170–049–X

ВВЕДЕНИЕ

Читатели давно ожидают появления нового обобщающего труда по истории Карелии. Изданные в свое время "Очерки истории Карелии" в двух томах (Т. 1. Петрозаводск, 1957; Т. 2. Петрозаводск, 1964) стали библиографической редкостью, к тому же они уже не отвечают современным научным знаниям. "Очерки" готовились в совершенно иных общественно–политических условиях и имели сравнительно ограниченную источниковую базу. Для своего времени они безусловно сыграли положительную роль, впервые ознакомив широкого читателя с основными этапами истории карельского края от древнейших времен до начала 60–х гг. XX в. Тем не менее, сегодня стали очевидны их определенная ограниченность, известный схематизм и тенденциозность в подборе и освещении исторических фактов и событий. Авторский коллектив "Очерков" находился под влиянием идеологических схем и политических оценок, особенно при освещении советского периода. В результате далеко не все аспекты истории края получили достаточно полное освещение, а некоторые важные стороны социально–экономической, духовной и общественной жизни оказались вне поля зрения историков. Сказались и цензурные ограничения в использовании выявленных источников и трактовке исторического процесса.

Настоящая книга готовилась сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук и преподавателями исторических кафедр Петрозаводского государственного университета. Авторский коллектив ставил перед собой задачу дать непредвзятую оценку исторического развития края с учетом современного уровня научных знаний. Всех авторов объединяло желание объективно, на основе анализа всего комплекса документальных источников осветить многовековое прошлое Карелии, показать ее место и роль в истории России и соседних стран.

Перед коллективом авторов и редакторов стояло немало трудностей, которые заключались в недостаточной разработке ряда актуальных проблем этногенеза карел, истории хозяйственного освоения территории Карелии, быта и жизни людей, их производственной и общественной деятельности, культурного развития, взаимоотношения властных структур и отдельных социальных слоев на различных этапах исторического прошлого. При анализе событий и фактов следовало учитывать всю совокупность документальных данных. Источниковой базой исследования послужили документальные публикации по истории края, материалы из 18 архивов Российской Федерации и Финляндии, а также периодической печати (газеты, журналы и т.п.). Благоприятным фактором для написания работы явилась возможность использования архивных фондов, открытых в последнее десятилетие. Большое внимание уделялось учету достижений как отечественной, так и зарубежной историографии. По ряду проблем привлекались научные данные из работ по археологии, этнографии, экономике, фольклору, лингвистике, литературоведению.

"История Карелии" включает одиннадцать глав, посвященных наиболее важным периодам исторического и современного развития края. В первой главе основное внимание уделяется заселению территории современной Карелии в VII тысячелетии

до н. э. и особенностям первобытно–общинного строя. Вторая и третья главы посвящены становлению и развитию феодального общества, образованию народности корела и вхождению ее сначала в состав Великого Новгорода, а затем — Российского государства. Четвертая и пятая главы повествуют о месте и роли Карелии в развитии общероссийского рынка и капиталистических отношений. В шестой главе освещаются события революции 1917 г. и Гражданской войны на Севере, седьмая посвящена образованию Карельской автономной республики в составе Российской Федерации, хозяйственному и культурному строительству в крае в 1920–е — 1930–е гг. Восьмая глава отражает трудности и героизм жителей Карелии в борьбе с фашистскими захватчиками в годы Второй мировой войны. Три последних главы раскрывают основные аспекты послевоенного развития республики. Освещение исторического процесса дается в хронологической последовательности. Книга содержит также перечень основных дат и событий, список основных источников и литературы, указатели имен и географических названий.

Авторами "Истории Карелии" являются: д.и.н. Ю.А. Савватеев (глава I); к.и.н. А.Ю. Жуков (главы II и III); к.и.н. М.В. Пулькин (глава IV); к.и.н. Н.А. Кораблев (глава V; параграф "Культура" написан совместно с д.и.н. А.И. Афанасьевой); д.и.н. М.И. Шумилов (глава VI; параграф "Образование Карельской Трудовой Коммуны" написан к.и.н. Е.Ю. Дубровской); к.и.н. С.Н. Филимончик (глава VII; параграф "Коллективизация сельского хозяйства" написан к.и.н. О.А. Захаровой); к.и.н. В.Г. Макуров (глава VIII); к.и.н. Л.И. Вавулинская (глава IX); к.и.н. О.П. Илюха (глава X; параграф "Общественно–политическая жизнь" написан к.и.н. А.И. Бутвило); к.и.н. А.И. Бутвило (глава XI). Указатели имен и географических названий подготовлены А.В. Климовой и Н.Л. Шибановой.

Авторы и редакторы выражают глубокую благодарность всем коллективам архивов, музеев, библиотек, вузов, других учреждений и отдельным лицам за оказанную помощь в создании этой книги. Возникшие замечания, советы и пожелания по содержанию "Истории Карелии" будут восприняты авторами с искренней благодарностью.

Глава I

КАРЕЛИЯ В ЭПОХУ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ
(VII тысячелетие до н.э. — конец I тысячелетия н.э.)

Начало формирования первобытно-общинного строя на территории Карелии относится к VII тысячелетию до н. э. Именно тогда, по данным археологических раскопок, происходило заселение и освоение края, адаптация мигрировавшего сюда населения к относительно суровой природной среде, освоение им местных ресурсов жизнеобеспечения на базе присваивающего охотничье-рыболовного хозяйства. Удаленность от передовых центров цивилизации, особенности географической среды и другие причины обуславливали замедленное развитие общества, длительное сохранение традиционных форм хозяйства и социальной организации.

Реконструкция первобытной истории требует синтеза данных разных наук — археологии, этнологии (этнографии), исторической антропологии, четвертичной геологии, палеогеографии, лингвистики, информатики и многих других. Особо важную роль играет археология, выработанная ею периодизация и хронология (относительная и абсолютная).

В Карелии известно более 2000 разнообразных археологических памятников. Они включают постоянные и временные поселения, промысловые стоянки и стойбища, могильники, наскальные изображения, клады, а также отдельные находки: орудия труда, фрагменты сосудов, отходы производства. Обычно материальные (вещественные) остатки жизни и деятельности людей находятся в почвенном слое и вскрываются в процессе археологических разведок и раскопок. Нередко из-за размыва или выветривания почвы, ее распашки они оказываются на поверхности земли.

Большинство отечественных исследователей признают археологию исторической наукой, способной не только добывать, обрабатывать и изучать вещественные источники, но и исследовать сам исторический процесс, ставить и решать проблемы реконструкции жизни общества, разумеется, с использованием данных других наук[1].

Проследить ход исторического развития во времени помогает археологическая периодизация, в основу которой положено развитие производства орудий труда. Соответственно древнейшая история подразделяется на каменный век, эпоху раннего металла и железный век. Внутри них выделяются более дробные периоды: палеолит (или древнекаменный век, пока не представленный в Карелии), мезолит (среднекаменный век), неолит (новокаменный век), энеолит (медно-каменный век), бронзовый век и, наконец, железный век. В свою очередь, они подразделяются на периоды и этапы и в каждом конкретном регионе имеют свою специфику.

Систематические археологические исследования на территории Карелии начались с конца 20-х гг. XX в. и привели к впечатляющим результатам[2]. И впредь именно

археологи, опираясь на материалы раскопок, привлекая все другие доступные источники, совершенствуя методологию и конкретные методики, будут обогащать наши представления о первобытном прошлом края[3]. При этом не обойтись без археологических понятий и терминов. Одно из ключевых среди них — археологическая культура, то есть общность археологических памятников со сходным инвентарем, относящихся к одному времени, определенной территории и отличающихся местными особенностями. Они отражают жизнь конкретных общностей людей. Археологические памятники и культуры — это та историческая реальность первобытной эпохи, которую пока мы лучше всего представляем[4]. Сами культуры могут делиться на локальные варианты и хронологические этапы и входить в более обширные культурно–исторические общности.

Первооткрывателями археологических памятников не раз становились местные жители, краеведы, туристы. По берегам рек и озер на распаханной или размытой поверхности нередко встречаются случайные находки — керамика, орудия и их обломки, отходы производства. Распознать их и вовремя сообщить специалистам — значит дать надежный ориентир для дальнейших поисков.

1. КАРЕЛИЯ НАКАНУНЕ ЗАСЕЛЕНИЯ

Жизнь первобытного человека была особенно тесно связана с окружающей природной средой. Природно–географический фактор оставался одним из решающих и предопределял возможности первоначального заселения края. Основную часть длительной (3,5 млрд лет) геологической истории, связанной с многократными кардинальными изменениями облика земной поверхности, территория Карелии оставалась безлюдной[5].

Главным событием природной жизни Фенноскандии стали крупные оледенения. Эпицентр их находился в Скандинавии, и оттуда они продвигались далеко на юг, вплоть до среднего течения Днепра и Дона, покрывая и всю Карелию. Толщина ледового панциря могла достигать здесь 1—3 км, постепенно уменьшаясь к его кромке.

В межледниковые периоды становилось теплее, льды исчезали, появлялся растительный и животный мир. Таяние льдов и повышение уровня мирового океана вызывали трансгрессии, не раз превращали Карелию в огромный водоем. Наслоение ледниковых, межледниковых и послеледниковых отложений — главный фактор формирования современного рельефа.

Многолетние исследования геологов, палеогеографов, болотоведов, гидрологов, палеозоологов и других специалистов позволяют представить среду обитания накануне появления здесь первых поселенцев и на всех этапах первобытного общества.

Около 9—9,5 тыс. лет назад завершается освобождение северной Карелии от ледника. На его месте тогда образовалась обширная и глубокая лагуна, соединившаяся с водами сильно опресненного Белого моря. В ходе деградации последнего оледенения Карелия заметно преображается, ее природный мир становится разнообразнее и богаче[6]. Начинается современная геологическая эпоха — голоцен, отмеченная заметными изменениями климата. В Белом море, Онежском и Ладожском озерах наблюдаются колебания их уровня при общей тенденции к понижению зеркала воды. Происходит зарождение и формирование малых озер, заболачивание и выветривание.

Наиболее древние водоемы сосредоточены в юго–восточной, а самые молодые —

в северо–западной части Карелии. Образуются озерно–болотистые железные руды, обычно маломощные, распространенные практически повсеместно.

Обилие озер и рек — одна из важных природных особенностей Карелии. Суммарная поверхность озер, а их около 62 тыс., составляет более 33 тыс. кв. км. На заключительных стадиях оледенения обводненность была еще выше — до 55—60% территории. Можно проследить основные этапы формирования Онежского приледникового озера, которое около 11 тыс. лет назад получило сток в Белое море у д.Масельгская, а чуть позднее и в Ладожское озеро (к западу от Ведлозера). Современный же сток — р. Свирь — образовался, видимо, не ранее 9,5 тыс. лет назад.

2. МЕЗОЛИТ. ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ КАРЕЛИИ

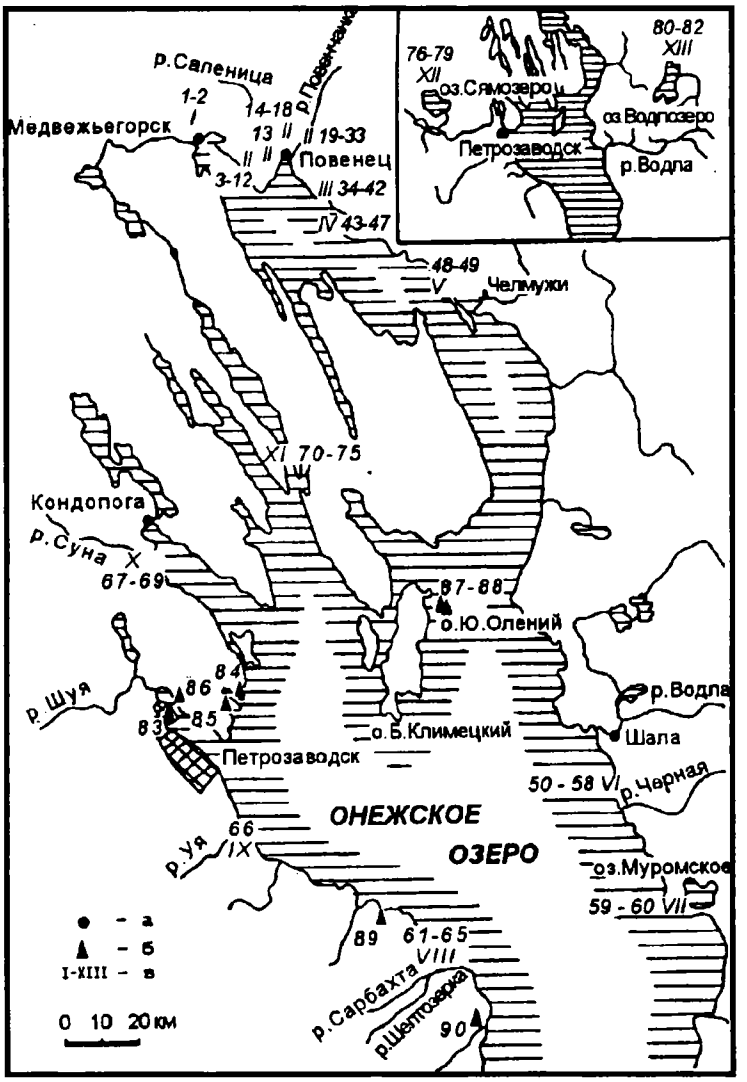
Мезолит — самый ранний на территории Карелии археологический период, длившийся с начала VII до начала V тысячелетия до н.э. Выделен он главным образом по особенностям каменной индустрии — орудий труда и техники их изготовления[7]. Ледниковый покров и крупные приледниковые водоемы уже исчезли, однако озерность все еще оставалась высокой. Суммарная площадь озер составляла около 32% современной территории. С развитием озер тесно связан и процесс заболачивания, интенсивно проходивший уже со второй половины бореала и достигший пика в атлантический период — 6,1—4,9 тыс. лет до н.э. В настоящее время болотистые массивы занимают около 30% всей площади Карелии.

В начале бореального периода климат остается еще довольно суровым. Но на рубеже среднего и позднего бореала (примерно 6,6—6,3 тыс. лет до н.э.) становится заметно теплее и суше, температура и влажность воздуха приближаются к современной, а осадков выпадает на 100—150 мм меньше. Полностью исчезают глыбы мертвого льда и многолетняя (вечная) мерзлота. Наступает преобладание сосновых лесов — как зеленомошных, так и лишайниковых — с примесью травянистых березняков и высокотравных ельников. В крупных водоемах происходит снижение уровня воды и формирование береговых террас. Постепенно образуется сплошная лесная растительность — бореальные леса с преобладанием березовых и сосново–березовых древостоев северно–таежного типа. Местами встречались карликовая береза, лиственница сибирская и только в виде небольшой примеси ель[8]. К концу бореала растительность приближается к среднетаежной. Разнообразнее и богаче становится животный мир.

Теперь Карелия стала не просто доступным, но и привлекательным для человека краем. Здесь имелось необходимое сырье для производственной деятельности, богатые и обширные охотничьи и рыболовные угодья, удобные естественные пути расселения в виде многочисленных озер и рек и озерно–речных систем.

Заселение края шло, видимо, из прилегающих с юга и юго–востока территорий, то есть верховьев Волги и Восточного Прионежья. Речные и озерные "дороги" облегчали продвижение на север. Похоже, что на первых порах переселенцев привлекали крупные водоемы.

Больше всего (свыше 170) мезолитических памятников, включая самые ранние, найдено в бассейне Онежского озера. Обнаружены они и в северной Карелии — по берегам р. Кемь, озер Кенто и Костомукша; и в восточной Карелии — на оз. Ведлозеро. Выделяются постоянные поселения площадью от 500 до 3000 кв. м, с довольно мощным культурным слоем красновато–желтой окраски, насыщенным разнообраз-



Памятники мезолитического времени в бассейне Онежского озера (1—90 — номера; а — современные поселения; б — одиночные памятники; в — группы памятников)

ными находками, со следами жилых и хозяйственных построек. Встречаются и небольшие по площади временные стоянки и сезонные промысловые стойбища, где люди жили недолго или куда возвращались только время от времени. На побережье Онежского озера разновременные мезолитические поселения сосредоточены скоплениями от 4 до 15 на площади в 1—2 кв. км. Они отстоят друг от друга на расстоянии от нескольких до 90 км и занимают архипелаги небольших прибрежных островков или узкие, выступающие далеко в озеро, высокие мысы — полуострова. Обычно обживались ровные, граничащие с урезом воды и обрамленные возвышениями площадки, обращенные к югу.

Число жилищ на поселениях колеблется от 1 до 6. Как правило, расположены они вдоль берега, в естественных неширокиx и неглубоких ложбинах между сглаженными временем береговыми валами (барами). Жилища полуземляночные, уг-

лубленные в землю на 0,5—0,7 м, площадью до 30 кв. м. Форма их прямоугольная, реже округлая. Выход (иногда их два) обычно ориентирован к берегу или параллельно ему, но почти всегда в южном направлении. Скорее всего, жилища были каркасно–столбовыми и имели двускатную или конусовидную крышу. Только в одном случае на полу имелась вымостка из камней. Непременная составная часть жилища — каменный очаг или кострище (часто и то, и другое), обычно располагавшиеся в центре и на удалении от входов. Вокруг них концентрируются орудия труда, их обломки, отходы первичной обработки. Мезолитические поселения с жилищами и полуземлянками функционировали круглогодично, на протяжении десятка и более лет. В каждом из них, видимо, обитала одна семья. Поселения насчитывали не более 2—3 десятков человек.

Кострища, очаги, различные каменные кладки диаметром от 0,5 до 2 м встречаются и за пределами построек. Их тоже сопровождают остатки производственно–бытовой деятельности.

Сезонные летние стоянки отличаются небольшой площадью (около 1500 кв. м), маломощным культурным слоем, незначительным числом готовых орудий при обилии отходов производства и заготовок (полуфабрикатов). Здесь тоже занимались изготовлением и ремонтом орудий, но главное — охотой и рыбной ловлей, заготовкой продуктов впрок. Встречаются и более специализированные становища, связанные преимущественно с охотой.

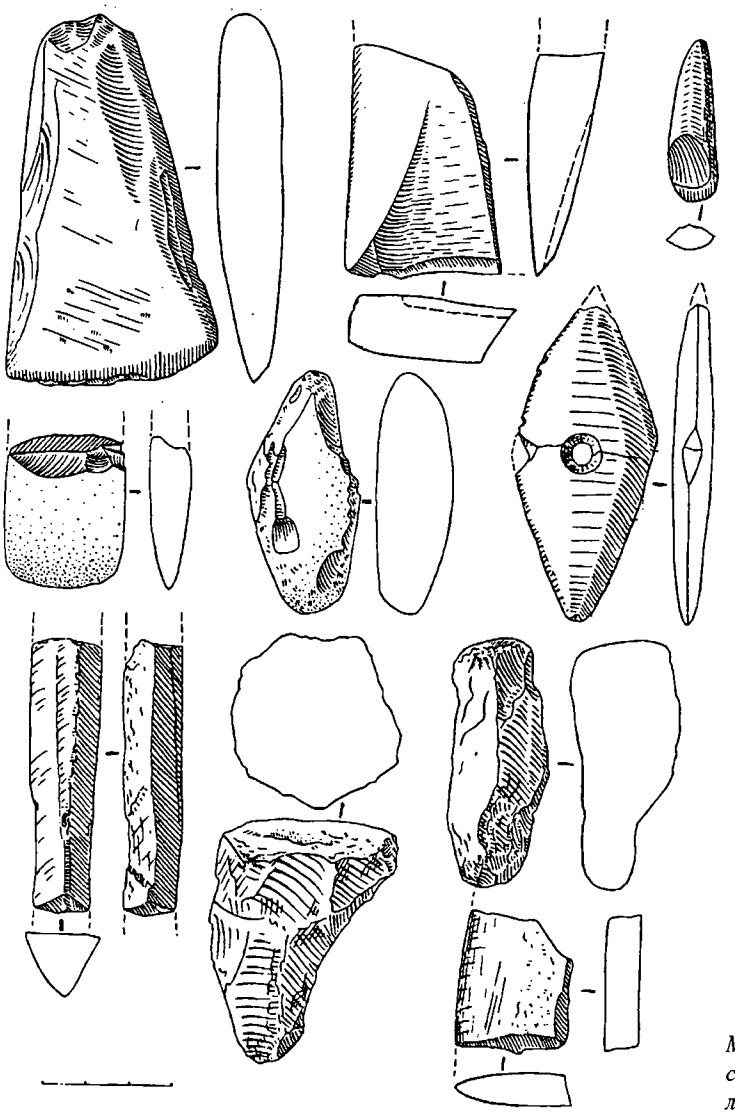
Об орудиях труда первых обитателей наиболее полное представление дают самые ранние поселения: Суна XII, Суна XIII, Шелтозеро XV (подобные названия отражают место и порядковый номер в общем скоплении). Все они датируются первой половиной VII тысячелетия до н.э.

Первопроходцы не нашли в Карелии привычного для них кремня и в качестве сырья использовали местные породы: кварц, сланец, реже лидит (роговик), песчаник, кварцит, шифер, диабаз и только изредка привозной кремень. Лишь на стоянке Шелтозеро XV кремневых орудий и отходов больше в силу близости естественных выходов кремня в районе р. Вытегры. Преобладают отходы первичной обработки. Готовые изделия и обломки составляют не более 16% общего числа находок.

Основные приемы обработки камня — техника оббивки и ретушь. Использовались шлифование и пиление. Состав орудий довольно разнообразен. Доминируют скребущие и режущие орудия на крупных отщепах и осколках: скребки, резцы, долотовидные орудия. Реже встречаются ножи, скребла, проколки, скобели, ножевидные пластинки. Используются шлифовальные плиты, точильные бруски, отбойники, деревообрабатывающие инструменты, изредка пилы. Наконечники стрел еще единичны. Нередко орудиями служили и первичные отщепы, подвергавшиеся частичной ретуши.

Характерная для мезолита более южных областей кремневая микролитоидно–вкладышевая техника не получила широкого распространения. Специфика местного сырья предопределила иной, макролитоидный облик каменной индустрии. Основная масса изделий — из кварца. Кремень использовался в основном для изготовления ножевидных пластинок и их сечений, наконечников стрел, иногда скребков. В целом уровень техники расщепления и обработки камня довольно высокий.

На памятниках развитого мезолита (вторая половина VII—VI тысячелетия до н.э.), лучше изученных на северном и восточном побережье Онежского озера (Оровнаволок IX, XV, Черная Губа XI, XIX, Муромское VII, Кладовец Va, Бесов Нос VI и др.), каменные орудия становятся разнообразнее, а техника их обработки — совершеннее.



Мезолитические орудия из сланца со стоянки Оровнаволок IX

Расширяется ассортимент сланцевых деревообрабатывающих орудий и инструментов: топоры, тесла, стамески, долота. Появляются мелкие желобчатые долота, ромбовидные сланцевые орудия с отверстием посередине и др. Увеличивается число мотыгообразных орудий. Шире используются абразивы, прежде всего шлифовальные плиты, включая относительно крупные. О технике ручного двустороннего сверления можно судить по предметам из камня и кости с просверленными отверстиями либо следами сверления. Обычной находкой становятся сечения ножевидных пластинок (вкладыши), свидетельствующие о распространении составных орудий. Из таких вкладышей, вставлявшихся в паз деревянной или костяной основы, составляли лезвия кинжалов, ножей, наконечников стрел. Заметно больше становится изделий на ножевидных пластинах: наконечники стрел, концевые скребки, проколки, скобели, ножи.

По–прежнему много скребков и долотовидных орудий. Используются рыболовные крючки и грузила.

К предметам искусства относятся обломки орнаментированных костяных изделий с поселений Оровнаволок IX (4 экз.), XII (3 экз.), XIV (1 экз.) с простыми узорами: полулунные нарезки, параллельные прочерченные линии, ряды кружков, ряды параллельных коротких зарубок. Галька со сложным узором из прочерченных линий, составляющих зигзаги и заштрихованные треугольники, обнаружена на поселении Суна XIV. На поселении Бесов Нос VI встретился обломок тонкой отшлифованной костяной пластины с отверстием для подвешивания, орнаментированный с той и другой стороны нарезными линиями, а также необычная антропоморфная фигурка из кости.

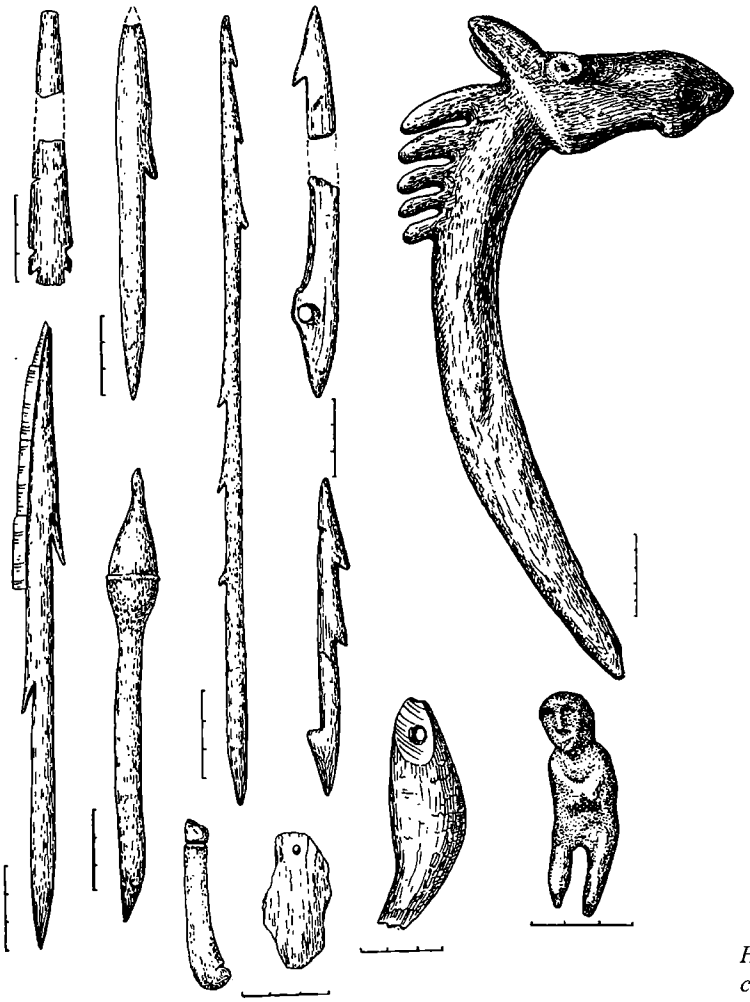
На позднем этапе мезолита каменный инвентарь становится намного беднее: реже встречаются ножи, мотыгообразные орудия, кремневые наконечники стрел, составные вкладышевые орудия, ножевидные пластинки и их сечения. Напротив, возрастает число абразивов — пил, шлифовальных плит. Попадаются крупные кирки. Широко применяются пиление и шлифование. Тесла иногда шлифуются по всей поверхности, что не вызывалось их функциональным назначением, а связано с желанием придать им более завершенную форму. Распространение небольших поселений — становищ, видимо, связано с переходом к более подвижному образу жизни.

За пределами бассейна Онежского озера мезолитических памятников пока известно немного, и изучены они недостаточно: в Приладожье их всего 5; в северо–западной и западной части Карелии — более 30. Обычно они занимают небольшие каменистые участки площадью до 500 кв. м, имеют маломощный и слабоокрашенный культурный слой, невыразительный каменный инвентарь, в котором доминируют мелкие изделия из кварца. Их своеобразие объясняется особенностями сырьевой базы, генезисом и контактами с мезолитическими культурами северо–западных территорий.

Среди мезолитических памятников особо выделим Оленеостровский могильник, представляющий исключительный интерес для изучения раннего этапа истории Карелии, как и всего Европейского Севера. Он расположен на Южном Оленьем острове, недалеко от Кижей. На вершине этого небольшого островка в 1930–е гг. при разработке известняка не раз обнаруживались остатки непонятных захоронений с вещами. В ходе раскопок, проведенных под руководством В.И. Равдоникаса, выяснилось, что это древний могильник[9]. На уцелевшей площади в 2350 кв. м было вскрыто 177 погребений (предположительно одна треть памятника). Кладбище было по тем временам огромным. Могилы имели прямоугольную форму 2 х 0,7 м при глубине от 0,6 до 1,1 м. В трех случаях погребения перекрывала каменная кладка. Четыре человека захоронены необычно — почти в вертикальном положении, тоже с использованием каменной обкладки.

Обычно умершие положены на спину в вытянутом положении лицом вверх с соединенными на животе руками. В пяти случаях зафиксировано положение на боку и в трех — в скорченном состоянии. Большинство погребений — одиночные и только 18 — парные, а 3 — тройные. Отмечены случаи подзахоронений в старые могилы. Преобладало положение головой на восток с отклонением к северу, реже к югу. Умерших, перед тем как предать земле, присыпали охрой. По данным антропологов, захоронены в основном мужчины и женщины зрелого возраста, но также и старики, и подростки не младше 5—6 лет. Средний рост мужчин составлял 171,6 см, а максимальный достигал 181,9 см. У женщин эти показатели от 166,2 до 172,3 см.

Обычно захоронения сопровождались различными вещами. И только 36 могил,



Находки из Оленеостровского могильника

как правило на периферии, оказались без инвентаря. Умерших снабжали тем, что употреблялось в повседневной жизни. Это прежде всего наконечники стрел из камня и кости, ножи, гарпуны, скребки, резцы, кинжалы, части составных рыболовных крючков, иглы для вязания сетей, проколки, игольники, стержни. Встречались даже небольшие отщепы и осколки кремня. В 30 погребениях обнаружены 60 плоских сланцевых "ножей" в виде овалов длиной 12—23 см и шириной 5,5—7 см, толщиной до 1 см. Любопытно, что при раскопках поселений их встретилось всего 7 экземпляров. Назначение таких "ножей" остается неясным. Разве что они годились для снятия шкур. Всего в могильнике найдено 7132 предмета. Из них 4372 — подвески из резцов лося и 1155 — пластинки из резцов бобра. Часть из них служила ожерельями, другая нашивалась на головные уборы, одежду и обувь. Широко использовались для украшений и клыки медведя. По расположению украшений была сделана попытка реконструировать одежду захороненных. Для ее изготовления использовались звериные шкуры, костяные иглы и проколки. Объектами охоты, судя по остаткам костей, были лоси, медведи, олени, бобры, волки, а также птицы.

Привлекают внимание изготовленные из рога скульптурки голов лося, видимо, служившие навершиями жезлов. Все они без рогов. Имеются две фигурки извивающихся змей и три человеческие фигурки: мужская, женская, а также янусовидная (двуликая).

Отметим и обломок плитки песчаника с выгравированным елочным орнаментом, пересеченным вертикальными линиями. Похожий орнамент — на кинжале из кости и двух обломках костяных изделий. На паре других — мелкие углубления. Найдено несколько фрагментов шейного украшения с двусторонними насечками.

О расовой принадлежности оленеостровцев все еще нет единого мнения, что связано с неоднородностью черепов. М.М. Герасимов, автор реконструкций двух скульптурных портретов, отмечал присутствие монголоидного (восточного) компонента. По мнению антрополога В.П.Якимова, оленеостровцы вряд ли выходили "за пределы европеоидного расового ствола". Среди европеоидных черепов как будто представлены две разновидности.

Древний оленеостровец. Реконструкция М.М. Герасимова

3. НЕОЛИТ

Эпоха неолита для Ближнего Востока и Южной Европы связана с кардинальными изменениями в хозяйстве и образе жизни, вызванными переходом к производящему хозяйству — земледелию и скотоводству. Но на Севере по–прежнему сохранялось присваивающее хозяйство, основу которого составляли охота, рыболовство, собирательство. Единственным домашним животным оставалась собака.

Главной приметой неолита здесь, как и во всей лесной зоне, стало появление глиняной посуды — керамики. Эта быстро распространившаяся новация — первый искусственный материал — оказала серьезное воздействие на повседневную жизнь людей. Производство обожженной глиняной посуды облегчало приготовление и хранение пищи, способствовало развитию оседлости и разделению труда внутри первобытных общин. Глиняные горшки вошли в повседневный быт, а их орнамент стал одной из разновидностей прикладного искусства.

На территории Карелии глиняная посуда появляется, видимо, уже в V тысячелетии до н.э. Выглядит она весьма совершенной по всем основным технологическим и типологическим признакам. Керамика становится главным критерием для выделения археологических культур. В ней с особой наглядностью отразились изменения, происходившие в составе населения, связи с другими регионами[10].

На более высокий уровень поднялась и техника обработки каменных орудий, расширился их ассортимент. Обычным стало шлифование, пиление и сверление камня, умело использовалась техника ретуши.

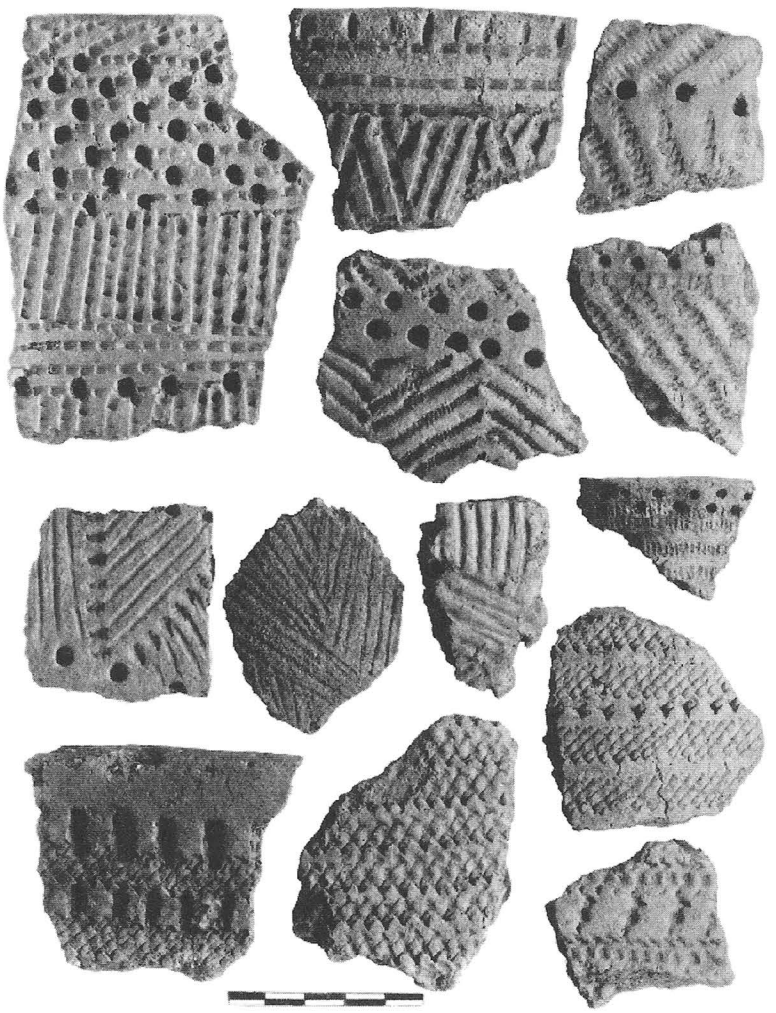
Природные условия в неолите заметно улучшаются, наступает время "атлантического климатического оптимума". Еще на рубеже бореала и атлантического периода среднегодовая температура поднялась на 1—2 градуса выше современной. Количество осадков приблизилось к современному уровню. Природные зоны сместились к северу. Смешанные и хвойные леса стали простираться вплоть до Белого моря. Побережье Онежского озера входило в южно-таежную зону. В середине атлантического периода наблюдается повышение среднегодовой температуры и понижение влажности, а во второй его половине становится еще суше и теплее. Правда, климат не отличался устойчивостью; случались более прохладные и влажные промежутки. Происходили колебания уровня воды в водоемах, особенно крупных — трансгрессии и регрессии. В засушливые периоды уровень грунтовых вод и водоемов понижался; высыхали болота, мелели реки; на более низкие отметки смещались береговые линии. При увлажнении они возвращались на прежние высоты. Неоднократные чередования регрессий и трансгрессий хорошо прослеживаются по берегам Белого моря и Онежского озера. Так, в атлантической береговой террасе Онежского озера выделяется 3—4 промежуточных уступа, или ступени. Максимальная трансгрессия в Онежском озере с подъемом воды на 3—3,5 м имела место в раннеатлантическое время. Продолжается сильное заболачивание, особенно в связи с зарастанием палеоводоемов[11].

Теплый и в основном влажный климат, мозаичность рельефа, состав почвенного покрова и подстилающих пород обусловили разнообразие лесов, в которых доминировала ель. Ее дополняла сосна, а в примеси — береза и широколиственные породы: дуб, вяз, липа, клен, лещина. Возможно, именно с потеплением связано исчезновение полуземляночных жилищ, характерных для мезолита. Их сменили наземные жилые сооружения, обнаружить следы которых гораздо труднее. Только на стоянке Илекса V на Водлозере удалось выявить такое наземное жилище диаметром 3 м с очагом на полу и выходом в сторону берега.

Культура сперрингс

К числу самых ранних неолитических культур Карелии относится культура сперрингс, названная по поселению в Финляндии и существовавшая приблизительно с середины V до конца IV тысячелетия до н.э. Основная часть памятников данной культуры (более 150) найдена на территории средней и южной Карелии, свыше 50 — в Финляндии и единичные — в Ленинградской, Вологодской, Архангельской и Мурманской областях[12]. Среди наиболее изученных в Карелии можно выделить поселения Сулгу II, Пушсовхоз II, Кочнаволок I, Пегрема IX, Коргуба I, Илекса V, Сандермоха IV, Войнаволок XXVII, Шелтозеро VIII и др. Как правило, площадь их не более 2000 кв. м. Культурный слой мощностью от 10 до 50 см имеет ярко-красный (разных оттенков) цвет из-за примеси охры. В нем встречались очаги, кострища, кладки из камней, хозяйственные ямы, бытовой инвентарь.

Самой массовой находкой отныне становится керамика — черепки разбитых сосудов. Свыше 1200 удалось выделить целиком или дать их графическую реконструкцию. Для культуры сперрингс характерны большие, толстостенные (0,8—1,2 см) горшки диаметром от 30 до 50 см в верхней, расширенной части. Края их обычно не профилированы, венчики с прямыми плоскими торцами. Днища имели округлую или слегка заостренную форму, чаще напоминающую яйцевидную или же более призе-

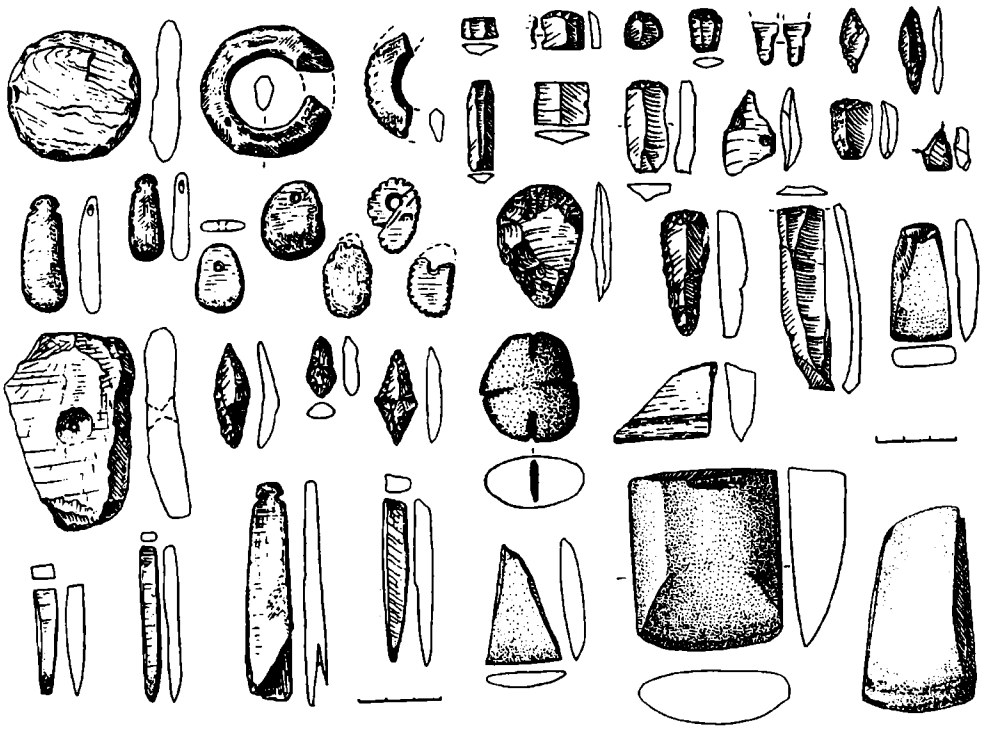


Фрагменты керамики сперрингс

мистую "митровидную". Реже встречались сосуды диаметром 15—30 см, обычно более тонкостенные (0,5—0,8 см), изредка со слегка отогнутой наружу или внутрь верхней частью и, наконец, совсем редко — миниатюрные сосудики чашевидной или полуяйцевидной формы диаметром 5—12 см и толщиной стенок 0,3—0,6 см.

Сосуды лепили вручную из лент шириной 4—6 см, соединенных способом наложения; стыки их тщательно заглаживали. В качестве примеси–отощителя к глине при формовке добавляли песок, дресву, птичий помет, слюду, а иногда использовали и органические добавки, выгоравшие при обжиге. Качество посуды, ее цвет, прочность во многом зависели и от силы, и от тщательности обжига. Изредка с наружной стороны горшки окрашивались охрой. Их берегли, а треснувшие — чинили: под венчиками встречаются следы сквозных отверстий для скрепления трещин.

Почти все сосуды орнаментировались обычно по всей поверхности, включая днище. Лишь по краю венчика оставалась свободная полоска шириной до 2,5 см. Техника орнаментации, элементы и мотивы узоров отличаются большим разнообразием.



Каменный инвентарь культуры сперрингс

Основные приемы нанесения орнамента: прочерченные линии, отступающая лопаточка (когда специальной палочкой проводили линию с периодическими нажимами); оттиски "веревочки" и оттиски рыбьих позвонков (окуня, плотвы, сига и щуки). Иногда они сочетались. Чаще всего использовались прочерченные линии. Дополнительными элементами служили круглые или прямоугольные ямки, ямчатые вдавления, круглые и овальные вдавления с насечками на дне. Общий принцип орнаментации — выделение нескольких горизонтальных зон (или поясов).

В производстве орудий улавливается определенное влияние местной мезолитической традиции. Сырьем служили в основном те же породы — сланец, кварц, песчаник, кварцит, шифер. Изделия из кремня чаще встречаются на южном и юго–восточном побережье Онежского озера, по берегам Водлозера, в низовье р. Выг, где нередко даже преобладают.

Меньше стало ножевидных пластин, распространились наконечники стрел и копий с двухсторонней ретушью. До половины общего числа орудий составляют скребки. Широко использовались ножи. Распространены рубящие и долбящие сланцевые орудия (топоры, тесала, долота), абразивы, кирки и киркообразные изделия, грузила для сетей (в виде просверленных галек), грузики для удочек, части составных рыболовных крючков. Появляются украшения в виде сланцевых колец и сланцевых же подвесок каплевидной формы с просверленным отверстием.

Заметное сокращение числа долговременных поселений, исчезновение полуземляночных жилищ, видимо, отражает подвижный образ жизни населения — охотников и рыболовов.

О погребениях и погребальном обряде можно судить по могильнику Сандермоха, расположенному на северном побережье Онежского озера. Большинство из 107 раскопанных погребений относятся к культуре сперрингс. На места захоронений указывают красные охристые линзы овальной или подпрямоугольной формы, выделяющиеся на фоне желтого песка. Длина могил 1,5 м и более при ширине около 0,7 м; глубина от 0,45 до 0,85 м. Большинство ориентировано по линии запад—восток (с отклонениями) и лишь 9 — по линии север—юг. На некоторых могилах — выкладки из валунов.

В могилах найдены косточки животных и рыб, фрагменты керамики, рубящие орудия и их обломки, кирки, абразивы, скребущие и режущие орудия, осколки и отщепы камня, изредка наконечники стрел, украшения — то есть те же находки, что и на одновременных поселениях.

Сходство со сперрингс имеет керамика Сяряисниеми I. Она встречается в северной Норвегии и Финляндии, на Кольском полуострове и датируется V тысячелетием до н.э. Всего известно более 60 поселений с такой посудой. Больше всего их в северной и западной Карелии (Логмозеро I, Кудомгуба VII) и в бассейне Белого моря (Березово X, Ерпин Пудас II), на северном берегу Онежского озера (Сандермоха II, Оровнаволок V). Сосуды крупные, остродонные, толщина стенок от 0,8 до 1,5 см. Тесто грубое, с обильной примесью дресвы (иногда органики), не всегда хорошо промешанное. Каменный инвентарь тоже в целом близок инвентарю культуры сперрингс.

Происхождение культуры сперрингс остается не вполне ясным[13]. Ее причисляют к кругу культур с гребенчато–накольчатой керамикой, широко распространенных в лесной зоне Восточной Европы, и отмечают некоторое сходство ее керамики с посудой днепро–донецкой, верхневолжской и волго–камской неолитических культур. Но исходная для нее область (или культура) еще не выявлена.

Культура ямочно–гребенчатой керамики

Какое–то время данная культура сосуществовала с культурой сперрингс, а затем вытеснила и сменила ее. Представлена более чем двумя сотнями поселений и является частью обширной культурно–исторической общности с ямочно–гребенчатой керамикой, охватывающей всю лесную зону европейской части России — от Кольского полуострова до северной Украины и от восточной Прибалтики до Прикамья. Отличительная особенность данной культуры — орнаментация сосудов, сплошь покрытых зонально–горизонтальными поясами из ямок и оттисков гребенчатых штампов. В Карелии в орнаменте наблюдается доминирование ямок над оттисками гребенчатых штампов. Как дополнительные элементы встречаются оттиски торца палочки, веревочки, полулунные вдавления, прочерченные и нарезные линии и т.д. На территории Финляндии и Прибалтики предпочтение отдавали разнообразным оттискам гребенчатого штампа.

В юго–восточной части Карелии ранняя ямочная керамика весьма совершенна: тонкостенная, хорошего обжига, с небольшой примесью песка или дресвы. Сосуды стандартной полуяйцевидной формы укороченных пропорций, самых разных размеров — от 2 до 50 см в диаметре. Примерно для 60% их характерно чередование ямок и оттисков торца палочки в верхней части сосудов и сплошное заполнение ямками остальной части — вплоть до самого днища. Появляются простейшие геометрические мотивы и композиции. Сходство с подобной керамикой поселений в бассейне озер Воже, Лача и Белое позволяет предположить, что такая керамика возникла в райо-

нах, лежащих к югу и юго–востоку от Онежского озера, откуда и началось ее распространение. Не исключено и влияние льяловской культуры Волго–Окского междуречья.

Больше всего поселений с ямочно–гребенчатой керамикой известно в бассейне Водлозера, на северо–восточном, восточном и западном побережье Онежского озера, в низовье р. Выг, на озере Сямозеро. Их очень мало по побережью Ладожского озера и в северо–западной Карелии.

Поселения располагались на песчаных участках озерных или речных надпойменных террас в бухтах, заливах, проливах, на мысах, в устьях и истоках рек. Они хорошо фиксируют древние береговые линии, которые со временем смещались. Так, на южном побережье Онежского озера поселения с ямочной керамикой подтоплены и размыты или вообще оказались под водой. Напротив, на северном и северо–восточном берегах они располагаются на нисходящих террасах на высоте от 6 до 13 м и на расстоянии от десятков и сотен метров до нескольких километров от современного уреза воды.

Выделяются долговременные поселения площадью 1500—3000 кв. м с культурным слоем мощностью 0,5—0,7 м, а местами — до 1 м, богатым разнообразными находками, прежде всего керамикой (в среднем фрагменты 150—160 сосудов). Они могли существовать несколько десятков лет. Преобладают же кратковременные, сезонные стоянки площадью 200—400 кв. м.

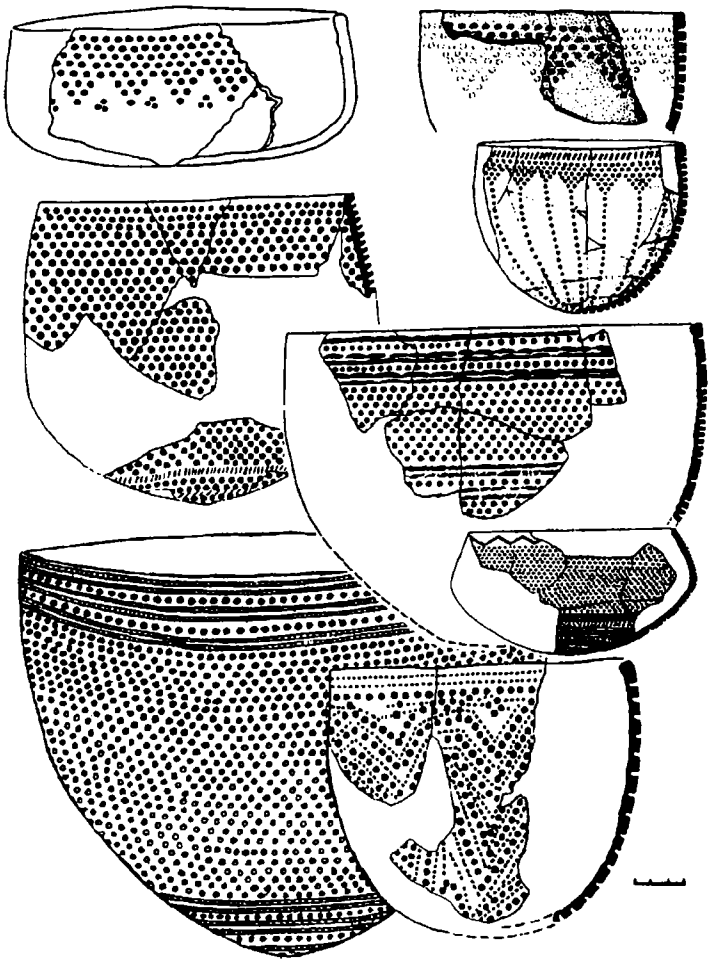
Характерным памятником с ямочной керамикой является поселение Черная Речка I, относящееся к типу сезонных, но просуществовавшее, возможно, несколько веков. Площадь его — 1500 кв. м (раскопано 504 кв. м). Культурный слой достигал 1 м и содержал свыше 6000 фрагментов керамики от 800 сосудов, почти 700 каменных изделий, более 2000 отходов их производства, около 400 косточек. Вскрыто 70 хозяйственных ям, 5 каменных очагов, 10 кострищ, тяготеющих к центральной части поселения с более мощным и ярким культурным слоем и обилием находок. Диаметр очажных кладок не превышал 0,8 м. В открытых кострищах зольно–углистая прослойка достигала 0,3—0,4 м. Ямы хозяйственного назначения имеют диаметр от 0,5 до 2,5 м и глубину от 0,2 до 1,5 м. Следов жилищ не обнаружено. Видимо, это было базовое промысловое поселение.

На долговременном поселении Вигайнаволок I под Петрозаводском под слоем позднее намытого песка вскрыто 10 жилых построек площадью от 12 до 70 кв. м. Все они прямоугольные, вероятно, столбовой конструкции, почти наземные. Пол углублялся лишь на 0,10—0,15 м. Выходы в виде узких коридоров направлены в сторону озера. Внутри жилищ, в центре или со смещением к одной из стенок, обязательно размещалось кострище (очагов не найдено). Два жилища оказались двухкамерными, соединенными коридорами, причем меньшая по размерам, вероятно, служила сенями, а другая — жилым помещением.

На поселении Пегрема V в Заонежье вскрыто два почти четырехугольной формы жилища, расположенных вдоль бровки древнего берега и соединявшихся друг с другом коридором. Площадь каждого из них около 25 кв. м. Основания углублены в материк на 0,2—0,4 м. На полу обнаружены каменные очаги и кладка неясного назначения. Одно из жилищ служило, вероятно, мастерской для обработки сланцевых орудий.

Известные пока неолитические жилища относятся к развитому или позднему его этапу. Ранее, в период "климатического оптимума", возможно, строили более легкие наземные сооружения типа чумов, следов которых не сохранилось.

В керамике (а всего выделено около 2500 сосудов) преобладают полуяйцевидные



Сосуды с ямочно–гребенчатым орнаментом

горшки с прямыми или слегка выпуклыми стенками и округлым или округло–коническим дном; реже представлены шаровидные с более выпуклыми стенками в средней части и округлым дном и, наконец, еще одна устойчивая форма — полусферические миски или чашки с округло–уплощенным дном.

По размерам их тоже можно подразделить на три группы: миниатюрные и малые — диаметром от 2 до 17 см, средние — диаметром от 18 до 30 см и крупные — диаметром от 31 до 45 см. И на внешней, и на внутренней поверхности сосудов средних размеров заметен нагар. Значит, в них готовили еду. На миниатюрных и малых сосудах следов нагара нет; часть из них служила столовой посудой, часть — игрушками. Большие и часть средних сосудов использовали для хранения запасов пищи.

Сосуды обычно тонкостенные — 0,6—0,7 см, лепились из хорошо промешанной и размятой глины с добавлением песка или дресвы, иногда использовалась и какая–то органическая примесь. Техника изготовления — способ кольцевого налепа глиняных лент, соединенных торцами. И внешняя, и внутренняя поверхность затем тщательно заглаживались. Потом наносился орнамент и, наконец, производился обжиг. Цвет сосудов становился желтым, оранжевым или коричневым.

Среди основных элементов орнамента, в целом несложного и однотипного, доминировали круглые глубокие ямки, оставившие выпуклости–негативы на внутренней стороне стенок. Они наносились специальными стерженьками — деревянными, костяными, сланцевыми или даже глиняными. Использовались и такие приемы, как вдавления торцом тонкой палочки–щепки, оттиски гребенчатых штампов, горизонтальные нарезные линии разной глубины и др. На раннем этапе наблюдается преобладание композиций из ямок в сочетании с торцевыми отпечатками. Позднее число и разнообразие элементов орнамента возрастает, все шире распространяются оттиски гребенки.

Любопытно и одновременное использование инородных сосудов. На 20 поселениях — на Водлозере, в низовье р. Выг и в устье р. Водлы — выявлена примесь чужеродной каргопольской керамики (от 13 до 55%) — тонкостенной, сделанной из глины высокого качества, хорошо обожженной. Размеры сосудов небольшие или средние. Орнамент состоит из четких узких насечек. Чуть ниже венчика — горизонтальный поясок из довольно редких круглых сквозных отверстий.

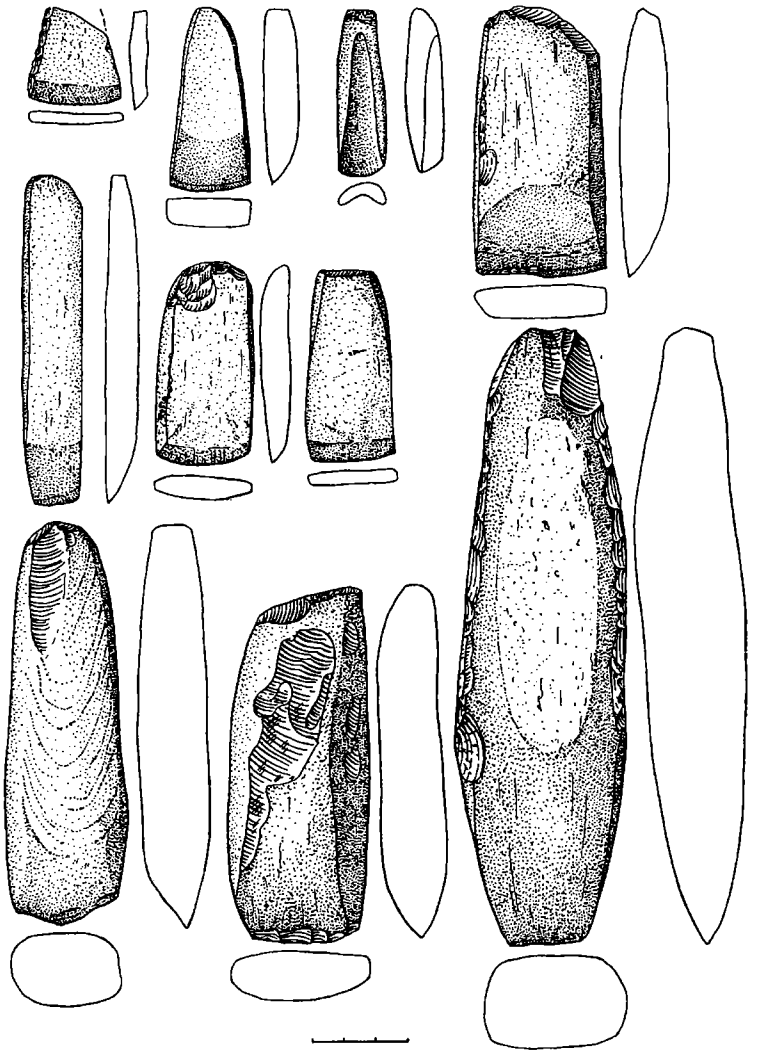
Характер и состав каменного инвентаря предопределяла местная сырьевая база. В юго–восточной Карелии чаще использовался кремень, меньше сланец, редко кварц, лидит, песчаник, гранит и кварцит. Уже упоминалось, что кремень содержали известняки и доломиты, выходы которых имеются у южного побережья Онежского озера в районе Вытегры. Петрографические анализы показали, что кремень из Девятинского и Кюршевского месторождений (от белого и серого до коричневого оттенков) использовался на поселениях восточного побережья Онежского озера прежде всего для изготовления скребущих и режущих орудий. В центральном и северо–западном районах Карелии кремень заменял местный кварц и кварцито–песчаник. Почти повсеместно использовались сланцы, легко поддающиеся обработке путем скалывания, шлифовки, пиления.

Самую многочисленную категорию (в среднем до 30—40%) составляют орудия, связанные с охотой: скребки, ножи, проколки, другие инструменты для разделки добычи и обработки шкур. Но наконечников стрел мало. Они сделаны из кремневых пластин или пластинчатых отщепов с двусторонней обработкой и имеют листовидную форму. Встречаются экземпляры с выделенным черешком. Наконечников дротиков и копий еще меньше. Преобладают же скребки стандартных форм, различающиеся по размерам, форме, способу обработки рабочего края. Орудия рыбной ловли представлены грузилами для сетей и грузиками для лесок.

Для работы по дереву использовались топоры, тесла, включая желобчатые, стамески, скобели, резцы, резчики, пилы, сверла, развертки и строгальные ножи из сланца, реже из кремня. Рубящие орудия обычно имеют стандартную форму — либо они прямые, прямоугольные, либо расширенные к лезвию, изредка — узколезвийные. Обычно вся поверхность хорошо отшлифована, на боковых гранях нередко видны следы пиления.

Для обработки камня применялись отбойники, сверла, ретушеры, пилы, шлифовальные плиты, плитки и бруски; кости и рога — кремневые скобели из отщепов, сверла, пилки. Костяные предметы единичны: обломки проколки (или шила), косточки со следами обработки.

Упомянем еще лощила и песты, штампы для орнаментации керамики, а также заготовки, мелкие обломки, нуклеусы и отходы производства. Доля рубящих орудий, шлифовальных плит, брусков и пил намного ниже, чем на поселениях с керамикой сперрингс. Исчезли кирки и киркообразные орудия из сланца.



Орудия культуры ямочно–гребенчатой керамики

В Карелии культура ямочно–гребенчатой керамики появляется с конца V тысячелетия до н.э., когда широколиственные леса простирались вплоть до побережья Белого моря. Во второй половине IV и на рубеже III тысячелетия до н.э., когда климат становится более прохладным и влажным, она распространяется по всей территории Карелии. На позднем этапе, в первой половине III тысячелетия до н.э. исчезают тонкостенные сосуды полуяйцевидной формы, заметно увеличивается число толстостенных с обильной примесью крупной дресвы, иногда органики. В орнаменте начинают использоваться вытянутые или ромбические ямки, оттиски длинных и глубоких гребенчатых штампов, образующих сложные геометрические фигуры. Изредка встречаются изображения водоплавающих птиц.

Этническая принадлежность данной культуры— предмет дискуссий. Высказывалось предположение, что ее население относится к протофинноуграм. Но оно все еще недостаточно аргументировано.

В последние годы сделана попытка в качестве самостоятельной выделить на территории Карелии еще одну культуру — культуру гребенчато–ямочной керамики.

В позднем неолите в лесной полосе между Уралом и Прибалтикой, видимо, в результате взаимодействия населения с гребенчато–накольчатой и ямочно–гребенчатой керамикой появляются археологические культуры с гребенчато–ямочной посудой. Она встречается на территории Финляндии, Эстонии, Латвии, Ленинградской и Вологодской областей.

В Карелии данная культура изучена пока в основном по материалам поселений на северном и западном побережье Онежского озера. Самое крупное из них — Черная Губа IX. Площадь его около 15 тыс. кв. м. Культурный слой тянется вдоль кромки древнего берега широкой и пологой древней террасы в 500 м от современного берега на высоте 8—10 м над уровнем Онежского озера. Из 26 жилищных впадин неправильно–овальных очертаний, размещенных в междувальях и ориентированных вдоль террасы, раскопано четыре. Некоторые впадины расположены попарно. Навряд ли все жилища функционировали одновременно. Неподалеку еще одно постоянное поселение — Черная Губа IV, занимавшее узкую полоску вдоль крутого склона оза и тоже со следами жилищ, располагавшихся цепочкой вдоль древнего берега. Наряду с постоянными существовали и временные летние поселения. Примером может служить Лакшезеро II на Сямозере, протянувшееся полосой длиною в 200 м при ширине до 10 м у подножия оза, параллельно древнему берегу на высоте 3—4 м над современным уровнем озера.

Из жилищ (всего их вскрыто 10) самые ранние, видимо, на поселении Черная Губа III. Они удлиненные, прямоугольной формы, размером 6—7 м на 4—5 м, углубленные на 0,4—0,6 м. Имеют два выхода и два очага рядом с ними.

На более поздних поселениях Черная Губа IV и IX жилища немного иной конструкции. Очертания их приближаются к квадратным; площадь 6—7 м на 7—8 м. Они имели один выход, чаще на восток. Очаги располагались или у выхода, или в центре. Находки тоже концентрировались в центре жилища. Спальное место (нары) располагалось у стенки, противоположной выходу.

Судя по темным углистым полосам, в основании стен лежали горизонтально положенные бревна. Следы столбов вдоль стен отсутствуют. Конструкция кровли и система крепления бревен не совсем ясны. Не исключено, что здесь, как и в лесном Зауралье, при переходе к энеолиту появляются срубные постройки. Очаги, кострища, хозяйственные ямы встречались и за пределами жилищ. Углубленные в землю очаги, возможно, использовались для обжига керамики.

Выделено (в натуре или графически) более 300 сосудов. Из них 85 — с поселения Черная Губа IX. В основном это крупные (40—50 см в диаметре), толстостенные (0,8—1,3 см) горшки, изготовленные из весьма грубого, плохо промешанного глиняного теста с обильной примесью крупной дресвы, а иногда и органики. Изнутри, реже снаружи стенки покрыты расчесами гребенчатого штампа — следы заглаживания стыков лент шириною 4—6 см, соединявшихся при лепке торцами. И только около четверти — сосуды средних (15—25 см в диаметре) или малых (8—10 см в диаметре) размеров. Они более тонкостенные — 0,5—0,8 см. Тесто их качественнее, примесь органики встречается чаще.

Форма большинства сосудов полуяйцевидная, попадаются высокие яйцевидные, более округлые, и "митровидные" низкие. Все они круглодонные, лишь изредка слегка профилированные в верхней части. Венчики большинства утолщены и слегка скошены внутрь, а их срез (край) обычно орнаментирован. Половина сосудов украшена

простыми горизонтально–зональными узорами из оттисков гребенчатого штампа и ямок. Остальные имеют геометрические узоры, обычно включающие один мотив, реже два—три: в виде ромба, косых полос и треугольников из оттисков гребенки; косых решеток; горизонтальных и вертикальных зигзагов. Геометрические узоры обычно располагаются в верхней и средней части тулова.

В целом орнамент расчленен на хорошо выраженные горизонтальные зоны из поясов оттисков гребенчатых штампов или иных поверхностных вдавлений. Такие зоны отделены друг от друга рядами ямок. По верхнему краю сосуда — бордюрная зона шириной 2—5 см, которая непременно отделяется одним—двумя рядами ямок. Дно, как правило, не орнаментировалось.

На поселении Черная Губа IX в двух жилищах у очагов найдены обломки двух оригинальных крупных сосудов. На одном по краю венчика вылеплены четыре схематических человеческих лица, обращенные внутрь сосуда. Глаза и нос оформлены защипами, орнамент выполнен гребенчатым штампом и, возможно, обозначал волосы и бороду. Второй крупный горшок украшен схематичными изображениями лебедей из оттисков гребенчатого штампа. Расположены они попарно, друг над другом, и вытянуты в линию (видны три пары) по верхней части сосуда, под венчиком. Подобные фигурки (головки людей и животных) на сосудах в эпоху неолита и раннего металла не редкость в лесной зоне северной Евразии.

При изготовлении орудий по–прежнему используются прежде всего местные виды сырья: кварц, сланец, лидит. Привозного кремня мало. Сохраняются традиционные приемы обработки сланца (обивка, пиление, шлифование, сверление) и кремня (отщепы с рабочим краем, оформленным техникой скола и ретуши). Кварцевых орудий относительно немного, гораздо больше осколков и отщепов кварца. Они могли применяться и без специальной обработки, так как имели острые режущие края.

Доминируют скребки среднего размера прямоугольных и трапециевидных очертаний в плане, с прямым или слегка выпуклым лезвием, часто с четко выступающими углами. Ножи изготовлены из плоских отщепов кремня и имели овальную и подтреугольную форму с мелкой ретушью по краям. Кремневых наконечников мало, форма их чаще овальная или же листовидная и лавролистная, реже удлиненная иволистная, ромбовидная и ромбическая. Немного и резцов, они из крупных кварцевых отщепов, оформленных одним или несколькими сколами. Сверлами (из кремня, лидита и сланца) служили крупные отщепы подпрямоугольной формы или овальные гальки, обработанные сколами, а затем ретушью.

Среди рубящих орудий преобладают топоры и тесла с прямым или слегка закругленным (изредка округлым) лезвием, вытянутые в плане, прямоугольных или трапециевидных очертаний, и прямоугольные в поперечном сечении. Для долотовидных орудий в качестве заготовок употреблялись отщепы кварца подпрямоугольных в плане очертаний. Лезвия оформлены сколами с одной или обеих сторон. Встречались киркообразные орудия и клинья. Почти все обломки шлифованных орудий и кремневых изделий использовались вторично.

Много абразивов — пилы, шлифовальные плиты и точильные бруски в виде прямоугольных плиток сланца и песчаника. На шлифовальных плитах иногда растирали краску (охру). Лощилами, судя по залощенности поверхности, служили естественные сланцевые гальки.

Среди украшений — подвески из яшмы, сланца, шифера (каплевидных очертаний с хорошей шлифовкой по всей поверхности, с двусторонне просверленными отвер-

стиями); янтарные подвески (уплощенные, квадратной формы); сланцевые кольца (небольшие, плоские или овальные в поперечном сечении).

Главный отличительный признак культуры — геометрический орнамент в виде ромбов, треугольников, горизонтальных и вертикальных зигзагов, косых линий.

Гребенчато-ямочная керамика в Карелии, видимо, сформировалась в позднем неолите и использовалась в основном в первой половине III тысячелетия до н.э. Со временем в ней возрастает число сосудов с ромбическими ямками, и во второй половине III тысячелетия до н.э. при переходе к энеолиту ромбоямочный орнамент начинает доминировать.

Первобытное наскальное искусство. Обряды и верования

Представления о духовной жизни древних людей дают знаменитые наскальные изображения (петроглифы) Карелии. Известно два скопления петроглифов: на восточном берегу Онежского озера и в юго-западном Прибеломорье. Оба привязаны к узкому поясу прибрежных выходов коренных кристаллических пород — гнейсов, гранитов и др. Гладкие, граничащие с водой пологие или почти горизонтальные участки береговых склонов и служили наскальными полотнами. Вместе с тем оба скопления имеют и существенные различия.

Онежские петроглифы включают 23 группы (более 1100 фигур), протянувшиеся вдоль побережья почти на 20 км, и размещаются в основном на оконечностях прибрежных мысов и мысков, изредка — на соседних островах на высоте от 0 до 2,5 м над водой. Более половины изображений сосредоточены на двух центральных, сильнее других выступающих в озеро мысах — Бесов Нос и Пери Нос.

Беломорские петроглифы насчитывают 32 группы (свыше 2000 фигур). Они тянутся по островам в русле р. Выг на протяжении 1,5—2 км и тоже не поднимаются выше 2,5—3 м над уровнем воды. В каждой такой группе до нескольких десятков фигур, а в трех случаях — свыше 100. Самые крупные и известные скопления: Бесовы Следки, Старая Залавруга, Новая Залавруга, Ерпин Пудас.

Все петроглифы Карелии выбиты, то есть углублены в скальную поверхность точечными ударами камня, скорее всего, кварца. Глубина выбивки разная, от очень мелкой, поверхностной до относительно глубокой и грубой. Но обычно она составляет 2—3 мм. В Беломорье большинство фигур высечено сплошь, по всей площади силуэта. На Онежском озере часто выбит лишь контур. Бывает, что часть фигуры контурная, а другая — силуэтная. Выбивка, особенно по всему силуэту, создает эффект полихромии благодаря контрасту естественной поверхности скалы и более светлого силуэта. Сильно разнится четкость линии контура — то очень ровной, то "рваной". Доминируют выбивки в профиль, использовались также проекции в фас и в плане. Лучше всего изображения рассматривать в косых лучах заходящего или восходящего солнца, усиливающих их рельефность.

Размеры фигур варьируют от крошечных, длиной в несколько сантиметров, до "гигантских" от 2,5 до 4,1 м. Правда, таких единицы, преобладают размеры от 15 до 60 см. Манера изображений в целом натуралистическая с заметной схематизацией и условностью в передаче образов. Некоторые наделены сверхъестественными чертами и деталями. Встречаются и необычные загадочные образы.

Сами наскальные полотна различаются топографией, ориентировкой, размерами и конфигурацией, характером поверхности, числом и сохранностью фигур, плотнос-

тью заполнения, удаленностью друг от друга. Так, Бесовы Следки в Беломорье представляют собой сплошной ковер изображений на площади около 40 кв. м. На Залавруге же они размещаются более свободно.

Расположение фигур и сцен порою похоже на хаотичное. Композиции иногда выражены явно (более 100), иногда их можно только предполагать. Не всегда ясно, как взаимосвязаны друг с другом изолированные изображения, выбитые рядом. Случаи наслаивания (перекрывания) фигур редки.

Благодаря натуралистической манере значительная часть рисунков узнаваема и поддается идентификации. Без особого труда опознаются водоплавающие птицы, лесные и морские звери, лодки, люди и человекоподобные существа. Обилие антропоморфных образов — очень важная и показательная особенность петроглифов Карелии, прежде всего беломорских. Именно они становятся главными действующими лицами наскальных полотен. Нередко показаны орудия труда и средства передвижения: лодки, лыжи, лук и стрелы, гарпуны. Выделяются оригинальные и загадочные фигуры. Среди онежских петроглифов это прежде всего около 100 "солярных" и "лунарных" знаков (по другой версии — "капканов"). Единичны изображения выдры, нерпы, рыб, деревьев, жезлов, змей, собак, частей человеческого тела и др.

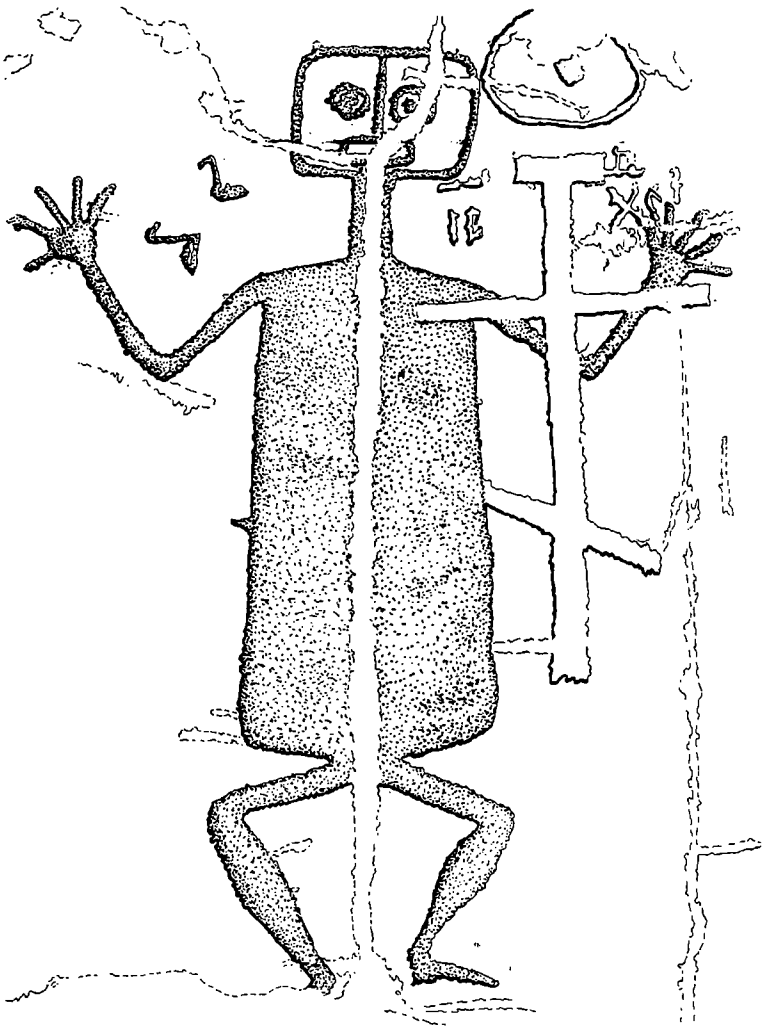
Естественные пропорции в фигурах нередко искажены. Таковы лебеди с непропорционально длинными шеями, звери с необычно крупными мордами и лебеди с "дугами" внутри туловища. На беломорских петроглифах подобных загадочных фигур гораздо меньше, а "солярные" и "лунарные" знаки отсутствуют вовсе. Но и здесь встречаются многочисленные отступления от натуры, необычные детали и образы.

Петроглифы Карелии создавались длительное время и представлены разновременными группами, что позволяет воссоздать сам ход изобразительной эволюции, выделить основные ее этапы, охарактеризовать особенности каждого из них.

Отметим и тесное их соседство с древними поселениями. Рядом с онежскими их известно около 30, а с беломорскими — свыше 50. Доказать взаимосвязь петроглифов и расположенных даже совсем рядом древних поселений не так просто. Как правило, люди останавливались на этих участках многократно, и всякий раз приходится решать, какие комплексы находок могут быть связаны с петроглифами, а какие нет. Важно, что основная часть наскальных полотен Новой Залавруги перекрывалась культурным слоем древнего поселения Залавруга I, которое позволяет уточнить их верхнюю хронологическую границу.

Можно считать доказанным, что наскальные изображения в Карелии создавались на протяжении длительного времени — нескольких сотен, а возможно, более тысячи лет. Расцвет монументальной изобразительной деятельности в крае приходится, скорее всего, на конец IV — III тыячелетия до н.э. Творцами и почитателями наскальных обрядов было, видимо, население, использовавшее ямочно-гребенчатую керамику.

Петроглифы Карелии представляют исключительную ценность для изучения многих сторон жизни первобытного общества. Их справедливо называют "мастерскими сознания", "листами каменной книги", протописьменностью. Они и есть хранилища подлинных записей древних мыслей, правда выраженных в образно-знаковой, символической форме. Они дошли до нас как бы в закодированном виде, а сам код утрачен. Не зная всей системы древних представлений, символики и обрядовой практики того времени, трудно добраться до их изначального смысла. Тем не менее, опираясь на сам изобразительный материал, используя сравнительно-сопоставительный анализ, данные других наук, некоторую информацию о культуре, мировосприятии людей, их верованиях можно получить.



Изображение «беса». Бесов Нос, Онежское озеро

Понять семантику рисунков, вложенный в них смысл, проникнуть в духовный мир древних людей пытались все исследователи этих памятников. Натурализм многих фигур и сцен давал основание рассматривать выбивки как своего рода "картинки с натуры", правдиво отразившие хозяйство и быт, запечатлевшие образы предков, "духов–хозяев" местности и стихий природы, выполненные с целью совершения магических действий над ними (А.М. Линевский, А.Я. Брюсов и др.). Однако теперь такой подход воспринимается как упрощенный. Большинство исследователей считают, что рисунки на скалах — мифологические образы, запечатлевшие представления об окружающем мире, его движущих силах и связях.

Скорее всего, наскальные рисунки Карелии связаны с культом, системой верований и обрядов и служили своеобразными центрами древних святилищ, которые возникали на удаленных от постоянных поселений участках побережья, на самой границе воды и суши. С выступающих в озеро мысов, прибрежных островов с особой эмоциональной силой и впечатляющей наглядностью воспринималось окружающее

Петроглифы Онежского озера

пространство — как вширь (по горизонтали), так и ввысь (по вертикали). Тут как бы смыкались три основные сферы мироздания: мир подводный, наземный и небесный. Здесь же находились богатые промысловые угодья.

Данные участки, видимо, стали превращаться в святилища еще до появления петроглифов. На Онежском озере его оформление, скорее всего, началось с оконечности Бесова Носа, а в Беломорье — с острова Шойрукшин в русле Выга. В том и другом месте природа выступала в каких-то особо ярких и притягательных проявлениях, создающих соответствующий фон и настрой для проведения обрядов, усиливающих эмоциональные впечатления их участников.

С помощью изображений, ставших своеобразными иконостасами, удалось выделить ключевые участки святилищ, сделать зримыми и доступными для непосредственного контакта главные объекты поклонения. Первоначально сами образы могли наноситься углем, охрой, кровью или чем-то еще. Но вода, снег и лед быстро смывали и стирали их. Именно желание придать рисунку стойкость и долговечность привело в конце концов к появлению техники выбивки, делавшей наскальные образы нетленными, вечными. Открывалась возможность регулярного личного общения с ними.

По мере того как границы святилищ расширялись или смещались, появлялись все новые наскальные полотна. В итоге сформировались большие по площади и числу фигур культовые комплексы. Навряд ли все их части функционировали одновременно. Скорее всего, основные обряды и действия тяготели к центру таких комплексов, а он со временем тоже смещался: на Онежском озере — с Бесова Носа на Пери Нос, а затем и к устью р. Водлы; в Беломорье — с Бесовых Следков на Залавругу.

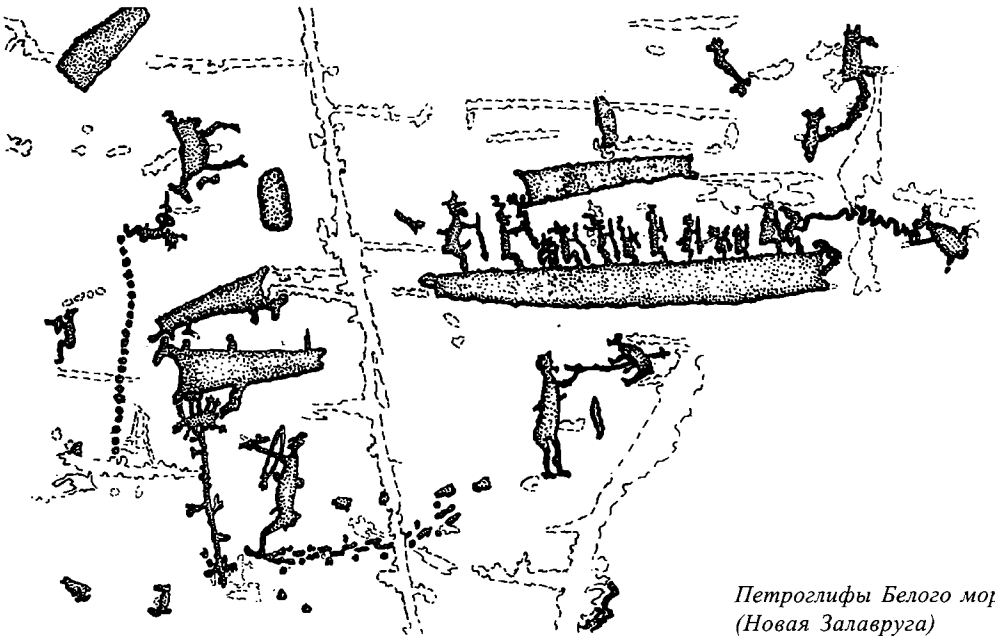
Оба святилища нельзя назвать укромными (потаенными) и труднодоступными. Они находятся как раз в зоне промысловых угодий и лежат на основных путях сообщения, проходивших вдоль берега — как по воде, так и по суше. И все же доступ к ним как-то регулировался: характером обрядов, их периодичностью, традициями и т.д. Сами обряды могли совершаться главным образом в весенне-летний сезон.

Петроглифы Белого моря (Бесовы Следки. Старая Залавруга)

Наскальные полотна свидетельствуют о стремлении людей понять, какие скрытые силы, связи и отношения стоят за природной действительностью, ее грозными стихийными проявлениями. Используя приемы подобия, одушевления и персонификации, олицетворяя природу, наделяя ее собственными родовыми характеристиками и индивидуально-психологическими чертами, опираясь на силу фантазии и воображения, люди создавали вымышленный, надприродный мир полуфантастических и фантастических образов, наделенных сверхъестественной силой и способностями.

Люди верили, что в основе явлений природы, особенно экстремальных, лежат какие-то таинственные силы. Чтобы заручиться их помощью и поддержкой, следовало войти с ними в непосредственный контакт. Наскальные изображения приоткрывали путь для такого прямого личного контакта и общения, позволявший в конечном итоге, хотя и в иллюзорной форме, достигать согласия человека со средой обитания. Окружающий мир воспринимался как единое целое, связанное множеством видимых и невидимых нитей. На петроглифах могли проводиться обряды, посвященные началу или окончанию промыслового сезона, поклонению предкам, инициации юношей и т.д. Роль обрядовой практики в жизни первобытного общества оставалась исключительно важной. Она способствовала упрочению социальных связей, закреплению необходимых установок и требований, обогащала духовную жизнь людей, их культуру.

Потребовалась напряженная мыслительная работа и опыт, чтобы бытовавшие в устной форме представления перевести на плоскость скалы в виде наглядной, образной информации, превратить в символы. Выбитые силуэты не просто фиксировали тот или иной образ или объект поклонения, но помогали осознать смысл и содержание связанной с ними действительности. Отсюда стремление к созданию развернутых композиций, своеобразных сцен-повествований, рассказов. Желание убедительнее передать смысл запечатленных на скалах образов и сюжетов заставляло совершенствовать изобразительный язык, усиливать его выразительность.



Петроглифы Белого моря (Новая Залавруга)

В петроглифах Карелии отчетливо ощущается земная основа, широко используются образы реальной действительности: лесные и морские звери, птицы, люди, лодки, луки и гарпуны, следы и т.д. Но они лишь прототипы. Налицо и постоянные отступления от натуры. Отчетливо прослеживается тенденция к схематизации, стремление и умение выделить и выразить изобразительными средствами главное. С помощью отдельных элементов и деталей ярче высвечиваются специфические особенности отдельных образов и сцен. На заключительном этапе схематизация изображений усиливается, беднее и однообразнее становится и их состав.

Значительные различия беломорских и онежских петроглифов обусловлены многими причинами, включая особенности природной среды, хозяйства, общей ориентации сознания и, не в последнюю очередь, характером самих обрядов, совершавшихся там и там. На Онежском озере отчетливее выражена мифологическая подоснова рисунков. И в топографии, и в тематике лучше улавливается представление о вертикальном членении мира. Ведущим мотивом являются водоплавающие птицы, которые могли символизировать сезонность и цикличность времени. Птицы могут выступать здесь и как посредники между средним (земля) и верхним (небо) мирами. Среди выбитых фигур встречаются и сами культовые предметы — "жезлы", а также все еще загадочные солярные и лунарные знаки. Многие образы и сцены как бы более абстрактны и метафоричны.

В Беломорье более отчетливо прослеживается бытовое начало, связь с хозяйством и трудовой практикой, стремление к воспроизведению каких–то реальных (или вымышленных) событий в виде повествовательных сцен. Сильнейший импульс развитию наскального творчества здесь дал морской промысел белух, моржей, а возможно, и китов. Он требовал хорошего знания особенностей поведения зверя, четкой организации труда, согласованных усилий, другими словами, серьезной подготовки, отточенных навыков и определенного опыта[14]. С другой стороны, морская охота, связан-

ная с большим эмоционально–психическим напряжением и переживаниями ее участников, надолго оставляла в памяти сильные впечатления. Она давала возможность вы явить особо смелых и умелых, сильных и выносливых, способствовала героизации труда и выдающихся охотников.

И все же даже лучшие реалистические сцены морского промысла и лесной охоты, скорее всего, являются отражением мифов и преданий, а не конкретных эпизодов из реальной жизни, запечатленных по свежей памяти. Даже на примере сцен охоты на лосей и оленей с участием лыжников видно, что между реальным действием и выбивкой изображений существовал разрыв во времени. Не случайно и присутствие разного рода необычных деталей и образов.

Ведущим мотивом среди беломорских петроглифов выступают лодки, обычно с людьми, а также изображения людей. Люди — главные действующие лица всех композиций, и они почти всегда выступают в роли победителей. Выдвижение их на первый план отражает важный стадиальный сдвиг в общественном сознании, осознание людьми их реальной силы и огромных потенциальных возможностей.

При характеристике первобытного творчества исследователи отмечают неиндивидуальный его характер, огромную инерционность, стремление к подражанию однажды принятым образцам и способам действий. Традиционализм и консерватизм в значительной мере свойственен и монументальному наскальному искусству древней Карелии. Но проявлялось и стремление к новациям, не вполне традиционным решениям. Свидетельством тому служит большое разнообразие даже однотипных фигур и сцен, что предполагает какую–то свободу мастеров, не удовлетворявшихся слепым копированием и подражанием ранее созданным образцам. Значит, здесь постоянно и напряженно билась мысль над тем, как лучше выразить и донести до сознания людей смысл и содержание высеченных образов, связанные с ними представления и верования, усилить их эффективность и силу. Стремление к обновлению наскальных полотен с целью повышения их действенности — одна из главных забот творцов петроглифов Карелии. Особенно показательно в этом плане использование композиций. Часть изображений время от времени в периоды повышенной влажности погружалась под воду и тогда требовалось создавать новые. Приходилось как–то дублировать или корректировать фигуры, не оправдавшие надежд или не вполне соответствующие новым требованиям и условиям.

Поиск новых изобразительных решений отвечал вечной потребности убедительнее, нагляднее и полнее запечатлеть разные стороны и ипостаси природы и общества, понять их движущие силы, укреплять взаимопонимание и консолидацию людей. Новации в верованиях и обрядах тоже побуждали к созданию новых персонажей и символов. Общий их смысл сводился к тому, чтобы закрепить в общественном сознании представление об окружающем мире, его движущих силах, связях и отношениях, необходимый миропорядок и ритм жизни. Это и попытка объяснения мира, и вместе с тем способ самоутверждения в нем.

Петроглифы наглядно отразили потребность обобщения, фиксации и хранения жизненно необходимой информации в доступной для того времени образной, символической форме. Отражая и корректируя представления об окружающем мире, его главных силах, связях и свойствах, “божествах” и мифологических героях, творцы петроглифов укрепляли у своих сородичей чувство уверенности и взаимопонимания с окружающим миром, защищенности собственной жизни.

Все же семантика петроглифов Карелии еще во многом остается загадкой. Мы не способны пока адекватно воспринимать то время и все, что было связано с ним,

невольно смотрим на рисунки своими глазами, а не глазами их творцов и почитателей. Но какие–то движения древней мысли все же улавливаются. Помогает комплексный подход, при котором наряду со всесторонним источниковедческим анализом самих памятников используются возможности смежных наук и осуществляется научный синтез разных подходов и полученных результатов[15].

Обилие и широчайшее распространение наскальных изображений на территории земного шара, огромные хронологические рамки их бытования свидетельствуют, что мы имеем дело с фундаментальным всеобщим явлением (типа протописьменности), первым опытом кодирования, хранения и передачи информации. Постигая его смысл, общие особенности и закономерности развития, мы глубже поймем и конкретные проявления, такие, как петроглифы Карелии и жизнь их творцов.

Первобытный человек, опирающийся исключительно на ручной труд, позволявший обеспечить лишь повседневное потребление, оставался слабо защищенным от невзгод и лишений. Поглощенный борьбой за выживание, он находился во власти эмоций, легко поддавался внушению и самовнушению, был склонен к поверхностным, ассоциативным "умозаключениям". Люди не способны были четко разделить субъективное и объективное, реальное и иллюзорное. Они стихийно переносили на мироздание понятные им родовые отношения, свойства человека и родовой общины. Сознание оставалось еще в основном коллективным, родовым, традиционным, консервативным и синкретичным. Среди характерных его черт выделяют: эмоциональность, чисто образное восприятие мира, ассоциативность и алогичность, оживление, одухотворение и одушевление отдельных природных сил и явлений. Это мифологическое в своей основе сознание включало элементы фетишизма, анимизма, магии. Оно породило своеобразное мировоззрение, построенное по законам воображения, фантазии. Наглядным и убедительным отражением его служат петроглифы Карелии, в которых переплетается жизненно правдивое начало и мифологический вымысел.

Несмотря на иллюзорность и ошибочность представлений об окружающем мире, непонимание истинных причинно–следственных связей и закономерностей, первобытный человек в ходе практики, методом проб и ошибок, по крупицам добывал и выверял рациональные, истинные знания, помогающие увереннее ориентироваться в повседневной жизни и окружающем мире. С помощью вымышленных образов, наделенных сверхъестественными силами и способностями, он пытался обеспечить стабильность и благополучие родовых общин, уверенность в завтрашнем дне. Взаимоотношения людей и природы, с одной стороны, и созданного воображением и фантазией человека сверхъестественного, надприродного мира — с другой, видимо, и лежали в основе древних верований и обрядов.

4. МЕДНО–КАМЕННЫЙ ВЕК (ЭНЕОЛИТ)

Поздний неолит и энеолит приходятся на суббореальную эпоху (2,7—0,5 тыс. лет до н.э.) с теплым и сухим климатом. Правда, временами имели место значительные отклонения от средних значений. В береговых склонах Онежского озера выделяются три промежуточных уровня, отражающих его колебания как следствие трансгрессий и регрессий. Наиболее длительной и сильной была раннесуббореальная трансгрессия (2,7—2 тыс. лет до н.э.). Тогда же усилилась влажность — осадков выпадало примерно на 100 мм больше, чем сейчас. Средняя температура понизилась и стала более чем на 2 градуса ниже современной.

В середине суббореала (2—1,3 тыс. лет до н.э.) установился в основном сухой и теплый климат. Среднегодовая температура на 2—2,5 градуса превышала современную, а осадков выпадало на 50—100 мм меньше. Около 2 тыс. лет до н.э., по данным Э. И. Девятовой, климат стал экстремально сухим. Пересохло даже русло многоводной реки Выг, одной из крупнейших в Карелии. Маловодный период достигает максимума около 1,5—1,4 тыс. лет до н.э. В целом климат отличался от современного мягкими зимами и более теплым продолжительным летом.

Растительный мир суббореала характеризуется большим разнообразием темнохвойных и светлохвойных пород в сочетании с мелколиственными на местах пожарищ. Раннесуббореальное похолодание уменьшило примесь широколиственных пород. На некоторое время доминирующими стали березовые, осиново–березовые и сероольховые леса. Во второй половине суббореала, видимо, слегка преобладали светлохвойные. В конце суббореала, при максимуме сухости, произошло смещение природных зон к югу, а в целом природные условия приблизились к современной среднетаежной зоне. Колебания уровня Онежского озера доходили до 1,5—2 м.

Отклонения в погодных условиях, особенно сильные засухи время от времени приводили к пожарам, уничтожавшим или изреживавшим леса на обширных территориях. Первобытную тайгу называют "гарью на разных стадиях восстановления". На месте пожарищ появлялись вторичные леса с преобладанием березы, примесью осины и ольхи. Наводнения, пожары, штормы и ураганы, землетрясения и другие стихийные бедствия осложняли жизнь первобытных людей, усиливали чувства страха и незащищенности, побуждали менять места обитания.

В суббореале на смену каменному веку приходит энеолит, или медно–каменный век. Основной его признак — появление медных изделий[16]. Но кардинальных изменений в хозяйстве и образе жизни населения еще не произошло. По–прежнему доминировали орудия труда из камня, кости и дерева. Основными занятиями остаются охота и рыболовство. Тем не менее знакомство с самородной медью является важным событием. Оно произошло в Карелии довольно рано и, видимо, самостоятельно. В результате со временем здесь возник свой очаг металлообработки, правда, гораздо более скромный по масштабам, объему производства и уровню технологии, чем гаринско–борский или волосовский в Приуралье и Поволжье.

Переходный период от позднего неолита к энеолиту связан с культурой ромбоямочной керамики, существовавшей в середине — второй половине III тысячелетия до н.э. Всего к настоящему времени известно более 200 памятников с такой керамикой, чаще встречающихся по берегам рек, чем озер. Их много в бассейне Онежского озера. Площадь поселений от 200 до 10000 кв. м. Обычно они вытянуты узкой полосой вдоль берега. Большинство имеет наслоения других периодов. Типичными можно считать поселения Вигайнаволок I под Петрозаводском и Пегрема I и III в Заонежье[17].

Жилища (всего их раскопано около 30) располагаются неподалеку друг от друга в одну или две линии, обычно в междувальях — естественных углублениях между сглаженными прибрежными валами, что и предопределило их ориентировку. Они прямоугольные в плане, площадью от 16 до 100 кв. м, с коридорообразными выходами длиной до 2 м при ширине 1,5—2 м, чаще всего в сторону водоема. Судя по углистым или темным гумусированным полосам, стены состояли из горизонтально положенных бревен. Следы столбов у стен отсутствуют, но изредка ямки от столбов встречаются в центре. Конструкция стен и кровли не вполне ясна. Площадка пола углублена в землю на 0,1—0,5 м. На полу находили многочисленные черепки сосудов, сланцевые

Керамика с ромбо-ямочным орнаментом

орудия, обломки глиняных скульптурок, медные изделия. Очаги размещались или по центру жилища, или у выхода. Иногда два или даже три жилища соединялись коридором, образуя жилые комплексы (Вигайнаволок I). Очертания большинства из них приближаются к квадратным и только примерно треть — прямоугольные. Выделяют большие жилища с длиной стен 7—10 м, средние — 5—7 м и малые — 3,5—5 м.

На стоянке Пегрема I обнаружены следы наземной постройки, в центральной части которой вскрыта печь в виде ящика из квадратных плит размером 0,4 х 0,4 х 0,25 м, а рядом — следы глиняной обмазки, обломки медных изделий и меди, фрагмент ошлакованного тигелька, фрагменты керамики с каплями расплавленной меди. Правда, возраст данного объекта не вполне ясен.

Очаги, как и в позднем неолите, двух типов: углистые линзы с одним или несколькими камнями и кладки округлой формы из 30—50 камней, обычно на углистом слое. Встречались каменные кладки из валунов и гальки и без следов огня, а также ямы, заполненные охристым или углистым песком. На стоянке Пегрема XXII за пределами жилища зарыты впрок большие куски глины. Преобладают временные летние стоянки, не имеющие жилищ, представленные повсеместно. Могильники пока не известны.

Среди более 2000 выделенных сосудов имеются небольшие, почти миниатюрные чашечки — 5—10 см в диаметре (не более 3—10%), сосуды средних размеров — 10—25 см (гораздо более распространенные) и большие — 25—45 см в диаметре (составляющие не менее половины общего числа). Преобладают непрофилированные, полуяйцевидные круглодонные формы. Крайне редко и только на более поздних памятниках попадались слегка профилированные сосуды с уплощенным или плоским днищем. Обжиг хороший или средний. Внутренняя, а иногда и внешняя сторона обработаны расчесами гребенчатого штампа.

Сосуды чаще толстостенные — 0,8—1 см. Венчики, как правило, утолщены, скошены внутрь и орнаментированы. Изредка они оформлены защипами пальцев. Орна-

мент обычно представляет собой сплошной узор из ромбических или овальных ямок, расставленных в шахматном порядке. Встречался разреженный узор из крупных ромбических или круглых ямок. Зоны (пояса) ямок чередуются с полосками гребенчатых штампов, оттисками веревочки, отступающей лопаточки, создавая горизонтально–зональное членение орнаментального поля. Сравнительно немного сосудов с геометрическими узорами.

Каменный инвентарь в значительной степени унаследован от предыдущего периода. Правда, набор его стал несколько шире, а обработка сланцевых орудий достигла совершенства. Они, как правило, зашлифованы по всей поверхности. По–прежнему использовались кварц, лидит и привозной кремень (поселения Деревянное I, Илекса I, Колгостров I, Вигайнаволок I, Черная Губа I и др.).

В сланцевых рубящих орудиях выделяются топоры овальные и прямоугольные в плане и поперечном сечении. Большинство тесел прямоугольные; стамески прямоугольные или трапециевидные. Характерны немногочисленные желобчатые долота, киркообразные орудия, ромбовидные "клевцы" с отверстием в центре, крупные отбойники и кайла (для пробивания льда).

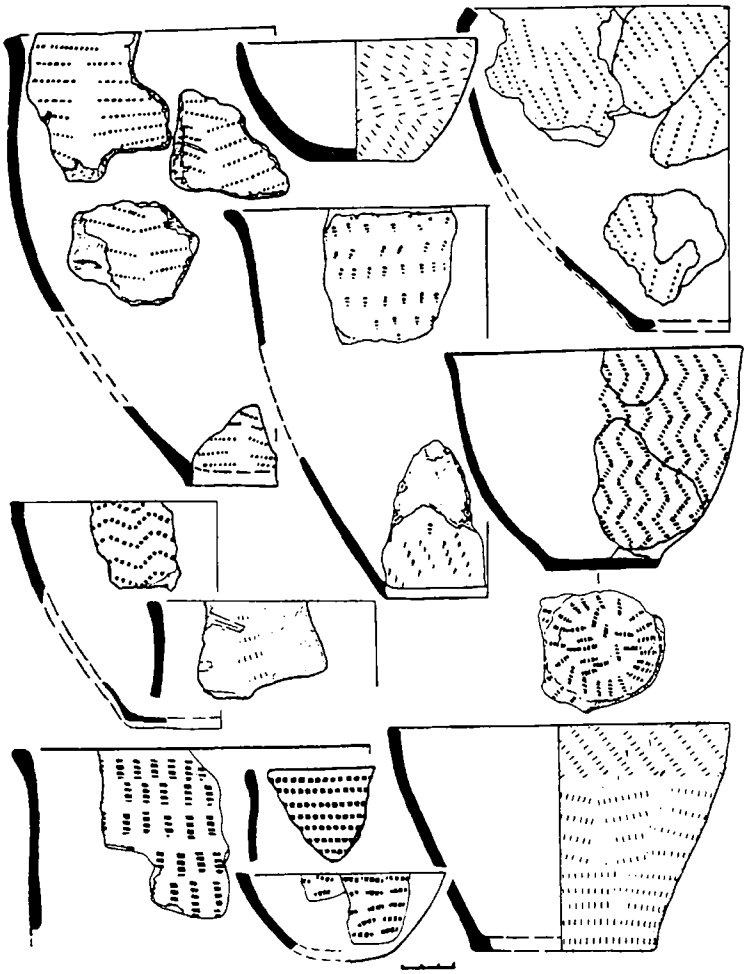
Среди скребущих и режущих орудий преобладают скребки из отщепов прямоугольной, изредка округлой формы. Наконечников стрел мало, они листовидной и ромбической формы. Найдены части составных рыболовных крючков в виде рыбок (4 экз). Из украшений выделим подвески с просверленными отверстиями, кольца и их заготовки в виде слегка обработанных сланцевых дисков.

К самородной меди, вероятно, относились как к разновидности камня. Вкрапления ее на Заонежском полуострове приурочены к кварцевым жилам и обнаруживались, видимо, при поисках и заготовке кварца. На данном этапе самородную медь обрабатывали только методом холодной ковки. Изделий из меди найдено немного: нож, проколки, кольца, пластинки, поделки неясного назначения. Попадались кусочки самородной меди и отходы производства. Плавление, горячая ковка, термическая обработка — все эти технологии распространились позднее, на поселениях с асбестовой керамикой. И только теперь можно с полным основанием говорить о переходе к эпохе раннего металла.

Культура асбестовой керамики

Асбестовая керамика появляется в Карелии во второй половине III и бытует во II тысячелетии до н.э. Она совсем иная — тонкостенная, плоскодонная, с примесью игл огнеупорного асбеста и органики, украшена оттисками гребенчатых штампов. Подобная посуда бытовала также на территории Финляндии, Прибалтики, Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей, меньше — в северной Норвегии, Швеции, на Кольском полуострове. В Карелии известно около 400 поселений с асбестовой керамикой, которая распространилась здесь быстро и почти повсеместно. Ее орнаментальные мотивы просты: "елочка" (вертикальный зигзаг); горизонтальные полосы косо или вертикально поставленных оттисков штампа; горизонтальные пояски из штампов. Сложные геометрические композиции представлены только на ранних памятниках, на которых уже появляются сосуды с уплощенными днищами.

Люди по–прежнему предпочитали селиться на берегах озерно–речных систем, избегая далеко отстоящих от них, изолированных водоемов. Найдены постоянные (зимние) и сезонные (летние) поселения, а также стоянки–мастерские, где добывалось



Асбестовая керамика

сырье и делались первичные заготовки. Исследовано более 70 жилищ, как правило, полуземляночных. Их можно подразделить на два основных типа. Первый — постройки прямоугольной формы площадью от 22 до 123 кв. м, углубленные на 40—60 см в землю, с двумя входами и двумя (редко тремя) кострищами на полу. Второй тип — постройки подквадратной или прямоугольной формы площадью от 9 до 42 кв. м с одним входом и одним кострищем или очагом. В каждом из них проживало не более двух—трех семей.

На северном берегу Онежского озера поселения с асбестовой керамикой располагаются на древних береговых террасах высотой 9—12 м над его уровнем, на расстоянии от нескольких десятков до сотен метров от современного уреза воды; в других местах — обычно на высоте 1—3 м над водой и рядом с нею. Площадь большинства из них от 700 до 3000 кв. м. Число жилищ от одного на небольших поселениях до 5—7 на крупных. Жилищные впадины тянутся в 1—2 ряда вдоль берега. Стены длиной от 4 до 10 м фиксировались по темным углистым полосам. В продолговатых больших жилищах два выхода у торцевых стен и два очага, расположенных симметрично. Небольшие квадратные жилища имеют один выход и один очаг или кострище в центре.

Находки обычно сосредоточены вдоль стен. За пределами построек они редки. Иногда к жилищу делались пристройки, соединенные с ним коридорчиком. Сильно углубленное жилище столбовой конструкции раскопано на поселении Шелтозеро XII. Обнаружены следы и нескольких наземных жилищ.

Набор орудий в целом почти не изменился. По–прежнему разнообразны сланцевые рубящие инструменты. Наряду с прекрасно зашлифованными по всей поверхности встречались зашлифованные только по лезвию или вообще с незаконченной шлифовкой. Топоры, тесла, долота приобрели более удлиненные пропорции. Увеличилось количество желобчатых долот. Скребущие и режущие орудия традиционной формы. Появились проколки из шифера и меди. Чаще встречаются наконечники, например, на поселении Войнаволок XXVII их найдено 121 экз. Они более удлиненные, с усеченным основанием или выемкой в основании. Кроме кремневых стали употребляться наконечники из зеленого сланца и шифера.

Выделено около 1000 сосудов с примесью асбеста, органики или их сочетаний. Преобладают тонкостенные, хорошего обжига, среднего размера (20—30 см в диаметре). Реже встречаются крупные (35—50 см) и небольшие (диаметром менее 20 см) горшочки и чашечки. Сосуды, как правило, непрофилированные, с расширенным устьем, круглым, уплощенным или плоским дном, рыхлым, непрочным тестом. Есть низкие чаши полусферической формы и более высокие горшки полуяйцевидной или баночной формы. На внутренней, а нередко и внешней поверхности — расчесы гребенчатого штампа.

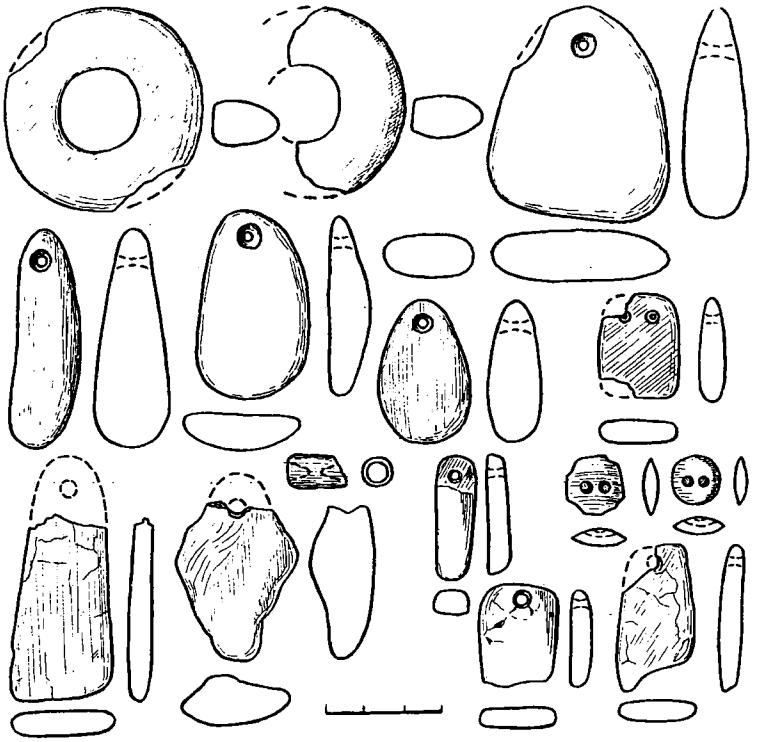
При орнаментации обычно использовались оттиски различных гребенчатых штампов — узких, широких, овальных, дву– и трезубых — и неглубокие круглые ямки. Торец и верхний край сосуда (бордюр) обычно оформлены косо поставленными оттисками гребенчатых штампов, днище — узорами из радиальных или концентрических линий. Бывает, что орнамент состоит всего из одного мотива: елочки, горизонтальные линии и др. Обычны горизонтально–зональные узоры с чередованием зон поверхностных оттисков и линий, ямок и неорнаментированных полос.

На раннем этапе культуры асбестовой керамики (вторая половина III тысячелетия до н.э.), по А. М. Жульникову, распространяются тесла и топоры "русско–карельского типа", кремневые наконечники треугольно–черешковой и листовидной формы с усеченным основанием, а также наконечники из сланца. Наблюдается приток прибалтийского янтаря. Жилища отличает значительная площадь — до 62 кв. м.

На втором этапе (первая половина II тысячелетия до н.э.) осваиваются горячая ковка и плавка самородной меди. В каменном инвентаре уменьшается число желобчатых и когтевидных долот, появляются долота с прямым и вогнутым основанием и ладьевидные топоры местного производства. Возрастает доля кремневых орудий по отношению к кварцевым. Преобладают средние по величине (33 кв. м) жилища–полуземлянки с одним входом. Полуземляночные жилища появляются и в северной Карелии.

На третьем, заключительном этапе (вторая половина II тысячелетия до н.э.) исчезают когтевидные и желобчатые долота и появляются долота с трапециевидным поперечным сечением. Используются клевцы и клинья. Разнообразнее становятся формы наконечников. Сокращается использование кремня и прекращается поступление янтаря. Форма сосудов преимущественно баночная, днища плоские. В орнаменте посуды преобладают простые узоры — в основном чередование двух–трех мотивов из оттисков гребенчатого штампа.

Хозяйственная жизнь во многом предопределялась средой обитания. Летние сто-



Изделия из янтаря

янки возникали на мысах и островах, ближе к местам промысла. Зимние размещались в глубине озерных заливов, тяготели к коренным берегам. Видимо, преобладала охота на лесного зверя. На Белом море практиковалась сезонная охота на морских животных. На побережье Онежского и Ладожского озер важной оставалась роль рыболовства. Похоже, что в первой половине II тысячелетия до н.э. в Карелии в связи с возрастанием роли охоты на сухопутных животных, увеличивается подвижность населения. Возможно, уменьшается и общая его численность. Ослабевает приток кремня, доля кремневых орудий сильно снижается, шире используется кварц.

Энеолитическая культура Карелии входит в круг подобных культур лесной полосы типа волосовской, гаринско–борской и др. С первой половины II тысячелетия до н.э. начинает ощущаться слабое влияние более развитых культур с производящим хозяйством: культуры шнуровой керамики (Восточная Прибалтика) и фатьяновской (Верхнее Поволжье). Из Восточной Прибалтики во второй половине III тысячелетия до н.э. поступает янтарь. Украшения из янтаря (подвески, пуговицы и др.) найдены на 34 памятниках в количестве 192 экз. Чаще они встречались в погребениях. Одно из них с 68 изделиями из янтаря вскрыто на стоянке Залавруга II в Беломорье.

Искусство эпохи раннего металла представляют также мелкие глиняные скульптурки, фигурные налепы и изображения на сосудах, кремневые фигурки, фигурные молоты с головами животных. Так, на поселении Вигайнаволок I (с ромбоямочной посудой) найдены: антропоморфная эмбриональная фигурка и обломки подобных фигурок; налеп по краю сосуда, похожий на голову человека, несколько фрагментов водоплавающих птиц. У одной сохранилась голова, шея и часть туловища, у трех других — только голова и шея. Фрагменты уточек орнаментированы ямочными

вдавлениями и оттисками короткого зубчатого штампа. Имеется глиняное кольцо, изогнутый жгутик, напоминающий змею, и несколько неопределенных обломков. Скульптурка лебедя встретилась на стоянке Илекса в комплексе с ромбоямочной посудой. Изображения водоплавающих птиц, нанесенных ямчатыми вдавлениями, обнаружены на поселениях Войнаволок IX и Пегрема III (оба с ромбоямочной керамикой).

При раскопках в Пегреме обнаружены фрагменты эмбрионовидных скульптурок (известны они и на стоянках Соломенное VII и Кудома VIII). На поселении Войнаволок XXV с асбестовой керамикой по краям двух сосудов с примесью асбеста и следами охры оказались налепы, напоминающие лица антропоморфных фигур (черты лица слегка намечены). Видимо, такие налепы прикреплялись к венчику сосуда. Схематичные головки в виде выступов на краях сосудов известны на Пегреме VII (с ромбоямочной керамикой), Войнаволок XXVII, Охтома II (с асбестовой), Кудома XI (с посудой луконсаари эпохи раннего железа).

На внутренней стороне сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом с поселения Пегрема II оттисками гребенчатого штампа нанесено несколько деревьев и человеческих фигурок. Изображения "человечков" на сосудах известны в Прибалтике и Южной Швеции.

На керамике эпохи раннего металла в Карелии можно встретить схематичные фигурки, похожие на деревья, людей, водоплавающих птиц, а среди кремневых скульптурок — зверей, птиц, людей. Упомянем еще антропоморфную фигурку из отщепа кремня на поселении Первомайская I в низовье р. Водлы; две скульптурки лисиц (Залавруга IV), медведя (Золотец I), ящерицы (Бесовы Следки II) — все в низовье р. Выг, а также боровую птицу с Войнаволока XXV (с асбестовой керамикой); ящерицу (Кладовец II); две лунницы (Залавруга IV и Золотец XI). Известно, что лунницы и другие кремневые фигурки распространены на территории волосовской культуры. В целом мелкая пластика становится разнообразнее. Встречаются изображения на каменных и металлических изделиях. Доминируют зооморфные мотивы; антропоморфные встречаются редко.

5. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

На территории Карелии бронзовый век начинается с появлением пришлого населения, знакомого с производством бронзы, использовавшего в быту сетчатую керамику. Прародиной ее считается Верхнее Поволжье. Первоначально культура сетчатой керамики складывалась, вероятно, в левобережных областях бассейна Верхней Волги и уже на раннем этапе, во второй половине II тысячелетия до н.э., в ходе миграции населения распространилась на восточную часть бассейна Онежского озера, а позднее, в первой половине I тысячелетия до н.э., через Онежско-Ладожский перешеек далее на север, по всей территории Карелии.

Всего в Карелии известно 83 памятника с сетчатой керамикой — более чем на соседних территориях, включая Финляндию. Сама сетчатая посуда не однородна. Один ее тип по формам ближе к фатьяновской культуре Верхнего Поволжья, другой — поздняковской бассейна р. Оки и, наконец, третий связан с какой-то субстратной культурой, испытавшей влияние ямочно-гребенчатой керамики.

Взаимоотношения пришлого и местного населения изучены недостаточно. Часть его, видимо, была ассимилирована и растворилась в среде мигрантов. На первом эта-

пе поселения с сетчатой керамикой представлены только на юго-востоке Карелии. Затем, на втором этапе, они распространяются практически по всей территории Карелии.

Верхняя хронологическая граница бронзового века Карелии совпадает с появлением культур ананьинского пласта эпохи раннего железного века. Но его временные рамки в разных частях Карелии не одинаковы. Поселения с сетчатой керамикой исчезают на востоке Карелии примерно в VI—V вв. до н.э., на западе и на севере — во второй половине I тысячелетия до н.э.

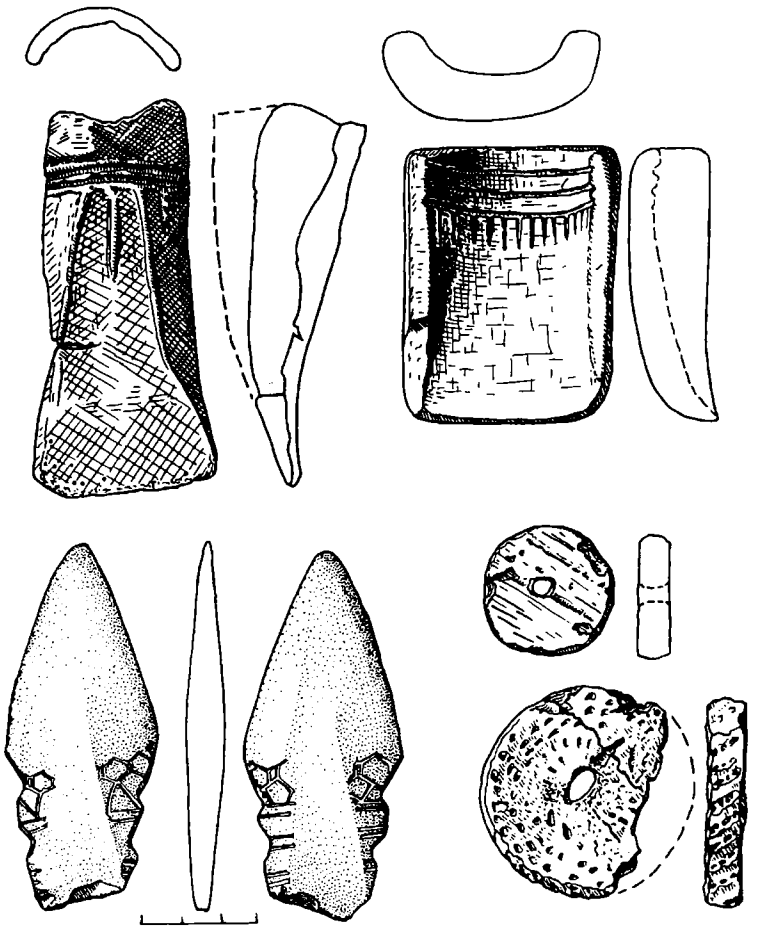
Уже на раннем этапе заметны различия между сетчатой керамикой юго-восточной Карелии и более южных, исходных районов — уменьшение числа профилированных сосудов, орнаментов с зональной структурой, ряда геометрических мотивов, ромбических фигур. Однако местное своеобразие проявляется еще довольно слабо.

На позднем этапе формируются онежско-ладожский, а севернее — беломорский локальные варианты, сохранявшиеся до конца бронзового века. В бассейне Онежского и Ладожского озер сетчатая керамика сравнительно однообразна. Характерная особенность ее — орнаментальные мотивы в виде пояска ямок, перемежывающихся с насечками или оттисками двузубого штампа. В восточной Карелии она испытала сильное влияние раннеананьинской культуры, проявившееся в более частом употреблении двузубого штампа.

Своеобразный облик сетчатой керамики на севере, в устье р. Выг, дал основание для выделения беломорского локального варианта. Здесь отсутствуют резко профилированные фатьяновидные сосуды и ребристые горшки, архаичные непрофилированные сосуды; также наблюдается деградация техники нанесения сетчатого декора, который частично или полностью заменяется штриховкой.

Поселения расположены по берегам рек, ближе к их устьям, у впадения в большие озера. Среди них выделяют относительно крупные, площадью свыше 1000 кв. м (на каждом выделено более 100 сосудов), средние — площадью менее 1000 кв. м (10—50 сосудов) и небольшие, кратковременные — площадью до 200 кв. м (менее 10 сосудов). Показательно, что долговременных поселений со следами жилищ-полуземлянок не выявлено. Обнаружены кострища или каменные очаги наземных жилищ на стоянках Келка III и Елменкоски. Оба жилища, видимо, каркасной конструкции типа разборного чума, саамской вежи или куваксы. На Келке III основание жилища имело овальную форму размером 6х3,5 м с двумя выходами в суженных концах овала — 2х0,9 и 1х0,8 м. Один очаг располагался в центре, другой у северного выхода. На стоянке Елменкоски жилище округлой формы (3,3х3,2 м) с очагом в центре и выходом к берегу (1,2х0,6 м). Рядом с ним выявлены следы навеса-хранилища. Видимо, и другие жилища были похожими на них, имели овальную или округлую форму диаметром 3—6 м. Хозяйственных ям встречалось мало. Отмечено использование охры.

Ведущей формой хозяйства, как и прежде, оставались охота и рыболовство. Характер поселений свидетельствует о постоянных сезонных перемещениях населения, связанных с промыслом. Основные орудия труда по-прежнему делались из камня, кости и дерева. Металлургическое производство оставалось на низком уровне. Изделия из бронзы немногочисленны. Следы ее плавки встречались крайне редко, особенно на раннем этапе. На стоянке Келка III найдены обломки небольших глиняных тиглей с ошлакованными изнутри стенками и сетчатыми отпечатками на поверхности. Бронза поступала преимущественно из Поволжья в виде готовых изделий (или их использовали как образцы). На позднем этапе появляются кельты акозинско-мелар-



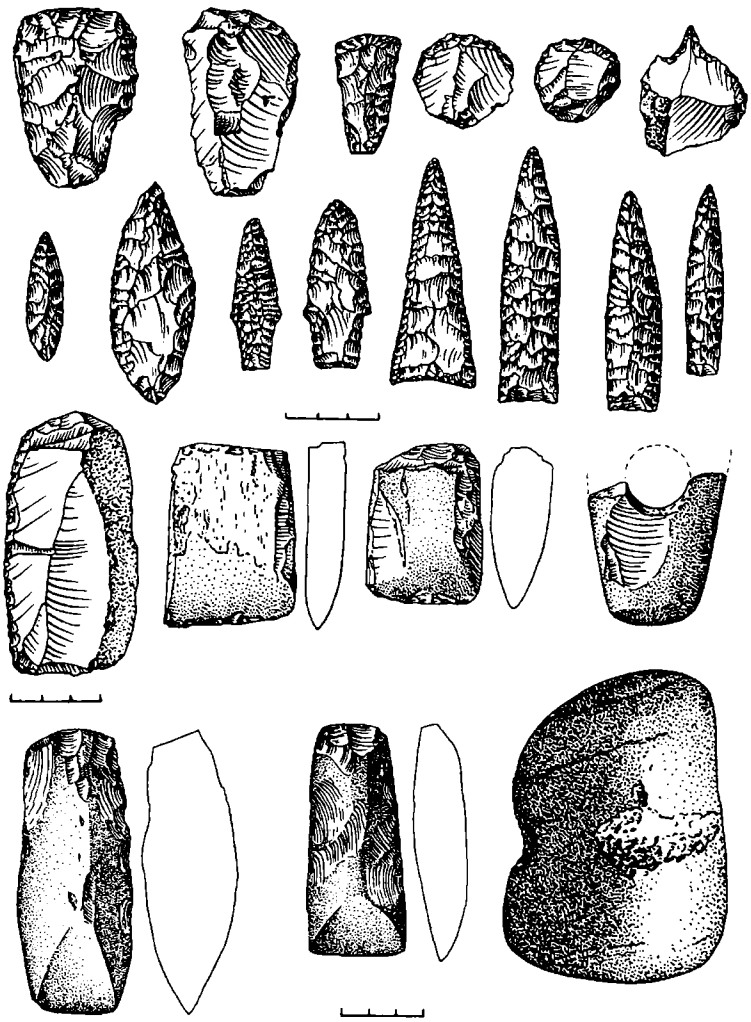
Изделия из бронзы, камня и глины

ского типа (Кудома XI) — свидетельство продолжающихся связей с Верхним Поволжьем. На стоянке Елменкоски найдена половина литейной формы с признаками финляндских и ананьинских кельтов — первое свидетельство местного производства бронзовых орудий в составных литейных формах. Истоки этой традиции ведут в Поволжье. Использовалась только бронза. О добыче местной самородной меди, видимо, уже забыли.

Каменный инвентарь обычен для Карелии и почти лишен специфических признаков, так что его трудно вычленить в смешанных комплексах многослойных поселений. Только на десяти стоянках он явно связан с сетчатой керамикой.

В производстве орудий резко возрастает использование кремня, поступавшего из ближайших месторождений в девятинской свите карбоновых отложений, протянувшихся от побережья Белого моря до южной оконечности Онежского озера. Не случайно на востоке Карелии почти всегда преобладали орудия из кремня. Похожая ситуация наблюдалась и в юго-западном Беломорье. В более западные районы Карелии кремень обычно поступал неравномерно и в меньшем количестве.

Теперь положение меняется, и поступление кремня в западные районы достигает пика за все время от мезолита до железного века, что свидетельствует о тесных связях



Изделия из камня

с зоной кремневых месторождений. Заменителем кремня выступал кварц, реже лидит. Гранит и другие близкие ему породы использовались крайне редко, в основном для выделки ударных орудий.

Рубяще–долбящие инструменты и абразивы делали в основном из местного сланца, распространенного в южной части Карелии. Основная часть и кремневых, и кварцевых орудий изготовлена на отщепах, сколотых с нуклеусов. Ножевидные пластинки и изделия из них крайне редки. Преобладают скребки разнообразной формы. Они составляют около 60% общего числа орудий. Характерны широкие плоские кремневые скребки с концевым лезвием. Имеются экземпляры с боковым лезвием, с ретушированной спинкой.

На всех поселениях много отщепов разной формы с ретушью на краях. Представлены и кремневые ножи — пластинчатые отщепы удлиненной формы с ретушированным краем, а также шлифованные ножи из сланца. Мало кремневых угловых и срединных резцов, а ретушированные пластинки, как и проколки, единичны.

Наконечники стрел трех типов: листовидной формы, с прямым или слегка вогнутым основанием и, наконец, весьма малочисленный беломорский тип с выделенным плоским черешком. Наконечники копий и дротиков в основном листовидной формы. Интересен экземпляр шиферного наконечника, украшенный прочерченными схематичными фигурками. Аналогии ему обнаруживаются на орнаментированных сланцевых орудиях Северной Фенноскандии.

На всех поселениях встречались рубяще–долбящие орудия. Найдено и несколько небольших грубо оббитых кремневых топоров подтреугольной формы. Изредка попадались и мелкие долотовидные орудия из кварца (Суна VI, Пичево III, Елменкоски). Сланцевые шлифованные топоры и тесла более типичны для поселений бассейна Онежского озера. Стамески и желобчатые долота, тоже небольшие, встречались редко. Совсем мало ударных орудий: фрагмент сверленого сланцевого молота со стоянки Суна VI, сверленый (видимо, боевой) топор со стоянки Горелый Мост III. Известны также зубчатые штампы для нанесения орнамента на глиняную посуду, овальная привеска со сверленым отверстием, кварцитовые грузила — плоские плитки с выбитыми желобками по бокам.

Резкое увеличение притока кремня, появление новых типов орудий — скребков, молотов, топоров — тоже косвенно указывает на инородность культуры бронзового века в Карелии[18]. Похоже, что сокращается набор и число сланцевых рубяще–долбящих орудий, кремневых ножей, исчезают проколки, что может быть связано с распространением изделий из металла.

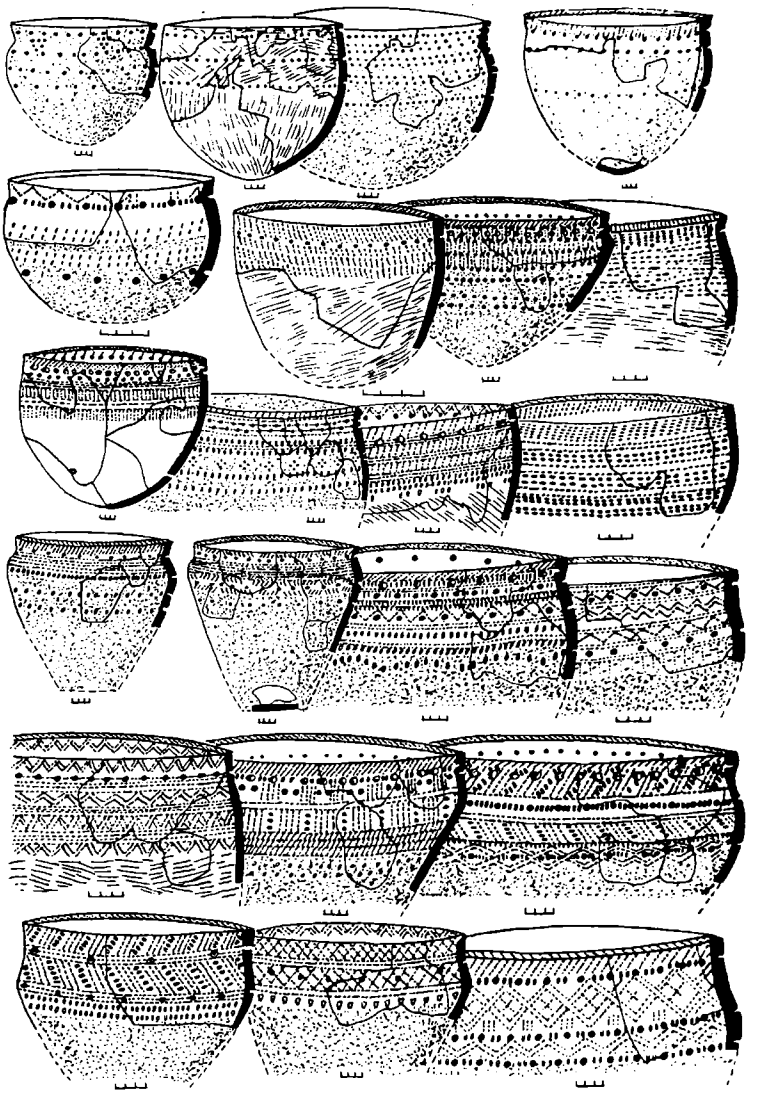
О глиняной посуде речь уже шла. Отметим еще, что общее число выделенных сосудов составляет около 800. Они желтого, реже темного цвета; толщина стенок до 0,8 см, украшенных чаще всего сетчатыми отпечатками, реже — покрытых штриховкой; в отдельных случаях они гладкие, замытые. Внутренняя часть обычно замыта или заштрихована, изредка покрыта сетчатыми отпечатками (Томица, Пичево III). Технические приемы нанесения такой орнаментации весьма разнообразны, отсюда и разнобой в терминологии: ее называли текстильной, псевдосетчатой, рогожной и т. д.

Выявлены два основных вида техники: обработка поверхности сосудов или с помощью тканей, нитей и т. д., либо зубчатыми или другими твердыми плоскими штампами. По мнению М. Г. Косменко, в Карелии из–за отсутствия ткачества и тканей применялись только твердые штампы. "Сетку" он считает особым способом декорирования сосудов для выравнивания поверхности, уплотнения швов в местах стыка глиняных лент. Вместе с тем она делала посуду более нарядной[19]. Единичные сосуды с оттисками нитей, намотанных на стержень, встретились только на юго–востоке Карелии (стоянки Келка III и Бостилово II).

Преобладают профилированные формы сосудов, инородные для Карелии и известные на памятниках соседних южных территорий (Каргополье, Белозерье). Разнообразны венчики чаще с прямосрезанным или слегка округленным торцом. Труднее восстановить размеры и форму нижней части сосудов.

Орнаментальные композиции включают две основных категории: архаичные зональные и обедненные бордюрные с одним—двумя элементами. Последние доминируют. Сосудов без орнамента единицы. Со временем орнамент регрессирует. Наиболее богато украшена посуда на ранних поселениях, в зоне первоначального формирования культуры сетчатой керамики, где отчетливее прослеживаются черты всех исходных культур.

Обычным элементом орнамента, встречающимся на большинстве сосудов, являются полоски из ямок. Нередко использовался и длинный гребенчатый штамп, оттис-



Сосуды с сетчатым орнаментом

ки которого образуют пояски, зигзаги и другие узоры. Гораздо реже применялись короткие штампы с двумя—тремя зубцами.

Орнамент занимает от трети до половины сосуда; днища не украшались. Орнаментальные композиции всегда имеют горизонтальное членение, особенно наглядное благодаря зональным узорам, как простым, так и геометризованным (гребенчатыми поясковыми; зигзагами в рамке; узорами из различных чередующихся мотивов, включая геометрические). Они типичны для сосудов бронзового века лесной полосы. На севере Карелии сетчатой керамики с южными элементами заметно меньше. Распространенные здесь бордюрные орнаменты состоят из одной, реже двух зон с одним или двумя мотивами узоров и занимают не более трети стенки сосудов. Простые бордюры чаще всего имеют одиночные или двойные пояски ямок, иногда комбинирован-

ные с поясками "жемчужин", а также сочетания из пояска ямок и гребенчатых оттисков. Более сложные обычно состоят из поясков гребенчатых оттисков.

Своеобразие культуры сетчатой керамики в Карелии заключается и в широком использовании местных пород камня, а также примеси асбеста к глиняному тесту сосудов. Ее поселения тяготеют к приустью рек и берегам озер. Основой хозяйства и жизнеобеспечения остается охота и рыболовство вместе с собирательством. Отсутствие стационарных жилищ-полуземлянок предполагает относительную подвижность населения.

Связи с Поволжьем, зафиксированные уже на раннем этапе, сохраняются и позднее. Устойчивые контакты имелись с территориями, примыкающими к Карелии с юга и востока, откуда поступал кремень. В Беломорье отчетливо проявляется влияние восточных культур бронзового века (в частности, лебяжской). На позднем этапе, судя по единичным шиферным наконечникам, имелись слабые контакты с раннеананьинской культурой и культурами Северной Фенноскандии.

6. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Начало железного века в северных областях связывают с появлением признаков ананьинской культуры, которая, распространяясь из Приуралья в восточные районы бассейна Балтики и северную Фенноскандию, значительно видоизменялась, многое утрачивая. В западном ее ареале, включая Карелию, исчезают городища, могильники, признаки производящего хозяйства и оседлого быта. Низок уровень металлургии и металлообработки, нет изображений в "зверином" стиле. Сохранилась традиция изготовления бронзовых кельтов ананьинского типа и некоторых видов несложных украшений из бронзового прута. Здесь широко используются местные породы камня (кварц, сланец) для выделки каменных орудий, асбест и слюда как отощающая примесь в тесто глиняной посуды.

Наступивший около 500 лет до н.э. субатлантический период принес постепенное повышение влажности и нарастание похолодания. Со временем природные условия стали напоминать нынешнюю северную Карелию. Осадков выпадало на 50 мм больше, чем в наше время, а среднегодовая температура оказалась на 1 градус ниже. В лесах доминировала береза, хорошо приспосабливающаяся к изменению природной среды.

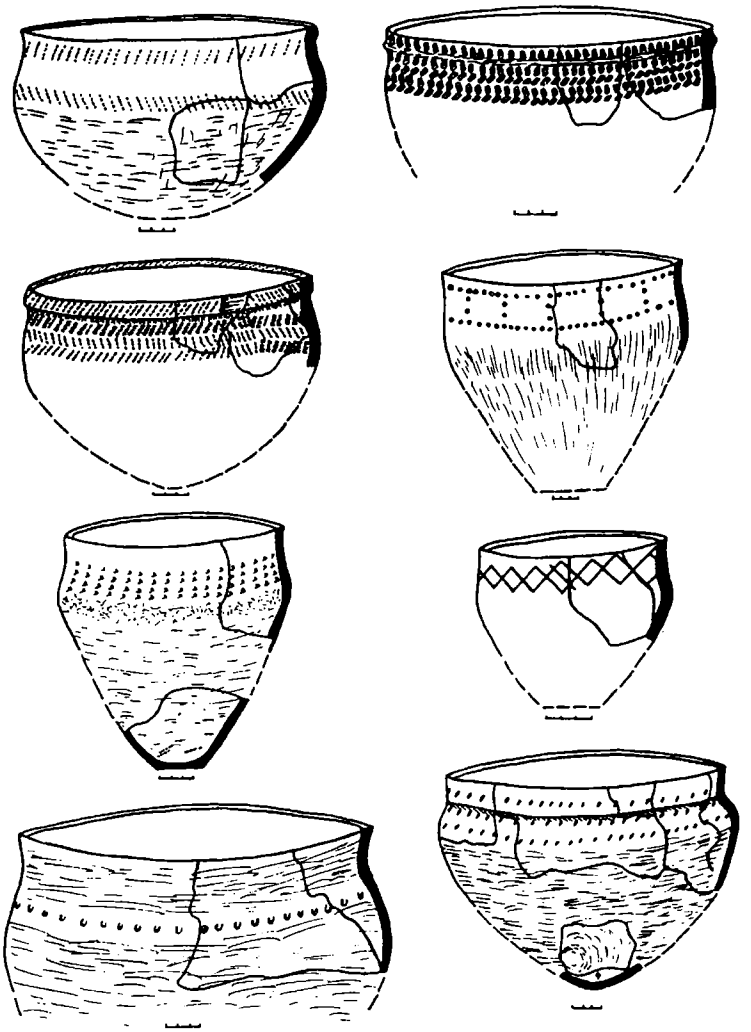
Зарождение металлургии железа в Карелии пока основательно не выяснено. Установлено лишь, что ранние железные топоры–кельты представлены восточно-балтийскими типами. Меняется облик глиняной посуды, ее формы, орнаментация, другие детали. Именно керамика помогает вычленить "ананьинский" культурно-хронологический пласт. Ананьинские древности распространялись сюда двумя путями: основной шел через Поволжье и бассейн Онежского озера на север Фенноскандии; другой — вдоль побережья Белого моря. По направлению к западной границе ареала постепенно уменьшаются, а затем и исчезают характерные ананьинские круглодонные котлы с "воротничком" и рельефными валиками на шейке, увеличивается число непрофилированных сосудов, чаще используется простая орнаментация. В конечном итоге во многом как продукт синтеза ананьинской и сетчатой керамики на территории Карелии сформировались четыре археологические культуры железного века: позднекаргопольская; лууконсаари; культура с керамикой "арктического" типа; позднебеломорская.

Позднекаргопольская культура

Эта культура охватывает Каргополье, Белозерье, восточную часть бассейна Онежского озера и связана с появлением здесь в начале железного века ананьинских древностей. Истоки ее восходят к памятникам VIII—VI вв. до н.э. Среднего Поволжья, откуда в VI в. население продвинулось вверх по Волге на север. По ходу продвижения в новые области поволжские переселенцы испытали влияние местных культур, в частности, раннедьяковского населения Верхней Волги. И как результат — формирование в середине I тыячелетия до н.э. самобытной позднекаргопольской культуры и ее локальных вариантов. На территории Карелии, по М. Г. Косменко, их два: водлозерский и онежско-каргопольский. Последний включает и поселения на оз. Муромское, появившиеся в результате продвижения около рубежа нашей эры населения из Каргополья. Из 108 поселений 55 находятся в юго-восточной Карелии, в основном на оз. Водлозеро, и только 10 — на юго-восточном побережье Онежского озера. Основная масса памятников тяготеет к устьям и истокам рек. Встречаются крупные поселения площадью не менее 2000—3000 кв. м (на каждом выделено более 100 сосудов); средние — до 1000 кв. м (от 10 до 100 сосудов); малые — до 200 кв. м (не более 10 сосудов). Высота их над уровнем воды — 0,3—3 м, иногда до 5 м (Охтома III). Занимают отроги и склоны озов, камов либо низкие озерные и речные террасы, обычно с уклоном в сторону водоема. Самые крупные позднекаргопольские поселения: Сомбола I, Охтома III, Илекса V. Все крупные и средние поселения — многослойные. Жилищами скорее всего служили легкие переносные постройки типа саамской куваксы или чума. Судя по размещению находок у очагов, основания их не превышали 6 м в диаметре. Обычно функционировали одно—два жилища (Муромское VII, Шеттима I, II). Одни и те же места посещались в течение длительного времени.

О знакомстве с металлообработкой свидетельствуют обломки тиглей и глиняных форм для отливки прута из цветного металла, а также медно-бронзовые шлаки. У одного из очагов лежала поясная накладка, датируемая I—II вв. н.э., у другого — наконечник ремня V--VII вв. н.э. На окраине жилой площадки стоянки Илекса V обнаружены следы горна для производства железа в виде небольшого (0,23x0,20 м) округлого пятна сильно прокаленного песка с железными шлаками. К нему примыкала яма (1,5x1,4 м), заполненная углистым грунтом. На стоянке Сомбола I найдена бронзовая бляха середины — второй половины I тысячелетия до н.э. При раскопках поселения Муромское VII в очаге диаметром 1 м, окруженном фрагментами сосудов, попадались обломки тиглей для плавки цветного металла, а в неглубокой лунке, обложенной мелкими камнями, оказался кусок железного шлака.

Инвентарь включает керамику, изделия из камня и единичные предметы из металла. На 29 наиболее полно раскопанных в Карелии поселениях выделены обломки 1010 сосудов. Из них реконструировано 170. И в форме, и в орнаментации отчетливо прослеживается сочетание признаков ананьинской и сетчатой керамики. Диаметр сосудов в среднем 20—35 см, с заглаженными, замытыми стенками, покрытыми беспорядочной штриховкой либо резко деградированной “сеткой”. В глину добавлялся песок, дресва, реже органика, иногда асбест и слюда. Доминируют круглодонные сосуды — около 90%. Они напоминают котлы низких пропорций, у которых диаметр устья превышает их высоту. Степень профилированности разная — до пяти видов. Мало непрофилированных низких сосудов со слегка вогнутой верхней частью и диаметром 12—30 см, высотой 8—20 см. Видимо, они южного происхождения. Более распространены (около 35%) круглодонные сосуды низких пропорций диаметром



Сосуды позднекаргопольской культуры

15—40 см, высотой 10—30 см с прямой верхней частью или слегка профилированной шейкой. Это типичная ананьинская форма. Почти столько же подобных, но сильнее профилированных котлов, тоже круглодонных, как правило без валиков и "воротничков". Значительно меньше крупных тонкостенных сосудов диаметром 25—40 см с высокой шейкой, часто украшенной каннелюрами и выпуклыми боками. Аналогии им нетрудно отыскать в местной сетчатой керамике.

Немногочисленная плоскодонная посуда (около 10%) трех видов, включая сосуды высоких пропорций диаметром 20—35 см и приблизительно такой же высотой с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком, со слегка выпуклыми боками.

Четкий ананьинский признак — оформление краев сосудов валиками и "воротничками". Скошенные же внутрь венчики довольно типичны для местной керамики. Контакты двух культур (ананьинской и сетчатой) в Карелии и сохранение разных по своему происхождению устойчивых типов орнаментов порождало гибридные узоры, способствовало разнообразию позднекаргопольской посуды. В ходе взаимодействия

формируются разные по структурно–техническим особенностям типы ее орнаментации. Наиболее распространенный — восточный тип, включающий несколько разновидностей. Узоры находятся в верхней трети сосудов.

Особенно часто представлены узоры из одного—шести гребенчатых поясков, обрамленных оттисками гребенчатого и двузубого штампа, гребенчатым зигзагом, реже наклонными и иными вдавлениями. Они встречаются и на круглодонных, и на плоскодонных сосудах. Скошенные внутрь венчики, пояски ямок на горле и другие признаки указывают на генетическую связь с местной сетчатой керамикой эпохи бронзы.

Меньше композиций с гребенчатым зигзагом, вертикальными и наклонными оттисками гребенки, тоже восходящими к сетчатой посуде, не имеющей "воротничков", с единичными валиками и обилием скошенных внутрь венчиков. Отметим шнуровую орнаментацию, свойственную преимущественно круглодонным сосудам.

Таким образом, позднекаргопольская посуда сочетает в себе восточные (ананьинские) и западные (восходящие к сетчатой керамике) черты. По мере распространения от южного Белозерья до Карелии формируются ее местные особенности: уменьшается доля шнуровой керамики, чаще встречаются технические модификации шнура, такие как каннелюр, а также оттиски протащенного гребенчатого штампа с узкими зубцами. Сокращается число валиков и "воротничков". Возрастает роль элементов, восходящих к местной сетчатой посуде — резные пояски, гребенчатые и резные зигзаги, скошенные внутрь венчики. В онежско–каргопольском локальном варианте лучше проступают элементы, связанные с дьяковскими чертами — двузубый штамп, вдавления типа "веревочного узелка", "древесной шишечки" и др. Ананьинский же компонент наиболее ощутим в Белозерье. На оз. Водлозеро заметнее всего элементы, восходящие к местной сетчатой посуде. Только здесь изредка использовались в качестве примеси к глиняному тесту слюда и асбест.

К позднекаргопольскому периоду можно отнести часть скребков, точильных брусков и наконечников стрел. Интересен обломок сланцевого молота с гравировкой со стоянки Илекса V, найденный у очага в скоплении керамики. Привлекает внимание обломок костяной накладки с поселения Шеттима II в виде изогнутой пластины с внутренним диаметром кольца 5 см и орнаментом из двух параллельных канавок. Понятно, что костяных орудий было больше, но в песчаной почве они не сохранились. На торфяниковых поселениях Белозерья и Каргополья и других мест орудий из кости в эпоху железа довольно много, включая наконечники стрел. Известны находки обломков гарпунов, части острог для добычи крупной рыбы. Характерными являются и различные по форме рукояти ножей и шильев, обломки крючков, возможно, для застегивания одежды. В костяных изделиях (как и в керамике) ощутимы традиции и восточных, и западных культур. Крючки и некоторые виды стрел имеют ананьинские, а костяные рукоятки — дьяковские прототипы.

На всех крупных и части средних поселений выявлены следы плавки бронзы и производства сыродутого железа. Цветной металл плавили в глиняных горшках и специальных тигельках цилиндрической, чашевидной и "рюмкообразной" формы. Для разлива металла использовали льячки в виде овальной ложки с отверстием в ручке (Охтома III). Известны более 15 экземпляров литейных форм для отливки круглого в сечении прута диаметром от 0,3 до 0,7 см. Это полые глиняные стержни с одним, изредка двумя—тремя отверстиями – каналами внутри. Подобные формы, тигли и льячки широко распространены на памятниках железного века лесной полосы от Урала до Балтики.

Бронзовые изделия обнаружены только на четырех поселениях. Круглая выпук-

лая бляха диаметром 5,8 см с орнаментом из концентрических кругов, имитирующих шнуровые оттиски, с ушком с внутренней стороны (Сомбома I); две прямоугольные бляшки с зубчатым орнаментом на лицевой стороне и петельками для крепления на внутренней (Илекса V и Шеттима I); две целые и одна обломанная лапки–привески и фрагмент прямоугольной бляхи с рельефным изображением трех медвежьих голов (Илекса III). Такие вещи поступали из Приуралья, вероятно, в обмен на пушнину.

О производстве железа можно судить по остаткам горнов на поселениях Илекса V и Муромское VII. Они одноразовые, и реконструировать их по уцелевшим остаткам трудно. Железных изделий мало, среди них нож со слабо изогнутой спинкой (Муромское VII). Железные клинки могли иметь костяные рукояти. Многие изделия просто не сохранились, поскольку железо в почве быстро разрушается.

Ранний этап позднекаргопольской культуры охватывает середину — вторую половину I тысячелетия до н.э. Керамика данного времени наиболее близка своим исходным прототипам — сетчатой и ананьинской. Свыше 80% сосудов в верхней части имеют пояски ямок и наколов, типичные для ананьинской и сетчатой керамики. Начавшийся процесс взаимовлияния и гибридизации со временем усиливался.

Поздний этап культуры, конец I тысячелетия до н.э. — VI—VII вв. н.э., изучен еще недостаточно. Наиболее полно представлен на поселении Илекса V, где велика доля сосудов с протащенным штампом и каннелюрами. Исчезают композиции с гребенчатыми решетками, больше становится сосудов с гибридным орнаментом, простыми однородными мотивами и вовсе без орнамента.

Культуры с керамикой лууконсаари и "арктического типа"

Западнее Онежского озера и в восточной части Финляндии сложилась культура лууконсаари. Четко ее границы пока не прослежены, но, видимо, включают также юго–западное Прибеломорье и бассейн озер Куйто, заселенные менее плотно, чем восточные районы. Всего в Карелии известно около 30 поселений с керамикой лууконсаари (до 350 сосудов). Больше всего их на берегах озера Сямозеро и его притоков и совсем мало на западном побережье Онежского озера. Как правило, расположены они в приустьях, реже у истоков рек. В приустье р. Сулгу на оз. Сямозеро — 9 памятников (выделено не менее 260 сосудов). Культурный слой обычно находится около уреза воды на высоте до 2 м над его уровнем, а в отдельных случаях — до 5—6 м (Вятчальское II). Следы кратковременных стоянок зафиксированы и на каменистых мысах, островах, песчаных террасах. В ряде случаев они сосредоточены группами, но вряд ли существовали одновременно. Скорее всего это следствие неоднократного заселения наиболее удобных участков в течение железного века.

Доминируют небольшие кратковременные стоянки (на каждой не более 10 сосудов), обычно вытянутые вдоль берега водоема полосой до 20 м при ширине до 10 м. Поселений среднего размера (обычно с очагами диаметром около 2 м) всего несколько. Каждое заселялось один—два раза. На стоянке Пичево обнаружены также следы небольшого кострища, двух железоделательных горнов. К одному из них примыкали остатки какого–то сооружения, возможно, хранилища сырья. Отсюда же и единственный костяной предмет. Одновременно функционировало одно—два жилища — наземные, округлой или овальной формы, диаметром не более 6 м.

Единственное крупное поселение Кудома XI тянется на 80 м. Оно неоднократно заселялось в эпоху железа. В находках — фрагменты 140 сосудов. При раскопках

вскрыта серия очагов, кострищ, ям различной формы и величины. Сохранились и остатки двух железоделательных горнов размером 0,6х0,4 м с примыкающими к ним небольшими прямоугольными постройками производственного назначения площадью 3,6х3,4 м.

Вскрыто одиночное погребение (2,2х1,1 м) в неглубокой (до 0,4 м) яме. Скелет не сохранился. Предположительно в изголовье были положены железный кельт и поставленный вверх дном сосуд, а на груди — бронзовая бляха.

Инвентарь культуры лууконсаари включает глиняную посуду, каменные орудия и отходы их производства, глиняные, редко каменные литейные формы и тигли для изготовления бронзовых изделий и, наконец, орудия и украшения из бронзы и железа.

Сосуды преимущественно тонкостенные (до 0,5 см) с заглаженными и покрытыми поверхностной штриховкой стенками. В целом они близки позднекаргопольским, но менее выразительны, как правило, низких и средних пропорций, диаметром 20—35 см с различной профилировкой верхней части. Около половины — плоскодонные, остальные — круглодонные. Днища зачастую орнаментированы. Выделяются высокие непрофилированные сосуды усеченно-конической формы с прямой верхней частью или слегка намеченной шейкой, прямыми либо несколько выпуклыми боками. Довольно много посуды горшковидной формы невысоких пропорций с четко выраженной шейкой. Встречаются горшки с ребром на тулове. В глину обычно добавляли песок, часто примесь мелкого асбеста, реже слюды и еще реже — органики (влияние асбестовой керамики позднего энеолита). Особенность техники и технологии изготовления посуды в том, что использовался тот же метод ленточного налепа, но ленты соединялись не встык, а методом частичного накладывания друг на друга с последующим выравниванием стенок. Для формовки небольших горшков могли использоваться деревянные формы-болванки.

Стенки замыты или беспорядочно расчесаны зубчатым штампом, возможно, и пучком травы. Нерегулярная штриховка (не имеющая декоративного характера) часто чередуется с участками замытой поверхности. Почти вся посуда лууконсаари орнаментирована. На самых ранних памятниках (Лахта II) на отдельных сосудах встречаются участки небрежно выполненных сетчатых отпечатков зубчатого штампа. В верхней части сосуды узкой лентой покрывают бордюрные узоры. Плоские днища украшались радиально-лучевыми узорами или редкими рядами гребенчатых оттисков. Упрощается техника орнаментации и структура композиций. Только четверть сосудов можно отнести к группе сложно орнаментированных, восточного типа. Прототипы сложных узоров можно отыскать в сетчатой керамике бронзового века: гребенчатые узоры, зигзаги в рамке. Очень мало типичных ананьинских узоров из шнуровых поясков. Меньше становится и число сосудов с пояском ямок. Возрастает количество поясков мелких наколов, число прочерченных узоров, появляются оттиски рамчатого штампа, нередко в сочетании с каннелюрами.

Преобладают же простые орнаменты с использованием оттисков из рядов короткого зубчатого штампа, насечек и неглубоких вдавлений и редко одиночных поясков ямок. Неорнаментированных сосудов немного, но примерно на четверть больше, чем в юго-восточной Карелии. Наблюдается распространение плоскодонных сосудов и уменьшение числа четко профилированных форм, а также типичных ананьинских деталей. Происходит техническое и структурное упрощение узоров орнамента.

Состав орудий стал гораздо беднее. На Пичево значительно больше кремня, и использовался он менее экономно, чем на Кенто IV, где доминируют кварцевые ору-

дия и отходы. Встречаются сланцевые рубяще–долбящие орудия, обломки оббитых или отшлифованных топоров и тесел, кварцевые долотовидные орудия. Привлекает внимание шлифованное тесло со стоянки Кенто IV и орудие, напоминающее мотыгу с двумя лезвиями с Пичево. Но сланцевых орудий мало, возможно, оттого, что уже шире стали использоваться металлические орудия. На Кенто IV преобладают кремневые и кварцевые скребки, по преимуществу концевые на относительно широких отщепах. Довольно много отщепов разнообразной формы. Представлены и кремневые наконечники стрел листовидной, а чаще подтреугольной формы с прямым или чуть вогнутым основанием. Единичны скобели и проколки из кремня и кварца, пилы и шлифовальные плитки из сланца и песчаника.

Производство железных орудий в Карелии все еще не стало ни постоянным, ни массовым. Уровень металлургии оставался сравнительно невысоким. Цветной металл плавили в глиняных сосудах и тиглях. На стоянке Кудома X найдены фрагмент ошлакованного сосуда среднего размера, части толстостенного тигля с примесью слюды к глине (его внутренний диаметр до 5 см, внешний — до 7 см).

Бронзовые вещи довольно простые. На поселениях Кудома XI и Лахта I обнаружены обломки глиняных трубчатых форм для получения прута толщиной до 0,3 см и части от трех форм из песчаника. В них отливали плоские пластинчатые предметы шириной 0,5 см и более. Все они найдены в скоплениях керамики около железоделательных горнов.

Давно известна сланцевая литейная форма из окрестностей Бабьей Губы на оз. Ледмозеро. На поселении Лахта II на Сямозере обнаружен обломок формы из талька для отливки бронзового кельта ананьинского типа. Литые бронзовые украшения представлены плоской округлой (диаметром 4,5 см) нагрудной бляхой с двумя парами петелек на тыльной стороне и прямоугольной поясной пряжкой с зубчатым орнаментом. Пока это крайние на юго–западе находки привозных изделий приуральского происхождения. Они из оловянистой бронзы и характерны для культуры пьяноборского времени в Прикамье.

О производстве железа сыродутным способом можно судить по остаткам примитивных горнов. Самые ранние — это следы двух горнов однократного использования на поселении Пичево. На месте их остались неглубокие ямки диаметром до 0,4 м, обложенные по краям мелкими камнями. К одному из горнов примыкали следы производственного сооружения размером не менее 1,5x1,35 м. На дне горнов в сильно прокаленном песке и углистой массе сохранились непотревоженные крупные лепешкообразные слитки железного шлака. Не исключено, что горны имели полый деревянный корпус, изнутри обмазанный глиной.

Совершеннее горны второго типа. Они использовались многократно и представляют собою сооружения прямоугольной формы из каменных плит с объемом рабочей камеры до 0,6x0,4x0,3 м. В западной части онежского и беломорского бассейнов такие горны известны с начала н.э. и, похоже, существуют вплоть до раннего средневековья. На стоянке Кудома XI оба каменных горна связаны с керамикой лууконсаари. К ним примыкали остатки производственных сооружений в виде прямоугольных, слегка углубленных построек.

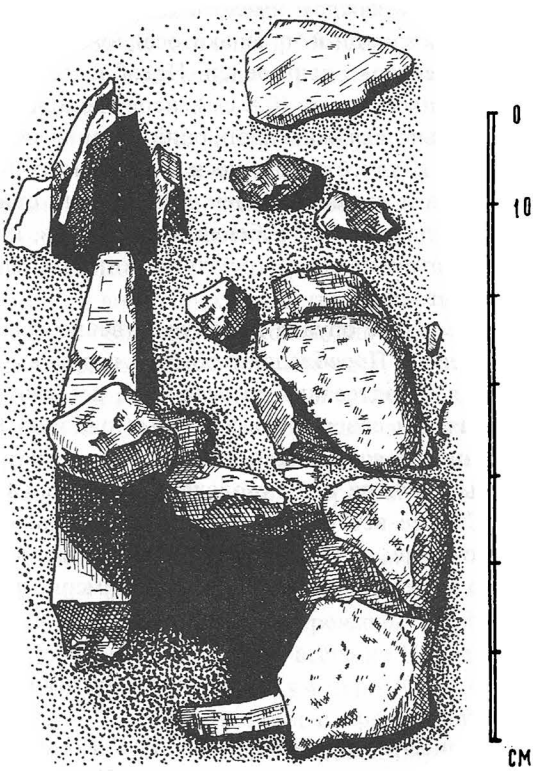
Кованые железные изделия представлены двумя кельтами и ножом (Кудома XI). Кельт с ушком относится к балтийскому типу. Другой кельт, без ушка, небольшого размера и с несомкнутой втулкой, вероятно, является тесловидным орудием. Серповидный нож находит аналогии в позднепьяноборских могильниках.

Таким образом, налицо смешение приуральских и западных, балтийских, тради-

ций в железоделательном производстве и распространение готовых изделий в ходе обмена. Внедряется и технология отливки бронзовых кельтов ананьинского типа, несложных изделий из круглого прута и пластинок.

Пока в раннем периоде железного века местное производство железных изделий четко не фиксируется, хотя какие–то примитивные его формы, по–видимому, существовали. Позднее, примерно на рубеже н.э., наряду с вещами приуральского происхождения появляются железные кельты балтийского типа, и используется более производительный способ получения сыродутого железа в горнах многократного пользования.

Из костяных изделий, которых относительно много, выделим обломки плоских изогнутых костяных пластинок шириной 0,7 см, украшенных по лицевой стороне двумя параллельными бороздками, со стоянки Пичево. Аналогичная пластинка–накладка обнаружена и на позднекаргопольском поселении Шеттима II.



Остатки горна для плавки железа

Истоки культуры лууконсаари восходят к позднекаргопольской культуре. Появление ее — результат продвижения населения из юго–восточной Карелии, в частности из Водлозерья. Тесные связи Прионежья и Водлозера сохраняются и на позднем этапе данной культуры. В западной части ареала лууконсаари прослеживается и влияние местного населения с асбестовой керамикой, у которого заимствована традиция добавки в глину асбеста и слюды.

Охотничье–рыболовецкая культура лууконсаари распространяется в Прионежье во второй половине I тысячелетия до н.э., что в целом соответствует памятникам позднеананьинского — раннепьяноборского времени в Прикамье. Поздний ее этап датируется в интервале между рубежом н.э. и VI в. н.э. Один из опорных памятников — поселение Кудома XI, а также комплексы лууконсаари Кудомы X, Малой Суны IX, Пичево, Пичево III, Томицы и др. Все они демонстрируют устойчивые связи с населением Прикамья и появление контактов с культурами балтийских регионов. Весьма своеобразны памятники западной периферии, расположенные преимущественно на территории Финляндии.

Следует упомянуть и культуру с керамикой “арктического типа”. Она занимает северные районы Финляндии (с границей по водной системе р. Оулу) и Скандинавии, часть Кольского п–ва. Финляндские ученые относят ее к кругу охотничье–рыболовецких и связывают с саамским населением раннего железного века на севере Карелии. Найдены восемь поселений с “арктической” керамикой — в бассейне озер Куйто, на р. Кеми и севернее. Все они кратковременные, небольшие, площадью до 100 кв. м.

Видимо, на каждом имелось только одно жилище легкой конструкции. Следы стационарных жилищ и признаки оседлого образа жизни отсутствуют.

Инвентарь очень беден. Преобладает керамика не местного происхождения. Сосуды тонкостенные (0,5 см), непрофилированные, вероятно, котловидной формы, относительно высоких пропорций. Стенки обычно гладкие или с беспорядочной штриховкой. В качестве примеси к глиняному тесту использовались асбест, реже слюда, органика и песок. Типичен упрощенный орнамент западного типа: пояски из прочерченных линий или гребенчатых оттисков, коротких насечек; гребенчатый зигзаг; резные заштрихованные треугольники; простые орнаменты из поясков ямок и неглубоких вдавлений.

Каменные орудия преимущественно кварцевые, редко — кремневые и совсем нет сланцевых. Преобладают обычно кварцевые скребки. Использовались долотовидные орудия с подтесанными лезвиями, а также остроугольные отщепы. В целом это типичная для северных и западных районов Карелии кварцевая индустрия. Фрагмент глиняной льячки со стоянки Тумча — свидетельство литья цветного металла. Достоверных данных о железоделательном производстве пока нет.

Скорее всего, культура "арктического типа" является северным ответвлением лууконсаари и последним на Северо–Западе Европы звеном в цепи культур ананьинского пласта. Существовала она примерно тысячу лет — с V в. до н.э. до V в. н.э.

Позднебеломорская культура

Данная культура выделена М. Г. Косменко, который отнес ее к ананьинскому культурно–хронологическому пласту. Характерные для нее поселения сосредоточены в основном в устье р. Выг (27 из 33 известных). Несколько памятников обнаружены в 100 км к западу по берегам озер Тунгуда и Березово. Известны они и восточнее, на побережье Летнего берега Белого моря (Архангельская обл.). В устье р. Выг к ним относятся прежде всего поселения Горелый Мост II—VIII, Усть–Уда. Материалы железного века представлены также и на многослойных памятниках Бесовых Следков, Залавруги, Золотца. Все это следы временных остановок. Постоянных поселений эпохи железа здесь пока не обнаружено. Чаще других посещались тогда поселения Горелый Мост II—VIII (свыше 160 сосудов), реже Залавруга IV (15 сосудов) и совсем редко остальные (обычно 1—5 сосудов). Сезонные посещения устья р. Выг происходили в течение всего железного века. Выбор мест для остановок определялся прежде всего близостью к морю и местам промысла. Притягивали и мощные речные пороги — излюбленные места для рыболовства. Жилых, хозяйственных сооружений не выявлено. Вероятно, они были наземными.

Техника изготовления сосудов (всего их, видимо, не менее 250) та же — методом ленточного налепа с частичным накладыванием глиняных лент друг на друга и последующим выравниванием стенок. Далее поверхность замывалась или обрабатывалась зубчатым штампом, пучком травы, либо иным инструментом, оставлявшим нерегулярные поверхностные штрихи. В качестве примеси использовались песок и дресва. Относительно небольшая часть сосудов имеет примесь асбеста, слюды и органики и обладает чертами типичной керамики лууконсаари и "арктической" — результат связей с более западными культурами. Встречаются и типичные детали ананьинской керамики — "воротнички", рельефные валики, присутствующие, как правило, на сосудах со шнуровыми узорами и их местными модификациями.

Преобладают круглодонные низкие котлы с более или менее выраженной шейкой. Плоские днища — большая редкость. Их тоже не украшали. Меньше сосудов с прямой и реже со слегка вогнутой верхней частью. Еще меньше прямостенных сосудов высоких пропорций с неопределенной формой дна и только один сосуд с небольшим ребром на тулове. Орнамент в основном относится к категории бордюрных узоров и узкой лентой опоясывает верхнюю часть сосудов. Здесь гораздо больше, чем на юге Карелии, шнуровых орнаментов с дополнительными поясками ямок или наколов небольшого диаметра. Довольно часто использовались оттиски широкого штампа с узкими зубцами. В целом в керамике позднебеломорской культуры прослеживается оригинальное сочетание преобладающих типично восточных элементов и черт, свойственных культурам более западных и северных областей Фенноскандии.

Набор каменных орудий еще достаточно разнообразен. Он включает кремневые и кварцевые скребки, обломки наконечников копий и дротиков, отщепы кремня, кварца, сланца (Усть–Уда). Вероятно, к железному веку относится и большая часть каменных орудий поселения Горелый Мост VI, где преобладают скребки и наконечники, есть заготовки кремневых и сланцевых рубяще–долбящих орудий, абразивы, тесло и кремневый нож.

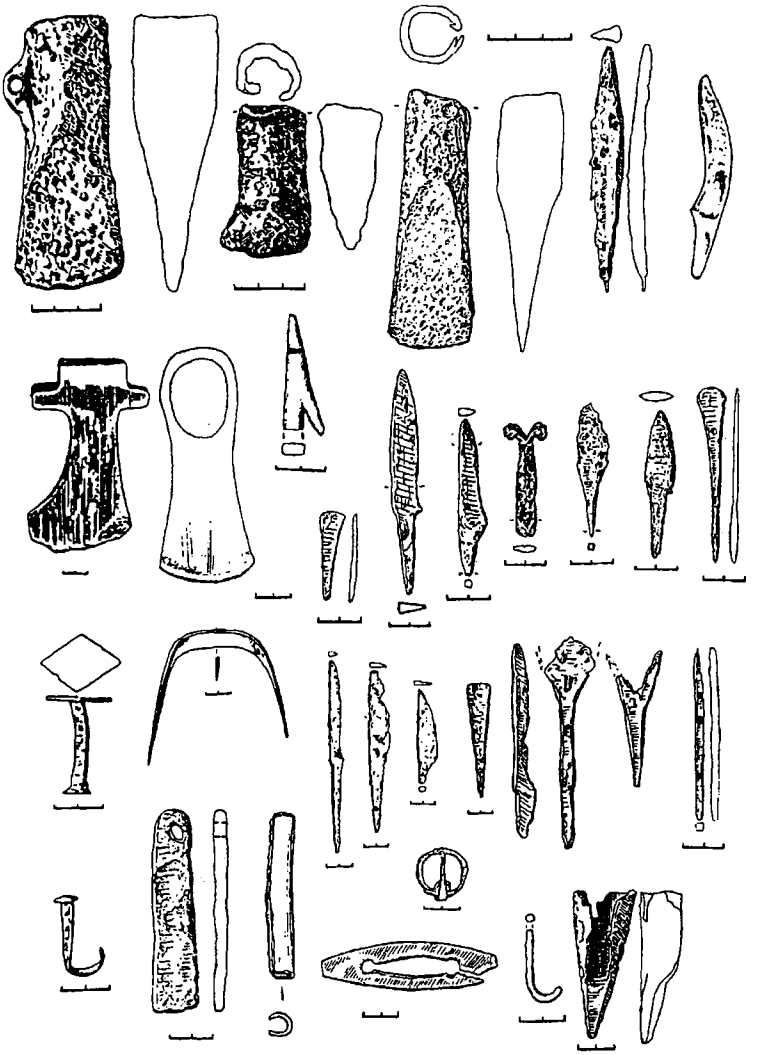
Следы бронзолитейного производства крайне скудные. Интересен фрагмент низкого круглодонного глиняного тигля диаметром 4 см, а также льячки диаметром около 6 см с самого крупного поселения Горелый Мост VI. Сложные бронзовые украшения в Беломорье (как и на юге Карелии) импортировались скорее всего из Прикамья. Аналогию плоской литой фигурке летящей птицы со стоянки Сумозеро XV можно найти в культурах Прикамья I тысячелетия н.э. Того же времени и прямоугольная выпуклая бляшка со сложношнуровым орнаментом со стоянки Остров Шойрукшин.

Явно к позднебеломорской культуре принадлежит железный кельт балтийского типа без ушка с поселения Бохта II. Следы железоделательного производства могут быть связаны с последующими раннесредневековыми, в том числе бескерамическими комплексами.

Позднебеломорская культура относится к ананьинскому культурно–хронологическому пласту древностей. Близость к Приуралью доказывает большое число сосудов со шнуровыми орнаментами ананьинского облика. Относительно невелика здесь доля местных узоров в виде пояскoв протащенного штампа и каннелюр. Последние появились в результате контактов с более западными культурами железного века. Видимо, позднебеломорская культура возникла при продвижении на запад населения более восточных областей в VI—V вв. до н.э. и бытовала до V—VI вв. н.э. Использование посуды с примесями асбеста, слюды и органики и орнаментации, свойственной культурам лууконсаари и “арктического” типа — следствие расширения контактов с ними. Особенно ощутимыми эти связи с западными районами становятся в первой половине I тысячелетия н.э.

7. НА ПОРОГЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Финальный этап культур эпохи железа в Карелии все еще изучен слабо. Между надежно датированными поселениями железного века в Карелии, последующей культурой без керамики и появившейся в X в. н.э. раннесредневековой культурой приладожских курганов с лепной керамикой наблюдается разрыв примерно в 300—500 лет.



Изделия железного века и раннего средневековья

И так на всей территории, где на смену керамическим культурам железного века приходит культура поселений без керамики. Повсеместно ощущается скудость датирующих металлических вещей второй половины I тысячелетия н.э. Сказывается процесс перестройки культурных связей на обширной территории северо–западной России и восточной Фенноскандии, четко определившихся лишь к X в. н.э.

Начало бескерамической культуры, или "саамского железного века", в северной Скандинавии финский археолог К. Карпелан относит примерно к 300 г. н.э. Исчезновение производства керамики, по его мнению, связано с изменением системы хозяйства у саами, которые в железном веке втягиваются в орбиту торговых связей с развитыми культурами бассейна Балтики и по сути превращаются в поставщиков местной продукции, прежде всего пушнины.

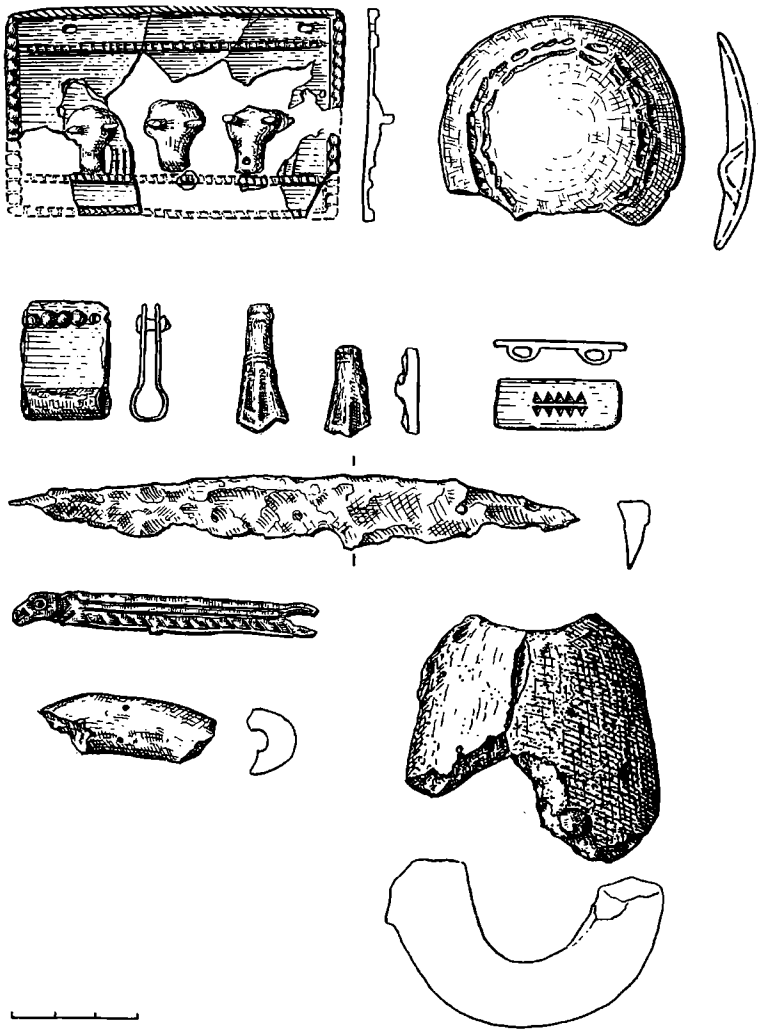
На территории Карелии западно-европейские изделия представлены только несколькими железными кельтами балтийского типа. Почти не известны и сами беске-

рамические поселения, за исключением полутора десятков комплексов не ранее X в. н.э. из перемешанных культурных слоев на юге Карелии и в Беломорье. Они возникают в раннем средневековье при зарождении торговли на балтийско–волжском пути, в орбиту которой особенно в пору наивысшего подъема втягивается и местное население. Появляются бусы, металлические украшения и медно–бронзовые котлы, заменявшие глиняную посуду. Бескерамические поселения в Карелии, скорее всего, доживают до XIII—XIV вв. Главная причина исчезновения из повседневного обихода керамики в раннем средневековье, по всей видимости, связана с переходом к более подвижному образу жизни, вызванному специализацией на пушной охоте. В итоге хрупкая и нетранспортабельная глиняная посуда вытесняется металлическими котлами. Подобная ситуация наблюдалась в начале II тысячелетия н.э. у обских угров в Нижнем Приобье. И там исчезновение глиняной посуды стимулировала торговля с Волжской Болгарией, откуда поступала металлическая посуда. Снять неясные вопросы, связанные с исчезновением керамики на территории Карелии, помогут поиски и раскопки бескерамических поселений второй половины I тысячелетия н.э.

И в железном веке на территории Карелии по–прежнему господствовали охотничье–рыболовецкие формы хозяйства. Поселения, как и ранее, тяготели к берегам крупных водоемов и концентрировались в приустье, а также у истоков рек, в местах, непригодных для земледелия и животноводства, но удобных для рыбного промысла, особенно в сезон нереста. Исчезают стационарные зимние поселения на берегах глухих озерных заливов. Большие прямоугольные полуземляночные жилища сменяют наземные постройки (обычно одна—две) легкой конструкции типа чума. На крупных памятниках фиксируются следы многократного заселения. Судя по кратковременному характеру стоянок, население постоянно передвигалось небольшими группами. Наблюдается определенная преемственность традиции охотничье–рыболовецких культур предшествующих периодов и резкое отличие от крестьянских деревень, расположенных на более высоких участках местности и не связанных так неразрывно с берегами рек и озер. Формируется хозяйственно–культурный тип подвижных лесных охотников и рыболовов, сохранявшийся в северной части лесной зоны Евразии до недавнего времени. Возможно, на побережье Белого моря, как и прежде, практиковался промысел морского зверя.

Появление металлургии железа не привело сразу к кардинальным изменениям в среде местных охотников и рыболовов. Металлургическое производство, несмотря на богатые запасы сырья, особенно озерной и болотной железной руды, не достигло высокого уровня[20]. Основные виды орудий труда (кроме ножей и кельтов) по–прежнему изготовлялись из камня, а также из кости, рога и дерева. Каменные индустрии сохраняли свою роль, хотя уже клонились к упадку. Из бронзы делали в основном простейшие украшения. Преимущественно бронзовыми украшениями представлены и импортные изделия приуральских типов. Появляются и железные кельты восточно–балтийских типов. Существовало ли в Карелии их местное производство — точно не установлено. Длительные восточные связи обусловлены прежде всего родством населения, обособившегося в процессе формирования ананьинского пласта культур между Уралом и восточной Прибалтикой.

Становление производящих отраслей хозяйства в Карелии не прослеживается вплоть до раннего средневековья. Оно специализировалось здесь на пушной охоте и сбыте мехов, поначалу главным образом в районы Волго–Камья, а затем и торговые центры на пути “из варяг в греки”. Сама природная обстановка благоприятствовала становлению и развитию данной формы хозяйства, которая окончательно сложилась,



Находки с поселений железного века

видимо, уже в период раннего средневековья. Тогда южнее Карелии начала процветать западно–восточная торговля на балтийско–волжском пути. Одним из основных видов товара здесь тоже были меха. Именно тогда к северу от торгового пути наблюдается приток импортных вещей и появляются поселения без керамики.

Данные о зарождении оленеводства в эпоху первобытности и раннего средневековья в Карелии отсутствуют. У лесных народов оно нигде не получило заметного развития и играло вспомогательную роль: олень использовался на охоте и как средство передвижения.

Искусство железного века представлено слабо, в основном реалистическими и символическими изображениями из металла, камня и глины, а также орнаментами на глиняной посуде. В дошедших до нас образцах наблюдается сочетание достаточно традиционных и явно новых элементов. К традиционным можно относить схематические человеческие изображения с разведенными в стороны руками на некоторых сосудах культуры лууконсаари. Частично сохранилась барельефная антропоморфная

фигурка на горшке с поселения Лахта II. Схематичные парные фигурки изображены оттисками зубчатого штампа на сосуде со стоянки Кудома XI.

Металлические изделия в зооморфном стиле, свойственном лесным культурам железного века камско–уральского региона, в Карелии редки. Известна бляха с изображением медвежьих голов (Илекса V) и привески в виде лапок водоплавающих птиц (Илекса III). Новшеством являются ромбы с крючками, выгравированные на обломке сланцевого молота (Илекса V), которые трактуются как знаки плодородия и одновременно символизируют землю, растение и женщину. Данный символический мотив появился на северо–западе Европы вместе с культурами ананьинского пласта.

Орнаментика сосудов постепенно деградирует и в техническом, и в структурном плане. Сами технические средства нанесения узоров разнообразнее на востоке Карелии и беднее в западных ее районах. На лепной посуде декорирование сводится к простейшим приемам — замыванию и заглаживанию поверхности. Судить об уровне развития искусства в целом у населения Карелии в железном веке пока трудно из–за неполноты и скудости дошедшей информации.

Недостаточно изучена и этническая история. В Карелии издавна живут представители финно–угорских и славянских народов. Это коренные ее жители. Но когда они здесь появились, как протекал процесс этногенеза, кто были древнейшие обитатели края — все эти темы остаются дискуссионными. Археологические источники слабо фиксируют этнические признаки. Наряду с ними приходится использовать данные языкознания (лингвистики, топонимики), антропологии, этнографии и других наук и комплексный, синтетический подход.

Центральной темой остается появление финно–угорского населения и его роль в местной истории. А для эпохи средневековья — взаимоотношение его со славяно–русским населением. Выше сделана попытка выделить и проследить последовательные культурно–хронологические пласты (со свойственными им археологическими культурами) на территории Карелии от мезолита до раннего средневековья. Но этническая принадлежность древнейшего населения остается еще неясной. Пока не удалось надежно увязать с какой–то этноязыковой общностью не только археологические культуры эпохи мезолита, но и неолита. Правда, попыток сделано немало. Восточные (монголоидные) расовые черты отмечались в мезолитическом Оленеостровском могильнике на Онежском озере. Высказывалось предположение, что культура сперрингс — уральского происхождения и принадлежит западной ветви древнейших финно–угров. Еще больше сторонников имела гипотеза финно–угорской принадлежности культур с ямочно–гребенчатой керамикой. На территории Карелии они весьма развиты и, казалось, действительно образуют основу последующего, в том числе и этнического развития. Но при более глубоком анализе выяснилось, что преемственная связь с последующим, явно финно–угорским (уральским), пластом древностей почти отсутствует. Эти культуры больше тяготеют к южной и западной части лесной зоны и лишены уральских признаков и черт. Более того, за ними следует пласт инородных в целом культур волосовского облика. Не убедительна и протосаамская идентификация населения с ямочно–гребенчатой керамикой.

Население следующего, энеолитического этапа в Карелии, использовавшее керамику с примесью асбеста и органики, видимо, тоже генетически не связано с волжско–приуральским. Скорее, оно распространялось с запада на восток и, судя по янтарным и сланцевым изделиям, испытало балтийское влияние.

В бронзовом веке в Карелии, как и во всей северо–западной части лесной полосы России, а также в восточной Прибалтике и восточной Фенноскандии, распространи-

лась культура сетчатой керамики. Многие исследователи ее традиционно связывали с финно–угорским населением. Но, как выясняется, носителей и этой культуры вряд ли можно считать собственно уральскими финно–уграми — представителями уральских языков. Они — лишь один из компонентов в последующем формировании западных финно–угорских культур и этносов.

Особо значимым для древней Карелии явлением стало формирование с VIII в. до н.э. в лесной зоне европейской части России, к северу от Волги и в Приуралье ананьинской культурной общности. На основе смешения ананьинской культуры с культурой сетчатой керамики в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. в Карелии и к западу от нее распространяются местные культуры железного века — позднекаргопольская, лууконсаари, прибеломорская и "арктическая". Они имеют смешанный, гибридный характер. М. Г. Косменко и рассматривает их как первичные, исходные финно–угорские древности в Карелии, в которых впервые так отчетливо и ярко выступает уральский компонент. Примерно в то же время в западной части ареала ананьинского пласта древностей формируется древнесаамский этнос, а на юго–западном пограничье — прибалтийские финны[21].

В первый и последний раз четко выраженный процесс распространения культуры с явно уральскими чертами протекал на территории Карелии в железном веке. Говорить о множественности волн финно–угорского населения на запад в доисторический период нет оснований. Проблема происхождения и исторической глубины различных элементов традиционной культуры, языка, расовых особенностей западных финно–угров, весьма подвижных и изменчивых, требует специального рассмотрения. Доказанным можно считать лишь участие субстратных этносов в их формировании.

Распространение языка уральского происхождения, объединяющего народы уральской языковой семьи, стало центральным событием в истории западных финно–угров. На вопрос, когда это произошло, сами лингвисты отвечают по–разному. Одни относят их появление в восточной Прибалтике к I тысячелетию до н.э.; другие — по меньшей мере ко II тысячелетию до н.э. и даже ко второй половине III тысячелетия до н.э., ссылаясь на балтийские заимствования и считая культуры с гребенчато–ямочной керамикой финно–угорскими. Но этот тезис остается недоказанным. Проникновение на запад финно–угорских языков, скорее всего, шло с востока однократно и связано с самой поздней культурой уральско–поволжского происхождения — ананьинской. А контакты их с балтами можно относить примерно к V в. до н.э., с германцами — к рубежу нашей эры.

В бассейне верхней Волги ананьинская культура соприкасалась с дьяковской, содержащей балтийские элементы, а в восточной и северной Фенноскандии испытала влияние северных германских культур. В целом финно–волжский этап развития языка и культуры ананьинского пласта был относительно коротким. Уже в первой половине I тысячелетия до н.э. первоначально единый финно–саамский массив распался на собственно саамов и прибалто–финнов. Таким образом получается, что финно–угорский этнос сформировался в Карелии только в железном веке в процессе распространения гибридной культуры, содержащей элементы ананьинской культуры Прикамья и Среднего Поволжья.

Более конкретную этноязыковую принадлежность древних культур Карелии помогают установить данные "археологии языка" — топонимики. На территории Карелии выделяются три основных пласта субстратной дорусской топонимии: прибалтийско–финский, саамский и древний. Иногда этот последний пласт обозначают как "волжский" или "волгоокский". Он прослеживается на обширной территории в цен-

тре и на севере Русской равнины, а также на востоке Фенноскандии, включая Карелию. По-видимому, волжский пласт соотносится с древностями позднего бронзового века с сетчатой керамикой, которые вошли в состав более поздних культур железного века. "Волжскую" топонимию можно рассматривать как следы одного из главных этнических компонентов в сложении западных финно-угорских этносов — и волжско-финских, и прибалтийско-финско-саамских. На территории Карелии зафиксировано много "волжских", скорее всего еще дофинно-угорских топонимов. Они распространены в восточной части бассейна Онежского озера, севернее и западнее.

Широко представлена и саамская топонимия. Саамские названия распространяются на восток вплоть до р. Печоры, есть они и на Вычегде, на юге доходят до верхней Волги, часто встречаются между Приладожьем и Белозерьем. Доказано, что этот саамский пласт на севере России непосредственно предшествует прибалтийско-финской, а в восточных районах его ареала — пермской топонимии. Происхождение саамов остается не вполне ясным. Одни видели в них потомков древнего арктического народа (протосаамов), позднее воспринявших финно-угорский язык. Другие принимали за потомков самодийцев или древних уральцев. А. Э. Итконен вовсе исключает древний компонент и рассматривает саамский язык как развитие одного из диалектов раннего праприбалтийско-финско-саамского языка. К истине, видимо, приблизит сравнительное изучение данных археологии и саамской топонимии, которая складывалась в течение длительного периода. Своими истоками она, скорее всего, восходит ко времени существования единой прибалтийско-финско-саамской общности, формирующейся в железном веке примерно с середины I тысячелетия до н.э. на базе культур ананьинского типа и распространяется в основном из Поволжья через Белозерье, Онежский бассейн и далее на запад и север Фенноскандии[22].

Прибалтийско-финско-саамская языковая общность, по предположению лингвистов, в I тысячелетии до н.э. распалась на предков прибалто-финнов и саамов. Прибалтийско-финская языковая общность складывалась на территории, примыкающей к Финскому заливу. А прасаамская языковая стадия (I тысячелетие до н.э. — VIII в. н.э.) связана с Заволочьем и Межозерьем (территорией между Ладожским, Онежским и Белым озерами), Карелией и Финляндией. В первой половине I тысячелетия н.э. произошло деление на северный и южный прадиалекты. Южный затем был поглощен языком предков финнов[23].

Бескерамические комплексы Карелии X—XIV вв., видимо, тоже принадлежат создателям поздних форм саамской топонимии. Более ранние ее проявления известны в бассейне Онежского озера и в Беломорье и, скорее всего, восходят к местным культурам эпохи железа. Средневековая культура саамов на территории Финляндии тоже представлена комплексами без глиняной посуды.

Топонимика не фиксирует следов массового продвижения носителей древних уральских языков на запад лесной зоны. Тем не менее какой-то общеуральский компонент в составе волжского и, возможно, саамского топонимического пластов все же ощущается. Появление топонимов с "уральскими суффиксами" происходит не ранее середины I тысячелетия до н.э. Позднее в Карелии и соседних областях отчетливо выраженных следов распространения восточных культур уже не наблюдается[24].

Уверенно с археологическим материалом можно идентифицировать карело-вепсский слой субстратных названий. В целом же прибалтийско-финские названия простираются гораздо дальше на восток, включая восточные районы Заволочья, бассейн рек Вычегды, Выми, Мезени, низовья р. Печоры. Эти топонимы распространялись с запада на восток и перекрывают пермскую гидронимию.

Культура западного типа представлена на восточном побережье Онежского озера и оз. Водлозеро небольшой серией раннесредневековых поселений X—XI вв. н.э., обнаруживающих близкое сходство с культурой приладожских курганов. Это население и могло породить в юго–восточной Карелии прибалтийско–финскую топонимию. Но данный культурный пласт сравнительно маломощный и формировался в течение короткого времени. Скорее всего раннесредневековые поселения Обонежья принадлежали древним вепсам. В формировании восточных групп вепсов в раннем средневековье приняли участие и саамы. В восточной части бассейна Онежского озера уже с раннего средневековья преобладал древнерусский этнический компонент[25]. Следующий, средневековый этап истории Карелии связан с прибалтийско–финскими и русским народами.

Глава II

КАРЕЛИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (X – XV вв.)

1. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

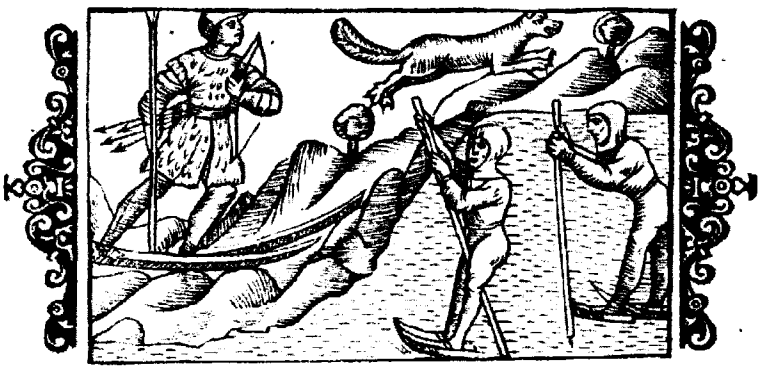
Феодальное общество на территории Карелии складывалось в первой половине II тысячелетия н.э. Феодализация почти не затронула саами — носителей затухавшей первобытной охотничье–рыболовецкой культуры поселений без керамики, сохранивших традиционный для себя образ жизни. Они покидали южную половину края, вытесняемые новыми, прибалтийско–финскими группами, пришедшими, в основном, из южного Приладожья и Межозерья (земель между Ладожским, Онежским и Белым озерами). Именно в среде переселенцев складывалось феодальное общество. Параллельно происходила их этническая консолидация в самобытные народности корелу и весь. Убыстрению обоих процессов способствовало Древнерусское государство, к XIII в. вышедшее к берегам Северного Ледовитого океана. Особый, зачастую неблагоприятный вклад в вызревание феодальных отношений и этногенез внесла крестоносная агрессия XII—XIV вв.

Этносоциальное становление корелы и веси

Этногенез отдельных групп прибалто–финнов занял вторую половину I — первую половину II тысячелетий. К IX—X вв. главными этническими образованиями к северу от славянских Приильменья и Верхнего Поволжья являлись *чудь* и *весь*. Возможно, они стали обособляться в племенные группы с собственным "этническим лицом" уже к середине V в. Во всяком случае, в готской истории Иордана "О происхождении и деяниях гетов" содержится любопытный сюжет о границах державы Германариха, в котором перечислены народы, якобы им покоренные. Чтение этого латинского отрывка ("domaerat Golthescytha Thiudos Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens Imniscaris...") в размере поэтически организованной традиционной готской эпической "висы" (то есть так, как он должен был звучать по–готски) означает: "Покорил Гольтескифов: Чудь в Aunxis, Весь в Abroncas, Мерю, Мордву в Мещёре..." (так как "in"="im" — предлог "в")[1].

Важнейшим фактором дальнейшего становления обоих этносов явилась их близость и политическая зависимость от Древнерусского государства. В середине IX в. чудь и весь состояли в раннегосударственном политическом объединении — конфедерации со славянами; вместе они изгнали со своих земель — Верхней Руси — шведских викингов (850–е гг.), а в 862 г. для защиты от вторжений с запада призвали враждебного своям ютландского конунга Рюрика (Hroerekr) "с его домом и верным воинством" ("sine hus" и "tru vaering" скандинавских саг, то есть с его легендарными "братьями" Синеусом и Трувором).

Наличие варяжского элемента среди славянского и прибалтийско–финского на-



Пушная охота на севере. Гравюра из кн. О. Магнуса, изд. 1555 г.

селения южного Приладожья и Межозерья хорошо согласуется и с археологическими находками в Старой Ладоге — изначальном, до постройки Новгорода, ремесленно–торговом и политическом центре Верхней Руси VIII—IX вв., — и с сообщением русских летописей о том, что весь являлась первонасельником в Белоозере, а варяги там — лишь "находники". По некоторым летописным данным, к X—XI вв. чудь проживала в основном к западу от веси[2].

С XII в. известна народность *корела*, которая возникла в результате сложного межэтнического синтеза на землях Карельского перешейка и северо–западного Приладожья, а также заняла область Саво и северную половину Финляндии. Межозерье, в том числе Посвирье, стало родиной современных вепсов. Видимо, ядром древних карелов выступили "чудские" (западные) группы прибалто–финнов, а вепсов — летописная весь. На Карельском перешейке топонимика сохранила следы пребывания и прибалто–финнов из Эстонии и Финляндии, а на Заонежском полуострове — вепсов и карелов.

Корела проникала и далее на север. В древнейших "Истории Норвегии" и исландских сагах повествуется о плаваниях норвежских викингов в Финнмарк (*финнами* норвежцы называли саами) и Биармию, предположительно связанную с областью в устье Двины и с югом Кольского полуострова. "История" и саги отметили наличие там среди жителей древних карелов, которых называли *kirjalar* (кирьялы). По одной из версий, этноним отразил раннюю форму самоназвания древнекарельской народности, восходившую к балтийскому girja, garja — "гора"[3].

Этническое и социальное развитие северных народов опиралось на крупные изменения в экономике. На рубеже тысячелетий Карелия оказалась вовлеченной в орбиту так называемой циркумбалтийской торговли. Дело в том, что в конце VIII — первой половине XI в. на берегах Балтики и Ладожского озера встретились два великих торговых потока: с юга, из мусульманских стран, и с запада, из пределов Франкской империи. Активно включился в торговлю и север. Скандинавы и славяне выступили посредниками между востоком и западом, а прибалтийско–финские племена и отчасти саами снабжали циркумбалтийский рынок ценной пушниной — мехом соболя, горностая, черно–бурой лисицы, бобра, куницы, белки[4]. Погоня за пушным товаром и заставила прибалто–финнов осваивать северные земли. Археологи открыли кратковременные поселения–стоянки этих охотников и рыболовов с керамикой приладожского типа на северном берегу Онежского озера, на Водлозере и Сямозере, а также в устье р. Выг.

Меновая торговля. Гравюра из кн. О. Магнуса, изд. 1555 г.

Быт добытчиков был прост. Жилищами служили легкие каркасные постройки с очагом по центру. В устье Суны и на озере Муромском найдены два поселения со следами железоделательных горнов. Здесь изготовлялись железные ножи и наконечники копий, а также лепная (сделанная без применения гончарного круга) керамика. Другие вещи: стеклянные бусы, металлические украшения — являлись привозными, бытовавшими на Европейском Севере на рубеже I и II тысячелетий. На поселении в Чёлмужах обнаружены остатки дома из бревен с печью–каменкой. К поселку примыкали могилы — "домики мертвых" — с высокими насыпными курганами. По своему облику и погребальному инвентарю захоронения близки могилам веси на реках Суде и Мологе в Белозерье. Видимо, данный важный пункт на промыслово–торговом пути из Онежского озера к Белому морю заняла группа судско–моложской веси. Другая часть веси — из района р. Оять в Посвирье — тогда же, на рубеже I—II тысячелетий, оставила курганный могильник у Кокорино в Уницкой губе на Заонежском полуострове[5].

Наиболее устойчивые раннесредневековые связи посвирской веси с землями Карелии зафиксированы на Олонецкой равнине и по восточному побережью Ладожского озера: от района Обжи на юге до рек Видлицы и Тулоксы на севере. Олонецкие земли непосредственно примыкали к древнему свирскому ареалу обитания веси по рекам Сяси, Паше и Ояти. Поэтому олонецко–видлицко–тулокские курганы (а поселений веси, кроме Сясьского городища, не обнаружено и в Посвирье) наиболее близки по типам и времени погребений курганам юго–восточного Приладожья. Видимо, Олонецкая равнина также входила в основной ареал расселения древневепсской народности[6].

Западная половина Карелии, как и северная часть современной Финляндии, оказалась в сфере карельской торгово–промысловой колонизации. Туда пролегали удобные водные пути, идущие по Вуоксе и из района Сортавалы в Сайменские озера и далее в Приботнию и саамскую тундру. Вдоль этих трасс найдены серебряные вещи, сходные с ювелирными украшениями Приладожья. Саамские и карельские предания также повествуют о ранних торговых связях и стычках из–за пушнины саами и карелов.

Весьма патриархальные способы торговли карельских ватаг с саами запечатлены в карельских преданиях. Первым делом обе стороны заключали перемирие и определяли место, где должен происходить торг, и объявляли его священным. Затем оговаривали срок, на который заключалось торговое перемирие, и обменивались заложни-

ками для гарантий его соблюдения. Кроме того, саами, верные обычаю гостеприимного гетеризма, присылали в стан карелов своих женщин. (Между прочим, древнейший из русско–норвежских договоров о границе 1320–х гг. имел в виду не только собственно "финнов" — саами, но и "полукарелов или полуфиннов, у которых матери были финки".)[7] Саги описывают точно такой же порядок торга норвежцев с карелами в Биармии – кроме обычая гостеприимного гетеризма, не свойственного карелам.

К рубежу I и II тысячелетий относятся и большинство монетных кладов летописных веси и корелы. Наиболее богатые из них, до десяти тысяч монет из Западной Европы и мусульманских стран, найдены на р. Свири и на западном побережье Ладоги, то есть на основных землях их проживания. На периферии расселения, по западному и северному берегам Онежского озера (у Петрозаводска, Сандала и Падмозера), обнаружены менее значительные по количеству монет клады. Само их наличие говорит о том, что деньги на север поступали не в качестве средства обращения с твердой стоимостью, а как металл для неэквивалентного обмена с поставщиками пушнины. Кладами монет и серебряных вещей отмечены и конечные пункты торговых поездок карелов в саамской тундре: саами жертвовали серебро своим духам и поэтому оставляли его в святилищах[8].

Многочисленные клады отмечают начало процесса социального расслоения в среде корелы и веси при переходе от первобытно–общинного строя к классовому. Древнейшие свидетельства тому находим и в рунах эпоса "Калевала". Общество, изображенное в рунах, жило в условиях родового строя, в котором уже возникло имущественное неравенство, существовали богатые и бедные. В рунах упоминаются рабы и главный путь их приобретения — войны. Калевальская традиция не без основания приписывает появление рабов и войн "злому железу", из которого производятся мечи, и противопоставляет его "доброй кости", сопряженной по времени бытования с идеализированно нарисованными порядками родо–племенных отношений.

Именно с IX—X вв. в Приневье и Посвирье, в южной Карелии наступает настоящий "железный век": в повседневный трудовой быт входят орудия из железа местного производства. Одновременно в недрах прибалтийско–финских племен вызревало социальное неравенство, имущественное выделение племенной верхушки. У корелы таковой являлись *валиты* (пока еще выборные старейшины племенных сообществ) и *куннингасы* — очевидно, предводители карельских торгово–промысловых и военных ватаг[9].

О вызревании социального неравенства свидетельствуют и материалы раскопок могильников Карельского перешейка, юго–восточного Приладожья и Олонецкой равнины. Погребения веси и корелы не отличались стандартным набором вещей и украшений: среди них имеются могилы как с богатым погребальным инвентарем, так и бедные захоронения с минимумом необходимых вещей. Отчетливо это проявляется в женских могилах при обряде трупоположения. При инсгумации (сожжении) покойника в некоторых могилах, особенно там, где наличествуют элементы скандинавского обряда захоронений, вместе с пеплом под курганную насыпь попадали и богатое оружие, в том числе мечи, и человеческие черепа (по всей видимости, останки умерщвленных рабов), и разнообразные ювелирные украшения и утварь.

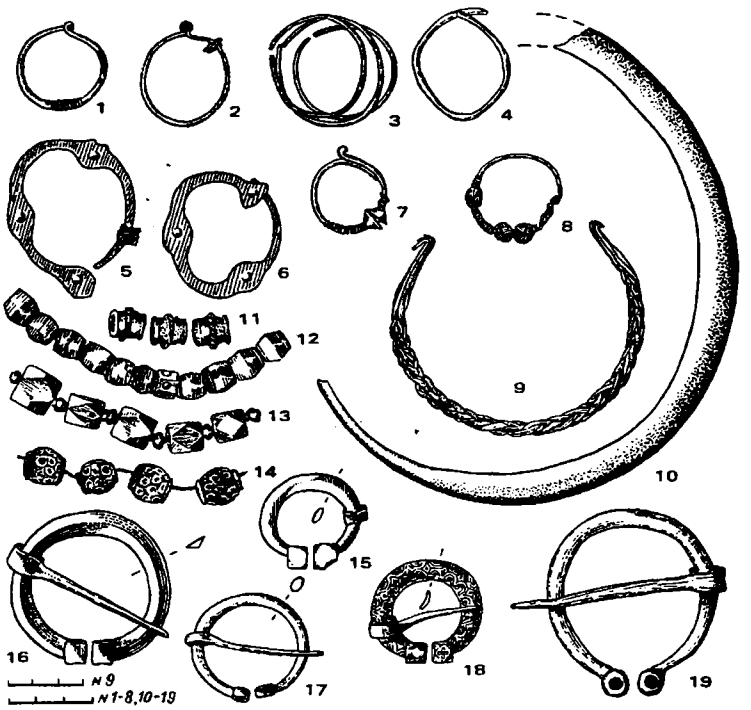
Могилы варяжского типа на восточном побережье Ладожского озера не случайны. Исследователи обратили внимание на сообщения летописей и скандинавских саг о *колбягах — кюльфингах*. В "Правде Русской" 1015 г. варяги и колбяги всегда следуют парой: они принадлежат к знатным воинам. "Сага об Эгиле" утверждала, что кюль-

Вещи из женского погребения Кекомяки–6

финги совершали длительные путешествия на север к саами, где занимались торговлей, "а кое–где — и грабежами", являясь конкурентами и карелам, и викингам из Норвегии. Хотя саами и не сохранили в своем языке имени "колбяги", но их фольклору хорошо известна "чудь" в качестве именно таких торговцев–добытчиков. По авторитетному мнению скандинавистов, колбяги являлись этносоциальной группой Верхней Руси, возникшей в результате связей верхушки чуди и веси и пришлых скандинавских воинов; их занятием служила торгово–посредническая и промысловая деятельность и грабежи[10].

Встреча вепсской и карельской волн колонизации произошла на Заонежском полуострове, о чем свидетельствует его топонимика. Такой же пограничной зоной оказались районы восточного побережья Ладоги и Сямозеро. Тут наблюдается постепенное сближение черт археологических культур веси и корелы. А в будущем, к XVII—XVIII вв., на широкой полосе Онежско–Ладожского межозерья возникнут самостоятельные этнические группы карелов–ливвиков и карелов–людиков — потомков карельских и вепсских переселенцев.

XI—XII вв. принесли дальнейшие существенные изменения в жизнь населения Карелии. Промыслово–торговые поселки исчезают. Причина — свертывание циркумбалтийской торговли и экспансия (расширение территории) Древнерусского государства на север. После разгрома Хазарского каганата киевским князем Святославом Игоревичем и укрепления Руси роль главного торгового пути Восточной Европы переходит от Волги к Днепру и Волхову, всецело находившимся в руках киевской династии Рюриковичей. Одновременно произошло изменение ее взаимоотношений с викингами: отныне варяги нанимались на службу князьям и относительно самостоя-



Предметы из курганов веси XI—XII вв.

тельную силу представляли лишь на северной окраине. Ладога, бывшая доселе выдающимся административно-политическим и экономическим центром Севера, уступила свое влияние Новгороду, в котором господствовали великокняжеская власть и местная славянская знать — бояре.

Экспансия Руси означала прямое или косвенное включение живших на Севере народов в орбиту русской государственности, прежде всего в сфере налогообложения. Так начиналась русская колонизация Севера. Социально-экономически экспансия выражалась, во-первых, в интенсивном заимствовании северными народами хозяйственно-бытовых и культурных достижений русско-славянского мира, а во-вторых, в заселении русскими северных земель. Но приход русских на север не привел к угасанию этногенеза проживавших тут финно-угров.

Новый этап в развитии Карелии выявляется при анализе материалов курганов веси. В XI в. в Приладожье появились русские жители и завязались тесные связи веси с Новгородом, из которого она получала множество ремесленных изделий и познакомилась со многими русскими технологиями их производства. Тогда же из обихода (по крайней мере, из погребального инвентаря) почти исчезли привозные западные и восточные вещи, но увеличилось число предметов собственной и более широкой финно-угорской принадлежности. Все это означало резкую переориентацию восточно-приладожского общества на славянский мир, объединивший в сфере своей государственности многие финно-угорские народности.

Естественно, на территории Карельского перешейка связи с западом продолжались. Но, как и на восточном берегу Ладоги, с начала II тысячелетия и здесь появились ювелирные изделия русской выделки. Северные торговые трассы корелы также

отмечены находками подобных вещей из Новгорода, в том числе и в саамских кладах в Куусамо и Куолаярви. Тогда же у еще достаточно не однородного этнически населения западного побережья Ладоги создавался ряд оригинальных типов изделий собственного производства: фибулы (застежки плащей и платьев), спиральные перстни; среди них встречались украшения, весьма схожие с изделиями этнически определившейся корелы XII—XIV вв., что говорит о продолжении генезиса древнекарельской народности[11].

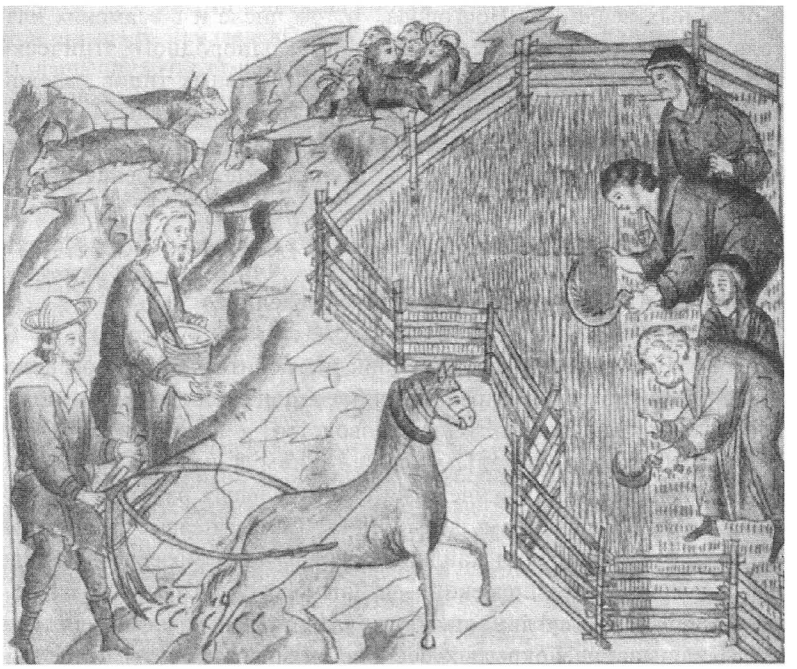
Революция в экономике: от охоты к земледелию

XI—XII вв. в истории Карелии отмечены еще одной исключительно важной новацией: на ее территорию проникло сельскохозяйственное производство. Производящие формы хозяйствования — зерноводство и животноводство — были известны еще предкам карелов, занимавшихся подсечным земледелием в первой половине I тысячелетия н.э. Во второй половине I тысячелетия в центральных районах Карельского перешейка уже перешли и к пашенному земледелию. Самые первые следы этой производящей формы хозяйства в Карелии найдены на берегах Сямозера — в виде пыльцы ржи, которая возделывалась на подсеке, — и датируются 1020-ми гг.[12]

Подсека в условиях севера с его суглинистыми, подзолистыми почвами являлась самой ранней стадией возделывания покрытых бесконечными нетронутыми лесами земель, первой формой ведения зернового хозяйства. Удобрением служила зола сожженных на месте подсеки деревьев. Первым делом древний земледелец выбирал удобное для посева место — обычно склон холма, покрытого лиственным лесом. Затем деревья вырубали, оставляя высыхать на месте. Такой участок с не сожженными еще деревьями и назывался *подсекой*. Потом наступала очередь *огнищу*, *пожёгу*, *палу* (сжиганию сухих стволов и корневищ), а после — боронованию участка. При первой обработке почвы даже простая соха не могла справиться с развитой корневой системой и обилием камней, поэтому зерно вместе с золой просто запахивали бороной.

Обработанное таким образом поле с растущим хлебом называлось у русских *нивой* или *лядой*, у карелов и вепсов — *каской*, *пало*. Оно не требовало ухода, и земледелец приходил сюда лишь затем, чтобы снять урожай. Оставшееся после уборки *нивище* засевалось на следующий год снова; за несколько лет место истощалось, и крестьянин искал новый участок для устройства нивы. Старое нивище зарастало — теперь оно звалось *лядиной* (*кедовина*, *веранда*) — до тех пор, пока его снова не брали в подсеку. Разнообразие слов, обозначавших и стадии возделывания (от порубки до возобновления), и различие в качестве почвы, которую можно или нельзя обрабатывать, отличает языки и карелов, и вепсов, и северных русских. Действительно, на севере подсека была чрезвычайно распространена, потеряв свое значение лишь к XX в.[13]

В начале II тысячелетия пашенное земледелие не могло еще получить широкого распространения. *Пашня* (по-карельски и вепсски *пелда*), то есть постоянно возделываемые и удобряемые поля с посевами злаков, требующая большего, чем подсека, ухода, обычно располагалась рядом с домом. Вероятно, пашни существовали на коренных племенных землях корелы и веси на крайнем юго-западе и юге Карелии, а также в районах Сямозера и Чёлмужей. Косвенно это подтверждают найденные в захоронениях останки домашних животных: коров, лошадей, овец, коз и свиней[14]. Видимо, их разводили не только для получения мясо-молочных продуктов, но и для необходимо-



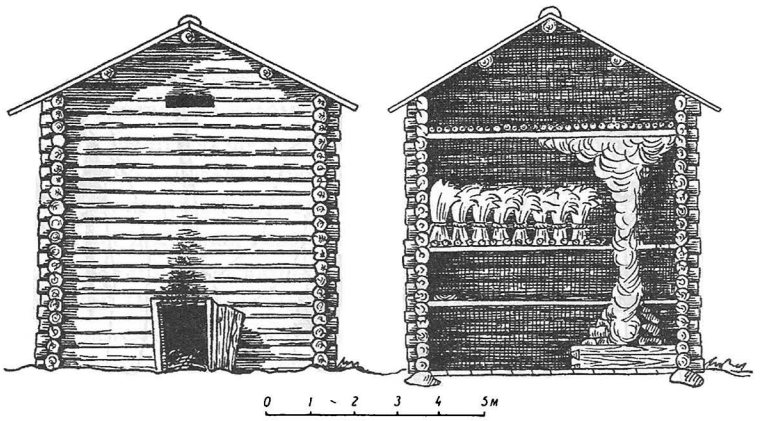
Полевые работы. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

го при пашенном земледелии унавоживания почвы. Кроме того, овцы давали шерсть для ткачества.

Разрабатывали пашню с помощью сохи. Это легкое орудие, сделанное из дерева, доступное каждой крестьянской семье. Для более качественной обработки почвы соха имела не один, а два параллельных зуба с вставленными железными сошниками. Они углублялись в землю под углом в 45 градусов, разрыхляя и перемешивая пласт. В соху запрягали лошадь с помощью оглоблей. Соха распространилась в северных русских областях уже в X—XI вв. Самые близкие к Карелии сошники относятся к XII в.; они найдены в юго–восточном Приладожье. Использование сохи на севере ознаменовало собой переход от чисто подсечного к подсечно–пашенному зерновому хозяйству. Со временем пашенное земледелие проникло даже на Белое море. По источникам XV в. участки пашни назывались там "землей страдомой"[15].

Небольшую северную пашню взрыхляли и мотыгами. Во всяком случае, в "Житии Зосимы и Савватия" о трудах подвижников написано: "Землю копали мотыгами и от того питахуся". Но неясно, шла ли здесь речь о хлебных культурах или о репе (на севере репа произрастает вплоть до Полярного круга. В одном из актов XVI в. в Керети упомянуто "репище" — пашенный огород под репу). Кроме сохи, мотыги и бороны использовались серпы русского вида (с зазубренным режущим краем), косы–горбуши (с укороченной рукоятью) и топоры для подсеки, схожие по форме с боевыми, но более массивные.

Видимо, уже с XI—XIII вв. выделился набор сельскохозяйственных культур, возделывавшихся в Карелии и в дальнейшем. Главные злаки — озимая (высеваемая осенью) рожь и яровые (сеющиеся весной) овес и меньше ячмень. Совсем небольшие площади, в основном в южных районах, отводились под пшеницу. Из полевых культур повсеместно выращивалась репа (и на пашне, и на подсеке), из технических на первом



Овин (рига)

месте стояли лен и конопля, а из огородных — горох. Высаживался и хмель, необходимый для варки пива.

Повсеместное распространение земледелия изменило сам вид поселений. Появились новые хозяйственные помещения — гумно с током и овин (у карелов и вепсов — рига, ригача). В крытом гумне хранились необмолоченный хлеб и солома. Чтобы достичь полного обмолота, зерно сушили в овине. Там в земле выкапывалась яма для костра (позднее — строилась печь), а наверху имелись жерди–колосники для просушки снопов. На току колосья обмолачивались цепами. Потом зерно мололи, поначалу на ручных мельницах–жерновах. В XV в. в крупных хозяйствах монастырей Карелии стали появляться ветряные и водяные мельницы.

Земледелие становилось ведущей формой хозяйственной деятельности постепенно. Давние занятия населения — охота и рыболовство — не утрачивали своих позиций нигде, кроме самых южных районов. Лишь со временем продукция земледелия и животноводства стала превалировать в общем объеме доходов крестьянского двора. Так, к 1480–м гг. в северном Приладожье, то есть на северной оконечности основной территории проживания древнекарельской народности, треть всех семей выплачивала налоги еще пушниной, но две трети — уже хлебом и деньгами[16].

Успеху в земледелии способствовало знание населением Карелии ряда важных ремесел. Главные из них — железоделательное производство и ткачество. Ремеслом занимались без отрыва от сельского хозяйства и промыслов. Кузнецы работали на заказ, а не на рынок. Ткачеством занимались в основном женщины на дому, удовлетворяя потребности семьи.

Кузнечное производство развивалось в Карелии с эпохи викингов. Сырьем служили местные железные руды. В домницах варилось не только простое железо, но и *уклад* — высокоуглеродистое железо, близкое по качеству к стали. Умелые кузнецы использовали сложные, в том числе русские технологии, такие как трехслойный пакет. Суть последней состояла в наварке с двух сторон железных полос на стальную основу–лезвие, отчего оружие (мечи, ножи) становились самозатачивающимися. Разнообразие приемов и методов горячей кузнечной ковки и сварки, термической обработки и горновой пайки, обмеднения железных и стальных изделий ставят кузнецов из Карелии в один ряд с городскими кузнецами Новгорода и Ладоги — основных центров ремесленного производства северной Руси.

Карелы. Реконструкция С.И. Кочкуркиной и И.В. Хеглунд

Высокой технологией отличалось и ювелирное производство. Ювелиры–кузнецы работали с серебром, сплавом меди с цинком, позднее — со свинцово–оловянистой и оловянистой бронзой. Археологами найдены не только ювелирные инструменты и наковальни, но и разнообразные украшения: ажурные застежки из плетеной серебряной проволоки для крепления к волосам платка—"сюкерё", серебряные же нагрудные броши и фибулы, служившие для прикрепления головного платка и наплечной накидки к платью. Данные изделия являлись не только предметами искусства, но и служили отличительными знаками этнической принадлежности. Известен карельский тип фибул, а зооморфные подвески в целом характерны для древневепсского населения.

"Медные одежды" карельских рун также нашли археологическое подтверждение. Медь использовалась для выделки спиралей, сквозь которые продевали нить, нашивавшуюся на ленту. Многие ряды таких лент с медными спиралями пришивались к платьям и юбкам. Для украшения одежды использовались и привозные ткани с золотой и серебряной нитью.

Одежда производилась в основном из льняной и шерстяной тканей. Верхняя одежда вязалась из теплой шерсти полотняного и саржевого переплетения, часто из разноцветных нитей; на нижнее белье (нательные рубахи) и шейные украшения шли льняная и конопляная ткани, которые выделывались с помощью ткацких станков. Пояса, ленты, узорчатая и гладкая тесьма изготовлялись способом тканья на дощечках с отверстиями на концах. В цветовой гамме одежды веси (во всяком случае, в погребальной) преобладали черный, темно–красный цвета и оттенки коричневого[17].

Экономические успехи и однотипное внутреннее социальное развитие сближали племенные группы прибалтийско–финского населения северо–западного Приладожья.

Кроме того, сказывалась и нестабильная, полная опасностей военно-политическая обстановка на Карельском перешейке, особенно обострившаяся в XII—XIV вв. Все это консолидировало разрозненное поначалу местное население в единую карельскую народность. Карелы, выработавшие к тому времени собственные формы материально-духовных ценностей, были связаны военно-политически, экономически, культурно, а с XIII в. и религиозно с Русью. Союзные, а затем и внутригосударственные связи повлияли на социальное развитие корелы, ускорив процесс становления феодальных отношений в недрах древнекарельского общества[18]. Весь, отдаленная от опасной границы со Швецией, напрямую входила в основную территорию Новгородской феодальной республики. Поэтому в XIII—XV вв. она испытывала на себе те же тенденции к вызреванию системы государственного феодализма, что и корела.

Феодализация общества

К XII в. в недрах древнекарельского и древневепсского обществ усилилась социальная дифференциация. Валиты-старейшины и куннингасы постепенно подчинили себе рядовую массу общинников. В этом их поддерживало Новгородское государство, появившееся на политической карте Руси в период феодальной раздробленности. Карельская племенная знать командовала народным ополчением и, по всей видимости, своими отрядами. Военно-политическая обстановка на северо-западе Руси требовала постоянной боевой готовности, прежде всего для противостояния шведской экспансии. Зачастую Новгород подкреплял военной силой свою активную политику в отношениях с русскими удельными княжествами; людские ресурсы и средства для борьбы брались и в Карелии.

Наиболее знатные представители корелы вошли в ряды боярства — правящего слоя Новгородского государства. Иногда они командовали новгородскими войсками. Так, под 1377/78 г. летописи сообщают о походе новгородцев под началом воеводы Ивана Федоровича Валита на Оулу в Восточную Приботнию (Остерботнию)[19].

В соответствии с потребностями обороны в Карелии строились крепости. Главная из них — Корела — находилась на острове около устья реки Вуоксы в Ладожском озере. Тогда другим своим устьем Вуокса втекала в Финский залив Балтики. У места впадения на острове имелось еще одно карельское городище, захваченное в конце XIII в. шведами, основавшими здесь город Выборг. По берегу Ладоги городища стояли на расстоянии 40 км друг от друга: у нынешней Сортавалы — Паасо, далее — Куркиёки, сменившее более раннее укрепление на берегу залива Хямеэнлахти, Сурмикли (у Лахденпохьи), потом Корела и, наконец, крепость Тиверск у Саккола (пос. Громово). Такой мощный оборонительный рубеж позволил Новгороду отразить крестоносную агрессию Швеции на свои земли.

Раннее городище Паасо (XII—XIII вв.) стояло на высокой горе. Внутри его стен, покоившихся на внушительном каменном фундаменте, в шахматном порядке располагались семь вместительных четырехугольных построек, тоже на каменном фундаменте и с односкатными крышами. Там же найдены остатки железоделательного горна. Находки доказывают, что население Паасо вело оживленную торговлю с ближними и более отдаленными местами, посещавшимися карельскими торговцами. Для окрестных жителей городище служило прибежищем во время вражеских набегов.

Однотипное с Паасо городище Тиверск отражает новый этап развития, который связан с политикой Новгорода по укреплению своих позиций в Корельской земле и

повышению ее военных возможностей. Города Корела и Тиверск являлись настолько важными для Новгородской феодальной республики крепостями, что имели статус *пригородов* самого Новгорода — наряду со старинными городами Новгородской земли Ладогой, Псковом и Старой Руссой[20].

Города Корела и Тиверск заселялись не только карелами, но и русскими. Привилегированной верхушкой горожан являлись *городчане*. В самом Новгороде они составляли основу его вооруженных сил — "кованную рать". В 1360 г. случился большой пожар в г. Кореле, и городчане остались без имущества и оружия. Но они быстро оправились и уже в 1384 г. вместе с городчанами г. Орешка выступили политически сплоченной группой против наместника князя Патрикия. Жалоба городчан разбиралась в Новгороде, чуть не приведя к столкновению между Торговой и Софийской сторонами города. В результате князю дали в наместничество Руссу и Ладогу. Карельская знать входила в число городчан. Сведения писцовой книги Корельского уезда 1500 г. указывают на существование в городе Кореле нескольких десятков дворов городчан как русских (Квашниных, Балакшиных), так и карелов (Рокульских, Морозовых и др.)[21].

Другим мощным фактором складывания феодального общества у корелы служила частная собственность на земли и промысловые угодья, существовавшая уже в XIII в. Так, в жалобе новгородцев на корельского наместника князя Бориса Константиновича (начало XIV в.) утверждалось, что он купил в Кореле села и брал с их крестьян феодальные поборы — *куны* и *хлеб*, то есть денежную и продуктовую ренту. В Ореховецком договоре Новгорода со Швецией 1323 г. за карелами оставались в собственности "воды, земли и ловища" (рыболовные и пушные промыслы и пашни) в отторгнутой шведами западной части Корельской земли. Достаточно многочисленные источники XV в. говорят о частнофеодальном характере собственности карельской знати в северной половине Карелии по крайней мере с XIV в. При этом саами выплачивали карельским собственникам земель феодальную ренту (*празгу*) за пользование промыслами[22].

В таких социально–экономических и военно–политических условиях феодализировавшаяся карельская родо–племенная знать неизбежно становилась полноправными феодалами — военными вассалами Новгорода. Подтверждение тому содержит одна из берестяных грамот, найденная в Новгороде в слоях конца XIV — начала XV в. Грамоту эту послали "Господину Новгороду" *Вымольцы–господа*: "У нас оу Вымолчовъ господъ ... пограбиле". Они, "Корила погоская, Кюлолаская и Кюриеская", то есть из Кюлолакши и Кирьяжского погоста, жаловались сюзерену — Новгороду на грабежи своей *отцины* и *дидены* со стороны Швеции[23]. В Древней Руси термин "господин" означал полноправного феодала, который являлся господином для зависимого от него населения. В его собственности находились наследственные недвижимые владения — "отчины" (наследования от отца) и "дедины" (наследования от деда и более ранних предков). Такой феодал — "вольный слуга" — мог иметь сюзерена, в свою очередь, господина для него. Как видим, строгие юридические термины и описание ситуации в карельской грамоте полностью соответствуют реально существовавшей иерархии феодальных отношений тогдашней России.

Феодальные отношения развивались и в самой Руси. На рубеже XIV—XV вв. тут появились *дети боярские*, первоначально — сыновья именитых бояр и обедневших князей; в скором времени они образовали довольно значительную прослойку внутри русской феодальной иерархии (между боярами и жильцами), а в будущем составили основную массу дворянства. Знать корелы не составила исключения. В частности, в

XV в. Вымольцы–господа стали именоваться *детьми корельскими*, так же, как и еще четыре рода карельской феодальной знати: *Курольцы, Ровкульцы, Валдола и Наволочрод*. Именно эти "пять родов корельских детей" и владели тогда почти всей северной частью Карелии на основе феодального права. Им принадлежали сельскохозяйственные земли, промысловые угодья, сбор празги и право торговли с саами. Территория была строго поделена между родами и внутри родов[24].

Одновременно с развитием феодальных отношений у корелы в XII—XIV вв. происходила феодализация родо–племенной знати веси. Колбяги внесли большой вклад в развитие этого процесса. Видимо, отголосками их колонизационной деятельности в Карелии является часть преданий жителей восточного и северного Заонежья о *панах*. Согласно легендам, паны жили в укрепленных поселениях–замках на реке Водле, у Повенца и на Городовом острове на Выгозере. Вооружены они были луками и ходили отрядами, покоряя местное население и заставляя его работать на себя. Изгнали этих панов из Заонежья русские[25].

Действительно, русские летописи отметили ряд походов новгородских князей на колбягов в первые десятилетия XII в. В 1137 г. появился договор новгородского князя Святослава Ольговича с Домом св. Софии (новгородской епископией, впоследствии — архиепископией). В приписке к договору (не позднее 1282 г.) официально оформлялся сбор церковной десятины в *Обонежском ряде* — землях Посвирья, Межозерья и Заволочья (двинских владениях Новгорода). В частности, десятина собиралась на погостах, названных по именам местной древневепсской знати: "у Пахитка на Паше", "у Пермина", "у Кокорка", "у Тойвота"[26]. Следовательно, происходило включение родо–племенной верхушки веси в низовой слой правящей элиты Новгородской земли.

В следующем XIV в. феодализировавшаяся древневепсская знать упоминается в качестве собственников земель в Заонежье. В копии XVII в. сохранилась "Мировая грамота старост Вымоченского погоста, шунжан, толвуян и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем" 1375 г. В соответствии с соглашением, староста Вымоченского погоста "Артемеи, прозвищемъ Оря, со всем племянемъ, да шунския смерды Иванъ Герасимовъ да Василеи, прозвищемъ Стоиворъ Глебовъ, да Игнатеи, прозвищем Игоча, да Остафеи Перфильевы дети", а также шунжане, толвуяне, кузарандцы и "вси вымоченцы" разграничили свои земли с боярином Григорием[27]. Процесс феодализации знати у веси, однако, не продвинулся столь глубоко, как это имело место у корелы. В грамоте 1375 г. староста Оря не выступает в роли полноправного феодала–вотчинника, господина над зависимым от него населением. Он является лишь главным представителем своего рода ("племени") и других жителей.

Очевидно, постоянная военная угроза с запада вынуждала Новгород признавать и даже стимулировать развитие феодальной структуры корелы, своего надежного военного вассала. В отношении веси же, отдаленной от основных ударов шведов, такая политика не проводилась. Тут новгородские бояре сами колонизировали земли Обонежья. Тем не менее наличие частной собственности у древневепсской знати и общин на землю (которая могла отчуждаться и разграничиваться в правовом порядке) также не подлежит сомнению.

Самый ранний этап земледельческой колонизации Обонежской части Карелии связан, однако, не с боярством, а с древневепсским обществом и русскими крестьянами. "Вымоченцы" грамоты 1375 г. носили как вепсские, так и русские имена и прозвища. Видимо, первые являлись выходцами из Имочениц в Посвирье (в новгородском

произношении и написании гнездо вепсских селений "в Имоченицах" неизбежно приобретало форму "Вымоченицы"). Оседлые первопоселенцы и дали свое родовое имя всем жителям. Основной поток крестьян — русских хлынул на восток Карелии в XIV в. Но в отдельные наиболее пригодные для ведения сельского хозяйства места: в богатое природным удобрением шунгитом Заонежье, а также на реку Водлу, по которой Новгород осуществлял связь с двинскими владениями, — они проникали и ранее.

Русские селились вместе с вепсскими колонистами на востоке Заонежского полуострова. Судя по говору его коренных жителей, они являются потомками веси с Ояти (южного Посвирья) и русских из Новгородско–Псковской земли. Освоение последними Заонежья началось уже со второй трети XIII в.: местные русские говоры восходят к нерасчлененному еще новгородско–псковскому диалекту древнерусского языка, а такое языковое разделение произошло именно к середине указанного столетия. Интересно, что и в манере пения русских жителей северного берега Онежского озера обнаруживается такая же древняя связь со Псковщиной[28].

Неожиданное подтверждение ранней даты оседлого земледельческого освоения Заонежья содержат материалы одного следственного дела середины XVII в. Тогда жители Толвуи под присягой показали, что их погост и церковь при погосте были созданы «лет с четыреста» тому назад, то есть как раз в середине XIII в.[29] Толвуяне фигурируют в договоре 1375 г. вместе с соседями с юга кузарандцами и с севера шунжанами. Эти места и названы выходцами с Посвирья Вымоченским погостом — предположительно, по патрономическому названию древнего гнезда поселений веси в Имоченицах. В следующем XV в. новгородские бояре именовали ту же территорию по–своему — Толвуйской землей[30].

Еще один важный момент сельскохозяйственного освоения Карелии представителями разных этносов связан с церковным подвижничеством и с внутренним соборным устройством Церкви. Храмы на погостах учреждались церковными и светскими властями Новгорода. В то же время основные обязанности по содержанию церковного клира во главе со священником ложились на прихожан. В упомянутом следственном деле середины XVII в. толвуяне свидетельствовали о выделении их предками пахотной земли в пользу клира и нищих стариков–односельчан, оставшихся без попечения детей и живших в "кельях" около церкви. Воеводские следователи установили также, что подобная практика наделения церквей землей и поддержки нищих односельчан ("а кормятца–де они от церкви Божьей") издревле существовала во всех без исключения погостах у Онежского озера.

Заботу о своей погостской церкви св. Николая проявили и шунжане в 1470—1480-х гг., наделив церковных людей освободившейся выморочной землей[31]. И в договоре 1375 г., и в Данной грамоте из Шунгского погоста жители названы христианскими крестильными именами и одновременно вепсскими и русскими именами и прозвищами.

Такое же смешение крестильных, русских и вепсских имен и прозвищ содержит одна из берестяных грамот, представляющая собой налоговый список XV в. крестьян Водлозерского погоста (в верховьях Водлы)[32].

Информация нескольких независимых друг от друга источников доказывает, что переселенцы в Обонежской части Карелии объединялись по территориальному признаку, а не по этническому, составляя поземельную общину и приход в каждом из погостов. Следовательно, один из главных выводов отечественной историографии — о мирном характере крестьянской колонизации — нуждается в уточнении: такое ос-

воение стало возможным благодаря церковному включению в новые переселенческие общины–приходы людей различной национальности на основе их православного вероисповедания. В Карелии и повсюду на севере Церковь с ее соборным устройством сыграла роль объединяющего и структурообразующего начала[33].

Приходившие в Карелию переселенцы (и весь, и русские) принесли с собой существовавшее у них общинное устройство, которое продолжало развиваться. В X—XIII вв. прибалтийско–финское население жило как родовыми, так и большесемейными общинами. Во времена с начала крестьянской колонизации Карелии и по XV в. имелись уже и семейные (патронимии), и соседские общины. Русские крестьяне жили соседскими общинами. Так, в описании русско-шведской границы 1621 г. упомянуто "печище" — место обитания карельской большесемейной общины: "у летней дороги старинное печище рижное ... Порозерской волости крестьян". Соглашение 1375 г. старосты Ори "с племенем" говорит о патронимии. Данная грамота 1470—1480–х гг. шунжан своей святоникольской церкви обнаруживает сложное устройство территориально-приходской общины ("Петре Адкине з детьми и с племенем, Тойвод Идуев з детьми и с племенем, ... Иване Кондратьеве з братьею, ... Василей Тимошкине з детьми..."). Обращает на себя внимание, что вкладчики с русскими именами и отчествами селились малыми (с детьми) и большими (с братьями) семьями, а значит, и соседской общиной, а вепсы еще сохраняли семейные патронимии[34].

Жили семьи крестьян–общинников в отдельных поселениях, состоявших из одного, редко двух дворов, которые при основании не назывались деревнями. В новгородской традиции такие места именовались *сиденьями* или *посиденьями* (Яковлево сиденье, Иваново посиденье). Значение данного термина — "починок", то есть новое поселение. Лишь со временем, когда их жители распахивали пашню под поле и огород, поднимали подсеку, обзаводились хозяйством, посиденье–починок становился деревней (деревня Яковлево сиденье, деревня Иваново посиденье). В Обонежье деревни с подобными древними новгородскими названиями концентрировались на Олонецкой равнине, на Заонежском полуострове и на Водле — как раз в районах первоначальной крестьянской колонизации края.

Писцовая книга Корельского уезда 1500 г. сохранила еще одно древнее название поселений — *весь* (деревни Рекольская весь, Тервозимская весь и др.). В Кореле деревни с такими названиями находились севернее реки Вуоксы. В русском, и вообще в славянских языках слово "весь" означало сельское поселение (например, в литературном клише "по градам и весям" в значении "повсюду"). Но на Новгородчине оно применялось лишь в отношении деревень с нерусским населением, сами же новгородцы–русские именовали свои деревни селами. Очевидно, исконно славянское слово весь, созвучное местному прибалтийско–финскому этнониму, на Севере несколько изменило значение, приобретя этническую окраску.

Большинство крестьян *Корельской земли* в XV в. составляли уже большие общины–перевары. Термин *перевара* в Новгородском государстве первоначально обозначал одну из повинностей крестьянских общин — приготовление меда или пива для архиепископа со священниками и челядью во время пастырских поездок владыки. Впоследствии переварой стала именоваться и поземельная (соседская) крестьянская община на государственных землях, выплачивавшая государственные же налоги: "пришли жить перевара ... 8 сох",– говорится об общине карелов–переселенцев в Ребольскую волость (1511/12 г.)[35].

За малым исключением перевары в Корельской земле находились севернее Вуоксы. Этот район получил наименование *Задняя Корела* в отличие от *Передней Корелы*

Великий Новгород. Гравюра из кн. А. Олеариуса (1656 г.)

— области южнее Вуоксы. Деление не только отображало дальнее и ближнее географическое расположение двух частей Приладожской Корелы относительно Новгорода, но и было наполнено весомым социально–экономическим смыслом.

Передняя Корела являлась территорией с относительно развитым частнофеодальным землевладением. Тут имелись вотчины (частные владения с феодально зависимым населением) и местных карельских феодалов, и новгородцев, и монастырей, занимавшие большинство ее земель. Даже существовавшая здесь ранее Святская перевара к 1478 г. оказалась поделенной между вотчинниками. Исключение составили перевары в "волостях за владыкою", располагавшиеся в Передней Корелe вдоль границы со Швецией. В Задней же Корелe перевары в "волостях за владыкою" и в "волостях за наместниками корельскими" занимали основную часть ее площади. И не случайно. Великий Новгород считал их земли государственными и отдавал в *кормление* Дому св. Софии (новгородской архиепископии) и князьям–наместникам, а не в вотчины частным владельцам.

Кормление как феодальный способ государственного обеспечения было повсеместно распространено на Руси. Поэтому уже первого из известных наместников Корелы князя Бориса Константиновича "кърмил Новгород Корелою", то есть выделил тут ему государственные земли, обязав их жителей выплачивать князю *корм* и быть ему подсудными (с уплатой судебных пошлин тому же кормленщику). Подобный порядок существовал и в "волостях за владыкою" (с уплатой корма и пошлин в пользу церкви). Но, независимо от конкретной принадлежности нечастновладельческих крестьянских общин–перевар, само их наличие говорит о вызревании основ государственного феодализма, столь характерного в будущем для Карелии и всего Севера[36].

В XIV—XV вв. сложилась и структура феодальной ренты — платежей, выплачиваемых зависимым населением вотчиннику или кормленщику. Основную часть податей крестьяне отдавали натурой, главным образом хлебом, а также другими продуктами сельского хозяйства. В Задней Корелe, однако, значительная часть ренты собиралась пушниной и деньгами. Дом св. Софии во главе с архиепископом практиковал сбор хлебных платежей в наименьшем объеме по сравнению с вотчинниками —

"из хлеба пятину" (пятую часть урожая). Средней же нормой обложения крестьян оставалась "из хлеба треть". Это обычная доля для феодально зависимого населения по всей Новгородской земле. Она позволяла натуральному крестьянскому хозяйству существовать, не разоряясь.

Сильная и развитая система государственного управления, военно-вассальная служба местной знати, сохранение свободной от частновладельческой эксплуатации и правоспособной крестьянской общины служат основными показателями тенденции вызревания государственного феодализма на Новгородском Севере. Но в Корельской земле наметилось и другое направление развития — в сторону крепостничества. Правда, оно заметно лишь в некоторых вотчинах, расположенных невдалеке от города Корелы. Тут крестьяне выплачивали основную часть ренты в размере "половья" (половины урожая). Они назывались "половниками". Столь тяжелая зависимость приводила к невозможности ухода от вотчинника, перед которым крестьянин-половник всегда оставался в долгу. В этих хозяйствах практиковалась и барская запашка, то есть обработка части полей крестьянами в порядке барщины[37]. В целом же направление в сторону крепостничества не нашло широкого распространения.

Государственно-феодальные формы освоения превалировали в Корельской земле. Поэтому к 1478 г. даже в Передней Кореле вотчинников из Новгорода было меньшинство, а основную часть владетельных господ составляли карельские мелкие вотчинники. Из новгородских же вотчин в Задней Кореле находились две крайне незначительные волостки (по несколько дворов) боярина и посадника Василия Александровича Казимира и Анастасии, вдовы боярина Ивана Григорьевича.

Новгородских вотчинников представляли в основном *житьи люди*. Это особая сословная привилегированная группа правящего класса Новгорода, феодально-вотчинные права которой ничем не уступали преимуществам боярства. Их политическим представителем выступал новгородский тысяцкий. К 1478 г. в Передней Кореле находились вотчины братьев Василия и Стефана Балакшиных, Григория Петровича и купеческого старосты Новгорода Марка Панфильевича. По-видимому, житьими людьми являлись также вотчинники Лука Леонтьевич, Петр Кречатников и Исак Леонтьевич.

В противоположность Корельской земле, Обонежская половина Карелии со второй половины XIV в. стала краем по преимуществу боярского землевладения. Вотчины-*боярщины* аристократии занимали тут 72,7% положенной в подати земельной площади, тогда как Дом св. Софии владел 15,8% земель (на правах "волости за владыкою" в Олонецком погосте и на устье Свири), монастыри и церкви — 10,4%, а потомки родо-племенной знати веси (своеземцы московских времен) — всего 1,1% учтенных земель. Предание об основании села Сумский Посад рисует яркую картину возникновения новых вотчин: переселенцев-крестьян из Новгорода привела с собой Марфа-посадница (вдова посадника Исака Андреевича Борецкого), "и вертела она ими как своей рукавицей", то есть самовластно осуществляла права вотчинника. Освоение со второй половины XIV в. новгородским боярством Обонежья совпадает по времени с последним и самым крупномасштабным этапом колонизационного закрепления Великого Новгорода на Севере[38].

Но большинство земель Обонежья в XIV в. уже были освоены крестьянами, которые попадали в феодальную зависимость от новоявленных вотчинников. Наличие у крестьян общинной организации, однако, давало им определенную защиту и гарантии личной свободы. Общины представляли старосты, заключавшие с боярином-вот-

чинником соглашение — *ряд*, где оговаривалась строго определенная норма и структура выплаты ренты. Наличие ряда доказывается текстом берестяной грамоты XIV в. Ею сборщик податей сообщал своему господину, в частности, о том, что сямозерцы не выплачивают положенного оброка, "а плаатяце в томо, цто промежи ряду нету". Грамота очерчивает обширную вотчину боярина, разбросанную по разным уголкам Обонежья. В Пудоге, например, бралась празга (видимо, с промысловых угодий), часть владений находилась на Ояти и Сямозере, а в р. Шуе добывалась рыба вотчинной ватагой рыболовов[39]. Такая вотчина наиболее типична для Обонежья.

"Лоскутное", чересполосное расположение вотчинных земель создает впечатление крайне хаотичного освоения Обонежья боярством. Но данные его писцовой книги 1563 г. опровергают такой взгляд. Оказывается, крестьяне даже в XVI в. сохраняли за собой старинные рыболовные угодья, например, на Онежском озере, строго поделенные между боярщинами. Боярщины же эти одновременно объединяли крестьянские общины во главе со старостами. Следовательно, при своем создании вотчины включали несколько целых крестьянских общин; даже будучи разделенными между наследниками, новые боярщины не нарушали целостности каждой из общин, заключившей ряд с вотчинником. Бояре не захватывали общинные земли по принципу "кто где поспел": чересполосица боярщин возникла из–за первоначально стихийного характера заселения Обонежья крестьянскими общинами.

Продуманность боярского освоения Обонежья доказывается анализом имен новгородских вотчинников. Известно, что правящий класс Новгорода не отличался единством. На протяжении веков сложились две крупные политические группировки боярства, организованные по принципу родства и проживания в определенном конце Новгорода. Одна из них — прусско–плотницкая — включала в себя аристократию Людина, Загородного и Плотницкого концов, а другая слагалась из знати Неревского и Славнинского концов города. Враждуя между собой, группировки, тем не менее, имели равное участие своих посадников и тысяцких в совете Господы (новгородском правительстве) — в соотношении два прусско–плотницких члена правительства против одного неревского и одного славнинского[40].

Обонежские вотчины разделялись между боярами и примыкавшими к ним житьими и купцами в той же "правительственной" пропорции: в Обонежской половине Карелии прусско–плотницкой группировке принадлежала 31 вотчина, а Славнинскому и Неревскому концам — по 16 боярщин. Таким образом, полностью соблюдался общий баланс интересов при вотчинной колонизации Обонежской Карелии. Бояре ревниво следили за доходами друг друга, ибо от этого зависела экономическая сила концов, а в конечном счете — политическая стабильность самой вечевой республики.

Вотчинники Обонежья из числа житьих (Панфил Селифонтьевич и его сын Марк Панфильевич, Квашнины, Никифор Хмелёв) и купцов (Григорий Есипович, Анания Теряев и др.) принадлежали к верхним слоям своих сословных групп. Общие размеры их землевладения не уступали вотчинам иных бояр. Схожими были и вотчинные порядки в боярских, житьих и купеческих владениях.

Боярщины не выступали экономической основой сельской экономики — первичной ячейкой оставался полностью обеспечивающий себя крестьянский двор. Вотчинники почти не вмешивались в организацию хозяйственного процесса. Управлялись большие боярщины ключниками и посельскими — доверенными лицами вотчинников, которых интересовал *доход*, определенный рядным договором. Поэтому в вот-

чинах Обонежья и почти повсюду в Корельской земле отсутствовала барская запашка. В будущем, после присоединения Новгорода к Московской державе, землевладение бояр, местных феодалов и Дома св. Софии, не затрагивавшее основу производства, легко сменилось на черносошное хозяйство крестьянского двора — именно по причине своего надстроечного характера.

Таким образом, даже вотчинный строй Севера, в том числе Карелии, являлся таким же провозвестником государственного феодализма, как и кормления, военная служба знати и крепкие общины.

Важным фактором социально-экономической жизни Карелии выступала торговля. Древние оживленные торговые трассы связывали Новгород и с Севером, и с Приуральем, и с Западом. После ухода колбягов торговлю в восточной Карелии, а через нее и с Двинской землей взяли в свои руки новгородцы. Их именовали обонежскими купцами[41].

В Корельской земле крупную самостоятельную и посредническую торговлю вели и карелы, и русские. Торговля корелы с Западом существовала уже в XIII в.: папская булла 1229 г. запретила готландцам продавать коней, суда и продовольствие кореле и ижоре. Сами карелы вели торговлю на своих судах–*ушкуях*, приспособленных для плавания по бурным водам Ладоги. На судах же карелы торговали из подконтрольного им восточного берега Ботнического залива Балтики с иностранными портами, вплоть до Таллинна. Лишь во второй половине XIV в. шведы повели борьбу с морскими купцами-карелами и вытеснили их из Восточной Приботнии. Но торговля через г. Корелу продолжалась. Так, во время 25–летней блокады Ганзой Новгорода во второй четверти XV в. вечевая республика успешно осуществляла западную торговлю по Вуоксе, через Корелу и Выборг, а не по Неве[42]. Несомненно, городчане Корелы участвовали в ней в качестве посредников.

Материалы новгородских грамот на бересте подтверждают наличие крупных торговцев среди карелов. Одна из грамот (рубеж XIV—XV вв.) повествует о грабежах карельских купцов у озера Оривеси в Приботнии шведскими подданными. В частности, некий Питин сын, Игал и Микита лишились товаров на значительную по тем временам сумму в 14 рублей. Другая грамота XIV в., уже новгородского сборщика податей, отметила высокий налог, выплаченный "Муномелом в Куроле Игалиным братом". Если последний являлся братом Игала предыдущей грамоты, то следует признать высокий социальный статус богатых карельских торговцев — принадлежность их к "пяти родам корельских детей", почти монопольно торговавших и с саами. Предположению не противоречит и еще одна грамота того же времени, указавшая некоторые виды товаров, привозимых карелами с запада — "водмол" (немецкое сукно для пошива верхней одежды) и "хери" (керси — английское грубое сукно)[43].

Среди карельских торговцев встречались и незнатные купцы, жившие в деревнях. Например, в Сердовольском погосте (то есть в округе старинного торгово–ремесленного городища Паасо) насчитывалось 22 таких купца–крестьянина (данные на 1500 г.)[44]. Но занятие торговлей еще не распространилось широко среди жителей всей Карелии, не сделалось их привычным занятием, так как значительная часть населения оказалась в частнофеодальной зависимости от своих господ–вотчинников, которые предпочитали получать натуральную подать. Зачастую и государственные налоги выплачивались натурой (пушниной). Таким образом, при власти Господина Великого Новгорода в Карелии товарно–денежные отношения еще не получили широкого развития, не затронули основную массу рядового населения.

* * *

Социально-экономическая эволюция Карелии X—XV вв. привела к образованию достаточно развитого феодального общества. Оно включало как различные категории феодально зависимого населения, так и самих господ — и местных, и новгородского происхождения. Вызревание феодальных отношений брало начало прежде всего во внутреннем общественном и экономическом подъеме, в ходе которого происходило этническое становление карельского и вепсского народов. Они вместе с русским крестьянством проводили сельскохозяйственную колонизацию земель Карелии. Но динамика и направленность местных общественно-экономических, демографических и этнических процессов в немалой степени зависели от политической жизни Великого Новгорода. Иными словами, коренные изменения в общественном устройстве тесным образом увязывались с государственным управлением и организацией края в составе Новгородской феодальной республики.

2. ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЕ ШВЕДСКОЙ ЭКСПАНСИИ

В IX в. в эпоху викингов возникла раннегосударственная конфедерация славян Приильменья и Волхова, включившая прибалтийско-финское население южного Приладожья и Межозерья. С созданием в X в. единого общерусского государства и установлением правящей элитой Руси контроля за важнейшими торговыми путями непрочные поначалу политические связи народов Севера со славянами постепенно перешли в отношения подданства.

Экспансия Руси: данническая зависимость Севера

По представлениям современников-викингов, государство "конунга Гардов" (великого князя Руси) начиналось на северо-западе с "Кирьяларботнар" ("Карельских заливов"), то есть с прибалтийско-финских земель на Карельском перешейке[45]. Роль государственного центра Верхней Руси поначалу играла Ладога — самый первый город славян на Севере. Отсюда варяжские, славянские и чудские (прибалтийско-финские) дружины князя Олега уходили на завоевание Киева и в походы на Константинополь. Но со второй половины X в. главным политическим и военным оплотом Древнерусского государства на Севере стал Новгород — место пребывания наместников великих князей Киевских.

Тем не менее, полиэтничная Ладога сохранила за собой некоторую автономию. Дело в том, что там селились имевшие большой вес на Севере варяги, а в 1020 г. великий князь Ярослав Мудрый отдал город своей жене шведской принцессе Ингигерд, и в течение примерно полустолетия им управляли ее шведские ярлы — наместники. С последней четверти XI в. в Ладоге вновь утвердилась прямая власть Новгорода.

Ладога (по-шведски — Альдейгьюборг) являлась центром обширного "ярлства". Оно включало не только местность около самого города, но и Кирьялаланд (страну карелов) на западе и Алаборг (центр веси в Посвирье или на Олонецкой равнине) на востоке[46]. В 1032 г. новгородец Улеб (возможно, Ульв — сын первого ярла Ладоги

Перенос лодки через волок. Гравюра из кн. О.Магнуса, изд. 1555 г.

Рёгнвальда) совершил длительный поход в Биармию к "Железным воротам" (на р. Сысолу, в 80 км южнее современного г. Сыктывкара). Так начиналось новгородское освоение Севера.

Первичная колонизация являлась экспансией (территориальным расширением) Руси на Север. Она проводилась главным образом с целью подчинения северных народов для сбора налогов пушниной. Эту особенность подметил ливонский хронист: "Есть обычай у королей русских, покорив какой–либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе дани и денег" ("Хроника Ливонии", 1220–е гг).

Действительно, Новгород осуществлял колонизацию северных земель без решительной ломки традиционных уклада жизни и племенной организации местных народов. Правящие круги Руси опирались на Севере на племенных старейшин. Родо–племенная знать получала покровительство русских властей. Ее высокий социальный статус среди соплеменников поддерживался также участием в организации выгодного торгового обмена, прежде всего все той же пушниной, какой платили налоги рядовые общинники. Такая стратегия позволяла Новгороду обходиться на Севере без дорогостоящего строительства крепостей с многочисленными гарнизонами[47]. Формирование карелов, вепсов и других северных народов в условиях русской государственности тоже свидетельствует о сравнительно мирном и безболезненном вхождении их в политическую орбиту Руси.

Новгородцы продвигались по уже освоенным северянами водным торгово–промысловым путям с волоками (короткими сухопутными перемычками между бассейнами рек, по которым перетаскивали лодьи). В Карелии самым знаменитым являлся Кенский волок — из притока Водлы р. Черевы в приток р. Онеги, открывавший и веси, и русским богатства Двинской земли — Заволочья. Однако освоение северных территорий не обходилось без жертв. Так, в 1078/79 г. "за Волоком" был убит князь Глеб. Поэтому *данники* (сборщики *дани*) выезжали в далекий путь с дружиной. К XIII в. через Двину новгородские данники добрались до южного берега Кольского полуострова — саамской земли "Тарья" — и наложили дань на саами. Соответственно возникла волость Тре (Тирь) Новгородского государства, которая включала Лапландию и, видимо, северную Карелию, где также проживали саами. Терские данники принадлежали к знати Новгорода[48].

На Белом море новгородцы столкнулись с норвежцами. Конкуренция между ними из–за пушнины привела к прекращению торгово–разбойничьих поездок потомков викингов в Биармию. «Сага о короле Хаконе, сыне Хакона» относит последнюю та-

кую экспедицию норвежцев к 1222 г. К тому времени на беломорском побережье уже существовали русские колонии, успешно торговавшие с саами[49].

Учреждение налогообложения как главной цели государственного освоения Севера подтверждается и преданием заонежан об их дани "князю Юрику". Якобы князь решил: "Под Новгород подберу их и положу на них — половину беличья хвоста в дар с их брать; потом через малое время положу пол шкуры беличьей, а тут и шкуру целую, и далее, и более"[50].

Дар в качестве подати отражает способ налогообложения и его структуру. В Древней Руси налоги с народов, чьи земли напрямую входили в государство, собирались с помощью *полюдья* — ежегодных объездов князем подвластных ему земель. В отдаленных областях такие сборы осуществляли княжеские уполномоченные. При этом население обязывалось содержать их за свой счет. Обеспечение чиновников и называлось даром, а их осенние выезды за сбором налогов — «осенним полюдьем даровьним". Таким образом, дар — это не главный государственный налог–дань, а форма подати при его изъятии.

Сохраненная заонежским преданием память о даре отмечает новый важный этап государственного становления Карелии. С XII—XIII вв. Корела попадает в прочную вассальную зависимость от Новгорода, а вепсское Обонежье включается в основную территорию будущего княжеского домена–кормления в Новгородском государстве. Заонежье осваивалось древневепсским населением из Посвирья, полюдье же в области Свири документально подтверждается берестяной грамотой XII—XIII вв. Среди обрывков текста ясно читается: "... в полюдие семо м... по Паше ..."[51].

Обонежье в составе Новгородского государства

Правление сильных новгородских князей–наместников Владимира Всеволодовича Мономаха и его сына Мстислава Великого в первые десятилетия XII в. привело к временному укреплению княжеской власти в Новгороде. В частности, они вполне подчинили себе колбягов. Именно в XII—XIII вв. наблюдается угасание курганной культуры в юго–восточном Приладожье и на Олонецкой равнине, что свидетельствует о коренном изменении общественно–политической и религиозной обстановки в Посвирье. К этому же времени относится создание особого домениального владения (*кормления*) князя Новгородской земли, включившего первоначально Двинскую землю, а затем — Обонежье и Бежицы. Своеобразие княжеского кормления заключалось в том, что в пользу князя собиралась часть налогов и пошлин, но земли оставались в государственной собственности Новгорода. Родо–племенная знать веси стала напрямую подчиняться решениям вышестоящей княжеской администрации, составляя нижнее звено местного управления. Доходы от налогов и суда потекли в казну князя.

Усиление князей сопровождалось увеличением экономического и политического веса новгородского боярства. Оно начинало тяготиться властью киевских наместников. И как только Русь раздробилась на удельные княжества, произошло рождение Новгородской феодально–аристократической республики — в 1136/37 г. Новгород стал "волен в князьях". Отныне государственное управление разделялось между князем, приглашаемым новгородским вечем, новгородскими же боярством и владыкой–епископом (архиепископом). Формально главным законодательным органом республики являлось вече — собрание полноправных горожан Новгорода, но фактически за волеизъявлением простых жителей стояли их сеньоры–бояре.

Боярская аристократия Новгорода ревниво следила за усилением княжеского влияния в первые тридцать лет XII в. С возникновением Новгородского государства она ясно показала свою силу первому же приглашенному в 1136 г. на новгородское княжение молодому князю Святославу Ольговичу (Олеговичу), а заодно и всем остальным русским князьям, изгнав князя из Новгорода в 1138 г. А при вступлении Святослава в свои права произошел еще один неприятный для него инцидент, последствия которого затем напрямую отозвались на жизни Карелии. Епископ Новгорода Нифонт отказался женить князя и запретил городским священникам и монахам совершать этот обряд; Святославу пришлось венчаться "своими попы"[52]. Размолвка, видимо, произошла из–за нежелания князя поделиться с церковью десятиной от своих домениально–кормленых доходов. Князь уступил, и в 1136/37 г. появился договор — *ряд* между князем и Домом св. Софии. Стороны урядились передавать владыке строго определенную сумму от налогов и судебных пошлин и штрафов, собиравшихся княжеской администрацией в двинском Заволочье (бассейнах рек Онеги и Двины).

К 1280–м гг. новгородские князья утратили домениальные владения в Заволочье, но взамен княжеская юрисдикция распространилась на Обонежье и Бежицы. Переустройство нашло отражение в тогдашних приписках к договору 1136/37 г. под заголовками: "А се Обонезьскыи ряд" и "А се Бежичьскыи ряд". Именно в этих позднейших вставках, в частности, содержатся сведения о погостах в Посвирье и на Олонце и о старейшинах веси, контролировавших сбор даней и судебных пошлин[53].

Посвирские и Олонецкий *погосты* Обонежского ряда, как и вообще погосты в Новгородской земле, являлись административно–податными и приходскими округами. В середине XIII в. погост с церковью возник и на севере Обонежского ряда, на Заонежском полуострове[54], но в приписке он еще не фигурирует, как не указаны и погосты по Водле и на Водлозере. Видимо, вставка об Обонежском ряде составлялась не позднее середины XIII в., а только что образованные северообонежские погосты–приходы (центры общин переселенцев) пока не несли официально судебно–податных функций — налоги продолжали поступать в Новгород через старинные погосты веси в юго–восточном Приладожье.

Приведем доказательства. Дело в том, что второй проект договора Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264 г. определенно фиксировал принципиальное право предыдущего князя Дмитрия Александровича (1259—1263 гг.) на суд в Обонежье. Сами договорные грамоты Новгорода с князьями появились в 1264 г. И там, опять же впервые, оговаривался запрет князю посылать управленцев в Заволочье: "А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца"[55]. Следовательно, на рубеже 1250—1260–х гг. на Севере изменился порядок управления: новгородский князь лишился прямой власти над Двинской землей, но получил в домениальное кормление Обонежье и Бежицы, что и закрепили приписки к ряду 1136/37 г.

Административный судебно–податной округ в Обонежье возник в новгородское княжение Дмитрия, малолетнего сына Александра Невского. Очевидно, переустройство управления было связано с восстанием 1259 г. в Новгороде меньших людей против татарских переписчиков, пытавшихся наложить "число" (налог) на тяглое население города. Бунт прекратил князь Александр, распорядившись включить в "число" и вятших—бояр[56]. Последние смирились, очевидно, небескорыстно. Получая огромные доходы с богатейшего Заволочья, они с недовольством относились к княжескому присутствию там. В таком случае решение о смене территории кормления явилось вынужденным компромиссом: бояре получали полный контроль за Двинской землей в обмен на Обонежье и Бежицы и на поддержку воли Александра Невского о выплате

ордынского налога. Великий же князь, поступившись в пользу бояр Двиной, получил новое кормление для своего сына новгородского князя Дмитрия и сохранил мирные вассальные отношения с Ордой, противостоять которой Русь пока не была готова.

Нераспространение судебных полномочий вепсских старейшин на северо-обонежские погосты подтверждается "Откупной Обонежской грамотой" 1434 г. Даже тогда Обонежский судебный округ существовал в тех же пределах, которые указаны еще в приписке об Обонежском ряде XIII в., то есть включал земли Посвирья. Впрочем, суд над северными переселенцами мог вершиться и старейшинами по особому разрешению новгородского князя и веча. "А судъ, княже, отдал Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обонижаном на 3 лета, судье не слати", — значится во втором проекте договора Новгорода с князем Ярославом 1264 г.[57]

Государственные налоги с северных обонежских погостов известны с XIV—XV вв. Берестяная грамота того времени перечислила налоги, собиравшиеся с вепсских и русских жителей Кенского волока в Водлозерском погосте. Среди даней мехом куницы указаны *соха* (сельскохозяйственный налог) и *дар*[58].

Княжеское властвование в Обонежье изменило лицо края. Там быстро росло население и возникали новые погосты с церквами. В XV в. насчитывалось уже 18 погостов, протянувшихся с севера на юг: Спасский Выгозерский, Никольский Шунгский, Егорьевский (св. Георгия) Толвуйский, Спасский Кижский; по восточному побережью Онежского озера — Петровский (Петропавловский) Чёлмужский, Спасский Шальский, Никольский Пудожский, Рождественский (Рождества пресв. Богородицы) Водлозерский, Никольский Андомский; по южному берегу Онего и в Посвирье, с востока на запад — Покровский Вытегорский, Рождественский Мегорский, Никольский Оштинский, Ильинский Веницкий, Воскресенский Важинский, Рождественский (Рождества Христова) Пиркинский; наконец, в Онежско-Ладожском межозерье находились Рождественский Олонецкий, Рождественский (Рождества пресв. Богородицы) Остречинский и Никольский Шуйский погосты.

Судебно-фискальный округ Обонежья входил в более общую административную структуру новгородской земли — *тьму*. Тьма — изначально военно-административная организация древнерусских союзов племен в эпоху военной демократии и на раннегосударственной стадии. Затем эта структура, изменив содержание, продолжила свое существование в удельный период: в административном смысле каждое из русских самостоятельных княжеств представляло собой тьму, то есть несколько (обычно десять) областей — *тысяч*.

Так было и в Новгородском государстве. "Устав о мостех" князя Ярослава Ярославича (мощении улиц и строительстве Великого моста через Волхов) 1265—1267 гг. зафиксировал все десять *сотен* самого Новгорода по именам их соцких (выборных начальников и судей), которые составляли тысячу города во главе с тысяцким, а также остальные 9 областей — тысяч государства, в том числе и Обонежскую[59].

Известно, что соцкие в областях судили непашенное, торгово-промысловое население, а крестьяне подчинялись своим старостам: "кто купець — тот в ста" (сотню), "а кто смердъ, а тот потягнеть въ свои погостъ". Кроме того, к концу XIV в. сами старосты, в ряды которых можно смело относить и древневепсских старейшин, были подвластны и княжеской администрации, и новгородским соцким[60].

Двойственное подчинение низовой администрации северного Обонежья вытекало из положения края в составе Новгородской земли и расстановки политических сил в столичном Новгороде. Со второй половины XIV в. княжеский домен-кормление подвергся "вотчинной атаке" новгородского боярства. По существу, почти не оста-

лось территории, где князь осуществлял бы свои полномочия в полном объеме: вотчинное право отдавало население под власть боярства, житьих и купцов.

Уменьшение полномочий новгородского князя, например, в сфере суда, наблюдается уже с рубежа XIII—XIV вв. Сфрагистический материал (печати) Новгородской земли демонстрирует перераспределение судебной власти от князя в пользу республиканских органов: если до 1290–х гг. большинство из сохранившихся печатей скрепляло княжеские акты, то после — грамоты новгородских посадников, тысяцких, архиепископа и их управляющих. Из компетенции князя и его судебных исполнителей—"дворян" изчезли важнейшие вопросы землевладения и торговли новгородцев[61].

Вотчинное вторжение боярства в Обонежье (со второй половины XIV в.), безусловно, облегчалось тогдашним ослаблением позиций великокняжеской власти в Новгороде. Напомним и о социально–политической стороне освоения берегов Онега аристократией феодальной республики — строжайшем соблюдении баланса экономических интересов внутри правящей элиты как гарантии государственной стабильности. Но для Новгорода именно тогда выдвинулась на первый план другая, внешнеполитическая побудительная причина активного освоения Обонежья — соперничество Москвы с вечевой республикой за обладание Двинской землей.

Присоединяя княжества и продвигаясь вслед за своими крестьянами на север, Москва к концу XIV в. вышла на Белоозеро, отрезав Новгороду южный путь в Заволочье. Временно, в 1410 и 1417 гг. ее войска даже устанавливали власть великих князей над Двиной. Силой оружия Новгороду удалось вернуть контроль над Заволочьем. Долговременной борьбе способствовало создание надежного пояса обороны, прикрывавшего республику с северо–востока. Его опорными базами и служили боярщины Обонежья и Подвинья, населенные новгородскими подданными. При этом в руках вотчинников оказался весь новгородский северный путь на Двину.

Стратегия вполне оправдалась: из–за неудачи в аннексии богатого Подвинья в начале XV в. Москва не смогла подчинить Великий Новгород. Тогда Иван III избрал другой способ: в 1478 г. он осадил саму столицу боярской республики и, добившись от ее правящей элиты полной капитуляции "по всей своей воле", окончательно присоединил Новгородское государство к своей державе.

До 1478 г. прочное властвование Новгородского государства над Обонежьем закреплялось боярским землевладением. Напротив, Корельская земля не имела такой плотной сети новгородских боярщин. И тем не менее управление Корелой к XV в. отличалось такой же надежностью. Опираясь, в частности, на ее ресурсы и военный потенциал, Новгород смог оказать противодействие экспансии Шведского королевства на восток и пресечь его агрессию на земли Руси. Поэтому внешнеполитический и военный факторы играли решающую роль в организации Великим Новгородом системы власти на землях карельского народа.

Вассалитет Корельской земли и противодействие шведской агрессии

Утвердив полный суверенитет Новгорода над Ладогой, князья–наместники прибрали к рукам и налоги с корелы. "Сага о короле Хаконе, сыне Хакона" (1277 г.) свидетельствует, что карелы издавна выплачивали дань "конунгу Хольмгардов" (новгородскому князю). Древнейшей единицей налогообложения служил *лук* — мера податей, существовавшая по всему новгородскому Северу.

Шведская конница на севере. Гравюра из кн. О.Магнуса, изд. 1555 г.

Лук — главное оружие охоты на пушного зверя. А лук как единица налогообложения отражал физическую возможность охотника добыть пушнину и выплатить соответствующую подать. Именно в таком смысле употреблен данный термин в строках русско–норвежского договора о границе середины XIII в.: "...Брать... не более пяти серых шкурок с каждого лука". О том, что луковое налогообложение было установлено на землях карелов, говорит и факт сохранения этой меры податей в карельских районах Саволакса и Западной Карелии Шведского королевства (то есть после передачи ему этих земель по Ореховецкому новгородско–шведскому миру 1323 г.). Тут луком–налогоплательщиком ("jousi") назывался каждый взрослый мужчина–крестьянин, способный владеть луком–оружием[62].

Луковое налогообложение также сохранялось во всей Задней Кореле и в Лопских погостах (северной половине русской Карелии) еще в XVI в. К одному луку приравнивали хозяйство взрослого мужчины — главы семьи (или вдовы). Действительно, мало поддававшаяся точному учету хозяйственная деятельность на обширной территории препятствовала применению более строгой новгородской налоговой единицы *обжы*, связанной с ведением пашенного земледелия и домашнего животноводства непосредственно в пределах деревни и ее ближайших окрестностей. Тем не менее, в XV в. обежный счет налогам существовал уже повсюду в Передней Кореле[63]. Но социально–экономические успехи ее жителей в немалой степени зависели от эволюции системы управления.

В XI—XIII вв. Карельский перешеек и западное Приладожье не входили прямо в основную территорию Новгородской земли. Отношения этнически определявшихся корелы и ижоры с Новгородом являлись, видимо, союзнически–конфедеративными. Так, "Слово о погибели Русской земли" (середина XIII в.), перечислив пограничные с русскими княжествами народы, назвала и карелов: "...от немець до корелы, от корелы до Устьюга...". Договор Новгорода с ганзейскими Готским берегом и Любеком (1259—1263 гг.) слагал с новгородцев ответственность за безопасность ганзейских купцов в земле карелов[64]. Знаком новгородского присутствия служила дань, а союзные связи диктовались сложной военно–политической обстановкой в Балтийском регионе Европы и совпадением интересов Новгорода и карелов на Севере.

Первые века II тысячелетия характеризовались активной экспансией государств Северной Европы. В частности, Новгород осваивал не только приполярные пространства, но и территорию, которую ныне занимает Финляндия. С запада, навстречу новгородцам, шел поток шведской экспансии. Новгород наложил дань на корелу и фин-

Русская конница на севере. Гравюра из кн. О.Магнуса, изд. 1555 г.

скую народность емь (häme), а шведы в 1140–е гг. вторглись на юго-запад Финляндии и в результате крестового похода покорили другую финскую народность сумь (suomi). Они же в середине XIII в. совершили крестоносное завоевание еми, что вызвало активное противоборство Новгорода. Неудовлетворившись достигнутым, в конце XIII в. Швеция выступила военной мощью на земли корелы и ижоры.

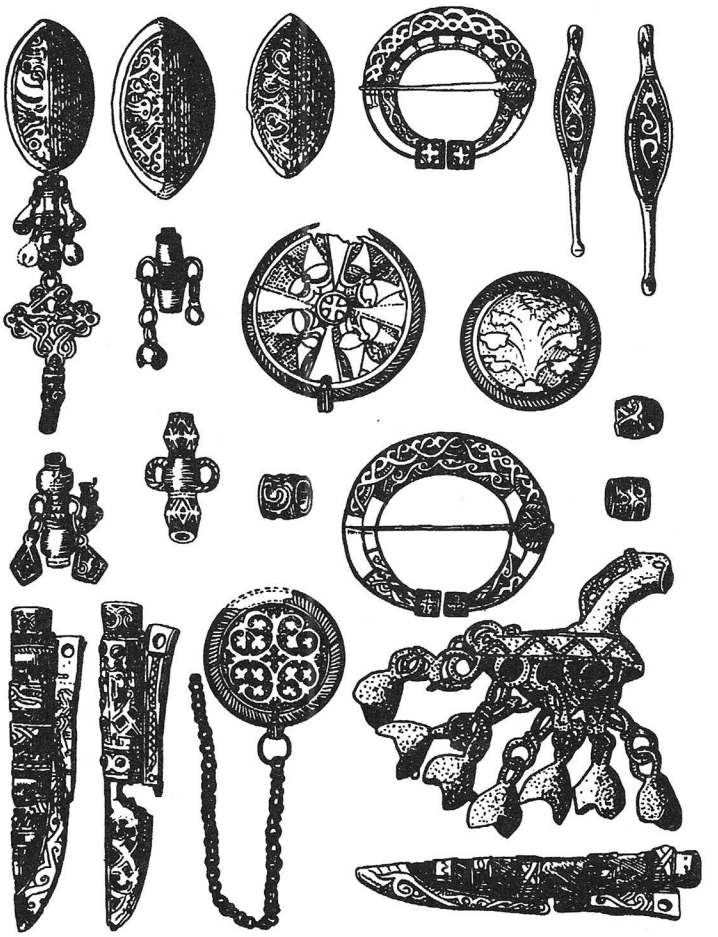
У народности корелы завершался переход от первобытного общества к классовому. Уже на стадии военной демократии особое место занимала война, участием в которой добывалось богатство и повышался социальный статус общинника. Жизнь в неспокойном пограничье, между двумя соперничавшими государствами, приводила к быстрому вовлечению корелы в орбиту внешней и военной политики Новгорода. То же самое можно сказать и о еми, с той лишь разницей, что в конечном итоге она выбрала сторону Швеции. Условная граница между двумя народами проходила по линии: р. Кюмийоки — Настола — Хейнола — Миккели[65]. Будучи втянутыми в государственную политику обеих держав, корела и емь стали враждовать, что еще более осложняло военно–политическую обстановку.

Впервые русские летописи сообщили о Кореле под 1143 г., когда ее воины совершили морской набег по Финскому заливу на земли еми. В предыдущий 1142 г. емь напала на Приладожье, а шведы совершили неудачное нападение на торговые корабли новгородцев. Очевидна взаимосвязь этих событий. Но вскоре, в 1149/50 г. карелы приняли активное участие уже и во внутренних делах Руси: на стороне Новгорода вместе с его войсками и псковичами они выступили "за обиду новгородскую" против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукова[66].

Между тем обстановка на Балтике продолжала накаляться. В 1155 г. шведы завоевали сумь, построив на месте новгородской торговой фактории крепость Або (Турку). В 1164 г. шведы на 55 судах–шнеках подошли к г. Ладоге и осадили его крепость. Не сумев взять ее, они отступили на земли веси, но на р. Вороной были разбиты новгородским князем Святославом. Вскоре в Финляндии появился шведский епископ–миссионер Рудольф — глава местной государственной администрации. В ответ в 1178 г. Новгород направил корелу к Або, и епископ был убит.

Следующим убитым карелами шведским "князем церкви" оказался архиепископ Упсальский Ион. Это произошло в 1187 г. во время беспрецедентного нападения корелы на политический и торговый центр Швеции Сигтуну на озере Мелар. Город полностью сгорел, карелы возвратились с богатой добычей.

Несомненно, за дерзким налетом стоял Новгород, карелы же выступали его пря-



Предметы украшений из могильника Тууккала (Саволакс)

мыми представителями и союзниками в сфере внешней политики. Новгородские бояре имели свой интерес на Балтике — им нужен был доходный торговый путь без посредников в ганзейскую Германию, с безопасными стоянками на южном побережье Финляндии, путь, которым шведы, в свою очередь, стремились овладеть и стать посредниками между Новгородом и Ганзой[67].

Осложнение обстановки заставило Новгород более решительно проявить свое присутствие в землях пограничной Корелы. С этой целью в 1227 г. было проведено массовое *крещение* карелов. Вероятно, примерно тогда же произошло крещение по православному обряду и других данников Новгорода — еми. Ранее Новгород крестил часть эстонцев (1208 г.). Идею сочетания светской власти с христианизацией Новгород мог позаимствовать у своих соседей — немецких рыцарей в Прибалтике. Но русское крещение проводилось в более мягкой форме. Археологи находят, что присутствие христианских вещей и украшений (нательных крестиков, карельских фибул с выгравированным крестом и подвесок в виде креста) в захоронениях корелы наблюдается именно с этого времени, но ориентировка могил по сторонам света и некоторый погребальный инвентарь продолжали древние традиции местного населения.

Карелов крестили при новгородском князе Ярославе Всеволодовиче, что отражено на страницах летописи и подчеркивает тем самым государственный, политический характер крещения. Крестилось большинство карелов, видимо, проживавших на Карельском перешейке и по границе с емью, вплоть до области Саво (Саволакс, Савилахти)[68].

Крещение означало и скорое появление на землях корелы структуры погостов. По новгородскому государственному обычаю церкви стояли в центрах погостов — сельских судебно-фискальных округов. Процесс создания внутреннего административно-территориального деления уже к концу века имел успех. Известно, что на рубеже XIII—XIV вв. существовали три погоста в западной, порубежной части Корелы: Яски, Эюряпяя и Савилахти, границы которых были четко определены; Ореховецкий мирный договор 1323 г. впервые указал и официальное название новой административной области Новгородского государства — *Корельская земля*. Не составляя ни одну из девяти областных тысяч, земля корелы напрямую вошла в состав "всей волости Новгородской" (1270/71 г.), так же как Псковская и Двинская земли, Великие Луки, Торжок и Волок Ламский[69].

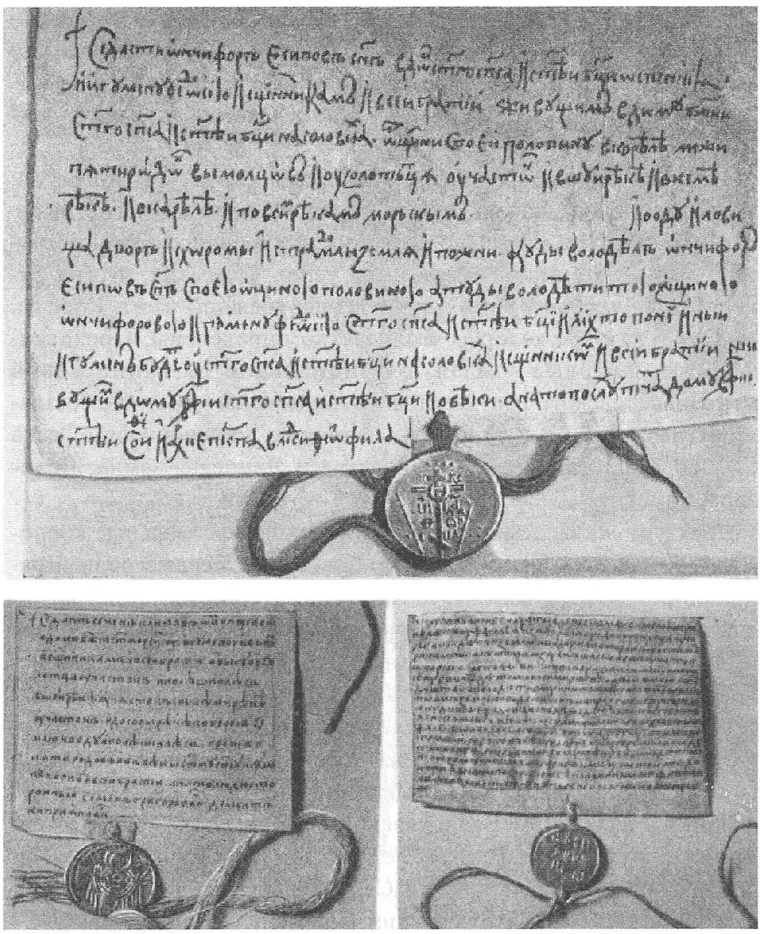
Все не входившие в структуру *тьмы* земли имели собственные феодальные корпорации. И напротив, в областях-тысячах, как и в самом Новгороде, первые роли играло сильнейшее новгородское боярство. Выявляется четкий критерий административного разделения на тысячи и окраинные *земли*: в тысячах единолично заправляли бояре Новгорода, а на окраинах они делили власть с местной феодально-вотчинной аристократией. Принадлежность Корельской земли ко второй группе административных единиц еще раз доказывает наличие у карелов своих влиятельных феодалов. Феодализация же веси не достигла таких вершин, и Обонежье составляло одну из тысяч.

Передняя Корела, с центром в г. Кореле, насчитывала три погоста: Воскресенский Городенский, Михайловский Сакульский и Васильевский Ровдужский. Задняя Корела объединяла четыре погоста: к северу от Вуоксы лежали земли Богородицкого Кирьяжского погоста, за ним располагался Никольский Сердовольский, еще к северу — Ильинский Иломанский, а к востоку — Воскресенский Соломенский погосты.

Между XIII и XV вв. состав и количество погостов менялись. Так, в одной из берестяных грамот рубежа XIV—XV вв. и в летописи за 1396/97 г. упомянуты Кирьяжский ("Кюрьескыи") и Кюлолакшский ("Кюлоласкыи") погосты и говорится о нападении на них шведов, сжегших там одну церковь. Между тем, в Писцовой книге Корельского уезда 1500 г. назван Кирьяжский погост с церковью св. Николая, а деревни в Кюлолакше (без своей церкви) входили уже в его состав[70].

В XIV—XV в. происходило разграничение на погосты и в северной половине Корельской земли — бассейнах рек Чирка-Кемь, Кемь и на Карельском берегу Белого моря. Местные владения "пяти родов корельских детей" постепенно приобретали вид, схожий с землями Задней Корелы. Одно из первых известных описаний этой территории относится к 1597 г. Тогда группа северокарельских погостов называлась Лопскими погостами и включала в себя (с юга на север): Никольский Линдозерский, Пречистинский Семчезерский, Спасский Селецкий, Никольский Паданский, Спасский Ругозерский, Ильинский Шуеозерский и Ильинский Панозерский погосты. На беломорском побережье находились Никольская Шуерецкая и Успенская Кемская волости. Начало формирования всех их относится к новгородскому периоду истории Карелии.

Так, судя по описанию 1597 г., в Линдозерском и Селецком погостах, граничивших с Задней Корелой, существовало деление на перевары. Центры Селецкого же и



Вкладные грамоты Соловецкому монастырю на беломорские земли и угодья. XV в.

Семчезерского погостов распадались на *концы*. На концы делился сам Новгород, а на селе такое деление переносилось на волости — там концом именовалась административная совокупность деревень[71]. Административное оформление земель Севера шло тем успешнее, чем активнее проводилась крестьянская колонизация края.

Более конкретно достигнутые успехи фиксирует достоверное предание (фактически — показания под присягой) уроженца Поросозерской волости Лариона Алексеева, записанное в 1620 г. Он свидетельствовал, что на месте будущей Поросозерской (по источникам тех лет — Порозерской) волости Селецкого погоста еще к середине XV в. стоял "черный лес" — лесные угодья, принадлежащие государству, в которых промышлял беспашенный лоплянин (житель Лопских погостов) по имени–прозвищу Пор. К нему подселились три крестьянина — Нестор, Григорий Тужил и Григорий Пахкуев сын Ускин, поднявшие целину и разделившие земли на три части — "тому болши полуторосот лет". В честь первопоселенца они назвали это место Пором, а озеро — Порозером. Новгороду же крестьяне стали выплачивать дань. Около 1470 г. они отдали вкладом свои земли Валаамскому монастырю, продолжая платить налоги государству. И лишь после 1478 г. валаамский игумен испросил в Москве право взимать государственные подати в казну обители "на темьян да на ладан"[72]. Таким обра-

зом, предание свидетельствует о строгой зависимости государственного оформления территории на уровне погоста, прежде всего в налогообложении, от сельскохозяйственного освоения.

Одновременно предание указывает на развитие к 1478 г. монастырского землевладения на Севере. Беломорские частноправовые акты "детей корельских" также сообщают о начале складывания крупных монастырских вотчин как раз перед падением новгородской независимости и сразу после 1478 г. Данная чисто политическая причина передачи карелами своих земель в монастыри переплеталась с собственно религиозными мотивами массовых вкладов в северные обители.

Ледовое побоище 1242 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Известно, что в России пользовались греческими пасхалиями (расчетами по годам празднования дня Пасхи и других церковных поминаний), которые были составлены до 7000–го года "от сотворения мира" (1591/92 г. от Рождества Христова). В связи с этим во всех слоях общества распространилось мистическое поверье, что в этом году наступит конец света и начнется страшный суд и, поэтому, пока не поздно, следует совершать богоугодные дела[73]. Одним из таких благих дел, по убеждению современников, и являлась передача своих земель в пользу монастырей.

Церковно–религиозные мотивы поведения людей средневековья нельзя сбрасывать со счетов. Первоначально, уже при крещении корелы, именно административно–территориальная разбивка Корельской земли на погосты–приходы создавала условия для управления, и власть Новгорода могла осуществляться лишь на церковно–административном уровне — Домом св. Софии. Более надежная система управления создавалась позже, с середины XIII в., при обострении противостояния Новгорода со Швецией и немецким Орденом и в условиях зависимости от Золотой Орды.

Шведские и немецкие рыцари попытались воспользоваться благоприятной для них военно–политической ситуацией. С 1238 г. последовал ряд шведских походов на емь, завершившихся ее завоеванием в середине века. В 1240 г. шведы, а в 1240—1242 гг. немцы военным путем попытались установить свою власть на северо–западе Новгородской земли, но были разбиты войсками Новгорода под командованием князя Александра Ярославича в Невской битве и Ледовом побоище. В тяжелейшем Раковорском сражении 1268 г. Новгород на длительное время положил конец притязаниям Ордена.

В военном противостоянии участвовали и карелы. Они ходили с князем Александром освобождать южное побережье Финского залива от немцев (1241/42 г.) и помо-

гали восставшей против шведов еми, вынудив главу шведской администрации епископа Томаса бежать оттуда в 1245 г. "из страха перед русскими и карелами" ("Хроника Юстена"). Когда шведы в результате крестового похода восстановили свою власть в южной Финляндии и окончательно покорили емь, великий князь Александр Невский прошел там опустошительным рейдом (1256/57 г.). Судя по тексту папской буллы 1257 г., карелы являлись главными исполнителями этой военно–политической акции, в результате которой шведы отказались от вторжений на Русь на три десятилетия, залечивая раны в Финляндии[74].

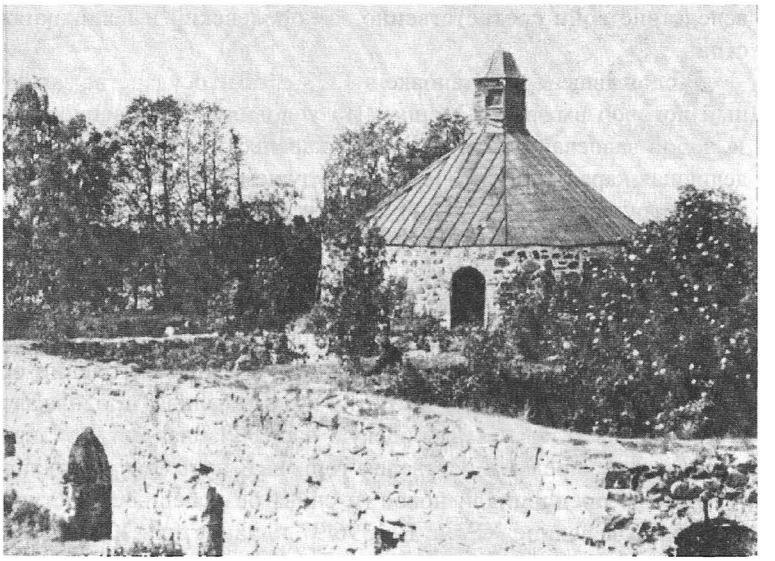
Подход шведской границы вплотную к новгородским рубежам заставил Новгород задуматься о своей по существу номинальной власти над конфедератами–карелами. Но вечевая республика действовала осторожно. В 1269 г. новгородский князь Ярослав Ярославович собрал огромное войско в поход на Орден. Немцы, только что потерпевшие жесточайшее поражение под Раковором, выслали посольство и заключили с Новгородом мир "по всей воле новгородской". Армия осталась без добычи, и князь решил направить ее на прямое и безоговорочное подчинение карелов. Новгородцы с трудом отговорили его от похода. Видимо, они вели переговоры с корелой и заставили верхи карельского общества, под угрозой княжеского вторжения, признать вассалитет своей земли Новгороду на новых условиях. Поэтому под следующим 1270/71 г. летопись впервые упомянула землю корелы в составе "всей волости Новгородской" — тогда карельские воины помогали уже новгородцам в изгнании самого князя Ярослава с новгородского княжения[75].

Новый тип вассалитета не ограничивался военно–политическим подчинением. Он с необходимостью включал присутствие новгородских властей и экономическое (вотчинное) вторжение на земли карелов. По всей вероятности, знать корелы решила освободиться от такой явной власти Новгорода сразу же после попытки изгнания князя Ярослава Ярославовича. Тем более, что шведы, занятые в Финляндии, не нарушали спокойствия на границе. Но теперь сепаратные стремления карелов встретили жесткий отпор со стороны и нового князя, и новгородского боярства. Под 1277/78 г. летописи сообщают, что князь Дмитрий Александрович с новгородцами и со всей Ростово–Суздальской землею "казни корелу и вся землю их на щит"[76].

Боярская республика успела установить в Кореле твердую власть перед самым началом новой волны шведской агрессии на Русь. В 1283 г. шведы на судах пришли в Ладожское озеро, ограбили обонежских купцов и попытались наложить дань на карелов, но потерпели поражение от ладожан. 1292/93 г. принес новые вторжения: новгородцев на земли еми, а шведов — в корелу и ижору; русские возвратились "вси здрави", шведы же были частью истреблены, частью пленены карелами и ижорцами[77]. Тогда Швеция приступила к методичному завоеванию Карелии с помощью новой крестоносной агрессии.

Крестовый поход возглавил правитель Швеции Тюргильс Кнутсон. Его войска в 1293 г. захватили устье Вуоксы на Финском заливе и возвели на острове при ее впадении в море крепость Выборг. Отсюда они совершили походы в глубь Корельской земли и завоевали три ее западных погоста. В 1295 г. шведы появились и на другом, ладожском, устье Вуоксы и взяли карельское укрепление Кякисалми (Кукушкин пролив), построив там Кексгольм. Реакция Новгорода оказалась незамедлительной. В 1295/96 г. новгородцы возвратили себе контроль над Кякисалми, разрушили шведскую крепость и расправились с ее гарнизоном во главе с комендантом Сигге Лаке ("воеводой Сигом")[78].

1300 г. вновь принес победу шведам. Они заняли устье Невы и возвели там камен-



Крепость Корела. Фото 1937 г.

ную крепость Ландскрону ("Венец земли"). Скорая попытка русских отбить потерю провалилась. По надменному замечанию автора "Хроники Эрика", местным жителям оставался выбор: покориться или бежать. Но в следующем 1301/02 г. великий князь Андрей Александрович собрал войска, в том числе карелов, взял Ландскрону штурмом и, пленив остаток гарнизона, разрушил крепость. Укрепляя позиции, вечевая республика построила свои крепости в Корельской земле — города Корелу и Тиверск (1310 г.), а в 1323 г. в Ижоре — крепость Орешек на острове в истоке Невы. Другим важнейшим шагом Новгорода явилось учреждение в Кореле наместничества; города Корела и Тиверск стали пригородами самого Новгорода.

Наместником в Корелу Новгород отправил князя Бориса Константиновича из тверской ветви русских князей, которые в начале XIII в. возглавляли великое княжение. Условием содержания наместника являлось кормление, при котором ему шел доход в виде подати–корма с населения кормленых волостей, судебные пошлины и ряд других поступлений. Но жители и их земля оставались в государственной принадлежности. Князь Борис оказался плохим, своекорыстным наместником. Он купил несколько сел в Кореле, чем и отвратил ее знать от Новгорода: "а он Корелу всю истерял и за немце загонил" (заставил симпатизировать шведам), — жаловались в 1304—1305 гг. новгородцы великому князю Михаилу Ярославовичу на незадачливого наместника[79].

Последствия недальновидной политики и, видимо, более глубокие противоречия, связанные с проникновением Новгорода на земли корелы, вылились в восстание 1314/15 г. Карелы перебили русских городчан и впустили в город шведов. Подавлял выступление новгородский наместник Федор с войсками: шведы и изменники были убиты, а г. Корела возвращен под власть Новгорода.

Дальнейшие обоюдные нападения Швеции и Новгорода на земли друг друга не принесли заметного успеха ни одной из сторон (новгородцы взяли Або, но не закрепились в юго–западной Финляндии, шведы безуспешно осаждали г. Корелу). К тому же и Швеция, и Новгород испытывали серьезные внутриполитические потрясения

вследствие войн соответственно за королевский и великокняжеский престолы своих стран.

В сложившейся обстановке в 1323 г. оба государства заключили между собой мирный договор в городе Орешке. По условиям Ореховецкого мира Швеция сохранила за собой завоеванные три западно–карельских погоста. Возникла новая граница, разделившая карелов на две части. В будущем разграничение не раз заставляло их выступать с оружием в руках друг против друга в соответствии с политикой своих государств и в защиту собственных владений. Западные карелы стали одной из ветвей современной финской нации, а восточные образовали нынешнее карельское население Карелии и Тверской области. Сама же пограничная линия исходила из Финского залива по р. Сестре к Вуоксе, затем шла на север до Сяркилахти на Сайменских озерах, потом сворачивала на северо–запад и, отдавая Швеции область Саво, по бассейну р. Пюхяйоки доходила до Ботнического залива, продолжалась морем к устью и по р. Кемийоки, отделяя новгородскую часть Лапландии от шведской. В Приботнии за восточными карелами оставался торговый путь по р. Пюхяйоки[80].

Шведы предприняли новое (и снова безуспешное) наступление на русскую часть Карелии в середине XIV в. В 1396/97 г. наместник Корелы князь Константин Иванович Белозерский также воевал против вторгнувшихся шведов. В 1410 г. шведам удалось сжечь крепость Тиверск. Но в целом крупные наступательные операции обеих сторон прекратились. Так с 1410–х гг., после трех веков войн, наступил сравнительно мирный период развития Карелии, как ее западной части, так и восточной, продолжавшийся до конца XV в.

"Хроника Эрика" признавала, что твердая власть боярской республики над Корелой объяснялась тем, что новгородцы "посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане (то есть шведы–католики) не приближались к этому месту"[81]. Очевидно, мудрость Новгорода заключалась также во включении представителей карельской знати в ряды своей правящей элиты, а также в оставлении за ними большого числа прежних владений на правах феодальных вотчин, но в сочетании с незначительным вотчинным присутствием новгородцев.

Назначения наместников в Корелу продолжалось вплоть до конца новгородской независимости. В XIV—XV вв., когда власть великих князей в Новгородской земле уступала силе республиканских устоев, бояре предпочитали приглашать на кормление в пограничные Корелу, Ижору, Водь, Ладогу и Великие Луки оппозиционных Москве князей — выходцев из Литвы или из русских удельных княжеств. Эти новгородские наместники на окраинах как бы уравновешивали своим присутствием власть великих князей Владимирских и Московских в самом Новгороде.

Стремясь к еще большему политическому и военному контролю за пограничьем, Новгород разделил корельское кормление на две равноценные части. Внутренние районы Задней Корелы и небольшие земли в Передней Кореле он оставил наместникам. По данным Писцовой книги Корельского уезда 1500 г., наместничья доля составляла 119 деревень с 573 дворами (восьмую часть деревень и пятую – сельских дворов). Но вдоль всей границы со Швецией ("на немецком рубеже") в обеих частях корельской земли тянулись волости, отданные вечевой республикой в корм своему архиепископу. К 1478 г. вместе с кормленой же владычной волостью в Соломенском погосте эти владения включали 198 деревень с 577 дворами, или пятую часть всех сельских поселений и дворов Передней и Задней Корелы.

Возможно, разделение Корелы на два кормления произошло в 1419 г., когда архиепископ Симеон ездил по Корельской земле[82]. Известно, что в результате политиче-

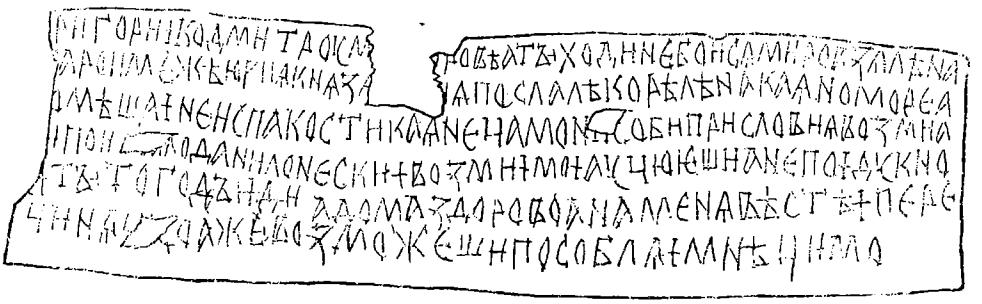
Печати наместника Дома св. Софии в Кореле. Вторая треть XV в.

ской реформы 1410–х гг. в Великом Новгороде образовался своего рода сенат — *Господа*, пропорционально представленная посадниками и тысяцкими от каждого из концов; ее главой стал архиепископ. Именно в таком качестве владыка и совершил пасторскую поездку в Корелу и поэтому имел полномочия для соответствующего административно–политического решения.

Раскопки 1989—1993 гг. в г. Приозерске (Кореле) принесли открытие: на территории крепости были обнаружены свинцовые печати середины — второй трети XV в. *владычного наместника* в Корельской земле[83]. В отличие от наемных наместников–князей, наместники Дома св. Софии являлись прямыми правительственными представителями Великого Новгорода. Они появились на рубеже XIII—XIV вв. и ведали обширнейшей сферой землевладения новгородцев и связями с иностранными государствами, то есть вопросами, непосредственно связанными с государственной безопасностью и устойчивостью власти вечевой республики над окраинными землями. Приграничная Корела, где в XV в. налаживалось мирное общение со старинным шведским противником и существовали достаточно компромиссные отношения местных карельских и пришлых новгородских вотчинников, безусловно подпадала в сферу компетенции владычных наместников, что и доказали археологические раскопки.

Следовательно, Великий Новгород осуществлял надежный государственный надзор за всем карельским приграничьем, независимый от радения приглашенных со стороны наместников. Принципиальное равенство количества налогообложенных дворов в обоих кормлениях (по пятой части от всех сельских дворов Приладожской Корелы) свидетельствует о ревнивом и выдержанном соблюдении баланса интересов между Великим Новгородом и князьями–кормленщиками.

Окраины Корельской земли на Севере также получали государственную поддер-



Берестяная грамота сборщика даней в Корельской земле Григория в Новгород. Около 1339 г.

жку Новгорода в лице его данников и воевод. Когда в середине XIII в. на широкой линии новгородско-норвежского пограничья ожесточились стычки норвежцев, карелов и саами из-за сбора пушнины, власти обоих государств обнаружили отличное знание обстановки в отдаленной земле. Послы Новгорода и великого князя Александра Невского в Норвегии обсудили конфликт с представителями норвежского короля и "установили они тут же мир между своими даническими землями..." (1250—1251 гг.) Русское посольство возглавлял "рыцарь Микъял", по мнению исследователей, или ладожский (а в 1257—1268 гг. — и новгородский) посадник Михаил Федорович, или новгородский боярин Миша, виднейший политический деятель вечевой республики, родоначальник Мишиничей — боярского клана Неревского конца[84].

Раскопки боярских усадеб Мишиничей в Неревском конце Новгорода выявили целый ряд берестяных грамот, посылавшихся из Карелии и Восточной Приботнии в адрес представителей этого рода. По своему содержанию большинство посланий являются отчетами сборщиков даней своим данникам. Поэтому предположение о Мишиничах — изначальных данниках в Кореле — выглядит более вероятным. Должность данника являлась долгосрочной и даже наследственной. Известно также, что в середине XIV в. сын посадника и карельский данник Максим Онцифорович одновременно исполнял обязанности сотского своего конца, то есть входил в правительственный слой Новгорода[85].

Таким образом, имело место не просто очень долгое заведование сбором карельских даней одним боярским родом Мишиничей, но в их лице осуществлялся неусыпный правительственный контроль новгородского боярства за положением дел в приграничной Карелии. Не случайно берестяная грамота "господ Вымольцев" из Кирьяжского погоста "Господину Новгороду" (рубеж XIV—XV вв.) о шведских набегах на их земли найдена на одной из усадеб Мишиничей. В ответ правительство направило своего наместника в Кореле князя К.И. Белозерского в поход на шведов, и захватчики были изгнаны[86].

Новгородская поддержка была необходима "пяти родам" для удержания своих владений в Восточной Приботнии. Там складывалось тяжелое положение. Еще в середине XIV в. новгородские сборщики даней контролировали эти земли. Но уже тогда туда стали проникать католические священники из Швеции, опиравшиеся не только на государство, но и на западно-карельское население, находившееся под его властью. В устье Оулуйоки шведы взяли карельское укрепление, и Новгород не смог его отбить (1377 г.). Распространяясь далее на восток, экспансия Швеции захватила

область Каяни в верховьях Оулуйоки. В XV в. сложилась граница между владениями "пяти родов" и королевством в Финляндии — *Каянский рубеж*, который остался фактической границей между Россией и Швецией в следующем веке[87].

Боярская республика, однако, не упускала возможности грозно заявить о своих правах на Восточную Приботнию. Русские войска приходили туда весь XV в. и требовали с населения дань — вплоть до старой границы по Ореховецкому миру 1323 г. Последний такой поход новгородцы совместно с карелами совершили на р. Ийоки (к северу от Оулуйоки) около 1478 г.: ходили "за обиду детей корелских и на воины своея", то есть для очистки северных территорий от проникавших туда шведов и финских колонистов, наносивших урон давно освоившим те же места карелам, в конечном итоге для удержания этих земель под своей властью[88].

Карелы являлись ценными союзниками Новгорода на Севере. Поэтому, когда в конце XIV — в XV вв. бояре создали вотчинный "пояс обороны" в Обонежье от притязаний московских великих князей, им пришлось учесть владетельные права "пяти родов" на Карельском берегу Белого моря. Из нескольких десятков частноправовых актов XV в. лишь в двух документах зафиксирована продажа здешних земель, воды и ловищ детей корельских новгородской знати[89]. Основные приращения своего землевладения на Беломорье бояре осуществляли южнее устья р. Выг. Выгозерский погост был покрыт густой сетью боярщин, тогда как ни один из сотен источников XVI в., например, не упомянул их бывших вотчин на Карельском берегу, в Кемской и Шуерецкой волостях. Новгород оставил широкий выход к промысловым богатствам Белого моря своим вассалам–союзникам — от устья Выга на юге до Сон–реки (границы Керетской волости) на севере.

Московские притязания на новгородскую независимость вызвали некоторое изменение способа управления на Севере в последнее десятилетие существования Новгородской феодальной республики. Материалы сфрагистики указывают на то, что обширные регионы Подвинья и карельского Беломорья оказались под управлением наместника новгородского архиепископа в Двинской земле. В частности, скрепление его печатью частноправовых актов детей корельских и новгородских бояр узаконивало их сделки на местные владения[90].

* * *

Старания Великого Новгорода по укреплению системы управления не только на Севере, но и по всей Новгородской земле не остановили великого князя Ивана III Васильевича. В результате московского похода 1477—1478 гг. вечевая республика пала. С этого времени Карелия вошла в орбиту общероссийской государственности. Начался новый этап ее истории. Но основные достижения новгородского периода в социально–экономической и государственно–политической областях не забылись. Ростки государственного феодализма, торгово–купеческие связи, обеспечение надежного управления и военной защиты границы получили дальнейшее развитие в следующие века.

Глава III

КАРЕЛИЯ В СОСТАВЕ РОССИИ (КОНЕЦ XV — XVII в.)

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

В последние десятилетия XV в. стремительно образовалось мощное суверенное государство — Россия. Этапным шагом в ее централизации явилось присоединение Иваном III Великого Новгорода к своей державе в феврале 1478 г. Еще через два года, в 1480 г., Москва освободилась от вассальной зависимости Золотой Орде. Карелия оказалась в сфере внимания общероссийской внутренней и внешней политики. Как и вся страна, край подвергся воздействию главных политических и социально-экономических тенденций, изменивших его прежнее историческое бытие.

Примерно к середине XVI в. в России произошел переход от порядков феодальной раздробленности к сословно–представительской монархии, а в дальнейшем, со второй трети XVII в., утверждался абсолютизм. Поэтому в центре и на местах постоянно видоизменялись приемы и сам характер властвования. На Севере утверждалась система государственного феодализма. Кроме того, в условиях возобновления русско-шведского соперничества Карелия оказалась важной в стратегическом отношении пограничной территорией. Внешнеполитическая конъюнктура заставляла центральное правительство в Москве внимательно учитывать местные особенности.

Кремль ценил северные земли и по экономическим причинам. Уже в середине XVI в. обширный и богатый регион Поморья — от Карелии до северного Урала — давал около половины всех государственных доходов, в основном — в виде различных налогов с *черносошного крестьянства* (в будущем — сословной группы государственных крестьян) и горожан–*посадских*. Товарно–денежные отношения поворачивали северян в сторону рынка в большей степени, нежели население частновладельческих вотчин. Довольно высокий местный производственный потенциал дополнялся немалыми выгодами от заграничной торговли России на Севере.

Все это ставило Карелию в ряд значимых для центра земель. Стремление Ивана III (1462—1505 гг.) и последующих русских монархов укрепить в них свою власть осуществлялось в первую очередь с помощью реформирования административно–территориального устройства и управления. Теперь властные институты на местах соблюдали интересы и обслуживали потребности внутренней, внешней и военной политики России.

Начальные административные преобразования

После 1478 г. большая часть Карелии вошла в Новгородский уезд. Туда Иван III зачислил *Заонежские погосты* — земли бывших "боярщин" вокруг Онежского озера и Выгозера, на Олонецкой равнине и в Посвирье, а также *Лопские погосты* с беломорскими волостями Кемью и Шуей (в прошлом — владения "пяти родов корельских

детей"). Область Корельского наместничества новгородских времен в 1500 г. он выделил в административно самостоятельный *Корельский уезд* с центром в городе Корееле. Керетская волость и земли саами на Крайнем Севере оказались в составе *Двинской земли*.

Основные органы управления Карелией находились в Москве и Новгороде и всегда оставались под жестким надзором русских монархов. Главными управленцами выступали *наместники Новгорода*. Они проводили в жизнь политику и интересы центральной власти. В наместники назначались бояре и окольничие, представлявшие в своем лице высшую управленческую элиту России — членов *Государевой думы*. Будучи кормленщиками, они ведали оперативным государственным управлением, творили суд, контролировали важнейшие военные и торговые коммуникации, получая с жителей корм и пошлины от суда и торговли[1].

Твердую власть над Новгородской землей с помощью наместников Москва дополнила новым приказным (пробюрократическим) способом управления — через новгородских *дворецкого* и *дьяков* Казны и Дворца. Приказные назначались Кремлем и властвовали вместе или параллельно с наместниками. Так, в Заонежских погостах дворецкий *Новгородского дворца* и его дьяки ведали местным землевладением. На основе указов из столицы они производили суд по возникавшим в данной сфере делам, разграничивали погосты и землевладения, наделяли монастыри вотчинами.

Дьяк *Новгородской казны* собирал налоги в городах. Кроме того, ему подчинялась на севере Карелии Кемская и Шуерецкая волости — обширная территория от Карельского берега Белого моря до фактической границы со Швецией. Его подьячий приезжал туда ежегодно, взимая налоги и проводя следствие по судебным делам и искам их жителей. Но сам суд над "лоплянами" дьяк Казны вершил в Новгороде. Наместникам же правительство запретило вмешиваться в управление, судить и собирать подати с населения этих земель. В 1539 г. по указу из Москвы власть дьяков Казны над Кемью и Шуей перешла в руки новгородских дьяков Дворца[2].

В конце XV — первой половине XVI в. новгородские наместники и дворецкие совместно осуществляли функции военного управления Новгородской землей. Им были подвластны местные военные — *помещики*. В случае войны власти Новгорода проводили их мобилизацию и командовали поместными войсками. Поэтому и поместное землевладение, и суд над помещиками находились в общем ведении наместников и дворецкого[3].

Своеобразный характер отличал дипломатические связи России с ее северо–западными соседями, прежде всего со Швецией. С восстановлением национальной шведской суверенной государственности в 1523 г. и по 1610–е гг. Москва отказывалась признавать Стокгольм равным себе партнером в переговорах. По понятиям и терминологии тех лет она приравнивала свою "честь" (международный вес) к "чести" Священной Римской империи. Швеции же "по старине" выпадала участь дипломатических связей лишь с "Новгородским государством" русских монархов. Безусловно, внешнеполитический курс России по отношению к Швеции вырабатывался в Кремле. Но официально главными лицами в связях со Стокгольмом выступали новгородские наместник и дворецкий, а с последней трети XVI в. — воеводы Новгорода. Именно они, от своего имени и за своими печатями (а не от имени русского монарха и его печатью), заключали государственные договоры и соглашения с королями Швеции[4].

Особняком в административном устройстве Карелии стояла Керетская волость и земли саами на Крайнем Севере. Там военно-поместные преобразования не проводились. Волость Кереть и саамские становища не подчинялись ни Новгороду, ни Хол-

Иван III. Гравюра из кн. А. Тевэ XVI в.

могорам (центру управления Двинской земли, куда они входили территориально). В Керети государственную власть осуществляли местные *данщики* и *слободчики*, а у саами — кольский данщик. Все эти управленцы назначались московским казначеем и только ему были подотчетны. Дело в том, что из Керети прямо в столицу поступал редкостный налог — десятая доля жемчуга, добывавшегося керетчанами в местных речках. Кольский данщик ведал саамскими промыслами жемчуга в северной Норвегии.

Помимо государственной администрации московские государи управляли Новгородской землей еще и через ее церковную структуру. В конце XV — первой половине XVII в. она включала новгородского *владыку* — архиепископа (митрополита) и руководящий штат Дома св. Софии: его бояр, дворецких, дьяков, посылаемых на места сборщиков церковных налогов — десятинников и управителей церковных станов (в Карелии — Олонецкого стана). Все они исполняли не только церковные, но и государственные полномочия по управлению, суду, сбору податей, проведению сысков и дозоров на обширных землях новгородской кафедры, в монастырях и церквах. Повсюду в Новгородской земле владыка контролировал религиозную жизнь: судил мирян, священников, монашество и причт по всем духовным делам; в его казну шли немалые церковные сборы и пошлины[5].

Крупнейшим административным преобразованием в Карелии явилось создание в 1495/96 г. в Новгородской земле *пятин* — пяти военно–мобилизационных округов. Основой военной мощи России на Северо–Западе становились поместные войска, которые срочно создавались взамен упраздненных отрядов новгородского боярства. Корельская земля от Ладоги до Белого моря, как и земли Ижорская и Водская, населенные родственными карелам народностями ижорой и водью, вошла в состав *Водской пятины*. Заонежские погосты стали частью *Обонежской пятины*, которая объединила древневепсские земли и старые торгово–промысловые пути к Белому морю. Проводить данную реформу в жизнь Иван III поручил своим "государевым писцам", в том числе в Водской пятине — Дмитрию Васильевичу Китаеву и в Обонежской пятине — Юрию Константиновичу Сабурову. Именно они "испомещали" первых помещиков, наделяя их землей бывших вотчин новгородских бояр, а в Передней Корелe — и старинного кормления Дома св. Софии по границе со Швецией[6]. Но карельская феодальная знать под общим названием *своеземцев* сохранила вотчины в приладожской части Корельской земли.

Реформирование на территории Карелии продолжилось в самом конце XV в. В 1496 г. под руководством писца Ю.К. Сабурова на землях бывших боярщин в За-

Помещики. Гравюра из кн. Герберштейна XVI в.

онежских погостах Новгородского уезда были образованы *станы* — округа сельских кормлений во главе с *волостелями*. Независимые в своей деятельности от наместников Новгорода, кормленщики–волостели получали корм с подвластного им населения. В станах они ведали оперативным государственным управлением и судом. Сложные вопросы военно–поместной системы и фиска оставались в компетенции наместников и дворецкого Новгорода с их аппаратами власти. Материалы обонежских налогово-кадастровых переписей (*письма*) 1496 и 1563 гг., однако, не разграничивают территории станов и не дают представления о числе составлявших их погостов[7]. Но ряд других источников XVI—XVII вв. позволяют прояснить эту проблему.

Выгозерский стан — самый северный в Заонежье. В грамоте Ивана IV (не позднее 1543 г.) выгозерским губным старостам отмечены волости Выгозерского погоста, давшего название стану — Выгозеро, Сума и Нюхча. К стану относился и Шунгский погост (местные крестьяне Палеостровского монастыря в 1550 г. освобождались царем Иваном IV от суда выгозерского волостеля). Судя по грамоте царя Михаила Романова толвуйскому попу Ермолаю 1618 г., в стан входил и Чёлмужский погост. Наконец, Платежная книга (список податей) Заонежской половины Обонежской пятины 1628/29 г. зачисляла в Выгозерский стан Выгозерскую волость, Чёлмужский и Толвуйский погосты, а Шунгский погост относился уже к дворцовому Олонецкому стану[8]. Таким образом, на протяжении почти всего XVI в. Выгозерский стан включал четыре северных погоста Заонежья: Выгозерский, Шунгский, Толвуйский и Чёлмужский.

Погосты Водлозерский, Пудожский, Шальский и Андомский на восточном по-

бережье Онежского озера составляли Водлозерский стан. Три первых погоста охватывали бассейн р. Водлы, а четвертый — р. Андомы. Вместе с тем в жалованной грамоте Палеостровскому монастырю 1550 г. упомянуты водлозерский и пудожский волостели, причем последний контролировал Пудожский и Шальский погосты[9]. Следовательно, к середине XVI в. здесь имелись два стана — Водлозерский и Пудожский, которые затем, с отменой кормлений, объединились в один Водлозерский стан.

Южные погосты (Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Важинский и Веницкий) в XVI — первой половине XVII вв. входили в Оштинский стан. Черносошные крестьяне Пиркинского погоста на устье Свири после 1563 г. выплачивали налог "за наместнич доход", что говорит об их принадлежности к обширному кормлению новгородских наместников, а не к Оштинскому стану[10].

Дворцовый Олонецкий стан XVII в. не известен по источникам XVI в. По восточному берегу Ладоги тянулись земли старинного Олонецкого стана Дома св. Софии с центром в Ильинском погосте. Восточная же половина Олонецкого погоста вместе с Шуйским и частью Кижского погостов относилась к землям Дворца и дворцового ведомства Конюшенного пути. Тем самым их власти получали немалые подати, контролируя доходный олонецкий торгово–промысловый путь из р. Олонки к Повенцу через Заонежский полуостров и богатейшие рыболовные промыслы в северной части Онежского озера. Видимо, государев Олонецкий стан был образован при проведении дворцовой реформы 1584/85 г. в составе трех погостов: Олонецкого, Шуйского и Кижского, а с 1628/29 г. — и Шунгского[11].

Итак, административные округа–станы в первой половине XVI в. включали, главным образом, оброчные черносошные земли бывших боярщин Заонежья (кроме Пиркинского погоста). Их состав: Выгозерский, Водлозерский, Пудожский и Оштинский станы — не совпадал с территориально–становой разбивкой конца XVI—XVII вв.

Важнейшим преобразованием в Карелии стало создание в 1500 г. Корельского уезда из приладожских Передней и Задней Корелы. Они были выведены из Новгородского наместничества и уезда и отданы в управление вновь назначаемым, теперь уже из Москвы, наместникам г.Корелы. Как и в новгородское время, наместники Корелы являлись кормленщиками: в корм шла доля податей с населения Задней Корелы и частично — Передней Корелы. В своем уезде они самостоятельно осуществляли административно–судебные полномочия, но надзор за сферами землевладения и фиска делили с новгородскими приказными властями.

Первыми великокняжескими наместниками в Корелу Иван III назначил близкого своей семье князя Ивана Ивановича Пужбольского–Ростовского и опытного писца–администратора Ю.К. Сабурова. В 1505 г. наместниками стали видный дипломат Иван Иванович Ощерин (сын окольничего в Думе Ивана III) и Иван Иванович Бобров, чей брат занимал высокую военно–придворную должность оружничего великого князя Василия III (1505—1533 гг.)[12]. Наместники Корелы представляли младшие ветви знатных правящих родов России. Такое положение их в феодальной иерархии подчеркивало подчиненное положение Корельского уезда перед "старшим" Новгородским. И действительно, наместники Корельского уезда подчинялись властям Новгорода в сферах внешней и военной политики.

Корельские наместники исполняли важную роль по организации связи между Новгородом и Стокгольмом в системе русско–шведских дипломатических отношений. Параллельно те же функции ложились на плечи наместников г. Орешка — уездного центра Ижорской земли. Со шведской стороны такие полномочия имели правители г. Выборга. Наместники городов Корелы и Орешка, шведские правители Выборга

и Выборгского лена регулировали взаимоотношения своих порубежных жителей (помещиков, своеземцев, горожан и крестьян), особенно в вопросах торговли и прав на использование промысловых угодий у линии границы.

Феодальная верхушка уездного общества — русские помещики и карелы–своеземцы — вместе со своими дворовыми людьми составляли поместное и земское ополчение уезда во время войн. Их возглавляли наместники г.Корелы. На северо–западном театре боевых действий эти войска Корельского уезда составляли вспомогательный "полк левой руки". А наместники и дворецкие Новгорода (старшие воинские начальники всей Новгородской земли, в том числе и Карелии) командовали основными поместными силами Севера — "большим полком" и "полком правой руки".

Такая продуманная система внешнеполитических и военных полномочий властей Новгорода, Корелы и Орешка сложилась под влиянием неудачной для России войны со Швецией 1495—1497 гг. Иван III повел ее, стараясь присоединить западно–карельские земли, отошедшие от России по условиям Ореховецкого мирного договора 1323 г. Претендовавший на шведский трон датский король Ханс поначалу поддержал Россию, но после своей победы отказался выполнить договоренности. Русские же войска не смогли овладеть Выборгом и оспариваемыми землями. В свою очередь Иван III, противодействуя усилившейся Дании, создал на северо–западном пограничье пять уездов с центрами в Кореле, Орешке, Яме, Копорье и Ивангороде и наделил наместников там соответствующими военными и дипломатическими полномочиями.

Равновесие сил на границе привело к заключению в 1510 г. в Новгороде 60–летнего перемирия между "Новгородским государством" русских монархов и Швецией (наместничеством датской короны). Проблема пограничной черты отрегулировалась русско–датским договором 1516 г., один из пунктов которого гласил: "рубежь ведати на обе стороны по старине", то есть по линии Ореховецкого мира 1323 г.

Воеводы–администраторы и крестьянско–посадское самоуправление

Поначалу воссоздание в 1523 г. национального Шведского королевства не принесло изменений в пограничье. Правда, шведы, проводя политику постепенной колонизации земель карелов у Ботнического залива Балтики, попытались подделать текст Ореховецкого мира так, чтобы вся Остерботния оставалась за Швецией. Следуя этой политике, шведский король Густав Ваза (1523—1560 гг.) развязал пограничную войну с Россией. Она началась в 1554 г. мелкими стычками в карельском и ижорском приграничье и продолжилась походами русских войск на Выборг и в южную Финляндию в 1556 г. В войне столкнулись, с одной стороны, шведские притязания на карельские земли и требование дипломатического паритета в отношениях с Россией, а с другой — отстаивание Москвой границы 1323 г. и защита, в ее понимании, "чести" в международных отношениях. Проиграв войну, Швеция заключила в марте 1557 г. в Новгороде вынужденное перемирие на прежних условиях[13].

С середины 1550–х гг. в Корельский уезд посылались уже и наместники, и воеводы — военные и дипломаты. Из кормленщиков на "Большей половине" г. Корелы обосновались Михаил Михайлович Тучков и князь Иван Петрович Звенигородский, а на "Меньшей половине" управлял Иван Иванович Бутурлин. С 1500 г. население уезда удвоилось, соответственно увеличилась и общая сумма корма. Воеводами царь Иван IV Васильевич Грозный (1533—1584 гг.) послал в Корелу Андрея Андакана Федоровича Тушина, Захария Ивановича Очина–Плещеева и других. Безусловно, с

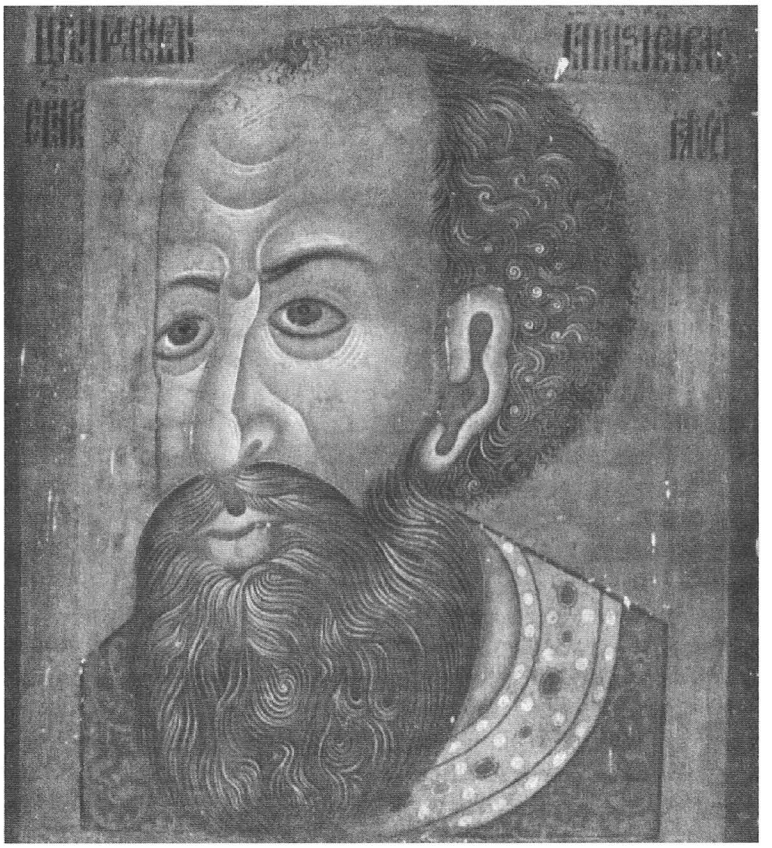
их помощью центральное правительство усилило свой контроль над Корельской землей к началу основных боевых действий. Все вместе и каждый по отдельности в сферах своих полномочий они помогли восстановить приграничное status quo.

В 1560–е гг. обстановка изменилась. С 1558 г. Россия повела затяжную Ливонскую войну, разгромила Ливонский орден, а затем защищала свои приобретения в Прибалтике от экспансии Польши (которая с 1559 г. объединилась с Литвой в Речь Посполитую). Новый шведский король Эрик XIV (1560—1568 гг.), связанный войной с Данией, выступал за дружественные отношения с Россией. В свою очередь сложное положение в Прибалтике заставило Ивана IV пойти на сближение со Стокгольмом. Опытный политик, он отнесся к понятию "чести" весьма прагматично. Отвергнув поначалу просьбу короля Эрика признать его "братом" себе, другими словами, перейти к паритету в отношениях со Швецией, царь все же решил изменить русскую систему внешнеполитических отношений с королевством. С этой целью в 1562/63 г. он упразднил наместничество в Новгороде. Его наместник князь Ф.А. Булгаков–Кракин в том году стал новгородским *воеводой*–администратором. В следующем 1563/64 г. произошло упразднение наместничества и в г. Кореле — там также утвердилась власть *воевод*[14]. И уже в 1563 г. царь лично принял шведских послов. После долгих переговоров в 1567 г. они заключили с Иваном IV соглашение, по которому царь признавал Эрика XIV "братом" себе, но лишь в случае, если Швеция выдаст России жившую там польскую принцессу Екатерину (жену брата короля принца Юхана). Договор провалился: в 1568 г. принц свергнул с престола Эрика и сам занял трон.

Данные внешнеполитические акции привели к изменению системы управления в Карелии. Утвердившиеся в Новгороде и в Кореле воеводы–управленцы "на годовом" сроке по своему статусу отличались от наместников–кормленщиков. В одном из первых сохранившихся "наказов" (инструкций) таким воеводам кратко, но емко определялось их положение: "велел ему государь...быти на своей государеве службе"[15]. Таким образом воеводский пост рассматривался в качестве административной должности, а не как пожалование–награда кормом за прошлую службу. Воевода мыслился прежде всего послушным исполнителем, верным проводником интересов и решений царской власти. С самого начала 1570–х гг. в приграничном Корельском уезде главным царским делом являлось обеспечение безопасности северо–западных рубежей.

Те годы характеризовались резким ухудшением военно–политического положения России. Иван IV проиграл Ливонскую войну. В 1582 г. ему пришлось заключить с Польшей десятилетнее перемирие, а в 1583 г., когда шведы захватили балтийское побережье России у Финского залива, новгородские воеводы подписали перемирие со Швецией. Ранее, в 1570–е гг., шведы вели боевые действия и в Корельском уезде. В ответ Москва предприняла шаги по усилению военной мощи пограничья. Вместе с новыми войсками из стрельцов и казаков в г. Корелу назначались воеводы — талантливые военачальники Василий Константинович Старого Сухово–Кобылин, думный дворянин (член правительства — Думы) Михаил Андреевич Безнин–Нащекин, самой крепостью командовал Григорий Никитович Бороздин–Борисов (боярин удельного князя Тверского Симеона Бекбулатовича). Они не раз побеждали вторгавшегося противника, заставляя шведов отступать за рубеж[16]. Но в 1580 г. русским потребовалось собрать армию для обороны осажденного Пскова; полководцев и их войска отозвали из уезда. Корельская земля осталась без должной защиты.

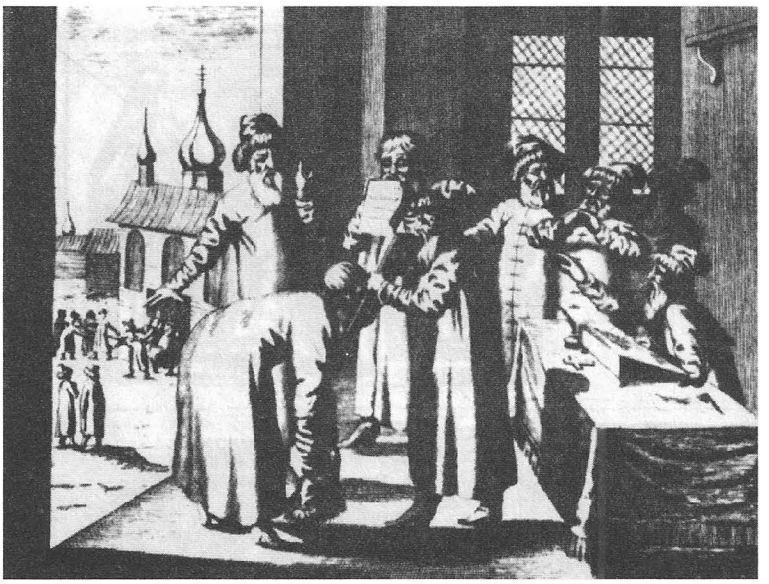
Осенью 1580 г. шведы под командованием Понтуса Делагарди подошли к городу Кореле. Лишенная сильного гарнизона крепость капитулировала 5 ноября. В 1580—1581 гг. был захвачен почти весь Корельский уезд, кроме северо–восточной Реболь-



Иван IV. Портрет конца XVI — начала XVII в.

ской волости. Шведы следовали политике своего короля Юхана III (1569–1592 гг.), в союзе с Речью Посполитой навязавшего России разорительную военную кампанию на два фронта. Его программа оккупации северных земель России предусматривала захват всей Карелии и выход к берегам р.Свири и к Белому морю. Реализуя ее, шведы не только взяли Корельский уезд, но и вторгались в Лопские и Заонежские погосты, повсюду производя страшные опустошения; их рейды в Поморье продолжались до начала 1590–х гг. Для отражения иностранной агрессии на Крайнем Севере с конца 1570–х гг. царь стал направлять воевод в Карельское Поморье, а с 1582 г. — и в Колу[17].

Воеводское управление служило и целям внутренней политики. Правительство в Москве все в большей мере использовало на местах традиционные институты самоуправления населения, за которыми, по убеждению Кремля, требовался надзор. И установление воеводств в Новгороде и в Кореле сопровождалось и в известной степени способствовало становлению в Карелии практики самоуправления, опиравшегося на общинную организацию населения. В крае издревле общины крестьян образовывали волости, боярщины и перевары. Общины сохранились и в "московское" время. Во главе их стояли *старосты* (сотские, пятидесятские, десятские — в зависимости от величины той или иной общины). Они избирались крестьянами и горожанами в основном из "людей добрых" — представителей зажиточной верхушки общинников,



Клятва на суде. Гравюра из кн. А. Олеария, изд. 1719 г.

например, собственников торговых лавок и амбаров или совладельцев богатых промысловых угодий.

Первейшая обязанность старост и других "людей добрых" перед общиной состояла в защите ее волостных земель от сторонних захватов. Государство вполне признавало данные традиционные права. При расследовании возникавших на местах споров из–за "межи" оно всегда призывало старост свидетельствовать на суде об истинных границах общинных владений. В случае отсутствия на местности таких точных меж последние также устанавливались старостами заинтересованных сторон под присмотром государственного администратора. Более того, выделение по царским указам земель новым владельцам не считалось законным, если при такой процедуре не присутствовали ("не вставали на межу") представители местных крестьянских общин — старосты и старожильцы.

Раскладка государственных податей на членов общин являлась другим важным правом и одновременно обязанностью старост. Определение государством размеров налогов на каждую из общин проводилось при составлении очередных писцовых и дозорных книг — раз в два и более десятилетия. За длительный срок демографическое и хозяйственное положение внутри волостей (посада) изменялось. Поэтому ежегодно старосты "ровняли" бремя налогов в расчете на одного общинника, его семью, двор и доходы. Старосты же и собирали указанные подати[18].

Исполнение традиционных полномочий волостными властями приводило к их постоянной связи с верховным сувереном России. Такое общение выражалось в *челобитьях* — всевозможных прошениях и жалобах в письменной форме на имя царя, а иногда и при личных аудиенциях. Ответами государей на челобитья выступали указные и иные грамоты. По своему характеру эти указы представляли собой акты сепаратного законодательства. С их помощью центр претворял в жизнь свою политику, учитывая местные особенности в наиболее полной мере. Так, именно "государевыми грамотами" с конца 1530–х гг. в России (и в Карелии) вводился режим самоуправления в сфере суда, следствия и налогообложения.

Толчком для создания местных избираемых органов власти послужила и волна преступности, захлестнувшая страну в 1530–е гг. Тогда в условиях бурного социально–экономического подъема первой половины XVI в. появлялось много богатых жителей, а часть бедняков стала объединяться в разбойные ватаги. Рост преступности повышал доходы наместников и волостелей: получая судебные пошлины от рассмотрения своим судом таких дел, они не особенно заботились о наведении порядка.

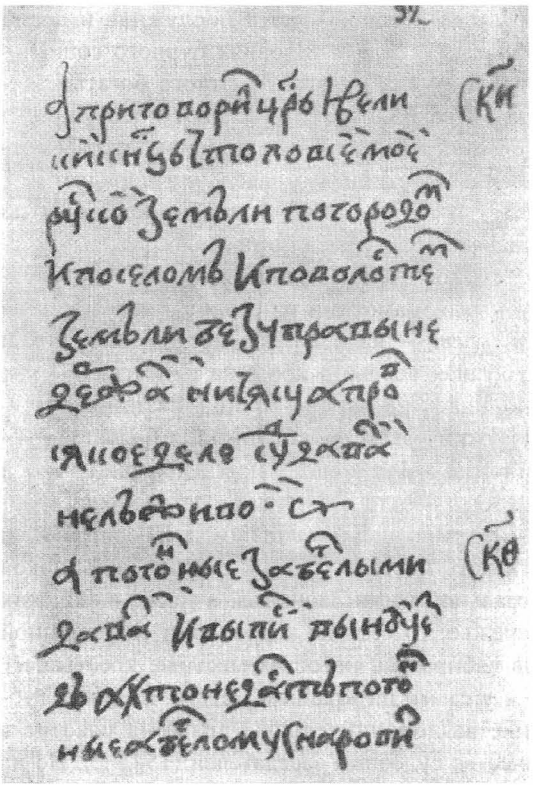
Для обуздания преступности правительство решило создать новую полицейскую систему. С этой целью в конце 1530–х — начале 1550–х гг. оно провело реформу местного управления, названную историками "губной". *Губы* являлись полицейско–следственными округами. В соответствии с губными грамотами из столицы население на местах избирало из своей среды *губных старост* — начальников местной полиции и их помощников *губных целовальников* (от обычая целовать крест на присяге).

В Новгородской земле реформа проводилась на основе военно–пятинного устройства. Корельский, Орешковский и Ладожский уезды составили один большой губной округ — *Корельскую половину* Водской пятины. Тут полицейских избирали из своей среды уездные помещики. Заонежские погосты вошли в *Заонежскую половину* Обонежской пятины. Но здесь поместья концентрировались в основном в Посвирье и на южном берегу Онежского озера, поэтому власть местных губных старост–помещиков распространялась лишь на эти земли. В остальной части Заонежья, а также в Лопских погостах и на западно–беломорском побережье, то есть на территории современной Карелии, губных старост и целовальников избирали в погостах местные крестьяне.

Кормленщики отсутствовали в Керети и у саами на Крайнем Севере. Здешние губные целовальники получили от правительства дополнительные права на участие в суде казенных данщика и слободчика в качестве судебных заседателей (1542 г.). Но на земли кормлений такой порядок не распространялся. Поэтому, когда около 1543 г. выгозерские губные старосты отобрали суд по уголовным делам у своего волостеля, немедленно последовал строгий указ из Москвы, восстановивший на Выгозере прежние права кормленщика на суд и доходы от судопроизводства[19].

Губные органы на местах подчинялись приказным дьякам Москвы и Новгорода, а не наместникам и волостелям. Так новый порядок повсюду приводил к изъятию важных функций у кормленщиков в пользу мест и центра. Тем самым правительство постепенно переходило к политике ограничения власти кормленщиков по всей стране. Тому же служило и наделение иммунными правами многочисленных монастырей: начиная с правления Василия III их игумены жаловались не только административной, но и судебной властью над населением своих вотчин, которое, таким образом, частично "уходило" из–под надзора наместников и волостелей[20].

С середины XVI в. Россия вступила на путь сословно–представительской монархии. С этого времени и вплоть по 1680–е гг. в Москве созывались Земские соборы (прообраз парламента), которые решали важнейшие вопросы государственной власти и управления. Начало этому положила земская реформа местного государственного управления 1550–х — 1560–х гг. Реформой власть кормленщиков на местах заменялась воеводским управлением в городах и выборным самоуправлением населения, прежде всего в важнейших сферах фиска и суда. Нововведение проводилось в жизнь не сразу по всей стране, а постепенно, в отдельных областях, с учетом местных особенностей. Например, с 1555/56 г. перестали назначать кормленщиков–волостелей в заонежские станы; управление ими перешло в руки новгородской администрации. Но вплоть до 1562—1564 гг. наместники Новгорода, Корелы и Орешка продолжали нести важные для страны внешнеполитические функции по связи со Швецией, сохраняя



Из северного крестьянского "судебника" 1589 г.

свою власть на местах, хотя и не в прежнем объеме.

Во всех пятинах Новгородской земли реформа фиска проводилась с 1553/54 г. И ранее в черносошной волости налоги собирали старосты. Но теперь царь велел выбирать из числа помещиков и "лучших людей" в городах и на селе *денежных сборщиков*, которые и принимали у старост налоги со своих половин пятин и отвозили их в Новгород дьякам. Затем главные налоги аккумулировались в специально созданном для этого московском приказе Большого прихода[21]. Тем самым создавались низовой, уездный и столичный аппараты централизованной системы фиска, подконтрольные приказным органам власти.

Переход к суду местных крестьянских *выборных судей* в Карелии произошел лишь после 1562 г., когда управление в Новгороде и Кореле оказалось в руках воевод. Население Заонежских, Лопских погостов и беломорских волостей получили местную судебную систему — с правом суда в первой инстанции. Новация дополнила уже имевшуюся тут полицейско–следственную организацию. О суде крестьянских выборных судей в Корельском уезде сведений не сохранилось, хотя не исключено, что они были и там. Сбор налогов и полицейско–следственные дела вели здесь выборные головы из помещиков и крестьян[22]. В итоге в середине XVI в. повсюду в Карелии утвердилась система местного самоуправления. Общий надзор за ее деятельностью сосредоточился у дьяков Новгорода и Москвы.

Иван Грозный, проводя земскую реформу, оставался невысокого мнения о самоуправлении. Он с подозрением относился к гражданской право– и дееспособности крестьянских и посадских миров. Так, он назвал "мужичьими поклепами" свидетельские показания в суде крестьян Заонежских погостов[23]. И когда в конце 1560–х гг. в Поморье разразился острый социальный конфликт, последствия которого известны в истории под названиями "двинского иска" и "Басаргина правежа", царь предпочел урегулировать его ужесточением государственного контроля за деятельностью местных выборных органов самоуправления. Современник тех событий голландский купец Симон ван–Салинген сводил действия царя к наказанию жителей Варзужской волости за неуплату ими двинянам–холмогорам десятины с промысла семги, взятого последними на откуп у казны, а также населения западного Поморья за то, что оно не предупредило раздор. Но дело заключалось не только в наказании[24].

Ход и последующее разбирательство конфликта в Поморье вырисовываются за строками расписки ("отписи") Б.Ф. Леонтьева крестьянам Сумской волости Соловец-

кого монастыря от 28 ноября 1569 г. о получении причитавшейся с них доли в выплате двинского иска, "боярских пошлин" и "прогонов", а также обязательства ("записи") 1569/70 г. преступников, громивших варзужские владения двинян, данного ими жителям Сумы о неучастии впредь в подобных деяниях[25].

Оказывается, жители западно-беломорских волостей сами наняли группу "удальцов" с целью разгромить владения двинян в Варзуге. Во время погрома погибло четыре человека двинских охранников. Подсчитав убытки, холмогоры подали царю иск в 1764 рубля на поморцев (двинский иск), и Иван IV направил разбираться на месте Б.Ф. Леонтьева с отрядом опричников и 10 недельщиков (судебных исполнителей). Материалы их розыска рассмотрел суд высшей инстанции — бояре, так как потом население выплачивало "боярские пошлины". Иск был признан обоснованным, но схваченных преступников не казнили; вместо этого у нанявших убийц и погромщиков поморцев взяли поручительства за них и взыскали все убытки двинян и казны. Последний акт и получил название "Басаргина правежа". В свою очередь условно осужденные письменно поклялись вынужденно выручившим их поморцам более не разбойничать, в противном случае по приговору боярского суда их ждала смертная казнь.

Такова канва трагичных событий 1568—1569 гг. в Поморье. Как видим, царь выступил в роли гаранта соблюдения законности и защитника собственности, принесшей казне немалый доход в виде откупа. Жестокий способ возмещения убытков "правежем" (избиением недоимщиков) являлся обычной для того времени практикой администрирования.

Видимо, поводом для обращения коренных варзужан ("корелы варзужской") к своим соплеменникам на Карельском берегу наказать холмогоров явилось требование последних к жителям Варзуги заплатить им десятину от промысла семги. Дело в том, что эти угодья издавна разрабатывались общиной, выплачивавшей с них оброк государству. Двиняне же, взяв промысел на откуп, заплатили казне единовременно все причитавшиеся налоги, но в увеличенном размере ("с наддачей"). В свою очередь они заставляли варзужан возместить им затраты еще большими податями. Денежная сторона откупа устраивала и двинян, и казну. Добавим, что на Двине такие угодья находились в частной собственности у населения и там покупки промыслов и откуп налогов с них были достаточно распространены. На Карельском же берегу и в Варзуге действия холмогоров и казны шли в разрез с устоявшимися представлениями их жителей о способах использования общинных промыслов — такие угодья не могли отчуждаться в пользу отдельных лиц. Кроме того, для варзужан откуп означал существенный рост податей. Различия в хозяйственных укладах Корельской и Двинской земель, а также корыстная недальновидность казны и привели к разбою и разорению Поморья.

Разразившийся конфликт показал царю неэффективность существовавшей системы государственного управления Севером. Очень важные функции власти (сбор налогов, суд, полиция) московское правительство отдало на места волостным мирам, защищавшим, как выяснилось, собственные интересы, подчас отличные от государственных. Поэтому именно после "Басаргина правежа" в начале 1570-х гг. в Керети вновь утвердился данщик — подчиненный царю и теперь единоличный глава администрации, в руках у которого сосредоточилось налогообложение и надзор за использованием угодий и промыслов. В это же время в соседних Кемской и Шуерецкой волостях обосновался слободчик, контролировавший местные угодья и промыслы, а налоги с волостей принимали новгородские дьяки.

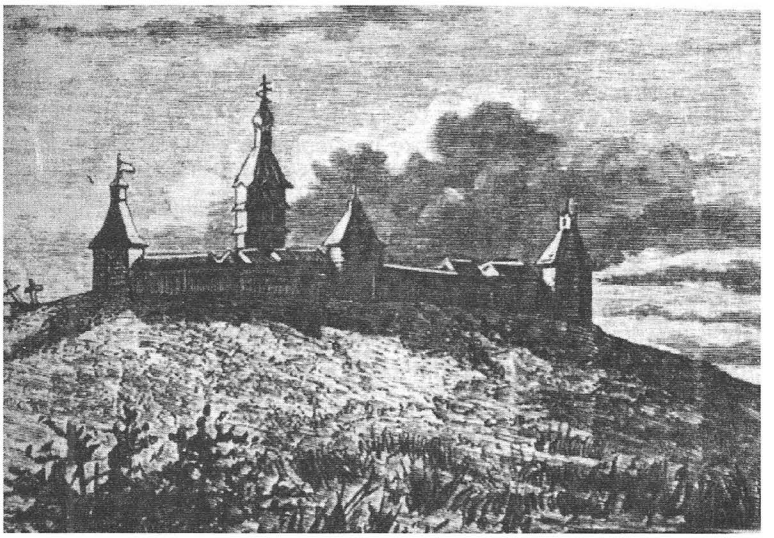
Соловецкий монастырь обладал рядом жалованных грамот, дававших его игуменам административно–судебные полномочия. Обнаружив, что соловецкие крестьяне принимали активное участие в организации варзужского разбоя, Иван Грозный решил изменить там порядок сбора налогов: в 1570–х — начале 1580–х гг. их стали принимать на месте подьячие и другие посланцы новгородских дьяков[26]. Тем самым он усилил государственное присутствие в вотчине обители.

Усиление государственного управления на Севере шло в русле централизации верховной власти России. Во второй половине XVI в. в столице учреждались все новые приказы, имевшие отраслевую и территориальную юрисдикцию. Для Карелии принципиально важным оказалось учреждение *Посольского приказа* и *четвертей*.

Созданный в 1549 г. Посольский приказ стал главным проводником внешней политики страны. С отменой в Новгороде наместничества внешними связями со Швецией заведовали его воеводы, но уже под эгидой дьяков Посольского приказа. Все пограничные дела также попали в сферу компетенции Посольского приказа. Поэтому именно посольские дьяки возглавляли или вошли в руководство многих северных четвертей — других столичных приказов, управлявших в том числе и всей Карелией. Четверти возникли в середине 1560–х гг. как фискальные органы опричной казны. Опричнина, или опричный удел Ивана Грозного был создан царем путем отделения от территории страны некоторых важных и богатых районов. Опричные земли не подчинялись обычным органам государственной власти, они становилась своеобразным личным доменом царя. В его казну шли все немалые доходы, собранные там четвертями[27].

Другая половина России, с прежней системой государственного управления, составляла земщину. Во времена опричнины (1564—1572 гг.) почти вся Карелия оставалась в земщине. Лишь после опричного разгрома Новгорода в 1571 г. Заонежские погосты по административным, прежде всего фискальным, соображениям были подчинены опричным властям Торговой стороны Новгорода и вошли на год в опричный удел. С отменой в 1572 г. опричнины они вернулись к прежнему порядку управления — через воеводскую администрацию Новгорода. Неупраздненные же четверти под главенством посольских дьяков стали контролировать и Новгород, и всю Новгородскую землю, в том числе и Карелию. В самом конце XVI в. эти северные четверти объединили в один приказ — *Новгородскую четверть*, просуществовавшую почти весь XVII в.

Взаимосвязь усилий по реформированию системы государственного управления, развертыванию структур самоуправления с отражением иностранной военной угрозы особенно ярко проявилась в последние двадцать лет XVI в. Так, на Севере Датско–Норвежское королевство попыталось принять участие в дележе территории ослабленной России. В 1582 г. его войска совершили разграбление Колы, служившей международным портом. Королевство предъявило претензии России на все ее кольские земли на Крайнем Севере, в том числе и на волость Кереть. Реакция Ивана IV оказалась незамедлительной. В том же 1582 г. он послал в Колу воеводой боярина Аверкия Ивановича Палицына с отрядом стрельцов, в подчинение Коле отвел все земли Кольского полуострова (кроме Умбы и Варзуги), северо–западные беломорские волости Кандалакшу, Ковду и Кереть, а также волостки саами в Карелии вдоль границы со Швецией вплоть до Ребол. Так из административно разрозненных древних земель саами в 1582 г. образовался единый *Кольский уезд*, включивший в себя и самую северную часть нынешней Карелии. Объединенные в уезд волостные миры подключились к низовому аппарату власти на правах самоуправления. Военно–админи-



Сумский острог

стративные шаги усилили пограничье и позволили перевести разгоревшийся было очередной военный конфликт в русло дипломатических переговоров об установлении точной линии границы с Норвегией[28].

Гораздо тяжелее для России тогда складывалась обстановка в западном Беломорье, которое страдало от частых набегов шведов. Поначалу царь Иван Грозный ограничился посылкой в Поморье воевод с немногочисленными силами, требуя от Соловецкого монастыря и местных жителей материальной и военной помощи (1578 г.). Воеводы организовали военную защиту Поморья и Лопских погостов, они же руководили оборонными работами в обители. Там в 1578–1579 гг. был построен деревянный острог, а в 1584–1594 гг. вокруг монастыря возвели уже каменный кремль. В 1582 г. обитель на свои средства поставила еще один острог в Сумской волости и стала содержать его гарнизон. Правительство помогало Соловкам щедрыми вкладами и предоставляло существенные налоговые льготы. В 1590–1591 гг. Москва отписала в вотчину монастырю пустовавшие прибрежные выгозерские волости Нюхчу и Унежму, а также разоренную войной, голодом и мором Кемскую волость[29].

В 1592 г. был образован новый административный *округ Соловецкого монастыря*. Туда вошли все вотчинные земли обители в западном Беломорье, выделенные из состава Новгородского уезда и из-под надзора его администрации в пользу властей монастыря. В 1607 г. царь Василий Шуйский (1607—1610 гг.) присоединил к округу бывшую до того в вотчинном владении Соловков четверть населения, угодий и промыслов Керетской волости, а в 1613 г. монастырь получил и Шуерецкую волость. В итоге почти все западно–беломорское побережье от Керети до Унежмы перешло в управление соловецкому игумену.

Соловецкий округ стал подчиняться непосредственно приказу Новгородской четверти в Москве. Округ располагался вблизи от новой русско–шведской границы, поэтому его делами заведовал и Посольский приказ. В частности, настоятель Соловецкого монастыря руководил русской разведкой в северной Финляндии, и все собранные там сведения поступали дьякам Посольского приказа в Москву. Гарнизонами в Со-

ловецком кремле и в Суме командовали воеводы. Полноправным главой окружной гражданской и военной власти игумен стал только в 1637 г., когда военно–политическая обстановка на Севере нормализовалась, и правительство окончательно упразднило должности местных воевод[30].

Заонежские погосты также подверглись серьезному административно–хозяйственному реформированию. В 1584/85—1585/86 гг. из их оброчных земель правительство образовало *дворцовый округ* с административным центром в селении Ошта. Туда из Москвы, из приказа Большого Дворца, назначался *приказчик* — глава местной государственной администрации. Дворцовые Заонежские погосты, однако, остались в составе Новгородского уезда. Подвергаясь пристальному надзору со стороны верховной власти, отдаленные Заонежские погосты надежно "привязывались" к органам централизованного управления Россией.

Правительственные "наказы"–инструкции так определяли сферу компетенции приказчика и властей самоуправления. Приказчик и старосты в погостах контролировали землевладение и землеустройство: следили за сохранением размеров обрабатываемой и обложенной налогом пашни, зазывали на свободные места вольных крестьян, имели право на сыск сбежавших или переманенных помещиками и монастырями земледельцев и возвращение их в родные деревни. Они же ведали раскладкой и сбором налогов. В области суда и следствия старосты выполняли роль полицейских, а приказчик — их окружного начальника. Эти лица заседали и на судебных процессах, но право выносить приговоры оставалось за приказчиком. За всей деятельностью заонежских властей внимательно следили дворцовые дьяки Новгорода[31].

Организация дворцового Заонежского округа в конце XVI в. помогла правительству решить важнейшую военно–политическую задачу возврата русских земель на Балтике и Корельского уезда. После опричнины весь северо–западный регион России лежал в разрухе. В таких условиях военный потенциал Новгорода, важнейшего и основного оплота боевой мощи на севере страны, оказался подорванным. В то же время с помощью "письма" (переписи) 1582 г. Москва выяснила, что размеры потерь в Заонежье не столь ошеломляющи, как на Новгородчине и в центре страны. И она располагала богатым опытом эффективного управления через новгородский Дворец частью Заонежских погостов (в районе Онежско–Ладожского межозерья проживало до половины всего населения погостов). Создавая округ дворцовых Заонежских погостов, тщательно отлаживая там доходное хозяйство, русское правительство прежде всего стремилось обеспечить надежное материальное обеспечение этого стратегического центра управления и обороны. И действительно, немалые налоги из дворцового Заонежья пошли целиком на содержание властей и гарнизона Новгорода, а не в столичный приказ Большого Дворца (как то происходило со сборами с других дворцовых земель государства). Поэтому главными податями в Заонежье оставались черносошные налоги "четвертные доходы" и "ямские деньги" — именно они в наибольшей степени подходили для целей управления, поддержания коммуникаций и снабжения войск[32].

На первый взгляд, имеется противоречие в именовании погостов округа "дворцовыми" и одновременно "тяглыми", "черными" в приказной налоговой документации писцовых книг. Одни исследователи посчитали дворцовое Заонежье краем наибольшей концентрации дворцового землевладения на Севере. Критику их взглядов представила И.А. Чернякова, справедливо указавшая на однозначные сведения приказных источников налогового характера о "четвертной" структуре платежей; с ее точки зрения, крестьяне Заонежья остались тяглыми, черносошными, а не дворцовыми. В

своих суждениях автор опиралась на выводы Е.И. Индовой о дворцовом хозяйстве как крупной феодальной частновладельческо–вотчинной собственности государя[33]. Но определение "феодальная частновладельческая собственность" не применимо к дворцовому Заонежью: речь идет о форме государственного (а не вотчинного) управления.

Дворцовые погосты Заонежья управлялись московским приказом Большого Дворца, оперативно — с помощью его приказчика, контролирующе — через его же отделение в Новгороде. И лишь в области фиска (одной из отраслей управления) дворцовые земли погостов оставались "тяглыми", "черными". Поэтому и нечастновладельческих дворцовых крестьян налоговые материалы именовали черносошными, что ни в чем не противоречило административному статусу дворцовых погостов, на землях которых они жили. Ранее, в 1563 г., например, с дворцовых угодий между Онегом и Ладогой выплачивался оброк (льготный вариант "тяглого" налогообложения) в пользу новгородского Дворца, то есть тоже в полном соответствии с порядком государственного управления и фиска. Тогда, в середине XVI в., еще властвовал феодальный принцип "чья земля — того и подати", а в конце столетия уже происходил переход к принципу "общей пользы" Нового времени. Так "оброчные гривны" с дворцовых владений Заонежья обернулись выплатами общегосударственного черносошного налога "четвертных доходов". Действительно, Карелия находилась на переломе эпох.

Заонежская дворцовая реформа вполне удалась — военный потенциал Северо–Запада укрепился. Дипломатически обезопасив себя со стороны Речи Посполитой, Москва в 1590—1595 гг. развернула успешное наступление на Швецию у берегов Финского залива и вынудила Стокгольм заключить в 1595 г. более выгодный для России Тявзинский "вечный мир". Договор устанавливал новую границу, оставляя за Россией Корельский уезд, западное Беломорье, а также Иван–город, Ям и Копорье с их уездами у Финского залива, а за Швецией — Остерботнию и Нарву.

После маркировки новой границы в 1597 г. русское посольство приняло у шведов Корельский уезд. Для скорейшего восстановления его экономического, демографического и военного потенциала в 1598 г. царь Борис Годунов (1598—1605 гг.) издал беспрецедентный указ, освободив население уезда от выплат всех государственных налогов и торговых пошлин сроком на 10 лет[34]. Бежавшие из уезда в Россию во время шведской оккупации жители стали возвращаться на родину.

Выборгский договор и новая шведская интервенция

Благополучное развитие Карелии продолжалось до 1610–х гг. Ее обошли стороной большинство главных событий российской "Смуты". Как и на Севере в целом, здесь проживали преимущественно черносошные и дворцовые крестьяне, в среде которых еще не находилось достаточной почвы для острых антифеодальных выступлений, уже характерных для южной и центральной России. Тем не менее, связанные со "Смутой" внешнеполитические шаги Кремля — сближение со Швецией — вызвали резкое неприятие и сопротивление местного населения.

В феврале 1609 г. в Выборге состоялось заключение русско–шведского договора, отдававшего Корельский уезд под власть шведской короны. Предыстория его заключения такова. В начале 1600–х гг. за шведский трон боролись протестант герцог Карл (младший сын Густава I) и католик Сигизмунд III Ваза — польский король, сын Юхана III; соответственно, отношения Стокгольма и Кракова обострились до предела.

Крепость Корела. Фото из кн. А. Сакса

Королем Швеции стал Карл (Карл IX, 1604—1611 гг.). Он воевал с Польшей и постарался призвать на свою сторону царя Василия Шуйского. Осторожный царь, выяснив сначала через воевод Корелы, заведовавших русской разведкой в Выборгском лене и южной Финляндии, что Карл действительно является королем Швеции, вступил с ним в переговоры[35]. Дальнейшее русско-шведское сближение ускорила скрытая, на стороне Лжедмитрия II ("Тушинского вора"), польская интервенция против России.

Осенью 1608 г. жители г. Корелы узнали, что шведы согласились помочь России против поляков на условии передачи им Корельского уезда. Население уезда не желало этого, в г. Кореле вспыхнуло восстание. В ноябре горожане присягнули на верность Лжедмитрию. "Измена корелян" по существу выражала патриотические настроения жителей пограничных со Швецией уездов, вполне осознававших политический смысл событий. В сентябре 1608 г. Лжедмитрию II присягнул Псков, а в ноябре, одновременно с Корелой, — Орешек[36].

И все же в феврале 1609 г. договор в Выборге был заключен. По его условиям сдача Корельского уезда должна была произойти к 27 мая 1609 г.; его жители имели право на переезд в Россию. Выполняя выгодное для Швеции соглашение, весной 1609 г. шведский отряд под командованием Якоба Делагарди вступил в Россию и соединился с новгородскими войсками. В нескольких сражениях союзники разбили часть польских оккупационных сил, сняли осаду "тушинцами" столицы и вошли в Москву. Но оговоренная в Выборге передача уезда не состоялась. Тогда Делагарди заявил протест и отказался сражаться.

Возникает естественный вопрос: собиралось ли русское правительство выполнять свою часть условий Выборгского договора или ему помешала активная патриотическая позиция жителей Корельского уезда? Точно известно, что царь потребовал от шведов продолжения наступления на поляков и Лжедмитрия, а в грамоте новгородскому воеводе князю М.В. Шуйскому (август 1609 г.) приказал готовить уезд к сдаче и эвакуировать в Россию его население, но только после возобновления шведами боевых действий[37]. Воевода отправил в Корелу полномочных послов, но передача уезда не произошла и тогда. Следовательно, решимость сдать уезд у вер-

ховной власти наличествовала, помешала позиция корелян.

Зимой 1610 г. в уезд вошел большой шведский отряд Лаврентия Андерссона[38]. Жители не оробели, оказали сопротивление, и шведы не смогли занять Корелу. Новые полномочные послы воеводы Иван Михайлович Меньшой Пушкин и Алексей Иванович Безобразов и дьяк Никита Дмитриев также не выполнили свои обязанности по сдаче уезда. Более того, они возглавили оборону г. Корелы во время ее осады шведами.

Князь М.В. Скопин–Шуйский. Первая треть XVII в.

Столь неожиданное развитие событий объясняется общим изменением в расстановке военно–политических сил в стране. Часть высшей русской аристократии, поддерживая открытую польскую интервенцию, в июне 1610 г. свела с престола Василия Шуйского, заключив его в монастырь, где он вскоре и умер. Захватившее в Москве власть новое правительство (Семибоярщина) открыло ворота столицы полякам. Естественно, оно не желало выполнять антипольское Выборгское соглашение. Тогда Швеция вслед за Польшей приступила к открытой интервенции. Среди высших российских руководителей только предстоятель Русской православной церкви патриарх Гермоген (1606—1612 гг.) занял патриотическую позицию, выступив против оккупации страны как поляками, так и шведами. Епископ Корелы и Корельской земли Сильвестр разделял требования патриарха.

Неизменно патриотической оставалась и позиция жителей Корельского уезда. Они по–прежнему противились передаче своей земли Швеции. Дело доходило до открытых боевых столкновений. Так, 4 июля 1610 г. более двух тысяч местных селян и горожан при поддержке двухсот стрельцов гарнизона крепости Корелы вступили в кровопролитный бой с захватчиками на подступах к городу. Сражение они проиграли, но на время заставили шведов отступить.

Противники готовились к решающей схватке. Собрав значительные силы, в сентябре 1610 г. шведы приступили к осаде г. Корелы.

Корела представляла собой довольно сильную крепость на Спасском острове, посреди р. Вуоксы с каменной цитаделью–детинцем на соседнем островке, соединенной переходом с основной крепостью. Посад по обоим берегам реки горожане сожгли и укрылись за высокими стенами. Так как шведы не имели тяжелой осадной артиллерии, а лишь легкие полевые пушки, то главную надежду они возлагали на продовольственную блокаду. Им удалось перехватить большой караван судов с припасами, собранными жителями уезда для осажденных. Но кореляне не сдавались, постоянно совершая смелые вылазки из крепости. Тем временем карельские партизанские отряды наносили урон противнику в тылу.

Героическая оборона Корелы продолжалась по февраль 1611 г. После полугода

осады силы защитников были уже на исходе: в городе из двух—трех тысяч жителей в живых оставалось не более сотни человек, а помощь не приходила. Понимая безнадежность дальнейшего сопротивления, воевода И.М. Пушкин и епископ Сильвестр пошли на переговоры со шведами и настояли на почетных условиях капитуляции — свободный уход в Россию всех оставшихся в живых со своим оружием и имуществом. Капитуляция состоялась 2 марта 1611 г.[39] Корельский уезд перешел под власть шведской короны. Город Корела по-шведски назывался Кексгольмом, и на месте русского уезда Стокгольм образовал свою административную область — *Кексгольмский лен.*

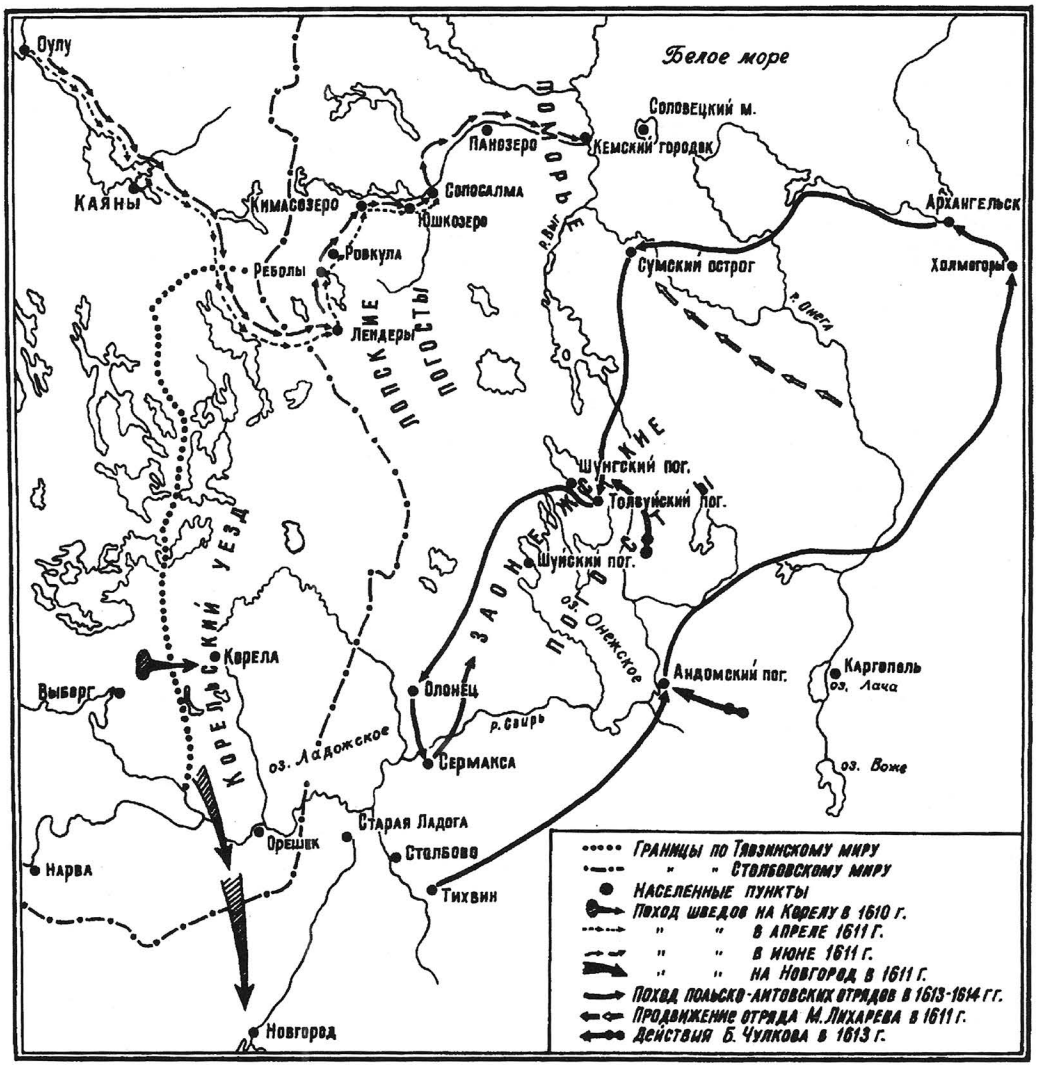
Заняв Корелу и большую часть Корельского уезда, летом 1611 г. шведы развернули наступление на центральные районы Новгородской земли. 16 июля сдался Новгород. 25 июля в условиях оккупации его власти заключили с командующим Я. Делагарди последний новгородско-шведский договор. "Новгородское государство" объявлялось автономной провинцией Швеции во главе с одним из ее принцев; сохранялось русское законодательство и собственность местных феодалов на свои земли и угодья. Границы "Новгородского государства" закреплялись по состоянию на конец XVI в., но без территории Корельского уезда и г. Корелы, уже отошедших по Выборгскому договору шведской короне[40]. Заонежские и Лопские погосты вошли в новгородскую провинцию Швеции. Но в действительности они оставались неподконтрольными шведам.

Для достижения своего господства в восточной и северной Карелии Швеции пришлось направить туда значительные военные силы. Известно, что шведско-русские власти Новгорода (Я. Делагарди и боярин князь И.Н. Одоевский) смогли собрать налоги с дворцовых Заонежских погостов только летом 1612 г. Используя правеж, военные буквально выколачивали подати сразу за два года (1611—1612 гг.). От их "усердия" Заонежские погосты пришли в упадок. Осенью 1612 г. органы волостного самоуправления южных дворцовых погостов запросили у Новгорода приказчика, чтобы он обезопасил их от окончательного разорения. Приказчиком в Ошту был послан Н.Е. Вельяшев[41]. Но северные и восточные Заонежские погосты, граничившие с неоккупированными Соловецким округом и Каргопольским уездом, не приняли участия в призыве приказчика.

Показательно и отношение жителей северных погостов Заонежья к Москве. Напомним, что в начале 1611 г. на юге страны организовалось Первое земское ополчение, намеревавшееся очистить столицу от поляков и их русских приспешников. Повстанцы создали свое правительство "Совет всей земли". К осени 1611 г. Первое ополчение распалось, но руководство значительной частью войск осталось в руках его воевод князя Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого. И крестьяне северного Заонежья, имевшие право на челобитья — обращения к верховной власти России — в качестве таковой признали именно вождей ополчения, а не коллаборационистов Москвы и Новгорода. Поэтому свои прошения заонежане посылали на имя "великих воевод Московского государства" Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого[42].

Север Карелии также не подчинился шведам. Временным центром управления для Ребольской волости (северо-восточной оконечности Корельского уезда), Лопских погостов Новгородского уезда и округа Соловецкого монастыря стал Сумский острог. В показаниях под присягой крестьянин Поросозерской волости Ларион Алексеев свидетельствовал: "А с нынешнего-де, государь, корельского взятья и по то время, как помирилися [по 1617 г. — *А.Ж.*], ис Корелы к ним не присылывали ни по что. А платили-де они доходы в то время, как Новгород был за немцы, в Сумской острог"[43].

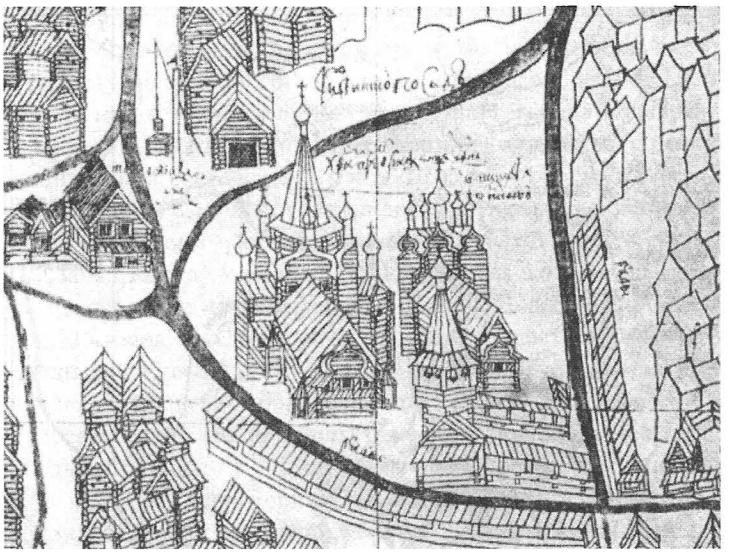
Шведы не смогли оккупировать северную половину Карелии в 1610 г. из-за неже-



Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.

лания финских крестьян Остерботнии участвовать в ее завоевании. Только получив из самой Швеции значительное воинское подкрепление, в конце марта 1611 г. шведский полковник Андреас Стюарт двинулся в Ребольскую волость, планируя в дальнейшем захватить Сумский острог на Белом море. Перейдя в Лопские погосты, у д. Сапосалмы Панозерского погоста захватчики были вынуждены повернуть обратно, встретив упорное и умелое сопротивление местного населения. Карелы уходили в леса, забирая с собой продовольствие и скот, и вступали в стычки с оккупантами. Особенно большой урон А. Стюарту причинили партизаны отряда под командованием старосты д. Тикши Ивана Рогачева (Роккачу). Кроме того в отместку жители карельского приграничья совершали опустошительные рейды в глубь Финляндии.

Командование Первого земского ополчения помнило о северной Карелии. Зимой 1611/12 г. оно послало в Сумский острог отряд стрельцов под началом воеводы



Тихвин. Посад. План XVII в.

М.В. Лихарева, передав ему военно-политические полномочия главы местной российской администрации. В подчинении у Лихарева оказался Соловецкий округ. Северные Заонежские погосты также признавали его власть. Появление войск земского ополчения заставило Швецию отказаться от попыток завоевать северную Карелию[44].

В 1612 г. в Поволжье сложилось Второе земское ополчение под водительством князя Дмитрия Пожарского и нижегородского старосты Кузьмы Минина. Отогнав от Москвы польские войска гетмана Хоткевича, ополченцы взяли в осаду московский Кремль. 27 октября 1612 г. засевшие в Кремле поляки капитулировали. Ополчение повело наступление на интервентов по всей стране. В начале 1613 г. был созван Земский собор — высший представительский орган России. Новым царем собор избрал Михаила Федоровича Романова (1613—1645 гг.). Его власть признали все неоккупированные земли Севера. Но тогда шведы еще удерживали значительную часть Новгородской земли, а поход русских войск на Новгород в 1613—1614 гг. не удался. И все же чаша весов постепенно склонялась в пользу Москвы.

Тихвин — крепость и большой посад при Богородицком монастыре на р. Тихвине — восстал весной 1613 г. Москва сразу послала туда своих воевод князя С.В. Прозоровского и Л.А. Вельяминова с большим отрядом казаков. Они смогли отстоять крепость у осаждавших ее шведов. Тихвин стоял на пути из Новгорода в Заонежские погосты. В условиях оккупации Новгорода тихвинские воеводы приняли на себя полномочия российских властей в Заонежской половине Обонежской пятины. Оштинский приказчик Н.Е. Вельяшев подчинился им, став на сторону нового царя.

Столь же своевременно Москва направила воеводу Богдана Чулкова с отрядом казаков в Заонежье. Под его руководством в 1613 г. русские казаки построили остроги в Толвуе и Шуньге. Дело в том, что тогда же шведский командующий Я. Делагарди нанял большой отряд запорожских казаков-"черкас", подданных Короны Польской, и с их помощью решил завоевать Поморье и Подвинье. Осенью 1613 г. черкасы прошли разрушительным рейдом через южное и восточное Заонежье и Каргопольский уезд к Холмогорам на Северной Двине. Не сумев их захватить, они повер-

нули к Сумскому острогу, но и там получили отпор. В начале 1614 г. черкасы отошли "для корму" на Заонежский полуостров. Безрезультатно простояв под Толвуйским и Шунгским острогами две недели и потерпев поражение у Падмозера, интервенты направились к Олонцу. По пути туда они соединились со шведским отрядом Ханса Мунка, пришедшим из Кексгольмского лена.

К 1614 г. на Олонце уже стоял острог, находившийся под контролем воевод Тихвина. Черкасы захватили крепость. Но 5 марта 1614 г. казачий отряд под командованием ногайского мурзы на русской службе Барая Кутумова неожиданно подошел к Олонцу и наголову разбил интервентов[45]. В начале же марта другой объединенный польско-шведский отряд потерпел полное поражение на Сермаксе у Свири. Обе победы русских принесли окончание активных боевых действий в Заонежских погостах. Вся российская часть Карелии перешла под надежный контроль Москвы.

Усилившееся сопротивление населения Новгородской земли заставило Стокгольм пойти на переговоры с Москвой, которая, в свою очередь, не сумев овладеть Новгородом и столкнувшись с новым натиском Польши, вынуждена была согласиться на прямые контакты со шведами. Трудные двухлетние переговоры закончились подписанием мира в д. Столбово 23 февраля 1617 г. По условиям Столбовского мира Россия возвращала себе Новгород и Ладогу с их уездами, но теряла балтийское побережье и Орешковский уезд. Государственную принадлежность Корельского уезда стороны не обсуждали — его судьба уже решилась Выборгским договором 1609 г. и силой шведского оружия[46]. Мир 1617 г. насильственно разделил границей российских карелов на две части. Дальнейшие события показали, что не все они согласились с таким решением. В то же время мужественное сопротивление населения захватчикам и решительные военно-административные и дипломатические шаги русских властей в 1611—1617 гг. заставили Швецию отказаться от завоевания всей Карелии.

Послевоенная политика "успокоения"

Годы "Смуты" и иностранной интервенции принесли "Великое разорение". Перед русским правительством стояла сложная задача успокоения страны, воссоздания ее экономического потенциала. Основной же внешнеполитической проблемой выступил переход к мирным международным связям для преодоления разрухи.

В российской части Карелии относительное спокойствие наступило в 1620-х гг. Предпосылкой тому послужило завершение 3 августа 1621 г. маркировки новой линии русско-шведской границы. Ее проведение осложнялось претензиями Швеции на земли северной Карелии. Шведы надеялись получить Поросозерскую волость и вести далее пограничную черту к Белому морю, на Княжую губу, где намеревались построить порт и взять под контроль северную торговлю России. Москва же сознательно затягивала дело с размежеванием, в 1618 г. занятая отражением вторжения польских войск, а затем — наблюдая за втягиванием Стокгольма в общеевропейскую Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.). Наконец, боевые действия между Речью Посполитой и Шведским королевством развернулись в Прибалтике. В этих условиях в сентябре 1620 г. шведский король Густав II Адольф (1611—1632 гг.) указал главе своей делегации по разграничению Якобу Делагарди предложить русским решить спорные вопросы о принадлежности северокарельских волостей путем жребия (процедуры, предусмотренной на отдельных московских переговорах о размежевании 1617 г.). Кремль согласился.

Реболы с Кимасозером по жребию достались России, российская же принадлежность Поросозерской волости была доказана документально, и граница пошла к Печенге и Ледовитому океану. Главой русской пограничной администрации в южной Карелии стал приказной Олонецкого стана Дома св. Софии. При его участии происходило регулирование взаимоотношений приграничных жителей со шведскими подданными. Он же контролировал торговые связи кексгольмцев с Россией, шедшие через Одонец[47].

"Успокаивая" страну, в частности в Карелии московское правительство успешно проводило политику поощрения производства сельхозпродукции, особенно последовательно в сфере фиска. Для этого в 1614—1619 гг. московские писцы провели подробную перепись ("письмо" и "дозоры") Заонежских погостов. Москва получила достаточно полное представление о масштабах бедствия и поэтому назначила необременительные для жителей размеры налогообложения. Известно, что именно Заонежская половина Обонежской пятины в первой половине XVII в. испытывала наименьший налоговый пресс среди всех областей европейской части России.

Тщательный учет податных возможностей дворцового округа вызывался тем, что налоги из Заонежских погостов продолжали идти целиком на содержание государственной администрации и гарнизона Новгорода. В конечном счете они позволяли поддерживать на должном уровне управляемость всей обширной Новгородской землей. В условиях всеобщего разорения и сложной внешнеполитической обстановки правительство всеми способами стремилось сохранить твердость власти над сравнительно богатым и стратегически важным Севером.

Фискальная политика правительства продолжила линию льготного налогообложения в Заонежских погостах. Основные налоги "четвертные доходы" начислялись из расчета 10 рублей с "выти" (единицы налогообложения), то есть по 0,3 рубля со старой обжи; с 1631/32 г. (после восстановления местного хозяйства) бралось уже по 12 рублей с выти. Подати собирались частью деньгами, частью зерном ржи по твердым ставкам. При этом власти строго следили за возобновлением работ на пахотных землях и повышали общую сумму налогов только в строгом соответствии с размерами увеличения запашки.

Заранее известные (окладные) сборы шли и с доходных заонежских кабаков, таможен и торговых рядков в Повенце, Шуньге, Толвуе и Важинах. Их держала на прибыльном откупе у казны зажиточная верхушка заонежан. К 1645 г. в недоимке за этими откупщиками числилось 5,5 тыс. рублей. После экстренных мер правительства по возвращению долгов в 1647 г. старосты и другие "крестьяне добрые" вернули казне 3 тыс. рублей. Не обременительной для дворцовых крестьян оказалась и повинность по содержанию государственных дорог, ямов и ямщиков. В 1619 г. это важнейшее "дело всей земли" в Новгородском уезде по царскому указу обсуждалось населением, помещиками и монастырями. После споров они приняли такую раскладку налога, что с заонежской дворцовой выти стало поступать по 4 рубля в год, а с вотчинно–поместных земель — по 8 рублей. С 1621/22 г. ямская подать с дворцовой выти снизилась до 2 рублей 21 алтына на год, а с 1627/28 г. — до 1 рубля 30 алтын 2 денег[48]. В целом к 1640–м гг. с дворцового Заонежья собиралось налогов на сумму в 6355 рублей в год, что в среднем соответствовало 0,7—0,8 руб. на одну семью.

Необходимые для властей средства Заонежье могло дать через восстановление прежде всего земледельческого потенциала. А первые после интервенции "дозоры" 1614—1615 гг. Тимофея Свиблова и Сутормы Коротнева установили, что в государевых дворцовых погостах в "живущем" остались около 92 вытей, а "в пусте" лежало

1340 вытей. К 1618 г. в "живущем" находилось уже 158 вытей. Семидесятидвухпроцентный рост полностью восстановленной налогообложенной пашни не смягчал ужасающую картину разорения. Новое "письмо" 1629—1632 гг. оказалось более обнадеживающим: доля "живущего" дворцового (черносошного) земледелия выросла до 45 %, монастырского — до 53 %, митрополичьего (на Олонце) — до 39 %, и поместного — до 14 %. Таким образом, почти половина всех пахотных земель вновь обрабатывалась, но большинство пашни все еще лежало "в пусте"[49]. Именно тяжесть и длительность процесса восстановления столь необходимого царскому правительству хозяйства стояла за политикой льготного налогообложения.

Другая важная линия во внутренней политике Москвы в отношении Карелии — усиление ее административного присутствия в крае. Дворцовое Заонежье оставалось особым округом в составе Новгородского уезда. Но правительство принялось упорно насаждать тут воеводскую форму местного управления. В 1624—1630/31 и с 1635/36 по 1647 гг. население находилось под властью воевод, резиденция которых располагалась в Оште.

Воеводы дворцовых Заонежских погостов ведали оперативным государственным управлением ("управой" по царским указам), следили за использованием земли, вершили суд над жителями и контролировали сбор налогов, то есть исполняли функции бывших дворцовых приказчиков. Официально полномочия старост в системе самоуправления также не изменились. Воеводы Новгорода и подчиненное им дворцовое ведомство по–прежнему надзирали за работой заонежских воевод и властей самоуправления. Вместе с тем родовитые воеводы, в отличие от незнатных приказчиков, пользовались неизжитым в России обычаем взимать "корм" с подвластного населения, сообразный своему положению. Особой корыстью прославился воевода князь Петр Хилков, который потребовал выплатить лично ему по 4 рубля с каждой "живущей выти". В челобитных царю жители протестовали именно против такого способа обогащения.

При введении поста воеводы, очевидно, первостепенную роль сыграл и фактор приграничного положения дворцовых погостов. По мысли Москвы, воеводская власть ставила под надежный контроль эту важную приграничную территорию. Заонежцы оставались тесно связанными с жителями бывшего Корельского уезда, которые стремились к переселению в Россию. Бегство карелов из лена мешало налаживанию мирных русско–шведских отношений. Но к 1630 г. выяснилось, что заонежские воеводы не справлялись с возложенными на них обязанностями по задержанию беглецов и лишь мешали новгородским властям разыскивать перебежчиков в своих погостах. Поэтому пост воеводы на время упразднили. Видимо, его место заняли дворцовые приказчики.

Серьезной причиной для восстановления воеводской власти в середине 1630–х гг. послужило обострение социальных противоречий между богатой верхушкой и беднейшими слоями крестьянских миров. К тому времени заметно возросло количество населения, что вело к неизбежному малоземелью части жителей. К тому же в руках деревенских богатеев сосредоточивались доходы от многочисленных промыслов, торговли и откупов, а вместе с деньгами — и власть на уровне местного самоуправления. Все это приводило к постоянным конфликтам на селе. Московское правительство вновь почувствовало необходимость усилить надзор за неспокойным Заонежьем с помощью своего представителя. И пост воеводы был восстановлен в 1635/36 г. Но в 1640–х гг. выяснилось, что корыстные воеводы и деревенские "заправилы", прикрывая друг друга, изображали в донесениях и челобитьях благоприятную обстановку на местах.

На самом же деле "письмо" 1646—1648 гг. показало со всей определенностью, что погосты потеряли несколько тысяч жителей, ушедших за лучшей долей в другие районы страны[50].

Значительное уменьшение численности населения Заонежских погостов заставило правительство срочно развернуть работу по сыску и возвращению на старые земли сбежавших крестьян. На место отправилась комиссия во главе со "свозщиком" В.Д. Золотаревым для их размещения и земельного обеспечения. Ее полномочия включали поиск и конфискацию у деревенских богатеев сельхозугодий, проданных им за бесценок беглецами по кабальным сделкам. Одновременно московские посланцы преследовали и другую, политическую цель — переподчинить дворцовый округ прямой власти московского приказа Новгородской четверти. Именно ее инструкции В.Д. Золотарев и выполнял, не отчитываясь перед воеводами и дьяками Новгорода. Москва также стремилась выяснить отношение жителей к задуманной правительством военной реформе.

Дело в том, что к середине XVII в., в царствование Алексея Михайловича (1645—1676 гг.), положение в Новгородской земле стабилизировалось после разрухи. Новгородчина окрепла и могла взять на себя заботу о материальном обеспечении властей и гарнизона Новгорода. Отпала необходимость в дальнейшем существовании дворцового округа с льготным налогообложением в отдаленном Заонежье. И его людской и хозяйственный потенциал было решено использовать для создания из местных крестьян *полков пашенных солдат* (пехотинцев) и *драгун* (кавалеристов). Выяснив с помощью комиссии, что зажиточные и середняки согласны перейти в *солдаты*, и лишь часть беднейших жителей противится нововведению, Москва и провела в 1648—1649 гг. намеченную военную реформу в Заонежских и Лопских погостах[51].

Вообще создание полков нового строя осуществлялось в общероссийском масштабе и являлось попыткой государства создать регулярную армию по примеру Западной Европы. В соответствии с реформой крестьяне Карелии (кроме бедняков и увечных) в возрасте от 20 до 50 лет поступали на военную службу, в счет которой они освобождались от выплат всех основных налогов, а обеспечивались продуктами и доходами с собственного хозяйства. Реформу начали на землях бывшего кормления Дома св. Софии на Олонце, упраздненного в 1648 г. Местных крестьян записали в драгуны, и они приступили к охране русско-шведской границы. В 1649 г. в солдаты перевели крестьян Заонежских и Лопских погостов.

Конечно, у местного населения имелся богатый опыт проживания в неспокойном приграничье. "Новому строю" же их обучали нанятые правительством за границей военные специалисты — офицеры и сержанты. На их содержание в Карелию с 1649 г. казна распорядилась отпускать от 5 до 15 тыс. рублей в год (в основном деньги шли из местных кабацких сборов, а недостача присылалась из Москвы и Новгорода). Иноземцы проводили постоянные смотры и учения. За "государеву службу" (участие в боях, в осадах городов и "осадном сидении" по своим городам, нахождение в приграничных крепостях и ранения) солдатам и драгунам выдавалось жалованье из тех же источников, что и офицерам[52].

Первоначально в Карелии было развернуто два полка — полковников Александра Гамалтона и Мартина Кармихеля (позже — Вальтера Кармихеля). В 1657/58 г. появился полк Томаса Крафорта. С 1659/60 г. командирами первых двух полков являлись Яган Трейден и Томас Гейс. Со временем "учительными и начальными людьми" на должности майоров, капитанов, поручиков и прапорщиков в полки стали назначать не только иностранцев, но и русских; звания подполковников давались только

иностранным военным. За выслугу лет полагалось продвижение по службе и повышение жалованья. Таким образом проводилось обучение не только солдат, но и представителей русского дворянства премудростям западной военной науки. Недостаток данной системы заключался в отвлечении солдат на повседневный труд в своем хозяйстве. Кроме того, в 1648—1649 гг. жителей края мобилизовывали на строительство новой Олонецкой крепости. И все же в 1655/56—1661/62 гг. олонецкие полки, участвуя в русско–польской и русско–шведской войнах, показали неплохую выучку[53].

Олонецкий уезд

Основание города Олонца являлось следствием крупнейшего административного преобразования в Карелии XVII в. — создания Олонецкого уезда. В 1649 г. все Заонежские и Лопские погосты были выведены из состава Новгородского уезда и объединены в одно воеводство с центром в городе Олонце. Сам "город" (крепость) Олонец возвели в 1648—1649 гг. на стрелке при впадении р. Мегреги в р. Олонку.

Бревенчатая Олонецкая крепость представляла собой довольно мощное фортификационное сооружение. Ее рубленые стены имели 19 башен, с трех сторон их окружали воды двух рек, а с четвертой — глубокий ров. Крепость внутри перегораживала еще одна стена, делившая укрепления на Больший город и Меньший город. Около крепости располагался посад. В пожар 1668 г. эта крепость сгорела и на ее месте в 1670—1672 гг. построили новую, уже при 13 башнях и без внутренней стены. Крепость строили жители всех Заонежских погостов: одни заготавливали и везли бревна, другие принимали участие в строительных работах, третьи оплачивали труд мастеров–строителей. Часть суммы (для покупки кирпича и извести на возведение каменных зданий в городе, всевозможных изделий из железа и меди) предоставила казна. Крепость выдержала осаду шведских войск зимой 1656/57 г. В следующем году частично разрушенные укрепления ("быки и тарасы") отремонтировали за счет "мирских разметов" и налоговых поступлений[54].

Создание большого города с крепостью обычно требовало и назначения туда воеводы — воинского начальника и гражданского администратора. В подчинение ему определялась обширная сельская округа, составлявшая вместе с городом самостоятельную административную область — уезд. В *Олонецкий уезд*, однако, вошли не только обособленный с XVI в. дворцовый округ Заонежских погостов, но и смежные с ним Лопские погосты. Челобитье–протест "лоплян" о несогласии с решением Москвы подчинить их Олонцу не возымел никакого действия. Для столицы политическая выгода была очевидна: почти вся российская часть приграничной Карелии — от Посвирья на юге до озер Куйто на севере — оказалась под единым централизованным управлением.

Через олонецких воевод правительство впервые получило возможность постоянно контролировать население и территорию этой северной окраины России. Воеводы имели и серьезные внешнеполитические (дипломатические) полномочия, поскольку по условиям Столбовского мира 1617 г. спорные дела, возникавшие между приграничными жителями России и Швеции, вершились обоюдно властями порубежных городов обеих держав. Система государственного управления России учитывала такой порядок: Новгородская четверть, надзиравшая за северными землями, как и вообще все приказы–четверти, а также Смоленский, Великороссийский и Малороссийский приказы, являлись отделениями главного внешнеполитического ведомства страны

План г. Олонца (фрагмент). 1690-е гг.

— Посольского приказа, и назначавшиеся в пограничные уезды воеводы входили в состав его номенклатуры[55].

Значимость поста олонецкого воеводы подчеркивалась назначением туда во времена царя Алексея Михайловича (и по 1677 г.) старшими воеводами лиц в правительственных чинах окольничих и думных дворян, то есть членов высшей управленческой элиты тогдашней России — Государевой думы. Им "в товарищи" назначались менее родовитые воеводы. Первый старший воевода Олонца окольничий князь Федор Федорович Мерин-Волконский в 1650 г. был сменен окольничим Василием Александровичем Чоглоковым, пребывавшим на воеводстве по 1658 г. и в 1663—1667 гг. Затем в Олонце воеводами побывали думные дворяне Замятня Федорович Леонтьев (1667—1669 гг.), Иван Иванович Баклановский (1669—1672 гг.), Богдан Иванович Ордин-Нащекин (1672—1675 гг.) — родственник главы Посольского приказа, "печатника" (канцлера) и личного друга царя боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащекина. В 1675—1677 гг. воеводствовал думный дворянин Иван Иванович Чаадаев. Только два старших воеводы не входили в этот "правительственный" разряд: Петр Пушкин, в 1656—1657 гг. командовавший войсками Олонецкого уезда во время войны со Швецией, и воевода князь Терентий Васильевич Мышецкий (1659—1663 гг.), которому Москва поручила разместить в Олонецком уезде несколько сотен семей карелов, бежавших из Кексгольмского лена после отвода оттуда русских войск.

В последнюю четверть XVII в. пост воеводы Олонца, как и вообще всех уездных центров России, за исключением главных городов (таких, как Новгород, Псков, Смоленск, Киев), занимали лица в придворных чинах стольников. И лишь в непредсказуемом для центральной власти 1689 г., принесшем победу юному царю Петру Алексеевичу, правительство царевны Софьи (правительница в 1682—1689 гг.) успело назначить в Олонец думного дворянина Ивана Богдановича Ловчикова (1689—1691 гг.).

Царевна Софья и сам Петр I направляли в уездные центры страны своих сторонников — для обеспечения твердого контроля за всей территорией государства. Поэтому в 1691—1693 гг. воеводой Олонца являлся стольник Леонтий Афанасьевич

Стрешнев (родственник царского свойственника по бабушке боярина Тихона Никитовича Стрешнева), а в 1694—1695 гг. — генерал-майор и воевода Клаус Андреевич Регельман (из компании окружавших молодого Петра "немцев"). Заканчивал же век на воеводстве Василий Никитович Зотов (1696—1700 гг.) — сын ближайшего приверженца царя, его воспитателя и первого учителя, затем "князя-папы всешутейского собора" Никиты Моисеевича Зотова[56].

Перед воеводами Олонца поначалу встала на первое место военная реформа, повышавшая боеготовность пограничья. Население же попало под более пристальный надзор не только в сферах оперативного управления, суда и фиска, как ранее, но теперь уже и непосредственно в области военной политики. В целом усиление воеводской власти шло в русле закрепостительной тенденции во внутренней политике, отчетливо проявившейся уже в середине XVII в. Олонецкие воеводы становились главными воинскими начальниками жителей в уезде. Одновременно исчерпало себя старое военное и податное пятинно-становое устройство Карелии, ориентированное на прежнее административно-территориальное деление и подчинение Новгороду.

Тяготы военной службы все ощутимее сказывались на благосостоянии основной части жителей. Освобождение от налогов не спасало от урона местное сельское хозяйство, промыслы и торговлю. Кроме того, в годы новых войн с Польшей и Швецией (1650-е гг.) полки нового строя из Карелии привлекались к боевым действиям. В боях были убиты, ранены или попали в плен около 1200 солдат и драгун. К середине же 1660-х гг. появились разорившиеся на воинской службе крестьяне, размещенные в уезде "корельские выходцы", бедняки, которых не брали в солдаты. Все вместе они составляли до половины всего взрослого мужского населения Олонецкого уезда[57].

В 1666 г. "пашенная служба" в Карелии была отменена. Способствовали этому обнищание многих крестьян, низкая собираемость налогов, отчего все большие суммы на жалованье приходилось присылать из центра, неоднократные челобитья-протесты жителей на имя царя о бедственном положении и, наконец, нормализация внешнеполитической и военной обстановки в Балтийском регионе: Россия заключила очередной "вечный мир" со Швецией и вела переговоры о мире с Польшей.

Упразднив полки, правительство возобновило налогообложение бывших солдат. Номинально общие подати возросли в три раза: 19 000 руб. в 1666 г. против 6355 руб. в 1640-х гг. Но необходимо учесть, что к 1666 г. в России потерпела крах денежная реформа (введение медных денег по номиналу серебра), в результате которой монета значительно обесценилась. Поэтому "тройное тягло" фактически не превышало размеры прежних податей полновесными рублями. Однако из-за бедственного положения население не могло выдержать давления восстановленного налогового пресса. Разорение продолжалось и появились новые челобитья-протесты[58].

Крепостническая политика царизма 1650—1660-х гг. резко усилила социальные противоречия. В 1667 г. началось казачье движение на Дону под предводительством Степана Разина. С 1669 г. оно приняло характер антифеодального восстания, а затем — и войны против господ-притеснителей. В Карелии в 1668 г. вспыхнуло Соловецкое восстание. Напуганное грозными известиями, московское правительство вынуждено было прислушаться к крестьянским челобитьям. В 1669/70 г. оно отменило тройное тягло в Олонецком уезде, восстановив налоговый сбор в 6355 руб., но теперь уже обесцененными деньгами. И все же недоимки с разоренной части населения продолжали накапливаться, и в 1673 г. царь Алексей Михайлович списал этот долг ввиду крестьянской скудости[59].

С сентября 1679 г. в России вводилось новое подворное налогообложение: фискальной единицей становился двор, а не семья. В Олонецком уезде все денежные налоги заменялись сбором с каждого двора фиксированной стрелецкой подати, хлебная часть которой, в расчете на двор, в два раза превышала один из прежних сборов "посопный хлеб". Население ответило возрождением "большой семьи", состоявшей из двух и более малых семей близких родственников, живущих одним двором. И в расчете на экономически самостоятельную малую семью подати уменьшались.

Фискальная сторона внутренней политики правительства во второй половине XVII в. по–прежнему отражала его отношение к той или иной территории, к различным слоям общества. Царь Федор Алексеевич (1676—1682 гг.) проводил политику "советования" с властями земского самоуправления и верхушкой посада. Так, 5 сентября 1679 г. "царь указал, а бояре приговорили" принять "новый гостинный оклад". Суть предложения купцов–"гостей" сводилась к пропорциональному уравнению налогообложения между городами и уездами страны. Соответственно, подати снижались в тех землях, которые ранее несли наибольшую налоговую нагрузку, — за счет увеличения суммы налогов с наименее налогообложенных уездов. Например, налоги с уездов Поморья снижались в целом в полтора раза.

Олонецкий уезд изменения не затронули. Дьяки приказов Стрелецкого и Большой Казны высчитали, что местный уровень налогообложения по новой переписи равнялся среднестатистическому раскладу податей по всей стране: с 9984 дворов уезда пошли подати в размере 6081 руб. и 4992 четвертей хлебом (рожью и овсом пополам). Хлеб отдавался на жалованье олонецким стрельцам, а деньги — в Стрелецкий приказ на содержание стрелецкого войска. В расчете на один двор налоги — по 0,6 руб. и полчетверти хлебов — равнялись сборам в соседнем Кольском уезде (по 0,8 руб., но без хлебных выплат). Сбор налогов возлагался на свободно избираемых населением городов и волостей старост и "лучших людей" из всех имущественных слоев. Данное требование царского "наказа" олончанам призвано было гарантировать справедливость раскладки: чтобы никто не остался перед другим ни "во льготе", ни "в тягости" и "возможно было заплатить всякому человеку свою долю без доимки" (то есть полностью)[60].

Вершиной фискальной пирамиды для северных земель при царе Алексее Михайловиче являлся Посольский приказ, чьим отделением была Новгородская четверть. Она аккумулировала все собираемые на Севере четвертные налоги, перечисляя их часть на содержание дипломатического аппарата. С 1676 по 1689 г., при царе Федоре Алексеевиче и правительнице Софье Алексеевне, подати пошли в приказ Большой Казны. Царь Петр Алексеевич (1689—1725 гг.) восстановил прежний порядок, отдав четвертные "денежные и иные доходы со всеми таможенными и кабацкими сборы" с приграничных северных и западных земель России в ведомство государственного Посольского приказа через подчиненные ему отделы–приказы — Новгородский (бывшую Новгородскую четверть) и другие бывшие четверти, Малороссийский, Великороссийский и приказ великого княжества Смоленского. Такой порядок продержался до конца XVII в.[61] Налоговые материалы свидетельствуют о внимательном отношении московских властей к пограничным Олонецкому и Кольскому уездам. Москва не допускала чрезмерного увеличения тут налогового бремени. Посольский приказ контролировал сборы налогов и расходы в пограничных землях. Кремль продолжал ценить приграничье, оберегая его от разорения. Но прислушиваться к нуждам северян, вносить спокойствие заставляло и движение раскола, охватившее Север с середины 1660–х гг.

Раскол: религиозное и социальное явление

Крупнейшее религиозно-социальное "нестроение" в России второй половины XVII в. начиналось расколом в Русской православной церкви. Соловецкое восстание 1668—1676 гг. и массовые самосожжения — *гари* — получили общероссийский отклик, трагически запечатлевшись в народной памяти. Раскол имел корни и в политике верхов, и в жизни на местах.

Со времени Крещения церковные обычаи и установления в России приобрели некоторую самобытность, отличную от требований действующего устава Константинопольской патриархии. Правящие же круги и население воспринимали церковное устройство собственной страны как само собой разумеющийся миропорядок. Приверженность к самобытности особенно усилилась после падения в середине XV в. Византии и создания суверенного Русского государства. Но взгляды верхов изменились, когда к середине XVII в. перед Россией встал вопрос о "киевском наследстве" — присоединении земель Украины и Белоруссии, бывших тогда под владычеством Речи Посполитой.

Православная церковь в Западной Руси находилась в положении непрерывной, зачастую ожесточенной борьбы с римско-католической конфессией христианства. Она оставалась единственным авторитетным общенациональным центром, вокруг которого сплачивалось украинское и белорусское православное население. Киевская митрополия входила в Константинопольскую патриархию, а не в Московскую, поэтому ее церковные установления соответствовали порядкам греческой церкви, а не российской. И, претендуя на западные земли, Москва реформировала устройство и богослужение Русской православной церкви по греческому оригиналу.

Церковную реформу выпало проводить патриарху Никону (1652—1667 гг.). Выходец из мордовских крестьян, он стал монахом Соловецкого монастыря, затем его игуменом и управителем Соловецкого округа, позже новгородским митрополитом, а в 1652 г. — патриархом. В правление Никона русские церковные книги исправлялись по греческим подлинникам, богослужение приноравливалось к службе в Западной Руси; двоеперстие при крестном знамении заменялось на греческое троеперстие.

Несогласие с курсом царя и патриарха Никона высказали сторонники "древлего русского благочестия". Реформа казалась им прямой угрозой нравственным основам Спасения. Из фактов падения Византии и суверенности России они выводили тезис о большей богоугодности русского благочестия по сравнению с греческим. Поместный собор Русской православной церкви 1665—1667 гг. низложил патриарха Никона за его теократические устремления подчинить светскую царскую власть власти церковной, патриаршей. Но собор одобрил церковную реформу. Неподчинившиеся этому решению отделились от господствующей церкви. Они именовали себя *старообрядцами*, а противники называли их "раскольниками". Упорствовавшие старообрядцы подверглись церковным проклятиям и гонению. Так произошел раскол в Русской православной церкви.

Одним из недовольных, отправленных в ссылку в Соловецкий монастырь, являлся бывший царский духовник архимандрит Никанор. Сразу после Поместного собора выяснилось, что и соловецкие монахи отказались признать церковную реформу. Предводительствуемые Никанором и соловецким казначеем старцем Геронтием, они подняли церковное "восстание" против соборных преобразований. Уже в 1667 г. монахи отправили царю послание, в котором обличающе писали: "Ныне новые вероучители учат нас новой неслыханной вере". "Очевидно, — отметил В.О. Ключев-

ский,— церковные нововведения задевали самую чувствительную струну в настроениях русского церковного общества — его национально–церковную самоуверенность"[62].

Голосу Соловецкого монастыря доверяли. Обитель имела значение одного из главных религиозных центров страны. Достаточно сказать, что за 35 лет (с 1632 по 1667 г.), то есть за жизнь одного поколения, из 55 умерших тогда святых Русской православной церкви 21 монашествовал на Соловках[63]. Жители Соловецкой вотчины с давних пор были связаны с монастырем богослужебными, экономическими, а в лице его братии зачастую и родственными узами. Считая северную обитель "своим богомольем", они поддержали монашеское выступление. И будучи "погруженным в мир", церковное нестроение на Соловках неизбежно приобрело социально–политический характер антифеодального и антиправительственного восстания.

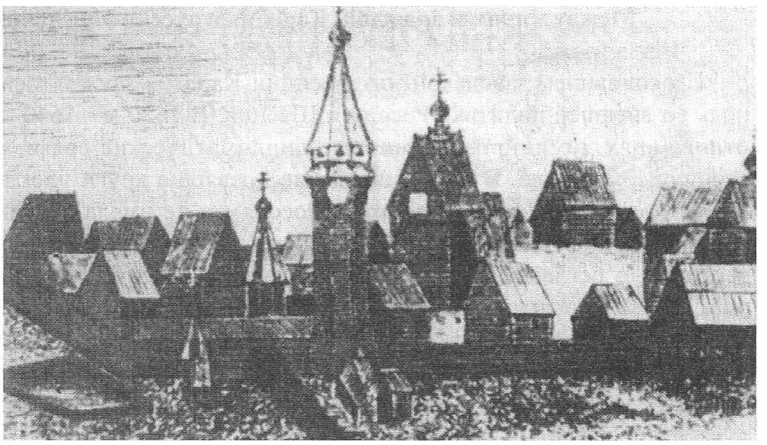
По представлениям поморов, власть нарушила жизнь общества. Отход от порядков сословно–представительной монархии в сторону абсолютизма ознаменовало принятое в 1649 г. "Соборное уложение" (новый общероссийский кодекс законов), которое однозначно закрепостило население на частновладельческих землях. Господство феодальных отношений тормозило развитие ростков буржуазных преобразований, к восприятию которых богатый регион Поморья был подготовлен в наибольшей степени.

Усмирять бунт в монастыре и его округе в 1668 г. Алексей Михайлович послал отряд стрельцов. Монахи и крестьяне, отказавшись повиноваться царской воле, сели в осаду, укрывшись за стенами неприступного Соловецкого кремля — первоклассной крепости, главной цитадели боевой мощи России на Крайнем Севере. В монастыре имелись огромные запасы продовольствия, на его стенах стояли пушки, а осажденные были вооружены огнестрельным оружием. Местное материковое население предупреждало "сидельцев" о передвижении царских карательных сил. Сопротивление только усилилось, когда на Соловки смогли пробиться отряды разинцев — участников народной войны под предводительством Степана Разина. Казачьи атаманы Ф. Кожевников и И. Сарафанов, а также местный житель кемлянин Самко Васильев возглавили оборону обители. К тому времени ее уже окружало плотное кольцо войск, укрывавшихся за земляными укреплениями и стрелявших по монастырю из пушек. Но вплоть до 1676 г. Соловки мужественно отражали одну атаку за другой.

Осажденных предал перебежчик, показавший стрельцам тайный проход в монастырь. 22 января 1676 г. царские войска проникли в обитель и после ожесточенного боя заняли всю крепость. Началась жестокая расправа с восставшими. Более 400 человек мирян и монахов погибло в бою или было казнено. Остатки непокорной братии отправили в ссылку и заточение в другие монастыри и тюрьмы. На материке, в Карельском Поморье, преследовались восставшие жители и их родственники[64].

Безжалостная расправа с восставшими не погасила антифеодальные, антиправительственные настроения. Население продолжало упорно сопротивляться насаждению царизмом новых порядков самовластия вотчинников. Так, в Заонежье особым накалом отличалась борьба толвуйских крестьян со своим вотчинником Тихвинским Богородицким монастырем. Посланный туда карательный отряд стрельцов брал с боем старый Толвуйский острог, в котором засели не подчинившиеся монастырю крестьяне. Лишь к 1680–м гг. правительству удалось на время усмирить заонежан[65].

Распространялось и духовное сопротивление. Среди жителей Карелии крепли апокалиптические настроения. Им казалось, что установленный Богом миропорядок рушится вместе с падением Соловков и других "твердынь благочестия". "Конец света" ожидался в скором времени. Протопоп Аввакум и другие лидеры раскола проповедо-



Поселение на Выге. XVIII в.

вали спасение души от "печати антихристовой" в пламени — посредством самосожжения. По всей Карелии прокатилась волна массовых гарей, в огне которых погибло до 7,5 тыс. человек. Подавляющее число их составляли женщины с детьми и старики.

Первая такая гарь случилась под Олонцом в 1676 г. Около тысячи крестьян Лопских погостов сожгли себя в 1687 г. в селении Березов Наволок. В том же году жители–старообрядцы Заонежского полуострова заняли Палеостровский монастырь и с приходом туда стрельцов подожгли обитель и там сгорели. Монастырь отстроили, но в следующем 1688 г. оставшиеся старообрядцы заняли Палий остров во второй раз, и обитель запылала вновь. Всего в двух палеостровских гарях погибло 4—4,5 тыс. человек. В сентябре 1689 г. сгорели крестьяне из Андомской вотчины Спасо–Хутынского монастыря, а в декабре — 350 человек в Пудожском погосте; в "Строкиной гари" 1693 г. погибло еще 800—1000 пудожан[66].

Старообрядческое сопротивление вылилось и в другую форму. Уже в 1691 г. часть старообрядцев объявила самосожжение "необычным догматом нелепых законов" и призвала своих сторонников отказаться от "погубления в огне". В 1691—1695 гг. возникло Выгорецкое общежительство ("Выгореция") — будущий всероссийский центр Даниловского толка Поморского согласия беспоповцев. Скиты и кельи под началом бывшего соловецкого монаха Корнилия и дьячка из Шунгского погоста Данила Викулова располагались в глухих лесах в районе Верхней Лопи на р. Верхний Выг. В 1696 г. все они слились в одну религиозную общину, внешне напоминавшую монастырь. Помня о расправе над Соловками, старообрядцы держали у себя ружья и даже пушки. Они проповедовали среди населения Заонежья, рекрутируя в свои ряды новых сторонников. Многих жителей привлекал их идеал: создание в отдаленной местности такого "общежительства" монахов и крестьян, которое было бы свободно от гнетущей власти над ними государства[67].

В целом движение раскола по всему Северу в большой степени подогревалось самодержавной, закрепостительной внутренней политикой царизма. Старообрядцы относились непримиримо не только к "никонианам", но и к изменениям в общественном строе. Деспотичный диктат государства мало совмещался со сложившимся устройством северного крестьянского мира как сообщества хозяев, чьим идеалом являлось стремление решать сложные вопросы не силой, а соглашениями.

Между миром и враждой: Карелия в русско–шведских отношениях

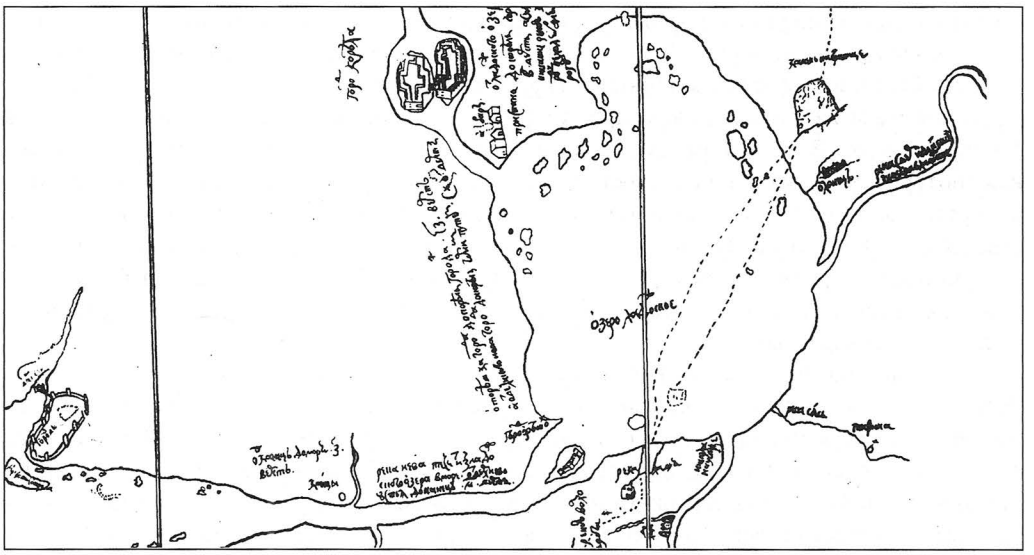
С окончанием шведской интервенции Карелия продолжала играть определенную роль во внешней политике России и Швеции. В 1620–е—1640–е гг. в русско–шведских отношениях доминировали мирные дипломатические связи, а не военно–политическое соперничество. В целом шведские правящие круги удовлетворились стратегическими приобретениями на востоке, Россия же не имела достаточных сил для возвращения балтийского побережья. Неизбежно возникавшие споры (о порядке взаимной торговли, о беглецах из шведских владений в Россию) решались за столом переговоров. Русские послы выезжали в Стокгольм, а Швеция посылала своих представителей в Москву.

Главной нерешенной внешнеполитической проблемой для России оставалась Речь Посполитая. Ее король Сигизмунд III Ваза (1587—1632 гг.) предъявлял претензии на русский престол. Он же как сын шведского короля Юхана III претендовал и на трон Шведского королевства. Противодействие Польше сближало интересы правящих домов России и Швеции. В европейской Тридцатилетней войне 1618—1648 гг. Речь Посполитая участвовала на стороне Габсбургского (католического) союза, а Швеция и северогерманские княжества составляли антигабсбургскую протестантскую коалицию. Россия поддерживала Швецию посредством скрытого субсидирования шведской экономики, поставляя ей стратегические товары: селитру, смолу, пеньку и хлеб. Хлеб продавался в Швецию по заниженным ценам. Так продолжалось до русско–польской Смоленской войны 1632—1634 гг., в результате которой русским не удалось отвоевать Смоленск, но польский король отказался от претензий на русский престол.

Очередное перемирие с Речью Посполитой, а также временная победа Габсбургского союза и гибель в 1632 г. в бою шведского короля Густава II Адольфа заставили Россию перейти от политики скрытой поддержки Швеции к строгому нейтралитету. В частности, с 1634 г. Россия перестала поставлять Швеции дешевый хлеб, так нужный ей в войне, и все просьбы Стокгольма о возобновлении поставок остались без ответа. На фоне охлаждения русско–шведских отношений обострились проблемы, накопившиеся с 1617 г. Главная из них — массовое переселение в Россию жителей бывших русских уездов, перешедших под власть Швеции.

Бывший Корельский уезд стал наместничеством шведской короны во главе со штатгалтером. В 1629 г. его объединили с Ижорской землей и Ливонией в одно генерал–губернаторство. В руках генерал-губернатора сосредоточилась административно–судебная и военная власть. Стокгольм относился к новой восточной приграничной земле, как к оккупированной территории. Местные жители не получили даже тех незначительных политических прав представительства в риксдаге (парламенте) Швеции, которыми пользовались шведы соседнего Выборгского лена и Финляндии[68]. Власти с подозрением, а зачастую и враждебно воспринимали карельское население. Карелам запрещалась служба в шведской армии.

При шведской власти в Кексгольмском лене произошли коренные демографические, этнические и социальные сдвиги. Крепостная система Финляндии распространилась на шведскую часть Карелии. Почти все земли были розданы в ленные владения — поместья, а черносошные крестьяне превратились в крепостных у помещиков из шведов и немцев. Основная феодальная рента стала взиматься натурой и с помощью барщины (отработок на помещика), что значительно тормозило развитие товарно–денежных отношений. Кроме того, жители платили государству значительный рекрутский налог. Практиковались и единовременные денежные сборы по разным



Приладожье на русской карте XVII в.

поводам. Зачастую сбор налогов Стокгольм передавал на откуп помещикам, сразу получая от них нужное количество денег в казну и не обращал внимания на злоупотребления своих откупщиков.

Такая регулярная система фиска напоминала худшие времена опричнины и смуты в России. К тому же за 1620–е—1640–е гг. величина податей многократно увеличилась, разоряя жителей. Так, в одной из жалоб они писали, что "десять податных крестьян вместе раньше платили меньше, чем теперь ... требуют с одного бедного крестьянина" (1634 г.). В конце XVII в. положение с податями в Кексгольмском лене не улучшилось: "Им от свейских людей чинятся великие поборы и разоренье и емлют с них они, свеяне, великие поборы по три рубля з дыму [семьи] на год"[69].

В Карелии местная торговля развивалась с помощью скупщиков продукции крестьянских промыслов. Такая традиция существовала и в Кексгольмском лене. Но в 1633 г. шведы решили создать тут новые города Сортавалу и Салми на месте центров старинных Сердовольского и Соломенского погостов и принялись заселять их крупными сельскими купцами и ростовщиками. По шведским средневековым законам торговым предпринимательством разрешалось заниматься лишь в городах; в фискальных целях Стокгольм стремился установить надежный контроль над торговыми операциями. Многочисленные местные торговцы воспротивились. Тогда власти развернули решительную борьбу с сельской торговлей, что подрывало систему промыслов и вело к еще большему обнищанию. Часть купцов удалось переселить в города. В руках новых очень немногих мещан–купцов сосредоточились основные скупочные и торговые операции в лене. Только крестьянского сукна и полотна они вывозили по несколько тысяч локтей в год.

Третьим источником постоянного раздражения населения выступала политика Швеции в области религии и национального самосознания. Коренные православные жители лена подчинялись в духовных делах новгородскому митрополиту. Теперь они

столкнулись с усиленным насаждением Стокгольмом лютеранского вероисповедания. "Чистое евангельское учение", по мысли властей, более способствовало политическому приобщению жителей к королевству, "откалывая" их от православной России. Православным же священникам предписывалось проводить богослужения только на финском языке. В основном на финском языке в Кексгольме печаталась и религиозная лютеранская литература, навязываемая приходам. Но православное население воспринимало все это как насилие над своими религиозными и национальными чувствами и не желало переходить в протестантизм. Поэтому даже в конце XVII в. один из наиболее энергичных лютеранских епископов Ю. Гецелиус Младший признавал, что в деле насаждения лютеранства "результат наших больших усилий и расходов был почти ничтожным"[70].

Наиболее ощутимо сопротивление жителей–карелов проявилось в их *бегстве* в Россию. Еще на Столбовских переговорах русские настаивали на включении в текст договора условия Выборгского соглашения 1609 г. о свободном уходе в Россию всех желающих переселиться туда жителей, но шведы заблокировали это предложение. Москва, ставшая на путь налаживания мирных связей со Швецией, не могла открыто принимать переселенцев. С 1620–х гг. даже действовала грозная инструкция новгородским властям, которая гласила: перешедших в Россию новых шведских подданных, чье местопребывание стало известно шведам, следует направлять на границу и передавать их, после телесного наказания, шведской стороне. Остальных же обнаруженных воеводой беглецов предписывалось увозить тайно ("не шумно") в глубь страны, не объявляя о них шведам. Но выдача Швеции даже заведомо известных перебежчиков ставилась в зависимость от обмена на "русских воров", бежавших в королевство[71].

Выговор за несоблюдение секретности при укрывании беглецов–карелов получил от царя кольский воевода в 1628 г. Тогда карелы из Кестеньги и Топозера Кольского уезда приютили у себя сбежавших из Швеции соплеменников, а воевода распорядился переправить их в Кереть. Неудовольствие царя вызвало не само участие воеводы в судьбах беженцев, а содержание их так близко от границы. Москва принимала и более суровые решения. Так, отмена поста воеводы Заонежских погостов в 1630 г. произошла после жалобы новгородских властей царю о препятствовании оштинского начальника работе по розыску перебежчиков[72].

Действия Москвы можно расценить как весьма разумные и дальновидные. Кремль трактовал пункт договора 1617 г. о безусловной выдаче перебежчиков обеими сторонами друг другу как процедуру по взаимному и равноколичественному их обмену. Царское правительство предвидело, что перешедших на русскую сторону окажется значительно больше, чем на шведскую. Так и случилось[73]. Тем самым явочным порядком проводилась в жизнь проигранная в Столбово позиция о свободном выходе в Россию жителей уездов, отошедших Швеции.

Говорить о двойной политике русского правительства в отношении "карельских выходцев" не приходится. Напротив, на всем протяжении 1620–х—1650–х гг. она оставалась последовательной. К 1650 г. только из Кексгольмского лена в Россию переселилось до 10 тыс. человек, а в целом из восточных владений Шведского королевства не было возвращено до 50 тыс. человек[74]. Некоторое представление о составе беженцев можно почерпнуть из ценного источника шведского происхождения — списка, предъявленного в 1635 г. русским властям комендантом Кексгольма. В нем перечислено 1690 известных коменданту случаев бегства жителей лена в Россию, причем в 1103 случаях речь шла о бегстве целыми семьями, а в 413 случаях

указан и количественный состав семей[75]. Сделанные нами подсчеты свидетельствуют, что 35% бежавших семей относились к малым и состояли всего из 2—3 человек. Если принять во внимание и детей в остальных бежавших семьях и беглецов–одиночек, то можно уверенно констатировать: Кексгольмский лен покидала, прежде всего, наиболее активная и молодая часть общества. Массовым исходом ответили карелы на разъединение их с православной Россией и жестокую оккупационную политику Швеции в лене.

Швеция болезненно реагировала на запустение своих восточных земель. Властям и помещикам приходилось заселять обезлюдевшие места финнами и отчасти шведами. Но переселенцы не могли сразу восполнить экономический и демографический потенциал лена. Переезды на восток ослабляли и хозяйство Финляндии. Поэтому Стокгольм постоянно предъявлял претензии Москве. Но верная своей политике Россия не желала обменивать людей больше, чем возвращала ей Швеция. Стокгольмские переговоры 1649 г. закончились заключением соглашения, по которому Швеции пришлось отказаться от требований вернуть своих подданных; взамен Москва обязалась выплатить компенсацию в размере 190 тысяч рублей[76].

В 1654—1667 гг. Россия вела новую войну с Речью Посполитой, в результате которой удалось присоединить Смоленск, Киев и Левобережную Украину. Швеция, используя успехи России в польской кампании, стала занимать ливонские и литовские земли ослабленной Польши, мешая тем самым русским войскам продвигаться на запад. Шведы приступили и к переговорам с гетманом запорожского казачества Богданом Хмельницким, но после вмешательства Москвы официальные контакты между ними прервались. Недружественные шаги Швеции толкнули русское правительство к объявлению ей в 1656 г. войны. К тому времени московские дипломаты заключили временное перемирие с Речью Посполитой.

Главный удар по Швеции русские нанесли в Прибалтике. Они очистили от шведских войск Ливонию, взяв г. Юрьев (ныне Тарту), и осадили Ригу. В ходе всей шведской кампании приладожский театр боевых действий оставался вспомогательным. Так, в бывшем Орешковском уезде воевало всего 1,5 тыс. русских войск. Три полка "нового строя" из Олонецкого уезда общей численностью в 2,5 тыс. человек вошли в Кексгольмский лен в июне 1656 г. Ими командовали олонецкие воеводы Петр Пушкин и Степан Елагин. Несмотря на то, что лишь в Кексгольме находилось до 3 тыс. шведов, они смогли занять значительную часть территории лена. С боями были завоеваны города Сортавала и Салми, небольшая крепость в Импилахти и Сванский Волочок около Кексгольма.

Значительную помощь русские войска получали от карельского населения, которое приветствовало их как своих освободителей. Жители снабжали войска продовольствием и фуражом, служили проводниками — "вожами". Создавая партизанские отряды, карелы громили помещичьи усадьбы и лютеранские церкви, их разведчики сообщали русским о передвижениях шведских войск и положении в лене.

Кексгольм был осажден, но взять его не удалось. Шведы нанесли ответный удар: зимой 1657 г. "был приход немецких воинских людей" (шведов) к г. Олонцу и в Олонецкий уезд. Русским войскам пришлось срочно снять блокаду с Кексгольма и покинуть лен. Гарнизон Олонца отстоял крепость, а войска заставили неприятеля уйти из уезда.

С прекращением боевых действий многие карелы покинули родные земли Кексгольмского лена, пожелав жить в России. Так, в 1658/59 г. по царскому указу двести карельских семей беженцев получили деньги для обустройства в уезде. Эти средства

распорядился выплатить воевода Олонца князь Т.В. Мышецкий из собранных в уезде налогов. Он же и следующий воевода окольничий В.А. Чоглоков отдавали переселенцам пустовавшие земли в льготное пользование "для распашки и дворового строения"[77].

Боевые действия со шведами и поляками с 1657 г. велись с переменным успехом. Например, в 1657—1660 гг. солдаты и драгуны трех Олонецких полков стояли в карауле в важной крепости Лавуе, на Олонце и в приграничных острожках Карелии; они же ходили в Псков на усиление его гарнизона, сидели в осаде в Юрьеве и Полоцке[78]. И все же Россия выполнила главную задачу войны: она заставила Швецию вывести войска из Речи Посполитой. Но в 1658 г. Москве изменил запорожский гетман Юрий Хмельницкий (сын Богдана Хмельницкого), отдавший казаков под власть польского короля. Теперь продолжение войны со Швецией грозило России потерей украинских приобретений.

Кремль пошел на переговоры со Стокгольмом. Весной 1658 г. в местечке Валиесари было подписано перемирие, которое сохраняло за Россией ее завоевания, в том числе и устье Невы. Но вскоре Швеция усилила свои позиции, заключив мир с Польшей. Поэтому окончательный "вечный мир" между Россией и Швецией, состоявшийся в Кардисе 27 июня 1661 г., вернул границу к прежней черте 1617—1621 гг. Москве удалось настоять на том, что все перешедшие во время войны на русскую сторону жители восточных ленов — а таких насчитывалось до 5000 семей — становились русскими подданными. В результате войны 1656—1658 гг. России не удалось окончательно отвоевать балтийское побережье и Корельский уезд. С уходом русских войск в Кексгольмском лене, на своей исторической родине, карелы перестали быть национальным большинством.

После войны ведущим фактором отношений со Швецией и в целом спокойного, мирного их развития выступила взаимовыгодная торговля. Стокгольм отлично понимал ее значение: в 1660 г. шведский коммерсант Ф. Крузенштерн подал королю обстоятельную записку, в которой напомнил о давнем намерении шведов "вернуть в Балтийское море богатую, выгодную, крайне необходимую для всей Европы русскую торговлю", разумеется, через балтийские порты Швеции и при посредничестве шведских купцов. Московское правительство также стремилось увеличить экспорт русских товаров на Балтике, но при этом не забывало об Архангельском порте, поддерживавшем относительную независимость России в международной торговле[79]. Другая "больная" тема русско-шведских отношений — о беженцах в Россию — также потеряла актуальность. Массовое бегство карелов прекратилось, а уже переселившиеся карелы смогли свободно проживать во всем Олонецком уезде.

* * *

Итак, социально-политические и военные события, с лихвой наполнявшие историю Карелии конца XV—XVII вв., сыграли ведущую роль в ее переустройстве и развитии. Вместе с тем, важнейшими компонентами поступательного движения в сферах экономики и народонаселения оставались внутренние демографические, этнические и социально-экономические процессы. Они испытывали на себе серьезное воздействие политической доминанты. Но будучи самостоятельными и мощными проявлениями общественной жизни, эти факторы, в свою очередь, весомо влияли на социально-политическую обстановку в Карелии.

2. НАСЕЛЕНИЕ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

С конца XV в. Россия шла по пути укрепления политико–экономического единства. Вместе с порядками удельно–вечевых времен постепенно уходила в прошлое определенная хозяйственная замкнутость ее земель. Уже с середины XVI в. и центральные области, и окраины государства активно включались в процесс создания общероссийского рынка. Опричнина и социально–политический, экономический и военный кризис последней трети XVI в., потрясения смуты и иностранной интервенции приостановили это поступательное движение. Лишь к середине XVII в. страна оправилась от разорения и в ней окончательно сформировалось единое экономическое пространство.

В конце XV—XVII вв. произошли глубокие изменения в социальной структуре общества. Так, Север страны стал краем по преимуществу черносошного (в будущем — государственного) крестьянства. В то же время феодально зависимое, частновладельческое население постепенно превращалось в крепостное. С конца XVII в. путы крепостничества оплетали и приписанных к заводским работам черносошных крестьян Карелии. Монастыри не только сохранили за собой вотчины, но и, увеличив их размеры, закрепили свое положение активных участников единого всероссийского товарного рынка. В сторону вотчины развивалось и поместье (первоначально — условное владение феодала–военного за службу государству). Противоречивость социально–экономических процессов в России подчеркивалась зарождением буржуазных отношений, спорадически появлявшихся, особенно в регионе Поморья, уже с середины XVI в.

Бурные социально–экономические преобразования опирались не только на благоприятные политические условия объединения страны, но и на ее возросший демографический потенциал. К концу XV в. население России составляло 5—6 млн человек, а к середине XVI в. увеличилось уже до 9 млн.

На ход социально–экономических и демографических процессов в Карелии существенно влияли сохранявшиеся веками местные особенности. Среди них выделялось приграничное положение края, которое неизбежно приводило к непосредственному, зачастую неблагоприятному воздействию внешнеполитических и военных факторов на внутренние процессы, особенно на этно–демографическую ситуацию. Они предопределили и социальную структуру местного общества с повышенным удельным весом военных и хорошо знавших военное дело жителей. Необходимо отметить и полиэтничность населения: замысловатые этнические процессы налагали глубокий отпечаток на остальные составляющие исторического бытия.

Демография в зеркале политики

Проследить демографические процессы конца XV—XVII вв. помогают писцовые, переписные и дозорные книги того времени. На их страницы подьячие и другие чиновники заносили точные сведения о хозяйстве и частично — о жителях каждого сельского и городского двора на описываемой ими территории. Такие переписи ("письмо") проводились регулярно для целей налогообложения и охватывали все уезды страны.

К сожалению, писцовая документация XV—XVII вв. сохранилась не полностью.

Серьезные пробелы присутствуют и в "письме" земель Карелии. Следует отметить, однако, что сохранность писцовой документации по Карелии является одной из лучших среди всех регионов России. Анализ сведений позволяет весьма надежно отразить основные тенденции в движении населения по отдельным землям и в целом по краю, в том числе вычленить воздействие политических, социально–экономических и этнических факторов.

Демографические сдвиги в Карелии конца XV—XVII вв. в основных чертах совпадали с аналогичными процессами в целом по России. В конце XV — первой половине XVI вв. наиболее плотно заселенной территорией Карелии являлся Корельский уезд. Данные "старого письма" (первой московской переписи населения и его повинностей конца 1470–х—1480–х гг.) указывают, что тогда тут проживало около 33,8 тыс. человек обоего пола. В 1500 г., при "новом письме", население уезда снизилось до 26 700 человек, в том числе в Передней Корелe на селе — в погостах Городенском, Сакуль-ском и Ровдужском — оно составляло 6700, в городе Кореле — 1554, в рядке (торговом поселении) Сванском Волочке — 369, а всего — около 8600 человек обоего пола. Тогда же в погостах Задней Корелы — Кирьяжском, Сердовольском, Иломантском и Соломенском — насчитывалось 18 100 чел. обоего пола[80]. Сокращение населения на 20 % к 1500 г. объясняется жестокими последствиями боевых действий и мобилизации жителей на войну, которую Иван III вел со Швецией в 1495—1497 гг.

Первая половина XVI в. отличалась глобальным потеплением климата в северном полушарии. Тогда повсюду на севере Европы наблюдался рост населения и хозяйственный прогресс. Не стала исключением и Карелия. В 1568 г. общая численность населения Передней Корелы возросла до 18 100 человек, достигнув в г. Кореле 3733 человек, в Сванском Волочке 379 человек, а на селе — 14 000 человек обоего пола. Таким образом, с 1500 по 1568 г. населенность Передней Корелы увеличилась более чем вдвое, а число горожан Корелы возросло в 2,4 раза. Истинное количество тяглецов в Задней Кореле к 1568 г. неизвестно: неполная писцовая книга 1568 г. оставила сведения лишь по Соломенскому погосту. Зная, однако, что в 1500 г. численность ее жителей превышала сельское население Передней Корелы в 2,7 раза и предполагая, что в относительно мирной и благоприятной обстановке первой половины XVI в. условия проживания в обеих частях Корельского уезда были примерно одинаковыми, полученное соотношение можно применить и к середине XVI в. В таком случае, в Задней Кореле тогда проживало около 37 800 чел., а всего в Корельском уезде — приблизительно 56 тыс. человек обоего пола[81].

Миграция населения внутри Корельского уезда и за его пределы прослеживается по данным писцовой книги 1500 г. В последней четверти XV в. рост населения и создание новых деревень происходили лишь в двух погостах — Соломенском и Иломантском (на востоке и севере уезда). Следовательно, население перемещалось на восток, в сторону Олонецкой равнины и Онежского озера, и на север — в Лопские погосты и к Белому морю.

Выявленное передвижение населения усилилось в дальнейшем, когда со второй половины 1560–х гг. в Корельском уезде разразилась подлинная хозяйственная и демографическая катастрофа. Причиной ее послужил общероссийский социально–политический, экономический и военный кризис, наступивший в результате Ливонской войны и опричнины. Тогда Корельский уезд не только попал в зону ведения боевых действий, но и испытал небывалое увеличение бремени налогов, шедших на продолжительную и дорогостоящую войну. Так, в 1570/71 г. в уезде побывали опричники, выколачивавшие подати с недоимщиков методом жестокого правежа.

Обыскная книга Кирьяжского погоста Задней Корелы 1571 г. показывает реальную картину его запустения. За время с 1526 по 1571 г. из одного лишь этого погоста сбежал 651 тяглец (многие — с семьями). Большинство случаев бегства — 94 % (!) — относится как раз к 1566—1571 гг. В целом же из всех отмеченных в "обыске" 1210 фактов запустений на предыдущие 40 лет — с 1526 по 1566 г. падает всего 130 случаев (тогда хозяйства разорялись в основном от набегов из-за границы); на 1566—1568 гг. приходится уже 319, а на 1568—1571 гг. — 761 случай. Наиболее типичная запись "обыска" о времени с 1566 по 1571 г.: "сшел (сбежал) от царских податей"[82].

1570-е гг. принесли демографическую и хозяйственную катастрофу уже всему Корельскому уезду. Согласно сведениям Платежной книги Корельской половины Водской пятины 1571 г., в Задней Кореле из находившихся за время с 1522 по 1571 гг. в хозяйственном обращении 875 "сох" (единица налогообложения) в 1571 г. подати шли лишь с 50,7 (6 %). В Передней Кореле налоги выплачивали 11,8 % тяглецов от их числа в 1568 г. Выходит, за три года остальные жители либо разорились, либо умерли, либо сумели сбежать[83].

В таких экстремальных условиях только присутствие в г. Кореле войск спасало приладожскую часть Корельской земли от завоевания Швецией. Поэтому, как только в 1580 г. военных отослали в Псков, Корельский уезд стал легкой добычей шведов. И напротив, сохранившееся в Иломантском погосте население Ребольской волости (самой северной оконечности уезда — от Лендер до Кимасозера) не допустило на свои земли захватчиков.

Шведская оккупация Корельского уезда 1580—1597 гг. усугубила демографическую и хозяйственную катастрофу. Шведская налоговая перепись Кексгольмского лена 1590 г. указала в трех северных погостах (Кирьяжском, Сердовольском и Иломантском) всего 339 тяглецов, проживавших в 103 полупустых деревнях; 139 деревень вообще стояли заброшенными. В 1592 г. в самом городе Кореле уже отсутствовал некогда многодворный посад[84].

Многие карелы бежали в Россию. Русские власти расселяли их рядом с захваченным Швецией уездом, в частности, в Заонежье. Оккупация закончилась в 1597 г. Царь Борис Годунов распорядился возвратить карельских беженцев на родину, но на тех карелов, которые к тому времени успели занять и обработать пустовавшие земли, царский указ не распространялся. Жителей Корельского уезда, в том числе пришедших туда во время оккупации протестантов — финнов и шведов ("латышей Финские и Свейские земли"), не пожелавших возвращаться назад в королевство, царь освободил от выплат налогов сроком на 10 лет[85]. Но, по всей видимости, и к 1611 г. жители уезда навряд ли смогли полностью оправиться от всех выпавших на их долю потрясений. А в том году Швеция вновь, уже на столетие, установила свою власть над Корельским уездом.

Изучение демографической ситуации в Заонежских погостах осложняется отсутствием полных писцовых сведений о них на конец XV в. Отрывок писцовой книги Обонежской пятины 1496 г. содержит данные о четырех (из 18) Заонежских погостах — Шунгском, Вытегорском, Оштинском и Веницком. Тогда там проживало около 6300 чел. Писцовая же книга Обонежской пятины 1563 г. сохранилась почти полностью. И при анализе ее сведений выясняется, что численность населения 18 погостов равнялась 44,5 тыс. человек[86]. При этом в четырех вышеназванных погостах насчитывалось 10,7 тыс., то есть населенность выросла в 1,7 раза по сравнению с 1496 г. Можно предположить, что в спокойную первую половину XVI в. общее число жителей

всех 18 погостов увеличилось в той же пропорции. В таком случае население Заонежских погостов в конце XV в. составляло около 25—26 тыс. человек.

Ценность писцовой книги 1563 г. заключается и в сведениях о всех появившихся после 1496 г. поселениях. Их анализ показывает, что в первой половине XVI в. выделились два района с активным ростом в них новых поселений. Первый охватывал погосты Оштинский, Мегорский и отчасти Андомский на южном побережье Онежского озера. Тут заселенность возросла в основном за счет развития поместий (помещики упорно обустраивали выделенные им земли) и андомской вотчины богатого новгородского Спасо–Хутынского монастыря.

Второй, гораздо более обширный район активного освоения, находился в Онежско–Ладожском межозерье и включал Шуйский, Важинский, Толвуйский, Остречинский, Кижский и Олонецкий погосты. В них проживала половина всего населения Заонежских погостов (21800 человек). В межозерье преобладало черносошное и дворцовое оброчное крестьянское землевладение, а поместья и вотчины монастырей были малочисленны и относительно невелики.

Онежско–Ладожский перешеек примыкал к Корельскому уезду, из которого происходил отток населения на восток. Без сомнения, черносошные крестьяне из Корелы проникали в черносошное же Прионежье. Поэтому заселение межозерья и протекало так энергично — оно испытывало постоянную демографическую "подпитку" со стороны переселенцев из соседнего Корельского уезда. Интересно, что во всех активно заселявшихся погостах средняя величина семьи была ниже общепогостского показателя (5,52 чел.). Следовательно, тут подавляющее большинство населения жило "малыми семьями", включавшими супругов с неженатыми детьми.

Наконец, на восточном и северном побережье Онежского озера в погостах Выгозерском, Челмужском, Шальском, Пудожском и Водлозерском проживало всего 7,3 тыс. человек. Они являлись областью уже сложившейся, устоявшейся заселенности. В старых поселениях северного и восточного Заонежья имелось значительное количество "больших семей", объединявших на одном дворе семьи супругов и их сыновей, или родных и двоюродных братьев, или дядей и племянников. Поэтому среднестатистическая величина семьи тут часто превосходила общезаонежский показатель.

Заонежские погосты оказались в полосе жестокого хозяйственного кризиса. Как и в Корельском уезде, многие дворы были сожжены, а их жители убиты или пленены вторгавшимися на Олонецкую равнину шведскими войсками. Эти сведения взяты из писцовой книги 1582 г[87]. Общая численность населения Заонежских погостов сократилась, по сравнению с 1563 г., до 28 тыс. человек, или на 38 %. За прошедшие 20 лет из 3878 живущих деревень и починков (новых поселений) осталось 2290. Пустыми стояли 462 селения. Значительно возросло и число пустошей — сельскохозяйственных угодий на месте запустевших деревень. Резко снизилось экстенсивное освоение погостов: если в первой половине XVI в. возникло 559 новых поселений, то в 1563—1582 гг. — всего 62. В то же время их местонахождение (25 — в Оштинском погосте, 15 — в Шуйском, 7 — в Мегорском, 5 — в Андомском и по одному — в Толвуйском и Веницком) указывает на сохранение предпочтительного освоения южного и западного Прионежья.

Конечно, положение в Заонежских погостах было не таким катастрофическим, как в Корельском уезде или в области вокруг Новгорода, в которой пустыми стояло от 76 до 97 % поселений[88]. Именно данное обстоятельство побудило Москву организовать дворцовый округ Заонежских погостов. Быстро наладив тут доходное хозяйство, правительство направило полученные налоговые средства на поддержание Нов-

города. Но демографический и хозяйственный кризис повсюду носил глубокий и долговременный характер. Его последствия в Заонежских погостах не удалось преодолеть даже к началу XVII в.

В XVI в. продолжилось активное освоение северной половины Карелии, прежде всего переселенцами из Корельского уезда. Отсутствие массовых сведений писцовой документации не позволяет тщательно осветить демографическую ситуацию в северной Карелии на всем протяжении с конца XV по начало XVII вв. Тем не менее, сохранились некоторые отрывочные данные о Ребольской волости.

Писцовая книга Корельского уезда 1500 г. не отметила тут, в самой северной части Иломантского погоста, никаких поселений. Но в Платежной книге 1571 г. указано, что в 1509/10 г. сюда пришли семь семей карелов и возникла деревня Реболы; в следующем 1510/11 г. к ним присоединилась карельская община в 24 семьи, по всей видимости перешедшая со шведской на русскую сторону, когда заключалось новгородское перемирие 1510 г. Всего же Платежная книга зафиксировала переселение около 100 семей и отдельных лиц в Ребольскую волость от Лендер до Кимасозера между 1509 и 1571 гг. Возникновению волости способствовала тогдашняя внешне– и военнополитическая линия русского правительства по скорейшему заселению пограничья. Началу освоения предшествовал "ряд" — договор карелов с новгородскими дьяками. По всей видимости, соглашение предусматривало очень длительный срок льготного налогообложения, так как и в 1571 г. Реболы оставались слободой, то есть поселением, освобожденным от выплат податей в полном объеме[89].

С востока Ребольская волость граничила с Лопскими погостами, протянувшимися широкой полосой от северного побережья озера Сямозера на юге до озер Куйто и р. Кеми на севере. Там уже в 1572 г. в устье р. Ухты существовало селение Куйтоозеро — в будущем Ухта (ныне пос. Калевала). Оно отмечено и в Дозорной книге Лопских погостов 1597 г. в составе Панозерского погоста как самая северная из его волосток[90].

Дозорная книга 1597 г. указала лишь 66 живущих поселений в "Дикой Лопи" — погосты, их "концы", "волостки" и деревни, — а также запустевшие луковладения (тяглые участки). Сведения указывают на вполне сложившуюся к середине XVI в. систему поселений и дают представление о заселенности Лопских погостов в последней четверти XVI в. В 1597 г. тут проживало около 6200 человек. Наиболее заселенными являлись южные погосты: Семчезерский, Линдозерский, Селецкий и Паданский (75 % населения). Слабозаселенными территориями оказались северные Ругозерский, Шуеозерский и Панозерский погосты. Так как к 1597 г. пятая часть всех местных тяглых угодий была заброшена (по сравнению с концом 1560–х гг.), можно предположить, что за это время Лопские погосты лишились такой же доли жителей (около 1200 человек). В таком случае в середине XVI в. население Лопских погостов составляло примерно 7400 человек[91].

Больше всех тяглецов и луковладений потеряли Шуеозерский и Панозерский погосты. Из северных лишь Ругозерский погост остался наименее пострадавшим. В конце 1570–х — начале 1590–х гг. через север Лопских погостов продвигались в Поморье шведские захватчики, а в Ругозере в 1578 г. царский воевода Киприан Владимирович Оничков поставил острог, который тогда же, 24—27 декабря, выдержал осаду шведов и спас ругозерцев. В целом положение в Лопских погостах выглядело лишь немногим более благополучным, чем в Заонежских.

Во всех Лопских погостах проживало значительное количество "больших семей" — средняя величина семьи равнялась 6 человекам обоего пола. Это свидетельствует и о сложившейся стабильной системе поселений, и о стойкости традиционного семей-

ного уклада местного карельского населения. Такая же высокая заселенность двора была характерна для Корельского уезда в 1500 г. Таким образом, вся Корельская земля — и Корельский уезд, и Лопские погосты,— отличалась однородностью демографических процессов.

Численность населения Карельского Поморья к середине XVI в. выясняется при анализе "Жалованной грамоты" Василия III жителям Кемской и Шуерецкой волостей 1530 г. В ней отмечено наличие 225 "луков" на две волости, что примерно соответствовало тогда числу семей. Неполные данные за вторую половину XVI в. о дворах, тяглецах и "луках" обеих волостей имеются в Отдельной книге Кемской волости 1591 г. и Дозорной книге Шуерецкой волости 1598 г[92].

В 1552/53 г. в самой Кеми в 96 дворах проживало 146 тяглецов с семьями при 143 луках угодий и 63 казака (наемных работника, не владевших "луками"); один двор стоял пустым. В 1591 г. уже во всей Кемской волости (в Кеми, Подужемье, Маслозере и Пебозере) имелось 263 тяглеца в 181 дворе, а 105 дворов запустело. В 1598 г. в соседней Шуерецкой волости насчитывалось 76,25 "лука" при 64 тяглецах в 40 дворах; еще 60 дворов стояло пустыми. Следовательно, в 1590–х гг. в Кемской и Шуерецкой волостях селилось около 327 тяглецов в 221 дворе, что соответствовало примерно 2030 человек обоего пола.

На каждого из тяглецов в сильно обезлюдевших с середины XVI в. волостях даже в 1590–х гг. приходилось в среднем по две трети лука. А в середине столетия населенность Кемской и Шуерецкой волостей была значительно выше. В 165 запустевших к 1590–м гг. дворах могло проживать около 240 тяглецов с семьями, то есть 1200—1400 человек. Другими словами, в середине XVI в. число жителей обеих волостей достигало 3200—3400 человек. Данные о луковладениях не противоречат таким выкладкам: частноправовые акты кемлян и шуеречан фиксировали деление некогда единых "луков" на доли именно со второй половины XVI в., что свидетельствует о сильно возросшем к середине века населении.

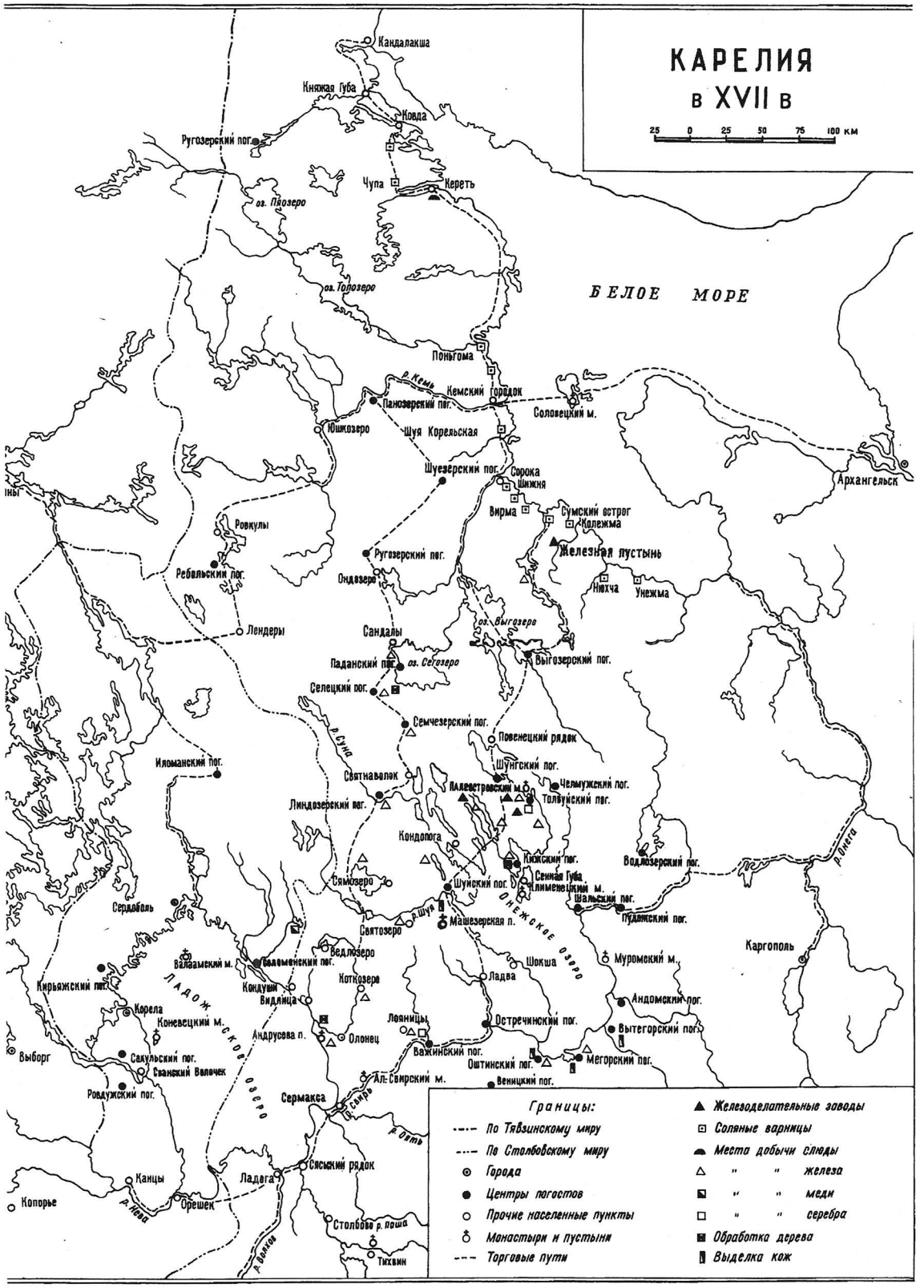
К 1563 г. благоприятно складывалась демографическая ситуация и в северной Керетской волости (селения Кереть, Чупа и Черная Речка): там находилось 60 дворов с 80 тяглецами, что примерно соответствовало 570 человекам обоего пола. Но после Басаргина правежа, в 1574—1575 гг. численность ее тяглого населения упала до 430 человек[93].

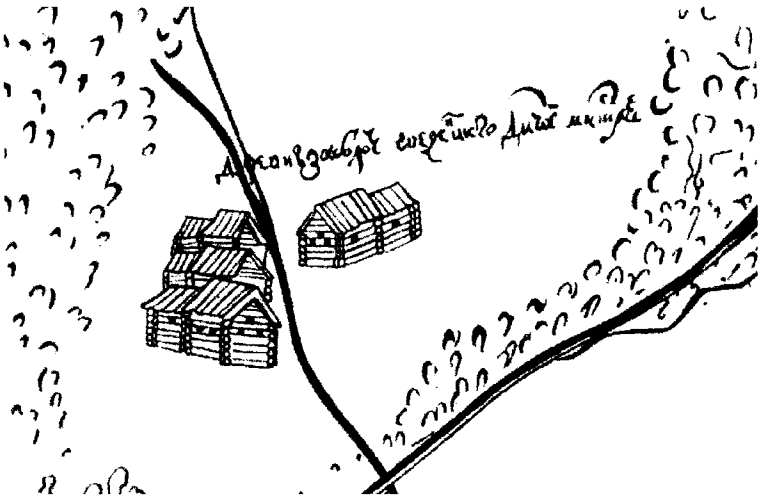
Приведенные сведения и выкладки доказывают, что демографическая картина в северной части Карелии в XVI в. в основных чертах не отличалась от положения дел в южной половине края и по стране в целом. Несомненно, отдаленность Севера смягчила, но отнюдь не предотвратила проявления на его землях долговременных жестоких последствий общероссийского кризиса последней трети XVI в.

Наметившееся к концу XVI в. улучшение обстановки в стране пресекла Смута и польско–шведская интервенция. По Карелии наиболее наглядно демографические процессы конца XVI — первой половины XVII вв. прослеживаются по писцовым материалам Заонежских погостов, тогда самой заселенной и обширной области Карелии.

Численность населения Карелии резко уменьшилась в 1610–х гг. "Письмо" и "дозор" 1616—1620 гг. позволяют произвести расчет потерь среди жителей Заонежских погостов[94]. К 1620 г. в 18 Заонежских погостах имелось всего 23 тыс. человек. По сравнению с 1582 г. количество пустых дворов возросло на 1035. Там могло проживать 1050—1100 тяглецов–глав семей или 5300—5700 человек обоего пола. Следовательно, в начале XVII в. число жителей, видимо, достигало 29 тыс.

С конца XVI в. появилось 12 новых деревень, но общее число запустевших поселе-


КАРЕЛИЯ
в XVII в
25 0 25 50 75 100 км
Кандалакша
Княжая Губа
Ковда
Ругозерский пог.
Чупа
Кереть
оз. Пёзеро
оз. Топозеро
БЕЛОЕ МОРЕ
Поньгома
р. Кемь
Кемский городок
Панозерский пог.
Соловецкий м.
Юшкозеро
Шуя Корельская
Шуезерский пог.
Сорока
Шижня
Архангельск
Вирма
Сумский острог
Колежма
Железная пустынь
Ровкулы
Ребвальский пог.
Ругозерский пог.
Ондозеро
Нюхча
Унежма
Лендеры
Сандалы
оз. Выгозеро
Паданский пог.
оз. Сегозеро
Выгозерский пог.
Селецкий пог.
Семчезерский пог.
Повенецкий рядок
р. Суна
Шунгский пог.
Челмужский пог.
Толвуйский пог.
Иломанский пог.
Святнаволок
Палевестровский м.
Линдозерский пог.
Кондопога
Кижский пог.
Водлозерский пог.
р. Онега
Сенная Губа
Клименецкий м.
Сямозеро
Шуйский пог.
Шальский пог.
Сердобаль
р. Шуя
Машезерская п.
Пудожский пог.
Святозеро
Онежское озеро
Каргополь
Ведлозеро
Валаамский м.
Валаамский пог.
Шокша
Муромский м.
Кирьяжский пог.
Кондуши
Видлица
Коткозеро
Ладва
Ладожское озеро
Корела
Коневецкий м.
Люляницы
Андомский пог.
Андрусова п.
Олонец
Остречинский пог.
Вытегорский пог.
Выборг
Сакульский пог.
Сканский Волочек
Важинский пог.
Оштинский пог.
Мегорский пог.
Ровдужский пог.
Ал. Свирский м.
Веницкий пог.
Сермакса
р. Свирь
р. Оять
Сясьский рядок
Ладога
Канцы
Копорье
р. Нева
Орешек
Столбова
р. Паша
р. Волхов
Тихвин
Границы:
По Тявзинскому миру
По Столбовскому миру
Города
Центры погостов
Прочие населенные пункты
Монастыри и пустыни
Торговые пути
Железоделательные заводы
Соляные варницы
Места добычи слюды
" " железа
" " меди
" " серебра
Обработка дерева
Выделка кож



Деревня конца XVII в. Деталь межевого плана.

ний возросло до двух тысяч, что на 13 % превышало количество заселенных (1757 деревень). В годы интервенции пострадали все Заонежские погосты, особенно южные. Так, в Олонецком, Шуйском, Кижском, Шунгском погостах без жителей стояло до одной трети поселений, тогда как в Посвирье — две трети и более деревень. К такому катастрофическому положению привели грабежи и военные действия интервентов и "русских воров", более интенсивные на юге, нежели на севере. Следует учесть и тайное бегство жителей Корельского уезда из-под шведской оккупации на север Заонежской Карелии, близкий им по этническому составу.

Мирные 1620—1630-е гг. в Карелии отличались необычайно бурным демографическим ростом. Налоговая политика правительства привлекала сюда переселенцев из других земель и поначалу создавала благоприятные условия для ведения хозяйства. К 1628—1631 гг. численность заонежцев увеличилась до 55,1 тыс. человек; впервые за прошедшие 60 лет был перекрыт уровень заселенности 1560-х гг. Но, как следствие, в Карелии быстро сокращались свободные земли, пригодные для распашки. Население стало испытывать "земельный голод" и поэтому постепенно нищало. Корыстное самовластие оштинских воевод и верхушки самоуправления также вело многих жителей к разорению и бегству. К 1646 г. число жителей 17 (кроме Пиркинского) Заонежских погостов вновь снизилось до 42 тыс. человек[95].

Правительство предприняло экстренные шаги по возвращению бежавших. Эти и другие меры проводились уже в русле закрепостительной политики, "привязывавшей" людей к месту проживания. В 1678 г. в Заонежских погостах Олонецкого уезда проживало 73,5 тыс. человек, а к концу XVII в. в российской части Карелии насчитывалось уже 93 тыс. жителей. Общий рост населения сопровождался укрупнением деревень. Если во второй половине XVI в. "дворность" (среднее количество дворов на одну деревню) составляла 2,1 двора, то в 1620-х гг. она поднялась до 3,8 двора, а в 1670—1680-е гг. — до 4,9 двора на деревню[96].

Возобновившийся с середины XVII в. быстрый рост населения при почти том же земельном обеспечении вновь привел к обнищанию значительной части жителей. Кроме того, земельная скудость сопровождалась природными катаклизмами: 1690-е гг. отличались неурожаями и голодом по всему Северу России и в Финляндии из-за

неблагоприятных погодных условий. На конец XVII — начало XVIII вв. в Олонецком уезде насчитывалось 11 839 человек разорившихся крестьян. Из них только 1187 человек бедствовали по причине смерти главы семьи и последующего крушения хозяйства, а 32 человека разорились в результате правительственной мобилизации на работы и в армию. Остальные 10 020 крестьян, или 85 % от общего числа потерь, выбыло из тягла из–за обнищания. При этом 4020 человек нищенствовали в пределах уезда, а 6 тыс. крестьян "ушли безвестно"[97]. По всей видимости, некоторая их часть перебралась в Сибирь, так как в XVII в. именно регион Поморья (от Карелии до Северного Урала) поставлял подавляющее число переселенцев в эту новую восточную окраину России, а правительство, стремясь как можно быстрее ее заселить, не возвращало людей на старые места. Наконец, значительную роль в сокращении населения играло движение Раскола. В Карелии только в гарях погибло около 7,5 тыс. человек, а в тайных поселениях скрывалось неучтенное властями число жителей.

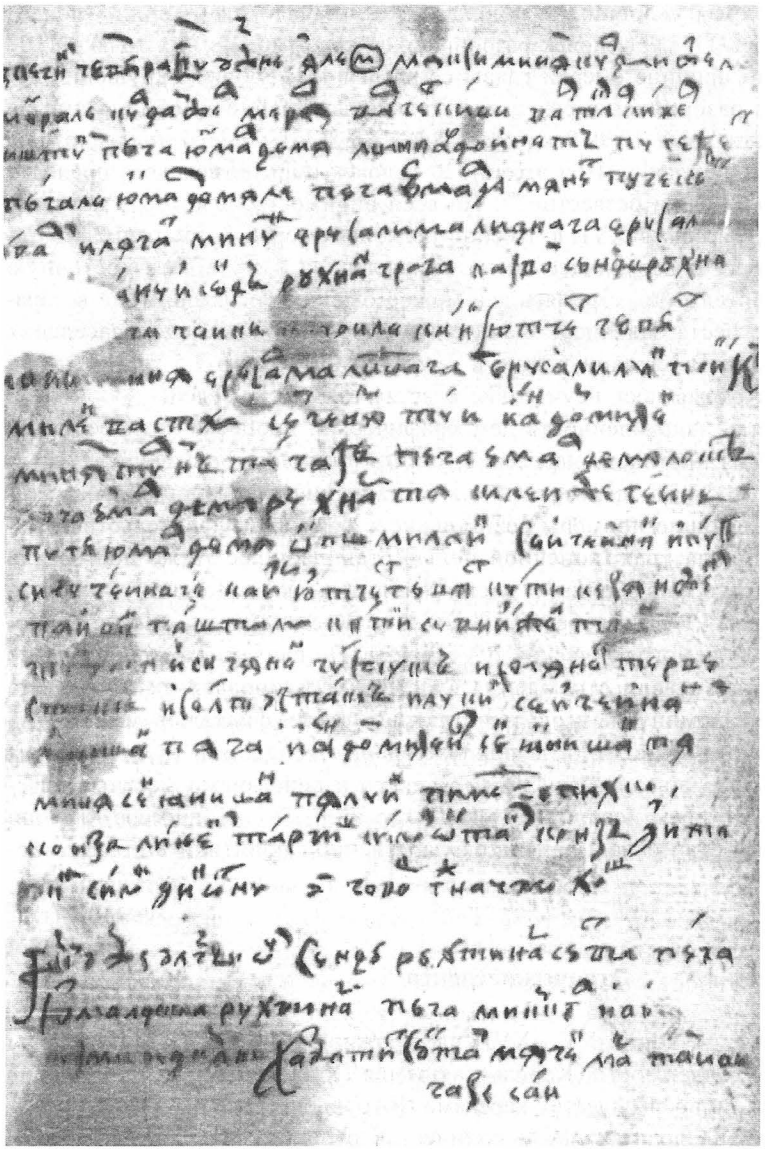
Политика определяла направленность демографических процессов в Карелии — как в сторону увеличения плотности населения, так и в сторону уменьшения. Выгодные местные условия Москва использовала для отстаивания государственных интересов. Имеются впечатляющие примеры сознательного развития правительством демографического потенциала края; конечной целью ставилась все та же польза для государства, прежде всего фискальная и военно–политическая. Но есть основания утверждать, что в конце XVI в. и особенно с 1610–х гг. Кремль вполне осознал самоценность благоприятной демографической обстановки. Не случайно отрицательные явления в демографии вызывали стремление власти ликвидировать их как можно быстрее даже в ущерб сиюминутным административным или фискальным выгодам. Происходил выбор приоритетов. Иногда положительные тенденции (рост и обустройство населения) поддерживались решениями центра и действиями местных властей, то есть принимаемые меры носили системный характер. Так на примере Карелии раскрывается начальный этап складывания государственной политики в области демографии.

Этнические сдвиги

На территории Карелии конца XV—XVII вв. проживали народы и группы различной этнической принадлежности. Корельская земля (Корельский уезд и Лопские погосты) были заселены по преимуществу карелами. В городе Кореле и торговом рядке Сванском Волочке проживало и какое–то количество русских жителей. Возможно, небольшое число русских имелось в поместьях русских помещиков Передней Корелы. Но следует помнить, что последние получали в поместья волости, сформировавшиеся еще в новгородское время, с действующей там общинной организацией местного карельского населения.

Со второй половины XVI в. карелы стали заселять северные земли вдоль границы со Швецией, опираясь, очевидно, на свой "плацдарм" в Ребольской волости. Поэтому и в XVII в. эта самая южная часть Кольского уезда называлась Ребольскими волостями и включала погосты — селения с церквами или часовнями: Реболы, Ровкулы, Кимасозеро, Лувозеро, Мандозеро, Бабью Губу, Кондуксу, Костомуксу, Вокнаволок, Войницу, Муномалакшу, Рогозеро и Елетьозеро. К 1680 г. в них уже имелось 343 крестьянских двора[98].

С новгородских времен в Онежско–Ладожском межозерье жили вепсы. Туда же



Фрагмент заклинания, обнаруженного В.И. Срезневским. XVII в.

переселялись карелы из Корельского уезда. В этих местах, кроме районов Ладвы—Шелтозера и истоков Свири, остававшихся вепсскими, активно проходил процесс этнического слияния корелы и веси. К XVIII в. в восточном Приладожье, на Олонецкой равнине потомки пришлых карелов численно преобладали; здесь образовалась этническая группа *карелов–ливвиков*. В лучше освоенном вепсами западном Прионежье складывалась общность *карелов–людиков*, по своему языку более близких к вепсам, чем ливвики[99].

Центром формирования людиков служил Шуйский погост. С этим погостом на юге граничила Святозерская волость Важинского погоста, на западе — Сямозерская

волость Олонецкого погоста, а на востоке его деревни чередовались с поселениями Кижского погоста на устье р. Суны и в Кондопоге, где стояла общая для шуян и кижан Успенская церковь. Данные районы также входили в область этногенеза людиков. В начале XX в. на территории бывшего Кижского погоста В.И. Срезневский обнаружил рукопись с фрагментом заклинания, записанного скорописью первой половины XVII в. Лингвистический анализ показал, что язык источника представляет собой исчезнувший ныне диалект, переходный между собственно вепсским языком и современным людиковским диалектом карельского языка.

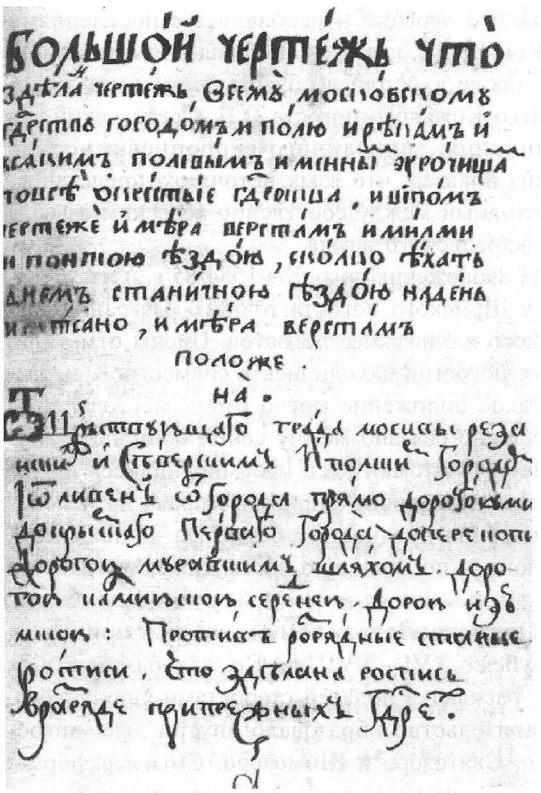
Материалы первой переписи дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. и их "письма" 1610–х гг. указывают на отсутствие у Шуйского погоста точного разграничения с землями смежных Олонецкого, Важинского и Кижского погостов. Писцы отметили, что леса по общим границам всех четырех погостов находились в совместной, неразделенной собственности их жителей[100]. Такое положение могло иметь место лишь в том случае, если местное население было тесно связано между собой общинно–родовыми узами. Следовательно, проживавшие тут потомки веси (формирующиеся людики и отчасти, на Сямозере, ливвики) сохранили за собой старинные права на использование земель по всей территории проживания предков: от Сямозера — на западе, Святозера и верховьев р. Важинки — на юге, и по западную часть Кижского погоста — на востоке.

Этно–демографические процессы в Онежско–Ладожском межозерье привели к административным изменениям уже на рубеже XVI—XVII вв. По жалобам местных жителей о несправедливой, по их словам, раскладке податей старостами Олонецкого, Важинского и Оштинского погостов, правительство образовало внутри этих погостов особые *волостки–выставки* Сямозеро, Святозеро и Шимозеро. Смысл реформы заключался в передаче всех дел в рамках системы местного самоуправления в руки избранных властей этих волосток. Старостам же погостов на Олонце, в Важинах и Оште отныне запрещалось вмешиваться в управление выставками.

Шимозеро заселяли вепсы. Уже в новгородское время они имели приход св. Георгия, отдельный от никольского прихода русских жителей Ошты. С образованием, по их просьбе, между 1607—1610 гг. Шимозерской выставки они обрели самостоятельность и в рамках системы местного самоуправления России. Схожие причины привели к учреждению Святозерской и Сямозерской выставок, но тут Москва пошла навстречу людикам, отделив их на Святозере от русского Важинского погоста на Свири, а на Сямозере — от центрального Олонецкого района формирования ливвиков[101].

На севере Карелии кроме карелов проживали саами. Их древнюю территорию русские источники называли "Лопью дикою и лешею" (то есть землями кочевавших и осевших по лесам саами). Так обобщенно иногда именовалась и вся северная половина Корельской земли, в том числе и Беломорье. Например, Иван III и Иван IV единообразно завещали наследникам "Корелскую землю всю... и с Лопью лешею и с дикою Лопью". Традиция устояла и в XVII в.: в "Книге Большому чертежу" (официальном дорожнике 1627 г. и его последующих редакциях) кольское и западно–беломорское побережье слыло *Лопским берегом*, а находившиеся здесь погосты–места (Кемь, Кереть и др.) — лопскими. Лопскими же, или *Дикой Лопью* назывались заселенные по преимуществу карелами погосты северной половины Корельской земли. Поэтому в XVI—XVII вв. население северной Карелии именовало себя *лоплянами* (лопянами)[102].

Собственно саами источники XVI—XVII вв. называли: в единственном числе — "лопин", во множественном — "лопины", а собирательно — "лопь" и "лопари". Материалы конца XVI в. зафиксировали страшное опустошение среди саами, произве-


БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ ЧТО
ЗДѢЛА ЧЕРТЕЖЬ, ВРЕМЯ МОСКОВСКОМЪ
ГДѢТПО ГОРОДОМЪ И ПОЛЮ И РѢКАМЪ И
ОЗЕРНЫМЪ ПОЛОЦКИМЪ И МНОГИ ЭКРОТИЦА
ТОШЕВ ОТЪЕЗЖІЕ ГДѢПИЦА, И ШИПОМЪ
ЧЕРТЕЖЕ И МѢРА ВЕРСТАМЪ И МИЛАМИ
И ПОНТЮЮ ѢЗДОЮ, СКОЛКО ѢХАТЬ
ДНЕМЪ СТАНИЧНОЮ ѢЗДОЮ НАДѢНА
ИСПИСАНО, И МѢРА ВЕРСТАМЪ
ПОЛОЖЕ
НА
СЕЙ ПЕРВЫЙ СТАРЫЙ ТЕТРАДЬ МОСКОВЫ РЕЗА
НИИ И СТАРЕЙШИМЪ И ПОЛЯНЪ ГОРОДЪ
ТОЛМЕНЬ ОТЪ ГОРОДА ПРЯМО ДОРОБОКЪМИ
ДОРЫЧИТАЮ ПЕРВАГО ГОРОДА ДО ПЕРЕПОН
ДОРОГОЮ МЕРЕЖНЫМЪ ШЛЯХОМЪ. ДОРО
ТОЮ ШЛЯПИЦКОЮ СЕРЕНЕЙ. ДОРОЮ ИЗЪ
МИНОЮ: ПРОПИСАТЬ РОРЯДНЫЕ СТОЛБЫЕ
РОСПИСИ, ЧТО ЗДѢЛАНА РОСПИСЬ
ВРОРЯДЕ ПРИТЕСЕРНЫХЪ ГАРЕ.

Книга Большому чертежу. Титульный лист. XVII в.

денное шведами. Так, Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. отметила лишь 5 семей лопинов в северном Панозерском погосте, разъяснив, что жившие тут ранее 33 тяглеца–саами были убиты или пленены вторгнувшимися сюда в очередной раз шведами в 1585/86 г. Трагедия произошла и в Кемской волости. Ее Отдельная книга 1591 г. засвидетельствовала, что 42 семьи лукозерских лопарей, живших на Топозере, в Кестеньге и у других озер и рек волости, были "побиты и в полон поиманы, а иные розно розбрелись от немецкие войны". В самой северной в Карелии Керетской волости писцовая документация середины XVI в. указала на существование только одного саамского двора в лесу. И все же саами остались проживать на севере Карелии, в том числе в Ребольской волости. Тут в 1620/21 г. местные саами выплачивали налоги со своих волосток у Роккулы и Ребол. К 1680 г. брались подати и с восьми погостов–селений "Лешей Лопи крещеных и некрещеных лопарей" на Пяозере, Шомбе и в других местах северной Карелии[103].

Русские, осваивавшие под водительством новгородских бояр Посвирье, южное, восточное и северное побережье Онежского озера, в "московское время" продолжали селиться на данных территориях. Но в западном Беломорье, на Карельском берегу освоение ими промысловых богатств привело к образованию поначалу смешанных русско-карельских общин. Вместе с жителями южного побережья Онежской губы Белого моря эти общины положили начало *поморам*. Обладая промыслово–морским укладом хозяйственной деятельности, своим наречием и другими самобытными чертами культуры, поморы стали особым субэтносом русских.

Понятие *Поморье*, то есть "земли по морю", "у моря", бытовало среди карелов на Карельском берегу и в XV в. Один из частноправовых актов "детей корельских" на данные земли гласил: "Се купи ... землю и воду на Поморьи" (не позднее 1459 г.). В царских грамотах конца XVI в. Поморьем назывались уже все волости западного Беломорья — от Колы, Варзуги и Умбы на севере до Нюхчи, Унежмы и устья реки Онеги на юге.

Жителей поморских волостей русские источники только с середины XVI в. стали именовать *поморцами* и *поморянами* (термин "помор" тогда еще не существовал). Еще в 1530 г. Василий III слал свою "Жалованную грамоту" "лопянам Кеми и Шуи реки", — но уже в грамоте Ивана IV в Каргополь 1546 г. указаны поморцы, торговавшие солью на устье Онеги. Свидетелями "мировой" сумлян и шуеречан 1556/57 г. выступа-

ли, в числе прочих, два поморца из Кеми и Шуи, а в 1572 г. поморцем же звал себя житель Сумы. В 1565 г. царь Иван Грозный называл жителя Керети поморцем и поморянином; керетчане с кандалакшанами слыли поморцами и в 1580—1581 гг.[104] Следовательно, со второй половины XVI в. термины "поморцы", "Поморье", "поморские волости" обозначали население и побережье западного Беломорья. Таким образом, в середине XVI в. происходило этническое обособление населения Карельского берега от лопян–карелов материковых Лопских погостов.

Отмеченный ранее быстрый рост населения Поморья и начало разделения некогда единых промысловых луковладений именно в середине XVI в. и отображает процесс активного закрепления русских на Карельском берегу и складывания тут поморских общин. Собственно поморские волости Карелии, однако, даже в начале XX в. представляли собой очень узкую полосу земель с цепочкой прибрежных селений; к западу, уже в 20—40 км в глубь берега, начинались земли карельских волостей.

Начало этнического становления поморов совпадает по времени с их церковно–приходской организацией под руководством Соловецкого монастыря. Получив от Москвы небольшие вотчины в Суме, Колежме, Вирме и на устье Выга, в каждой из них монастырь поставил на свои средства церкви, учредив тем самым приходы[105]. Жившие тут и пришедшие сюда русские и карелы объединялись в единые церковные общины, что безусловно способствовало этническому становлению поморов. Поэтому стоявший у самых истоков зарождения поморского субэтноса Соловецкий монастырь поморы Западного Беломорья считали "своим".

Экономика: сельское хозяйство, промыслы и торговля

На сложное этно–демографическое развитие Карелии конца XV–XVII вв. непосредственным образом влияли социально–экономические процессы как общероссийского, так и местного масштаба. В благоприятной обстановке первой половины XVI в. получили дальнейшее развитие сложившиеся ранее основные *сельскохозяйственные районы* Карелии — Передняя Корела и Заонежские погосты (особенно Посвирье, Олонецкая равнина и Заонежский полуостров). С начала XVI в. в Новгородской земле повсеместно, кроме Крайнего Севера, распространилось *трехполье*. Теперь, помимо ярового и озимого полей, выделялось третье поле "под пар", остававшееся невозделанным на год. Весной сеяли яровой овес, осенью — озимую рожь, выдерживавшую ранние заморозки. Трехполье на старопашенных землях повсюду соседствовало с подсекой, активно разрабатывавшейся по принципу "кто где поспел". Обработка лесной пашни имела, среди прочих, ту особенность, что легко скрывалась от налогообложения. Поэтому истинные размеры сельскохозяйственной деятельности в Карелии трудноопределимы.

О развитости сельского хозяйства в разных районах Карелии можно судить, исходя из анализа податной системы. На севере края, например, писцы устанавливали налоги не в соответствии с истинной величиной посевов, а по количеству самих тяглецов. По существу, учитывались хозяйственные возможности северян, а не реальные размеры сельскохозяйственного производства. При этом сохранялась старинная мера налогообложения "лук". Так описывалась вся Задняя Корела, Лопские погосты и беломорские волости. До середины XVI в. в "луках" же облагался заонежский Выгозерский погост. Именно в данных районах и господствовала подсека.

Счет налогов в "обжах" производился только в Передней Кореле и в Заонежских

погостах. Подати приравнивались к высеву зерна ржи и овса и копнам скошенного сена. Но между двумя областями существовала разница в налогообложении. В Передней Кореле большинство земель являлись старопашенными и поэтому тяглыми, подати с которых начислялись в полной мере. В Заонежских погостах, наоборот, пашня везде соседствовала с подсекой, даже в старых районах на Олонце, в Заонежье, Посвирье и на южном побережье Онего. А в России XV—XVII вв. в областях, где активно поднималась лесная целина и основывались новые деревни, вводилось рассчитанное на многие десятилетия льготное налогообложение, именовавшееся *оброчным*[106]. И "письмо" 1563 г. выделило в оброчные все черносошные земли Заонежских погостов — и станы волостелей, и владения Дворца — признав их резервом для будущего полновесного государева тягла.

Объективно время для окончания оброчной льготы не пришло и в конце XVI в.: повсеместно продолжало существовать подсечное земледелие и сенокошение на лесных полянах, о чем не забыли указать писцы даже в 1610–е гг. Но государство нуждалось в деньгах и хлебе для усиления институтов власти на Северо–Западе. Поэтому уже с 1580–х гг. заонежские писцы стали применять более точный счет в четвертях ржи: две "четверти" или "коробья" (7 пудов) высевалось на 1 десятине пашни. Учитывалось и качество земли. В зависимости от этого налоги брались с "сохи" (одна "соха доброй земли" равнялась 800 четвертям, "средней земли" — 1000 четвертям и "худой земли" — 1200 четвертям). Один из главных видов податей — хлебный — с 1585/86 г. оценивался в деньгах "за посопный хлеб с живущей выти" (пяти засеянных десятин или 10 четвертей хлебов)[107]. Подобным образом оценивались пашни и в центральной России. Развитие системы налогообложения в Заонежском крае убеждает в дальнейшем прогрессе в деле сельскохозяйственного освоения южной половины Карелии.

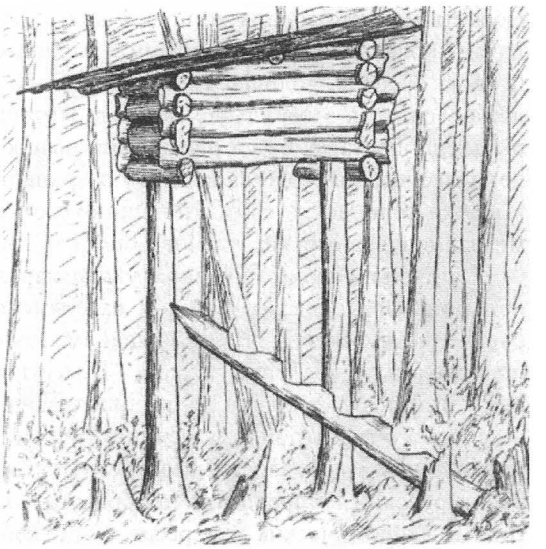
Лишь со второй половины XVI в. писцы смогли приблизительно оценить сельскохозяйственные возможности жителей Лопских погостов, отмечая размеры высева зерна и сенокошения у селений. В Дозоре 1597 г. во всех семи Лопских погостах зафиксировано крайне незначительное по величине пашенное хозяйство. Тут высевалось 133 коробьи ржи и скашивалось 5300 копен сена, или по 0,9 пуда ржи и 5 копен на одного тяглеца — главу семьи. Но писцы оговаривали, что повсюду под налогообложение не попала "отхожая пашня"— подсека, разработанная жителями в отдалении от поселений. Медленный прогресс сельского хозяйства в суровых условиях Севера долгое время не давал возможности применить более развитую систему налогообложения. На нее перешли только в 1633/34 г.; при этом подати высчитывались не с "сох", а с "вытей", соотносимых и с сельскохозяйственными луками и промыслами[108].

Развитие зернового производства сдерживалось недостатком пригодной для обработки земли. На Севере России, в том числе в Карелии, к концу XVII в. из всей возделываемой пашни 90 % было введено в сельхозоборот еще к середине XVI в., а на долю последующих 150 лет выпадает всего 10 % вновь освоенных под пашню земель[109]. Особенно сильно "земельный голод" жители края испытывали в 1640–х гг. Но Север давал населению широкие возможности для получения иных, не связанных с земледелием, доходов.

Повсюду в Карелии получили распространение разнообразные промыслы. Побудительным стимулом для разработки природных богатств служила налоговая политика правительства в Новгородской земле. Уже с конца XV в. большинство местного населения выплачивало подати деньгами, а не продуктами сельского хозяйства и охоты. Получить деньги жители могли только продавая продукты своего труда. Поэтому, когда с середины XVI в. в стране зародилась система всероссийского рынка, земли

Севера (и Карелии) сразу заняли заметное место среди главных товаропроизводящих областей.

В первую очередь на продажу поставлялась *пушнина* — основной продукт старейшего из промыслов населения Карелии. Писцовая документация отметила переход с конца XV в. от выплат налогов пушниной (в основном, беличьими шкурками) к деньгам в Задней Кореле и в Заонежских погостах. В XVI—XVII вв. охота смогла приобрести значение доходного промысла. Все леса Карелии пронизывали "путики" — ухоженные охотничьи тропы с силками и капканами. Путики являлись составной частью хозяйства крестьянина, и оттого эти тропы продавались, завещались, закладывались, дарились точно так же, как и любой другой вид недвижимости, принадлежавший общиннику–волощанину. Казна отлично знала о размахе пушного промысла в Карелии. Так, в 1645 г. царские посланцы закупили оптом на Тихвинской ярмарке около 30 тыс. беличьих шкурок, "а белка карельская да Лопских погостовъ"[110].



Лабаз для хранения битой птицы в лесу

Карелия славилась и рыбными запасами. С конца XV в. богатейшие *рыболовные промыслы* на Онежском и Ладожском озерах стали принадлежать государству в лице заонежских волостелей и наместников г. Корелы. Население разрабатывало эти угодья лишь в качестве феодально–государственной повинности, для выплаты корма. В 1563—1566 гг. после отмены постов кормленщиков в Карелии, правительство с выгодой для себя продало право на вылов онежской рыбы жителям Заонежья, главным образом кижанам. В 1568 г. то же случилось и с ладожскими промыслами: они были "взяты на откуп" у казны богатыми жителями Корелы и Корельского уезда[111]. Товарная направленность карельского рыболовства возросла.

На Белом море промыслы рыбы, морского зверя и солеварение составляли основу экономики поморских волостей. Рыболовство поморцев выходило и за территорию Карелии. Известно, что в 1580-х гг. керетчане с кандалакшанами участвовали в товарном промысле трески и палтуса на Мурмане. Выловленная там рыба продавалась не только внутри страны, но и шла за границу через порт Колу. Кроме того, керетчане у себя в волости добывали на продажу речной *жемчуг*. В середине XVI в. они открыли разработку местной *слюды*, которая использовалась в городах для оконных рам вместо стекла[112].

Особую роль в экономике и социально–этнических и демографических процессах XVI—XVII вв. сыграло *солеварение*. Источники новгородского времени еще ничего не говорят об этом промысле на Карельском берегу Белого моря. По всей видимости, солеварение принесли сюда русские переселенцы, поскольку оно являлось традиционным занятием русского населения Новгородчины и других северорусских земель.

Располагая хорошо и давно освоенной технологией добычи соли, русские переселенцы приспособили ее к новым условиям — в западном Беломорье рассолом стала

служить морская вода, а не поднимаемые из колодцев соленые подземные воды, как в других областях России. Поэтому и варницы находились здесь исключительно у моря. В свою очередь, волощанам–карелам было выгодно иметь соляной промысел у себя дома. Только в этом случае местные жители могли развернуть крупный лов морской рыбы для поставок ее на российский рынок (свежая рыба быстро портилась, а в засоленном виде выдерживала долгую транспортировку). Но солеварам топливом для выпарки соли могли служить лишь окрестные волостные леса, распоряжение которыми находилось в руках членов общин.

Социально–экономический уклад карельских волостей Беломорья предполагал общинное владение угодьями — их совместную разработку, а при разделе добычи и раскладке податей между волощанами учитывалась доля каждого в оборудовании промысла и во владении "луком". В местных частноправовых актах ("купчих", "данных" и др.) XVI в. такие доли обязательно назывались угодьями "промеж волощан" — сходно с формулой "промеж пяти родов" "северных грамот" XV в. Такой порядок закреплялся в государственной документации писцового делопроизводства. Интеграция русских в карельские прибрежные общины происходила на почве обоюдовыгодных экономических интересов. Карелы получили дешевую соль–морянку, признав русских переселенцев волощанами, а два основных занятия жителей — солеварение и морской промысел — составили главную славу Поморья в XVI—XVII вв. Строка грамоты Ивана IV в Каргополь 1546 г. о закупке соли "у моря ... у поморцев" говорит о формировании поморских общин уже в середине XVI в. Церковно–приходская организация прибрежных селений закрепила их генезис. Карелы же материковых Лопских погостов не ходили в море и не выпаривали соль. Поэтому они не впустили в свои общинные угодья русских, и в этническом отношении лопские волости остались карельскими.

Больше всего сведений сохранилось о солеварении Соловецкого монастыря, к концу XVI в. прибравшего к рукам почти все западно–беломорское побережье. Уже в 1547 г. монастырь получил правительственную льготу на беспошлинный провоз и продажу 10 тыс. пудов своей соли в год; с 1590 г. ежегодная льгота распространялась на 73 тыс. пудов соли. После "разорения" 1610–х гг. экономика поморских волостей быстро восстановилась и продолжала развиваться. Крупнейшим поставщиком соли на всероссийский рынок оставался Соловецкий монастырь. В 1660–х—1680–х гг. соль вываривалась на 21 *усолье* северной обители, где трудилось 1089 постоянных "работных людей". Еще 530 сезонных работников заготовляли дрова для выпарки соли, а 350 судовых перевозчиков отвозили этот товар в крупные торговые центры страны — Холмогоры, Архангельск и Вологду. Монастырские усолья притягивали рабочие руки со всех концов Поморья, особенно из соседнего Олонецкого уезда. Несмотря на закрепостительные меры правительства, терявшего тяглецов–крестьян, обитель охотно принимала таких беглецов.

Тогда же в Поморье действовали и крестьянские варницы. Общий объем их производства не уступал монастырскому, но крестьяне предпочитали везти соль на ближние торги, в основном в Повенец и Каргополь[113]. В самом конце XVII в. поморская соль–морянка на рынках России стала вытесняться более дешевой и качественной нижневолжско–каспийской солью, что повлекло постепенное угасание поморского солеварения.

Производственно–товарная специализация на солеварении, рыболовстве, промысле морского зверя и охоте повсеместно дополнялась *железоделательным производством* в крупных масштабах. Уже в XVI в. продукция кузнецов Карелии, особенно карель-

ский уклад, расходилась по всей России. В Корельском уезде, например, целые деревни заселялись кузнецами, производившими изделия на продажу. Местный рынок сбыта сотен железных цренов (больших сковород для выпарки соли) находился в Поморье. Изготовление каждого црена требовало 140—150 длинных полос железа — полиц и около трех пудов гвоздей; через год—два црен изнашивался и заменялся новым. Центрами производства уклада, полиц, гвоздей и других железных изделий для Поморья являлись селения Лопских погостов, такие как Юштоозеро, Паданы, Сельга, Семчезеро, а также деревни Шуйского и Выгозерского погостов Заонежья. Так, Соловецкий монастырь закупил: в 1588 г. у кузнеца Данила из Падан 1300 полиц и 40 топоров; в 1590 г. у панозерца Ульяна "с товарищи" 880 цренных полиц; в 1608 г. у заонежских крестьян из Шуи Никиты Фомина и Степана Родионова 1582 полицы и 67 пудов железа. Зачастую торговля ими производилась через *скупщиков* — как из местных богатых крестьян, так и приезжавших издалека купцов.

Кузница. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

В XVII в. производственно–товарная специализация лопян и заонежцев в железоделательном промысле укрепилась: расширилась география поставок и ассортимент выпускаемых изделий. Лопяне стали производить больше цренных полиц, а их продажа распространилась на старинные русские районы солеварения Старую Руссу и Соль Камскую. Кузнецы из Лопских и Заонежских погостов поставляли на рынок как готовые изделия из уклада (например, замки) и менее закаленного железа (сохи, лемехи, ножи, топоры), так и полуфабрикаты — пруты и крицу. Скупщики и купцы везли продукцию из железа на продажу в Тихвин, Архангельск, Макарьево и Ирбит[114]. Напомним, что крупнейшие ярмарки — Макарьевская на Волге и Ирбитская в Сибири — с XVII в. являлись одними из краеугольных камней в здании всероссийского рынка. Его заметными участниками выступили кузнецы и солевары из Карелии, приобщая северный край к числу основных районов промышленно–торгового развития России в XVI—XVII вв.

Уровень и масштабы железоделательного производства в Карелии хорошо знало и правительство. В 1628/29 г. царь отправил обследовать Лопские погосты Ивана Тыртова и Ивана Кишмутина. Там дозорщики обнаружили не только восстановленное в прежних объемах сельское хозяйство и богатые рыболовные промыслы, но и многочисленные домницы и кузницы. В связи с этим царь приказал увеличить налоги с Лопских погостов почти в два раза — с 98 рублей 23 алтын и полуденьги до 182 рублей 5 алтын 4 денег. Ставки налога на сельское хозяйство и рыболовство не поднялись, но теперь под налоговый пресс попало и развитое железоделательное производство, до этого налогами не облагавшееся. Причем подати с одного сельскохо-

зяйственного лука приравнивались к оброку с домницы — по 10 алтын с каждой, а с кузниц пошло по 6 алтын 4 деньги[115]. Таким образом, в денежном налоговом исчислении (и по доходам от реализации товара) крестьянское железоделательное производство лоплян оказалось вполне сравнимым с повсеместными занятиями сельским хозяйством и рыболовным промыслом.

Показательно и отношение Москвы к массовому железоделательному промыслу в Заонежских погостах. В 1620–х гг., как только хозяйство страны стало восстанавливаться, правительство сочло необходимым полностью оснастить арсенал новгородской крепости военным запасом, вместо вывезенного шведами в 1617 г. Поэтому оно разместило в Заонежских погостах крупный заказ на изготовление пушечных ядер и поделочного железа, щедро заплатив мастерам кузнечного дела. В 1630/31 г. заонежцы с честью закончили его выполнение, поставив на Пушечный двор Новгорода 9044 ядра разного калибра и общим весом в 266 пудов 22 гривенки, 100 пудов "железа прутового доброго мяхково" и 5 пудов уклада[116].

Долгое время крестьянское железоделательное производство в Карелии оставалось на уровне пусть и крупномасштабного, но все же ремесленного промысла. Однако уже в середине XVI в. в Сумской вотчине Соловецкого монастыря, на р. Пяле (притоке р. Колежмы) обитель создала первый в Карелии железоделательный *оружейный завод "Железную пустынь"*. Он находился на месте старинных карельских кузниц и просуществовал полтора столетия. Завод выпускал пушки, ружья и другие разнообразные изделия. Его начальником монастырь назначал "старца" из монахов. Работали тут кузнецами и мастерами–оружейниками монастырские специалисты. Монастырские же вотчинные крестьяне из Колежмы выполняли обязанности возчиков руды. В качестве рудокопов и дровозаготовителей использовались наемные "работные люди".

Завод "Железная пустынь" имел водяную мельницу, которая приводила в движение механический молот и, вероятно, большие меха двух горнов. Последние плавили не сырую железную руду, а полуфабрикат из нее, уже обожженный рудокопами на отдаленных местах добычи. Археологическое обследование показало, что продукция завода шла на оснащение крепостей Соловецкого монастыря и Сумского острога. Помимо больших крепостных пушек–пищалей, Пустынь выпускала и более легкие пушки–тюфяки, откованные из полос карельского уклада, а также ружья–самопалы. Интересно, что в 1674 г. из стоявших на вооружении Сумского острога 20 орудий 5 пищалей являлись скорострельными, с замками, то есть они заряжались с казенной части, а не с устья[117]. Этот выдающийся технический прием впервые в мире был применен в конце XVI в. мастером Андреем Чоховым при изготовлении Царь–пушки для Московского Кремля. В Карелии такая передовая технология использовалась на Пяльском заводе "Железная пустынь".

Продукция карельских оружейников распространялась по России. Так, уже в XVI в. на вооружении крепости Кирило–Белозерского монастыря находились "самопалы московские да корельские" и стояли пушки с большим запасом ядер, возможно, также произведенным в Карелии[118]. Неизвестно, где именно в крае делались эти ружья. Наименование "корельские" может связывать их изготовление с Корельским уездом, но прямых данных о производстве там огнестрельного оружия не имеется. Тем не менее, в дальнейшем все поморы заказывали ружья для промысла морского зверя именно у карелов — мастеров оружейного дела из Лопских погостов. Сложные навыки и культуру производства огнестрельного оружия лопляне могли приобрести на Пяльском заводе или перенять от переселенцев из Корельского уезда.

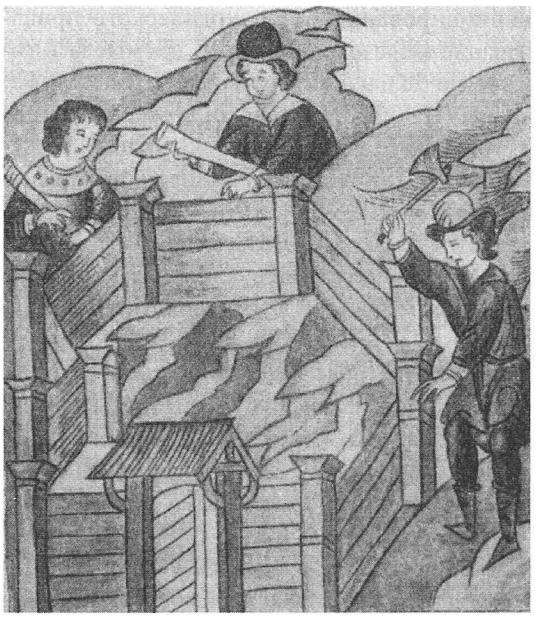
Удачный опыт долговременного функционирования металлургического производства в "Железной пустыни" и использование железоделательного промысла в государственных целях подвигло правительство на дальнейшее развитие заводской металлургии в Карелии. Во второй половине XVII в. Москва вложила значительные средства в организацию заводов–мануфактур, приглашая на льготных условиях специалистов–заводчиков. Первый этап проведения такой политики в Карелии относится к 1666—1678 гг. и связан с попыткой производства меди, которую приходилось ввозить из–за границы. В 1666 г. правительство выдало Семену Гаврилову (новгородскому купцу, торговавшему со Швецией и знавшему медеплавильное производство там) жалованную грамоту и деньги на поиск медных руд и устройство медеплавильного завода.

Такие руды были найдены на Заонежском полуострове в Фоймогубской волости. С 1670 г. тут началось строительство завода. Но фоймогубские медные руды оказались бедны и не оправдали возложенных на них надежд. Передача в 1674 г. завода и прав на поиск и разработку медных руд иностранцам Петру Марселису–младшему и Еремею Ван дер Гаттену также не привела к стабильному производству меди в больших объемах на Фоймогубском заводе.

С 1678 г., после их смерти, практически единоличным владельцем Тульских, Каширских и Алексинских железоделательных заводов, а также Фоймогубской медеплавильной мануфактуры стал Генрих Бутенант фон Розенбуш (ум. в 1701 г.). "Приказчик" датского короля в Москве, он пользовался доверием и русского правительства. В Заонежье Г. Бутенант отказался от разработки меди и перевел производство на добычу железных руд, выплавку железа и изготовление из него сложных изделий, то есть вернулся к традиционной специализации местной металлургии. Для этого в 1680—1690–х гг. он построил ряд доменно–молотовых железоделательных мануфактур: Устьрецкую, Фоймогубскую, Кедрозерскую и Лижемскую (все — на Заонежском полуострове), получивших обобщенное название *Олонецких заводов*. Мастерами на заводы Бутенант отправил специалистов со своих производств в центральной России. Выплавка железа началась с 1681 г., а в 1683 г. в Архангельск на продажу по стране и за границу поступило уже 6449 пудов высококачественного железа. Олонецкие заводы выполняли и правительственные военные заказы. Так, к 1701 г. они произвели 100 пушек крупного калибра, 20 400 ручных гранат, 10 000 ядер и 760 бомб[119].

Кроме Соловецкого монастыря и контрагентов правительства, заводское железоделательное производство, правда в меньшем объеме, развивали и местные жители. В 1696 г. кузнецы из Тивдии Иван Антонов и Федор Терентьев организовали у себя на родине собственный завод. На их мануфактуре изготовлялся уклад. Тивдийский завод имел молот с водяным приводом. Успешно проработав 10 лет, их мануфактура закрылась по распоряжению правительства, опасавшегося конкуренции новому государственному Петровскому заводу на р. Лососинке (в будущем Петрозаводске) и отвлечения рабочих рук на подобные частные производства[120].

В XVI—XVII вв. в Карелии процветала и товарная крестьянская *легкая промышленность*. Олонецко-Прионежский район текстильного промысла поставлял, при посредничестве скупщиков, на рынок Поморья полотно, сукно и холсты. Их вырабатывалось в общей сложности по несколько тысяч локтей в год. Производство текстиля было развито в деревнях Пиркинского, Шунгского, Толвуйского, Андомского и Вытегорского погостов и в рядке Повенце. Кроме того, с XVI в. восточное Прионежье, особенно Пудожский погост, производило на продажу льняные изделия. Уже говорилось о развитом производстве сукна и полотна в деревнях Кексгольмского лена. А во



Плотники. Постройка крепости. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

время русского правления тут по всему Северу продавались деревянные *ложки и посуда*, произведенные в г. Кореле и Корельском уезде. Иногда скупщики реализовывали данный товар партиями в тысячу и более штук[121].

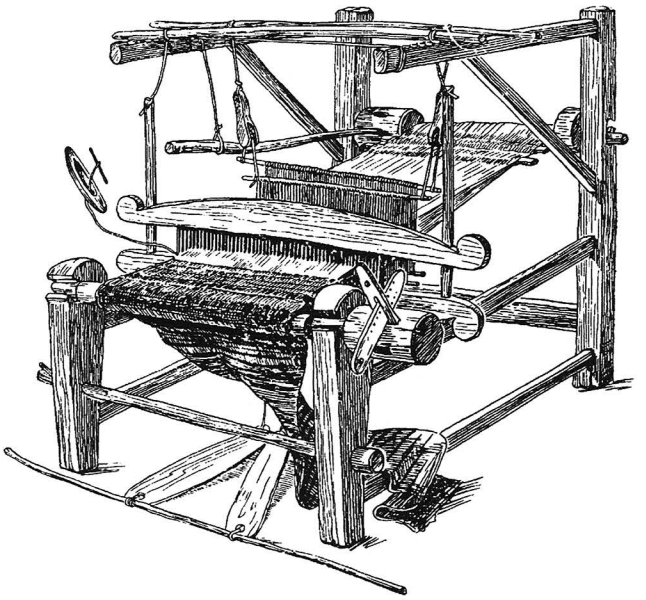
Получил дальнейшее развитие крестьянский *плотницкий промысел*. Местные плотницкие артели порой выполняли весьма ответственную работу. Например, заонежские плотники построили Олонецкую крепость. Трудились они и за пределами Карелии — в Москве, Новгороде и других крупных городах страны, сооружая плотины, водяные мельницы и иные сложные объекты. В 1635 г. шведский комендант Кексгольма отметил таких опытных плотников и в числе беженцев из лена: мастера проживали и работали по специальности в городах России.

Одним из ответвлений плотницкого производства являлось *судостроение*. На Свири, по берегам Онежского и Ладожского озер, на Белом море плотники–судостроители создавали корабли разных видов. Их суда использовались на рыболовном и зверобойном промыслах в штормовом Ледовитом океане, при транспортировке соли, а также для внутриозерных и речных перевозок купеческих товаров в южной части Карелии. По Ладоге и Неве на их судах купцы ходили к Балтийскому морю[122].

Торговая инфраструктура Карелии включала в себя не только специализированные районы производства и наличие скупщиков. Другим ее компонентом выступали центры торговли и транзита товаров. Сумский Посад Соловецкого монастыря, например, славился как основной торговый центр западного Беломорья по продаже соли и товаров морского промысла. Крупными торговыми и, одновременно, перевалочными пунктами для данных видов товара являлись торгово–складские поселения–рядки на Повенце и в Вытегре, а в Корельском уезде — в Сванском Волочке. Шуньга, Андома, Сумский Посад и Вытегра также специализировались на продаже товаров крестьянских текстильных промыслов. Там же продавали привозные холсты и полотно из Новгорода. Новгородцы и местные жители имели лавки и склады–амбары в Шале и на Шуйском погосте[123].

Наконец, территория Карелии с ее развитой системой озер, рек и волоков выступала транзитным звеном между морскими и крупными речными бассейнами. Белое море и Балтику связывал путь по Ладоге, Свири, Онежскому озеру до Повенца, а оттуда — по системе речек и волоков до Сумского Посада. Другая "морская дорога" проходила через среднюю Карелию, пересекая границу Корельского уезда и Лопских погостов в Поросозерской волости. Ладогу и Онежское озеро соединяли еще два пути — по рекам Олонке и Важинке. Из обеих рек по волокам суда попада-

ли в Шую, а оттуда трасса шла по воде и волокам Заонежского полуострова к Повенцу. Связь с бассейном Волги осуществлялась по Вытегре и волоку, а с бассейном Северной Двины — по Водле, Кенскому волоку в р. Онегу и ее приток Емцу. На севере Карелии имелись пути к Ботническому заливу Балтики и к озерной системе Финляндии по местным озерам, рекам и волокам. С середины XVI в. открылись морские международные порты России на Севере: сначала Кола, затем Холмогоры; с XVII в. их сменил Архангельск. В целом этот порт обслуживал до 75 % судоходной внешней торговли России с Западом. Товары из Карелии присутствовали и в этом грузопотоке.

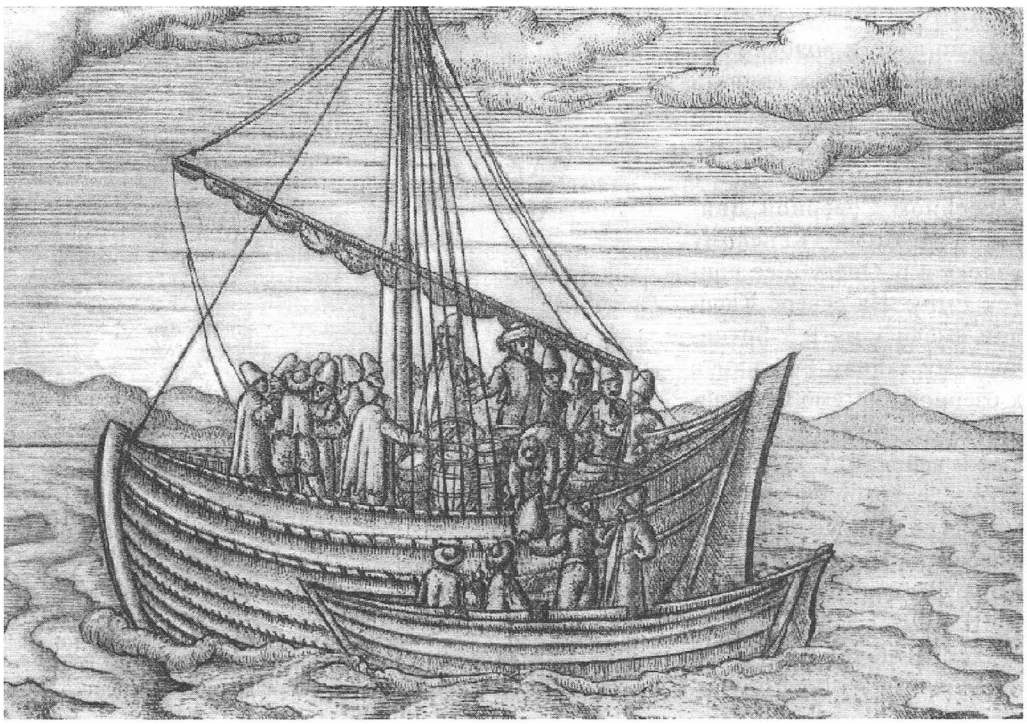


Ткацкий станок

Гораздо значительней, однако, выглядела роль Карелии в русской торговле в балтийских портах Швеции. Олонецкие купцы, наряду с новгородскими, тихвинскими и ладожскими, контролировали с русской стороны внешнеторговые операции с этой страной. Особенно выгодно для них складывалась торговля в Ниеншанце (Канцах) — шведском порте в устье р. Охты на Неве. На торговле зарабатывала и казна, скупая у купцов заграничные золотые монеты (ефимки) для поддержания курса рубля. Балтийская торговля России складывалась из продажи пеньки, "сала" (рыбьего жира), свечей, холста, полотна, кожи (в том числе знаменитой юфти). Швеция поставляла в Россию крайне необходимые ей металлы, особенно медь. Объемы взаимовыгодной торговли росли. В 1697 г. шведы поставили в Россию уже свыше 41 тыс. пудов высококачественного железа и 168 пудов меди, что составило 25 % от всего шведского экспорта металлов за тот год.

Олонец принимал иностранных купцов, особенно из Кексгольмского лена. На посаде для них был построен гостиный двор. Кроме олончан, богатые крестьяне из Лопских погостов и торговцы Кемского и Сумского острогов вели легальную и контрабандную торговлю со своими соседями в Финляндии. Иногда торговые дела отрывали лоплян и поморов на тысячу верст от дома, и не только в Москву и Новгород, куда они ежегодно привозили товары на продажу уже в первую половину XVI в., но и по всему Северу и даже в Сибирь на Ирбитскую ярмарку[124].

Выше говорилось об оптовых закупках царской казной карельской и лопской пушнины. Действительно, купцы из Кексгольмского лена обновили старые торговые пути в российские центры торговли уже в 1620–е гг. сразу же после окончания русско–шведского пограничного размежевания. Они приезжали в Россию через Олонецкий погост. Ведя оптовую торговлю пушниной партиями в тысячи штук, карельские куп-

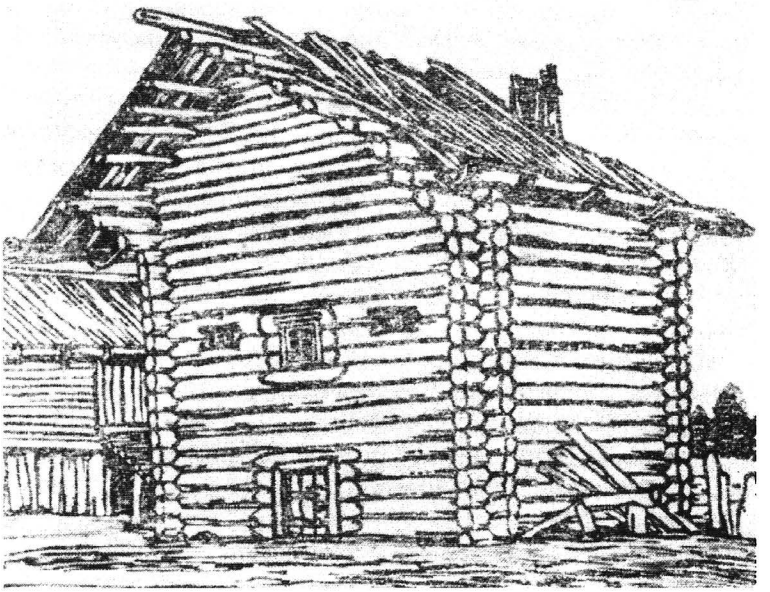


Судно поморов на севере. Конец XVI в.

цы сбывали товар на крупных ярмарках в Тихвине и Ярославле. С русской стороны торговлю регулировал приказной Олонецкого стана Дома св. Софии. Именно он давал разрешение купцам следовать в Тихвин, Ярославль и другие торговые города. Проезжие пошлины собирали олонецкие торговые целовальники[125]. Видимо, через Сямозеро и Олонец на Тихвин следовали и богатые скупщики–карелы из Лопских погостов, не "отстававшие" в торговле от соплеменников из Кексгольма. Они скупали пушнину не только в своих погостах, но и в соседней шведской Остерботнии и Каяни. Ее население выплачивало коронные налоги по старинке пушниной. Бывало так, что жители продавали всю белку карелам–скупщикам, не оставляя ничего для королевской казны. Грозные указы королей в Оулу и Каяни о запрете продажи пушнины карелам из России оказывались почти безрезультатными.

Наличие развитой торгово–производственной инфраструктуры превращало Карелию в один из районов складывания всероссийского рынка. Данный социально–экономический процесс зародился в Карелии, как и в Поморском регионе страны в целом, уже в XVI в. Повсеместное производство продукции как для общероссийского, так и регионального и местного потребления вело к развитию товарно–денежных отношений и связанной с этим дифференциацией местного крестьянского и посадского (в городах Кореле и Олонце, рядках Сванском Волочке, Повенце и Вытегре) населения по доходам и долям своих владений в общинных промыслах.

Материалы XVI—XVII вв. (писцовая документация и челобитья жителей) подразделяли крестьян и посадских на "лучших", "средних" и "молочших людей", а так-



Изба с амбаром. Конец XVIII в.

же на безземельных общинников–"бобылей" и не входивших в общину наемных работников "казаков". Но социальная дифференциация населения по признаку имущественного расслоения не являлась главной в сословно–феодальном государстве.

Коренные изменения в социальной структуре

Ведущим признаком социального разделения продолжало выступать отношение жителей к государству и частнофеодальным владельцам. С присоединением Великого Новгорода к России в конце XV в. в Карелии появился новый и многочисленный социальный слой — *черносошное крестьянство*, а в городе Кореле — *посадские люди*. Положение крестьян и посадских вытекало из сущности феодальной эксплуатации и, вместе с тем, государственного устройства России XV—XVII вв.

После 1478 г. все конфискованные в Карелии у новгородских феодалов боярщины и северные владения "пяти родов корельских детей" перешли в разряд *волости великого князя*. Термин "волость" в данном значении — это выражение собственности феодального государства на землю и ее природные богатства и, одновременно, правовое основание для властвования над населением как монарха лично, так и его управленцев (наместников, волостелей, дворецкого, казначея и дьяков). Верховная собственность на земли общин и их угодья порождали государственные налоги, прежде всего обежную и луковую дань. Таким образом, черносошные крестьяне и горожане, выплачивая дань, являлись *подданными* великих князей Московских (с 1547 г. — царей).

Характер государственного управления Россией оставался сословно–корпоративным: вместе с государем власть осуществляли представители знатных фамилий. Поэтому последние также имели право на долю в податях, именуемую *кормом*. Использование жителями в промыслах неземледельческих природных ресурсов влекло за

собой наложение еще одного налога — *оброка*; льготным же оброком облагались вновь вводимые в сельхозоборот земли. Наконец, особая роль в приграничной Карелии принадлежала общегосударственной повинности — посохе. *Посоха*, или *посошная служба*, — это временная мобилизация населения на строевую службу в войска или замена ее натуральными отработками (строительством крепостей, дорог и т.д.), а также выплаты деньгами и продуктами, шедшими на военные цели.

Юридические условия жизни черносошного крестьянства и горожан совершенно не мешали каждому из налогоплательщиков–*тяглецов* владеть выделенным ему в пределах общины участком земли и угодий, с которыми он совершал различные частно–правовые действия: передавал по наследству, продавал, дарил, завещал и закладывал местным и сторонним людям. В XVI в. государство следило лишь за тем, чтобы со всех зафиксированных в писцовой документации земель, угодий и промыслов общиной выплачивались налоги. В условиях кризиса 1570–х гг. в Карельском Поморье, например, Иван IV разрешил бобылям Керети купить опустевшие луковые угодья. Тем самым бобыли становились полноправными общинниками–волощанами, а казна получила возможность взимать с них все причитавшиеся с луков подати[126].

В начале XVII в. положение на Севере, в том числе и в Карелии, изменилось. В условиях разорения 1610–х гг. и массового бегства крестьян власти в своих интересах начали проводить политику прикрепления тяглеца к его земле[127]. Но и крестьянские миры были заинтересованы в стабилизации положения. В противном случае обезлюдевшим общинам приходилось выплачивать налоги и за остававшихся на месте, и за сбежавших, что вело к еще большему обнищанию. К 1630–м гг. населенность Карелии восстановилась, но закрепостительная политика верховной власти, усиленная принятием в 1649 г. Соборного уложения, продолжала действовать.

Правовое положение черносошного крестьянства и горожан имело некоторое отличие в зависимости от того, какого рода управление осуществлялось на той или иной территории. Корельский уезд с 1500 по 1563/64 г. управлялся с помощью наместников, и поэтому жившие тут, по преимуществу в Задней Кореле, крестьяне назывались "наместничьими": они выплачивали корм своим наместникам и именно им были подсудны. Заонежские погосты с 1496 г. по середину 1550–х гг. разделялись между государственными станами с волостелями, взимавшими корм. Местные крестьяне звались "оброчными". В Онежско–Ладожском межозерье часть крестьян проживала под управлением ведомств Дворца и Конюшенного пути, в пользу которых выплачивался оброк и производились отработки, прежде всего по содержанию двух важных торговых путей (олонецкого и важинского). Черносошное крестьянство Лопских погостов и беломорских Кемской и Шуерецкой волостей управлялось дьяками Новгорода, не имевшими права на корм. Но налоги с этих земель шли на поддержание и развитие приказной системы в Новгородской земле в целом. Наконец, Керетская волость и саами находились под властью московской Казны, где и аккумулировались собираемые тут подати.

Независимо от способа управления, все черносошные крестьяне Карелии являлись *оброчными* в широком смысле этого слова, так как выплачивали промыслово–ремесленный оброк. Выплаты подчеркивали денежную тенденцию в хозяйственном развитии края. Далее, отличаясь по административно–правовым признакам, они были весьма близки между собой по размерам и отчасти по структуре платежей[128]. С полным правом к оброчным можно отнести черносошных, с 1584/85 г. — дворцовых крестьян Заонежских погостов: сменились органы и лица управления, но правовое и податное положение их жителей осталось прежним.

Существенные коррективы в правовом статусе части заонежцев произошли лишь во второй половине XVII в. Изменения связаны с постройкой на Заонежском полуострове Фоймогубского медеплавильного и Олонецких железоделательных заводов. В течение трех лет здания Фоймогубской мануфактуры возводились с применением методов внеэкономического принуждения. Так произошло первое, пока временное, прикрепление местных крестьян к заводским работам.

Одно время на Олонецких заводах Г. Бутенанта применялся труд наемных работников из местных крестьян. Но производство росло, и вскоре обнаружилась нехватка рабочих рук. Бутенант обратился к правительству с просьбой о приписке к заводам крестьян Кижского погоста. В 1694 г. его предложение было удовлетворено. По существу, на Заонежье распространилась одна из самых тяжелых форм феодальной внеэкономической эксплуатации: труд *приписных крестьян* на заводских работах соответствовал барщине в частновладельческом секторе сельского хозяйства. Установление такой зависимости далось правительству не легко. Раньше для привлечения населения на работы заводские приказчики зачастую применяли способ закабаления (в основном, с помощью хлебных займов с непосильными процентами). Уже тогда крестьяне поднимались на сопротивление заводчику. Так, в 1684 г. кижане во главе со старостой Константином Поповым напали на Устьрецкий завод и частично его разрушили. Подавила бунт команда стрельцов.

Попытка правительства приписать крестьян всего Кижского погоста к заводским работам вызвала *Первое Кижское восстание* (1694—1696 гг.). Восстание возглавили состоятельный посадский человек Григорий Тимофеев (родом из местной деревни Филипповской) и богатая верхушка кижан, которым заводские работы грозили разорением. Власти предполагали, что приписка вызовет недовольство жителей. Поэтому вместе с подьячим Дмитрием Ермолаевым в Кижский погост был послан отряд стрельцов. Кижане встретили их весьма недружелюбно — "с дубьем" — и выставили из погоста. Настроенные решительно бунтовщики дали письменные обязательства Г. Тимофееву в том, что будут "стоять за него", что бы ни случилось. Прежде всего, кижане послали в Москву ходоков с челобитьем–протестом, чтобы мирным путем добиться от властей восстановления своих прав черносошных крестьян. Но в столице выбранных представителей арестовали и допросили в Новгородском и Преображенском приказах (последний ведал политическим сыском в России).

Выяснив намерения кижан и получив от Г. Бутенанта жалобу на "ослушников", весной 1695 г. правительство направило в Заонежье еще один стрелецкий отряд под началом стольника Преображенского приказа А. Брянченинова и подьячего Новгородского приказа П. Курбатова. Им удалось арестовать кижских старост. Узнав о случившемся, кижане в большом числе окружили стрельцов и потребовали от Брянченинова и Курбатова освободить своих вожаков. Московские посланцы не решились применить военную силу и выполнили это требование. В следующем 1696 г. к Брянченинову и Курбатову прибыл еще один отряд стрельцов в 300 человек при трех пушках. Только с их помощью удалось осуществить приписку крестьян Кижского погоста к Олонецким заводам, которые до этого, все два года восстания, не работали. Крестьяне стали "во всем послушны" Г. Бутенанту, а правительству было важно наладить производство, поэтому репрессивных мер к восставшим не применялось[129].

Государевы земли Карелии заселяло и *поместное крестьянство*. Поместья в Передней Корелe и Заонежских погостах составляли такую же часть "волости великого князя", как и оброчные черносошные земли, находясь лишь в условном владении (а не в собственности) помещиков. Поместные крестьяне выплачивали государству дань и

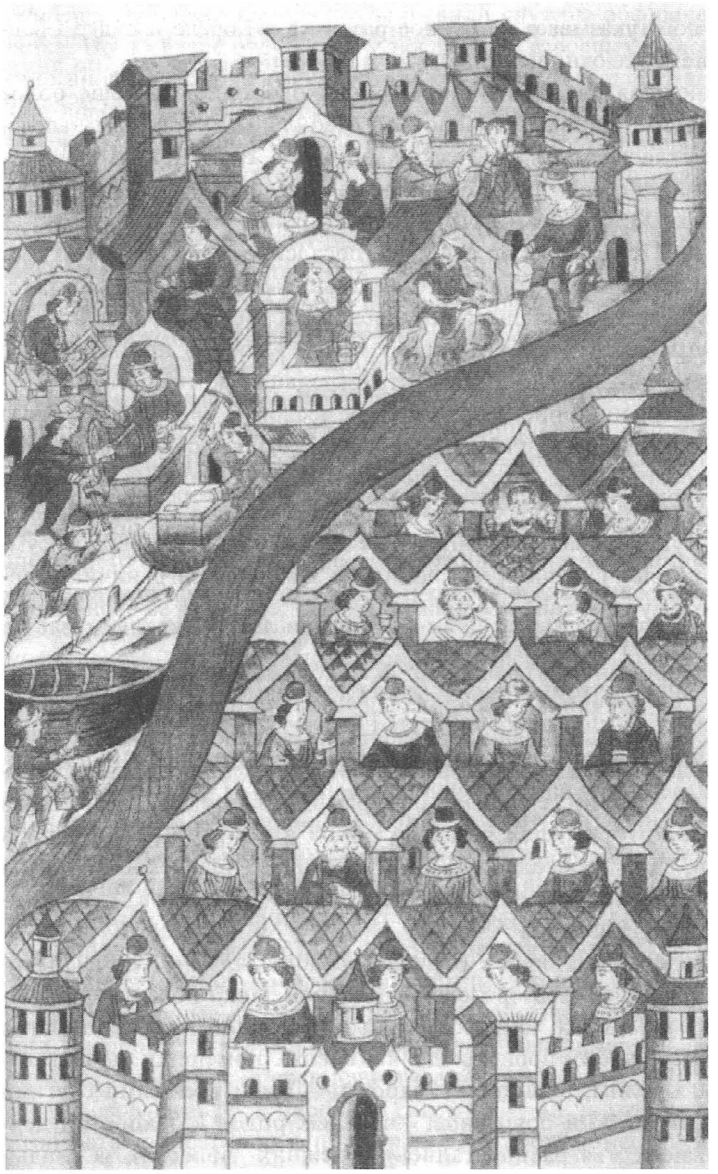
выполняли посоху. Но вместо уплаты государству оброка они несли повинность в пользу помещиков, выплачивая им феодальную ренту под названием *доход*. Поэтому в расчете на один двор налоги в казну у поместных крестьян были в 1,5 раза ниже, чем у оброчных. Но и доход помещика строго регламентировался. Его взимание не должно было вести к снижению податных возможностей поместных крестьян, "чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла"[130]. Кроме того, в Карелии, как и повсюду в стране, помещики получали доход в основном продуктами сельского хозяйства, а не деньгами, что, безусловно, тормозило развитие товарно–денежной составляющей поместной экономики.

Закон ("Судебники" 1497 и 1550 гг.) давал поместным крестьянам право на "Юрьев день" — уход в конце осени к другому владельцу или в черносошную волость; крестьянин должен был расплатиться с прежним владельцем по всем долгам. К концу XVI в. уход стал затруднительным из–за закрепостительной политики центрального правительства, заинтересованного в стабилизации поместной системы. Соборное Уложение 1649 г. вообще упразднило право на "выход". Но на всем протяжении XVII в. поместные крестьяне покидали поместья, не считаясь с новыми порядками.

Крестьяне Карелии на частновладельческих землях делились на *крестьян своеземцев* и *крестьян монастырей*. Их главное отличие от черносошных крестьян заключалось в подчинении административно–судебной власти своих господ. Своеземцы Корельского уезда и Заонежских погостов являлись местными наследственными собственниками земель, не конфискованных Иваном III. Их крестьяне в социально–экономическом смысле походили на крестьян поместных. Государству они выплачивали дань и исполняли посошную службу, а своеземцу приносили доход. Волостка своеземца, в отличие от поместья, являлась не государственной, а частной собственностью, поэтому его крестьяне находились в большей подчиненности, нежели поместные. И все же государство следило за взиманием феодальной ренты, закрепляя ее размеры в писцовых книгах: доход своеземцев, как и помещиков, не превышал пятой части от валового продукта крестьянского двора[131].

Монастырские крестьяне Карелии испытывали на себе ту же феодальную эксплуатацию, что и крестьяне своеземцев. Но вотчинная (частная) собственность монастырей на земли и угодья являлась корпоративной, то есть по существу неотчуждаемой, ибо по традиции обители не продавали, не закладывали и не завещали никому свои вотчины. В Карелии размеры вотчин главных новгородских монастырей (Юрьевского, Спасо–Хутынского, Николо–Вяжицкого, Антониева) и карельских (в XVI в. — Валаамского и Коневского, в XVII в. — Соловецкого и Александро–Свирского) значительно превосходили волостки своеземцев. Их крестьяне, выплачивая налоги государству и доход–ренту обители, могли легче осуществлять "маневр" экономическими возможностями своего хозяйства, опираясь на значительные природные богатства вотчины. Но большинство местных обителей–"пустыней" или вовсе не обладали вотчинами, или имели лишь по несколько крестьянских дворов (Успенский Муромский, Троицкий Клименецкий, Рождественский Палеостровсий монастыри)[132]. Все крупные и мелкие монастыри занимались выгодной торговой деятельностью, в которую вовлекались и их крестьяне. К тому же в крупных вотчинах они жили стабильными крепкими общинами, что, несомненно, облегчало их экономическое и социальное положение.

Наиболее развитым районом вотчинно–поместного землевладения в Карелии выступал Корельский уезд, особенно Передняя Корела. Но и там численность кресть-



Город: ремесленники и знать. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

ян у помещиков, монастырей и своеземцев не превышала 20 % от всего населения уезда: по наиболее полным данным 1500 г., им принадлежало 886 из 4439 тяглецов во всем уезде.

Кроме крестьян податное население Карелии включало горожан Корелы и рядков Сванского Волочка, Повенца и Вытегры, а со второй половины XVII в. — и нового города Олонца. К ним также относятся монастырские и черносошные торговые люди, переведенные в города из вотчин местных обителей и деревень. Двойное превышение темпов прироста городского населения над сельским в Корельском уезде в 1500—1568 гг. не только говорит о более благоприятных условиях проживания под

защитой крепостных стен, но и указывает на бурное развитие в Кореле и рядке Сванском Волочке товарно-денежных отношений.

В XVII в. товарно-денежная направленность городского хозяйства еще более упрочилась. С 1649 г. Олонец становился городом со стабильным торговым населением, в котором начинали складываться купеческие династии. В 1670-х—1680-х гг. он выдвинулся в крупнейший из северных городов России, превосходя по числу жителей тогдашние Архангельск, Холмогоры и Каргополь. Показательна и социальная структура олончан. В 376 из 726 его дворов селились посадские люди. Верхушку их составляли 60 семей наиболее богатых горожан (Свешниковых, Гуттоевых, Рухтуевых, Окуловых, Лергоевых и др.). Оставшиеся 350 дворов распределялись так: в 300 дворах проживали стрельцы, в 15 пушкари с семьями и 35 дворов принадлежало администрации и церковным людям. Напомним, что стрельцы, помимо своих прямых военных обязанностей, традиционно занимались ремеслом и торговлей, иногда в довольно крупных размерах. Но закрепление посадского (бывшего крестьянского) населения в новом городе осложнялось условиями приграничья. Крепость поначалу не могла предоставить многим достаточных средств к существованию. Уездные бюджеты первого десятилетия существования Олонца отмечали одинаковую общую сумму оброка с торговых лавок олончан; на время войны со Швецией заграничная торговля пришла в упадок. Поэтому горожане продолжали цепко держаться за свои старые деревенские участки[133].

По своему положению горожане — посадские — приближались к черносошным крестьянам, подразделяясь на "лучших", "средних" и "молочших людей". Подданные московских монархов, они выплачивали государственные налоги. Но, в отличие от крестьян, размеры их податей зависели не от запашки, а от величины дворов. Зажиточные горожане владели лавками, складами-амбарами, мельницами и богатыми промысловыми угодьями, с которых шел немалый оброк в казну. Жители города управлялись наместниками, затем воеводами. Как и крестьяне, посадские обладали общинной организацией, выбирая из своей среды старост, целовальников, "таможенных голов" и других лиц самоуправления[134].

Немногочисленное господское сословие в Карелии представляли *помещики* и *своеземцы* (*земцы*). Здесь, как и во всей Новгородской земле, помещики появились в конце XV в. Их "испомещали" на землях, конфискованных у бывшей правящей элиты Новгородской республики. По своему происхождению первые помещики — Путятины, Пушкины, Печенеговы, Савины, Барыковы, Редровы — были военными слугами и вассалами ("дворовыми" и "детьми боярскими") знатных родов Московской державы. В Передней Кореле поместья располагались в прежних "волостях за владыкою", прикрывая собой всю тамошнюю границу со Швецией. Военная служба оставалась их первейшей обязанностью, именно за нее они наделялись поместьями[135]. Поместье — условное владение на время службы, но помещик имел право на самостоятельное обустройство хозяйства: зазывал туда вольных крестьян, выдавал им в долг денежную и семенную ссуды и давал другие льготы, необходимые для устойчивого развития. Не случайно именно район поместного землевладения по южному берегу Онежского озера в первые две трети XVI в. отличался наибольшим приростом населения.

Сведения "писем" Корельского уезда 1500, 1539 и 1568 гг. указывают на соблюдение принципа наследственности условного владения. Как правило, потомки первых помещиков продолжали служить, имея те же земли, что и их отцы и деды. Наследникам поместий было легче поддерживать там доходное хозяйство, а государство, в свою

очередь, получало выгоду от исправной службы обеспеченного довольствием помещика. Но в случае отсутствия у последнего взрослых сыновей после его смерти поместье вновь отходило государству, которое размещало там нового помещика, оставляя, впрочем, малую часть бывшего владения вдове и детям "на прожиток". Поступив на службу, выросшие дети могли получить обратно старое поместье своего отца. Таким образом, правительство проводило политику стабилизации сферы поместного землевладения.

Эффективность такой политики достигалась при относительно спокойном военно-политическом положении. Разорительные Ливонская война и опричнина, однако, вынудили государство к небывало длительному напряжению всего социально-экономического потенциала страны, которое вылилось в грозный кризис. В Карелии, в частности, в 1580-х гг. поместная система потерпела крах. Так, в 1580—1581 гг. Швеция захватила Корельский уезд и удерживала его по 1597 г., а в 1611 г. она вновь овладела уездом. В результате интервенции русские помещики потеряли свои владения в Передней Корели.

Другой очаг государственного поместного землевладения находился в южной части Заонежских погостов. По своему правовому положению условнослужилого держания к нему примыкали поместья служилых "детей боярских" Дома св. Софии. Вследствие гибели помещиков в войне и разорения, в начале 1580-х гг. поместья на государевых землях исчезли; бывшие поместные крестьяне стали черносошными, в управлении — дворцовыми. Сохранившиеся в северном Заонежье четыре незначительных по размерам поместья лишь высвечивали безрадостную для правительства картину упадка всей поместной системы Новгородской земли. И к 1620-м гг. положение в сфере поместного землевладения в русийской половине Карелии существенно не изменилось: в 17 поместьях (в основном — Дома св. Софии) в "живущем" дозорщик князь Лыков застал 60 дворов крестьян и бобылей, а 169 дворов стояли пустыми. Учреждение в 1649 г. Олонецкого уезда также не принесло заметных изменений. Часть небольших поместий объединились в более крупные, но и к 1678 г. во всех 10 остававшихся поместьях насчитывалось 42 двора.

Переписи 1648 и 1678 гг. свидетельствуют, что доля запустевших дворов вследствие крестьянских побегов в небольших поместьях Заонежских погостов превосходила аналогичные запустения на смежных с ними землях густо населенных и обширных дворцовых (черносошных) волостей. Так, помещик Лаврентий Иванович Саблин жаловался в 1678 г. переписчикам, что крестьяне одной из его деревень "збежали, а дворы свои выжгли в прошлых годех". Порой число беглецов превосходило количество оставшихся, как, например, в шунгском поместьи князя Никиты Елизаровича Путятина[136].

Еще одним слоем господ в Карелии являлись своеземцы. В начале XVI в. несколько десятков их проживало в Корельском уезде как в Передней, так и в Задней Корели. Они унаследовали от своих предков — карельской знати — небольшие вотчины (волостки, в основном по несколько деревень в каждой), частью которых владели сообща по два и более своеземцев-родственников. Такое же положение характеризовало и своеземцев Заонежских погостов. В отличие от помещиков своеземцы-вотчинники могли распоряжаться землями волосток по своему усмотрению: завещать, дарить, обменивать, заклыдывать. Власти лишь фиксировали такие акты в писцовых книгах. Но если у своеземца не оставалось сына, его волостка после смерти переходила государству, которое наделяло выморочными владениями своих помещиков.

Увеличить фонд поместного землевладения в первой половине XVI в. государ-

ство пыталось и другим способом. Писцовая книга Корельского уезда 1568 г. не отметила ни одного из многочисленных в 1500 г. своеземцев — вместо них появились земцы. Но анализ имен земцев и месторасположения их владений показывает, что все они являлись прямыми потомками карельских своеземцев 1500 г. Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. проливает свет на преобразование. В Заонежских погостах тогда проживали и своеземцы, и земцы, и помещики, и "письмо" отметило каждого из них под соответствующей рубрикой. Из его материалов следует, что произошло *верстание* — зачисление части своеземцев на государеву службу. При этом своеземцы теряли вотчинные права на земли, переходившие в собственность государства: их деревни записывались в специальные "земецкие книги", после чего бывшие своеземцы получали волостки обратно, но на условиях поместного права; за хорошую службу им полагалась "поместная прибавка" землей и деревнями[137]. Такие своеземцы–помещики и назывались земцами. В приграничном Корельском уезде к 1568 г. все своеземцы оказались поверстанными на службу, обеспеченную рентой с их некогда собственных вотчин, а теперь поместий на государевой земле.

Так на примере земцев Карелии прослеживается политика государства в середине XVI в. по расширению поместной системы — включение в служилый слой помещиков нового отряда землевладельцев. И судьба земцев повторила судьбу всей поместной системы в Карелии: после Ливонской войны и шведских захватов землевладение земцев исчезло. С тех пор обычная структура населения Карелии включала: крестьян — черносошных, дворцовых, а затем и заводских, монастырских и очень немногих поместных; посадских — горожан и жителей рядков, в том числе купцов и военных (стрельцов); церковных людей (монахов, белое духовенство и причт); наконец, государственных администраторов.

Социально–экономические, этно–демографические и политические процессы, однако, не отражают всего многоцветия исторического полотна. Население Карелии, как и любого другого уголка России, создавало собственную культурную среду. Одной из главных отличительных черт культурного развития являлась его целостность, нерасчлененность на различные временные пласты, резко отличные друг от друга. Так, в области обычаев, пронизывавших все сферы народной жизни, почти невозможно отделить культурные наработки новгородской и московской эпох. Поэтому точнее говорить о традиционной культуре Карелии в целом.

3. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ

Культурное наследие Карелии эпохи средневековья и начала нового времени по праву занимает видное место в отечественной культуре. Основные направления культурного развития — устное народное творчество и верования, архитектура, живопись и книжность — воплощались в яркие образцы. Дошедшие до нас памятники культуры Карелии носят черты северной самобытности и одновременно соответствуют современным им достижениям культуры России.

Одну из наиболее значимых вершин народного творчества занимает *эпос* — ряд сказаний в песенно–стихотворной форме, отображающий исторический и жизненный опыт народа. Такие сказания связаны между собой не столько общим единым сюжетом, сколько личностью героя. Циклами сказаний, сохранившимися и впервые записанными именно в Карелии в наиболее полной форме, являются карело–финский эпос ("Калевала") и русские былины. Изначально передававшаяся в устной форме эпиче-

ская поэзия не знает твердой хронологии в повествовании; ее историзм не состоит в воспоминаниях о конкретных событиях прошлого. Эпос несет в себе некое программное заявление об идеалах общества; для него характерна оценка событий с точки зрения идеального устройства семьи, общества, государства. По свидетельству первого собирателя былин в Карелии П.Н. Рыбникова, "...былевая поэзия соответствовала нравственным запросам и идейным убеждениям крестьянства"[138].

Пройдя несколько стадий в развитии, эпос историчен как таковой. Первая, самая ранняя стадия — сказания догосударственного времени. Ярчайшим примером служат *руны "Калевалы"*, идеализирующие первобытно-родовой строй и погруженные поэтому в мифологическое время. В основе их сюжетов лежат древнейшие мифы: космологические — о зарождении мироздания и природных стихий, зооморфные — о происхождении животных, антропоморфные — о деяниях перволюдей-первопредков ("культурных героев" эпоса), мифы о появлении лесов, рыбных угодий, хлебных злаков, о первых ремеслах, строительстве первой лодки и изготовлении первого кантеле, мифы о загробном мире и тайне смерти, об умирающем и воскрешающем Боге. Все эти сюжеты отображают древнейшие виды магического и рационального способов мышления человека первобытной культуры. Калевальские руны являются памятником художественной культуры не только прибалтийско-финских народов, но и принадлежат всему человечеству.

Архаичный мир рун зародился еще до этнической консолидации карельского и финского народов. С образованием самостоятельных карельского и финского этносов постепенно заканчивалось творение новых рун. Более того, сказания стали забывать в тех местностях, где общественное сознание давно перешагнуло стадию средневековья, например, в Финляндии нового времени и у тверских карелов. Оттого лучшие образцы древних эпических рун сохранились на севере Карелии, где и были открыты для мира финским собирателем Элиасом Леннротом, творчески переработавшим их в стихотворную "Калевалу"[139].

Трудные времена перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, эпический мир Войны не обошел стороной руны. Жизнь в пограничье, научившая карелов ценить воинское искусство, и идеалы бойца, добывавшего мечом богатство и положение в обществе, ясно прослеживаются в некоторых сюжетах. Тем не менее, основной интерес и любовь рунопевцы проявляли ко времени "доброй кости", а не к веку "злого железа".

Мифические сюжеты иногда присутствуют и в русских *былинах*. Но главные направления русского героического эпоса принадлежат к другому, более позднему времени — первым векам русской государственности, отягченным яростной борьбой со Степью. Известно, что наиболее яркие в идейном отношении былины создавались в трагичные времена татаро-монгольского владычества над Русью. При этом былины не содержат и намека на удельную раздробленность, то есть на историческую реальность тогдашнего государственного устройства страны. В чем же их историзм? Прежде всего в идеалах. Главной заботой государственных мужей того времени выступала борьба за объединение государства под властью одного суверена, свободного от унизительного иноземного ига. И чаяния народа были теми же[140].

Удивительно, но факт, что былины сохранились по всему Русскому Северу в среде прямых потомков новгородцев, а не переселенцев из Ростово-Суздальской земли, несшей главное бремя борьбы с Золотой Ордой. И тем не менее именно новгородцы, казалось бы, гордые своей самостоятельностью от власти Москвы, сказывали в былинах о едином государстве под властью одного князя. В сюжетах былин отстаивание

независимости страны ложится на плечи богатырей, которым всячески мешают бояре, клевещущие на единственных защитников земли Русской. Но вспомним о поведении "простой чади" в 1470–х гг., когда Иван III устанавливал власть над Великим Новгородом. Тогда новгородские бояре остались один на один со всеми войсками объединявшейся России — народ не захотел защищать независимость своего же удельно–вечевого государства. Вот те реальные народные настроения и идеалы, которые мастерски переданы в былинах.

С созданием единого Российского государства вскоре прекратилось и складывание новых оригинальных былинных сказаний. Сказители последующих веков отлично осознавали такую ситуацию и поэтому называли свои былины "старинами", то есть повествованием о прошедшем. Неслучайно в былинах ни один из эпических героев не пользовался огнестрельным оружием, даже позднейший из них Ермак Тимофеевич, казачье войско которого в действительности покоряло Сибирское ханство отнюдь не только мечами и саблями, но и с помощью ружей и пушек.

Персонажи былин (князь киевский Владимир, богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, новгородский гусляр Садко и многие другие) имели прототипы в исторической реальности, но весьма удалены от перипетий их действительной жизни. Былины, как и карельские руны, не блещут точными хронологическими датами. Гораздо больше сходства с ходом истории обнаруживает третий цикл развития эпоса — *исторические песни*, *баллады* и *предания*.

В Карелии наиболее известны песни о времени Ивана Грозного (особенно о взятии Казани) и предания о шведской интервенции (о "панах"). Одним из древнейших исторических сказаний такого рода, видимо, следует признать предание шелтозерских вепсов о бегстве чуди, жившей в пределах будущего Вытегорского уезда, в Заволочье, во времена Василия Темного (1415—1462 гг.). Тогда "чудский князь" Аминта был разбит под Каргополем; предки современных шелтозерцев, спасаясь от погони, переправились через Онежское озеро на захваченных у Муромского монастыря лодках и обосновались на его юго–западном побережье[141].

Конечно, исторические песни, баллады, предания несут больше информации о действительных событиях, но и они нуждаются в объективной исторической критике. Вместе с тем не стоит забывать, что главный их смысл заключался в сохранении памяти, исторического опыта народа, его самосознания. И с этой основной задачей своеобразные народные устные "учебники истории" вполне справлялись. Вместе со сказками, загадками, колдовскими заговорами, свадебными песнями, похоронными причитаниями и плачами эпические сказания составили основу традиционной народной культуры — устное творчество.

Богатейшие культурные традиции хранит *архитектура* Карелии. Главным строительным материалом тут, как и по всей России, оставалось сравнительно недолговечное дерево. Но имело место постоянное воспроизводство строительных приемов. Кроме того, сохранились краткие описания зданий и их художественные изображения на иконах. Благодаря кропотливому изучению архитекторами, археологами и реставраторами способов оформления среды обитания прошедших веков можно достоверно судить о традиционном зодчестве.

Дом и двор являются основой жизненного пространства человека. Археологи выявили главные моменты застройки древних поселений корелы в городище Паасо и Тиверске. Деревянные четырехугольные срубы домов стояли на фундаментах из мелких, плотно пригнанных друг к другу камней, обмазанных глиной. Печь–каменка располагалась в центре помещения или ближе к входу. Видимо, поначалу крыши были

односкатными. О жилищах летописной веси можно сказать, что они строились из дерева, внутри имелась печь–каменка. Уже тогда вокруг домов концентрировались хозяйственные постройки. Так обстояло дело в долговременном поселении в Чёлмужах. Но на многочисленных временных стоянках ставились наземные каркасные сооружения с очагом. Такие же по типу стоянки были характерны и для кочевавших саами[142].

Переход к сельскому хозяйству как основному виду деятельности населения привел к возникновению деревень. Срубные дома тут соседствовали с хозяйственными постройками — гумном с током, овином (сушилкой для снопов), амбаром (хранилищем зерна), загонами и помещениями для скота, баней. Все эти сооружения обносились одной изгородью. Так оформлялся полноценный двор. К XVI в. даже некоторые саами, жившие по лесам в "вежах", переходили к дворовой застройке[143].

Неблагоприятный, суровый климат привел к тому, что на Русском Севере, прежде всего на Двине, в конце XVI — начале XVII вв. возник новый тип двора. Он объединил все жилые помещения и животноводческие постройки под одной крышей. В Карелии такие здания–усадьбы появились, видимо, в конце XVII в., прежде всего в смежной с Двинской землей восточной половине края. Они представлены домами *брусом* и *кошелем*.

В основе обоих архитектурных типов лежал, как и прежде, бревенчатый сруб, а особенности проявились в компоновке помещений. Жилье всегда выходило на "лицевую" сторону дома (окнами на улицу, берег). Но у дома брусом хозяйственные постройки располагались "на задах" здания, а у усадьбы кошелем часть их пристраивалась по лицевой стороне. И брус, и кошель имели высокую двухскатную крышу, конек которой проходил строго по центральной оси жилых помещений. Поэтому крыша здания брусом отличалась симметрией скатов, а у здания кошелем скат был более пологим и длинным над той частью дома, где находились хозяйственные пристройки[144].

Распространение новых видов крестьянских построек отвечало потребностям хозяйственного развития. Урожайность зерновых оставалась крайне неустойчива; до весны своего хлеба не хватало даже в благоприятные годы. Главным достоянием большинства жителей являлся скот, а не нива. Именно поэтому на Севере более развита скотоводческая обрядность, чем полеводческая. Складывавшаяся животноводческая направленность хозяйства крестьянского двора вела к тому, что постройки для скота (коровники, конюшни, ясли) с соответствующим инвентарем, сеновалы устраивались под одной крышей с жильем — для постоянного бдительного присмотра за основным имуществом семьи. Амбар, гумно, овин оставались вне здания во дворе.

Столь же явственно архитектура преломлялась через призму социально–демографической ситуации в Карелии и всего Севера. Основная часть жителей селилась "малыми семьями", но еще оставалось значительное количество и "больших семей". В конце XVII в., с введением подворного налогообложения, уже повсеместно искусственно возрождалась "большая семья". И архитектурная планировка дома брусом и кошелем творчески учла это изменение. Отапливаемое жилое помещение *изба* предназначалось для одной "малой семьи". Если в доме проживала "большая семья", то количество "изб"–комнат соответствовало числу входивших в нее "малых семей". "Избы" пристраивались в ряд друг к другу по лицевой стороне здания.

Дворы группировались в *деревни*, поначалу небольшие (в один–два двора), с невеликими полями и огородами. Именно в деревнях, а на севере края в *волостках*, проживала подавляющая часть населения. Застройка деревень удивительно гармонировала с окружающим ландшафтом. Повсюду в Карелии, как и по всему Северу,

господствовал принцип свободной планировки: дома и другие постройки ставились на неудобных для пашни и огорода местах. Вместе с тем, жесткая привязанность поселений к природной среде вызывала к жизни и другой принцип — своеобразную упорядоченность застройки, то есть ориентацию дворов на заметные компоненты местности — берега рек и озер (основных дорожных артерий). Прибрежно–рядовая застройка складывалась во времена Великого Новгорода. В дальнейшем, с развитием сельского хозяйства, стал внедряться и другой тип организации поселений: дома стали "смотреть" окнами "на лето", "на солнце" (на юг)[145]. Небольшие деревни господствовали в южной половине Карелии, у русских, карелов, в том числе ливвиков и людиков, вепсов. Северные карелы и поморы жили волостками.

Вот как выглядела беломорская волостка Шуя на одноименной реке по описанию "Дозора" 1598 г. Ее центром являлся *погост* — церковь с дворами священника, дьячка и пономаря. На том же берегу реки, на значительном удалении друг от друга, вверх и вниз по течению, стояли, соответственно, 10 и 14 дворов местных крестьян, а на противоположной стороне реки — еще 13 дворов. Возле каждого двора имелись сенокосы на 10—60 копен[146]. Это не конгломерат отдельных хуторов, а одно поселение с единым центром, жители которого составляли общину. Основные принципы застройки — свободная планировка и упорядоченность — ярко выражены и тут. Отличие от компактных деревень заключалось лишь в рассеянной в пространстве постановке дворов, привязанных к далеко отстоящим друг от друга ценным на севере сенокосам.

Поселения окружали леса, которые выступали таким же объектом активной хозяйственной деятельности, как и поля при деревнях и волостках. Именно тут локализовалось подсечное земледелие. В лесах разворачивался и доходный промысел — охота, особенно на пушного зверя. Все леса Карелии пронизывали путики — ухоженные тропы с ловушками и капканами. Архитектурно путики оформлялись *станами*, состоящими из охотничьей избушки, лавы и лабаза. Незатейливая избушка–сруб имела узкое оконце, низкий вход–лаз и каменную печь–очаг. Перед избой ставилась лава — конструктивно связанные стол и две скамьи по бокам, а поодаль — лабаз, то есть установленный на столбах небольшой сруб в виде будки, где сохранялись припасы. Станы прятались в глухих зарослях, на расстоянии одного дня пути друг от друга по путику[147].

Церкви и часовни также поначалу ставились вне поселений —при кладбище. Поэтому в писцовых книгах старинные деревни около церквей и часовен именовались так: "Деревня такая–то у погоста", или "Деревня такая–то у часовни". Кладбища являлись культовыми зонами — языческими по происхождению реликвиями, из которых запрещалось что–либо выносить в "мир". При христианизации именно там и строили церкви и часовни, зримо заменяя языческий культ предков их христианским почитанием. Но древние обряды и верования, связанные со смертью, дожили до наших дней[148], а слово "погост" (первоначально — постоянное место остановки "гостей"–купцов, затем — административный центр сельской округи и сама эта округа) постепенно приобрело новое значение — кладбище.

Деревянная церковь Воскрешения Лазаря из Успенского Муромского монастыря (конец XIV в.) — старейшая из сохранившихся в Карелии, — теперь находится в архитектурно–этнографическом музее–заповеднике в Кижах. Она же является самой древней из существующих деревянных построек страны. Конструктивно церковь состоит из трех связанных друг с другом по осевой линии срубов–клетей: алтаря, основного молельного помещения, увенчанного одной главкой–луковицей с

Церковь Воскрешения Лазаря. Конец XIV в.

восьмиконечным православным крестом, и притвора с входом. Интересно, что эта церковь, поставленная по преданию самим основателем монастыря преподобным Лазарем и освященная в честь его небесного покровителя, находилась вне стен обители: "за монастырем церковь Лазарево Воскресение древяная клетцки"[149]. "Житие" преподобного утверждает, что по соседству с Лазарем проживали "злобные язычники чудь и лопь". Возможно, церковь была построена при их кладбище или лесном святилище.

Описание погостских церквей в писцовых книгах однообразно и лаконично: на погосте церковь такая–то "древяная, с трапезою, клетцки, а верх шатром"; в церкви "образы, и книги, и сосуды, и ризы, и свечи и все церковное строение мирское". Очень редко упоминались "колокола на колокольнице", в основном колокола были свойственны монастырским церквам. Некоторые церкви XVII в. дожили до наших дней, например, на Лычном острове (1620 г.), в Линдозере (1634 г.), Варваринская в Яндомоозере (1650 г.), в Гимреке (1695 г.). Изображения церквей на чертежах (церковь св. Николая в Олонце, 1630 г.) и старинные обмеры (церковь 1683 г. в селе Деревянном), помогают восстановить их первоначальный облик.

В основе церковного здания XVII в. находился четырехугольный сруб, делавшийся тем же порядком, что и в крестьянских домах. Над четвериком — основанием — располагался восьмерик, соединенный с ним декоративным повалом (фронтонным поясом). Восьмерик служил основанием шатра, над которым высилась главка — луковица, покрытая чешуйками–лемехами и увенчанная крестом[150].

Архитектурный облик таких церквей тесно связан с основными линиями развития русского зодчества. "Шатры" стали украшать русские церкви с середины XVI в. Стройные шатровые церкви–"свечи" горделиво возвышались над городскими и сельскими строениями. Лучший пример тому — дивное сочетание шатров собора Василия

Богоявленская церковь в Чёлмужах. 1605 г.

Блаженного в Москве на Красной площади. Шатры зримо символизировали подъем самосознания и властей, и народа, вызванный освобождением от вассалитета Золотой Орде в конце XV в. и присоединением в середине XVI в. главных "Батыевых улусов" на Волге.

Общинные крестьяне и посадские люди Карелии строили и содержали церкви за свой счет, придавая им желаемый облик, отражавший их внутренние эстетические и культурные потребности. Приверженность к шатровым церквам основывалась на "приподнятости" мироощущения — господствовавшем настроении всей русской культуры XVI в. и сохранявшимся в Карелии в веке следующем.

По границе традиционных ареалов карело–людиковского, вепсского и русского расселения шатровые церкви имели и этнический подтекст. Речь идет о церквах "западно–прионежской школы". От русских людики и вепсы восприняли принцип "восмерик на четверике", но усилили его, устанавливая не один, а два восьмерика, последовательно расширявшихся кверху и заканчивавшихся высоким шатром. Таковы

церкви в Линдозере, Гимреке и последняя по времени постройки традиционная шатровая церковь России — Успения Богородицы в Кондопоге (1784 г.).

Этно–религиозные особенности проявлялись и во внутреннем устройстве храмов. Так, людики и вепсы в трапезных своих церквей ставили центральный столб, богато орнаментированный и с кронштейнами по бокам, упиравшимися в потолок. Силуэты столбов очень напоминают по форме традиционные женские фигуры с поднятыми руками на вышивках, сакральный смысл которых давно выяснен. Так что в центральном столбе трапезной выражался и культ предков, и культ священных деревьев, то есть ключевые звенья древних религиозно–магических представлений прибалтийско–финских народов Карелии[151].

Валаам. Миниатюра из "Жития Александра Свирского". Конец XVII в.

На погосте при церквах находились дворы священника и церковного причта, а также кельи с нищими. Священники не присылались епархиальными властями, они нанимались самими приходами, которые и назначали им содержание — *ругу*, в основном в виде сельхозугодий или доли в промыслах. Жившие на погостах нищие "кормились от церкви Божьей", то есть в конечном счете на средства прихожан. Высокие религиозно–нравственные основы такой формы вспомоществования покоились на общинно–приходском устройстве крестьянского мира. Сохранился интересный источник середины XVII в. — материалы обыска (опроса под присягою) олонецким воеводой крестьян Толвуйского погоста. Причиной расследования послужили претензии "толвуйских стариц" на монастырский статус и царскую ругу. Выяснилось, однако, что со времени основания церкви и погоста, "лет с четыреста", местная крестьянская община выделяла часть своих земель мирской богадельне, где доживали свой век потерявшие кормильцев пожилые люди. Такая же практика существовала и во всех Заонежских погостах[152].

Кельи с нищими существовали и при *монастырях*. Обычно монастырь имел две церкви — "теплую" (отапливаемую) и большую, в честь небесного покровителя обители. Рядом стояли кельи для братии и нищих, а также хозяйственные постройки. Монастырь окружала ограда. Каменными постройками, в основном церквами, располагали лишь самые значительные обители, такие как Валаамская и Александро–Свирская. Исключение составил и Соловецкий монастырь, архитектура которого стала вершиной каменного зодчества Севера.

Главные каменные сооружения Соловков появились в XVI в. Успенская церковь, трапезная и келарская палаты были построены в 1552—1557 гг.; величественный, лаконичный и законченный в формах Спасо–Преображенский собор возводился в 1558—1566 гг., церковь св. Николая — в 1577 г., а надвратная церковь Благовещения появи-

Изгнание крестьянами монахов. Миниатюра из "Жития Антония Сийского". 1648 г.

лась в 1599—1600 гг. Сооружение грандиозного Соловецкого Кремля относится к 1582—1594 гг. В середине XVI в. руководил строительством игумен св. Филипп Колычев, а архитектором Кремля являлся старец Трифон. Сельских жителей края, не знавших в повседневности каменного зодчества, потрясала монументальность Соловков. Во всяком случае, восторг, недоумение и даже растерянность сквозит в словах легенд о строительстве монастыря: камни возились на дровнях размером с избу, впрягали в них богатырского белого коня, камень тесал великан. А о том, что местные жители сами и возводили Соловецкий Кремль, легенда не упоминает[153].

Живой интерес вызывает и культурная сторона деятельности обителей, в том числе церковно–миссионерская и производственная. Ведь именно в повседневном ведении монастырского хозяйства население и проявляло себя, и училось новым приемам и навыкам, так как очень многие работы выполнялись руками мужиков–трудников, бельцов и послушников. На юге Карелии крупнейшими центрами культуры, в том числе производственной, выступали Валаамский и Коневский монастыри на Ладожском озере и Александро–Свирская обитель, а на севере — Соловецкий монастырь. Но следует напомнить, что в глазах жителей монастыри являлись прежде всего их богомольем, в молении "за мир" и заключалась главная ценность любой обители для окрестного населения, а не в производственно–бытовой стороне ее существования. Наоборот, материальные претензии монастырей на общинные земли и угодья всегда вызывали дружный отпор всего крестьянского мира. Более того, иногда общины оказывались сильнее монастырей и буквально выживали монахов с их вотчинных земель.

Так случилось к концу XVII в. с Петропавловской пустынью "что на три-девяти носах" в Соломенном (ныне — г. Петрозаводск). Ее келарь Арсений писал царям Петру и Ивану Алексеевичам и патриарху Иоакиму: "Пустыня, Государи, у нас, богомолцов Ваших, беззаступная, а от окольных людей и от олонецких присылок до конца изобижена и разорена, а заступить, Государи, за тое пустыню и от околных обидъ оборонить некому"[154].

Двойственная природа монашеского послушания — глубокая личная вера и хозяйственный расчет — вытекала из условий монастырского существования. Появившиеся в Карелии со второй половины XIV в. обители являлись "киновиями", то есть общежительскими по уставу монастырями (в отличие от древнейших русских келиотских монастырей, допускавших обособленное проживание иноков в кельях за собственный счет). Выжить северные монастыри могли лишь имея собственное хозяйство, но не пашенное, а торгово-промысловое, так как подавляющее число обителей Карелии или вообще не имело вотчин, или располагало крайне незначительными вотчинами в несколько крестьянских дворов. Кроме того, Север выработал новый тип черносошного крестьянина — самостоятельного и уверенного в себе хозяина. И идеи христианского просвещения местных жителей просто не могли иметь успех, если бы игумены проявили хозяйственную нерасторопность. Поэтому грамотное ведение хозяйства расценивалось обителями как проповедь христианства действенным методом экономической демонстрации, соединенной с верой[155].

Чем дальше от главных культурных и государственных центров страны отдалялись иноки, тем чаще они сталкивались с языческими верованиями жителей. В таких условиях возрастала роль личного христианского примера монахов и в целом духовно-христианской составляющей их братских общежительств. Безусловным доказательством высочайшей репутации киновий Карелии в глазах современников служат слова "Челобитной иноков царю Ивану Васильевичу" — яркого публицистического произведения середины XVI в. из круга сочинений московского монашества, которое фигурировало на "Стоглавом соборе" 1551 г. и использовалось в писаниях самим Грозным. В нем слава карельских обителей приравнивалась к духовной высоте тогдашних бастионов Православия — Кирило-Белозерского и Иосифо-Волоцкого монастырей и скитов "заволжских старцев": "... есть чин и устав преданный от преподобнаго отца нашего игумена Кирила чудотворца, его же держат во обители его неизменно даже и до сего дни, такоже и во всех заволских манастырях, и в Соловецком монастыри, такоже и на Ладожском озере на Валаме, и на Коневце, и на Сенном, такожде и во обители преподобнаго старца Иосифа, иже на Волоце"[156].

Миссионерская деятельность монастырей, безусловно, внедряла в сознание мирян догматы Православия, прежде всего, усиленное *почитание святых*, помогающих в повседневных трудах. Так, в Карелии особенно чтились святые Фрол и Лавр — покровители коней. Их иконы часто включались в состав деисусного чина иконостасов местных церквей, например, церкви Воскрешения Лазаря (иконы первой половины XVI в.). "Чудо о Флоре и Лавре" на иконе XVIII в. из Покровской церкви в Кижах происходит на фоне весело скачущих и пасущихся коней с жеребятами, сосущими кобылье молоко. Почитался и св. Власий, заступник коровьего стада. Повсюду около его часовен вывешивались крынки с молоком, сюда пригоняли коров для окропления святой водой. Символ светоносного начала св. Георгий помогал хозяйкам в свой праздник совершать весенний охранительный обряд заклинания стада.

В *обрядах* и *верованиях* оставалось еще немало места для языческих представлений. Например, у карелов ранее существовали родовые летние празднества, на кото-

Пастух и стадо. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

рых старейшины производили ритуальные жертвоприношения "белым оленем"; мясо зверя съедалось всеми мужчинами–родичами. С усилением производящих форм хозяйствования обычай видоизменился. Теперь на день св. Ильи в жертву стали приносить быка (на ладожском острове Мантсинсаари у Салми), или белого барана, как в северной Карелии. Салминцы уверяли, что "белый олень" лично дал знать старейшинам об угодности замены.

Условия проживания в северном лесном крае и религиозные установки воплощались в схожие культурные традиции. Повсеместное распространение в Карелии скотоводства вызывало похожесть "скотьих" обрядов у ее народов. Особого внимания удостаивались дни весеннего вывода скота с зимовки на пастбища. В день св. Георгия производился первый ритуал — охранительный обход скота в хлеву, сходный у вепсов и у русских. При этом вепсские хозяйки произносили заговор: "Каменная стена, железный двор от земли до неба для этого любимого моего стада". (Интересно, что те же выражения широко бытовали и в карельской народной поэзии). Затем происходил обряд жертвоприношения у священного дерева можжевельника на родовом кладбище, где покоились предки–основатели. Такой обряд существовал у вепсов, финнов и некоторых групп карелов. Сверяясь с приметами (едиными для всех прибалтийско–финских народов), выбирался день выгона скота на пастбище. У всех православных — и русских, и карелов, и вепсов, — выгон не производился в "запретные" среду, пятницу и день Благовещения. Наконец, в назначенный срок хозяйки вели свой скот к околице и передавали его на руки пастуху, который проводил магический обряд "отпуска" стада, зачастую в лесу, подальше от людских глаз[157].

Особый статус *пастухов* поддерживался верованиями в их колдовскую силу. Неспособные к землепашеству, они считались знатоками лесной жизни и языка животных. Даже их внешний вид — потрепанная одежда, но с обилием аксессуаров из бересты и дерева — означал и подчеркивал угодность лесу, его духам — "лешим". Главное орудие пастуха — суковатый посох из священных можжевельника или ольхи. В повседневной практике использовался незаговоренный дубликат посоха, но при совершении обряда "отпуска" стада требовался подлинный "колдовской" посох. Другими орудиями труда служили плеть, берестяная труба или костяной рожок, топор за поясом и сеть на плечах, также выполнявшие и обычные, и магические функции.

Древнекарельская традиция возлагала именно на пастухов исполнение ответствен-

ного оберегательного обряда "отпуска" свадебного поезда. По поверьям, совершение такого обряда (в общих чертах схожего с обрядом "отпуска стада") "спасало" едущих венчаться в церковь от превратностей пути. Известно, что дорога, путь (сквозь лес!) воспринимались на Севере как воплощение беспорядка, хаоса; по поверью, тут господствовал леший, а старательно разработанные и табуированные нормы поведения в обществе, деревне, не действовали на дороге[158]. Следовательно, свадебный поезд должен оберегаться с особой тщательностью — и не Божьей силой, которая в пути может не помочь, а колдовской, в лице пастуха, по убеждениям людей, магически подчинившего себе лесную стихию.

И все же христианство постепенно упрочивало позиции, и не только в городе, но и на селе. Примечательно христианское осмысление жизни в почитании св. Николая, епископа Мир Ликийских — заступника всех странствующих. Стремительно набиравшие силу товарно–денежные отношения приводили к небывалому передвижению населения, а пути–дороги оставались опасными, добра от них не ждали. Поэтому повсеместно в конечных пунктах промыслово–торговых трасс возводились церкви, посвященные св. Николаю–угоднику. Особенно страдали торговцы и промысловики–поморы на тяжелых морских путях и промыслах. И тут, на Крайнем Севере, св. Николай стал как бы главным святым. Следует напомнить удивительную поговорку поморов: "От Холмогор до Колы тридцать три Николы". Ее "расшифровка" такова: по беломорскому и баренцеву побережью от устья Северной Двины до Печенги стояло всего тридцать три селения, и в каждом имелась церковь или придел в церкви, посвященные св. Николаю.

Святоникольские погосты охватывали и остальную территорию Карелии. Ключевой торговый пункт на северном побережье Онежского озера "охранял" Никольский Шунгский погост, на восточном побережье Онего, на Водле, находился Никольский Пудожский погост и к югу от него — Никольский Андомский. По южному побережью тянулись земли Никольского Оштинского, а по западному — Никольского Шуйского погостов. Столь же тщательно была продумана охрана св. Николаем торговых путей в Корельской земле. В городе Кореле находился Святоникольский монастырь, а в торговом селении Сванском Волочке — церковь св. Николая. Другой торговый путь на Север, в земли саами, начинался в Никольском Сердовольском погосте (Сортавала). Центр Лопских погостов, где пересекались трассы из Поморья, Финляндии, Корельского уезда и Прионежья, занимал Никольский Паданский погост; из южно–лопского Никольского Линдозерского погоста попадали к олонецким торговым путям на Сямозере.

Значительным свидетельством повсеместного укоренения христианства явилось появление в XVI в. на Севере, в том числе и в Карелии, икон знаменитого *северного письма*. Это примечательное достижение иконографии унаследовало господствовавшие тогда традиции новгородской и московской школ, но вместе с тем обладало несомненной самобытностью. Отличительная особенность северного письма — близость к корням народной жизни, демократичность и фольклорность, порой доходившие до наивности.

Художниками–иконописцами становились посадские люди из северных городов Тихвина, Каргополя, Олонца, Холмогор, Вологды, Устюга, монахи и послушники местных монастырей, особенно крупнейших (Коневского, Валаамского, Александро–Свирского, Соловецкого, Кирило–Белозерского). "Не отставали" и иноки пустыней, священники, причт и просто крестьяне, наделенные художественным даром. Демократичность состава иконописцев и насущные потребности народной жизни приво-

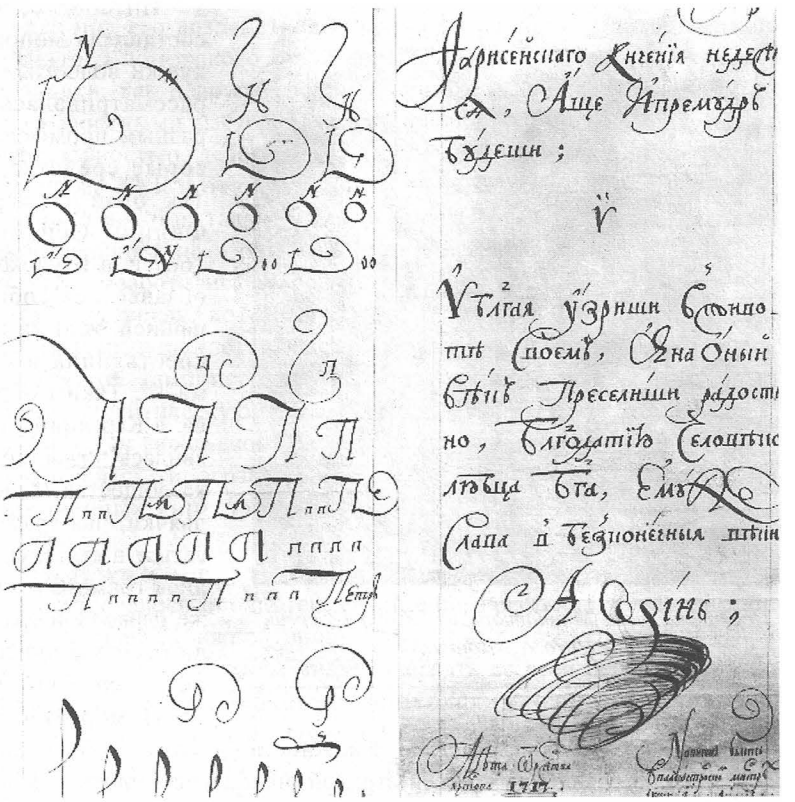
дили к тому, что северное письмо, как ни одна другая иконописная традиция в России, обладало очевидными и многочисленными связями с конкретными сторонами быта и деятельности местных жителей[159].

Одной из главных сторон жизни населения Карелии в московское время XVI—XVII вв. оказалось местное самоуправление. Жители привыкали к решению своих дел юридическим путем. В открытых судебных процессах или при заключении между собой частно–правовых сделок, или во взаимоотношениях с органами государственной власти и самим царем они выступали в качестве старост и полицейских, судей, судебных заседателей и исполнителей, истцов и ответчиков, свидетелей и просителей. Все это вело к развитию у населения (по меркам того времени) *правовой культуры*. Творя суд в первой инстанции "по Судебнику, губной и уставной грамотам", избранные лица самоуправления знали законодательство и разбирались в юридических тонкостях. Население было отлично осведомлено об устройстве органов управления страны и пользовалось этими знаниями при отстаивании своих разнообразных интересов.

Например, выполнение не устраивавших жителей царских решений о передаче волостных земель какому–нибудь монастырю в вотчину становилось для властей затруднительным делом. Зачастую такие указы не исполнялись по причине того, что проводить их в жизнь на место приезжал представитель не того государственного учреждения, к которому относились спорные земли, и тогда крестьяне выставляли посыльного из погоста. Иногда крестьянские старосты "не вставали на межу", то есть отказывались присутствовать на процедуре отвода земли, а без их участия отвод считался юридически незаконным. В этом случае власти открывали судебное разбирательство для осуждения виновных, и старосты вынужденно заключали с монастырем–обидчиком "полюбовное" соглашение о границах владений обеих сторон. Судебное дело против ослушников царской воли прекращалось, но потом выяснялось, что общинники не уполномочивали своих представителей вступать с обителью в соглашение, и тяжба вспыхивала с новой силой. Такие земельные споры тянулись десятилетиями и завершались утверждением приговора бояр самим царем, пройдя поэтапно суды всех инстанций: новгородский при воеводе, московский в Четверти, и, наконец, высший правительственный[160]. В следующий раз монастырь осмотрительнее относился к просьбам царю о земельном или промысловом приращении вотчины за счет общин, опасаясь больших расходов "на волокиту" (поездки по судам) и судебные издержки.

Практика самоуправления изменила даже внешний вид церквей. Вместо притвора при входе строили вместительную трапезу, которая служила местом собраний–*суемов* волостных крестьян. На суемах жители выносили важнейшие для себя решения о раскладке и уравнении податей, обсуждали челобитья царю, вырабатывали позицию по отношению к шагам государственной администрации. В трапезах же происходили выборы всех лиц крестьянского самоуправления, с обязательным составлением "выборных и излюбленных списков" (протоколов о выдвижении кандидатур и об избрании на должность). В соседнем с трапезой молельном помещении церкви избранные волощанами старосты и целовальники приводились к должностной присяге[161].

Активное использование столь широких прав немыслимо без наличия достаточно многочисленной прослойки грамотных людей. Действительно, в XVII в. до 15 % северного крестьянства умело читать и писать; жители Карелии не составляли исключения. Грамотные люди владели всеми способами письма. Важные челобитья на имя царя писали *уставом* и *полууставом*, то есть так же, как писались церковные богослужебные книги[162]. При письме уставом все слова писались без сокращений, в строку и

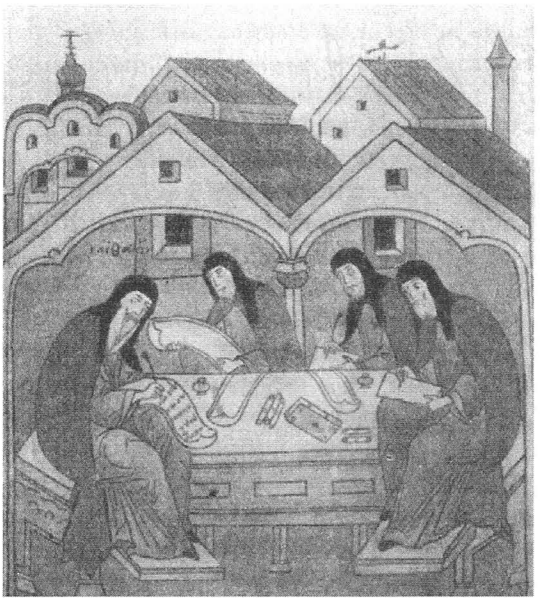


Рукописная азбука Палеостровского монастыря. 1717 г.

одинаковыми по форме написания буквами. Такой парадный, очень яркий и красивый способ написания лег в основу современной книжной печатной полиграфии. В полууставе допускалось сокращенное написание некоторых, наиболее часто повторявшихся слов ("Бъг" — Бог, "Црь" — Царь).

Устав и полуустав неторопливы. А людям все чаще приходилось браться за перо, например, для того, чтобы вести протоколы судебных заседаний, как того требовала "Уставная грамота" 1562 г. царя Ивана IV Грозного кемлянам и шуеречанам. Появилась *скоропись*. Это не только быстрый, но и очень сложный стиль письма: тут слова и сокращают, и пишутся они на двух уровнях — одни буквы в слове стоят в строке, а другие над строкой; написание самих букв теряет единообразие: одна и та же буква могла писаться пятью, а то и десятью—пятнадцатью способами, зачастую очень отличными друг от друга. Сохранился прекрасный образец скорописной азбуки из Палеостровского монастыря.

В Карелии, как и по всей Руси, мастерами скорописи являлись *земские дьячки* — выбранные крестьянами и посадскими из своей среды грамотные люди. Земские дьячки вели протоколы судебных заседаний, составляли выборную, хозяйственную, налоговую и другую документацию органов местного самоуправления. Они копировали приходившие в погосты царские и воеводские грамоты и "наказы"–инструкции. Их руке принадлежат записи актов многочисленных частно–правовых сделок жителей. В церковной сфере грамотностью отличались не только священники, но и церковные дьячки. Поэтому последние также привлекались к рукописным заботам волости[163].



Переписка книг. Миниатюра из "Жития Сергия Радонежского". Конец XVI в.

Интересно, что грамотность не составляла монополию богатой верхушки волости и посада, потому что рассматривалась жителями своеобразным промыслом, дававшим некоторые средства к существованию. Так, один из "корельских выходцев" Филипп Осипов, проживавший в 1667 г. в Шуйском погосте, не успев обзавестись собственным двором и пашней, жил на подворье у местного крестьянина и "кормился от письма"[164]. Таким образом, в XVI—XVII вв. в Карелии (и по всему Северу) появилась новая, образованная прослойка общества — земские и церковные дьячки, чья грамотность стала выливаться в светскую профессию. Обучались грамоте и письму обычно в той же церковной трапезной, где проходили суемы, а учителями были священники, церковные и земские дьячки.

Поморский регион страны славился также своей *книжностью*. Книжность — это все объективные формы бытования книги. В сравнении со всей страной, наибольшая плотность сохранившихся книжных собраний России XVI—XVII вв. падает именно на районы западного и южного Беломорья: на Соловецкий монастырь, западно–беломорские волости и Заонежские погосты Карелии, на Каргополье. Бытовавшие и сохраненные здесь книги составили основу многотысячных коллекций древнерусских книг Пушкинского Дома, Библиотеки Российской Академии наук, Института русской литературы, Российской государственной библиотеки. Насыщенная книжность Севера отчасти объясняется бережным отношением старообрядцев к произведениям церковной древнерусской литературы. Но тут имелись и другие богатые собрания.

Для Карелии основными центрами книжности выступали Соловецкий монастырь на севере и Александро–Свирский — на юге края. По всей видимости, большими книжными собраниями обладали ладожские Валаамский и Коневский монастыри. Но военное лихолетье рубежа XVI—XVII вв. нанесло непоправимый ущерб и самим этим обителям, и их библиотекам. Основу монастырских библиотек составляли богослужебные книги и "жития святых", особенно тех, кто основал данную обитель или тут монашествовал. Монастыри занимались просветительством и пропагандой своих знаменитых святых, открывая у себя мастерские по переписке их житий. Затем жития, например, Зосимы и Савватия Соловецких, Александра Свирского, расходились в большом количестве по всей стране: их продавали на ярмарках и дарили паломникам.

Культурные веяния, в том числе в области книжного дела, отражались на способах художественного оформления монастырских рукописей. Исследователи отметили, что со второй половины XVII в. в книгах издания Соловецкого монастыря появились элементы *русского барокко*. (Барокко являлось общеевропейским культурным

стилем, и Россия попала под его воздействие.) Элементы барокко соловецких книг легли в основу знаменитого поморского орнамента XVIII в. Еще в XVI — первой половине XVII вв. Соловки, как и другие первостепенные северные монастыри, не обладали выдающимися книжными мастерами. Выходившие из его стен книги не отличались особой оригинальностью, делаясь по образцу новгородских, затем московских изданий. В середине же XVII в. такие книжники появились. В частности, в Соловецком монастыре активно работал талантливый мастер Сергей Шемонин, который не только переписывал рукописи, но и редактировал их и создавал новые книги[165].

Светские власти также заботились о производстве книг. В 1680–х—1690–х гг. в г. Олонце действовала мастерская, которую возглавлял карел Давыд Дмитриевич Шаргаев — книжный мастер, переплетчик и реставратор старых книг. Он работал под руководством воеводской администрации, и книги, выпущенные из его мастерской, имея пророссийскую политическую направленность, распространялись не только в Олонецком уезде, но и среди карельского населения Кексгольмского лена[166]. Напомним, что в Кексгольме имелась типография, печатавшая религиозную литературу, и выпуск в Олонце собственных книг противодействовал, по мнению властей, протестантскому миссионерству.

Книги, особенно богослужебные, находили спрос. Конечно, в XVI—XVII вв. в крестьянских домах не встречалось библиотек. Но именно крестьяне являлись одними из активнейших покупателей книжной продукции. Дело в том, что община–приход обязана была содержать церковь, в том числе снабжать ее всей необходимой богослужебной литературой. Состав библиотек приходских церквей пополнялся житийными изданиями и сочинениями церковных авторов душеполезного свойства. На Севере на одну церковь в XVI—XVII вв. приходилось в среднем по 25 экземпляров книг.

Новым явлением культурной жизни страны стало создание в середине XVI в. собственного книгопечатного производства. В полную силу московский печатный станок заработал во вторую половину XVII в. Тогда за пятьдесят лет Печатный Двор выпустил 300 тысяч букварей и 150 тысяч учебных псалтырей и часословов. Бывало, что тысячные тиражи этих книг расходились за несколько дней. Крестьянские церковные библиотеки уловили тенденцию к переориентации книгоиздания с рукописной продукции на полиграфическую. Именно во второй половине XVII в. большинство книг в приходских церквах Карелии и Севера в целом стали составлять издания печатные[167]. Многие рукописные издания представляли собой переписанные от руки печатные книги.

* * *

С 1478 г. за два с четвертью века Карелия совершила качественный скачок в своем развитии. Бывшая аграрно–промысловая провинция Великого Новгорода обзавелась заводской промышленностью, превратившись в одну из передовых областей России. Социально–экономический переворот начался сразу же после “новгородского взятия”. Появились новые слои общества: составившее большинство населения черносошное (оброчное), затем дворцовое крестьянство, а с другой стороны — помещики и близкие им по положению земцы. Но поместное землевладение в крае не прижилось.

Карелия смогла встать в ряд развитых регионов страны при создании основ всероссийского рынка. Ее соль и изделия железоделательного промысла в больших ко-

личествах расходились по всей стране. Емкий рынок Поморья удовлетворялся в том числе и за счет крестьянского текстильного производства Онежско-Ладожского района и кораблестроения на Белом море, Онежском озере и реке Свири. Олонецкие купцы заняли одно из первых мест в балтийской торговле России со Швецией.

Органичной частью социально-политических и экономических преобразований явилось формирование системы местного самоуправления, которое стало сдавать свои позиции лишь во второй половине XVII в. Ведущей причиной тому послужили внутриполитические тенденции развития России: с середины XVI в. страна вступила на путь сословно-представительской монархии, а через столетие, с середины XVII в. явно обозначились контуры будущего режима абсолютной монархии (царизма). Постоянные административные преобразования, в том числе и в Карелии, в первую очередь обслуживали политику верховной власти.

Царизм занял довольно прочные позиции в крае к концу XVII в. Через воевод Олонецкого уезда Москва осуществляла бдительный контроль территории российской части Карелии. Подавление Соловецкого и Первого Кижского восстаний помогли монархии еще крепче подчинить себе своенравные волостные миры. На длительное административное реформирование заметное воздействие оказывал и фактор приграничного положения края. Образованные в 1500 г. Корельский уезд с сильной системой обороны, округ дворцовых Заонежских погостов (1584—1585 гг.), округ Соловецкого монастыря (1592 г.), Олонецкий уезд (1649 г.) — являлись звеньями одной цепи, усиливавшей столичное военное и гражданское администрирование приграничными землями в череде изнуряющих войн со Швецией.

Две шведские интервенции конца XVI — начала XVII вв. оказали отрицательное влияние на социально-экономическое развитие края. Вместе с тем, тогдашняя экономическая катастрофа и война способствовали увеличению волны переселений карелов Корельского уезда на север и восток. Там образовывались этнические группы северных карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков. И напротив, в целом благоприятные социально-экономические условия западного Беломорья привели к тому, что здесь начал формироваться русский субэтнос поморов.

Культурное развитие Карелии эпохи средневековья и начала нового времени воплотило в себя непростую историю края. Вслед за калевальской и былинной эпическими традициями новгородских времен искусство Карелии заблистало монументальностью Соловецкого кремля и, одновременно, шатровым великолепием сельских церквей и демократичным посадско-крестьянским северным письмом икон. Социально-экономические процессы не обошли стороной архитектурного облика деревни, особенно крестьянского двора. Упрочились позиции "скотьей" обрядности, что соответствовало объективному повышению значения животноводства в крестьянском хозяйстве. Повсеместно распространенное и длительно существовавшее в Карелии самоуправление поддерживало интерес жителей к грамоте, повышало правовую культуру.

Несомненно, к эпохе петровских преобразований Карелия подошла уже достаточно подготовленной в социально-экономическом, политическом и культурном отношении областью страны.

Глава IV

КАРЕЛИЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. КАРЕЛИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Вооруженные конфликты на территории Карелии

Заключенный в 1661 г. Кардисский договор привел лишь к временной нормализации отношений между Россией и Шведским королевством. Россия не могла смириться с потерей отторгнутых Швецией в начале XVII в. земель, дававших стране жизненно необходимый выход к Балтийскому морю. Борьба за их возвращение оставалась важнейшей стратегической задачей российской внешней политики. Окончательно утвердившийся на московском престоле после отстранения в 1689 г. от власти царевны Софьи молодой и энергичный царь Петр I в ходе "Великого посольства" в Западную Европу в 1697—1698 гг. пришел к выводу, что международная обстановка благоприятствует военному решению вопроса о выходе к Балтике. В 1700 г. Россия в союзе с Данией и Саксонией выступила против Швеции, находившейся в зените своего могущества. Так началась Великая Северная война, длившаяся до 1721 г. и вошедшая в историю как один из крупнейших международных конфликтов XVIII в.

Северная война наложила глубокий отпечаток на жизнь Карелии, непосредственно граничившей с владениями Швеции. Боевые действия, особенно в первые годы войны, развертывались в непосредственной близости, а частично, и на самой территории края. Местное население также в полной мере ощутило на себе тяготы связанных с войной петровских преобразований, призванных поднять экономический и оборонный потенциал России и обеспечить победу над одной из ведущих европейских держав.

К началу войны русское правительство не сумело провести на территории Карелии необходимых мероприятий по укреплению обороны порубежного края. В результате и Беломорская, и Приладожская Карелия оказались, по существу, беззащитными. В Беломорье основными пунктами обороны оставались Сумский и Кемский остроги. Обе крепости были деревянными и сильно обветшали, а в Сумском остроге даже обвалилась стена. После начала войны стали спешно приниматься меры по восстановлению укреплений и приведению обеих крепостей в боевую готовность. Показательно, что после поражения под Нарвой в ноябре 1700 г. Петр I отдал специальный приказ об оставлении всех пушек в Соловецком монастыре и подчиненных ему Кемском и Сумском острогах, ввиду их близости к "свейскому рубежу", хотя остальным северным монастырям было предписано орудия "прислать к Москве" на пополнение армейской артиллерии[1].

Вооруженные силы в Северной Карелии к 1700 г. были представлены лишь небольшим постоянным гарнизоном в Кемском остроге. На границе располагались незначительные заставы. Сохранилось красноречивое описание одной из таких застав. "От рубежа три дороги, — доносили крестьяне Панозерского погоста в начале

1701 г., — сирота на самой дороги летом и зимой живет, и ему дано денег от миру три рубли"[2]. Подобная стража, конечно, не могла быть эффективной. Весной 1701 г. из Архангельска для защиты края прибыли три сотни стрельцов во главе с капитаном Алексеем Капрановым, которые разместились в Кемской и Сумской крепостях, откуда они могли отражать нападения неприятеля и с суши, и с моря. Местным рыбакам запретили выходить в Белое море, где безраздельно господствовал шведский флот[3].

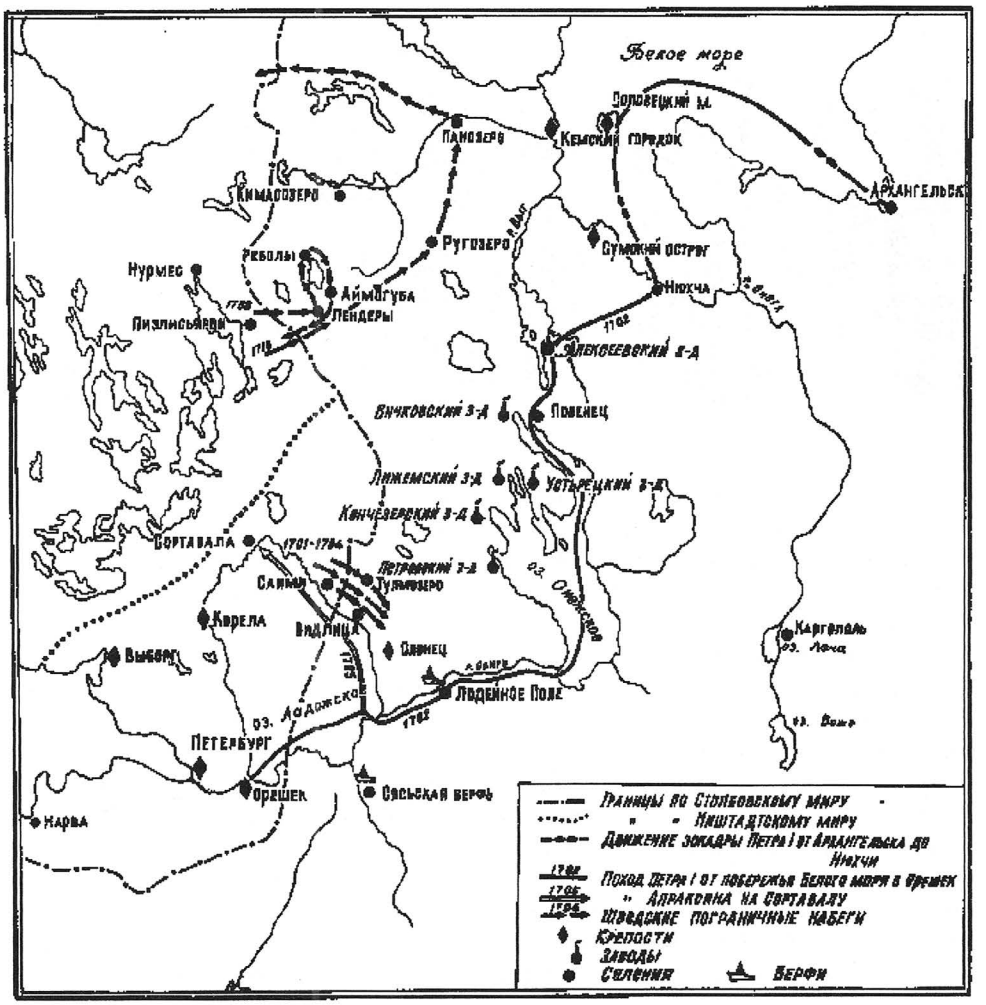
В свою очередь, шведское командование в первые месяцы войны собрало в главной приграничной крепости Северной Финляндии Каянеборге около 500 солдат и ополченцев. И все же обе стороны старались, по мере возможности, задержать начало военных действий. Как видно из "сказки" подужемцев А. Семенова и И. Александрова, "начальные люди" шведов заявили русским, посланным за рубеж "для проведывания", что "мы де рады на здешнем рубеже миру держат". При этом они ссылались на грамоты своего короля, в которых также предписывалось поддерживать мирные отношения с русскими. Жители самого Каянеборга активно ратовали за то, "чтоб никому никого не разорят, вам бы без государева указу на нас за рубеж не идти войною и нам без королевского указу к вам не идти войною"[4]. А крестьяне шведской провинции Эстерботния и сопредельных волостей Северной Карелии в конце 1700— начале 1701 гг. вообще заключили между собой пограничное перемирие. Столь своеобразная для военного времени ситуация объяснялась тем, что население Эстерботнии тогда сильно зависело от торговли с российской Карелией, откуда финны получали жизненно необходимые товары: хлеб (через Поморье), соль, сало. Поддержание мирных отношений позволяло сохранить традиционную пограничную торговлю, центром которой являлся Каянеборг[5].

В сложившихся условиях главным участком возможных боевых действий на территории края становилось Северное Приладожье. Однако и здесь оборонительные сооружения находились в неудовлетворительном состоянии: давно не ремонтировавшиеся крепостные стены Олонца — главного российского форпоста на данном направлении — во многих местах прогнили и покосились, а на ряде участков вдоль р. Мегреги обвалились до основания. С началом войны срочно приступили к ремонту стен, одновременно увеличивалась численность вооруженных сил. В Олонецком уезде приказано было набрать в солдаты "вольных изо всяких чинов людей триста человек добрых". Кроме того главнокомандующему русской армии Б.П. Шереметеву предписывалось направить в Олонец подкрепление.

Еще до развертывания активных боевых действий среди карельского населения Западного Приладожья появились желающие "присоединиться к России прежде, чем военное положение принудит к этому"[6]. Помимо общности религии существенное влияние на отношения между карелами и русскими оказывали порубежные торгово–экономические связи. Именно крестьяне–торговцы принесли весть о начале войны в Кексгольмский лен из–за пограничного рубежа. В 1700 г. группа православных карелов из Сортавалы сделала попытку бежать со всем имуществом через русско–шведскую границу, но была задержана шведами[7].

Военные действия в Северном Приладожье начались в ноябре 1700 г. Карелы из прихода Салми сообщили русскому командованию сведения о расположении и численности шведских пограничных застав. Благодаря этому русские войска из Олонца совершили удачный набег на пограничные отряды противника и увели в плен значительное число солдат, а также капитана и двух шведских помещиков[8].

Ответный рейд неприятеля не заставил себя долго ждать. В начале 1701 г. в Сал-



Военные действия на территории Карелии в годы Северной войны

минский приход Кексгольмского уезда шведы направили отряд численностью около 1000 человек. Предполагалось, что они будут наступать по дороге от Салми через Кондуши на Олонец. Это встревожило олонецкого воеводу С. Барятинского, в распоряжении которого имелось всего 954 человека, из которых обучены военному делу были только 300 стрельцов и два пушкаря, а остальные — ополченцы, спешно набранные из местного населения. Однако шведы, получив решительный отпор от гарнизона Кондушской пограничной заставы под командованием прапорщика Ходыченкова, были вынуждены отступить.

Как видно, стороны на первых порах прощупывали оборону друг друга и не ввязывались в серьезные сражения. Картину боевых действий в этот период дополняли походы крестьян–ополченцев под руководством священника И. Окулова, который, по меткому выражению Петра I, открывал своим прихожанам путь не только в царствие небесное, но и на шведскую территорию (“слыхал ли кто такое диво, что

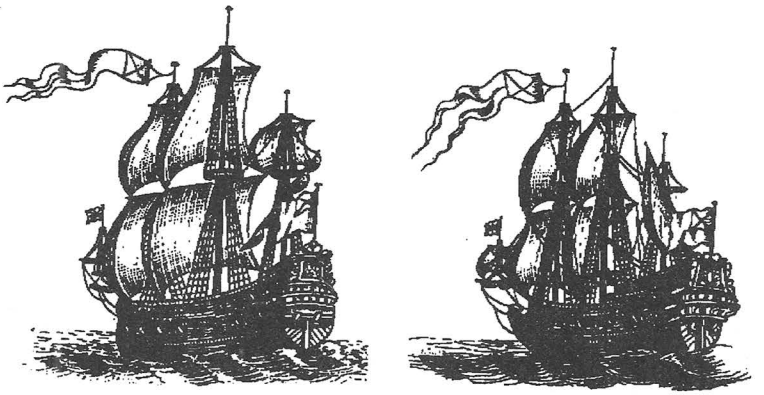
Русская армия петровского времени

поп учит духовных сынов: отворите врата купно в рай и в шведскую область!"). Смелые рейды И. Окулова снискали ему всероссийскую славу. В октябре 1702 г. воеводе Барятинскому по распоряжению царя был отправлен указ "о дозволении выходцу священнику Ивану Окулову со всеми при нем будущими охотными людьми чинить над шведами военный промысел". Воеводе предписывалось всячески способствовать деятельности карельских партизан, "давать им по желанию их к тому промыслу порох и свинец" и строжайше запрещалось чинить партизанам какие–либо "препятствия и обиды", брать взятки с их трофеев. В указе упоминалось о захваченных И. Окуловым пушках, за которые ему надлежало получить денежное вознаграждение[9].

Отряд Окулова, состоявший из 1000 вооруженных людей, хорошо знавших местность и связанных с ее жителями, представлял собой грозную военную силу. Карельские ополченцы разгромили четыре шведских заставы и тем самым уничтожили систему пограничной обороны противника на самом ответственном ее участке — вблизи Олонца и Ладожского озера. По рассказу денщика Петра I А. Нартова, в награду за успешные действия царь пожаловал И. Окулову 200 руб. деньгами, дорогую рясу, золотую медаль и распорядился построить для священника–воина дом в Олонце. Награды получили и рядовые ополченцы: каждому из них было выдано из казны "по хорошему русскому кафтану, по два рубля денег и по тесаку для обороны, впредь чтоб они носили его за свою службу"[10].

К концу 1703 г. ситуация в Приладожье претерпела заметные изменения. С основанием Олонецкой (Лодейнопольской) верфи и началом строительства Петровских горных заводов, стратегическая роль Олонца, прикрывавшего от шведских атак Прионежье и Присвирье, существенно возросла. Русское командование сосредоточило в районе Олонца до 6 тыс. человек, что составляло около 10% численности всей действующей армии. Не ограничиваясь оборонительными мерами, командующий размещенными здесь вооруженными силами воевода П.М. Апраксин, опираясь на Кондушскую и Туломозерскую заставы, организовал разведку в расположение шведских войск в 20—30 верстах западнее границы.

После проведенной разведки отряд П.М. Апраксина (1300 пехотинцев и 700 кавалеристов) в январе 1705 г., перейдя по льду Ладожское озеро, уничтожил шведский гарнизон Сортавалы и пришедшее ему на подмогу подкрепление. Два полка противника, стоявшие в 40 верстах южнее Сортавалы, заметив приближение русских, поспешно отступили. Во время операции шведы потеряли до 300 человек убитыми и 50 человек пленными. Русский отряд, подвергнув Сортавалу разорению, вернулся на



Фрегаты "Михаил Архангел" и "Ивангород". С гравюры П. Пикарта. Около 1711 г.

исходные позиции[11]. Смелый рейд Апраксина нанес серьезное поражение приладожской группировке противника и сорвал его планы предпринять поход на Олонец.

Взятые в плен под Сортавалой шведские солдаты и офицеры сообщали о тяжелых потерях в своих частях. В двух полках, в которых они служили, раньше насчитывалось до 1200 человек, но в 1704 г. под Нарвой при ее занятии русскими и в других боях потери составили до половины личного состава. К моменту похода П.М. Апраксина на Сортавалу в строю имелось около 600 человек. Последующие потери совершенно обескровили эти части. Дислоцированный южнее, в районе Выборга, корпус генерала Г.Х. Майделя численностью 8 тыс. человек не мог оказать им поддержку, поскольку отвечал за оборону Карельского перешейка.

Из–за тяжелых потерь командование противника не имело сил для проведения крупных операций на олонецком участке фронта и ограничивалось вылазками для причинения русской стороне экономического ущерба. Так, в 1704 г. шведы разорили и сожгли в селениях Кондушской волости 27 дворов, в 1705 г. в Нялмозерской волости — 7 дворов, в 1706 г. в Видлицкой волости — 26 дворов. В целом, после успешного рейда войск П.М. Апраксина, военная активность в Приладожье в течение нескольких лет была незначительной.

Одержанная в 1709 г. историческая победа под Полтавой в корне изменила ход всей Северной войны в пользу России. Русская армия перешла в решительное наступление на всех фронтах. Направленный в марте 1710 г. Петром I на Карельский перешеек армейский корпус генерал–адмирала Ф.М. Апраксина численностью 15 тыс. человек, выступив с острова Котлин, преодолел по льду Финский залив и осадил Выборг. После почти четырехмесячной осады, когда русские войска развернули активную подготовку к штурму, шведская крепость, считавшаяся неприступной, капитулировала. 14 июня 1710 г. Петр I во главе гвардейского Преображенского полка вошел в город. В сентябре того же года корпус Ф.М. Апраксина принудил к сдаче гарнизон Кексгольма (Корелы). Со взятием Кексгольма завершилась столетняя оккупация шведами Карельского перешейка. Военные действия переместились на территорию Финляндии. Угроза вторжения противника на олонецком направлении окончательно была снята.

В то же время к концу первого десятилетия Северной войны начала обостряться обстановка на северокарельском фланге русско–шведской границы. В ноябре 1708 г. шведы впервые нарушили до этого соблюдавшееся здесь "крестьянское пограничное перемирие". Их отряд перешел границу, вторгся в Ребольскую волость и сжег в пяти

деревнях Лендерской четверти 50 крестьянских дворов. Планировался и более крупный поход "на Лопские погосты, и на Кемский городок, и на Сумский острог". Однако своевременная переброска русских отрядов нарушила замыслы противника.

Наиболее значительные столкновения на северном участке русско–шведского порубежья были связаны с событиями, получившими название "сермяжной войны". В 1711 г. четверо карельских крестьян — Филипп Симонов, Степан Тийволайнен, Иван Перттунен и Яков Ремсу, невзирая на войну, привезли на продажу в Каянеборг с оплатой пограничных пошлин около 5 тыс. аршин сермяги. Но здесь выяснилось, что в округе свирепствует чума и традиционный ярмарочный торг запрещен. Торговцы оставили товар у знакомых, а через год узнали, что он был конфискован шведскими таможенниками, как якобы контрабандный. Возмущенные несправедливостью, карельские крестьяне решили отомстить виновным и пожаловались русским властям в Кексгольме, отвоеванном у шведов. Комендант Кексгольма выделил около 150 солдат. Сила была невелика, но к отряду присоединились местные крестьяне — карелы и финны, — которые решили использовать представившуюся им возможность для расправы с ненавистным шведским чиновником–арендатором С. Аффлеком, усадьба которого располагалась близ Каянеборга. В ночь на 13 марта 1712 г. сборное войско вошло на территорию Каянского лена. Вскоре город Каянеборг и несколько дворов шведских чиновников в приходах Соткамо и Пальтамо были захвачены. Однако воспользоваться этим успехом ни регулярные русские части, ни восставшие крестьяне не смогли. Русские солдаты вернулись в свой гарнизон, а восстание было подавлено шведским отрядом под руководством самого Аффлека[12].

Последним всплеском боевой активности шведов в Северной Карелии стал 22–дневный рейд отряда из Каянеборга под командованием майора С. Энберга по селениям приграничных Панозерского, Ребольского и Ругозерского погостов в марте—апреле 1718 г. Рейд носил откровенно грабительский характер. Только в Панозерском и Ребольском погостах солдаты противника изъяли у крестьян около 6 тыс. пудов зерна, угнали более 700 голов крупного и мелкого скота, забрали 228 сетей и неводов, до 3 тыс. аршин холста и много другого имущества. Грабежи сопровождались поджогами домов и убийствами мирных жителей. Полному разорению подверглось не менее десятка карельских деревень[13]. При приближении отправленного в Беломорскую Карелию с Петровских заводов русского отряда шведы отступили за границу.

Хотя в ходе Северной войны боевые действия в Карелии играли второстепенную, вспомогательную роль, их значение состояло в том, что в результате совместных усилий русских войск и местного населения удалось отстоять от шведов обширный порубежный край и созданный на его территории важный узел военной промышленности.

Закономерным итогом победоносной для России Великой Северной войны стал Ништадтский мирный договор, подписанный 30 августа 1721 г. Между Россией и Швецией устанавливался "вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде". Швеция уступала Петру I и его преемникам "в полное и вечное владение и собственность" завоеванные русским оружием Ингерманландию, Карельский перешеек с городами Выборгом и Кексгольмом, Северо-Западное Приладожье, Эстляндию с островами Эзель и Даго. Финляндия оставалась в составе Швеции.

Разумеется, категорические формулировки договора не исключали попыток реванша со шведской стороны. На риксдаге 1740 г. авантюристическая партия "шляп" — сторонников реваншистского курса в отношениях с Россией — взяла верх. Были выделены дополнительные средства на военные расходы и вскоре (июль 1741 г.) объяв-

Петр I в 1717 г. Художник Натье

лена сама война. Силой оружия шведы рассчитывали добиться изменения границ, установленных Ништадтским миром.

С началом войны Олонец вновь стал одним из основных центров сосредоточения русских войск. Для прикрытия северного фланга границы со Швецией небольшие отряды русской армии прибыли в селения Лопских погостов. К организации отпора шведам активно привлекалось и местное население. Как видно из доношения в Олонецкую ратушу "посадского человека" Родиона Протопопова, в 1741 г. посадские жители Олонца получили распоряжение "сообщась следовать с гусарскими полками для поиску и силного отпору над неприятелем". А поскольку выяснилось, что находящееся в городе казенное оружие "не токмо к действию, но и к починке состоит весьма негодное", да к тому же не достает и пороха, то "обыватели" получили приказ прибыть с "домашним ружьем"[14]. Для ведения операций в зимнее время командование предписывало создавать карельские лыжные отряды, "как то и в преждебывшую войну с немалою пользою происходило".

На крестьянское население прифронтового края, как и всегда в военное время, возлагались тяжелые дополнительные повинности по обеспечению нужд действующей армии. Крестьянам надлежало выделять стрелков на заставы, обеспечивать их

одеждой и провиантом, предоставлять подводы для перевозки разнообразных военных грузов, поставлять продовольствие и фураж для воинских частей, причем нередко без всякой оплаты. Их привлекали и к строительству оборонительных сооружений. В частности, летом 1741 г. приписные крестьяне Петрозаводского уезда, несмотря на страдную пору, ежедневно выставляли по 300 работников на строительство укреплений вокруг Кончезерского завода, возводившихся на случай возможного прорыва неприятеля в глубь Карелии.

Боевые действия в войне начались с нападения шведов на русские пограничные заставы в Приладожье и похода их ударной группировки на Выборг. Однако дойти до Выборга не удалось. Русские войска остановили продвижение противника, перешли в контрнаступление и в первом же крупном сражении под крепостью Вильманстранд 23 августа 1741 г. нанесли ему поражение. Крепость, служившая шведам опорным пунктом для вторжений в российскую Карелию, была взята. Зимой 1741/42 г. войска обеих сторон стояли на зимних квартирах. Русские отряды сосредоточивались в основном в районах Выборга, Кексгольма, Сердоболя (Сортавалы) и Олонца. Они несли караульную службу и совершали отдельные разведывательные вылазки на территорию противника.

С наступлением весны военные действия возобновились. Так, уже в апреле 1742 г. пехотная рота Венгерского полка и "доброконная гусарская команда" численностью 250 человек выступили из Сердоболя "за границу на неприятельскую землю, для поиску над противником и для причинения ему наичувствительнейшего вреда". Но поход прошел неудачно: "неприятельских жилищ обыватели из домов своих разбежались по лесам и по горам". Довольствовавшись сожжением десяти деревень и пленением одного местного жителя, отряд вернулся в Сердоболь. Причиной неудачи, возможно, стала договоренность, достигнутая между жителями Иломанского погоста и сопредельных российских погостов, также населенных карелами, об отказе от приграничных столкновений и взаимном предупреждении о действиях армии. Как явствует из донесения командующего русской армией генерал–фельдмаршала П.П. Ласси в правительствующий Сенат, крестьяне, обитавшие по обе стороны границы, "дали... присягу и крестное целование, чтоб те деревни, в которых живут они, как на шведской стороне, так и на российской, домов их и пожитков воровски не разорять, а жить по–прежнему в соседстве, а что слышно будет о приходе российского войска, то дать известие"[15].

Вскоре русские войска, прикрываемые с моря эскадрой адмирала З.Д. Мишукова, развернули крупномасштабное наступление вдоль южного побережья Финляндии. Они овладели опорной крепостью шведов Фридрихсгамом, а затем в результате умелого маневра блокировали основные силы противника в районе Гельсингфорса. В августе 1742 г. шведская армия была принуждена капитулировать, что предрешило оккупацию русскими войсками почти всей территории Финляндии.

В отличие от основного прибалтийского театра боевых действий, активность сторон на фронте к северу от Ладожского озера в течение войны проявлялась, главным образом, в локальных приграничных стычках и взаимных разведывательно–диверсионных рейдах, от которых страдало прежде всего крестьянское население. Так, жители Лопского Селецкого погоста в 1742 г. сообщали в Олонецкую воеводскую канцелярию, что от неоднократных набегов шведских отрядов в погосте уничтожены три деревни и "в них две часовни... до основания разорены и вызжены все без остатку, крестьянской скот и всякая домовая их рухлядь вся пограблена и... из ста душ... шведами побито десять человек до смерти, а остальные от страху разбежались"[16]. Анало-

гичные события имели место и в соседних Ругозерском, Шуезерском и Ребольском погостах. Как видно из доношения Новгородской губернской канцелярии в Сенат, в эти погосты в августе 1742 г. "пришед из Финляндии из Лексинского и Иломанского погостов финские обыватели двумя трактами до ста человек с ружьем" и в десяти поселениях "дворы... разорили и выжгли, и имения их крестьянские, и скот пограбили, свезли с собою в Финляндию"[17]. В свою очередь, полковник Виткович, руководивший одним из ответных рейдов на шведскую территорию, который был предпринят в декабре 1742 г. из д. Лубосалмы Селецкого погоста, докладывал об итогах операции следующими, весьма красноречивыми, словами: "как хоромное строение до основания, також и хлеб, в скирдах рожь и прочую пашню около деревни и в прочих местах разорено и живущих в тех деревнях обывателей швецких мужеского и женска полу робят, где что нашед, с их конями и скотом все забраны"[18].

Заключенный по окончании войны в августе 1743 г. в Або мирный договор между Россией и Швецией не в полной мере отражал результаты побед, одержанных русскими войсками. Россия приобрела лишь незначительную, хотя и стратегически важную территорию в юго-восточной Финляндии, в районе реки Кюмень с городами–крепостями Вильманстранд, Фридрихсгам и Нейшлот. Гораздо более значительными были уступки Швеции в династических вопросах: зная о тесных связях Романовых с Гольштейн-Готторпами, риксдаг обещал избрать наследником шведского престола Адольфа Фридриха Гольштейн–Готторпского, за что императрица Елизавета и вернула Швеции большую часть Финляндии.

Таким образом, новый мирный договор не мог вполне обезопасить границы Карелии. И хотя приграничные конфликты угасли, угроза нападения сохранялась. В 1788 г., воспользовавшись отвлечением основных сил России на войну с Турцией, новый шведский король Густав III двинул войска на Петербург.

Реваншистские планы шведов стали известны русскому правительству задолго до вторжения, поскольку оно располагало собственными агентами в руководстве сопредельной страны. Уже в 1786 г. Екатерина II, сообщая Олонецкому и Архангельскому генерал–губернатору Т.И. Тутолмину о военных приготовлениях Швеции, в частности, предписывала: "Состоящий в Олонецкой губернии Белозерский пехотный полк, по лучшему на месте благорассмотрению, расположить таким образом, дабы он, охраняя часть Олонецкой губернии противу шведской Карелии и заводы, мог противустать всякому покушению в ту сторону"[19].

Заблаговременно были приняты меры и по улучшению охраны русско–шведской границы. Только на территории Повенецкого уезда располагалось 11 пограничных застав, на которых постоянно находилось 20 военнослужащих (рядовых, сержантов и капралов). Эти заставы, конечно, не могли сдержать наступление противника[20]. Их задача состояла в ином: наряду с осуществлением таможенного контроля они вели сбор оперативной информации обо всех мероприятиях противника в приграничье.

К числу благоприятных для русской стороны факторов следует также отнести разногласия в стане противника. Дворянская оппозиция, считая единоличное решение короля Густава III о нападении на Россию антиконституционным, организовала в Финляндии "Аньяльский союз", названный так по финскому местечку Аньяла. Офицеры — участники союза требовали от короля прекращения незаконной войны, возврата к конституционному правлению и начала переговоров с правительством Екатерины II. Они даже вступили в мирные контакты с русским правительством[21]. Негативно относились к новой войне и финские крестьяне, из которых шведские власти пытались сформировать ополчение. Авантюристический характер военных дей-

ствий был слишком очевиден, а привлечение ополченцев к участию в длительных походах и боях оказывало пагубное воздействие на крестьянское хозяйство.

И все же военное вторжение Швеции, даже ослабленной внутренними противоречиями, представляло серьезную угрозу для России, в первую очередь, для ее северо-западных земель. Началось пополнение воинских частей, находящихся на территории Карелии. Белозерский пехотный полк был доукомплектован и приведен в состояние повышенной боевой готовности. Кроме того, по предложению Т.И. Тутолмина, направленному в Петербург в ноябре 1788 г., из бобылей Выборгской губернии, изъявивших желание поступить на военную службу, был сформирован Олонецкий минерный батальон "для закрытия обширных границ Олонецкой губернии". В дальнейшем, после участия в боевых действиях, этот батальон дислоцировался в Петрозаводске на Александровском заводе[22]. Для пополнения вооруженных сил командование начало мобилизацию "стрелков" из местных жителей, "поощряя обещанием, что всякий из них" по окончании военной кампании "в домы отпуск получит и никогда уже впредь лично в рекруты взят не будет"[23].

Общая численность войск, привлеченных к боевым действиям в 1788—1790 гг. составила, по данным Государственного Совета, егерский корпус, 12 мушкетерских полков, три карабинерных, два кирасирских, драгунский, гусарский и гренадерский полки, 1100 донских казаков, 1500 "башкирцев".

Выполнение вспомогательных работ по обслуживанию нужд действующей армии в прифронтовой полосе (перевозка провианта и военных грузов, расчистка дорог, содержание кордонов и др.) вновь было возложено на местное крестьянское население. В пределах Олонецкого наместничества к таким работам особенно активно привлекались крестьяне Шуерецкой, Сороцкой, Колежемской, Нюхотской, Вокнаволоцкой, Шиженской, Летнерецкой волостей, Панозерского, Паданского, Ребольского и Ругозерского погостов[24].

Принятые правительством России меры по организации отпора противнику достаточно быстро увенчались успехом. После того, как попытки шведского командования создать сколько-нибудь значительное ополчение из финских крестьян провалились, военные действия ограничились несколькими приграничными столкновениями. Главную неудачу шведы потерпели на море: в августе 1789 г. в бою у Роченсальма (близ г. Котка) шведская эскадра была почти полностью уничтожена. 3 августа 1790 г. в финской деревне Вереле был заключен мирный договор, не внесший никаких территориальных изменений и подтвердивший статьи Ништадтского мирного договора.

Многовековое российско-шведское противостояние завершилось войной 1808—1809 гг. Начиная кампанию, правительство Александра I учитывало рост сепаратистских настроений в Финляндии и стремилось к ее отторжению от Швеции. На этот раз война непосредственно не затронула территорию Карелии. Главными опорными базами для русских войск послужили ранее отвоеванные у Швеции крепости в юго-восточной Финляндии — Фридрихсгам, Вильманстранд и Нейшлот. Русская армия, численно превосходившая шведские силы, которые придерживались оборонительной тактики, к концу 1808 г. заняла почти всю Финляндию, а затем перенесла боевые действия на территорию Швеции. Возникшая угроза Стокгольму вынудила короля Карла XIII начать переговоры с Россией, которые завершились 5 сентября 1809 г. во Фридрихсгаме подписанием мирного договора. По новому договору Финляндия отходила к России на правах автономного великого княжества, что существенным образом меняло и геополитическое положение Карелии. Бывшая граница со Швецией, откуда на протяжении многих веков на карельскую землю не раз приходили война и

разорение, становилась безопасной, мирной границей с автономным государственным образованием в составе Российской империи.

Начало XIX столетия ознаменовалось для России тяжелыми военными столкновениями с наполеоновской Францией. Их отзвуки так или иначе затрагивали и Карелию. Уже в 1805—1807 гг., когда война с Наполеоном в Западной Европе вызвала острую нехватку войск, Александр I подписал манифест "о составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции". В соответствии с этим манифестом Олонецкая губерния должна была выставить в ополчение 6 тыс. человек. Однако новый манифест от 9 марта 1807 г. уточнил, что вооружить и подготовить к военным действиям нужно лишь 2 тысячи.

Олонецкое ополчение, сведенное в батальон численностью около 1,5—2 тыс. ратников, успело принять участие в неудачном для русской армии сражении с французами под Фридляндом в июне 1807 г. После окончания войны в сентябре 1807 г. большинство обученных ратников были переведены в солдаты.

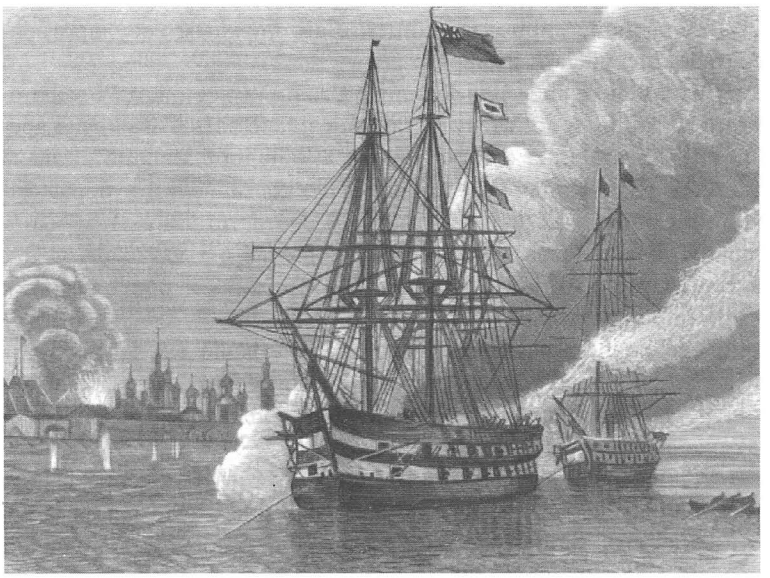
Создание нового ополчения было вызвано вторжением армии Наполеона в Россию. 26 июля 1812 г., по инициативе М.И. Кутузова, возглавлявшего в то время войска Петербургского округа, Комитет министров принял решение о сборе в Олонецкой и Вологодской губерниях по 500 стрелков–ополченцев. Из олонецких и вологодских стрелков были сформированы 17–я и 18–я дружины петербургского ополчения численностью соответственно 600 и 781 человек. Боевой путь олонецких ополченцев не изучен, но известно, что они находились в рядах русских войск, вступивших в 1814 г. в Париж[25].

Активное участие в войнах с наполеоновской Францией принимал и 20–й (впоследствии 103–й Петрозаводский) егерский полк, сформированный в 1803 г. преимущественно из рекрутов, набранных в Олонецкой губернии. Начало Отечественной войны 1812 г. полк встретил на западной границе в составе 1–й армии М.Б. Барклая–де–Толли. Находясь в арьергарде, участвовал в боях под Витебском и Смоленском. В Бородинской битве он действовал на правом фланге против французского корпуса генерала Жюно. После оставления Москвы полк участвовал в сражении при Тарутине 6 октября 1812 г., потеряв убитыми и пропавшими без вести 145 человек[26].

С окончанием Отечественной войны 1812 г. для Карелии наступил один из самых длительных в ее истории мирных периодов, который был прерван событиями Крымской войны 1853—1856 гг., когда на территории края имели место локальные столкновения, связанные с блокадой морских побережий России союзниками Турции — Англией и Францией.

В начале июня 1854 г. в российские воды Баренцева и Белого морей вторглась соединенная эскадра английских и французских кораблей. Десять крупных фрегатов и других судов, имевших на вооружении почти 250 орудий и команду свыше 2500 человек, блокировали здесь основные морские пути и создавали реальную угрозу высадки десанта.

В Карельском Поморье в это время дислоцировалась всего одна воинская команда из 73 "нижних чинов" во главе с офицером, которая предназначалась для охраны и конвоирования арестантов, а также несения караульной службы у казенных складов. Непосредственно охрана побережья осуществлялась Кемской и Сумской дистанциями отдельной беломорской роты пограничной стражи в составе всего лишь сорока человек. Кроме Кеми и Сумского Посада, погранпосты располагались в Колежме, Нюхче, Сороке, Шижне и Шуерецком. Небольшая русская военная флотилия прикрывала район Архангельска и в открытое море не выходила. Поморские селения



Бомбардировка Соловецкого монастыря английской эскадрой. Из кн. "Живописная Россия". Т. I

остались беззащитными. В целях организации самообороны власти раздали крестьянам несколько сотен ружей и направили в крупные селения для руководства крестьянскими отрядами лесничих офицерского звания и унтер–офицеров.

Неприятельская эскадра приступила к грабежу торговых и рыболовецких судов в Белом море. Только за первую неделю было сожжено и разграблено более 20 судов. 6—7 июля 1854 г. английские корабли "Бриск" и "Миранда" подвергли обстрелу из орудий Соловецкий монастырь, однако защитники обители (инвалидная команда, монахи, трудники, ссыльные) действовали мужественно и не допустили высадки десанта.

20 июля 1854 г. английский паровой фрегат "Эвридика" стал на якорь в девяти верстах от с. Кандалакши. На следующий день на двух шлюпках и четырех баркасах к берегу направился отряд из 150 человек, вооруженных пистолетами и саблями. Английские моряки пробыли в Кандалакше, большинство жителей которой оказалось в это время на покосах, около двух часов. В одной из церквей они забрали медный крест, на улице прихватили 15 кур и полугодовалого бычка, из питейного дома — около трех ведер вина, а из становой квартиры — 10 фунтов сальных свечей. Аналогичные налеты, принесшие в совокупности крестьянам–поморам ущерб в 4 тыс. рублей серебром, были совершены также на Кереть и Ковду.

К навигации 1855 г. оборона Карельского Поморья была усилена. Численность воинской команды в Кеми увеличилась до 143 человек за счет перевода сюда гарнизона из сожженной англичанами Колы. Для действия против кораблей противника вдоль фарватера в устье р. Кеми на подходе к городу были установлены 3 батареи из 9 орудий. Батарею установили и у Сумского Посада. Пушки и боеприпасы местные жители привезли из Архангельска за свой счет. В каждом поморском селении было организовано патрулирование побережья. Улучшилась выучка и организованность отрядов самообороны.

Едва закончились приготовления, как семь вражеских судов с командой в 1200 человек вошли в Белое море и возобновили разбойничьи нападения на рыбацкие суда и мирные селения. 6 июля 1855 г. в 4 часа утра английский пароход стал на якорь в

150 саженях от Кандалакши. К берегу направились три гребных судна с вооруженными людьми. Но на этот раз англичан ожидало вооруженное сопротивление, которое возглавил лесничий Бабадин. Крестьянский отряд численностью в 52 человека заставил противника вернуться на пароход. Тогда, под прикрытием орудийного огня, англичане направили в сторону села усиленный десантный отряд. Но и новая акция потерпела неудачу. Укрывшиеся в засаде на берегу восемь крестьян–охотников убили четырех и ранили несколько матросов противника и не допустили высадки десанта. От обстрела в селе начались пожары, которыми было уничтожено 46 домов, 29 амбаров, хлебный общественный магазин (склад) и рыболовные снасти[27]. Однако потерь в личном составе защитники села не имели.

7 июля тот же английский пароход подошел к Керети. Крестьянский отряд самообороны под командованием лесничего поручика де Ремера занял боевые позиции и подготовился к отражению врага. Но, сделав промеры фарватера, англичане не решились атаковать село.

Столкновения поморских крестьян с вооруженными отрядами передовых европейских держав стали последним военным испытанием, выпавшим в XIX столетии на долю жителей карельского края.

Административные реформы

Административную деятельность в России XVIII в. невозможно представить без широкого привлечения крестьян к исполнению разнообразных "служб": от починки мостов до поимки разбойников. К важнейшим относились выплата подушной подати, исполнение рекрутской повинности, а в Карелии и вспомогательные заводские работы. Все эти службы обеспечивались круговой порукой всего крестьянского "мира"[28].

Управление крестьянским миром осуществлял довольно многочисленный административный аппарат, не обременительный для государства, но обеспечивавший исполнение возложенных им на крестьянство задач. Наиболее авторитетным органом управления на селе был мирской сход. На нем, как правило, присутствовали представители деревень. На сходах производились выборы на вакантные мирские должности, осуществлялась раскладка повинностей, выделение целовальников в соляные магазины. Известны случаи, когда отдельные крестьяне обращались к мирскому сходу за помощью и поддержкой в трудные моменты жизни[29].

В промежутках между сходами административно–управленческие задачи возлагались на старосту. Судить о компетенции старосты в первой половине XVIII в. позволяют, в частности, материалы фонда Олонецкой воеводской канцелярии. Староста занимался организацией сбора налогов и исполнения натуральных повинностей (распределение объема работ между дворами, высылка на работы), решением многих спорных вопросов землеустройства и землепользования. Он отвечал за весь "мир" перед вышестоящими органами власти, доводил указы и распоряжения центральных и местных властей до сведения крестьян[30]. В дальнейшем — во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. — круг полномочий старосты претерпел лишь незначительные изменения.

Избрание старосты оформлялось "выбором" — особым документом, содержащим краткую характеристику кандидата на должность, свидетельство о самом факте избрания, а также "рукоприкладства" "мирских людей", участвовавших в выборах. После избрания на сходе староста должен был получить утверждение в воеводской канце-

лярии или, после создания губернии, в нижней расправе. Старост волостей, входящих в Олонецкий горный округ, утверждала заводская администрация. Система утверждения предлагаемых крестьянами кандидатур таила в себе возможность злоупотреблений или нарушения крестьянского права на выбор.

И действительно, случаи игнорирования крестьянской воли имели место. Так, в 1772 г. после подавления Кижского восстания начальник следственной комиссии генерал Лыкошин после консультаций с "лучшими людьми" от каждой волости по своей воле определил в старосты таких крестьян, которые во время восстания "с ослушниками и противниками согласия не имели"[31]. Однако обычно сельская администрация все же избиралась на сходе, поскольку подбор кандидатов, пользующихся доверием и уважением односельчан и способных в силу этого осуществлять управленческие функции, был слишком сложным и деликатным для органов власти делом.

Наделенный обширным кругом обязанностей и располагающий значительными правами староста должен был иметь в своем распоряжении помощников, как постоянно занимающихся "мирскими" делами, так и выполняющих разовые поручения. К их числу относились, прежде всего, так называемые "сборщики", на которых возлагались обязанности по сбору налогов (как государственных, так и внутримирских), а также выколачивание ("правеж") недоимок. С 1787 г. в номенклатуре сельского управления появилась должность выборного помощника старосты[32]. Другим ответственным лицом был десятский, который выполнял свои обязанности в течение одного года, проводил деревенские сходы, являлся помощником старосты при решении мирских дел и участвовал в общих "мирских" и волостных делах[33].

К числу должностных лиц, выполнявших разовые поручения, относились, прежде всего, мирские посыльщики. По различным делам, требовавшим решения в органах государственной власти, крестьяне отправляли обивать пороги присутственных мест одного из представителей своего "мира", как правило, избранного на сходе. Наиболее типичными делами являлись просьбы о снятии или уменьшении дорожной повинности, выплате денег из казны за ямскую гоньбу, разрешении рубить лес на домашние надобности. Кроме того, крестьяне жаловались на купцов и монастыри, просили рассудить в земельных спорах и т.д[34].

Другой важной должностью, исполняемой по договору и чаще всего за плату, была должность "мирского пищика", в обязанности которого входило составление прошений, снятие копий с указов и "рукоприкладство" под документами за "неумеющих грамоте" крестьян. Довольно часто "пищиками" нанимали священно– и церковнослужителей. Как явствует из "ведения", направленного Олонецкой духовной консисторией губернатору в 1791 г., консистория "усмотрела из многих дел", что дьячки и пономари, служащие в Олонецкой епархии, "у крестьян в земских избах писменные мирские дела за некоторую от тех крестьян определенную плату исполняют, от чего в праздничные дни, в которые по большей части крестьянские дела исправляются, те дьячки и пономари от церквей своих отлучаются и более с ними общаются, нежели при церквах и при своих должностях"[35].

В компетенцию "мирских" должностных лиц, как говорилось выше, входили также раскладка и сбор налогов. Все налоги, взимавшиеся с крестьян в XVIII — первой половине XIX вв., можно подразделить на три группы: общегосударственные, местные и смешанные. Общегосударственные повинности, оброчная и подушная подати учреждались центральными органами власти. Местные назначались губернскими и уездными инстанциями, смешанные устанавливались как центральными, так и местными органами власти.

Подушная подать взималась с каждой ревизской души по спискам, которые составлялись старостами при проведении очередной ревизии. Подушная подать составляла в 1794 г. 1 руб. 2 коп. ассигнациями (70 коп. серебром) с ревизской души, в 1797 г. — 1 руб. 28 коп. (93 коп. серебром), в 1810 г. — 2 руб. (51 коп. серебром), в 1812 — 3 руб. (66 коп. серебром). После денежной реформы 1839—1843 гг. все повинности стали исчисляться в серебре. Подушная подать в 1839 г. составляла 95 коп., а в 1861 г. — 1 руб. серебром[36].

Непостоянной была и оброчная подать, взимавшаяся в казну с государственных крестьян. Она рассчитывалась по душам, вне зависимости от величины дохода крестьянского двора. В 1794 г. правительство разделило все губернии России в отношении размеров оброчной подати на 4 класса. Северные губернии — Архангельская и Олонецкая — были отнесены к низшему4 классу. В 1797 г. оброк с души в губерниях этого класса равнялся 3 руб. 57 коп. ассигнациями (1 руб. 61 коп. серебром), в 1810 г. — 5 руб. 57 коп. (1 руб. 41 коп. серебром), в 1812 г. — 7 руб. 50 коп. (1 руб. 89 коп. серебром), в 1839 — 2 руб. 51 коп., в 1861 г. — 2 руб. 25 коп серебром[37].

Вторую большую группу налогов составляли земские сборы. В 1834 г. был создан земский капитал для оказания помощи губерниям, жители которых пострадали от стихийных бедствий. Этот сбор, объявленный на четыре года, просуществовал до отмены крепостного права. Вначале он не распространялся на крестьян Олонецкой и Архангельской губерний, но с 1839 г. включал и их. На своем первом заседании 24 апреля 1850 г. олонецкий губернский комитет о земских повинностях констатировал, что местное население крайне обременено налоговыми платежами, и обратился в министерство финансов с просьбой об освобождении жителей губернии от платежа государственных земских повинностей, предлагая ограничиться взиманием только губернских. В 1855 г. комитет поднял этот вопрос вторично, однако его предложения так и не были утверждены в Государственном Совете[38].

Значительными были и так называемые "мирские сборы". Они предназначались на жалованье сельским начальникам, постройку и ремонт хлебных магазинов и помещений волостных правлений, содержание караульных, платежи за арендуемые у казны оброчные статьи и билеты на вырубку леса, на уплату долгов и другие общинные нужды. Мирские сборы устанавливались на сходах и в каждом сельском обществе были различны. Так, например, в 30–х гг. XIX в. в Питинозерском обществе Туломозерской волости Олонецкого уезда мирские сборы составляли 88 коп. серебром с души, а в Юргилицком — 50 коп.[39].

Кроме денежных платежей крестьяне выполняли множество разнообразных натуральных повинностей. Только за 1847 г. объем натуральных повинностей крестьян Олонецкой губернии оценивался в 32 тыс. рублей[40]. Прежде всего, это дорожная повинность: крестьяне должны были на выделенном их обществу участке дороги расчищать лес по ее сторонам, мостить гати, рыть канавы для отвода воды, строить и ремонтировать мосты, содержать перевозы. Малочисленное население края, таким образом, обязывалось следить за состоянием дорог большой протяженности и при этом обычно значительно удаленных от места жительства крестьян. Даже в 1861 г., после полувековых хлопот крестьян по закреплению за их деревнями близлежащих участков, в Олонецком уезде многие деревни находились за 115 верст от места работ[41], а в Пудожском уезде — 70—75 верст[42]. Сильно пересеченный рельеф местности, обилие естественных препятствий требовали огромных затрат труда для поддержания дорог в проезжем состоянии.

Много времени и средств отнимала у крестьян и подводная повинность — постав-

А. Д. Меншиков

ка подвод для проезжающих чиновников, военных команд, арестантских партий и т. д. Она также была слабо регламентирована. Один только Повенецкий уезд в 1850–х гг. должен был ежегодно поставлять от 43 до 46 тыс. подвод[43].

Одной из самых тяжелых повинностей была рекрутская. В XVIII в. один рекрут брался с 500 душ мужского пола в возрасте от 17 до 35 лет, с начала XIX в. — с 250 душ, а с 1834 г. — с 200 душ. До середины 1830–х гг. рекруты выставлялись по сложной системе очередности, а затем — по жеребьевке[44]. Государственным крестьянам разрешалось нанимать за себя рекрутов, но охотников добровольно идти на практически пожизненную службу в солдаты, было мало. Упорное сопротивление рекрутчине приводило к постоянному недобору, который в Олонецкой губернии составлял в 1808 г. — 34 рекрута, в 1843 г. — 12, в 1855 г. — 44 рекрута[45].

Существенное влияние на деятельность крестьянского "мира" оказала реформа управления государственными крестьянами, вошедшая в историю под названием реформы П.Д. Киселева. В соответствии с "Учреждением об управлении государственными имуществами в губерниях", в 1838 г. предусматривалось создание в губерниях округов, разделенных на волости и сельские общества[46]. Общинная организация государственных крестьян, в том числе и в северных губерниях, получила трехчленную структуру: волостную общину, сельское общество, включавшее нередко несколько селений, и общину–селение. Одновременно создавался новый аппарат для управления государственными крестьянами, состоящий из губернской палаты государственных имуществ, окружного, волостного и сельского управлений. Штат палаты и окружных правлений комплектовался из чиновников, волостные и сельские органы — из крестьянских выборных.

Палаты государственных имуществ в северных губерниях стали функционировать на основании указа от 20 марта 1839 г.[47] Создаваемые округа включали государственных крестьян и государственные имущества одного или нескольких уездов. В Олонецкой губернии было образовано 4 округа: Вытегорский — из Вытегорского и части Лодейнопольского уездов, Каргопольский — из Каргопольского и Пудожского, Олонецкий — из Олонецкого, Лодейнопольского и части Петрозаводского, Повенецкий — из Повенецкого и части Петрозаводского уездов. К 1843 г. в Олонецкой губернии насчитывалась 21 волость, 61 общество и 3311 селений государственных крестьян[48].

Финансирование всех мероприятий, связанных с реформой, осуществлялось главным образом из крестьянских капиталов: хозяйственного (образован в 1840 г.) и мирского (учрежден для большинства губерний в 1847 г.). Источниками пополнения этих капиталов были в основном отчисления из общественного сбора и доходы с мирских оброчных статей. Частично использовались и личные крестьянские деньги, которые хранились в созданных сберегательных и вспомогательных кассах. Для пополнения хлебозапасных магазинов устанавливался также натуральный сбор зерном: с ревизской души должно было поступать 1,5 четверти зерна[49].

Для распространения "усовершенствований" в сельском хозяйстве были организованы учебные фермы. Северная (Вологодская) ферма была учреждена в 1842 г. Ее учениками являлись главным образом государственные крестьяне Вологодской, Архангельской, Олонецкой и других губерний[50].

В ходе реформы были приняты некоторые меры по упорядочению земельных отношений, в частности, проведены съемка и межевание земель. По данным за 1843 г., в северных губерниях следовало наделить землей 368 тыс. государственных крестьян. Только в 1845—1846 гг. для ликвидации чересполосицы, наделения крестьян землей и других целей было снято на план более 3 млн десятин казенной земли.

Однако в Олонецкой губернии и к 1855 г. земля еще не была нарезана для 80% душ. Не сдвинулось с места и давнее решение о выделении крестьянам по 15 десятин на ревизскую душу[51].Таким образом, вся совокупность мероприятий, направленных на своеобразную "подмену" "мирских", крестьянских органов самоуправления, оказалась малоэффективной. Крестьянский "мир" в XVIII — первой половине XIX в. сохранял свои полномочия, являясь существенным звеном государственной системы управления.

Выборное "мирское" самоуправление было наиболее устойчивой частью административного аппарата. Прочие составляющие системы управления уже в первые годы XVIII в. претерпели существенные изменения. Еще на начальном этапе Северной войны — в ходе боевых действий 1702—1703 гг. — возвращенные Россией прибалтийские территории начали складываться в административно-территориальный округ, возглавляемый А.Д. Меншиковым. В 1702 г. последовал указ "приписать к тому городу Шлютельбургу (Шлиссельбургу. — *М. П.*) город Олонец с посадом"[52]. Согласно указу от 18 февраля 1708 г., определявшему новое административно–территориальное деление страны, в Санкт–Петербургскую губернию были включены 29 городов с уездами: Олонец, Нарва, Псков, Новгород, Ладога, Гдов, Опочек, Старая Русса, Торжок, Тверь и др.

В начале XVIII в. основная часть Карелии входила в Олонецкий уезд, переименованный сначала в долю, а в 1719 г. — в Олонецкую провинцию — составную часть Ингерманландской (Петербургской) губернии. Карельское Поморье вошло в состав Архангелогородской губернии. Провинцией управляли воевода и подчиненная ему земская канцелярия. Штат учреждений состоял из дьяков и подьячих, которых иногда именовали секретарями, поскольку они занимались "секретными" делами.

Управление территориями, входившими в Санкт–Петербургскую губернию, принципиально отличалось от воеводской системы: деятельность должностных лиц здесь определялась не распоряжениями и наказами Разрядного приказа, исполнение которых было трудно контролировать, а именными указами Петра I и распоряжениями А.Д. Меншикова, обладавшего самыми широкими полномочиями[53].

Одной из основных задач губернских властей всех уровней было участие в "Балтийском корабельном строении". В конечном счете это привело к приписке ряда районов к Олонецкой верфи, деятельность которой была подчинена интересам военно-морского ведомства. В распоряжение Адмиралтейства передавались Олонец, Каргополь, Белоозеро, Устюжна. Местные коменданты уступали свое место адмиралтейским комиссарам. Таким образом, эти территории составили особый Адмиралтейский округ[54].

Основная задача комиссаров в округе заключалась в организации сбора налогов и обеспечении кораблестроения "работными людьми". Несмотря на то, что на приписные города распространялась компетенция военно–морского ведомства, губернская канцелярия не устранялась полностью от управления ими. Авторитет и положе-

ние А.Д. Меншикова позволяли ему преодолевать ведомственные и территориальные границы. Губернские администраторы вместе с комиссарами участвовали в расследованиях уголовных дел, судопроизводстве, сборе податей, мобилизации "работных людей". Все это создавало определенную двойственность в ведомственной принадлежности приписных городов и уездов[55].

Параллельно с Адмиралтейским округом в крае существовало и другое чрезвычайное административное образование — Олонецкий горный округ. Власть в нем с начала XVIII в. осуществлялась канцелярией Олонецких Петровских заводов, находившейся в слободе Петровского завода. Канцелярия ведала вопросами заводского производства, осуществляла контроль за сбором податей, распоряжалась высылкой приписных крестьян на заводские работы, творила суд и расправу над мастеровыми и населением приписанных к заводам погостов и волостей. В соответствии с сенатским указом от 6 июня 1712 г. олонецкие железоделательные заводы со всеми мастеровыми и ремесленными людьми поступали в ведение Адмиралтейства, которое с помощью высылаемых на места комиссаров обязывалось осуществлять контроль за проведением сборов и ходом "корабельного строения". В документе также говорилось о передаче доходов, причитающихся с Олонецкого уезда, начиная с 1713 г., от губернской администрации в распоряжение военно-морского ведомства[56].

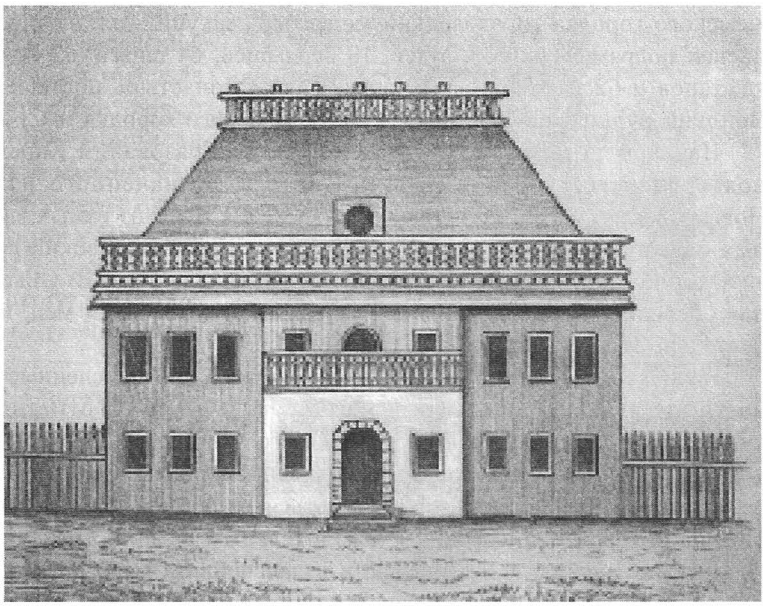
В сентябре 1713 г. Олонецким комендантом и руководителем производства на горных заводах был поставлен В.И. Геннин. Его отчеты Адмиралтейству содержат разнообразные сведения о деятельности администрации приписных городов, а также о территориальных изменениях, происходивших в пределах округа. В.И. Геннин предоставлял информацию о производстве и отправке корабельных орудий, заготовке смолы, подвозе железа, корабельного леса, изготовлении оснастки, литье ядер. Контроль за проведением данных мероприятий вменялся в обязанность адмиралтейским комиссарам и комендантам, которые кроме того должны были заниматься поставками необходимого оборудования и комплектованием заводского персонала.

В распоряжении коменданта и канцелярии Олонецких Петровских заводов имелся батальон солдат, расквартированный в Петрозаводской слободе. Формально батальон предназначался для защиты заводов от шведов, но поскольку театр военных действий все более отдалялся от расположения заводов, то значительная часть солдат работала на Петровском заводе, а остальные выполняли полицейские функции и несли караульную службу. Солдат направляли и в приписные селения для взимания налогов и высылки крестьян на заводские работы.

Посадское население также было подчинено Олонецкому коменданту и выполняло заводские повинности. Однако имущие слои получали льготы, предоставляемые правительством купечеству. В начале 1720–х гг. богатые жители Олонца избрали городовой магистрат, состоявший из бургомистра и ратманов и ведавший сбором налогов и судом над горожанами[57].

С окончанием Северной войны Олонецкие Петровские заводы утратили свое стратегическое значение и пришли в упадок. В 1727 г. из ведения Адмиралтейства они отошли к Бергколлегии, а Олонецкий уезд вошел в состав Новгородской губернии. В Олонце была восстановлена воеводская канцелярия, и власть воеводы распространилась на большую часть уезда. В подчинении канцелярии остался один Кончезерский завод и приписные погосты и волости с населением около 26 тыс. душ обоего пола[58].

Инструкция от 12 сентября 1728 г. по сути зафиксировала и закрепила уездное деление, а также соединила управление и суд, которые в губернии возглавляли губер-



Дворец Петра I в слободе Петровского завода

наторы, а в провинциях и уездах — воеводы. Губернаторы и воеводы управляли через соответствующие канцелярии, в которых было восстановлено старинное деление на столы — повытья. Воеводы сменялись сначала через два, потом через пять лет. В то же время инструкция 1728 г. привнесла в местное управление и новые черты. В частности, непосредственное сношение уездов с верховной властью, и без того уже ставшее крайне затруднительным с начала XVIII в., отныне совсем запрещалось.

Анализ делопроизводства Олонецкой воеводской канцелярии показывает, что она ведала, во–первых, судопроизводством по уголовным делам и занималась решением имущественных споров. Во–вторых, воевода утверждал "мирских" должностных лиц, избранных крестьянами. Наконец, воеводская канцелярия контролировала составление налоговых документов (ревизских сказок) и исполнение натуральных повинностей (включая рекрутскую). Канцелярия не располагала никакими промежуточными органами власти и имела дело непосредственно с крестьянскими "мирами"[59].

Довольно специфичная система управления сохранялась в этот период на небольшой по размеру, но чрезвычайно важной в административном, стратегическом и экономическом отношении территории Поморья. Здесь выдающуюся роль играл Соловецкий монастырь. Одной из возложенных на него управленческих функций была организация таможенного дела. Как видно из доношения архимандрита Соловецкого монастыря в Правительствующий Сенат, датированного 1728 г., Соловецкий монастырь имел право взимать торговые пошлины "в поморских вотчинах в Сумской, да в Кемской, и в иных монастырских Соловецких волостях с приезжих всяких торговых людей".

Кроме того, монастырь располагал полномочиями, которые сближали его с воеводской канцелярией. Прежде всего это утверждение "мирских" должностных лиц, контроль за набором рекрутов, поставка служителей к соляным сборам. С другой стороны, обители вменялась в обязанность организация обороны Поморья. Так, по данным "тетрати записной выдачи солдатам муницыи и ружья Сумского острога и

Кемского городка", Соловецкий монастырь закупил для находящихся в Поморье воинских подразделений 33 фузеи, 10 бердышей, 64 шпаги, 63 портупеи, 13 "немецких" кафтанов и 62 кафтана сермяжных. Также монастырь поставлял продовольствие на Воицкий рудник, осуществлял ремонт Кемского городка и Сумского острога[60].

Началом новых административных преобразований Карелия обязана усилиям новгородского губернатора Я.Е. Сиверса, назначенного на этот пост в 1764 г. Новгородская губерния составляла в то время одну из самых значительных и обширных областей империи. В ее состав входил и весь Олонецкий край с двумя городами — Олонцом и Каргополем. Вскоре после назначения Я.Е. Сиверс отправился в путь для обследования вверенной ему губернии и разработки мер, призванных улучшить деятельность местной администрации.

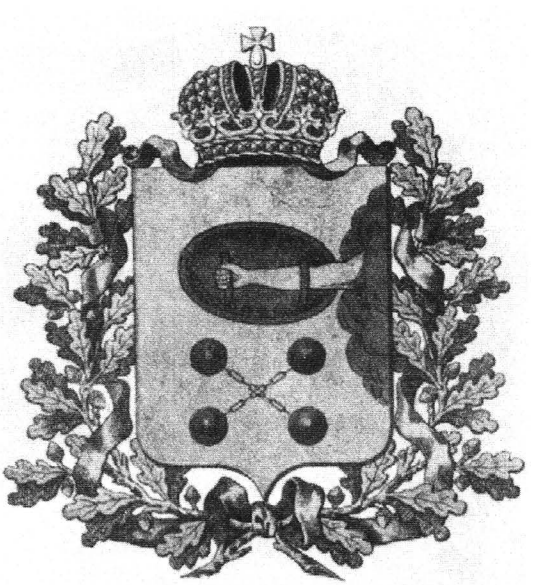
Находясь в Олонце, губернатор обнаружил многочисленные непорядки в деятельности "тамошней канцелярии и магистрата". Особо он отметил "чрезвычайно высокую доимку" (недоимку), вынудившую его "отрешить присутствующих", т.е. сменить всех чиновников, занимающих ответственные посты. Однако одними кадровыми перестановками губернатор ограничиваться не собирался. Из-за обширности территории, на которой единственным значительным административным центром остается Олонец, по мнению Я.Е. Сиверса, и в дальнейшем мало надежды "как ко взысканию той великой доимки, так и к заведению общего порядка и тишины". "Сколь тягостен, — писал он, — с одной стороны, нещастному обывателю платеж государственных податей, столко им и несносно быть должно такое отдаление от присудственного места, не имея при себе никого, кто бы об общем порядке попечение имел".

Для устранения отмеченных недостатков Я.Е. Сиверс предлагал оставить "при Олонце" 21 471 душу государственных крестьян, а при Вянгинской пристани в устье реки Вытегры учредить город и воеводскую канцелярию. Эта пристань должна была стать административным центром южной части уезда по следующей причине: "Не столько ползa обывателей сей части Олонецкого уезду, но более народная и казенная в течении чрез сие место некоторой части внутренних продуктов побуждают меня к представлению в сие место городского правления". Третье, по выражению Я.Е. Сиверса, "отделение" Олонецкого уезда должны были составить Лопские погосты. Паданский погост, по мнению Я.Е. Сиверса, представлялся "за способнейший, чтоб в оном учредить комиссарское правление по штату при городе с полномочием принять в платеж государственные поборы, и суд, и расправу над оными Лопскими погостами"[61].

Действительность (прежде всего воссоздание Петрозаводской слободы, в которой возобновлялось "пушечное литье") внесла коррективы в планы генерал–губернатора, и вскоре он выступил с новыми предложениями. Находя, что в составе Новгородского наместничества недостаточно городов, Я.Е. Сиверс предложил преобразовать слободу Петровского завода в город, поскольку считал, что она может скоро разбогатеть "благодаря своему мрамору, железу и промышленному духу жителей Олонецкой провинции".

21 марта 1777 г. появился указ Екатерины II, предписывавший переименовать Петрозаводскую слободу в город, "которому и быть на основании прочих Олонецкого наместничества городов". Далее по указу от 11 декабря 1781 г. город Петрозаводск вместе со всей Олонецкой провинцией, был присоединен к Петербургской губернии. В то же время областные учреждения в Олонецкой провинции остались на прежнем месте. Однако Олонец уступал свое первенство Петрозаводску, положение которого было сочтено более подходящим для административных целей. И указом от 12 мая

1782 г. было повелено перенести сюда из Олонца провинциальное правление. В том же году, с упразднением города Паданска, был учрежден город Повенец, к которому приписан Паданский округ. Одновременно был образован Вытегорский уезд, который состоял из территории бывшего Вытегорского погоста с присоединением к нему Оштинского погоста и нескольких волостей из соседнего Белозерского уезда[62].



Герб Олонецкой губернии (1878 г.)

Создание в 1784 г. Олонецкого наместничества на правах губернии стало принципиально новым этапом в административной деятельности на территории Карелии. Наместничество состояло из 8 уездов: Петрозаводского, Олонецкого, Каргопольского, Лодейнопольского, Вытегорского, Повенецкого, Пудожского и Кемского. В конце 1796 г. оно было упразднено, а в 1801 г. — восстановлено как губерния в прежних границах, кроме Кемского уезда, оставшегося в составе Архангельской губернии. Олонецкая губерния стала одной из самых обширных в государстве. Однако по количеству жителей она занимала одно из самых последних мест. Строго говоря, при ее создании был нарушен главный принцип создания губерний: согласно законодательству, предполагалось, что численность населения губернии должна составлять 300—400 тыс. человек, а в установленных границах Олонецкой губернии насчитывалось чуть более 200 тыс.[63]

Образованию Олонецкой губернии способствовал целый ряд обстоятельств: возросшее в связи с возобновлением русско–турецких войн значение Олонецких горных заводов, поставлявших артиллерийские орудия и боеприпасы для Черноморского флота, новое обострение отношений со Швецией и стремление укрепить русско–шведскую границу. Третьим существенным фактором явилась относительная отдаленность Карелии от крупных административных центров севера и северо–запада страны — Архангельска, Вологды, Новгорода, Петербурга.

Первым олонецким губернатором стал Г.Р. Державин. В соответствии с законом на губернатора возлагался обширный круг обязанностей. Прежде всего, он был обязан наблюдать за действиями всех остальных должностных лиц в губернии и за исполнением законов. Надо сказать, что эта обязанность всецело вписывалась в систему убеждений Г.Р. Державина, который полагал, что наведение порядка в местном управлении зависит исключительно от добросовестного отношения чиновников к делу и неукоснительного соблюдения законодательства. По этой причине уже через месяц после образования губернии все подведомственные учреждения были поставлены в известность о том, что каждый чиновник или иное лицо, находящееся на государственной службе и виновное в нарушении законов, будет наказано, по мере важности его упущений, лишением места или чина[64].

Г. Р. Державин

Во–вторых, на губернатора возлагалось попечение о нуждах населения: то есть, являясь представителем центрального правительства, губернатор в то же время должен был стать "ходатаем за пользу общую, заступником угнетенных и возбудителем безгласных дел" (таких, в которых в качестве истца выступает само государство). Надо сказать, что многие губернаторы, находясь в губернии в течение относительно короткого времени, не успевали вникнуть во все местные условия, что, конечно же, препятствовало трезвой оценке ситуации. Так, вскоре после прибытия Г.Р. Державин велел передать находящимся в губернии старообрядцам, что отныне им запрещается "сжигать самих себя". Узнав о том, что значительная часть крестьян добавляет в хлеб сосновую кору, он предпринял специальное расследование и установил, что единственной причиной является крайняя скупость крестьян, не желающих покупать хлеб.

Помимо обычных трудностей, присущих управлению любой губернией, Г.Р. Державин столкнулся с необходимостью формирования административного аппарата. Это было чрезвычайно непростой задачей. С хроническим недостатком грамотных чиновников олонецкие губернаторы сталкивались постоянно. И Г.Р. Державин регулярно получал с мест донесения о том, что в суде "должность секретаря никто не исправляет, отчего предвидится в делах остановка". Отчасти вакансии в присутственных местах были заполнены недавними студентами, которых привез с собой из Санкт-Петербурга Г.Р. Державин. Отчасти способ, при помощи которого заполнялись вакансии, виден из доношения председателя судебной палаты. Председатель сетовал на невозможность "с желаемым успехом вести дела", поскольку оформлением бумаг в канцелярской части занимаются "худо умеющие писать дети от 12 до 14 лет". Подобных "малолетов", как их тогда называли, приходилось привлекать для различных вспомогательных работ и в других правительственных учреждениях[65].

Однако, несмотря на все трудности, первому олонецкому губернатору удалось открыть все присутственные места, положившие начало трем группам учреждений местного уровня: административным, финансовым и судебным. Высшим административным органом в губернии являлось губернское правление, в состав которого наряду с председателем — губернатором — входили два советника, игравшие совещательную роль. Губернское правление выполняло двоякую функцию: во–первых, обнародовало указы верховной власти, а во–вторых, принимало меры полицейского характера. В уездах губернскому правлению соответствовал нижний земский суд.

Финансовое управление было отделено от общеадминистративного и велось казенной палатой, состоящей под председательством вице–губернатора из четырех членов и губернского казначея. Основой деятельности палаты было ведение налогового учета. Наибольшая часть дохода, поступавшего в распоряжение палаты, состояла из налогов, выплачиваемых крестьянами. Например, в 1792 г. крестьяне выплатили 349 120 руб., при общем казенном доходе по губернии в 466 103 руб. На втором месте по удельному весу в сумме налогов стоял питейный сбор. Что касается платы с купеческих капиталов и доходов от казенной и частной промышленности, то они составляли незначительную часть местного бюджета. На расходы в губернии оставалось менее одной четверти собранных средств. Остальные деньги отправлялись на содержание армии и Адмиралтейства, а также в Государственное казначейство, расположенное в Санкт–Петербурге.

Высшим судебным учреждением в губернии являлись две палаты — гражданского и уголовного суда, состоящие каждая из председателя и четырех членов, назначаемых правительством. В палаты поступали дела из низших судебных инстанций: в апелляционном порядке по жалобам сторон и в ревизионном — для утверждения приговоров. Такое восхождение по инстанциям до палаты в ревизионном порядке было обязательно для тех уголовных дел, в которых наказанием могло стать лишение подсудимого жизни или чести.

Низшие судебные инстанции дробились по сословиям. Для каждого из сословий, кроме духовенства, создано было по две низших судебных инстанции. Для дворянства — верхний земский суд в губернии и уездный суд в уезде. Для купечества и мещан, соответственно, губернский и городовые магистраты. Для государственных крестьян, которые составляли подавляющее большинство жителей Олонецкой губернии, создавались верхняя расправа в губернии и нижние земские расправы в уездах[66].

Кроме перечисленных учреждений, появились еще два: приказ общественного призрения и совестный суд. В приказе общественного призрения под председательством губернатора заседали по два члена от каждой из губернских судебных инстанций (верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа). В компетенцию приказа входили народное просвещение, здравоохранение и заведения общественного призрения. Именно неустанной деятельности этого учреждения Петрозаводск, а в дальнейшем и другие города Карелии обязаны появлением первых аптек, больниц, расширением сети учебных учреждений. Приказ общественного призрения получал средства в виде процентов со "всемилостивейше пожертвованной капитальной суммы", а также деньги, собранные в "кружку от доброхотнодателей" и взысканные в виде штрафов за халатное исполнение должностных обязанностей[67].

Собранные средства приказ общественного призрения расходовал на закупку съестных припасов для больниц, раздавал "не имеющим собственного пропитания убогим людям" и тратил на выплаты кормилицам, которые соглашались принять на воспитание "нещастнорожденных младенцев". Значительные деньги приказ направлял на предоставление займов купцам под залог недвижимости, при условии гарантий со стороны других купцов и с обязательным пожертвованием одного процента от полученной суммы на нужды приказа[68].

Петровские органы надзора были воскрешены в губернских учреждениях Екатерины II в лице прокуроров. При наместническом правлении и судебных присутствиях устанавливалась должность губернского прокурора. При каждом из верхних судов также появилось по одному прокурору с двумя помощниками — стряпчими уголов-

ных и гражданских дел. На прокуроров возлагалась обязанность наблюдать за исполнением закона. Прежде чем принять решение, всякое присутственное место обязано было выслушать замечания прокурора. Обо всех замеченных беспорядках он сообщал как генерал–губернатору, так и своему непосредственному начальнику — генерал–прокурору[69].

Описание созданной в 1784—1785 гг. в Карелии системы органов власти было бы неполным без изучения структуры и компетенции уездной администрации. Ее формирование связано прежде всего с образованием на территории края новых городов в качестве локальных административных центров. Существенной особенностью большинства уездных городов Олонецкой губернии — Повенца, Кеми, Пудожа — являлось относительно слабое, особенно в XVIII в., присутствие в их облике черт городского уклада жизни. Автор "Ведомости, составленной о вновь учрежденных городах Олонецкого наместничества", отмечал, например, что "город Пудож название города носить не может", поскольку "жители сего места, пользуясь городовым правом более десяти лет, не могли нимало поправить своего положения, ни дать в строениях своих приличного городу вида"[70].

Если "поправка положения" местных жителей оставалась труднодостижимой целью, то для установления "приличного городу вида" средство все же было найдено. В конце XVIII в. были высочайше утверждены планы городов Карелии. Так, согласно составленному в 1786 г. плану Пудожа было зафиксировано существовавшее на момент составления плана положение и указано, что предполагалось вновь построить в городе. В частности, градостроители XVIII в. пытались соблюдать определенные санитарные нормы: сальные, кожевенные, купоросные и пивоваренные заводы намечалось соорудить за городом. Старые "обывательские дома" предполагалось не сносить, пока они не придут в ветхость или пока не будет согласия на их слом от хозяев, а новые строить на плановых местах по утвержденным фасадам. Город надлежало с трех сторон окружить земляным валом и рвом, а для въезда в четырех местах предусматривалось устроить ворота. Планировалось строительство каменной церкви, гостиного двора, казначейства, оборудование площади для торговли. Аналогичные меры намечались и для благоустройства других городов Олонецкой губернии.

Новоявленные города должны были максимально приблизить органы власти к жителям самых отдаленных уголков губернии. Как говорилось выше, уездные города находились под управлением городовых магистратов, занимавшихся переводом крестьян в купечество и мещанство, сбором налогов и податей (совместно с уездными казначействами), а также решением имущественных споров. Однако основная судебная власть была сосредоточена в руках нижнего земского суда, состоящего из председателя, капитан–исправника и двух заседателей. Как показывает анализ делопроизводства, основу деятельности земского суда составляло решение имущественных споров между крестьянами (косвенно это свидетельствует о том, что власть и авторитет крестьянского "мира" довольно часто оказывались недостаточными). Финансовыми вопросами в уезде распоряжались уездные казначейства[71].

Церковная администрация в Карелии в XVIII в. была представлена значительно менее сложной системой органов власти. До образования в 1764 г. Олонецкой епархии она ограничивалась Олонецким духовным правлением, которое подчинялось Новгородской духовной консистории. После 1764 г. главной фигурой в церковной администрации стал епископ Олонецкий и Каргопольский, осуществлявший управление при помощи духовной консистории. Епископ, резиденция которого размести-

лась в Александро–Свирском монастыре, ведал делами о рукоположении священно- и церковнослужителей (так называемые ставленнические дела), решал вопросы строительства церквей и образования новых приходов. Важной составной частью деятельности духовной консистории был надзор за нравственностью прихожан — борьба с внебрачным сожительством. Кроме того, консистория была обязана противостоять распространению старообрядчества и надзирать за правильным исполнением церковных таинств.

В уездах органами церковной власти являлись духовные правления, которые стали промежуточной инстанцией в решении дел, изложенных в прошениях прихожан и духовенства. В то же время, духовные правления, как правило, не принимали самостоятельных, не согласованных с духовной консисторией и епископом решений. В свою очередь, епископ Олонецкий и Каргопольский формально являлся также викарием Новгородским, хотя и управлял самостоятельно. В 1787 г. Олонецкая и Архангельская епархии были объединены. Восстановление Олонецкой епархии произошло только в 1828 г., при этом местом епархиальной резиденции стал губернский центр — Петрозаводск.

В создании и деятельности местных органов власти в Карелии, несомненно, были и свои, характерные только для Олонецкой губернии, черты. Выше уже говорилось об остро ощущавшейся нехватке образованных чиновников. Это приводило к довольно парадоксальным явлениям: чиновниками становились даже политические ссыльные, имевшие достаточное образование. Кроме того, на все должности, начиная с канцеляриста, приглашались чиновники из других губерний. В 1839 г. правительство даже объявило временные льготы для чиновников, прибывающих в Олонецкую губернию. Льготами воспользовались около 100 человек, благодаря чему удалось несколько поправить положение. И все же, судя по губернаторским отчетам, проблема с чиновничьими кадрами и в 40–е гг. XIX в. продолжала в крае оставаться острой. Приговоры судебной палаты по нескольку лет не приводились в исполнение, а обвиняемые длительное время находились под стражей в ожидании суда, который постоянно откладывался[72].

Другая серьезная проблема, также сохранявшаяся на протяжении всего XVIII и значительной части XIX вв. — дублирование полномочий, сложившееся в Карелии вследствие расширения сферы компетенции заводской администрации. До образования губернии приписные крестьяне во всех вопросах (в том числе весьма далеких от производства) подчинялись заводским властям. В соответствии с сенатским указом 1725 г., земским комиссарам и офицерам категорически запрещалось вмешиваться в управление территориями, на которых жили приписанные к заводам крестьяне. В 1782 г. порядок управления изменился: горные заводы с мастеровыми и приписными крестьянами перешли в управление губернских казенных палат. В составе последних были образованы горные экспедиции, ведавшие вопросами заводского производства. Полицейский надзор над мастеровыми и приписными крестьянами осуществляли губернское правление и нижние земские суды[73].

Таким образом, к 1780–м гг. в Карелии сформировалась система органов власти, принципиально отличающаяся от администрации предшествующего периода, основанная не на "примитивной допетровской воеводской системе управления", а на основе установившегося с петровской эпохи унификационного принципа[74]. Важной составляющей реформы стало, хотя и не вполне последовательное, проведение принципа разделения властей. Данная структура местного управления в Карелии оставалась неизменной до 1860–х гг. Она явилась результатом достаточно длительных транс-

формаций и поисков оптимальных форм и методов управления, одни из которых имели региональный, а другие — общероссийский характер.

Характерной чертой существовавшей в Карелии в первой половине XIX в. администрации, наряду с сохранением системы органов власти, заложенной екатерининской губернской реформой, стало образование значительного числа комиссий, деятельность которых была подчинена важнейшим задачам, стоявшим перед местными властями. Так, в 1803 г. была образована Олонецкая лесная комиссия, в состав которой входили: уездный форстмейстер, а также по одному представителю от Адмиралтейства, губернской управы, горного и удельного ведомств. Технический персонал состоял из трех писарей, четырех адмиралтейских топографов, шестнадцати землемеров[75].

Деятельность Олонецкой лесной комиссии началась весной 1804 г. Она производила работы в Олонецком, Лодейнопольском и Повенецком уездах. За три года в губернии было отмежевано для нужд флота 34,9 тыс. десятин леса, в казну — 295,8 тыс. десятин, крестьянам в надел — 916,3 тыс. десятин. Но к началу 20-х гг. XIX в. правительство убедилось в сложности централизованного управления всеми лесными богатствами огромной империи. Корабельные рощи вновь передаются Адмиралтейству, а леса, расположенные вокруг заводов, переходят в управление горного департамента. Ведомства сами должны были производить съемку и освидетельствование, но наделять крестьян участками не имели права. В 1817 г. часть карельских лесов была передана в управление Олонецким заводам (в основном на территории Петрозаводского уезда), а часть осталась в ведении Министерства финансов[76].

Усложнение делопроизводства, рост населения губернии побуждали центральные власти дополнять существующую в губернии систему управления новыми инстанциями. В 1803 г. из ведения приказа общественного призрения были выведены учебные заведения, подчиненные с этого времени директору народных училищ Олонецкой губернии. Но особенно существенное сокращение полномочий претерпела Олонецкая казенная палата. В XIX в. ее функции стал выполнять целый ряд учреждений. Так, в 1800 г. была создана Олонецкая губернская чертежная, состоявшая из губернского и уездных землемеров и ведавшая организацией межевых работ в губернии. Сходный круг проблем относился к ведению Олонецкой губернской посреднической комиссии, решавшей спорные дела, связанные с межеванием. Ведение дел о наборе рекрутов: розыск крестьян, укрывающихся от рекрутской повинности, сложные отношения с крестьянскими "мирами", на которые возлагались основные заботы, связанные с набором рекрутов — все это находилось в компетенции Олонецкого губернского по рекрутским делам присутствия[77]. При этом все вновь создаваемые органы власти как бы "надстраивались" над прежними властными структурами.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Население

В течение всего XVIII и первой половины XIX в. Карелия оставалась слабо заселенной и малоосвоенной территорией России. Численность жителей увеличивалась в основном за счет естественного прироста, который был значительно ниже общероссийского уровня. Так, за период с 1795 по 1858 гг. темпы прироста населения здесь не

превышали в среднем 0,6% в год, против 1% в целом по Европейской России[78]. Приток людей на территорию края извне был незначительным и не играл существенной роли в демографических процессах.

Другая характерная особенность Карелии — исключительно низкая плотность населения. На момент образования Олонецкой губернии ее площадь составляла 119,7 тыс. кв. км, а численность жителей не превышала 200 тыс. человек[79]. На протяжении длительного времени заселенными здесь оставались лишь незначительные участки территории, расположенные по берегам озер и рек.

Определение общей численности населения в пределах карельского края в рассматриваемый период представляет большую сложность. Это связано, во–первых, с неоднократными административно–территориальными преобразованиями, что не позволяет исследователю рассматривать демографическую ситуацию в течение длительного временного отрезка на сопоставимой территории. Во–вторых, серьезные трудности обусловлены неполной сохранностью ревизских сказок — основного источника сведений о народонаселении для XVIII —первой половины XIX вв.

Тем не менее, некоторые данные, хотя и не претендующие на абсолютную точность, могут быть приведены. Согласно исследованиям В.М. Кабузана, численность населения Олонецкой губернии (в ее границах на начало XIX в.) составляла: по 1–й ревизии (1719 г.) — 76 268 человек мужского пола, по 2–й (1744 г.) — 91 238, по 3–й (1762 г.) — 97 329, по 4–й (1782 г.) — 103 174 человека, по 5–й (1795 г.) — 98 765, по 6–й (1811 г.) — 110 349, по 7–й (1815 г.) — 103 567, по 8–й (1833 г.) — 118 062, по 9–й (1850 г.) — 124 836, по 10–й (1857 г.) — 148 151 человек (общее число населения, как правило, получают путем умножения приведенных показателей на два)[80].

Что же касается уездов, в 1920-х гг. составивших территорию Карельской Трудовой Коммуны, а затем Карельской АССР (Петрозаводский, Олонецкий, Пудожский, Повенецкий уезды Олонецкой и Кемский уезд Архангельской губерний), то в их пределах в 1795 г. проживало примерно 120,9 тыс., а в 1857 г. — 167,2 тыс. человек обоего пола.

В социальном отношении население Карелии было довольно однородным. Подавляющую его часть составляли крестьяне, среди которых доминировала категория государственных крестьян. По данным В.М. Кабузана, в период проведения 4–й (1782 г.) ревизии численность государственных крестьян составила 75,4% от общей численности населения. В дальнейшем этот показатель не подвергся существенным изменениям (1795 г. — 77,3%, 1815 г. — 65,9%, 1833 г. — 64,9%, 1857 г. — 75,6%)[81].

Монастырские крестьяне в Карелии в XVIII в. были крайне немногочисленны. Наиболее крупной к первой четверти XVIII в. являлась поморская вотчина Соловецкого монастыря, в которой насчитывалась 373 двора. Вотчина Александро–Свирского монастыря состояла из 209 дворов. Что касается вотчин других монастырей, то они были значительно мельче. Так, Муромский монастырь имел 23 двора, а Палеостровский — 12. Некоторые пустыни и монастыри, как, например, Машезер-ский близ Петрозаводска, вообще не имели крестьянских дворов, а монахи жили подаянием и за счет собственного труда. После секуляризации церковных вотчин (1764 г.), когда большинство монастырей Карелии (за исключением Валаамского и Александро–Свирского) было упразднено, бывшие монастырские крестьяне составили особое сословие экономических крестьян. Уже в 1760–е гг. экономические крестьяне, проживающие в Петрозаводском уезде, были приписаны к Олонецким горным заводам[82].

Иначе сложилась судьба другой немногочисленной категории населения края — обельных крестьян, получивших освобождение от налогов за особые заслуги перед представителями царского семейства. (Например, за помощь Марфе Романовой, ока-

завшейся в ссылке в Толвуе). Обельные крестьяне сумели сохранить привилегии вплоть до отмены крепостного права. По 8–й ревизии их насчитывалось в Петрозаводском уезде — 293, в Повенецком — 28 душ обоего пола. Несмотря на особый статус, они имели земли в совместном пользовании с государственными крестьянами[83].

О численности приписных крестьян, основная масса которых проживала в Петрозаводском уезде, сохранились более подробные сведения. По данным Я.А. Балагурова[84], их количество, начиная с 1760–х гг., постепенно увеличивалась, что было связано с ростом значения Олонецких горных заводов. По 3–й ревизии (1762 г.) приписных крестьян насчитывалось 18 969, по 4–й — 19 818 человек мужского пола. Но в последующие 13 лет их число уменьшилось на 2667 душ, и в декабре 1796 г. по 5–й ревизии приписных крестьян было всего 17 151 ревизская душа.

Значительно меньшей была численность дворцовых крестьян. Так, небольшое количество дворцовых (с 1797 г. — удельных) крестьян было зафиксировано в Повенецком и Олонецком уездах. По данным 4–й ревизии (1782 г.) в Олонецком уезде проживало 39 дворцовых крестьян, а в Повенецком уезде по данным 5–й ревизии (1795 г.) — 38. В первой половине XIX в. крестьян данной категории уже не было[85].

Аналогичные закономерности прослеживаются в численности и размещении помещичьих крестьян. Так, если в Петрозаводском уезде их по данным 4–й ревизии было 7 человек, 5–й ревизии — 297 и 6–й — 304, то в Олонецком уезде численность помещичьих крестьян столь же стремительно сокращалась, составив, соответственно, 419, 6 и 2 человека. В Повенецком уезде тоже проживало незначительное число помещичьих крестьян (6, 45 и 54), а в Пудожском уезде они вовсе отсутствовали[86].

В национальном отношении население Карелии было неоднородным. Здесь издавна проживали бок о бок русские и карелы. Установить численность карелов, особенно в XVIII в., достаточно сложно. Они не показаны особо даже в материалах первых ревизий, так как считались "старокрещенным народом" и вместе с русскими относились к государственным крестьянам. Примечательно, что в ответ на запрос Академии наук губернатор Х.Х. Повало–Швейковский сообщил, что в Олонецкой губернии "инородческих селений и инородцев не имеется, а все проживающие в ней являются коренными карельскими русскими жителями"[87].

В первой половине XIX в. в Олонецком уезде карелов было около 70%, в Повенецком — 45%, в Петрозаводском — 42%. В Пудожском и Лодейнопольском уездах численность карелов оставалась крайне незначительной. В то же время для карельского населения в изучаемый период характерен низкий естественный прирост и существенное распространение ассимиляционных процессов. Абсолютная численность карелов в России в течение первой половины XIX в. возросла всего на 37% (со 144 тыс. до 197 тыс. человек), что почти вдвое уступало общему приросту населения в стране[88].

Сведения о численности вепсов столь же скудны. Основная масса их обитала к югу от Свири и Онежского озера в верхнем и среднем течении реки Ояти, по верховьям Паши, Капши, Суды, в верхнем и нижнем течении Шолы, в низовьях Ошты, Мегры и, вероятно, Андомы; некоторая часть — на юго–западном берегу Онежского озера (севернее Свири)[89]. В процентном отношении к общей численности населения Олонецкой губернии численность вепсов составляла 3%.

Русское население в изучаемый период составляло три четверти от общего числа жителей губернии (5–я ревизия — 78,6%, 8–я — 78,2%, 10–я — 76,3%)[90].

Характерной чертой XVIII в. по сравнению с предыдущим временем была возросшая подвижность населения. Так, в первой половине столетия наиболее типичной формой переселения стало бегство. По Олонецкому уезду в период между 1–й и 2–й

ревизиями учтено беглых посадских 53 человека, с Петровских заводов —194, из черносошных волостей — 595, помещичьих и монастырских крестьян — 51, а всего 893 ревизских души, или 16 % от всего числа убывших (в рекруты, в другие волости, мобилизованных на стройки и т. д.), не считая умерших. Беглецов не останавливали даже жесточайшие наказания.

Но все же главную роль в перемещениях населения, как видно из данных П.А. Колесникова, играло обнищание. Так, в конце XVII — начале XVIII вв. в результате обнищания разорились дворы с населением 10 020 душ мужского пола; из–за смерти главы семьи с последующим разорением опустели дворы, насчитывавшие 1787 душ мужского пола. В то же время, в результате правительственных мобилизаций на работы и в армию запустели дворы с населением в 32 души мужского пола. Убыль населения порождалась также уходом горожан из своего города и оседанием их на новом месте жительства. Здесь они попадали в число "пришлых" и освобождались на время от уплаты податей и несения повинностей. На Северо–Западе развитию этого явления способствовало строительство Петербурга. "В части городов указанная убыль была значительной. К числу таких городов принадлежали Псков, Новгород, Олонец, Каргополь"[91].

Во второй половине XVIII в. преобладающая масса населения Олонецкой губернии проживала в сельской местности. Переезжающие в города, как правило, не теряли связи с деревней. И все же в этот период относительно быстро формировалось городское население. С одной стороны, перемещения такого рода поощрялись городскими властями. С другой — вызывали резко негативную реакцию заводских властей, лишавшихся из-за этого некоторой части приписных крестьян. Все это, наряду со слабым развитием городской инфраструктуры, приводило к проявлению противоположных тенденций в формировании городского населения.

Указ от 25 ноября 1777 г. предусматривал взимание двойных платежей с крестьян, записавшихся в купечество (и как с крестьян, и как с купцов), но только в виде временной меры. В дальнейшем предполагалось "генеральное по всем местам рассмотрение о выгодах купеческих учреждений", когда записавшиеся в купечество крестьяне могли перейти "в первобытное свое состояние", если будущий закон их не устроит. Однако крестьяне поспешили воспользоваться этим законом, надеясь, наряду с выгодами купеческого звания, получить в недалеком будущем и освобождение от двойного оклада. Так, например, сенатор М.Ф. Соймонов сообщал в Сенат: "Из приписных к заводам в Олонце крестьян целыми волостями просят о записке в купечество и мещанство в единой только надежде отбыть сим средством от заводских работ. А города Петрозаводска правительство, домогаясь того же, не различает уже именно, в чем собственно по основанию закона состоит звание купца и мещанина, и каким порядком оная происходить должна, и думает только тем преумножить число граждан, каковы бы они в протчем состоянии ни были"[92].

Для решения вопроса Сенат поручил наместнику Тверскому, Новгородскому и Псковскому Сиверсу и тайному советнику М.Ф. Соймонову, "вступя в общее между собой рассуждение", выработать решение, которое соответствовало бы интересам и заводского начальства, и городской администрации. Ответ чиновников действительно содержал компромиссные предложения: "по общему их мнению" всех записавшихся в городские сословия следовало оставить в "оном городском звании" и к заводским работам не принуждать. Предлагали они записывать в купечество и приписных к заводам крестьян. Однако это решение сопровождалось рядом существенных оговорок. Во–первых, выдвигалось требование, чтобы "прежде той записки, о состоянии

их и капиталах, с которыми они к записке пойдут, сделано уже было в их селениях от команды точное засвидетельствование". Во–вторых, "непременно тем вновь записывающимся в купечество крестьянам или же их наемщикам все те заводские работы, каковы в том манифесте назначены, исправлять по распоряжению канцелярии Олонецких Петровских заводов"[93].

Принятие этих предложений привело к значительному сокращению доступа крестьян в городские сословия. Указ оказал негативное воздействие на развитие торговли и местных промыслов. Вскоре после издания указа купцы и мещане начали борьбу за полное освобождение от заводских повинностей, которые они исполняли, будучи приписными крестьянами. Так, купцы и мещане, живущие в Великогубской трети, узнав, что их должны привлечь к заводским работам, "пришли к ослушанию"[94].

Учреждение губернии и образование новых городов на ее территории вынудили власти несколько облегчить запись в купеческое сословие. Например, при устроении города Пудожа разрешалось записать в городские сословия всех жителей, "состоящих в селениях, вошедших в окрестность, по планам заключаемую под городское строение, и тех, которые находятся на двухверстном от города расстоянии... с тем, однако ж, чтоб тут собственная воля и желание каждого руководствовали при избрании себе рода жизни"[95]. В зону действия указа попадали 12 деревень. "Как показывает сопоставление материалов ревизского учета за 1782, 1795 и 1811 гг., население этих деревень, составлявшее к 1782 г. около 700 человек, практически полностью переписалось в число мещан и купцов города Пудожа"[96].

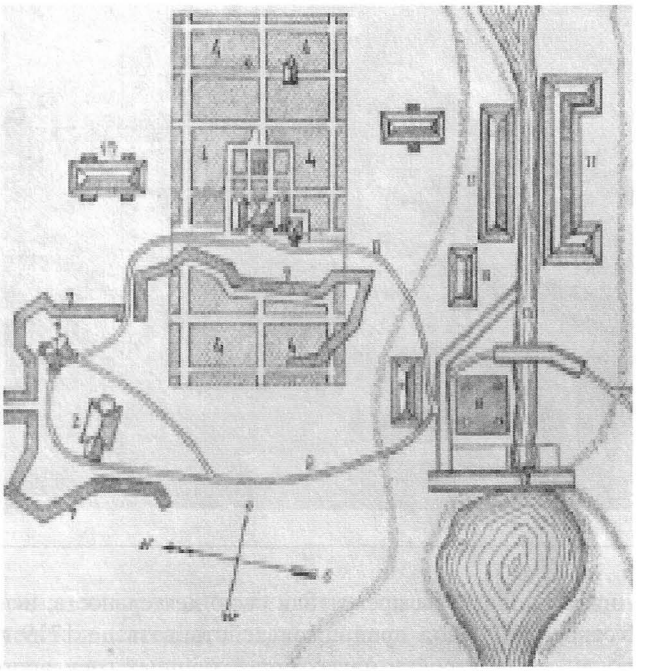
Несмотря на то, что заводское начальство сопротивлялось переводу приписных крестьян в городские сословия, Петрозаводский городовой магистрат также стремился пополнить число жителей губернского города. Около ста купцов и мещан, проживавших в приписных селениях, были доставлены в Петрозаводск. Но действия полиции оказались чрезмерно поспешными. Места для постройки домов не предусматривались. Переезд и обустройство требовали денег, которых у большинства не имелось. Вскоре переселенцы были отправлены назад[97]. Остроту изложенной проблемы в полной мере подтверждает имеющаяся статистика. Города Олонецкой губернии более отдавали граждан, чем приобретали[98].

В первой половине XIX в. процессы создания новых городов сменились снижением мобильности населения, обусловленной упадком казенной промышленности и слабым развитием торговли. В 1801 г. в Петрозаводске насчитывалось 4700 жителей, а в 1842 г. — 5064. В уездных же центрах население почти не увеличивалось, и в 40–х гг. XIX в. составляло от 800 до 2000 человек в каждом. Незначительное увеличение численности населения в городах происходило исключительно за счет естественного прироста. Удельный вес городского населения в Карелии в середине XIX в. не превышал 6,6%, тогда как в целом по европейской России он составлял около 8%[99].

Экономика

Начало формирования крупной государственной промышленности в Карелии было связано с Великой Северной войны 1700—1721 гг., в особенности с первым неудачным ее этапом, когда русская армия потеряла почти всю артиллерию. В этих условиях "преумножение оружия" стало главной заботой правительства Петра I. Требовалось ускоренное становление производства, которого можно было добиться только путем привлечения потенциала уже существовавших в крае частных метал-

лургических заводов. В 1700 г. их владелец Бутенант фон Розенбуш получил заказ на изготовление бомб, лопат и железа для оковки пушечных стволов. В январе—мае 1701 г. на пушечном дворе в Москве с его заводов было принято 21 740 гранат и 2161 пуд железа[100]. Первые успехи были поддержаны правительством. Из Москвы в Олонецкий уезд направились четыре мастера пушечного дела. Бутенант получил значительную — 1000 руб. — ссуду на расширение производства. Кроме того, по просьбе Бутенанта, приписанных к заводам крестьян запретили брать "в датошные люди", "дабы заводам от того остановки не было ... или деньгами вместо них", и вообще "их ни в какие тяготы не наряжать и не волочить"[101].



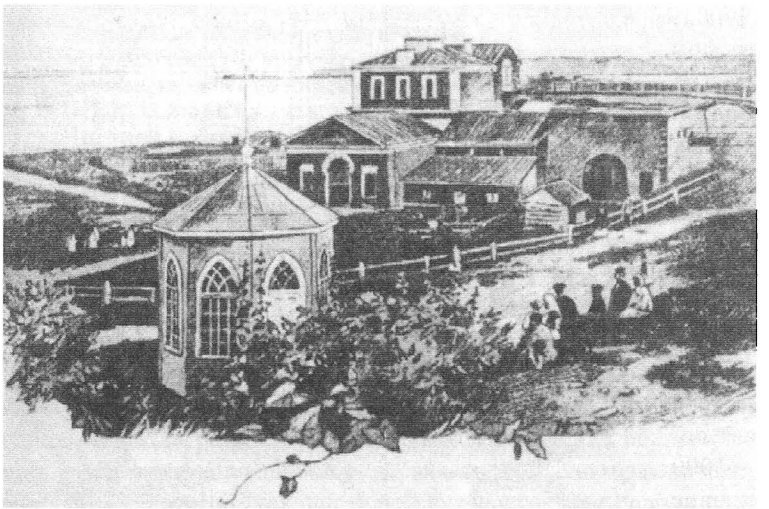
План слободы Петровских заводов

Итак, если до начала Северной войны Олонецкие железоделательные заводы Бутенанта не имели большого значения в производстве военной продукции, то в первые годы XVIII в. они сыграли важную роль в деле снабжения русской армии и флота артиллерийским вооружением и боеприпасами. За это время на них было отлито около 180 пушек, изготовлено свыше 100 000 единиц артиллерийских боеприпасов[102].

В июле 1703 г. заводы Бутенанта были переданы в казну. Для управления заводами был прислан полковник Селиверст Незнанов[103]. Столь радикальная акция, видимо, объяснялась тем, что в условиях затягивавшегося противоборства со Швецией государство стремилось взять военную промышленность под полный контроль. Подтверждение этого содержится в письмах А.А. Бутенанта и А.Д. Меншикова к Петру I. Так, в письме А.Д. Меншикова царю от 27 июля 1703 г. упоминается, что специальным указом он запретил давать железо с Олонецких заводов "в посторонние дела ... без указу". Очевидно в предшествующее время часть продукции реализовывалась заводчиком по своему усмотрению.

Кроме того, изготовленное на заводах оружие, в котором остро нуждалась действующая армия, нередко задерживалось в дороге на многие месяцы из–за того, что приказчики Бутенанта не могли договориться с крестьянами о расценках на провоз продукции в Новгород, а переписка заводовладельца по этому вопросу с центральными учреждениями и местными властями затягивалась[104]. Конечно, Петр I не мог мириться с таким положением.

Перешедшие в казну заводы Бутенанта положили начало формированию системы Олонецких Петровских заводов. Они должны были снабжать строящийся Балтийский флот пушками и корабельной оснасткой. К 1710 г. Фоймогубский, Кедрозерский,



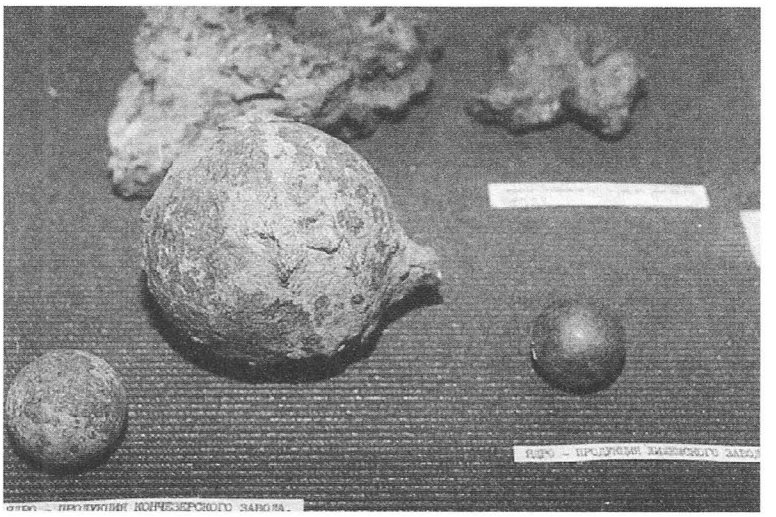
Кончезерский завод

Лижемский заводы прекратили свою деятельность, исчерпав близлежащие запасы руды. Устьрецкий завод продолжал действовать до 1719 г. Эти предприятия подготовили почву для постройки новых более мощных государственных горных предприятий.

Одновременно с формированием системы Петровских заводов началось строительство Олонецкой верфи. Отчаянная потребность в военном флоте на Балтике проявилась сразу же после начала военных действий. На первых порах отсутствие кораблей здесь могло быть компенсировано переброской их с Белого моря. Это нетрадиционное мероприятие вошло в историю под названием "Осударевой дороги". Конечно, такой способ пополнения Балтийского флота не мог быть постоянным. Поэтому решено было начать строительство судов в непосредственной близости от театра военных действий. 24 марта 1703 г. "по указу Великого государя Петра Алексеевича и по приказу губернатора Меншикова" состоялась закладка первых военных кораблей в Лодейном Поле на реке Свирь в Олонецком уезде[105].

К 22 августа была завершена первая серия кораблей: фрегат, 4 буера, флейт, 2 шмака, почт–галиот. 8 сентября эта флотилия под командованием находившегося на фрегате "Штандарт" Петра I отправилась в Петербург. После военных успехов 1704 г. (овладение Дерптом и Нарвой) базовая верфь Балтийского флота разместилась в Петербурге. Однако судостроение продолжилось и на Олонецкой верфи. Так, 4 марта 1707 г. корабельный мастер Броун заложил здесь бомбардирский галиот "Надежда", рассчитанный на вооружение из 14 орудий и 2 мортир (спущен на воду 30 мая 1708 г.)[106].

В конце августа 1703 г. на западном берегу Онежского озера в устье р. Лососинки началось строительство головного предприятия системы Олонецких заводов — Петровского. Строительству предшествовал приезд в Карелию экспедиции "для поиску руд". Ее возглавляли дозорщик Иван Патрушев и горный мастер Иоганн Блюэр. Обнаруженные руды оказались вполне пригодными для производства, а река Лососинка давала энергию в достаточном количестве. Большое значение, которое придавалось новым заводам, обширные полномочия, предоставленные заводской администрации, превращали прежде малонаселенную местность в административный и экономический центр[107].



Гранаты и бомбы - продукция Кончезерского завода

Строительством завода руководил мастер горных дел Яков Власов (Власьев), прибывший из Москвы с группой учеников заводского дела. Крайняя нужда в пушках и корабельном снаряжении заставляла вести строительство ускоренными темпами. В декабре 1703 г. были задуты первые доменные печи, а в 1704—1705 гг. сооружены молотовая, оружейная и другие "фабрики" (цеха). Строительство продвигалось быстро и стоило дешево: в основном использовался труд приписных крестьян.

Также в 1703 г., через месяц после закладки Петровского завода, на северном берегу Онежского озера в устье р. Повенчанки началось сооружение второго крупного казенного завода — Повенецкого. К весне 1704 г. на предприятии отлили первую партию пушек, а весной 1706 г. возведение четырех домен и всех цехов было завершено.

В 1705—1706 гг. на берегу реки Телекинки в Выгозерском погосте в 40 верстах от Повенца был сооружен третий горный завод — Алексеевский. Он имел две домны, молотовую с двумя горнами и другие цехи. Завод располагался рядом с Осударевой дорогой, и его продукция поставлялась не только на Балтийский флот, но и на Беломорскую флотилию[108].

В 1706—1707 гг. в 40 верстах от Петровского на перешейке между Пертозером и Кончезером был построен Кончезерский медеплавильный завод. В 1719 г. на нем ввели в строй две домны, и он начал функционировать еще и как чугуноплавильный. Кончезерский завод завершил создание задуманной Петром I системы олонецких горных предприятий.

Новые горные заводы далеко превзошли своих предшественников — заводы Бутенанта. Газета "Ведомости" в январе 1704 г. сообщала, что на территории Шуйского, Толвуйского, а также других погостов найдена железная руда и "двои заводы заведены великие, и всяких припасов, к железному делу надлежащих, приготовлено многое число, а железо явилось изрядно в деле"[109]. Успешная организация производства на Олонецких Петровских заводах стала возможной благодаря значительным запасам железной руды, ремесленным навыкам населения, традиционному спросу на изделия из железа на общероссийском рынке. Еще одним весьма существенным фактором стал приток специалистов из–за пределов Карелии.

В. И. Геннин

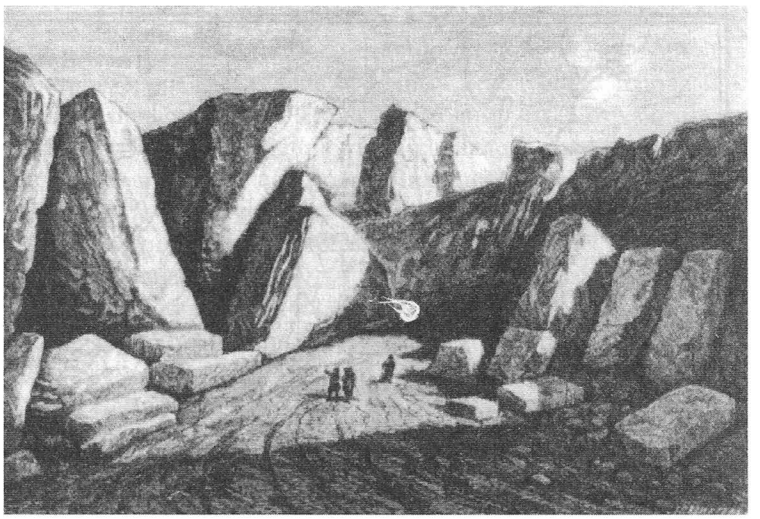
В Российском государстве XVIII в. основным центром производства оружия была Тула. Поэтому именно на тульских мастеров были возложены задачи "преумножения оружия" и в других регионах страны. В 1704 г. из Тулы на Олонецкие Петровские заводы в принудительном порядке было отправлено 170 оружейников. Кроме того, на заводские работы посылались также рекруты из военного ведомства. Подсобные работы выполнялись приписными крестьянами. Тульские мастера, прибывшие на Олонецкие Петровские заводы, создали здесь не только военное производство, но и школу оружейников[110].

Уже в 1705 г. производство ружей было доведено до 2500, а позднее — до 7000 штук. Качество было сравнительно высоким. Так, в 1708 г. из присланной в Москву с Петровских заводов партии в 3000 ружей негодными оказались только 2 (возможно, поврежденные в пути), а в феврале—марте 1709 г. все доставленные 3500 ружей оказались годными.

Для управления всеми карельскими предприятиями была учреждена контора Олонецких Петровских заводов. Высоко оценивая успехи Петровских заводов, историки, как правило, дают нелестные характеристики их первому начальнику Алексею Степановичу Чоглокову, который "плохо знал порученное ему горнозаводское дело"[111]. Подлинный расцвет заводов, как правило, связывают с деятельностью Вильяма Ивановича Геннина. Именно им были введены новые, передовые методы организации труда. Геннин распорядился "надзирать за тем, чтобы припасов при заводах было довольно и за недостатком мастера не гуляли... А ежели от несмотрения за недостатком приготовленных припасов мастера будут гулять праздно и от того учинится убыток, то все ... взыскано будет на управителе"[112].

Значительный вклад внес В.И. Геннин и в совершенствование производственного процесса. Так, он изобрел вододействующую сверлильную машину, о которой писал в Адмиралтейство: "Ныне выдумал я и сделал новую машину водяную: стоя точу пушки 24"фунтовые по две вдруг, да третью сверлит почитай без людей. Только к оной машине надобно три человека, а прежде сего на работе у оного точения и сверления было 40 человек. Такой машины нигде нет и не слышно... Через выдуманные мною машины государю прибыль 500 рублев в год приходит"[113].

После окончания Северной войны оружейный цех Петровского завода был переведен в Сестрорецк. Туда же отправился В.И. Геннин, взяв с собой более четырехсот мастеровых с Олонецких заводов. В.И. Геннин полагал, что местные запасы природ-



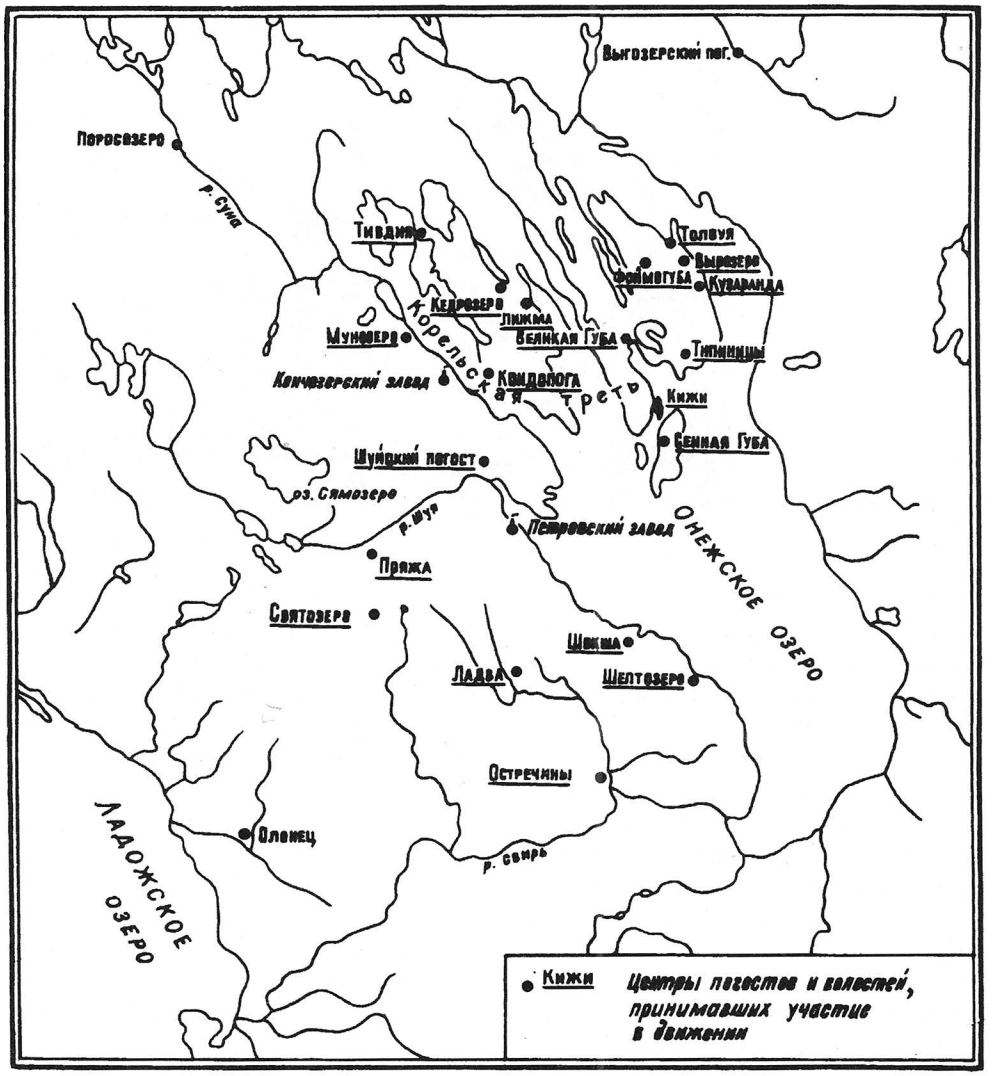
Мраморная ломка

ных ресурсов, необходимых для производства, исчерпаны: "При Олонецких заводах лес уже отдалел и руда железная начала пресекаться". Начался кризис Олонецких Петровских заводов, и вскоре производство на них вовсе прекратилось[114]. В государственной промышленности Карелии наступила новая эпоха, связанная, с одной стороны, с использованием прочих — помимо железной руды — природных ресурсов, а с другой — с упадком горно–металлургического производства, ориентированного, главным образом, на военные нужды.

Тем не менее, горная промышленность Карелии не прекратила своего существования. В 1730–х гг. началась разработка Воицкого рудника. Добытая здесь медная руда перевозилась на Кончезерский, а позднее на Петровский медеплавильные заводы. В ходе работ выяснилось, что в забоях встречается и небольшое количество золота. Присланный из Берг–коллегии бергмейстер Шамшиев организовал его добычу параллельно с добычей медной руды. С 1745 по 1769 г. Воицкий рудник дал около 1,5 пуда золота и значительное количество руды, из которой выплавили 4233 пуда меди. В 1770—1771 гг. рудник бездействовал. С 1772 г. на нем по настоянию директора Берг–коллегии Ф.И. Соймонова возобновились работы, продолжавшиеся до 1783 г. Золота было получено еще 2 пуда 39 фунтов 48 золотников, а из поднятой "на–гора" руды выплавлено 2380 пудов меди. В третий раз Воицкий рудник восстановил в 1791 г. граф Гаррш. Им были установлены новые толчеи, "огненная машина" для откачки воды, но уже в 1794 г. работы окончательно прекратились как "бесполезные и убыточные казне"[115].

С началом царствования Екатерины II в государственной промышленности Карелии началось заметное оживление. В частности, с середины XVIII в. получила развитие добыча строительного камня для сооружения дворцов и набережных Санкт–Петербурга, которая производилась в Соломенном и близ Шокши. Но наиболее важное значение приобрели Тивдийские мраморные ломки. Здесь с конца 1760–х гг. шла усиленная заготовка мрамора, который отправлялся в столицу на возведение Исаакиевского собора.

Вспыхнувшая в 1768 г. война с Турцией побудила правительство Екатерины II обратить внимание и на перспективы развития металлургии в Карелии с целью во-



Антифеодальное движение олонецких приписных крестьян в 1769—1771 гг.

зобновления здесь производства орудий для флота. В начале 1769 г. Адмиралтейская коллегия направила в Олонецкий горный округ с ревизией генерал–поручика Демидова. Осмотрев два действовавших к тому времени металлургических предприятия округа — Кончезерский чугуноплавильный и Петровский медеплавильный заводы, Демидов остался недоволен их состоянием и пришел к выводу о необходимости строить новый пушечный завод на р. Лижме. Однако уже на начальном этапе строительные работы были прерваны событиями, получившими название Кижского восстания приписных крестьян 1769—1771 гг. Волнения приписного населения, обусловленные его исключительно тяжелым положением, имели место и прежде. Так, после объявления царского указа о приписке к заводам Бутенанта в конце XVII в. крестьян Заонежья, последовал их отказ исполнять заводские работы. Подобная же ситуация в

отдельных волостях имела место в 1715, 1749—1750 гг. Однако выступление 1769—1771 гг. отличалось особым размахом. Поводом к восстанию послужил сенатский указ от 27 мая 1769 г., предусматривавший увеличение оброчных и подушных платежей с 1 руб. 70 коп. до 2 руб. 70 коп., причем 1 руб. 70 коп. необходимо было отработать на вспомогательных заводских работах. Объявление указа совпало с массовой высылкой крестьян в неурочное летнее время на постройку Лижемского завода и добычу мрамора на Тивдийские ломки. Масла в огонь подлили неосторожные заявления чиновника Назимова, который, получив взятку, истолковал сенатский указ в выгодном для крестьян духе, объявив, что они обязаны будут отрабатывать на заводской барщине лишь по 70 копеек с души, а остальное вносить деньгами.

Отказ крестьян выполнять заводские повинности поставил под угрозу деятельность горных заводов. На Кончезерском заводе в июле 1770 г. из–за недостатка древесного угля была потушена последняя доменная печь. Начались перебои с топливом и на Петровском медеплавильном заводе. Остановились строительные работы в Лижме.

На Олонецкие заводы прибыл генерал Лыкошин, наделенный исключительными полномочиями для борьбы с беспорядками. Первым значительным мероприятием возглавляемой им комиссии стал вызов старост на заводы. Запуганные Лыкошиным старосты приносили извинения за свои погосты и возвращались обратно. Однако вскоре последовал новый взрыв возмущения. Когда направленная в Заонежье по приказу Лыкошина воинская команда арестовала одного из крестьянских вожаков — Клима Соболева, — крестьяне отбили арестованного и изгнали команду из Заонежья.

Упорное сопротивление приписных крестьян стало серьезно беспокоить правительство. 3 апреля 1771 г. Екатерина II издала указ "об усмирении беспокойств, происшедших между олонецкими крестьянами". В июне 1771 г. на Петровском заводе был сформирован карательный отряд под командованием полковника князя Урусова, состоявший из трех рот и артиллерийской команды с двумя пушками. 30 июня 1771 г. каратели прибыли в Кижи. Под жерлами пушек крестьяне, собравшиеся у Преображенской церкви, поняли бесполезность сопротивления. Восстание было подавлено[116].

После разгрома движения приписных крестьян, работы по строительству Лижемского завода, однако, более не возобновлялись. В январе 1772 г. президент Берг–коллегии М.Ф. Соймонов, совершив поездку в Карелию с крупным специалистом горного дела А.С. Ярцовым, избрал иное место для постройки предприятия по производству пушек — на реке Лососинке (выше бывшего Петровского завода). Вскоре бергмейстер Ярцов стал начальником строящегося завода[117].

Строительству предшествовали большие подготовительные мероприятия. В 1772—1773 гг. были проведены экспедиции, в результате которых удалось открыть около 140 новых рудников, заготовлялись лесоматериалы и камень, велось сооружение плотин.

В условиях продолжавшейся русско–турецкой войны и вспыхнувшего под предводительством Е.И. Пугачева восстания, охватившего Поволжье и Южный Урал, новый пушечный завод строился стремительными темпами. 10 июня 1774 г., "при собрании множества народа", были задуты две домны. В начале 1775 г. вступила в строй 3–я и в 1776 г. — 4–я (самая большая) доменные печи. Летом 1774 г. началось освоение производства пушек и других изделий. Под руководством А.С. Ярцова предприятие наращивало поставку орудий. Если в 1775 — 1777 гг. завод ежегодно давал в среднем по 64 пушки, то в 1779 г. была сдана 91, а в 1780 г. — 166 пушек. Брак при отливке орудий, достигавший вначале 70%, удалось снизить до 27%. Однако проводимые опыты по совершенствованию технологии литья не были доведены до конца, так как в 1780 г. А.С. Ярцов был переведен в Петербург. С уходом Ярцова производство пушек

Чарльз Гаскойн

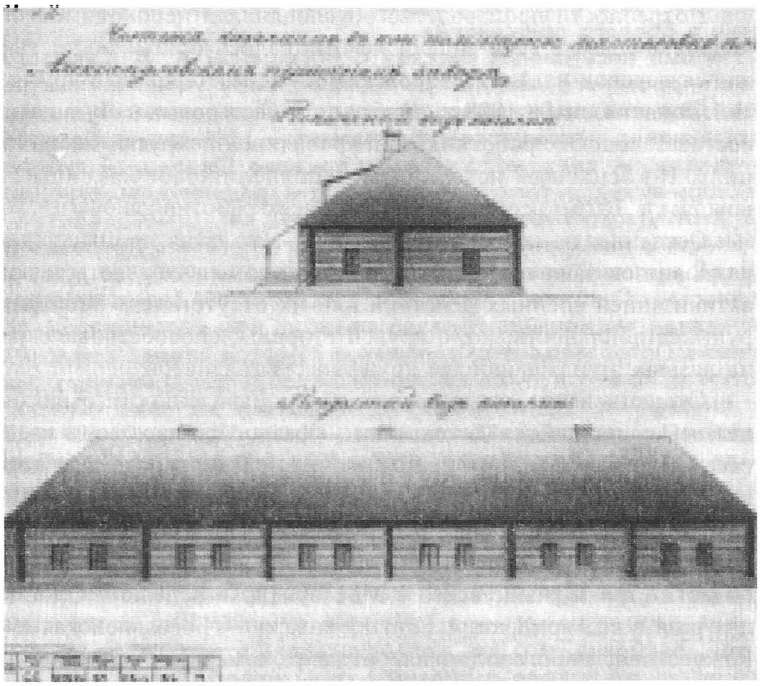
на предприятии заметно упало. В 1782 — 1786 гг. армии и флоту сдавалось в среднем по 83 орудия при 63% брака[118].

Начался подбор нового администратора. Причинами особого внимания Екатерины II к Александровскому пушечному заводу, побудившими ее с особой тщательностью подойти к выбору директора явились: во–первых, важное стратегическое значение предприятия, расположение которого позволяло в любое время года подвозить его продукцию в столицу и на южный театр военных действий и, во–вторых, необходимость реконструкции завода в соответствии с возросшими потребностями армии. Выбор пал на директора английских Карронских заводов шотландца Чарльза Гаскойна. Правда, переезду выдающегося специалиста в Россию препятствовало обострившееся в этот период противостояние с Англией. И тем не менее, после длительных переговоров с русскими министрами, Ч. Гаскойн, получивший значительные привилегии, в мае 1786 г. тайком от правительства Великобритании прибыл в Россию[119].

Ч. Гаскойн провел на заводе значительную перестройку. Было модернизировано доменное хозяйство, деревянные мехи заменены воздуходувными машинами, установлены "самодувные" печи для изготовления отливок и горизонтальные сверлильные станки, между цехами проложен "чугунный колесопровод"— первая в стране железная дорога, внедрен ряд других новшеств. Орудия стали отливать по карронскому методу — цельными болванками, а не по сердечнику с получением готового канала ствола. Окончательно пушки теперь отделывались путем высверливания канала ствола и запального отверстия. Реконструкция позволила увеличить объем производства и снизить процент брака при литье пушек. С 1793 г. завод ежегодно давал артиллерии от 340 до 850 орудий при среднем уровне брака не более 15% [120].

В отличие от Ярцова Гаскойн был сторонником применения принудительного труда, который приносил большие барыши. Гаскойн упорно боролся за сохранение института приписных крестьян и выступал за применение на основных работах солдат, ссыльных и пленных, которым из казны выплачивались гроши[121].

С 1810–х гг. в металлургической промышленности Карелии начался застой, обусловленный износом оборудования, а также возрастанием роли столичных заводов, располагавших более современным оборудованием. Застой не означал, однако, полного прекращения производства. Так, на Александровском заводе был налажен выпуск морских пушек "по новой пропорции"[122]. В 20—40–х гг. Олонецкие горные заводы ежегодно поставляли для флота и крепостей от 250 до 700 гладкоствольных орудий разных калибров, и сокращение их производства обусловливалось не столько возможностями самого завода, сколько уменьшением заказов со стороны военно–морского ведомства[123].



Казарма мастеровых Александровского завода

Другим направлением деятельности заводов в конце XVIII —первой половине XIX вв. являлся выпуск "партикулярной" продукции. Например, в 1795—1796 гг. была изготовлена чугунная решетка для Александровского сада в Царском Селе. Но наибольшее количество предметов художественного литья производилось в XIX в., особенно в те годы, когда сокращались военные заказы. На заводе отливались бюсты и статуи писателей (Пушкина, Гёте и Шиллера), полководцев (Суворова и Наполеона), древнеримских богинь (Флоры и Дианы), русских царей (Николая I и Александра I)[124].

Освоение выпуска сугубо гражданской продукции, своеобразная "конверсия", стало новшеством в деятельности Олонецких горных заводов. Преобразованиям подверглось и управление. В 1796 г. была ликвидирована Канцелярия Олонецких Петровских заводов. Вместо нее был образован комитет, подчиненный горной экспедиции. Однако в действительности ни экспедиция, ни комитет не играли большой роли. Все важнейшие вопросы решались генерал–губернатором и директором заводов.

Основной тенденцией в развитии заводской администрации в первой половине XIX в. явилось ее обособление от губернских властей. Олонецкий губернатор лишался права вмешиваться в деятельность завода. Увеличивались штаты заводского правления. В его состав входили горный начальник, 3 члена правления и секретарь. Переписку, денежные дела и отчетность выполняла канцелярия, находившаяся в ведении секретаря правления и подчиненных ему бухгалтера и казначея. Техническо–производственными вопросами занималось общее управление, в состав которого входили смотрители рудников, механик, архитектор, окружной лесничий и др. Полицейскую часть возглавлял полицмейстер, старшие и младшие горные приставы и подчиненные им нижние полицейские чины. Во главе завода стоял управитель, а цехов — смотрители[125].

Потребности производства обусловливали необходимость в пополнении рабочих кадров. Решение этой задачи не отличалось оригинальностью. Во–первых, продолжился перевод на Александровский завод мастеровых с других российских предприятий. В частности, в 1808 г. прибыло 50 мастеровых с Луганского завода. Во–вторых, в состав заводских работников направлялись рекруты, набранные в приписных селениях. Но основным источником пополнения рабочей силы стали дети мастеровых, которые в 1826 г. составляли 64,7% всех работников[126].

Созданная за короткий срок горно–заводская промышленность Карелии была неразрывно связана с военным производством, и ее взлеты и падения обусловливались активизацией военных действий или их отсутствием. Это придавало отрасли некоторую нестабильность, но, с другой стороны, способствовало привлечению в Карелию на разных этапах наиболее крупных специалистов.

Существование государственной промышленности было бы невозможно без важнейшей составляющей экономики — разнообразных форм частного предпринимательства, прежде всего, торговли. К началу рассматриваемого периода в качестве торгового центра на территории Карелии выделялся Олонец. Помимо местной торговли, в городе производился обмен привозимых через Финляндию шведских меди и железа на отечественные товары. Из Олонца шведские товары отправлялись во внутренние области страны, чаще всего в Москву. Раз в неделю в Олонце собирались базары, а два раза в год ярмарки: с 6 по 13 января — Богоявленская и с 8 по 16 сентября — Рождественско-Богородицкая. "И на те ярмарки с такими ж мелочными товары, и с луком, и с чесноком, и с уксусом и с протчими приезжают новгородцы, и ладожаня, и тихвинцы, и каргопольцы, и углечане"[127]. Прямые сведения о размерах товарооборота в городе отсутствуют. Известно лишь, что в 1717 г. в Олонце и уезде было собрано 2392,9 рубля таможенных пошлин. Основными предметами отпускной торговли являлись лен (в 1726 г. — 6430 пудов), мачтовые деревья, топленое сало, пушнина и меха (шкурки белки и горностая, меха лисьи, заячьи и рысьи). Большую часть пушнины везли на продажу в Москву и другие крупные рыночные центры[128]. Во второй половине XVIII в. с ростом оборотов Шунгских ярмарок и переносом административного центра края в Петрозаводск торговое значение Олонца снизилось.

Из различных видов торговли в XVIII —первой половине XIX вв. ведущую роль играла ярмарочная торговля. Вопрос о ее структуре является довольно сложным. Продвижение товаров к местам обмена или продажи происходило через целую цепь ярмарок, расположенных на северо–западе России. Из центра страны на север товаропоток направлялся через Весьегонск, где ярмарка проходила с 6 по 23 января, далее товары перевозили в Вытегру (ярмарка — со 2 по 12 февраля). После этого дополненный товаропоток разделялся: отчасти он направлялся в сторону Архангельска (через Каргополь), отчасти — в Олонец, откуда, через две действовавших там ярмарки, грузы развозились по различным местностям карельского края[129].

Громадные территории северного района снабжались мануфактурной продукцией из центра и северо–запада России посредством Шунгских ярмарок. На них же активно реализовывались товары местного происхождения (главным образом рыба и пушнина). Поскольку ярмарки в Шунгском погосте проводились два раза в год, то товары из Петербурга следовали туда двумя потоками: Петербург — Новая Ладога (15—24 августа) — Тихвин (1—4 октября) — Шуньга (6—12 января) и Петербург — Новая Ладога (25—29 июля) — Тихвин (23 февраля —10 марта) — Шуньга (25 марта — 3 апреля)[130].

Конечно, в данной схеме пути продвижения товаропотоков представлены в са-

мом общем виде. Во–первых, в ней учтены лишь крупные, межрегиональные ярмарки. Во–вторых, география деловых связей купечества Карелии была значительно многообразнее и сложнее. Так, на ярмарку в Шунгский погост приезжали купцы из Москвы, Новгорода, Тихвина, Архангельска, Каргополя, Вологды, "ближних лопских селений". На ярмарки в Олонец съезжались купцы из Тихвина, Петербурга, Ладоги и многих населенных пунктов Олонецкой провинции, а затем и губернии. В свою очередь, купцы — выходцы из Олонецкого края — посещали многие ярмарки, проходившие в городах северо-запада и центра России. В XVIII в. сложились тесные торговые связи Карельского Поморья с общерусским рынком через Каргополь, Вологду, Ярославль, Москву и Нижний Новгород[131].

Заметную роль в торговой жизни края играли прямые — минующие ярмарки — товаропотоки. Используя сложившуюся систему водных путей и дорог, из Повенецкого уезда вывозили крестьянский уклад (высококачественное железо), из Пудожского — лен и пеньку. Петрозаводский уезд поставлял на рынок заводские изделия. Близкое расположение Олонецкого уезда к Санкт–Петербургу позволяло местному купечеству пользоваться выгодами торговли лесом. С этой целью в Олонецком уезде в конце XVIII в. были построены вододействующие лесопильные заводы — "пильные мельницы"[132]. Еще одним направлением продвижения прямых товаропотоков была Финляндия, куда из Карелии вывозились зерно, пушнина, а также лен и конопля для нужд судостроительной промышленности[133]. Вывоз и ввоз товаров в Карелию осуществлялся, таким образом, и периодически — посредством ярмарочной торговли, и постоянно — при прямых закупках и перепродажах.

Наряду с ярмарочной функционировала стационарная торговля, которая сосредоточивалась в городах. Как явствует из "Табелей" городских магистратов за 1790 г., по числу постоянных торговых заведений тогда первое место в крае занимал Петрозаводск, где имелось 93 лавки, в том числе 15 каменных и 78 деревянных. Из числа уездных городов по количеству лавок резко выделялся Олонец (89), за ним следовали Пудож (12) и Повенец (6). В уездных центрах все лавки были деревянными.

В отношении разносной торговли источники позволяют выявить два основных направления отхода коробейников из Карелии. Первое — Санкт–Петербург. В данном случае, однако, следует различать торговлю товарами, произведенными в олонецком крае, и товарами, изготовленными в столице и реализуемыми здесь выходцами из Карелии. Сохранились сведения только о втором виде разносной торговли. Например, "устойчивым был отход из Заонежья небольшой группы конфетчиков, о которых мы встречаем упоминания еще в материалах 70—80–х гг. XVIII в."[134].

Второе направление разносной торговли — "Шведская Финляндия". Карельские торговцы продавали в селениях сопредельной страны нитки, полотно, набойки, пряники, юфть, то есть товары, традиционно относящиеся к ассортименту коробейной торговли. К сожалению, объем разносной торговли по имеющимся источникам проследить невозможно, поскольку далеко не весь товар, проходивший через границу, регистрировался на таможнях[135].

Власти предпринимали попытки воздействовать на состав и размещение представителей торгового сословия, а также на организацию самой торговли, руководствуясь собственными представлениями о ее рациональном устройстве. Так, Петрозаводский городовой магистрат с самого начала своего существования (1777 г.) добивался перенесения Шунгской ярмарки в Петрозаводск. Новгородское наместническое правление благосклонно отнеслось к ходатайству и определило "для съезда уездных обывателей" еженедельно четверг и воскресенье, а ярмарку распорядилось

перенести из Шуньги в Петрозаводск. Однако в декабре 1778 г. магистрат доносил, что в назначенные дни торга не было, так как скупщики "съестные припасы и прочее везут мимо городов". И ярмарки 1779 г. также прошли не в Петрозаводске, а в Шуньге[136]. В данном случае ярко проявилась роль традиции в формировании инфраструктуры торговых отношений, поскольку еще в XVI в. торговцы использовали Шунгскую ярмарку как перевалочный пункт, а обслуживание торговых операций превратилось в своеобразный вид промысла для местных жителей. В 1782 г. принимается решение об оставлении Шунгской ярмарки на прежнем месте.

Государственное вмешательство в важнейшую сферу частного предпринимательства — торговлю — проявлялось также в создании казенных магазинов. Имеющиеся в них запасы соли и хлеба были предназначены для предоставления зерна в долг местному населению и для продажи за рубеж. Непосредственным поводом к учреждению магазинов послужило известие о том, что "в Паданском уезде по дороговизне хлеба некоторые из крестьян питаются сосновой корой". Екатерина II сделала вывод о том, что "вся та страна была оставлена без всякого призрения от тех, кому подобало иметь хозяйственное о ней попечение". Сенат, которому была поручена разработка конкретных мер, указал на необходимость "учредить в Паданском уезде запасный магазин, для которого сколько надо будет суммы, разумея при сем покупку хлеба и создание амбаров, Сенат ожидать будет представления с ясным тому распоряжением". Через три года поступило также распоряжение об устройстве "при Кимасозерской выставке соляного магазина для продажи соли за границу, где привозимая испанская соль обходится дороже русской"[137].

В 1785 г. началось воплощение на деле распоряжения правительства о хлебных магазинах: были выделены деньги на закупки хлеба "в изобильных и удобных к доставлению его в магазины местах" и присланы рекомендации, определяющие раздачу зерна. Предполагалось, что крестьяне, взяв жито, должны будут либо "вернуть с первого умолота нужное количество, или вернуть деньгами". Стремление правительства наладить снабжение страны продовольствием с использованием рациональных методов организации торговли проявилось также "в назначении какия соли к употреблению свойственнее и здоровее, и сколько и откуда на изготовление и доставление полагается денег". В указе был назван поставщик соли и для Олонецкой губернии.

Однако государственное вмешательство в сферу торговли в XVIII в. носило, все же, экстраординарный характер и было связано с помощью жителям отдельных местностей, оказавшимся в особо тяжелом положении. Основная масса товаров поступала в край благодаря предприимчивости наиболее активной части его жителей — купцов и торгующих крестьян.

Важную роль в торговле играла и мобилизация товаров. Этот процесс также был обусловлен наличием торговых путей, размещением купеческого сословия, возможностями использования природных ресурсов, традициями в сфере организации торговли и наличием торговой инфраструктуры, политикой местных и центральных властей. Он предполагает наличие скупщиков, имеющих свободные денежные средства, и крестьян, располагающих излишками продукции, но не способных, в силу каких-либо причин, самостоятельно ими распорядиться. С точки зрения властей, торговые операции, связанные с мобилизацией товаров, были довольно прибыльны. Так, Олонецкий губернатор писал: "Продажа местных произведений издавна приобрела здесь разнообразный характер. Скупщики разъезжают по деревням и скупают у крестьян по мелочам звериные шкуры, дичь, рыбу, лен, грибы, деготь и, в свою очередь, перепродают их на ярмарках оптовым торговцам. Таким образом, крестьянское населе-

ние продает местные произведения за бесценок и дорогой ценой оплачивает необходимые для себя товары"[138].

Подводя итоги, необходимо отметить, что ярмарки Карелии представляли собой заключительное звено в протяженной цепи пунктов периодической торговли, посредством которой плодородные губернии России связывались с промысловыми и ремесленными окраинами империи. Возможности функционирования данной системы были связаны с наличием инфраструктуры торговли, безопасностью продвижения грузов и, не в последнюю очередь — с наличием соответствующих торговых путей.

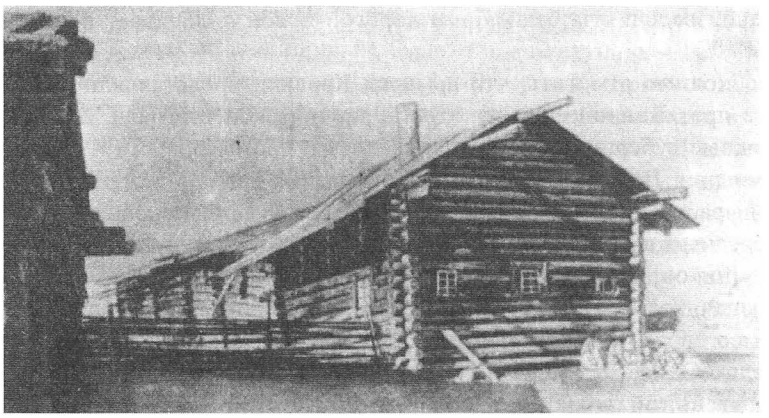
На основании источников XVIII — первой половины XIX вв. невозможно выявить сколько–нибудь значительную конкуренцию между отдельными районами Карелии. В соответствии со своей специализацией, каждый из уездов был вовлечен в периодическую торговлю. Однако степень их участия в ней была различна. В ряде случаев взамен медлительной ярмарочной торговли формировались прямые товаропотоки. Столь же слабо конкурировали между собой стационарная и ярмарочная торговля: первая была связана с городским укладом жизни, а вторая — с сельским.

В XVIII — первой половине XIX вв. развитие торговли опиралось на крестьянское хозяйство, все более тесно связывавшееся с рынком. Поземельной организацией в Карелии оставалась община, которая включала в себя деревни, входившие в состав одной волости или погоста. В распоряжении крестьянской общины–волости находились леса, луга, пастбища, промысловые угодья, пустоши и частично сенокосы. Усадебные участки, посевные площади и часть покосов оставалась в частном пользовании крестьянских хозяйств. В то же время продолжался процесс разложения общины. Наблюдалась тенденция к подворно–частному пользованию сенокосными и промысловыми угодьями. Несмотря на правительственный запрет, крестьяне продолжали распоряжаться своими надельными участками, продавать, закладывать, передавать их по наследству. Это способствовало неравномерному распределению земли между крестьянами, концентрации наделов у одной части хозяев и обезземеливанию другой.

Негативное воздействие на развитие сельского хозяйства края оказало строительство Олонецких Петровских заводов. Увеличение государственных налогов, принудительные заводские отработки, мобилизации мужского населения в солдаты были основными причинами оттока населения и упадка крестьянского хозяйства. Серьезный урон селу наносили русско–шведские войны.

В первой четверти XVIII в. площадь посевов значительно сократилась. Перепись 1707 г. свидетельствует: в волостях и погостах, население которых было приписано к заводам, от 30 до 40% пахотных земель было заброшено. В условиях военного времени сократилось поголовье скота, что отрицательно сказалось на урожайности. Во второй четверти XVIII в. шел процесс освоения заброшенных земельных участков и к концу 1750–х гг. посевные площади были восстановлены, однако сколько–нибудь заметного прироста их по сравнению с XVII в. не произошло[139]. Рост малоземелья начался приблизительно с 1780–х гг., когда проблема выбора экстенсивного (за счет подсеки) или интенсивного пути развития сельского хозяйства стала чрезвычайно острой. Как и повсюду на Европейском Севере России, крестьянство Карелии выбрало преимущественно первый путь.

В первой половине XIX в. в крае наблюдалось некоторое расширение посевов зерновых культур. За период с 1810 по 1853 гг. посевы хлебов здесь возросли на треть (с 60,7 до 80,3 четверти)[140]. Однако урожайность была по–прежнему низкой — в среднем сам — 3—4. Общий объем земледельческого производства оставался небольшим.



Курная изба в Повенецком уезде

В 1850–х гг. в уездах Олонецкой губернии чистые среднегодовые сборы хлебов составляли 1,35 четверти на человека — вдвое меньше, чем в целом по европейской России. В южных районах Карелии своего хлеба в лучшем случае хватало только на 6—7 месяцев, а в северных — лишь до января[141]. Остальная часть хлебопродуктов доставлялась из–за пределов края, главным образом из Поволжья. Многие крестьяне из–за нехватки средств для покупки привозного продовольствия даже в урожайные годы вынуждены были добавлять в муку солому, мох, молотую древесную кору. В неурожайные годы основная масса крестьянства влачила существование на грани голодной смерти.

Медленными темпами развивалось и животноводство. Если в 1837 г. в карельских уездах Олонецкой губернии имелось 23,7 тыс. лошадей и 51,5 тыс. коров, то к 1848 г. количество лошадей увеличилось лишь до 24,7 тыс. (на 4,4%), а коров — до 52,8 тыс. (на 2,5 %)[142]. В своей массе скот был малопродуктивным. Породистых коров и лошадей содержали только немногие богатые крестьяне. Слабая кормовая база, эпизоотии также сдерживали рост поголовья скота.

И все же животноводство Карелии активнее, чем земледелие, втягивалось в товарно–денежные отношения. Нередко большие гурты скота из Олонецкого, Петрозаводского и Пудожского уездов перегонялись по Петербургскому тракту в столицу. По данным за 1816—1825 гг. крестьяне одного только Петрозаводского уезда реализовывали животноводческой продукции в среднем на сумму 12,5 тыс. рублей в год, что составляло примерно 15% всей их торговой выручки.

Только в урожайные годы крестьяне земледельческих районов края могли обеспечить свое существование за счет земледелия и скотоводства. Поэтому традиционные промыслы продолжали играть важную роль в хозяйстве. В то же время значительный ущерб соляным и рыбным промыслам Карелии нанесло установление государственной монополии на соль. Стремясь увеличить государственные доходы, правительство Петра I объявило в 1705 г. государственную соляную монополию. Специальные “соляные головы” и целовальники следили за тем, чтобы промышленники сдавали в казну всю добытую соль “по вольной цене”, а сами продавали эту соль населению по более высоким ценам. Кроме того, рыбные промыслы все чаще стали эксплуатировать монастыри, дворцовые ведомства и частные компании. Все это привело к тому, что в середине XVIII в. солеварение и рыбный промысел в Карельском Поморье значительно сократились[143].

Во второй половине XVIII в. объем продукции солеварения продолжал снижаться. В 1760–х гг. все монастырские и крестьянские варницы Карельского Поморья перешли в монопольное владение казны. Некоторые из них государство отдало на откуп частным лицам или в долевое владение крестьян всей волости. На остальных варницах соль производили крестьяне окрестных деревень, получая за это деньги из Олонецкого соляного комиссариата. В 1785 г. в Карельском Поморье имелось 20 солеварен, но все они находились в состоянии упадка. К концу столетия производство соли настолько уменьшилось, что губернские власти в 1792 г. ходатайствовали об отпуске для Олонецкой губернии 80 тыс. пудов пермской соли. Новый кризис солеваренного производства в крае был вызван, главным образом, открытием богатых разработок соли на Урале и сокращением в связи с этим традиционного спроса на поморскую соль[144].

В годы Северной войны железоделательные промыслы переживали застой. Власти принимали меры к тому, чтобы уклад и крицы, изготавливаемые крестьянами, не поступали на рынок, а шли на казенные заводы. В феврале 1706 г. появился указ о запрещении крестьянам выковывать уклад, а все ранее произведенные запасы под угрозой смертной казни предписывалось сдать государству. Тем не менее, мелкая железоделательная промышленность не была уничтожена — произошло лишь сокращение ее до тех пределов, в которых она представляла известные выгоды для казенного производства в качестве поставщика необходимых заводам полуфабрикатов. Произошла как бы своего рода "консервация" железоделательных промыслов. После окончания Северной войны они быстро возродились.

Во второй половине XVIII в. значение крестьянской металлургии возросло. В 1763 г. на территории Карелии было зарегистрировано 57 домниц (сыродутных печей) и 56 укладных горнов (мастерских–кузниц). Производство кричного железа и уклада значительно увеличилось. Если в 1740—1750 гг. в крестьянских домницах края выплавлялось не менее 5 тыс. пудов кричного железа, то в 1780–х гг. только из Паданского, Селецкого и других Лопских погостов на Шунгскую ярмарку доставлялось до 10 тыс. пудов уклада, для производства которого ежегодно требовалось выплавлять не менее 25—30 тыс. пудов кричного железа[145].

По всей Карелии, особенно в районах, прилегающих к Белому морю и крупным озерам, был широко распространен рыбный промысел. В Карельском Поморье морские рыбные и зверобойные промыслы служили главным источником существования населения. В 1785 г. в Кеми, например, из 178 дворов лишь 27 не занимались морскими промыслами[146]. В промысле рыбы в Белом море и у берегов Мурмана принимали участие и жители Повенецкого уезда. В XVIII — первой половине XIX вв. основная масса крестьян–поморов была опутана долговой кабалой, связанной с покрутом. Рядовые рыбаки нанимались к судовладельцам–рыбопромышленникам за определенную долю от промысла. Экипаж судна (шняки), состоящий из 4–х человек, получал за труд всего 1/3 или 1/4 промыслового дохода, а на одного рыбака приходилась 1/12 или 1/16 часть. И только кормщику кроме причитающейся доли хозяин платил еще так называемый "свершенок" в размере от 3 до 5 рублей. Такие условия найма не могли обеспечить самые минимальные потребности семьи и вынуждали рыбака идти в долговую кабалу к промышленнику. Долговые обязательства ставили рыбака–покрученника в личную кабальную зависимость от хозяина почти на всю жизнь.

В первой половине XIX в. товарное значение рыболовства и охоты заметно усиливается. В южной Карелии в 20—30–х гг. XIX в. ежегодно добывалось не менее 40

тыс. пудов речной и озерной рыбы (сига, судака, леща, лосося), две трети которой шло на продажу, главным образом, на Шунгскую ярмарку, в Петербург и Петрозаводск. Крупным районом морского товарного рыболовства было Карельское Поморье. Его жителями в конце 1840–х — начале 1850–х гг. только на отхожих мурманских промыслах вылавливалось в среднем до 185 тыс. пудов рыбы в год. Почти вся эта рыба доставлялась на кораблях в Архангельск, где сбывалась на Маргаритинской ярмарке. Кроме того, в Архангельск, Петербург и другие города непосредственно из поморских волостей вывозились десятки тысяч пудов рыбы беломорского улова (сельди, наваги, семги). Хороший сбыт на рынках находила продукция охотничьего промысла, который к середине XIX в. достиг наивысшей точки подъема.

Деятельность государственной горно–металлургической промышленности, рост крестьянских промыслов и торговли способствовали развитию судоходства. В связи с этим во второй половине XVIII — первой половине XIX в. широкий размах получило судостроение. Строились суда в деревнях и селах, расположенных по берегам основных водных магистралей. Для сооружения морских и крупных речных судов (сойм, барок, доншкоутов, тихвинок, галиотов) скупщики рыбы, владельцы лесозаводов и других предприятий нанимали через подрядчиков сотни крестьян. В Петрозаводском и Олонецком уездах в начале 1830–х гг. сооружалось в среднем по 22, а в 50–х гг. — по 39 крупных озерных судов в год. В Повенецком и Пудожском уездах ежегодно строили до 30 судов[147]. Значительный морской флот был создан руками крестьян Карельского Поморья. По официальным данным, в 1849 г. в Кемском уезде насчитывалось более 300 мореходных судов (лодей, шхун и раньшин). На этих судах осуществлялись все грузовые и пассажирские перевозки, связанные с океанскими и беломорскими промыслами.

На протяжении всего XVIII и первой половины XIX вв. довольно быстрыми темпами развивалось отходничество, которое становилось все более значительным источником заработка для крестьян. Из Карелии на отхожие промыслы в Петербург, Москву, Новгород, Ригу, Выборг, Архангельск и другие города отправлялись крестьяне различных профессий: плотники, каменотесы, столяры, кузнецы, сапожники, портные, лоцманы и т. д. Многие нанимались на работы к купцам и богатым крестьянам–подрядчикам. Плотники участвовали в строительстве морских судов, металлургических заводов, городских зданий, дворцов. Каменщики из Олонецкой губернии сооружали гранитные набережные в Петербурге, принимали участие в обработке мрамора для Исаакиевского собора.

Рост отходничества и развитие товарно–денежных отношений способствовали усилению имущественного неравенства и углублению социальных различий внутри деревни, где возрастает роль и влияние немногочисленной, но экономически наиболее активной зажиточной верхушки. В отличие от центральных земледельческих губерний, в Карелии основным источником для накопления капиталов зажиточными крестьянами служила не земля, а промыслы, торговля, подряды, ростовщические операции. Некоторые из богатых торгующих крестьян становились скупщиками и серьезными конкурентами купечеству. Они брали подряды на поставку руды и угля на казенные и частные заводы, на перевозку продукции Александровского завода в Петербург, заготовку смолы, постройку судов и зданий и т. д. Часто купец и торгующий крестьянин не отличались друг от друга ни образом жизни, ни, тем более, размером капиталов. При выполнении обязательств подрядчики (крестьяне или купцы) прибегали к наемной рабочей силе, которая вербовалась, главным образом, из своих односельчан или крестьян соседних деревень.

3. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Образование, просветительные учреждения и архитектура

Развитие образования в Карелии в XVIII в. длительное время, вплоть до середины 80–х гг., предопределялось практическими потребностями государства, связанными, во–первых, с организацией производства на казенных горных заводах и, во–вторых, с подготовкой священно– и церковнослужителей. В этих условиях образование оставалось привилегией относительно небольшой части населения. В 1715 г. на Петров-ском заводе открылась единственная тогда в России техническая школа, призванная готовить кадры для предприятий казенной металлургии. В ней обучалось около 20 учеников из бедных дворянских семей, которые изучали арифметику, грамматику, геометрию, рисование и инженерное дело. В 1723—1724 гг. предпринимаются первые попытки создания общеобразовательных школ в Петровской слободе и в Александро-Свирском монастыре. В 1727 г. в обеих школах числилось до 80 учеников. Однако с упадком Петровских горных заводов все эти учебные заведения прекратили существование. В дальнейшем в течение ряда десятилетий очагами светского образования в крае служили небольшие частные ("домашние") школы, функционировавшие в слободе Петровского завода и в г. Олонце. И лишь после постройки Александровского завода во вновь учрежденном г. Петрозаводске в 1782 г. была открыта начальная городская школа для детей купцов и мещан.

Наиболее ранние сведения о целенаправленной подготовке кадров священно- и церковнослужителей для приходов Карелии содержатся в "Ведомости Новгородского архиерейского дома о школах и бывших в 1740 году учениках". По данным "Ведомости...", в Новгороде учились тогда 13 выходцев из Олонецкого уезда, что, конечно же, было ничтожно мало для 119 церквей обширного края, упоминаемых в данных "разбора" духовенства за 1755 г.[148]. После образования в 1764 г. Олонецкой епархии был поставлен вопрос об открытии семинарии при Александро–Свирском монастыре — резиденции епископа Олонецкого и Каргопольского. Однако средства для этой цели правительство выделило только в 1779 г.[149]. Когда же семинарию в 1781 г. открыли, возникли затруднения с набором учащихся. Дети священно– и церковнослужителей вовсе не стремились пройти курс наук в новом учебном заведении, предпочитая по старинке обучаться при "отцах своих", а сами отцы не желали расставаться с сыновьями–работниками. В 1784 г. Олонецкая духовная семинария сгорела дотла, а через три года Олонецкую епархию объединили с Архангельской, которая имела свою семинарию, и вопрос на долгое время сошел с повестки дня. Таким образом, деятельность Александро–Свирской семинарии, как и других первых учебных заведений, возникавших на территории края, оказалась кратковременной.

Важное значение для развития просвещения в Карелии и стране в целом имел утвержденный Екатериной II в 1786 г. "Устав народным училищам", который стал первым общероссийским законодательным актом в области народного образования. Согласно уставу в каждом губернском городе предусматривалось открытие четырехклассного главного народного училища, приближавшегося по типу к средней школе, а в каждом уездном — двухклассного малого народного училища. В школах вводились учебные планы и классно–урочная система. Обеспечивалась и преемственность обучения за счет общности учебных планов малых училищ и первых двух классов главных училищ. Речь шла, таким образом, о создании основ целостной системы народного образования в городах.

Петропавловская церковь в Петрозаводске

В соответствии с екатерининским уставом в Карелии были открыты: в 1786 г. главное народное училище в Петрозаводске и в 1787 г. малое народное училище в Олонце. В других уездных городах из–за нехватки средств учебные заведения, предусмотренные уставом 1786 г., создать не удалось. При открытии училища в Петрозаводске в нем состояло 95 учеников, а в Олонце — 24 ученика[150]. Хотя формально новые школы носили всесословный характер, но фактически среди учащихся преобладали дети купцов и мещан. В малом училище давали элементарные знания по арифметике, чтению, письму и Закону Божьему. В главном народном училище кроме этих дисциплин преподавались также грамматика, география, история, латинский язык, физика, естествознание, геометрия, рисование, и даже "Учение о должностях человека и гражданина"[151]. Однако на практике полный четырехлетний курс наук в нем проходили лишь немногие. Один из первых учителей Петрозаводского главного училища М.В. Лопатинский впоследствии вспоминал: "Почти все родители стараются выучить детей только чтению, письму и первым четырем действиям арифметики, а потом, наблюдая свои выгоды, употребляют их по домашним надобностям или записывают в разные присутственные места"[152].

В конце XVIII в. на Александровском заводе открылась школа грамоты, в которой обучались дети мастеровых. Осенью 1800 г. ее посетил советник Берг–коллегии И. Герман. Из его записок видно, что за два года обучения учащиеся получали самые мизерные знания по русскому и латинскому языкам, арифметике, естествознанию и истории. Всего в школе насчитывалось 84 ученика, а все уроки вел один учитель — Иван Фолкерн[153].

По новому школьному уставу, утвержденному Александром I в 1804 г., система общеобразовательных учреждений подверглась существенной перестройке. В губернских городах главные народные училища подлежали реорганизации в средние учебные заведения — гимназии с четырехлетним сроком обучения, в уездных городах вместо малых народных училищ создавались уездные училища с двухлетним сроком обучения. Кроме того при церковных приходах, как в городах, так и в сельской местности, учреждались одногодичные приходские школы "для людей самых нижних состояний". Устав устанавливал преемственную связь между школами всех степеней. Содержание гимназий и уездных училищ государство принимало на себя, приходские же школы, за некоторыми исключениями, отдавались на содержание местным обществам.

Реорганизация главного народного училища в Петрозаводске в Олонецкую губернскую гимназию состоялась с некоторым запозданием — в 1808 г. Прибывшие в Петрозаводск из Петербурга несколько выпускников Главного педагогического института позволили снять остро стоявшую проблему с квалифицированными учительскими кадрами. Снабдить же гимназию ценными приборами (микроскопом, электрической машиной и другими) позволило и вовсе неожиданное обстоятельство — эвакуация в 1812 г. в связи с войной из Петербурга в Петрозаводск профессоров и студентов того же педагогического института[154].

Число учащихся в губернской гимназии в течение первой половины XIX в. было невелико. За сорок лет (1808—1848 гг.) полный курс окончили всего 88 человек. В отдельные годы выпусков вообще не было[155]. Вначале в гимназии, наряду с детьми дворян, купцов и чиновников, обучалось и несколько сыновей мастеровых, которых готовили к должности писцов. Но вновь принятым уставом 1828 г. были введены жесткие сословные ограничения и детей мастеровых из учебного заведения исключили. По этому же уставу учебный курс увеличивался до 7 лет.

В гимназии преподавался широкий круг общеобразовательных дисциплин, в том числе русский язык, иностранные и древние языки (латынь, греческий), история, география, естествознание, статистика, математика, физика, начала философии с логикой и психологией и др. В первые десятилетия существования Олонецкой губернской гимназии в ее стенах получили среднее образование некоторые известные впоследствии деятели отечественной культуры и науки — поэт В.Г. Бенедиктов, профессор Московского университета А.И. Чивилев, путешественник, исследователь недр Аляски и открыватель угольных месторождений на полуострове Мангышлак П.П. Дорошин.

В 1840 г. при гимназии было образовано училище для детей канцелярских служащих, получившее форму особого пансиона. Целью пансиона явилось "доставить бедным чиновникам Олонецкой губернии пособие приличным воспитанием их детей", а также устранение нехватки чиновников для государственной службы. Программа преподавания в пансионе в основном совпадала с гимназической (за исключением иностранных языков)[156]. Пансион, как и гимназия, содержался за счет сумм, отпускаемых Государственным казначейством.

На основе бывшего главного народного училища в Петрозаводске возникли также уездное училище и городская приходская школа. Малое народное училище в Олонце в 1810 г. было реорганизовано в уездное с приходским классом. В 1822 г. в Кеми открылась приходская школа, позднее, в 1832 г., преобразованная в уездное училище. В Пудоже и Повенце дело ограничилось созданием в 1836 г. приходских училищ[157].

С реформой образования, предпринятой Александром I в 1804 г., связано и начало становления в Карелии системы сельской школы. Подвижническую деятельность в данном направлении развернул первый директор народных училищ Олонецкой губернии А.Е. Крылов, который на личные средства и средства пожертвователей в 1805 —1806 гг. в Петрозаводском, Вытегорском, Каргопольском и Пудожском уездах основал 20 сельских школ, в которых насчитывалось в общей сложности около 200 учеников. Однако столкнувшись в дальнейшем с большими материальными затруднениями, эти школы проработали недолго. К 1813 г. из них продолжали функционировать только 5, но к началу 1820–х гг. и они прекратили свое существование[158].

С 1830–х гг. по инициативе епархиального духовенства на селе началось формирование сети приходских школ. Несколько позднее, в 1840–х гг., свои училища, в основном в целях подготовки волостных писарей и их помощников, стали открывать в казенных селениях министерство государственных имуществ, а в приписных — гор-

но–заводское ведомство. Эта работа велась довольно интенсивно, и по данным за 1849 г. в рамках Олонецкой губернии насчитывалась уже 151 сельская школа. В их числе была 121 приходская, 21 — министерства государственных имуществ, 8 — горного ведомства, и 1— министерства народного просвещения (в с. Палтога Вытегорского уезда)[159]. Однако, несмотря на довольно значительное количество открытых школ, положение с образованием на селе и в середине XIX в. оставалось крайне неудовлетворительным. Приходские школы держались лишь на энтузиазме учителей–священников или дьяконов, и без того, при обширном пространстве приходов в крае, загруженных своими обязанностями. Своего помещения они не имели и ютились либо в доме священника, либо в церковной сторожке. Часть из таких школ вскоре после открытия закрывалась. В среднем на приходскую школу в дореформенные годы XIX в. приходилось лишь по 5—6 учеников, почти исключительно мальчиков. Курс обучения зачастую ограничивался привитием элементарных навыков грамотности и изучением начал священного писания.

Несколько лучше обстояло дело в училищах, принадлежавших горно–заводскому ведомству и министерству государственных имуществ, но таких школ было крайне мало. По признанию Олонецкой палаты государственных имуществ подведомственные ей училища охватывали учебой лишь 0,5 % жителей казенной деревни. В таких условиях подавляющая масса крестьянского населения по–прежнему была обречена на безграмотность.

Предреформенные десятилетия XIX в. ознаменовалась появлением первого в Карелии (после петровской технической школы) светского профессионального учебного заведения. В 1842 г. в поморском г. Кеми были открыты шкиперские курсы. Их слушатели изучали тригонометрию, геометрию, навигацию, лоцию, норвежский язык и другие дисциплины. Выпускники получали аттестат штурманского помощника и после четырех лет плавания могли сдавать экзамены на звание штурмана, а затем и шкипера. Однако за первые 20 лет существования курсы выпустили всего около 25 штурманских помощников. К 1851 г. здесь имелся только один преподаватель и насчитывалось 6 учащихся.

Наиболее значительные сдвиги произошли в первой половине XIX в. в развитии профессиональной духовной школы. При Александре I в 1808 г. в стране окончательно была введена трехзвенная структура духовного образования: начальное звено — духовные училища, среднее — семинарии, высшее звено — академии. В связи с этой реформой в 1809 г. в крае открылись Петрозаводское и Олонецкое уездные духовные училища (последнее находилось в Александро–Свирском монастыре, в середине 1860–х гг. было слито с Петрозаводским). А после восстановления в 1828 г. самостоятельной Олонецкой епархии ее глава епископ Игнатий (Семенов) стал добиваться возобновления деятельности духовной семинарии. Обращаясь в Синод, он указывал, что в епархии, где "всюду веял дух раскола", имеется всего лишь 20 священников, окончивших семинарский курс, и в "образованных пастырях" ощущается "нужда великая"[160]. Ходатайства Игнатия возымели действие и уже 27 октября 1829 г. в Петрозаводске состоялось торжественное открытие Олонецкой духовной семинарии.

По штату в семинарии полагалось иметь 100 учащихся. Программа преподавания включала 28 дисциплин, представлявших "науки словесные, исторические, математические, философские, богословские и иностранные языки". Обучение длилось три года (впоследствии, в 1867 г., введен 6–летний курс). С 1840 г. в Олонецкой духовной семинарии стали преподавать специальные дисциплины, "полезные для сельского духовенства (богословие пастырское и собеседовательное — как главный предмет, а так-

Родословное дерево А. и С. Денисовых. Лубок. Первая половина XIX в. Фрагмент

же логику и психологию), российскую словесность, историю, физику, геометрию и языки: греческий и латинский". Несколько позднее были введены новые "полезные в общежитии и житейском быту священника предметы": естественная история, начала медицины и сельское хозяйство. С 1829 по 1872 г. в семинарии читался курс карельского языка (ливвиковский диалект)[161]. И Петрозаводское духовное училище, и духовная семинария в дальнейшем действовали вплоть до революции 1917 г.

Самобытным центром образования в Карелии, не связанным ни с государством, ни с официальной церковью, на протяжении XVIII—первой половины XIX вв. оставалось старообрядческое Выговское "общежительство". Здесь, благодаря стараниям настоятелей, была собрана богатая библиотека, в которой содержались редкие книги по богословию, каноническому праву, истории, сочинения зарубежных и русских писателей, издания по различным отраслям знаний. Например, у выговцев были "Библия" киевской печати, "Апостол" в трех книгах, "Великое зерцало", сочинения Аристотеля, стихотворения М. В. Ломоносова.

Пришедшие в Выговское "общежительство" на длительный срок, получив благословение настоятелей, обучались грамоте. Учили по Евангелию, Часовнику. В женской части "общежительства" Лексе девиц обучали также шить шелками по бархату, парче и изготавливать необходимые для часовен вещи (пелены, платы и т. д.). В образовании взрослых большая роль отводилась риторике и ораторскому искусству[162]. Просуществовав полтора столетия, в середине 1850–х гг. Выгорецкое общежительство было окончательно разгромлено властями.

К первой половине XIX в. относятся первые шаги в организации в Карелии библиотечного дела. Как и многие новации в области просвещения, они были связаны с правительственными инициативами в данном направлении. В 1830 г. по предложению президента Вольного экономического общества Н.С. Мордвинова министерство внутренних дел издало директиву о необходимости создания во всех губернских центрах публичных библиотек. В 1833 г. на частные пожертвования и средства, собранные по подписке, такая библиотека была открыта и в Петрозаводске. Разместилась она в здании губернаторского дома, первым библиотекарем стал архивариус Казенной палаты Л.М. Никифоров. Посещение публичной библиотеки было платным,

Кижи. Фото Б. Бойцова

стоимость абонемента обусловливалась количеством литературы, которую читатель намеревался одновременно получать. Из–за хронического недостатка средств основным источником пополнения фондов явились издания, рассылаемые различными ведомствами, которые далеко не всегда отвечали потребностям читательской среды. К 1845 г. в библиотеке насчитывалось около тысячи томов книг и комплектов журналов, однако спросом из них пользовались лишь около 150 томов, преимущественно беллетристического содержания. Просуществовав около четверти века, первая публичная библиотека в Петрозаводске закрылась к концу 1850–х гг[163].

К числу новых явлений в культурной жизни Карелии первой половины XIX в. относится также возникновение любительского театра в Петрозаводске. Он начал действовать около 1808 г. и просуществовал до 1818 г. Актерами являлись местные чиновники и их родственники. Любительская труппа ставила комедию Д.И. Фонвизина "Недоросль" и ряд одноактных пьес ("Ям–посиделки, или Филаткина свадьба", "Преступник от игры, или Братом проданная невеста", "Крестьянин–офицер, или

Успенская церковь в Кондопоге. Фото Б. Бойцова

Прогнание французов из Москвы" и др.). После перерыва любительский театр возобновил свою деятельность в январе 1847 г. постановкой пьесы А.С. Грибоедова "Горе от ума". Шли также пьесы "Два купца и два отца" и "Лев Гурыч Синичкин" и др. В составе труппы были довольно одаренные актеры. Рецензент одной из петербургских газет отмечал, что игра петрозаводских артистов–любителей Хованского, Комаровой и некоторых других "может смело предстать на суд самых строгих ценителей сценического искусства". Однако театр, державшийся лишь на энтузиазме актеров и не имевший собственного помещения, не мог просуществовать долго. К 1858 г. дело опять заглохло[164].

В XVIII—первой половине XIX вв. в Карелии продолжало активно развиваться народное искусство. Особенно высокого уровня достигла народная архитектура. На протяжении XVIII в. зодчими–крестьянами края был создан ряд непревзойденных шедевров деревянной архитектуры, вошедших в сокровищницу мировой художественной культуры.

Своеобразным отражением национального подъема, связанного с победами России в Северной войне, стал возведенный в 1714 г. в Кижском погосте уникальный 22–главый Преображенский храм, возвышающийся на высоту 36 м. Яруса куполов, устремляющиеся ввысь к центральной главе, придают храму динамичный и в то же время цельный и необычайно выразительный художественный облик. "Несравненной сказкой куполов" назвал этот собор крупнейший исследователь истории русского искусства академик И.Э. Грабарь[165].

К числу выдающихся памятников народного зодчества принадлежит и Успенский собор в г. Кеми (1711—1717 гг.). Три шатра собора, торжественно возвышаясь на гранитном берегу Лепострова, образуемого рукавами р. Кеми, удивительно гармонично сочетаются с природным окружением и традиционной застройкой города.

Устремленная в небо 42–метровая Успенская церковь в Кондопоге (1774 г.), стоящая на берегу Чупа–губы Онежского озера, считается венцом шатровой архитектуры. Ей свойственны предельный лаконизм и графическая четкость форм. Храм–обелиск, контрастируя с ровными, плоскими линиями приозерного пейзажа, художественно организует огромное окружающее пространство.

Кондопожскую церковь называют также и "лебединой песней народной культовой архитектуры", так как к концу XVIII в. творческий подход к храмовому строительству даже на отдаленном севере все больше начинает сковываться рамками официально предписанных канонов. А в 1826 и 1828 гг. Синод издал указы, в которых категорически потребовал, чтобы впредь "церкви вообще в государстве строены были по планам и фасадам согласно правилам архитектуры". В этих условиях сферой народного культового зодчества осталось, в какой–то мере, лишь строительство часовен, которое не подвергалось жесткой регламентации[166].

Здравоохранение

Зачатки системы здравоохранения в Карелии связаны с устройством в начале XVIII в. первой больницы при Петровском заводе, в которой работали два лекаря. Но с закрытием завода в 1734 г. перестала существовать и лечебница.

С постройкой в 1774 г. в Петровской слободе нового, Александровского завода, при нем был организован госпиталь на 10 коек, который предназначался для мастеровых, заводских чиновников и членов их семей, а также для солдат артиллерийских команд. Позднее число коек было увеличено до 30. О характере и объеме деятельности госпиталя дают представление, например, следующие данные за 1797 г. В течение года сюда поступило 1472 человека, из них с ранениями 450, контузиями (вероятно, полученными во время испытания артиллерийских орудий) 88, ожогами 74, больных горячкой 403 и т. д. Как видно из этих данных, в работе заводского медицинского учреждения значительное место занимало лечение травм. Основным источником содержания госпиталя служили специальные вычеты с мастеровых в размере 2% от получаемой заработной платы. Так, в 1858 г. вычеты с мастеровых составили 74% всех поступлений в госпитальный фонд (2998 руб.), взносы чиновников и офицеров 22% и плата за лечение людей из других ведомств — 1%[167]. Отмены госпитальных вычетов рабочие добились лишь в период первой российской революции.

Создание первого общегражданское лечебного учреждения в Карелии тесно связано с именем первого губернатора Олонецкой губернии великого русского поэта Г.Р. Державина. 21 января 1785 г. на заседании приказа общественного призрения

под председательством Державина было принято постановление, согласно которому в губернском городе Петрозаводске "надлежит построить больницу по представленному от его превосходительства господина правителя наместничества плану со сметою, чего все строение будет стоить". Державин также лично написал устав больницы, в котором отмечалось, что лечебное учреждение предназначается в основном "для неимущих бедных". Из 30 больных 25 должны были содержаться бесплатно, а остальные — "с заплатою, со всеми нужными вещами"[168].

Открытие больницы приказа общественного призрения на 30 коек в Петрозаводске состоялось 28 июня 1785 г. Примечательно, что Державин даже написал текст речи, с которой выступил на церемонии открытия местный протоиерей. От "державинской" лечебницы ведет свою историю современная городская больница столицы Карелии. В связи с устройством больницы в Петрозаводске возникла и первая аптека. Ее организовал штаб–лекарь Ратч. При этом четверть годового дохода аптеки направлялась в пользу "неимущих больных", лежащих в больнице.

В конце XVIII — начале XIX вв. приказом общественного призрения были открыты также небольшие уездные больницы в Олонце, Повенце, Пудоже и Кеми. В каждой из них насчитывалось от 8 до 12 коек. Медицинский персонал в крае даже в середине XIX в. был крайне немногочисленным. В губернской столице Петрозаводске имелось 4 врача (включая 1 уездного), и в остальных городах – по 1 уездному врачу[169]. Ставки городских врачей повсеместно, кроме Петрозаводска, оставались вакантными. В таких условиях основная масса населения края не могла пользоваться профессиональной врачебной помощью и вынуждена была ограничиваться при лечении средствами традиционной народной медицины.

Изучение Карелии

XVIII столетие стало важным рубежом в изучении Карелии. Возросшие потребности в природных ресурсах, тесные экономические связи с новой столицей — Петербургом, активизация северного направления внешней политики привели к появлению множества трудов, в которых поднимались проблемы природных богатств, населения, путей сообщения и других аспектов жизни края.

Одной из первых работ, посвященных путям сообщения на Европейском Севере России и, в частности, в Карелии, стало "Описание трех путей в Швецию"[170] архиепископа Афанасия Холмогорского, составленное в 1701 г. В описании давалась обстоятельная характеристика путям, которые использовали жители прилегающих к Швеции территорий Российского государства для торговых поездок. Оно было подготовлено в связи с начавшейся Северной войной и подчинено преимущественно военным целям.

Решению конкретных практических задач было подчинено и изучение природных ресурсов края. Прежде всего, это относится к экспедиции горного мастера И. Блюэра и дозорщика И. Патрушева, обследовавшей в 1702 г. месторождения железной руды близ Онежского озера. Врач, лейб–медик Петра I Л.Л. Блюментрост в 1717 г. исследовал минеральные воды близ д. Кончезеро, открытые за три года до этого крестьянином Иваном Ребоевым, и разработал подробные правила для посетителей основанного в 1719 г. курорта Марциальные воды. Ученый и инженер Д.И. Виноградов не позднее 1745 г. исследовал олонецкий кварц и глины, ставшие постоянной составной частью фарфоровой массы, изготовлявшейся по его же рецеп-

там[171]. В 1728 г. Аким Клешнин составил первую карту Олонецкого уезда, выполненную на основе инструментальной съемки. На подготовленную им карту было нанесено 850 названий населенных пунктов, заводов, озер, рек[172].

Продолжение исследования Карелии связано с деятельностью Эрика Лаксмана, совершившего в 1769 г. поездку с научными целями в район реки Свири. Вероятно, это путешествие было осуществлено по заданию Вольного экономического общества, в трудах которого ученый опубликовал "Экономические ответы, касающиеся до хлебопашества в лежащих около Свири и южной части Олонца местах"[173]. В "Ответах" автор обстоятельно характеризует природные условия региона, описывает сельскохозяйственные орудия, способы и приемы обработки почвы, сообщает ряд сведений о состоянии местного хозяйства. В 1779 г. Э. Лаксман предпринял вторую, более длительную поездку по Карелии, предполагавшую изучение значительно большего диапазона проблем. В частности, им были осмотрены рудники, заводы, собрана коллекция минералов и составлен "Каталог руд и минералов", включающий 419 названий[174].

Современником Э. Лаксмана, в значительной мере восполнившим пробелы, существовавшие в его трудах, являлся академик Иван Иванович Лепехин, посетивший в 1772 г. Карельское Поморье во главе экспедиции, целью которой являлось исследование побережья Белого моря. И.И. Лепехин интересовался природными условиями края, полезными ископаемыми и возможностями их использования, обычаями и бытом местного населения. Он дал также превосходное описание природы и достопримечательностей Беломорья. Полевой дневник И.И. Лепехина, содержащий его наблюдения за время экспедиции, был опубликован в 1805 г.[175].

Продолжение трудов И.И. Лепехина связано с именем другого выдающегося специалиста, совмещавшего научную деятельность с исполнением обязанностей директора Олонецких Петровских заводов. Речь идет о А.С. Ярцове, подготовившем в 1784 г. пространное "Примечание о главном положении гор и равнин, состоящих Олонецкой области в Повенецкой, Петрозаводской и Олонецкой округах, купно с объяснением находящихся в тех горах рудных жил, рудных же и соленых источников, також о начале открытия и последующем происхождении Воецкого золотого рудника"[176]. Как видно уже из названия, произведение А.С. Ярцова посвящено геологическим проблемам и основывалось на обстоятельном изучении значительной территории. А.С. Ярцов пытался найти "объяснение обширности занятия горами" изучаемого края, изложил историю разработки "горных жил" и в особенности Воицкого рудника и наметил перспективы дальнейших геологоразведочных работ.

К числу сугубо научных экспедиций относится и путешествие по Ладожскому и Онежскому озерам академика Российской Академии наук, ученика И.И. Лепехина, Н.Я. Озерецковского летом 1785 г. Основное внимание академик уделил разнообразным проблемам, связанным с хозяйственным использованием водных бассейнов, описанию островов (в том числе Валаама и Коневца), а также исследованию месторождений полезных ископаемых, расположенных по берегам озер, и судостроению.

Становление Олонецкой губернии, рост значения края в связи с широкомасштабным строительством Санкт–Петебурга, обилие природных ресурсов и исключительно благоприятные возможности их транспортировки привлекали в Карелию все новых и новых путешественников–исследователей. В 1785 г. в Карелии побывал академик П.Б. Иноходцев. Своей главной задачей он ставил проведение астрономических наблюдений. Им было определено местоположение трех северных городов, в том числе Петрозаводска. Наряду с чисто практическими соображениями (проекты строитель-

ства каналов, разработка полезных ископаемых), в трудах П.Б. Иноходцева нашли отражение этнические проблемы края[177].

Помимо академических работ все большее значение начинают приобретать труды администраторов, связанные с практическими потребностями управления государством и рассматривающие обширный круг вопросов: от истории "народов, прежде обитавших", до предложений по созданию "благоустроенных сообществ" в городах в недалеком будущем. Примером такого рода трудов явилось "Топографическое описание" архангельского и олонецкого генерал–губернатора Т.И. Тутолмина[178]. Этот труд, составленный в начале 1785 г., основан на собственных наблюдениях генерал-губернатора, объехавшего всю Олонецкую губернию, изучении научной литературы (особенно по геологическим вопросам) и сведениях, которые собрали для автора местные чиновники.

Практически одновременно (июль—сентябрь 1785 г.) территорию Карелии объехал другой государственный деятель, первый олонецкий губернатор, поэт Г.Р. Державин. Во время путешествия он делал "примечания" на "Топографическое описание", составленное Т.И. Тутолминым. Одни из этих примечаний носили уточняющий характер, в других содержались дополнения к представленным Т.И. Тутолминым сведениям, а некоторые явно имели целью уличить генерал–губернатора в серьезных ошибках.

Но главным итогом путешествия Г.Р. Державина стала "Поденная записка", отличавшаяся гораздо меньшей деловитостью, чем аналогичный труд Т.И. Тутолмина: немало места в ней посвящено описаниям природы. Другим отличием стало акцентирование внимания на недостатках в управлении. Державин, совсем недавно приступивший к исполнению обязанностей губернатора, мог себе позволить довольно жесткие высказывания[179]. Кроме того, он счел необходимым привести в своем труде описание свадебного обряда.

С начала XIX в. процесс изучения Карелии продолжился, тем более, что внимание к краю было привлечено уже опубликованными работами Н.Я. Озерецковского и И.И. Лепехина. Кроме того, рост Петербурга подталкивал к новым исследованиям его окрестностей, являвшихся источником строительных материалов и продовольствия для огромного города. В 1804 г. ученик И.И. Лепехина академик В.М. Севергин отправился в экспедицию по западным районам Карелии.

Уникальность этой экспедиции состояла, прежде всего, в том, что сам район исследования — Приладожская Карелия — привлекал внимание путешественников гораздо меньше, нежели Олонецкий горный округ, заводы которого испытывали нехватку руды, что, естественно, вынуждало предпринимать новые изыскания. В написанной на материалах экспедиции книге В.М. Севергина "Обозрение Российской Финляндии" пристальное внимание уделено этнографической проблематике. Автор предпринял первые, пусть и наивные, сопоставления финнов и карелов по языку, антропологическому облику, материальной культуре и некоторым чертам психического склада. Практические советы, описания земледелия, каменных ломок, рыболовства и охоты, содержащиеся в "Обозрении...", сближают труд В.М. Севергина с работами предшественников[180].

В.М. Севергин был одним из первых исследователей, обративших пристальное внимание на проблемы этнографии финно–угорских народов. До него имели место отдельные, разрозненные наблюдения. Нет сомнений в том, что начавшиеся исследования были связаны с ростом национального самосознания в Финляндии и обращением в этой связи особого внимания на культуру и быт родственных финнам народов

Элиас Леннрот. 1802—1884 гг.

— прежде всего карелов и вепсов. Начиная с 1823 г., несколько поездок по Карелии предпринял И.А. Шегрен, собирая материалы для "исследования обитающих в России народов финского племени"[181].

С 1828 по 1844 гг. одиннадцать путешествий по Карелии совершил Э. Леннрот. Если для И.А. Шегрена сбор фольклорных материалов стоял на втором плане, то Э. Леннрот уделил собиранию и изучению фольклора основное внимание. Во время первого путешествия он прошел преимущественно пешком всю южную Финляндию вплоть до Приладожья. Второе путешествие весной 1831 г. в Беломорскую Карелию было прервано из–за необходимости срочно вернуться для борьбы со вспыхнувшей эпидемией холеры. Четвертая и пятая поездки (1833 и 1834 гг.) оказались наиболее значимыми. В Войнице Леннрот записал руны от Онтрея Малинена, составившие основные сюжеты будущей "Калевалы". Во время пятой поездки ученый дошел до Ухты, а на обратном пути в Латваярви познакомился с выдающимся рунопевцем — Архиппой Перттуненом, от которого записал более 4000 стихов: около 20 эпических сюжетов, в том числе цикл о Сампо, 13 заклинаний большого объема, несколько лирических песен[182].

Свой вклад в изучение Карелии в первой половине XIX в. внесли сосланные в "подстоличную Сибирь" литераторы. Прежде всего, это участник ранних декабристских кружков Ф.Н. Глинка, сосланный в Петрозаводск с правом "употребить его по гражданской части"[183]. В ссылке он написал поэму "Карелия", содержащую интересные зарисовки быта крестьян края и снабженную ценными примечаниями. Заметный след в изучении Карелии оставил другой литератор — С.А. Раевский, который будучи ссыльным тем не менее в 1837 г. стал чиновником особых поручений при олонецком губернаторе и не только проводил различные исследования, но и редактировал "Олонецкие губернские ведомости"[184].

Одновременно продолжалось изучение той части Карелии, которая еще в XVIII в. была объектом пристального внимания исследователей. В трудах К.И. Арсеньева, А. Грамматчикова, Н.Ф. Бутенева, Г.П. Гельмерсена[185] было предпринято описание Воицкого рудника, Тивдийских мраморных ломок, изучены некоторые аспекты истории горной промышленности Карелии, по достоинству оценена деятельность А.С. Ярцова на посту руководителя Олонецких горных заводов. Эти труды, естественно, были выполнены на более высоком уровне, нежели предшествующие.

Ощутимый вклад в изучение Карелии (прежде всего территории Олонецкой губернии) внес преподаватель латыни в петрозаводской гимназии К.Ф. Бергштрессер. Подготовленный им "Опыт описания Олонецкой губернии" был опубликован в 1838 г. В нем содержатся сведения о географии, лесных богатствах, полезных ископаемых, достопримечательностях, численности и занятиях населения, развитии сельского хо-

зяйства, промышленности и промыслов. Книга насыщена фактическими материалами и цифровыми данными, причем автор всегда указывает источники своих сведений ("от гражданского губернатора", "из заводского правления", "из губернского казначейства"). При этом сведения, полученные "по благосклонности местных начальств", К.Ф. Бергштрессер подвергал критическому анализу[186].

Труд К.Ф. Бергштрессера послужил одним из основных источников для подготовки другого не менее известного исследования, созданного В.А. Дашковым — сыном олонецкого губернатора. Благодаря влиятельному положению своего отца, В.А. Дашков сумел довольно быстро опубликовать свое произведение. Впервые это исследование под названием "Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях" было опубликовано в конце 1841 г. в "Журнале МВД", а в 1842 г. оно было издано отдельной книгой[187]. В числе источников, использованных В.А. Дашковым, были работы краеведов и воспоминания старожилов. В своем "Описании" автор сообщает сведения о социальном и национальном составе населения губернии, сельском хозяйстве и крестьянских промыслах, особо выделяет отходничество и лесозаготовки, отмечает высокий уровень развития судостроения, подробно характеризует торговлю, пути сообщения и т. д. Кроме того, В.А. Дашков дал довольно подробные поуездные описания городов и заводов Олонецкой губернии, привел о них краткие исторические справки.

Архиппа Перттунен. Скульптор А. Сайло. 1948 г.

Существенным источником для многих из вышеназванных "описаний" послужили, как говорилось выше, труды местных краеведов. Краеведение начинает формироваться в Карелии с конца XVIII в. Пожалуй, одним из первых краеведов был Т.В. Баландин — преподаватель частной школы, вынужденный после ее закрытия отказаться от педагогической деятельности. Тематика его работ отличается разнообразием. Среди них особое место занимают "Петрозаводские северные вечерние беседы", в основу которых легли рассказы старожилов об истории Петрозаводска, а также "Историческое краткое сведение о состоянии доселе бывшего и нынешнего положения города Олонца и о прочем"[188]. Кроме того, Т.В. Баландин сделал копию Жития Лазаря Муромского и составил примерный план Петровской слободы первой четвер-

ти XVIII в. на основании "малозначущих развалин", обследованных им самим. Наконец, Т.В. Баландин — автор поэтического произведения, посвященного истории Петрозаводска и прославляющего Петра I и Г.Р. Державина.

Развитию краеведения в Карелии способствовала газета "Олонецкие губернские ведомости", которая начала издаваться в 1838 г. Газета появилась в соответствии с "Положением об издании губернских ведомостей" (1830 г.) и законом об их обязательном выпуске при каждом губернском правлении (1837 г.). Одновременно "ведомости" стали выходить еще в сорока двух губерниях России[189]. Полиграфической базой для газеты явилась основанная в 1805 г. Олонецкая губернская типография, до этого печатавшая лишь разного рода распорядительную документацию. "Ведомости" делилась на официальную и неофициальную части. В официальной части выделялись: отдел первый, где помещались правительственные указы, а также распоряжения и объявления губернских властей, и отдел второй, в котором печатались известия о наиболее важных событиях в других регионах страны. Неофициальная часть включала в себя разнообразную информацию о губернской жизни и сведения по истории, статистике и этнографии края.

До 50–х гг. XIX в. на страницах "Олонецких губернских ведомостей" преобладала официальная информация, объявления и выписки из губернаторских отчетов, исторические анекдоты. Число подписчиков к 1853 г. едва превышало четыреста (как учреждений, так и частных лиц)[190]. Ситуация изменилась в январе 1853 г., когда новый редактор — учитель гимназии А.А. Ласточкин — стал уделять значительное внимание публикации материалов по истории и этнографии края. Той же линии придерживались и последующие редакторы. Вокруг газеты в середине 1850–х гг. начал формироваться кружок краеведов. Видную роль в этом кружке играл А.И. Иванов, прошедший путь от корректора до редактора "Олонецких губернских ведомостей". Его перу принадлежат десятки работ по истории и народной культуре Олонецкой губернии. Большой вклад в изучение края в 1850—1860–х гг. внесли Е.В. Барсов, занимавшийся историей местных монастырей и старообрядчества, К.М. Петров, впервые опубликовавший в местной периодике ряд писцовых книг, П.Н. Рыбников, начавший свою исследовательскую деятельность в Карелии с публикации материалов по этнографии Заонежья. С 1856 г. стали издаваться "Памятные книжки Олонецкой губернии", на страницах которых также начинают появляться материалы, связанные с изучением Олонецкого края. В них перепечатываются и наиболее содержательные статьи из "Олонецких губернских ведомостей"[191].

Пожалуй, главное значение издания "Олонецких губернских ведомостей", а затем и "Памятных книжек Олонецкой губернии" состоит в создании своеобразной "питательной среды" для становления и развития краеведения в Карелии.

Глава V

КАРЕЛИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (1861—1917 гг.)

1. ПРОВЕДЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ 1860—1870-х гг.

Освобождение крестьян

Российская империя вступила во вторую половину XIX в. в обстановке нараставшего структурного кризиса, вызванного господством крепостнических порядков. Все более очевидной становилась невозможность дальнейшего прогресса страны при сохранении обветшавших форм общественных отношений. Поражение в Крымской войне 1853—1856 гг., наглядно показавшее отставание России от буржуазных государств Европы, подъем крестьянского движения после войны побудили правительственные круги пойти на отмену крепостного права.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест и "Общее положение" об освобождении крестьян. Концепция реформы носила противоречивый, непоследовательный характер. Наряду с общей буржуазной направленностью она несла в себе и некоторые крепостнические черты. Крепостное право отменялось навсегда. Крестьяне получали личную свободу, им предоставлялись основные личные и имущественные права. В то же время сохранялись элементы сословной неполноправности. Крестьяне оставались единственной категорией населения, платившей подушную подать, выполнявшей рекрутскую повинность (до 1874 г.), подвергавшейся телесным наказаниям. Ограничивалось право выхода из общины.

"Общее положение" предусматривало, что помещики сохраняют право на все принадлежавшие им земли, из состава которых они должны были предоставить крестьянам в общинное пользование полевой надел, а также усадебные участки. За пользование наделом крестьяне обязаны были платить оброчные платежи в пользу помещика. Для поземельного устройства — отвода наделов и составления уставных грамот, фиксировавших размеры наделов и повинностей, устанавливался двухлетний срок. По оформлению уставных грамот крестьяне переводились на положение временнообязанных. Прекратить временнообязанное состояние и перейти в разряд собственников они могли только после заключения с помещиком выкупной сделки на надельные земли. Выкуп ставился в зависимость от желания помещика. Лишь в 1881 г. правительством был принят закон об обязательном выкупе наделов.

Особые правила определяли устройство крестьян мелкопоместных владельцев, к числу которых относились помещики, имевшие менее 21 мужской души. Таким владельцам предоставлялось право передать крестьян с их наделами в казну за единовременное вознаграждение в сумме капитализированного годового оброка.

В административном отношении для бывших крепостных крестьян вводилось устройство, аналогичное уже существовавшему в государственной деревне. Его ос-

Медаль "В память освобождения крестьян от крепостной зависимости". 1861 г.

нову составляли органы крестьянского самоуправления. Низшим общественно–административным звеном являлось сельское общество, состоявшее из крестьян одной или нескольких смежных деревень. Несколько обществ образовывали волость. Каждое общество имело свой сельский сход, состоявший из всех крестьян–домохозяев и возглавлявшийся старостой. Староста избирался на трехлетний срок. Волостное звено управления состояло из волостного схода (в его состав включались все выборные должностные лица волости и обществ, а также представители от каждых 10 дворов), старшины с волостным правлением и волостного суда.

Компетенция сельских и волостных сходов ограничивалась административно–хозяйственными вопросами: раскладка податей и повинностей, определение порядка пользования общинными угодьями, выбор старост, контроль за деятельностью должностных лиц сельского и волостного управления. Волостные старшины и сельские старосты несли, в основном, административно–полицейские обязанности: объявляли крестьянам законы правительства, обеспечивали проведение их в жизнь, следили за исправной уплатой податей, отбыванием повинностей и т. д. Старшина имел право подвергать крестьян арестам и штрафам.

Крестьянское самоуправление функционировало под началом целой системы вновь создаваемых на местах административных институтов: мировых посредников, уездных мировых съездов, губернских по крестьянским делам присутствий. Мировые посредники, назначавшиеся губернатором из числа дворян–помещиков, контролировали составление и утверждение уставных грамот, разбирали споры между крестьянами и помещиками, утверждали избрание представителей сельской администрации, осуществляли надзор за деятельностью низовых крестьянских учреждений, имели право отменять их постановления и подвергать взысканиям любое должностное лицо в сельском обществе и волости.

Высшей инстанцией административного управления крестьянами на территории губернии было губернское по крестьянским делам присутствие. Оно окончательно утверждало решения мировых посредников и их съездов, принимало и рассматривало жалобы на действия этих органов, а также решало другие общегубернские вопросы, связанные с управлением крестьянством. Состав присутствий формировался из числа влиятельных чиновников и крупных помещиков. Таким образом, система управления, вводимая реформой 1861 г., предусматривала сохранение за дворянской администрацией серьезных властных полномочий над крестьянами.

Главные положения и принципы реформы 1861 г. были затем распространены и на другие основные феодально–зависимые категории российского населения, включая удельных, приписных и государственных крестьян.

В Карелии поместное землевладение не получило заметного развития. Накануне реформы 1861 г. здесь имелось всего 9 помещичьих имений, находившихся в Петрозаводском и Повенецком (Заонежье) уездах. Из них 7 имений относились к категории мелкопоместных. По данным ревизии 1858 г., общая численность крепостных в этих

уездах составляла 197 душ мужского и 239 душ женского пола, или около 0,4% всего крестьянского населения. Почти все крепостные находились на оброке. Кроме того, за местными дворянами числилось около 100 душ дворовых[1].

Освобождение крепостных в Карелии началось с введения для них нового административного и общественного устройства. 13 марта 1861 г. в Петрозаводске открылось Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие (в двух южных уездах губернии — Лодейнопольском и Вытегорском, не входящих ныне в состав Карелии, имелось свыше 200 помещичьих имений). Возглавлял присутствие губернатор. В Петрозаводском уезде было образовано три сельских общества, где жили крепостные крестьяне, составивших одну особую от приписных к заводам селений волость, а в Повенецком уезде — одно отдельное сельское общество. Оба уезда образовали единый мировой участок.

Для проведения поземельного устройства Олонецкая губерния была отнесена к местности, где минимальный размер надела определялся в 2,3 десятины, а максимальный — в 7 десятин. В различных имениях Карелии ход поземельного устройства протекал по–разному. Так, генерал–лейтенант Р. А. Армстронг, имевший небольшое имение в д. Восточное Кончезеро, в 1863 г. по дарственной записи безвозмездно передал своим крестьянам (8 ревизских душ) всю находившуюся в их пользовании землю (по 2,6 десятины на душу). Четверо мелкопоместных владельцев (Бутеневы, Бойко–Букевичи, Суворовы и Рудниковы), за которыми в общей сложности насчитывалась 41 ревизская душа, в течение 1862—1882 гг. воспользовались своим правом на передачу имений за вознаграждение в казну.

В полной мере поземельное устройство на началах Положений 19 февраля 1861 г. было осуществлено в четырех наиболее значительных помещичьих имениях (Лачиновых, Максимовых, Менченковых, Янковских), в которых проживало 76% крепостного населения края. Здесь наглядно проявилось стремление помещиков обеспечить свое будущее в пореформенные времена за счет ущемления интересов крестьян. Менченковы, пользуясь тем, что высшая норма надела по губернии составляла 7 десятин, изъяли у крестьян своего имения в д. Восточное Кончезеро (14 ревизских душ) лесные расчистки, которые те издавна разрабатывали и засевали. Максимовы (д. Новая Заживка и Великая Горка Повенецкого уезда), имея 30 десятин пашни и более 1800 десятин леса, выделили своим крепостным (19 ревизских душ) лишь по одной десятине пашни и отказались предоставить лесные угодья. Хотя размер надела оказался ниже минимальной нормы, установленной для губернии, уставная грамота и выкупная сделка были утверждены[2].

Помещики Лачиновы (д. Бирючева и Верхний Бесовец Петрозаводского уезда), выделив своим крестьянам (44 ревизских души) по 4,5 десятины земли "худого качества", назначили тем не менее для них по уставной грамоте оброк в 6 руб. 98 коп., близкий к максимальному уровню для губернии (8 руб.). Крестьяне не подписали уставную грамоту, однако она была введена в действие по решению мирового посредника. И лишь тогда, когда бывшие крепостные (в 1884 г.) отказались также и от подписания выкупного акта, губернское по крестьянским делам присутствие признало основательность их претензий и постановило понизить оброк: по д. Бирючевой на 22% и по д. Верхний Бесовец на 5%[3].

Янковские, владевшие имением в д. Сысоева и Усадище Петрозаводского уезда (80 ревизских душ), прибегли к прямому обману своих крепостных. При составлении уставной грамоты они обещали крестьянам предоставить максимальный надел — в 7 десятин на душу. На этих условиях крестьяне согласились подписать уставную грамо-

ту. Однако в 1863 г. при общинном разделе выяснилось, что на душу приходится не 7, а только 1,15 десятины. Исправлять дело оказалось поздно, так как срок для обжалования грамоты уже истек[4].

Проведение выкупной операции в отношении бывших крепостных крестьян Карелии имело некоторые особенности. Переход на выкуп был осуществлен здесь с 1 января 1883 г. на основании положения об обязательном выкупе и принятого одновременно с ним, в 1881 г., закона о понижении выкупных платежей, вызванного ростом недоимочности крепостной деревни. Изначально в основу расчета выкупной суммы, которая должна была погашаться в виде ежегодных выкупных платежей в течение 49 лет, закладывалась не реальная рыночная цена земли, а размер феодальных повинностей. Полная сумма выкупа по четырем помещичьим имениям за 491 десятину удобной земли составила бы 37 тыс. руб., или по 75,3 руб. за десятину при рыночной цене 6,9 руб. В соответствии с законом 1881 г., на помещичьих крестьян края было распространено как общее понижение выкупных платежей (по 1 руб. с ревизской души), так и специальное, предназначенное для местностей, которые находились в особо тяжелом хозяйственном состоянии. В целом выкупная сумма снизилась на 70,3% (при среднем для страны уровне в 27,3%) и составила в итоге 11 тыс. руб. Однако даже при таком снижении уровень выкупной платы за десятину земли превышал ее реальную стоимость в 3,2 раза[5].

В 1905 г., когда с бывших крепостных крестьян Карелии было взыскано уже около 40% всей выкупной суммы, правительство под воздействием революционных событий объявило об отмене выкупных платежей и досрочном прекращении выкупной операции с 1 января 1907 г.

Положением от 8 марта 1861 г. крестьянская реформа была распространена на феодально–зависимое горно–заводское население карельского края — мастеровых Олонецких горных заводов и приписных крестьян. Освобождение мастеровых от обязательной заводской службы происходило поэтапно. Весной 1861 г. освобождались те, кто проработал 20 и более лет, в 1862 г. — имевшие стаж не менее 15 лет, а в 1863 г. — все остальные. При этом мастеровых Александровского пушечного завода в Петрозаводске (около 1 тыс. душ) вместе с членами их семей перечисляли в мещанское сословие, а мастеровых Кончезерского завода (130 душ) переводили в разряд государственных крестьян с сохранением за ними усадебных участков. В 1868 г. специальным решением кончезерские мастеровые наделялись полевыми угодьями в размерах, положенных для бывших государственных крестьян края (15 десятин на душу), из ближайших к селу лесных участков. Однако на деле происходило это крайне медленно, и земельные наделы им удалось получить только в 1883 г.

После освобождения от обязательных работ мастеровые могли оставаться на заводах по найму, но в каждом случае вопрос решался администрацией в зависимости от возраста, работоспособности, квалификации и благонадежности мастерового. Бывшим крепостным работникам, уволенным после 20–летней беспорочной службы, присваивалось звание “отставного рабочего чина” с освобождением от уплаты податей, а за 25–летнюю службу назначалась даже пенсия в размере 18 коп. в месяц.

Приписные крестьяне являлись крупнейшей сословной категорией сельского населения Карелии, уступавшей по численности лишь государственным крестьянам. К 1861 г. их насчитывалось 53 тыс. душ обоего пола, что составляло 35% к общему количеству крестьянского населения края. Проживали они исключительно на территории Петрозаводского уезда. Положение 8 марта 1861 г. предусматривало поэтапное освобождение приписных крестьян от обязательных заводских работ. В течение пер-

вого года с момента обнародования Положения они должны были исполнить полный объем заводской барщины (12 480 уроков), в течение второго года —2/3 этих работ и на следующий год — 1/3. Только после этого феодальные отработки навсегда отменялись. Закон 17 декабря 1862 г., изданный в развитие Положения 8 марта 1861 г., предписывал осуществить передачу приписных крестьян из горного ведомства в ведение общекрестьянских мировых учреждений к 8 марта 1863 г. Вопрос о поземельном устройстве приписных крестьян ни в том, ни в другом законодательном акте не разрешался.

Администрация Олонецкого горного округа, не желая расставаться с дармовой рабочей силой, встала на путь оттягивания сроков реализации Положения и закона 17 декабря. Сокращение объемов повинностей было начато не с 1862 г., как предусматривалось, а только с 1863 г. Требование закона о передаче крестьян в ведение мировых учреждений горный начальник Н. А. Фелькнер выполнил под большим давлением центральных властей и губернской администрации только к январю 1864 г. Выполнение же обязательных заводских работ прекратилось лишь к 1 апреля 1864 г.[6] На территории Петрозаводского уезда было вновь образовано два мировых участка, к которым наряду с приписными крестьянами относились также бывшие крепостные крестьяне Шуйской волости и Филипповского отдельного сельского общества Повенецкого уезда. В поземельном отношении приписные крестьяне оставались пользователями своих наделов, за которые платили подати в казну. Вопрос о хозяйственном устройстве приписного населения был разрешен только в 1866 г. на основе соответствующего законодательного акта о государственных крестьянах. Освобождение 50–тысячного населения приписной деревни от тяготевшего над ним в течение полутора веков ярма заводской барщины — важнейший позитивный результат аграрно–крестьянских преобразований 1860–х гг. в Карелии.

Вопрос о применении основных положений реформы 1861 г. к государственным крестьянам начал прорабатываться в правительственных кругах почти сразу же после обнародования Манифеста 19 февраля. Однако на подготовку соответствующих законодательных документов потребовался пятилетний срок. 18 января 1866 г. Александр II подписал указ "О преобразовании общественного управления государственных крестьян", в соответствии с которым они переходили из ведомства государственных имуществ в ведение "общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений". 24 ноября того же года был утвержден закон "О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях". Этот закон, сохраняя поземельную общину, предусматривал закрепление за крестьянами существующих наделов, но в размерах, не превышающих 8 десятин на ревизскую душу в малоземельных и 15 десятин — в многоземельных уездах. Размеры надела определялись владенной записью — документом, аналогичным уставной грамоте в бывшей крепостной деревне. Причем земля эта передавалась крестьянам лишь в их пользование, хотя формально они и объявлялись собственниками наделов. За пользование землей крестьяне по–прежнему обязаны были вносить в казну оброчную подать, которая даже несколько увеличилась.

Принцип обязательности надела в законе не оговаривался. Однако отказы крестьян от всего надела или его части могли приниматься только при переселении в другие места, а также при желании уменьшить надел до размеров ниже установленной нормы с разрешения министра государственных имуществ. По существу сохранялось прикрепление крестьян к наделу, а их право распоряжаться землей ограничивалось.

Закон 24 ноября 1866 г. не вводил для государственных крестьян и выкупа наде-

Олонецкой губернии, Петрозаводского уѣзда,

Шуйской волости, Ялгубскаго сельскаго

общества, селенія Суйсарри погостовъ.

I.

Къ 1-му числу Января мѣсяца 1885 года во селе

Суйсарри значится ревизскихъ 10-ти народной переписи

мужескаго пола душъ крестьянъ 35.

Владенная запись. Титульный лист

лов. Это было сделано лишь два десятилетия спустя. Таким образом, реформа, хотя и ослабляла, но не ликвидировала полностью зависимость государственных крестьян от казенного ведомства. Казна, как и прежде, выступала верховным собственником земли, в то время как крестьяне лишь пользовались отведенным наделом при условии ежегодного взноса оброчной платы.

Законы 18 января и 24 ноября 1866 г. имели исключительно важное значение для Карелии, так как государственные крестьяне составляли здесь основную массу сель-

ского населения. Их численность по ревизии 1858 г. составляла 98,3 тыс. чел., или 64% всего крестьянского сословия, проживавшего в крае[7]. Если же учитывать и приписное население, которое после ликвидации заводской барщины в 1864 г., фактически также оказалось на положении казенных крестьян, то доля этой сословной группы достигала 99% всего населения деревни.

На основе закона 18 января в течение 1866 г. в Карелии прошла передача бывших казенных крестьян из–под юрисдикции местных палат государственных имуществ в ведение мировых учреждений и губернских по крестьянским делам присутствий. В этой связи помимо двух мировых участков, уже существовавших с 1863 г. в Петрозаводском уезде, было образовано по одному мировому участку в Олонецком, Повенецком и Пудожском уездах и три таких же участка на территории Кемского уезда Архангельской губернии.

В отношении поземельного устройства карельские уезды, как и весь северный регион в целом, по закону 24 ноября 1866 г. были отнесены к районам третьей очереди, в которых составление и выдача владенных записей откладывалась на 6 лет, то есть до 1872 г. 15 октября 1869 г. правительство утвердило особую инструкцию о наделении землей крестьян Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской и Уфимской губерний. Основное ее содержание касалось широко бытовавшего на севере подсечного хозяйства. Закладка крестьянами подсек в казенных лесах запрещалась, если же ранее возделываемые подсечные и сенокосные участки при размежевании оказывались в черте казенных дач, крестьяне лишались права пользоваться ими. Взамен отбираемых подсечных участков предлагалось отводить дополнительный надел по соседству с усадьбами и постоянными полевыми угодьями крестьян на участках, покрытых малоценным лесом. Только в 1876 г. крестьяне получили первые владенные записи. Из–за недостатка землемеров, большого объема работ, запутанности землепользования, отсутствия лесоустройства дело шло медленно. В Олонецком уезде выдача владенных записей завершилась в 1880 г. В Повенецком уезде весь цикл работ занял период с 1875 по 1883 г., в Петрозаводском — с 1876 по 1884 г., в Пудожском — с 1889 по 1895 г. Межевые отряды уделяли основное внимание отграничению казенных земель от крестьянских, разграничения же внутри крестьянских дач выполнялись формально или вообще не проводились. Владенные записи в большинстве случаев выдавались не на одно, а на несколько селений. Около 90% всех деревень были наделены общими (однопланными) дачами с другими селениями. Все это создавало почву для конфликтов и споров, порождало чересполосицу и дальноземелье.

Пореформенное землеустройство в Карелии сопровождалось экспроприацией крестьянских непостоянных земельных угодий. Стремясь, в первую очередь, обеспечить интересы казны как земельного собственника, межевые чиновники почти повсеместно изымали у крестьян подсечно–переложные угодья и лесные расчистки, обращенные в постоянные пашни и сенокосы. Вместо них дополнительно к постоянным пашням и сенокосам в состав надела включались, как правило, расположенные по соседству земли, хотя и значительные по размерам, но непригодные для сельскохозяйственного использования (вырубки, болота, каменистые пространства и т.п.). Многочисленные крестьянские жалобы и обращения — убедительное тому свидетельство. Так, жители деревень Коросозеро и Воренжа Петровско–Ямской волости Повенецкого уезда в 1882 г. писали в губернское по крестьянским делам присутствие: “У нас при отведении земельных участков отрезаны те земельные урочища, которые разрабатывались и очищались нами и нашими предками. Хотя акты о наделе нас земель-

ными участками нами и подписаны, но... с оговоркой, что пахотными участками земли мы по незначительности их недовольны и желали бы пользоваться подсеками... Наделенные участки земли по своей негодности к плодородию ничтожны"[8]. Крестьяне д. Лувозеро Ругозерской волости того же уезда, получившие надел площадью в 1220 десятин на 40 ревизских душ, в 1876 г. обращали внимание губернского присутствия на то, что среди этих угодий "земли, удобной для полей, имеется только всего 15 десятин, мест же, удобных для разработки подсек... совершенно нет". Побывавшие позднее в этих местах земские статистики также констатировали, что "в черте надела подсечных пространств оказалось недостаточно", а "лес на подсеках оказался уже выбранный". Жители деревень Паннила и Гижозеро Ведлозерской волости Олонецкого уезда в прошении на имя великого князя Владимира Александровича в 1884 г. писали, что земли, отведенной в их надельное пользование, было бы вполне достаточно, "если бы таковая подходила под условия обработки ее под подсечное хозяйство", которым они раньше существовали. "В наделе, отведенном нам, — отмечали далее крестьяне, — находятся преимущественно места низкие, мокрые, корбы с лесом хвойной породы, на которых нет возможности производить подсечное хозяйство, между тем, рядом с границами нашего надела — самые удобные для ведения подсечного хозяйства места, и ранее владеемые нами пожни остались во владении казны"[9].

Согласно правилам, утвержденным 13 июня 1873 г., продажа леса на сруб с лесных пространств, включенных в состав крестьянского надела, запрещалась, не разрешалось также и отчуждать эти угодья. Лишь после многочисленных ходатайств сельских обществ правительство указом от 24 апреля 1900 г. допустило, при условии предварительного согласия губернского по крестьянским делам присутствия, продажу с наделов крупномерного леса, который во многих случаях перестаивал и погибал. Деньги от продажи предписывалось зачислять в специальный мирской (общественный) капитал и расходовать, в первую очередь, на уплату выкупных платежей и налоговых сборов. Но запрет на отчуждение земельно-подсечных угодий так и не был снят.

В итоге поземельного устройства бывшие государственные крестьяне получили в надел 2487,3 тыс. десятин, из которых 1611,7 тыс. десятин (65%) официально признавались удобными землями. Из числа удобных земель постоянные угодья (усадьба, пашня, сенокос, чистый выгон) составляли в сумме 268,8 тыс. десятин, или 16,7%, а 1342,9 тыс. десятин, или 83,3%, приходилось на долю подсечно-земельного и лесного надела (последний предназначался для обеспечения дровами)[10]. Приведенные данные свидетельствуют, что в ходе реализации реформы государственные крестьяне края полностью сохранили свои постоянные угодья (в начале 1870-х гг. они составляли 251,4 тыс. десятин).

Иная картина складывалась в пользовании непостоянными угодьями и лесом. Как уже сказано, поземельное устройство сопровождалось массовым изъятием подсечных пахотных земель и сенокосных расчисток. Предоставленный вместо них так называемый подсечно-земельный надел, несмотря на значительную площадь, состоял из малопригодных для сельскохозяйственных целей земель. По данным земских статистиков, в начале XX в. в Пудожском уезде, например, под временную пашню использовалось лишь 2,6% этого надела, а в Повенецком — 1,2%[11]. Ограничив для крестьян поиск мест для подсек чертой надела, государство в то же время удержало за собой основную часть — 71% лесных массивов края[12], ранее фактически находившихся в совместном пользовании казны и крестьян.

Таким образом, земельная реформа на деле означала для бывших государственных крестьян Карелии сужение земельной базы для развития сельского хозяйства и закрепляла малоземелье. Так, в Повенецком уезде при общем среднем наделе на двор в 76,5 десятины в хозяйственных целях (усадьба, постоянная и подсечная пашня, сенокос) использовалось только 6,4 десятины (8,4%), в Пудожском при наделе в 68,7 десятины — 10 десятин (14,6%), в Петрозаводском при 46,5 десятины — 8,9 (19,1%), в Олонецком при 38,9 десятины — 6,4 (16,5%)[13]. Если учесть, что на двор в среднем приходилось 3 души мужского пола, то можно заключить, что в реальности бывшие государственные крестьяне Карелии так и не обрели обещанного им по условиям закона 1866 г. 15–десятинного душевого надела.

В особом положении оказалось крестьянское население Кемского уезда. Указом 9 ноября 1870 г. здесь, как и в целом по Архангельской губернии, проведение работ по выдаче владенных записей откладывалось на неопределенный срок и, в результате, так и не осуществилось. Ввиду особо острого малоземелья (на двор приходилось не более 4 десятин постоянных сельхозугодий) жителям уезда в 1873 г. было предоставлено право делать в казенных лесах расчистки под постоянную пашню и сенокос в размерах до 15 десятин на ревизскую душу с правом 40–летнего пользования без уплаты оброчной подати.

Однако на практике эта мера имела ограниченное значение. Мировые посредники Кемского уезда отмечали, что население почти не пользуется льготой на расчистку. В качестве причин они называли необходимость больших трудозатрат на разработку леса под пашню и сенокос при ограниченности рабочих рук в семействах, нехватку удобрений в хозяйствах, отсутствие удобных мест для расчисток вблизи деревень, ограниченность прав на пользование участком 40–летним сроком. Посредники высказывались за предоставление крестьянам вместо права на расчистку права на ведение подсечного земледелия в казенных дачах. Однако на такую меру правительство не пошло. За период с 1873 по 1907 г. в Кемском уезде было расчищено в казенных лесах под сельскохозяйственные угодья 4590 десятин, что составило около 16% по отношению к землям, находившимся в надельном пользовании. Всего к началу XX в. на каждый крестьянский двор в Кемском уезде приходилось в среднем около 5 десятин надельных полевых угодий и 0,5 десятины расчисток[14]. Это самый низкий показатель обеспеченности сельхозугодьями.

В 1886 г. правительство приняло решение о переводе государственных крестьян на обязательный выкуп. Проведение выкупной операции являлось заключительным звеном в реализации закона 1866 г.: государственные крестьяне становились собственниками надельных земель, независимыми от казенного ведомства. Срок выкупа устанавливался в 44 года — с 1 января 1887 г. по 1 января 1931 г. По Олонецкой губернии размер выкупных платежей устанавливался примерно на уровне прежней оброчной подати — в среднем около 2 руб. в год на ревизскую душу. Учитывая, что выкупные платежи распространялись на всю надельную площадь, средняя выкупная стоимость одной десятины фактически используемой удобной земли (усадьба, пашня и сенокос) достигала в крае 20 руб. и значительно превышала ее реальную рыночную цену.

Основные положения реформы 1861 г. были распространены и на обельных вотчинников и обельных крестьян Карелии. Обельные вотчинники Ключаревы (Повенецкий уезд, с.Чёлмужи) еще в 1862 г. согласились передать своих крепостных (80 душ мужского пола) в казну и переводились в разряд крестьян–собственников с освобождением от всех государственных податей и повинностей. Их бывшие крепостные вместе с небольшой группой обельных крестьян (около 400 душ мужского пола, живших

в ряде селений Петрозаводского и Повенецкого уездов и утративших ко времени реформы большинство своих привилегий) по закону 1866 г. были зачислены в разряд государственных крестьян. Однако вопрос об их наделении землей получил окончательное разрешение только в 1908 г.

В целом, несмотря на определенную ограниченность, крестьянская реформа 1861 г. имела крупное прогрессивное значение. В результате ее осуществления все крестьяне стали свободными юридическими лицами, была подорвана сословная замкнутость крестьянства, уничтожены внутрисословные перегородки между отдельными категориями сельского населения. Традиционное надельное землепользование стало приобретать черты общинной земельной собственности, открылись перспективы для активного втягивания крестьянского населения в рыночное хозяйство. В то же время непоследовательность и недостаточная кардинальность реформы осложнили ход последующего развития России.

Земская, городская и судебная реформы

Установившийся в стране в результате освобождения крестьянства новый социальный порядок требовал проведения соответствующих преобразований и в сфере государственно-административного устройства. 1 января 1864 г. было утверждено положение о введении в 34 губерниях Европейской России выборных всесословных органов местного самоуправления — земских учреждений. Земства создавались на двух уровнях — в губерниях и уездах. Их распорядительными структурами являлись уездные и губернские земские собрания, а исполнительными — уездные и губернские земские управы. Основу земской избирательной системы составлял принцип имущественного ценза. Выборы гласных (депутатов) в уездные собрания проводились раздельно по трем куриям. В первую — землевладельческую — курию входили обладатели земельных имений площадью не менее 200—800 десятин (по разным уездам) и собственники другой недвижимости стоимостью от 15 тыс. руб. и выше. Вторая — городская — курия объединяла владельцев торговых и промышленных заведений с оборотом не менее 6 тыс. руб. или недвижимостью, оцененной не менее, чем в 500 руб. в малых и 3000 руб. — в крупных городах. Третья — крестьянская — курия составлялась из выборных от волостных сходов. Все три курии выбирали неравное число гласных (их количество регламентировалось специальными указаниями Министерства внутренних дел).

Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях. Как губернские, так и уездные земские собрания созывались на сессии раз в год, поэтому вся текущая работа выполнялась сформированными ими управами, состоявшими из председателя и нескольких членов (до шести), действовавших на постоянной основе. Председатели уездных управ утверждались губернатором, губернских — министром внутренних дел. Выборы земских органов проводились каждые три года. Трехкуриальная система и высокий имущественный ценз обеспечивали в земствах большинства регионов России преобладание дворян.

В круг обязанностей земских учреждений входили дела, "относящиеся к местным хозяйственным пользам и нуждам". На земства возлагалось содействие "преимущественно в хозяйственном отношении" здравоохранению и просвещению, содержание путей сообщения, попечение о развитии промышленности и торговли, заведование продовольственным делом, содержание приютов, богаделен и тюрем, выполнение

некоторых обязательных повинностей и т. д. Для выполнения своих задач земства получили право вводить местные налоги. Решения земских органов подлежали контролю губернской администрации и Министерства внутренних дел. Обсуждать и ставить общегосударственные проблемы они не могли. Земствам различных губерний запрещалось координировать деятельность.

В. В. Савельев, председатель Олонецкой губернской земской управы в 1880—1904 гг.

Указом Александра II от 12 февраля 1866 г. "Положение о земских учреждениях" распространялось на Олонецкую губернию. В начале апреля 1866 г. были учреждены Олонецкий губернский комитет и уездные комиссии по введению земских учреждений, начавшие составление избирательных списков и подготовку выборов. Первые выборы земских гласных были проведены в сентябре 1866 г., а открытие уездных земских собраний состоялось в декабре того же года. 18 июня 1867 г. губернатор Ю.К. Арсеньев в торжественной обстановке открыл первую сессию Олонецкого губернского земского собрания. Земское собрание избрало губернскую земскую управу, которую возглавил петрозаводский купец Е.Г. Пименов, занимавший эту должность до кончины в 1873 г. В последующем во главе Олонецкой губернской земской управы стояли отставной генерал А.В. Гаврилов (1874—1876 гг.) и купец Н.Ф. Пикин (1877—1880 гг.); лодейнопольский помещик В.В. Савельев, снискавший репутацию не только крепкого и энергичного хозяина, но и удачливого дельца (1880—1904 гг.); выходец из дворян Вытегорского уезда врач Н.А. Ратьков (1905—1918 гг.).

По результатам выборов 1867 г. в четырех уездных земских собраниях Карелии (Петрозаводское, Олонецкое, Повенецкое, Пудожское) крестьяне получили 65% мест гласных (35 из 54). На втором месте оказалось духовенство — 17%. На долю купцов пришлось 9% мест, мещан — 7% и чиновников — 2%[15]. В Олонецком губернском земском собрании среди выборных гласных созыва 1867—1869 гг. крестьянам принадлежало 40% мест (6 из 15), чиновникам — 27%, купцам и духовенству — по 13%, мещанам — 7%[16]. Аналогичная ситуация сохранялась вплоть до контрреформы 1890 г.

Численное большинство крестьянских депутатов в земских собраниях (абсолютное в уездных, относительное в Олонецком губернском), однако, не означало, что они определяли политику органов местного самоуправления. У администрации губернии и немногочисленного дворянства имелось немало действенных рычагов, чтобы держать ситуацию в земствах под контролем и не допускать их "излишней" самостоятельности. Поскольку в крае имелись крупные земельные владения государства, в состав земских собраний на основании закона включались дополнительно представители от казны, обладавшие, наряду с гласными, правом решающего голоса, что существенно увеличивало в губернском земском собрании число государственных чиновников.

Значительную роль в земской жизни играли мировые посредники. Осуществляя контроль над крестьянским самоуправлением, они могли влиять на отбор кандидатов от крестьян в состав гласных. А в 1872 г. губернское земское собрание приняло постановление, прямо призывавшее мировых посредников "поставить в обязанность волостным сходам, чтобы они на избирательные съезды для... выбора гласных изби-

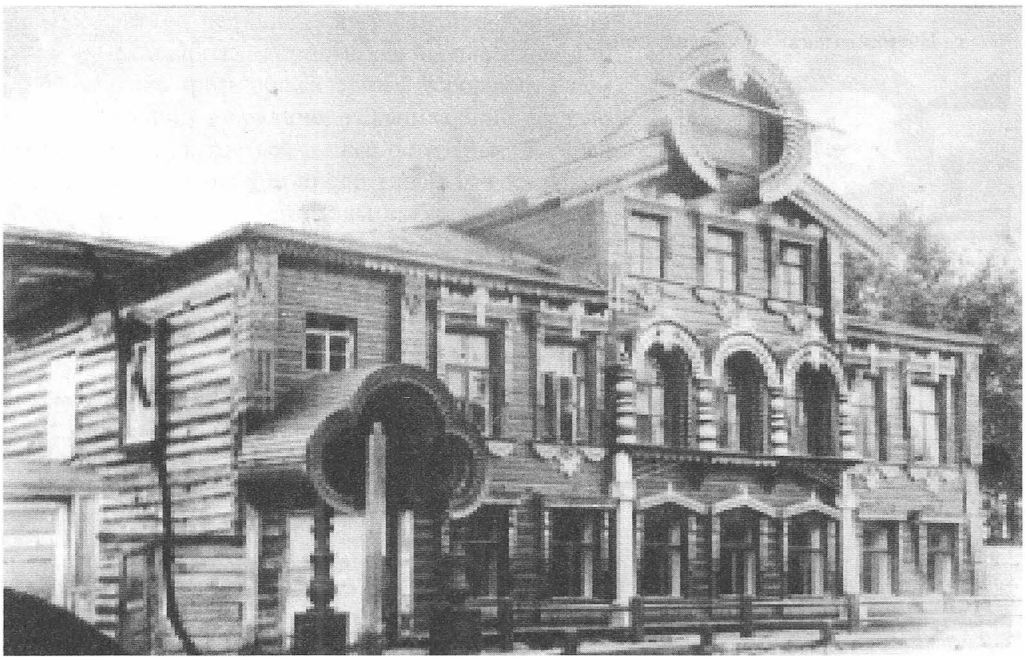
рали лиц благонадежных и заслуживающих уважения и доверия"[17]. Журнал "Отечественные записки" отмечал: "В Олонецкой губернии вмешательства в крестьянские выборы возведены в ранг закона". Именно мировые посредники чаще всего назначались на посты председателей уездных земских собраний. После 1874 г., когда мировых посредников сменили уездные по крестьянским делам присутствия, председателями уездных земских собраний назначались, как правило, непременные члены этих присутствий.

После контрреформы 12 июня 1890 г. влияние бюрократии в земствах еще более усилилось. Выборы в уездные собрания от представителей волостей были отменены. Крестьяне–гласные стали назначаться губернатором из числа представленных ему волостными сходами кандидатов. Имущественный ценз по землевладельческой курии был понижен (в интересах мелких дворян), а по городской — значительно повышен. Председатели и члены земских управ юридически признавались государственными служащими, и отныне эти должности не могли занимать люди, не имевшие права на статус чиновника. Если прежде председателями уездных управ в Карелии часто избирались купцы или представители сельской буржуазии, то теперь они в большинстве случаев стали назначаться министром внутренних дел из дворян, служивших в других уездах и губерниях. Значительно укрепились позиции чиновного элемента в Олонецком губернском собрании, где его доля среди гласных выросла с 18% в 1888—1890 гг. до 44% в 1890—1897 гг.[18]

Были значительно расширены права губернатора по контролю над земствами. Он мог отменить любое их постановление. Вводилось новое административное звено — губернское по земским делам присутствие во главе с губернатором, которое проверяло законность и целесообразность постановлений земских собраний. Все это, бесспорно, сковывало и затрудняло деятельность органов земского самоуправления, хотя не смогло полностью ее парализовать. Как показала практика, живая заинтересованность представителей широких слоев населения в улучшении и обустройстве местного хозяйства в конечном счете пробивала себе дорогу сквозь препоны, расставляемые царской бюрократией.

Финансовая база деятельности органов земского самоуправления формировалась в основном за счет окладных налоговых сборов. Земства карельского края наиболее значительную часть бюджетных поступлений получали от обложения земель и лесов казны. В течение 1870—90–х гг. эта статья давала около половины совокупного дохода земских учреждений Олонецкой губернии. Вторым по значению источником являлись сборы с крестьянских земель и лесов — они обеспечивали до трети всей суммы доходов (26—32%). Остальная часть земских бюджетов (20—25%) складывалась из сборов с частных земель, городских недвижимых имуществ, документов на право торговли и промыслов, торгово–промышленных помещений (взыскивался в крае с 1897 г.), а также различных неокладных доходов. В целом, объем земского бюджета имел устойчивую тенденцию к увеличению. В 1870 г. он составлял по Олонецкой губернии 190 тыс. руб., в 1890 г. — 664 тыс. руб., а к 1914 г. достиг 3 млн руб.[19] Введенный в 1900 г. закон о предельности земского обложения затормозил, но не остановил этот рост.

Расходы земств, согласно закону, подразделялись на обязательные и необязательные. Обязательные предназначались в основном на содержание губернских правительственных учреждений. К числу необязательных относились расходы на содержание собственно земского аппарата, развитие медицины, народного образования, ветеринарии, проведение экономических мероприятий и др. В течение 1870—90–х гг. общие затраты на административно–управленческие цели (как правительственные,



Здание Повенецкой уездной земской управы. 1901 г.

так и земские) поглощали до 40% совокупного бюджета земств Олонецкой губернии. В начале 1900–х гг. их доля стала снижаться. В результате, ассигнования на нужды социально–экономического и культурного развития региона, составлявшие в 1870—90–х гг. от 47 до 53% земской сметы, к 1905 г. выросли до 70%. Затраты земств Олонецкой губернии на образование, здравоохранение, помощь сельскому хозяйству, дорожное дело и благотворительные цели за период с 1875 по 1905 г. увеличились с 173,2 тыс. руб. до 1,7 млн руб., то есть почти в 10 раз[20]. В начале XX в. расходы здешних земств по "производительным" статьям в расчете на душу превышали общероссийский уровень в два раза (в 1905 г. — 4 руб. против 2 руб.)[21]. Основу относительного материального благополучия карельского земства составляло привлечение к обложению обширных земельно–лесных владений казны.

В пределах отведенной компетенции и финансовых возможностей земские учреждения Карелии вели активную работу по решению назревших социально–экономических и культурных проблем. Наиболее весомые результаты ими были достигнуты в области народного образования и здравоохранения. Благодаря, главным образом, усилиям земства число народных школ за период с конца 1860–х до конца 1890–х гг. выросло почти в три раза, а количество учащихся в них — в 6 раз. На рубеже XIX—XX вв. Олонецкое земство в числе первых в стране, наряду с московским, тульским и нижегородским, поставило в повестку дня вопрос о введении всеобщего начального обучения.

За годы работы земств число врачей в Карелии возросло в три раза[22]. Строились больницы, внедрялась прогрессивная участковая система организации медицинской помощи. Земства стояли у истоков ветеринарной и агрономической службы в крае. В целях содействия промышленности и торговле на средства земств было организовано

Петрозаводск. Соборная улица

несколько геологических экспедиций. Принимались меры по улучшению дорожной сети, земскими органами неоднократно ставился вопрос об улучшении Мариинской водной системы, о строительстве Беломорско–Балтийского канала, железной дороги. В области сельского хозяйства с конца XIX в. началась работа по распространению усовершенствованных орудий, по пропаганде передовых агротехнических приемов, по улучшению пород скота и т. д. В целом деятельность земств имела для населения края серьезное позитивное значение, хотя, конечно, большинство проблем ими до конца не было решено.

В отличие от основной части Карелии в Кемском уезде, как и во всей Архангельской губернии, земские учреждения не были введены. Основными причинами этого явились полное отсутствие в губернии поместного землевладения и опасение властей, что вся тяжесть земских сборов ляжет исключительно на казенные имущества.

16 июня 1870 г. Александр II утвердил новое Городовое положение, реформировавшее систему городского самоуправления. Прежние сословные управленческие структуры в городах заменялись всесословными учреждениями. Проводился, хотя и непоследовательно, принцип разделения властных полномочий. Согласно положению, распорядительным органом являлась городская дума, исполнительным — управа. Члены думы избирались на основе имущественного ценза. Право участия в выборах предоставлялось лицам старше 25 лет, владевшим недвижимой собственностью, облагаемой оценочным сбором, владельцам торгово–промышленных заведений, купцам, платившим городские сборы. Фактически ценз исключал из круга избирателей всех жителей, не имевших собственных домов и снимавших квартиры, то есть основную массу наемных рабочих, интеллигенции, мелких служащих. Таким образом, к участию в делах самоуправления допускалась лишь небольшая группа зажиточных горожан.

Избиратели делились на три курии. К первой относились наиболее крупные налогоплательщики, уплачивавшие треть общей суммы городских налогов, ко второй — средние, уплачивавшие другую треть налогов, к третьей — все остальные. Каждая курия избирала равное число гласных городской думы. Гласные из своей среды выбирали управу в составе двух—трех человек под председательством городского головы. Одновременно голова становился и председателем городской управы.

Городской голова Петрозаводска в 1901—1909 и 1914—1917 гг. Г.Е. Пименов

На органы городского общественного управления возлагались административно-хозяйственные функции: благоустройство, попечение о развитии торговли и промышленности, содействие здравоохранению и народному образованию, общественное призрение, принятие санитарных и противопожарных мер. В пределах компетенции органам самоуправления предоставлялась известная самостоятельность и независимость, но для надзора за законным исполнением ими своих обязанностей учреждалась специальная инстанция — губернское по городским делам присутствие во главе с губернатором.

Формирование городского бюджета должно было осуществляться за счет налогов и сборов с недвижимости, доходов от городских имуществ, пошлин за клеймение весов и мер, аукционов и пр., а также пособий из казны. Органы самоуправления не имели права самостоятельно вводить новые налоги и превышать установленную законом предельную норму обложения (1% стоимости недвижимого имущества).

Реализация городской реформы в Карелии началась с открытия 14 августа 1870 г. Олонецкого губернского по городским делам присутствия. В ноябре—декабре 1870 г. в Петрозаводске состоялись первые выборы городской думы по новому Положению. Обладателями избирательных прав из 10,9 тыс. жителей оказались только 946 человек, или 8,7% (в среднем по губернским городам страны этот показатель равнялся 5,6%). По первой курии было зарегистрировано 20, по второй —124 и по третьей — 802 человека. Они избирали 54 гласных городской думы, по 18 от каждой курии. По итогам голосования в число депутатов думы вошли 15 дворян, священников и разночинцев (27,8%) ,16 купцов (29,6%), 23 мещанина и крестьянина (42,6%). С учетом того, что большинство прошедших в гласные мещан и крестьян (12 и 23) являлись собственниками торгово-промысловых предприятий, следует признать, что преобладающее влияние в городском управлении получили буржуазные элементы. На первой сессии новой думы, открывшейся 17 февраля 1871 г., председателем управы и городским головой был избран купец Е.Г. Пименов, одновременно занимавший должность председателя губернской земской управы. И в дальнейшем пост городского головы в Петрозаводске занимали главным образом ведущие представители местного купечества: Н.Ф. Пикин, Н.П. Сераго, И.С. Селиверстов, Ф.И. Тихонов, Г.Е. Пименов и др. В течение 1872—1877 гг. выборы дум и управ на основе Положения 16 июня 1870 г. были проведены во всех уездных городах Карелии — Олонце, Повенце, Пудоже и Кеми. И здесь ключевые позиции в органах самоуправления заняли представители торговой буржуазии.

С воцарением Александра III и усилением консервативных тенденций в политике

правительства вслед за земской контрреформой 1890 г. было ограничено и городское самоуправление. Утвержденное в 1892 г. новое Городовое положение прежде всего ужесточило имущественный ценз, что резко сократило и до того небольшой круг избирателей. Отныне участвовать в выборах могли только владельцы купеческих свидетельств и обладатели наиболее крупной недвижимости (не менее 1 тыс. руб. в губернских и 300 руб. в уездных городах). Мелкие и средние налогоплательщики лишались избирательных прав. Все избиратели объединялись в одно собрание — трехкуриальная система упразднялась. В малых городах допускалось так называемое упрощенное управление. В этом случае сход домохозяев избирал собрание уполномоченных из 12—16 человек, а они из своей среды — городского старосту и одного—двух помощников.

Губернское по городским делам присутствие объединялось с соответствующим органом по земским делам, а его надзорные функции расширялись. Теперь губернское по земским и городским делам присутствие, а также губернатор получили право следить не только за законностью, но и за "целесообразностью" действий городских инстанций и могли подвергать должностных лиц городского самоуправления наказанию.

По Положению 1892 г. в Петрозаводске избирательные права получили всего 104 жителя из 12,5 тыс., или 0,85% (в среднем по губернским центрам этот показатель составил 1,9%). Количество гласных в думе было сокращено до 16. В результате первых выборов по новому Положению в составе Петрозаводской городской думы оказалось 7 купцов, 6 крестьян и мещан, 3 дворянина и чиновника. Фактически контрреформа привела к дальнейшему усилению позиций предпринимательской верхушки в городском управлении. Во всех уездных городах Карелии, кроме Повенца, думы и управы были ликвидированы и введено упрощенное общественное управление.

Жесткие ограничения, установленные еще Городовым положением 1870 г. в отношении бюджетных прав городского самоуправления, особенно тяжело сказывались на финансовых возможностях малых городов, к числу которых в сущности относились не только уездные центры Карелии, но и Петрозаводск. Не имея столь крупных и надежных источников доходов, каким для земства являлось обложение казенных лесов и земель, городские органы вынуждены были тратить основную часть бюджетных поступлений на "обязательные расходы" административно–управленческого и полицейского характера. На социокультурные нужды (благоустройство, образование, здравоохранение, содержание общественных зданий и памятников) в Олонецкой губернии направлялось от 13 до 27% средств городских бюджетов. Губернские статистики в связи с этим констатировали, что лишь "незначительный процент городских сборов поступает обратно городскому населению в виде благоустройства города, благотворительных и культурных учреждений"[23].

В 1864 г. Россия получила новое судебное законодательство, провозглашавшее основные принципы буржуазного права — бессословность, несменяемость судей и их независимость от администрации, равенство сторон перед законом, гласность и состязательность судебного процесса. Вводилась новая, более стройная и упрощенная система судов. Низшей судебной инстанцией стали мировые судьи, избиравшиеся на три года уездными земскими собраниями и городскими думами. Они рассматривали только мелкие уголовные и гражданские дела (ущерб по которым не превышал 500 руб.). Для рассмотрения дел, выходящих за пределы компетенции мировых судей, создавались окружные суды и судебные палаты с назначаемыми судьями. При них создавался институт присяжных заседателей, из ведения которых, однако, изымались дела политического характера. Для защиты обвиняемых приглашались адвокаты —

Пудож. Торговая площадь

присяжные и частные поверенные. Роль верховной кассационной инстанции для всех судов выполнял Сенат.

Однако и на этой реформе, наиболее последовательной из всех буржуазных реформ, осуществленных в 1860–е гг., сказалось влияние феодальных традиций. В частности, непоследовательно проводился принцип всесословности суда — сохранялись особые волостные суды для крестьян, ведомственные суды для духовенства и военных. Политические дела рассматривались на закрытых заседаниях. Для мировых судей предусматривался имущественный и образовательный ценз.

В уездах Олонецкой губернии мировые судьи были введены в 1870 г., а в Кемском уезде Архангельской губернии — в 1888 г. (из–за отсутствия земства мировые судьи здесь не избирались, а назначались администрацией). Практика мировых судей быстро снискала авторитет. В одном из отчетов олонецкой губернской администрации середины 1870–х гг. отмечалось: "Скорость и беспристрастие нового суда приобрели ему уже столько доверия в народе, что он прибегает и с такими исками и жалобами, которые предоставлены ведению волостного суда"[24]. Однако введение судебных уставов 1864 г. в полном объеме затянулось, при этом правительство ссылалось на недостаток квалифицированных юристов и нехватку средств. Большую настойчивость и активность в решении вопроса проявило Олонецкое губернское земство во главе с председателем управы В.В. Савельевым. В течение 1875—1891 гг. оно пять раз входило в высшие правительственные инстанции с ходатайством о завершении судебной реформы в губернии. В 1891 г. в дополнение к ходатайству земство перечислило 15 тыс. руб. на расходы, связанные с организацией окружного суда. Усилия земцев помогли сдвинуть дело с мертвой точки. 28 февраля 1892 г. был опубликован указ о введении судебной реформы в Олонецкой губернии в полном объеме и о создании

Петрозаводского окружного суда, хотя и без института присяжных заседателей. Открытие окружного суда в Петрозаводске состоялось 29 мая 1894 г.

Решение о введении института присяжных заседателей в Петрозаводском окружном суде было принято только в 1898 г. Первое заседание с их участием состоялось 1 июня 1898 г. по уголовному делу о нанесении мещанами Сухановым и Ивановым тяжких побоев мещанину Чехонину. "Присяжные, — по свидетельству очевидцев, — отнеслись к своему делу с должным уважением: свято всеми подробностями дела они живо интересовались, внимание их было поглощено представленной им картиной преступления. Они вынесли обвинительный вердикт в пределах предъявленного обвинения"[25].

В начале 1870–х гг. в России была осуществлена также военная реформа, центральным звеном которой явилось принятие закона 1 января 1874 г. о всеобщей (всесословной) воинской повинности. Архаичные рекрутские наборы отменялись. Призыву на действительную службу подлежали все мужчины по достижении 21 года. Срок действительной службы составлял 6 лет в сухопутных войсках и 7 лет на флоте, затем военнообязанные переводились в запас. Для лиц, окончивших средние и высшие учебные заведения, сроки действительной службы значительно сокращались. Карелы и вепсы отбывали воинскую повинность, как и ранее рекрутскую, наравне с русскими.

Крестьянская реформа и реформы 60—70–х гг. XIX в. в области государственно–административного устройства, несмотря на то, что несли на себе печать крепостнических традиций, создали условия для становления России на рельсы буржуазной модернизации и открывали потенциальную возможность для эволюции царизма в сторону ограниченной монархии.

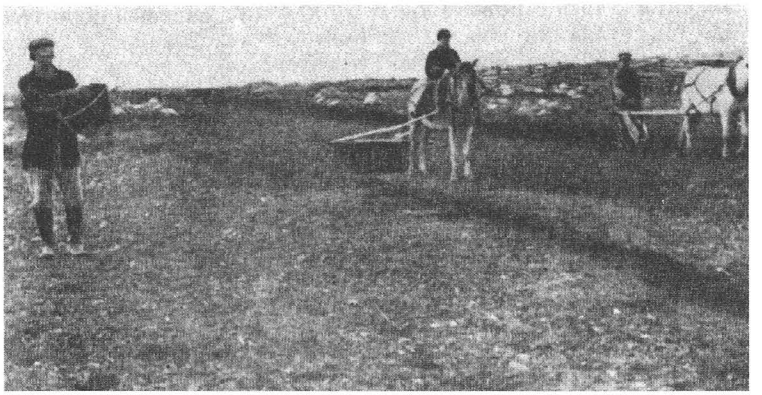
2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.

Пореформенная деревня. Сельское хозяйство. Крестьянские промыслы

В пореформенное время Карелия продолжала оставаться одним из редкозаселенных аграрно–промысловых районов Российской империи. Численность населения в крае росла медленно. За период с 1863 г. до первой всеобщей переписи населения 1897 г. она увеличилась на 13% — со 190 тыс. до 215 тыс. человек. По уровню плотности населения (1,9 чел. на кв. версту) Карелия к концу XIX в. стояла гораздо ближе к Сибири (0,8 чел.), чем к Европейской России в целом (17,5 чел.). Как и в некоторых других районах с развитым промысловым отходом, здесь отмечалось преобладание в населении женщин над мужчинами (в 1897 г. 53% против 47%)[26].

По данным переписи 1897 г., 58,9% населения края считали своим родным языком русский, 36,5% — карельский, 3,4% — вепсский, 0,9% — финский и 0,3% — прочие языки[27]. Как и ранее, карелы проживали в основном в Олонецком и западных волостях Петрозаводского, Повенецкого и Кемского уездов. Русское население было сосредоточено в восточной части Петрозаводского, Повенецкого и Кемского уездов (Западное Прионежье, Заонежье и Поморье) и в Пудожском уезде. Вепсы населяли юго–восток Петрозаводского уезда (Шелтозерье).

Подавляющая часть населения Карелии (в 1897 г. — 197 тыс. человек, или 91,2%)



Обработка земли и посев

проживала в сельской местности. Города оставались малолюдными. В самом крупном из них — Петрозаводске — по переписи 1897 г. насчитывалось 12,5 тыс. жителей. В уездных городах — Олонце, Повенце, Пудоже и Кеми проживало по 1—2 тыс. человек. За пореформенные десятилетия они так и не обрели промышленного значения и играли роль локальных административно–торговых центров. В сословном отношении главную массу населения — 92% — составляло крестьянство, около 4% принадлежали к категории мещан[28].

Ведущее место в экономической жизни края по–прежнему занимало сельское хозяйство. В ходе переписи 1897 г. 81% всех сельских жителей Карелии в качестве основного источника существования назвали аграрные занятия[29].

Из зерновых культур выращивались традиционные культуры — рожь, преимущественно озимая, ячмень и овес. Не претерпела существенных изменений и земледельческая техника. По данным первой переписи сельскохозяйственных орудий и машин, проведенной в 1910 г., из имевшихся в пяти уездах края 42 тыс. штук пахотных орудий 94% составляли сохи, 5% — косули и лишь 1% — плуги. 96% орудий для разрыхления земли составляли бороны–суковатки и лишь 4% — цельнометаллические и комбинированные бороны[30]. Известный консерватизм крестьян в вопросе земледельческой техники объяснялся не только недостатком оборотных средств у большинства хозяев для покупки усовершенствованных орудий и машин, но и тем обстоятельством, что орудия заводского производства зачастую не отвечали местным условиям (тонкий почвенный слой, обилие валунов и гальки, мелкоконтурность полей).

Активно продолжался процесс вытеснения подсечно–огневой системы земледелия трехпольем. Так, если накануне реформы в Петрозаводском уезде на долю подсеки приходилось не менее 25% зерновых посевов, то к концу XIX в. — лишь около 6%. В целом по четырем карельским уездам Олонецкой губернии к концу столетия на подсеках размещалось всего лишь около 14% зерновых посевов[31]. По существу подсечное земледелие стало играть роль небольшого дополнения к трехполью. Севообороты усовершенствованного многопольного типа в пореформенной деревне Карелии не практиковались, лишь в самом конце XIX в. они стали испытываться на земских опытных участках.

Как и в целом на Европейском Севере России, в карельском крае во второй половине XIX в. отмечалось некоторое повышение объемов зернового хозяйства. Среднегодовой посев хлебов в 1891—1900 гг. составил 84 тыс. четвертей против 74,9 тыс.

четвертей в 1861—1870 гг. (рост на 12,1%), а валовый сбор зерна — 340,4 тыс. четвертей против 257,6 тыс. (рост на 32,1%)[32]. Определенные успехи в развитии зернового хозяйства произошли как за счет расширения посевов, так и за счет некоторого повышения культуры земледелия: вытеснения подсеки более интенсивной системой трехполья, улучшения удобрения полей в связи с ростом поголовья скота, применения более качественных семян за счет земских семенных ссуд, проведения мелиоративных мероприятий зажиточными хозяевами и т. п.

И все же общий уровень хлебопашества оставался невысоким. По степени обеспеченности хлебом собственного производства край прочно занимал одно из последних мест в России. Даже в 1890–х гг. чистый среднегодовой сбор зерна в расчете на душу (с учетом городского населения) в целом по Карелии составлял только 53% к минимальной норме потребления, исчислявшейся в 2,25 четверти на едока. При этом уровень обеспеченности хлебом значительно варьировался в зависимости от агроклиматической зоны. В южной части Карелии (Петрозаводский, Олонецкий, Пудожский уезды) он поднимался до 63 %, в средней (Повенецкий уезд) составлял 47%, а в северной Карелии (Кемский уезд) опускался до 31%. В то же время в среднем по Нечерноземной зоне России чистый подушевой сбор хлебов в 1890–х гг. на 11% превышал норму потребления[33].

В неурожайные годы положение в крае становилось бедственным. В пореформенное время наиболее тяжелые неурожаи в Карелии отмечались в 1865, 1867, 1868, 1872, 1881, 1885 и 1891—1892 гг. В такие годы основная масса крестьян, особенно в глубинных районах, прибегала к употреблению хлеба из муки с примесью древесной коры или мха. В среднем на каждые 10 лет приходилось 2—3 неурожайных года. Голодные годы обычно сопровождались обострением социальной обстановки в деревне, брожением в среде крестьянства, ростом недоимок. Тяжелым грузом на крестьянство Карелии ложились денежные долги за выдававшиеся земством и казной в периоды неурожаев хлебные ссуды.

В силу хронического дефицита хлебов зерновое хозяйство края сохраняло отчетливо выраженный натурально–потребительский характер. Тем не менее в эту отрасль постепенно проникали рыночные отношения. Согласно исследованию местных земских статистиков, к началу XX в. из каждых 100 крестьянских семей 7—8 прибегали к продаже зерна. Суть данного явления убедительно раскрыл один из корреспондентов местной губернской газеты, который писал: “Олонецкая губерния ежегодно нуждается в привозном хлебе. Тем не менее, в каждом уезде крестьяне продают хлеб... Причем продают не только зажиточные, но и бедные. У бедняков продажа вызвана, главным образом, требованием уплаты податей после уборки и обмолота. Продажа хлеба наносит им исключительный ущерб. Это заставляет их уже через 2—3 месяца покупать хлеб по более дорогой цене”[34].

При нехватке хлебов крестьяне края все активнее обращались к возделыванию картофеля. Впервые появившаяся в Карелии в конце XVIII в. и первоначально воспринятая населением весьма настороженно, эта культура теперь пользовалась прочным и повсеместным признанием. Был накоплен значительный опыт выращивания картофеля, выработаны специфические приемы ухода за ним. Один из лучших знатоков хозяйственного быта карельской деревни рубежа XIX—XX вв. учитель из д. Кимасозеро Повенецкого уезда И.В. Оленев отмечал: “Карелы — мастера разводить картофель, сеют его в борозды на полях, тщательно полют и по несколько раз в лето окучивают косулей, отчего он дает хорошие урожаи”[35].

В пореформенные десятилетия картофелеводство развивалось довольно быстры-

Крестьянская семья на жатве. 1901 г.

ми темпами. За период с 1860–х по 1890–е гг. среднегодовые посадки картофеля в Карелии возросли в 4,4 раза (с 4,2 тыс. до 18,5 тыс. четвертей), а валовый сбор — в 4,7 раза (с 18,5 тыс. до 87,1 тыс. четвертей)[36]. И все же, по сравнению с хлебопашеством картофелеводство даже к концу XIX в. занимало скромное место в формировании продовольственных ресурсов. В 1890–х гг. чистый сбор картофеля на душу составлял в Карелии в среднем 0,3 четверти, что по пищевой ценности соответствовало только 0,1 четверти зерна. Сколько–нибудь заметного товарного значения картофелеводство также не приобрело.

Единственная ярко выраженная торговая отрасль земледелия Карелии — льноводство, сконцентрированное в Пудожском уезде, в пореформенный период оказалось в кризисной ситуации. Если в начале 1860–х гг. ежегодный сбор этой культуры в уезде составлял 20—25 тыс. пудов, то к началу XX в. он сократился до 6—8 тыс. пудов[37]. В 1907 г. купцом Н. Базегским была закрыта последняя льнотрепальня, и товарное производство льна в Пудожье практически прекратилось. Упадок отрасли объяснялся в основном двумя причинами. Во–первых, лен быстро истощал почву и в условиях края давал хорошие урожаи, главным образом, на подсеках. В результате пореформенного землеустройства, ограничившего подсечное земледелие, база для льноводства значительно сузилась. Другой причиной явилось ухудшение экономической конъюнктуры для льна в связи с широким проникновением на рынки хлопчатобумажных тканей. Карельское льноводство, базировавшееся на дорогих привозных семенах (из Псковщины) и существовавшее в менее благоприятных почвенно–климатических условиях, чем в других льноводческих районах России, не выдержало конкуренции.

Наряду с возделыванием полевых культур — хлебов, картофеля, льна — крестьяне Карелии занимались овощеводством, роль которого постепенно возрастала. Наиболее широкое распространение по–прежнему имела репа, которая высевалась как на огородах, так и на подсеках. Остальные овощи (редька, морковь, лук, брюква, свекла, редис, а в отдельных местностях также капуста и огурцы) выращивались только на огородных участках. По данным земской статистики начала XX в., в Пудожском и

Повенецком уездах огороды имело до 30%, в Петрозаводском — до 40%, в Олонецком — около половины крестьянских хозяйств[38]. Если в середине XIX в. овощи повсеместно выращивались "только в таком количестве, которое обеспечивало потребности хозяев" и лишь эпизодически становились предметом продажи на ярмарках, то к концу столетия в некоторых селениях южной Карелии овощеводство начинает приобретать товарное значение. Так, в с. Ялгуба (близ Петрозаводска) некоторые крестьяне стали выращивать репное семя на продажу. Каждый из них получал до 6 пудов семян в год, которые сбывались скупщикам, а затем развозились ими по всей Олонецкой губернии. Одним из центров овощеводства становится с. Шуньга. Здесь на плодородных шунгитовых почвах многие культуры давали хорошие для условий севера урожаи. Земский агроном Н. Степанов отмечал, что Шуньга к началу XX в. стала главным поставщиком овощей для всего Повенецкого края. "За последнее время, — писал он, — крестьяне обратили внимание на огородничество, так как оно очень выгодно... Получая чувствительный доход с огорода, крестьянин стал очень тщательно следить за возделыванием овощей и обработкой почвы"[39]. Но подобные факты являлись лишь редким исключением на фоне господства натурально–потребительских тенденций в земледелии.

В силу природных особенностей края наиболее перспективной отраслью сельского хозяйства должно было стать животноводство. Однако и в пореформенные годы оно продолжало играть вспомогательную, второстепенную роль. Большинство крестьян видело в разведении скота лишь средство для обеспечения хлебопашества тягловой силой и удобрением. Даже в 1912 г. во время специального земского обследования около 90% опрошенных дворохозяев заявили, что содержат крупный рогатый скот в первую очередь ради получения навоза.

Развитие животноводства в решающей степени зависело от состояния кормовой базы. В составе же крестьянских наделов естественных сенокосных угодий было мало: на один двор приходилось в среднем от 3,4 до 6 десятин. Больше 90% сенокосов приходилось на низкокачественные суходольные, заболоченные и лесные луга. Расширение луговой площади путем проведения трудоемких мелиоративных работ на лесных и заболоченных участках являлось делом непосильным для основной массы крестьянских хозяйств, особенно при отсутствии системы сельского кредита. Увеличение кормопроизводства за счет введения в севооборот сеяных трав на постоянной пашне сдерживалось общинным землепользованием и крепко устоявшимися хлебопашескими традициями. Земские агрономы отмечали, что "крестьяне никак не могли взять в толк, что траву можно сеять". В силу этого посевы кормовых трав до начала XX в. практически отсутствовали. Нехватку сена крестьяне стремились восполнить соломой или специально заготовленными сушеными листьями, осокой, белым мхом, мелкой рыбой. Полностью обеспечивались сеном (с добавлением овса и хлеба во время работы) только лошади.

Заметный урон животноводству наносили эпизоотии и лесные хищники. Не происходило и качественных изменений в развитии животноводства. Господствовали местные породы скота с невысокими характеристиками. Коровы давали в среднем 880 л молока в год (вдвое меньше, чем в восточной Финляндии), а их убойный вес колебался в пределах 4—7 пудов. Один из авторов в конце 1880–х гг. писал: "Все достоинство местного скота состоит в том, что он может жить и плодиться при таком скудном содержании"[40].

И все же численность скота в пореформенный период, хотя и медленно, но росла. Так, количество лошадей в Карелии к началу XX в. по сравнению с первой полови-

ной 1860–х гг. увеличилось на 21,7% (с 32,3 до 39,4 тыс. голов), крупного рогатого скота — на 30,2% (с 70,6 до 91,9 тыс. голов), овец — на 37,1% (с 52,5 до 72 тыс. голов) И только поголовье свиней, разведению которых не придавалось существенного значения, снизилось — с 5,4 до 4 тыс. голов[41].

Постепенно животноводство втягивалось в сферу рыночных отношений, особенно в южных уездах края, прилегающих к Онежско–Ладожскому водному пути и Петербургскому тракту. Уже в середине 1870–х — начале 1880–х гг. здесь ежегодно продавалось на убой до 2 тыс. голов крупного рогатого скота и до тысячи голов овец. В Петербург и на местные городские рынки систематически поступали творог, домашнее масло, сметана из крестьянских хозяйств Олонецкого, Петрозаводского и Пудожского уездов. По более поздним данным, относящимся к началу XX в., около 50% дворов в той или иной мере прибегали к продаже молока и молочных продуктов, а 7% — откармливали скот на продажу[42].

На рубеже XIX—XX вв. отмечено зарождение в крае товарного маслоделия. Первая маслодельня, оборудованная сепаратором, была открыта в 1899 г. крестьянином А. Никоновым в местечке Лейнаволок близ с. Типиницы Петрозаводского уезда. В 1900 г. в том же уезде начали функционировать еще две крестьянских маслодельни. Сепараторы для них приобретались при финансовой помощи земских органов. Полученные на маслодельнях с помощью сепараторов первые партии сливочного масла высоких сортов — парижского, голштинского и сладкосливочного — нашли хороший сбыт в Петрозаводске и Петербурге[43]. Зарождение товарного маслоделия открывало новые стимулы для развития животноводства.

В условиях, когда аграрный сектор не обеспечивал необходимого минимума прожиточных средств, население деревни активно обращалось к промысловой деятельности. Доходы от неземледельческих занятий служили для подавляющей части крестьян края главным источником денежных поступлений, требовавшихся для преодоления дефицита продовольственных ресурсов, покупки промышленных изделий, уплаты податей и сборов. Пореформенную карельскую деревню отличала исключительно высокая степень сопряженности сельскохозяйственных и промысловых занятий. По данным земской подворной переписи 1900—1902 гг., в четырех уездах Олонецкой губернии (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий, Лодейнопольский) разного рода промыслами занималось до 96% крестьянских дворов.

Промысловый сектор экономики Карелии включал в себя две группы отраслей: неземледельческие занятия по месту жительства и заработки на стороне — во внекраевом и внутрикраевом отходе. Из местных промыслов наиболее важную роль сохраняло рыболовство. При дефиците продуктов земледелия рыба служила важнейшим подспорьем в продовольствии населения, а в неурожайные годы нередко спасала от голодной смерти. Она же выступала в качестве одного из главных крестьянских товаров на местных рынках и в значительных размерах вывозилась за пределы края. Олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев, характеризуя особенности местной хозяйственной жизни, писал, что здесь "вода является такой же кормилицей, как и земля"[44].

В пореформенные годы особенно значительный подъем переживали беломорские промыслы, издавна тесно связанные с рынком. Только за последнюю четверть XIX в. число лиц, занимавшихся выловом товарной беломорской рыбы, увеличилось с 3 до 4 тыс. человек. Среднегодовая добыча сельди за 1850—1890–е гг. поднялась с 44 до 116 тыс. пудов, наваги — с 6 до 20 тыс. пудов, семги — с 2 до 3 тыс. пудов. Беломорская рыба в летнее время вывозилась на судах в Архангельск, а поздней осенью и зимой — на подводах в Петербург, Москву, на Шунгскую ярмарку и во многие селения север-

Рыбаки–поморы. 1895 г.

ных губерний. При сохранении традиционных приемов и способов лова рост промыслов происходил, главным образом, за счет более полного использования трудовых ресурсов поморских семей, включая женщин и подростков, привлечения рабочей силы из сел, удаленных от мест промысла, а также более интенсивного использования массовых подходов рыбы к берегам. В организации беломорских рыбных промыслов в середине XIX в. доминировала внутрисемейная и межсемейная кооперация (артели складников). Применение наемного труда оставалось ограниченным и носило в основном скрытый характер (приглашение в артели так называемых "сухопайщиков"). Но к началу XX в. получает распространение прямой наем рабочих за повременную заработную плату.

Заметно активизировалось и озерно–речное рыболовство в рыночных целях. Если в середине 1870–х гг. численность промысловиков, занимавшихся товарным рыболовством, в целом по Олонецкой губернии, составляла 7 тыс. человек, то к рубежу XIX—XX вв. она достигла 9 тыс. человек. Объем продукции промысла в среднегодовом исчислении за это же время увеличился с 57,9 тыс. пудов до 73,4 тыс. пудов, или на 27%. На наиболее крупных озерах происходил переход от преимущественно берегового лова к промыслу в прибрежной зоне и в открытой части водоемов. Увеличивалась добыча рыбы ценных пород — лосося, палии, сига, судака, леща, имевших особенно высокий спрос на внекраевых рынках.

Главным потребителем рыбной продукции, добываемой на внутренних водоемах Карелии, выступал петербургский рынок. Укреплению традиционных связей со столичным рынком способствовало становление пароходного сообщения на Онежско–Ладожском водном пути. Пароходы позволили значительно упростить и ускорить доставку свежей рыбы весенне–летнего улова из Обонежья и Присвирья. Помимо Петербурга, основными местами реализации речной и озерной рыбы являлись Шунгская ярмарка, Петрозаводск и уездные города края, приграничные районы Финляндии. В организации сбыта рыбной продукции как в Поморье, так и в целом по Карелии ведущую роль играли скупщики, главным образом из местных зажиточных крестьян и купцов. Нередко скупщики заранее кредитовали промысловиков деньгами или продовольствием и обязывали должников сдавать продукцию по заниженным ценам.

В отличие от рыболовства другой старинный добывающий промысел — охотничий — в пореформенное время переживал явный спад. Правда, численность промысловиков, несмотря на некоторые колебания, поддерживалась в Карелии примерно на

одном и том же уровне — 6—7 тыс. человек в год. Однако объем добычи падал. Так, если в конце 50–х — начале 60–х гг. XIX в. в пределах Олонецкой губернии добывалось ежегодно от 200 до 300 тыс. звериных шкур и не менее 1,4 млн штук дичи, то на рубеже XIX—XX вв. среднегодовой размер добычи не превышал 125 тыс. шкур и 200 тыс. штук дичи[45]. В Кемском уезде объем добычи зверя за период с середины XIX в. до конца столетия сократился с 30,7 до 11,7 тыс. штук, а дичи с 80 до 74 тыс. штук[46]. Факт кризиса охотничьего хозяйства признавался и современниками. Олонецкий губернатор М.Д. Демидов в 1898 г. в своем отчете констатировал, что данная отрасль "бесспорно находится на пути к окончательному упадку". В качестве главной причины сокращения промысла источники называют оскудение запасов пушного зверя и птицы в лесах вследствие неконтролируемой, нередко хищнической добычи, а также развертывание промышленных лесозаготовок.

Как и у рыбаков, основную часть промысловой добычи у охотников приобретали представители торгового капитала — скупщики. Засилье скупщиков приводило к снижению доходов от промысловой деятельности. "Отсутствие удобных путей сообщения, — отмечалось в одном из обзоров Олонецкой губернии, — лишает здешнего охотника иметь непосредственное сношение с рынками, и он всецело находится в зависимости от скупщика, который, пользуясь правом монополии, дешевит добываемое до последней возможности. Без преувеличения можно сказать, что благодаря эксплуатации скупщика в руки охотника попадает половина стоимости добываемого им продукта"[47]. Пушной товар и дичь скупщики сбывали на Шунгской ярмарке, в Петербурге и Москве. Значительная часть беличьих шкурок вывозилась для обработки в меховые мастерские Каргополя.

Для многих крестьян Карелии традиционной сферой приложения труда и источником денежных поступлений являлось кустарное производство. По данным земского обследования 1900—1901 гг., этим видом деятельности в карельских уездах Олонецкой губернии занимались 6,9 тыс. человек. Из них 96% сочетали кустарничество с земледелием. Для 4,4 тыс. кустарные промыслы служили основным, а для 2,2 тыс. вспомогательным источником промысловых заработков[48]. Первое место по количеству кустарей (2,6 тыс. человек) занимал Петрозаводский уезд, за ним следовали Олонецкий и Пудожский уезды (1,6 и 1,7 тыс. человек). Наименьшая численность кустарей — 0,7 тыс. — отмечалась в Повенецком уезде. В Кемском уезде к началу XX в. кустарными промыслами занималось около 1 тыс. человек.

Из отраслей кустарной промышленности наибольшее распространение получили разнообразные производства по обработке дерева, главным образом столярный, бондарный, экипажный и судостроительный промыслы. Ими было занято 49% всех кустарей. Это объяснялось как богатыми запасами лесного сырья, так и широким распространением в крестьянском хозяйстве и быту деревянного инвентаря. Около 22% кустарей края занимались обработкой волокнистых веществ, 20% — животных продуктов и 9% — металлов и минералов.

Столярный и бондарный промыслы были распространены по всей Карелии и не имели четкой локализации. К началу XX в. в крае насчитывалось до 400 столяров, изготовлявших, главным образом, крестьянскую мебель и оконные рамы, и около 300 бондарей, вырабатывавших разного рода деревянные сосуды. Оба промысла носили переходный характер — от ремесла к мелкотоварному производству. Изготовление изделий на заказ сочеталось с работой на вольную продажу. Обычно сбыт осуществляли сами мастера на ближайших ярмарках и торжках. Столяры и бондари работали, в основном, на дому. По данным обследования за 1900—1901 гг., которое учло толь-

ко 6 столярных и одну бондарную мастерскую (все — в Петрозаводском и Олонецком уездах) с 13 семейными и наемными рабочими, лучшей считалась мастерская А.Н. Гайдина в д. Реутовской Толвуйской волости Петрозаводского уезда. Сам хозяин прошел 40–летнюю выучку в Петербурге. С ним работало еще два родственника. Заведение специализировалось на выделке высококачественной мебели из березы с инкрустацией из ценных пород дерева. На I Всероссийской выставке кустарных изделий в Петербурге в 1902 г. шкаф работы А. Гайдина был удостоен серебряной медали. В этой мастерской в год производилось мебели на 1 тыс. руб., что втрое превышало средний уровень других мастерских[49].

Обследованием 1900—1901 гг. в четырех уездах Олонецкой губернии зафиксировано 522 мастера экипажного дела. В Кемском уезде, по данным 1872 г., их насчитывалось 56. В большинстве местностей дело ограничивалось изготовлением простых средств передвижения (дровни, сани, телеги), но в волостях Олонецкого и Петрозаводского уездов, прилегающих к Петербургско–Петрозаводскому тракту, существовало производство более сложных изделий — тарантасов, кабриолетов, крытых саней с пружинными сиденьями. Признанным центром промысла являлась Рыпушкальская волость Олонецкого уезда. Сосредоточенные в деревнях Улваны, Нурмойла и Саргопорог 18 специализированных мастерских с 26 семейными рабочими давали 1/5 всей продукции отрасли. Тарантасы, кабриолеты и сани рыпушкальских мастеров считались лучшими в губернии. Становление промысла в волости традиция связывала с именем В.И. Осипова из Улван, который освоил основы дела в столице. В экипажном промысле также сочетались элементы ремесла и мелкотоварного производства. В д. Улваны 62% продукции изготовлялось на заказ, а 36% — на вольную продажу, в Нурмойле на рынок шло 40% изделий.

Старинный судостроительный промысел к началу XX в. сохранял свое значение только в Карельском Поморье, где парусный флот продолжал удерживать ведущее положение в морских перевозках, связанных с рыбными промыслами. В 1872 г. в Кемском уезде судостроением было занято 204, а в 1896 г. — 286 человек. Хотя объем производства в последние десятилетия XIX в. несколько сократился, он все же оставался значительным. Если в конце 1870–х гг. в уезде ежегодно сооружалось в среднем по 13 транспортных и 34 морских промысловых судна, то на рубеже XIX—XX вв., соответственно, по 8 и 28 судов. При этом старые типы мореходных судов (лодьи, кочи, раньшины) вытеснялись новыми (шхуны, клипера, яхты), обладавшими лучшим парусным вооружением и большей грузоподъемностью. По своей организации поморское судостроение — сложное производство. В нем сочетались черты ремесла, мелкотоварного производства и простой капиталистической кооперации. Транспортные корабли поморы–предприниматели обычно строили для себя. Оснастка приобреталась на рынке, а само строительство корабля велось наемной рабочей силой (мастер и 10—20 плотников). Промысловые суда строились на заказ или на продажу силой семейных рабочих. С развитием пароходного сообщения на Онежско–Ладожском водном пути строительство крупных озерных и речных судов здесь практически прекратилось. В 1890–х гг. сооружалось всего по 1—2 таких судна в год.

Среди производств по обработке волокнистых материалов наиболее значительными являлись прядильно–ткацкий и соломоплетный промыслы. В Заонежье, Пудожье, в притрактовых и пригородных селах Петрозаводского и Олонецкого уездов к 1901 г. насчитывалось более 400 мастериц, изготовлявших для продажи рядно или отдельные ткацкие изделия (полотенца, половики и др.). В Заонежье и Пудожье производство ори-

ентировалось на Шунгскую ярмарку, в Петрозаводском и Олонецком уездах — на петербургский рынок и местные ярмарки и базары. Сбыт осуществлялся при посредничестве скупщиков. Однако из–за возраставшей конкуренции фабричной продукции этот промысел не имел серьезных перспектив развития.

Изготовление изделий из соломы — новый для Карелии промысел, возникший в пореформенный период. Он локализовывался в 46 селениях Неккульской и Рыпушкальской волостей Олонецкого уезда. Объем производства достигал значительных размеров. В 1894 г., например, в столицу было отправлено до 16 тыс. шляп и до 1,6 млн аршин полуфабриката — плетенки. Зачинателем дела считался М.В. Соколов–Тарасов из д. Гомаргора Неккульской волости, который в 1867 г. впервые сплел шляпу по образцу, оставленному пастухом–финном. В 1900 г. изделия из соломы М. Комиссаровой из д. Сюрьга Неккульской волости экспонировались на всемирной выставке в Париже, где получили серебряную медаль. И здесь постепенно сбыт сосредоточивался в руках скупщиков, которые по существу отрезали самого производителя от рынка. Многие кустари кредитовались у скупщиков и попали от них в зависимость. К концу XIX в. в развитии отрасли наметился спад из–за возросшей конкуренции на петербургском рынке со стороны столичных мастерских и кустарей из других районов империи. С 1886 по 1900 г. цены на изделия из соломы упали в столице в 3 раза. И если в 1894 г. в Олонецком уезде в промысле участвовало до 1,5 тыс. человек, заработавших 2,6 тыс. руб., то в 1900 г. — только 206 человек с суммой заработка около 1 тыс. руб.[50]

Основу производств по обработке животных продуктов составляли кожевенный и овчинно–шубный промыслы. Из–за значительных затрат на устройство специальных заведений и приобретение сырья этим промыслом занимались преимущественно зажиточные крестьяне. По официальным данным, в 1870 г. в Карелии действовало 54 кожевенных заведения с 83 рабочими и суммой производства в 12,8 тыс. руб., а в 1900 г. уже 70 заведений со 103 рабочими и суммой производства в 18,7 тыс. руб. Земским обследованием 1900—1901 гг. отмечено 76 заведений со 120 рабочими и суммой производства в 32,2 тыс. руб. Промысел существовал преимущественно в пригородной и притрактовой зоне Петрозаводского и Олонецкого уездов, где размещалось 2/3 заведений, дававших 80% всей продукции. Большинство мастерских работало на местном сырье, и лишь наиболее крупные закупали сырье в Петербурге, Тихвине и Финляндии. Кожевенный промысел относился к числу немногих кустарных производств края, где применялся наемный труд. В 1900—1901 гг. наемные рабочие составляли 20% к общему числу лиц, занятых в кожевенных мастерских[51]. Сбытом кожевенной продукции занимались в основном сами промышленники на сельских ярмарках, в Петрозаводске и Олонце. Из Олонецкого уезда осуществлялся также вывоз выделанных кож в Петербург и Финляндию. При этом владельцы крупных мастерских прибегали к скупке продукции у мелких хозяев.

Овчинно–меховым производством также в основном занимались в Олонецком и Петрозаводском уездах, где имелось 16 специализированных мастерских с 25 работниками. Центром промысла являлась Неккульская волость Олонецкого уезда, в которой мелкотоварное производство меховых изделий сочеталось с элементами простой капиталистической кооперации и зачатками рассеянной мануфактуры. Здесь действовало три овчинных заведения (6 семейных рабочих) и одна шубная мастерская с четырьмя наемными рабочими в д. Судалица. Владелец шубной мастерской скупал в уезде сырье и отдавал за плату на первичную переработку в овчинные заведения волости. Затем выделанный материал поступал в швейную мастерскую, где из него шили

полушубки и пиджаки. Продукция сбывалась в Олонце и Петербурге. При такой структуре кустари-овчинники фактически были поставлены в положение наемных рабочих. Овчинно-шубные заведения Неккульской волости давали 88% всей суммы производства отрасли в крае[52].

Среди производств по обработке металлов и минералов главным оставалось кузнечное дело. Кузнецы имелись во всех волостях, хотя и наблюдалась тенденция к сосредоточению промысла в наиболее населенных пригородных, торговых и притрактовых селах. В основном кузнечное дело сохраняло ремесленный характер. Мастер выполнял заказы потребителей — крестьян ближайшей округи. Однако проявлялись и элементы мелкотоварного производства. В Олонецком и Пудожском уездах, например, некоторые кузнецы частично работали на скупщиков, изготовляя для них мелкие партии кос и топоров. Земским обследованием зафиксировано 6 заведений, ориентированных исключительно на рыночную продажу изделий. Некоторое распространение получил наемный труд. Среди лиц, работавших в кузницах, в 1900—1901 гг. наемные рабочие составляли 6%[53].

Таким образом, в пореформенное время в Карелии отмечалось определенное оживление крестьянской кустарной промышленности. Однако ее структурная эволюция протекала медленно. Лишь в некоторых отраслях отмечено развитое мелкотоварное производство с более или менее отчетливо выраженным подчинением торговому капиталу (судостроение, прядильно-ткацкий, кожевенный, овчинно-шубный промыслы). Наемный труд применялся в очень ограниченном объеме. Такое положение кустарной промышленности было обусловлено узостью местного рынка, слабостью внутрикраевых транспортных связей, трудностью выхода кустарных изделий на ближайшие крупные рынки (Петербургский район, центр России, Финляндия), где в пореформенные десятилетия уже господствовала фабрично-заводская продукция.

Еще со второй половины XVIII в. крестьянское население Карелии начало втягиваться в сферу отхожих промыслов. Реформа 1861 г. дала мощный импульс к дальнейшему развитию отходничества. Численность крестьян-отходников во второй половине XIX в. увеличивалась значительными темпами. Если в 1866 г. в четырех уездах Олонецкой губернии крестьянам было выдано 9,3 тыс. паспортов на право отлучки, то в 1900 г. — 20,6 тыс., или в 2,2 раза больше. В Кемском уезде, по данным за 1866 и 1900 гг., количество выданных паспортов увеличилось с 1,6 до 4,7 тыс., или почти втрое[54]. Эти данные следует считать заниженными: многие крестьяне занимались отхожими лесными работами в пределах своих уездов и поэтому паспортов зачастую не приобретали.

Рост отходничества внес значительные изменения в структуру промысловой деятельности крестьянства. К концу XIX в. отходничество по существу оттеснило на второй план традиционные для края виды неземледельческих занятий. Согласно официальной статистике, от разных видов отхожих промыслов население четырех уездов Олонецкой губернии получило в 1899 г. 702,2 тыс. руб. валового дохода (71%), тогда как от местных промыслов только 282,3 тыс. руб. (29%)[55]. Происходили и качественные изменения в отходничестве. Прежде всего это выражалось в удлинении сроков отлучек из деревни на отхожие промыслы. Так, если в 1873 г. 67% паспортов и билетов было выдано на срок 6 и менее месяцев, годовых — 33%, а на срок больше года не выдано ни одного паспорта, то в 1900 г. число полугодовых и других кратковременных свидетельств снизилось до 22%, а годовых — возросло до 77,5%. Было выдано также 102 пятилетних паспорта (0,5%)[56]. Рост долгосрочного отхода свидетельствовал о все более растущем отрыве крестьянства края от земледелия.

Отхожие промыслы подразделялись на ближние — внутрикраевые и дальние — внекраевые. Преобладал ближний отход (84% всех отходников). Из внутрикраевых отхожих промыслов главную роль играли работы на лесозаготовках, получивших в пореформенное время большое развитие. Если в 1860–х гг. на сплав и лесозаготовки ежегодно нанималось до 6,5 тыс. крестьян, то к концу XIX в. — 25 тыс., то есть почти в четыре раза больше. К началу XX в. лесозаготовители составляли примерно 2/3 всех крестьян–отходников. По земской подворной переписи 1900—1902 гг., в Петрозаводском уезде из каждых 100 семей, участвовавших в промыслах, лесным делом занималось 36, а в Повенецком уезде — 49 семей. Лесные промыслы, будучи наиболее доступным для основной массы крестьян края видом заработка, заняли ведущее место в структуре денежных доходов сельского населения. В 1899 г. они обеспечили крестьянам 40% суммарного промыслового дохода, оцененного в 983,6 тыс. руб. В Кемском уезде этот показатель составил почти 50%[57].

Заметное место во внутрикраевых отхожих промыслах занимали также извоз и обслуживание судоходных путей (погрузочно–разгрузочные работы на пристанях, наем в матросы, лоцманство). Всего в сфере транспорта в четырех уездах Олонецкой губернии в 1899 г. было занято около 7 тыс. отходников, на долю которых пришлось 13% суммарного заработка от промысловых занятий.

Отрыв сельского населения от земледелия особенно усиливался в связи с развитием внекраевых отхожих промыслов, связанных, как правило, с наиболее длительными отлучками из мест постоянного жительства. Ведущая роль здесь принадлежала строительным рабочим. Большинство кадров квалифицированных отходников–строителей поставлял Петрозаводский уезд, который имел самые давние и тесные связи с центральными районами страны. В 1880—90–х гг. отсюда ежегодно уходило на заработки от одной до двух тысяч плотников, столяров и паркетчиков, около тысячи каменотесов и камнеобработчиков, свыше 500 стекольщиков. Сложилась определенная специализация по профессиям отдельных местностей. Так, основную массу столяров, плотников и паркетчиков поставляли Великогубская и Толвуйская волости, стекольщиков — Ладвинская волость, каменотесов — Шелтозерская волость. Интересно, что при глубоко укоренившихся традициях отхода ладвинские стекольщики и шелтозерские каменотесы выработали даже свой особый язык, облегчавший при артельном найме ведение переговоров с подрядчиками. По нескольку сотен столяров и стекольщиков давали также Олонецкий и Повенецкий уезды, печников и стекольщиков — Пудожский уезд[58]. Из всех уездов имел место отход неквалифицированной рабочей силы на землекопные работы, особенно активизировавшийся в период реконструкции Мариинской водной системы и строительства железной дороги Вологда—Архангельск (конец 1880–х— середина 1890–х гг.).

Существенных размеров достиг ремесленный отход. По земским данным, в 1900 г., например, из четырех уездов за пределы Олонецкой губернии отправилось свыше 400 портных, 300 сапожников и 56 шапочников[59]. Заработки ремесленников в отходе были существенно выше, нежели в родных местах . Наиболее удачливые и предприимчивые могли даже разбогатеть и стать хозяевами собственных заведений, пользовавшихся подчас широкой известностью. Так, выходец из д. Кинелахта Олонецкого уезда карел Василий Богданов приобрел в столице репутацию лучшего портного императорского дома. Он был награжден за мастерство Александром II серебряной и золотой медалями. В. Богданов оказывал благотворительную помощь престарелым землякам, школам и церквам родных мест[60].

Некоторая часть отходников из Карелии уходила работать на лесопильные, ме-

таллообрабатывающие, текстильные и кирпичные предприятия Петербурга и Петербургской губернии, Архангельска, Финляндии. Они постепенно вливались в ряды фабрично-заводского пролетариата этих районов. Земскими статистиками в 1900 г. в числе крестьян-кустарей Олонецкой губернии были учтены 113 слесарей и литейщиков, работавших на заводах столицы[61].

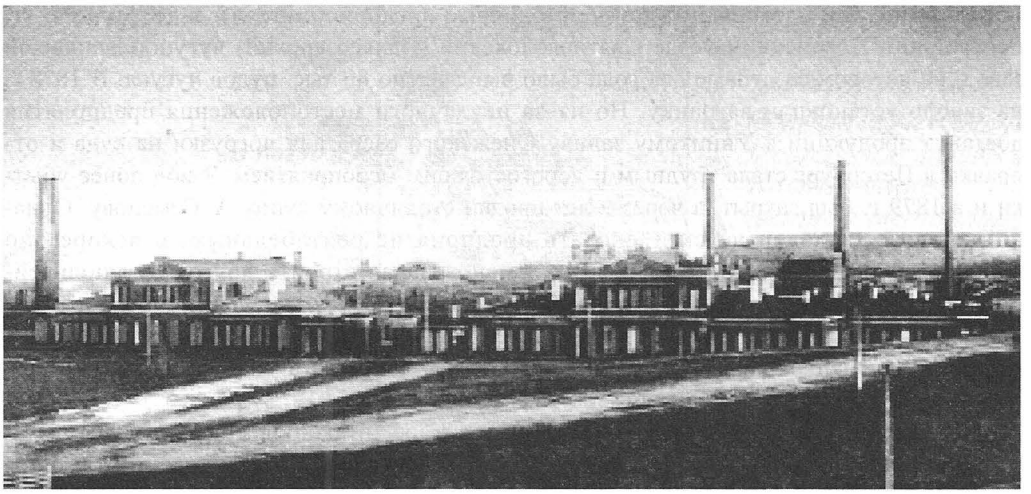
В Поморье ключевую роль в экономике сохранял традиционный для здешних мест вид внекраевого отхода — рыбные промыслы на Мурманском побережье. В пореформенные десятилетия на весенне-летнюю путину на Мурман ежегодно уходило 2—2,5 тыс. человек. Основная часть отходников являлась наемными работниками у зажиточных крестьян — владельцев судов и снастей. До конца 1890-х гг. ведущей формой найма оставался кабальный покрут, сменившийся затем вольнонаемным трудом.

Основным местом, куда направлялись отходники в поисках заработка, был Петербург. Олонецкая губернская газета еще в 1860-х гг. отмечала, что "близость к Петербургу очень благоприятна для отхожих промышленников — крестьян нашей губернии", в столице "вы везде можете встретить олончанина"[62]. Среди других мест отхода наиболее часто в источниках упоминаются Финляндия, Архангельск, Новгородская, Псковская губернии и Прибалтика. В росте отхожих промыслов особенно наглядно проявлялся процесс втягивания карельской деревни в орбиту капиталистического развития.

Промышленность. Торговля. Транспорт

Во второй половине XIX в. в условиях утверждения капиталистических рыночных отношений в стране активизировался процесс промышленного освоения края. Однако в силу целого комплекса объективных причин (малая заселенность и окраинное положение; суровые природные условия, требовавшие дополнительных затрат капитала на организацию производства; неразвитость транспортных коммуникаций) формирование индустриального сектора экономики шло в Карелии значительно медленнее, чем в центре России.

Крупнейшим промышленным предприятием края в пореформенные десятилетия XIX в. оставался казенный Александровский пушечный завод в Петрозаводске, игравший заметную роль в военно-промышленном комплексе страны. Он обеспечивался чугуном со вспомогательных казенных горных заводов — Кончезерского и Суоярвского, действовавших с дореформенных времен, а также вновь построенного в 1868 г. Валазминского завода. На этих предприятиях выплавлялось в среднем 160—200 тыс. пудов чугуна в год. Главной продукцией Александровского завода были чугунные артиллерийские орудия для сухопутных крепостей и военных кораблей, а также снаряды. В небольших количествах изготовлялись металлоизделия хозяйственного назначения. Несмотря на некоторые технические усовершенствования, предприятие долго не могло выйти из застоя. Сказывалось постепенное сокращение спроса на чугунные пушки со стороны военного ведомства в связи с освоением на заводах центра страны и Урала производства стальных орудий. В 1881 г. выпуск чугунных пушек на Александровском заводе окончательно прекратился, и завод стал чисто снарядоделательным. Но и на эту продукцию заказы имели тенденцию к сокращению. Ситуация несколько улучшилась с начала 1890-х гг. В 1890—1892 гг. по инициативе горного начальника Н. Оссовского на заводе была построена первая мартеновская печь, позволившая начать освоение выпуска стальных снарядов. Одновременно увеличились



Александровский пушечный и снарядолитейный завод

заказы и на чугунные снаряды, что вызвало общий рост производства. Если за 1880–е гг. общая стоимость заводской продукции оценивалась в 3,5 млн руб., то за 1890–е гг. она составила 5,7 млн руб.[63] Однако рост производства вскоре приостановился. С 1901 г. в связи с мировым промышленным кризисом как на головном, Александровском, так и на вспомогательных заводах, в доменном хозяйстве которых не отмечалось прогресса, вновь наступил производственный спад.

Во второй половине XIX в. в Олонецком уезде продолжали действовать три небольших железопередельных завода полукустарного типа, принадлежавших местным купцам. Куйтежским заводом первоначально владели Серебряковы, а с начала 1890–х гг. — Куттуевы; Мегрегским — Вороновы и Усланским — Петровы. Предприятия изготовляли различные предметы домашнего обихода из металлолома, доставлявшегося из Петербурга, на общую сумму до 16 тыс. руб. в год[64].

На волне учредительской горячки (грюндерства), охватившей в 1860—1890–е гг. многие районы страны, возрос интерес частных предпринимателей к разработке карельских металлических руд. В итоге различными акционерными компаниями и обществами до конца XIX в. в крае было построено четыре чугуноплавильных завода. Возникшее в 1874 г. "Северное акционерное общество", одним из пайщиков которого был великий князь Петр Николаевич, приступило к разработке железорудных месторождений и сооружению металлургического завода в Тулмозерской волости Олонецкого уезда. Но вскоре дело перешло к акционерному обществу "Сталь". Правление этого общества сообщало акционерам о возведении крупного предприятия с ежегодной выплавкой нескольких миллионов пудов чугуна, о проведении железнодорожной ветки от завода до Ладожского озера и т. д. В отчете за 1896 г. отмечалось, что строительные работы идут "полным ходом", однако в действительности картина оказалась не столь радужной. Доменную печь удалось задуть только в 1899 г., и работала она с перебоями. Выплавка продолжалась от 124 до 196 суток в год и за 4 года на заводе удалось выплавить всего 519 тыс. пудов чугуна. В 1903 г., в условиях кризиса, предприятие закрылось[65].

"Товарищество по вере Родоконаки и К°" (в него входили князь К. Белосельский–

Белозерский, Ф. Родоконаки и другие столичные предприниматели) в 1875—1876 гг. построило в Повенецком уезде Святнаволокский (Пальеозерский) чугуноплавильный завод, на котором за первые два года было выплавлено 80 тыс. пудов чугуна. В 1878 г. на заводе установили вагранку. Но из–за неудачного местоположения предприятия доставка продукции к Уницкому заливу Онежского озера для погрузки на суда и отправки в Петербург стала трудным и дорогостоящим мероприятием. Завод понес убытки и в 1879 г. был закрыт, а через 9 лет продан столичному купцу А. Семенову. Однако и новый владелец не смог сделать предприятие рентабельным, и вскоре оно окончательно закрылось. В 1895 г. А. Семенов начал строить другой чугунолитейный завод — Сеговецкий, на берегу р. Сон, в трех верстах от ее впадения в Сегозеро. Уже в начальный период предприятие перешло к "Акционерному обществу горных заводов в Олонецком крае", которое и ввело его в действие в 1897 г. Завод имел две домны и за четыре года выплавил 300 тыс. пудов чугуна.

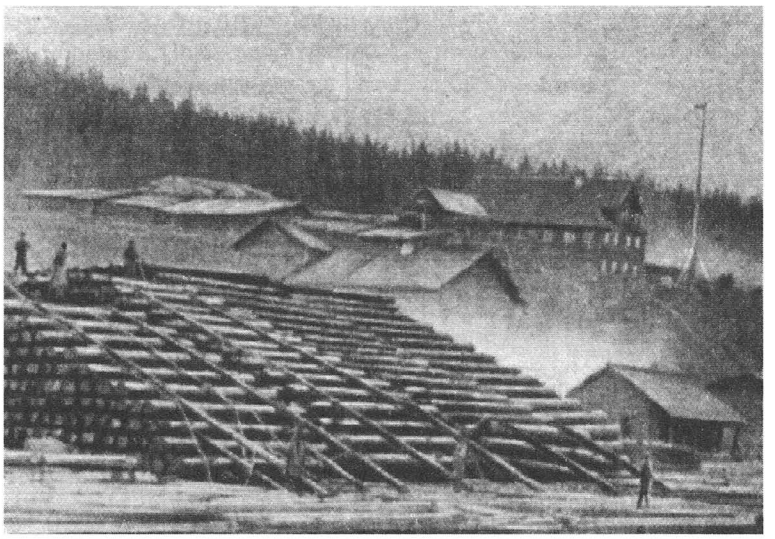
Из всех частных чугуноплавильных заводов Карелии наиболее значительным оказался Видлицкий, сооруженный в 1896—1897 гг. в Олонецком уезде близ устья р. Видлицы. Предприятие принадлежало "Акционерному обществу Путиловских заводов". Первая доменная печь была задута в ноябре 1897 г., а через год состоялся пуск второй печи. Горная руда (магнитный железняк) доставлялась из–под Сортавалы, а болотная и озерная добывалась в Видлицкой волости. Как и на других заводах края, здесь для выплавки чугуна использовался древесный уголь. В 1898 г. предприятие дало 272 тыс. пудов металла, а с пуском второй печи объем производства превысил 400 тыс. пудов в год[66].

Все частные металлургические заводы, как видно из вышеприведенного обзора, были небольшими. Они имели по одной — две малопроизводительных доменных печи и насчитывали по нескольку десятков рабочих. Слабое развитие частной металлургии в крае объясняется низким качеством местных железных руд, трудностью их добычи и доставки к предприятиям, техническим несовершенством заводского оборудования, а также отсутствием удобных путей сообщения для транспортировки продукции на рынки сбыта. Не случайно заводчики, не успев как следует наладить производство, бросали его и переключались на эксплуатацию лесных массивов, выделенных для обеспечения металлургического процесса древесным углем. Торговля лесоматериалами в условиях устойчивого роста спроса на древесину в стране и за рубежом обеспечивала гораздо большие выгоды, нежели металлургическое производство.

В пореформенный период резко усилилась разработка лесных богатств Карелии. Развитие пароходства создало благоприятные условия для вывоза лесоматериалов на российский рынок и организацию лесоэкспорта через порты Белого моря из северной Карелии и Заонежья, ставших в 1860—1890–е гг. ведущими районами лесозаготовок. Общий объем производства деловой древесины в крае за четыре пореформенных десятилетия увеличился примерно в 5 раз и к началу XX в. достиг 1150 тыс. бревен в год[67]. Росла и заготовка дровяного топлива.

Ведущее положение на лесозаготовках в Карелии принадлежало крупным петербургским и архангельским фирмам Беляевых, Громовых, Д.Н. Лебедева, Русановых, А. Суркова и Ю. Шергольда. Заметную роль играли и представители иностранного капитала: английского — К. Стюарт, германского — Э. Брандт, шведского — А. Бергрен и Г. Ослунд. В западных приграничных районах к концу XIX в. стала активно действовать финская фирма "Гутцайт и К°". В организации лесного дела участвовали, хотя и в менее значительных размерах, и местные предприниматели из купцов и разбогатевших крестьян: Захарьевы, Кипрушкины, Кирьяновы, Кораблевы, Пимено-

Промышленность пореформенной Карелии



Кумсинский вододействующий лесозавод Захарьевых

вы, Савины, Фершуковы и др. Главенство крупного капитала, широкое применение наемной рабочей силы, элементы разделения труда при сохранявшейся ручной технике — все это позволяет рассматривать лесозаготовительную отрасль в экономическом плане как своеобразное производство типа рассеянной мануфактуры.

Из южной Карелии примерно половина заготовляемой деловой древесины поступала в Петербург, до 15% доставлялось в Карельское Поморье для переработки и экспорта, а остальная часть распиливалась на местных лесопильных предприятиях. К вододействующим лесопильням в данном районе прибавились современные паровые лесозаводы, принадлежавшие столичным купцам. В 1869—1870 гг. построен Шальский завод Н.А. Русанова в Пудожском уезде, в 1874 г. — Соломенский завод И.Ф. Громова на берегу Логмозера близ Петрозаводска и в 1882 г. — Шальский завод Д.Н. Лебедева. Лучшим из них считался Соломенский лесозавод, оснащенный 25-сильной паровой машиной и двумя быстроходными рамами, на которых распиливалось до 60 тыс. бревен в год. В целом ежегодный объем лесопиления в южной Карелии за 70—90-е годы XIX в. увеличился со 150 до 250 тыс. бревен, или на 67%[68].

В Карельском Поморье первую попытку наладить промышленное лесопиление за счет эксплуатации лесных массивов бассейна р. Кемь предпринял вятский купец М. Кордаков. В 1866 г. он построил лесозавод на Якострове близ г. Кеми. Однако вскоре М. Кордаков обанкротился. Затем на лесные богатства Карельского Поморья обратили внимание крупные петербургские предприниматели Митрофан и Николай Беляевы, позднее получившие известность и как меценаты — покровители русского музыкального искусства. В 1869 и 1876 гг. в устье р. Выг у с. Сорока они построили два лесозавода с шестью пилорамами, древесное сырье для которых поступало по системе р. Выг как из южной части Кемского уезда, так и из Повенецкого уезда. В последующие десятилетия лесопильное производство стало продвигаться все дальше на север. В 1881 г. вошел в строй Керетский лесозавод местного купца, выходца из крестьян-поморов Ф. Савина. В 1888 г. начал действовать Кемский лесозавод на острове Попове, принадлежавший архангелогородцам А. Суркову и Ю. Шергольду, а в 1892 г. — Ковдский завод фирмы "Н. Русанов сын". На рубеже XIX—XX вв. на ост-

Сенной рынок в Петрозаводске

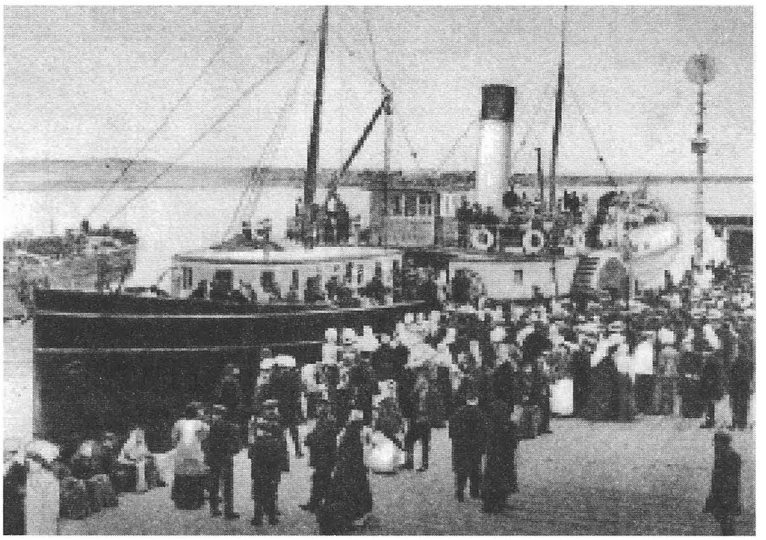
ровах Белого моря близ Ковды были сооружены еще два лесопильных предприятия: шведа Г. Ослунда (1899 г.) и англичанина К. Стюарта (1901 г.).

Лесозаводы Карельского Поморья, работавшие почти исключительно на экспорт, относились к числу наиболее крупных предприятий отрасли в России. В 1900 г. в среднем на один лесозавод приходилось: в Карельском Поморье 285 рабочих, в южной Карелии (включая вододействующие лесопильни) — 58, в целом по стране — 50[69]. Продукция поморских лесозаводов поставлялась преимущественно в Англию, а также в Бельгию, Германию и некоторые другие западно–европейские страны. В 1890 г. отсюда за границу было отправлено 8,4 тыс. стандартов пиломатериалов, а в 1900 г. — уже 17,3 тыс.

К концу XIX в. в Карелии имелось 9 паровых лесозаводов и 3 вододействующих лесопильни вместо 5 лесопилен в начале 1860–х гг. Если общая сумма производства пиломатериалов в 60–х гг. не превышала 300 тыс. руб. в год, то во второй половине 1890–х гг. она составила в среднем около 2 млн руб.

Наряду с лесопилением в пореформенные десятилетия в Карелии предпринимались попытки организовать производства на основе более глубокой переработки древесного сырья. С 1870–х гг. в Петрозаводске действовали три небольших спичечных заведения мануфактурного типа, годовая стоимость продукции которых в конце XIX в. едва превышала 10 тыс. руб. Паровая установка по сухой перегонке древесины на скипидар и смолу появилась в 1899 г. на Уницкой лесопильне. В 1894 г. олонецкий купец Ю. Тейфель купил у Петровых Усланский железоделательный завод и перестроил его в древесномассную и картонную фабрику. Ежегодно здесь вырабатывалось до 10 тыс. пудов картона. Однако продукция встретила сильную конкуренцию со стороны поступавшего на русский рынок финляндского картона и в 1915 г. фабрику пришлось закрыть[70].

Из предприятий других отраслей промышленности следует упомянуть мануфактурное заведение купцов Базегских по первичной обработке льна в Пудожском уезде (просуществовало до 1907 г.) и несколько такого же типа кирпичных заводиков, функционировавших в летнее время в окрестностях Петрозаводска.



Грузопассажирский пароход "Апостол Петр" у петрозаводской пристани. 1910 г.

Вторая половина XIX в. отмечена серьезным развитием торгового обращения и торговли как внутри Карелии, так и между нею и другими районами страны и заграницей. Увеличилось значение края как потребителя хлеба и промышленных изделий, доставляемых из центральных районов России через Петербург, Рыбинск и Архангельск. Из Карелии в города страны поступали рыба, дичь, пушнина, изделия крестьянских промыслов. Однако главным товаром края становится продукция лесной промышленности, которая шла не только на российский рынок, но и через Петербург и порты Белого моря за границу.

Во внутренней торговле важную роль продолжали играть ярмарки, которых к концу XIX в. насчитывалось до 30. Однако их обороты постепенно снижались из–за усиливавшейся конкуренции постоянной торговой сети. Так, если в 1863 г. на ярмарках Олонецкой губернии было продано товаров на 626 тыс. руб., а в 1868 г. — на 717 тыс., то в 1894 г. — на 512 тыс. руб.[71]

Устойчивыми темпами развивалась более свойственная капиталистическому рынку постоянная сфера торговли. Расширялась сеть мелочных лавочек, лавок и магазинов, принадлежавших, главным образом, местным торговцам. Постепенно увеличивались и их обороты, расширялся ассортимент товаров. Так, по данным податной инспекции, за период с 1886 по 1900 г. в селениях трех уездов Карелии — Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского — количество постоянных торговых заведений увеличилось с 205 до 332 (на 62%), а их учтенный суммарный товарооборот вырос втрое, достигнув 1,2 млн руб. Крупнейшим торговым центром края являлся Петрозаводск, где к 1900 г. действовало 102 стационарных предприятия с общим оборотом 1,3 млн руб. Из других пунктов выделялись Олонец — 42 лавки и магазина с оборотом в 207 тыс. руб. (1900 г.) и Кемь — 23 лавки и магазина с оборотом 107 тыс. руб. (1893 г.). И все же по уровню развития стационарной торговли Карелия отставала от центральных районов страны.

Развивалась торговля с заграницей. Выше уже говорилось о торговле лесом и продукцией лесопереработки. Кроме того жителями Карельского Поморья в значительных размерах велась меновая торговля с Норвегией. Широко практиковалась разно-

Крестьяне–коробейники из села Кестеньга — отец и сын Иван и Василий Архиповы. 1898 г.

сная торговля в Финляндии крестьян приграничных карельских волостей Кемского и Повенецкого уездов. В ней участвовало от 1,5 до 2,5 тыс. человек в год. Эта торговля почти целиком находилась в руках купцов–ростовщиков, закабалявших коробейников, раздавая им в долг товары и денежные ссуды. Например, ухтинские купцы Митрофанов и Васильев снабжали ссудами ежегодно до 200 человек каждый[72].

Развитие промышленности и торговли в Карелии в значительной степени сдерживалось неудовлетворительным состоянием путей сообщения. Основными грунтовыми дорогами оставались начинавшиеся от Петрозаводска старинные почтовые тракты на Петербург, Вытегру и Повенец. (От Повенца почтовый тракт усилиями земства в 1878 г. был продлен до Сумского Посада.) Но массовая перевозка грузов по ним осуществлялась, главным образом, в зимнее время. В стороне от почтовых трактов царило бездорожье. По проселочным дорогам в летнее время грузы доставлялись на лошадях, запряженных в волокуши. Даже в конце XIX в. около трети селений края связывали между собой только пешеходные тропы. Между многими селениями связь осуществлялась летом на лодках по озерам и рекам. Зимой устанавливался санный путь по "зимникам".

Важнейшими транспортными артериями для жителей Карельского Поморья служили Белое и Баренцево моря, для жителей южной Карелии — Онежско–Ладожский водный путь. В пореформенные десятилетия судоходство претерпело существенные перемены. Так, если на главных пристанях Онежского озера в 1874 г. было зарегистрировано прибытие 280 и отбытие 267 судов, то в 1890 г., соответственно, 767 и 735 судов. Устаревшие типы судов постепенно заменялись более совершенными. С 1861 г. установилось регулярное движение грузо–пассажирских пароходов между Петербургом и Петрозаводском. В 1870–х гг. пароходные линии связали Петрозаводск с Повенцом, Пудожем (Подпорожье) и некоторыми другими пристанями. В 1872 г. по Онежскому озеру и р. Свири ходило 4 грузо–пассажирских и 27 буксирных пароходов, к 1889 г. их число возросло, соответственно, до 13 и 67. С начала 1870–х гг. предпринимались меры по налаживанию пассажирского пароходного сообщения на Белом и Баренцевом морях. Однако регулярные рейсы из Карельского Поморья в

Архангельск и на Мурманский берег стали возможны только с появлением в 90–х гг. морских пароходов большей мощности. На Белом море в конце XIX в. насчитывалось несколько десятков паровых судов. Но все же, несмотря на некоторое сокращение, поморский парусный флот еще продолжал сохранять ведущее место в грузовых перевозках, связанных с морскими промыслами.

Рост пароходства на Белом море и Онежском озере лишь в малой степени втягивал во внекраевую торговлю глубинные районы Карелии и не снимал проблемы развития внутрикраевых транспортных и торговых связей. В целях ослабления бездорожья, преодоления разобщенности между районами края и усиления его связей с центром страны в пореформенное время не раз выдвигались проекты постройки Беломорско–Балтийского канала и железной дороги, которая бы соединила Карелию с Петербургом. Но эти проекты не получили поддержки правительства.

Формирование буржуазии и рабочего класса. Первые шаги рабочего движения

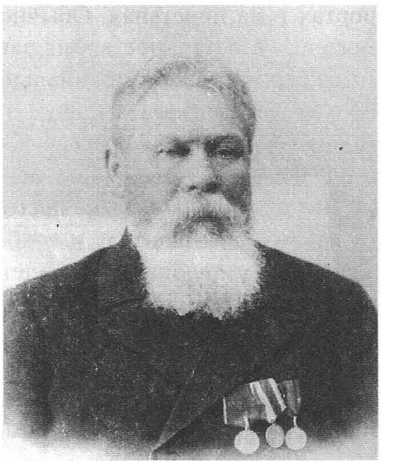
Бурное развитие фабрично–заводской промышленности, торговли и транспорта в пореформенной России обусловили крупные изменения в социальном облике страны. Наряду с традиционными классами — дворянством и крестьянством — складываются новые общественные слои — торгово–промышленная буржуазия и пролетариат. Постепенное втягивание карельского края в орбиту капиталистической модернизации также способствовало становлению здесь этих новых социальных сил.

Преобладающая роль сельского хозяйства и крестьянских промыслов, относительно слабое развитие промышленности и активный рост торговли определяли особенности формирования местной буржуазии. Для нее основными источниками накопления капиталов являлись торговля и торгово–ростовщические операции: скупка и перепродажа промысловой продукции, доставка и реализация по повышенным ценам хлебопродуктов и промышленных изделий, мелкое кредитование, выполнение казенных подрядов. Сказывалось и интенсивное проникновение в наиболее перспективные отрасли промышленности (лесопиление, лесозаготовки, горное дело) крупного капитала из ближайших деловых центров страны — Петербурга и Архангельска, а частично и из–за границы. Имел место также и отток местных капиталов в Петербург и Финляндию (особенно из северных районов).

Часть буржуазии Карелии составляли потомки купеческих фамилий XVIII — первой половины XIX в. (Антоновы, Базегские, Богатенковы, Захарьевы, Пименовы, Серебряковы и др.), передававшие свои капиталы по наследству. Однако большинство буржуазно–предпринимательской элиты являлись выходцами из "неименитой" среды, главным образом из разбогатевших крестьян и, в редких случаях, из мещан. Так, например, основатель и владелец Керетского лесозавода Ф. Савин — местный крестьянин, разбогатевший на операциях по скупке мурманской рыбы и доставке ее в Архангельск и Петербург. Владельцы крупнейших магазинов Петрозаводска в конце XIX в. П. Ипатова, братья Матвей и Михаил Лейманы, Ф. Тихонов выдвинулись из среды жителей пригородных селений. В.Е. Куттуев, ставший в середине 1890–х гг. владельцем Куйтежского железопередельного завода, еще в начале 80–х гг. числился торгующим крестьянином Рыпушкальской волости. Именно выходцы из крестьян, наряду с деятельностью в торгово–посреднической сфере, стали к концу XIX в. наиболее активно включаться в организацию крупных лесозаготовительных операций:

Кирьяновы, Кипрушкины и Фершуковы из Ладвы, Афонины и Селиверстовы из Остречинской волости, Кораблевы из Шалы.

В среду формирующейся буржуазии края входили не только русские, но и карелы (Куттуевы из Олонца, владелец лесного двора в Петрозаводске А. Калинин из д. Онгамукса Спасопреображенской волости, крупный скупщик и торговец П. Григорьев–Тергуев из Ребольской волости и др.), а также представители других национальностей. Судя по документам, выданным на право торговли и промыслов, численность крупной буржуазии в крае к середине 1880–х гг. можно определить приблизительно в 300—400 человек[73].



Купец, выходец из прионежских крестьян Матвей Лейманов, член правления "Онежского пароходного общества"

Процесс формирования пролетариата происходил в основном двумя путями. В старейшей отрасли индустрии — казенной металлургии — кадры пролетариев складывались преимущественно из потомственных мастеровых, освобожденных в 1861 г. от принудительного труда и поступивших на заводы по вольному найму, а также из членов их семей. Для других отраслей промышленности, включая частную металлургию и лесопиление, главным источником комплектования рабочих кадров явилось крестьянство Олонецкой и некоторых сопредельных уездов Архангельской губернии. Обстановка крупного промышленного производства приводила к постепенному отрыву вчерашних крестьян от земли. По данным фабричной инспекции, к 1898 г. 26% рабочих частных предприятий Олонецкой губернии не имели в деревне ни дома, ни земли. Кроме того, многие рабочие лишь формально продолжали числиться держателями деревенских наделов, но не принимали личного участия в их обработке.

Общая численность постоянных фабрично–заводских рабочих в Карелии за четыре пореформенных десятилетия увеличилась в 2,3 раза и к 1900 г. составила 3,5 тыс. человек. На первое место к началу XX в. вышла лесопильная промышленность. В ней было занято 1,9 тыс. человек, в том числе 1,5 тыс. — на лесозаводах Карельского Поморья. В казенной металлургии (на Александровском заводе и его отделениях в Кончезере и Валазме) работало около тысячи человек, в частной металлургии и на предприятиях прочих отраслей — 0,6 тыс. человек[74].

Сравнительно немногочисленный отряд промышленных пролетариев Карелии состоял в основном из русских. Карелов среди постоянных заводских кадров даже в начале XX в. насчитывалось немногим более 200 человек. Такое положение в значительной степени объяснялось тем, что западные населенные карелами районы края почти не были затронуты промышленным развитием. Из 23 фабрично–заводских предприятий, имевшихся в Карелии к началу XX в., 20 находились в районах с преимущественно русским населением — в Поморье и Прионежье.

Наряду с промышленным пролетариатом в Карелии сложилась значительная прослойка сезонных рабочих. В конце 1890–х гг. их насчитывалось не менее 45 тыс. Наибольшее количество сезонников (около 35 тыс.) работало на лесозаготовках и сплаве, до 2 тыс. занимались заготовкой и доставкой топлива и сырья для горных заводов и до 8 тыс. трудились на морских промыслах, в судоходстве и на погрузке товаров в

портах и на пристанях. Обычно сезонные рабочие работали по найму в течение 2—6 месяцев, а остальное время занимались сельским хозяйством и крестьянскими промыслами. По своему социальному облику они являлись сельскими пролетариями и полупролетариями. В отличие от постоянных заводских кадров, среди сезонников было много выходцев из карельских волостей. В конце 1890–х гг. только на лесозаготовках и сплаве насчитывалось не менее 10 тыс. рабочих–карелов.

В условиях продолжавшегося в пореформенной России процесса первоначального накопления капитала и сохранения многих пережитков феодальной системы положение формирующегося пролетариата было сложным. Юридический статус его оставался неопределенным. Выходцы из деревни, даже много лет проработавшие на промышленных предприятиях, официально по–прежнему считались крестьянами и вынуждены были платить окладные сборы по месту своей сельской приписки. Продолжительность рабочего дня в российской промышленности была самой длинной в Европе, а заработная плата — одной из наиболее низких. Государство, само владевшее многочисленными казенными предприятиями, проявляло медлительность в урегулировании отношений между рабочими и нанимателями, что открывало дорогу предпринимательскому произволу. Некоторые шаги в данном направлении стали предприниматься властью лишь с начала 1880–х гг., но при этом принятие основных законодательных актов по рабочему вопросу (о создании фабричной инспекции — 1882 г., о штрафах — 1886 г., о продолжительности рабочего дня — 1897 г.) следовало лишь за всплеском стихийных пролетарских выступлений и носило, по существу, вынужденный характер. Создание каких–либо рабочих организаций, в том числе по отстаиванию профессиональных и экономических интересов, не допускалось.

Условия труда и быта рабочих в Карелии, как и в других окраинных регионах, по ряду важнейших показателей были значительно хуже, чем в основных индустриальных районах России. В 1870—80–х гг. на лесопильных предприятиях края продолжительность рабочего дня составляла 12—14 часов, а иногда достигала и 16 часов в сутки, хотя условной нормой по стране в то время считался 12–часовой рабочий день. Закон от 2 июля 1897 г. установил на крупном фабрично–заводском производстве продолжительность рабочего дня в 11 часов 30 минут, а накануне праздников — 10 часов, однако на ряде лесозаводов Карелии, а также на Усланской картонной фабрике Тейфеля по–прежнему сохранялся 12–часовой рабочий день. Широко применялись сверхурочные работы, которые были разрешены специальным правительственным циркуляром от 14 марта 1898 г. Фабричный инспектор Олонецкой губернии Н. Барышников в связи с этим в отчете за 1898 г. признавал, что с практикой сверхурочных работ инспекция "бессильна бороться за неопределенностью законодательства"[75].

Уровень оплаты труда в промышленности края был несколько ниже общероссийского. На Александровском заводе, по сведениям за 1888—1890 гг., среднемесячный заработок составлял в среднем 14,2 руб. в месяц. В период промышленного подъема 1890–х гг. он вырос и к 1900 г. достиг 17,7 руб. На лесопильных предприятиях края к 1900 г. рабочие, по данным фабричной инспекции, в среднем получали 16 руб., в пароходоремонтных мастерских — 14 руб., на картонном, спичечном и железопередельном производствах — 8,8 руб. в месяц. В то же время в целом по России среднемесячный заработок рабочего, по данным за 1890 г., составлял 15,6 руб., а в 1900 г. — 17,2 руб. (в металлургии и металлообработке — 28,2 руб.)[76]. При этом цены на продукты питания в Карелии были выше, чем в большинстве других регионов страны. Более широкое распространение получила здесь и так называемая «вторичная эксплуатация» — выдача зарплаты не наличными деньгами, а продуктами и товарами из за-

Землянка лесорубов

водских лавок по завышенным ценам. Действовала система штрафов и вычетов, которые даже после издания закона о штрафах могли достигать 1/3 заработка.

Сопоставление материалов проведенного в 1896—1897 гг. фабричным инспектором Н. Барышниковым исследования затрат на питание 41 рабочей семьи с данными земского обследования крестьянских хозяйств Олонецкой губернии за 1900—1902 гг. показывает, что нормы потребления основных продуктов питания у рабочих были, как правило, ниже среднего уровня потребления местных крестьян. Так, муки и крупы в месяц на едока в рабочих семьях потреблялось 43,2 фунта, в крестьянских — 69,6 фунта, мяса, соответственно, — 2 и 3,2 фунта, масла (животного и растительного) — 0,8 и 1,2 фунта. В то же время рабочие потребляли по сравнению с крестьянами заметно больше сахара (1,4 фунта против 1), чая, кофе и цикория (0,52 фунта против 0,23)[77], что свидетельствует о частичной замене горячего питания в пролетарских семьях чаепитием.

Серьезнейшей проблемой являлось получение социальных пособий в случае временной или постоянной потери трудоспособности. Только на Александровском заводе существовала вспомогательная касса товарищества (составленная из взносов рабочих), из которой назначались небольшие пенсии получившим тяжелое увечье, а также вдовам и сиротам рабочих, погибших на производстве (14—20 коп. в месяц и 1—2 пуда муки)[78]. На других предприятиях до издания закона 2 июня 1903 г. "О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев" рабочий–инвалид мог получить пособие только, если он доказал "злое деяние" или упущение со стороны заводчика. По этому поводу на основе своей практики фабричный инспектор Н. Барышников на страницах губернской газеты с горькой иронией писал, что "уже из факта поступления в промышленное заведение вытекает вина рабочего во всем, что сопряжено с пребыванием в этом заведении".

Неудовлетворительными были и жилищные условия многих рабочих семей. На лесопильных и частных металлургических заводах большинство одиноких и семейных рабочих жило в тесных казармах барачного типа или снимало углы в частных домах. Несколько лучше обстояло дело на Александровском заводе, основная масса рабочих которого имела собственные небольшие дома.

Особенно тяжелым было положение рабочих, занятых на лесозаготовках, сплаве и других сезонных производствах, которые не подпадали под действие даже весьма ограниченных законов о фабрично-заводском труде, принятых в 1880—1890-х гг. Вербовку лесорубов и сплавщиков предприниматели вели, как правило, через агентов–подрядчиков из числа местных зажиточных крестьян. Подрядчики путем задатков закабаляли односельчан и вынуждали соглашаться на самые невыгодные условия, причем письменных договоров найма обычно не заключалось. Рабочий день в лесу и на сплаве продолжался при любой погоде с раннего утра и до позднего вечера. Выходные и праздничные дни зачастую не соблюдались. Плата за тяжелый физический труд обычно не превышала 2—3 руб. в неделю. Значительная часть заработка сразу же уходила на погашение задатка. Жить сезонникам приходилось в шалашах, землянках или наскоро сколоченных избушках без деревянного пола и потолка. Такие избушки, как отмечал земский врач Пудожского уезда, имели площадь до 8—9 кв. метров, но в них на ночлег набиралось по 25—30 человек. Здесь же сушили одежду и обувь. Обычную пищу лесорубов составляли черный хлеб и картофель, привозимые из дома, а также крупы, горох и чай, приобретаемые у подрядчиков в счет заработка. Сплавщики полностью находились на хозяйских харчах, которые часто готовились из залежалых продуктов. Следствием крайне неблагоприятных условий труда и быта сезонников была высокая заболеваемость. По данным земских медиков, травматическим повреждениям и простудным заболеваниям за сезон подвергалось 20—30 % лесозаготовителей, среди сплавщиков этот процент был еще выше[79].

Положение лесных рабочих вызывало серьезную обеспокоенность даже у местной губернской администрации. Оно стало предметом специального рассмотрения на промысловой комиссии Олонецкого губернского совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. Комиссия, возглавлявшаяся председателем Петрозаводской уездной земской управы И. Лазуком, предложила запретить "существующий способ расчета лесопромышленниками рабочих товаром вместо денег" и высказалась за создание на лесных промыслах специального санитарно–медицинского надзора, в ведении которого находилось бы и наблюдение "за продовольствием и питанием рабочих"[80]. Предложение вошло в отчетные документы губернского совещания, но так и не вызвало действенной реакции в петербургских коридорах власти.

Стремление рабочих добиться улучшения своего положения приводило к возникновению трудовых конфликтов с предпринимателями. В последней четверти XIX в. в Карелии произошло несколько стихийных стачечных выступлений на экономической почве. Первая в истории края забастовка вспыхнула в 1875 г. на Александровском заводе в Петрозаводске. Она была вызвана резким снижением заработков вследствие необоснованной, по мнению рабочих, выбраковки значительной партии изделий. 6 февраля по поручению рабочих литейного цеха формовщики П. Поляков и Н. Суханов предъявили администрации требование об отмене вычетов. В ответ горный начальник издал приказ об увольнении Полякова и Суханова. Литейщики (около 100 человек) объявили забастовку, добиваясь отмены вычетов и восстановления на работе уволенных товарищей. Однако рабочие других цехов их не поддержали. Под угрозой общего увольнения 8 февраля стачечники возобновили работу, не добившись успеха[81].

В 1878 г. бастовали 130 рабочих–сезонников на строительстве почтовой дороги Повенец—Сумпосад, добивавшиеся от предпринимателей возвращения паспортов в связи с тяжелыми условиями труда и нарушением договорных обязательств. В начале 1890-х гг. сотни отходников из южных уездов Карелии принимали участие в стачках

сезонных рабочих на реконструкции Мариинского канала. В течение 1890—1892 гг. на трассе неоднократно возникали забастовки, в ходе которых рабочие протестовали против низких расценок, продолжительного рабочего дня и некачественного питания, а также требовали выдачи расчетных книжек[82]. Экономические стачки были зарегистрированы также в 1892 г. на Кемском лесопильном заводе, в 1897 г. на Туломозерском чугунолитейном заводе компании "Сталь", в 1901 г. на Ковдском лесозаводе. Стачки 1870—1890-х гг., несмотря на их разрозненность и эпизодичность, стали важным этапом на пути становления в крае рабочего движения.

3. В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907)

На начальном этапе революции

Первая российская революция 1905—1907 гг. была порождена глубокими противоречиями в экономическом и социально-политическом развитии страны после реформы 1861 г., а также неудачным консервативно-реформистским курсом, проводившимся правительствами Александра III и Николая II. Ее мощными ускорителями стали промышленный кризис 1900—1903 гг., неурожаи и голод, поразившие многие губернии России в 1902—1904 гг., и русско-японская война 1904—1905 гг.

Начавшись в центре обширной империи, революция охватила все ее районы, включая окраины, в том числе и Карелию. Однако революционные события здесь происходили с заметным отставанием, их подъемы и спады не совпадали с тем, что происходило в промышленных центрах России, накал борьбы и ожесточение были значительно меньшими. Эти особенности во многом объяснялись удаленностью и транспортной оторванностью края от крупнейших политических и индустриальных центров, его промышленной отсталостью, слабостью как буржуазно-предпринимательской элиты, так и рабочего класса. Крайне незначительным к началу революции было здесь и влияние оппозиционных режиму политических сил.

Земские органы, являвшиеся в Центральной России основным оплотом либеральных общественных сил, в Карелии находились, как уже отмечалось, под сильным контролем чиновничьей бюрократии, а численно преобладавшие в них представители зажиточного крестьянства придерживались, как правило, традиционалистской идейной ориентации. Из всех 34 губерний, где к началу XX в. было введено земское самоуправление, только в Олонецкой не было ни одного земца, замеченного в симпатиях к либерализму. Олонецкое губернское земство неизменно выступало с адресами консервативно-охранительного характера и уклонялось от участия в общеземских съездах[83].

Носителями радикальных, революционных идей в Карелии в пореформенные десятилетия XIX в. выступали, главным образом, политические ссыльные. Наряду с некоторыми другими районами Европейского Севера и Сибирью карельский край активно использовался правительством как место ссылки. В период подъема революционного народнического движения в стране в конце 1860-х — 1870-х гг. численность политссыльных в крае достигала 100—200 человек[84]. Народникам удалось создать несколько небольших нелегальных кружков в Петрозаводске (действовал в 1869—1870 гг.), Повенце (1877—1879 гг.), Пудоже (1875—1881 гг.). Петрозаводский кружок, возглавлявшийся ссыльным студентом Петербургского университета С.К. Зосимским, предпринял в 1870 г. попытку "хождения в народ", направив в Каргопольский уезд с целью поднять крестьян на антиправительственное выступление не

состоявшего под надзором полиции чиновника В. Рейнгардта. Пропагандист сумел завоевать расположение крестьян, но к его радикальным революционным призывам они отнеслись настороженно. Позднее сам В. Рейнгардт признавал: "Когда я уже совершенно ознакомился с духом крестьян, мне пришлось пропеть вечную память всем нашим надеждам, всем мечтам, как дым развеялись они"[85]. В декабре 1870 г. кружок С. Зосимского подвергся полицейскому разгрому, и в дальнейшем власти стремились не допускать сосредоточения ссыльных в губернском центре. Политссыльные, члены повенецкого и пудожского кружков, вели революционную пропаганду лишь в узком кругу своих знакомых из числа местных служащих и интеллигенции. Оба кружка также были раскрыты и ликвидированы полицией.

После разгрома правительством в начале 1880–х гг. организаций партии "Народная воля" и в связи с наступившим идейным кризисом революционного народничества численность политической ссылки в Карелии сильно сократилась. В 1899 г. в целом по Олонецкой губернии политссыльных насчитывалось всего 11, а в 1901 г. — 24 человека, причем они были рассредоточены по различным населенным пунктам.

Приток политических ссыльных в край вновь резко усилился только с 1904 г., что стало следствием не только начавшегося подъема рабочего и крестьянского движения на юге и в центре страны, но и временного прекращения ссылки в Восточную Сибирь из–за начавшейся русско–японской войны. В 1904 г. в Олонецкой губернии находилось 160 политссыльных, а в Кемском уезде Архангельской губернии — 83[86]. В отдельных колониях политссыльных (в Кеми, Пудоже, Повенце и др.) возникли конспиративные кружки эсеровского и социал–демократического толка, однако они имели еще весьма ограниченные связи с местным населением. К началу революции 1905 г. на территории Карелии отсутствовали какие–либо организационно оформленные структуры и либерального, и леворадикального направлений.

Положение начало меняться после расстрела рабочей демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г. и последовавшего за этим стихийного революционного взрыва в центре России. Первыми отреагировали на "кровавое воскресенье" политические ссыльные. 17 января 1905 г. в Повенце группа политссыльных во главе с видным деятелем социал–демократического и рабочего движения М.И. Калининым организовала шествие с траурными повязками на рукавах. Демонстранты отказались выполнить требование полицейского надзирателя о снятии повязок. 25 января по инициативе ссыльных социал–демократов П.В. Андреева и С.П. Шепелева вышли на демонстрацию протеста политссыльные в г. Пудоже. Власти опасались перерастания этой акции в более широкое выступление с участием местных жителей, так как, по данным жандармерии, среди последних было "много недовольных благодаря неурожаю хлеба и призыву запасных в действующую армию". Между полицией и ссыльными произошло столкновение. Полицейские сорвали траурные повязки с П. Андреева, Ф. Пашигорева и Н. Савина. По распоряжению находившегося в Пудоже начальника Олонецкого губернского жандармского управления А. Шафаловича П. Андреев был арестован. Пудожские ссыльные заявили протест губернатору по поводу действий полиции и выразили решимость, несмотря на преследования, носить траур по жертвам 9 января в течение шести недель. С заявлениями в поддержку своих товарищей выступили колонии политссыльных в Вытегре, Лодейном Поле, Олонце и Повенце.

На трагические события 9 января откликнулись и рабочие Александровского завода. В один из январских дней они прекратили работу на два часа в знак солидарности с пролетариями Петербурга. По цехам провели сбор средств в пользу вдов и детей

рабочих, погибших в день "кровавого воскресенья". Организатором сбора выступил рабочий В.А. Егоров[87].

Первые месяцы 1905 г. отмечены также экономическими стачками на некоторых предприятиях Карелии. В январе в течение восьми дней бастовали печатники типографии Каца "Северная скоропечатня" в Петрозаводске. Выступление, которым руководили наборщики Л.П. Сергеев, приехавший из столицы в конце 1904 г., и Л.Л. Яблонский, проходило исключительно организованно, и предприниматель пошел на уступки. Вместо 10–часового рабочего дня в типографии был введен 9–часовой и несколько увеличена зарплата[88]. 28 марта вспыхнула стачка на лесозаводе товарищества "П. Беляева наследники" в с. Сороке Кемского уезда. Около 40 рабочих–сортировщиков предъявили требование об увеличении заработной платы. Получив отказ, они прекратили работу. К ним примкнули остальные сортировщики (до 80 человек). Из заводского поселка стачечники толпой отправились в Сороку, где с песнями прошли по улицам. Этой демонстрацией стачка и завершилась. Утром 29 марта забастовщики возобновили работу, не добившись удовлетворения требований[89].

В марте 1905 г. происходили волнения в средних учебных заведениях Петрозаводска. Учащиеся учительской семинарии выработали и предъявили в педагогический совет петицию, в которой требовали свободы проведения собраний и организации кружков, свободного чтения книг и журналов, отмены стеснительного режима в общежитии, изменения учебных планов (увеличения часов на общеобразовательные предметы за счет сокращения курса церковно–славянского языка). Семинаристы предупредили, что в случае отклонения петиции объявят забастовку. Во избежание обострения ситуации педсовет удовлетворил большинство требований. Действия семинаристов поддержали учащиеся губернской мужской гимназии, которые подали петицию, содержавшую требования, направленные на демократизацию гимназического режима. Дирекция учебного заведения также пошла на частичные уступки[90].

Выступления политссыльных, рабочих и учащейся молодежи зимой—весной 1905 г. носили все же разрозненный, эпизодический характер и не вылились в массовое движение антиправительственной направленности. Летом 1905 г. в крае установилось относительное затишье. Значительное воздействие на дальнейшее развитие обстановки в Карелии оказали всероссийская октябрьская политическая стачка и обнародование Николаем II Манифеста 17 октября, который провозглашал основные гражданские свободы и вводил начала конституционного строя в стране. 18 октября Манифест был опубликован на страницах газеты "Олонецкие губернские ведомости". Одновременно публиковалось обращение губернатора к жителям края, в котором, в частности, говорилось, что население губернии, "до сего времени чуждавшееся всякой смуты и мятежа, может со спокойным сердцем и чистой совестью воспринять из рук своего природного государя гражданскую свободу и, осенив себя крестным знамением, вступить на новый исторический путь свободными гражданами великой и единой России".

На следующий день состоялось торжественное оглашение Манифеста и молебствие по этому поводу в кафедральном Святодуховском соборе Петрозаводска. После молебствия учащиеся учительской семинарии, фельдшерской школы и гимназии устроили демонстрацию. Они прошли по центру города с пением "Марсельезы" и криками "Долой полицию!". Выйдя к Александровскому заводу, участники шествия пытались остановить работу, но, несмотря на поданный по их требованию из конторы сигнал, рабочие не покинули цехов. От завода учащиеся отправились к тюремной площади, где после пения "Вечной памяти" по жертвам 9 января разошлись по до-

мам. Как видно, демонстрация носила характер эмоциональной реакции на объявление Манифеста, ее участники не имели определенных целей и не выдвигали конкретных политических требований. Нескольких участников шествия 19 октября исключили из гимназии[91].

22 октября после панихиды по умершему 29 сентября 1905 г. первому выборному ректору Московского университета С.Н. Трубецкому, которая была отслужена в петрозаводском кафедральном соборе, учащаяся молодежь вновь организовала демонстрацию. Однако на этот раз властям удалось взять ситуацию под контроль. На Петровской площади к демонстрантам вышел губернатор Н.В. Протасьев. В краткой речи он заявил, что "истинное значение гражданской свободы заключается в тщательном воспитании гражданами в себе чувства уважения к закону, любви к порядку", и призвал учащихся "воспитывать в себе свойства души настоящего гражданина". Речь Протасьева, обладавшего незаурядными ораторскими данными, произвела сильное впечатление на основную массу собравшихся. Губернатора подняли на руки и качали, после чего с возгласами "ура" демонстранты разошлись.

Рабочие Александровского завода откликнулись на объявление Манифеста митингом на Петровской площади 20 октября. Единственным оратором был высланный в Петрозаводск колпинский рабочий Петр Иванов, который подверг резкой критике порядки, существующие на заводе, в особенности произвол администрации. Через неделю после митинга 558 рабочих механического цеха подали горному начальнику петицию, содержавшую ряд экономических требований: введение 8–часового рабочего дня, повышение заработной платы, отмена вычетов из заработка на больничные расходы, бесплатное оказание медицинской помощи. Первоначально администрация отклонила петицию, но затем, с активизацией рабочего движения на заводе, пошла на частичные уступки.

Прямым отзвуком октябрьских событий в центре России явилась попытка организации профсоюза служащими Петрозаводской почтово–телеграфной конторы. На нелегальном собрании 26 октября работники конторы поддержали призыв связистов Москвы и Петербурга о создании Всероссийского союза почтово–телеграфных чиновников и приняли решение присоединиться к союзу. Но когда 16 ноября в ответ на запрещение правительством профсоюза в стране началась всеобщая забастовка почтово–телеграфных работников, петрозаводские связисты не проявили решимости и единодушия. Хотя ряд служащих высказался за участие в забастовке, их не поддержало большинство, опасавшееся немедленного увольнения[92]. Так, первая в Карелии попытка создания профобъединения закончилась неудачей.

Примечательным свидетельством постепенного втягивания края в общероссийский революционный процесс явилась также двухнедельная забастовка учащихся Олонецкой духовной семинарии, совпавшая по времени с декабрьской всеобщей стачкой и вооруженным восстанием в Москве. Выступление, в котором приняли участие около половины всех семинаристов, стало полной неожиданностью для властей, так как семинария, в силу своей специфики, считалась наиболее благонадежным учебным заведением. Губернская газета в заметке "Забастовали" писала, что "забастовка не имеет местного характера и вызвана подражательностью другим семинариям". Петрозаводские семинаристы таким образом поддержали требования учащейся молодежи России о коренной демократизации системы народного образования.

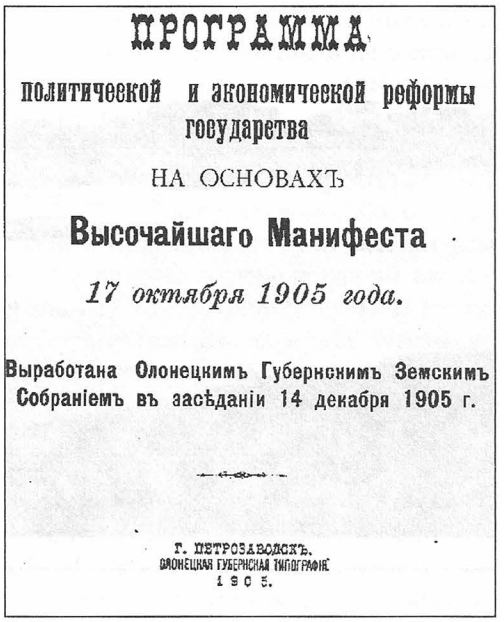
К концу 1905 г. начала обостряться обстановка в деревне. Глухое брожение, наблюдавшееся в среде крестьянства края в течение всего года, стало перерастать в отдельных местностях в открытые выступления против существующих порядков. Так,

Село Ухта

20 декабря сельский сход Кижского общества Великогубской волости Петрозаводского уезда, на который собралось 120 домохозяев, принял приговор об отказе платить земские сборы. Инициаторами выступили крестьяне–отходники Федор Минин и Никифор Русинов, в течение ряда лет работавшие в столярных мастерских Петербурга. По свидетельству сельского старосты, Ф. Минин прямо заявил на сходе, что "в настоящее время вообще в России не платят податей, а потому и здесь не следует платить их". В январе 1906 г. Ф. Минин и Н. Русинов были арестованы и заключены в Петрозаводскую тюрьму. Коллективный отказ от уплаты податей под влиянием агитации вернувшегося из Петербурга крестьянина д.Высокая Нива П. Кочанова зарегистрирован в декабре 1905 г. в Типиницком сельском обществе Толвуйской волости Петрозаводского уезда[93].

Одним из самых значительных событий 1905 г. стал крестьянский митинг 21 декабря в северокарельском с. Ухта (Кемского уезда), в котором приняло участие около 300 человек. Митинг собрался в связи с обнародованием царского указа от 11 декабря 1905 г. о созыве I Государственной думы. Крестьяне выработали и приняли постановление, содержавшее ряд требований к Думе общедемократического и национально–демократического характера. Они высказались за "конституционный образ правления с правом равенства голосов при решении общегосударственных вопросов для лиц, достигших 21–летнего возраста, без различия пола, звания и национальности", указывали на необходимость "законной охраны", то есть правовых гарантий гражданских свобод. В отношении местного самоуправления ухтинцы выступали за введение выборности чиновников по крестьянским делам и перестройку деятельности администрации и полиции "в более современном духе".

В экономических пунктах постановления содержались требования о предоставлении всем гражданам равных прав на приобретение земельной собственности, об улучшении "экономического быта крестьян и вообще рабочего люда", приведении торгово–промышленного налогообложения в соответствие с подоходным принципом. Специфику края отражали пункты постановления о необходимости разграничения крестьянских и казенных лесов (в северной Карелии не было проведено землеустрой-



ПРОГРАММА

политической и экономической реформы государства

НА ОСНОВАХЪ

Высочайшаго Манифеста

17 октября 1905 года.

Выработана Олонецкимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ въ засѣданіи 14 декабря 1905 г.

Г. ПЕТРОЗАВОДСКЪ.
ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1 9 0 5.

ство по реформе 1866 г.), запрещении отпуска леса из казенных дач до такого разграничения, о снятии таможенных барьеров "между карелами и Финляндией, как главного тормоза в местной торговле".

В документе впервые открыто поднимались проблемы национального развития карельского народа. Участники митинга настаивали, чтобы обучение в школах и богослужение в церквах велись на родном карельском языке, а также был обеспечен "доступ достаточного числа лиц из низших школ с инородческим языком в русские учительские семинарии". В постановлении говорилось о желательности знания чиновниками на местах национальных языков, указывалось на необходимость расширения школьной сети и перехода к всеобщему начальному образованию, строительства в крае больниц за счет государства[94]. Таким образом, в постановлении крестьянского митинга в Ухте речь шла о введении в крае элементов национально–культурной автономии.

Организаторами митинга и разработчиками основных положений резолюции явились купцы и зажиточные крестьяне П. Афанасьев (Ахава), В. Еремеев (Ряйхя), И. Митрофанов (Кауконіеми). В. Еремеев, проживавший в Ухте, занимался торговлей с Финляндией, а уроженцы Ухтинской волости П. Афанасьев и председательствовавший на митинге И. Митрофанов к тому времени уже являлись жителями финских городов Куусамо и Рованиеми. Манифестация закончилась принятием обращения к крестьянам других карельских волостей Кемского уезда с призывом обсудить постановление ухтинского митинга. В январе 1906 г. принятые на нем документы обсуждались на сельских сходах в целом ряде волостей северной Карелии, и на их основе была составлена петиция в адрес Государственной думы, под которой поставили свои подписи три тысячи крестьян–карелов.

После издания Манифеста 17 октября 1905 г., создавшего правовые основы для легальной политической деятельности, и под влиянием захлестнувших страну бурных революционных событий в Карелии ускорился процесс вызревания и самоопределения различных политических сил. Первыми открыто заявили о себе сторонники общероссийских либеральных политических партий — "Союза 17 октября" и конституционных демократов, сумевшие к концу 1905 г. сформировать в Петрозаводске свои партийные группы.

Октябристская группа, выступившая под названием "Олонецкая земская партия" и объединившая умеренно либеральные верхи земства, была создана в ходе очередной сессии губернского земского собрания, проводившейся в ноябре—декабре 1905 г. После серии предварительных консультаций 29 участников сессии на заседании 14 декабря единогласно приняли резолюцию, в которой заявили, что из "взглядов нынешних политических партий" считают "наиболее соответствующими действительным нуждам страны положения "Союза 17 октября"[95]. Они также выработали и одоб-

рили программу политической и экономической реформы государства на основах Манифеста 17 октября 1905 г., выдержанную в духе идейных установок октябристской партии: единство и неделимость Российской империи, конституционная монархия с сильной императорской властью, решение аграрного вопроса путем уравнения крестьян в гражданских правах с другими сословиями и продажи крестьянам части казенных и удельных земель и т. д. Для ознакомления населения с программой было решено издать ее отдельной брошюрой.

Информация о политической резолюции собрания и принятой им программе была направлена в адрес центральных органов партии "Союз 17 октября". Участники заседания направили также телеграмму председателю Совета Министров С.Ю. Витте, в которой призвали правительство "не смущаясь агитацией крайних партий, противопоставить ей всю силу власти, так как лишь твердая политика способна восстановить порядок и провести в жизнь правовые начала, возвещенные Манифестом 17 октября". Руководящие органы "Союза 17 октября" официально признали "Олонецкую земскую партию" в качестве местного отделения Союза. Октябристская группа имела поддержку преимущественно в среде крупного чиновничества, предпринимателей, наиболее зажиточного слоя интеллигенции. Лидерами ее были председатель губернской земской управы Н.А. Ратьков и председатель Петрозаводского уездного съезда В.В. Эрин[96].

Почти одновременно, в течение ноября—декабря 1905 г., в Петрозаводске сложилась немногочисленная группа конституционно-демократической партии. К концу 1905 г. она насчитывала около 10 человек. Лидерами кадетов являлись горный инженер А.В. Африкантов, фабричный инспектор В.В. Дмитриев, врач губернской земской больницы Н.И. Гуревич. Представлявшие радикально-либеральное направление политического спектра, конституционные демократы опирались преимущественно на средние городские слои. Но их влияние быстро росло и в среде рабочих Александровского завода. По оценке активного участника событий 1905—1907 гг. в Петрозаводске социал-демократа А.А. Копяткевича, местные кадеты "были левонастроенными радикалами, гораздо ближе примыкавшими к левым партиям, чем к правым, до октябристов включительно". По некоторым данным, в конце 1905 — начале 1906 г. кадетская группа сложилась также в г. Кеми[97].

Выборы в I Государственную думу и общественное движение в Карелии

После поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве в центре страны началось медленное отступление революции. В карельском крае, напротив, 1906 год стал периодом наиболее значительных революционных событий. Первые месяцы 1906 г. прошли под знаком избирательной кампании в I Государственную думу. Кампания проводилась на основе закона от 11 декабря 1905 г., выдержанного в консервативно-реформистском духе. К выборам не допускались женщины, военнослужащие, молодежь до 25 лет, рабочие мелких предприятий (с числом занятых менее 50 человек), безземельные крестьяне. Все избиратели делились на четыре курии по сословному признаку: землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Для зачисления в землевладельческую и городскую курии устанавливался имущественный ценз. Горожанин, например, должен был обладать собственной недвижимостью или, как минимум, снимать отдельную квартиру не менее года. Каждый разряд имел свою

норму представительства, причем явное предпочтение отдавалось помещикам–землевладельцам и городским буржуазным элементам. Один голос землевладельца приравнивался к 3 голосам горожан, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Выборы были не прямыми, а двухступенчатыми для землевладельческой и городской, трехступенчатыми для рабочей и четырехступенчатыми для крестьянской курий. В губерниях со слабо развитой заводской промышленностью, в том числе в Олонецкой, рабочая курия вообще не образовывалась, и рабочие, если они преодолевали барьер имущественного ценза, участвовали в голосовании по городской курии. Заключительным этапом выборов было губернское избирательное собрание, на котором выборщики от всех курий избирали из своей среды депутатов Государственной думы. Олонецкой губернии предоставлялось в Думе три депутатских места, Архангельской — два.

Первые в истории России выборы в представительный законодательный орган, несмотря на ограниченность избирательного законодательства и призывы общероссийских левых сил к бойкоту, вызвали у жителей Карелии большой интерес. На предвыборных собраниях, проходивших во всех городах и крупных селах, открыто ставились и обсуждались многие злободневные вопросы развития страны и края, что способствовало вовлечению в орбиту политической жизни значительных слоев населения. Острый характер приобрела избирательная кампания в Петрозаводске, где противостояли партийные группировки кадетов и октябристов. Победу одержали кадеты, привлекшие к себе симпатии не только средних слоев, но и рабочих Александровского завода. В числе пяти выборщиков от Петрозаводска оказались члены кадетской группы: инженер А.В. Африкантов, служащий губернского присутствия А.Ф. Кожевников, учитель гимназии М.М. Кузнецов и сочувствующие кадетам рабочие В. Лузгин и А. Федоров.

8 марта 1906 г. состоялось Олонецкое губернское избирательное собрание. В его работе приняли участие 47 выборщиков, в том числе 9 — от землевладельческой, 14 — от городской и 24 — от крестьянской курий. Депутатами Государственной думы по итогам голосования стали: 34–летний горный инженер, начальник механического цеха Александровского завода, один из лидеров кадетской группы Александр Васильевич Африкантов (городская курия); 42–летний управляющий пароходством И. Конецкого на Свири, по происхождению заонежский крестьянин Дмитрий Васильевич Белоусов (крестьянская курия) и 36–летний отставной прапорщик дворянин Лодейнопольского уезда Василий Капитонович Якимовский (землевладельческая курия). Шедшие на выборы в качестве беспартийных кандидатов Д.В. Белоусов и В.К. Якимовский в Думе примкнули к фракции октябристов[98].

По Архангельской губернии в число депутатов I Думы, как и трех последующих, никто из выборщиков от Кемского уезда не прошел. Однако архангельским депутатам И.В. Галецкому и А.Е. Исупову была вручена для передачи в Думу петиция, выработанная в декабре 1905 — январе 1906 г. крестьянами карельских волостей Кемского уезда[99].

В связи с избранием Африкантова депутатом Думы петрозаводская группа кадетов организовала 13 апреля общегородской митинг, в котором приняло участие около 350 человек. Представитель делегации рабочих Александровского завода И. Ярославцев положительно охарактеризовал деятельность Африкантова на заводе и призвал депутата добиваться отмены смертной казни и всеобщей амнистии. Интеллигенты — члены кадетской группы Н. Гуревич, В. Дмитриев, М. Кузнецов, Б. Муликовский дали своему депутату наказ — твердо придерживаться программы конституционно–демократической партии. 16 апреля состоялись торжественные проводы А. Африкантова

Депутаты I Государственной думы

А.В. Африкантов

Д.В. Белоусов

В.К. Якимовский

на сессию Думы, в которых приняло участие около 200 человек, главным образом рабочих Александровского завода. Под звуки марша, исполняемого заводским оркестром, процессия во главе с депутатом прошла по центральным улицам к дому горного начальника, откуда экипаж с Африкантовым отбыл в Петербург. Впоследствии губернатор Протасьев не без основания отмечал, что кадетская группа своей деятельностью во время первых думских выборов в немалой степени содействовала объединению рабочих Александровского завода "в компактную массу"[100].

Избирательная кампания в I Государственную думу стала прологом к дальнейшему развитию революционного процесса в Карелии. Выявившееся в ходе думской сессии нежелание правительства и прокадетского большинства Думы наладить конструктивный диалог в интересах решения общенациональных проблем, резко оппозиционные выступления депутатов, возвращение на родину студентов и отходников, принимавших участие в революционных событиях в центре страны, усилившаяся агитация сторонников левых сил, рост политической ссылки — все это способствовало радикализации общественных настроений, в особенности в рабочей среде. Поздняя весна и лето 1906 г. характеризовались небывалым ранее в Карелии подъемом рабочего движения, охватившим оба основных промышленных района края — г. Петрозаводск и Карельское Поморье.

Первым признаком обострения ситуации в Петрозаводске стала демонстрация учащейся и рабочей молодежи 30 апреля 1906 г. в связи с проводами политических ссыльных, высылавшихся властями в отдаленные селения Олонецкой губернии. Сопровождавшие от тюрьмы к пристани колонну ссыльных демонстранты пели революционные песни, а при отплытии парохода запели "Марсельезу". Полицейские избивали демонстрантов нагайками, а 17 человек арестовали[101]. На следующий день в окрестностях города, у часовни, на второй версте Петербургского тракта состоялась маевка, в которой участвовало около 20 рабочих Александровского завода и типографии Каца. С речью к собравшимся о значении праздника 1 мая обратился печатник Л. Яблонский. Затем группа участников маевки с красным флагом с надписью "Долой самодержавие, да здравствует свобода!", который нес рабочий Александров-

ского завода Иван Чирков, вышла на Петербургский тракт. Здесь произошла стычка с полицией, которая отобрала флаг и рассеяла демонстрантов[102].

Проведение маевки стало первым публичным актом деятельности Петрозаводской группы Российской социал–демократической партии, сформировавшейся в конце апреля — начале мая 1906 г. Организационное собрание группы состоялось в загородном местечке Проба в один из последних дней апреля. Инициаторами создания и руководителями группы были рабочие Александровского завода Н.Т. Григорьев и В.А. Егоров, студент Петербургского университета А.А. Копяткевич, учительница Г.С. Тушовская, наборщик типографии Каца Л.Л. Яблонский. Большую роль в деятельности группы сыграл учитель Г.К. Поляков, приехавший в Петрозаводск во второй половине мая 1906 г. К концу 1906 г. в организацию входило около 20 человек. Это была объединенная социал–демократическая группа. В ней состояли сторонники как большевистского, так и меньшевистского течений в РСДРП, но первые преобладали. Группа установила связь с Петербургским комитетом партии и колониями политссыльных в уездах Олонецкой губернии, развернула агитационную и пропагандистскую работу в городе. Ей удалось наладить выпуск и распространение листовок и прокламаций, открыть магазин по продаже революционной литературы, которым заведовал выходец из заонежских крестьян Ф.Г. Копейкин[103].

По инициативе кадетской и социал–демократической групп 4 мая на Цыганской горке (район Кукковки) состоялась сходка рабочих Александровского завода, в которой приняло участие около 200 человек. Обсудив проблемы экономического и социального положения, участники сходки пришли к выводу о необходимости объединить силы рабочих "на почве профессиональных интересов". Было решено созвать общезаводской митинг и рассмотреть на нем вопросы организации профсоюза, отмены вычетов на госпиталь и обысков при выходе с завода. Участники сходки постановили добиваться от администрации, чтобы она выделила помещение для проведения рабочих собраний, и избрали уполномоченных для подготовки общезаводского митинга. Сходка завершилась принятием резолюции об отправке телеграммы в адрес А. Африкантова с выражением поддержки депутатам Думы "в их борьбе с отжившим порядком". 10 мая дирекции завода была предъявлена петиция, содержавшая требование о выделении помещения для собраний и перечень вопросов, выносимых на общезаводской митинг. Под этой петицией подписалось 427 человек. 15 мая рабочие получили разрешение на использование для собраний помещения пожарного депо, а 22 мая последовало объявление об отмене вычетов на содержание госпиталя, составлявших 2,5% от месячной зарплаты. Это был первый несомненный успех рабочих Александровского завода[104].

Вслед за группой РСДРП на волне начавшегося революционного подъема в Петрозаводске в мае 1906 г. возникла местная организация другой общероссийской леворадикальной партии — социалистов–революционеров. Инициаторами ее создания, а затем и лидерами выступили служащий земского склада сельскохозяйственных орудий В.Н. Панов и наборщик типографии Каца Л.П. Сергеев. К числу наиболее активных участников группы относились также учитель В.А. Трошин, рабочие Александровского завода А.Ф. Морозов и К.А. Шакшин. До осени 1906 г. организация была незначительной, но к концу года увеличилась и насчитывала до 30 человек. Члены группы выпускали листовки и прокламации, распространяли нелегальную литературу[105]. Несмотря на идейные расхождения, при проведении конкретных революционных акций петрозаводские эсеры, социал–демократы и даже кадеты нередко сотрудничали и взаимодействовали.

Рабочее движение

28 мая 1906 г. на Александровском заводе прошел первый легальный общезаводской митинг. Его участники одобрили идею создания профсоюзной организации и избрали комиссию для разработки устава. В комиссию вошли рабочие Т. Богданов и В. Егоров (социал–демократы), К. Шакшин (эсер), В. Михеев (беспартийный) и служащий лаборатории К. Самцов. Формально не входивший ни в одну партийную группу К. Самцов первоначально был известен своей левокадетской ориентацией, но постепенно эволюционировал в сторону эсеровских взглядов. Он пользовался популярностью в рабочей среде и сыграл видную роль в событиях 1906 г. в Петрозаводске. Рабочие вновь выразили поддержку Государственной думе, направив приветственную телеграмму ее председателю кадету С.А. Муромцеву[106]. Они также потребовали от губернских властей выделить для проведения митингов и собраний крупнейшее общественное здание Петрозаводска — Народный дом. Тогда все желающие жители города могли бы участвовать в митингах. В начале июня такое разрешение было получено.

На собрании, проходившем 4 июня на территории Александровского завода, рабочие обсудили основы устава профсоюза, подготовленные комиссией, и приняли решение опубликовать проект устава для широкого ознакомления. (В июле он вышел в свет тиражом в 1000 экземпляров.) Участники собрания выразили протест против казни восьми рабочих в Риге[107].

Следующий митинг рабочих Александровского завода, состоявшийся 11 июня в Народном доме, носил, по сути, общегородской характер. На него собралось до тысячи человек. На митинге впервые публично выступили представители Петрозаводской группы РСДРП (Н. Григорьев, Ф. Прохоров, Л. Яблонский и др.), изложившие программные установки своей партии. Они также подвергли критике деятельность депутата А. Африкантова и в целом позицию кадетско–либерального большинства Думы, призвав рабочих сплачиваться под знаменем революционной социал–демократии. Выступления членов группы РСДРП большинство собравшихся встретили с одобрением. Речи кадетов Н. Гуревича и В. Дмитриева, говоривших о необходимости сплочения демократических сил вокруг Думы, не нашли особого отклика. На митинге было оглашено обращение рабочей группы в Государственной думе к российскому пролетариату. Участники митинга направили на имя руководителя рабочей группы М.И. Михайличенко телеграмму с выражением поддержки[108]. Митинг 11 июня отразил заметный рост влияния социал–демократов в среде рабочего населения губернского центра и снижение авторитета кадетов.

В июне—августе 1906 г. собрания, митинги, манифестации рабочих стали обычным явлением в общественной жизни Петрозаводска. Всего в эти месяцы состоялось не менее 11 митингов и манифестаций. Помимо Народного дома они проводились в загородных местах — на Кукковке и Пробе, а иногда и на территории Александровского завода. В центре внимания, как правило, находились политические проблемы. Губернатор Протасьев в донесении министру внутренних дел Столыпину в июле 1906 г. признавал, что на митингах "обсуждение чисто экономических вопросов отходит на задний план, уступая рассуждениям на политические темы". Особенно сочувственно, по словам губернатора, рабочие встречали тех ораторов, которые утверждали, что улучшение положения пролетариата "возможно только при осуществлении идей социал–демократической партии"[109].

Участники митингов в Петрозаводске внимательно следили за развитием поли-

тической ситуации в стране и живо откликались на все значительные события. Они обсуждали и принимали резолюции протеста против еврейского погрома в Белостоке и судебного преследования депутатов Петербургского совета, выражали поддержку Всероссийскому крестьянскому союзу и в целом крестьянскому движению. Не раз рассматривались вопросы, связанные с деятельностью I Государственной думы и усилением реакционных тенденций в политике правительства после роспуска I Думы.

Из проблем внутризаводской жизни наиболее активно обсуждался вопрос о создании на Александровском заводе представительного органа от трудового коллектива для урегулирования конфликтов с администрацией. На одном из митингов в конце июня было одобрено предложение о введении института выборных цеховых старост. В ходе последующих переговоров с дирекцией эта идея трансформировалась в предложение о создании общезаводского комитета выборных от цехов. Дирекция вынуждена была дать согласие на формирование такого органа. На собраниях 28—29 июля и 28 августа состоялись выборы комитета. В его состав вошел 21 депутат от всех цехов завода. Деятельностью комитета руководил исполком из шести человек, выбранный, по существу, на многопартийной основе. Председателем исполкома избрали К.Д. Самцова, секретарем — В.И. Кононова (социал–демократ меньшевик), членами — Н.Т. Григорьева и В.А. Егорова (социал–демократы большевики), А.Ф. Морозова и К.А. Шакшина (эсеры)[110].

Согласно уставу, комитет выборных должен был заниматься чисто экономическими вопросами и созывать собрания рабочих только с разрешения начальника завода и губернатора[111]. И действительно, на первых заседаниях в начале сентября комитет рассматривал такие вопросы, как повышение зарплаты молотобойцам, сокращение рабочего дня на один час для слесарей механического цеха, выдача фартуков кузнецам и т. п. Однако логикой событий в дальнейшем комитет выборных оказался вовлеченным в процесс революционной борьбы.

Рост социально–политической активности рабочих Александровского завода вызывал глубокую обеспокоенность у губернской администрации. В одном из донесений Столыпину летом 1906 г. губернатор сообщал, что рабочее движение в Петрозаводске "вылилось... в слитную и опасную форму" и подчеркивал в этой связи, что Олонецкая губерния "не вполне основательно" имеет в верхах репутацию "инертной" и "спокойной в политическом отношении". Губернатор неоднократно просил правительство направить в Петрозаводск воинскую часть для подавления рабочего движения. Имевшаяся в городе воинская команда представлялась Протасьеву недостаточной и неблагонадежной, так как "в значительной степени состояла из местных обывателей, связанных с рабочими узами родства и приятельства"[112].

Дважды в летние месяцы — в начале июля и начале августа — администрация пыталась восстановить полный контроль за положением в губернском центре, но не добилась успеха. В день издания манифеста о роспуске I Государственной думы, 8 июля, губернатор отдал приказ о закрытии Народного дома. Однако утром 9 июля у Народного дома собралось около 400 человек. Начался митинг. Выступившие социал–демократы Н. Альшиц, Г. Поляков и Ф. Прохоров подвергли резкой критике действия правительства. Затем участники митинга с красными флагами двинулись к дому губернатора. На углу Мариинской и Садовой улиц демонстранты были остановлены отрядом полиции и полуротой солдат. Здесь же находился губернатор, предложивший манифестантам разойтись. Однако предложение было отвергнуто. Демонстранты избрали депутацию, которая вступила в переговоры с губернатором. После длительных колебаний Протасьев дал согласие на открытие Народного дома.

Прошедший в Народном доме 13 июля общегородской митинг в связи с роспуском Думы стал одним из самых длительных и многолюдных: в нем участвовало до 750 человек. Выступило 11 ораторов. Наибольший резонанс имела яркая и эмоциональная речь одного из лидеров социал–демократической группы Г. Полякова, осудившего роспуск Думы и действия карательных отрядов против революционного движения в Москве, Прибалтике и Сибири. Он призвал добиваться созыва Учредительного собрания путем всеобщей забастовки или вооруженного восстания. По свидетельству присутствовавшего на митинге чиновника по особым поручениям при губернаторе, Поляков своим выступлением довел слушателей до того, что в зале раздались крики: "Долой самодержавие". Полиция получила приказ арестовать Г.К. Полякова, но он скрылся[113].

Новый острый кризис возник после массового митинга на Кургане в районе Кукковки 3 августа 1906 г. На этом митинге выступал известный русский поэт, в то время член Всероссийского крестьянского союза Н.А. Клюев, только что вышедший из–под ареста в петрозаводской тюрьме за участие "в аграрных беспорядках" в Вытегорском уезде. Он горячо призывал рабочих и крестьян к объединению в борьбе с царским режимом. Среди ораторов были один из руководителей группы РСДРП А. Копяткевич и постоянный участник рабочих манифестаций владелец мясной лавки Ф. Семенов. А. Копяткевич говорил о необходимости организовать помощь политическим ссыльным, а Ф. Семенов агитировал за неуплату податей и отказ от службы в армии.

В ночь на 4 августа полиция арестовала Семенова, что вызвало в городе волну возмущения. Вечером 4 августа у дома губернатора собралось около 600 рабочих, которые потребовали освободить арестованного. Полиция, по свидетельству самого Протасьева, оказалась не готовой к такому развитию ситуации и не решилась разогнать толпу. Губернатор вступил в переговоры и заявил, что не правомочен выполнить требование, пока не закончено следствие. Он рекомендовал рабочим обратиться за разъяснениями к прокурору окружного суда, а затем по телефону попытался вызвать воинскую команду для усиления караула у тюрьмы. Растерянность администрации была столь велика, что уездный воинский начальник Иванов отказался выполнить распоряжение губернатора, а прокурор окружного суда Орлов принял депутацию от манифестантов и дал слово выпустить арестованного. Только тогда рабочие покинули Петровскую площадь. На следующее утро Ф. Семенов вышел на свободу[114].

После событий 4 августа Н. Протасьев принял экстренные меры по кадровому обновлению и повышению боеспособности подчиненных ему полицейских сил. Он также добился замены полковника Иванова на посту уездного воинского начальника полковником фон Цур Миленом, проявившим готовность к жестким действиям в отношении рабочих.

Развитие революционных событий в Петрозаводске достигло кульминации в середине — второй половине сентября 1906 г. 17 сентября из Петербурга в Петрозаводскую тюрьму прибыло более 80 политзаключенных, назначенных к высылке в отдаленные местности Олонецкой губернии. Прибывшие предъявили тюремной администрации требование о выдаче денег на приобретение теплой одежды и заявили, что в случае отказа будут сопротивляться высылке. Об этом стало известно в городе. Вечером 18 сентября на Тюремной площади выразить солидарность с политзаключенными и поддержать их требования собралось около 300 человек, в основном рабочих Александровского завода, а также учащихся учительской семинарии и гимназии. Собравшиеся переговаривались с заключенными и пели революционные песни. Полиция, пустив в ход нагайки, пыталась очистить площадь от манифестантов,

но безрезультатно. В ответ многие вооружились камнями и железными прутьями. Около полуночи полицейские открыли огонь. В результате стычки получили ранения 3—4 демонстранта и 3 городовых. Площадь опустела. На следующий день трое активных участников демонстрации — рабочие Александровского завода В. Еременко, Ф. Прохоров и торговец Ф. Семенов были арестованы. Губернатор вновь обратился к правительству с просьбой прислать войска[115].

24 сентября исполком комитета выборных созвал в пожарном депо общий митинг рабочих Александровского завода, чтобы обсудить доработанный проект устава профсоюза и принять меры к освобождению арестованных участников демонстрации 18 сентября[116]. Хотя содержание резолюций, принятых на этом митинге, остается неизвестным, скорее всего, именно на нем было вынесено решение об объявлении забастовки протеста против начавшихся репрессий. Около 12 часов дня 25 сентября группа рабочих во главе с секретарем комитета выборных В. Кононовым вошла в котельную Александровского завода и, несмотря на протесты машиниста, дала гудок к началу стачки. Рабочие остановили работу и собрались во дворе предприятия. После короткого митинга более 300 человек отправились на Петровскую площадь к губернаторскому дому и предъявили губернатору требование об освобождении товарищей, арестованных за участие в демонстрации на Тюремной площади. В ответ на отказ губернатора рабочие приняли решение бастовать до 28 сентября.

В дни стачки состоялось несколько собраний и митингов. 26 сентября на Голиковке прошло нелегальное собрание, на котором Г. Поляков выступил с призывом к вооруженной борьбе с полицией и властями. Утром 27 сентября около Александровского завода на митинг собралось до 700 рабочих и около 100 учащихся гимназии. С речью вновь выступил Г. Поляков. Он обличал политику правительства и призывал рабочих, несмотря на аресты и репрессии, держаться стойко и продолжать борьбу. Полиция пыталась арестовать оратора, но манифестанты оказали сопротивление и помогли Полякову скрыться. В этот же день однодневную забастовку в знак солидарности с рабочими провели учащиеся мужской гимназии. В распоряжение губернатора прибыл эскадрон драгун из Петербурга и в ночь на 28 сентября были произведены аресты среди рабочих и служащих Александровского завода. В числе арестованных оказались руководители комитета выборных К. Самцов, В. Кононов и В. Егоров (последний вскоре освобожден по недостаточности улик). В дальнейшем К.Д. Самцов и В.И. Кононов были преданы суду Петербургской судебной палаты и приговорены к ссылке. Угроза массовых репрессий и локаута вынудила рабочих прекратить забастовку и приступить к работе с утра 29 сентября[117].

Подавив стачку, местные власти стремились прочно взять инициативу в свои руки. 2 октября дирекция Александровского завода издала приказ о запрещении любых сходок и собраний и о переизбрании революционно настроенных членов комитета выборных. (С ноября комитет вообще прекратил свою деятельность[118].) В гимназии за участие в акциях солидарности с рабочими наказаниям подверглись 82 ученика (из общего числа 280 учащихся). По приказу директора Э. Юрши 3 ученика были исключены из гимназии, 20 отсидели по несколько часов в карцере, фамилии 62 занесены в штрафной журнал[119].

На улицах Петрозаводска появились усиленные конные и пешие патрули полиции и войск. 29 сентября губернатор запретил выпуск кадетской газеты "Олонецкий край", издававшейся с июня 1906 г. и освещавшей жизнь губернии с либеральных позиций. Ее редактор В. Дмитриев был приговорен к тюремному заключению. Разгрому подверглась книжная лавка социал-демократов, заведовавший ею Ф. Копейкин

Группа членов Петрозаводского комитета РСДРП. Сидят (слева направо) Г.С. Тушовская, Н.Н. Горлов, А.А. Копяткевич, А. В. Харитонов, Т.М. Чехонин, Н.И. Васильев, Л.Л. Яблонский, стоят Н.Т. Григорьев, Н.Л. Альшиц, В.А. Егоров. 1907 г.

попал в тюрьму, где вскоре погиб[120]. 10 октября директор департамента полиции телеграфировал олонецкому губернатору, что председатель Совета Министров Столыпин "приказал еще раз подтвердить вам о необходимости, в случае повторения беспорядков, принятия самых решительных, даже суровых мер". К исходу осени 1906 г. власть уже прочно владела положением в Петрозаводске.

Левые, революционные партийные организации, летом 1906 г. действовавшие фактически легально, вынуждены были менять тактику и переходить от массовой политической агитации к конспиративной кружковой работе. Петрозаводской группе эсеров уже к январю 1907 г. удалось сформировать три кружка "среднего" и четыре "низшего" типа, которые посещали, по разным данным, от 60 до 90 человек. Около половины слушателей этих кружков составляли рабочие Александровского завода, а остальную часть — "мыслящая интеллигенция". В рабочей среде эсеры имели влияние преимущественно на недавних выходцев из деревни. В кружках изучались основы социалистического учения, история общественного строя. Часть выпускников кружков (до 20 человек) включалась в дальнейшем в партийную работу. С осени 1906 г. петрозаводские эсеры прилагали также значительные усилия для развертывания работы в деревне. С этой целью в ноябре 1906 г. на базе группы был сформирован Временный олонецкий губернский комитет ПСР. В уезды посылались лучшие эмиссары–пропагандисты. На местах — в Олонце, Вытегре, Каргополе, а по некоторым данным и в Пудоже — удалось сформировать уездные группы партии, состоявшие в основном из политссыльных. Петрозаводская организация сыграла ведущую роль в созыве 2 января 1907 г. нелегального губернского съезда ПСР, на котором был создан губернский комитет эсеровской партии[121].

Свою сеть кружков сформировала и петрозаводская группа РСДРП. К весне 1907 г. функционировало четыре нелегальных социал–демократических кружка, объединявших от 60 до 80 человек, преимущественно кадровых рабочих Александровского завода. В кружках изучались программные положения партии, работы Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, история рабочего движения. В руководстве кружками принимали участие А. Копяткевич, Г. Тушовская, Н. Альшиц. Л. Яблонский, Н. Гри-

горьев. В мае 1907 г. группа РСДРП была преобразована в Петрозаводский комитет РСДРП[122].

Последним всплеском массовой активности рабочих Александровского завода в период первой российской революции явилось общезаводское собрание 21 марта, созванное по инициативе активистов социал–демократической группы в связи с намерением администрации понизить с 1 апреля 1907 г. расценки. Собравшиеся (около 500 человек) вызвали горного начальника И. Яхонтова и предъявили ему требование сохранить старые расценки. Однако рабочим удалось добиться лишь отсрочки снижения расценок на три месяца[123].

На развитие событий в Карельском Поморье решающее воздействие оказала первая всеобщая стачка лесопильщиков Архангельска, проходившая с 29 мая по 9 июня 1906 г. Она охватила 19 предприятий с общим числом работающих более 8 тыс. человек и завершилась победой бастующих. Предприниматели удовлетворили большинство их требований: рабочий день был сокращен на 1 час, заработная плата повышена на 10—15%, 1 мая признано праздничным днем[124].

Успешное выступление архангельских рабочих вызвало широкую забастовочную волну во всей губернии. В Карельском Поморье примеру архангелогородцев первыми последовали лесопильщики Ковды. Стачку начали 12 июня рабочие лесозавода фирмы "Н. Русанов–сын" (около 650 человек). Толчком к выступлению послужил отказ администрации оплатить сверхурочную работу по погрузке пиломатериалов на суда. Утром 13 июня бастующие захватили буксирный пароход и плашкоут и, подняв на них красные флаги, направились на соседний лесозавод Г. Ослунда. Рабочие завода Г. Ослунда (180 человек), а затем и завода К. Стюарта (35 человек, предприятие реконструировалось) присоединились к стачке. На территории завода Г. Ослунда состоялся митинг, на котором были избраны стачкомы и выработан перечень требований к предпринимателям. Стачечники настаивали на введении 8–часового рабочего дня, повышении зарплаты, отмене штрафов, улучшении условий труда и быта, предоставлении бесплатной медицинской помощи. Во время забастовки рабочие неоднократно устраивали демонстрации в с. Ковде, причем заставляли управляющих предприятиями нести красные флаги. 15 июня администрация заводов согласилась частично удовлетворить требования рабочих: были увеличены расценки, сокращен на 2,5 часа рабочий день (до 10 часов в дневную и 9 часов в ночную смену), введена выплата пособий по болезни в размере 50% заработка, дано обещание улучшить медицинское обслуживание и продовольственное снабжение. На следующий день работы возобновились на всех трех предприятиях[125].

17 июня началась забастовка на двух лесозаводах фирмы Беляевых в Сороке (около 600 работающих), продолжавшаяся шесть дней. Выступлением руководил стачком из пяти человек (Г. Асанов, И. Колыбин, А. Карельский, А. Кузнецов, М. Логинов). Рабочие выдвинули обширный пакет экономических и социальных требований, главными из которых являлись: введение вместо двух смен трех с 8–часовым рабочим днем, повышение зарплаты, оплата сверхурочных часов, установление страхования жизни от несчастных случаев за счет фирмы, отмена штрафов, выплата пособий по случаю утраты трудоспособности, улучшение питания. В ответ администрация 21 июня объявила локаут и наняла рабочих на погрузку судов. Но стачечники не допустили штрейкбрехеров к работе и захватили буксирный пароход, доставлявший на рейд баржи с пиломатериалами. Администрации пришлось пойти на частичные уступки: были несколько повышены расценки, введен 10–часовой рабочий день для дневной и 9–часовой для ночной смены (вместо 11– и 10–часового), установлена полуторная плата за

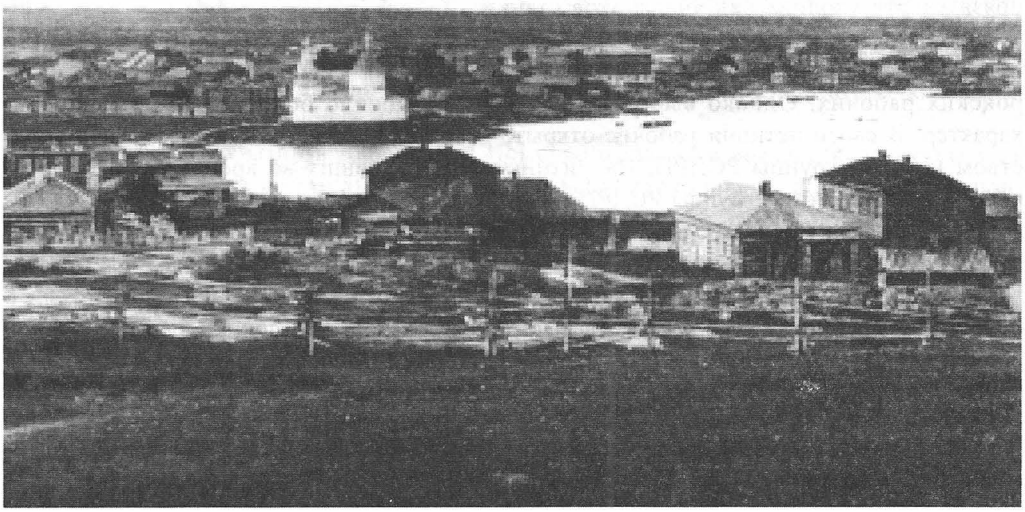
сверхурочные работы. Доверенный фирмы В. Агафелов обещал также никого не увольнять за участие в стачке, выплатить 50% жалованья за дни забастовки и продолжить переговоры по остальным пунктам требований после возобновления работы. 23 июня забастовка была прекращена. Однако вскоре администрация в нарушение взятых обязательств уволила ряд участников стачки.

21 июня объявили забастовку рабочие лесозавода братьев Савиных в Керети (99 человек). Их требования в основном были аналогичны требованиям ковдских и сорокских рабочих. Однако выступление керетчан носило более политизированный характер. В своей петиции рабочие открыто заявляли, что ведут борьбу под руководством местной группы РСДРП. На митингах, проходивших во время стачки, выступали члены Керетской группы РСДРП политссыльный П. Витковский и студент А. Миронов. В одной из своих речей П. Витковский прямо призывал рабочих "с оружием в руках добиваться свержения проклятого самодержавия", что вызвало ответные возгласы из толпы: "Долой самодержавие". Митинги заканчивались демонстрациями с пением революционных песен. В ответ на угрозу расчета стачечники заявили, что по получении расчета с завода не уйдут и штрейкбрехеров к работе не допустят. 25 июня предприниматели согласились удовлетворить требования бастующих в части повышения зарплаты и сокращения рабочего времени, что привело к прекращению стачки[126]. Всего в июньских забастовках на шести лесозаводах Карельского Поморья принимало участие свыше 1,5 тыс. человек. В результате выступлений рабочие добились некоторого улучшения своего экономического положения.

К концу августа 1906 г. на предприятиях Сороки и Керети вновь сложилась предзабастовочная ситуация, связанная с нарушением заводовладельцами взятых на себя обязательств. Рабочие подали коллективные петиции, в которых настаивали на полном удовлетворении требований, выдвигавшихся в июне, и в случае отказа готовились объявить забастовку. Однако обстановка не благоприятствовала выступлению. В условиях завершения навигации, когда срочные работы по погрузке лесоматериалов на суда уже заканчивались, предприниматели с помощью полиции стали увольнять рабочих–активистов. В Сороке объявили о временном закрытии заводов с 1 сентября, в связи с чем были уволены и отправлены на родину более 200 участников стачечного движения[127].

Забастовочная волна летом 1906 г. не затронула Кемский лесозавод. Администрация предприятия по первому требованию рабочих в июне согласилась пойти на те же уступки, какие были сделаны на других заводах Поморья. Тем не менее и лесопильщики Кеми не остались в стороне от революционного движения. В заводском поселке на Поповом острове и в Кеми не раз устраивались рабочие митинги и демонстрации с участием политссыльных. Значительное влияние на рабочих предприятия оказывала кемская группа Архангельского комитета РСДРП, сложившаяся в конце весны — начале лета 1906 г. Один из руководителей группы студент А. Гром принимал активное участие в организации митингов и неоднократно выступал на них с речами[128].

Кемский лесозавод явился первым предприятием в Карелии, рабочим которого удалось до конца довести создание профессионального объединения. Свою деятельность профсоюз открыл 7 сентября 1906 г. после того, как разработанный на летних митингах и собраниях устав организации официально утвердил архангельский губернатор. К середине декабря 1906 г. Профессиональное общество рабочих Кемских лесопильных заводов насчитывало 150 членов (из 240 постоянных рабочих предприятия). Было образовано правление во главе с председателем механиком А. Давыдо-



Кемь. 1894 г.

вым, заместителем председателя В. Кузнецовым и секретарем И. Копеиным. Общество имело библиотеку–читальню, собирало взносы в профсоюзную кассу. Руководство союза придерживалось социал–демократической ориентации. Хотя по уставу организация преследовала исключительно экономические цели, в действительности на ее собраниях нередко присутствовали политссыльные и произносились речи революционного содержания, что в дальнейшем привело к преследованиям со стороны властей. В марте 1907 г. профорганизация кемских лесопильщиков на правах отделения присоединилась к Профессиональному обществу рабочих по обработке и отправке лесных материалов Архангельской губернии[129].

В начале 1907 г. обстановка в Карельском Поморье оставалась беспокойной. 26—27 февраля бастовали рабочие ковдских лесозаводов К. Стюарта и Г. Ослунда, 12 марта — вновь завода К. Стюарта в Ковде, 12—13 марта — Кемского лесопильного завода. Волна кратковременных стачек носила оборонительный характер. Выдвигались требования о сохранении достигнутых в 1906 г. условий работы, а также о наказании отдельных представителей администрации, допускавших притеснения в отношении рабочих (браковщика Д. Карельского на заводе К. Стюарта, капитана буксирного парохода "Люция" на Кемском лесозаводе). Все эти стачки, проходившие в условиях общего спада революции, закончились поражением рабочих[130].

12 апреля 1907 г. в Кеми произошло столкновение между полицией и политссыльными, на стороне которых выступали и местные жители. Вечером на набережной р. Кеми собралось около 30 политссыльных, которые затем прошли на мост через р. Пуэту в центре города, где к ним присоединилось до 50 рыбаков–поморов и рабочих Кемского лесозавода. Собравшиеся пели революционные песни. Полицейский патруль потребовал прекратить пение, но манифестанты не подчинились. Полиция от-

крыла стрельбу и начала избивать манифестантов прикладами. Несколько ссыльных получили ранения. 13 и 14 апреля в адрес архангельского губернатора жителями Кеми было направлено три коллективных телеграммы с выражением обеспокоенности действиями полиции. Под ними подписалось 32 человека, в том числе священник В. Мелентьев, врач П. Багрянский, купцы И. Антонов и А. Заборщиков и другие.

Обстановка в уездном городе накалялась. Утром 22 апреля, в первый день пасхальных праздников, группа политссыльных, вышедших на Крестовский проспект, подверглась нападению со стороны полиции. Завязалась схватка, в ходе которой к ссыльным присоединилось свыше 50 поморов и рабочих лесозавода. Рабочим и ссыльным удалось разоружить нескольких городовых. На помощь полиции подоспели стражники и военная команда. Толпа была рассеяна силой оружия. В столкновении получили ранения 6 ссыльных и горожан и 4 полицейских.

24 апреля городское общественное собрание осудило действия полиции и направило в адрес губернатора телеграмму протеста, которую подписали 68 человек во главе с исполняющим должность городского старосты Белоусовым. В телеграмме говорилось: "В первый день пасхи стражники произвели избиение граждан, есть раненые и разбитые, возмущению граждан нет описания. Необходимо самое строгое расследование, многие стражники были пьяные, ввиду этого просим виновных удалить до суда и следствия от должности". Однако губернатор не только признал действия кемской полиции правильными, но и впредь рекомендовал ей "действовать энергично и решительно"[131]. Несколько горожан и ссыльных, участвовавших в столкновениях 12 и 22 апреля, было предано суду. Для предотвращения новых инцидентов губернские власти приняли решение о рассредоточении ссыльных из кемской колонии по отдаленным селениям уезда.

Крестьянское движение

Крестьянское движение в Карелии, подъем которого наметился к концу 1905 г., также получило в 1906—1907 гг. свое дальнейшее развитие. Уже в феврале 1906 г. олонецкий губернатор Н. Протасьев в циркуляре, направленном земским начальникам, с обеспокоенностью отмечал, что "момент охватившего народ движения... не был своевременно замечен представителями местной власти", и предписывал самым решительным образом пресекать действия лиц, "вносящих смуту в среду крестьянского населения"[132].

Основной формой крестьянских выступлений в крае оставались отказы от платежа казенных и земских налогов и выполнения натуральных повинностей. Распространенным явлением были также коллективные порубки казенных лесов. Заметное влияние на ход событий в деревне оказал "Финансовый манифест", обнародованный в декабре 1905 г. Петербургским советом совместно с Всероссийским крестьянским союзом, РСДРП и партией эсеров, призывавший население к финансовому бойкоту правительства путем отказа от взноса податей, изъятия вкладов из сберкасс и банков и т. п. Идеи манифеста несли в карельскую деревню крестьяне–отходники, политссыльные, сторонники леворадикальных партий из среды сельской интеллигенции. Указ Николая II от 3 ноября 1905 г. о сокращении на 50% выкупных платежей с 1 января 1906 г. и их полной отмене с 1 января 1907 г. также порождал надежды о новых налоговых уступках правительства.

В 1906 г. отказы от платежа податей и выполнения повинностей зафиксированы

полицией в селениях 20 из 40 волостей Петрозаводского, Олонецкого, Повенецкого и Пудожского уездов[133]. Подводя итоги года, губернатор констатировал, что "поступление казенных платежей против 1905 г. было очень слабое". Заметный недобор (12% к годовому окладу) был зафиксирован по земским сборам. Такие результаты Протасьев напрямую связывал с крестьянскими выступлениями, называя отказы от уплаты податей "прискорбным явлением", привнесенным извне — "из губерний преимущественно средних"[134].

В 1907 г. наряду с отменой выкупных платежей местным властям пришлось пойти на некоторое уменьшение оклада земских сборов. Однако выступления против податной системы не прекратились. В Обзоре губернии за 1907 г. губернатор отмечал: "Отзвук общей политической жизни всей России не остался без заметного влияния и на настроение мирного населения Олонецкой губернии... Наблюдалось ослабление сознания долга вносить установленные государственные повинности"[135].

В ряде случаев отказы от платежа податей сопровождались резкими антиправительственными заявлениями и угрозами в отношении представителей администрации. Так, в январе—феврале 1906 г. на сельских сходах в Толвуйской и Великогубской волостях Петрозаводского уезда, принимавших решения о неуплате податей, звучали выступления о необходимости изменения государственного строя[136]. В августе 1906 г. крестьяне д. Горка Шелтомской волости Пудожского уезда в ответ на требование уплаты податей со стороны волостного старшины не только заявили, что "по случаю плохого урожая не в состоянии платить", но и, как доносил старшина, "подошли на политическую почву, критикуя действия правительства, что их угнетают, шкуру дерут, стражников на их средства нанимают... а все берут с них". На доводы старшины, что распоряжения о принятии мер к сбору податей исходят от губернатора, крестьяне ответили, что "надо губернаторов бить, и вы нас им не стращайте". На сборщика податей было совершено нападение[137]. В начале июля 1907 г. сельский сход Ладвинского общества по инициативе крестьянина Я. Флотского не только отказался от уплаты продовольственного сбора, но и обратился к жителям волости с призывом не подчиняться властям[138].

Крестьяне Карелии принимали участие также в кампании по составлению приговоров в связи с созывом и деятельностью I и II Государственных дум. Выше уже говорилось о петиции, направленной в I Думу жителями северокарельских волостей Кемского уезда в начале 1906 г. В июне 1906 г. приговор, содержавший широкий спектр демократических требований, выработали и приняли на волостном сходе крестьяне Богоявленской волости Повенецкого уезда. Документ был направлен в адрес депутата I Государственной думы от Олонецкой губернии Д. Белоусова и опубликован на страницах газеты "Олонецкий край". В экономической сфере крестьяне добивались прирезки сенокосных угодий, предоставления права разработки казенных земель, отмены косвенных налогов. Более радикальными были политические требования: введение всеобщего, равного и прямого избирательного права, расширение прав земского самоуправления и отмена административной опеки над ним, отмена смертной казни, введение бессословного суда, полное уравнение крестьян в гражданских правах с другими сословиями[139].

В марте 1907 г. с "Наказом членам Государственной думы левой партии" выступил сельский сход Кузарандского общества Толвуйской волости Петрозаводского уезда. Принятие наказа было связано с избирательной кампанией во II Думу. В наказе предлагалось отменить косвенные налоги, решить аграрный вопрос путем передачи всех казенных лесов и земель в руки крестьян, перестроить школьное дело таким

образом, чтобы крестьянские дети получили доступ в вузы, преобразовать систему земского самоуправления в более демократическом духе. Инициаторами принятия наказа были крестьянин д. Петровой Н. Матросов и учитель Загорского земского училища Н. Матвеев. Против них полиция возбудила дознание. При обыске у Матвеева были обнаружены брошюры и листовки нелегального содержания[140].

О развитии политических тенденций в крестьянском движении края свидетельствовали также предпринимавшиеся в конце лета—осенью 1906 г. попытки создания в ряде волостей Повенецкого уезда (Богоявленская, Даниловская и др.) местных отделений Всероссийского крестьянского союза. Этот союз, возникший в 1905 г., являлся массовой крестьянской организацией, выступавшей за последовательные демократические преобразования в стране. Однако повенецкой полиции в результате ареста активистов из числа сельских интеллигентов и крестьян удалось ликвидировать только что возникшие ячейки союза[141].

Существенной особенностью крестьянского движения на севере России, в том числе и в Карелии, являлось активное участие в забастовочной борьбе крестьян–отходников. Стачки крестьян, занятых на сезонных работах по заготовке и сплаву лесоматериалов, начали происходить весной—летом 1907 г. под влиянием уже схлынувшей к тому времени волны стачечных выступлений заводских рабочих. В апреле 1907 г. в течение пяти дней бастовали 23 крестьянина–сплотчика на лесобирже Кипрушкиных в д. Княжбор Шелтозерской волости Петрозаводского уезда. Они требовали перерасчета и доплаты за выполненные работы, а также выдачи доброкачественных продуктов. В результате переговоров предприниматели дали обещание удовлетворить требование[142].

В мае возникла предзабастовочная ситуация на сплавных работах на р. Ивине в Ладвинской волости, однако полиции удалось предотвратить выступление, арестовав его инициаторов. Наиболее значительная стачка рабочих–сезонников состоялась 8—11 июня 1907 г. в с. Шале Пудожского уезда. В ней участвовало до 250 человек, занятых распиловкой дров на лесобиржах Д. Катайкова, А. Кораблева и других предпринимателей в устье Водлы. Стачечники добивались повышения расценок в 1,5 раза в связи с ростом цен на муку. Требования рабочих были частично удовлетворены: плата увеличена на треть. Получив информацию об окончании стачки в Шале, губернатор предписал всем уездным исправникам "в предупреждение повторяющихся беспорядков указать лесопромышленникам на действительно низкую заработную плату", чтобы они "в ограждение своих же интересов сделали соответствующие надбавки"[143].

И все же крестьянское движение в крае в 1906—1907 гг. оставалось относительно слабым. В деревнях Карелии не наблюдалось массовых волнений, сопровождавшихся открытым вооруженным сопротивлением властям, как это было в центре и на юге России. Сказывалась меньшая острота аграрного вопроса по сравнению с районами, где господствовало помещичье и удельное землевладение.

Оживление карельского национального движения

Новые тенденции проявились в 1906—1907 гг. в развитии карельского национального движения. На собрании в Ухте 1 января 1906 г. с участием 200 местных жителей и приехавших из Финляндии на родину на праздники карелов–переселенцев было принято решение о создании волостного комитета конституционно–демокра-

А. Митрофанов (Митро)

тической партии, так как, по мнению собравшихся, программа этой партии перекликалась с резолюцией декабрьского ухтинского митинга 1905 г. В тот же день в селе состоялась демонстрация под красным флагом с надписью: "КДП". В состав комитета вошло 35 человек, в том числе постоянно проживавшие в Финляндии торговцы П. Афанасьев, И. Дорофеев, И. Митрофанов, К. Ремшуев и некоторые другие[144]. Однако уже вскоре, в ходе консультаций и переговоров с наиболее влиятельными и состоятельными представителями северно–карельской диаспоры в Финляндии, фактические руководители комитета П. Афанасьев и И. Митрофанов пришли к мнению о необходимости создания особой, независимой от российских партийно-политических структур, организации для решения проблем развития Беломорской Карелии. Несмотря на то, что данное предложение не нашло единодушной поддержки активистов карельского движения, началась работа по его реализации. 24—25 апреля 1906 г. на собрании в финском городе Николайстадт (ныне Вааса), в котором участвовало 20 купцов–карелов, было принято решение о проведении учредительного съезда нового общественного объединения, получившего название "Союз беломорских карел". Сам учредительный съезд Союза с участием 50 делегатов прошел 3—4 августа 1906 г. также в Финляндии, в г. Таммерфорсе (Тампере)[145].

К концу 1906 г. в организацию записалось 627 человек, из них 494 были финнами и только 133 карелами. Наиболее многочисленные группы в составе союза составляли представители купечества и интеллигенции, в основном финской. Крестьян и рабочих насчитывалось всего 16 человек (2,5%). Среди вступивших в общество карелов преобладающей категорией (75 человек, или 56,4%) являлись торговцы (как занимавшиеся стационарной торговлей в Финляндии, так и коробейники). Председателем союза был избран купец из Ювяскюля, уроженец Ухтинской волости А. Митрофанов (Митро), которого кемский уездный исправник характеризовал как "человека весьма развитого, энергичного и настойчивого". В состав правления вошли также переселившиеся в Финляндию карельские купцы П. Афанасьев (Ахава), И. Естоев (Таннер), Т. Ремшуев (Маннер), И. Софронов, деятели финской культуры: архитектор Ю. Бломстедт, историк О. Хейнари, писатель И. Хярконен и др.[146] Союз, как провозглашалось в его уставе, ставил своей целью "улучшение духовного и материального положения беломорских карел". Достичь этого предполагалось на основе всемерного сближения населения Российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей. В публичных выступлениях ряда лидеров организации высказывалась и мысль о возможности в перспективе объединения "всех финских племен в составе Финляндии"[147].

Союз и его активисты развернули пропагандистскую деятельность в приграничных карельских районах. В Беломорской Карелии в 1906 — начале 1907 г. были открыты две начальные общеобразовательные и одна ремесленная школа с преподаванием на финском языке, близком к языку северных карелов, а также 22 передвижных библиотеки–читальни. Издавалась и распространялась среди населения газета "Карьялайстен пакинойта" ("Карельские беседы"), рассылались буквари, учеб-

ники и другая литература. По ходатайству союза почтовым ведомством Финляндии была организована доставка в карельские волости и обратно корреспонденции. Началось строительство дороги между с. Вокнаволок на севере Карелии и г. Суомуссалми в Финляндии.

Параллельно и независимо от "Союза беломорских карел" на территории карельских волостей Архангельской и Олонецкой губерний начали работу миссионерские организации финляндской лютеранской церкви. Импульсом к этому послужило принятие закона от 17 апреля 1905 г. и провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г., которые вводили в России основы веротерпимости, что сделало юридически возможным переход из православия в лютеранство. В сентябре 1906 г. Евангелическим обществом в г. Сортавале был создан даже специальный миссионерский фонд "для распространения Евангелия в Карелии и России". Лютеранские проповедники из Финляндии совершали продолжительные поездки по карельским селениям, вели религиозные беседы с местными жителями. Активно распространялась лютеранская литература и картины[148].

Деятельность "Союза беломорских карел" и лютеранских миссий вызывала растущую обеспокоенность в административных и религиозных кругах Архангельской и Олонецкой губерний. В июне—июле 1907 г. полиция блокировала попытки А. Митрофанова (Митро), П. Афанасьева (Ахава), В. Еремеева (Ряйхя) и некоторых других активистов пропагандировать идеи союза на собраниях в Ухте и Вокнаволоке. Непосредственно на территории Российской Карелии "Союзу беломорских карел" не удалось создать каких-либо организационных структур. Поступавшая из Финляндии литература, включая даже буквари, изымалась полицией. Принимались меры к высылке за границу лютеранских проповедников.

* * *

В январе—феврале 1907 г., в обстановке уже определившегося спада революции в стране, состоялись выборы во II Государственную думу. Они вновь проводились на основе избирательного закона от 11 декабря 1905 г. В выборах впервые участвовали партии социал-демократов и эсеров, отказавшиеся от тактики бойкота. Примечательным событием кампании в Петрозаводске стало избрание выборщиком в губернское избирательное собрание, в основном голосами рабочих, одного из лидеров группы РСДРП Н.Т. Григорьева. Двух представителей провела в выборщики от Петрозаводска кадетская группа. Олонецкое губернское избирательное собрание прошло 6—8 февраля 1907 г. при участии 46 выборщиков. Депутатами думы стали беспартийные кандидаты — купец и лесопромышленник выходец из крестьян с. Ладвы Петрозаводского уезда 41-летний Михаил Михайлович Кирьянов, крестьянин Нигижемской волости Пудожского уезда Федор Дмитриевич Ланев, 37 лет, и крестьянин Каргопольского уезда Николай Александрович Поташев, 42 лет. Во время думской сессии все они примкнули к фракции кадетов. Вопреки ожиданиям правительства вторая Дума оказалась более левой, чем первая. Хотя представительство кадетов в ней несколько сократилось, зато сложились значительные фракции крестьян-трудовиков и социал-демократов. Открывшаяся 20 февраля 1907 г. парламентская сессия проходила в обстановке нарастающей конфронтации с правительством, что предопределило судьбу Думы. Правящие круги во главе с Николаем II взяли курс на подготовку роспуска Думы, рассчитывая использовать эту акцию для коренного изменения обстановки в стране.

4. КРАЙ В ПЕРИОД ДУМСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ

"Третьеиюньская" система. Новый политический и экономический курс

3 июня 1907 г. царское правительство распустило II Государственную думу и издало новое положение о выборах. Тем самым был нарушен Манифест 17 октября 1905 г., согласно которому ни один новый закон в России не мог быть принят без одобрения Государственной думы. События 3 июня явились по существу актом государственного переворота и знаменовали собой окончание первой российской революции. Новый избирательный закон, разработанный П. Столыпиным, сохранял прежнюю многоступенчатую куриальную систему выборов, однако существенно изменял соотношение голосов в пользу землевладельцев–дворян и буржуазии. В городах с населением более 25 тыс. человек и в губернских центрах выделялась даже специальная (1–я городская) курия для крупной буржуазии, формировавшаяся на основе имущественного ценза. Благодаря всевозможным новациям один голос землевладельца приравнивался теперь к 4 голосам крупной буржуазии, 65 голосам остальных горожан, 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. К тому же особые рабочие курии со своим обязательным представительством в губернском избирательном собрании и в Думе оставлялись лишь в шести наиболее промышленно развитых губерниях.

По Олонецкой губернии общее число выборщиков в губернском избирательном собрании увеличивалось с 50 до 60 целиком за счет предоставления землевладельческой курии, по которой проходили в основном помещики Лодейнопольского и Вытегорского уездов, 23 мест вместо 13. Вновь образованной первой городской курии в Петрозаводске, в которую вошли 74 наиболее состоятельных жителя, предоставлялось три места в губернском избирательном собрании, вторая курия, в которой насчитывалось 1263 избирателя, делегировала только двух выборщиков.

Несмотря на значительно осложнившиеся условия для предвыборной агитации, кадетская и социал–демократическая организации сумели провести своих активистов в число выборщиков от Петрозаводска — Н.Т. Григорьева (РСДРП) и А.Ф. Кожевникова (КДП). В губернском избирательном собрании, состоявшемся 14 октября 1907 г., вновь победили беспартийные кандидаты — 49–летний помощник смотрителя Петрозаводского духовного училища кандидат богословия Константин Иванович Казанский, 35–летний отставной офицер помещик Лодейнопольского уезда Николай Николаевич Неелов и 42–летний торгующий крестьянин из карельского села Сандалы Богоявленской волости Повенецкого уезда, по–видимому, карел по национальности, Степан Григорьевич Романов. В Думе все три депутата примкнули к фракции октябристов, что, в известной мере, отразило сдвиг общественных настроений в крае вправо[149].

В результате выборов правительство получило устраивавшую его по составу Думу, в которой преобладали правые и умеренно–либеральные депутаты октябристского толка. Не удивительно, что Дума третьего созыва отработала весь положенный срок — с ноября 1907 по июнь 1912 г. Используя сложившуюся в стране обстановку, правительство стремилось укрепить свои политические позиции и предотвратить возможность повторения революции. Прежде всего были усилены репрессивные меры.

Не стал исключением и карельский край. После третьеиюньского переворота в Олонецкой и Архангельской губерниях, как и в большинстве других районов России, было введено в действие "Положение об усиленной охране", предоставлявшее губер-

наторам право административной высылки на срок до пяти лет, а местной полиции — неограниченные возможности задерживать людей в течение двух недель только по подозрению в причастности к "преступному сообществу". В июне 1907 г. из Архангельска в Карельское Поморье был направлен карательный отряд во главе с вице–губернатором Д.Д. Григорьевым. Были произведены аресты политических ссыльных в Кеми, Керети, Сумском Посаде, закрыто профсоюзное объединение рабочих Кемского лесопильного завода, а его руководители А. Давыдов, В. Кузнецов, И. Копеин заключены в тюрьму. 128 членов профсоюза были уволены с предприятия и выселены с территории заводского поселка. Массовые выселения рабочих и отправка их по этапу на родину имели место также на лесозаводах Сороки, Керети и Ковды[150].

Н. В. Протасьев

Подобные же акции осуществлялись и в южных районах Карелии. В 1907—1911 гг. количество осужденных "за преступления государственные и против порядка управления" в Олонецкой губернии возросло в два с половиной раза по сравнению с предшествующим пятилетием. На Александровском заводе только в 1907 г. было уволено свыше 400 человек, в большинстве своем участников манифестаций 1906 г. Увольнения нелояльных рабочих производились и на других предприятиях Олонецкой губернии. Прием на заводы новых рабочих осуществлялся только с санкции жандармского управления[151].

При прямой поддержке властей создавались местные организации черносотенной партии "Союз русского народа". 26 августа 1907 г. был учрежден Петрозаводский отдел этой партии. Председателем отдела стал священник И. Павлов. На открытии организационного собрания присутствовали губернатор Н. Протасьев, вице–губернатор Т. Липинский, ректор Олонецкой духовной семинарии Фаддей, который отслужил молебен и выступил с приветственной речью. Собрание направило телеграммы в адрес Николая II с выражением верноподданнических чувств и в адрес лидера союза А.И. Дубровина с приветствием. В отдел записалось около 60 человек. Однако для широкой общественности партия представлялась слишком одиозной. Сам И. Павлов, усиленно занимавшийся вербовкой новых членов, признавал, что "на союз многие смотрят с предубеждением и уклоняются от вступления". Петрозаводский отдел "Союза русского народа" остался маловлиятельной, во многом формальной организацией. Попытки создания отделений союза в уездных центрах, предпринимавшиеся осенью 1907 г., вообще закончились неудачей[152].

В то же время организации либеральных и левых партий активно преследовались властями. В июне 1907 г. был арестован один из лидеров Петрозаводской группы кадетов врач Н. Гуревич. Членов группы — государственных служащих вызывали для проработки в губернские и даже столичные инстанции, где принуждали к отказу от активного участия в политической жизни. В итоге к началу 1908 г. организация фактически прекратила деятельность[153]. С 1906 г. практически ничем не проявляли себя местные октябристы.

Еще до третьеиюньского переворота, осенью 1906 г., полиции удалось нанести серьезный урон Петрозаводской социал–демократической организации. Однако ее

основной костяк тогда уцелел, что позволило развернуть кружковую работу и продолжить выпуск листовок и прокламаций. И все же к концу 1907 г. полиция сумела выследить организацию. В апреле—мае 1908 г. все руководители Петрозаводского комитета РСДРП и многие рядовые члены партии были арестованы, а в ноябре того же года по постановлению министра внутренних дел 9 наиболее активных деятелей организации (Н. Григорьев, В. Егоров, А. Копяткевич и др.) высланы в отдаленные селения Архангельской и Вологодской губерний. Некоторые из оставшихся на свободе членов организации вынужденно покинули Петрозаводск, а другие отошли от политической деятельности. Комитет РСДРП прекратил свое существование[154].

К началу 1908 г. в состоянии кризиса оказалась и Петрозаводская эсеровская организация. В обстановке нараставшей реакции в ее рядах усилились идейные шатания, многие члены группы и губернского комитета ПСР прекратили активную работу, кружки стали распадаться. С отъездом лидеров — В. Панова и Л. Сергеева прервались связи с центральными органами партии. В апреле 1908 г. были арестованы и высланы в Вологодскую губернию наиболее влиятельные представители эсеров на Александровском заводе — А.Ф. Морозов и К.А. Шакшин. К середине 1908 г. деятельность эсеровской организации прервалась.

Таким образом, первая в истории Карелии многопартийность, возникшая в ходе революционных событий конца 1905—начала 1906 г. к середине 1908 г. перестала существовать.

В условиях репрессий и упадка массового движения некоторые из представителей рабочей молодежи Петрозаводска, активно участвовавшие в революционных событиях, встали на путь террора. В июне 1908 г. 19–летний служащий Александровского завода А. Кузьмин совершил покушение на приехавшего в Петрозаводск председателя Петербургской судебной палаты Н. Крашенинникова, а в августе 1909 г. 17–летний рабочий губернской типографии П. Анохин покушался на агента жандармского управления. Оба террористических акта не достигли цели. Судья и жандарм получили легкие ранения. По приговору суда П. Анохин был сослан на каторгу, а А. Кузьмин казнен. В день казни Кузьмина находившиеся в петрозаводской тюрьме члены социал–демократической и эсеровской организаций объявили голодовку.

Власти предприняли также ряд репрессивных акций в отношении карельского национального движения. Осенью 1907 г. в Ухтинской волости полиция арестовала активистов движения — местных крестьян В. Еремеева (Ряйхя) и Ф. Ремшуева. Их выслали в Уральскую область, где В. Еремеев вскоре умер. Специальным циркуляром архангельского губернатора И. Сосновского был также введен штраф в 500 руб. для лиц, замеченных в "профинской" пропаганде. Действия Сосновского встретили полное и решительное одобрение правительства. Столыпин в конце 1907 г. официально предписал администрациям Архангельской и Олонецкой губерний, а также генерал–губернатору Финляндии: "Заведомо вредная деятельность означенного союза (беломорских карел. — *ред.*) не должна быть далее допущена". С 1908 г. "Союз беломорских карел" продолжал функционировать только на территории Финляндии, да и то под неусыпным оком жандармской агентуры[155].

В качестве идеологического противовеса "Союзу беломорских карел" 26 ноября 1907 г. на съезде в приграничном селе Видлица Олонецкого уезда была основана консервативно–клерикальная организация "Карельское православное братство". Главными инициаторами создания новой общественной организации выступили олонецкий губернатор Н. Протасьев и архиепископ Финляндский Сергий. Центральный совет общества разместился в Выборге, его возглавил иеромонах Финляндской епархии

Киприан (Алексей Шитников). Региональные отделения братства были открыты на территории Архангельской и Олонецкой губерний, а также Выборгской губернии Великого княжества Финляндского. В уездных городах действовали уполномоченные братства, в приходах создавались кружки. Всего в братство записалось около 500 человек — чиновники, священники, некоторые представители интеллигенции, предприниматели как из числа русских, так и карелов, связанных с петербургским рынком. Братство ставило перед собой задачу — "способствовать укреплению среди православных карел русских церковных и народных начал". Оно пользовалось покровительством правительственных кругов. Николай II приветственной телеграммой откликнулся на учреждение братства, а позднее принял его депутацию. Председатель Совета министров России П. Столыпин состоял почетным членом этой организации. Издававшийся братством с 1914 г. журнал "Карельские известия" частично субсидировался правительством. "Карельское православное братство" вступило в жесткое идейное противоборство с "Союзом беломорских карел". При этом, критикуя в местной и центральной печати деятелей союза за "панфиннские" и "пролютеранские устремления", некоторые лидеры братства, со своей стороны, откровенно ратовали за всемерную русификацию карелов.

В практической деятельности братство не могло не учитывать требований и предложений, открыто выдвигавшихся в 1905—1907 гг. карельским национальным движением, и предприняло ряд мер, объективно отвечавших назревшим потребностям культурной и духовной жизни карельского народа. Так, оно активно содействовало расширению школьной и библиотечной сети в карельских волостях (включая открытие школ повышенного типа), добилось установления целевых стипендий для детей–карелов в ряде средних учебных заведений Петрозаводска и Архангельска, введения курса карельского языка в программу Петрозаводской учительской семинарии. Священникам приходов с карельским населением было рекомендовано вести проповеди и частично богослужения на "местном наречии", а в 1909 г. по ходатайству братства Синод установил для них повышенные оклады при условии знания карельского языка. Переводческая и издательская комиссии общества подготовили и опубликовали несколько брошюр, преимущественно религиозного содержания, на карельском языке (с использованием русской графики), а также два русско–карельских словаря. Обсуждались вопросы строительства железной дороги Петрозаводск—Лендеры и открытия в Реболах учительской семинарии, не получившие, однако, положительного решения[156].

Краеугольным экономическим звеном правительственного плана "умиротворения" России после революционных потрясений 1905—1907 гг. стала новая аграрная реформа, инициатором которой выступил председатель Совета министров П. Столыпин. Реформа была призвана ускорить буржуазную модернизацию сельского хозяйства страны и стабилизировать социально–политическую обстановку в многомиллионной российской деревне. В качестве главной цели, особенно на первых порах, предусматривалось разрушение общины и форсированное создание в деревне широкого слоя мелких земельных собственников. Юридической основой новой аграрной политики стал указ Николая II от 9 ноября 1906 г., который после одобрения III Государственной думой 14 июня 1910 г. обрел статус закона. Реформа включала в себя целый комплекс мероприятий, главными из которых являлись: выход крестьян из общины с закреплением за ними надельной земли в собственность; создание на укрепленной земле участковых (хуторских и отрубных) хозяйств; проведение землеустроительных работ без выдела из общины; организация переселения крестьян на окраины империи.

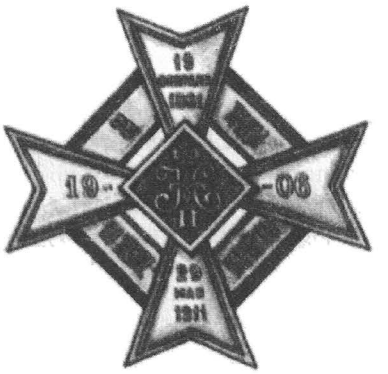
В Карелии новая аграрная реформа проводилась во всех уездах, за исключением самого северного — Кемского, входившего в Архангельскую губернию, так как здесь не было осуществлено поземельное устройство, предусмотренное реформой 1866 г. (отграничение крестьянских земель от государственных). Реализация реформы в крае первоначально возлагалась на учреждения по крестьянским делам (губернское присутствие, земские участковые начальники и их съезды), а с 1912 г. — на специально созданные Олонецкую губернскую и уездные землеустроительные комиссии, наделенные широкими полномочиями, вплоть до судебных. Условия для реализации столыпинской реформы в Карелии заметно отличались от условий, существовавших в центральных и южных районах России. Ввиду отсутствия дворянского землевладения аграрный вопрос в крае сводился к взаимоотношениям между крестьянами и государством и не стоял столь остро, как в "помещичьих" регионах страны. Для Карелии с ее суровыми природными условиями были характерны слабый уровень развития аграрного капитализма и значительная укорененность общинных традиций, способствовавшая выживанию крестьянского двора в экстремальных ситуациях. В 1905 г. общинное землепользование охватывало здесь 97% дворов и 98% всей надельной земли, тогда как в среднем по 50 губерниям Европейской России соответственно 77 и 81%. При этом около 50% общин в крае практиковали земельные переделы. Само общинное землевладение здесь имело осложненную, запутанную структуру вследствие преобладания в ходе реализации реформы 1866 г. группового землеустройства. Около 90% селений получили по владенным записям общие (однопланные) с другими деревнями земельные дачи, причем нередко существовал разнобой во владении пахотными, сенокосными, подсечными и лесными частями надела. Разверстание угодий в таких условиях было крайне затруднено и требовало значительных затрат.

Особенности края оказали сильное воздействие на темпы, масштабы и результаты проведения столыпинской аграрной реформы. Несмотря на меры административного принуждения, к 1 января 1916 г. в целом по Олонецкой губернии вышли из общины 8062 домохозяина, закрепивших за собой 158,3 тыс. десятин надельной земли. Это составило только 13,6 % от числа общинных дворов и около 4% площади крестьянского общинного землевладения. Данные показатели были соответственно в 1,9 и 3,8 раза ниже общероссийских. Выделялись из общины, главным образом, представители зажиточной и бедняцкой прослоек деревни. Зажиточные хозяева стремились таким путем закрепить и расширить свое землевладение, а беднота — поправить материальное положение за счет продажи земли. Столыпинская реформа стимулировала вовлечение надельной земли в торговый оборот. В 1908—1914 гг. продали укрепленную землю 34,7% домохозяев–выделенцев Олонецкой губернии, ими было реализовано 5,2 тыс. десятин укрепленной земли[157].

Замедленными темпами шло в крае создание хуторских и отрубных хозяйств. В ходе землеустроительных работ к 1916 г. в губернии было образовано 997 участковых хозяйств с общей земельной площадью в 61,1 тыс. десятин. Доля владельцев хуторов и отрубов составила на 1916 г. 1,3% ко всей массе крестьян–домохозяев (общинников и подворников), тогда как по Европейской России в целом этот показатель достигал 10%[158].

Наиболее перспективным направлением столыпинской аграрной реформы в условиях Карелии являлось проведение землеустроительных мероприятий на общинных землях. При большой потребности в таких работах их осуществление сдерживалось из–за нехватки специалистов–землемеров и недостаточного финансирования. Основная масса ходатайств, поступивших от крестьян к 1916 г., так и не была удо-

влетворена. Всего землеустройство на общинных землях проведено в отношении 4692 хозяйств губернии (6,5% от их общего числа) на площади в 244,2 тыс. десятин[159]. Главными видами группового землеустройства в крае были: выделение надела отдельным селениям, ликвидация чересполосицы, отграничение смежных и общих владений крестьян с другими собственниками. Осуществление этих мероприятий имело большое значение для упорядочения крестьянского землепользования.



Знак отличия "За труды по землеустройству". Утвержден 7 декабря 1912 г.

В ходе столыпинской реформы Карелию предполагалось также использовать в качестве одного из районов для размещения крестьян–переселенцев. В пределах ряда лесничеств Повенецкого и Пудожского уездов специальной временной партией по заготовлению переселенческих участков было выявлено 2,6 тыс. десятин земли, пригодной для колонизационных целей. Поступило немало ходатайств о желании переселиться сюда, преимущественно от крестьян Кирилловского уезда Вологодской губернии. Однако из–за того, что нарезка участков в натуре своевременно не была произведена, проект не осуществился. Таким образом, проведение столыпинской реформы в крае дало в целом ограниченные результаты, хотя и способствовало укреплению рыночных начал в хозяйственной жизни карельской деревни.

Одновременно со столыпинской земельной реформой в Карелии, как и в целом в России, по инициативе самих крестьян стало зарождаться другое новое направление аграрного развития, связанное с кооперативным движением. Если к 1906 г. в Карелии имелся единственный потребительский кооператив служащих в г. Петрозаводске, то к 1913 г. здесь функционировало уже 30 потребительских, 10 кредитных и 15 сельскохозяйственных кооперативов, в подавляющем большинстве сельских. Кооперативное движение быстро приобрело массовый характер. В 1912 г. в крае, по далеко не полным данным, в кооперативах состояло не менее 5 тыс. домохозяев[160]. Кооперативное строительство активно развивалось и в дальнейшем, включая годы первой мировой войны. Объединяясь в кооперативы, крестьяне стремились удовлетворить свои насущные нужды в мелком кредите, обеспечении товарами первой необходимости по низким ценам, улучшении условий сельскохозяйственного производства.

Сельскохозяйственные общества, первоначально ставившие перед собой преимущественно просветительские цели (устройство показательных полей, выставок, приобретение агротехнической литературы), постепенно брали на себя и снабженческо–сбытовые функции. При всех сельскохозяйственных обществах создавались пункты проката усовершенствованного инвентаря и машин, а большинство из них имели также случные пункты для разведения элитных пород молочного и рабочего скота, зерноочистительные пункты. При Даниловском и Паданском обществах (Повенецкий уезд) функционировали кооперативные маслодельни. В 1912 г. в с. Шуньга, по примеру известных вологодских маслодельных артелей, был основан первый в Карелии специализированный маслодельный кооператив "Производитель", в который вступило 26 хозяйств[161]. В создании кредитных товариществ крестьянам содействовали государственные банковские структуры и учреждения мелкого кредита. Активную материальную и организационную помощь кооперативному движению оказывало земство.

Хозяйственный подъем

Как и в целом по России, проведение аграрной реформы, развитие кооперации в деревне, отмена выкупных платежей и ряд других факторов способствовали некоторому оживлению сельскохозяйственного сектора экономики Карелии. Заметно сократившееся в результате неурожаев 1902—1904 гг. поголовье рабочего и продуктивного скота с 1906 г. вновь начало устойчиво расти. В 1913 г. численность лошадей в пяти уездах края (без учета городов) составила 110,2% (43,3 тыс. голов), а крупного рогатого скота 109,5% (96,7 тыс. голов) к уровню 1900 г.[162] Расширялось молочно-маслодельческое хозяйство. За период с 1905 по 1912 г. только по трем уездам — Петрозаводскому, Олонецкому и Повенецкому — количество сепараторов в крестьянских хозяйствах увеличилось с 7 до 174. Начал улучшаться качественный состав крестьянского молочного стада. В хозяйствах некоторых крестьян, прежде всего хуторян и отрубников, стали внедряться многопольные севообороты с травосеянием. К 1917 г. под сеяными травами было занято 154 гектара — 0,3% посевной площади края[163].

В то же время в состоянии зернового хозяйства заметных сдвигов не происходило. Валовый среднегодовой сбор хлебов в 1906—1910 и 1911—1914 гг. составил в Карелии 2,6 млн пудов, что хотя и превышало на 10% показатель 1901—1905 гг., но примерно соответствовало уровню последнего пятилетия XIX в.[164]

Оживление, наблюдавшееся в аграрном секторе народного хозяйства России в период столыпинской аграрной реформы, совпало с бурным промышленным подъемом, начавшимся в 1910 г. после долгих лет кризиса и депрессии. Подъем затронул и экономику Карелии. Со второй половины 1910 г. в связи с получением крупных военных заказов наметился постепенный рост производства на Александровском заводе. В 1912—1913 гг. на предприятии была осуществлена техническая реконструкция. Установленные в ходе реконструкции новые токарные станки и вертикальный пресс для штамповки снарядных стаканов позволили значительно увеличить выпуск снарядов. В 1913 г. объем заводской продукции достиг 1250 тыс. руб., что на 42% превысило уровень докризисного 1898 г.[165]

Усиление спроса на пиломатериалы на внутреннем и внешнем рынках в период промышленного подъема способствовало расширению лесопильного производства. В 1910—1913 гг. возникло несколько новых лесопильных заводов. В 1910 г. вошел в строй завод фирмы Э. Брандта в д. Суна Петрозаводского уезда, в 1911 г. — третий завод Беляевых в Сороке, в 1912 г. — завод К. Стюарта на острове Молчанове близ Сороки. В 1912 г. после 15-летнего перерыва возобновились работы на Повенецкой лесопильне. Всего в 1913 г. на территории края действовало 18 лесопильных предприятий с 65 пилорамами. Выпуск пиломатериалов удвоился по сравнению с 1900 г. и составил 386 тыс. кубометров на сумму 5,8 млн руб. По-прежнему ведущую роль сохранили за собой крупные экспортные лесозаводы Карельского Поморья, на долю которых приходилось около 3/4 общей стоимости продукции отрасли[166]. С ростом лесопиления тесно был связан и рост лесозаготовок. В 1913 г. объем лесозаготовок составил 1,7 млн кубометров, тогда как в 1900—1903 гг. он составлял в год в среднем 907 тыс. кубометров[167].

Увеличилась и численность рабочего класса Карелии. К 1913 г. в крае насчитывалось 5,3 тыс. фабрично-заводских рабочих, из них: 3 тыс. — на лесопильных заводах Поморья, 1,2 тыс. — на Александровском заводе и 0,7 тыс. — на лесозаводах южной Карелии. Основная масса рабочих была сосредоточена в Петрозаводске, Кеми (Попов Остров) и Сороке. Возросло также количество непромышленных рабочих-сезон-

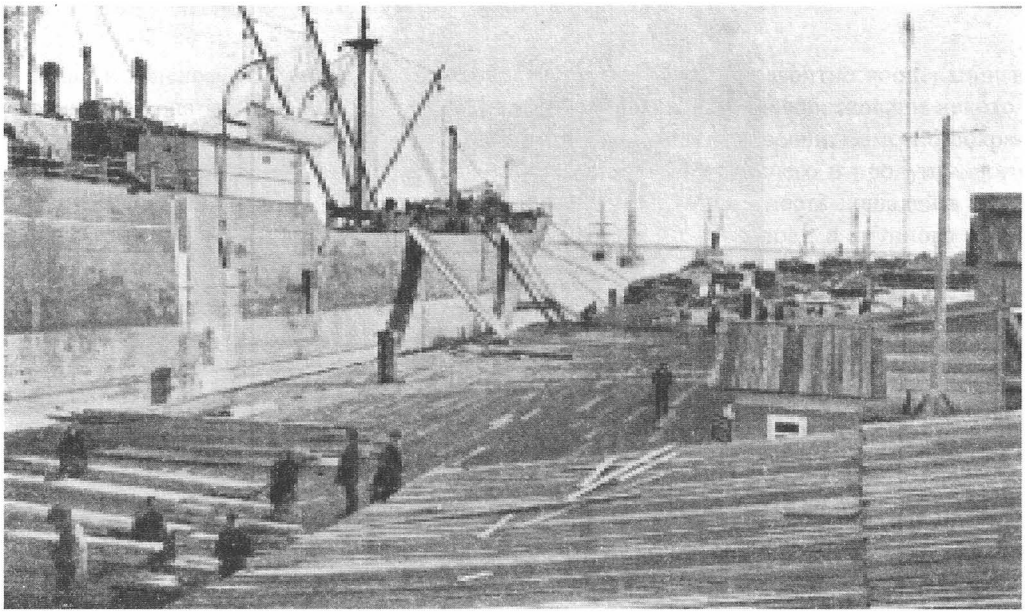
Отправка работников на сенокос в зажиточном крестьянском хозяйстве. Село Пряжа

ников. В 1913 г. их насчитывалось около 45 тыс. В большинстве своем это были лесозаготовители и сплавщики[168].

Следует отметить, однако, что прогресс, достигнутый промышленностью Карелии в период нового экономического подъема, был довольно ограниченным. В крае не возникло новых отраслей промышленности, не сложилось новых значительных промышленных центров. Карелия продолжала оставаться одним из отсталых в индустриальном отношении районов России. Ежегодный выпуск продукции обрабатывающей промышленности на душу населения накануне первой мировой войны в среднем по России составлял свыше 40 руб., тогда как в Олонецкой губернии — всего около 8 руб.[169]

В условиях хозяйственного подъема и сохранения жесткого административно-полицейского курса властям удалось добиться относительной стабилизации общественно–политического положения в Карелии. Местные организационные структуры либерально–оппозиционных и левых партий, ликвидированные в 1907—1908 гг., так и не смогли восстановиться, за исключением небольших сугубо конспиративных социал–демократических групп, возникших в 1910 г. в Петрозаводске и Кеми и занимавшихся исключительно кружковой пропагандой. Губернская администрация успешно блокировала даже попытки возрождения профсоюзных объединений.

Характеризуя обстановку в крае в период выборной кампании в IV Государственную думу в сентябре—октябре 1912 г., начальник Олонецкого губернского жандармского управления сообщал в департамент полиции, что "настроение избирателей... если не безразличное, то во всяком случае спокойное. Политические партии отсутствуют. Рабочие Александровского завода ничем себя не проявляют". Действительно, избирательная кампания в IV Государственную думу прошла без каких–либо осложнений для властей, на "беспартийной основе". Депутатами Думы от Олонецкой губернии стали зажиточный крестьянин из Важинской волости Олонецкого уезда Михаил Григорьевич Аристаров, 57 лет, Константин Иванович Казанский, уже бывший ранее депутатом III Государственной думы, 54 лет, и председатель Лодейнопольской уездной земской управы дворянин Александр Николаевич Неелов, 38 лет. Все они



Погрузка пиломатериалов на пристани Кемского лесозавода. 1910-е гг.

придерживались умеренных политических взглядов и, как и в III Думе, примкнули к фракции октябристов[170].

И все же общественно-политическая стабилизация в крае, как и в целом в России, была непрочной. Отзвуки обозначившегося с 1910 г. нового подъема рабочего движения в России достигли и Карелии. После некоторого затишья возобновились стачечные выступления рабочих на экономической почве. В 1910—1911 гг. дважды бастовали рабочие сорокских лесозаводов Беляевых, не менее семи забастовок в различных районах Карелии в 1910—1913 гг. провели сезонные рабочие на заготовке и сплаве леса. Летом 1913 г. пятидневная стачка состоялась на Александровском заводе. Тревожным симптомом для властей стали прошедшие на предприятиях края в 1913 г., после принятия закона о страховании рабочих, выборы уполномоченных в больничные кассы. В Петрозаводске в общегородскую больничную кассу рабочие избрали лидера нелегальной социал-демократической организации Н.Т. Григорьева, возвратившегося из ссылки в 1910 г., а в другом промышленном центре — Сороке — был избран сочувствующий большевикам Ф. И. Пасторов[171]. В 1912—1913 гг. усилилось поступление революционной литературы, значительную известность в рабочей среде Карелии получила легальная большевистская газета "Правда".

В годы первой мировой войны

В августе 1914 г. в результате обострения борьбы великих держав за сферы влияния вспыхнула первая мировая война. Россия вступила в войну в коалиции с Англией и Францией против Германии, Австро-Венгрии и их союзников. Хотя ответственность за разжигание войны несут державы обоих блоков, непосредственным

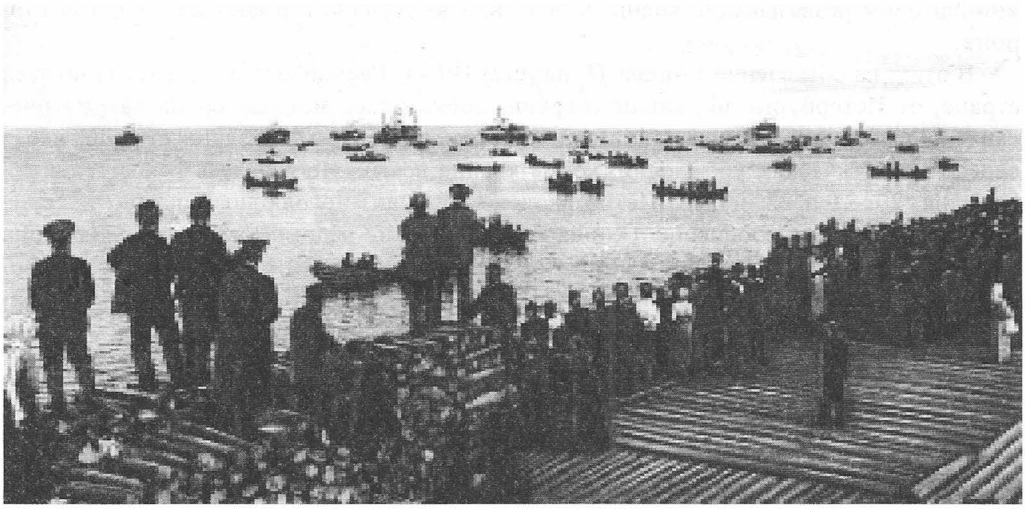
инициатором развязывания военных действий выступила германо–австрийская сторона.

В ответ на объявление 19 июля (1 августа) 1914 г. Германией войны России по всей стране, от Петербурга до дальних окраин, прокатилась мощная волна патриотических манифестаций. В них принимали участие люди самых различных социальных слоев и политических убеждений, кроме крайне левых. Не являлась исключением и Карелия. 20, 21 и 22 июля в Петрозаводске прошли многолюдные патриотические манифестации. Как сообщали "Олонецкие губернские ведомости", "огромная толпа местных жителей всех званий и возрастов торжественно носила портрет царя с пением народного гимна и молитвы "Спаси Господи, люди твоя". 21 июля главное участие в манифестациях приняли рабочие Александровского завода, во главе которых шел их оркестр музыки. Народная волна прежде всего устремлялась к памятнику Петру Великому и дому губернатора. Каждый раз начальник губернии выходил к народу и призывал всех горожан свято исполнить свой долг перед царем и отчизной, забыв всякие распри и личные интересы. В ответ ему со всех сторон неслось громовое "Ура!" и крики: "Да здравствует государь император!", "Да здравствует Россия!"[172]. По всему краю проводился сбор пожертвований на нужды войны. Олонецкое губернское земство и Петрозаводская городская дума образовали местные отделения Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, которые были призваны содействовать государственным органам в деле снабжения армии снаряжением, обмундированием и медикаментами, оказывать помощь больным и раненым воинам, а также беженцам. Организованно и при высокой явке призывников прошла мобилизация в действующую армию. Торжественные проводы запасных на фронт, проводившиеся в конце июля — начале августа в Петрозаводске и всех уездных центрах Карелии, вылились по существу в народные демонстрации под лозунгом "За веру, царя и отечество!"[173]

Однако достигнутое на волне патриотических настроений общественное согласие оказалось кратковременным и, во многом, эфемерным. Суровые реалии войны вскоре высветили глубокие противоречия между различными социальными и политическими силами и обозначили растущую изоляцию правительственных кругов от общества. Принявшее затяжной характер крупномасштабное военное противоборство с германо–австрийским блоком в условиях незавершенной модернизации экономики страны привело к перенапряжению людских и материальных ресурсов и вызвало необычайный по остроте и глубине кризис. Перестройка промышленности на военный лад проходила без должной организованности и с большими издержками. Несмотря на устойчивый рост производства оборонной продукции армия испытывала недостаток в боеприпасах и вооружении, особенно тяжелом. Мирные отрасли промышленности приходили в упадок, в результате чего в тылу нарастала нехватка многих видов сырья и товаров массового потребления. С крайним перенапряжением работал транспорт, не справлявшийся даже с военными перевозками.

Массовое отвлечение работников на фронт и реквизиция лошадей ослабили материальную базу сельского хозяйства. В деревне не хватало рабочих рук, сокращались посевные площади и поголовье скота, стоимость обработки земли становилась дороже, снижалось производство продуктов животноводства. Все это вело к повышению розничных цен на продукты питания. На продовольственном рынке росли спекуляции и дороговизна. С каждым годом войны Россия все сильнее втягивалась в тиски хозяйственной разрухи.

Глубокое воздействие оказала мировая война и на экономику Карелии, являв-



Проводы запасных на фронт из Петрозаводска. 1914 г.

шейся тыловым районом страны. Резкое ухудшение условий для экспорта, падение спроса на лесоматериалы на внутреннем рынке, нехватка рабочих рук вызвали серьезный кризис в основной отрасли фабрично-заводской промышленности края — лесопилении. В 1914 г. был закрыт Шальский лесопильный завод, в 1915 г. — Соломенский и Кемский лесозаводы. Большинство других предприятий отрасли работало с недогрузкой, часть пилорамного оборудования была законсервирована. Общий объем выпуска пиломатериалов в 1916 г., по сравнению с уровнем 1913 г., составил по лесозаводам Карельского Поморья 65%, а по лесозаводам южной Карелии, совершенно лишившимся выхода на внешний рынок из-за блокады Балтийского моря немцами, — менее 50%[174]. Биржи многих лесопильных заводов были завалены продукцией, не находившей сбыта.

Свертывались и лесозаготовки. Уже в зимний период 1914/15 г. некоторые лесопромышленники закрыли свои предприятия по заготовке и вывозке леса. Так, в Повенецком уезде прекратили заготовку древесины 7 лесопромышленных фирм, а остальные сократили ее объем наполовину.

Оживление производственной деятельности в условиях военного времени отмечалось только на одном предприятии Карелии — Александровском снарядолитейном заводе, работавшем для нужд армии и флота. Здесь были достигнуты заметные успехи. Выпуск снарядов за период с 1913 по 1916 г. увеличился с 65 до 153,8 тыс. штук, а общая стоимость продукции утроилась[175]. Численность постоянных заводских кадров возросла с 1096 до 1528 человек. Тем не менее рабочих не хватало для выполнения быстро возрастающего потока военных заказов. Так, из заказанной заводу к январю 1916 г. партии в 115 тыс. шрапнельных снарядов в срок было изготовлено не более 14 тыс.[176] Как и многие другие оборонные предприятия России, Александровский завод оказался не в состоянии удовлетворить требования фронта.

Большие изменения произошли в годы войны в хозяйственной жизни карельской деревни. В результате массовых мобилизаций деревня лишилась 47% трудоспособного мужского населения. Свыше трети всех дворов вообще оказались без работников. В условиях острого дефицита рабочей силы значительно ослабла промысловая дея-

тельность карельского крестьянства. Число лиц, занятых промыслами, за время войны уменьшилось почти в два раза. Сократился отход на лесные работы и в промышленные центры. Закрылись десятки кустарных предприятий. Глубокий спад переживали морские рыбные промыслы, являвшиеся основным источником доходов для крестьян Карельского Поморья. Вылов рыбы в Поморье в 1916 г. составил только 134 тыс. пудов вместо 318 тыс. пудов в 1913 г.[177]

В тяжелом положении в связи с нехваткой рабочих рук, а также неоднократными реквизициями тягловой силы оказалось и сельскохозяйственное производство. Посевные площади в Карелии к 1917 г. сократились по сравнению с 1913 г. на 24,8 тыс. десятин, или на 38% . Ухудшилось качество обработки полей, меньше стало вноситься удобрений. Снизились валовые сборы зерновых культур и картофеля. Поголовье лошадей в крае за период с 1913 по 1917 г. уменьшилось на 31,5%, а крупного рогатого скота — на 20% [178]. Увеличилось число безлошадных и бескоровных хозяйств. Если в 1913 г. из 30,3 тыс. крестьянских дворов Петрозаводского, Олонецкого, Пудожского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии 20% дворов были безлошадными и 9% бескоровными, то к 1917 г. доля безлошадных дворов в этих уездах поднялась до 35%, а бескоровных — до 21%. Дезорганизация хозяйственной жизни вела к обнищанию карельской деревни.

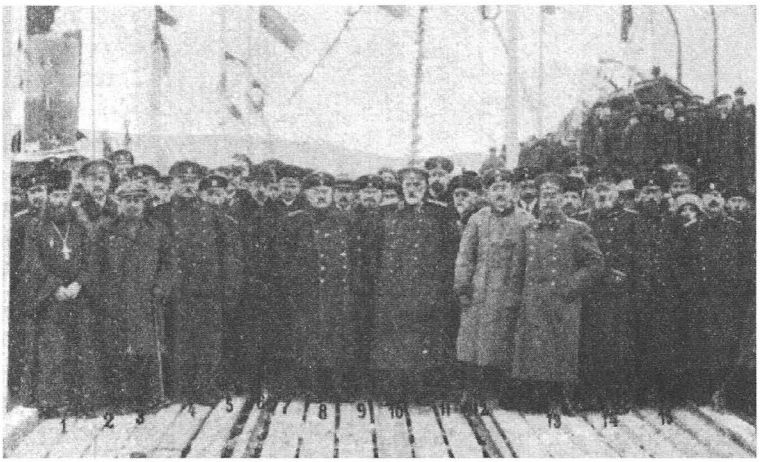
Крупным явлением в экономике, и не только Карелии, в период первой мировой войны стало строительство Мурманской железной дороги, соединившей Карелию и Кольский полуостров с центральными районами страны. Ранее правительство не раз откладывало в сторону проекты сооружения этой дорогостоящей северной магистрали, выдвигавшиеся с 70–х гг. XIX в. Только в 1913 г. было принято решение о прокладке железнодорожного пути на участке от ст. Званка (ныне Волховстрой) до Петрозаводска, и в середине июля 1914 г. здесь начались строительные работы. Вела их частная компания "Акционерное общество Олонецкой железной дороги" с участием французского капитала. Директором–председателем компании являлся В.А. Нагродский, имевший большой опыт работы в управлениях ряда железных дорог и впоследствии преподававший в Петроградском институте путей сообщения, главным инженером был выпускник этого института Г.К. Гониг. Согласно уставу общества, утвержденному в 1912 г. Николаем II, после завершения постройки в установленный срок (2,5 года) компания получала право на эксплуатацию участка в течение 81 года[179]. Мировая война, в результате которой Балтийское и Черное моря оказались закрытыми, вынудила правительство поспешить с сооружением железнодорожной линии, которая обеспечила бы надежную связь с союзниками через Мурманское побережье. В декабре 1914 г. Совет министров России признал сооружение дороги на Мурман безотлагательным делом. 1 января 1915 г. царь окончательно одобрил это заключение Совета министров. Дорогу от Петрозаводска до Мурмана, ввиду ее большого стратегического значения, было решено строить в кратчайшие сроки силами и на средства казны[180]. Движение поездов по всей трассе предполагалось открыть уже в январе 1917 г. Для организации строительных работ в декабре 1914 г. создается специальное строительное управление Мурманской железной дороги, которое возглавил инженер В.В. Горячковский. Его заместители В.Л. Дмитриев и П.Е. Соловьев непосредственно руководили работами на участках Петрозаводск—Сорока и Сорока—Мурманское побережье. Несмотря на трудности военного времени управлению удалось привлечь на стройку высококвалифицированные инженерные кадры и в целом решить вопрос с обеспечением ее рабочей силой. С января 1915 г. на тысячеверстной трассе к северу от Петрозаводска полным ходом развертывались строительные работы.

На строительстве Мурманской железной дороги

Всего на разных этапах в сооружении Мурманской железной дороги принимали участие до 170 тыс. рабочих, среди них около 100 тыс. составляли крестьяне–отходники из русских губерний, 40 тыс. — военнопленные австро–венгерской и германской армий, 10 тыс. — китайцы из Манчжурии, 5,5 тыс. — финны, около 2 тыс. — солдаты железнодорожных батальонов, 2 тыс. — казахи из Семипалатинской области, около 0,5 тыс. — канадцы. Среднемесячное количество занятых на стройке колебалось в пределах 50—75 тыс. человек. С начала 1916 г. рабочим–военнообязанным предоставлялась отсрочка от призыва в армию[181].

Строительство самой северной в мире железной дороги было сопряжено с громадными трудностями. Трасса пролегала по полупустынной слабозаселенной местности с суровым климатом и исключительно сложным рельефом. Строители, нередко испытывая холод и голод, вручную с помощью топора, кайла, лопаты и тачки прокладывали рельсовую колею через таежные дебри и тундру, болота и скалы, валунные поля и бесчисленные водные преграды. На линии от Петрозаводска до Мурмана в 987 верст понадобилось преодолеть более 250 верст болотных массивов, до 100 верст скальных выходов и возвести свыше 1100 искусственных сооружений. В ходе проектирования и строительства дороги было применено немало смелых технических решений, способствовавших ускорению работ.

Ценой неимоверных усилий десятков тысяч рабочих прокладка рельсового пути была завершена к началу ноября 1916 г. 3 ноября на перегоне между ст. Боярская и разъездом Амбарный на 573–й версте к северу от Петрозаводска (ныне — территория Лоухского района Карелии), где встретились две партии укладчиков, шедших навстречу друг другу с юга и севера, состоялась торжественная церемония забивки последнего "серебряного" костыля[182]. С этого момента на всей 1250–верстной линии от Званки до Мурмана стало возможным сквозное движение поездов, поскольку свой участок от Званки до Петрозаводска (256 верст) "Акционерное общество Олонецкой железной дороги" открыло для движения в соответствии с взятыми обязательствами еще в январе 1916 г. Официальный акт о приемке Мурманской магистрали во временную эксплуатацию был подписан 15 ноября.

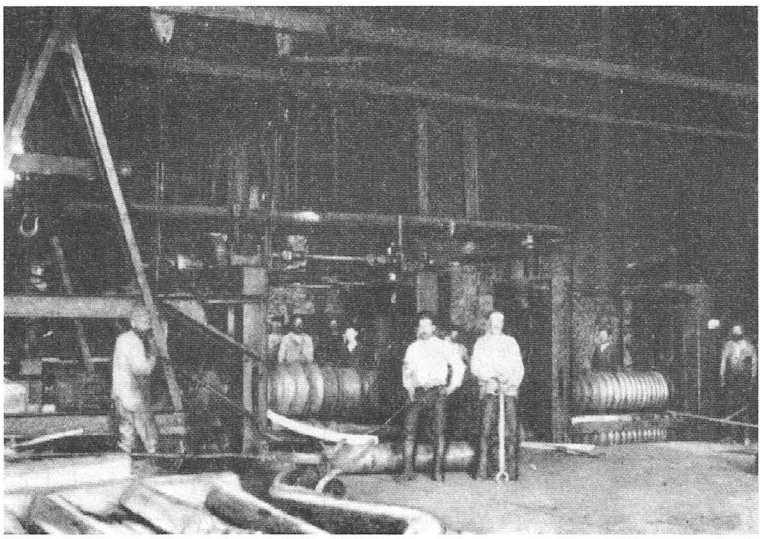


Группа членов правительства и депутатов Государственной думы во время поездки по Мурманской железной дороге. Сентябрь 1916 г. В первом ряду слева направо: священник с. Кереть (о. Авенир Титов?), член совета министра путей сообщения М.Г. Бюнтинг, член Государственной думы А.И. Шингарев, адмирал Угрюмов, член Государственной думы А.А. Добровольский, член Государственного совета Р.А. Дистерло, член совета министра путей сообщения Н.Н. Григорьев, министр путей сообщения А.Ф. Трепов, товарищ (заместитель) министра земледелия Н.В. Грудистов, морской министр адмирал И.К. Григорович, инженер Г.М. Будагов, начальник работ инженер В.В. Горячковский, генерал С.С. Всеволожский, архангельский губернатор С.Д. Бибиков, помощник начальника работ инженер Е.А. Захаров

И все же до полного окончания строительства было еще далеко. По сравнению с проектом невыполненными оставались около 40% работ. Сами руководители новой дороги признавали, что "путь сделан только вчерне". Пропускная способность дороги составляла всего 60—90 вагонов в сутки, а скорость движения поездов не превышала 12 верст в час. На многих участках предстояло укрепить железнодорожное полотно, привести профиль пути к магистральному типу, заменить временные деревянные мосты металлическими и железобетонными, на станциях необходимо было ввести мастерские и постоянное водоснабжение. В полном объеме достроечные работы удалось завершить лишь по окончании Гражданской войны.

Ввод в эксплуатацию Мурманской железной дороги имел для карельского края важное значение. Дорога связала между собой многие ранее разобщенные населенные пункты, обеспечила прямую и надежную транспортную связь Карелии с крупнейшими политическими, экономическими и культурными центрами страны, с ведущими индустриальными и сельскохозяйственными районами. Обширный северный край стал более активно осваиваться и заселяться. Вдоль железнодорожного пути в глухой тайге возникли десятки новых поселков. С появлением железной дороги значительно пополнились кадры рабочих и технической интеллигенции. К осени 1917 г. численность постоянных рабочих и служащих–эксплуатационников на линии достигла 16,7 тыс.[183]

Мировая война и вызванная ею хозяйственная разруха привели к резкому ухудшению положения широких слоев населения. В результате массовых мобилизаций многие семьи рабочих и крестьян лишились кормильцев и были обречены на полуголодное существование. С первых же дней войны в крае стала ощущаться острая не-



В прокатном цехе Александровского завода. 1916 г.

хватка продовольствия, так как из–за транспортных проблем сократился подвоз в Карелию хлеба и другой сельскохозяйственной продукции из центральных и южных районов страны. Используя продовольственные трудности в целях наживы, многие торговцы припрятывали продукты и взвинчивали цены. Неоднократно предпринимавшиеся губернскими властями попытки приостановить рост цен на продукты первой необходимости путем административного установления их предельного уровня оказались несостоятельными. К 1916 г. стоимость товаров массового потребления (хлеб, мясо, масло, рыба, соль) возросла в 2—3 раза по сравнению с довоенным уровнем[184]. Небывалая дороговизна и недостаток продовольствия стали подлинным бедствием для большинства жителей Карелии. В годы войны ухудшились условия труда рабочих на предприятиях. На Александровском заводе в 1915 г. был введен 12—14 – часовой рабочий день, а в июне 1916 г. объявлено, что "за отказ работать в воскресенье и в праздничные дни последует увольнение". Рабочие ряда лесопильных заводов, в особенности обслуживающих строительство Мурманской железной дороги, также были переведены на работу без выходных дней. Значительно расширилось применение дешевого женского и детского труда. Если в 1913 г. на предприятиях Олонецкой губернии женщины и подростки составляли 21% всех работающих, то в 1916 г. — 36%. Даже на Александровском заводе, где до войны насчитывалось только 6% женщин и подростков, их численность к 1916 г. возросла до 16% [185].

В период войны уровень номинальной заработной платы постепенно повышался, однако реальная заработная плата вследствие небывалой дороговизны и инфляции неуклонно снижалась. Так, на лесопильных предприятиях реальная заработная плата рабочих в 1916 г. уменьшилась по сравнению с 1913 г. на 30 %[186]. Аналогичное положение наблюдалось и на Александровском заводе. В январе 1917 г. рабочие завода заявляли в Олонецкое горное правление, что на получаемый ими заработок, который с учетом временных доплат и пособий составлял 34 рубля в месяц, совершенно невозможно прокормиться, так как питание обходится не менее 2 рублей в день[187]. Дефицит бюджета вынуждал экономить на самом насущном. Усиление интенсивности труда при недостаточном питании влекло за собой рост производственного травматизма.

Только на Александровском заводе за 1915 г. 62 человека получили тяжелые увечья, а литейщик К. Павлов был убит[188]. Множество несчастных случаев происходило и на других предприятиях. Над рабочими в случае невыполнения норм или проявления недовольства постоянно висела угроза отправки в действующую армию.

В особенно тяжелом положении находились строители Мурманской железной дороги. Проживали они, как правило, в землянках или наспех сколоченных из сырого леса бараках в условиях крайней скученности. Администрация и подрядчики нередко, хотя и не всегда по зависящим от них причинам, срывали поставки на трассу продовольствия, что обрекало рабочих, занятых тяжелым физическим трудом, на хроническое недоедание и голодовки. Из района Кондопоги в 1915 г. в одно из правительственных учреждений поступила жалоба, что строители вынуждены были питаться только раз в сутки. "Порцию пищи убавили наполовину, обещают оставить на воде и хлебе", — телеграфировали в декабре того же года в управление стройки рабочие участка Сорока—Кемь. Подобные жалобы шли буквально со всех участков дороги. Архангельский губернатор С.Д.Бибиков, осмотревший с комиссией Мурманскую дорогу в июне 1916 г., вынужден был констатировать, что "снабжение пищевыми продуктами было организовано крайне слабо, и нередко рабочие кроме ржаной муки (и то не всегда в достаточном размере) не имели ничего. Не было мяса, овощей, чая, сахара и даже соли"[189]. Неудовлетворительно обстояло дело и с обеспечением одеждой и обувью. Известно немало случаев, когда полученные со склада сапоги разваливались через 1—2 недели[190]. Плохо одетые и обутые рабочие страдали зимой от морозов и метелей, а в остальное время года от частых и холодных дождей.

Рабочий день на строительстве Мурманской железной дороги формально, по контрактам, ограничивался 10 часами. Но в действительности, ввиду особой важности и спешности стройки, на большинстве участков работы велись "от темна до темна" — по 12—16 часов в сутки. В зимнее время в условиях полярной ночи рабочие трудились при свете факелов.

Заработная плата при найме на стройку в первой половине 1915 г. определялась для чернорабочих и лесорубов в размере 35 руб., для землекопов — от 35 до 45 руб., для плотников — от 45 до 56 руб. в месяц. К осени 1916 г. в связи с ростом дороговизны она была повышена на 37—40%. Но рабочему не всегда доводилось получать означенную сумму заработка. На многие виды работ были установлены урочные задания, которые в 1,5—2 раза превышали реальные физические возможности строителей. Невыполнение уроков влекло за собой понижение платы. Процветали штрафы, вычеты. Однако особенно тяготило то, что выплата заработка систематически задерживалась. Архангельский губернатор писал в августе 1916 г.: "Неаккуратность платежей стала обычным явлением на Мурманской дороге, и когда я объехал в июне месяце всю линию дороги, то буквально от всех рабочих слышал жалобы о невыплате им жалованья до 2 месяцев... Вот уже в течение двух лет я ежедневно осаждаюсь рабочими Мурманской дороги со всевозможными жалобами, в большинстве случаев справедливыми..."[191]

Администрация стройки приложила значительные усилия к организации собственной медицинской службы. На линии было открыто 14 лечебных пунктов на 616 коек, в каждом из которых работало по одному врачу и 2—3 фельдшера. Однако, как показала практика, в экстремальных природных и производственно-бытовых условиях этого оказалось недостаточно для эффективной борьбы с болезнями и травматизмом. На трассе возникали вспышки эпидемий оспы, дизентерии, сыпного и брюшного тифа. Особенным бедствием была цинга, от которой страдало около половины строителей.

Среди рабочих росли инвалидность и смертность. К августу 1916 г. только в лечебных пунктах от болезней и травм умерло более 600 человек. Свыше 10 тыс. заболевших рабочих было эвакуировано с трассы, многие из них находились в тяжелом состоянии и были обречены[192].

Крайне отрицательно сказалась война и на положении основной массы крестьянства Карелии. В то время как небольшая группа зажиточно-предпринимательских хозяйств получила возможность наживать барыши на спекулятивных операциях, средние и бедняцкие слои крестьянства разорялись. В хозяйствах середняков и бедняков сокращались посевы, уменьшалось поголовье рабочего и молочного скота. Резко сузились возможности для промысловых заработков, тогда как налоговые сборы за время войны увеличились вдвое.

С первых месяцев войны деревня края жила в обстановке нараставшего продовольственного кризиса. Уже весной 1915 г. крестьяне Пудожского уезда сообщали в уездную земскую управу о недостатке хлеба, яровых семян, кормов для скота и невозможности их приобретения. Командированный примерно в то же время в пограничные Кондокскую и Вокнаволокскую волости Кемского уезда жандармский унтер-офицер П. Соколов доносил своему начальству, что "население Корелы весьма бедствует в продовольственном отношении. Весь скот закуплен на железнодорожную линию, ржаная мука доходит до 15,5 руб. за мешок и ее весьма трудно достать, провизия почти вся на исходе". И подобная картина была типичной. Олонецкий губернатор М. Зубовский вынужден был в 1915 г. отметить "удрученное настроение" крестьянского населения губернии "по случаю крайнего недостатка хлеба и отсутствия корма для скота"[193]. В дальнейшем нехватка продовольствия еще более обострилась и стала приобретать катастрофический характер. В начале 1917 г. на страницах журнала "Известия Архангельского общества изучения Русского Севера" сообщалось, что в карельском крае крестьяне "по неделям живут без хлеба" и питаются "мякиной, сосновой толченой корой и мелко раскрошенной сухой соломой, перемешанной с горстью муки"[194].

В деревне, как и в городе, царили спекуляция и дороговизна. В условиях продовольственных трудностей и растущей дороговизны в особенно бедственном положении оказались крестьянские семьи, оставшиеся без работников. Государственное пособие, назначенное детям и нетрудоспособным родителям фронтовиков, было небольшим (3—4 руб. в месяц на человека) и при высоких ценах на товары первой необходимости не могло обеспечить даже минимальных потребностей. Официальная попечительная комиссия во главе с адвокатом И. Леви, проводившая в конце 1914 г. выборочное обследование семей фронтовиков в Петрозаводске и ближайших селениях, констатировала, что она "столкнулась со страшной нуждой, ужасным горем и вопиющей бедностью"[195].

Огромные жертвы на фронтах, развал экономики, рост налогов, продовольственный кризис, дороговизна и спекуляция вызывали возмущение трудящихся масс и поднимали их на борьбу против войны и существующего режима. Явный спад стачечного движения в России, наблюдавшийся в стране в начале войны, уже весной 1915 г. сменился серией забастовок в индустриальных центрах. Инициаторами стачечной борьбы выступили питерские и московские пролетарии. Вслед за ними поднялись рабочие Харькова, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода и других городов. Особенно крутой подъем стачечного движения отмечался в 1916 г., когда только на предприятиях, подведомственных фабричной инспекции, бастовало 1172 тыс. рабочих против 571 тыс. в 1915 г.

В Карелии наиболее значительные выступления рабочих в период мировой вой-

ны происходили на строительстве Мурманской железной дороги. В июне—июле 1915 г. неоднократно вспыхивали стихийные и локальные стачки на различных участках линии Кандалакша—Кола. В общей сложности в них участвовало свыше тысячи человек. Стачки носили экономический характер. Рабочие требовали своевременной и полной выдачи зарплаты в соответствии с контрактом и улучшения условий труда и быта. Администрация не удовлетворила требований и тогда около 700 стачечников из Кандалакши выехали со стройки[196].

В мае кратковременную экономическую стачку провели 92 рабочих–землекопа товарищества "Подрядчик" на ст. Пяжиева Сельга, а в июне 1915 г. — 50 строителей среднего участка дороги в районе ст. Уросозеро. Одна из наиболее крупных забастовок с участием 300 рабочих–финнов вспыхнула 1 октября в районе ст. Лижма Петрозаводского уезда. Она была вызвана невыдачей в срок заработной платы. Работа возобновилась 7 октября после удовлетворения требования бастующих[197]. Значительные масштабы приняли самовольные уходы и побеги строителей с линии. Начальник строительства В. Горячковский с тревогой писал, что "почти со всех участков поступали сообщения о массовом прекращении работ и самовольном уходе рабочих до истечения срока найма".

Обеспокоенное ростом волнений и стачек среди рабочих, правительство ввело 15 октября 1915 г. на строительстве Мурманской железной дороги "Правила чрезвычайной охраны", изданные еще в 1881 г. для борьбы с революционным движением. В местности, объявленной на положении чрезвычайной охраны, любой человек мог быть без суда и следствия заключен в тюрьму и сослан в отдаленные районы империи сроком на 5 лет. В Петрозаводске, Кеми, Кандалакше и Коле были организованы особые комитеты из жандармских офицеров и представителей строительной администрации, которым вменялось в обязанность с помощью жандармов и стражников пресекать волнения рабочих и сурово карать за участие в забастовках.

Но и введение мер чрезвычайной охраны не остановило рабочего движения. В декабре 1915 г. около 200 рабочих на строительстве ветки Кемь—Попов Остров провели двухдневную забастовку. Они протестовали против снижения расценок, задержки заработной платы, грубого обращения с рабочими техника Вальдмана. Репрессиями властям удалось подавить стачку. Вожаки С. Зыков, Н. Медведев, Ф. Тарасов и М. Щукин были арестованы. Поражением рабочих закончилась и забастовка в мае 1916 г. на участке Кереть—Ковда. И здесь среди бастующих были произведены аресты. 27 июня 1916 г. в Кеми наотрез отказалась приступить к работам партия вновь прибывших рабочих (около 100 человек). Они требовали разрыва контракта и возврата документов для возвращения на родину. Причиной выступления послужили сведения, полученные вновь завербованными рабочими от ранее прибывших, о плохом питании, тяжелых климатических условиях и высокой заболеваемости на трассе[198].

В движение вовлекались и работавшие на строительстве солдаты железнодорожных батальонов. Так, 15 мая 1915 г. на ст. Масельгская более 500 солдат 4–го батальона отказались работать из–за отсутствия продовольствия и отправились с протестом в штаб батальона.

Пытаясь покончить с выступлениями рабочих, власти в июне 1916 г. ввели на северных участках дороги военное положение. Любые собрания, самовольные отлучки с работы и забастовки были запрещены. На многих станциях разместили воинские части. Но и в этих условиях рабочие продолжали борьбу. В августе 1916 г. — январе 1917 г., по неполным данным, на линии произошло пять волнений и стачек, в том

числе три на участке севернее Сороки. В этих выступлениях приняло участие не менее 600 человек.

Примечательно, что по мере развития рабочего движения, носившего в целом экономический характер, на ряде станций (Кемь, Сорока, Попов Остров, Кандалакша, Сегежа) стали все активнее заявлять о себе отдельные агитаторы — сторонники социалистических партий (Н. Багдатьева, П. Кобозев, Н. Курасов, И. Лойко, А. Мосорин и др.).

На крупнейшем промышленном предприятии Карелии, Александровском заводе, рабочее движение в период первой мировой войны было относительно слабым. Еще летом 1914 г. из–за полицейских преследований Петрозаводск вынужден был покинуть авторитетный среди александровцев Н. Григорьев, после чего местная группа РСДРП прекратила свое существование. На заводе как на оборонном предприятии существовал строгий режим. Революционно настроенные рабочие с началом войны были мобилизованы и отправлены на фронт. Вместо уволенных на работу принимались военнообязанные из числа мещан и крестьян, которые цепко держались за право на отсрочку от призыва, предоставлявшуюся рабочим оборонных заводов.

В 1915 г. имел место лишь один случай активного выступления рабочих Александровского завода. 18 сентября они заявили протест против увольнения своего товарища, предъявившего администрации от имени коллектива механического цеха требование об увеличении зарплаты. Администрация отменила приказ об увольнении[199]. В 1916 г. брожение на заводе стало заметно усиливаться. В январе группа рабочих заявила администрации об отказе работать в праздничные дни. В апреле, прибегнув к кратковременной стачке, рабочие механического цеха добились наказания одного из мастеров, избившего ученика. Тогда же в прокатном цехе была попытка поднять экономическую стачку в поддержку требования о повышении заработной платы на 40% в связи с ростом цен. Участились случаи подачи коллективных петиций и ходатайств в связи с дороговизной, низкими заработками и произволом отдельных мастеров[200].

На других предприятиях карельского края также наблюдался рост недовольства существующими порядками. В 1915—1916 гг. на лесозаводах К. Стюарта в Ковде, Брандта на ст. Суна Петрозаводского уезда и в Кандалакшском локомотивном депо рабочие провели кратковременные экономические стачки в знак протеста против дороговизны, продолжительного рабочего дня и низкой зарплаты[201].

Обострялась обстановка и в карельской деревне. Хотя наиболее активная часть крестьянства находилась на фронте, постепенно увеличивалось число отказов от платежа податей и выполнения повинностей. Крестьяне уклонялись от мобилизации, жены и матери солдат открыто высказывали свое недовольство царем, угнавшим на войну их мужей и сыновей. В некоторых селениях беднота и середняки отстраняли зажиточных хозяев от ведения общественных дел, угрожали разгромить лавки торговцев. О росте подобных настроений среди крестьянской массы, как о характерной тенденции, сообщали жандармские агенты. В конце 1916 г. один из них после объезда сел Кемского уезда писал: “В большинстве население озлоблено против купечества, на их якобы мародерство, и высказываются, что если купечество до конца войны будет драть втридорога за товары, то им придется отвечать перед воинами по возвращению их на родину”[202].

Предгрозовая атмосфера в деревне ясно ощущалась даже представителями губернских верхов. Олонецкий губернатор еще в марте 1915 г. отмечал, что “настроение народа становится неблагоприятным для правительства”. Осенью 1916 г. аналогичный вывод в своем донесении в департамент полиции делал начальник губерн-

ского жандармского управления. Он писал: "В общем следует прийти к заключению, что Олонецкая губерния в политическом отношении пока дремлет, но горючий материал в ней имеется, и в случае каких–либо всеобщих нежелательных явлений она, хотя и в хвосте, но все же примкнет к ним"[203]. Как и вся страна, отдаленный карельский край стоял на пороге новых революционных потрясений.

5. КУЛЬТУРА

Народное образование. Здравоохранение

Отмена крепостного права, развитие капитализма, рост подвижности населения, формирование новых общественных классов и демократической интеллигенции вызвали острую потребность в повышении народного образования, способствовали развитию науки, художественной культуры. Многие достижения отечественной науки, литературы и искусства этого времени навсегда вошли в сокровищницу мировой культуры человечества. Однако позитивные культурные процессы в России развивались далеко не равномерно: в глухих, экономически отсталых районах и на национальных окраинах, к которым принадлежала и территория Карелии, они шли достаточно медленно.

Решающее воздействие на развитие культуры края в указанный период оказали такие социально–экономические факторы как слабое развитие промышленности и господствующее положение в экономике мелкого крестьянского хозяйства, абсолютное преобладание в составе населения крестьянства, разбросанного по небольшим деревням, бездорожье, малолюдность городов. Они обусловили длительное сохранение традиционных форм народной культуры и быта, патриархальных обычаев, нравов и верований. Культура издавна населявших край и живших в обстановке тесного общения карельского и русского народов развивалась в условиях постоянного взаимодействия и взаимовлияния. Они исповедовали единую религию — православие. В материальной культуре и бытовом укладе карельского и русского крестьянства Прионежья и Западного Прибеломорья было много общего. Наряду с этим карелы сохраняли свое этническое самосознание: свой язык, который разделялся на несколько диалектов и являлся основным средством бытового общения в карельских волостях, чтили национальные обычаи и традиции. Они донесли из глубины веков исключительно богатый, многообразный и самобытный фольклор. Экономическая и административная разобщенность карельского населения и русификаторские тенденции в политике царского правительства препятствовали выработке единого карельского языка. Как и многие другие нерусские народы России, карелы не имели письменности на родном языке, что затрудняло их культурное развитие.

В области культуры в Карелии в этот период, как и по всей стране, на первый план выдвинулась задача повышения народного образования. К середине XIX в. ведущую роль в развитии начальной школы по–прежнему играла церковь. В 1856 г., по данным епархии, в Олонецкой губернии при церковных приходах насчитывалось 97 училищ. Численность учащихся в них составляла 608 человек; на каждую школу приходилось в среднем по 6—7 учеников. Учителями в них являлись священники или дьяконы. Обучались в школах почти исключительно мальчики в возрасте от 6—7 до 13—14 лет. О программе обучения сообщалось кратко: "Обучались чтению по часослову и псалтыри, чистописанию и начаткам христианского учения". Срок обучения

составлял обычно один год, священнослужители вели обучение "безмездно"[204]. Вплоть до создания земских учреждений приходские школы составляли по-прежнему подавляющее большинство: в 1868 г. из 223 начальных школ Олонецкой губернии 176 являлись приходскими, остальные принадлежали в основном Министерству государственных имуществ или горному ведомству[205]. К 1860 г. в городах края работало 8 городских училищ и одна гимназия в Петрозаводске[206].

С введением земских учреждений положение в области народного образования стало быстро меняться. Уже в конце 70-х гг. земские учреждения губернии в качестве одного из наиболее приоритетных направлений своей деятельности считали народное образование, преимущественно в деревнях. Многие приходские школы по инициативе духовенства были переданы земствам. К 1885 г. из 249 начальных школ Олонецкой губернии 155 являлись земскими, 46 — приходскими, 48 содержались в основном на средства Министерства народного просвещения.

В 1884 г. правительство Александра III опубликовало известные "Правила о церковно-приходских школах", которые утвердили именно этот тип школы для крестьянства. Главной задачей церковно-приходских школ являлось религиозно-нравственное воспитание подрастающего поколения, что, по мнению правительства, позволило бы укрепить патриархальные основы жизни крестьянства и его преданность самодержавию. Консервативные по своим настроениям земские учреждения Олонецкой губернии поддержали это направление в деле народного образования. Они не только стали оказывать всестороннюю помощь губернской администрации и местной епархии в открытии церковно-приходских школ, но и передали многие земские школы в ведение Синода. С середины 80-х гг. в крае происходил неуклонный рост церковно-приходских школ, что отражает приводимая ниже таблица[207]:

Год	Земские школы		Церковные школы		Министерские школы	
	кол-во школ	число учащихся	кол-во школ	число учащихся	кол-во школ	число учащихся
1890	146	7986	85	2327	38	2732
1895	135	8451	116	3406	45	3664
1905	246	11745	210	6508	54	4290
1913	408	11468	327	8852	58	3462

Материалы таблицы свидетельствуют о высоких темпах роста школьной сети и численности учащихся в крае на рубеже XIX—XX вв. и о том, что несмотря на особенно быстрое увеличение числа церковно-приходских школ земская школа продолжала занимать ведущее место в деле обучения. По инициативе земств и передовых учителей в работе начальных школ края происходили прогрессивные изменения. Все более активно вовлекались в учебу девочки. Срок обучения в земских школах был определен в три года, а с начала XX в. осуществлялся переход на четырехлетнее обучение. В карельских волостях, где дети приходили в школу, не зная русского языка, на котором велось обучение, с 1907 г. каждый учебный год для них увеличивался на полгода, так что трехгодичный курс они проходили за 4,5 года, хотя этот срок не всегда

выдерживался. Принимались успешные меры для повышения образовательной и профессиональной подготовки учителей начальных школ. Вслед за земскими школами в решение этих животрепещущих вопросов начального образования активно вовлекались и церковно-приходские школы, без чего им было невозможно конкурировать со школами светскими.

В этот же период стали создаваться начальные школы повышенного типа со сроком обучения в 5—6 лет (двухклассные и второклассные). В них кроме Закона Божьего, арифметики и русского языка преподавались также история, география, естествознание. Их окончание давало право на поступление в средние профессиональные учебные заведения. Однако таких школ было мало. В четырех уездах Олонецкой губернии в 1914 г. их насчитывалось 36, в том числе в волостях с карельским населением — 12[208].

В конце 90-х гг. в числе ряда передовых земств страны олонецкое земство совместно с директором народных училищ губернии Д.П. Мартыновым разработало план введения в губернии всеобщего начального обучения. К этому плану присоединилось и губернское епархиальное ведомство. План предусматривал открытие в губернии такого числа начальных школ и приютов-общежитий при них, которое было бы достаточным для обучения всех местных детей школьного возраста. После первой российской революции правительство выделило земству значительные средства для проведения этого плана в жизнь. В результате к 1913 г. на территории четырех уездов работало уже 435 начальных школ.

В Кемском уезде Архангельской губернии, в которой земские учреждения введены не были, число начальных школ росло значительно медленнее. В начале XX в. в уезде имелось всего 57 начальных школ, большинство которых находилось в волостях с русским населением. К 1915 г. здесь было открыто еще 19 школ, преимущественно в карельских волостях. В карельских волостях уезда первая школа повышенного типа была открыта в Ухте накануне революции 1917 г.[209]

Однако надежды земской интеллигенции Олонецкой губернии на достижение всеобщего школьного обучения в начале XX в. не оправдались. В Карелии, с ее редким населением и бездорожьем, каждая школа должна была обслуживать громадный по площади район. В 1912 г., например, он составлял в Петрозаводском уезде 109 кв. км, в Олонецком — 129, в Пудожском — 266, в Повенецком — 412 кв. км. Для вовлечения в учебу детей из отдаленных деревень при многих школах стали создаваться так называемые "приюты" — общежития. Размещались они в обычных крестьянских домах и предназначались обычно для ночлега учеников. Вопросы питания и надзора за детьми во внеучебное время в подавляющем большинстве приютов не были решены, что не позволяло многим детям из дальних деревень посещать школу.

Из-за этого, а также по причине неудовлетворительного материального положения родителей в 1913 г. в Олонецкой губернии вне школы все еще оставалось около 32% детей школьного возраста[210]. Другой серьезной проблемой являлся отсев учащихся, вызывавшийся обычно материальной нуждой в семьях и необходимостью отправлять детей на заработки. В Олонецкой губернии накануне революции 1917 г. ежегодно выбывал из народных школ, не окончив полного курса, 21% учеников, а в Кемском уезде — не менее 29%[211].

Преподавание в школах карельских волостей велось на русском языке. Лишь с 1913 г. на основании новых правительственных правил об "инородческой" школе учителям было разрешено пользоваться карельским языком в преподавании во время первых двух лет учебы. Введение карельского языка дирекция народных училищ края связывала с решением "главной задачи" карельских школ: так направить "дело обу-

чения и воспитания... чтобы слияние карелов с коренным русским населением было естественным результатом разумной учебно–воспитательной постановки дела"[212]. За короткий срок учебы многие дети–карелы не успевали овладеть русским языком и успешно освоить программу начальной школы. В результате знания учащихся карельских школ были ниже, чем в школах русских волостей.

И все же, несмотря на целый ряд нерешенных проблем, в пореформенные десятилетия XIX — начала XX в. были достигнуты заметные сдвиги в развитии народной школы, итоговым выражением чего стал рост грамотности среди широких слоев населения Карелии. По данным переписи населения 1897 г., грамотные в возрасте от 9 лет и старше составляли в крае 27,2%, а в возрастной группе от 9 до 49 лет этот показатель составил 31,3%. Проведенный в 1909 г. Олонецким губернским земством учет грамотности сельского населения выявил дальнейший рост данной позитивной тенденции. Доля грамотных среди сельских жителей губернии в возрасте от 9 лет и старше за время после переписи 1897 г. повысилась с 24,4 до 36,2%, а среди мужской части населения в группе от 9 до 49 лет приблизилась к 50%[213]. Следует отметить, однако, что уровень грамотности в карельских волостях в 1909 г. был вдвое ниже, чем в волостях с русским населением.

Средняя общеобразовательная школа в Карелии была представлена двумя гимназиями, находившимися в Петрозаводске. К существовавшей здесь с 1808 г. мужской гимназии добавилась женская гимназия, открытая в 1870 г. на основе существовавшего с 1861 г. городского женского училища. Согласно правилам, допуск в гимназии для лиц из непривилегированных сословий был ограничен, что предопределяло социальный состав учащихся этих учебных заведений. Среди учеников мужской гимназии в 1865 г. 90% составляли дети дворян и чиновников, 10% — дети городской буржуазии; в 1913 г. первая группа занимала 62%, вторая — 12%, дети духовенства и зажиточного крестьянства — 18%. Среди учениц гимназии в 1905 г. 75% составляли дочери дворян и чиновников[214]. Численность учащихся в обеих гимназиях была сравнительно невелика. В 1912 г., например, она составляла немногим более 700 человек. Не все ученики оканчивали полный курс гимназий. Так, с 1861 по 1901 г. общее число учащихся обеих гимназий составило около 7 тыс., а окончило эти учебные заведения всего 926 человек, или немногим более 13%[215]. После четырех—пяти лет учебы многие юноши пополняли ряды местного чиновничества, а девушки — кадры учителей начальных школ. Во второй половине XIX — начале XX в. в Петрозаводской мужской гимназии учились будущие выдающиеся деятели русской науки и культуры: художник В.Д. Поленов, академик–языковед Ф.Ф. Фортунатов, профессор–геолог В.М. Тимофеев, актер Н.Н. Ходотов.

В пореформенные десятилетия в крае неуклонно росла численность и повышалась общественная роль местной интеллигенции. Накануне революции 1917 г. ее ряды насчитывали 2,8 тыс. человек. Примерно треть из них составляли священнослужители, среди остальной части преобладали учителя, фельдшеры, врачи. В подавляющем большинстве священнослужители являлись выпускниками Олонецкой духовной семинарии, существовавшей в Петрозаводске с 1829 г. Только за период с 1880 по 1918 г. семинарию окончили 804 человека. Среди ее питомцев, в частности, в разное время были такие видные иерархи русской православной церкви, как митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, репрессированный в 1922 г. и ныне канонизированный; митрополит Ленинградский и Новгородский с 1945 по 1955 г. Григорий (Н. Чуков), в 1911—1918 гг. занимавший пост ректора духовной семинарии и председателя Олонецкого губернского епархиального училищного совета;

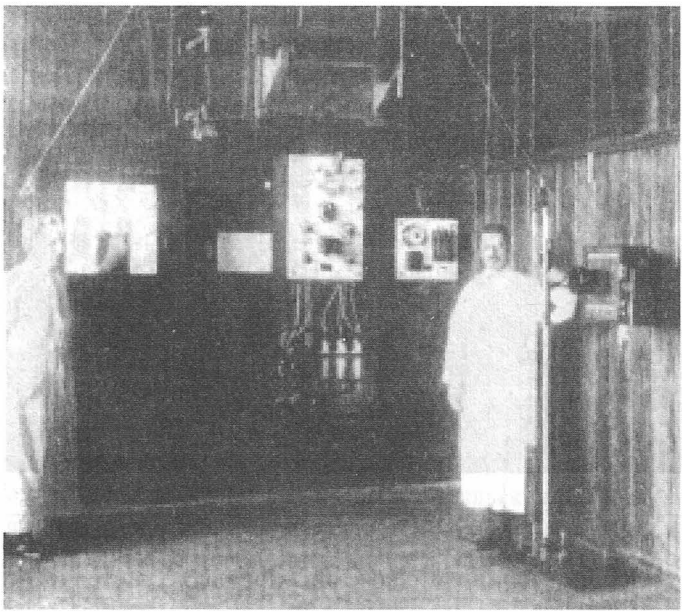
Олонецкая духовная семинария

профессор Петербургской духовной академии и редактор журнала "Христианское чтение" в 1880—1890 гг. И.Е. Троицкий.

В создании учительских и медицинских кадров главная роль принадлежала Олонецкому земству. По его инициативе в 1868 г. в уездном городе Вытегре, входившем тогда в состав Олонецкой губернии, была открыта учительская семинария. До 1893 г., когда семинария по решению Министерства народного просвещения была закрыта, она выпустила около 350 учителей для школ губернии. В 1897 г. в Петрозаводске открылись двухгодичные учительские курсы, преобразованные в 1903 г. в мужскую учительскую семинарию, выпускавшую ежегодно 25—30 учителей. До 1918 г. семинария подготовила около 400 педагогов для начальных школ Олонецкой и Выборгской губерний. В 1905 г. в Петрозаводске начали работать двухгодичные женские учительские курсы, выпускавшие до 20 учительниц в год. Подавляющее большинство (не менее 80%) учащихся учительских семинарий и курсов составляли выходцы из крестьян и мещан. Помимо выпускников этих учебных заведений кадры учителей народных школ Карелии в значительной мере пополнялись за счет окончивших женское епархиальное училище (открыто в 1858 г. в Каргополе, в 1874 г. переведено в Петрозаводск), женскую гимназию, а также части питомцев духовной семинарии, избиравших светскую карьеру. Последние по своему происхождению принадлежали в основном к духовенству, чиновничеству, мелкой городской буржуазии. К 1917 г. на территории края насчитывалось около 700 учителей, из них более 500 работало в начальных, 120 — в различных средних учебных заведениях, находившихся в Петрозаводске. Подавляющее большинство преподавателей средних школ имели высшее образование[216].

Значительно медленнее росли кадры медицинских работников. В 1887 г. в карельских уездах Олонецкой губернии имелось всего 8 врачей, а в Кемском уезде врачей вообще не было. К концу XIX в. на территории края работало 23 врача, в начале XX в. их насчитывалось около 30[217].

Ведущим медицинским учреждением Карелии являлась губернская земская больница в Петрозаводске, основанная в 1867 г. на базе переданной земству небольшой больницы приказа общественного призрения. К 1913 г. здесь имелось 6 отделений по оказанию специализированной медицинской помощи: терапевтическое, хирургическое, акушерско-гинекологическое, инфекционное, венерологическое и глазное. Зем-



Врач М. Д. Иссерсон у первого рентгеновского аппарата. 1912 г.

ству удалось привлечь на работу в больницу группу высококвалифицированных и талантливых специалистов, таких как хирурги Н.И. Гуревич, М.Д. Иссерсон, психиатр И.К. Мейер, акушер И.М. Рясенцев, окулист И.А. Шехман.

Уездные врачи обслуживали обширные территории с радиусом не менее 50—75 километров и количеством населения до 14 тыс. человек. Острой проблемой был недостаток кадров среднего медицинского персонала — фельдшеров и акушерок. К концу XIX в. более двух третей фельдшеров, работавших в сельских фельдшерских пунктах, вообще не имели медицинского образования, а многие из них не проходили даже курса начальной народной школы. Это были так называемые "ротные фельдшера" из отставных солдат[218]. Чтобы улучшить положение, в 1899 г. в Петрозаводске была открыта фельдшерская школа. Основную массу ее учащихся составляли выходцы из среды малообеспеченного городского мещанства и мелкого чиновничества. Ежегодно школа выпускала до 15 специалистов. Незадолго до революции 1917 г. в школу было разрешено принимать женщин, и она стала готовить по нескольку акушерок в год. Всего школой было подготовлено около 100 средних медицинских работников. Накануне первой мировой войны на территории Карелии работало 130 фельдшеров и акушерок. Всего же медицинских работников, включая фармацевтов и ветеринарных врачей, насчитывалось 190 человек[219]. В начале XX в. в составе местной интеллигенции имелись также лесоводы, лесоустроители, агрономы, землемеры и инженерно-технические работники, в общей массе насчитывавшие немногим более 100 человек.

Материальное положение основной массы сельского учительства и среднего медицинского персонала было нелегким. Например, заработная плата учителя приходской школы составляла 70—120 руб. в год, земской — 240—360 руб. в год, выдавалась она нерегулярно, с большими задержками, поэтому нужда и бытовая неустроенность являлись обычными спутниками сельского интеллигента. Олонецкий земский журнал писал в 1907 г. о сельском учителе: "Ему приходится, забирая все в

кредит, не только на всем переплачивать, но и забираемые у мелких торговцев продукты получать недоброкачественными. Наконец, всегдашнее безденежье ставит учителя в глазах населения в невыгодное положение, роняет его авторитет"[220]. Общественное положение учителей, фельдшеров, акушерок характеризовалось зависимостью от местной администрации и чиновничества, а также рядом официальных запретов (вступать в общественные организации, партии, участвовать в сельских сходах и т. п.).

К. И. Дмитриев

Но и в этих условиях многие передовые представители местной интеллигенции самоотверженным трудом добивались значительных результатов в просвещении крестьянства. Своими достижениями в обучении детей особенно выделялись школы в селах Ведлозеро, Вохтозеро, Муромля, Святозеро, Шуньга и ряде других. В карельском селе Вохтозеро в течение 20 лет работал учителем К.И. Дмитриев, бывший горячим последователем педагогических идей К.Д. Ушинского. С глубоким уважением относился он к жизни и быту карельского крестьянства, изучал карельский язык и историю края. Он разработал собственную методику и наглядные пособия для обучения карельских детей русскому языку и грамоте, создал при школе краеведческий музей. Вохтозерская школа стала подлинным очагом просвещения для крестьян окружающих деревень. Значительных успехов в педагогической деятельности добились учителя А.Д. Георгиевский, М.Д. Георгиевский, И.М. Зыков и ряд других.

Специалисты высшей квалификации — учителя средних школ, врачи, инженеры и т. д. — в подавляющем большинстве жили и работали в губернском центре Петрозаводске и уездных городах. По своему социальному и экономическому положению они были близки к зажиточной мелкой буржуазии, но придерживались различных идейно–политических взглядов: многие из них стояли на либеральных и даже радикальных позициях, но было немало лиц и с консервативными убеждениями.

Библиотеки. Печать

С формированием и численным ростом интеллигенции неразрывно связано возникновение и начало деятельности первых просветительных учреждений Карелии, дальнейшее развитие печати и книгоиздательства, развертывание краеведческих исследований. Наряду с местной интеллигенцией значительный вклад в развитие этих областей культуры внесли и многие из находившихся в Карелии политических ссыльных.

Во второй половине XIX в. в крае начинается формирование библиотечной сети. В 1860 г. возобновила свою деятельность публичная библиотека в Петрозаводске, пользование которой являлось платным. В 1870 г. значительную сумму на ее содержание выделил путешествовавший по Олонецкой губернии великий князь Алексей Александрович. С этого времени и до 1917 г. библиотека носила наименование Алексеевской. Ее книжный фонд, составлявший в 1860 г. около 1 тыс. томов, к концу XIX в. вырос до 5,5 тыс., а число читателей увеличилось с 76 до 247 человек[221].

В 1870–е гг. земские учреждения начинают создавать бесплатные общественные библиотеки в уездных городах края. Деятельность повенецкой и пудожской библиотек в 70–х — начале 80–х гг., связанная с кружками политических ссыльных, стала заметным общественным явлением не только местного, но и российского значения. Начало повенецкой библиотеке было положено в 1869 г., когда группа находившихся здесь политссыльных решила объединить имевшиеся у них книги и вскладчину выписывать газеты и журналы. Идею организации библиотеки поддержали некоторые чиновники. С 1874 г. уездное земство стало выделять небольшие средства на выписку для нее периодических изданий. В 1875 г. фонды библиотеки значительно пополнились: высланный из Курской губернии в Повенец за сочувствие народническому движению дворянин Д.И. Курченинов подарил ей собственное книжное собрание в 1,5 тыс. томов.

Расцвет повенецкой библиотеки тесно связан с именами известного библиографа Д. Сильчевского и автора нашумевшей прокламации "Молодая Россия" П. Зайчневского, прибывших в повенецкую ссылку в 1877 г. П. Зайчневский был избран уездным земством библиотекарем, а Д. Сильчевский стал его помощником. Они превратили библиотеку в одну из лучших в российской провинции. Ими был разработан устав библиотеки, утвержденный Министерством внутренних дел, составлен и издан каталог, инициировано получение значительных постоянных субсидий от земства. Фонды библиотеки насчитывали около 4 тыс. названий книг. Среди них сочинения Бланки, Бокля, Гегеля, Гизо, Грановского, Минье, Соловьева, Прудона, А. Смита и др. В естественно–научном отделе — труды Гекли, Гумбольдта, Дарвина, Мечникова, Сеченова. Раздел художественной литературы был представлен собраниями сочинений всех русских и многих зарубежных классиков. Но значение повенецкой библиотеки не исчерпывалось богатством фондов. Она являлась активно действующим культурно–просветительским учреждением, обслуживающим не только ссыльных и чиновников, но и земских учителей и медицинских работников (бесплатно). Одновременно библиотека служила местом встреч и бесед политссыльных и местной интеллигенции. В 1879 г. полиции стало известно о существовании в колонии политссыльных нелегального народнического кружка, и ссыльные были отстранены от работы в библиотеке. П. Зайчневского и Д. Сильчевского выслали из Олонецкой губернии. В дальнейшем библиотека, хотя и продолжала пополнять свои фонды, но работала уже не столь активно.

В конце 1870–х гг. по примеру повенецкой колонии политссыльные в Пудоже, которых насчитывалось до 40 человек, также приняли деятельное участие в формировании и работе местной земской библиотеки. Благодаря их усилиям библиотека стала пополняться многими центральными журналами, отечественными и переводными книгами общественно–политического, естественно–научного и художественного содержания. В начале 1880–х гг. уездные власти приняли решительные меры для пресечения влияния ссыльных на работу библиотеки[222].

Сельские библиотеки в Карелии стали возникать в конце XIX в. В ряде случаев, как например в селах Важины и Мятусово Олонецкого уезда, они создавались самими крестьянами и содержались на средства сельских общин. К 1905 г. в этом уезде земством также были открыты так называемые народные библиотеки в волостных центрах Видлице, Пидьме, Мегреге и Коткозере. В Пудожском уезде, в основном на земские средства, к концу XIX в. были открыты библиотеки–читальни в селах Бережная Дуброва, Бураково, Кенозеро, Мячево. В начале XX в. здесь возникло еще 7 народных библиотек. Кроме того, при земских школах создавались небольшие библио-

теки, насчитывавшие в среднем по 40 книг, которыми разрешалось пользоваться и взрослому населению.

После первой российской революции в связи с усилившейся просветительской деятельностью земства число библиотек стало расти более быстрыми темпами. К 1918 г. на территории Петрозаводского, Олонецкого, Повенецкого и Пудожского уездов работало уже 43 волостных библиотеки, в каждой из которых имелось от нескольких сотен до двух тысяч книг. В Кемском уезде библиотечная сеть состояла из 11 народных библиотек при школах, 5 из которых находились в волостях с карельским населением[223]. В книжных фондах сельских библиотек преобладала религиозно-нравственная литература и беллетристика. Основную массу читателей составляли дети и подростки. В 1913—1914 гг., например, среди читателей волостных библиотек от 53 до 64% составляли школьники и подростки до 17 лет, около 30% — молодежь до 25 лет. Каждая волостная библиотека должна была обслуживать население в радиусе 15 километров, однако крестьяне отдаленных деревень их почти не посещали. Газеты и общественно-политические журналы поступали в сельские библиотеки в ограниченном количестве.

В конце XIX в. земские учреждения края стали уделять заметное внимание организации в деревнях "народных чтений", которые в основном проводились учителями в школах. Тематика и идейная направленность чтений, круг рекомендованной для них литературы определялись особыми правительственными правилами. Чаще всего чтения посвящались религиозно-нравственным проблемам, крупным событиям отечественной истории, произведениям классиков русской литературы. В отдельных случаях, когда в селах жили соответствующие специалисты, велись беседы с крестьянами на санитарно-гигиенические или агрономические темы.

Оживление культурной жизни края во второй половине XIX — начале XX в. положительным образом повлияло на развитие типографского дела, периодической печати и книгоиздания. Улучшилось техническое оборудование Олонецкой губернской типографии, которая с 1871 г. стала оснащаться скоропечатными машинами, а в 1900 г. при ней открылась переплетная мастерская. В 1897 г. в Петрозаводске появилась первая частная типография — "Северная скоропечатня", принадлежавшая купцу Р.Г. Кацу. С 1898 г. наряду с "Олонецкими губернскими ведомостями" начала выходить еще одна газета — "Олонецкие епархиальные ведомости", освещавшая церковно-религиозную жизнь края, а в 1907 г. появился первый журнал — "Вестник Олонецкого губернского земства". Это были официальные издания. Наряду с ними возникают и неофициальные печатные издания. Выше уже упоминалась кадетская газета "Олонецкий край", выходившая в 1906 г. и закрытая властями. С 1911 г. выпускалась частная газета консервативного направления "Олонецкая неделя", а с 1915 г. — либеральная газета "Олонецкое утро". Были сделаны первые шаги и в области книгоиздания. За 1861—1917 гг. в Петрозаводске выпущено 335 книг и брошюр[224]. Среди них не только издания ведомственного и религиозного характера, но и книги краеведческого направления, подготовленные местными интеллигентами-краеведами.

Изучение Карелии

Становление систематической краеведческой работы в Карелии связано, прежде всего, с деятельностью Олонецкого губернского статистического комитета. Результаты своих изысканий сотрудники комитета периодически публиковали на страницах

А. А. Иностранцев

губернских ведомостей и в "Памятных книжках Олонецкой губернии", выпуск которых начался в 1856 г. Наиболее значительные статьи историко-этнографического содержания были собраны и изданы также в четырех выпусках "Олонецких сборников". Большую работу по сбору и изучению материалов по истории и этнографии Карелии провел секретарь губернского статкомитета А.И. Иванов, опубликовавший в 70-х гг. XIX в. брошюры о пребывании в крае Петра I, об истории Петрозаводска и Александровского завода и ряд других. В 1879 г. он был избран действительным членом общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Перу учителя гимназии К.М. Петрова принадлежит первая книга природоведческого содержания — "Краткое описание Олонецкой губернии", изданная в 1881 г.

С конца XIX в. краеведческая и издательская деятельность были связаны главным образом с земской интеллигенцией. Земскими статистиками активно велась работа по изучению крестьянского хозяйства, кустарных промыслов, состояния народного образования и просветительной работы в крае. В 1873 г. на средства губернского земства и частные пожертвования в Петрозаводске был открыт естественно-промышленный и историко-этнографический музей. Земцы играли ведущую роль в созданном в 1913 г. по предложению олонецкого вице-губернатора и энтузиаста-библиографа А.Ф. Шидловского "Обществе изучения Олонецкой губернии". Общество объединило всех местных краеведов и поставило задачу всестороннего исследования края. Оно приступило к выпуску своих "Известий", выходивших до 8 раз в год, в которых публиковались статьи по вопросам экономического развития края, по изучению его природных ресурсов, истории и культуры. В изучении исторического прошлого и современного состояния Карелии видную роль сыграли такие местные краеведы, как И.И. Благовещенский, В.И. Крылов, С.А. Левитский, В.П. Мегорский, Д.В. Островский, Н.С. Шайжин и некоторые другие.

Благодаря деятельности Архангельского губернского статистического комитета и основанного в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера было издано несколько статей и книг по истории, экономике, быту карельского и поморского населения Кемского уезда. Исключительно богатый и ценный материал о жизни и быте северных карелов собрали сотрудники Архангельского статкомитета ссыльные-народники П.П. Чубинский, опубликовавший в 1866 г. "Статистико-экономический очерк Корелы", и П.С. Ефименко. На основе материалов П.С. Ефименко, дополненных собственными наблюдениями, его жена Александра Ефименко, впоследствии первая в России женщина доктор истории, написала книгу "Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии", увидевшую свет в Петербурге в 1877 г.

С середины XIX в. ряд видных русских ученых вели исследование природных богатств Карелии. Изучением запасов полезных ископаемых в отдельных районах Ка-

релии в разные годы занимались геологи академик Г.П. Гельмерсен, профессора А.А. Иностранцев и Ф.Ю. Левинсон–Лессинг. Исследования в области ихтиологии и рыбного хозяйства на Белом море и Онежском озере проводили К.Ф. Кесслер, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Пушкарев и Н.М. Книпович. Благодаря их трудам были заложены научные основы изучения природных ресурсов края[225].

Театр. Изобразительное искусство. Фольклор

В Карелии даже в начале XX в. не было профессионального искусства. В Петрозаводске с середины 1860–х гг. силами любителей из интеллигенции устраивались литературные вечера. Два самодеятельных кружка — драматический и музыкальный — время от времени выступали со спектаклями и концертами. В 1877 г. в городе возникло "Общество любителей музыкального и драматического искусства", объединившее активных поклонников сцены и просуществовавшее вплоть до 1917 г. В середине 1880–х гг. драматический коллектив общества возглавлял известный актер и режиссер Н.И. Собольщиков–Самарин, впоследствии народный артист РСФСР. Осуществленные им постановки пьес русских классиков А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского стали лучшими творческими достижениями в истории петрозаводского любительского театра.

В начале XX в. попытку организации профессионального театрального коллектива предпринял антрепренер выходец их заонежских крестьян И.Ф. Савельев, набравший труппу из 16 актеров. Театр открылся 26 декабря 1906 г. премьерой по драме Д. Аверкиева "Каширская старина" на сцене Народного дома. В репертуаре театра преобладали легкие пьесы развлекательного характера, хотя осуществлялись и отдельные постановки русской и западно–европейской классики. Однако профессиональная труппа, просуществовав только около четырех лет, в конце 1910 г. после пожара, уничтожившего Народный дом, распалась[226]. С постройкой в 1912 г. Летнего театра в городском саду Петрозаводск стали посещать во время летних гастролей некоторые столичные и провинциальные театральные коллективы.

Свои самодеятельные драматические кружки на рубеже XIX—XX вв. появились во всех уездных городах края.

Суровая и величественная природа Карелии привлекала внимание многих выдающихся русских художников. Здесь бывали К.А. Коровин, А.И. Куинджи, И.И. Левитан, В.Д. Поленов, Н.К. Рерих, В.И. Суриков, И.И. Шишкин, в ряде произведений которых отражена первозданная красота карельских лесов, водопадов, озер. По заказу администрации Олонецкой губернии известный петербургский ваятель академик И.Н. Шредер создал выразительное скульптурное изображение Петра I для памятника в Петрозаводске, установленного в 1873 г. и поныне являющегося своеобразным монументальным символом столицы Республики Карелия. Позже по заказу Олонецкого губернского земства он же создал памятник Александру II, который был установлен в 1885 г. на Соборной площади Петрозаводска напротив здания мужской гимназии.

Начало XX в. ознаменовалось становлением нового вида искусства — кинематографа. Летом 1901 г. в городском саду Петрозаводска местным обществом трезвости были организованы первые регулярные киносеансы, а в 1911 г. в губернском центре открылся первый стационарный кинотеатр "Сатурн". К 1913 г. в Петрозаводске действовало уже три кинотеатра. Основу их репертуара составляли мелодраматиче-

И. А. Федосова

М. Перттунен

ские и комедийные ленты преимущественно зарубежного производства. В уездных городах края и в сельской местности киноустановки отсутствовали.

К началу XX в. относятся и первые шаги в развитии спортивного движения в Карелии. В Петрозаводске в 1910–х гг. довольно регулярно проводились соревнования по скоростному бегу на коньках, появились энтузиасты плавания, парусного и некоторых других видов спорта. В марте 1914 г. было образовано "Петрозаводское спортивное общество", впервые организационно объединившее любителей спорта[227].

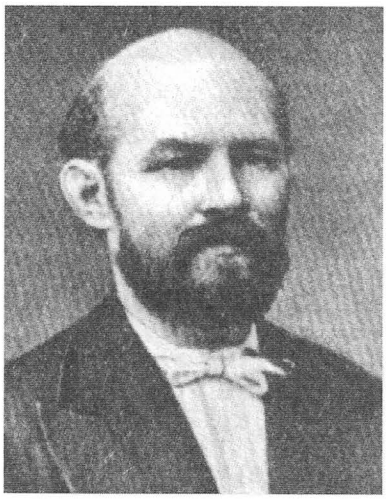
В пореформенные годы среди русского и карельского крестьянства не только сохранялись, но и продолжали развиваться и совершенствоваться многие жанры народной культуры, созданные предшествующими поколениями. Свои нравственные и социальные идеалы, стремление к красоте, любовь к родной земле крестьяне выражали прежде всего в устном и песенном народном творчестве, в художественных ремеслах, в украшениях изб и предметов быта. Как в карельских, так и в русских районах продолжали широко бытовать традиционные формы устного народного творчества: былины, исторические песни, руны, сказки, причитания. В селениях края жило немало людей, хранивших в своей памяти множество произведений фольклора и талантливо их исполнявших. Имена многих мастеров русского фольклора этого времени — заонежских крестьян Т.Г. Рябинина и его сына И.Т. Рябинина, В.П. Щеголенка (Шевелева), И.А. Касьянова, И.А. Федосовой, Н.С. Богдановой, крестьянки Кондопожской волости С.Ю. Тараевой, П.Н. Прохорова и Ф.А. Конашкова из Пудожья, М.М. Коргуева из поморского села Керети — были хорошо известны и за пределами нашего края. Среди карельских рунопевцев особенно выделялись сын знаменитого А. Перттунена М. Перттунен, а также Е. Богданов, А. Лехтонен, П. и В. Лесонены, М. Мартинен из Кемского, Е. Туру из Олонецкого и А. Муйлаччу из Петрозаводского уездов. Воспевание героических подвигов во имя Родины, прославление труда, ненависть к насилию и угнетению — таковы общие гуманистические черты, характерные для всех жанров устного народного творчества, черты, глубоко отвечавшие настроениям крестьянства Карелии.

П. Н. Рыбников

Во второй половине XIX в. началось собирание, публикация и изучение произведений русского устного народного творчества Карелии. Инициатором этой работы, впервые открывшим для отечественной и мировой науки и культуры олонецкие былины, был П.Н. Рыбников, в 1859 г. высланный в Петрозаводск за участие в студенческом движении. Сторонник идей А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского П.Н. Рыбников с глубоким уважением и сочувствием относился к крестьянству, живо интересовался его жизнью и бытом. Служба в канцелярии олонецкого губернатора давала ему возможность для поездок по губернии, во время которых он вел записи произведений фольклора. В 1860 г. только от одного из известнейших заонежских сказителей Т.Г. Рябинина он записал 23 былины героического цикла об Илье Муромце и Добрыне Никитиче. Всего же за 6 лет пребывания в петрозаводской ссылке П. Рыбников прослушал 30 певцов и сказителей и записал от них более 200 былин, сказаний, сказок, духовных песен. Результаты его большой и самоотверженной собирательской работы были опубликованы в четырехтомном издании "Песни, собранные П.Н. Рыбниковым", первый том которого вышел в 1861 г., последний — в 1867 г. Публикация стала подлинной научной сенсацией. Известный литературовед А.Н. Пыпин так писал о реакции на это издание: "Думали, что былины должно искать где–нибудь в Сибири, и когда целый огромный запас их был найден в недалеком соседстве Петербурга, то первым впечатлением ученого мира было изумление, а потом у иных недоумение и даже недоверие"[228].

Публикации П.Н. Рыбникова дали толчок к широкой собирательской работе и изучению русского народного творчества олонецкого края. В 1871 г. путешествие по Олонецкой губернии с целью выявления и записи русского фольклора совершил известный ученый, профессор славистики Петербургского университета А.Ф. Гильфердинг. Итогом его поездки стало трехтомное издание "Онежские былины". В 1884 г. записи фольклора в крае проводил академик А.А. Шахматов. Большой вклад в изучение русского народного творчества Карелии внес преподаватель петрозаводской духовной семинарии, впоследствии видный историк Е.В. Барсов. С его деятельностью связано собирание и публикация такого мало известного тогда науке жанра устного народного творчества, как причитания. Е.В. Барсов записал причитания от одной из талантливейших исполнительниц заонежской крестьянки И.А. Федосовой, которую М. Горький назвал истинно народной поэтессой.

Поэтический талант И.А. Федосовой проявился с ранних лет. О себе она рассказывала, что "с молодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбе ли запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный"[229]. Наряду с большой поэтической одаренностью И. Федосова, до конца жизни оставшаяся неграмотной, обладала замечательной памятью, помогавшей ей в своих плачах свободно пользоваться выразительными средствами всех жанров русского фольклора. В ее причитаниях–импровизациях с громадной художественной силой были отражены многие стороны быта, настроения и чаяния русского



Е. В. Барсов

северного крестьянства пореформенного периода. Причитания, записанные Е.В. Барсовым от Федосовой, были опубликованы в 1872—1885 гг. Эти публикации сразу же привлекли к себе внимание не только ученых-фольклористов, но и многих писателей, общественных деятелей, журналистов. Материалы причитаний широко были использованы Н.А. Некрасовым при работе над поэмой "Кому на Руси жить хорошо" и П.И. Мельниковым-Печерским в романе "В лесах".

Не меньший общественный резонанс вызывали и многочисленные публичные выступления русских сказителей Карелии Т.Г. Рябинина, И.Т. Рябинина, В.П. Щеголенка, И.А. Касьянова и И.А. Федосовой, состоявшиеся в 1870—90-х гг. по инициативе А.Ф. Гильфердинга и учителя Петрозаводской гимназии П.Т. Виноградова. Эти выступления проходили не только в Петербурге и Москве, но и во многих других городах России — Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Киеве, Одессе. С исполнением былин В.П. Щеголенком познакомился в Ясной Поляне Л.Н. Толстой. В 1902 г. с большим успехом прошли выступления И.Т. Рябинина в Болгарии, Сербии, Чехии, Австрии. В ходе поездки сказитель был принят в Зимнем дворце Николаем II и сербским королем Александром в его резиденции в Белграде. Николай II наградил И.Т. Рябинина золотой медалью "За усердие" и часами, а король Сербии — золотой медалью "За услуги кральовому дому"[230]. Все выступления северных сказителей постоянно собирали большие аудитории, на них присутствовали многие выдающиеся деятели науки, литературы и искусства. Вот что писала газета "Русский мир" об одном из первых выступлений Т.Г. Рябинина в Петербурге в 1871 г.: "Нет сомнения, что слушание былин из уст самого сказителя — случай редкий и весьма интересный, который... привлек в заседание громадную публику, большая часть которой за неимением места стояла"[231]. Эти выступления дополняли живыми впечатлениями опубликованные произведения русского народного творчества и сыграли значительную роль в истории отечественной культуры.

Песенные напевы олонецких сказителей нашли широкое отражение в произведениях композиторов А.С. Аренского, М.А. Балакирева, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова. Появились поэтические пересказы народных былин. В картинах В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, Н.К. Рериха, В.И. Сурикова и других художников заметное место заняла тема героических подвигов русских былинных богатырей.

Одновременно с русским народным творчеством в крае велось собирание и изучение фольклора карельского народа, чему во многом способствовало открытие Э. Лённротом карельской эпической поэзии и публикация им эпоса "Калевала" в 30—40-х гг. XIX в. Финские фольклористы — ученики и последователи Лённрота во второй половине XIX — начале XX в. предприняли целую серию поездок по сбору карельского устного народного творчества. Преимущественное внимание они уделяли северной (Беломорской) Карелии, но в ряде случаев их деятельность захватывала также среднюю и южную Карелию. Особенно большую работу по собиранию и изучению

Заонежский сказитель И.Т. Рябинин (в центре), сербский сказитель Жуньич (справа), бывший учитель петрозаводской гимназии П.Т. Виноградов. 1902 г.

карельской народной эпической и лирической поэзии проделали Е. Аспелин, А. Бореиус–Ляхтенкорва, Ю. Крон и К. Крон. В многотомном издании "Собрание песен финского народа" значительное место заняли руны и песни, бытовавшие в карельских волостях Олонецкой и Архангельской губерний. С конца XIX в., помимо рун и лирических песен, широко стали записываться также сказки и причитания. Собирательская деятельность финских ученых помогла сохранить для науки богатейший материал, характеризующий состояние устного поэтического творчества карельского народа, способствовала выявлению талантливых исполнителей фольклора из среды карельских крестьян. Так, в начале XX в. С. Паулахарью "нашел" в д. Войницы исключительно одаренную плакальщицу Анни Лехтонен, от которой записал более двухсот вариантов различных причитаний, множество пословиц, поговорок и заклинаний.

Интерес к карельскому языку и народному творчеству стали проявлять некоторые представители русской демократической интеллигенции, работавшие в Карелии, а также интеллигенты, вышедшие из среды самих карелов. Учителя начальных классов сельских школ М. Георгиевский из Святозера и В. Королев из Видлицы занимались изучением карельского языка, каждый из них самостоятельно составил русско–карельский словарь. Оба словаря были изданы. В 1909 г. с помощью академика

А. Лехтонен (скульптор А. Сайло)

Ф.Ф. Фортунатова в Петербурге был опубликован словарь М. Георгиевского. В. Королев издал свой словарь в 1913 г. в Выборге[232]. Выходец из олонецкой деревни Большие Горы учитель М.С. Куджиев разработал и с 1909 г. вел курс карельского языка (ливвиковский диалект) в Петрозаводской учительской семинарии. В первое десятилетие XX в. в ряде деревень Ухтинской волости Кемского уезда большую собирательскую работу вели местные карелы И. Мартикайнен и Н. Лесонен. Ими было записано много причитаний и различных бытовых обрядов.

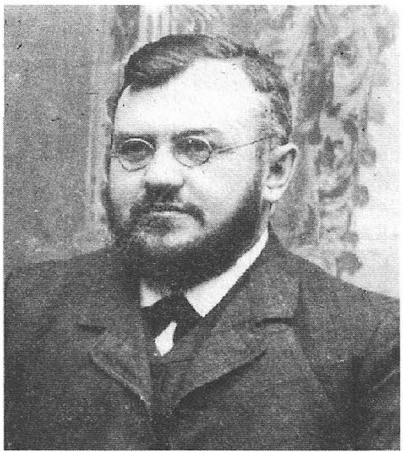
Особенно значительный вклад в изучение культуры и быта родного народа внес выходец из карельского села Святозеро учитель Н.Ф. Лесков. В 1892—1893 гг. он, будучи еще студентом Петербургской духовной академии, по заданию Русского географического общества совершил экспедиции по карельским селениям Петрозаводского и Олонецкого уездов, а также Сердобольского уезда Финляндии, в ходе которых собрал обильный этнографический и фольклорный материал. В 1894 г. Н. Лесков провел этнографические наблюдения также в вепсских деревнях Лодейнопольского уезда. По итогам экспедиций им были подготовлены обстоятельные научные отчеты. Изыскания Н. Лескова получили высокую оценку. В 1894 г. он был награжден серебряной медалью Русского географического общества "За полезные труды". В дальнейшем, работая учителем в Вытегре, Каргополе и Петрозаводске, Н. Лесков по мере возможностей продолжал исследования. В 1892—1902 гг. он опубликовал в общей сложности 17 статей о материальной и духовной культуре карелов в одном из ведущих этнографических журналов России "Живая старина". Н. Лесков был также первым писателем из карелов. Несколько созданных им рассказов, посвященных жизни карельской деревни ("Две репины", "Катти и Матти", "Умер натуральной смертью" и др.), напечатал столичный журнал "Исторический вестник". Эти произведения были с большим интересом встречены общероссийским читателем[233].

Во второй половине XIX в. в России заметно усилился общественный интерес в карело–финскому эпосу "Калевала". Предпринимаются неоднократные попытки перевода отдельных рун эпоса на русский язык, а в 1888 г. в Петербурге впервые был опубликован на русском языке полный текст "Калевалы" в переводе доцента русской словесности Московского университета Л.П. Бельского. Высокий художественный уровень перевода дал возможность нескольким поколениям русских читателей познакомиться с эпосом, узнать и полюбить его героев — Вяйнямейнена, Илмаринена и других, боровшихся против злых и темных сил за счастливую жизнь для всего народа.

В Карелии продолжало сохраняться и развиваться народное деревянное зодчество. Создавая жилые дома и хозяйственные постройки, карельские и русские крестьяне заботились не только об их прочности и удобстве, но и художественном оформлении. Любовь к природе и понимание ее красоты выражались, прежде всего, в умелом

расположении построек, при котором не нарушался окружающий ландшафт.

Художественный вкус и фантазия народа проявлялись также в разнообразных декоративных украшениях крестьянских жилых домов. Особенно богатыми украшениями славились постройки в карельских и русских деревнях южной и средней Карелии и в Заонежье. Карельские плотники, с давних пор известные своим мастерством во многих местах России, украшали жилые дома богатой деревянной резьбой причелин, наличников, балконов. Со временем узоры резьбы значительно усложнились, широко бытовали наличники, украшенные резьбой в стиле барокко. Особенно богатыми украшениями причелин, полотенец, наличников и наружных галерей–балконов, так называемых гульбищ, отличались многие крестьянские дома в Заонежье. Примером может служить ныне широко известный дом крестьянина Ошевнева, находящийся в музее–заповеднике "Кижи".



Н. Ф. Лесков

Изделия высокого художественного уровня изготавливались народными мастерами резьбы и инкрустации по дереву, мастерицами–золотошвейками Кемского и Пудожского уездов, вышивальщицами Заонежья.

Глава VI

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛИИ (1917—1920 гг.)

1. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 г.

Смена власти на местах

Стихийные волнения рабочих и солдат в феврале 1917 г. в Петрограде завершились свержением самодержавия, образованием Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной думы. 2 марта* император Николай II отрекся от престола. Исполком Петроградского совета и Временный комитет Думы договорились о создании Временного правительства во главе с князем Г.Е. Львовым. 3 марта реакционные верхи предприняли шаги к тому, чтобы брат царя Михаил принял корону, но Михаил также счел за благо отказаться от нее. Так завершился период монархии в России. В ходе революции в Петрограде сложилось двоевластие в лице Временного правительства и Петроградского совета. Россия вступила в новую эпоху своей истории.

Вести о событиях в столице ошеломляли и требовали принятия соответствующих мер, чтобы не допустить разрастания анархии и массовых беспорядков. Первые сообщения о революции в Петрограде поступили в Петрозаводск 25—26 февраля. Однако олонецкий вице–губернатор Н.Л. Шишков поначалу решил скрыть их от населения и лишь 2 марта собрал руководителей губернской администрации, земства и городской думы, где зачитал телеграммы о волнениях в столице. Тут же было решено обратиться к жителям Петрозаводска с просьбой "сохранять спокойствие и исполнять свой долг перед родиной содействием успеху доблестной армии в ее упорной борьбе на поле брани".

3 марта газета "Олонецкое утро" опубликовала телеграмму о падении самодержавия и воззвание к населению сохранять спокойствие. Вечером из Петрограда прибыла группа солдат и матросов, которые на концерте в здании общественного собрания огласили манифест об отречении Николая II. Представители местной интеллигенции образовали временный Комитет общественной безопасности (КОБ).

На следующий день о свержении самодержавия стало известно рабочим Александровского завода. Они прекратили работу и собрались на митинг. К рабочим присоединились солдаты 7–го железнодорожного батальона и горожане. Участники митинга с красными флагами вышли на демонстрацию. Между тем, в городе началось разоружение полиции и жандармерии, а начальник губернского жандармского управления А.К.Вадецкий был арестован. Вечером состоялось чрезвычайное заседа-

** До 1 февраля 1918 г. все даты событий, происходивших в стране и Карелии, приводятся по старому стилю.*

Олонецкое губернское земское собрание. 1917 г.

ние городской думы. Дума выразила поддержку Временному правительству и избрала постоянный Комитет общественной безопасности во главе с городским головой предпринимателем Г.Е. Пименовым. В состав комитета вошли не только представители местной буржуазии и интеллигенции, но и рабочих и солдат. Через несколько дней демократически настроенное большинство комитета настояло на переизбрании президиума. 7 марта председателем Петрозаводского КОБ стал железнодорожный инженер социал–демократ интернационалист Л.В. Никольский. Подобные комитеты из представителей средних городских слоев, интеллигенции и просто обывателей возникли и в уездных городах губернии. Комитеты общественной безопасности, представлявшие различные социальные слои населения, по праву претендовали на власть на местах, чтобы противостоять угрозе реставрации монархии.

Петрозаводский комитет общественной безопасности, приступив к работе, пытался активно участвовать в развернувшихся событиях. Рабочая комиссия комитета поддержала требования рабочих Александровского завода и предложила начальнику Олонецкого горного правления повысить расценки заработной платы, исходя из минимума оплаты 80—90 руб. в месяц для взрослых и 1 руб. 50 коп. в день для подростков, а также установить 8–часовой рабочий день. Продовольственная комиссия начала учет продовольствия и предметов первой необходимости, выработала нормы отпуска продуктов по особым ордерам из заводских лавок. При участии комитета в городе возникла милиция, начавшая борьбу с хулиганством и беспорядками.

Одновременно пыталось укрепить свое положение на местах и Временное правительство, опиравшееся на земства и городские думы. 5 марта появился правительственный циркуляр, согласно которому управление на периферии возлагалось на председателей губернских земских управ “со всеми правами, предоставленными действующими узаконениями губернатору”. Комиссаром Временного правительства

И. Ф. Кучевский

в Олонецкой губернии был назначен председатель губернской земской управы И.Ф. Кучевский, которому 7 марта передал управление губернией вице–губернатор Н.Л. Шишков. В уездах комиссарами Временного правительства автоматически становились председатели уездных земских управ. В результате права и обязанности земского самоуправления резко возросли. Земским управам предстояло взять на себя всю ответственность за обеспечение порядка и нормальной жизни граждан на местах.

Расширение демократии и свободы породило в народе эйфорию и иллюзии. Все ждали скорых перемен к лучшему. Повсеместно развернулась работа по образованию новых органов власти, обновлению политических лозунгов и требований, созданию различных массовых организаций, стремившихся внести свой вклад в демократизацию России.

Наиболее активно в этом процессе участвовали рабочие и демократически настроенная интеллигенция. Уже 8 марта 1917 г. рабочие Александровского завода избрали заводской комитет, а затем разработали устав и программу действий комитета, выдвинув ряд требований: повышение заработной платы рабочим в связи с ростом цен на продукты питания, увольнение с работы ряда мастеров и служащих заводоуправления за грубое обращение с рабочими[1]. Требования рабочих были удовлетворены.

Почти одновременно в Петрозаводске появились союзы учителей, печатников, служащих земских учреждений, местного духовенства, медицинских работников, женский союз и другие. Тогда же возникли заводские комитеты на лесозаводах Сороки, Ковды, Керети, Попова Острова (Рабочеостровск), Уницы. Ознакомившись с приказом № 1 по Петроградскому гарнизону, который уравнивал в правах солдат с офицерами и призывал к самочинной организации солдатских масс, солдаты воинских частей, расположенных в Петрозаводске, Кондопоге, Сегеже, Кеми, избрали солдатские комитеты как органы контроля за действиями командования. Все социальные слои пришли в движение и через свои организации стремились выразить отношение к происходившим событиям, добиться удовлетворения насущных требований.

В качестве наиболее массовой и авторитетной организации проявил себя исполнительный комитет союза рабочих и служащих Мурманской железной дороги, организованный 24 марта 1917 г. Возглавил его убежденный социал–демократ Л.В. Никольский. В уставе союза говорилось, что он "ставит своей целью: 1) объединение железнодорожных служащих, рабочих и мастеровых; 2) защиту и борьбу за политические, правовые, классовые, профессиональные и экономические интересы своих членов, а также содействие их культурному развитию; 3) участие в общей борьбе за интересы рабочего класса и трудящихся масс против всех видов угнетения и эксплуатации и 4) наблюдение за правильным ведением железнодорожного хозяйства в интересах общегосударственных"[2]. Отмечалось, что осуществление этих целей возможно лишь при наличии демократических свобод и равенства граждан на основе проведения в жизнь подлинного народовластия в форме демократической республики.

Л. В. Никольский

А. А. Копяткевич

Исполком опирался на районные исполкомы союза на станциях Петрозаводск, Лодейное Поле, Медвежья Гора, Масельгская, Сорока, Кемь, Кандалакша. Союз не только защищал профессиональные интересы железнодорожников, но и активно вмешивался в организацию железнодорожных перевозок, обеспечивая нормальную работу Мурманской железной дороги. Прежде всего исполком добился решения Временного правительства о выкупе части магистрали Званка—Петрозаводск у акционерного общества и присоединения ее к линии Петрозаводск—Мурманск. В апреле—мае 1917 г. работала специальная комиссия Министерства путей сообщения по присоединению Олонецкой железной дороги к российской сети дорог.

По примеру Петрограда и других революционных центров страны в Карелии появились также советы рабочих и солдатских депутатов. Одним из первых возник Петрозаводский совет, созданный по инициативе рабочих Александровского завода и типографий, железнодорожников и солдат. В организации совета деятельное участие принял командированный в Петрозаводск депутат Петроградского совета Александр Антонович Копяткевич, известный местным жителям своей революционной деятельностью еще со времен первой русской революции.

Первое заседание Петрозаводского совета состоялось 15 марта 1917 г., на нем присутствовало 35 депутатов. Копяткевич рассказал о положении в столице, о деятельности Временного правительства и Петроградского совета, заметив, что позиция правительства не всегда последовательна, но совет решил помогать ему, если он “не будет нарушать народных интересов и будет стремиться к скорому созыву Учредительного собрания согласно выработанной Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов декларации о гражданских свободах”. Собравшиеся решили установить тесные связи с Петроградским советом, считая его центральным органом, и обещали “проводить его точку зрения”, распространить на Петрозаводск приказ № 1 Петроградского совета, предоставивший широкие права солдатам. Кроме того, Совет решил направить своих представителей в Петрозаводский комитет

общественной безопасности для контроля за его деятельностью[3]. В Совете начали работать члены Петрозаводской социал–демократической организации 1906—1908 гг. Т. Богданов, В. Скоков, А. Харитонов, представители демократически настроенной интеллигенции: инженер Л. Никольский, учитель В. Парфенов, журналист Л. Гершанович, прапорщик Н. Комаров и другие. В отчете исполкому Петроградского совета о поездке в Петрозаводск А.А. Копяткевич отмечал: "Настроение в городе хорошее. Все сознают необходимость закрепления завоеванных прав, но еще нет гражданской сознательности и гражданской опытности. Помощь со стороны Петроградского совета в виде деловых поездок и инструкций весьма необходима... особенно важным был вопрос о войне: мир без аннексий и контрибуций — вот то новое, что признало население и что я считаю самым существенным в своей работе"[4].

30 марта Петрозаводский совет обсудил вопрос об отношении к Временному правительству. "После оживленного обмена мнениями, — говорится в протоколе заседания, — по этому вопросу большинство склонилось к точке зрения Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов: поддержка Временного правительства, пока оно не идет вразрез с революционными требованиями народа. Наряду с такой поддержкой правительства совет считает необходимым указать на ту громадную историческую роль, которую имел и имеет Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в деле завоевания свободы"[5].

Летом 1917 г. советы возникли также в Кеми и на Поповом Острове. Организаторами их были передовые рабочие и солдаты. Проходивший в начале мая 1917 г. в Кеми съезд рабочих, служащих и солдат средней части Мурманской железной дороги (Сорока—Кандалакша) принял постановление создать в Кеми Центральный совет рабочих и солдатских депутатов. Согласно положению о Кемском совете, принятому на этом съезде, в его состав должны были войти представители от железнодорожников, рабочих местных лесозаводов и крестьян всего Кемского уезда.

Советы пользовались поддержкой трудящихся. Их руководство стремилось решать назревшие вопросы путем давления на местные органы Временного правительства. Однако большинство депутатов еще неясно представляло себе роль и задачи советов в начавшейся революции, стремилось достичь согласия с буржуазией и местной администрацией Временного правительства в решении тех или иных вопросов, выдвигаемых населением. В качестве ближайших задач советы ставили борьбу за демократическую республику, созыв Учредительного собрания и прекращение войны.

Депутаты наивно полагали, что можно заставить Временное правительство при поддержке советов и других массовых организаций разрешить все злободневные вопросы и создать в стране демократическое гражданское общество, а также заключить мир между воюющими государствами без аннексий и контрибуций. Примечательно, что все местные советы рассматривали Петроградский совет в качестве руководящего органа и вслед за ним заявляли о поддержке Временного правительства, полагая, что оно под контролем масс добьется удовлетворения чаяний народа.

Своеобразие политической обстановки в Карелии в тот период заключалось в том, что местное население почти не разбиралось в политике. В крае преобладали крестьяне и городские средние слои. Они–то и оказывали определяющее влияние на политическую жизнь на местах. Немногочисленный промышленный пролетариат был разбросан небольшими группами в Петрозаводске, на железнодорожных станциях и в рабочих поселках лесозаводов, что затрудняло его организацию и политическое

воспитание. Поэтому насущной задачей дня стало создание политических организаций трудящихся масс, их сплочение в борьбе за свои интересы.

31 марта 1917 г. в Петрозаводске организовалась группа социалистов–революционеров, в которую вошли чиновники земских учреждений, рабочие и солдаты. Руководили группой К.В. Алмазов, П.Т. Введенский, И.Н. Капусткин, И.Н. Новожилов, Г.И. Прохоров, А.А. Садиков и другие. К лету 1917 г. организация насчитывала до 50 членов[6]. Она установила связь с Петроградом, русскими гарнизонами в Гельсингфорсе и Свеаборге. Член Петрозаводской организации эсеров М.А. Евстафьев позднее отмечал: "Большинство платило членские взносы и слушало, что говорят ораторы. Люди не знали программных вопросов"[7].

Вскоре эсеровские группы возникли на ряде станций Мурманской железной дороги, в Кеми, Олонце, Сумском Посаде[8]. Эсеры пользовались значительным влиянием среди крестьян. Они, как и меньшевики, делали ставку на земства, а в лице советов видели лишь органы по подготовке масс к Учредительному собранию и созданию земского самоуправления на основе всесословного представительства. Их популярность поддерживалась пропагандой лозунга уравнительного крестьянского землепользования.

В апреле 1917 г. с помощью А.А. Копяткевича в Петрозаводске была восстановлена городская организация РСДРП, в которую вошли участники социал–демократических кружков периода первой русской революции (46 человек)[9]. Организация складывалась как объединенная, состоявшая из меньшевиков различных оттенков, от оборонцев до интернационалистов (сторонников Ю.О. Мартова и газеты "Новая жизнь"). Она насчитывала в мае до 300 членов. Преобладали социал–демократы интернационалисты во главе с В.М. Куджиевым, только что вернувшимся в Петрозаводск после окончания Петроградского университета, поручиком 7–го железнодорожного батальона Н.В. Комаровым, инженером управления Мурманской железной дороги Л.В. Никольским, врачом М.Н. Заводовским. В организации образовалась небольшая группа сочувствующих большевикам рабочих (Т.Е. Богданов, И.И. Васильев, А.Ф. Маликов, Н.И. Одинцов, Н.С. Песков, И.В. Чижиков) и интеллигентов (Я.К. Берзтыс, П.В. Кулагин, В.М. Парфенов).

Социал–демократы интернационалисты не имели четкой политической линии. По коренным вопросам развития революции они придерживались меньшевистских взглядов, считая социалистическую революцию в России преждевременной и невозможной. Интернационалисты выступали за условную поддержку Временного правительства и "контроль" над ним со стороны советов. Многие из рядовых членов организации еще не определили своих взглядов и, слабо разбираясь в разногласиях между большевиками и меньшевиками, считали необходимым всем социал–демократам работать вместе.

Одновременно начали действовать небольшие группы, руководимые социал–демократами интернационалистского и большевистского толка в Кандалакше (инженер Н.Д. Курасов), в Энгозере (рабочий М.А. Парахин), в Поньгоме (железнодорожник А.И. Мосорин), в Княжой Губе (грузчик И.О. Лойко), в Кеми (служащий А.А. Груздев), в Сороке (рабочий депо М.В. Фостий), в Сумском Посаде (политический ссыльный А.А. Каменев), в Сегеже (врач Н.Я. Богдатьева), в Кондопоге (солдат Ф.З. Шумилов) и других местах. Отдельные из них устанавливали связи с Петроградом и Архангельском. Социал–демократы выступали на митингах и собраниях, устраивали читки газет, разъясняли суть своих взглядов на происходившие события.

В новой обстановке заявили о себе сторонники партии народной свободы (каде-

ты). В мае образовалось Петрозаводское отделение этой партии. В состав бюро организации кадетов вошли адвокат И.И. Леви, домовладелец В.Г. Богданов, городской голова Г.Е. Пименов, учитель В.И. Крылов и другие. К августу кадетская организация насчитывала до 95 членов и опиралась в основном на местную буржуазию, служащих и духовенство[10]. Их программа легла в основу деятельности местных органов Временного правительства, хотя отношение масс к кадетам оставалось настороженным, и они не пользовались сколько–нибудь заметным влиянием в уездах Олонецкой губернии.

В результате, весной 1917 г. в Карелии сложились три центра притяжения общественно–политических сил, претендовавших на власть: администрация губернского комиссара Временного правительства, опирающаяся на земское и городское самоуправление; система комитетов общественной безопасности, представляющая собой достаточно аморфное представительство различных обществ, союзов, кооперативов, политических партий и т. п., и, наконец, советы рабочих и солдатских депутатов, среди которых выделялся своей активностью Петрозаводский совет. Все эти организации стремились упрочить свое положение и выступать от лица народа. В борьбе за влияние и власть губернский комиссар Временного правительства и земцы не получили широкой поддержки у местного населения. На них смотрели как на "господ", средоточие бюрократизма и произвола прежней власти. Доверие к ним вскоре начало совсем гаснуть. Комитеты общественной безопасности, вначале имевшие широкое признание, не пользовались, однако, поддержкой в центре. Власть видела в них лишь "глас народа". Разнородность социального состава, неопределенность позиции, стремление уйти от обсуждения и решения острых вопросов и безусловная поддержка Временного правительства отталкивали от них радикально настроенных людей. Комитеты общественной безопасности так и не смогли найти своего места в развернувшейся борьбе. Роль Петрозаводского комитета общественной безопасности свелась к услужничеству губернскому комиссару Временного правительства.

Нарастание революционного движения

Роль советов день ото дня возрастала. Петрозаводский совет приобрел авторитет среди населения города, к его решениям вынуждены были прислушиваться не только городская управа, но и губернская администрация. Состав совета пополнялся все новыми представителями от различных организаций и трудовых коллективов города. К маю 1917 г. он насчитывал уже до 80 депутатов, из них рабочих — 25, солдат — 26 и служащих — 29. Фракция объединенных социал–демократов в совете насчитывала 33 человека, эсеров — 16, остальные — беспартийные и один народный социалист. Представители социал–демократов и эсеров заняли руководящее положение в исполкоме совета и его комиссиях. Председателем исполкома Петрозаводского совета в апреле был избран беспартийный прапорщик Е.И. Венгеров, а товарищем председателя — земский служащий меньшевик М.А. Крямичев. С мая председателем исполкома стал социал–демократ интернационалист Василий Михайлович Куджиев. При недостатке радикально настроенных революционных сил на первых порах политическое лицо совета определяли так называемые "соглашатели". Тем не менее, под давлением рабочих и солдат совет должен был проявлять себя как зачаток народной власти. Уже 24 марта он признал, что Петрозаводский комитет общественной безопасности сформирован произвольно и не отвечает своему назначению. Совет ввел в его состав

20 своих представителей и выразил недоверие губернскому комиссару Временного правительства И.Ф. Кучевскому[11].

Усиление разрухи и продовольственных трудностей заставило Совет вмешиваться в экономическую жизнь и защищать интересы трудящихся. Особенно упорная борьба развернулась за расширение контроля над распределением продовольствия, поскольку поступление хлеба в губернию шло с перебоями и не удовлетворяло даже четверти потребности. В марте—апреле Петрозаводский совет привлек к уголовной ответственности заведующего хозяйственной частью Александровского завода Ивукова за хищение имущества и продовольствия, создал комиссию и приступил к осуществлению контроля за хранением продовольствия в интендантском складе на станции Петрозаводск, за распределением и отправкой хлеба в уезды, принял решение об увеличении пайка семьям мобилизованных в армию; в июне совет предложил Петрозаводской продколлегии реквизировать у купца Митрашевского 18 мешков сахара[12]. Совет решил взять на учет все мануфактурные и кожевенные товары, установить твердые цены на них. Исполком назначил комиссию для проверки соблюдения твердых цен.

Однако неопределенность положения совета в системе власти сковывала его деятельность, нередко служила причиной принятия общих, ничего не значащих решений. Острые вопросы переносились в согласительные комиссии или вообще игнорировались. Беспомощность совета усиливала недовольство масс, чем пользовались наиболее радикально настроенные депутаты, призывая народ действовать решительно и бескомпромиссно.

Наибольшую активность и организованность в этих условиях проявляли рабочие и городская беднота, которых война поставила на грань полуголодного существования. Они живо откликались на важнейшие события в стране. 18 апреля (1 мая) в Петрозаводске, уездных городах, на крупных железнодорожных станциях, в рабочих поселках состоялись митинги и собрания в честь дня международной пролетарской солидарности. В Петрозаводске демонстранты прошли по главным улицам с красными знаменами и лозунгами: "Да здравствует демократическая республика!", "Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!", "Да здравствует Интернационал!", "Мир без аннексий и контрибуций!" Шествие прерывалось митингами, во время которых раздавались речи "по вопросу о борьбе пролетариата с буржуазией, о 8–часовом рабочем дне и о перспективах всеобщего разоружения"[13].

В Пудоже и других уездных городах первомайские торжества начались с молебнов в храмах, а затем манифестаций с красными флагами и пением революционных песен. В Сегеже, как сообщала "Правда" 16 мая, собравшиеся приняли резолюцию, в которой говорилось: "1. Так как война ведется в интересах буржуазии и ослабляет революционные силы народа, требовать прекращения войны совместно с союзниками. 2. Выразить доверие Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов". Рабочие и солдаты Сегежи настаивали на конфискации частновладельческой земли, опубликовании тайных договоров, заключенных царским правительством с союзниками, скорейшем созыве Учредительного собрания, наложении контрибуции на буржуазию, вооружении всего народа. Рабочие Ковды устроили антивоенную демонстрацию, в ходе которой ораторы призывали к заключению мира. Демонстранты несли знамена с лозунгами: "Да здравствует пролетариат!", "Борьба с капиталом!"

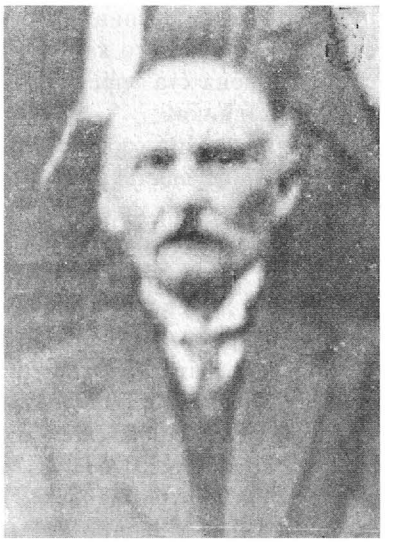
Однако широкие слои населения Карелии были еще далеки от ясного понимания сложившейся в стране обстановки и перспектив дальнейшего развития революции. Своими действиями они демонстрировали лишь искреннее стремление к достижению

Съезд уездных и волостных земельных комитетов Олонецкой губернии

мира и согласия в обществе на основе установления в стране подлинной демократии и свободы. Политические организации и объединения трудящихся пытались придать выступлениям рабочих и крестьян целеустремленность и организованный характер, не задумываясь над тем, что это может вызвать обострение раскола в обществе и стихию революционной смуты. Оценивая общественно–политическую обстановку в Карелии летом 1917 г. в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание, руководитель петрозаводских социал–демократов В.М. Куджиев отмечал, что провести своих кандидатов будет трудно, так как "массовый избиратель состоит из крестьян, политически совершенно не воспитанных и не введенных в прочные рамки организации". Куджиев сетовал на то, что советы еще политически не оформлены и организационно не скреплены. Поэтому на местах будут выдвигать "хороших людей", "олончан". Говоря о работе партийной организации, он отметил: "Еле–еле справляемся. Едва успеваем обслуживать город. Деревню снабжаем только литературой, но не работниками. Все активные члены организации буквально задавлены работой в массе организаций и комиссий"[14].

Рабочие добивались установления законным путем 8–часового рабочего дня, прибавки заработной платы, введения твердых цен на продовольствие. Решения по этим вопросам принимались повсеместно. Первое время предприниматели шли на уступки рабочим и удовлетворяли их требования. Но после первого повышения заработной платы подскочили цены на хлеб и другие продовольственные товары, а домовладельцы взвинтили плату за жилье, что привело к новым конфликтам рабочих с предпринимателями и торговцами. В мае пришлось уменьшить норму выдачи хлеба рабочим Петрозаводска до одного пуда на члена семьи в месяц. Положение с продовольствием на железной дороге и лесопильных заводах Поморья было еще хуже. Рабочие стали не только требовать улучшения продовольственного снабжения, но и настаивать на ввe-

дении своего контроля над производством. На Александровском заводе завком начал принимать меры к получению чугуна, чтобы обеспечить работу мартеновской печи и сталепрокатного цеха.



А. Ф. Кожевников

Революция внесла оживление в политическую жизнь деревни. С весны 1917 г. там обсуждались события в центре страны, избирались местные органы власти, создавались земельные и продовольственные комитеты. В ряде деревень (Великая Губа, Ладва, Нигижма, Шуньга, Ялгуба) имели место выступления против земских управ, крестьяне отказывались от уплаты налогов и исполнения повинностей. На волостных и сельских сходах принимались наказы по поводу решения аграрного вопроса. Крестьяне считали, что земля должна принадлежать им без всякого выкупа и распределяться по трудовой норме, вполне достаточной для удовлетворения потребностей семьи. Особое беспокойство среди населения вызывали перебои с подвозом хлеба и рост цен на продукты питания. С мест шли жалобы на массовую скупку торговцами хлеба из общественных складов и перепродажу его в Финляндию. Губернский продовольственный комитет пригрозил привлечь к ответственности виновных в вывозе продовольствия за пределы губернии, но никто из купцов не понес наказания за спекуляцию и мародерство. Наоборот, губернский и уездные правительственные комиссары требовали от населения проявлять терпение, не допускать насилия и самоуправства в отношении местных чиновников, торговцев, предпринимателей. В результате среди людей росла тревога за будущее страны и своих семей. Местные власти не смогли остановить развал хозяйства, произвол купцов и предпринимателей, наладить продовольственное снабжение. Это заставляло трудящихся самих браться за устранение трудностей и наведение порядка.

Обсуждению назревших вопросов был посвящен I Олонецкий губернский съезд крестьянских депутатов, проходивший в мае 1917 г. в Петрозаводске. На съезд прибыло 125 представителей от волостных и сельских сходов. Съезд высказался за проведение аграрной реформы на основе эсеровской программы уравнительного землепользования. Крестьяне требовали передать крестьянские наделы в ведение органов местного самоуправления. Вопреки предложению эсеров подождать с решением земельного вопроса до Учредительного собрания собравшиеся постановили дать местным земельным комитетам и советам право самим устанавливать временные земельные отношения и удовлетворять наиболее нуждающихся в земле, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. В резолюции по продовольственному вопросу указывалось на необходимость проведения строгого учета имеющегося продовольствия в губернии, введения карточной системы на продукты питания, установления твердых цен на промышленные товары первой необходимости и осуществления контроля за распределением продовольствия. Съезд обратил особое внимание на снабжение хлебом пограничных с Финляндией Ребольской, Поросозерской и других волостей, где ощущался настоящий голод[15].

Съезд поддержал требование Петрозаводского совета рабочих и солдатских де-

путатов об отстранении от должности губернского комиссара Временного правительства И.Ф. Кучевского как ставленника старого режима. Преемником его на этом посту с 11 июня стал председатель губернской земской управы народный социалист А.Ф. Кожевников.

Съезд выразил горячее стремление к установлению тесного союза крестьян с рабочими для осуществления общих целей в революционной борьбе. В знак солидарности было решено слить исполнительный комитет Олонецкого губернского совета крестьянских депутатов с Петрозаводским советом рабочих и солдатских депутатов. 22 июня 1917 г. образовался Олонецкий губернский совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Руководящее положение в нем осталось по–прежнему за социал–демократами и эсерами. Председателем объединенного исполкома был избран социал–демократ интернационалист В.М. Куджиев, товарищами председателя — крестьянин Каргопольского уезда социал–демократ интернационалист С.И. Часовенный и председатель солдатского комитета 8–й железнодорожной бригады, социал–демократ интернационалист Н.В. Комаров. С 29 июня начала издаваться газета "Известия Олонецкого губсовета". В первом ее номере заявлялось, что Олонецкий губсовет будет "открыто и честно отстаивать интересы рабочего класса и крестьянства, защищать слои городской и деревенской бедноты".

Объединение советов имело важное значение. Совместная деятельность рабоче–крестьянских депутатов в едином губернском органе способствовала повышению авторитета совета. Рабочие, солдаты, крестьяне шли в губернский совет со своими просьбами, требованиями, жалобами в надежде получить от него поддержку и защиту. Депутаты в меру своих возможностей и в рамках существующих законов пытались защитить интересы малоимущих слоев населения, но постоянно наталкивались на сопротивление земских учреждений и местной буржуазии.

Усиление влияния Олонецкого губсовета вызывало беспокойство губернских властей. В начале июня они предприняли попытку сформировать в противовес Совету губернский комитет общественных организаций, но комитет был сформирован лишь 25 июля. В него вошли по 7 представителей от губернского земства, уездных комитетов и губернского совета крестьянских депутатов, 5 от совета рабочих и солдатских депутатов и по 3 представителя от социал–демократов, эсеров и кадетов. Председателем комитета был избран помощник губернского комиссара Временного правительства Ф.И. Прохоров, придерживавшийся меньшевистских взглядов. Новый комитет заявлял, что его цель — объединение интересов всех слоев населения, но по существу он сразу же встал на защиту политики Временного правительства и являлся совещательным органом при губернском комиссаре Кожевникове.

8 августа 1917 г. комитет общественных организаций сформировал представительную делегацию для участия в созываемом в Москве Государственном совещании. Как известно, это совещание разработало меры по роспуску советов, упразднению общественных организаций в армии, продолжению войны до победного конца и явилось преддверием корниловщины. Ни о каком единстве в деятельности комитета не могло быть и речи, ибо представленные в нем социал–демократы и эсеры не могли договориться с кадетами о совместной программе действий.

По мере того, как падал авторитет Временного правительства и его органов на местах, усиливалась и борьба внутри Олонецкого губсовета. На одном из заседаний губсовета, проходившем 3—4 июля по вопросу о текущем моменте и отношении к Временному правительству, развернулась острая дискуссия о положении в губернии. Выступавшие говорили о трудностях с доставкой продовольствия, о хозяйственной

II Олонецкий губернский съезд крестьянских депутатов

разрухе и путях выхода из сложившейся ситуации. Губернский комиссар Временного правительства А.Ф. Кожевников сообщил, что из назначенных на май—июнь 1,5 млн пудов хлеба поступило лишь 50 тыс. пудов. Левый эсер К.В. Алмазов выразил беспокойство в связи с надвигающимся промышленным и финансовым кризисом. Представитель Петроградского совета член ВЦИК левый эсер И.В. Балашов требовал от местных властей более решительных действий по преодолению продовольственных трудностей. Руководители губсовета В.М. Куджиев, Н.В. Комаров, С.И. Часовенный и прибывший в Петрозаводск член Петроградского совета большевик А.А. Копяткевич предлагали принять меры по "принудительному отчуждению капитала" и "введению социализма". Внесенная ими резолюция содержала призыв к разрыву с кадетами и сформированию "социалистического правительства", ответственного перед ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако меньшевики–оборонцы и правые эсеры добились принятия большинством в один голос (за — 16, против — 15) резолюции, выражавшей доверие Временному правительству[16].

Последующие события еще более накалили обстановку. На II Олонецком губернском съезде крестьянских депутатов, проходившем 11—14 августа 1917 г., представители с мест резко критиковали Временное правительство за развал экономики и нарастание продовольственных трудностей. Собравшиеся подтвердили требование майского съезда крестьянских депутатов о том, что вся земля (казенная, удельная, кабинетская, помещичья, купеческая, частновладельческая, монастырская, церковная и т. д.) "должна принадлежать всему трудовому народу без всякого выкупа", а распределение ее должно происходить "при самом широком участии местных народных органов самоуправления". Делегаты съезда настаивали на принятии мер "к устранению острой земельной нужды в тех местах, где это наблюдается", до созыва Учредительного собрания.

На съезде присутствовала делегация от рабочих Александровского завода (И. Васильев, П. Одинцов, Н. Печерин, В. Скоков и др.), а также представители от олонецкого землячества в Гельсингфорсе (Дубинкин и Новожилов). От имени рабочих и матросов И. Васильев и В. Дубинкин приветствовали крестьян и пожелали им успешного решения аграрного вопроса, пообещав поддержку пролетариата и военнослужащих. Васильев заявил: "Мозолистая рука рабочего чувствует мозолистую руку крестьянина. Рабочие и крестьяне должны быть вместе, и тогда не сломит их никакая сила"[17].

II губернский съезд крестьянских депутатов утвердил кандидатами в Учредительное собрание от крестьян губернии члена исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов учителя А.Ф. Матвеева, выходца из олонецких крестьян, и тверского карела М.Д. Шишкина, который до революции отбывал ссылку в Карелии, а в 1917 г. являлся членом Государственного комитета по народному образованию, был одним из видных деятелей российской кооперации и ее делегатом на Стокгольмскую конференцию социалистов.

Летом 1917 г. в городах Карелии проводились выборы в городские думы. Между кадетами с одной стороны, социал–демократами и эсерами — с другой шла острая борьба за места в органах городского самоуправления. Кадеты призывали "к единению всех граждан во имя спасения Родины" и к продолжению "войны до победного конца". При их участии в Петрозаводске и уездных центрах шло распространение "займа свободы". Однако кампания в пользу "займа свободы" не дала желаемых результатов: горожане не подписывались на заем, имевший целью продолжение войны. Петрозаводский комитет партии народной свободы выдвинул свой список кандидатов в состав городской думы и намеревался с помощью келейно подобранных участковых избирательных комиссий добиться успеха. Но уловка не удалась. Рабочие настояли на установлении контроля за ходом выборов.

30 июля Олонецкий губсовет обнародовал свой список кандидатов в Петрозаводскую городскую думу в количестве 35 человек (17 социал–демократов, 15 эсеров и 3 беспартийных), а 17 августа опубликовал программу, которая предусматривала решение продовольственного вопроса, снабжение города топливом, проведение водопровода, организацию коммунальной службы, выделение средств на содержание детских домов, бесплатную медицинскую помощь для малообеспеченных граждан, переложение налогов "с бедноты на имущие классы". Подали свои списки кандидатов в Петрозаводскую думу и земцы, железнодорожники, служащие правительственных учреждений. На состоявшихся 3 сентября 1917 г. выборах победил список Олонецкого губсовета. В Петрозаводскую городскую думу было избрано 25 человек из выдвинутых 35. Теперь новая городская управа состояла целиком из социалистов, председателем ее стал социал–демократ интернационалист Н.В. Комаров. Ни один из 8 гласных думы от партии кадетов не вошел в состав управы[18]. Первое заседание вновь избранной Петрозаводской городской думы состоялось 15 сентября 1917 г.

Но в уездных городах и Сумском Посаде при выборах органов местного самоуправления к руководству пришли домовладельцы, купцы, рыбопромышленники, предприниматели. Рабочие и средние городские слои получили ограниченное представительство в местном самоуправлении.

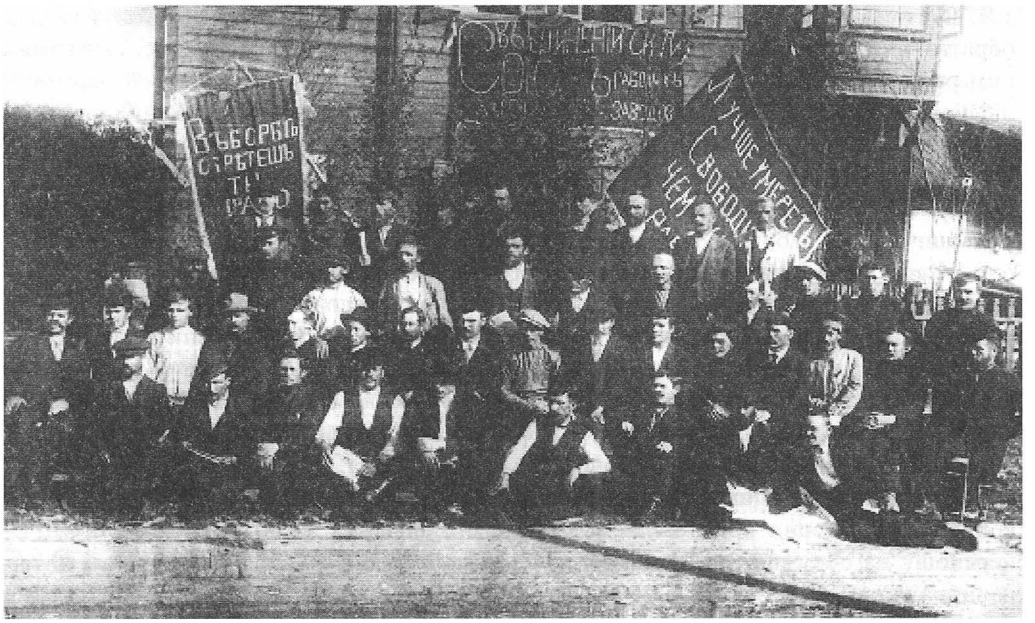
В августе 1917 г. в Петрозаводске состоялся Олонецкий губернский съезд партии эсеров. К этому времени в губернии насчитывалось до 400 эсеров, из них в Петрозаводске около 100. Съезд избрал губком эсеровской организации (А.А. Садиков, К.Н. Капусткин, А.Ф. Матвеев); военную организацию эсеров возглавил И.П. Моро-

зов. В своих решениях съезд нацелил организацию на оживление работы в уездах, обратил внимание на подготовку к выборам в Учредительное собрание, связывая с ним решение земельного вопроса и осуществление программы эсеровской партии[19].

Борьба между различными политическими партиями и течениями обострялась. Кадеты теряли влияние среди населения, и численность их организации сокращалась. Правые социал–демократы вышли из Петрозаводской объединенной организации РСДРП и создали в июле самостоятельную группу "Единство"[20]. Леворадикальное меньшинство из рабочих, тяготеющих к большевизму, тоже стремилось создать свою большевистскую группу. Дальнейший распад организации ускорился после объединительного съезда РСДРП, проходившего во второй половине августа 1917 г. в Петрограде. Присутствовавший на нем делегат Петрозаводской организации РСДРП В.М. Куджиев сделал заявление: "Исходя из того, что съездом по вопросу о политическом положении и по вопросу о войне приняты резко оборонческие резолюции и в то же время выработаны такие формы организации партии, которые связывают свободу действий интернационалистического меньшинства, я, в качестве представителя Петрозаводской объединенной организации, не могу принять участие в выборе ЦК, а вопрос о вхождении представляемой мною организации в "объединенную РСДРП" переношу на обсуждение Петрозаводской организации"[21]. Социал–демократы интернационалисты Петрозаводска не согласились с решениями объединительного съезда РСДРП. Часть их выделилась в сентябре—октябре 1917 г. в большевистскую группу, которая вместе с левыми эсерами начала борьбу за сосредоточение всей власти в губернии в руках Олонецкого губсовета. Социал–демократы интернационалисты продолжали действовать самостоятельной организацией до лета 1918 г., когда они вошли в ряды РКП(б).

Под влиянием революционной пропаганды социалистов возрастала активность рабочих. В августе 1917 г. в Петрозаводске возникли профсоюзы металлистов и деревообделочников, которые охватывали своим влиянием наиболее крупные коллективы города. Союз металлистов возглавили сочувствующие большевикам рабочие Александровского завода М.Г. Власков и Н.Л. Дьяков, а союз деревообделочников — плотник И.Ф. Пряников. В сентябре председателем завкома Александровского завода был избран вернувшийся из Петрограда большевик Н.Т. Григорьев. В числе руководителей профсоюза железнодорожников на станции Петрозаводск выдвинулись большевики Я.К. Берзтыс, Г.С. Миронцев и А.И. Федулин. Руководимые большевиками, эти профсоюзы активно защищали интересы рабочих. На Александровском заводе в начале сентября возникла рабочая милиция, на которую возлагалась не только охрана предприятия, но и защита "прав народа и завоеваний революции в пределах Петрозаводска"[22].

На ряде предприятий дело дошло до забастовочной борьбы. 13 августа собрание рабочих лесопильного завода Стюарта, расположенного на острове Молчанов (близ Сороки), обязало предпринимателя строго выполнять постановления завкома, открыть школу и устраивать еженедельно для рабочих чтения и лекции по текущему моменту. Кроме того, рабочие решили расследовать причины остановки сплава леса к предприятию и предупредили управляющего, что если он не будет считаться с действиями заводского комитета, то они добьются его увольнения. 30 августа рабочие объявили забастовку в связи с тем, что управляющий отклонил их требования о повышении заработной платы, улучшении жилищных условий и открытии школы[23]. Забастовку поддержали рабочие лесозавода Беляева в Сороке. В сентябре прошли забастовки на лесозаводах Ковды[24]. В отчете профсоюза рабочих и служащих лесопромышленных



Группа рабочих и служащих лесозаводов Ковды

предприятий Архангельской губернии за 1917 г. отмечалось, что "только благодаря совместной деятельности союза и комитетов удалось предотвратить остановку и закрытие многих заводов как в районе Архангельска, а также и в Поморье. Против саботажа лесопромышленников были приняты все меры борьбы, какие только можно было в то время использовать, как например, с заводами ... Стюарта и Беляева в Сороке"[25].

Борьба рабочих за свои права и улучшение материального положения нашла поддержку в деревне. Там большим влиянием пользовались приезжавшие в отпуск солдаты, которые рассказывали о положении на фронте, о требованиях социалистических партий. Летом 1917 г. в Заонежье побывал председатель Олонецкого землячества в Петрограде большевик Т.Д. Анисимов. Агитация эсеров об отсрочке решения аграрного вопроса до Учредительного собрания уже не удовлетворяла крестьян. Пытаясь убедить их в правоте своих взглядов, эсеры нередко использовали даже небылицы и ложь, говоря, что "большевики получают деньги от немцев и сами дают по рублю тем, кто поступает в их партию"[26].

С лета 1917 г. в деревнях широкий размах приняли самовольный выпас скота и порубки леса в казенных и частновладельческих дачах. В Пудожском уезде имелись случаи захвата земли у лесничих, раздела сенокосов, принадлежавших зажиточным крестьянам. В июле на одном из заседаний Олонецкого губернского земельного комитета отмечалось, что "на местах крестьян почти невозможно удержать от самовольных захватов косьбы и расчисток". В связи с этим губернский земельный комитет рассылал в уезды строгие распоряжения "принять меры к прекращению самоуправства крестьян", ждать выработки "общей программы земельного устройства крестьян", угрожая в противном случае за нарушение прав собственника преследованием по закону[27]. Однако эти угрозы на крестьян не действовали. Они видели, что земства защищают старые порядки и не подчинялись их указаниям.

15 августа 1917 г. эсеровский "Вестник Олонецкого губернского земства" в заметке "Из жизни деревни" признал: "Жадно прислушивается деревня ко всякого рода слухам извне, и здесь очень видную роль играют приезжающие в отпуск солдаты, но, к сожалению, некоторые из них развивают идеи, близкие ко взглядам и убеждениям большевиков: по их словам, не нужно наступления, не нужно войны, не нужно платить подати, не нужно церемониться с чужой собственностью окружающих землевладельцев и захватом брать пашню и сенокосы. Слова этих мелких ленинцев доходят до сердца крестьян"[28].

Выступление генерала Корнилова в конце августа 1917 г., направленное на разгром революции и установление в стране военной диктатуры, вызвало негодование всех общественных организаций Карелии. Олонецкий губсовет и губернский комитет объединенных общественных организаций поддержали правительство Керенского в борьбе с корниловщиной. Губсовет одобрил политику правительства по подавлению мятежа Корнилова и высказался за объединение всех демократических сил вокруг ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. На экстренном заседании губсовета 28 августа выступил представитель Петроградского совета А.А. Копяткевич и призвал рабочих и солдат твердо стоять на страже революционных завоеваний, не допускать никаких покушений на массовые организации трудящихся, права и свободу граждан. Губсовет направил предписание воинским частям губернии быть готовыми к борьбе с корниловским мятежом. 29 августа объединенное заседание губсовета и представителей воинских частей приветствовало решение Керенского о формировании нового правительства и заявило, что вся олонецкая демократия поддержит создание правительства, которое "не даст реакционным мятежникам погубить страну и революцию". Эту резолюцию поддержал и массовый общегородской митинг, состоявшийся вечером 29 августа, на котором присутствовало свыше 4 тыс. человек. Выступавшие на митинге ораторы призывали к борьбе с контрреволюцией и поддержке советов. Солдаты петрозаводского гарнизона и 8–й железнодорожной бригады в связи с выступлением Корнилова потребовали ареста всех членов Государственной думы и Государственного совета, а рабочие Александровского завода настаивали на суровом наказании генерала Корнилова[29].

В обстановке политического кризиса

Осенью 1917 г. политическая борьба в стране вылилась в открытое противостояние различных партий и организаций, стремившихся найти согласие по вопросу о создании нового правительства. Фракции социал–демократов и левых эсеров в Олонецком губсовете в конце августа — начале сентября определенно высказывались за формирование "однородного социалистического правительства", то есть правительства из представителей всех социалистических партий, включая меньшевиков, большевиков и эсеров. 7 сентября им удалось провести свою резолюцию, в которой заявлялось, что губсовет исключает "возможность какого–либо соглашения с представителями партии кадетов и другими социальными слоями, идейно скомпрометировавшими себя в движении Корнилова". 11 сентября аналогичную резолюцию приняло заседание Олонецкого губернского комитета соединенных общественных организаций. В ней подчеркивалось, что "власть должна быть основана на коалиции рабочих и крестьян"[30]. С этим наказом олонецкие представители отправились на открывшееся в Петрограде Демократическое совещание.

В передовых статьях "Известий Олонецкого губсовета" за сентябрь—октябрь 1917 г. развивалась мысль о необходимости полного разрыва с "живыми силами", породившими корниловщину, выдвигалось требование формирования правительства, которое могло бы добиться мира, установить контроль над производством и провести земельную реформу в интересах крестьян. 17 сентября 1917 г. газета писала: "Московское совещание было одним из последних опытов выработки устойчивого социально–политического курса страны. Те "живые силы", с которыми было заключено рукопожатие, подарили нам корниловщину... Всем стало ясно, что "живые силы" делаются только тогда живыми, когда дело идет о заговоре против революции... Власть должна быть едина и демократична, никаким соглашениям более нет места". 24 сентября "Известия Олонецкого губсовета" обратились к Демократическому совещанию с требованием создать правительство из социалистов и провести радикальные перемены в стране: установить строгий контроль над производством, побороть саботаж капиталистов и продовольственный кризис, упорядочить земельные отношения, отменив собственность помещиков на землю.

В этой обстановке резко возросла роль советов в центре и на местах. Теперь советы становились инструментом непосредственного перехода власти к левому большинству. Рабочие и солдаты добивались отставки Временного правительства, немедленного созыва Учредительного собрания и передачи власти советам. На заседаниях Олонецкого губсовета, проходивших в октябре в связи с предстоящим II Всероссийским съездом советов, шла острая полемика о возможности формирования советского правительства. Правые эсеры и меньшевики выступали против установления советской власти. Полемизируя с ними, социал–демократ интернационалист Л.В. Никольский сказал: "Петроградский совет окреп настолько, что сможет взять власть в свои руки. Я приведу в качестве примера железнодорожную демократию. То, с чем она раньше совершенно не справлялась, теперь разрешается без малейших затруднений... Деятельность коалиционного правительства в высшей степени нерешительна, и, может быть, поэтому дело дошло до корниловщины. Буржуазные политики занимались саботажем".

Никольского поддержала фракция интернационалистов, выразив, правда, сомнение в целесообразности решительных действий. Но некоторые депутаты занимали более радикальные позиции. Так, 18 октября при выборе делегатов от губернского совета на II Всероссийский съезд советов представитель рабочих Александровского завода большевик П.К.Аксентьев заявил: "Коалиционное правительство неспособно решить задачи, выдвигаемые историей, революционная демократия должна дать бой буржуазии, ибо буржуазия так легко не сдается, и Учредительное собрание может быть созвано лишь тогда, когда власть будет в руках советов"[31]. При окончательной выработке резолюции о власти большинство совета согласилось с тем, что действующая власть не выдерживает критики, но тем не менее "ее нужно терпеть, ибо в противном случае могут создаться анархические контрреволюционные действия"[32]. Губсовет избрал делегатами на съезд большевика А.А. Копяткевича, голосовавшего за переход всей власти в руки советов, и эсера А.А. Садикова, который ушел со съезда ввиду несогласия с его решениями.

Свое отношение к центральной власти высказывали также рабочие и крестьяне на местах. Так, на проходивших 21—22 октября 1917 г. сходах крестьян Святозера, Пряжи, Матросов, Прякки, Ригсельги и других деревень Петрозаводского уезда, организованных представителями питерских рабочих и Петроградского совета, заявлялось: "1) Выражаем полное доверие совету и исполнительному комитету, так как та-

кой орган является защитником трудового населения и крестьянства; 2) порицание тем, кто против советов и, следовательно, против нас"[33].

Тогда же крестьяне ряда деревень Рыпушкальской волости Олонецкого уезда после выступлений земляка питерского рабочего И.П. Турунена, на родном карельском языке разъяснявшего истинное положение дел в стране и на фронте, выразили резкое осуждение политики Временного правительства и партии народной свободы. В своем письме в "Известия Олонецкого губсовета" Турунен писал: "Мне приходилось слышать от некоторых людей суждения, которые уверяли, что Олонецкая губерния, сама по себе населяемая полукарелами и карелами, представляет из себя обособленное общество, которое по своему некультурному развитию не способно ни к какой революционной деятельности. Я весьма доволен, что в течение моего краткого пребывания мне удалось провести в Олонецком уезде в различных местах 6 наиболее обширных собраний и несколько мелких... В деревнях, где кулаки и попы пытаются околпачить мужика, получают ответ: "Довольно вам врать и дурачить нас. Мы вас поняли, куда вы нас вели и ведете" и проклинают их без стеснения в довольно выразительной форме"[34]. Агитатор выражал удовлетворение тем, что карелы "охотно идут навстречу революционной пропаганде", видя в этом перспективу рождения на местах советов рабочих и крестьянских депутатов.

В сентябре 1917 г. образовались Сорокский и Шуерецкий советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые установили связь с Олонецким губсоветом, а в середине октября — Сумпосадский, который распространил свою деятельность на все центральное Приморье (Сумский Посад, Вирму, Сорокскую, Лапинскую, Колежемскую и Нюхотскую волости)[35]. Накануне II Всероссийского съезда советов Поповоостровский совет рабочих и солдатских депутатов направил в Петроград телеграмму: "Приветствуем съезд. Резолюция: власть советам"[36].

Одной из важных особенностей развития революции 1917 г. в Карелии явилось оживление национального движения. Весной 1917 г. активисты Союза беломорских карел решили возобновить свою деятельность. 9 апреля они провели в г.Тампере собрание, на котором договорились образовать Карельское просветительное общество. В правление общества вошли А. Митрофанов (Митро), Т. Ремшуев (Маннер), П. Афанасьев (Ахава), С. Дорофеев (Аланко), В. Кеуняс, Е. Митрофанов, И. Хяркёнен[37]. Поначалу общество намеревалось вести работу только в приграничных с Финляндией карельских волостях и ставило целью оказание содействия улучшению экономического положения и развитию культуры карелов.

На собрании правления общества 19 апреля было выработано обращение к Временному правительству и избрана делегация во главе с Митрофановым, которая направилась в Петроград. В мае ее приняли прокурор Синода Львов и министр просвещения Мануйлов. В обращении Карельского просветительного общества к Временному правительству содержались сведения о численности карельского населения, территории его проживания, хозяйственной деятельности карелов, их экономических и иных контактах с Финляндией. Авторы обращения выдвигали идею культурного просвещения карельского народа, отмечая, что "карелы тяжело переживают недостаток в просвещении и свободных жизненных условиях", что царское правительство всячески притесняло карелов, но не могло ослабить национальное чувство народа. Подчеркивая национальные особенности Беломорской и Олонецкой Карелии, активисты общества выдвигали идею предоставления Карелии автономии в составе российского государства[38].

С 13 мая 1917 г. в Финляндии начала издаваться газета Karjalaisten Sanomat (Изве-

стия для беломорских и олонецких карелов), в которой печатались материалы на финском и в переводе — на карельском языках. В первом номере И. Хяркёнен опубликовал статью по истории карельского народа. В Ухте, Вокнаволоке, Реболах стали создаваться комитеты Карельского просветительного общества. В распространяемых среди населения листовках содержались призывы выдвигать в предстоящей кампании по выборам Учредительного собрания достойных людей, поддерживающих автономию, и вырабатывать свои национальные требования. Деятельность общества стала причиной конфликтов с населением волостей, ориентировавшихся на тесную связь с российским рынком. 21 мая 1917 г. съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, выслушав сообщение об активизации работы Карельского общества в приграничных волостях, постановил принять решительные меры по пресечению подобной деятельности[39]. А состоявшееся 14 июня Олонецкое губернское земское собрание, обсудив вопрос об автономии Карелии, высказалось против отделения Карелии от России. "Карелия должна быть тесно связана с Россией, — заключали земцы. — В культурно-просветительном отношении губернское земство должно широко идти навстречу карелам, в каковом направлении необходимо земству немедленно принять практические меры"[40]. Губернской земской управе поручалось обратить внимание на развитие школьного дела и улучшение продовольственного снабжения населения карельских волостей.

Сепаратистские элементы, используя темноту масс и прежние обиды народа на русификаторскую политику царизма, стремились расширить свое влияние среди карельского населения. Карельское просветительное общество разработало проект конституции автономной Карелии, который был оглашен на традиционном летнем празднике, проходившем в Ухте 12—14 июля 1917 г. и собравшем до 9 тыс. жителей Беломорской Карелии. На празднике присутствовали делегаты Ухтинской, Вокнаволокской, Тихтозерской волостей, Контокки, Панаярви и других мест. Возглавлял праздник и собрание представителей карельских деревень Т. Ремшуев (Маннер).

Собравшиеся живо обсуждали вопрос о судьбе Карелии. Одни хотели присоединения ее к Финляндии, другие ратовали за полную автономию Карелии. В проекте конституции автономная Карелия рассматривалась как часть России. Управлять Карелией должны комиссар, назначаемый российским правительством, и органы местного самоуправления, избираемые на основе всеобщих и демократических выборов. Карельскую административную область предполагалось создать в границах, проходящих на юге по р. Свири, на востоке — по Онежскому озеру, р. Выг и западному берегу Белого моря, на севере — от Кандалакши до границы с Финляндией и на западе — по границе с ней до Ладожского озера, то есть в пределах территории Архангельской и Олонецкой губерний. Окончательное определение границ Карелии предполагалось передать специальной комиссии из русских и карелов, назначенной Учредительным собранием. В общероссийском ведении должны оставаться финансовые, почтовые, военные и судебные дела, а вопросы земледелия, путей сообщения, торговли, промышленности, образования, здравоохранения, внутреннего управления и налогообложения планировалось передать в ведение особой областной администрации. В составе Карельской автономии имелось в виду создать Ухтинский, Кемский, Олонецкий, Петрозаводский и Повенецкий округа с делением их на волости, сельские общества и деревни. Карельский язык предполагалось ввести в качестве официального наряду с русским. Высказывалось пожелание образовать особую Карельскую епархию во главе с карельским архиепископом, назначенным Всероссийским церковным управлением.

В проекте конституции вся земля, в том числе и покрытая лесом, и природные ресурсы объявлялись достоянием народа. Половина земельного фонда предназначалась для раздела в собственность крестьянам в вечное потомственное владение. Четверть земельной площади отдавалась в распоряжение волостного самоуправления и столько же оставлялось в виде достояния автономной области. Передача земли "на вечные времена в народное достояние", по мысли авторов конституции, должна предотвратить эмиграцию карелов. Для прежних владельцев земли предусматривалось вознаграждение, "равное труду, употребленному на ее возделывание".

Проект конституции завершался перечислением реформ, о желательности которых просветительное общество уже заявляло в адресе на имя Временного правительства. В частности, участники ухтинского народного праздника еще до созыва Учредительного собрания требовали ввести преподавание карельского языка в школах, а также употребление родного языка в богослужении; открыть два средних учебных заведения в Ухте, Реболах, Паданах или Олонце, наладить телефонную, телеграфную и почтовую связь, устроить проезжие дороги от финляндской границы до Мурманской железной дороги, наладить судоходство на озерах Нижнее, Среднее и Верхнее Куйто, упразднить таможенные заставы между Архангельской Карелией и Финляндией (или перенести их в удобные места у границы возле Оланги, Тихтозера, Вокнаволока и Контокки), уравнять таможенные пошлины на российские товары, идущие в Финляндию, с пошлинами на товары, ввозимые из Финляндии в Карелию[41].

В течение осени 1917 г. ухтинский наказ Учредительному собранию и проект конституции обсуждались в карельских селах и находили одобрение среди местного населения. Однако Временное правительство даже не ответило на поставленные карелами вопросы. Между тем в народе зрели недоверие к власти и решимость бороться за свои права. Карельское и вепсское население, тяготевшее к Петрозаводску, видело выход из положения в смене власти и более радикальных переменах в России. Южные карелы больше доверяли русским рабочим и крестьянам и вместе с ними объединялись на борьбу за установление советской власти на местах.

2. РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАРЕЛИИ

Утверждение советской власти в Петрозаводске

25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. восставшие рабочие и солдаты Петрограда свергли Временное правительство. Проходивший в те дни в Петрограде II Всероссийский съезд советов провозгласил переход всей власти в центре и на местах к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, принял исторические декреты о мире и о земле и избрал советское правительство во главе с В.И.Лениным. За Петроградом последовала вся страна.

Весть об Октябрьской революции была встречена в Петрозаводске и Карелии неоднозначно: одни радовались, другие негодовали. Уже 26 октября состоялось объединенное заседание Олонецкого губсовета, Главного дорожного комитета Мурманской железной дороги и представителей солдатских комитетов петрозаводского гарнизона. Тогда еще не все было ясно. Собравшиеся имели сведения лишь о сосредоточении государственной власти в руках Военно-революционного комитета при Петроградском совете. Объединенное заседание приняло резолюцию, предложенную фракцией социал-демократов интернационалистов, оно выразило солидарность с

Петроградом, приняло к сведению факт низвержения Временного правительства и заявило, что Олонецкий губернский совет "окажет поддержку вновь создающемуся правительству" при условии формальных гарантий созыва в установленный срок Учредительного собрания. Вместе с тем губсовет заявил, что "в контакте с демократическими организациями берет на себя инициативу создания власти на местах". Тут же было решено установить с помощью солдат охрану телеграфа и помещения совета "для предотвращения возможных эксцессов в связи с событиями" и создана комиссия под руководством Н.В. Комарова по выработке "проекта о реконструкции власти".

На следующий день, 27 октября, прошло второе объединенное заседание, на котором было принято "Положение об организации правительственной власти в Олонецкой губернии". В нем говорилось, что отныне губернскому совету "принадлежит высшая правительственная власть в губернии". В соответствии с этим положением губсовету передавались следующие функции:

"1. Все полномочия, предоставленные прежде действующими законами губернскому комиссару.

2. Право издания обязательных постановлений по обеспечению общественного порядка, безопасности и экономического устроения.

3. Право внесудебных арестов лиц, вредных для общественного спокойствия и государственного строя, на срок не более одного месяца, с зачислением арестованного за советом.

4. Право распоряжения военными силами, находящимися в пределах Олонецкой губернии, для обеспечения личной и общественной безопасности и поддержания государственного и общественного порядка.

5. Устранение должностных лиц от исполнения ими обязанностей и возложение сих последних на избранных советом лиц"[42].

Председателем Олонецкого губернского совета остался В.М. Куджиев, его заместителями — социал–демократы интернационалисты Н.В. Комаров и М.А. Каплан.

Олонецкий губернский совет сразу же стал функционировать как орган власти в губернии, решения которого проводились в жизнь. В первые дни Октябрьской революции прошли довыборы губсовета: он пополнился представителями рабочих Александровского завода, деревообделочников, солдат местного гарнизона и массовых организаций. Рабочие отозвали из совета за пассивность ряд своих ранее избранных депутатов и послали вместо них новых людей. Общая численность губсовета возросла до 146 человек. 5 ноября состоялось заседание Олонецкого губсовета, на котором Главный дорожный комитет Мурманской железной дороги заявил о желании участвовать в работе совета и направил в губисполком пять своих представителей, но одновременно уведомил, что в ведомственных делах будет придерживаться "автономии"[43].

12 ноября в Петрозаводске и во всей Олонецкой губернии состоялись выборы в Учредительное собрание. На них победили меньшевик М.Д. Шишкин и эсер А.Ф. Матвеев, выдвинутые еще летом 1917 г. За социал–демократов и эсеров в губернии высказалось 76% избирателей, группа "Единство" получила 1,3%, кадеты — 22,4%. Итоги выборов уже не отражали новую ситуацию, сложившуюся в центре и на местах, но народ ожидал от своих депутатов, что они будут благоразумны и подтвердят декреты советского правительства.

В своей практической деятельности губсовет много внимания уделял налаживанию бесперебойной работы местного земства, школ и больниц, соблюдению порядка и законности. В ряде случаев приходилось принимать жесткие меры к хлеботорговцам, спекулировавшим на народной нужде, к предпринимателям, закрывавшим свои

предприятия и лишавшим рабочих заработка, к грабителям и мародерам. Роль губсовета с каждым днем возрастала. Однако решение им повседневных вопросов нередко вызывало недовольство трудящихся из–за медлительности и противодействия земских и иных учреждений.

Особенно много нареканий возникало на почве продовольственных неурядиц. В 1917 г. губернский продовольственный комитет надеялся получить 3,5 млн пудов хлеба (половину потребности), но в Петрограде эта цифра еще летом была урезана до 1,5 млн пудов. С мая поставки хлеба стали сокращаться, а осенью почти совсем прекратились. К декабрю 1917 г. в Олонецкую губернию удалось доставить всего 700 тыс. пудов хлеба. Ожидалось получить еще 400 тыс. пудов, но за ноябрь поступило лишь 110 тыс. пудов[44]. В ноябре губсовет пошел на реквизицию продовольствия у местных лесопромышленников и хлеботорговцев, чтобы накормить голодающих рабочих и деревенскую бедноту. При совете создается губернская продовольственная комиссия, которой поручается организовать борьбу со спекуляцией[45]. Поскольку продовольствия не хватало, на местах началось стихийное изъятие хлеба у предпринимателей и купцов. Обыски и захват хлеба имели место в ноябре—декабре в Лижме, Монастырской Слободе, Суне, Сямозере, Тулгубе и других местах[46].

На Александровском заводе возникла сложная ситуация в связи с прекращением заявок на производство снарядов. Пришлось в спешном порядке договариваться с управлением Мурманской железной дороги о переоборудовании Александровского завода для выполнения заказов по ремонту подвижного состава. В решении многих вопросов требовалась помощь центральных органов власти, а Олонецкий губсовет все еще ждал сформирования в столице однородного социалистического правительства, надеясь на обоюдные уступки и компромисс между Лениным, меньшевиками и правыми эсерами.

Небольшие большевистские группы, возникшие в ходе революции на Александровском заводе и железнодорожной станции Петрозаводск, не решались на открытое выступление против губсовета, который выборочно исполнял декреты Совнаркома. Они опасались, что не справятся с управлением. Впервые позиция большевистской фракции в губсовете была оглашена В.М. Парфеновым 7 декабря 1917 г. В заявлении большевиков говорилось: "Фракция большевиков, находя полезным для страны признание власти Народных комиссаров и считая необходимым признание и проведение в жизнь всех их декретов, воздерживается при голосовании всех иных предложенных резолюций"[47].

В то время большинство Олонецкого губернского совета не верило в успех большевистского социального эксперимента и поэтому с осторожностью относилось к центральной власти. Член губсовета и председатель исполкома Совета Мурманской железной дороги Л.В. Никольский при обсуждении заявления большевиков сказал: "Тов. Ленин и Троцкий делают социальный эксперимент — занимаются хирургией. В программе большевиков лозунг Учредительного собрания стоит на первом месте, тем не менее Ленин ведет борьбу с Учредительным собранием. Ошибка эта — результат разгоряченного мозга и упоения временными победами". Его поддержал председатель губисполкома В.М. Куджиев, заявивший, что в деятельности Совнаркома много декларативности. "В декретах как раз дается лозунг, — продолжал Куджиев, — стройте, мол, социалистическую жизнь. Рабочие идут за большевиками, и, каково бы ни было наше отношение к большевизму, мы не должны игнорировать рабочий класс. Предпосылка, исходящая из головы Ленина, неверна, и плохо, что эта предпосылка втягивает рабочий класс в неверное русло. Социализма в России в настоящий момент

В. М. Парфенов

не может быть, а будет лишь мелкобуржуазная республика. Вредность и гибельность некоторых декретов в том и заключаются, что в них просачиваются социалистические идеи. В них много утопического"[48].

Обсудив текущий момент и требование большевиков, губсовет постановил: "Исходя из невозможности изолировать Олонию от общегосударственного организма, 1) признать возможным деловые отношения с СНК как органом, фактически обладающим государственной властью; 2) подвергать оценке декреты Совета Народных Комиссаров в общем собрании Олонецкого совета и проводить в жизнь те из них, которые целесообразны с революционно–демократической точки зрения, а также и те, непроведение которых могло бы усилить разруху в хозяйственном, политическом и юридическом укладе страны"[49]. Совет подтвердил, что не отказывается от позитивной работы, но ожидает созыва легитимно избранного в ноябре Учредительного собрания.

20—23 декабря рабочие Александровского завода, деревообделочники и солдаты решительно потребовали от губсовета полного признания Совнаркома. Это вынудило руководителей губсовета Куджиева и Комарова подать заявление о выходе из президиума. 4 января 1918 г. Олонецкий губсовет на своем ночном заседании удовлетворил их просьбу и 5 января избрал новый состав губисполкома на основе пропорционального представительства от большевиков, социал–демократов интернационалистов и левых эсеров. Членами исполкома стали 8 большевиков, 6 социал–демократов интернационалистов, 6 левых эсеров и 1 беспартийный. В состав Президиума исполкома вошли председатель губсовета учитель гимназии большевик Валентин Михайлович Парфенов, члены: большевики Х.Г. Дорошин и И.Ф. Пряников, социал–демократ интернационалист Н.В. Комаров, левые эсеры А.А. Садиков и И.Н. Капусткин.

Компромисс социалистов при организации органов власти в Карелии был вполне естественным решением. Все понимали, что без согласия губернская власть действовать не может. Расхождения между левыми социалистами в то время и в теории и на практике не казались существенными. Поэтому левые эсеры и социал–демократы интернационалисты, имея значительное преобладание в губернском совете и губисполкоме, не возражали против избрания председателем исполкома большевика Парфенова. Олонецкий губсовет начал более последовательно проводить в жизнь декреты ВЦИК и СНК.

Победа новой власти в уездах

Утверждение советской власти на местах в силу различных объективных и субъективных причин шло неодновременно. Раньше всего власть советов победила в рабочих поселках Карельского Поморья, где имелись сплоченные коллективы рабочих

лесозаводов, железнодорожников и деревенской бедноты. Сорокский и Поповоостровский советы сразу же заявили о своей поддержке Совнаркома. Энгозерские большевики направили в Петроград приветствие по случаю победы Октябрьской революции, в котором призывали питерских рабочих и солдат: "Стойте же, товарищи, на страже завоеваний революции и в дружном контакте с Советом Народных Комиссаров проводите в жизнь наши общие лозунги: Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Полное доверие Совету Народных Комиссаров! Да здравствует скорейший демократический мир! Вся земля — народу!"[50]

Вскоре советская власть установилась в поморских селах Сумском Посаде, Шижне, Вирме, Нюхче, Шуерецком. Созданные здесь советы начали проводить в жизнь декреты Совнаркома и ВЦИК. На лесозаводах устанавливался рабочий контроль над производством и распределением. В поморских селах советы производили реквизицию продовольствия у предпринимателей и судовладельцев. Для защиты революционных завоеваний формировались отряды Красной гвардии.

В середине декабря 1917 г. произошло объединение советов ряда сел и был создан Совет Поморского района Кемского уезда с центром в Сороке. Исполком Совета возглавил известный политссыльный первой русской революции большевик А.А. Каменев, а членами совета активно работали сочувствующие большевикам рабочие И.Г. Кириков, К.А. Паршуков, В.П. Солунин, Н.М. Степанов, М.В. Фостий, И.П. Фирсов и другие[51].

Важную роль в распространении советской власти в Кемском уезде сыграл проведенный в январе 1918 г. в Сороке съезд советов Беломорья, в работе которого участвовали делегаты Мурманского, Кемского, Поповоостровского, Сорокского, Сумпосадского, Поморского и Онежского советов. Съезд принял решение об упразднении старых органов власти на местах и выразил непреклонную решимость довести дело социалистической революции до победного конца.

После утверждения советской власти в Петрозаводске, а также роспуска Учредительного собрания, одобренного Олонецким губсоветом и подавляющим большинством местного населения, ускорился процесс советизации в уездах. 10 января 1918 г. представитель ВЦИК большевик О.И.Толяренок, прибывший с агитационной целью в Карелию, сообщил из Олонца об избрании там совета, признавшего Совнарком. 18 января собрался Олонецкий уездный съезд крестьянских депутатов, который образовал уездный исполком и решил организовать советы повсеместно. 16 января состоялось собрание трудящихся Пудожа, которое, заслушав доклад уполномоченного ВЦИК большевика М.М. Тимонена, избрало совет. 31 января установилась советская власть в Повенце. Во вновь избранные исполкомы местных советов вошли рабочие, крестьяне, а также интеллигенты, сочувствующие новой власти. В Олонце активно проявили себя М.Ф. Чубриев, И.А. Никитин, П.И. Кунжин, Ф.М. Федулов, в Повенце — В.Т. Гурьев, И.Ф. Григорьев, С.М. Фесвитянинов, в Пудоже — Л.А. Гижицкий, Ф.З. Завалишин, А.Ф. Тарасов, А.М. Подосенов.

В середине января 1918 г. в Петрозаводске прошел II делегатский съезд рабочих и служащих Мурманской железной дороги, одобривший роспуск Учредительного собрания и деятельность СНК. Съезд избрал новый состав исполкома железной дороги. Под руководством Л.В. Никольского исполком энергично взялся за налаживание железнодорожных перевозок. Наиболее деятельными членами исполкома были большевики А.А. Хорошевский, Я.К. Берзтыс, Н.Я. Богдатьева, В.Г. Кокорин, А.Н. Шировский, И.О. Лойко.

30 января 1918 г. в Петрозаводске открылся III Олонецкий губернский съезд сове-

М. В. Ларионов

тов. В работе его участвовало 44 большевика, 44 левых эсера, 48 меньшевиков и правых эсеров и 19 беспартийных. В ходе обсуждения вопроса о власти шла острая полемика о роспуске Учредительного собрания. Меньшевики и правые эсеры осуждали действия большевиков, считая их незаконными, и требовали продолжения работы Учредительного собрания. Но большинство присутствовавших приняли резолюцию, в которой говорилось: "Вся власть в центре и на местах принадлежит советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Никакого Учредительного собрания, кроме советов, быть не может".

Съезд принял также решения, направленные на преодоление продовольственных трудностей и проведение земельной реформы в свете декрета о социализации земли, на развитие народного образования и введение всеобщей трудовой повинности. Съезд телеграфировал Совнаркому и ВЦИК: "Олонецкое крестьянство приветствует советскую власть и считает, что только она одна приведет к торжеству социалистической революции"[52].

Съезд способствовал активизации процесса создания советов в деревнях. Крестьянские активисты брали в свои руки организацию новых органов власти. В волостных центрах и деревнях проходили сходы и съезды крестьян, принимавшие резолюции в поддержку советской власти, и избирались волостные советы. Одновременно шла ликвидация волостных земств. Преодолевая сопротивление сельской буржуазии, волостные советы становились полноправными органами новой власти на местах. В числе сельских активистов выделялись крестьяне карелы Н.В. Архипов, Н.П. Гарлоев, М.Я. Ипатов — в Поросозерской и Ругозерской волостях, Н.И. Власов и И.П. Петров — в Тулмозерской, Ф.И. Егоров — в Рыпушкальской, П.И. Журавлев — в Коткозерской, Г.Т. Кемов — в Кестеньгской, М.В. Ларионов и И.Ф. Петров — в Спасопреображенской, вепс И.Т. Мошкин — в Шелтозерской волостях. Крестьяне пограничных с Финляндией карельских волостей создавали вооруженные отряды для защиты от бандитских налетов, организуемых бежавшими за рубеж местными кулаками. К весне 1918 г. советская власть победила почти на всей территории Карелии.

Долго не удавалось добиться признания советской власти в Кеми. Лишь в начале марта 1918 г. проходившая в Сороке объединенная конференция советов, профсоюзных и общественных организаций Кемского уезда и Мурманского района пополнила Кемский уездный совет своими представителями, стоящими на платформе советской власти, которым удалось переломить положение. 13 марта руководство в уездном исполкоме перешло в руки левых эсеров и большевиков. Председателем исполкома Кемского совета стал большевик А.И. Мосорин, а его заместителями — большевик А.А. Каменев и левый эсер В.А. Бахирев. Таким образом, в марте—апреле 1918 г. советская власть установилась и на всей территории Карельского Поморья, за исключением захваченных белофиннами Вокнаволокской и Ухтинской волостей.

Олонецкий губернский исполком

Начало советского строительства

Теперь перед трудящимися Карелии встали исключительно сложные задачи: предстояло научиться управлять общественно-политической жизнью и хозяйственной деятельностью. Олонецкий губсовет начал с упразднения старого государственного аппарата и создания новых органов управления. В январе—феврале 1918 г. были распущены прежние губернские учреждения: губернское присутствие, канцелярия губернского комиссара Временного правительства, губернская земская управа и другие, а дела их переданы в отделы губсовета. Отменялся прокурорский надзор, упразднялись старые судебные органы и следственные комиссии. Уже в начале января 1918 г. при губсовете были созданы комиссариаты финансов, земледелия, продовольствия, юстиции, труда, просвещения, социального обеспечения и другие. Первыми губернскими комиссарами стали левые эсеры: К.В. Алмазов — комиссаром финансов, А.А. Садиков — комиссаром земледелия и государственных имуществ, П.П. Панин — комиссаром по внутренним делам, И.В. Балашов — комиссаром по врачебно-санитарным делам; большевики: Н.Т. Григорьев — комиссаром труда, В.М. Парфенов — комиссаром просвещения, И.Н. Суханов — комиссаром Красной гвардии; социал-демократы интернационалисты: Н.В. Комаров — комиссаром путей сообщения, Б.С. Гаупт — комиссаром юстиции и другие[53].

11 января губисполком направил во все правительственные учреждения своих комиссаров, в обязанность которых входил контроль за работой присутственных мест, обновление личного состава служащих, немедленное проведение в жизнь директив

центра, принятых к исполнению местными советами, демократизация деятельности учреждений и развитие их инициативы в целях "наибольшей производительности труда правительственного аппарата"[54].

Для организации управления экономикой в марте 1918 г. создается губернский совет народного хозяйства, председателем которого был назначен заонежский крестьянин большевик Т.Д. Анисимов. Управление железной дорогой сосредоточилось в руках исполкома Совета железнодорожных депутатов Мурманской железной дороги в Петрозаводске. Исполком образовал отделы, ведавшие отдельными участками работы, в том числе постройкой и достройкой дороги. Активное участие в формировании первых советских учреждений приняли рабочие Александровского завода, деревообделочники, железнодорожники, крестьяне.

Новые советские учреждения остро нуждались в грамотных и опытных сотрудниках. Поэтому губернские комиссары вынуждены были привлечь к работе, кроме "самых лучших" рабочих с предприятий, прежде всего из числа большевиков и левых эсеров, также некоторых бывших чиновников старых учреждений и учителей. Новые руководители, не имея опыта работы, принялись за составление различных постановлений, инструкций и т.п., которые вначале никем не исполнялись, так как уездные и волостные советы считали себя независимыми от губернской власти. Потребовалось известное время, пока в губернии сложилась соответствующая система соподчинения новых учреждений. И все же, поскольку полномочия вновь создаваемых органов и учреждений четко определены не были, в их работе нередко проявлялись ведомственность и произвол.

В решении сложных вопросов государственного строительства советские органы Карелии опирались на поддержку Совнаркома и ЦК большевистской партии. В конце января 1918 г. член Пудожского уездного исполкома Л.А. Гижицкий был командирован Олонецким губисполкомом в Петроград для решения ряда важных вопросов. Его приняли глава правительства В.И. Ленин и нарком финансов В.Р. Менжинский. По просьбе губсовета центр направил в губернию два маршрутных поезда с хлебом, выделил денежные средства. В апреле 1918 г. представители Олонецкой губернии участвовали в работе I съезда советов северных губерний и I Северной областной конференции РКП(б), проходивших в Петрограде. Петрозаводский окружной комитет партии большевиков поддерживал тесные связи с Северным областным комитетом и Петроградским бюро ЦК РКП(б). Из Петрограда в Петрозаводск прибыли опытные организаторы, в числе их П.Ф. Анохин, Я.Ф. Игошкин, А.Ф. Копнин, О.К. Кантер, М.М. Тимонен и другие, возглавившие ответственные участки работы в губисполкоме.

Упразднение старых органов власти и создание советских учреждений шло по всей Карелии. В Кеми, Олонце, Повенце, Пудоже наблюдалась большая пестрота в организации местного аппарата. Каждый совет создавал такую структуру управления, какую считал наиболее целесообразной. В Кемском уездном исполкоме было образовано 13 комиссариатов (отделов), в Пудожском — 9, в Олонецком и Повенецком — по 5. Большинство волостных исполкомов имело по два—три отдела (земельно-лесной, продовольственный и народного образования).

Решение вопроса о ликвидации старых органов городского и земского самоуправления было передано на усмотрение местных советов. Лишь тогда, когда сами массы приходили к убеждению о необходимости их замены, а советы овладевали той работой, которая ранее выполнялась этими органами, принималось решение об их ликвидации. Олонецкая губернская земская управа была упразднена решением губисполкома от 22 февраля, а уездные земские управы прекратили свою деятельность

Первый состав Петрозаводского горсовета

к лету 1918 г. Ликвидация волостных земств шла одновременно с созданием волостных советов. Крестьяне, создав совет, не видели необходимости в волостной управе, поскольку несложным хозяйством волости мог управлять волисполком. Нередко земства сами принимали решения о своем роспуске. Были случаи переименования волостных управ в советы или отделы волостных советов. Там, где земства работали в интересах крестьянства, они не видели надобности именоваться управами и переименовывались в советы крестьянских депутатов. Уже весной 1918 г. волостные советы стали полновластными советскими органами на селе. Они взяли в свои руки различные стороны местной жизни и являлись надежными проводниками политики советского правительства. 2 мая прекратила работу Петрозаводская городская дума.

Примечательной особенностью советского строительства начального периода было активное творчество трудящихся. Большинство участников установления советской власти на местах не сомневалось в возможности достижения социалистических идеалов и стремилось немедленно приступить к их осуществлению. В то время уездные и волостные советы избирались вполне демократично, часто меняли свой состав и строили свою деятельность на основе свободного обмена мнениями и поэтому пользовались огромным авторитетом у рабочих и крестьян. Они стали реальной властью на местах. Олонецкий губернский, уездные и волостные исполкомы разрабатывали свои инструкции, положения, наказы о постановке работы советского аппарата. В них предусматривались права и обязанности новых органов власти, ответственность работников за порученное дело. Трудящимся рекомендовалось выдвигать в советы честных, справедливых и разбирающихся в жизненных ситуациях граждан, хорошо знакомых с хозяйством и сельским бытом, а в случае, если они не оправдывали оказанного доверия, их можно было досрочно отзывать по желанию избирателей.

Понятно, что революционная перестройка вызвала неоднозначную реакцию населения: одни верили в светлое будущее и идеи, распространяемые социалистами, а другие не могли примириться с утратой прежних ценностей. Оказалось, что не все граждане хотели бежать в "коммунию". К тому же в большом и сложном деле советского строительства выявилось много ошибок. Сплошь и рядом лозунг "Вся власть советам" понимался в смысле независимости местной власти от центральной. Немало работников считало, что местные советы могут по своему усмотрению исполнять или не исполнять те или иные распоряжения центра. По мере осуществления власти рабочие и крестьяне во всем объеме ощутили отсутствие у них опыта управления, нехватку образования и культуры. Нередко для решения того или иного вопроса применялись принуждение и даже репрессии. Особое усердие местные советы проявляли при раскладке и сборе налогов. Сбор старых поземельных налогов (государственного и земского) не мог удовлетворить возросшие нужды новой власти. В первой половине 1918 г. в Олонецкой губернии удалось собрать поземельного налога с надельных земель и выкупных платежей всего около 20 тыс. руб. Налог с частновладельческих, удельных и учрежденческих земель дал 7,6 тыс. руб. Земские сборы не превышали 50% к окладу и выражались в сумме 645 тыс. руб.

Центральная власть поощряла местные советы преодолевать хозяйственные и продовольственные трудности своими силами, предоставив им широкие налоговые права. Тем самым создавалась почва для применения реквизиций и контрибуций. Уже 22 февраля 1918 г. Олонецкий губисполком ввел чрезвычайный 9–миллионный налог, который взимался с лиц, имевших капиталы или недвижимое имущество стоимостью более 7,2 тыс. руб. Вслед за губисполкомом и уездные исполкомы произвольно назначали суммы налога и с пристрастием добивались их взыскания. Губернский комиссар финансов К.В. Алмазов 28 июня докладывал наркому внутренних дел: "С начала текущего года крестьяне многих волостей Олонецкой губернии стали самочинно облагать всевозможными и непосильными сборами лесопромышленников, заготавливающих материалы в их пределах". Пришлось послать на места специальную инструкцию по применению чрезвычайного единовременного подоходно–имущественного налога, которая запрещала облагать налогом малоимущих граждан, кооперативы и трудовые артели всех видов[55].

Кемский уездный исполком 22 марта 1918 г. обложил единовременным налогом в сумме 190 тыс. руб. состоятельных граждан Кеми и потребовал от них внести деньги в недельный срок. 27 марта уездный исполком предложил так же поступать волостным советам, считая, что "они как власть на местах имеют полное право производить реквизиции, уведомляя об этом уездный совет". Разумеется, такие действия советов вызвали недовольство населения. Однако уездный исполком посчитал это недовольство провокацией и дал указание: "Всех распускающих неверные провокационные слухи, всех агитирующих против советской власти, всех не подчиняющихся распоряжениям и приказам уездного совета и всех созывающих собрания с контрреволюционными намерениями — арестовывать и привлекать к ответственности в революционном трибунале". В тот же день уездная земская управа, противившаяся решению исполкома, была упразднена, а заместителю председателя уездного исполкома Каменеву поручено добиваться осуществления полного сбора налога с богачей. 3 мая Кемский совет решил собрать с имущих граждан Кеми еще 550 тыс. руб.[56]

Подобные меры применялись практически повсеместно. Таким путем уездные и волостные советы изыскивали необходимые средства для выплаты заработной платы служащим, учителям, медицинскому персоналу, а также для налаживания работы школ,

больниц, приютов и предприятий, брошенных их владельцами. Насилие и произвол в отношении предпринимателей, судовладельцев, купцов и состоятельных крестьян вызывали законное недовольство и сопротивление.

Противостояние различных сил, вовлеченных в революционное переустройство, с каждым днем усиливалось и принимало иногда острые формы, что безусловно отражалось и на работе советов. В уездах развернулась борьба между представителями различных социалистических партий. Серьезные вопросы местной жизни бесконечно дебатировались на заседаниях советов и исполкомов, в различных комиссиях и фракциях и не находили подчас приемлемого решения, поскольку большевики, левые эсеры и меньшевики не могли договориться и обвиняли друг друга в саботаже. Особенно острые конфликты возникали по продовольственному, лесному и земельному вопросам, по которым большевики и левые эсеры занимали разные позиции.

Председатель Олонецкого губсовнархоза Т.Я. Анисимов вспоминал, что сосредоточение хозяйственного руководства в руках этого органа происходило с огромными трудностями. Раньше этими вопросами ведали земства, городские думы, кооперативы, отдельные предприниматели и торговцы, а теперь приходилось все решать в отделах губсовнархоза. Анисимов не без горечи говорил, что "по любому, даже второстепенному, вопросу текущей работы развертывались бурные прения, на принятие пленумом предложений фракции большевиков уходило много времени и усилий, большое напряжение требовалось для проведения принятых решений в жизнь"[57].

Скрытый саботаж иногда выливался в выступления против советской власти. Так, в Сорокской волости Кемского уезда на почве взыскания налога возник острый конфликт между крестьянами и рабочими лесозаводов. Зажиточным крестьянам удалось добиться на сельских сходах решения о создании в Сороке самостоятельного совета крестьянских депутатов, где они получили большинство. Вновь созданный совет распределил налог на всех жителей волости поровну. Общее собрание рабочих сорокских лесозаводов 27 мая потребовало распустить волостной совет крестьянских депутатов "ввиду того, что заправилами засела местная буржуазия". Учитывая мнение большинства населения волости, Кемский уездный исполком 31 мая постановил: "Ввиду полной бесплодности установить советскую власть в с. Сороке при непосредственном участии крестьянского населения Сорокской волости предоставить рабочим заводов Беляева с участием крестьян беднейших сел Сорокской волости взять дело организации районного совета в свои руки на началах, отвечающих только интересам пролетариата и трудового крестьянства, причем вновь организованный при участии буржуазии волостной совет распустить"[58]. В Сороке был восстановлен единый совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в исполком которого вошли рабочие И.П. Фирсов и П.Ф. Волосатый, крестьяне И.М. Морозов и П.И. Аникеев, а также учитель Д.О. Калганов.

В Олонце 11 июня 1918 г. произошла вспышка недовольства крестьян сбором чрезвычайного налога. Собранные со всего уезда в Олонец налогоплательщики захватили склад с оружием, разгромили левоэсеровский уездный совет и арестовали членов исполкома. Для подавления мятежников пришлось вызывать из Петрозаводска отряд красноармейцев, а в деревнях велась разъяснительная работа. В результате, не получив поддержки в волостях и не дождавшись помощи из Финляндии, главари восстания сдались. В ходе ликвидации бунта два заговорщика были расстреляны[59]. Весной и летом 1918 г. аналогичные выступления имели место в ряде волостей Петрозаводского и Пудожского уездов.

Для борьбы с саботажем и сопротивлением власти 14 апреля 1918 г. при губсовете

Первомайская демонстрация в Петрозаводске. 1918 г.

создается чрезвычайная комиссия в составе Проскурякова, Тимонена, Елпидинского, Никитина и Абрамова. С осени 1918 г. ее возглавил О.К. Кантер. Тогда же появились уездные ЧК. Эти органы наряду с борьбой с действительными врагами новой власти стали преследовать людей за инакомыслие, нередко прибегая к произволу и беззаконию.

В целях защиты советской власти создавались вооруженные отряды Красной гвардии и Красной армии. Вначале формированием красногвардейских отрядов занимался губернский штаб Красной гвардии (А.В. Дубровский, И.Н. Суханов, М.Ф. Тарасов). В марте 1918 г. в Петрозаводске насчитывалось 230 красногвардейцев. Вооруженные отряды добровольцев были сформированы в уездных центрах, на крупных железнодорожных станциях и в ряде волостей. Особенно активно они создавались в Поморье, над которым нависла угроза нападения со стороны Финляндии и иностранных интервентов, высадившихся в Мурманске. В "Наказе Красной гвардии", утвержденном Олонецким губсоветом, отмечалось, что Красная гвардия представляет собой "организацию вооруженных сил пролетариата для борьбы с контрреволюцией и защиты завоеваний революции". Красногвардейцы несли караульную службу, поддерживали порядок и пресекали вспышки недовольства масс.

Поскольку Красная гвардия не могла служить надежной защитой для отражения военной интервенции, 28 февраля 1918 г. Олонецкий губисполком принял решение о создании в Петрозаводске и на местах красноармейских отрядов. Губернский штаб Красной армии под руководством А.В. Дубровского приступил к записи добровольцев. Активную помощь в организации красноармейских отрядов в Карелии оказал представитель Всероссийской коллегии по формированию Красной армии И.В. Матвеев. В марте первый отряд красноармейцев выехал в Петроград для участия в отражении наступавших германских войск.

В мае 1918 г. в Петрозаводске и уездных городах, а немного позже и в волостях началась организация военных комиссариатов, на которые возлагались учет военнообязанных, проведение военной учебы, запись добровольцев, подготовка и проведение мобилизаций, политико-просветительная работа среди населения и т. д. В июне в Петрозаводске в Красную армию записалось 500 добровольцев, а в уездах — по 150 человек в каждом[60]. Отряды Красной гвардии влились в красноармейские части. Трудящиеся шли в Красную армию, видя в ней защитника от внешнего врага и гарантию сохранения советской власти.

Первые мероприятия в области экономики и культуры

Местные органы советской власти большое внимание уделяли в этот период революционным мероприятиям, направленным на преодоление разрухи и оживление хозяйственной жизни. Декреты, изданные правительством в конце 1917 г., предоставляли местным советам, фабрично-заводским комитетам широкую самостоятельность. Через профсоюзы и фабзавкомы входили в практику производственное самоуправление и рабочий контроль над производством. Радикально настроенная часть рабочих настаивала на национализации промышленности и транспорта. Александровский завод в Петрозаводске и Мурманская железная дорога с самого начала находились в ведении государства. Одновременно встал вопрос и о национализации частных предприятий. В Олонецкой губернии в годы войны работало всего 17 частных предприятий. Оборудование на них пришло в негодность, не хватало сырья, топлива, финансовых средств. Мурманская железная дорога едва справлялась с незначительным грузооборотом и продолжала достраиваться. Объем лесозаготовок упал до 1/4 к уровню 1913 г.

Введение рабочего контроля на промышленных предприятиях было встречено саботажем предпринимателей. В декабре 1917 г. лесопромышленник Беляев объявил о закрытии своих заводов в Сороке. Рабочие потребовали от владельца прекратить саботаж и обеспечить нормальное производство. Беляев не шел ни на какие уступки, что вынудило рабочих взять управление заводами в свои руки. Управляющим стал рабочий П.А. Добряков, а организацию производства возглавили рабочие К. Паршуков, И. Колыбин, П. Гармуев. Действия рабочих поддержал Поморский совет, который создал специальную комиссию для разработки условий перехода предприятия в руки рабочего самоуправления. Крестьяне Лапинской волости организовали артель по заготовке леса для завода. Заводской комитет через профсоюз лесопильщиков Архангельской губернии изыскал необходимые средства и материалы для дальнейшей деятельности предприятия, и дела пошли успешно. Тогда же взяли под свой контроль производство и рабочие Поповоостровского лесозавода.

Энергично действовали рабочие Александровского завода, где сложилась крайне тяжелая обстановка в связи с переоборудованием производства для ремонта вагонов и паровозов. Заводоуправление не справлялось с огромным объемом работы, среди рабочих падала трудовая дисциплина. Заработная плата рабочим выдавалась с большими перебоями. В марте 1918 г. расширенное заседание заводских организаций, представителей Мурманской железной дороги и Олонецкого губсовета решило ускорить перестройку производства для выпуска продукции мирного назначения. Осуществление намеченных мер позволило в короткий срок произвести переоборудование цехов

и приступить к освоению нового производства. Угроза закрытия предприятия была предотвращена.

Рабочие ряда лесозаводов, брошенных владельцами на произвол судьбы, выступили за их национализацию. В феврале 1918 г. Олонецкий губсовет национализировал лесозавод акционерного общества "Олония". Почти одновременно перешли в ведение местных советов две частные типографии, пивоваренный завод, гостиный двор в Петрозаводске и лесозаводы в Сороке и на Поповом Острове. Конфискация купеческих зданий, лавок, товаров, обложение купцов и заводовладельцев налогами проводились в Петрозаводске, Олонце, Кеми, Сороке и других местах. На национализированных предприятиях рабочие выдвигали из своей среды руководителей и с помощью местных советов приступали к налаживанию производства. Сначала многое не ладилось. Но постепенно приобретались знания и опыт.

Организованно прошла национализация водного транспорта по декрету Совнаркома от 26 января 1918 г. К началу навигации советские хозяйственные органы взяли в свое ведение в Прионежском и Приладожском районах 396 товаро–пассажирских и буксирных пароходов, 1054 баржи и дебаркадера[61], что позволило использовать эти суда в перевозке грузов в навигацию 1918 г., а также создать на их базе Онежскую военную флотилию.

Установление советской власти создало условия для проведения в жизнь декрета о земле и закона о социализации земли, принятого ВЦИК 27 января 1918 г. На проходившем в конце января — начале февраля 1918 г. III Олонецком губернском съезде советов была принята резолюция по земельному вопросу, согласно которой вся земля объявлялась общенародным достоянием, а перераспределение казенных, удельных, монастырских, церковных и частновладельческих земель, а также и общинных надельных земель предоставлялось самим крестьянам. Учитывая естественно–климатические условия Олонецкой губернии, съезд отмечал: "Низкая производительность почв и ограниченность пригодной для сельскохозяйственной культуры площади, при слабом развитии и малодоходности скотоводства, заставляет население заниматься промыслами, каковыми являются лесной, рыбный и в зачаточном состоянии в некоторых местах горный. Поэтому в Олонецкой губернии аграрная реформа должна иметь в виду интересы труда не только земледельческого, но и промыслового. Лес должен рассматриваться не только как накопленное природой добро, но и как арена приложения населением промыслового труда"[62].

После Рождества и Нового года повсеместно проходили уездные и волостные съезды и сходы крестьян. На них рассматривался порядок передачи и распределения бывших казенных, частновладельческих, церковных и монастырских земель между крестьянами на уравнительных началах по потребительско–трудовой норме. Уравнительный передел земли в Карелии начал осуществляться с весны 1918 г. В первую очередь землей наделялись безземельные и малоземельные крестьяне. В связи с тем, что на местах возникало немало недоразумений и споров о принципах передела земли, в июле собрался губернский съезд представителей земельных отделов. Съезд рекомендовал производить раздел земли по едокам, не исключая малых детей, и "вообще никаких исключений по возрасту семейных не делать, наделять землей и всех тех домохозяев, которые были постоянными жителями данной местности, но временно проживали на стороне и не порвали связи с семьей в деревне". Предусматривался надел и пришлым людям, заявившим о желании получить землю. При этом подчеркивалось, что "полученная земля должна обрабатываться силами семьи получателя, никакая передача земли от одной семьи к другой не допускается". Для увеличения

посевных площадей населению предоставлялось право "повсеместных расчисток в общенародных лесах, в местах, удобных для этого"[63]. Выработанные рекомендации упорядочили осуществление аграрной реформы.

Рождение советской власти в Карелии происходило в условиях небывалых продовольственных трудностей. С первых дней организации советского аппарата приходилось принимать непопулярные меры, чтобы обеспечить хотя бы полуголодный прожиточный минимум рабочих и крестьян. Все продовольствие, кому бы оно не принадлежало, бралось на учет и распределялось по твердо установленным нормам. В начале 1918 г. у купцов Петрозаводска было реквизировано 3,5 тыс. пудов продовольствия. Крестьяне Шуйской волости Петрозаводского уезда изъяли у лесопромышленной фирмы "Шалит" и акционерного общества "Громов и К°" более 550 мешков муки, а крестьяне Спасопреображенской волости того же уезда отобрали у лесопромышленника Брандта и местных кулаков 81 мешок муки. Такие же меры по реквизиции хлеба принимались и в других местах. Крестьяне Олонецкого и Повенецкого уездов запретили вывоз хлеба в Финляндию, установив охрану на дорогах. Пытаясь помочь карельской бедноте продовольствием, Повенецкий уездный исполком направил в Мяндусельгскую, Поросозерскую, Ругозерскую и Ребольскую волости четыре вагона хлеба, полученного в апреле 1918 г. из центра. С 1 марта 1918 г. в Олонецкой губернии были установлены нормы отпуска хлеба населению: 250 г в день для лиц, занятых физическим трудом, и 200 г для лиц, не занятых физическим трудом[64]. Но даже такой скудный паек выдавался нерегулярно. Кемский уездный совет принял меры к доставке реквизированного у Соловецкого монастыря хлеба в северокарельские волости (Кестеньгскую, Летнеконецкую, Олангскую, Тунгудскую), находившиеся в бедственном продовольственном положении.

Угрозу голода неоднократно удавалось преодолевать при поддержке В.И. Ленина. В феврале 1918 г. он лично распорядился направить в Петрозаводск маршрутный поезд с хлебом и выделить наряды на получение продовольствия с юга и из Сибири. Затем последовали новые распоряжения главы правительства на этот счет. 14 июля В.И. Ленин принял членов Олонецкого губсовета А.Ф. Мартынова и П.С. Сазонова, расспрашивал их о положении в губернии, об отношении крестьян к советской власти и подписал им мандат на доставку продовольствия в Карелию. 11 октября 1918 г. олонецкий губернский комиссар продовольствия карел И.Ф. Петров телеграфировал Ленину: "Хлеб, посланный нам по вашему распоряжению, товарищ Ленин, дает нам силы в трудной борьбе с надвигающимися с севера хищниками"[65].

В результате осуществления некоторых хозяйственных мероприятий, вмешательства рабочих в заводские дела, стихийных реквизиций продовольствия у хлеботорговцев и зажиточных крестьян была разрушена старая система управления на предприятиях и привычная практика заготовок продовольствия, произошел разрыв ранее сложившихся региональных экономических связей. Стали возникать хозяйственные трудности, которые приходилось решать еще не окрепшим местным советам, аппарат которых, состоящий из не имевших опыта рабочих и крестьян, не мог справиться с растущей разрухой.

Новая власть пыталась энергично заниматься также и культурным строительством, прежде всего перестройкой народного образования. Губернский и уездные комиссариаты просвещения сосредоточили внимание на привлечении на свою сторону демократически настроенных учителей и общественности, на освобождении школы от влияния церкви и развитии творческих начал в обучении детей основам научных знаний. Из среды карельского учительства выдвинулись такие способные

организаторы народного просвещения, как В.М. Парфенов, И.М. Зыков, А.Н. Куняев, Т.В. Леонтьев и другие, которые привлекли местное учительство к созданию новой народной школы.

С большими трудностями проводился в жизнь декрет советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви. Значительная часть крестьян отказалась выполнять декрет о свободе совести и просила священников продолжать свою работу во внеучебное время вне школы. По признанию губернского комиссариата народного просвещения жители Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского уездов "индифферентно отнеслись к декрету", а во многих деревнях принимали решения "не подчиняться декрету". В Олонецком уезде по настоянию крестьян было разрешено преподавание Закона Божия в стенах школ. Практически весной 1918 г. удалось запретить преподавание духовных предметов только в 60% школ Карелии. Нередко декрет о свободе совести вводился административным порядком, сопровождался "чистками" преподавателей, выступающих в защиту церкви[66]. В числе таких подвергнутых чистке, оказались известные преподаватели В.А. Богданов, В.П. Дмитриев, В.И. Крылов, А.С. Рубинов, Ф.Ф. Чудинов, ректор духовной семинарии Н.К. Чуков и другие.

В основу перестройки школьного образования легли принципы, закрепленные в решениях III Олонецкого губернского съезда советов: "1) Начальное образование должно быть всеобщим и обязательным; 2)обучение на всех ступенях школы — бесплатным и доступным; 3) для неимущих при всех учебных заведениях должны быть учреждены стипендии за счет казны"[67]. Съезд провозгласил важнейшей задачей новой власти обеспечение грамотности народных масс и развитие их в культурно–политическом и экономическом отношениях. В соответствии с этим губернский отдел народного образования разработал положение о двухступенной школе: начальная школа с четырехлетним курсом обучения и школа второй ступени, дававшая среднее образование. Согласно решению I Всероссийского съезда по просвещению (август 1918 г.) в Карелии начали 1918/19 учебный год 442 школы 1 ступени и 14 школ 2 ступени. В них обучалось до 20 тыс. школьников. По сравнению с 1917/18 учебным годом число учащихся увеличилось на одну треть.

В марте 1918 г. в Петрозаводске начал работать первый в истории Карелии народный университет, в котором открылось естественно–медицинское отделение, а с осени шла учеба и на социально–экономическом, словесно–историческом и политехническом отделениях. К преподавательской деятельности привлекались ведущие специалисты губернских учреждений и ученые Петрограда. При университете работали курсы грамотности для взрослых[68].

Большое значение отводилось культурно–просветительской работе среди населения. К ней привлекались учителя, врачи, служащие советских учреждений. Уже весной 1918 г. создаются первые просветительные кружки в деревнях Усланка Олонецкого уезда, Кулмукса Петрозаводского уезда, в Вершининской волости Пудожского уезда. Начали возникать избы–читальни, библиотеки. Для сельского населения читались лекции на общественно–политические и естественно–научные темы, среди крестьянства распространялись газеты и журналы. В Петрозаводске работало четыре кинематографа, детская музыкальная школа. Театр драмы возглавил молодой режиссер Александринского театра Н.В. Петров. В труппе театра выступали известные артисты Петрограда Е.П. Корчагина–Александровская, Н.С. Рашевская, А.П. Есипович, А.И. Смирнов, Ю.Н. Юрьин и другие. Летом 1918 г. в городе появился симфонический оркестр под руководством местного музыканта Н.А. Солнышкова.

19 [redacted] 18 г.

ОДЕ'ОТДЕЛ ИСКУССТВ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ГУБЕРН. И ГОР. ОТД ЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

НАРОДНЫЙ ТЕАТР И КИНЕМАТОГРАФ № 1.

В ПЯТНИЦУ 25 ОКТЯБРЯ

7-й

ВОКАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВЕЧЕР

посвященный памяти П. И. ЧАЙКОВСКОГО

УЧАСТВУЮТ: Симфонический оркестр М. Ф. Леви и артисты Дмитриев Пуп-тология

Хор С. Ефимова и Духовой оркестр.

Начало в 7 ч. вечера. с 11½ час. ТАНЦЫ

ВО ВРЕМЯ ИСПОЛНЕНИЯ НУМЕРОВ ВХОД В ЗАЛ НЕДОПУСКАЕТСЯ

Объявление о вокально–музыкальном вечере 25 октября 1918 г.

Разраставшаяся система управления таила в себе опасность возрождения традиционного российского бюрократизма. Поэтому уже в марте 1918 г. VII съезд РКП(б) дал установку на усиление большевистского влияния в советах всех уровней, полагая, что это станет преградой на пути бюрократов. В мае ЦК большевистской партии разослал в низовые организации циркулярные письма с требованием оживления партийной деятельности. В начале 1918 г. произошло объединение разрозненных большевистских ячеек и групп на территории Олонецкой губернии в единую организацию. В феврале возник Петрозаводский центральный комитет партии большевиков, выполнявший функции городского комитета, который 14 апреля реорганизовался в окружной. В состав окружкома входили Х.Г. Дорошин (председатель), Д.З. Акулов, П.В. Кулагин, А.С. Метелкин и другие[69]. В январе оформилась большевистская ячейка в Пудоже, в июле — в Олонце, в августе — в Повенце. Появились партийные организации в Кузаранде, Лижме, Суне, Ялгубе и других деревнях.

6—8 августа 1918 г. в Петрозаводске состоялась I Олонецкая губернская партийная конференция, которая подвела итоги деятельности большевиков по установлению и упрочению советской власти в губернии. Делегаты отмечали нехватку партийных сил для обеспечения руководства на местах, слабую связь имеющихся ячеек с окружным комитетом. Конференция потребовала оживления партийно-политической и организаторской работы среди населения, уделив особое внимание деятельности в деревне. Коммунистам предлагалось усилить контроль за выполнением решений партии и правительства. Конференция избрала Петрозаводский окружной комитет РКП(б) под председательством Я.К. Берзтыса.

К лету 1918 г. позиции большевиков в губернском и уездных советах Олонецкой губернии упрочились. В апреле председателем губисполкома вместо В.М. Парфенова был избран большевик П.Ф. Анохин, хотя левоэсеровская фракция еще преобладала тогда в составе губисполкома. Большевики и левые эсеры, сотрудничая в исполнительных органах советской власти, стремились достичь взаимопонимания в решении практических вопросов, и расхождения между ними в повседневной работе поначалу почти не проявлялись. Наиболее острые расхождения возникли в проведении аграрной политики и в отношении к Брестскому миру. Левые эсеры выражали недовольство поворотом большевиков к обострению классовой борьбы в деревне, преувеличением роли деревенской бедноты, справедливо опасаясь раскола крестьянства и ожесточения Гражданской войны. В вопросе о мире большевики ориентировались на позицию своего ЦК, а левые эсеры настаивали на революционной войне с немцами. Однако до лета 1918 г. они работали вместе. Народ поверил им, полагая что в условиях советской власти они смогут перестроить жизнь на основе подлинной свободы, равенства и братства.

Тогда же началось создание первых юношеских организаций в Карелии. Осенью 1917 г. сочувствующие большевикам молодые рабочие Александровского завода И. Горбачев, А. Куткевич, В. Пономарев, А. Соснин организовали союз рабочей молодежи. В начале 1918 г. появились союзы рабочей молодежи в Пудоже, на Кемском лесозаводе. 31 марта организовался Петрозаводский социалистический союз молодежи, в который вступали юноши и девушки до 25 лет. Союз насчитывал около 100 человек и работал под руководством большевиков.

В ходе установления советской власти на местах в плоскость реальной политики встал вопрос о национальном самоопределении Финляндии и Карелии. 31 декабря 1917 г. Совнарком и ВЦИК предоставили Финляндии полную независимость. Исходя из принципа самоопределения народов, карелы тоже могли воспользоваться правом на предоставление им широкой автономии или суверенитета. Идею самоопределения карелов выдвинуло Карельское просветительное общество, имевшее определенное влияние в северокарельских волостях Кемского уезда Архангельской губернии и опиравшееся на эмигрантов из этих волостей в Финляндии.

Между тем в ходе борьбы за государственный суверенитет Финляндии среди финнов возникло представление о том, что подлинную самостоятельность страна может получить лишь после воссоединения ее с "одноплеменным" карельским народом. По мнению многих финляндских общественных деятелей, "естественная" восточная граница Финляндии должна проходить по Ладожскому озеру — реке Свири — Онежскому озеру — Белому морю. В самой Карелии мнения разделились. В начале 1918 г. часть жителей северо-западных карельских волостей Архангельской губернии поддерживала идею независимости своего края, а карельские волости Олонецкой губернии выступали за автономию в составе Советской

России. Переселившиеся же в Финляндию уроженцы северной Карелии склонялись к мысли о присоединении карелов и саами к Финляндии.

На состоявшемся 27 января 1918 г. народном съезде в Ухте представители карельских волостей Кемского уезда решили, что в условиях вспыхнувшей в России и Финляндии Гражданской войны требование автономии Карелии в составе России является недостаточным и что целью беломорских и архангельских карелов должно стать создание своей карельской республики. Рассматривалось также предложение о присоединении карельских волостей к независимой Финляндии, но эта идея не собрала большинства голосов.

П. Ф. Анохин

Почти одновременно, 24 февраля 1918 г., аналогичный вопрос обсуждался по инициативе Карельского просветительного общества на Повенецком уездном земском собрании, которое решило пригласить из Гельсингфорса агитаторов и совместно с ними провести в селах сходы, чтобы "выяснить взгляды самих карелов на самобытность и экономическое положение края". Выступавшие предостерегали олонецких и архангельских карелов "от слияния их с Финляндской Карелией", памятуя о бедственном положении торпарей (арендаторов) и об истощении лесов в Финляндии. Земское собрание приняло предложение Ф.Е. Поттоева созвать съезд представителей карелов всей Русской Карелии. Группе агитаторов из числа участников собрания поручалось провести подготовительную работу в Богоявленской, Ребольской, Ругозерской, Мяндусельгской и Поросозерской волостях, организовать там волостные комитеты и информировать о своей деятельности лидера Карельского просветительного общества А. Митрофанова, проживавшего в финском городе Ювяскюля[70].

В конце февраля 1918 г. в Повенце собрался уездный съезд советов, который объявил об установлении в уезде советской власти. Представители карельских волостей заявили о необходимости объединения карельских территорий Олонецкой и Архангельской губерний в особую административную единицу в составе РСФСР. Участники съезда Ф. Поттоев и А. Нестеров позднее вспоминали, что решение этого вопроса на съезде проходило в острой борьбе, ибо националистически настроенные делегаты из зажиточных крестьян Буторин и Григорьев выступили с предложением об отделении Карелии от России и присоединении ее к Финляндии. Но их выступления встретили решительный отпор большинства делегатов карелов. Съезд поручил уездному исполкому для детального рассмотрения вопроса о государственном устройстве карельских волостей созвать в ближайшее время съезд представителей карельского населения уезда[71].

Трудящиеся Олонецкого уезда, зная о притязаниях буржуазного правительства Финляндии на карельские земли, на II уездном съезде крестьянских депутатов в марте

1918 г. высказались вполне определенно: "Когда со стороны банд финляндской белой гвардии есть намерение завладеть нашей территорией, [мы] должны сказать, что все малые народы знают, с кем им определять свою судьбу, и заявляем, что с оружием в руках будем оборонять свою самостоятельность от всех притязаний белогвардейских банд"[72].

Рабочая революция и гражданская война в Финляндии поставили вопрос о восточной границе страны. Советское руководство, проявляя солидарность с революционным правительством Финляндии — Советом народных уполномоченных, согласилось обсудить этот вопрос в ходе советско–финляндских переговоров о заключении договора о дружбе. Члены финской делегации Э. Гюллинг, О. Токой, С. Вуолийоки, как и советские представители, не считали установленную царским правительством границу окончательно определенной. Наоборот, в соответствии с принципами национальной политики советской власти предполагалось провести размежевание с учетом мнения по данному вопросу финноязычного населения к востоку от существовавшей границы[73]. Подписанный 1 марта 1918 г. в Петрограде договор между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой четко оговаривал в статье 15 отчуждение в полную собственность Финляндской социалистической республики территории западной Карелии и части Мурмана, "если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением". Статья 16 договора касалась создания согласительной комиссии по вопросу изменения границы "между двумя социалистическими государствами"[74].

Решение советского правительства о возможной передаче или продаже Финляндии части территории Карелии и Печенги, не учитывавшее мнение местного населения, было встречено северянами с недоумением и тревогой. Кемский уездный исполком 30 апреля 1918 г. выразил решительный протест против передачи Финляндии 40 тыс. квадратных верст российской земли в районе Печенги. "Этим будет нанесен серьезный удар продовольствию не только Архангельской губернии, но и прилегающего к ней района, — отмечалось в постановлении исполкома. — Населению Архангельской губернии необходимо всеми мерами отстаивать принадлежащий ему район западного Мурмана, ибо это тесно связано со всей будущностью рыбных промыслов и следовательно со всей будущностью губернии". Кемский совет справедливо упрекал правительство за то, что оно распоряжается судьбой громадной территории без согласия местного населения[75]. Аналогичную позицию заняли Архангельский губисполком и местные органы советской власти Мурмана и Беломорья. В этих условиях Совнарком не спешил с реализацией заключенного договора о дружбе с революционным правительством Финляндии, а после поражения финляндской революции сразу же денонсировал договор[76].

За короткий срок после Октябрьской революции в Карелии утвердилась рабоче–крестьянская власть, стремящаяся удовлетворить наиболее важные требования революционных масс. Рабочие пытались добиться улучшения своего положения за счет экспроприации частной собственности. Крестьяне получили в свое пользование землю. Но советские руководители в центре и на местах были во власти иллюзий насчет переустройства общества. Массы еще не выработали необходимой способности к самоуправлению и контролю над "верхами", которые уже тогда проявили тенденцию к авторитаризму и ограничению демократии. В стране начались настойчивые поиски пути осуществления "социалистического выбора", которые в Карелии осложнились начавшейся летом 1918 г. крупномасштабной иностранной интервенцией.

3. НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ И В КАРЕЛИИ

Высадка интервентов на Мурмане. Отражение нападения белофиннов

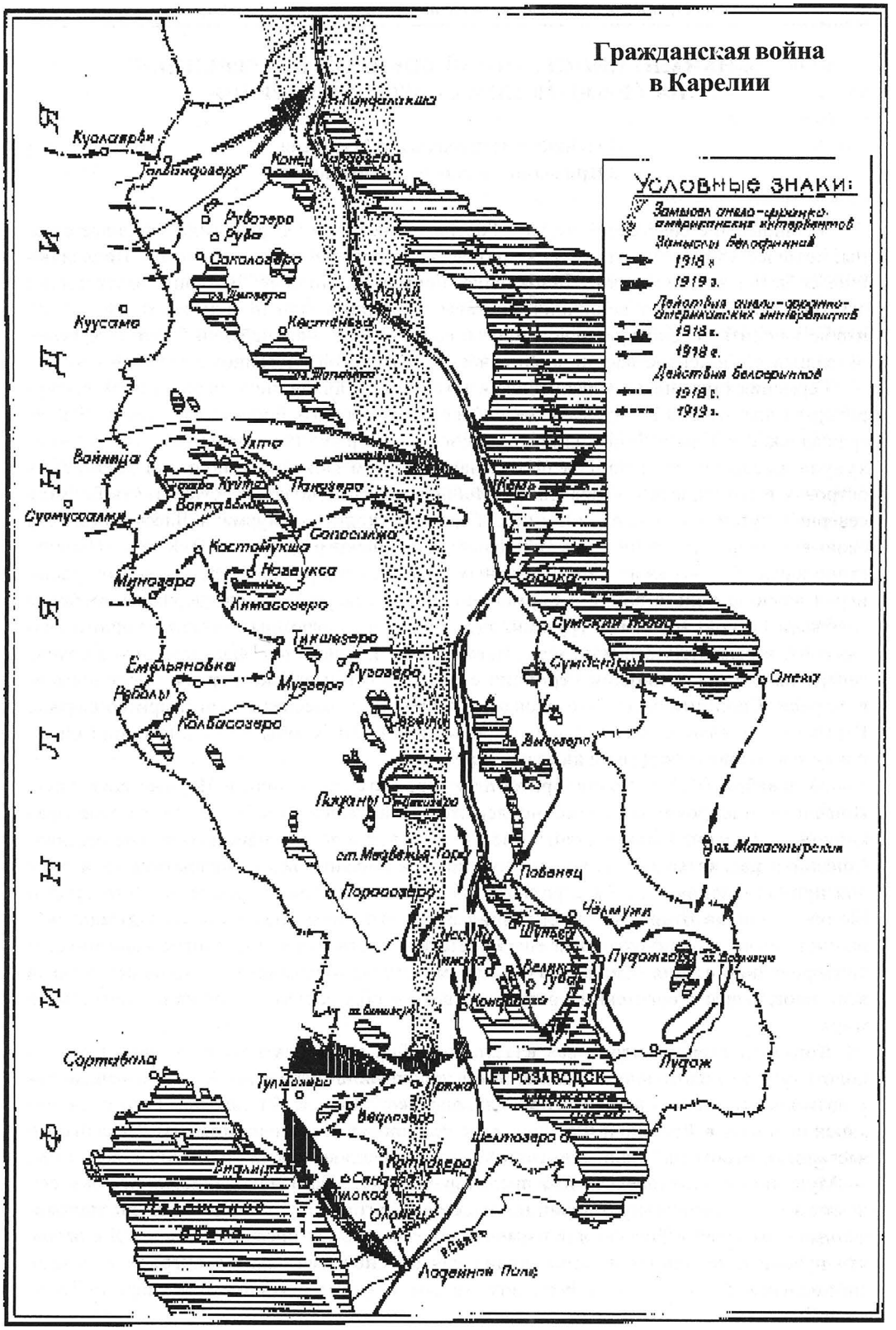
Установление советской власти в России не на шутку встревожило западные страны, которые увидели в этом угрозу разрастания революционного пожара. Последующие события в Финляндии, Прибалтике, Германии, Польше, Венгрии подтвердили эти опасения. Поэтому воюющие державы предпринимали немалые усилия к тому, чтобы удушить российскую революцию в ее зародыше. Европейский Север и Карелия оказались в эпицентре военно–политических интересов Германии и стран Антанты.

Германия стремилась укрепить свои позиции в Финляндии и использовать ее территорию для выхода на мурманское побережье Северного Ледовитого океана. В ходе гражданской войны в Финляндии она с согласия буржуазного правительства П.Свинхувуда высадила свои войска под командованием фон дер Гольца на Аландских островах и готовилась к вторжению в Финляндию, чтобы затем осуществить блокаду северных путей. Страны Антанты не собирались уходить с Мурмана. Здесь они имели свою военную эскадру под командованием английского адмирала В. Кемпа. Присутствие англо–французских сил в северных водах мотивировалось тем, что этот район играл важную роль в войне с Германией. Через северные порты державы Антанты снабжали Россию военными грузами, здесь скопились огромные запасы военного снаряжения, взрывчатых веществ, угля, металла и т. п. Союзники опасались, что в случае сепаратных договоренностей Германии с большевиками военные грузы могут попасть в ее руки. Свои интересы преследовала и Финляндия, рассчитывавшая при поддержке Германии захватить пограничные карельские земли, якобы принадлежащие ей по праву племенного родства финнов и карелов.

23 декабря 1917 г. Великобритания и Франция заключили в Париже секретную конвенцию о широкомасштабной поддержке антибольшевистских сил и о разделе сфер влияния в России. Европейский Север включался в зону влияния Великобритании. Союзники рассчитывали захватить Мурманск и Архангельск и превратить их в базы для проникновения в глубь страны по железным дорогам, идущим на Петроград и Москву. Однако открытая интервенция стран Антанты временно откладывалась в надежде на то, что не окрепшая еще советская власть падет под напором внутренней контрреволюции. Для отвода глаз уполномоченные представители союзных держав вели переговоры с советским правительством, чтобы сорвать подписание Брестского мира.

Когда стало ясно, что новая власть способна вести самостоятельную внешнюю политику и ее положение с каждым днем упрочивается, державы Антанты начали готовиться к вторжению на территорию европейского Севера. 21 февраля 1918 г. американский посол в России Д.Фрэнсис телеграфировал в госдепартамент: "Я серьезно настаиваю, чтобы мы взяли под свой контроль Владивосток, а британцы и французы — Мурманск и Архангельск для предотвращения захвата находящихся там запасов немцами"[77]. Аналогичную позицию высказал британский генерал Ф. Пуль, направленный с миссией в Россию для изучения обстановки. Он писал в Лондон: "Я считаю, что нужна немедленная военная акция для обеспечения захвата порта Мурманска англичанами. Я полагаю, что будет возможным получить искреннюю поддержку Троцкого"[78].

Гражданская война в Карелии



Страны Антанты решили воспользоваться подходящим моментом. 28 января 1918 г. в Мурманске неизвестными лицами был убит начальник Мурманского укрепрайона и отряда судов (Главнамур) контр–адмирал К.Ф. Кетлинский. Он был известен, как человек, всячески противившийся усилению англо–французского влияния в этом районе. 14 февраля вместо Главнамура была учреждена так называемая народная коллегия Мурманского района из представителей англичан, французов и местного совета. Этот орган практически выполнял волю бывших союзников.

2 марта по поручению Л.Д. Троцкого Мурманский совет заключил с представителями Антанты "Словесное, но дословно запротоколированное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края", а 6 марта с согласия совета в Мурманске высадился первый отряд британских солдат численностью до 200 человек. Так началось вторжение "по приглашению" или " с согласия" советского правительства, которое на словах обосновывалось необходимостью защиты Мурмана и Карелии от немцев и белофиннов, а на деле преследовало целью оккупацию европейского Севера России.

Заключение Брестского мира 3 марта 1918 г. страны Антанты использовали как повод для разрыва отношений с Россией и оправдания своих захватнических целей. По этому договору Россия обязывалась вывести свои войска из Финляндии, Прибалтики, Белоруссии и Украины, определить границы с Финляндией, очистить территориальные воды от иностранных судов, выплатить огромную контрибуцию и т.д. 15 марта в Лондоне премьеры и министры иностранных дел стран Антанты приняли решение о непризнании Брестского мира и открытом вмешательстве во внутренние дела России. Союзники объявили об экономической блокаде Советской России. В свою очередь Германия в апреле 1918 г. ввела свои войска на территорию Финляндии, помогла финляндской буржуазии подавить рабочую революцию и подталкивала белофиннов к военной интервенции в Карелию.

В результате переплетения и взаимодействия различных внутренних и внешних факторов к весне 1918 г. в районе Мурмана и Карелии создалась чрезвычайно сложная ситуация, угрожавшая вылиться в военный конфликт. В.И.Ленин и советское руководство предприняли немало усилий, чтобы мирным путем развязать так называемый "мурманский узел". Однако развитие событий в конце концов вылилось в открытую иностранную интервенцию.

В данной ситуации местные органы власти принимали меры по защите территории от возможного расширения интервенции. 15 марта Олонецкий губисполком заявил, что заключенное Мурманским советом соглашение с англо–французами "противоречит общему направлению политики рабоче–крестьянской России, отвергающей активное сотрудничество с международными империалистами", что оно может подчинить край "экономическому и военному влиянию европейских правительств"[79]. В тот же день губисполком и исполком Мурманской железной дороги направили в Совнарком обстоятельный запрос с просьбой ответить, знают ли об этом в правительстве и даны ли Мурманскому совету полномочия на право объявления всей железной дороги на осадном положении и подчинении военному совету из представителей англичан и французов. 22 марта нарком по военным делам Троцкий ответил руководству Олонецкой губернии, что ввиду недостатка сил в настоящий момент помощь заинтересованных иностранцев допустима при непременных условиях невмешательства их во внутренние дела, и обещал принять практические меры к урегулированию отношений между Петрозаводском и Мурманском[80]. Губисполком не удовлетворился этим ответом и направил в Москву своих представителей Г. Щёголе-

ва и С. Коржавина, которые получили разъяснение по вопросам, связанным с англо–французским вторжением на севере. Советское правительство поручило местным советам готовить силы для отражения интервенции и не давать повода для расширения агрессии.

Обстановка на Мурмане и в Карелии тревожила Совнарком. 7, 13 и 19 апреля на его заседаниях активно обсуждался вопрос о защите данного района[81]. По указанию В.И. Ленина 18 апреля заместитель наркома по морским делам И.И. Вахрамеев потребовал от Мурманского совета поместить "опровержение появившихся в печати сообщений о согласии местных властей на высадку англо–французского десанта и о совместном руководстве военными операциями с англичанами и союзниками на Мурмане"[82]. 4 мая советское правительство создало Беломорский военный округ. Для охраны железной дороги направляются отряды петроградских рабочих под командованием Комлева, Колосова, Орлова и Спиридонова. 14 мая В.И. Ленин подписал мандат чрезвычайного комиссара Беломорско–Мурманского края С.П. Нацаренуса, который сразу же выехал в Мурманск с широкими полномочиями. Выступая в тот же день на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета с докладом о внешней политике, Ленин так оценил обстановку: "Англичане высадили на Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требование, носящее характер, близкий к ультиматуму: если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории"[83].

Ситуация в Карелии осложнялась еще и тем, что на ее территорию и Кольский полуостров претендовала Финляндия. Пока там шла гражданская война, вопрос о карельских землях находился в стадии обсуждения. Главное внимание буржуазное правительство Финляндии сосредоточило на подавлении рабочей революции с помощью подоспевших немецких войск. Вместе с тем не исключалась возможность посылки военной экспедиции в северную Карелию, где устанавливалась советская власть и куда устремлялись финны эмигранты, бежавшие от преследований белых. В начале марта буржуазное правительство П. Свинхувуда дало согласие на отправку военных сил в Беломорскую Карелию, а главнокомандующий белофинской армией генерал К. Маннергейм отдал приказ о подготовке вторжения в пределы России на кемском и кандалакшском направлениях. 23 февраля Маннергейм заявил, что он не вложит меч в ножны, пока от красных не будет освобождена вся Карелия. На территории белой Финляндии началась вербовка добровольцев для осуществления военного вторжения на севере Карелии, а в карельских волостях шла обработка карелов, чтобы они выступали против советской власти.

Вскоре в ставке Маннергейма в Сейняйоки состоялось совещание, посвященное осуществлению военной акции в Карелии. На нем присутствовали и руководители Карельского просветительного общества, которые заверили главнокомандующего в том, что карелы ждут помощи и готовы отделиться от России и присоединиться к Финляндии. Маннергейм рассчитывал на восстание карельского населения и провоцировал его. 11 марта он дал указание члену правления Карельского просветительного общества П. Афанасьеву (Ахава) подготовить население к предстоящей операции "по национальному пробуждению среди архангельских карелов". В Сортавале были образованы Восточно–Карельское управление под руководством П. Супинена и комитет из представителей Ребол, Нурмеса, Иматры, Йоэнсуу, Импилахти, Питкяранты для ведения агитационно–пропагандистской деятельности среди карельского населения. Пропагандистская шумиха в приграничных карельских волостях имела целью

подготовить местное население к предстоящему походу белофиннов. Однако она не дала желаемого результата. Лишь собрание в Ухте, организованное 17 марта прибывшим из Финляндии П. Афанасьевым (Ахава), высказалось за присоединение северной Карелии к Финляндии. Финляндское правительство не получило ни одной официальной просьбы от карельского населения о помощи.

Тем не менее в середине марта 1918 г. по приказу Маннергейма белофиннские отряды под командованием Валлениуса и Старка сосредоточились в районах Куолаярви и Куусамо для захвата Кандалакши, а отряд подполковника Мальма двинулся из Куопио в направлении Ладвозера, Вокнаволока и Ухты, чтобы затем взять Кемь[84]. Тогда же белофинны заняли Реболы и начали продвигаться к Ругозеру и Поросозеру. В общей сложности белофиннские отряды насчитывали до 2,5 тыс. человек и представляли серьезную угрозу.

И. Ахава

Грозная опасность заставила рабочих и крестьян взяться за оружие. В Кеми, Сороке, Шуерецком, Кандалакше, Ковде, Керети, Ругозере, на железнодорожных станциях формировались отряды самообороны. В них вливались и красные финны, бежавшие из северной Финляндии. Советское правительство разрешило финнам–эмигрантам открыть фронт борьбы с белофиннами на севере Карелии. Под командованием боевого унтер–офицера карела Ийво Ахава (Афанасьева), сына лидера Карельского просветительного общества П.Афанасьева, в середине марта 1918 г. в Кандалакше создается крупный отряд финских красногвардейцев[85]. Боевые действия, развернувшиеся в конце марта — апреле 1918 г. на кандалакшском и кемском направлениях, завершились полным разгромом белофиннов. Красногвардейцы Кандалакши, Керети и Ковды во главе с И. Ахава с подоспевшими на помощь красными финнами под командованием В. Вихури, К. Ийвонена и А. Туорила разбили белофиннские отряды Валлениуса и Старка в районе Соколозера и Талвандозера и отбросили их к границе[86].

На кемском направлении белофиннским отрядам Мальма достойный отпор оказали местные отряды из рабочих Кеми, Попова Острова и Сороки под командованием Р.С. Вицупа, И.И. Сивкова, М.В. Фостия, С.Г. Мазавина, а также отряд архангельских красногвардейцев С. Попова. 8—12 апреля на подступах к Кеми шли упорные бои, в ходе которых белофинны понесли большие потери и отошли в приграничные волости[87]. Одновременно белофинское командование планировало военную экспедицию в Олонецкий уезд. Из жителей Сортавалы, Йоэнсуу, Куопио и Салми был сформирован отряд добровольцев численностью до 1300 человек. Однако неудачи в северной Карелии заставили Маннергейма отказаться от осуществления этой авантюры.

Исход первого военного похода в Карелию обескуражил финляндское правительство, но не побудил его отказаться от своих планов. Сейм разорвал 15 мая 1918 г. дипломатические отношения с Советской Россией. В пограничных волостях финнами велась вербовка добровольцев в отряды самообороны (шюцкор), совершались убийства и диверсии, осуществлялась активная разведка в районе Мурманской железной

А. И. Мосорин

дороги, на Кольском полуострове, в Междуозерье. В стране поощрялась антисоветская агитация, деятельность карельских сепаратистов. Опираясь на активистов из Карельского просветительного общества, белофиннский отряд Мальма, недовольные советской властью надеялись на скорое возвращение финнов.

Поскольку в то время у Кемского уездного совета не хватало сил для полного разгрома белофиннов, они закрепились в приграничных волостях и создали в Ухте военную базу. В свою очередь бежавшие от белофиннов карелы в апреле 1918 г. сформировали в Кеми отряд под руководством Григория Лежеева (Рикко Лесонен), который поставил своей задачей вытеснить белофиннов из Ухтинской и Вокнаволокской волостей. К июлю в отряде насчитывалось около 300 бойцов[88]. Кроме того, в Кандалакше и Княжой Губе формировался легион из красных финнов во главе которого стояли И. Ахава, В. Лехтимяки, О. Токой. Легион нес охрану северного участка Мурманской железной дороги от нападения белофиннов[89].

Вопрос о судьбе северной Карелии обстоятельно обсуждался 16—21 мая 1918 г. на Кемском уездном съезде советов. Делегаты карелы говорили о бедственном продовольственном положении населения. Неурожай 1917 г. и нападение белофиннов расстроили хозяйственную жизнь крестьянства. Уездный съезд решил, что хлеб должен отпускаться прежде всего населению карельских волостей (Тунгудской, Летнеконецкой и Маслозерской), испытывавших острую нехватку продовольствия. Карелы говорили о возможности повторения агрессии. Делегат Тихтозерской волости рассказал, что белофинны в марте—апреле 1918 г. пытались склонить население к покорности, а затем блокировать волость. Представители других карельских волостей просили снабдить население оружием для защиты своих селений от врагов.

Острую полемику на съезде вызвал вопрос о самоопределении Карелии. Ряд делегатов выступал с предложением создать в северокарельских волостях автономию. Председатель Кемского совета А.И. Мосорин заметил: "Ведь отделись Карелия, ее займут финны, а мы знаем, что они делают в Ухте. Мы не возражаем против автономии Карелии, но предостерегаем карелов, что им грозит тогда участь Украины. Мы, поморы, от этого ничего не потеряем, но нам жаль карелов. Если бы мы знали, что финны и немцы не посягнут на Карелию, мы приветствовали бы ее желание самоопределиться. Но теперь самоопределение — это гнет немцев". Все выступавшие согласились с тем, что карелы сами должны решить, "отделяться им и жить отдельно" или получить автономию в составе Советской России, но, прежде всего, по общему мнению, следовало совместными усилиями дать отпор интервентам, очистить карельские земли от захватчиков, укрепить советскую власть[90]. Поскольку территория Карелии и Кольского полуострова подверглась интервенции, перед карелами и русскими прежде всего встала задача — выстоять в общей борьбе против захватчиков и тем самым создать необходимые предпосылки для решения вопроса о самоопределении карельского народа.

Крайне неблагоприятная обстановка на советско-финляндской границе, чреватая возможностью новых военных конфликтов, побуждала советское правительство к заключению мирного договора с Финляндией. По его инициативе 3 августа 1918 г. в Берлине начались переговоры. Глава советской делегации В.В. Воровский выразил готовность к установлению добрососедства между странами. Финляндская делегация, поощряемая Германией, предъявила непомерные территориальные и имущественные требования к Советской России. Она настаивала на передаче Финляндии побережья Северного Ледовитого океана, включая Поморье и Кольский полуостров, а также значительной части Карелии до р. Свири, то есть районов, равных по величине примерно 3/5 всей площади Финляндии. В этом крае проживало карелов 43,2%, вепсов — 2%, финнов — 0,9%, русских — 51,4%, саамов и других национальностей — 2,5%[91]. Кроме того, финны потребовали громадную контрибуцию, заявив, что Финляндия находится в состоянии войны с Советской Россией. Советская делегация допускала возможность передачи Финляндии некоторых районов на севере и вдоль границы в обмен на территории на Карельском перешейке, необходимые для обеспечения безопасности Петрограда. Никаких других территориальных уступок со стороны России быть не могло, российские войска нигде финляндскую границу не переходили. Столь же необоснованным воспринималось и требование финнами контрибуции. Россия после заключения договора с Финляндией передала ей все военно-морские базы и строения, а также имущество выводимых с ее территории русских войск. Советско-финляндские переговоры в Берлине закончились безрезультатно.

В это время в приграничных волостях белофинны вели активную пропаганду за присоединение к Финляндии, что вызвало многочисленные протесты местного населения. На состоявшихся в августе—сентябре собраниях и сходах крестьяне выражали возмущение претензиями Финляндии на карельские земли и отвергали заявления финской стороны о стремлении карелов к воссоединению с Финляндией. Олонецкий уездный исполком 3 сентября 1918 г. принял решение: "Подтверждая постановления четырех крестьянских съездов советов уезда, заявляем всем, посягающим на нашу кровью добытую свободу, права и территорию, что дадим отпор и, считая себя частью Российской Федеративной Советской Республики, без нашего ведома не допустим торга нами, откуда бы он ни исходил, и будем защищаться до последней возможности"[92]. Такую же позицию занимало карельское население и других уездов. Проходивший в сентябре 1918 г. в селе Паданы съезд представителей всех карельских волостей Повенецкого уезда с участием делегатов от соседних волостей Кемского уезда подавляющим большинством голосов отверг предложение о присоединении Карелии к Финляндии и высказался за сохранение и упрочение советской власти и укрепление связей с русским народом. Лишь крестьяне Ребольской волости, не получавшие хлеба от Повенецкого уезда, согласились 31 августа на присоединение к Финляндии, пообещавшей им дать продовольствие. Это обстоятельство послужило поводом для захвата Ребольской волости белофиннами.

Расширение англо-французской интервенции

Тем временем отношения с англо-французскими интервентами на Мурмане продолжали ухудшаться. Там накапливались силы для расширения плацдарма и шла подготовка к захвату Архангельска. Созданный в апреле Мурманский краевой совет продолжал сотрудничать с англо-французами. Олонецкий и Архангельский губисполкомы

и местные советы Карельского Поморья всячески противодействовали сговору мурманских властей с союзниками. Наркоминдел предпринимал дипломатические усилия для нормализации обстановки, чтобы избежать военного конфликта в этом районе. Напротив, дипломатические представители стран Антанты, находившиеся в Вологде и Москве, побуждали свои правительства к расширению интервенции.

В свою очередь и Германия пыталась закрепиться на мурманском побережье. С мая 1918 г. германские подводные лодки возобновили пиратские действия в советских территориальных водах. Немецкие дипломаты начали усиленно настаивать на уступке Советской Россией Финляндии западной полосы Мурмана с выходом к морю. В конце мая Финляндия сообщила Германии, что согласна на ее посредничество в урегулировании отношений с Советской Россией при условии, что Восточная Карелия и Кольский полуостров перейдут к Финляндии[93]. Против этого резко выступили военный руководитель Высшего военного совета республики М.Д. Бонч–Бруевич и местные советы. Советско–германские переговоры по данному вопросу зашли в тупик. Пока дипломаты и политики обсуждали планы мирного урегулирования советско–финляндских отношений, немецкие и финские генералы намеревались разрешить мурманскую и карельскую проблемы военным путем. С конца мая началась концентрация белофиннов в пограничных районах, прилегающих к Печенге, Ухте, Реболам и Ругозеру.

Весной 1918 г. и страны Антанты окончательно договорились о совместных действиях на европейском Севере России. 20 мая британский военный кабинет принял решение безотлагательно начать военную оккупацию Севера и назначил генерала Ф.Пуля в качестве "военного представителя" для создания там армии из чехов, русских и лиц других национальностей, а также выделил экспедиционный отряд в составе 600 человек для "обороны Мурмана и Печенги". 1 июня англичан поддержал американский президент В. Вильсон, пообещав послать в Мурманск свои войска из числа соединений, направленных во Францию. Тогда же Верховный военный совет Антанты в Версале принял объединенный меморандум "Союзная интервенция в русских портах Северного Ледовитого океана", предусматривавший направление в этот регион союзных войск для удержания Мурманска и оккупации Архангельска. Через несколько дней детально разработанный план агрессии был одобрен на пленарном заседании Верховного совета Антанты. Британский генерал Ф. Пуль срочно отбыл с дополнительным контингентом войск в Мурманск для развертывания боевых действий на Севере.

В течение мая—июня 1918 г. советское правительство предпринимало безуспешные попытки склонить союзников к заключению общего соглашения о защите Севера от возможных военных акций со стороны немцев и белофиннов. Прибывший 24 мая в Мурманск чрезвычайный комиссар Совнаркома С.П. Нацаренус вел переговоры с официальными представителями стран Антанты с участием Ф. Пуля о взаимодействии и расширении торговых связей, однако все его предложения остались без ответа. Возвратившись в Москву, он доложил 21 июня правительству о результатах своей миссии. Совнарком поручил ему "направлять политику таким образом, чтобы немцы и англичане ограничивались взаимонаблюдением", и следить более строго за деятельностью местных совдепов. 25 июня Мурманскому совету было предписано "принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся в советскую территорию наемники капитала встретили решительный отпор"[94]. Однако Пуль предупредил руководство Мурманского совета: "Если вы будете протестовать против пребывания союзников в Мурманске, то мы будем считать себя свободными принимать все необходимые для защи-

ты меры"[95]. Поскольку председатель Мурманского краевого совета А. Юрьев не выполнил указания Совнаркома, он был 1 июля объявлен "вне закона".

А. А. Каменев

2 июля началось разоружение железнодорожной охраны и красногвардейцев в Мурманске, Кандалакше и Кеми, шла конфискация оружия у населения. В тот же день прибывший в Кемь отряд англичан и сербов разоружил отряд И.Д. Спиридонова, разогнал Кемский уездный совет, активно сопротивлявшийся иностранному вторжению, и расстрелял его руководителей А.А. Каменева, Р.С. Вицупа и П.Н. Малышева. Узнав о преступлении интервентов, 3 июля чрезвычайный комиссар Мурманско–Беломорского края С.П.Нацаренус уведомил советское правительство о том, что "англо–французы вышли из состояния внешнего благожелательного отношения и перешли к открытым операциям"[96]. 5 июля он объявил военное положение в полосе Мурманской магистрали и к востоку от нее, начал собирать силы для отпора захватчикам[97]. Из угрожаемой зоны шла эвакуация людей, материальных ценностей, подвижного состава. Принимались меры к разрушению железнодорожного полотна, мостов, линий связи, чтобы затруднить продвижение интервентов.

Небольшие отряды железнодорожной охраны южнее Кеми и в Сороке под командованием А.П. Вастена и вырвавшегося из Кеми И.Д. Спиридонова, а также активистов В.П. Солунина, Л.Н. Алексеевского составили первый заслон на пути интервентов в районе станции Сорока, но остановить их не смогли. В Белое море вошел английский крейсер "Аттентив", который подошел к Сороке и высадил десант. В результате наступления противника с суши и моря 7 июля Сороку пришлось оставить. 9 июля Нацаренус доложил Ленину: "По пути отступления все уничтожено, мосты взорваны, сожжены, продовольствие вывезено"[98]. К середине июля 1918 г. фронт стабилизировался на рубеже р. Онды (в 40 км южнее станции Сорока). Иностранные войска решили закрепить свои позиции в Карельском Поморье и подготовиться к захвату Архангельска. Они заняли Сумский Посад, Лапино и продвинулись по тракту Сумский Посад — Повенец до д. Воренжа. Взять Сегежу в обход железной дороги им не удалось.

Принимаемые центральными и местными органами власти меры по защите Архангельска оказались недостаточными. 31 июля иностранная эскадра высадила десант и овладела Онегой, а 2 августа — Архангельском. Противник начал продвигаться по Северной железной дороге к Вологде и по Северной Двине к Котласу. Возникла опасность соединения иностранных интервентов с антисоветскими силами на Урале и в Сибири. В связи с открытой иностранной интервенцией на Мурмане и в Архангельске советские власти начали принимать более энергичные меры по защите северных рубежей. Однако силы, которыми в то время располагало красное командование в Мурманском крае и Беломорье, не превышали 4 тыс. человек. Противник превосходил советские войска по численности, вооружению и боевому опыту. На мурманском, архангельском и северодвинском направлениях интервенты сосредоточили до 20 тыс.

солдат и офицеров[99]. Им оказывали сопротивление в основном небольшие отряды красногвардейцев из местных активистов и питерских рабочих, которые, тем не менее, сдержали натиск превосходящих сил врага и не позволили ему захватить Петрозаводск, Вологду и Котлас. Первоначальные замыслы интервентов выйти к Петрограду и Москве, а также соединиться в районе Вятки и Перми с восточной контрреволюцией потерпели провал.

Одновременно с англо–франко–американской интервенцией на Севере немцы оккупировали Украину, Белоруссию, Крым и Прибалтику. Германия поддерживала белогвардейских генералов на Дону и Кубани. В Поволжье и Сибири антисоветские силы сомкнулись с мятежом Чехословацкого корпуса. Во Владивостоке высадились английские и японские войска, а в Средней Азии и Закавказье орудовали английские и турецкие захватчики. Повсюду возникали региональные антисоветские правительства. Интервенты разжигали Гражданскую войну, стремясь расчленить и ослабить Россию. В результате советская республика оказалась в кольце фронтов. Характеризуя сложившуюся обстановку, В.И.Ленин 29 июня 1918 г. говорил: "Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго–востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо–французским империализмом, соединены между собой"[100].

Овладев значительной территорией европейского Севера России, интервенты рассматривали этот район как плацдарм для расширения агрессии. В Мурманск и Архангельск прибывали дополнительные контингенты иностранных войск. В течение лета 1918 г. союзники пытались овладеть Вологдой и продолжить путь на Москву, к осени захватить Котлас и ударить по Вятке. Но несмотря на все усилия интервенты смогли захватить лишь станцию Обозерскую (в 130 км от Архангельска) и села Чамово и Тулгас (в 90 км вверх по Северной Двине). 19 сентября американцам удалось взять Шенкурск. Продвинуться дальше противник не смог.

2 августа 1918 г. в Архангельске образовалось северное белогвардейское правительство — Верховное управление Северной области во главе с народным социалистом, в прошлом известным народником Н.В. Чайковским. В его состав вошли кадеты П.Ю. Зубов и Н.А. Старцев, члены Учредительного собрания эсеры А.И. Гуковский, Я.Т. Дедусенко, М.А. Лихач, С.С. Маслов, Г.А. Мартюшин и А.А. Иванов[101]. Это правительство сразу же заявило о "смене власти" на захваченной иностранцами территории. Оно упразднило местные советы, а их членов потребовало арестовать. В уездах учреждались правительственные комитеты из представителей земского и городского самоуправления. Специальным постановлением Верховного управления осуждалась проводимая советами политика национализации предприятий и учреждений, а также аграрные преобразования. Н.В. Чайковский заверял, что вся его программа действий направлена "на восстановление демократического порядка 1917 года".

Верховное управление Северной области претендовало на главную роль в антибольшевистском движении и пыталось подчеркнуть свое особое положение в отношениях с союзниками. Но 4 августа при встрече Пуля с Чайковским английский генерал прямо заявил, что "он не желал бы повторения опыта на Мурмане, и сюда он пришел не для того, чтобы заключать договоры". Он ясно дал понять, кто является хозяином на захваченной земле. Членам Верховного управления пришлось удовлетвориться ролью пособников иностранных агрессоров. Генерал Пуль взял в свои руки управление всеми сферами жизни Северной области и вел себя весьма бесцеремонно в отношении белых властей и населения, которому объявлялось, что за распространение

"ложных известий" и "вздорных слухов" оно будет "караться в силу существующего ныне осадного положения со всей строгостью закона, то есть смертной казнью"[102].

7 октября по согласованию с союзниками вместо Верховного управления формируется Временное правительство Северной области, в котором социалисты уступили руководство представителям правых кругов и монархически настроенного офицерства. Чайковский под благовидным предлогом отправился в Париж в качестве доверенного лица Верховного правителя России.

Белогвардейское правительство Северной области в действительности почти никакой властью не обладало. Вся власть фактически находилась в руках союзного командования. Сотни людей были заключены в тюрьмы. В числе их оказались представитель Москвы по снабжению Красной армии И.И. Подвойский, члены Центромура Г.И. Радченко, П.И. Коваленко, А.С. Нохрин, командиры железнодорожной охраны Л.М. Комлев и В.Н. Колосов, председатель Кемского уездного совета А.И. Мосорин, организаторы советской власти в Кандалакше и Княжой Губе Н.Д. Курасов и И.О. Лойко, в Ковде — Е.С. Барминский и И.П. Потанин, в Энгозере — М.А. Парахин, в Сороке — М.В. Фостий и Н.М. Степанов, в Колежме — И.В. Пайкачев, в Сумском Посаде — Е.И. Галкин и другие. В Мурманске, Кеми, Печенге, Иоканьге, на линкоре "Чесма", на острове Мудьюг интервенты создали специальные каторжные тюрьмы, содержание в которых обрекало заключенных на верную смерть.

В угоду интервентам белые власти ликвидировали все советские органы управления, провели денационализацию промышленных предприятий, морского и речного флота, вернули прежним владельцам отобранное у них имущество. В целях оздоровления денежного обращения был выпущен "Заем доверия". Возобновилась деятельность частных банков. Союзники согласились на предоставление кредитов под гарантию выгодного лесоэкспорта. Власть на местах перешла к уездным и волостным земским управам. На Мурмане и в Кемском уезде была учреждена должность помощника генерал–губернатора по управлению этим краем, которую занял начальник Кольской военной базы генерал В.В. Ермолов. 5 октября правительство Северной области упразднило Мурманский краевой совет, а 18 октября учредило следственную комиссию для расследования "злоупотреблений" советской власти в Кемском и Александровском уездах. Комиссия возбудила уголовные дела против всех местных советов и профсоюзов, хотя деятельность профсоюзов не запрещалась. По иронии судьбы через белогвардейское следствие прошли в качестве "советских агентов" вчерашние лидеры антибольшевистского движения на Мурмане, соратники союзников из числа социалистов.

Правительство Северной области заявило о формировании "боеспособной русской армии". Но крестьяне не спешили в ряды славяно–британского легиона. Объявленная в конце августа мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 25 лет вызвала массовое недовольство. 3 сентября 1918 г. официальный орган Верховного управления газета "Возрождение Севера" вынуждена была признать: "Трудно передать настроение солдат. Тут и злоба на богачей, которые остаются в деревнях, и зависть ко всякому, кто может спокойно сидеть дома, и... упорное нежелание воевать. Жутко становится, когда послушаешь их речи. Одни ни за что не пойдут на войну — пусть лучше их убьют в деревне, другие пойдут, но при первом же случае перейдут к большевикам, чтобы опять восстановить "власть народа", власть "бедноты". Никакие уговоры о необходимости спасти родину, о пользе настоящей войны для них, северян, прежде всего, не действуют". Не случайно мобилизованные солдаты массами дезертировали или переходили на сторону Красной армии. В течение августа 1918 г.

в "Российскую народную армию" из одной тысячи завербованных на фронт отправились лишь 250 человек.

С захваченной интервентами территории Мурмана и Карельского Поморья хлынул поток беженцев. Люди лесными тропами и через болота переходили линию фронта. На станциях железной дороги к югу от Сегежи и в Повенце скопились сотни измученных голодом рабочих, не желавших служить интервентам. Эвакуационная комиссия оказывала помощь беженцам и производила расчет с рабочими, вырвавшимися из-под власти белых. За сентябрь и октябрь 1918 г. через комиссию прошло до 7 тыс. беженцев.

В результате оккупации интервентами Карельского Поморья северо-западные карельские волости оказались в трудном положении. Помимо Финляндии и Северного белогвардейского правительства на них претендовали англичане, имея целью использовать карелов в борьбе против большевиков, а также для возможного отражения белофиннов и немцев. Командующий союзными войсками на Мурмане генерал Ч. Мейнард, заручившись поддержкой отрядов красных финнов и карелов в Кандалакше и Кеми, решил вытеснить белофиннов из карельских волостей.

Снаряженный союзниками карельский отряд численностью около 250 человек под командованием И. Ахавы и Г. Лежеева двинулся в начале августа 1918 г. из Кеми вверх по р. Кемь, занял Панозеро и Юшкозеро, 10 сентября — Ухту и 20 сентября — Костомукшу. Серьезное сопротивление ему оказали лишь белофинны и отряды самообороны (шюцкор) во главе с финским капитаном Т. Куйсма в районе Вокнаволока. Но понеся большие потери, белофинны оставили Вокнаволок и 2 октября ушли за границу. Также успешно действовал и отряд красных финнов на кандалакшском направлении. В ходе боев почти все шюцкоровские формирования из местных крестьян перешли на сторону освободителей, а белофинны вынуждены были покинуть территорию Карелии, исключая Ребольскую волость.

В освобожденных от белофиннов Вокнаволокской, Ухтинской, Контокской, Олангской, Кестеньгской, Тихтозерской, Тунгудской и Вычетайбольской волостях карелы восстановили свое самоуправление. Белогвардейские власти и интервенты не вмешивались в его деятельность. К концу 1918 г. карельский отряд И. Ахавы превратился в полк, насчитывавший до 3,6 тыс. человек. Мурманский отряд красных финнов по-прежнему располагался в Княжой Губе и Кандалакше. В задачу их входила охрана границы от проникновения белофиннов и немцев. Карелы и красные финны вынуждены были идти на временный компромисс с англичанами, пока те снабжали их продовольствием и военным снаряжением и не пытались использовать в операциях на петрозаводском направлении. Такое положение сохранялось почти до весны 1919 г.

Организация отпора интервентам

Возросшая военная опасность потребовала от советского правительства и местных органов власти осуществления энергичных мер, направленных на организацию отпора интервентам и белогвардейцам. Первостепенное внимание уделялось созданию боеспособных частей Красной армии, организации слаженной работы тыла, обеспечению нужд армии. Олонецкий губернский военный комиссариат, возглавляемый А.В. Дубровским, и уездные военные комиссары Ф.М. Федулов и Ф.И. Егоров в Олонце, Н.Г. Савин в Повенце, Н.Г. Куделин и Ф.М. Перепелкин в Пудоже развернули

активную работу по формированию добровольческих отрядов. В Петрозаводске был сформирован особый коммунистический полк, насчитывавший до 800 бойцов. В губернии летом 1918 г. записалось в Красную армию 7 тыс. добровольцев. Наряду с этим шло создание регулярных частей Красной армии. Благодаря разъяснительной работе среди населения в октябре—ноябре удалось провести первые массовые мобилизации на военную службу, в ходе которых уездные военкоматы призвали в Красную армию около 8 тыс. человек. Из числа мобилизованных формируется Олонецкая дивизия, насчитывавшая до 5 тыс. бойцов.

Тогда же началось создание Онежской военной флотилии на случай выхода интервентов на побережье Онежского озера. Рабочие Александровского завода и речники переоборудовали пароходы и баржи, покрывали их броней, устанавливали на них орудия и пулеметы. Одновременно комплектовались боевые команды из военных моряков. Командовали военной флотилией вначале Д.И. Федотов, а с ноября 1918 г. — Э.С. Панцержанский. В годы Гражданской войны в полной мере раскрылись организаторские способности и талант Панцержанского. В последующем он командовал военно–морским флотом Украины и СССР. Флотилия базировалась в Петрозаводске, Лодейном Поле и Новой Ладоге.

Огромную помощь в защите Карелии оказали подразделения петроградских рабочих, направленные на наиболее опасные участки фронта. В июле 1918 г. из Петрограда прибыли Белгорайский и Ораниенбаумский полки, которые разместились в Олонецком и Повенецком уездах.

Первые мобилизации выявили, однако, и нежелание части крестьян служить в Красной армии. На этой почве в декабре 1918 г. произошли крупные выступления в Поросозерской, Рыпушкальской и Ведлозерской волостях. В ведлозерском восстании участвовало до 400 человек, которых возглавил крестьянин д. Устье Трифонов. Восставшие разогнали волисполком и ожидали поддержки из Финляндии. Выступившему из Олонца отряду под командованием уездного военкома Ф.М. Федулова удалось подавить мятеж, расстреляв организаторов восстания. Часть крестьян вместе с Трифоновым ушла в Финляндию. В январе 1919 г. подобное же выступление вспыхнуло в Пудоже, но восставших удалось уговорить и отправить в Петрозаводск, где они были включены в состав маршевых рот, направлявшихся на фронт[103].

Иностранная интервенция обострила противостояние богатых и бедных в деревне. Активизировались все те, кто был недоволен или обижен советской властью. Зажиточные крестьяне вели антисоветскую пропаганду, отказывались выполнять решения советской власти.

Особую остроту приобрел продовольственный вопрос. После заключения Брестского мира подвоз хлеба в центральные и северные губернии почти прекратился. Украина, Поволжье, Сибирь и Северный Кавказ оказались под властью немцев, англичан и белых. Зажиточные крестьяне скрывали свои хлебные запасы и отказывались продавать продовольствие по твердым ценам. В мае 1918 г. советское правительство ввело в стране государственную монополию хлебной торговли и предоставило Наркомпроду чрезвычайные полномочия, разрешив отбирать "хлебные излишки" у крестьян, прятавших свои запасы. Борьба за хлеб выдвинулась во главу угла. Поскольку центр не мог обеспечить северные губернии хлебом, на местах начали отбирать его у местных торговцев и зажиточных крестьян. Но хлеба все равно не хватало. Тогда стали создаваться продовольственные отряды для посылки в хлебородные губернии. Почин положили коммунисты Петрозаводска, которые 18 августа на своем собрании постановили организовать продовольственный отряд. Примеру рабочих

Петрозаводска последовали жители Вытегры, Вознесенья, Лодейного Поля, Повенца и железнодорожники. В августе—сентябре из Карелии выехало в южные губернии 8 продовольственных отрядов численностью 437 человек. Продотряд из рабочих Александровского завода отправил из Курской губернии в Карелию 73, а продотряды Мурманской железной дороги — 46 вагонов хлеба.

11 июня Совнарком принял декрет о создании комитетов деревенской бедноты. Осуществление этого декрета раскололо деревню. Местным советским органам и большевистским организациям предлагалось создавать волостные и сельские комбеды, в задачу которых входило распределение продовольствия и сельскохозяйственных орудий среди нуждающихся крестьян, оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлеба у кулаков. Развернулась широкая кампания травли трудового крестьянства, что вызвало недовольство в деревне. Левые эсеры стали призывать крестьян к саботажу декретов Совнаркома по продовольственной политике и организации комбедов. Им удалось склонить на свою сторону беспартийных делегатов на проходившем в Петрозаводске с 25 июня по 4 июля 1918 г. Чрезвычайном IV губернском съезде советов и провести по текущему моменту и продовольственному вопросу левоэсеровские резолюции. Съезд потребовал аннулировать Брестский мир и отказаться от создания комбедов. В избранный на съезде губисполком вошло 17 левых эсеров и 14 большевиков. Председателем губисполкома съезд избрал левого эсера И.В. Балашова.

6 июля 1918 г. в Москве и некоторых других городах левые эсеры подняли антисоветский мятеж, который сразу же был подавлен. Проходивший в те дни в столице V Всероссийский съезд советов осудил вооруженное выступление левых эсеров и принял первую Конституцию РСФСР, закрепившую победу советской власти в стране. Представители левых эсеров не вошли в состав нового советского правительства.

Как только в Петрозаводск пришла весть о мятеже левых эсеров в Москве, большевики стали добиваться изгнания их из местных советов. В ночь с 11 на 12 июля левые эсеры в Петрозаводске были разоружены, а 16 июля исключены из состава Олонецкого губисполкома, который объявлялся губернским революционным исполнительным комитетом. 17 июля председатель губревкома П.Ф. Анохин телеграфировал В.И. Ленину и Г.Е. Зиновьеву: "Окружной комитет коммунистов, Петрозаводский революционный комитет, военный комиссариат предложили левым эсерам оставить места в губернском исполкоме. Образован Олонецкий губернский революционный исполнительный комитет в составе фракции коммунистов"[104].

Петрозаводская левоэсеровская организация отмежевалась от своего ЦК и осудила мятеж в Москве[105]. Часть левых эсеров порвала связь с партией, а некоторые из них вступили в РКП(б). Вслед за ними в августе члены Петрозаводской организации социал–демократов интернационалистов подали коллективное заявление о приеме в партию большевиков, и окружком удовлетворил их просьбу[106]. Одновременно шло очищение уездных и волостных советов от левых эсеров. Вместо них избирались большевики и сочувствующие им. Если на 1 апреля 1918 г. из 2 тыс. членов волостных советов Карелии большевики и сочувствующие им составляли 26%, то в августе—сентябре представительство их возросло до 61%[107]. В результате большевики получили безраздельное руководство в местных органах власти. Отсутствие легальной оппозиции позволило им беспрепятственно проводить в жизнь декреты и постановления советской власти.

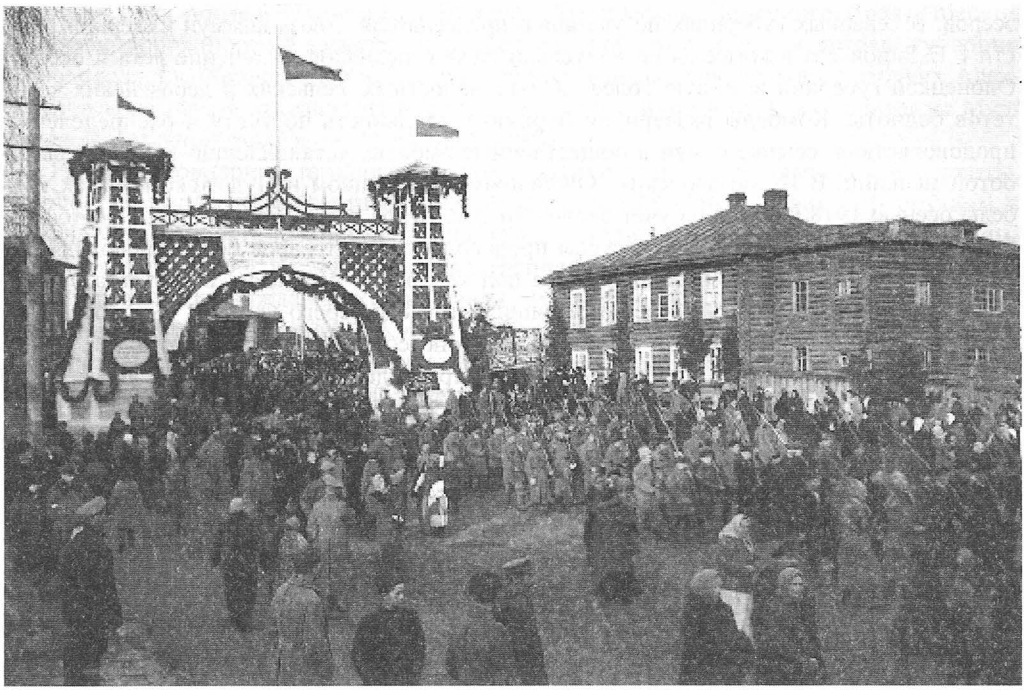
Кампания по организации комбедов проходила в острой политической борьбе. В деревнях не хотели разрушать мирские традиции общинности и поддерживали левых

эсеров. В северных губерниях по указанию председателя Союза коммун Северной области Г.Е. Зиновьева в комбеды не допускали даже середняков. В течение лета и осени в Олонецкой губернии возникло более 1,6 тыс. волостных, сельских и деревенских комитетов бедноты. Комбеды развернули бурную деятельность по учету и распределению продовольствия, ссыпке семян в общественные амбары, установлению контроля за работой мельниц. В Петрозаводском, Олонецком, Повенецком и Пудожском уездах комбеды осенью 1918 г. взяли на учет около 210 тыс. пудов хлеба, 50 тыс. пудов картофеля, более 166 тыс. пудов сена. Все ресурсы продовольствия и товаров первой необходимости распределялись между нуждающимися под контролем комбедов. В результате зажиточные крестьяне и отчасти середняки лишились части своего урожая, что способствовало разжиганию Гражданской войны и усилению сопротивления властям.

На проходившем 3—6 ноября 1918 г. в Петрограде съезде комитетов деревенской бедноты Северной области собралось 15 тыс. представителей комбедов восьми северо-западных губерний, в том числе 1389 делегатов от Олонецкой губернии. В ходе опроса 718 делегатов от губернии на вопрос анкеты: "Каковы функции комбеда?" 623 человека ответили: "Учет, реквизиция и распределение продовольствия", 43 — "Борьба со спекуляцией", 52 — "Ведение всех дел, кроме земельных". Пользуясь своими полномочиями, комбеды терроризировали трудовое крестьянство и сельскую общину, пока не натолкнулись на массовое сопротивление односельчан. Власти увидели, что сохранять комбеды дальше опасно, ибо они вмешивались в работу волостных и сельских советов и нередко подменяли их. Поэтому проходивший в ноябре 1918 г. VI Всероссийский съезд советов постановил упразднить комбеды, слив их с волостными советами.

В условиях начавшейся интервенции продолжалось осуществление аграрных преобразований. Крестьяне добивались прирезки земли к своим наделам за счет так называемых "нетрудовых земель", то есть частновладельческих, удельных, церковных, монастырских. В деревнях продолжался учет сельскохозяйственных угодий, вырабатывались нормы подушного надела. Однако работа подвигалась медленно, так как в губернском и уездных земельных отделах не хватало землемеров, ведущих отвод земли в крестьянское пользование. К концу 1918 г. по четырем карельским уездам Олонецкой губернии (Олонецкому, Петрозаводскому, Повенецкому и Пудожскому) было взято на учет 24,5 тыс. десятин, из них передано крестьянам 18 тыс. десятин, отведено под совхозы 4,5 тыс. и оставлено в качестве запасного фонда 2 тыс. десятин[108]. Однако существенного увеличения крестьянских наделов не произошло.

Основная борьба развернулась за передел всех крестьянских угодий по едокам. Наиболее активно перераспределение земли и сенокосов шло в Петрозаводском, Пудожском и Олонецком уездах. Отчаянно сопротивлялись переделу земли зажиточные крестьяне, прибегавшие ранее к дешевой аренде или скупке земли у бедноты. При отводе земли во временное пользование возникало немало недоразумений и трудностей, поскольку в губернии не смогли выработать единой потребительско-трудовой нормы земельного надела. Каждый уезд предлагал свою норму. В итоге ломки земельных отношений пострадали зажиточные крестьяне. В то же время сотни и тысячи малоимущих через советы и комбеды получили прибавку к своим наделам и активно включились в политическую жизнь. В лице бедноты большевики получили опору в проведении своей политики на селе. К сожалению, произвол и притеснения в деревне не исчезли. Крестьяне так и не добились свободы вести хозяйство по своему усмотрению и пользоваться результатами своего труда.



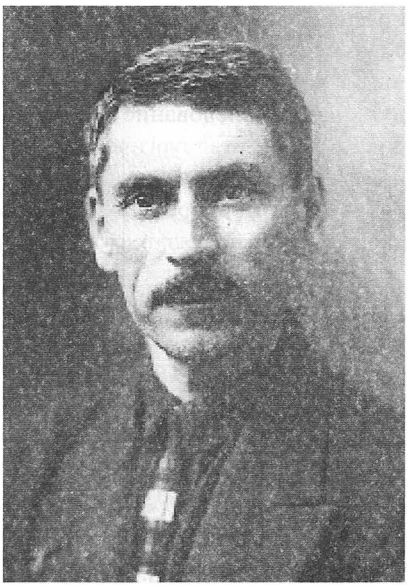
Парад красногвардейцев в Петрозаводске. 1918 г.

К концу 1918 г. влияние большевиков в Олонецкой губернии заметно усилилось. Повсеместно действовали большевистские организации. Общая численность членов партии в декабре достигла 4,5 тыс. На местах выдвинулись сотни способных организаторов и вожаков масс, возглавлявших волостные и сельские советы и пользовавшихся заслуженным уважением среди населения. Однако основную часть новых руководителей составляли тогда малограмотные крестьяне–бедняки, не имевшие ни опыта в проведении политической работы, ни необходимых знаний. Всюду ощущался острый недостаток подготовленных работников, что несомненно отрицательно сказывалось на деятельности органов советской власти на местах. Упрочив свое положение в органах власти, большевики сосредоточили внимание на мобилизации всех сил и средств на отпор врагу.

4. КАРЕЛИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Введение чрезвычайных мер

В ноябре 1918 г. Германия и Австро–Венгрия потерпели поражение в первой мировой войне, что позволило Советской России 13 ноября аннулировать Брестский мирный договор. Немецкие войска вынуждены были покинуть занимаемую ими территорию. Там восстанавливалась советская власть. С другой стороны страны Антанты и США, сбросив маску миротворцев, открыто заявили о своих планах



Я. Ф. Игошкин

расчленения России и использования захваченной ими территории, в том числе европейского Севера, для уничтожения советской власти и большевизма. В результате военная опастность с Севера резко возросла. Здесь создавался плацдарм для продвижения интервентов и белогвардейцев в сторону Москвы и Петрограда[109].

В сложившейся ситуации главное внимание органов советской власти в центре и на местах было направлено на всемерное укрепление обороноспособности государства. 30 ноября 1918 г. ВЦИК образовал Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В.И. Лениным как чрезвычайный руководящий орган на период войны.

В целях бережного и рационального использования весьма скудных ресурсов страны — хлеба, топлива, сырья, материалов, рабочей силы — советское правительство установило строгое государственное их распределение. Чтобы выжить и победить, органы власти осуществили национализацию не только крупной, но и средней промышленности, запретили частную торговлю хлебом и важнейшими предметами потребления. Выдача населению продовольствия и товаров первой необходимости проводилась по карточкам через государственные и кооперативные магазины. 11 января 1919 г. правительство ввело продовольственную разверстку, обязавшую крестьян сдавать все "излишки" хлеба государству по твердым ценам. В результате рыночные отношения были свернуты, их заменил прямой товарообмен, деньги утратили свое значение. Эта система мер, получившая название военного коммунизма, была продиктована чрезвычайными военными обстоятельствами и воспринималась как вынужденная необходимость. Но она совпадала также с идейными представлениями большевистского руководства о строительстве социализма и осуществлялась ими с огромным энтузиазмом и решительностью.

Выполняя решения советского правительства, местные органы власти приступили к реализации политики военного коммунизма. 10—13 декабря 1918 г. в Петрозаводске состоялась II Олонецкая губернская конференция РКП(б), представлявшая 3169 членов партии и 370 сочувствующих. Конференция потребовала от коммунистов проникнуться ответственностью момента и сосредоточить внимание на усилении политической работы среди трудящихся, укреплении партийных организаций в частях Красной армии. В состав избранного на конференции губкома партии вошли: П.Ф. Анохин, И.А. Данилов, Я.Ф. Игошкин, П.В. Кулагин и другие. Ответственным секретарем губкома был избран Я.Ф. Игошкин.

В числе первоочередных мер оказались налаживание системы управления и выполнение заказов военного ведомства, повышение трудовой дисциплины, борьба с разрухой и голодом. 6 сентября 1918 г. Олонецкий губисполком утвердил правила контроля над лесной промышленностью, согласно которым вся деятельность предпринимателей и лесопромышленных фирм, а также других лесозаготовительных орга-

низаций ставилась под контроль губсовнархоза. 30 сентября губисполком обязал губсовнархоз "в спешном порядке взять на учет все находящиеся в губернии лесопильные заводы и лесные материалы". К началу 1919 г. Олонецкий губсовнархоз провел детальное обследование десяти лесозаводов, двух бумажных и одной спичечной фабрики и пяти металлургических, механических и чугунолитейных заводов и других предприятий. В результате выяснилось, что почти половина их бездействовала. Владельцы заводов под предлогом ремонта, отсутствия сырья и оборудования вели дело к свертыванию производства.

В январе 1919 г. Олонецкий губисполком принял постановление о переходе всех фабрик и заводов в ведение губсовнархоза, которому предоставлялось исключительное право реквизиции предприятий и управления народным хозяйством. В марте местные совнархозы взяли на свой баланс 13 промышленных предприятий, в том числе Онежский завод, 5 лесопильных заводов ("Олония", Важинский, Соломенский, Сунский, Уницкий), 3 бумажных фабрики, 3 типографии и одно химическое предприятие. На них работало 1550 рабочих, в том числе на Онежском заводе — 1224 человека. Общая стоимость недвижимого имущества этих предприятий оценивалась в 4 млн руб. (в ценах 1918 г.).Непосредственное управление национализированными предприятиями передавалось в руки фабрично–заводских комитетов. Осенью 1919 г. в ведение губсовнархоза перешли также лесозаводы З. Парижского в Петрозаводске, бывшей фирмы Вельгейзена близ Вытегры и мелкие предприятия: мукомольные мельницы и крупорушки, кожевенные заводы, мастерские по ремонту судов и сельскохозяйственных орудий. 27 апреля 1920 г. был национализирован Сеговецкий чугуноплавильный завод в Повенецком уезде.

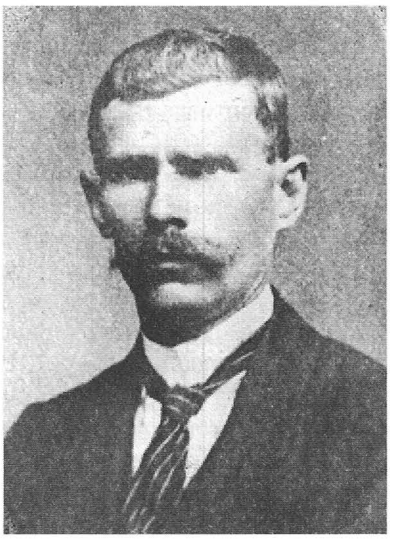
Одновременно шел учет заготовленной частными лесопромышленными фирмами древесины и готовых пиломатериалов на биржах лесозаводов. 1 февраля 1919 г. губсовнархоз запретил продажу учтенных пиломатериалов. Все частные биржи пиломатериалов были национализированы. Управление наиболее важными отраслями хозяйства — лесозаготовительной и лесопильной — сосредоточивалось в специальных отделах губсовнархоза. К апрелю 1920 г. губсовнархоз взял на учет около 6 млн куб. футов пиломатериалов, хранившихся на биржах лесозаводов. Заготовленная древесина и пиломатериалы объявлялись достоянием республики[110].

Национализация частных предприятий осуществлялась при активном участии трудовых коллективов. Переход предприятий в ведение местных совнархозов позволил наиболее полно и рационально использовать имеющееся на предприятиях сырье, топливо и рабочую силу. Губсовнархоз и уездные советы народного хозяйства приступили к налаживанию производства на национализированных предприятиях, занимались вопросами заготовки и доставки топлива в центральные районы страны, выполняли заказы фронта.

Особого внимания требовала организация производства на Александровском (с ноября 1918 г. — Онежском) заводе. Завод переходил на обслуживание нужд Мурманской железной дороги, а для этого необходимо было переоборудовать цеха, переквалифицировать рабочих, привлечь на предприятия новых высококвалифицированных специалистов. Нужны были немалые денежные средства. Совнарком выделил для закупки оборудования 2,7 млн руб., совнархоз Северного района — 1,5 млн руб. Петроградский счетно–ссудный комитет предоставил выгодный кредит на 970 тыс. руб., а Олонецкий губисполком ассигновал из своего бюджета на нужды предприятия 2 млн руб. Строители проложили железнодорожную ветку, соединившую завод с основной магистралью, предприятия Москвы и Петербурга направили в Петрозаводск

часть недостающего оборудования и станков. Управление дороги командировало в паровозоремонтный цех завода своих инженеров.

Однако завод продолжал испытывать трудности из–за падения трудовой дисциплины, расхлябанности среди рабочих, вынужденных больше времени уделять поискам куска хлеба, чем работе. В октябре 1918 г. на заводе состоялось объединенное заседание коллегии по управлению и заводской партийной организации совместно с представителями советских и партийных органов губернии, рассмотревшее вопрос укрепления трудовой дисциплины на предприятии. Собрание признало необходимым провести чистку коллектива от дезорганизаторов производства и назначить на завод политического комиссара. 24 октября был избран новый состав правления завода, в которое вошли рабочие В.В. Пономарев, А.Ф. Маликов, Н.П. Одинцов, И.М. Печерин, инженер А.М. Пригоровский. Председателем правления стал выпускник Петроградского политехнического института талантливый инженер–металлург А.М. Пригоровский, главным инженером — С.М. Эрихман. Политкомиссаром окружной комитет партии назначил В.П.Солунина. На заводе появились совет цеховых старост и дисциплинарный суд из передовых рабочих, которые осуществляли контроль за соблюдением производственной и трудовой дисциплины, рассматривали конфликты между рабочими и администрацией, случаи невыхода на работу или нарушения установленного порядка.



В. П. Солунин

После гибели под Сегежей В.П. Солунина политкомиссаром завода в марте 1919 г. стал А.М. Калинин. По его инициативе с 1 апреля завод был временно остановлен, на нем производился новый набор рабочих и служащих, хорошо зарекомендовавших себя в труде. На заводе вводилась сдельная оплата труда. За перевыполнение норм рабочие получали дополнительную оплату. Все это оздоровило обстановку. 27 апреля Онежский завод выпустил из ремонта первый паровоз. По этому случаю онежцы направили председателю Совнаркома В.И. Ленину телеграмму: “Рабочие Онежского металлургического и механического завода, выпуская из ремонта первый паровоз, приветствуют Совнарком и клянутся, что за первым паровозом последуют другие. Красная армия на фронте, рабочие у паровозов в тылу — вот лозунг дня, и победа за нами”[111]. Но в начале мая работы по ремонту паровозов прекратились. В связи с обострением обстановки на фронте и угрозой сдачи Петрозаводска завод начал эвакуацию оборудования и сырья в глубь страны. Значительная часть рабочих ушла на фронт. Во второй половине 1919 г. на заводе осталось около 600 рабочих, выполнявших в основном заказы по ремонту судов Онежской военной флотилии, бронированию паровозов и платформ с установкой на них орудий и пулеметов.

После разгрома противника под Петрозаводском положение на заводе стабилизировалось, удалось открыть ремесленную школу и курсы слесарей. В рабочий коллектив вернулись из советских учреждений квалифицированные рабочие. Вместо коллективного управления было введено единоначалие, директором завода стал А.М. Пригоровский, а его помощником по технической части — инженер М.И. Кар-

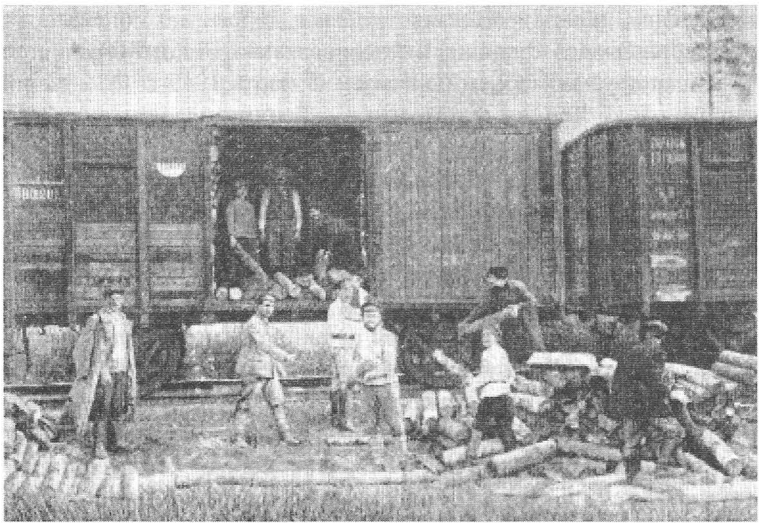
наухов, впоследствии видный ученый. После гибели на фронте в августе 1919 г. А.М. Калинина место политического комиссара занял Х.Г. Дорошин. С начала 1920 г. рабочие стали получать повышенный продовольственный паек, вводилась 10–процентная фронтовая надбавка к зарплате за выполнение и перевыполнение норм. Рабочие активно участвовали в сверхурочных работах, воскресниках и субботниках, трудовых неделях, что способствовало росту производства. Если в 1919 г. завод выпустил из ремонта 6 паровозов и произвел 11 тыс. пудов чугунного и медного литья, то в 1920 г. удалось отремонтировать 26 паровозов и около сотни товарных вагонов, выплавить свыше 20 тыс. пудов чугунных и медных запасных частей[112]. За успехи, достигнутые в ремонте подвижного состава, Совет труда и обороны 27 октября 1920 г. включил Онежский завод в число 106 ударных предприятий Советской России[113].

Из 10 обследованных в 1918 г. лесопильных заводов вначале удалось наладить производство лишь на 5 (Парижского, Пименова, "Олония" в Петрозаводске, Сунского и Уницкого). Пуск лесозаводов осложнялся военной обстановкой, нехваткой рабочей силы и оборудования. Пришлось ограничиться использованием имеющегося сырья и материалов. В октябре 1918 г. губревисполком утвердил "Инструкцию для служащих и рабочих на лесозаводах". Активная роль в налаживании производственной жизни на заводах отводилась рабочим комитетам и старостам, избираемым профсоюзными организациями. Завкомы получили право контроля за действиями администрации, цеховые старосты следили за соблюдением внутреннего распорядка на производстве. Вопросы укрепления дисциплины активно обсуждались на партийных собраниях и заседаниях фабрично–заводских комитетов.

К весне 1919 г. удалось подготовить к пуску все 10 лесопильных заводов, но в связи с наступлением противника пришлось эвакуировать оборудование Кумсинского лесозавода в Вытегру, Уницкого в Соломенное. Началась подготовка к эвакуации заводов "Олония", Сунского, Падасского, Соломенского и Лососинского (бывший Пименова). Лишь в сентябре 1919 г. было восстановлено производство на Сунском, Соломенском и Падасском лесозаводах. В конце года удалось пустить Шальский лесозавод. Начали работать также лесозаводы "Олония" и Лососинский, а в феврале 1920 г. — Муромский лесозавод в Пудожском уезде. Лесозаводы обеспечивали потребности фронта в военном снаряжении, выпуская лыжи, сани, повозки, деревянную посуду, ящики и т. п. Чтобы справиться с возросшими заданиями, приходилось нередко прибегать к сверхурочным работам. С 1 октября 1919 г. по 1 июля 1920 г. лесозаводы Карелии произвели по заказам военных частей до 100 тыс. куб. футов досок, 50 тыс. куб. футов брусьев, тысячи бочек, ящиков под патроны и снаряды. Рабочие лесозаводов Петрозаводска изготовили несколько тысяч пар лыж и санитарных саней[114].

В мае 1920 г. произошла реорганизация управления лесной промышленностью. Все лесозаводы в зависимости от их состояния и производительности были разделены на две группы. Первая включала предприятия с лучшим оборудованием, способные выполнять государственные задания и производить экспортную продукцию (Соломенский, Сунский, Шальский, Рубежский, Ужесельгский). Финансирование их осуществлялось через Главлеском. Остальные (Лососинский, Падасский, Муромский, Уницкий и "Олония") предназначались для обеспечения местных нужд и оставались в ведении Олонецкого губсовнархоза. Благодаря усилиям губсовнархоза в течение всей гражданской войны работала спичечная фабрика "Огонек" в Петрозаводске. В 1920 г. она выпустила спичек в 7 раз больше, чем в 1919 г. и удовлетворяла местные потребности.

Острая нужда военного времени заставляла местные органы использовать все более



Субботник в Петрозаводске

или менее приспособленные к производственной деятельности предприятия и кустарные мастерские. Примером тому служит пуск Куйтежского железоделательного завода, брошенного владельцем Куттиевым. После освобождения Олонецкого уезда рабочие завода избрали завком и в конце мая приступили к работе. Губсовнархоз выделил предприятию необходимый кредит, а завком организовал поставку металла. Рабочие трудились в две смены и успешно выполняли заказы губсовнархоза. За год предприятие произвело свыше 16 тыс. пудов различных изделий для крестьян (наковальни, топоры, косы, лопаты, лемеха, шинное железо для оковки колес и саней и т. п.)[115].

В условиях военного времени особое значение для советской республики имела заготовка дров, необходимых для заводов, железных дорог и городов страны. Карелия являлась важным поставщиком дровяного топлива в промышленные центры, а также местному населению. Трудящиеся поддержали новую форму организации труда на лесозаготовках — трудовые артели. Зимой 1918/19 г. в лесу работало 270 таких артелей, включавших 45 тыс. рабочих–лесозаготовителей. Заготовка и доставка дров к местам сплава и железнодорожным станциям производилась только членами артелей. Все вопросы внутренней жизни и работы артели решались общим собранием и избираемым им правлением.

Катастрофическое положение с топливом в стране заставило правительство в феврале 1919 г. объявить трудовую мобилизацию населения в возрасте от 18 до 50 лет в 25 верстах по ту и другую сторону Мурманской железной дороги. В соответствии с телеграммой Ленина Олонецкий губисполком ввел с 20 марта трудовую повинность в Петрозаводском и Повенецком уездах. Губисполком и губком партии обратились с воззванием к местным советам и партийным организациям, находящимся в районе 25–верстной полосы железной дороги, "приложить максимум энергии для проведения в жизнь декрета о трудовой повинности, разъяснив товарищам крестьянам смысл и значение этой чрезвычайной меры". В течение зимы 1918/19 г. крестьяне Олонецкой губернии заготовили 138 тыс. куб. сажен дров, свыше 300 тыс. бревен и 15 тыс. шпал. По сравнению с 1917/18 г. заготовка дров увеличилась на 173%, а бревен — на 134%.

Чрезвычайно сложной задачей оказалась доставка заготовленной древесины по-

требителям, ибо Мурманская железная дорога находилась в зоне боевых действий и едва справлялась с военными перевозками. Водный транспорт тоже не мог обеспечить планируемый объем перевозок. 8 марта 1919 г. Олонецкий губисполком телеграфировал В.И. Ленину о том, что в губернии недостаточно средств для предполагаемой вывозки дров и просил двинуть суда в район Ладожского и Онежского озер[116]. Ленин дал указание всемерно содействовать вывозке древесины из Карелии. Летом 1919 г. было построено дополнительно 76 судов речного и озерного типа для перевозки дров. И все же из–за нехватки буксирных пароходов и барж в навигацию 1919 г. удалось доставить водным путем в центр только часть заготовленных дров и бревен.

В сезон 1919/20 г. в Олонецкой губернии намечалось заготовить 275 тыс. куб. сажен дров, 200 тыс. бревен, 1 млн пудов древесного угля. Выполнение такого задания в обстановке активных боевых действий требовало большого напряжения сил. В декабре 1919 г. вводится трудовая и гужевая повинность по заготовке древесины, а в марте 1920 г. Совет обороны обязал центральные и местные органы мобилизовать в пределах Олонецкой и Череповецкой губерний всех рабочих и специалистов по судостроению для подготовки барж и судов к вывозке леса[117]. В результате принятых мер правительственное задание было выполнено. Удалось полностью удовлетворить потребности в топливе Мурманской железной дороги и водного транспорта, в Петроград отправлено 100 тыс. куб. сажен дров и 100 тыс. бревен.

Особенно большие трудности переживало население Карелии в годы Гражданской войны из–за постоянной угрозы голода. Урожай 1918 г. в Олонецкой губернии составлял всего 2,5 млн пудов, тогда как для обеспечения населения хлебом до нового урожая требовалось 9 млн пудов. Недостающий хлеб взять было неоткуда. Поэтому продразверстка в Карелии вводилась позже, чем в других районах страны. В тех условиях введение ее практически исключалось. Не имея продуктов и промышленных товаров, местное население прибегало к незаконному черному рынку и мешочничеству. Поставки продовольствия из центральных и южных губерний свелись до голодного минимума. В конце 1918 г. вместо занаряженных по плану 30 вагонов хлеба ежедневно поступало не более 3, а с 23 декабря поступление хлеба полностью прекратилось. В связи с этим собравшийся в Петрозаводске съезд представителей продовольственных комитетов губернии 28 декабря телеграфировал правительству: “Население поголовно голодает, участились случаи смертности, повальных заболеваний, громадные толпы голодного народа ежедневно являются в продорганы с требованием хлеба, грозя самосудом. Престиж власти среди населения все более подрывается. В некоторых волостях на почве голода невозможно провести мобилизацию, голодные граждане отказываются идти в ряды армии, участились случаи перехода голодных граждан в стан наших врагов англо–французов, финно–белогвардейцев. Положение становится угрожающим”[118].

Пытаясь выйти из такого положения, местные органы ввели с 1 марта 1919 г. твердые нормы выдачи хлеба для населения: 20 фунтов хлеба в месяц для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, и по 15 фунтов — для всех остальных[119]. 24 февраля Совет обороны удовлетворил просьбу Наркомата путей сообщения о предоставлении красноармейского пайка 38 тыс. рабочих и служащих Мурманской железной дороги и членам их семей[120]. Наркомпроду предлагалось принять экстренные меры к снабжению Карелии продовольствием. В марте—апреле и июле Совет обороны вновь и вновь обращался к вопросу об улучшении снабжения продовольствием трудящихся северных губерний, Мурманской железной дороги и бойцов 6–й армии. Правительство выделяло керосин, хлопчатобумажные ткани и другие товары для товарообмен-

ных операций, чтобы удовлетворить нуждающихся питанием по установленным нормам. В мае Петроградский комитет обороны направил в распоряжение Олонецкого губпродкома 5 тыс. пудов хлеба. С января по сентябрь 1919 г. губерния получила из центральных губерний всего 1,4 млн пудов хлеба[121].

Весной 1919 г. остро встал вопрос о вспашке и засеве полей. Повсеместно ощущалась нехватка рабочего скота, сельскохозяйственных орудий, семян. Правительство направило в губернию семена овса и ячменя, а также картофеля и овощных культур. Но развернувшиеся на территории Карелии боевые операции не позволили завершить в срок весенние полевые работы. Противник захватил южную Карелию, Заонежье и часть Пудожского уезда. Сенокос и посев озимых не удалось провести, так как мужчины ушли на фронт.

В те дни предметом особой заботы стали семьи красноармейцев. В период весеннего сева им в первую очередь оказывалась помощь семенами. Создаваемые в волостях комиссии заботились об обеспечении семей красноармейцев тягловой силой и инвентарем. Потребность в семенах удовлетворялась за счет перераспределения запасов других хозяйств, а все работы на полях выполнялись сообща в порядке взаимопомощи. Из Повенца сообщали в ЦК партии большевиков: "До настоящего времени ни одна семья красноармейца, которая фактически нуждалась, не была обойдена"[122]. Семьи красноармейцев получали также государственную помощь деньгами и продовольствием. На каждого нетрудоспособного члена семьи, находившегося на иждивении красноармейца, выдавались продовольственный паек и ежемесячное денежное пособие. По данным на 1 октября 1919 г., такое пособие в Олонецкой губернии получали 48,3 тыс. семей красноармейцев[123].

Семьям красноармейцев выдавались также единовременные ссуды на поддержание хозяйства, скот и сельскохозяйственные орудия. В первой половине 1920 г. на покупку инвентаря и обеспечение красноармейских семей было израсходовано 29 млн руб. Только в Олонецком, Лодейнопольском и Петрозаводском уездах красноармейские семьи получили 13,3 тыс. пудов семян ржи, овса и ячменя, тысячи кос, серпов, мотыг, лопат и т. п.[124] Забота о семьях красноармейцев способствовала поддержанию в воинских частях боеспособности и уверенности в победе.

С осени 1919 г. в губернии начала вводиться продразверстка. Размер ее по уездам и волостям определялся на основе учета посевных площадей и собранного урожая. К этой работе широко привлекался деревенский актив. В октябре 1919 г. Олонецкий губисполком решил сдать для Красной армии 500 голов скота. Кроме того, крестьяне губернии поставили красноармейским частям 80 тыс. пудов сена, 17 тыс. пудов рыбы, тысячи пудов грибов и ягод[125]. Завышенные размеры поставок в ряде волостей вызывали недовольство крестьян, однако они вынуждены были мириться с этим как с жестокой необходимостью, поскольку на территории края шли боевые действия.

На 1920 г. губерния получила новое задание по продразверстке: 50 тыс. пудов хлеба, 8,6 тыс. пудов масличных семян льна и конопли, 1120 голов крупного рогатого скота, 600 тыс. пудов сена. На местах задание восприняли сдержанно. 5 января нарком продовольствия А.Д. Цюрупа потребовал от Олонецкого губисполкома и губпродкома проявить настойчивость и добиться "получения максимума", подчеркивая, что "для такого нажима губпродкомам даны все возможности"[126]. К середине октября крестьяне Олонецкого уезда поставили 2 тыс. пудов мяса, 35 тыс. пудов сена, Петрозаводского — 118 голов крупного рогатого скота, 90 пудов масла, 20 тыс. пудов сена, Пудожского — 585 голов крупного рогатого скота, 1078 голов мелкого скота, около 15 тыс. штук яиц, 12 пудов масла, более 30 тыс. пудов сена.

К этому времени кризис сельского хозяйства Карелии, вызванный войной и политикой военного коммунизма, достиг особой остроты. В северо–западных карельских волостях, только что освобожденных от белофиннов, продразверстка не проводилась, а в Олонецком, Петрозаводском, Повенецком и Пудожском уездах было немало случаев отказа выполнять заданные размеры разверстки. С мест шли тревожные сигналы о растущем недовольстве и сопротивлении крестьян. В Авдеевской и Нигижемской волостях Пудожского уезда начались аресты уклонявшихся от разверстки. Крестьяне Пудожского уезда жаловались председателю ВЦИК М.И. Калинину: "Разверстки у нас производятся бессистемно, иначе говоря, что бог на душу положит. Ни о каком учете урожая не было и помину. И даже когда крестьяне просили освидетельствовать хлеб на корню, в особенности пропавшие от засухи яровые, то почему–то и это не было уважено, а когда пришла разверстка, то не считались с наличностью хлеба. При наличии такой неразберихи крестьяне, не зная, сколько каждому из них сдать хлеба государству, в борьбе за существование частью прятали иногда последние пуды, за что их порицают, называя врагами республики и т. п."[127] При таком отношении крестьян к продразверстке никакая агитация не действовала. Изъятие излишков продовольствия у крестьян производилось волисполкомами и сельсоветами с помощью милиции, а наиболее строптивые попадали в тюрьму.

Наряду с натуральными изъятиями крестьяне обязаны были выплачивать установленный 30 октября 1918 г. единовременный 10–миллиардный чрезвычайный налог. По замыслу властей он преследовал цель ограничить экономическую мощь имущих слоев города и деревни, а на практике повсюду взимался по уравнительному принципу — по семьям и дворам, по наличным душам, без учета платежеспособности облагаемых. Карельская деревня находилась в состоянии постоянного напряжения, которое иногда выливалось в открытые выступления. Чрезвычайный налог на жителей Олонецкой губернии был установлен в сумме 15 млн руб., но затем был уменьшен до 12,5 млн руб. (в связи с отделением Каргопольского уезда в состав Вологодской губернии). В 1919 г. налог не собирался из–за военных действий, а в первой половине 1920 г. с крестьян взыскали 3,6 млн руб. Кроме того, они выплатили в 1919 г. немалый единовременный налог. В результате платежеспособность населения края полностью иссякла. В июне 1920 г. губисполком обратился в правительство с просьбой списать 8,5 млн руб. чрезвычайного налога "как сумму, безнадежную к поступлению"[128].

Помимо разверстки и денежных налогов тяжелым бременем на крестьян ложились трудовая и гужевая повинности, которые выполнялись в любое время года. Общий убыток от всех крестьянских платежей и трудгужповинности достиг в 1920/21 г. не менее 1/4 условно–чистого дохода.

Принудительное вмешательство в область мелкого крестьянского производства обернулось деградацией деревни, сокращением посевных площадей, ухудшением качества обработки полей, застоем в животноводстве и падением традиционных крестьянских промыслов. На общем фоне некоторого сокращения беспосевных и многосеющих хозяйств выявилось нежелание тружеников деревни обрабатывать полученные в ходе аграрной реформы пахотные угодья. В 1920 г. пашня в губернии сократилась до 47,2 тыс. десятин против 77,4 тыс. десятин в 1917 г., а плодородие земли упало за это время на 1/3[129]. Одновременно увеличилось число безлошадных хозяйств. В 1920 г. около половины крестьян края имели в своем хозяйстве одну лошадь, 45% — одну корову. Число хозяйств с двумя лошадьми, тремя и более коровами составляло незначительный процент. Зажиточные крестьяне почти исчезли. Все это свидетель-

ствовало о тяжелых социально–политических последствиях революции и Гражданской войны в Карелии, где, по признанию местных советских органов, "все более состоятельные граждане... пришли в положение настоящих пролетариев". Обеднение и безысходность вели к формированию потребительского, не связанного с рынком крестьянского хозяйства, обеспечивающего нищенский прожиточный минимум.

В начале 1919 г. советское правительство предприняло попытку производственного кооперирования крестьян. Декретом ВЦИК от 14 февраля предусматривалось "для окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основах социализма" осуществить "переход от единоличных форм землепользования к товариществам". Однако усилия властей натолкнулись на сопротивление крестьян. За год в Олонецкой губернии удалось создать 19 коммун, 40 сельскохозяйственных артелей, 7 совхозов и 10 товариществ по совместной обработке земли[130]. Это были маломощные, ориентированные на помощь государства хозяйства. Характеризуя деятельность первых совхозов в Карелии, губернский земельный отдел отмечал: "Образование совхозов в Олонецкой губернии было чисто случайным, не считаясь ни с расстоянием от населенных пунктов и центров, ни с целесообразностью устройства хозяйства в данном районе, и, главное, без всякого задания в направлении хозяйства. Заведующие назначались совершенно случайно, из неподготовленных к сознательной общественной деятельности людей. В большинстве своем совхозы ставили целью запахать и засеять возможно большую площадь земли, не считаясь с наличием сельскохозяйственного инвентаря и необходимой рабочей силы"[131]. Понятно, что такие хозяйства были обречены на неудачи и не могли служить примером и стимулом для крестьян.

В целом политика коммунистической партии, стремившейся обеспечить смычку города и деревни, в 1918—1920 гг. неоднократно корректировалась. От "красногвардейской атаки на капитал" и "вооруженного похода в деревню", направленных на обострение политической борьбы и установление диктатуры пролетариата в городе и деревне, с осени 1918 г. партия перешла к радикальному пересмотру своей политики, прежде всего в отношении крестьянства. Попытки с ходу "взять крепость" путем национализации и экспроприации, введения продовольственной диктатуры не удались. Поиски соглашения с крестьянством завершились выработкой и принятием на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. курса на союз с середняком. Смена курса благотворно отразилась на социально–политической ситуации в России.

Однако после освобождения европейского Севера и Карелии от интервентов и белогвардейцев трудящиеся вновь почувствовали на себе ужесточение государственного принуждения, связанного с милитаризацией труда в промышленности и на транспорте, с изъятием по разверстке всех "излишков" продовольствия у крестьян. Все это не могло не вызывать недовольства и сопротивления со стороны крестьянства, слившегося с массовыми крестьянскими волнениями и восстаниями в центральных и южных губерниях страны.

Политический режим военного коммунизма

В проведении своей политической линии партия опиралась на местный партийно–советский аппарат и чрезвычайные органы. Она присвоила себе право действовать от имени пролетариата и трудового крестьянства во имя торжества коммунизма, будучи убежденной, что монополия на власть и идеологию должна принадлежать

только ей. В обстановке гражданской войны вся жизнь и деятельность людей все больше попадали под контроль и опеку коммунистической партии.

На проходивших в тот период губернских и уездных съездах советов, партийных конференциях многими с тревогой говорилось о едва ли не полной подмене местных исполнительных органов партийными комитетами. Решения Олонецкого губкома и уездных комитетов РКП(б) подлежали обязательному выполнению не только советскими, но и общественными организациями. Требования вышестоящих партийных инстанций не смешивать функции губкомов и укомов партии с функциями советов мало что значили, ибо практически не выполнялись. Типичную для того времени характеристику взаимоотношений партийных и советских органов на местах дает отчет Олонецкого губкома в ЦК РКП(б) о своей деятельности за 1919 г. В нем отмечалось, что в результате принимаемых мер "по всей губернии власть прочно перешла в руки РКП(б)". Далее говорилось: "Жалкие остатки меньшевиков и левых эсеров, где они еще пробовали высунуть головы перед массами, окончательно разбиты... Революционное настроение в деревнях настолько поднялось против буржуазии, стремление наладить новую светлую жизнь настолько созрело, что в деревне стал возможен такой инцидент, как расстрелы в Винницкой волости пяти буржуев в отместку германской буржуазии за смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург". Причем в расстреле "принимали участие, кто хотел"[132].

Губвоенревком стал командировать в уезды своих представителей "для переорганизации" уездных и волостных исполкомов с предоставлением им широких прав "смещать с должностей ответственных работников, замеченных в нежелании работать; распускать местные исполкомы, замеченные в бездействии, создавая взамен их военревкомы, кооптировать работников на ответственные должности"[133]. Тем самым создавались условия для произвола, который коснулся и самих "товарищей по партии" (многие из них пострадали от "чистки партийных рядов" под предлогом борьбы с примазавшимися, карьеристами и бюрократами), а также рабочих, страдавших от обвинений в шкурничестве, крестьян, преследуемых за уклонение от разверстки, интеллигенции. В стране формировалась военно–приказная система в управлении, допускались "крайности" в проведении тех или иных мероприятий, когда чрезвычайные органы (ревтрибуналы, продкомы, военкоматы, местные ЧК) производили обыски и изъятие имущества, аресты ни в чем не повинных людей.

Примером такого беззакония и произвола могут служить события осени 1918 г. в Александро–Свирском монастыре. Губернская чрезвычайная комиссия самовольно изъяла 40 пудов чистого серебра в виде старинных монет, церковной утвари и другого имущества, а затем, по согласованию с губисполкомом, передала часть серебра нуждающимся, а остальное переплавила в слитки и сдала в народный банк. Сотрудники Олонецкой уездной ЧК вынули из раки мощи святого Александра Свирского Чудотворца, арестовали и расстреляли четырех священнослужителей во главе с настоятелем монастыря архимандритом Евгением и гражданина В. Стальбовского. Факт произвола получил огласку. В марте 1919 г. действия ЧК по поручению Совнаркома рассматривались на заседании Олонецкого губисполкома. Однако все удовлетворились отпиской председателя губернской ЧК О. Кантера в Совнарком. Никто заслуженного наказания за преступление не понес[134]. Это было началом кампании по ликвидации святых мощей и разграблению обителей Русской Православной Церкви.

Подобные факты беззакония и произвола являлись следствием ожесточенности

Гражданской войны, падения авторитета и ослабления местных органов власти в результате массовых мобилизаций работников на фронт. Летом 1919 г. уездные и волостные советы почти замерли, а сельские партийные ячейки наполовину распались. В этих условиях приобрели силу различные чрезвычайные репрессивные органы, действовавшие по своему усмотрению. Гражданская война и иностранная интервенция наложили свой отпечаток на общественное сознание, порождая жестокость, бескомпромиссность, веру в чрезвычайные методы решения неотложных задач.

О фактической деятельности и роли местных советов можно судить по отчету члена Олонецкого губкома РКП(б) Я.К. Берзтыса, ответственного за работу в деревне, о его поездке в сентябре 1919 г. в Олонецкий и Лодейнопольский уезды: "В действиях волисполкомов, — писал Берзтыс, — нет самостоятельности, нет решительности. Они далеки в этом отношении от органов пролетарской диктатуры. Они даже не усвоили того, что на территории волости высшая власть — волисполкомы. Вот почему много находится командующих над головами волисполкома. Являются в волость господа из уезда по каким–либо делам, не обращаясь в исполком, начинают орудовать в обществах, а когда там нагадят, нагрозят всем вдоволь, потом только являются в волисполком, чтобы тот помогал выкарабкаться из заваренной каши". Ответственный партийный руководитель с сожалением отмечал, что "таких случаев много", что "повсеместно начинают выбирать в советы в наказание" малограмотных или совсем неграмотных "старичков", от которых "нельзя много требовать, и их не приучить на старости лет к революционным действиям"[135]. Трудящиеся крестьяне старались избегать работы в советских органах.

Большевики хорошо понимали важность привлечения на свою сторону молодежи и профсоюзов. 30 марта 1919 г. на собрании молодежи Петрозаводска возникла городская комсомольская организация. Ее возглавили Иван Горбачев, Александр Иванов и Евгений Ланев. Комсомольцы развернули активную работу среди молодежи, вовлекая ее в общественно–политическую жизнь. Весной и летом все комсомольцы ушли на фронт. Однако начатая работа продолжалась. Осенью 1919 г. комсомольские ячейки появились в Олонце, Пудоже и ряде сел (Видлица, Тулмозеро, Ведлозеро, Мегрега, Винница и др.). Они проводили политико–воспитательную работу, создавали кружки политической грамоты и т.д. В декабре возобновила деятельность Петрозаводская комсомольская организация, которая избрала комитет, взявший на себя функции губернского бюро РКСМ. В состав его вошли А.В. Иванов, И.С. Горбачев, А.Г. Ринк, З.С. Тушовская. В феврале 1920 г. в Петрозаводске состоялось губернское совещание первых организаций РКСМ, а в конце июня — начале июля прошел I губернский съезд РКСМ, завершивший организационное оформление губернской комсомольской организации[136].

Роль профсоюзных организаций Карелии возросла с образованием в сентябре 1918 г. Олонецкого губернского совета профессиональных союзов, объединившего все существовавшие тогда профсоюзы: металлистов, строительных рабочих, работников лесного дела, железнодорожников, водников, учителей, служащих и других (около 5 тыс. человек). Исполком совета профсоюзов вначале возглавил Б.И. Цветаев, а с февраля 1919 г. — Гулельми. Губернский профсовет направлял деятельность отраслевых профсоюзов на выполнение постановлений вышестоящих органов, на участие в хозяйственной жизни края. Однако с усилением военной опасности и проведением массовой мобилизации рабочих на фронт "вся работа по профессиональному движению замирала до сентября месяца". По возвращении с фронта исполком возобновил работу, обращая главное внимание на организацию производства и развитие куль-

турно–просветительной деятельности, а также "объединение в союзы неорганизованного пролетариата губернии". В январе 1920 г. в Петрозаводске состоялась I губернская конференция профсоюзов. Общая численность членов профсоюзов к этому времени достигла 21 тыс. человек.

В годы войны все активнее вовлекались в общественную жизнь женщины. Организацией работы среди женщин руководил женотдел Олонецкого губкома РКП(б), в котором имелись специальные комиссии (организационная, культурно–просветительная, литературная, агитационно–пропагандистская). Из среды женщин выдвинулись умелые организаторы–общественницы Е.А. Горш, А.Д. Игошкина, О.А. Егорова, Е.К. Смоликова, Е.Н. Лядинская. Женщины занимались устройством детских учреждений, столовых, приютов для престарелых, оказывали помощь госпиталям, открывали мастерские по пошиву и ремонту одежды и обуви для красноармейцев.

Благодаря неимоверному напряжению сил всего населения удалось разгромить интервентов и белогвардейцев. Трудящиеся массы, сравнивая большевистскую власть с режимом белых и выбирая меньшее из двух зол, поддержали большевиков. Несмотря на все недостатки, промахи и жестокость советской власти, она была им ближе, так как действовала от лица народа и пыталась защитить его интересы. Социальная база большевиков в Карелии оказалась значительно шире, чем у белых. Рабочие и крестьяне видели в советской власти опору и надежду на спасение от возврата к прошлому бесправию. К тому же в конце Гражданской войны Ленин и его окружение поняли несостоятельность политики военного коммунизма. Столкнувшись с социально–экономическим кризисом всей системы, большевики заменили ее провозглашенной на X съезде РКП(б) новой экономической политикой.

5. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ИНОСТРАННЫХ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛЫХ В КАРЕЛИИ В 1919—1920 гг.

Оборона края в начале 1919 г.

Неудачи начала северной экспедиции вызвали в руководстве Антанты и правительстве Северной области оживленный обмен мнениями о перспективах ее продолжения. 26 сентября 1918 г. государственный секретарь США Р. Лансинг подготовил правительственный меморандум о политике на русском Севере, в котором выражалось сомнение в возможности создания там белой армии и предлагалось отказаться от военных усилий союзных держав на европейском Севере России, "кроме охраны самих портов и такой территории вокруг них, где может создаться угрожающая обстановка"[137]. Правительства Великобритании и Франции считали, что необходимо продолжать войну с большевиками. Генерал Ф. Пуль по–прежнему настаивал на развитии активного наступления против красных. Его поддерживали американский посол Д. Фрэнсис и французский — Ж. Нуланс. Северное белогвардейское правительство призывало союзников оставить свои войска в России для борьбы с большевиками.

Союзники вовсе не собирались уходить, ибо преследовали как политические, так и экономические цели — грабеж природных ресурсов Севера. Уже 14 ноября 1918 г. правительство Великобритании приняло решение о сохранении войск в России и поддержке антисоветских правительств в интересах империи. На Мурман и в Архангельск прибывали дополнительные контингенты войск. В ноябре генерала Ф. Пуля на посту

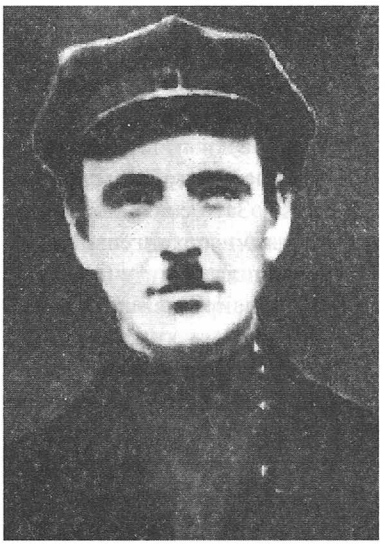
главнокомандующего сменил энергичный и хорошо подготовленный генерал У.Э. Айронсайд. Для активизации формирования белогвардейских частей из Франции в Архангельск прибыли боевые генералы старой русской армии В.В. Марушевский и Е.К. Миллер. Они сразу же включились в работу. 15 января 1919 г. Миллер стал генерал-губернатором, а Марушевский — командующим русскими войсками Северной области. В это время белогвардейские части на Севере насчитывали всего 6—7 тыс. человек. К весне 1919 г. их численность возросла до 15 тыс. Зато союзники имели к началу 1919 г. в составе мурманской группировки до 10 тыс. и архангельской — более 13 тыс. солдат и офицеров[138]. Это была внушительная сила, если учесть, что численность советских войск на архангельском и мурманском направлениях составляла всего 15—18 тыс. человек.

В то же время боеспособность союзных войск вызывала большие опасения у военно-политического руководства держав Антанты. Иностранные солдаты не понимали, зачем они ведут войну с русскими. В войсках союзников широко распространялись большевистские листовки под такими названиями: "Зачем вы пришли в Мурманск?"; "Почему вы не возвращаетесь домой?"; "Понимаете ли вы, что делаете?" и др. По признанию генерала Айронсайда, эти листовки находили повсюду, и они разлагающе влияли на союзные войска[139]. Многие солдаты, особенно французы и сербы, требовали отправки домой.

Не меньшее беспокойство вызывало и состояние белогвардейских войск, где служило немало сторонников советской власти. 11 декабря 1918 г. произошло первое крупное восстание в архангельском гарнизоне, в ходе подавления которого интервенты расстреляли 13 солдат. Оно положило начало длинному ряду потрясений в белой армии на разных участках Северного фронта.

Оборону против белых и интервентов на архангельском, северодвинском, пинежском и печерском направлениях держала 6-я отдельная армия (командующий бывший генерал А.А. Самойло, политкомиссар Н.Н. Кузьмин). На мурманском направлении сражались части 1-й дивизии 7-й армии общей численностью около 5,3 тыс. человек. Советское командование рассчитывало использовать зимний период для нанесения удара по войскам противника на архангельском и северодвинском направлениях. В конце 1918 г. главком И.И. Вацетис дал директиву 6-й армии развить наступление на Архангельск и овладеть им. Такая задача, как показали дальнейшие события, не соответствовала реальному соотношению сил и складывающейся обстановке. Однако в соответствии с указанием главкома 12 января 1919 г. советские войска завязали бои за Шенкурск и 25 января овладели им. Шенкурский выступ, угрожавший нашим тылам, удалось ликвидировать. Но дальнейшее наступление вдоль р. Ваги и по Северной Двине не получило развития. Попытки организовать прорыв на Северной железной дороге в направлении Архангельска тоже закончились безрезультатно. В течение февраля и марта здесь шли упорные бои, которые с наступлением весенней оттепели пришлось прекратить. Войска отошли на прежние позиции, сохранив в своих руках Шенкурск.

Особенно неблагоприятно складывалась военная обстановка на флангах — в Карелии и Коми крае. В начале 1919 г. колчаковцы стали просачиваться в верховья Печоры и Вычегды. Одновременно усилилось давление белых с Урала, а также по рекам Мезени и Пинеге. Небольшие красноармейские силы, разбросанные в этом районе, не смогли противостоять натиску белогвардейцев. Из них были сформированы Кай-Чердынский, Ижмо-Печорский и Вашко-Мезенский полки, объединенные в марте 1919 г. в войска Пинего-Печорского района, которые сдержали натиск колчаковцев



И. Д. Спиридонов

в бассейне р. Вычегды. Однако район р. Печоры пришлось оставить.

Одновременно интервенты и белогвардейцы предприняли наступление на Мурманском направлении в полосе железной дороги, а также в направлении к Пудожу. Советские части в этом районе были малочисленны и разбросаны на большом расстоянии. Непосредственно на передовых позициях находился лишь 41–й полк железнодорожной охраны под командованием И.Д. Спиридонова, рассредоточенный на расстоянии более 100 километров. В связи с угрозой вторжения белофиннов в южную Карелию 164–й финский полк А.П. Вастена пришлось отвести в Петрозаводск. Воспользовавшись этим, интервенты в январе 1919 г. захватили д. Луза (в 70 км к северу от Пудожа) и создали угрозу выхода в район Водлозера и на восточное побережье Онежского озера. Поднятые по тревоге коммунисты Пудожа создали отряд в составе 50 человек. Отряд и караульная рота под командованием уездного военного комиссара Ф.С. Колотихина вышли навстречу противнику и задержали его на границе Водлозерской волости[140].

Продвижение интервентов в зоне Мурманской железной дороги, начатое в середине февраля 1919 г., встретило упорное сопротивление 41–го железнодорожного полка. За каждый населенный пункт шли ожесточенные бои. На помощь красноармейцам пришли небольшие отряды из рабочих и крестьян Сегежи, Уросозера, Надвоиц. Особенно самоотверженно сражались защитники Сегежи. Оборону станции возглавили прибывший из Петрозаводска политический комиссар Онежского завода В.П. Солунин и руководители местной партийной ячейки Н.Е. Авдеев и А.С. Степанов. 19 февраля весь день шел жаркий бой. Атаки врага следовали одна за другой. Силы защитников станции таяли. Видя безнадежность обороны, остатки отряда пытались пробиться на юг, но безуспешно. Тогда часть отряда во главе с Солуниным выехала на паровозе на север. Противник не ожидал такого маневра. В перестрелке трое бойцов и кочегар были убиты, а остальные вырвались к Майгубе и пытались в обход пробиться к своим. Интервенты устроили облаву, схватили и перебили оставшихся в живых. 20 февраля им удалось овладеть станцией Сегежа. Опасаясь флангового удара, советские войска отошли в район станций Масельгская—Уросозеро и там закрепились[141]. Более двух месяцев истекавший кровью 41–й полк сдерживал во много раз превосходящие силы интервентов и белых в районе Уросозера, за что был награжден почетным Красным Знаменем ВЦИК и получил название Уросозерского.

Отряды добровольцев из местных крестьян отбивали атаки врага на флангах. На Паданском боевом участке стойко держались бойцы под командованием Н. Поплавко. Им помогали партизаны Падан и Сельги во главе с крестьянином С.Т. Гурьевым. Около Петровского Яма дорогу противнику преградила рота красноармейцев под командованием С.Н. Медведюка. В неравном бою почти вся рота погибла вместе со своим командиром и политкомиссаром Г.В. Захаровым, но не оставила занимаемых позиций.

Развитию зимнего наступления интервентов и белогвардейцев на мурманском направлении во многом помешало движение сопротивления в тылу интервентов на Мурмане и в Карельском Поморье. В канун второй годовщины Февральской революции в Мурманске, Кандалакше и ряде других пунктов прошли митинги и демонстрации "с большевистской ориентацией". Железнодорожники провели забастовку, парализовав движение на дороге. Помощник генерал–губернатора В.В. Ермолов приказал применять самые суровые меры к "бунтовщикам", а командующий войсками интервентов на Мурмане генерал Ч. Мейнард обратился в британский генштаб с просьбой о присылке дополнительных войск и рабочих, чтобы обеспечить сообщение на участке дороги Мурманск—Сорока. В марте—апреле в этот район прибыло 500 британских солдат и 720 американских военных железнодорожников.

Объявленная 20 февраля мобилизация ряда возрастов в белую армию полностью провалилась. Несмотря на уговоры и обещания поморы встретили ее с негодованием. В ряде сел крестьяне заявляли: "Не дадим сыновей империалистическим акулам". В селе Нюхче дело дошло до расстрела мобилизованных. Большевистские агитаторы С.А. Божик, И.В. Попов и Е.Г. Шумилов были убиты. Накануне этой мобилизации белогвардейская контрразведка раскрыла заговор революционно настроенных солдат во 2–м Северном полку, стоявшем на мурманском направлении. Заговорщики договорились поднять восстание в тылу белых и открыть фронт. Организаторы заговора солдаты Нестеров, Юнгин, Кузнецов и другие были расстреляны в Сороке.

Особенно большую опасность для интервентов и белого движения представляли распропагандированные большевиками Мурманский легион в районе Кандалакши и Карельский — в Кеми. Интервенты создавали их в противовес белофиннам и немцам. После разгрома Германии положение изменилось, и англичане решили использовать эти части в борьбе с большевиками. Однако, как выяснилось, красные финны и карелы не только не хотели воевать с Советской Россией, но и представляли определенную угрозу для самих англичан. В феврале—марте 1919 г. в этих формированиях шла подготовка совместного выступления[142]. Чтобы избежать неприятностей, Мейнард и Ермолов обратились к карелам и красным финнам с воззванием, в котором строго предупредили об ответственности за выступление.

Одновременно англичане высказали заинтересованность в создании на занятой территории Карелии некоего буферного государства между Финляндией и Россией в виде Ухтинской республики. С согласия Мейнарда 16—18 февраля в Кеми состоялся съезд представителей 12 карельских волостей Архангельской губернии. Собравшиеся добивались провозглашения Карелии "самостоятельной страной" в форме демократической республики, выразив тем самым свое стремление уйти от опеки белогвардейского правительства Северной области. Вопросы организации власти и управления, а также отношения этой республики к России и Финляндии решено было отложить до предстоящего Учредительного собрания. Чтобы успокоить белое правительство, присутствовавший на съезде в качестве представителя союзников командир 237–й бригады генерал Прайс зачитал телеграмму Мейнарда, в которой подчеркивалось, что союзное командование не поддержит никакого предложения об отделении этой территории от России. Участники съезда постановили послать своих представителей на Парижскую мирную конференцию с тем, чтобы добиться признания великими державами права Карелии на самостоятельное и суверенное развитие. Для подготовки и созыва Учредительного собрания карельского народа съезд избрал Народный комитет в составе И. Ахава (председатель), Г. Лежеева, А. Маскиевича, С. Епифанова, И. Гаврилова[143].

Как только члены Народного комитета приступили к работе, Мейнард отказался считать их "выразителями голоса карельских выборщиков", а Кемское уездное земское собрание осудило решения карельского съезда, расценив их как поспешные действия безответственных лиц, выполняющих намерения известных кругов Финляндии. Командир карельского батальона член Народного комитета И. Ахава был схвачен и убит интервентами, около 400 служивших в нем карелов подверглись аресту, многие дезертировали, не желая выполнять приказ английского командования об отправке батальона на фронт. В мае Мейнард расформировал уже фактически не существовавший Карельский легион и объявил о создании ряда новых карельских формирований.

В это время в Мурманском легионе возникли разногласия по поводу восстания против интервентов. Один из руководителей красных финнов социал–демократ Оскар Токой, служивший в разведотделе союзников, уговаривал соотечественников вернуться на родину. Многие из них имели семьи, и открытое выступление в глубоком тылу противника могло принести немало жертв. Наиболее радикально настроенные финны (В. Лехтимяки, К. Ийвонен, В. Вихури, А. Кауппинен, Г. Ковалайнен, Ю. Вяйнеля, М. Пиккувирта и др.) требовали решительной схватки с интервентами. В район дислокации легиона англичане стянули надежные войска. Мейнард вел переговоры с легионерами о разоружении, а военное ведомство Великобритании договаривалось с Финляндией и Канадой об их интернировании. В результате восстание удалось предотвратить. В июле 1919 г. Финляндия согласилась на репатриацию части легионеров, не участвовавших в гражданской войне, и в сентябре они отбыли на родину. Часть уехала в Канаду, а около 30 красных финнов включились в партизанское движение вместе с поморами на Мурмане[144].

Стремясь обезопасить свой тыл и выявить революционно настроенных рабочих и солдат, белые власти опубликовали в начале 1919 г. извещение о том, что всем сторонникам советской власти будет разрешено выехать в "Совдепию". Несмотря на явно провокационный характер объявления, желающих покинуть Мурман оказалось не мало. На имя Ермолова поступило около 9 тыс. заявлений, что вызвало беспокойство администрации Северной области. Помощник генерал–губернатора в своем приказе 10 апреля 1919 г. пояснил, что вопрос о выезде будет решаться индивидуально. Каждый желающий уехать должен будет подать письменное заявление о том, что "он приверженец большевизма и желает перейти к большевикам". Дальше следовали угрозы: "Этот преступный элемент будет в кратчайший срок выброшен за фронт". Но и после этого "разъяснения" люди подавали заявления о желании "выехать за линию фронта к большевикам", мотивируя это тем, что они "сторонники советской власти и большевиков". Тогда поступил приказ Ермолова о том, что все признавшие себя сочувствующими большевикам "подлежат преданию особому военному суду". Многие были арестованы и убиты, а около 8—10 тыс. рабочих и крестьян перебрались различными путями в Советскую Россию[145].

Отражение наступления противника летом 1919 г.

С весны 1919 г. военная обстановка в Карелии начала резко обостряться. Правительство Великобритании решило использовать летний период для нанесения мощных ударов по советским войскам в направлении Петрозаводска, Вологды и Котласа. Лондон договорился с Парижем и Вашингтоном об отправке на Север дополнительных контингентов войск. Одновременно сюда направляется большая группа британ-

ских кораблей для Северодвинской и Онежской военных флотилий. 4 мая британское военное министерство с санкции главы правительства Ллойд Джорджа поручило генералу Айронсайду начать наступление по Северной Двине для соединения с Колчаком. Накануне правительство Северной области признало Омское правительство и адмирала Колчака верховным правителем, оговорив, что сохраняет за собой "требуемую обстоятельствами самостоятельность в области практических действий впредь до непосредственного нашего соединения".

В связи с предполагаемым захватом Карелии генералу В.В. Ермолову поручалось приступить к формированию администрации Олонецкой губернии. Военное ведомство Британии отдало приказ командующему мурманской группировки генералу Мейнарду еще до подхода подкреплений принять энергичные меры к активизации боевых действий. 11 апреля 1919 г. интервенты и белогвардейцы овладели важной железнодорожной станцией Уросозеро, а через несколько дней противник взял под свой контроль район Выгозера. Советские части не смогли сдержать превосходящие силы интервентов и начали отступать к Петрозаводску.

Одновременно и белофинны предприняли усилия по захвату южной Карелии. Используя тяжелое положение Советской республики, Финляндия решила осуществить "Олонецкую экспедицию". Для проведения ее военное командование требовало 4—5 тыс. регулярных войск. Однако регент К. Маннергейм и начальник генштаба генерал Х. Игнатиус опасались за успех операции, учитывая, что Антанта не одобряла замыслы оккупации Карелии без согласования с русской эмиграцией и Колчаком. Захватнические планы правящих кругов Финляндии поддерживались сепаратистским движением в Карелии. Часть бежавших в Финляндию зажиточных карелов вела агитацию в поддержку "восточного похода". Созданный в январе 1919 г. на карельском съезде в Гельсингфорсе Карельский комитет разработал программу проведения в Восточной Карелии референдума по вопросу об управлении этой территорией, а затем обратился к международным организациям за поддержкой "пожеланий карелов" об объединении с Финляндией и выразил сожаление, что английская военная экспедиция на Мурмане не содействует этому[146]. Премьер Финляндии Л. Ингман не одобрял эту затею, опасаясь конфликта с Россией. Он также учитывал возможность противодействия со стороны белой эмиграции и держав Антанты, поэтому запретил подготовку военной акции.

Тем не менее 2 апреля 1919 г. правительство Финляндии вернулось к рассмотрению этого вопроса и решило все же осуществить "Олонецкую экспедицию" с целью захвата Олонца и южной Карелии. Еще до этого решения шла активная вербовка в так называемую Олонецкую добровольческую армию под командованием полковника А. Сихво. 17 апреля правительство Ингмана ушло в отставку. Новый кабинет возглавил лидер прогрессивной партии К. Кастрен, который санкционировал "Олонецкую экспедицию", мотивируя это тем, что Карелия может оказаться в руках наступающих с севера англичан. Протест левых партий в сейме не встретил поддержки у депутатов.

В ночь на 21 апреля "карельские добровольцы" (около 2 тыс. чел.) вторглись в пределы Олонецкого уезда. Упорное сопротивление им оказали защитники села Видлица во главе с председателем волостного коллектива РКП(б) М.Е. Розенштейном. Они два дня оборонялись, скрываясь за стенами местной церкви. Не желая сдаваться, Розенштейн застрелился, а оставшихся в живых захватчики расстреляли. В числе погибших были местные крестьяне В.И. Волков, М.С. Гаврилов, В.И. Дяшаев, А.М. Некрасов, А.Н. Онниев, В.И. Яшков, учитель П.Н. Соловьев, агитаторы

В.М. Аронов, В.Н. Трофимов, служащие Г.П. Поташев, И.А. Ромоев, красноармейцы А.К. Делкоев, А.П. Туриков, Н.П. Шляхтин.

Первоначально наступление белокарельских отрядов развивалось успешно. 23 апреля они захватили Олонец (где расстреляли 27 раненых красноармейцев), 28 апреля взяли Александро-Свирский монастырь, после чего повели наступление на Лодейное Поле и достигли р. Свири. Однако отступавшие из Олонца советские активисты и пограничники вместе с подоспевшим из Петрозаводска, Лодейного Поля и Вытегры подкреплением остановили напор Олонецкой добровольческой армии. Взять Лодейное Поле она не смогла. На петрозаводском направлении прорвавшиеся в районе Тулмозера "добровольцы", не встречая серьезного сопротивления, в апреле овладели Ведлозером и Пряжей, однако для взятия Петрозаводска у них не хватило сил, и они вынуждены были остановиться.

Вместе с оккупантами в Олонце появилось заранее подобранное из финнов так называемое "Олонецкое правительство", возглавляемое судьей О. Окессоном. Оно заявило о своих правах на легитимность и пыталось сформировать на занятой территории воинские части. Однако карелы не откликнулись на зов "соплеменников" и карельскую армию в Олонецком уезде создать не удалось, как и заставить карелов служить оккупационному режиму, истребившему за один месяц 286 невинных людей[147].

Вторжение финских наемников из числа карельских беженцев вызвало беспокойство в Москве. 27 апреля Совнарком обратился к Финляндии с нотой протеста, которая осталась без ответа. 2 мая в Кремле получили известие из Парижа о посланном будто бы финляндским правительством ультиматуме советскому правительству, содержащем требование прекратить войну с Олонецкой добровольческой армией. Наступление добровольческой армии в Карелии Москва ошибочно расценила как скоординированную с державами Антанты и направленную на захват Петрограда акцию. Учитывая возможность совместных действий Финляндии и Юденича, Совет обороны республики 2 мая объявил Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. В северо-западных губерниях началась активная мобилизация сил для отпора захватчикам. В апреле—мае 1919 г. Олонецкая губерния дала на пополнение рядов Красной Армии 9,2 тыс. человек. В мае были мобилизованы на фронт "все коммунисты, не исключая губернского комитета"[148]. Между тем обстановка на Междуозерном участке оставалась тяжелой. 21 мая председатель Олонецкого губвоенревкома сообщал в Москву: "Положение остается серьезным, угрожающим. Части устали, резервов нет. Противник усиливается"[149].

20—21 июня бои шли в непосредственной близости Петрозаводска, под Сулажгорой. На защиту города вышли рабочие Онежского завода, железнодорожники, служащие, моряки военной флотилии. Под ружье встали все коммунисты и комсомольцы. Героически сражались бойцы и командиры 164-го и 52-го полков, прибывшие защищать Петрозаводск. И город выстоял.

Одной из причин успеха красных явилась несогласованность в действиях Финляндии и держав Антанты. Начав "Олонецкую экспедицию", Финляндия столкнулась с противодействием англичан и французов. Еще 29 апреля командующий союзными войсками на Мурмане Мейнард был предупрежден британским военным ведомством о том, что Лондон не имеет пока ясных заверений Финляндии об отсутствии у нее аннексионистских планов в этой части территории[150]. 6 мая Великобритания и Франция потребовали от финнов подтвердить, что захват южной Карелии производится лишь в целях оказания помощи населению в борьбе с большевиками и что они не собираются военным путем добиваться решения карельского вопроса. Финское пра-

вительство вынуждено было оправдываться и обещать странам Согласия, что подчинится любым решениям Парижской мирной конференции относительно новой границы страны.

По указанию Лондона генерал Мейнард вступил в контакт с командующим Олонецкой добровольческой армией полковником Сихво в целях координации совместных усилий по захвату Петрозаводска, но при этом потребовал письменных обязательств, что аннексия Карелии не входит в планы Финляндии. Он выдвинул в качестве обязательного условия — признание за союзниками верховного командования и передачу Петрозаводска, в случае взятия его белофиннами, русской администрации; финны же должны будут покинуть пределы Олонецкой губернии. В ответ Сихво заявил, что предпосылкой совместных действий может быть только отвод русских белых войск из районов, где они могли войти в соприкосновение с финнами. Мейнард не согласился, и переговоры прекратились.

Чтобы урегулировать разногласия и получить военную поддержку Финляндии, в июне в Хельсинки выехал командующий белыми войсками генерал В. Марушевский, получивший указания Е. Миллера и А. Колчака не уступать финнам в территориальном вопросе и снять вообще проблему присоединения Восточной Карелии к Финляндии. Белых генералов интересовало другое — участие финнов в наступлении Юденича на Петроград. Они хотели объединить усилия союзников, Финляндии, восточной, северной и северо–западной контрреволюции для разгрома Красной армии. Из бесед в Хельсинки Марушевский выяснил, что финны будут отстаивать признание независимости Финляндии, уступку Печенги и "согласие на плебисцит в некоторых уездах Олонецкой губернии, прилегающих к финляндской границе, дабы дать возможность населению свободно присоединиться к Финляндии"[151].

По возвращении в Архангельск Марушевский просил правительство Северной области заключить с Финляндией военный договор, "заранее согласившись на все условия, которые она предложит". Миллер и правительство поддержали эту идею, но при согласовании ее с Колчаком последний назвал требования Финляндии чрезмерными, и соглашение не состоялось. При общей заинтересованности в совместной борьбе против Советской России между Финляндией и странами Антанты существовали острые разногласия по ряду вопросов, что во многом предопределило исход войны на Северо–Западе России и, в частности, в Карелии.

Тем временем обстановка под Петроградом изменилась. Войска 7–й армии отбросили армию Юденича от города, что дало возможность приступить к более решительным действиям в Междуозерном районе. Численность советских войск здесь стала увеличиваться и скоро достигла 3,2 тыс. Части 1–й стрелковой дивизии (командир М.П. Гусаров, политкомиссар А.М. Миничев) сосредоточились на двух участках. На петрозаводском направлении действовала группа в составе 40, 41 и 52–го стрелковых полков, 1–го пограничного полка, 164–го финского полка, Череповецкого отряда и местных формирований из рабочих и моряков Онежской флотилии. Олонецкий участок обороняли 47, 50 и 82–й стрелковые полки, 1–й финский полк, три роты курсантов[152].

Располагая такими силами, командующий 7–й армией А.В.Ремезов принял решение о наступлении войск Междуозерного участка для разгрома Олонецкой добровольческой армии. В начале мая завязались упорные бои за Олонец, город трижды переходил из рук в руки и 13 мая был, наконец, освобожден. "Олонецкое правительство" бежало в Видлицу, где для видимости провело реорганизацию управления южной Карелией и стало называться Директорией. Возглавил ее предприниматель

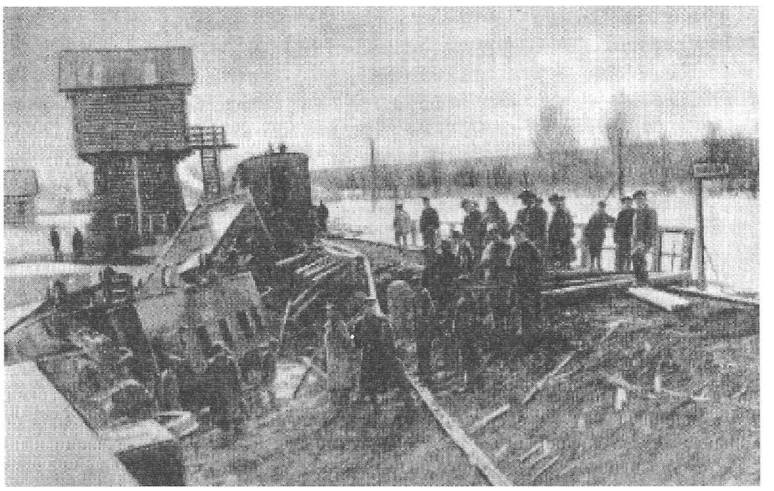
Командование Онежской флотилии. Слева направо: Э. С. Панцержанский, И. М. Лудри, Г. А. Степанов

Г.В. Куттиев. Фактически же все управление осталось в руках прежнего правительства. В конце мая делегация этого правительства побывала в Хельсинки у регента Финляндии К. Маннергейма с просьбой о присоединении Олонии к Финляндии. Маннергейм опасался объявления открытой агрессии против Советской России, и встреча завершилась добрыми пожеланиями удачи в делах.

В начале июня формируется новый состав этого правительства во главе с премьером П. Супиненом, известным финским предпринимателем. Теперь оно состояло исключительно из финнов и выражало интересы финляндского капитала. 7 июня в деревне Погранкондуши собрались представители ряда пограничных волостей, которые решили объявить всеобщую мобилизацию мужчин от 18 до 35 лет, избрали делегатов на Парижскую мирную конференцию и высказались в пользу присоединения к Финляндии. Однако из этой затеи ничего не вышло. Карельское население не поддержало правительство Супинена, объявленная мобилизация провалилась. Финляндия не рискнула направить в Карелию регулярные войска и ограничилась лишь предоставлением убежища несостоявшимся политикам из Карелии.

В 20–х числах июня командование 1–й стрелковой дивизии Красной армии разработало план полного очищения карельской территории от белофиннов. Основным звеном его стало проведение Видлицкой боевой операции с целью разгрома опорной базы белофиннов. Операция осуществлялась в ночь на 27 июня кораблями Онежской военной флотилии (командующий Э.С. Панцержанский) и войсками Междуозерного района. Корабли флотилии при поддержке прибывших с Балтики эсминцев "Уссуриец" и "Амурец" подошли к устью р. Видлицы и своим огнем подавили батареи финнов, затем корабли высадили десант. Одновременно была проведена вспомогательная операция под Тулоксой, где отряд судов Онежской флотилии тоже высадил десант, занявший ряд деревень и соединившийся с десантом у Видлицы[153]. 30 июня Главком И.И. Вацетис и член Реввоенсовета С.И. Гусев просили Э.С. Панцержанского "передать командам судов и десанту благодарность за лихое дело у Видлицы и Тулоксы".

После завершения Видлицкой операции части Красной армии развернули общее наступление против белофиннов и к началу июля вышли на государственную границу. Также успешно шло освобождение карельских сел на петрозаводско–тулмозер-



Станция Лижма после освобождения от интервентов

ском направлении. В течение июля и первой половины августа войска Междуозерного участка фронта полностью освободили от противника южную Карелию. Не желая обострять отношения с Финляндией, Главком 30 июня дал командованию 7-й армии директиву, согласованную с Реввоенсоветом и членами ЦК партии Г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным, отвечавшим за оборону Петрограда и Карелии, границы Финляндии не переходить[154].

Боевые операции в этом районе, таким образом, не вышли за рамки локального конфликта. Финляндия еще раз убедилась в том, что Российская Федерация не намерена отступать от курса на установление добрососедских отношений со своим соседом.

Пока шли бои в Междуозерье, войска генерала Мейнарда, наступавшие с севера, ценой больших потерь 18 мая заняли Повенец, а 21 мая — станцию Медвежья Гора и вышли на побережье Онежского озера. Здесь они создали военную флотилию и стали угрожать Заонежью и Пудожу.

Наступление интервентов и белогвардейцев в этом районе совпало с крупным крестьянским восстанием в Заонежье. Причиной его послужила мобилизация ряда возрастов на Восточный фронт, объявленная в апреле— мае 1919 г. Волостные военкоматы, используя репрессивные меры, решили отправить мобилизованных на сборные пункты в Повенец и Кяппесельгу. К тому же белых активно поддержали местные кулаки. Среди населения распространялись белогвардейские листовки, велась агитация с призывами переходить на сторону белых. В мае—июне в Римской, Шунгской и Толвуйской волостях вспыхнул мятеж, который охватил почти все Заонежье. Восставшие убили в Шуньге волостного военного комиссара А.П.Коленова и нескольких коммунистов, арестовали работников Толвуйского волисполкома и призвали на помощь белогвардейцев. Регулярных частей Красной армии в Заонежье не было и белым удалось 25 мая занять Шуньгу, а 29 июня — Толвую. Белогвардейцы сформировали 11-й Северный полк, который по приказу генерала Мейнарда начал продвигаться вдоль восточного побережья Онежского озера к Пудожу, заняв Чёлмужи и Пудожгору[155].

В то же время интервенты беспрестанно атаковали позиции красных на мурман-

Группа бойцов Повенецкого партизанского отряда (фото 1930 г.)

ском направлении, пытаясь овладеть Петрозаводском. В конце июня — начале июля части Красной армии оставили станцию Лижма. В августе враг занял станцию Кивач (в 50 км от Петрозаводска). Ослабленные в боях красноармейские части едва сдерживали напор интервентов и белых. Активную поддержку им оказывал партизанский отряд из активистов Повенецкого уезда под командованием М.Г. Романова и В.Т. Гурьева. За мужество и отвагу в боях с интервентами на территории Повенецкого уезда бойцы отряда С.Г. Леонтьев, С.К. Локкин, Е.М. Пашков, П.М. Пашков, С.Н. Савин, Я.Г. Цыкарев были награждены орденами Красного Знамени[156]. Реальная опасность Петрозаводску стала ослабевать, когда советское командование после разгрома Олонецкой добровольческой армии начало переброску сил из Междуозерного района на железнодорожный участок. В начале августа 50–й полк в районе Кавгоры, а 2–й полк в районе Уницы перешли в наступление и остановили врага в районе станции Кяппесельга, деревень Койкары—Уссуна—Сямозеро.

Хуже обстояли дела в Заонежье и на Пудожском участке. В Заонежье с мая атаки белых отбивал отряд особого назначения под командой М.С. Антонова, состоявший из петрозаводских и вытегорских коммунистов. В отряде, насчитывавшем до 200 бойцов, сражались ответственные работники губернии — члены Олонецкого губкома РКП(б) Я.Ф. Игошкин, П.В. Кулагин, члены Олонецкого губисполкома А.М. Калинин, М.К. Смоликов, председатель губчека О.К. Кантер и другие. Отряд начал операции 27 мая в районе Толвуи при поддержке кораблей Онежской флотилии. 31 мая была занята д. Шунгский Бор, Антонов пытался выйти на соединение с регулярными частями Красной армии, действовавшими под Лижмой и Уницей. Но противник подтянул подкрепления и отряду Антонова пришлось занять оборону. В течение всего лета в Заонежье шли упорные позиционные бои, в ходе которых силы красных таяли и им пришлось в конце концов оставить Заонежский полуостров. Основная причина неудач заключалась в том, что отряд Антонова не нашел поддержки среди местного населения. Поголовными реквизициями скота, продовольствия, имущества, не считаясь с семейным положением, отряд восстановил против себя большинство крестьян. Ввиду полнейшего хаоса и грубого произвола они сознательно бежали к белым[157]. В сентябре белогвардейцы высадили десант и овладели

Климецким островом, а на Мегострове, закрывавшем вход в Повенецкий залив, установили батареи. В Великой Губе они создали промежуточную базу для своей военной флотилии.

Тяжелая обстановка складывалась и на Пудожском участке, где белогвардейцы вели наступление вдоль побережья Онежского озера и просачивались в район Водлозера. Для отражения врага в спешном порядке был сформирован отряд из рабочих Онежского завода и служащих в количестве 195 человек под командованием члена губисполкома Н.Н. Дорофеева. 19 мая отряд высадился в устье р. Водлы и повел наступление на Купецкое—Пудожгору. К концу мая онежцы освободили деревни Римское, Пудожгору и подошли к Чёлмужам, где встретили отчаянное сопротивление белогвардейцев. Отряд потерял 29 человек, в боях погибли коммунисты К.Н. Боровский, И.И. Васильев, П.И. Одинцов, А.Т. Суханов. Н. Дорофеев получил тяжелое ранение. В конце июля онежцев сменила пудожская караульная рота под командованием уездного военкома Ф.С. Колотихина. На некоторое время противника удалось задержать. Но в июле белогвардейцы при поддержке судов своей флотилии захватили село Пудожгору, а в августе — село Римское, затем глубоко вклинились в советскую оборону и вышли почти к устью р. Водлы. В результате возникла опасность захвата белыми Пудожа и дальнейшего продвижения к Вытегре. В конце сентября в помощь местным формированиям прибыл 9-й стрелковый полк (бывший 41-й Уросозерский) под командованием И.Д. Спиридонова.

В ходе летней кампании советские войска проявили геройство и отвагу, приобрели боевой опыт и показали стойкость в защите родины. Многие бойцы и командиры, отличившиеся в боях, получили поощрения и награды. Орденом Красного Знамени были награждены командиры стрелковых частей М.П. Гусаров, Е.Н. Линовский, С.А. Завьялов, А.Н. Ефремов, А.И. Севастьянов, Н.П. Сливов, командующий Онежской флотилией Э.С. Панцержанский, начальник штаба флотилии Г.А. Степанов, командиры судов С.П. Алфеев, А.Е. Коваленко и другие[158].

Летнее наступление англо-франко-американских войск и белогвардейцев на Северном фронте явилось последней попыткой углубиться в центральную Россию. С весны 1919 г. в белогвардейских войсках росло дезертирство, множились факты открытого сопротивления и перехода на сторону красных. Солдат 2-го Северного полка В. Ушаков 28 июня писал родителям: "Хотим все сдаться, так как у нас в ротах все большевики". Как только представилась возможность, батальон этого полка перешел на сторону красных на Мурманском участке в районе Викши и Михеевой Сельги. Наиболее значительным было восстание 21 июля в 5-м Северном полку на Онежском участке фронта, в ходе которого на сторону Красной армии перешло около 4 тыс. солдат, открыв путь на Онегу. Командующий белогвардейскими войсками на Севере генерал В.В. Марушевский назвал восстание катастрофой, которая поразила остатки его надежд "на возможность сопротивления после ухода союзников"[159]. Командующий войсками союзников генерал У. Айронсайд 22 июля телеграфировал британскому военному министерству: "Состояние русских войск таково, что все мои усилия по укреплению русской национальной армии обречены на неудачу"[160]. Руководство держав Согласия убедилось, наконец, в бесперспективности военной интервенции на Севере России и приняло решение об эвакуации своих войск. Эта мера вызывалась также широким недовольством трудящихся западных стран, развернувших движение под лозунгом "Руки прочь от Советской России". В сентябре 1919 г. начался уход союзников с европейского Севера.

В это время за линией фронта на мурманском направлении ширилось движение

сопротивления интервентам и белогвардейцам. Люди не мирились с режимом насилия и террора. В поморских селах, на железнодорожных станциях, в белогвардейских частях активисты вели среди населения разъяснительную работу, распространяли листовки, призывали рабочих и крестьян на борьбу за освобождение. За выражение приверженности к советской власти и пропаганду своих взглядов белые немедленно сажали в тюрьму и даже расстреливали. За короткий срок хозяйничания на занятой территории Карелии интервенты и белогвардейцы уничтожили сотни людей[161]. Однако это не могло остановить сопротивления белому режиму.

По данным белой агентуры, в Ковде "рабочие враждебно относятся к настоящей власти и ждут момента захвата власти в свои руки", в д. Летняя Река "даже в настоящее время есть ярые большевики, которые вовсе не признают никакого правительства и публично высказываются, что вот уже будет время, когда большевики победят и придут сюда, то мы перевернем все по–своему", в Кеми и на Поповом Острове идет подготовка к выступлению против англичан. Беженцы из–за линии фронта единодушно утверждали: "Все ждут с нетерпением, когда придет конец царству жандармов. И смеем вас уверить, что испытавшие белогвардейскую власть, лучше всякой пропаганды знают, какая власть лучше"[162]. Крестьяне и рабочие отказывались выполнять повинности и платить налоги. Железнодорожники срывали движение поездов, портили путевое хозяйство, выводили из строя паровозы и вагоны.

Усиление освободительного движения в северокарельских волостях. Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере

В борьбе с большевиками интервенты и белые стремились заручиться поддержкой населения северной Карелии. Они пытались играть на национальных чувствах карелов, оказывали давление, угрожая прекратить поставки хлеба. Со своей стороны Финляндия добивалась присоединения северокарельских волостей к своей территории. На заключительном этапе гражданской войны оккупированная часть Карелии стала предметом торга между Финляндией и Северной областью.

Карельское население твердо отстаивало право на самостоятельность и самоопределение. Когда в северокарельских волостях стало известно о поездке генерала Марушевского через Ребольскую волость в Хельсинки и планах белогвардейского правительства по вовлечению карелов в войну на стороне белых, там усилилась тенденция сопротивления белым. Эти настроения поддержало финляндское руководство, рассчитывавшее удовлетворить свои территориальные притязания. Стремясь привлечь на свою сторону местное население, Финляндия начала поставлять продовольствие в северокарельские волости, сняв тем самым зависимость карелов от белой администрации Мурманского края. Местные лидеры почувствовали свою независимость от Северного правительства и возможность противостоять его нажиму.

21 июля в Ухте собрался национальный комитет во главе с Г. Лежеевым, избранный в марте на кемском съезде. В его работе участвовали представители Вокнаволокской, Кестеньгской, Контокской, Ухтинской и Тихтозерской волостей. Собравшиеся образовали Временное правительство Архангельской Карелии (Тоймикунта). Председателем его стал С.А. Тихонов (Антти Виерма)[163]. Правительство заявило о стремлении к самоопределению карельского населения, живущего к западу от Мурманской железной дороги. Решение карелов встретило резкий протест правительства Северной области, которое направило в карельские волости карательную экспедицию во

главе с бароном Э.П. Тизенгаузеном. Каратели были разоружены отрядами самообороны в Кестеньгской волости, а Тизенгаузен арестован. С тех пор белогвардейские карательные отряды не смели появляться в северокарельских волостях, а Тоймикунта развернула подготовку к проведению съезда карелов, назначенному на начало 1920 г.

Осенью 1919 г. интервенты и белогвардейцы предприняли совместное наступление на архангельском, северодвинском и мурманском направлениях с целью прикрытия эвакуации союзных войск и укрепления занимаемых белыми позиций. В то время архангельская группировка союзников и белых располагала 32 тыс. солдат и офицеров, а мурманская — 14 тыс. Наши силы на Северном фронте, включая мурманское направление, имели всего 22,7 тыс. бойцов[164]. Наступление противника в полосе Мурманской железной дороги началось по приказу Мейнарда 14 сентября. Интервенты применили химические отравляющие вещества и на время захватили станцию Лижму, оттеснив красноармейцев к станции Кивач и озеру Сандал. Но командир 1-й дивизии И.Е. Борзаковский принял ответные меры: в середине сентября советский десант при поддержке Онежской флотилии полностью очистил Климецкий остров, а 25 сентября флотилия высадила в северной части Лижемской губы Онежского озера батальон 3-го полка под командованием Е.Н. Линовского. Десантникам удалось вернуть станцию Лижму. Для развития операции 27 сентября сюда прибыли подкрепления 6-го финского полка во главе с Э.Г. Матсоном и отряд петрозаводчан под командованием Г.В. Зуева. В результате Лижемской операции интервенты и белогвардейцы в районе станции Кивач оказались отрезанными от своих баз[165]. Красноармейцы отбросили белых на исходные позиции к Кяппесельге. Видя безнадежность положения, интервенты начали отвод своих войск в Мурманск. 8 октября туда прибыл последний железнодорожный состав с сербскими солдатами. 12 октября англичане и сербы покинули Мурманск. Военная интервенция на Севере завершилась. По данным военного ведомства Великобритании с июня 1919 г. было эвакуировано из Северной области 42,2 тыс. военнослужащих, включая солдат Мурманского финского легиона. Сотни англичан, американцев, французов, сербов, итальянцев погибли на русской земле[166].

Оставшись без поддержки иностранных войск, белогвардейцы оказались в сложном положении, поскольку не имели сил для серьезного сопротивления Красной армии. Продвижение красных в зоне железной дороги сопровождалось активными действиями и на других участках фронта. 9 октября Онежская флотилия высадила десант в составе двух батальонов 6-го финского полка в районе Кузаранды в Заонежье. В течение недели десант освободил большую часть полуострова, включая Шуньгу и Великую Губу. 11 октября, подавив батареи противника, десантники освободили остров Мег. На Пудожском участке перешел в наступление 9-й стрелковый полк и с 12 по 25 октября очистил от белых все восточное побережье Онежского озера и район Водлозера. Ему активно помогали моряки Онежской флотилии и отряды партизан из местного населения. 12 октября десант моряков флотилии захватил д. Челмужи, 17 октября высадился десант в д. Оровгуба (близ Повенца) и занял д. Габсельгу[167].

На освобожденной территории восстанавливалась советская власть. Однако белые переходили к бандитизму, терроризировали местное население, совершали вылазки и убивали активистов. Как только красные войска ушли из района Водлозера, туда нагрянули белобандиты. Они убили волостного военкома С.Н. Этерлея, до революции отбывавшего ссылку в Пудожском уезде, и увезли с собой председателя волисполкома В.Ф. Ермилина, которого расстреляли за д. Лузой[168]. Подобные акции совершались и в других местах.

В конце октября — начале ноября 6-й и 9-й стрелковые полки при поддержке

кораблей Онежской флотилии завязали бои за овладение Повенцом и Медвежьей Горой, которые окончились неудачей. Командование не располагало точными данными о противнике и недооценило его силы и возможности. К тому же боевые операции проходили в необычайно трудных условиях поздней осени, наступивших заморозков, снежной пурги и штормов. Командование вынуждено было в ноябре вывести 6–й финский полк в Петрозаводск. 9–й стрелковый полк в декабре отошел на свои позиции в район Чёлмужей.

Несмотря на эту частную неудачу советских войск положение белогвардейских частей становилось все более безнадежным. Северное правительство металось в поисках спасения. В конце 1919 г. оно начало переговоры с Финляндией в надежде заключить с ней военный союз против большевиков. Главным препятствием на пути к согласию по–прежнему оставался отказ руководителей белого движения признать независимость Финляндии и разрешить карельский вопрос. Доверенные лица белых в Финляндии сообщали Е.К. Миллеру, что соглашение с финнами возможно только на основе удовлетворения их требований[169].

В декабре 1919 г. состоялись переговоры о сотрудничестве между начальником штаба войск Мурманского района полковником М.Н. Архиповым и начальником генерального штаба финской армии генералом Энкелем, а также министром иностранных дел Холсти. Речь шла о пропуске остатков войск Юденича в Северную область. Стороны не пришли к согласию. Правительство Финляндии не разрешило переход русских военнослужащих на белый Север через свою территорию и отказалось от совместного выступления с белогвардейцами против большевиков в Карелии. Однако белогвардейское правительство Северной области поручило русскому военному агенту в Финляндии К. Гулькевичу продолжить переговоры с находившимся там главой Олонецкого правительства Г. Куттиевым, который в декабре 1919 г. выразил согласие сотрудничать с белыми властями.

В конце января 1920 г. на переговоры в Финляндию отбыл специальный уполномоченный Северного правительства генерал Е.Ю. Бем с наказом добиваться образования в 1920 г. единого антибольшевистского фронта от Черного моря до Крайнего Севера. Бем должен был склонить Финляндию к проведению совместных военных акций против большевиков вдоль границы, найти благоприятное для Северной области решение карельского вопроса, достичь согласия на свободный проезд через Финляндию в Северную область частей армии Юденича и добровольцев. В качестве компенсации белогвардейское правительство пообещало продолжение борьбы на Мурманском фронте, предоставление самоуправления Карелии под протекторатом Финляндии[170]. Пока Северное правительство вырабатывало условия белогвардейско–финляндского соглашения, финны перешли границу и 9 февраля 1920 г. заняли Печенгу. Разгром северной контрреволюции прервал переговоры Бема с финскими представителями.

Одновременно Миллер поручил генералу Н. Клюеву начать переговоры с карельскими сепаратистами, прежде всего с ухтинским правительством. Речь шла о статусе Архангельской Карелии. Карелы открыто выразили недоверие белым властям, настаивали на предоставлении им самостоятельности. Обстановка заставляла белых быть более сговорчивыми, и Клюев пообещал ухтинскому правительству предоставить карельским волостям автономию, дать Карелии выход к Белому морю и океану, финансировать строительство дорог и железнодорожного пути через карельские волости к Мурманской железной дороге, обеспечить завоз хлеба в кредит и т.п. Он заверил, что Северное правительство будет приветствовать соглашение автономной Карелии

Тела расстрелянных интервентами советских граждан

с Финляндией[171]. Опасаясь очередного обмана со стороны белогвардейцев, ухтинское правительство потребовало немедленно вывести белые войска с территории к западу от Мурманской железной дороги с оставлением лишь небольшой железнодорожной охраны, а также не чинить препятствий объединению Карелии и предоставить ей право пользоваться Мурманской железной дорогой.

Пока шли эти переговоры, удары, наносимые Красной армией, окончательно похоронили планы контрреволюции. Поражение белых на главных фронтах и распад военного союза со странами Антанты предопределили крушение белого режима в северном регионе. В начале 1920 г. он переживал агонию. Попытки укрепить военную диктатуру Миллера, навести порядок в тылу, сомкнуть разваливающийся фронт и тыл не принесли желанных результатов. Недовольство и брожение в тылу и на фронте с каждым днем усиливалось. Резко осложнилась проблема снабжения населения и войск из–за рубежа. Если в начале интервенции поставки продовольствия и оружия осуществлялись в счет государственного долга России или краткосрочных кредитов, то с осени 1919 г. положение изменилось. Союзники требовали рассчитываться сырьем или валютой. Проводимая белыми властями политика "затягивания поясов", расширения принуждения и репрессий вызывала растущее недовольство широких слоев населения.

В этих условиях большевистская пропаганда на фронте и в тылу, направленная на прекращение Гражданской войны, находила все больше сторонников восстановления советской власти. Кризис правящего на Севере режима, критикуемого справа и слева, достиг своего пика в феврале 1920 г., когда уполномоченный верховным правителем Колчаком на роль главнокомандующего и главного начальника Северного

края генерал Миллер не смог создать дееспособного правительства. 18 февраля это попыталась сделать группа профсоюзных деятелей Архангельска. Генерал Миллер со своим штабом и ближайшим окружением 19 февраля погрузились на ледокол "Козьма Минин" и отбыли за границу, а уже 20 февраля на плечах разгромленных белогвардейцев в Архангельск вошли части Красной армии. На следующий день восставшие солдаты и рабочие Мурманска взяли власть в свои руки, арестовали помощника генерал–губернатора В.В. Ермолова и начали продвигаться на юг.

23 февраля 1920 г. 1–я стрелковая дивизия (командир И.Е. Борзаковский, политкомиссар М. Пеньков) перешла в наступление в полосе железной дороги и на восточном берегу Онежского озера. Деморализованные войска белых уже не оказывали сопротивления, а расходились по домам. 24 февраля была освобождена станция Кяппесельга, на следующий день — Медвежья Гора. В тылу белых, в Сороке и на станции Сегежа, рабочие подняли восстание и перекрыли пути отступления белых. В Сороке они арестовали значительную группу отступавших из Архангельска и Онеги белогвардейцев. 29 февраля части Красной армии вступили в Сороку, а через несколько дней соединились с отрядом мурманских рабочих, наступавших с севера. Многие белогвардейские части сдавались советским войскам или дезертировали. 23 февраля находившиеся в Повенце мобилизованные белыми крестьяне восстали и создали ревком. Через несколько дней на пудожском участке перешел на сторону красных 11–й белогвардейский полк. В начале марта советские войска вытеснили белофинские части из района Печенги (Петсамо). Мурманская группировка противника, полтора года угрожавшая выходом к Петрозаводску и Петрограду, прекратила сопротивление. Остатки разгромленных частей белых отступали в сторону советско–финляндской границы. Всего с мурманского и архангельского направлений ушло в Финляндию 377 офицеров и около 500 солдат.

Только приграничные волости Карелии оставались еще в руках белофиннов и местных отрядов самообороны ухтинского правительства, которое добивалось своего признания в качестве правительства суверенного государства. Чтобы придать видимость легитимности существования "Ухтинской республики", это правительство провело 21—29 марта 1920 г. в Ухте съезд делегатов от 9 волостей, находившихся под его властью. В работе съезда участвовали также представители Кемского уездного совета И.П. Сонников и Михайлов, которые просили собравшихся принять решение о создании на местах советов, но им ответили, что "Карелия снабжается продовольствием самостоятельно и ничего от Советской России не получает, а поэтому и советы Карелии не нужны". В постановлении съезда заявлялось, что "Карелия сама должна править своими делами". Съезд настаивал на выводе советских войск с карельской земли, чтобы "карельский народ мог свободным голосованием определить образ правления и государственный строй Карелии"[172].

Непопулярный среди населения лозунг присоединения Карелии к Финляндии был снят, как и требование вхождения в состав Российской Федерации. Устроители съезда хотели заручиться хотя бы видимостью согласия карелов на образование некоей "самостоятельной Карелии" под лозунгом "Карелия — для карелов". Съезд претендовал на выражение воли всего карельского народа (хотя представлял менее трети всех карельских волостей). Главной целью устроителей съезда на самом деле было принятие решения об отделении Карелии от Советской России, чтобы затем, пользуясь этим постановлением, прибегнуть к помощи Финляндии и других европейских стран. 27 марта съезд "от имени всего карельского народа" заявил о желании "завоевать себе самостоятельное существование, взять судьбу карельского народа в свои руки".

Временное Ухтинское правительство было переименовано в Карельское временное правительство, что свидетельствовало о его претензии объявить себя правительством всей Карелии. Съезд вынес ряд постановлений, касающихся местного самоуправления, развития экономики и культуры, отношения к церкви. В частности, по земельному вопросу была принята программа Карельского просветительного общества, обнародованная еще в 1917 г., согласно которой половина всей земли передавалась для распределения между крестьянами, а вторая половина — в ведение волостных самоуправлений и карельского правительства. Финляндия сразу же выразила полную поддержку этому правительству.

Еще накануне Советское правительство предложило Финляндии начать переговоры об установлении мирных и добрососедских отношений между двумя странами. Но 18 марта 1920 г. правительство Финляндии выдвинуло неприемлемые для Советской России условия, не позволившие это сделать. Финны требовали признать юридическое право Финляндии на Поросозерскую и Ребольскую волости, район Печенги, ранее оккупированные финскими войсками, а также не вводить советские войска в приходы "Олонецкой и Архангельской губерний, расположенные на запад от Мурманской железной дороги, где население финляндского происхождения". В ответной ноте от 19 марта нарком иностранных дел Г.В. Чичерин заявил, что "западная часть Архангельской и Олонецкой губерний не имеет никакого отношения к финляндскому правительству", а Финляндия не вправе вмешиваться в дела Карелии. По настоятельной просьбе советского руководства в середине апреля 1920 г. в Раяйоки все же удалось начать советско-финляндские переговоры о перемирии. Финляндия по-прежнему выдвигала неприемлемые для Советской России требования. В связи с этим советское правительство сочло необходимым заявить: "Опыт переговоров в Раяйоки ясно доказал, что лишь при заключении мирного договора разногласия между Россией и Финляндией можно будет устранить и установить между обоими государствами длительное согласие"[173]. Москва предложила Хельсинки начать переговоры о заключении мирного договора.

В это время карелы ряда деревень (Каменное Озеро, Войница и др.) создали партизанские отряды под командованием Г.Х. Богданова, Г.И. Лежеева и начали сами освобождать приграничные волости от отрядов самообороны Ухтинского правительства[174]. Советское командование решило оказать им помощь и тем ускорить освобождение северо-западной Карелии. Прибывший из Олонца в Кемь 6-й финский полк с 25 апреля 1920 г. стал вытеснять белофиннов из карельских волостей. Для проведения политико-просветительной деятельности в этом регионе было создано специальное агитационное Карело-Мурманское бюро РКП(б) во главе с финном Я.Т. Мяки. Продвижение красноармейцев шло успешно, 18 мая они достигли Ухты. Временное правительство бежало в Вокнаволок, а затем в Хельсинки, где объединилось с Олонецким правительством. Еще до прихода красноармейцев в Ухту местные жители на многолюдном собрании, состоявшемся 10 мая 1920 г., постановили: "Выносим свое порицание и проклятие всем угнетателям рабочего класса и их клеврету — временному правительству, которое довело Ухтинскую волость до разрухи и голода. Также обещаем всецело поддерживать наше правительство трудящихся. Да здравствует пролетарская Карелия!"[175]

22 мая в Ухте был образован ревком под председательством И.П. Сонникова, который приступил к организации советской власти. С помощью партизан 6-й финский полк к августу 1920 г. освободил все пограничные волости, кроме Поросозерской и Ребольской (возвращены России по Тартускому договору 1920 г.).

Так завершился двухлетний период иностранной интервенции и гражданской войны в Карелии. Без вооруженного вмешательства извне противостояние в этом регионе вряд ли вылилось бы в форму гражданской войны. Избранный в 1917 г. советский путь развития поддерживался широкими слоями местного населения. К сожалению, Карелия оказалась в центре противоборства воюющих коалиций и отдельных стран. Державы Антанты стремились вернуть Россию в мировую войну, использовать северные морские порты как плацдармы для восстановления Восточного фронта, а Германия при поддержке Финляндии имела целью парализовать действия союзников. Большевистское руководство неофициально одобрило участие бывших союзников в обороне Мурманска и Карелии в связи с угрозой немецко–финского вторжения, стремясь к взаимной нейтрализации борющихся группировок в этом регионе. Расширение англо–франко–американского присутствия на Мурмане создало прецедент для военного вмешательства в русские дела "по приглашению" или "с согласия" местных советов и правительства, а переход союзников к боевым действиям стал началом крупномасштабного поворота в политике, имевшей в основе антисоветскую направленность.

Иностранная интервенция спровоцировала переход антисоветских сил в Карелии в наступление. Однако, встав на сторону иностранных захватчиков, противники советской власти лишились широкой социальной опоры в массах. В этих условиях большевики выступили единственной мобилизующей силой в борьбе за власть трудового народа и в защиту отечества. Народ сплачивался под знамена большевиков и отказывал в доверии их противникам, установившим на захваченной территории кровавый антинародный режим. Население видело в лице англо–франко–американских интервентов, белофиннов, белогвардейцев своих врагов, не верило им и поднималось на борьбу с ними. В условиях военного противоборства великих держав маленький карельский народ пытался выжить и сохранить свою самобытность, применяя тактику нейтралитета, компромиссов, уступок, поддерживая порой противостоящие стороны, пока подавляющее большинство карелов не осознало, что их судьба в конечном итоге зависит от России, что только в союзе и дружбе с русским народом они смогут сохранить национальные традиции и добиться государственного самоуправления. Путь к пониманию этой истины оказался нелегким и непростым. Карелам пришлось испытать трагедию Гражданской войны, прежде чем родилась Карельская автономия.

6. ОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Проходивший в январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов принял "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа" и одобрил федеративный принцип государственного устройства страны. Россия объявлялась Российской Федеративной Социалистической Республикой.

После революции 1917 г. во взаимоотношениях народов бывшей Российской империи складывалось два основных типа федеративных связей: договорная федерация независимых советских республик и федерация, построенная на автономии и вхождении в РСФСР. На территории Российской Федерации стали появляться разные формы автономии. В октябре 1918 г. возникла Трудовая коммуна немцев Поволжья, весной 1919 г. — Башкирская автономная республика. В 1920—1921 гг. постановлениями ВЦИК были созданы Чувашская, Вотская (Удмуртская), Марийская, Кабар-

И. А. Никитин

П. И. Кунжин

Ф. И. Егоров

динская, Калмыцкая, Коми автономные области; Татарская, Дагестанская, Горская, Крымская автономные республики.

С освобождением территории Карелии от иностранных интервентов и белогвардейцев встал вопрос и о национальном самоопределении карелов, о путях национального строительства в крае. По данному вопросу выявились разные точки зрения: олонецкие карелы не мыслили своей жизни вне России, тогда как на крестьянских сходах ухтинских карелов подчас высказывались пожелания о присоединении к Финляндии либо о создании своего независимого государственного образования[176].

Состоявшийся 21—29 марта 1920 г. в с. Ухте съезд представителей северных карельских волостей избрал делегацию для ведения переговоров с Советским правительством[177]. В апреле 1920 г. делегация выехала через Хельсинки на пограничную станцию Раяйоки, где в это время шли переговоры о перемирии между Финляндией и РСФСР и вручила советской делегации решения ухтинского съезда.

Опубликованная в печати информация о данных событиях вызвала негативную реакцию среди населения южной Карелии. Создание самопровозглашенной "Ухтинской республики" и демарш ее представителей на российско-финляндских переговорах здесь воспринимались как шаги на пути к образованию "буферного" карельского государства, которое впоследствии должно войти в состав Финляндии. И действительно, правящие круги Финляндии в своей карельской политике делали тогда ставку на такой вариант развития событий, о чем финский премьер-министр Р. Эрих откровенно говорил послу Великобритании во время доверительной беседы 3 мая 1920 г.[178]

В конце апреля—начале мая в волостях Олонецкого уезда прошли крестьянские собрания и сходы, участники которых выразили протест против действий Ухтинского правительства. Так, в резолюции общего собрания крестьян Верхневидлицкого и Княщинского сельских обществ Видлицкой волости говорилось: "Мы, граждане, проживающие близ финляндской границы, озабочены тем, что в связи с переговорами о мире Финляндия требует в своем предложении освобождения Карелии и присоединения к Финляндии. Мы... категорически заявляем, что не хотим присоединиться к Финляндии и обращаемся с просьбой, то есть со своим вопросом к центральной власти, чтобы она глубже смотрела бы на свободную Карелию"[179].

Олонецкий уездный исполнительный комитет 28 апреля 1920 г. принял специальное постановление, в котором выдвинул идею созыва съезда представителей трудящихся карелов для выявления их подлинного волеизъявления по вопросу национального самоопределения. Для подготовки съезда было избрано оргбюро в следующем составе: председатель уездисполкома, бывший учитель И.А. Никитин (председатель оргбюро), руководитель уездной продовольственной коллегии П.И. Кунжин (секретарь), уездный военком Ф.И. Егоров. По просьбе Олонецкого уездисполкома губернский исполком 27 мая постановил созвать Всекарельский съезд трудящихся карелов 1 июля 1920 г. в Петрозаводске.

Одновременно Олонецким уездисполкомом было принято обращение в Наркомат иностранных дел РСФСР, в котором на основании протестов, поступающих с мест, выражалось "решительное осуждение дерзости людей, имеющих смелость говорить от имени всей Карелии, в то время как сорокатысячное население карел Олонецкого уезда не принимало никакого участия в упомянутом съезде и стоит на противоположной точке зрения". Олонецкий уездисполком подтвердил постановления всех уездных съездов советов и крестьянских сходов, подлинники которых (38 документов) еще в ноябре 1918 г. были посланы им в Наркомат иностранных дел, а также вновь заявил от имени населения края, что оно никогда не примирится с "решением, откуда бы оно ни исходило, о передаче Карелии к Финляндии" и будет "реагировать имеющимися силами и средствами"[180].

Советское правительство на мирных переговорах с Финляндией в Раяйоки отказалось признать временное Карельское (Ухтинское) правительство, склоняясь к решению о создании автономии Карелии в составе России с возможным участием финляндских коммунистов–эмигрантов, покинувших свою страну в результате поражения революции 1918 г.

Еще осенью 1919 г. один из видных деятелей компартии Финляндии Э.А. Гюллинг, находившийся тогда в Швеции, направил в Москву подготовленное им "Предложение о Карельской коммуне". Суть "Предложения" сводилась к тому, чтобы посредством образования Карельской коммуны на пространстве от р. Свири до Северного Ледовитого океана решить три проблемы: удовлетворить национальные интересы карельского населения, лишить Финляндию оснований претендовать на Восточную Карелию и создать плацдарм для подготовки революции в Финляндии и Скандинавских странах. В соответствии с этими "Предложениями" Карельская коммуна должна была стать своего рода социалистической альтернативой буржуазному финляндскому государству[181]. В середине мая 1920 г. в Кремле состоялась беседа В.И. Ленина с Э.А. Гюллингом и другим финским коммунистом эмигрантом, бывшим членом Финляндского революционного правительства Ю.К. Сирола "по делам о создании Карельской автономной республики". Гюллинг предложил предоставить экономическую и вообще относительно широкую автономию Карелии и заручился поддержкой В.И. Ленина[182].

Вопрос о национально–государственном устройстве Карелии весной 1920 г. неоднократно рассматривался руководством РСФСР. В конце марта — начале апреля глава Советского правительства В.И. Ленин беседовал об этом с делегатами IX съезда РКП(б) от Олонецкой губернской партийной организации[183].

18 мая Политбюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос о Карелии, решило "признать в принципе желательным организацию Карельской Коммуны", поручив провести это в жизнь специальной комиссии, в состав которой вошли представители наркоматов внутренних и иностранных дел РСФСР М.Ф. Владимирский и Л.М. Карахан, а также

представители финских коммунистических организаций и Трудовой Коммуны немцев Поволжья. Им поручалось подготовить проект постановления ВЦИК об образовании Карельской Трудовой Коммуны. 1 июня 1920 г. Политбюро с участием В.И. Ленина обсудило представленный комиссией проект декрета об образовании КТК и предложило внести его на утверждение ВЦИК.

8 июня 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление об образовании в составе РСФСР Карельской Трудовой Коммуны, что и явилось началом национальной государственности края. В тот же день газета "Известия" опубликовала данный декрет ВЦИК за подписью его председателя М.И. Калинина и секретаря А.С. Енукидзе, где провозглашалось: "В целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке ст. 11 Конституции РСФСР областное объединение — Карельскую Трудовую Коммуну.

2. Поручить Карельскому Комитету приступить немедленно к подготовке съезда Советов Карельской Трудовой Коммуны, который определит организацию органов власти в Карельской Трудовой Коммуне"[184].

На основании декрета ВЦИК создавался Карельский революционный комитет как временный высший орган государственной власти Карельской Трудовой Коммуны, которому предоставлялись права губернского исполнительного комитета и поручалось проведение подготовительной работы по созыву областного съезда и избранию постоянных органов власти КТК. В состав комитета вошли Э.А. Гюллинг (председатель), Я.Т. Мяки и В.М. Куджиев.

В начале июня Э. Гюллинг с группой экспертов из числа финских коммунистов выехал в Карелию. В Петрозаводске к ним присоединился В. М. Куджиев, и уже в полном составе ревком добрался до Кеми, предполагаемой столицы КТК.

Как вспоминал В.М. Куджиев, "руководящие работники Олонецкого губисполкома советовали Карельскому ревкому избрать административным центром Кемь. Свои соображения они мотивировали тем, что Петрозаводск — исконно русский город и нецелесообразно включать его в новую нерусскую область, что к Кеми прилегает большое количество карельских волостей, откуда будет ближе управлять ими"[185]. Однако члены ревкома в конечном счете пришли к выводу, что более подходящим для размещения правительственных учреждений является город Петрозаводск, удачно расположенный и промышленно развитый. Таким образом Петрозаводск, оставаясь центром еще не упраздненной Олонецкой губернии, стал одновременно центром КТК.

Между тем в Карелии продолжалась подготовка к созыву съезда представителей трудящихся карелов. 2 июня 1920 г. организационное бюро при Олонецком уездном исполкоме направило во все уезды с карельским населением телеграмму с просьбой принять участие в съезде для того, чтобы выяснить их мнение "в связи с притязаниями Финляндии на территорию карелов", а также для противодействия "сепаратным действиям" карельских беженцев в Финляндии, говорящих от имени карелов. Всем уездным исполкомам предлагалось провести выборы делегатов на съезд по норме представительства: 1 делегат от 500 человек. К открывающемуся 1 июля в Петрозаводске съезду делегаты должны были доставить протоколы собраний, указывающих на отношение населения к Финляндии, к России и к вопросу о независимости Карелии[186]. Карельский ревком, приступив к работе в середине июня 1920 г., поддержал решение

Кинотеатр "Триумф" в Петрозаводске. Здесь проходили Всекарельский съезд представителей трудящихся карелов и I Всекарельский съезд Советов

Олонецкого уездного исполкома о созыве съезда трудящихся карелов "как подготовительного" к предстоящему в дальнейшем Всекарельскому съезду Советов. Он предложил организационному бюро по созыву съезда и уездным исполкомам продолжать выборы делегатов и подготовку к съезду.

Съезд проходил в Петрозаводске 1—3 июля 1920 г. в здании кинотеатра "Триумф". На него съехались 142 делегата от 24 карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний, в их числе были и делегаты от только что занятых частями Красной армии волостей Кемского уезда, за исключением пограничных Олангской, Тихтозерской и Вокнаволокской, на территории которых только что закончились военные действия. Не смогли присутствовать на съезде и представители от оккупированных финнами Поросозерской и Ребольской волостей. Делегаты съезда, представлявшие 105 тыс. карелов, заслушали доклады организационного бюро по созыву съезда, Карельского ревкома об образовании КТК, ее структуре и задачах, наказы с мест и доклады представителей волостей об отношении трудящихся карелов к буржуазной Финляндии, Советской России и КТК, доклады о международном положении и по карельскому вопросу[187].

В постановлениях и наказах крестьянских собраний и сходов, привезенных представителями из сел и деревень Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов, содержалось требование сохранить Карелию в составе Советской России. Так, в наказе делегату от Повенецкого уезда И.А. Карпову говорилось: "Выразить протест против притязаний буржуазной Финляндии о присоединении Карелии к Финляндии, а выделение Карелии в особую административную единицу (трудовую коммуну) признать нецелесообразным и нежелательным". Нецелесообразной считали "организацию особой карельской областной единицы" и делегаты прошедшего в конце июня IV Повенецкого уездного съезда Советов, исходившие из того, что "национальные границы Карелии не сходятся с границами экономического тяготения", а "бытовые условия жизни карелов не расходятся с бытовыми условиями русского населения ближайших местностей". Граждане д. Ондозеро Ругозерской волости

высказали пожелание "выделения в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику".

Наказ делегатов от Ведлозерской волости Олонецкого уезда провозглашал "нераздельное братское объединение и тесную связь трудового населения Карелии с Советской Россией", составляющих "одно целое". Граждане Куйтежского сельского общества заверяли собравшихся на съезд в том, что "трудовое карельское население войдет как самостоятельная единица в общую семью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики" и приветствовали образование КТК. За создание коммуны высказались участники общего собрания жителей г. Олонца и красноармейцев местной караульной роты.

В постановлении съезда советов Тулмозерской волости, принятом 27 июня 1920 г., шла речь о том, что ее жители не желают присоединяться к Финляндии и вместе с тем было записано: "Не хотим также и автономии, а хотим быть неотъемлемой частью Советской России и работать рука об руку с ней..."

Участники съезда, представлявшие северных карелов, подтвердили, что Беломорская Карелия останется в составе России, но при условии предоставления ей автономии. Неоднократно звучали заявления, что население Кемского уезда устало и хочет, чтобы его оставили в покое.

Помнившие о прежних, весьма болезненных для крестьянской среды мобилизациях на фронт, жители с. Панозеро выражали просьбу, чтобы "в случае мобилизации в Красную армию" призванных не отправляли далеко, а оставляли служить в Карелии. О том же говорилось и в наказе общего собрания граждан с. Юшкозеро: "В случае же надобности держать армию желательно было бы, чтобы карелы стояли в пределах Карелии". Не случайно именно в конце июня 1920 г. органам советского управления в Александровском уезде Архангельской губернии поступило предписание наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина. Нарком обращал внимание уездных органов власти на необходимость учитывать то обстоятельство, что Карелия является одним из объектов начавшихся 10 июня российско–финляндских переговоров в эстонском городе Юрьеве (Тарту): "Мы отводим вопрос о Карелии, считая, что вопрос внутренно русский", "поэтому представляется нежелательным сейчас подымать в Карелии страсти", а следовательно, "не надо трогать карел" и распространять на них принудительную мобилизацию в Красную армию, ограничившись привлечением их к трудовой повинности, "благо они согласны ее нести"[188].

Большинство делегатов Всекарельского съезда не имели опыта практической государственной работы. Недавние подданные Российской империи, ставшие гражданами Советской России, впервые получили возможность решать судьбы своего народа. Некоторые из участников съезда разделяли мнение делегировавших их односельчан о том, что в создании собственной автономии нет необходимости или что с этим надо повременить.

И все же в ходе подготовки к съезду волостные и другие народные собрания карелов выявили мнение населения по главным вопросам о формах автономии края, которые оргбюро просило обсудить:

1. Желает ли карельское население остаться в составе РСФСР?

2. Хочет ли оно создания независимого Карельского государства и отделения Карелии от РСФСР?

3. Желает ли оно, чтобы карельские волости вошли в состав Финляндии?

В результате проведенного опроса населения за сохранение Карелии в составе РСФСР высказалось 88,3% всех опрошенных, за создание самостоятельного государ-

ства 10,8%, за присоединение к Финляндии 0,9%[189]. Таким образом, преобладающее большинство жителей Карелии высказалось за сохранение ее в составе России. Одному из делегатов съезда от каждой волости в обязательном порядке предоставлялось слово для изложения решения волостного собрания по вопросу самоопределения Карелии.

Всекарельский съезд представителей трудящихся карелов, решавший основной вопрос об "отношении населения края к Финляндии, России и к независимости", приветствовавший образование КТК в составе РСФСР, стал крупным политическим событием в истории Карелии.

Однако в силу своего общественного характера съезд представителей трудящихся карелов не мог выступить в роли органа власти и не компетентен был решать практические вопросы национально–государственного строительства в Карелии. Вот почему он явился съездом учредительного характера, "подготовительного" к предстоящему "намеченному съезду Советов Карельской Трудовой Коммуны". Съезд принял также наказ Карельскому ревкому о первоочередных задачах по развитию экономики и культуры края. В качестве таких задач он поручил Карревкому принять срочные меры по борьбе с голодом, приступить к восстановлению сельского хозяйства, рыбных промыслов и лесной промышленности, к строительству дорог и развитию народного образования[190].

Не ставя перед собой задачу выработки практических мер по осуществлению постановления ВЦИК об образовании КТК, съезд лишь в общих чертах наметил проблемы, решением которых должен был в первую очередь заняться Карельский ревком. В состав этого временного органа власти Карельской коммуны на съезде дополнительно избрали представителей карелов от Олонецкого уезда И.А. Никитина, от Повенецкого —В.Т. Гурьева, уроженца с. Паданы, и Ф.Е. Поттоева из с. Реболы. Позднее, в 1921 г., в ревком КТК был выдвинут член Олонецкого губкома партии большевиков и Олонецкого губисполкома петрозаводчанин И.А. Данилов, а от карельских волостей Кемского уезда избран Г.Х. Богданов, организатор партизанского отряда, сформированного во время Гражданской войны из крестьян Вокнаволокской и Тихтозерской волостей[191].

Таким образом, в полном составе Карельского ревкома было пять карелов (В.М. Куджиев, В.Т. Гурьев, И.А. Никитин, Ф.Е. Поттоев, Г.Х. Богданов, два финна (Э.А. Гюллинг, Я.Т. Мяки) и один русский (И.А. Данилов), Э.А. Гюллинг занимался общим руководством, его помощником по хозяйственным вопросам был назначен В.Т. Гурьев. Сельским хозяйством руководил Я.Т. Мяки, В.М. Куджиев ведал агитацией и пропагандой, народным образованием, а также был председателем революционного трибунала и представителем КТК в Наркомате по делам национальностей. И.А. Никитин, Ф.Е. Поттоев и Г.Х. Богданов работали на местах в своих уездах — Олонецком, Повенецком и Кемском.

С июля 1920 по февраль 1921 г. Карельская Трудовая Коммуна переживала сложный этап организационного становления, отмеченный разногласиями между ревкомом КТК и губернскими властями, которые считали Карельскую автономию временным образованием, своего рода дипломатическим шагом Советской России в ходе Тартуских мирных переговоров с Финляндией[192].

Одной из первоочередных задач организационного оформления Карельской Трудовой Коммуны стало определение ее административных границ. При решении вопроса о территориальном устройстве КТК встретились не только объективные трудности (необходимость взвешенного учета национальных, экономи-

Карельский ревком: Э. А. Гюллинг, В. М. Куджиев, Я. Т. Мяки, В. Т. Гурьев, Ф. Е. Поттоев, И. А. Данилов, Г. Х.Богданов

ческих, географических и других факторов), но и сложности субъективного характера.

16 июля 1920 г. был сформирован комитет из представителей Карревкома и Олонецкого губисполкома для выяснения вопроса о границах. В этот комитет от ревкома вошли Э.А. Гюллинг и В.М. Куджиев, а от губисполкома — его председатель П.Ф. Анохин, первоначально выступавший против создания КТК, и секретарь испол-

кома И.Н. Кузнецов. При подготовке проекта размежевания Олонецкой губернии и создаваемой на ее территории автономной области обнаружились принципиальные разногласия. Большинство членов Олонецкого губисполкома настаивали на включении в состав коммуны только части губернии, населенной карелами, и предлагали провести восточную границу КТК в строгом соответствии с этнической, игнорируя другие важные моменты для развития автономной области. Конкретно предложение губисполкома сводилось к тому, чтобы граница между губернией и коммуной проходила западнее Мурманской железной дороги, а г. Кемь был объявлен административным центром КТК.

Такое решение, которое отрезало бы Карелию от железной дороги, побережий Онежского озера и Белого моря, было трудно осуществимым даже в силу исторически сложившегося в ряде мест чересполосного расселения карелов и русских. В состав карельской автономной области отошли бы наименее экономически развитые и не имеющие дорог западные районы, область лишилась бы жизненно важных для ее дальнейшего развития районов, промышленных и культурных центров.

Карревком предлагал провести границу по линии Белое море — р. Свирь — Онежское озеро, считая необходимым при установлении административных границ наряду с национальными моментами учитывать исторически устоявшиеся хозяйственные и культурные связи между карельскими и русскими районами. По мнению ревкома, в состав Карельской коммуны должны были войти и некоторые русские районы с тем, чтобы создаваемая национальная область была экономически и политически жизнеспособной[193]. Э. Гюллинг и его сторонники добивались объявления столицей КТК Петрозаводска и убеждали руководство Российской Федерации в том, что, лишь став экономически самостоятельной и развитой территорией, Карелия сможет выполнить и свою политическую роль — превратиться в форпост социализма на Севере Европы.

Поскольку смешанный комитет не достиг согласия в вопросе о границах, Карревком обратился во ВЦИК с просьбой помочь в его решении, представив в Президиум ВЦИК свой проект границ Карельской Трудовой Коммуны. В нем предлагалось установить восточную границу между Олонецкой губернией и коммуной по западному побережью Онежского озера до северной оконечности Уницкой губы и далее по границе Шунгской волости на Повенец, к озеру Выг. Карельский ревком считал необходимым также включение в состав Коммуны полностью Кемского и Александровского (современная Мурманская область) уездов Архангельской губернии. Мотивировалось это предложение экономико–географической общностью и проживанием на Кольском полуострове карелов, финнов и родственных им саамов. Однако по характеру экономики, занятиям и быту населения Александровский уезд значительно отличался от остальных местностей Карелии. Русские, прежде всего поморы, занимавшиеся морскими рыбными и звериными промыслами, составляли почти три четверти его жителей. Карелов было лишь немногим более 1 процента населения уезда, финнов — 7,75 процента, саамы, древнейшие обитатели края, вели кочевой образ жизни, занимались оленеводством и охотой, составляя 9 процентов населения уезда. Основные районы расселения карелов имели слабые экономико–географические связи с территорией Кольского полуострова.

28 июля 1920 г. вопрос о территориальном устройстве коммуны обсуждался на межведомственном совещании при Наркомате внутренних дел РСФСР. Совещание, на котором от Карельского ревкома присутствовали Э.А. Гюллинг и В.Т. Гурьев, в основном согласилось с представленным ревкомом проектом границ КТК, оставив

открытым вопрос о включении Александровского уезда Архангельской губернии в состав коммуны.

Подготовленный совещанием проект был представлен на рассмотрение Совнаркома. На заседании советского правительства под председательством В.И. Ленина 3 августа 1920 г. присутствовали сторонники обеих точек зрения на территориальное устройство Карельской Трудовой Коммуны — В.М. Куджиев от Карельского ревкома и С.А. Соболев от Олонецкого губисполкома. После кратких выступлений каждого из представителей Карелии им сообщили, что принята точка зрения Карревкома[194].

По постановлению ВЦИК и СНК от 4 августа 1920 г. об определении границ КТК в состав нового национально-государственного образования вошли: большая часть Олонецкого уезда, западные волости Петрозаводского (с г. Петрозаводском) и Повенецкого уездов Олонецкой губернии и основная часть Кемского уезда Архангельской губернии, то есть местности, населенные преимущественно карелами.

В административном отношении коммуна первоначально состояла из трех уездов: Кемского, Олонецкого и Петрозаводского, общая ее площадь составила 115 186 квадратных километров, а население 147,3 тыс. человек, из них около 60% карелов и 37% русских. Наряду с карельскими волостями в коммуну вошли экономически тесно связанные с ними местности с русским населением. Такое определение территории автономии с учетом национальных, экономико–географических и социальных условий создало возможности для успешного хозяйственного развития Карелии в 1920–е гг. Административным центром автономной области стал Петрозаводск. Территория коммуны включала в себя естественные водные пути, лесозаводы и некоторые другие промышленные предприятия, также значительную часть Мурманской железной дороги. Временным высшим органом власти КТК продолжал оставаться Карельский ревком.

Поскольку в структуре политической системы страны партия большевиков оставалась единственной, то вскоре она стала подменять собой государственные органы. 17 августа состоялось экстренное заседание пленума Олонецкого губкома РКП(б), созванное для рассмотрения организационных вопросов в целях практического проведения в жизнь декрета СНК РСФСР от 8 июня 1920 г. Участники пленума пришли к заключению о целесообразности присоединения к соседним губерниям оставшейся не включенной в состав коммуны части Олонецкой губернии. Одновременно было решено, пока существует губерния, не разъединять партийные организации Олонецкой губернии и коммуны, а сохранить имеющиеся структуры, возложив на Олонецкий губком руководство деятельностью партийных организаций и на территории коммуны. В состав губкома были введены Э.А. Гюллинг и Я.Т. Мяки, а в состав президиума губкома — В.М. Куджиев[195]. В тот же день Олонецкий губисполком и Карревком приняли совместное постановление, согласно которому все местные органы советской власти на территории, отошедшей к КТК, продолжали работу на прежних основаниях, а для разрешения общих вопросов по управлению коммуной и Олонецкой губернией создавался объединенный президиум Карельского ревкома и Олонецкого губисполкома[196].

Однако и после принятия постановления ВЦИК и СНК в решении вопроса о территориальном устройстве коммуны продолжали встречаться сложности. Причиной тому были оставшиеся вне КТК местности Олонецкой губернии, географически и экономически тяготевшие к коммуне и ее административному центру — Петрозаводску. Прежде всего это относилось к оставшимся за пределами коммуны соседними местностями Петрозаводского и Повенецкого уездов.

КАРЕЛЬСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА 1920 г.
I КЕМСКИЙ УЕЗД
Волости:
1 Кандалакшская
2 Княжегубская
3 Ковдозерская
4 Керетская
5 Сланецкая
6 Кестеньгская
7 Вынегиволокская
8 Тихтозерская
9 Волнаволокская
10 Ухтинская
11 Погостская
12 Понгомская
13 Подужемская
14 Кондокская
15 Юшкозерская
16 Маслозерская
17 Тунгудская
18 Шуерецкая
19 Летнеконецкая
20 Сорокская
II ПЕТРОЗАВОДСКИЙ УЕЗД
Волости:
1 Ребольская
2 Ругозерская
3 Богоявленская
4 Поросозерская
5 Мяндусельская
6 Куппесельская
7 Тивдийская
8 Сунская
9 Спасопреображенская
10 Кондопожская
11 Кончезерская
12 Сямозерская
13 Шуйская
14 Ялгубская
15 Святозерская
16 Деревянская
III ОЛОНЕЦКИЙ УЕЗД
Волости:
1 Тулмозерская
2 Ведлозерская
3 Видлицкая
4 Коткозерская
5 Рыпушкальская
6 Некрульская
7 Лоянская
ФИНЛЯНДИЯ
Кандалакша
Княжая Губа
Ловда
Керетъ
Оланга
Кестеньга
Тихтозеро
Пильдозеро
Ухта
Понгома
Кемь
Погостское
Подужемье
Шуерецкое
Волнаволок
Маслозеро
Юшкозеро
Сорока
Кондока
Тунгуда
Лехта
Ругозеро
Реболы
Паданы
Мяндусельга
Поросозеро
Куппесельга
Тивдия
Спасская Губа
Кондопога
Кончезеро
Сямозеро
Шуя
Ялгуба
Петрозаводск
Тулмозеро
Ведлозеро
Святозеро
Деревянное
Видлица
Коткозеро
Ладожское
Олонец
Лоянницы
Рыпушкалицы
озеро

Административная комиссия президиума губисполкома, 17—19 августа обстоятельно обсудив варианты территориального устройства различных частей губернии, предложила включить в состав коммуны оставшиеся за ее пределами все волости Повенецкого и Петрозаводского уездов, а также западную часть Пудожского уезда, а остальные районы губернии присоединить к соседним Архангельской, Вологодской и Петроградской губерниям. Губисполком поддержал это предложение, дополнительно высказавшись за передачу коммуне почти всей оставшейся части Олонецкой губернии — Лодейнопольского уезда и большей части Пудожского и Вытегорского уездов. Однако если для Повенецкого и Пудожского уездов такое решение имело достаточные основания (из–за бездорожья они были отрезаны от территорий соседних губерний и не смогли бы развиваться вне Карелии), то в отношении Лодейнопольского, тяготевшего в своем развитии к Петроградской губернии, и Вытегорского, издавна связанного с Вологодчиной, являлось, скорее всего, недостаточно обоснованным.

30 августа межведомственная комиссия при Наркомате внутренних дел РСФСР при участии представителей Наркомата земледелия, Главлескома и Олонецкого губисполкома рассмотрела проекты административного устройства оставшейся части Олонецкой губернии. Комиссия не согласилась с мнением Олонецкого губисполкома об упразднении губернии и присоединении всех ее уездов к КТК. 10 сентября 1920 г. сложившаяся ситуация рассматривалась на заседании Совнаркома, а 11 сентября ВЦИК и СНК РСФСР приняли совместное постановление, подписанное В.И. Лениным и М.И. Калининым. В нем указывалось на необходимость сохранить губернию и общие для нее и коммуны органы управления экономикой— совнархоз, земельный и продовольственный отделы[197].

Несмотря на то, что границы КТК были как будто бы определены и упорядочены основополагающие нормы существования ее автономии, Карельский ревком осенью 1920 г. испытывал многочисленные затруднения, вызванные неразграниченностью сфер влияния в хозяйственных и организационных вопросах между вновь создававшимися органами Карельской коммуны и действовавшими структурами Олонецкой губернии. До сентября 1922 г., то есть до упразднения Олонецкой губернии, Петрозаводск оставался административным центром обоих образований. Ряд хозяйственных учреждений находился в двойном подчинении, не говоря о том, что прежние кадры доминировали в аппарате ревкома. Еще в конце августа 1920 г. в соответствии с постановлением Карревкома и Олонецкого губисполкома об управлении территорией КТК в состав объединенного президиума губисполкома и ревкома вошли П.Ф. Анохин, В.Т. Гурьев, Э.А. Гюллинг, О.К. Кантер, В.М. Куджиев. Председателем президиума был избран П.Ф. Анохин[198].

Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) в сентябре 1920 г. был образован объединенный Карело–Олонецкий комитет РКП(б) на правах губкома партии. В сентябре 1921 г. объединенный Карело–Олонецкий комитет партии разделился на два временных комитета: Карельский областной и Олонецкий губернский[199].

Размещение в Петрозаводске органов управления как коммуны, так и губернии вызывало трения между ними, которые оказывали заметное влияние на ход событий в Карелии, поскольку два однородных, равных по статуту органа преследовали разные задачи. Работники аппарата управления в Петрозаводске делились на две группы, получившие условное название "русских" и "карелов". Но и "карелы" не были едины в вопросах национальной политики. Они, в свою очередь, делились на "русских карелов" и "финнов". К началу 1921 г. оформились две противостоящие друг

другу группировки — сторонников Гюллинга и сторонников Куджиева (так называемая "русско–карельская оппозиция")[200].

Процесс становления карельской автономии характеризовался разными подходами к целям ее создания и перспективам развития. Куджиев соглашался с внешнеполитической целесообразностью и экономической возможностью существования КТК как административно–территориального образования. Однако он и его сторонники, в отличие от поддержавших Гюллинга, рассматривали созданную КТК как временное образование[201]. Гюллинг положительно оценивал создание Карельской Трудовой Коммуны, имея в виду решение национального вопроса с точки зрения как внутриполитических, так и внешнеполитических задач. Исходя из перспектив строительства КТК, намеченных им в докладе Всекарельскому съезду представителей трудящихся карелов, коммуна призвана была осуществить "социальное освобождение трудящихся масс Карелии", претворить в жизнь "право самоопределения карельского народа, в противовес завоевательным стремлениям финнов стать охраной западной границы РСФСР", способствовать подъему "экономического благосостояния Карелии", ее хозяйственной жизни и производительных сил и, наконец, содействовать революционной пропаганде в Финляндии и Скандинавии: "Трудовой народ Карелии, образуя трудовую коммуну, должен бросить клич в соседние страны Запада: Финляндию, Швецию и Норвегию о присоединении и их трудового народа к нашим стремлениям освободиться от ига капиталистов"[202].

Осенью 1920 г. ситуация в Карелии во многом зависела от исхода длившихся уже около полугода мирных переговоров между Советской Россией и Финляндией. В ходе переговоров в Тарту финская делегация поначалу предлагала провести границу между двумя государствами по линии Ладога — Свирь — Онежское озеро — Белое море, а также предоставить карельскому населению возможность определить свою судьбу путем референдума. Советская сторона настаивала на границе, существовавшей в 1914 г. накануне Первой мировой войны. Что же касается неоднократно поднимавшегося финляндской делегацией вопроса о праве жителей Восточной Карелии на самоопределение, то советские участники переговоров заявляли, что такое право населению этой территории уже предоставлено фактом образования Карельской Трудовой Коммуны, и отказались внести пункт о самоопределении в мирный договор, считая это внутренним делом России. Вокруг карельского вопроса, ставшего козырной картой в игре и Финляндии, и карельских сепаратистов, сложилась напряженная обстановка. ВЦИК стремился выбить у них из рук этот козырь и в то же время не обострять чрезмерно отношения с Финляндией в преддверии подписания мирного договора. Финны вскоре удовлетворились минимальной программой, согласно которой Восточная Карелия оставалась автономной территорией в составе России, но население Поросозера и Ребол должно было получить возможность решить вопрос о присоединении к Финляндии путем народного голосования[203]. Однако советская сторона с этим не согласилась и готова была отказаться от Печенги (Петсамо) на Мурманском побережье в обмен на Поросозеро и Реболы, а также пойти на некоторые другие варианты территориальных уступок. Финляндский президент К.М. Столберг, во многом определявший позицию финской делегации на переговорах, счел возможным вернуть России Ребольскую и Поросозерскую волости, получив взамен выход к Ледовитому океану в районе Печенги. Переговоры в Тарту были доведены до конца именно с учетом этой программы, и Финляндия отказалась от каких бы то ни было территориальных притязаний на Восточную Карелию.

14 октября 1920 г. РСФСР и Финляндская республика заключили Тартуский мирный договор, который, помимо прочего, определял новую границу между соседними государствами. В достигнутом соглашении говорилось, что карельскому населению Архангельской и Олонецкой губерний были предоставлены: право образования автономной во внутренних делах области, входящей в состав Российского государства; дела, касающиеся этой области, подлежат решению органа народного представительства, который будет избран местным населением, карельский язык признается языком административного законодательства и народного просвещения. Соглашением предусматривалось право Восточной Карелии устраивать свою экономическую жизнь в соответствии с местными потребностями; вводилась милиционная система для нужд местной обороны.

При подписании мирного договора в протокол были включены заявления советской делегации о беженцах, о Ребольской и Поросозерской волостях и др. О беженцах было сказано, в частности, что бежавшим с родины карелам из Олонецкой и Архангельской губерний даруется полная политическая амнистия и предоставляется право возвратиться на родину. В заявлении относительно Ребольской и Поросозерской волостей говорилось, что "если на финляндской стороне у границ этой области не будут сосредоточиваться войска и если этот район не будет находиться под угрозой военной опасности, Россия не будет содержать в пределах этих волостей в течение следующих двух лет войск или иных вооруженных отрядов, за исключением небольшой стражи, необходимой для несения пограничной и таможенной службы".

Мирный договор учитывал, что Карелия уже получила автономию. Статья 10 гласила: "Ребольская и Поросозерская волости в течение 45 дней со дня вступления в силу мирного договора очищаются Финляндией от ее войск, возвращаются в состав Российского государства и присоединяются к Восточно–Карельской автономной области, образованной карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и имеющим право национального самоопределения". Таким образом, финны должны были покинуть Реболы и Поросозеро до 14 февраля 1921 г. Статья 11 предусматривала полную амнистию жителям обеих волостей, поддержание порядка в них в течение двух лет милицией, учрежденной местным населением; гарантировалось право собственности на все принадлежащее населению движимое имущество, свободное пользование и распоряжение принадлежащими жителям или возделываемыми ими угодьями или прочим находящимся в их пользовании недвижимым имуществом[204]. Примечательно признание за желающими права в течение года свободно выселяться из России с вывозом движимого имущества и сохранением прав на оставленную недвижимость, что, очевидно, означало косвенное признание тяготения части населения к Финляндии.

Выработкой детальной программы развития Карелии предстояло заняться I Всекарельскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Его подготовку ревком начал в конце 1920 г.

Съезд открылся 11 февраля 1921 г., на него прибыли делегаты от всех волостей коммуны, за исключением Ребольской и Поросозерской, еще не освобожденных от финских войск. На съезде присутствовало 144 делегата, из них 100 человек с правом решающего голоса (45 коммунистов и 55 беспартийных) и 44 человека с правом совещательного голоса (40 коммунистов, 1 социал–демократ, 3 беспартийных). Съезд заслушал и обсудил доклады о текущем моменте, о работе VIII Всероссийского съезда Советов, об организации и задачах КТК, сообщения с мест, отчет Карревкома и его отделов[205].

I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов стал первым конституционным высшим органом государственной власти Карельской Трудовой Коммуны. Карревком, созданный постановлением ВЦИК от 8 июня 1920 г. как временный высший орган коммуны, выполнив свою задачу, сложил полномочия и прекратил свою деятельность. Съезд избрал первый состав Карболисполкома из 25 человек во главе с Э.А. Гюллингом. Дополнительное место зарезервировали для представителей Ребольской, Поросозерской, Ругозерской волостей. Как избираемый съездом и подотчетный ему орган, облисполком должен был проводить в жизнь решения съезда и предписания центральных органов РСФСР, руководствуясь действующим законодательством.

I Всекарельский съезд Советов подвел итоги проделанной Карревкомом работы по организации КТК, созданию органов советской власти, обсудил состояние и перспективы развития экономической и культурной жизни края, определил меры по восстановлению и развитию сельского хозяйства, рассмотрел вопросы здравоохранения, организации и деятельности исполнительно-распорядительных органов: юстиции, управления, связи, продовольственного комитета, военного комиссариата.

Большое внимание съезд уделил проблемам народного образования, он принял решение о введении на территории Карелии русского и финского языков как двух равноправных и официальных. Съезд обязал учреждения народного образования и местные советы охватить ликвидацией безграмотности и "тесно связанной с ней политической безграмотности" всех жителей от 8 до 50 лет, проживавших в волостях, "население которых говорит по-фински" (имелся в виду северный диалект карельского языка).

Решения съезда по языковому вопросу в значительной степени определила позиция В.М. Куджиева. Формально съезд признал равноправие русского и финского литературных языков, однако финский язык определялся как язык "национального меньшинства среди карелов коммуны, преимущественно в западной части Кемского уезда". Русский язык признавался для большинства карелов "родным культурным языком".

Таким образом, I Всекарельским съездом Советов в основном завершился организационный этап создания Карельской Трудовой Коммуны.

Глава VII

КАРЕЛИЯ В ГОДЫ НЭПА И ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1920–е — 1930–е гг.)

1. НАЦИОНАЛЬНО–ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОДЫ НЭПА

Постановлением СНК РСФСР от 4 августа 1920 г. территория Карельской Трудовой Коммуны окончательно не была определена. В 1922 г. в связи с упразднением Олонецкой губернии в ее состав были переданы Повенецкий уезд (8 волостей и г. Повенец) и часть Пудожского уезда (5 волостей и г. Пудож). В 1923 г. к Кемскому уезду присоединены принадлежавшие ему прежде 5 поморских волостей Онежского уезда Архангельской губернии. В 1924 г. к Карелии отошли Ладвинская и часть Шелтозерско–Бережной волости Лодейнопольского уезда Ленинградской губернии, большинство населения которой составляли вепсы. Тогда же республике были переданы острова Белого моря, прилегавшие к Кемскому уезду. За счет включения территорий Пудожья, Заонежья, Беломорья, Прионежья к концу 1924 г. площадь Карельской АССР увеличилась с 115,2 тыс. кв.км до 146,3 тыс. кв. км. С 1924 по 1938 г. территория КАССР оставалась неизменной.

Административно–территориальные преобразования оказали влияние на динамику численности населения Карелии: за счет расширения границ территории карельской автономии в 1922—1924 гг. ее население увеличилось на 73,3 тыс. человек[1].

В конце 1920–х гг. на территории республики проживало 295 тыс. человек. Наибольший рост населения наблюдался в примыкающих к Мурманской железной дороге районах. Плотность населения республики в 1920–е гг. составляла 1,5—1,8 человека на квадратный километр. Наиболее плотно заселенными являлись южные районы — от 2,5 до 16,5 человека на квадратный километр. Всего к концу 20–х гг. в Карелии насчитывалось 2852 населенных пункта, из которых более половины (51,3 %) имели население до 50 человек и только 1 % — свыше 500 человек[2]. По данным переписи 1926 г., 77,4% населения проживало в сельской местности. В восточных районах, особенно на севере республики, сохранялось немало деревень, насчитывающих 1—3 крестьянских хозяйства. В полосе Мурманской железной дороги деревни были относительно многодворными, включали и некрестьянские хозяйства. Хутора и выселки составляли 9% общей численности сельских населенных пунктов и располагались главным образом в западных районах республики (примерно треть — в Ухтинском районе), где жители прежде тесно контактировали с Финляндией, имевшей более развитые капиталистические отношения в сельском хозяйстве.

В городских поселениях проживало 22,6 % всего населения Карелии. В начале 1920–х гг. на европейском Севере России Карелия лидировала по удельному весу самых маленьких городских поселений: 54% всех городских поселений с населением менее 1 тыс. человек в регионе приходилось на КТК. Численность населения республики увеличивалась за счет естественного и механического прироста. В сравнении с воен-

ными годами резко выросла рождаемость. В середине 1920–х гг. она стабильно держалась на уровне 44—48 промилле. По сравнению с предвоенным периодом несколько снизилась смертность, составлявшая в 1920–е гг. 23—29 промилле. Резкий ее скачок наблюдался в голодном 1924 г., когда в сельской местности смертность повысилась до 33,4, а в городах до 36,6 промилле. Высоким оставался уровень младенческой смертности. В середине 1920–х гг. из 100 новорожденных умирали, не дожив до одного года, в среднем по Карелии 25, а в Олонецком уезде — 30, в Петрозаводском — 27, Пудожском — 36 детей[3]. В конце 20–х гг. вновь резко подскочил уровень смертности, особенно в сельских районах. При этом уровень рождаемости начал снижаться. Со второй половины 20–х гг. механический прирост становится главным фактором увеличения численности населения республики.

Когда в 1920 г. была создана КТК, 58,9% ее жителей составляли карелы, 38,3% — русские, 0,6% — финны, 1,3% — прочие национальности. Поскольку рост территории Карелии в 1922—1924 гг. шел в большей степени за счет районов, населенных русскими, а кроме того увеличивался приток мигрантов в республику, национальный состав населения автономии начал меняться. По данным переписи 1926 г., русских было уже 57,2%, карелов — 37,4%, вепсов — 3,2%, финнов — 0,9%, прочих национальностей — 1,3 %.

В городских поселениях Карелии (исключение — г. Олонец) русские составляли абсолютное большинство — 86,8%, карелы — 7,8%, вепсы — 0,2% жителей. В сельской среде соотношение финно–угорских и славянских народов было примерно равным: русские — 48,5% , карелы — 46%, вепсы — 4,1% жителей[4]. Западнее Мурманской железной дороги жило подавляющее большинство карелов, к востоку — абсолютное большинство русских, 97,3% вепсов — в Шелтозерской волости Петрозаводского уезда.

В 1920–е гг. фактически заново за счет переселенцев из Финляндии начала формироваться в Карелии финская диаспора. Основная часть финнов проживала в г. Петрозаводске (26,3% численности диаспоры), Петрозаводском уезде (22,8%), а также в национальных карельских районах — Ухтинском (20,4%) и Олонецком (13,2%)[5].

Придя к власти, большевики, сторонники крепкого централизованного государства, закрепили принцип федеративного устройства России в Конституции, обеспечив себе в решающие моменты военного и политического противостояния поддержку народов бывшей Российской империи. В период нэпа шел трудный поиск таких форм федеративной связи между народами, которые обеспечили бы их всестороннее развитие, экономическое и культурное сотрудничество и не допускали бы опасного для целостности государства сепаратизма. При разграничении предметов ведения и полномочий федерации и ее субъектов особое значение имела бюджетная политика. В 1921 г. Карельская Трудовая Коммуна, единственная из автономий России, получила особые бюджетные права, подтвержденные рядом постановлений ЦИК и СНК СССР в последующие годы. Особые бюджетные права во многом способствовали успешному развитию экономики Карелии в годы нэпа. В 1927 г., выступая на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР, Э. Гюллинг отмечал, что предоставление Карелии особых бюджетных прав в начале 1920–х гг. правительство Советской России рассматривало как опыт, результаты которого следовало учесть при разработке моделей экономического взаимодействия центра и регионов в масштабе всей страны[6].

Государственное строительство разворачивалось в неимоверно трудных условиях.

Ослабленные плохим питанием предшествующих лет, северяне вновь оказались перед угрозой повсеместного голода. Из–за массовых беспорядков, вызванных перебоями в снабжении горожан хлебом, 27 мая 1921 г. сроком на неделю было введено военное положение в Петрозаводске. В деревнях голодающие крестьяне отказывались выполнять трудовую повинность. В апреле 1921 г. кемские коммунисты докладывали в Кароблисполком: "Положение волостей пограничных угрожающее, возможны массовые вооруженные восстания". Ревкомы и прочие чрезвычайные органы власти с трудом контролировали ситуацию и просили центр "занять войсками пограничные волости и сделать хорошую чистку".

Летом, когда Поволжье и важнейшие хлебородные районы страны были охвачены засухой, подвоз хлеба на север страны прекратился. Советское правительство выделило Карелии 500 тыс. руб. золотом для закупки продовольствия в Финляндии, но эта мера лишь на время ослабила напряженность. Осенью 1921 г., когда начались лесозаготовки и сбор продналога, в северных волостях коммуны проходили собрания жителей, на которых принимались резолюции об отказе подчиняться требованиям советской власти. Осложнением ситуации в Карелии не преминули воспользоваться антибольшевистские силы в Финляндии. В ноябре 1921 г. на территорию КТК начали прибывать отряды, составленные из бежавших в 1919—1921 гг. в Финляндию карелов и добровольцев–финнов. Во главе отрядов, численность которых в конце 1921 г. составляла приблизительно 7,5 тыс. человек, стояли финские егеря. На территории, оказавшейся под контролем антибольшевистских сил, начался террор против коммунистов, продовольственных инспекторов, милиционеров, советских работников, учителей финских школ. Перед расстрелом многих из них жестоко пытали. В с. Ругозеро были расстреляны 9 местных коммунистов и советских работников, в том числе секретарь волостной ячейки РКП(б) Е.Ф. Еремеев, председатель волисполкома М.Я. Ипатов. Расстрелы сторонников советской власти проводились также в Ухте, Юшкозере. В конце ноября 1921 г. состоялся так называемый "Ухтинский съезд представителей карельского народа", принявший решение о независимости Карелии.

18 декабря 1921 г. командующий войсками Карельского района А. Седякин объявил на осадном положении местности от р. Свири до Белого моря. Был образован Военно–революционный комитет Карельско–Мурманского района. На местах создавались местные революционные комитеты, в состав которых входили представители военного командования и ЧК. Местные исполкомы советов распускались, вся полнота власти переходила к ревкомам[7].

В Карелию были спешно переброшены войска и военная техника. В феврале 1922 г. группировка Красной армии в Карелии насчитывала более 30 тыс. человек. Важную роль в ходе операции сыграл рейд в тыл противника лыжного отряда Интернациональной военной школы под руководством Т.Антикайнена. 20 января 1922 г. в деревне Кимасозеро "красные финны" разгромили штаб южной группы противника. В середине февраля 1922 г. карельские мятежники и финские добровольцы были вытеснены с территории КТК в Финляндию. Потери Красной армии в ходе боев составили 152 убитых, 512 раненых, 530 обмороженных и заболевших, 200 пропавших без вести[8]. Общий ущерб, нанесенный интервентами, составил, по неполным данным, 5610 тыс. руб. золотом.

Вскоре после окончания военных действий состоялась первая Карельская областная партконференция, на которой развернулась дискуссия об уроках недавних событий в Карелии. В докладах представителей Петрозаводского и Олонецкого уездных комитетов неоднократно отмечалось, что "крестьяне настроены были против банди-

С. С. Каменев с группой комсостава, отправляющегося на Карельский фронт. Петроград. 1921 г.

тов", "крестьяне относились к бандитам враждебно". Население из местных ресурсов снабжало продовольствием, фуражом подошедшие части Красной армии. Добровольцы вступали в отряд лыжников, организованный Карисполкомом. Иной оказалась ситуация в карельских волостях Кемского уезда, где большая часть крестьян была настроена враждебно к советской власти. Значительная часть населения ушла за финскую границу. При уходе били скот, жгли дома, забирали запасы продовольствия[9].

Одной из причин ожесточения людей делегаты конференции назвали массовый голод на севере. В выступлении И. Никитина подчеркивалось: "Бесхозяйственность органов власти часто бросалась в глаза населению, что отражается на настроениях крестьянства". Отчаяние и гнев голодающих людей возросли осенью, когда власти со всей строгостью стали собирать продналог, по размерам мало уступавший продразверстке. Об отмене самой продразверстки на севере знали далеко не везде. Это признавали сами делегаты конференции. А. Лесков отмечал: "Масса ничего не знает о новой экономической политике, питается слухами самыми неправдоподобными и нелепыми". В выступлениях коммунистов–финнов Форстена, Ярвисало, Лебянена делался акцент на том, что одной из причин крестьянских волнений явились недостатки в проведении национальной политики: "Бандитизм развился не только из–за экономических затруднений, он нашел себе почву отчасти благодаря той политике, которая не удовлетворяла национальные потребности населения"[10].

Делегаты конференции были единодушны в том, что если бы не помощь официальных кругов Финляндии, бандитизм в Карелии не приобрел бы столь затяжной характер.

К началу 1922 г. ушли за границу около 12 тыс. карелов. Значительная часть их в свое время поверила антибольшевистской агитации или попросту была мобилизована мятежниками и покидала родные места из–за боязни наказания за участие в бое-

Парад войск в Петрограде в честь победы над белофиннами. 1922 г.

вых действиях на стороне антисоветских сил. Некоторые, будучи непримиримыми противниками большевиков, хотели найти вторую родину в соседней Финляндии. В докладе на второй облпартконференции в сентябре 1922 г. Гюллинг говорил о беженцах так: "Часть их ушла добровольно, большая часть уведена насильно, чтоб сделать пустыню для Красной армии"[11]. Уже через 3—4 месяца часть беженцев стала возвращаться в Карелию. До 1 мая 1923 г. на родину вернулись из Финляндии 4299 человек.

По ходатайству Карельского правительства 1 мая 1923 г. федеральный центр принял декрет об амнистии карбеженцам. Они получили право возвратиться на прежнее место жительства. Государство гарантировало им предоставление гражданских прав. Амнистия не распространялась только на "участников расстрелов и идейных вдохновителей их". Дорожные расходы возмещались. Кроме того часть беженцев получила материальную помощь и хозяйственную ссуду. Немногое сохранившееся к тому времени имущество возвращалось прибывшим. Согласно декрету об амнистии беженцы должны были пройти регистрацию до 1 мая 1924 г. и возвратиться до 15 августа 1924 г., но поскольку не все успели уложиться в это время, срок амнистии продлевался.

По просьбе правительства Карелии ВЦИК РСФСР 16 марта 1925 г. предоставил право ЦИК АКССР персонально амнистировать карбеженцев сроком до 1 января 1926 г. Поскольку власти опасались, что часть беженцев завербована финляндскими спецслужбами, подготовлена для проведения терактов, шла проверка, но отказов в амнистии было относительно немного: в 1923—1925 гг. не получили визу на въезд в СССР 282 человека (156 мужчин, 60 женщин и 66 детей). За это же время в Карелию возвратились 2786 человек (1199 мужчин, 698 женщин, 889 детей). Во время амнистии раздавались голоса, что она выгодна противникам власти, создавая внутри страны

"пятую колонну". Однако примерно каждый третий возвращенец — ребенок, а всего женщины и дети среди амнистированных составили 57%. Помогая вернуться на родину, власти спасали людей, волею судьбы попавших в жернова Гражданской войны, от скитаний на чужбине. 61,5% общего числа вернувшихся беженцев осели в Ухтинском уезде, 17% — в Кемском, то есть в тех частях Карелии, которые особенно страдали от малонаселенности, нехватки рабочих рук. 6—9% от общего числа вернувшихся поселились в Олонецком, Петрозаводском, Паданском уездах[12]. Неподсудные по закону, карбеженцы тем не менее находились под подозрением властей, часто видевших в них затаившихся врагов советской власти, пособников интервентов. В 1925 г. в Олонецком уезде подверглись репрессиям 95 человек, обвиненных в помощи братьям Сечкиным, активным участникам антибольшевистского движения в годы Гражданской войны, сотрудничавшим с финнами[13].

Зимой 1922 г., когда в приграничных районах КТК еще шли боевые действия, началась разработка проекта о преобразовании коммуны в республику. Дальнейшее развитие автономии должно было привлечь население на сторону советской власти, ослабить недоверие к ней карельского крестьянства. В 1921—1922 гг. на работу в Сибирь выехали командированные из Карелии оппоненты красных финнов П. Анохин, В. Куджиев. В сентябре 1922 г. была ликвидирована Олонецкая губерния, часть территории которой включили в состав КТК.

Вопрос о преобразовании автономных областей в республики поднимался в это время и в других регионах России. В 1923 г. готовилась Конституция СССР, активизировались дискуссии о формах административно-территориального устройства нового союзного государства. На XII съезде РКП(б) некоторые представители советских республик потребовали пересмотра ряда статей заключенного в 1922 г. Союзного договора, добиваясь перераспределения прав центра и регионов, усиления экономической и культурной самостоятельности национальных областей и республик.

Повышение статуса Карельской автономии отвечало и внешнеполитическим целям СССР. В ноябре 1921 г. Финляндия обратилась в Лигу Наций, обвинив Россию в нарушении условий Юрьевского мирного договора. В 1923 г. Совет Лиги Наций послал запрос об обязательности исполнения для СССР этого договора в Международный суд в Гааге, Генеральная Ассамблея Лиги Наций приняла резолюцию, признающую важность вопроса о Восточной Карелии. В этих условиях советское руководство было заинтересовано в том, чтобы представить мировому сообществу свидетельства позитивного решения "карельского вопроса" в социалистическом государстве.

25 июля 1923 г. ВЦИК и СНК СССР приняли постановление о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику как федеративную часть РСФСР. IV Всекарельский съезд Советов (октябрь 1923 г.) утвердил высшим органом государственной власти Всекарельский съезд Советов и избрал новые высшие органы государственного управления республики — Центральный Исполнительныи Комитет, председателем которого стал профессиональный революционер, член РСДРП с 1895 г. А.В. Шотман, и Совет Народных Комиссаров, возглавил который Э.А. Гюллинг.

После завершения военных действий в 1922 г. власти не исключали нового обострения ситуации в пограничных волостях Карелии. Тем более, что периодически в Кемском уезде появлялись разведгруппы из Финляндии численностью 5—20 человек, в лесах скрывались от преследования мелкие отряды повстанцев (20—60 человек). Поэтому в приграничных волостях Карелии ревкомы сохранялись до весны 1923 г.

Только к лету 1923 г. в Карелии сложились необходимые условия для повсеместного и организованного проведения выборов в советы.

Приграничные волости Кемского уезда, населенные в основном карелами, в марте 1922 г. были выделены в самостоятельный Ухтинский район. Туда на работу направлялись мобилизованные коммунисты из других уездов, а также 20 красных финнов — выпускников Петроградской интервоеншколы[14]. Для советских служащих вводилась 100-процентная надбавка к зарплате. В 1923 г. из приграничных карельских волостей Петрозаводского уезда создается Паданский район. В октябре 1923 г. вместо этих районов были образованы Ухтинский и Паданский уезды. В том же году в этих уездах впервые прошли выборы в советы. Если в Паданском уезде явка избирателей составила 39,8%, то в Ухтинском уезде — лишь 8,4%. На севере Карелии около половины населения по-прежнему голодало.

Урожай 1923 г. в Карелии оказался очень скудным: все лето шли дожди, яровые начали убирать во второй половине октября и то несозревшими. Зимой 1924 г. в республике разразился голод. В выборах в тот год участвовало только 19,2% избирателей Карелии — в 2 раза меньше, чем в 1923 г. Это был явный сигнал падения авторитета государственной власти в условиях обострения социально-экономического положения. Сводки ГПУ фиксировали в это время: "Настроение крестьянства в АКССР упадочное". Государство выделило большому числу крестьянских хозяйств семенные ссуды, закупило лошадей в Финляндии для последующей продажи их в кредит крестьянам. Именно в 1924 г. КарЦИК принимает постановление об использовании местных диалектов карельского языка в деятельности административных органов, суда, просветительных учреждений и начальной школы в карельских районах. Таким образом пытались вовлечь в общественную жизнь широкие слои карельского населения, укрепить их доверие к власти.

В результате принятых мер в середине 1920-х гг. ситуацию удалось стабилизировать. В 1925 г. в выборах участвовали 50,8%, в 1927 г. — 51,9% имевших право голоса жителей Карелии. Важно отметить, что в районах с карельским населением явка крестьян на выборы в ряде случаев была даже выше, чем в среднем по республике. В 1927 г. в Олонецком районе в выборах участвовали 52,6%, в Ухтинском районе — 56,5%, в Паданском районе — 60,2% избирателей. На собраниях во время избирательных кампаний крестьяне вели себя достаточно активно. В 1927 г. на предвыборных мероприятиях в Олонецком районе в протоколах зафиксировано 942 вопроса, заданных крестьянами, из них 179 о налогах, страховании, семенных ссудах, 143 — о кооперации и социальном обеспечении, 126 — о лесозаготовках, 111 — о работе советов[15].

Выборы депутатов городских советов проводились на собраниях избирателей на предприятиях, в учреждениях, профсоюзных организациях и воинских частях. Лица, не входившие в организации, выбирали депутатов на собраниях по месту жительства. Активность населения городов на выборах в большинстве случаев была ниже, чем в деревнях. Сказывался приток в города мигрантов, малочисленность и распыленность рабочих, пассивность неорганизованных избирателей, составлявших в городах со слабо развитой промышленностью значительную долю населения. В апреле 1926 г. выборы в Кемский горсовет, например, проходили вяло, присутствующие не принимали никакого участия, некоторые относились скептически: "Голосуй не голосуй, а они своих проведут"[16]. Действительно, партийные организации пытались строго контролировать процесс выдвижения кандидатов в советы. Накануне выборов проводились собрания бедноты, на которых бедняцкие слои крестьянства обсуждали выдвинутые ячейками коммунистов кандидатуры, а сами выборы нередко превращались в голо-

Делегаты КАССР на XI Всероссийском съезде Советов. 1923 г. Слева направо: И.А.Ярвисало, И.А.Никитин, А.В. Шотман, Н.В. Архипов, И.А. Данилов

сование по подготовленному заранее списку. Иногда этот сценарий выборов мог сорваться, если в крестьянской среде находились беспартийные заводилы из среды местной интеллигенции. Так на первом съезде Советов Шелтозерского района в сентябре 1927 г. часть делегатов, сплотившихся вокруг местного фельдшера и председателя кооператива, выдвинула список, альтернативный подготовленному фракцией коммунистов, и провела своих кандидатов в члены райисполкома[17].

Около половины избирателей вообще не принимали участия в выборах. Кроме того, до 1936 г. избирательных прав были лишены предприниматели, торговцы, духовенство, крестьяне, использующие наемный труд или сдающие землю в аренду.

В годы нэпа регулярно собирались съезды Советов. В 1921—1927 гг. прошли семь Всекарельских съездов Советов. Каждый раз в их работе участвовало от 140 до 248 делегатов. Выборы делегатов были многостепенными, голосование чаще всего открытым, что, безусловно, также позволяло властям регулировать состав избранных. Хотя доля женщин среди делегатов за это время выросла с 2 до 14%, подавляющее большинство делегатов в 1920–е гг. составляли мужчины. Характерно, что среди делегатов была очень велика доля молодежи. Лица в возрасте до 30 лет, как правило, составляли 42—53% общей численности делегатов, а лица старше 50 лет — лишь 1—3 %. Именно молодежь составляла опору советской власти на местах.

Большинство представителей в высшем органе государственной власти Карелии составляли рабочие и крестьяне по происхождению. Более трети, а в 1924—1926 гг. примерно половина всех делегатов Всекарельских съездов Советов являлись крестьянами. Ситуация изменилась в 1927 г., когда среди избранных на VII Всекарельский съезд Советов оказалось лишь 23% крестьян, 11% служащих, а большинство делегатов (58%) составили рабочие. Их удельный вес на этом съезде более чем в 2 раза превышал представительство рабочих на съездах в прежние годы. Хотя удельный вес коммунистов в 1920–е гг. не превышал на местах 1—2% взрослого населения, начиная со II Всекарельского съезда Советов (1921 г.) большинство делегатов (от 59 до 79%) составляли члены коммунистической партии[18].

Всекарельские съезды Советов не представляли в 1920–е гг. все слои населения и весь спектр общественных настроений республики. В то же время эта была неплохая школа демократии для трудящихся края, в котором еще в начале XX века большин-

ство крестьян и рабочих были отчуждены от политической власти. Работа каждого съезда Советов становилась важным событием в жизни Карелии. На них обстоятельно обсуждались деятельность ЦИК и СНК КАССР, приоритеты развития экономики и культуры края, республиканский бюджет и налоги, ситуация на местах. Протоколы заседаний съездов сразу же издавались на русском и финском языках.

Осенью 1927 г. в Карелии проводится административно–территориальная реформа. Вместо 7 уездов и 55 волостей было создано 26 районов. Районирование упростило структуру местных советских органов. Административный аппарат в Карельской АССР сразу после реформы сократился на треть, а административные расходы на четверть. Главной целью реформы признавалось максимальное приближение государственного аппарата к сельскому населению. В ходе реформы предполагалось существенно расширить бюджетные права местных органов власти, передать им многие оперативные функции управления. Однако потенциал реформы не смог реализоваться в условиях начавшегося в конце 1920–х гг. "социалистического штурма" с его ставкой на сверхцентрализацию.

В начале нэпа немногочисленная партийная организация края еще более сократилась. Согласно данным Всероссийской переписи членов РКП(б), прошедшей в феврале 1922 г., партийная организация Карелии насчитывала 812 членов и кандидатов. Из них только 351 коммунист проживал в сельской местности. Четверть волостей края вообще не имела партийных ячеек, а там, где ячейки существовали, они состояли, как правило, из 3—5 человек. Особенно мало членов партии было в отдаленных карельских волостях Повенецкого и Кемского уездов. Курировало деятельность Карельской партийной организации Северо–Западное бюро ЦК РКП(б).

В 1921 — начале 1922 г. главным делом коммунистов продолжало оставаться военное. Осенью 1921 — зимой 1922 г., когда обострилась обстановка на севере Карелии, коммунисты перешли на казарменное положение, 526 членов партии были мобилизованы и отправлены на Карельский фронт в первые же дни боев. В сельских партийных ячейках Кемского уезда не осталось ни одного коммуниста — они либо служили в частях особого назначения, либо находились на охране железнодорожных мостов, либо работали в ревкомах. На территориях, находившихся под контролем антибольшевистских сил и интервентов, коммунисты становились первыми жертвами террора. Часть коммунистов погибла, часть осталась в армии, часть, напуганная трудностями, выбыла из партии.

К концу нэпа партийная организация Карелии несколько выросла, но продолжала оставаться довольно малочисленной. Согласно итогам партийной переписи 1927 г., она насчитывала в своих рядах 1914 членов и 965 кандидатов в члены партии. Таким образом, на 100 взрослых жителей Карелии приходилось 1—2 коммуниста. В это время большинство членов областной парторганизации составляли рабочие (53%). Удельный вес карелов среди коммунистов не превышал 11%[19]. Партийных организаторов на местах не хватало. Их постоянно перемещали из одной горячей точки в другую. Набирала силу практика, когда механизм назначений и перемещений все больше подменял собой принцип выборности партийных работников. В ходе административной реформы в 1927 г. была образована Ленинградская область, и Северо–Западное бюро ЦК ВКП(б) упразднено. С июня 1928 г. Карельская партийная организация была прикреплена к Ленинградскому обкому партии.

Большинство членов партии в Карелии стали коммунистами в годы гражданской войны. Нэп поставил перед партийными организациями новые задачи. Многих рядовых коммунистов это застало врасплох, они не смогли быстро адаптироваться к

новым реальностям. Ответственный секретарь Карельского обкома РКП(б) И. Ярви-сало в докладе о партстроительстве на второй облпартконференции (октябрь 1922 г.) признавал: "Есть случаи, когда коммунисты приобретают собственность, организуют свое дело, создают артели, чтобы получать прибыль" и делал следующий вывод: "Всякий собственник — потерянный для партии человек"[20].

Набирал силу процесс сращивания государственного и партийного аппарата. В середине 1920–х гг. коммунисты составляли 81% среди руководящих работников СНК и ЦИК КАССР, 90% руководящих кадров уездных исполкомов[21]. В том, что за короткий срок удалось преодолеть чудовищную разруху, возродить нормальную жизнь в Карелии, есть их немалая заслуга. В партию вступали прежде всего люди долга, честные труженики, хотя попадались и беспринципные приспособленцы. В 1920–е гг. активно работала контрольная партийная комиссия. Самые строгие взыскания — исключение коммуниста из партии — она выносила за воровство государственной собственности, преступления по должности, а также "шкурничество", "неблаговидные поступки". Наиболее распространенным проступком (более трети всех взысканий) являлось пьянство, в том числе и в служебное время.

Парторганизации Карелии принимали участие во всесоюзных партийных дискуссиях 1920–х гг. По данным переписи 1927 г., только 0,5% всех партийцев имели высшее образование и 8,8% — среднее образование[22]. Немногие из членов ВКП(б) прочли "Уроки Октября" Троцкого, полемику о "первоначальном социалистическом накоплении" Бухарина и Преображенского и другие сочинения большевистских теоретиков. Судя по резолюциям партийных собраний, осуждались не идеи, а само состояние разногласий среди лидеров партии. Ведь в 1920–е гг. коммунистов в глубинке было мало, и раздоры в верхах грозили подорвать с трудом завоевываемый авторитет. "Долой группировки и фракции", "К еще большему единству и энергии" призывали постановления партийных собраний. О последствиях подобного единомыслия, об опасностях свертывания демократии для самой партии недавно вовлеченные в политическую жизнь рядовые коммунисты на партсобраниях не рассуждали. В декабре 1927 г. на партийных собраниях в Карелии более 99,15% проголосовали за тезисы ЦК. Хотя исключение из партии Троцкого и его приверженцев в обществе расценивалось не так однозначно. Сводки ГПУ фиксировали в то время немало замечаний интеллигенции и служащих, высказанных в частных беседах: "Надо было обсудить вопрос более широко, дать понять всем, что обе стороны хотят, а потом уже выносить постановление", "Может быть, из–за личных счетов, из–за своих служебных портфелей происходят все эти исключения"[23].

По отношению к другим партиям большевики в годы нэпа сохраняли крайнюю нетерпимость. Не была легализована даже деятельность умеренных социалистических партий. В июле 1923 г. при Кароблотделе ГПУ на учете состояло 5 анархистов, 4 меньшевика, 11 правых эсеров, 8 левых эсеров, 9 кадетов, 8 монархистов, хотя активной политической деятельностью никто из них не занимался[24].

При подписании советско–финляндского мирного договора 14 октября 1920 г. советская делегация подтвердила, что языком администрации, законодательства, народного просвещения для карельского населения Архангельской и Олонецкой губерний будет местный народный, то есть карельский язык. Однако карельская письменность в 1920–е гг. так и не была создана. Более того, вопрос создания письменности на карельском языке вообще тогда не поднимался. Местные карелы говорили на трех основных диалектах, которые значительно отличались друг от друга. В это время карельский язык был еще недостаточно изучен лингвистами. Финские языковеды при-

держивались концепции, согласно которой собственно карельский и ливвиковский диалекты представляют собой наречия финского, а людиковский диалект — наречие вепсского языков. Для создания литературного карельского языка требовалась интеллигенция с университетской подготовкой в гуманитарных областях знаний, которой в Карелии почти не было.

Важную роль сыграла позиция финских политэмигрантов, решительно настаивавших на обучении карелов финскому языку. Вопрос о государственном языке стал предметом споров среди политической элиты Карелии в начале 1920–х гг. В связи с острым финансовым кризисом бюджет отдела народного образования в начале нэпа был сокращен. Решение Гюллинга 1/3 имевшихся денег выделить на развитие финских школ вызвало резкое несогласие части ответственных работников. Сокращение бюджетных ассигнований на содержание русских школ вело к их фактическому закрытию, что вызвало бы протест населения. "Тут заговорит народ", — предупреждал коллег в своем выступлении на первой областной партконференции (март 1922 г.) И. Данилов. Делегаты конференции карелы Терентьев, Н. Гаппоев подчеркивали, что "население само выберет то, что ему нужно", "следует считаться с желанием большинства трудящихся каждой отдельной местности"[25]. Гюллинга обвинили в стремлении насадить финнизацию.

Дискуссия продолжилась на второй областной партийной конференции (28 сентября — 2 октября 1922 г.). Делегаты Петрозаводского, Олонецкого уездов привезли постановления ряда волостных собраний о том, чтобы закрыть открытые там недавно финские школы и восстановить работу русских школ, введя в них финский язык как предмет. Еще до конференции в ряде волостей был проведен опрос карельского населения, какой язык обучения, на их взгляд, должен быть введен в школах. Большинство карелов высказались за преподавание на русском языке[26].

Перед конференцией группа партработников, в которую входили русские и карелы (И. Никитин, Логинов, Проскуряков, И. Власов, Х. Дорошин), послала в ЦК РКП(б) заявление с резкой критикой деятельности красных финнов. Резкое неприятие встретило решение Гюллинга о том, чтобы при назначении на ответственные должности отдавалось предпочтение тем, кто знает два языка — финский и русский. Финнов обвиняли в том, что они культивируют националистические чувства, отдавая приоритет финской культуре, финским кадрам. На самой конференции часть делегатов поставила в вину областкому развал партийной работы на местах (Никитин, Гаппоев), невнимание к деятельности отдела народного образования (Парфенов), "безобразные явления на почве национализма" (Егоров, Зеликсон), неправильное распределение должностей и функций работы (Хрисанфов). В этой ситуации Гюллинг проявил завидную выдержку. В своем докладе он говорил исключительно о социально–экономических проблемах жизни коммуны, подчеркнуто избегая комментариев по поводу критических выпадов делегатов, лишь, заканчивая доклад, произнес: "Мы должны отбросить все наши споры, все соединиться для общей работы и только тогда всегда сможем дать и дадим отпор белой Финляндии"[27].

Гюллинга активно поддержал секретарь Севзапбюро ЦК РКП(б) Б. Позерн, сделавший на конференции доклад о национальной политике. В основе его теоретических выкладок лежали решения VIII съезда партии по национальному вопросу. В дискуссии на съезде Ленин настаивал на сохранении в партийной программе лозунга — "Право наций на самоопределение", доказывая, что он важен для отпора великорусскому шовинизму, а также для пропаганды мировой революции на Западе. Решительно отвергнув обвинения в насильственной финнизации, Позерн указал русским оп-

понентам красных финнов, что именно они, проводя русификаторскую политику, разжигают национализм. Он подчеркивал: чтобы автономия не была просто вывеской, в ней необходимо обеспечить наибольшие гарантии тем народам, которые прежде не были равноправными, причем особое значение он придавал тому, что самим фактом своего успешного развития Карельская Трудовая Коммуна служит примером для рабочего движения в Финляндии: "Угнетаемые рабочие массы Финляндии знают, что рядом с ними есть область (Картрудкоммуна), где свободно живут их братья финны, имеют свои учреждения, организации, школы и т.п., свои руководящие органы, во главе которых стоят опять-таки сами финны, работа которых во всех отношениях процветает. Это побуждает их добиваться того же, то есть побуждает их на борьбу со своими угнетателями — со своей буржуазией"[28].

Позерна поддержали красные финны. Делегат Виртанен отметил, что многие финны поначалу в Карелию ехать не хотели: "Когда нас посылали, мы думали, что это — ссылка". А. Нуортева указывал, что финнам-мигрантам трудно адаптироваться на новом месте жительства, не имея земли, огородов, подспорья к заработку — "поневоле приходится помогать". Докладом Позерна осталась в целом довольна и оппозиция. По заявлению Ф. Егорова, речь т. Позерна внесла ясность. И. Никитин выразился еще более определенно: "Тов. Позерн говорит: где хотят — пусть будет русская культура, где хотят — финская, я скажу, что это и есть наш принцип". В резолюции конференции по национальному вопросу говорилось следующее: поскольку в Ухтинском районе сильна белофинская пропаганда, там необходимо вести культурную работу на финском языке, в русских районах и в южной Карелии необходимо в полной мере вести работу на русском языке, в других частях Карелии и особенно в пограничной полосе удовлетворять потребности населения в развитии как русской, так и финской культур. Любопытно, что делегаты-карелы отстаивали свободу выбора населением русской или финской культуры, но не выдвигали проблему полноправного развития карельской культуры. Более того, утверждение Ф. Егорова о том, что "карельской культуры нет, что уже доказано", ни у кого из присутствующих возражений не вызвало[29]. Реальную опасность для утраты своего национального самосознания делегаты-карелы видели в это время в силовом насаждении финского языка в образовании. Противовес насильственной финнизации виделся в сохранении русскоязычной культуры.

Постановление ЦИК КАССР от 9 августа 1924 г., принятое после голодной зимы и резкого спада активности избирателей на выборах в советы, закрепляло использование карельского языка во всех устных формах деятельности образовательных учреждений, в работе госаппарата. В качестве литературных языков предлагалось использовать русский и финский языки и официально провозглашалась свобода выбора населением одного из них.

Согласно военной реформе первых лет нэпа, основные положения которой были закреплены в Конституции СССР 1924 г., республики получили право иметь национальные воинские формирования. Осенью 1925 г. в Карелии был сформирован отдельный Карельский егерский батальон. Первым командиром национального батальона стал герой гражданской войны финн Э. Матсон. Батальон подразделялся на три стрелковых и одну станково-пулеметную роты, имел взвод конных разведчиков, взвод связи, артиллерийский взвод, саперно-маскировочный взвод, хозяйственную команду, а также команду музыкантов. Общая численность бойцов батальона в 1927 г. составляла 722 человека, в основном 23—24-летнего возраста. Среди рядового состава подавляющее большинство составляли карелы (65%) и русские (34%),

среди среднего и старшего командного состава преобладали финны (60%). При батальоне работала школа младшего комсостава. Батальон достаточно хорошо снабжался обмундированием, снаряжением, необходимым инвентарем. Дневной рацион питания бойцов составлялся из расчета 4705 калорий в день, что значительно превышало аналогичный показатель в армиях Запада. Программы обучения бойцов были насыщенными, в батальоне поддерживалась строгая дисциплина. При батальоне существовали свой театр, клуб, работали добровольные общества Друзей книги и др. Среди военных периодически возникали межнациональные трения, которые, впрочем, жестко пресекались командованием. В действительности беспокойство вышестоящих органов вызывала излишняя самостоятельность командиров–финнов: немногочисленная парторганизация не имела права вмешиваться в решение вопросов армейской жизни, наблюдалось увлечение некоторыми строевыми атрибутами по образцу западных армий. В конце 1920–х гг. Матсон был смещен со своего поста, но национальный батальон сохранился и в 1931 г. был преобразован в бригаду.

В годы нэпа предпринимаются попытки ввести жизнь общества в рамки закона. В 1922 г. ликвидируется ЧК, прекращается деятельность ревтрибуналов, реформируются органы юстиции. Во всех уездах учреждались народные суды: в Карелии было создано 19 судебных участков. Главный суд КАССР делился на 4 коллегии: уголовно–судебную, уголовно–кассационную, гражданско–судебную, гражданско–кассационную. Надзор за соблюдением законности с 1923 г. вновь стала вести прокуратура. Юридическую помощь населению оказывала Коллегия защитников при Главсуде АКССР. Для разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями стали создаваться арбитражные комиссии. Поддержание общественного порядка, охрана учреждений и предприятий возлагались на милицию. Совершенствовалась ее работа, повышалась зарплата сотрудникам, укреплялась дисциплина. Однако политика в правовой сфере отличалась противоречивостью. За рамки закона была выведена коммунистическая партия, законодательство сохраняло ярко выраженный классовый характер.

Укреплению правовых норм призвана была способствовать разработка законов конституционного характера. В 1924 г. II Всесоюзный съезд Советов принял Конституцию СССР. Спустя год была утверждена Конституция РСФСР, которая закрепляла правовой статус автономных республик. Их высшие органы власти получили право издавать законодательные акты в пределах прав, предоставленных автономиям, в том числе принимать конституции автономных республик, которые затем подлежали утверждению Всероссийского съезда Советов. Вопрос о разработке Конституции Карелии впервые был поставлен в 1923 г. на IV Всекарельском съезде Советов, поручившем ЦИК и СНК республики подготовить проект основного закона. При КарЦИКе была создана конституционная комиссия, которая в 1926 г. подготовила проект Конституции. В открытой печати этот документ не публиковался, но делегаты VI Всекарельского съезда Советов (январь 1926 г.) получили его для изучения.

Проект Конституции содержал специальные разделы об организации центральной и местной власти, об избирательной системе, написанные в соответствии с Конституцией РСФСР. Государственными языками КАССР в проекте основного закона признавались "карельско–финский" и русский. В проекте Конституции содержался ряд предложений о том, как должны строиться отношения между регионом и федеральным и союзным центрами. Признавая, что КАССР является федеративной частью РСФСР, разработчики проекта вместе с тем наделяли высшие органы власти

АКССР очень широкими правами в области государственного управления, экономики, просвещения, здравоохранения, культуры[30].

На VI Всекарельском съезде Советов был заслушан доклад наркома юстиции Копорева о проекте Конституции, а затем состоялось его обсуждение. В нем приняли участие представители наркоматов, делегаты из глубинки, интеллигенция. Их замечания касались статей, определяющих полномочия отдельных государственных органов, предлагалось внести в проект статьи о флаге и гербе Карелии. Оживленно дискутировалось закрепленное в проекте Конституции для КарЦИКа право помилования осужденных. Особо на съезде подчеркивалась необходимость закрепить в Конституции бюджетные права республики. В проекте конституционной комиссии этого пункта не было, но делегаты сочли его столь важным, что в резолюции по итогам обсуждения выделили это предложение отдельной статьей. В целом делегаты VI Всекарельского съезда Советов единогласно проголосовали за резолюцию, одобряющую проект Конституции республики как "материал для дальнейшей разработки". Вскоре было подготовлено несколько вариантов новых статей проекта Конституции, посвященных бюджетным правам республики. Поскольку в это время в Москве при ЦИК РСФСР работала специальная комиссия, рассматривавшая проекты конституций автономный республик, следовало согласовать с ней подготовленный документ. На этой стадии дело и застопорилось. Через год Э. Гюллинг докладывал VII Всекарельскому съезду Советов, что работа над текстом Конституции продолжается: согласован вопрос о флаге Карелии, о правах органов юстиции, но поскольку федеральный центр еще не определился по отношению к конституциям автономных республик, принимать Конституцию Карелии сейчас нельзя[31]. Таким образом, закрепить конституционно результаты государственного строительства в Карелии, особые бюджетные права республики в период нэпа не удалось. Впоследствии бюрократический централизм, недоверие и подозрительность сталинского руководства по отношению к целым народам в значительной мере перечеркнули накопленный в сложном поиске опыт строительства федеративных отношений.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ГОДЫ НЭПА

Переход к нэпу

К началу 1920-х гг. экономика Карелии была основательно разрушена. За время Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции объем лесозаготовок сократился в семь раз. В северных районах лесозаготовки совсем прекратились, а в южных заготавливалось немного дров для Петрограда, Мурманской железной дороги и местных нужд. Из 23 промышленных предприятий, действовавших на территории края в предвоенное время, продолжали работу в 1918—1920 гг. только Онежский (бывший Александровский) завод и несколько мелких предприятий в г. Петрозаводске, но и они функционировали с большими перебоями. Беломорские лесозаводы были вообще закрыты. Мурманская железная дорога работала крайне неритмично. Численность промышленных рабочих сократилась более чем в 3 раза и составляла к началу 1921 г. 1500—1600 человек[32]. В страшном запустении и нищете находилось сельское хозяйство. По сравнению с предвоенным временем посевные площади сократились в различных уездах Олонецкой губернии на 30—40%. Почти наполовину уменьшилось поголовье скота, а без рабочего скота крестьянское хозяйство было обречено на нищету[33].

Стоявшие у руля власти в Карелии политики вполне осознавали тяжесть социально–экономической ситуации, но связывали ее прежде всего с последствиями боев с контрреволюцией и интервентами. Политика "военного коммунизма" помогла выиграть войну, необходимость ее сохранения в ближайшем будущем под сомнение не ставилась. 27 января 1921 г. с докладом о прошедшем в Москве в конце декабря 1920 г. VIII Всероссийском съезде Советов перед членами Петрозаводского горсовета выступал секретарь Олонецкого губкома Я.Ф. Игошкин. Особенно подробно остановился докладчик на ситуации в деревне, признав, что "положение сельского хозяйства близко к катастрофе": падает урожайность, сокращается запашка, не хватает сельхозорудий. Тем не менее единственным выходом из сельскохозяйственного кризиса в начале 1921 г. признавалось укрепление государственного регулирования — съезд обязал повсеместно создавать посевкомы, которые отвечали бы за то, чтобы ни один клочок земли не остался незасеянным. В газетном отчете о полуторочасовой речи Я. Игошкина отмечено: "Горячо и убежденно говорит он о праве советского государства указывать крестьянину, какие семена и в каком количестве он должен засевать"[34].

11 февраля 1921 г. в Петрозаводске торжественно начал работу I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вера, что основные силы контрреволюции повержены и на севере России вот–вот взойдет заря социализма, сплачивала собравшихся в зале посланцев волостей Карелии и гостей из Скандинавии в едином порыве воодушевления. В программной речи председателя Карревкома Гюллинга были сформулированы две главные задачи Карельской Трудовой Коммуны на ближайшие годы: во–первых, революционизирующе влиять на соседние с красной Карелией северные государства Европы, во–вторых, возродить хозяйственное и духовное благосостояние богатого карельского края. Поначалу неизменным возмутителем спокойствия на заседаниях был делегат от Толмачевского культурно-просветительного союза Тверской губернии меньшевик М.Д. Шишкин. Он говорил о том, что Коммунистическая партия должна отказаться и от своего привилегированного положения в политической жизни России и от методов принуждения по отношению к трудящимся, от выколачивания хлеба разверстками. Декрет о посевкомах, убеждал М. Шишкин, тяжело отразится на крестьянах–бедняках и приведет лишь к росту бюрократизма. Поддержки среди делегатов съезда оратор не встретил. Шишкина упрекали в обывательщине, мещанстве и фарисействе.

В резолюции съезда по докладу продкома отмечалось: "Разверстка как метод при проведении хлебной монополии и заготовки других продуктов питания и сырья в настоящих условиях является единственно правильной"[35]. Вместе с тем практика проведения разверсток — неразбериха в организации сборов со стороны Наркомпрода, жестокость методов проведения разверсток — подверглась жесткой критике. Делегат Тулмозерской волости Н. Власов упрекал продком в том, что при проведении разверстки "применялись сплошь и рядом энергичные меры взыскания, вплоть до арестов, драли, что называется, по три шкуры". И.В. Федосеев из Тивдийской волости подчеркивал, что при разверстках отбирают не излишки, а последнее под угрозой пулемета. Делегат из Олонца П.И. Кунжин в своем выступлении признал: "Разверстки тяжелым бременем легли на население и в значительной степени содействовали охлаждению его к Советской власти". Особую тревогу делегатов вызывало продовольственное положение КТК. На вопрос, какие продукты имеются на складах, докладчик от Карпродкома член Карревевкома В.Т. Гурьев отвечал: "Хлеба почти нет". Представители карельских волостей Кемского уезда обратились к съезду с просьбой особо обсудить меры срочной помощи этим волостям продовольствием из Финляндии[36].

Вскоре после завершения I Всекарельского съезда Советов П.Ф. Анохин, И.А. Данилов, Я.Ф. Игошкин, В.М. Куджиев отправились в Москву, где в условиях резкого обострения общеполитической обстановки в стране 8 марта 1921 г. начал работу X съезд РКП(б). События в Кронштадте, острая фракционная борьба, дискуссии по национальному вопросу поглотили внимание делегатов. Лишь на седьмой день работы на рассмотрение съезда был вынесен и без особых дискуссий решен вопрос об отмене разверстки и введении натурального налога. Все запасы продовольствия, сырья, фуража, оставшиеся у земледельцев после сдачи налога, признавались их собственностью и могли обмениваться на предметы фабрично–заводской и кустарной промышленности в пределах местного хозяйственного оборота. Термин торговля в резолюции съезда не использовался. Главной задачей признавалась организация простого продуктообмена между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Предполагалось создать фонд промышленных товаров и распределять их в деревне через аппарат Наркомпрода и кооперацию. 21 марта 1921 г. был принят декрет ВЦИК и СНК "О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом".

24 марта 1921 г. в Петрозаводске впервые вышли газеты с материалами о нэпе под заголовком "Налог вместо разверстки". Многие коммунисты на местах признавались, что "нэп захватил как партийные, так и советские организации врасплох", тем не менее они взялись за пропаганду решений X съезда партии. Активизировались попытки наладить отношения с кооператорами. 17 апреля 1921 г. в Петрозаводске прошло собрание уполномоченных единого потребительского общества, на котором развернулась острая полемика между коммунистами и активом кооператива, бывшими членами эсеровской партии. А.П. Тихомиров, в прошлом левый эсер, в своей пылкой речи подчеркнул, что коммунисты вели ошибочную политику, чуть не приведшую страну к гибели. Кооператоры приветствовали разрешение свободного обмена и курс на возрождение кооперации. По мнению А. Тихомирова, именно сейчас коммунисты встали на верную дорогу. С оценкой происходящего не согласились местные лидеры РКП(б). Я. Игошкин убеждал своих оппонентов: "Разверстка была введена не по ошибке, а по необходимости. Шла война, нужно было кормить армию и пролетариат". В. Куджиев доказывал, что мечтания Тихомирова о свободе торговли ведут к возрождению капитализма, и, организуя товарообмен, большевики остаются противниками свободы торговли. Несмотря на разность взглядов практическое сотрудничество властей и кооперации налаживалось.

Для организации товарообмена Карпродком и Олонецкий губпродком передали областному союзу кооперативов КТК и Олонецкому губсоюзу имевшиеся в их распоряжении запасы товаров. Они оказались весьма скудными и состояли из предметов домашнего обихода и сельскохозяйственного инвентаря, изготовленного на Онежском и Куйтежском заводах: кос, серпов, сковородок и т. п. В качестве эквивалента обмена товаров использовался один фунт сливочного масла или один фунт ржи. Предположим, сдав 50 фунтов сливочного масла, крестьянин мог приобрести плуг. В ходе товарообмена летом — осенью 1921 г. союз кооперативов КТК собрал 3 тыс. пудов хлеба, Олонецкий губсоюз — более 700 пудов зерна и муки. Кроме того удалось собрать некоторое количество мяса, рыбы, масла и других продуктов. В целом товарообмен, задуманный в условиях развала промышленности и осуществлявшийся громоздким бюрократическим аппаратом, закончился провалом. За эти месяцы продовольственное положение в Карелии резко ухудшилось. В условиях повсеместного голода антиправительственные выступления набирали силу, особенно на севере.

Выступая на VII Московской губернской партконференции 29 октября 1921 г. В.И. Ленин признал, что товарообмен в России сорвался, он вылился в куплю–продажу. Осенью 1921 г. большевики вынуждены были пойти на легализацию процветавшей подпольно торговли. Широкое использование рыночных отношений в переходный к социализму период, отказ от всеобщего огосударствления экономики при сохранении диктатуры пролетариата — эти идеи составили суть нэповской экономики. Нэп формировался как антикризисная политика и в этом отношении оказался чрезвычайно успешным: в обществе была снята резкая социальная напряженность, в течение нескольких лет удалось поднять из руин экономику и восстановить довоенный уровень производства.

Реформа экономики проходила в неимоверно трудных условиях. Военные действия в Карелии осенью 1921 — зимой 1922 г. вызвали новую волну разрухи и запустения. В пострадавших волостях около 9 тыс. человек нуждались в срочной помощи. Многие крестьянские хозяйства остались без лошадей. Из имевшихся в 1921 г. в Карелии 11 тыс. лошадей более 2 тыс. было угнано в Финляндию, около 1 тыс. погибло при перевозке грузов для Красной армии. Правительство закупило 500 лошадей в Финляндии. Крестьянам лошади передавались за плату или их стоимость требовалось отработать. Функционировала межведомственная комиссия, которая оплачивала крестьянам стоимость лошадей, павших при перевозке грузов для Красной армии, реквизированных продуктов и фуража. Комиссия выплатила гражданам около 500 млрд руб. Впрочем, деньги в то время мало чего стоили, да и получили их далеко не все пострадавшие. Осенью 1923 г. разразился кризис сбыта. Хозяйственные трудности в крае усугубил голод 1923/24 г.

Справиться с тяжелым положением в экономике помогло правительство РСФСР, предоставив Карелии продовольственные и денежные ссуды, выделив дотации для поддержки промышленности. В 1921 г. Карелия получила ссуду в 0,5 млн золотых рублей, на которые за границей было закуплено продовольствие. В 1922/23 г. для закупки продовольствия за границей и развития промышленности правительство РСФСР выдало новую денежную ссуду в 1 млн золотых рублей, а позднее — продовольственную ссуду в 300 тыс. пудов зерна. Специальная ссуда предоставлялась для покупки лошадей и крупного рогатого скота. Осенью 1923 г. в Карелию направляется 500 тыс. пудов хлеба, а для поддержки промышленности предоставляется крупная денежная дотация[37].

Сложнейшие социально–экономические проблемы жизни края энергично решало правительство Карелии, которое с 1923 по 1935 г. бессменно возглавлял Э.А. Гюллинг. Среди партийной элиты того времени этот человек выделялся высоким уровнем профессиональной подготовки в области экономики. По окончании университета он работал статистиком в Гельсингфорсе, затем получил степень магистра и должность приват–доцента в Гельсингфорском университете. Как член социал–демократической партии был избран в сейм, где работал в бюджетной комиссии и даже был ее председателем. Гюллинг сыграл важную роль в формировании нэповской модели экономики Карелии в 1920–е гг.

Экономическую работу в начале нэпа направляло так называемое Карельское экономическое совещание, которое возглавлял А.В. Шотман. С октября 1923 г. начал работу Совнархоз КАССР, возглавлявший промышленность республики. Первым председателем СНХ КАССР стал Г.А. Саксман, затем его сменили И.А. Данилов, И.А. Никитин. В 1925 г. СНХ был преобразован в Центральный совет народного хозяйства, во главе которого стал А.Н. Лесков, карел по национальности. Сын извест-

ного общественного деятеля, А.Н. Лесков закончил в 1917 г. Олонецкую гимназию, несколько месяцев работал в Олонецком губстатбюро и позднее в анкетах на вопрос об основной специальности отвечал: "статистика". В годы революции Лесков активно включился в политику, был продовольственным комиссаром Олонгубисполкома, затем членом Карисполкома, в 1921 г. участвовал в борьбе с бандитизмом. После Гражданской войны А. Лесков играл одну из ключевых ролей в правительстве Карелии, являясь комиссаром финансов, председателем плановой комиссии, заместителем председателя СНК. В разных сферах экономики республики в 1920–е гг. успешно трудились представители дореволюционной интеллигенции Олонецкого края, бывшие земские деятели. Среди них С.В. Григорьев, С.М. Эрихман, Б.А. Потапов, И.А. Кищенко, А.А. Бернацкий, В.Ф. Волейко и др. Многие из них не разделяли марксистского мировоззрения, но интеллигенции импонировали энергичные усилия властей, самоотверженность рабочих и крестьян в деле хозяйственного восстановления Карелии.

Еще летом 1920 г. началась разработка проекта долгосрочного хозяйственного плана развития коммуны. С этой целью в ноябре 1920 г. в Карелию прибыл инженер член рабочей партии Норвегии Х. Лангсет. Он составил программы развития лесного хозяйства и лесной промышленности, строительства гидроэлектростанции и развития путей сообщения, подготовил примерное финансовое обоснование этих планов[38]. В конце декабря 1920 г. Гюллинг обсуждал этот проект с Лениным. Вспоминая впоследствии о содержании этой беседы, Гюллинг отмечал: "Мы говорили о создании в Карелии бумажной промышленности и о постройке гидростанции". В начале 1921 г. в центр для утверждения были направлены два проекта хозяйственных планов, один из которых предусматривал основные направления развития экономики, а второй — источники финансирования.

26 апреля 1921 г. СНК РСФСР принял постановление об основных направлениях хозяйственного развития Карелии, в котором намечались принципиально новые перспективы для экономики края, существенно отставшего в промышленном развитии от центральных районов европейской России и ориентированного на вывоз лесного сырья за границу. В постановлении была сжато сформулирована программа промышленного развития на ближайшие годы. Суть ее состояла в ускоренном развитии лесной, деревообрабатывающей, бумажной и горной промышленности. Предусматривалось создание новых индустриальных "узлов". Сравнительно подробно был описан промышленный центр, который предстояло создать на р. Суне около д. Кондопога. Он включал электрическую станцию, бумажную фабрику, целлюлозную фабрику и деревообрабатывающий завод. Именно с этих объектов начиналось в документе перечисление "срочных работ". Постановление определяло также вклад Карелии в стабилизацию экономики Советской России. Этот регион рассматривался Москвой как источник валютных поступлений от экспорта леса и как поставщик топлива для Петрограда, поэтому намечалось "усиление вывоза из Карелии леса и дров". Экспорт леса должен был гарантировать средства для индустриализации самой Карелии.

Бюджет

В постановлениях СНК РСФСР от 26 апреля 1921 г., 27 апреля 1922 г., 2 февраля 1923 г. и 3 августа 1923 г. определялись источники средств, необходимых для выполнения намеченных хозяйственных планов. Карельская Трудовая Коммуна освобождалась на три года от участия в общегосударственных расходах. Все доходы от разви-

тия промышленности и торговли должны были идти на развитие местной экономики. Москва предоставила Карелии также право использования и продажи за границей 25% экспортного леса, заготовленного на ее территории. На полученные от продажи этого леса средства КТК могла самостоятельно закупать продовольствие и необходимые товары за границей. Только с 1923/24 хозяйственного года карельский бюджет стал включаться в федеральный бюджет. При этом Карелия сохраняла ряд бюджетных преимуществ. Согласно постановлениям СНК СССР от 25 июля 1924 г., 13 февраля 1925 г. в доходную часть бюджета КАССР включались государственные прямые и косвенные налоги, акцизы и таможенные пошлины, собираемые на территории республики, доходы от государственного имущества (за исключением Мурманской железной дороги). Поскольку бюджетные права Карелии регулировались нормативными актами, правительство республики ежегодно прикладывало большие усилия, чтобы продлевать их, и стремилось закрепить бюджетные права законодательно, прежде всего в Конституции.

Хозяйственная жизнь республики регулировалась Карельской конторой Госбанка, а также Карелкомбанком и Карсельхозбанком. Важнейшим направлением финансовой политики Карельского правительства стало формирование бездефицитного бюджета. Поскольку в бюджет республики шли почти все государственные доходы, извлекаемые на ее территории, задачу правительства Э. Гюллинг видел в том, чтобы "строить планы, хотя и рассчитывая на поддержку Союза, но строить их на основе тех средств, которые Карелия сама сумела до сих пор и сумеет в дальнейшем извлекать из своего народного хозяйства". В 1922 г. был составлен первый бюджет Карелии. К 1 июля стало ясно, что он провалился, поскольку не удалось получить намеченных доходов. Поэтому пришлось сокращать хозяйственные расходы, уменьшать зарплату совслужащих. Неурожай 1923 г., высокий уровень инфляции, незавершенность денежной реформы негативно сказались на бюджете 1923/24 г., который также был исполнен с дефицитом. Но уже в 1924/1925 бюджетном году, по данным правительства, доходы (7 031500 руб.) несколько превысили расходы (6 560700 руб.)[39].

С финансовой точки зрения достаточно успешным для республики оказался 1925/26 хозяйственный год. В лесной промышленности были использованы недорубы прошлых лет, введена система торгов при продаже леса, погашена задолженность по внесению попенной платы. Кроме того, вновь возросли косвенные налоги. В итоге доходы Карелии увеличились на 70%[40]. В середине 1920–х гг. Карелия, помимо финансирования своего хозяйства, уже участвовала в общегосударственных расходах, внося ежегодно в бюджет РСФСР 850 тыс. руб., и смогла рассчитаться за полученные из центра хлебные и денежные ссуды.

В середине 1920–х гг. более четверти доходов в бюджете Карелии составляли налоговые поступления, а в конце 1920–х гг. их удельный вес в бюджете республики повысился до 37—42 %. При этом росла прежде всего доля косвенных налогов. В 1924/25 г. они составляли примерно треть, а в 1927/28 г. уже более половины всех налоговых поступлений. Главную роль среди косвенных налогов играли акцизы на табачные изделия, сахар, водку (ее продажа была разрешена в 1924 г.). О росте душевого потребления важнейших подакцизных товаров в годы нэпа свидетельствуют следующие данные. Если в 1924/25 г. на душу населения в Карелии продавалось 1,4 бутылки хлебного вина, то в 1927/28 г. — 9,2 бутылки, сахаропродуктов соответственно 3,7 и 12,5 кг, табачных изделий— 102 и 261 штука[41].

В 1921 г. размер продналога незначительно уступал в количественном отношении

разверстке. В 1922 г. в Карелии был неурожай озимых хлебов, что сказалось на собираемости налога. Поступление продналога довольно успешно шло в Олонецком и Петрозаводском уездах, а в Повенецком уезде в октябре 1922 г. было собрано лишь 12% налога. На второй областной партконференции делегат Кондратьев (Повенецкий уком) жаловался: "Налоги на крестьян сыпятся как из рога изобилия". Продналог в Повенецком районе считают из расчета 30 пудов с десятины, вместе с помольным сбором это составляет 52 тыс. пудов: "Это слишком много. Это ошибка центра. Крестьяне сознают, что платить продналог надо, но столько уплатить они не в силах. Это вызывает некоторое недовольство"[42].

В 1922 г. продналог был заменен единым натуральным налогом, которым облагалась не только сельскохозяйственная продукция, но и скот в крестьянском хозяйстве. В середине 1920–х гг. ставки налога снизились, он стал взиматься в денежной форме. Недоимки по сельхозналогу были незначительны и не превышали 3% собираемых сумм. В среднем на одно крестьянское хозяйство в Карелии сельхозналог составлял в 1924/25 г. 8 руб. 95 коп., а к 1928/29 г. он увеличился до 12 руб. 46 коп. Тяжесть налога сильно зависела от того, к какой социальной группе принадлежало хозяйство. В конце нэпа бедняцкие хозяйства в Карелии платили 1 руб. 20 коп, а кулацкие — 125 руб. 20 коп.[43] Не имевшие рабочего скота крестьяне платили налог в 3—4 раза меньше, чем те, кто владел лошадью. Государство устанавливало максимальные налоговые льготы маломощным хозяйствам и тем самым заручалось политической поддержкой бедняцких слоев деревни, видевших в советской власти своего защитника.

Основное налоговое бремя легло на зажиточные слои деревни. Чрезмерный налоговый пресс сдерживал накопление капитала в крепких хозяйствах, не давал в полную меру развернуться предпринимательству. "Налог из года в год повышается, становится тяжелым, — жаловались олонецкие крестьяне. — При таком положении не только не укрепишь свое хозяйство, но и удержать его будет трудно"[44]. С досады у крестьян вырывалось: "Хорошо только лентяям". Конечно, большинство крестьян, перебивавшихся в нужде, лентяями не были, наоборот, трудились, не покладая рук, чтобы прокормить себя и малых детей. Но правда и то, что весьма относительное благополучие крепких хозяев основывалось на многолетней работе в поте лица, на собственной предприимчивости и хозяйской сметке. Получалось, что государство душило налогами тех, за счет кого, в первую очередь, кормились города и армия.

Доля неналоговых доходов в бюджете имела тенденцию к снижению. Среди них львиная доля приходилась на лесные доходы. В 1924/25 хозяйственном году неналоговые поступления в бюджет составили 75,4% всех сборов, из них 73,2% дали лесные доходы. Доходы от других отраслей промышленности занимали в нэповском бюджете скромное место. Только 12% доходов лесной промышленности возвращалось лесному ведомству, остальные средства направлялись на финансирование других отраслей хозяйства. На развитие промышленности республики было ассигновано в 1924/25 г. 1155,6 тыс. руб., а в следующем хозяйственном году уже 3957,5 тыс. руб. Финансовое положение Карелии в значительной степени определялось уровнем доходов лесной промышленности. Во второй половине 1920–х гг. они стали сокращаться, и это сразу же отразилось на республиканском бюджете.

В 1926/27 г. вследствие падения доходов лесной промышленности карельский бюджет оказался под угрозой миллионного дефицита, и лишь перенесение части платежей на следующий год позволило худо–бедно свести концы с концами. Сразу же сократились вложения в промышленность. В публичных выступлениях Э. Гюллинга

в 1926—1929 гг. идея бездефицитного бюджета уже почти не звучит, наоборот, всячески подчеркивается тяжелое финансовое положение промышленности республики. Если в 1925/26 г. долг промышленности банкам составлял около 6 млн руб., то к концу 1928 г. он увеличился до 18 млн руб. Предприятия существовали за счет банковских кредитов, размеры которых во много раз превосходили их оборотный капитал. В то же время прибыль промышленности сократилась с 1925/26 г. по 1928 г. с 900 тыс. до 100 тыс. руб.[45]

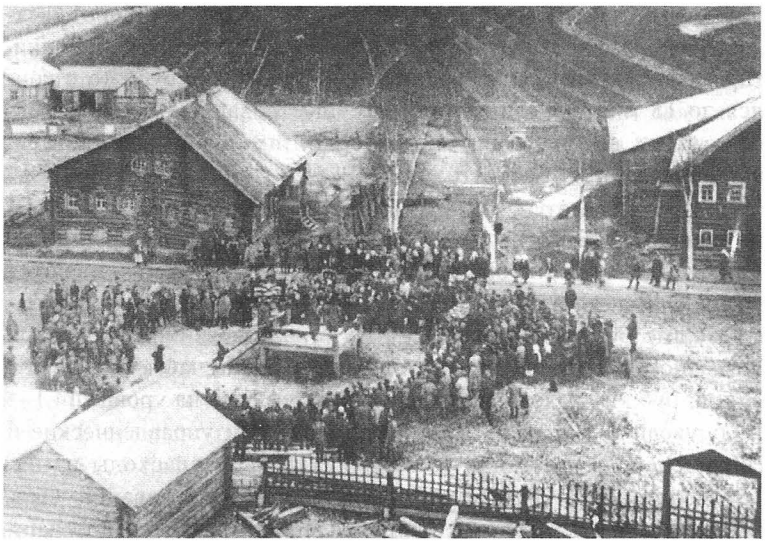
Несмотря на то, что данные о бюджетных расходах в различных источниках приводятся разные, а при проверке опубликованных таблиц нередко обнаруживаются ошибки в подсчетах, наконец, не всегда статистические данные оказываются сопоставимыми, можно все же говорить об основных тенденциях в расходовании бюджетных средств в годы нэпа. Согласно опубликованным данным, расходная часть бюджета в 1924/25 г. составляла 7,6 млн руб., в последующие два года держалась на уровне 14,1—14,9 млн руб., в 1927/28 г. увеличилась до 19,7 млн руб. При этом управленческие и административно-судебные расходы ежегодно составляли 18—20%, расходы на народное образование и здравоохранение 20—25% всех бюджетных ассигнований. Около четверти бюджетных расходов в республике направлялось на развитие промышленности.

Крупных затрат потребовало строительство ГЭС и бумажной фабрики в Кондопоге. Поначалу в развитие электрификации Карелии вкладывались лишь деньги, поступавшие из федерального центра. В эту сферу экономики направлялось 800 тыс. руб. из 1 млн ссуды от правительства РСФСР в 1922/23 г., все поступления из центра в 1923—1925 гг. (1 625 тыс. руб.). В начале 1924 г. в связи с тяжелым экономическим и финансовым положением республики значительно сократились работы на Кондопожском строительстве, продолжить их удалось благодаря финансовой помощи центра. С 1923/24 бюджетного года началось выделение средств на электрификацию и из республиканского бюджета. На эти цели в 1923/24 г. было отпущено 72 тыс. руб., в 1924/25 г. — уже 750 тыс. руб. Во второй половине 1920-х гг. Кондострою ежегодно из республиканского бюджета выделялось от 2 до 3,4 млн руб. Общая стоимость Кондопожского строительства по первоначальным расчетам оценивалась в 8,8 млн. руб., но реально она оказалась выше более чем в два раза и составила 19,6 млн руб. Из них 8,5 млн руб. ушло на строительство ГЭС и 11,1 млн руб. — на постройку и оборудование бумажной фабрики[46].

Средства на развитие деревообрабатывающей промышленности в первой половине 1920-х гг. выделялись исключительно из республиканского бюджета и прежде всего для Кареллеса. В 1923/24 г. в деревообрабатывающую промышленность было направлено 436 тыс. руб., в следующем году — 65 тыс. руб. В 1926—1928 гг., когда Кареллес начал замену на лесозаводах устаревших рам, тресту было выделено из республиканского бюджета более 1,7 млн руб. Финансовую поддержку получали также нерентабельный Онежский завод, зарождавшаяся горная промышленность[47].

Кондострой

Безусловно наиболее значительной стройкой в годы нэпа являлось сооружение Кондопожской ГЭС и бумажной фабрики. Строительство ГЭС началось еще в годы первой мировой войны. Тогда в Кондопожской волости Главное артиллерийское управление Военного министерства начало подготовку строительства завода азот-

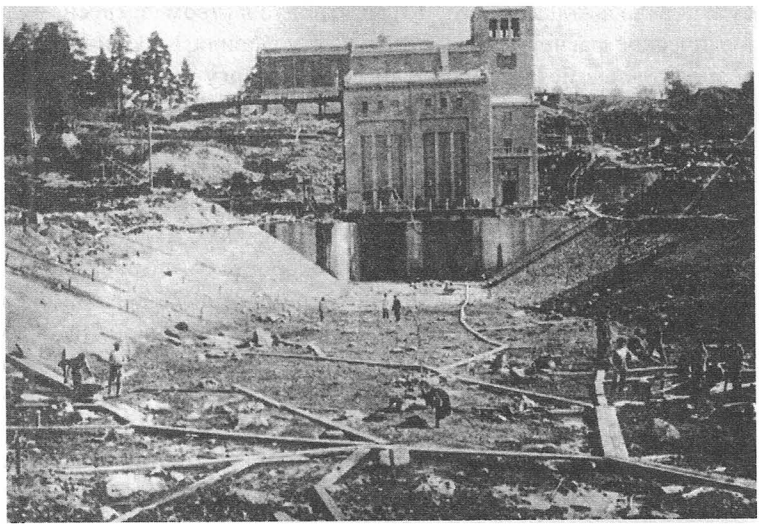


Митинг в Кондопоге, посвященный началу строительства бумажной фабрики. 27 января 1924 г.

ной кислоты, необходимой для производства пороха. Поскольку производство азотной кислоты требовало большого расхода электроэнергии, и было начато строительство гидроэлектростанции около Кондопоги. Проектная мощность ГЭС составляла 30 тыс. киловатт, и она могла стать крупнейшей в России. Однако в годы революции и Гражданской войны работы прекратились. В 1920 г. строительство электростанции на р. Суне вошло в план ГОЭЛРО. Создание Кондопожского промышленного узла было признано ведущим направлением модернизации промышленности края. К разработке проекта ГЭС привлекались крупные специалисты С.В. Григорьев, Б.И. Алексеев, С.А. Берсонов и другие. Летом 1923 г. образована строительная организация Кондострой. Первым начальником и главным инженером Кондостроя стал видный инженер–гидроэнергетик Д.И. Верещагин, участвовавший в работе ГОЭЛРО.

Строительство велось в сложных условиях. Прокладывая подводящий канал, рабочие выполнили огромный по тому времени объем работ: было вынуто 626 тыс. кубометров грунта, в том числе 50 тыс. кубометров скальных пород. Тачка, лопата, носилки — вот по существу и вся техника, которая поначалу имелась в распоряжении землекопов. Директор бумажной фабрики Г. Ярвимяки вспоминал, что ему удалось всего на четыре месяца раздобыть экскаватор в Ленинграде. За это время работу закончить не успели, а владелец требовал экскаватор срочно вернуть и прислал за ним своего представителя. Ярвимяки стал убеждать его, что летом машину по болотным топям вывезти невозможно. Гостя специально отвели к работающему экскаватору по таким труднопроходимым болотам, что он уже не настаивал на своем. Экскаватор остался на стройке до полного завершения работ[48]. Не все удалось выполнить сразу качественно. Для кладки стен здания фабрики использовался старый кирпич Муромского монастыря, и уже готовые стены вдруг дали трещины, местами куски кирпича отваливались вовсе. Не удалось поначалу добиться непроницаемости дна канала, вода просачивалась сквозь защитный слой, из–за чего стоимость работ заметно возросла.

Остро стояла проблема обеспечения Кондостроя рабочей силой. Активное учас-



Завершающие работы на строительстве Кондопожской ГЭС

тие в строительстве ГЭС и фабрики приняли местные крестьяне. В 1927 г. 50% рабочих и служащих Кондостроя составляли жители Карелии. Строительное управление проводило организованный набор рабочих из других регионов страны. В Кондопогу прибыли землекопы из Смоленщины, плотники из Череповецкой губернии. На стройку приехали специалисты по скальным работам из Канады, финны по национальности. Число рабочих быстро росло: в 1923 г. на Кондострое трудилось 334, а в 1927 г. уже 2707 человек , 2/3 из них составляли сезонники.

Рабочий И.К. Тарасов вспоминал: "Кондострой стал кузницей рабочих кадров. Многие вчерашние строители с пуском фабрики стали ее постоянными рабочими. Некоторые из них потом были выдвинуты на руководящую работу в республике: машинист А.О. Яковлев стал главным инженером предприятия, рабочий–землекоп П.Ф. Филатов — управляющим Карельским отделением госбанка, рабочий–землекоп Д.П. Юринов — директором леспромхоза, а позднее — управляющим треста "Южкареллес", машинист М.А. Данилов незадолго до Великой Отечественной войны был избран секретарем райкома партии. Многие кондостроевцы, ставшие квалифицированными рабочими, трудились на других стройках страны"[49].

Много сил и профессиональных знаний отдали Кондопожскому строительству инженеры Н.Н. Босенко, А.В. Бакулин, К.И. Радченко, С.В. Григорьев и др. Н. Босенко, выходец из крестьянской семьи, и А. Бакулин, дворянин по происхождению, оба были выпускниками Петербургского института инженеров путей сообщения, оба много поездили по стране, возводя мосты, строя дороги и промышленные объекты. Накопленный опыт они передавали карельским строителям.

В 1927 г. основные строительные работы были завершены, начался монтаж оборудования. По возможности заказы для ГЭС размещались на отечественных заводах, но часть техники и оборудования можно было купить только за границей. Всеобщее шведское электротехническое общество (АСЕА) предложило Кондострою на выгодных условиях уже исполненный заказ на оборудование ГЭС, сделанный в свое время "Азотпостройкой". Предложение было принято.

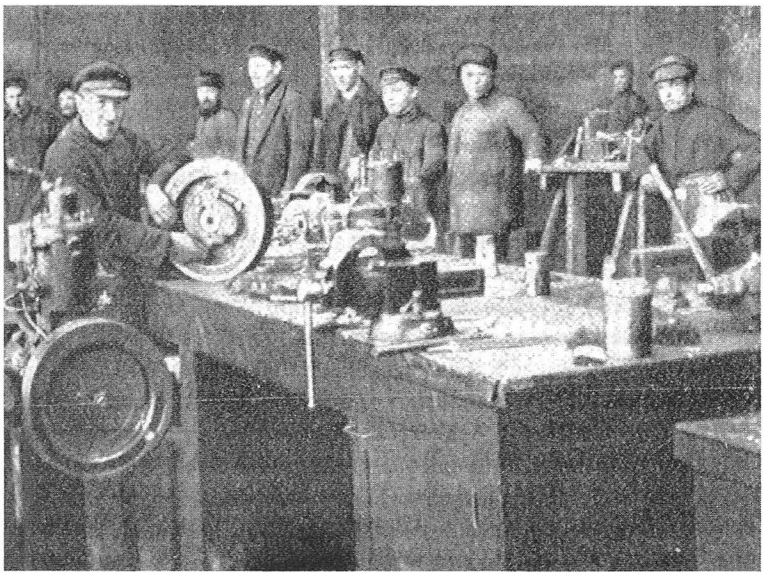
Одновременно с сооружением ГЭС шло строительство фабрики. Поначалу рас-

сматривалась идея ограничиться строительством древесно-массного завода, но экономические расчеты показали, что в условиях Карелии выработка одной лишь древесной массы без переработки ее на бумагу окажется нерентабельной. Остановились на проекте строительства бумажной фабрики и целлюлозного завода. В докладной записке Д.И. Верещагина в июне 1925 г. сформулированы идеи об установке на фабрике двух бумагоделательных машин с общей производительностью 42 тыс. тонн газетной бумаги. Поскольку местные рабочие не владели достаточной квалификацией для обслуживания скоростных машин, предлагалось в первое время запустить машины на пониженных скоростях и вырабатывать в год до 25 тыс. тонн газетной бумаги. Постепенно, по мере роста квалификации рабочих, появилась бы возможность увеличить скорость машин до плановой. Во время прохождения бумаг по вышестоящим инстанциям в проект вносились изменения, и в конце концов СТО 31 июля 1925 г. утвердил решение об установке на Кондопожской фабрике одной бумагоделательной машины с производительностью 25 тыс. тонн бумаги в год. Современное оборудование было закуплено в Германии, Чехословакии и Швеции. Успех деловых переговоров с западными фирмами определило советско-германское соглашение 1926 г.[50].

В ходе строительства первоначальная стоимость ГЭС увеличилась более, чем в 2 раза, стоимость бумажной фабрики — в 3,5 раза. Резкое удорожание работ по Кондострою вызвало тревогу ВСНХ: смогут ли в обозримом будущем окупиться вложенные средства, будет ли фабрика рентабельной? Среди некоторых специалистов ВСНХ выдвигались даже идеи о том, чтобы строительство приостановить, закупленное оборудование отправить на Балахнинский бумажный комбинат, а в Кондопоге открыть картонную фабрику. В мае 1928 г. научно-технический совет бумажной промышленности трижды обсуждал вопрос о стоимости и рентабельности возводившегося в Карелии предприятия и пришел к заключению, что валютные вложения в размере 1млн 150 тыс. долларов вернутся государству менее чем через год успешной работы фабрики, при этом валютные расходы на импорт бумаги сократятся, население Кондопожского района получит постоянную работу, возрастет грузооборот Мурманской железной дороги. Эти и другие аргументы позволили признать вложение государственных средств в строительство Кондопожского комбината целесообразным[51].

Вместе с тем во второй половине 1920-х гг. обозначились проблемы, которые предстояло решать незамедлительно. Себестоимость гидроэнергии оказалась намного выше, чем предполагалось по проекту. В регионе не было в то время достаточного числа промышленных предприятий, которые могла обслуживать гидроэлектростанция (бумажная фабрика имела свое паросиловое хозяйство и не потребляла гидроэнергию). Кондопожская бумага оказалась дороже производившейся на аналогичных предприятиях СССР. Для решения многих проблем требовалось дальнейшее промышленное освоение региона: следовало отказаться от привозной целлюлозы, построив свой целлюлозный завод, увеличить производственные мощности ГЭС и фабрики, повысить квалификацию рабочих.

В январе 1929 г. первая очередь Кондопожской гидроэлектростанции вступила в строй. На открытие ГЭС приехали делегаты VIII Всекарельского съезда Советов, представители районов республики. В июне 1929 г. первую продукцию дала Кондопожская бумажная фабрика — это был праздник всей Карелии. Ввод в строй ГЭС и бумажной фабрики в Кондопоге дал мощный импульс дальнейшей индустриализации края.



Сборка двигателей на Онежском заводе. 1921 г.

Промышленность

Достаточно сложно складывалась в годы нэпа судьба старейшего промышленного предприятия края — Онежского завода. После завершения Первой мировой войны впервые за свою долгую историю заводу пришлось осваивать преимущественно гражданскую продукцию. Конверсия производства проходила очень сложно. В начале нэпа вставал вопрос о полном закрытии завода, поскольку не было заказов. С 21 июня по 12 сентября 1921 г. производство полностью остановилось, однако окончательного закрытия завода удалось избежать. На это не решились прежде всего по политическим соображениям. В случае закрытия завода более тысячи рабочих, в том числе высокой квалификации, стали бы безработными, что подорвало бы престиж рабоче–крестьянской власти и вызвало тяжелые социальные последствия. Кроме того за военные годы на заводе скопились большие запасы сырья, их должно было хватить до середины 1920–х гг.

С октября 1922 г. Онежский завод перешел на хозяйственный расчет. Осенью 1923 г. во время промышленного кризиса на Онегзаводе обострилась проблема получения денег за произведенную продукцию. Финансовое положение предприятия стало катастрофическим. Администрация непрерывно вела поиск госзаказов. Завод стал проводить ремонт паровозов и вагонов, но эти работы шли с бесконечными перебоями, поскольку Мурманская железная дорога, испытывавшая финансовые затруднения, плохо рассчитывалась за выполненные заказы. Долги железной дороги заводу росли. Началось сокращение штатов, из 1200 заводских рабочих 300 человек были уволены. В ЦИК АКССР вновь рассматривался вопрос о полном закрытии Онегзавода как убыточного предприятия. Однако крайних мер удалось избежать и на сей раз.

Были отремонтированы металлургический и прокатный цехи. После семилетнего перерыва возобновилось мартеновское производство. Завод выпускал чугунное и медное литье, лодочные моторы, насосы и др. В 1925 г. Онежский завод начал произ-

водство дорожных машин (грейдеров). Постепенно их выпуск расширялся, завод планировал свою основную специализацию связать именно с дорожными машинами, поскольку в России их больше нигде не выпускалось, а дорожная техника пользовалась спросом на рынке. В 1925/26 г. Онежский завод и Ленинградский литейный механический завод (Петрозавод), обрабатывающий полуфабрикаты, выпускаемые Онегзаводом, были объединены в Онегтрест. Численность рабочих Онегзавода в 1927 г. составляла 1000 человек. Завод, не имея средств на серьезную модернизацию, доказал свою жизнеспособность, сохранил свой потенциал для будущего развития. Это стало главным достижением онежцев в годы нэпа.

Ведущее место в экономике Карелии, как и прежде, занимала лесная промышленность. Объем лесозаготовок значительно превышал довоенный уровень. К началу первой пятилетки в Карелии заготавливалось около 4 млн кубометров древесины. Прирост произошел главным образом за счет заготовки деловой древесины, что было связано с развитием в крае лесоэкспорта и лесопильной промышленности.

Постепенно сокращалось число лесозаготовительных организаций, но они становились более мощными: если в 1924 г. заготовкой древесины в крае занимались 14 ведомств и организаций, то в 1928 г. только четыре. В 1921 г. был создан российский трест "Северолес", который получил в эксплуатацию леса и лесозаводы Кемского уезда, выделенные в особый Карельский подрайон треста, подотчетный карельским хозяйственным органам. Трест "Севзаплес" вел заготовку древесины на северо–восточном побережье Онежского озера — в Повенецком и Пудожском уездах. Большинство заготовленной им древесины отправлялось для распиловки на ленинградские заводы. "Желлес" работал на территории, отведенной Мурманской железной дороге, заготавливая 28% всей древесины. В 1922 г. был создан трест "Кареллес", проводивший заготовку леса в районах, тяготеющих к Онежскому и Ладожскому озерам. В 1925 г. в состав треста вошла Беломорская группа заводов, до того времени входившая в трест "Северолес". В 1928 г. на долю "Кареллеса" приходилось 45,1% всей заготовленной в республике древесины. "Кареллес" становился одним из самых крупных лесотрестов СССР.

Зимой 1927/28 г. лесозаготовительные предприятия республики впервые приступили к созданию собственных конных обозов, получили большое количество усовершенствованных саней типа "панкореги". Началось строительство первых ледяных поливных дорог. На вывозке леса появились первые тракторы. Однако преобладающим оставался ручной труд.

Быстрый рост лесозаготовок в регионе с низкой плотностью населения обострил проблему обеспечения производства рабочей силой. Значительная часть рабочих прибывала на заготовку и сплав леса из–за пределов Карелии. В лесозаготовительный сезон 1927/28 г. в среднем ежедневно в лесу трудилось около 30 тыс. человек, из них более 10 тыс. приезжих. На лесозаготовках использовалось 16,5 тыс. лошадей, из них 6,5 тыс., доставленных из–за пределов Карелии. На вербовку, оплату дорожных расходов, устройство сезонников уходили немалые средства. Кроме того многие из приехавших не были приспособлены к жизни на севере, работали с низкой производительностью.

Около трех четвертей всей валовой продукции промышленности Карелии в 1920–е гг. давала лесопильная промышленность. Начатые в 1922/23 г. работы по переоборудованию лесопильных заводов особенно широко развернулись в 1926/27 г. К этому времени были ликвидированы 11 небольших заводов, построенных до революции и расположенных далеко от запасов сырья и транспортных путей. Взамен лик-

видированных в 1924—1928 гг. были построены 5 новых заводов, в том числе три завода — управлением Мурманской железной дороги: на ст. Медвежья Гора (1924 г.), в Майгубе (1925 г.), около ст. Кандалакша (1926 г.) и два — трестом "Кареллес": в с. Ильинском (1927 г.) и в Петрозаводске на месте старого Лососинского лесозавода — Лососинский деревообрабатывающий комбинат (1928 г.). Все они были оснащены быстроходными рамами новейших систем. В начале первой пятилетки в Карелии работали 15 лесозаводов, на которых действовало 65 лесопильных рам. Производительность их была значительно выше довоенного уровня.

Две трети пилопродукции, выпускаемой в Карелии, поступало на внешний рынок. Основным внешнеэкономическим партнером оставалась Великобритания. Однако цены на лес на мировом рынке в 1920–е гг. снизились, тогда как себестоимость карельских пиломатериалов оставалась высокой. Предприятия несли убытки: в 1925/26 г. убыток от каждого вывезенного за рубеж стандарта пиломатериалов составил по тресту "Кареллес" 38 руб. 35 коп. "Кареллес" не имел самостоятельности в ведении внешнеторговых операций. В 1926 г. всесоюзное лесоэкспортное объединение "Экспортлес" заключило с трестом соглашение, по которому "Кареллес" не имел права продавать какие–либо экспортные материалы для реализации на внешнем рынке помимо "Экспортлеса". Отношения между партнерами были довольно напряженными, так как экспортные задания наращивались без учета экономических возможностей треста и интересов республики. Только вмешательство ВСНХ помогало гасить периодически возникавшие конфликты.

В 1920–е гг. получили развитие новые отрасли экономики. До революции горной промышленности в Карелии не существовало, если не считать периодических работ по добыванию мрамора и порфира для нужд Петербурга. Начало создания горной промышленности относится к 1922 г., когда СНХ Карелии организовал работы по добыванию полевого шпата, кварца и слюды на севере Карелии. К концу нэпа Чупинские горные разработки обеспечивали 80% потребностей силикатной промышленности СССР в шпате и кварце. Прежде это сырье приходилось закупать за границей. Добываемая на севере Карелии слюда обрабатывалась в специальных мастерских в Ленинграде. В марте 1929 г. мастерские были переведены в Петрозаводск, чтобы снизить себестоимость продукции. В Сегозерском районе у д. Листьегуба велась разработка талько–хлоритового сланца (горшечного камня), из которого изготовлялись изоляционные материалы для электротехнической промышленности.

Ввиду большого спроса в Москве и Ленинграде на карельские строительные материалы в 1924 г. у д. Ропручей Шелтозерской волости начало разработку диабаза предприятие горной отрасли, принадлежавшее Ленинградскому отделу коммунального хозяйства. Ропручейский диабаз шел на мощение улиц Москвы и Ленинграда. В 1925 г. началась добыча гранита на Шальских разработках на восточном побережье Онежского озера и разработка кварцитов в Паданах.

В 1925 г. горнодобывающие предприятия Карелии были объединены в республиканский трест "Карелгранит". На предприятиях отрасли преобладал ручной труд, что безусловно вело к удорожанию себестоимости продукции.

Большое влияние на развитие экономики Карелии оказывала Мурманская железная дорога. Построенная наспех в военное время, она находилась в тяжелом положении. Вставал даже вопрос о ее закрытии в связи с отсутствием средств для поддержания магистрали в рабочем состоянии. Не желая допустить этого, члены правления дороги убедили наркома путей сообщения Ф. Дзержинского в том, что "железнодорожная колонизация" в перспективе может стать магистральным направлением эко-

Участок Мурманской железной дороги

номического освоения малообжитого Карело–Мурманского края[52]. По постановлению Совета Труда и Обороны 25 мая 1923 г. был создан транспортно–промышленный колонизационный комбинат Мурманской железной дороги, подчинявшийся Наркомату путей сообщения. Он занимался не только транспортными перевозками, но и лесозаготовками, ловлей рыбы, переселенческой работой, внешней торговлей. Ему подчинялись Мурманский и Кемский морские порты. В свое распоряжение комбинат получил 3,3 млн гектаров земель вдоль трассы железной дороги для эксплуатации и колонизации. Таким путем федеральный центр старался помочь Мурманской железной дороге поправить свои финансовые дела, завершить постройку магистрали и обеспечить ее стабильную работу.

Для укрепления связей между руководством дороги и правительством КАССР в правление железной дороги был введен представитель Карелии А. Шотман, а председатель правления МЖД А. Арнольдов являлся членом ЦИК КАССР. И все же отношения между управлением железной дороги и властями КАССР нередко становились напряженными. Местные власти упрекали "Желлес" и "Желрыбу" в использовании капиталистических методов эксплуатации лесозаготовителей и рыбаков, критике подвергались недостатки тарифной политики и переселенческой работы. Однако налицо были и хозяйственные успехи транспортно–колонизационного комбината, способствовавшие экономическому подъему края. На его долю приходилось уже около трети объема лесозаготовок в Карелии. Трест "Желрыба" открыл рыбоконсервный завод в Кандалакше, первый в крае. На Мурманской железной дороге был введен льготный тариф на перевозки леса, минералов, рыбы и других местных грузов. Эта мера способствовала более широкому выходу местной продукции на всесоюзный рынок. Грузооборот дороги за 1923—1926 гг. вырос почти в 4 раза: с 54 тыс. тонн до 208 тыс. тонн. Однако во второй половине 1920–х гг. в деятельности железной дороги стали нарастать определенные трудности. Трест "Желлес" закончил 1927/28 хозяйственный год с убытком в 2 млн руб., и в 1930 г. он был включен в состав треста "Кареллес".

В 1922—1925 гг. предпринимались энергичные попытки привлечь к хозяйствен-

ному сотрудничеству иностранные фирмы. В 1921—1922 гг. велись переговоры в Норвегии о привлечении западных предпринимателей к участию в делах треста "Северолес". В мае 1922 г. в Петрозаводск прибыли французские коммерсанты для ведения переговоров с Карвнешторгом. В 1923 г. руководство транспортно–промышленного колонизационного комбината Мурманской железной дороги предложило Берлинскому торговому представительству участвовать в освоении природных богатств края. Видя чудовищную разруху в крае, не доверяя большевикам, многие предприниматели скептически относились к возможности выгодного экономического партнерства с Советской Карелией.

В феврале 1924 г. в Москве был подписан концессионный договор сроком на 10 лет с финским акционерным обществом "Репола–Вууд"[53]. Инициатива его заключения исходила от финских предпринимателей Э. Макконена и Р. Сарасте, учредивших это акционерное общество. Тем самым в Финляндии был нарушен бойкот экспорта карельского леса. Согласно договору, Карелия обязалась заготовлять и сплавлять из Ребольского и Сунского лесничеств в Финляндию сосновые или еловые бревна длиной в среднем 22 фута в количестве, необходимом для производства 6—7 тыс. стандартов пиломатериалов. Концессионеры, приняв бревна на границе, производили их распиловку (для этого "Репола–Вууд" приобрела лесопильный завод около г. Йоэнсуу), а затем продавали.

Карельское правительство не входило в состав пайщиков, но имело право контроля бухгалтерского учета акционерного общества. Всего в 1925—1930 гг. было продано 51,6 тыс. стандартов пиломатериалов. Половина прибыли перечислялась в валюте на счет КАССР в Госбанк СССР. Этот договор обеспечил дополнительный источник поступления валюты, необходимой СССР для закупки техники. В частности, денежные доходы концессии "Репола–Вууд" направлялись на финансирование закупок оборудования для Кондопожской бумажной фабрики. Была обеспечена работой значительная часть трудоспособного населения Ребольского района. Налаживался взаимный обмен опытом между хозяйственниками Карелии и финскими предпринимателями. До 1929 г. отношения между концессионерами и ЦСНХ Карелии были деловыми, нацеленными на сотрудничество. Но концессии, вписываясь в модель нэповской экономики, были фактически обречены в условиях социалистического штурма начала 1930–х гг., когда основная ставка делалась на огосударствление экономики и укрепление административных методов управления. 12 января 1931 г. специальным соглашением между торгпредством СССР в Финляндии и акционерным обществом "Репола–Вууд" концессионный договор был аннулирован.

Существенно отставали темпы промышленного освоения северных районов Карелии. В июне 1927 г. была пущена в эксплуатацию Ухтинская гидроэлектростанция. Создавались ряд мастерских и кооперативов. Однако они не могли обеспечить заработком всех жителей района. В голодную зиму 1923/24 г. сводки ГПУ отмечали: в Тунгудской и Нюхотской волостях Кемского уезда население настроено враждебно к совласти и партии, открыто высказывает злобу к совработникам на местах, называя их дураками и тюремщиками. Недовольство жителей вызывала прежде всего нищета, государственные поборы[54]. Промышленное развитие на севере во многом сдерживало отсутствие дорог. Именно вопросы капитального ремонта и строительства дорог находились в центре внимания делегатов районных съездов советов Ребольского, Тунгудского районов. Побывавший в 1927 г. на таком съезде в Тунгудском районе Н. Архипов докладывал в центр: "Экономика района остается на самом низком уровне, какой только может быть еще в АКССР"[55].

В 1920–е гг. на севере Карелии впервые стал использоваться труд заключенных. В 1923 г. был расформирован концентрационный лагерь под Архангельском, а заключенные и персонал переселились на Соловки, где их разместили в бывших монастырских строениях. Число узников Соловецкого лагеря особого назначения составляло в 1924 г. 3 тыс. человек.[56]. Большинство заключенных составляли осужденные за уголовные преступления лица. Помимо них в лагере содержались бывшие участники белого движения, репрессированные члены социалистических партий. Во второй половине 1920–х гг. число заключенных стало быстро расти, среди них было немало репрессированных вследствие "политической неблагонадежности" представителей интеллигенции. Лагерное руководство стремилось создать на Соловках "лагерь нового типа". Получили поддержку идеи одного из осужденных — Н. Френкеля — о создании особой лагерной экономики. Юрист, учившийся в Сорбонне, практичный и предприимчивый, Френкель был осужден за валютные махинации и прибыл в 1924 г. на Соловки, где вскоре стал руководителем экономического отдела лагеря. В лагере была создана птицеферма, а также ферма для выращивания свиней и крупного рогатого скота. С целью выведения особо устойчивых культурных растений в северных условиях была создана сельскохозяйственная опытная станция. В лагере работала кожевенная фабрика и предприятие по торфоразработке. В конце нэпа управление Соловецкого лагеря занимало десятое место в списке самых крупных торговых организаций Карелии, имело свой магазин в Кеми, предлагало заключенных в качестве рабочей силы строительным организациям республики.

Бывший соловецкий узник академик Д.С. Лихачев вспоминал: "Соловки были именно тем местом, где человек сталкивался с чудом и с обыденностью, с монастырским прошлым и с лагерным настоящим, с людьми всех уровней нравственности — от высочайшей до самой позорно низкой... Жизнь на Соловках была настолько фантастической, что терялось ощущение ее реальности. Как пелось в одной из соловецких песен: "все смешалось здесь словно страшный сон"[57]. Условия содержания заключенных были очень тяжелыми. Физические издевательства, нравственные унижения, полное бесправие причиняли не меньшие страдания, чем изнурительный труд, аскетизм быта, суровый климат. Само ОГПУ вынуждено было направить в 1930 г. в лагерь особую комиссию, по результатам работы которой 60 заключенных и представителей администрации, виновных в истязаниях и убийствах людей, были расстреляны. Тем не менее масштабы использования в экономике Карелии труда заключенных с конца 1920–х гг. резко возросли.

В годы нэпа в Карелии восстанавливались традиции кустарно–промысловой деятельности. Кустарная промышленность включала обработку дерева, минералов, металлов, волокна и кожсырья. Многие крестьяне работу на земле сочетали с занятиями промыслами. Так, Олонецкий район славился мастерами по изготовлению саней, дровней, телег, корзин. Крестьяне занимались добычей живицы, скипидара, смолы. В районе действовали маленькие мельницы, кузницы, работали 17 мелких частных кожевенных заводов. Проведенная в 1929 г. перепись мелкой промышленности зафиксировала 847 промышленных единиц, из которых 826 находились в частном владении. До 1929 г. продукция частного сектора составляла 75% местной промышленности Олонецкого района. К концу нэпа в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности было занято 1085 жителей района[58].

В первые годы нэпа розничная торговля в Карелии была в основном в руках мелких частников, торговавших с лотков, в ларьках, палатках, вразнос. В 1923 г. на долю частного капитала приходилось 79% торговых заведений и 55% товарооборота. Час-

тник быстрее, чем государственная торговля, приспосабливался к изменениям спроса, добирался до самых удаленных деревень, был заинтересован в быстрейшей оборачиваемости капитала.

Во второй половине 1920-х гг. заметным конкурентом частному торговцу стала кооперация. В годы нэпа государство оказало ей значительную правовую и финансовую поддержку. Вместе с тем оно опасалось чрезмерной самостоятельности кооперативного движения и стремилось контролировать состав правлений, регулировать уровень цен и торговых надбавок. В 1922 г. был создан Карельский областной союз кооперативов, в правление которого вошли опытные специалисты П.М. Исаков, С.К. Пухов, П.С. Богданов, М.А. Никонов, И.Е. Тарасов. Из-за низкой товарности крестьянских хозяйств и слабости самой кооперации поначалу пытались развивать так называемые "интегралы" — универсальные товарищества, кооперативы смешанного типа. По мере восстановления экономики "интегралы" становились все менее жизнеспособными, поскольку не учитывали специфики производственных и потребительских нужд разных слоев и групп населения. После 1924 г., когда было восстановлено добровольное членство, особенно активно развивалась потребительская кооперация. В 1927 г. она обслуживала около 70% населения республики.

Кондопожское потребительское общество

Городское население

В годы нэпа в Карелии восстановилась предвоенная численность горожан. Согласно данным переписи 1926 г., в Петрозаводске проживало около 27 тыс. человек. Все остальные горожане размещались в городских поселениях, насчитывающих всего по нескольку тысяч жителей. В то же время прирост городского населения в Карелии был самым высоким на европейском Севере России. В 1920-е гг. это было связано в первую очередь с активизацией миграционных процессов при освоении зоны Мурманской железной дороги.

Развитие промышленности способствовало консолидации и росту рабочего класса республики. В 1923 г. численность рабочих в Карелии достигла довоенного уровня, превысив 5 тыс. человек. Правда, состав рабочих был совсем иной. Численность металлистов и деревообделочников, составлявших костяк промышленных рабочих в 1913 г., в 1923 г. не достигла и 1/3 довоенной. На Онежском заводе численность рабочих предреволюционной поры была восстановлена только в 1929/30 г. В то же время

очень быстро увеличивалось число рабочих, занятых на Мурманской железной дороге. Прирост рабочих в Петрозаводске за 1923—1926 гг. составил всего 16%, а численность железнодорожников в городе выросла за это время более чем на 300%. Около 80% городских рабочих составляли мужчины. Среди женщин-работниц преобладали вдовы и молоденькие девушки, работавшие только до замужества. Большинство рабочих были русскими по национальности. В начале 1929 г. доля финнов, карелов, вепсов среди рабочих не превышала 13%.

Квалифицированные рабочие в первой половине 1920-х гг. составляли 87% среди металлистов, 57% среди железнодорожников, 32% среди деревообделочников. По мере роста промышленности число неквалифицированных рабочих быстро увеличивалось. Нехватка квалифицированных рабочих, инженеров являлась причиной низкой производительности труда, порчи оборудования, роста простоев на производстве. Так, на Ильинском лесозаводе рабочие жаловались: "Завод новый, а остановок рам больше, чем на старом". На Шелтозерских разработках диабаза, где основные производственные операции были механизированы, через год мощные дизели электростанции, привезенные из-за границы, были испорчены из-за небрежного ухода персонала. Из-за неисправностей дизелей остановились и другие механизмы, и работа на разработках продолжалась вручную[59].

Существовавшая к началу первой пятилетки в Карелии сеть профтехнических учебных заведений ни в коей мере не могла обеспечить республику квалифицированными рабочими кадрами. В 1928 г. школу ФЗУ Онегзавода окончили 12 человек, в Сороке — 21 человек, профшколу имени Калинина — 11 человек, учебные мастерские — 15 человек. Всего в том году в народное хозяйство Карелии влилось 69 выпускников профессионально-технических учебных заведений Карелии, в то время как республика нуждалась в 6—7 тысячах квалифицированных рабочих. Финны, карелы и вепсы среди выпускников профессиональных школ составили всего 11 человек. Большим был отсев учащихся в ходе учебы. В школе ФЗУ Онегзавода он достигал 60—70%[60].

В начальный период нэпа довольно частым явлением были задержки зарплаты, что являлось причиной конфликтных ситуаций в трудовых коллективах. Осенью 1922 г. на Онегзаводе ежемесячно из-за задержек жалованья фиксировались остановки работы (волынки) сроком на 3—4 дня. Во время экономического кризиса в октябре 1923 г. из-за невыдачи зарплаты на Онежском заводе снова возник конфликт. Рабочие попытались устроить собрание и выяснить причины задержки выплаты зарплаты. Завком сначала не давал согласия, тогда рабочие решили все-таки провести собрание, невзирая на отказ профсоюза поддержать их. Выступавшим на собрании представителям завкома и райкома союза металлистов рабочие не давали говорить, выражая тем самым свое недоверие. Трудовой коллектив успокоился, когда рабочие получили заверения, что часть зарплаты будет выдана в тот же день. До забастовки дело не дошло. В середине 1920-х гг. такого рода явления перестали быть массовыми, а единичные случаи задержки в выплате денег рабочим рассматривались как чрезвычайные происшествия.

В середине 1920-х гг. среднемесячная заработная плата промышленных рабочих в Карелии составляла 59 руб. Самыми высокими в это время были заработки рабочих горной промышленности, составлявшие 87 руб. в месяц. Выше средней была зарплата рабочих мукомольных предприятий (84 руб.), типографских рабочих (61 руб). Существенно ниже средней была заработная плата рабочих электростанций (37 руб.), машиностроителей (48 руб.), на предприятиях по обработке металлов (19 руб.), водоч-

ном заводе (39 руб.)[61]. Средняя зарплата служащих на промышленных предприятиях в 1925 г. составляла 89 руб. и была значительно выше среднего заработка служащих государственных и общественных учреждений (48 руб.). Серьезной экономической проблемой оставался опережающий рост зарплаты в промышленности по отношению к росту производительности труда[62].

К конфликтам между трудовыми коллективами и администрацией чаще всего приводили низкая оплата и плохие условия труда. В 1925 г. прошла забастовка рабочих на Онежских разработках диабаза. Профсоюз не дал согласия на остановку работы, тем не менее рабочие решили действовать. Заводилами стали приезжие каменотесы. Забастовщики выдвинули ряд требований: пересмотреть нормы выработки, увеличить в два раза зарплату. На переговоры с рабочими приехало уездное начальство, представитель Карпрофсовета. Часть требований рабочих удовлетворили: были пересмотрены нормы выработки, улучшены условия труда, частично повышена зарплата. Недовольство рабочих периодически вспыхивало и на других предприятиях горной промышленности. На Голецких гранитных разработках рабочие были недовольны тяжелыми условиями труда и быта, царившей на предприятии бесхозяйственностью. Не желая довести дело до забастовки, начальство, почуяв недоброе в настрое трудового коллектива, приняло решение о повышении зарплаты на 12,5%, тем самым предотвратив остановку работы предприятия. В 1925 г. имели место волнения среди рабочих Сорокских лесозаводов, недовольных зарплатой, дороговизной продуктов, скверными жилищно–бытовыми условиями. Однако до стачки здесь также дело не дошло, администрация уладила зревший конфликт путем переговоров с рабочими[63].

Несмотря на бедность и неустроенность жизни, отношение к советской власти основной массы рабочих в целом было доброжелательным. Сотрудники ГПУ, по долгу службы обязанные фиксировать прежде всего факты недовольства властью, даже в кризисные периоды отмечали: "Несмотря на тяжелые материальные условия рабочие ко всем кампаниям относятся отзывчиво и сознательно, всегда на помощь идут первые". Отношение к нэпу, а в особенности к нэпманам долгое время оставалось натянутым, отчасти враждебным. Причиной враждебности чаще всего был рост рыночных цен на предметы первой необходимости: "Цены на все растут не по дням, а по часам"[64].

В годы нэпа наблюдался рост среди рабочих авторитета профсоюзов. Быть членом профсоюза было почетно и престижно. Если в 1922 г. в Карелии насчитывалось 12 тыс., то в 1928 г. — уже 35 тыс. членов профсоюзов. Улучшение жизни трудящихся напрямую зависело от успеха работы предприятий, и основные усилия профсоюзов были направлены на то, чтобы помочь администрации наладить производство после чудовищной разрухи. При фабзавкомах создавались производственные комиссии, производственные совещания и кружки, которые занимались вопросами улучшения организации производства, укрепления трудовой дисциплины, повышения производительности труда. Вместе с тем постепенно отходила на задний план важнейшая функция профсоюзов — защита трудящихся от произвола государства и работодателей. Как и другие общественные организации, профсоюзы стали превращаться в структуры, стоящие прежде всего на страже государственных интересов.

Заметную часть мелких собственников среди горожан Карелии составляли хозяева–одиночки, зарабатывавшие на хлеб сапожным, портняжным, слесарным и прочими ремеслами, извозным промыслом. В целом самостоятельные хозяева, по данным городской переписи 1923 г., составляли 7,9 % самодеятельного городского населения Карелии. В соседних губерниях этот показатель был несколько ниже (5,8—5,9%).

В условиях нэпа государство оказывало некоторую поддержку развитию мелкого производства, хотя в то же время кустари и ремесленники официально назывались "исторически бесперспективным слоем". Многие хозяева–одиночки не смогли выдержать жесткий налоговый пресс конца 1920–х гг. и вынуждены были искать другие источники заработка.

Частная промышленность в Карелии заметного развития в годы нэпа не получила. Вкладывать деньги в производство предприниматели не спешили, учитывая настороженное, а временами откровенно враждебное отношение властей, непредсказуемость ближайшего будущего. Более заманчивым виделось вложение средств в торговлю, где быстрее можно было получить прибыль и легче ускользнуть от налогов. По данным переписи 1923 г., доля членов торгово–промышленных артелей, хозяев торгово–промышленных предприятий в составе самодеятельного городского населения Карелии составляла 2,5% — несколько выше, чем в Архангельской (1%) и Вологодской губерниях (0,6%). Численность наемных рабочих в мелкой и кустарной промышленности, по данным переписи 1926 г., определялась в 755 человек[65]. В отличие от Вологды и Архангельска в Петрозаводске довольно низкой (10%) была доля предпринимателей с наемными рабочими, занятых в торговле. Вместе с тем 2/3 хозяев с наемными рабочими в городских поселениях Карелии были владельцами увеселительных заведений. С 1924—1925 гг. в Карелии активизировалось наступление на частных торговцев и предпринимателей. Даже в нэповское время они пребывали на нижних ступенях социальной лестницы несмотря на то, что рыночные отношения были легализованы фактически и юридически закреплены.

Самой многочисленной социальной группой горожан являлись служащие, составлявшие 30% самодеятельного населения. Их элитную часть составляли высокопоставленные партийные и советские работники, директора предприятий, судьи, прокуроры и т. д. Значительно большую часть служащих представляли разного рода канцелярские работники (конторщики, писцы, машинистки и т. д.). После перехода к нэпу стала быстро восстанавливаться группа бухгалтеров, счетоводов, торговых служащих. Городская интеллигенция была малочисленной. Специалистов высокой квалификации крайне не хватало.

В целом самодеятельное население составляло менее половины общей численности городского населения. Удельный вес горожан без самостоятельного источника существования имел тенденцию к росту. Доля самодеятельного населения в Петрозаводске с 1923 по 1926 г. сократилась с 46,8 до 38,7%. В первой половине 1920–х гг. более 20% самодеятельного городского населения вне столицы рассматривали занятия сельским хозяйством, рыболовством, охотой в качестве основного источника существования. Найти другую работу в этих городских поселениях большинство из них не могло. Довольно высокой сохранялась безработица. В Петрозаводске в 1926 г. работы не имело 7% самодеятельного населения. Среди безработных преобладали служащие низкой квалификации и чернорабочие[66].

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство Карелии в 1920–е гг. благодаря введению нэпа и замене продразверстки продналогом постепенно выходило на довоенный уровень. С 1921 г. стала расти посевная площадь, в 1923 г. она превысила размеры 1917 г. (44 тыс. га). В 1928 г. посевная площадь составляла уже 56,6 тыс. га, из них зерновые (рожь, ячмень,

Крестьянки, выезжающие на боронование

овес) занимали 46,4 тыс. га (87,6%), картофель — 3,9 тыс. га (7,4%), посевы трав — 0,8 (1,5%), овощи — 0,2 (0,2%), лен и конопля — 1,3 тыс. га (2,6%). Однако, размеров 1913 г. посевная площадь достигнуть не смогла (в 1913 г. посевы занимали 70,7 тыс. га).

Поголовье скота росло тоже медленно, так и не достигнув дореволюционного уровня (в тыс. голов):

Годы	Лошадей	Коров	Овец	Свиней
1916	61,3	157,8	158,9	37,8
1925	33,9	133,3	105,3	3,6
1928	44,4	149,8	119,6	5,1

Продуктивный скот содержался в карельских деревнях в основном для потребительских целей и для получения навоза. Благодаря внесению больших масс навоза в Карелии урожай зерновых был, как правило, выше, чем в среднем по РСФСР. Продуктивность скота была невысока — в среднем от коровы местной породы получали 700 литров молока в год. Лошадей использовали не только как тягловую силу в сельском хозяйстве, но и на лесозаготовительных и других промыслах.

В связи с ростом посевных площадей и поголовья скота возросла валовая продукция сельского хозяйства. Если в 1923/24 г. валовая продукция сельского хозяйства оценивалась в 32,6 млн руб., в 1928/29 гг. в 37,7 млн руб., то в 1929/30 г. она составляла уже 42,2 млн руб. И как следствие — улучшилось благосостояние карельских крестьян. На 1/4, по сравнению с 1925 г., сократилось количество крестьян, не имеющих посевов, в 1929 г. их было 3,2%. С 31,3% до 22,8% уменьшилось число хозяйств, не владеющих рабочим скотом. 7,5% хозяйств не имели в 1929 г. коров. Естественно, что в разных районах эти показатели отличались от среднереспубликанских. В Поморье не имели посевов 14,2% хозяйств, а в южной Карелии — 2,3%. Также в Поморье был наибольший процент безлошадных и бескоровных дворов — 44,5% и 25,6%. Такое

резкое различие объясняется тем, что на Беломорском побережье главную роль играли рыболовные промыслы, поэтому отсутствие посевов и скота вовсе не являлось показателем бедности хозяйства, так как основным богатством на данной территории были баркасы, невода, мережи и т. п.

В 1928 г. около 69% крестьян Карелии имели в своем хозяйстве одну лошадь, 7,9% — две, 0,6% (245 хозяйств) — владели тремя и более лошадьми. Более трети карельских дворов держали одну корову, 31% — две, 24% — три и более. 300 хозяйств в 1927 г. сдавали в аренду пашни и 500 хозяйств — покосы, в основном это были попавшие в нужду бедняцкие хозяйства, а также крестьяне, ушедшие на заработки. Арендовали пашни 587 семейств, покосы — 2550. К найму рабочей силы прибегали всего 624 хозяйства, причем, как правило, это были середняцкие хозяйства. Главным образом нанимали пастухов, подпасков и нянь, которые составляли 65,4% от общего числа нанимаемых работников.

В 1925—1928 гг. активно проводилось землеустройство крестьянских хозяйств. 5180 единоличников перешли за эти годы на широкие полосы, 189 — отделились на хутора и отруба, на площади в 55,4 тыс. га провели межселенное землеустройство.

Увеличение доходности крестьянского хозяйства и покупательной способности крестьян повлекли за собой рост капиталовложений в основные средства производства[67].

На 1 хозяйство (в руб.)	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Валовый доход от сельского хозяйства	901,4	—	878,9
Доход от промыслов	342,0	—	360,8
Покупательский фонд	353,3	—	414,7
Покупка сельскохозяйственных машин и орудий	—	1,8	2,8

Улучшилось питание сельского населения. Например, потребление пшеницы на одного сельчанина за эти же годы увеличилось с 14,7 кг до 18,8 кг, мяса с 10,3 кг до 11,1 кг. Крестьянин питался лучше горожанина, на его стол попадало в 1,5 раза больше молока и масла, в 5 раз — картофеля, в 2 раза — овощей и ржаного хлеба.

Наркомзем КАССР, оценивая состояние сельского хозяйства республики, отмечал: "Развитие товарности сельского хозяйства и капиталовложений в сельское хозяйство шло за счет действительных излишков продукции и денежных средств, а не за счет ухудшения питания и кормления скота... Качественное улучшение сельского хозяйства происходило за счет капиталоинтенсификации сельского хозяйства, а не трудоинтенсификации". Во второй половине 20–х гг. появилась тенденция к качественному улучшению сельского хозяйства — крестьяне стали переходить к многополью, осуществлялось землеустройство, начались работы по мелиорации земель, улучшилось снабжение села орудиями труда и др. Кроме того, в эти годы организовывалась агрономическая, землеустроительная, мелиоративная и ветеринарная сеть.

Однако, как отмечал Наркомзем КАССР, "хотя низовая сеть и количество в ней специалистов за последние годы и росли, но темп роста отставал от развертывания мероприятий, а качество специалистов как по образовательному цензу, так и агрономическому стажу оставляет желать много лучшего". Товарная продукция сельского

Вепсская семья за ужином

хозяйства хотя и возросла, все же оставалась на низком уровне: в 1926 г. стоимость товарной продукции составляла 5,1% всей валовой продукции, в 1928 г. — 9,2%. В среднем одно хозяйство в 1926 г. давало товарной продукции на 45,9 руб., в 1928 г. — на 62,9 руб.[68]

Другой крупной отраслью народного хозяйства КАССР, дополнявшей сельское хозяйство и работавшей как на удовлетворение внутреннего потребления, так и на экспорт, являлось рыболовство. В эти годы постепенно восстанавливались рыбные промыслы Карельской АССР. Беломорские рыбные промыслы оправились от военного лихолетья довольно быстро, и к 1926/27 г. вылов рыбы уже более чем вдвое превысил довоенный уровень. В 1927 г. улов достиг 65 500 ц против 31 590 ц в 1914 г. Кроме того, Мурманская железная дорога построила в Кандалакше первый в Карелии консервный завод, что положило начало консервному производству на Белом море.

По социальным секторам товарная продукция улова (навага, сельдь и семга) в 1924 г. распределялась в процентном отношении следующим образом: госорганизации — 34%, кооперация — 27%, частные лица — 40%. В дальнейшем это соотношение менялось в пользу социалистического сектора.

В 1924 г. появляются первые комитеты крестьянской взаимопомощи, создававшие фонды кооперирования и кредитования бедноты. На 1 октября 1927 г. в Карелии их насчитывалось уже 314. К этому времени ими была оказана материальная помощь 2950 хозяйствам, правовая — 1447, производственная — 15. Комитеты имели 51 предприятие (мельницы, кузницы, кожевни и т. п.), 164 различных сельскохозяйственных орудия, которыми члены комитетов пользовались на льготных условиях или бесплатно[69].

Для улучшения земли карельские крестьяне объединялись в мелиоративные товарищества. В 1925/26 г. их существовало 95 с охватом 1830 хозяйств, а в 1928/29 г. уже 300 с 6500 членами. Наиболее крупными мелиоративными объединениями были олонецкий “Трактор” и Тулокское товарищество.

Данные по Карелии свидетельствуют об активном участии сельчан в сбыто–снабженческих и кредитных товариществах. К 1926 г. в них входили 43,8% хозяйств, через год — более 45%. Потребительской кооперацией к 1928 г. было охвачено 84% крестьянских хозяйств. Многие крестьяне участвовали одновременно в нескольких формах кооперирования, а всего в Карелии в это время существовало 18 видов кооперации[70].

О развитии сельскохозяйственной и кредитной кооперации свидетельствуют данные следующей таблицы[71].

Товарищества	1926 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	число кооперативов	членов в них	число кооперативов	членов в них	число кооперативов	членов в них
Мелиоративные	95	1830	240	5650	3000	6500
Машинные	16	205	104	750	150	1750
Кредитные	25	6113	51	17085	82	18726
Масло- и сыродельные	2	123	20	730	20	800
Бычьи кооперативы			40	1200	52	1500
Оленеводческие	7	126	3	60	3	60
Коневодческие			1	22	1	22
Прочие	15	339	11	179	16	280

В 1928/29 г. распространение в Карелии получили товарищества по совместной обработке земли (к концу 1929 г. их стало 17). Это имело свои причины: карельская деревня отличалась сравнительно небольшим числом бедняцких хозяйств, относительно слабым расслоением; большинство хозяйств было обеспечено рабочим и продуктивным скотом. Рабочий скот во многих хозяйствах использовался не только для нужд сельского хозяйства, но и для работ на промыслах. Поэтому карельские крестьяне не спешили обобществлять скот, зато достаточно активно шли на обобществление земли: процент обобществления посева в 1929 г. в Карелии был одним из самых высоких по РСФСР.

Необходимо отметить, что сельскохозяйственная кооперация, особенно в первой половине 20–х гг., развивалась в основном на юге республики, в северных районах в силу естественных причин широкого распространения она не получила. Темпы роста кооперации в Карелии были значительно выше, чем по Российской Федерации. Если на 1 апреля 1929 г. процент охвата сельскохозяйственной кооперации в Карелии составлял 41,7%, то в РСФСР — только 26,6%. Руководство кооперативным строительством АКССР осуществлялось центральным и отраслевыми органами кооперации (Центросоюз, Союз союзов сельхозкооперации, Севзапбюро, Каронегсоюз и др.). Они занимались составлением планов кооперирования, подготовкой кадров кооперативных работников, проводили обследования и инструктирование местных союзов и отдельных кооперативов, распространяли литературу на национальных языках и т.п.

В 1919 г. в Карелии возникли первые коммуны. Их членами стали рабочие железнодорожных мастерских, Онежского завода, служащие, красноармейцы, советские и

партийные работники. Такие объединения создавались прежде всего на месте бывших монастырских или церковных хозяйств. Так, коммуна им. Ленина располагалась на землях бывшей архиерейской дачи на Древлянке. Совхоз им. Зиновьева был создан в бывшей Задне-Никифоровской пустыни, совхоз им. Карла Маркса — на землях Александро-Свирского монастыря, совхоз им. Володарского — в бывшем Андрусовском монастыре. А первым хозяйством такого рода стал совхоз № 1, решение о создании которого было принято на заседании Петрозаводского уездземотдела 1 декабря 1919 г. Совхоз организовали путем преобразования бывшего "городского огорода" и его основной задачей определили снабжение горожан продуктами огородничества, кролиководства и молочной фермы.

Несмотря на все меры, принимаемые к развитию новых форм социалистической собственности, приживались они плохо. Коммуны разваливались через несколько месяцев (за исключением коммуны им. Ленина, просуществовавшей до 1926 г.). А четыре совхоза, созданные в начале 20-х гг., "влачили довольно жалкое существование. Отсутствие оборотных средств, малая производительность труда и дороговизна рабочих рук не дает возможности подняться на должную высоту хозяйствам, и в результате — ежегодный дефицит. Совхозы... малооборудованы и вовсе не приспособлены к ведению интенсивного хозяйства", — говорилось в отчете Карельского областного отдела социального обеспечения за 1922/23 г. В 1926 г. чистый доход совхоза № 1 (самого жизнеспособного из четырех) составил за год всего 41 руб. 12 коп. К 1929 г. совхозов стало пять. Они обрабатывали 93 га пашни, имели 26 лошадей и 123 коровы. Число рабочих в хозяйствах постоянно уменьшалось, если в 1926 г. там трудилось 167 человек, то в 1927 г. — 88, а в 1928 г. — всего 39 человек.

Но если совхозы и первые коммуны плохо приживались на карельской земле, то с середины 20-х гг. появляются успешно работающие коллективные хозяйства. Например, коммуны так называемых "красных финнов", которые после поражения революции 1918 г. в Финляндии вынуждены были покинуть свою родину и переселиться в Канаду, Швецию и другие страны. В середине 20-х гг. они приехали в Советский Союз "строить коммунизм", многие из них осели в Карелии. Первой из таких коммун стала коммуна "Сяде" ("Луч"), образовавшаяся в 1925 г. Затем появились коммуны "Сыны Севера", "Раатая".

К концу 1928 г. в Карелии было 3 коммуны и 12 сельскохозяйственных артелей, которые объединяли 69 хозяйств, 19 рыболовецких колхозов, с количеством членов 154 человека, и 17 токов. К концу 1929 г. колхозов стало 44, в них состояло 415 хозяйств[72].

Вовлечение рыбаков в производственную кооперацию на побережье Белого моря, начавшееся в 1924 г., приобрело быстрые темпы с 1927 г., когда организовался Карельский промысловый союз рыбаков. Началось планомерное кооперирование рыбачества внутренних водоемов и постепенный рост их промысловых уловов, не достигший, однако, довоенного уровня к началу первой пятилетки. В 1928 г. существовало уже 22 товарищества, которые объединяли 3551 члена, что составляло 27,3% численности рыбацких хозяйств республики. На Беломорском побережье процент охвата кооперацией был значительно выше, чем среднереспубликанский: из 4872 рыбаков в товарищества входили 3185 (65%). По социальному положению более 50% членов кооперативов являлись зажиточными и середняками, 38,9% — бедняками. Промысловый улов в 1925/26 г. составлял 33 тыс. ц, в 1926/27 г. — 35 тыс. ц, а валовой улов исчислялся Институтом рыбного хозяйства за те же годы в 100 и 113,6 тыс. ц против довоенного улова в 165 тыс. центнеров.

Таким образом к концу 20–х гг. в сельском хозяйстве Карелии наблюдался определенный подъем. По сравнению с 1917 г., выросла посевная площадь, возросло поголовье скота, увеличилась товарная продукция сельского хозяйства. Активно развивались на селе различные виды кооперации, появились первые коммуны и колхозы.

В 1929 г. А. Шотман отмечал на VIII Всекарельском съезде: "Ни одна другая республика не достигла в области экономики и культуры таких успехов как Карелия. Мы, товарищи, должны отметить, что в тех крайне трудных условиях, в которых начала свою работу Карельская республика, она достигла таких успехов в экономической жизни, что (хотя я не собираюсь расхваливать, но должен это сказать) она должна быть представлена как пример для других республик. С сомнением я каждый год еду в Карелию, куда меня направляет наше высшее руководство, и каждый год я имею основания констатировать, что вы развиваетесь бесконечно быстро"[73].

3. ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ" (1929 —1930–е гг.)

Главным лозунгом работы советов с конца 1920–х гг. стал клич "Лицом к производству!". В 1929 г. президиум КарЦИКа принял решение о том, чтобы в местах лесозаготовок создавать сельсоветы и депутатские группы. Их главной задачей было следить за выходом населения на лесозаготовки и сплав, бороться с прогульщиками. Малейшие попытки ослабить давление на крестьянство пресекались партийными и судебными органами. В первой половине 1931 г. к уголовной ответственности было привлечено 5 председателей сельсоветов (в Пряже, Сегозере и Заонежье), не обеспечивших своевременного выхода населения на лесозаготовки. Сельсоветы "раскидывали" задания по лесозаготовкам на каждый двор. Несвоевременные выдачи "твердых заданий" кулакам расценивались как попытки сгладить остроту классовой борьбы.

Во время коллективизации упал авторитет советских работников на селе. Председатель ЦИК КАССР в 1928—1934 гг. Н.А. Ющиев признавал в докладе на IX Всекарельском съезде Советов (1931 г.): "Коллективизация сельского хозяйства нашу низовую советскую сеть застала врасплох, сельсоветы не сумели возглавить это движение. Были отдельные моменты, когда сельсоветы были против коллективизации". Распространилась идея, что в первую очередь нужно укреплять кадрами колхозы, а на работу в сельсоветы можно отправлять людей послабее — "работы там теперь мало". В Пряжинском районе отмечались случаи замены сельсоветов правлениями колхозов, которым передали функции сельсоветов. В Крошнозерском сельсовете бедняки создали коммуну, правлению которой сельсовет передал все свои функции. Н.А. Ющиев констатировал на том же съезде: "Местами есть издевательское отношение к советам, когда заставляют наших председателей быть и квартирмейстерами, и курьерами, чуть ли не конюхами и всем чем угодно. Загромождают всевозможными мелочными поручениями председателей сельсоветов"[74]. Возросла зависимость советов от их исполнительных органов.

Лозунг "лицом к производству" стал главным и для городских советов. В 1931 г. на крупных предприятиях были созданы депутатские группы, в городских советах — секции по производственно–отраслевому принципу. Они организовывали проверочные рейды на предприятия, заслушивали на своих заседаниях отчеты хозяйственных руководителей. Как правило, эти отчеты носили информационный характер. Поскольк-

ку ведущие промышленные предприятия республики перешли в союзное подчинение, местные органы власти фактически потеряли финансовые и организационные возможности воздействовать на их работу.

Весной 1930 г. на местах прошла чистка работников соваппарата, в ходе которой 6,4% служащих были уволены, многие получили предупреждения и выговоры[75]. Чистка показала, что довольно быстро новая власть перенимала извечные пороки российской государственной машины — систематическое пьянство, в том числе и в служебное время, бюрократизм, волокиту, грубость к посетителям. Однако прежде всего чистка советских работников решала задачи проверки политической лояльности режиму в условиях начавшегося "социалистического штурма". Оказалось, что многие советские работники плохо ориентировались в задачах первой пятилетки. "Не верит в строительство социализма в нашей стране", — так сформулирована причина строгого выговора одному из советских работников Олонецкого района. Наиболее строго карались недостаточная жесткость и решительность в обложении налогами зажиточных крестьян, лояльность к кулакам. Пощады в таких случаях не было ни для кого. Официальной причиной смещения с поста председателя КарЦИКа Ющиева стала его связь с родственниками–кулаками. Еще во время чистки 1929 г. Ющиев дал обещание порвать с ними родственные отношения, но во время следующей чистки в 1933 г. после очередного доноса признал, что обещания своего не выполнил, после чего был смещен с должности[76].

Из советов изгонялись противники коллективизации. Вследствие чистки пришлось проводить частичные перевыборы советов. Главным критерием допуска во власть в деревне стало отношение к колхозному движению. В 1930 г. из 216 сельсоветов было переизбрано 129. При всех переизбранных сельсоветах были созданы группы бедноты. Если до частичных перевыборов доля бедняков и батраков в сельских советах составляла 39%, то после перевыборов — 68%[77]. Чтобы понять специфику работы и ее тонкости, новичкам нужно было время. Не обладая опытом и необходимыми знаниями, они часто работали ничуть не лучше тех, кого критиковали в дни чистки.

Частая смена кадров отрицательно сказывалась на работе советов. В 1933 г. уровень сменяемости руководящих и ответственных работников республиканского советского аппарата составил 30%, сельсоветов — 58%, горсоветов — 64%. Закреплению кадров препятствовала низкая заработная плата. Председатели сельсоветов получали от 170 до 250 руб. Между тем более 80% их до выдвижения на эту работу имели более высокую зарплату[78].

В 1930–е гг. состоялись три Всекарельских съезда Советов. Значительная часть времени на них отводилась рапортам и приветствиям, в которых съезд величался "хозяином Карельской земли", "хозяином республики", однако это были уже просто красивые слова. Чтобы придать особую эмоциональную окраску съездовской атмосфере, на заседаниях заслушивались даже рапорты детей, дававших пионерскую клятву бороться за рабочее дело. Делегаты съезда активно посещали концерты, спектакли, вечера физкультурников, а на заседаниях послушно утверждали предложенные номенклатурой постановления.

Конституционно советы продолжали оставаться высшими органами государственной власти. Между тем реальная власть постепенно сосредоточивалась в руках партийного аппарата. Важнейшие политические решения принимались партийными органами и лишь затем оформлялись в виде законодательных актов. На XVII съезде партии было принято решение о перестройке партийных комитетов всех уровней по отраслевому принципу. Это означало дальнейшее усиление роли партийно–хозяйственной

номенклатуры. Фактически создавались параллельные управленческие структуры, соединявшие в себе все нити управления страной. Явное предпочтение при выдвижении на выборные советские должности отдавалось коммунистам. Во время выборов в 1931 г. число коммунистов и комсомольцев в сельских советах возросло с 17,1 до 26%, в городских советах — с 44 до 56%, РИКах — с 62,5 до 67,5%. В 1933—1936 гг. среди председателей, зампредседателей и секретарей РИКов коммунисты составляли 95—96%[79].

Рабочий день ответственных партийных работников был очень напряженным. На работу в обком приходили к 9 часам утра, в 18 часов шли домой, где час—два отдыхали и вновь возвращались на работу. Уходили домой часто после 12 ночи. Заседания бюро обкома начинались днем, а заканчивались в 3—4 часа ночи. Кроме того партработники обязаны были регулярно бывать на предприятиях, в командировках на лесозаводах, сплаве, лесозаготовках. Партийцы прикреплялись к предприятиям, цехам и несли полную ответственность за их работу.

Тяготы бремени ответственности партноменклатуры все более компенсировались привилегиями и льготами. Номенклатура имела бесплатные столовые, спецпайки, "премиальные конверты", широко пользовалась дачами, поездками в санатории, на курорты и т. д. Наличие подобных привилегий тщательно скрывалось от рядовых граждан. Тем не менее амбициозная молодежь все чаще рассматривала принадлежность к партии в качестве важнейшего условия успешной служебной карьеры, а номенклатурный пост как гарантию относительно стабильного уровня жизни.

В 1920–е гг. партийная организация Карелии росла довольно медленно. В годы первых пятилеток она увеличила свои ряды в 3,5 раза: с 2705 человек в 1929 г. до 9596 человек к 1 июня 1941 г. Однако росла парторганизация крайне неравномерно. Ее ряды стремительно увеличивались в 1929—1933 гг. В это время в партию вступали прежде всего активисты–бедняки, проявившие себя в ходе коллективизации, рабочие–ударники, многие из которых являлись недавними выходцами из деревни. В 1933 г. в самой крупной партийной организации республики, петрозаводской, лица, вступившие в партию в 1928—1932 гг., составляли большинство — 54,2 % общей численности коммунистов. Причем около 22% членов и 57% кандидатов вступили в партию в 1932 г.[80] Малообразованные, не имевшие опыта политической деятельности партийные пополнения стали опорой власти в годы "социалистического штурма". Руководящую роль в областной парторганизации в это время продолжали играть выдвиженцы эпохи революции и Гражданской войны, в том числе красные финны.

В декабре 1928 г. на IX Всекарельской конференции ВКП(б) жесткой критике подверглось руководство партийной организации республики. Во–первых, в условиях обострения классовой борьбы ряд делегатов, в числе которых оказались и некоторые члены обкома, сочли недостаточно твердой линию Карельского обкома ВКП(б) на защиту классовых интересов бедняцких слоев города и деревни. Так, коммунисты, работавшие в кооперации, допускали "смычку с частным капиталом", предоставляли кредиты, учитывая прежде всего платежеспособность, а не классовую принадлежность просителей. В зоне критики, таким образом, оказались некоторые нэповские начала хозяйствования, названные "правым уклоном". Во–вторых, критике подверглись личные качества некоторых партийных руководителей, подрывавших авторитет парторганизации. Прежде всего речь шла о пьянстве коммунистов. Петрозаводская, повенецкая, сорокская и некоторые другие парторганизации поставили на

конференции вопрос о смене руководства партийной организации республики, предложив вывести И.А. Ярвисало из состава членов обкома. С этим предложением категорически не согласились коммунисты из северных районов Карелии, подчеркивавшие большой авторитет И.А. Ярвисало в массах. Решающим вновь стал аргумент, приведенный представлявшим Ленинградский обком Б.П. Позерном. При этом он сослался на свою экстренную телефонную консультацию с С.М. Кировым: секретарем обкома должен быть финн–революционер. Ленинградское руководство вновь напомнило: "Отвести из состава членов обкома т. Ярвисало — это значит создать почву для кривотолков в соседних буржуазных государствах, и это может неприятно отразиться на нашем международном положении". После конференции в Карелию приехала комиссия членов ЦКК ВКП(б), рассмотревшая ряд дел, связанных с "групповой борьбой" на IX областной партконференции. Наиболее активные критики руководства республики были обвинены в "русификаторских настроениях", получили партвзыскания и были переведены на работу в другие регионы[81].

В июле 1929 г. в связи с кончиной И.А. Ярвисало пленум обкома партии избрал ответственным секретарем обкома 42–летнего Г.С. Ровио. Сын питерского рабочего токарь Густав Равелин был уволен с завода в годы первой русской революции за активное участие в стачечной борьбе, дважды был выслан, из ссылки бежал в Финляндию, где сменил фамилию. С 1905 г. он являлся членом РКП(б), с 1908 г. — членом социал–демократической партии Финляндии. Осенью 1917 г. у Ровио, в то время начальника полиции Гельсингфорса, скрывался, покинув Разлив, В.И. Ленин. После подавления революции 1918 г. в Финляндии, во время которой он был директором телеграфного агентства, Ровио эмигрировал в Советскую Россию. В 1920–е гг. он являлся комиссаром Коммунистической интернациональной военной школы, работал секретарем Финской секции Северо–Западного бюро ЦК ВКП(б), ректором Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. В 1929 г. получил направление на партийную работу в Карелию. Первым важным делом нового руководителя стала подготовка очередного пленума обкома, прошедшего в августе 1929 г. На пленуме звучали жалобы на увольнения русских рабочих, на то, что русские на производстве получают в сравнении с финнами меньшую зарплату.

В выступлениях делегатов отмечалось: "Во время хлебных затруднений кулаки распускали такие слухи, что нехватка хлеба потому, что у нас руководят финны. Это несомненно влияет на известную часть населения", "У финнов тоже имеются ошибки, чувствуется с их стороны холодок, чувство сверхльгот, отгороженность". Однако в целом пленум прошел под знаком борьбы с "великорусским шовинизмом". Было признано необходимым подробно объяснять населению, почему на руководящих постах в Карелии находятся финны. При этом особо подчеркивалась роль красных финнов на фронтах гражданской войны, когда они сражались в рядах Красной армии и многие из них пали героями. Отмечалось мировоззрение красных финнов: они назывались коммунистами–ленинцами, имевшими революционный опыт и закалку. Особо подчеркивалось, что финны владеют языком, понятным карельскому населению, более того, признавалось, что "в языковом отношении финны и карелы составляют нечто целое и их деление на финнов и карел является условным". Последний по счету, но отнюдь не по важности аргумент заключался в том, что финны помогают "увязывать борьбу с революционным движением Финляндии, международным рабочим движением"[82].

В 1933 г. прием в партию был приостановлен, началась чистка, а затем обмен

партийных документов. В ходе чистки из партии исключались коммунисты, не выполнявшие партийных поручений, не платившие членские взносы, искавшие от пребывания в партии исключительно личную выгоду. Но главной задачей чистки являлась проверка коммунистов на верность "генеральной линии". Самой рапространенной причиной исключения из партийных рядов было "чуждое социальное происхождение" или связь с "социально чуждыми элементами": в 1933 г. —29%, в 1935 г. — 50% исключенных[83].

В эти годы Сталин всеми путями стремился вытеснить с руководящих постов партийную интеллигенцию — старых большевиков. В Карелии у руля власти находилась прагматичная, хорошо образованная, имевшая опыт аппаратной игры команда Гюллинга. Она проявила лояльность Сталину в эпоху "социалистического штурма", однако взгляды и характеры таких людей как Гюллинг сформировала революционная эпоха с ее идеалами социализма как общества демократического. Сталин не мог быть полностью уверен, что ему удастся найти среди партийной интеллигенции верную опору для укрепления в стране диктатуры.

Кроме того, курс руководства Карелии на создание реальной автономии в рамках федеративного российского государства противоречил укреплению унитарных тенденций в развитии СССР в 1930–е гг. Сталинское окружение тревожили самостоятельность региональных лидеров, социально–экономические эксперименты на окраинах страны. В это время правящая партия берет на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делается на национально–патриотические идеи, защиту государственных и геополитических интересов России. Новая идеологическая концепция получила свое отражение и в кадровой политике. Сталин счел нужным призвать к порядку региональных лидеров. Из партийно–государственного аппарата, вооруженных сил удаляются так называемые "представители иностранных государств".

На кадровую политику в приграничной Карелии не могли не повлиять изменения в международном положении и внешней политике СССР после прихода к власти в Германии нацистской партии. Усиление позиций Германии в Балтийском регионе вызывало тревогу руководства СССР и провоцировало к ужесточению внутриполитического курса. Интересы страны требовали сближения с теми из соседей, кто готов был противостоять развязыванию новой войны. А финляндские дипломаты постоянно обращали внимание: именно присутствие финских коммунистов в Карелии мешает укреплению атмосферы доверия к СССР в Финляндии. В этих условиях возросло давление на финских эмигрантов в Карелии со стороны центральных властей. Карелию перестали считать форпостом социализма на границе с Европой. Начиная с 1933 г. главной опасностью в Карелии стал признаваться "местный национализм".

В июне 1933 г. бюро Ленинградского обкома и Ленинградский горком ВКП(б) приняли резолюцию о положении в Карелии, в которой особенно критиковалась национальная политика в республике[84]. На XII Карельской партийной конференции в январе 1934 г. делегаты не раз отмечали, что прибывшие в Карелию финны привезли с собой сформированную в недрах буржуазного общества национальную ограниченность, с которой следует вести непримиримую борьбу[85]. В 1934—1935 гг. происходит замена руководителей. Финны в массовом порядке отправлялись в отставку. Газеты пестрели разоблачительными статьями. Повсеместно начались исключения из партии и травля коммунистов–финнов.

В сентябре 1935 г. пленум Карельского обкома ВКП(б) снял с работы первого

секретаря обкома партии Г. Ровио. Его сменил посланец Ленинграда П.А. Ирклис. В октябре 1935 г. был смещен с поста председателя правительства Карелии и отозван в Москву Э. Гюллинг. Председателем СНК КАССР был назначен П.И. Бушуев, которого в 1937 г. сменил П.В. Соляков.

В результате чистки произошла смена поколений членов партии. Среди коммунистов Петрозаводска в середине 1930–х гг. преобладала молодежь. В начале 1937 г. лица в возрасте 25—30 лет составляли 40%, в возрасте 31—35 лет — 30% общей численности столичной партийной организации. В ходе партийной чистки и обмена партийных билетов численность парторганизации Карелии сократилась более чем в 2 раза. В сентябре 1936 г. прием в партию возобновился, но за 9 месяцев — с ноября 1936 по июль 1937 г. — в Петрозаводской городской организации было принято всего 3 человека: коммунисты боялись давать рекомендации вступавшим. В партийных организациях республики в это время создалась гнетущая обстановка. Усилилась кадровая чехарда. Так, за 1934—1937 гг. в Олонецком районе сменилось 6 секретарей райкома ВКП(б). В райкомах партии росло число людей, работавших на основе кооптации, не будучи избранными. Повсеместно не избирались, а назначались парторги[86].

"Взвинчивание" заданий первой пятилетки вызвало спад производства. Крестьяне как могли противодействовали насаждению колхозов. В конце 1920–х — начале 1930–х гг. на промышленных новостройках скапливалось огромное число голодных, неустроенных людей, бежавших из деревни. Стало расти число уголовных преступлений: убийств, тяжких телесных повреждений, грабежей, хищений, злостного хулиганства. В этих условиях власти активизировали деятельность судебной системы, ужесточили законодательство. Количество осужденных судебными органами республики росло: в 1929 г. оно составило 6579 человек, в 1930 г. — 7890, в первой половине 1931 г. — 5056 человек. В это время более половины осужденных приговаривались к принудительным работам, около 20% — к штрафам, более 10% — к лишению свободы (в том числе условному). Дела о преступлениях, связанных с нарушениями или срывом производства, часто слушались на предприятиях в клубах, в рабочих бараках, в красных уголках. Устраивались показательные процессы. Только за первое полугодие 1931 г. в Петрозаводске прошло 15 показательных процессов. В ходе их выявлялись недостатки в организации производства, плохие условия труда рабочих, задержки в выплате зарплаты, перебои в снабжении[87].

Голод в деревне повлек за собой рост хищений, особенно в колхозах. В условиях экономического хаоса, царившего в стране, был принят закон 7 августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности". По этому закону за воровство колхозного имущества разрешалось применять расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всего имущества. Закон не разграничивал опасные для общества деяния и незначительные проступки, которые могли наказываться одинаково сурово, а в результате ломались судьбы людей. Насилие или угрозы с целью заставить крестьян выйти из колхозов приравнивались к государственному преступлению и предусматривали лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. По этому закону к 1 апреля 1933 г. в Карелии прошло 209 дел и по ним было осуждено 366 человек[88]. Примерно треть общего количества дел приходилась на хищения кооперативной собственности, растраты.

Начали вводиться паспортный режим и система прописки. К началу 1933 г. свыше 140 тыс. жителей республики получили паспорта, более чем 3 тыс. было отказано в их выдаче. Введение паспортов и прописки позволило упорядочить миграционные потоки. Кроме того улучшилась система слежки за гражданами, которую неусыпно вели органы ОГПУ/НКВД.

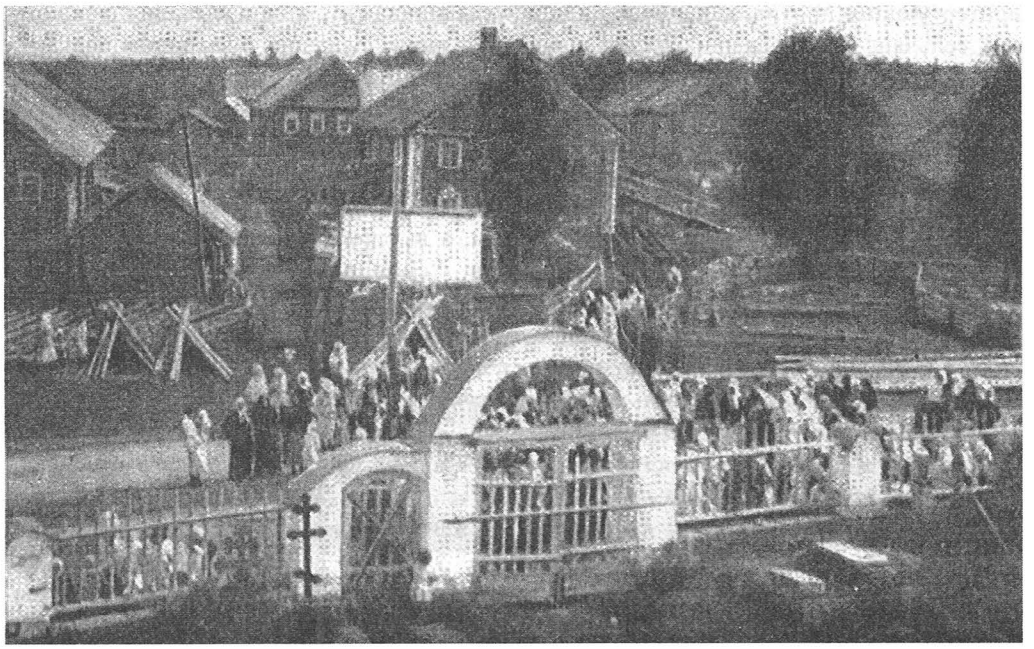
Раскулаченным, лишенцам, репрессированным и членам их семей власти отказывали в выдаче паспортов. Не имевшие паспортов стали насильственно выселяться из 50—100–километровой пограничной зоны в Пудожский, Заонежский и Шелтозерский районы, где они пополняли кадры рабочих "Кареллеса" и "Карелгранита". Активизировалось выселение в 1935 г., когда бюро Карельского обкома ВКП(б) утвердило план мероприятий "по очистке" пограничной полосы Карелии. Руководили выселением специальные тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), председателя РИКа и представителя НКВД. Выселяемым семьям разрешалось взять с собой двухмесячный запас продовольствия, одежду, обувь, домашнее имущество весом не более 30 пудов на семью[89]. Причем выселения проводились в районах, где и так не хватало рабочих рук.

Экономические трудности часто списывались на происки "вредителей", "саботажников", к числу которых нередко относили инженерно–техническую интеллигенцию. В начале 1930–х гг. в республике были сфабрикованы "дело Кареллесстроя", "дело по строительству электростанции в г.Петрозаводске", "дело о развале биржи и гаража Сунского лесозавода", "дело строителей" и др.[90]

В условиях социально–экономического кризиса 1933 г. власти пошли на организацию крупномасштабного политического процесса, призванного запугать недовольные политикой коллективизации, издержками индустриализации слои населения. В условиях приграничья процессу была придана шпионская окраска. Еще в апреле 1932 г. работники ОГПУ докладывали, что на территории Карелии ведется семь следственных дел, по которым проходят 127 человек, подозревавшихся в шпионаже в пользу Финляндии. Под особым подозрением оказывались участники каравантюры. Их обвиняли в сборе разведданных в пограничных районах. В 1933 г. в 15 районах республики органами ОГПУ была "вскрыта" контрреволюционная организация, якобы созданная финским генштабом. Сеть финляндской агентуры в Карелии и ингерманландских районах Ленинградской области, убеждали следователи ГПУ, вела пропаганду в пользу создания Великой Финляндии, распространяла слухи о близкой войне, занималась вредительством на промышленных предприятиях и в колхозах. По этому делу проходили 1358 человек, в том числе 1048 в Карелии. Оно стало одним из самых крупных в то время в России. Большинство арестованных (727 человек) составляли крестьяне. Аресту подверглись более 100 председателей и членов правлений колхозов, председателей и членов сельсоветов и РИКов[91].

Осенью 1935 г. особый отдел Ленинградского военного округа сфабриковал еще одно дело о заговоре, якобы готовившемся финским генштабом. Главный удар наносился по военным кадрам Ленинграда и Карелии. Была расформирована Карельская егерская бригада, десятки ее офицеров арестованы, многие из них приговорены к расстрелу, замененному затем на 10 лет лагерей[92].

В конце 1920–х гг. в Карелии числилось по официальным данным 49 780 человек верующих. Поскольку в то время отнюдь не все верующие склонны были публично в этом признаваться, эти данные можно признать минимальными. Религия выражала прежде всего коллективные представления, имеющие социальную природу, она связывала людей вместе, цементировала народ. Однако власти однозначно причисляли



Крестный ход в селе Шелтозеро. 1926 г.

верующих к политически неблагонадежным, а то и враждебным силам. В конце 1929 г. в республике начался новый виток кампании по закрытию молитвенных зданий. Весной 1930 г. в Карелии были закрыты 56 церквей и 27 часовен[93]. Был запрещен колокольный звон, а сами колокола разбиты для переплавки. Подписи на документах о закрытии церквей и часовен ставили работники советских органов, но вся их деятельность в этом направлении контролировалась партийными структурами. Непосредственными исполнителями решений становились административные органы и отделы НКВД. Для регулирования государственно–церковных отношений Президиум КарЦИКа создал специальную комиссию по рассмотрению вопросов культов, которая действовала в Карелии с 1931 по 1938 г.

В то же время власти очень пристально следили за настроениями верующих. В секретном письме КарЦИКа от 6 января 1930 г., направленном во все райисполкомы, говорилось, что к решению вопроса о закрытии молитвенного здания нужно подходить весьма осторожно, учитывая в каждом отдельном случае "степень активности церковников, количество и состав верующих", "отношение населения к намечаемому закрытию церкви и общую политическую обстановку района в целом"[94]. Если верующие готовы были до конца отстаивать храм и свое право на веру, возникала опасность, что люди объединятся и готовы действовать организованно, власти шли на существенные уступки. Это лишний раз показывает, что в периоды натиска на церковь главным являлась не борьба с религиозным мировоззрением, а политика разобщения потенциальных противников нового курса, в том числе и мифических.

Тяжба между верующими сямозерской церкви и сельсоветом, властями района и республики длилась два года. Сторонники закрытия сямозерской церкви называли

протестующих против этого решения "подкулачниками", а те называли "фашистами" сельчан, участвовавших в собраниях, принявших решения о закрытии церкви[95]. Усилились раздоры в среде крестьян–прихожан, что было выгодно власти в периоды, когда проводимая в деревне политика не пользовалась массовой поддержкой крестьянства.

Антирелигиозная политика строилась таким образом, что способствовала формированию двухмерного восприятия власти. Произвол в религиозной сфере стремились списать на счет местных работников, а высшему эшелону власти оставлялась привилегия исправления перегибов, "своевременного" спасательного вмешательства. Многие рядовые верующие были убеждены в том, что гонения на них — это козни только местных властей. Они искренне верили в то, что Сталин, узнав о попрании свободы совести, встанет на защиту христиан. "У нас было шесть храмов, — писала председатель церковно–приходского совета Кеми А. Богданова, — Осталась... последняя... святыня в г. Кеми — древний Успенский собор. Могут стереть с лица земли вековечную святыню. Вступись, дорогой вождь и отец наш, отдай Успенский собор в г. Кеми нам, верующим... Единственный крест, еще не сброшенный, высится над Кемью. Разреши уж, глядя на него, умереть с надеждой Воскресения!!!"[96]

Наступление на церковь проходило в условиях активной пропагандистской кампании против религиозного дурмана. В 1929 г. Союз безбожников был переименован в Союз воинствующих безбожников. В 1929 г. в Карелии прошел республиканский съезд ячеек СБ, на котором впервые была сформирована республиканская организация общества. Число его членов в Карелии за 1929—1938 гг. выросло с 2076 до 6772 человек. Общество воинствующих безбожников организовывало "красные пасхи", "красное рождество", вечера и лекции антирелигиозного содержания. Активисты этих кампаний (а это, прежде всего, молодежь), считая, что борются с мракобесием, сами порой действовали как вандалы. Так, в 1929 г. в поморском селе Сумский Посад были вскрыты мощи чудотворца Елисея Сумского.

В конце 1920–х гг. духовенство было обложено налогами в индивидуальном порядке, хозяйства священников приравнены к кулацким. Многие церковники, чтобы уплатить налоги, вынуждены были продавать свое имущество. В 1931 г. раскулачиванию и выселению подверглось и духовенство. В Пудожском районе в это время были раскулачены и переселены 30 служителей культа, включая церковных старост. В годы массовых репрессий за веру в Бога человек мог быть причислен к "врагам народа". В 1937—1938 гг. были расстреляны 40 священнослужителей[97].

Если в 1928 г. в Карелии имелось 244 действующих церкви, то в 1936 г. их число сократилось до 104, а в 1940 г. в республике осталось всего 50 действующих храмов. Церковное имущество и ценности пошли в доход государства. Из 20 молитвенных зданий, имевшихся в Петрозаводске накануне революции, в 1939 г. остались в ведении верующих две церкви — на Зарецком и Неглинском кладбищах и часовня на Сулажгоре. В 1930 г. был закрыт, а в 1936 г. и вовсе разрушен главный петрозаводский храм — Святодуховский кафедральный собор. В 1929 г. была закрыта и передана краеведческому музею Александро–Невская церковь. За 1930–е гг. были закрыты по одному молитвенному зданию в Кестеньгском, Кандалакшском, два — в Лоухском, три — в Ребольском, по четыре — в Ругозерском, Тунгудском, 7 — в Сегозерском, 8 — в Ведлозерском, по 11 — в Кемском, Петровском, Медвежьегорском, 13 — в Шелтозерском, 14 — в Кондопожском, 16 — в Беломорском, 26 — в Олонецком, 27 — в Заонежском, 28 — в Пряжинском, 40 — в Пудожском районах[98].

Петрозаводск. Кафедральный собор

Несмотря на гонения, сохранялось массовое посещение церквей в дни религиозных праздников. Во многих населенных пунктах республики после закрытия храмов религиозные обряды стали проводиться в домах верующих по их просьбе. Сохранялся достаточно высоким авторитет духовенства среди населения.

Форсированные преобразования в экономике неизбежно вели к установлению авторитарного режима, призванного подавить сопротивление новому курсу. Однако даже в рамках стратегии, избранной сталинским руководством в конце 1920–х гг., не могут быть оправданы массовое беззаконие и насилие по отношению к безвинным людям. Ошибки и преступления сталинского руководства обрекли народ на тяжелые утраты, отнюдь не оправданные объективной логикой реформ.

Вопрос о том, как сочетались репрессии "сверху" с настроениями и действиями "снизу" требует дальнейшей разработки. У Сталина был очень сильно развит инстинкт власти, он обладал способностью ее концентрировать, подбирать людей и манипулировать ими, ставить их в зависимое положение, контролировать аппарат. Ясно, что Сталиным очень умело использовались реальные противоречия в разных слоях общества.

На промышленных предприятиях основная ставка делалась на недавних выходцев из деревни, стремившихся поднять свой статус на производстве. "Спецеедческие" настроения в рабочей среде позволяли властям усилить давление на интеллигенцию. Важной мерой в борьбе с бюрократизмом и волокитой было признано шефство рабочих над госаппаратом. В 1930 г. рабочие Онежского завода проверяли деятельность Наркомфина, рабочие типографии им. Анохина — работу Госбанка. В 1931 г. КарЦИК постановил выделить из рабочей среды 108 соцсовместителей — рабочих–ударников, которые должны были сочетать свою производственную деятельность с работой в госаппарате. Онегзавод смог выделить только 8 человек, но и из них не все приступили к работе[99]. Так что практической пользы от рабочего шефства и соцсовместительства оказалось не так уж много. Скорее они явились частью пропагандистской кампании, в ходе которой деятельность политически преданных рабочих проти-

вопоставлялась работе ненадежных в классовом отношении интеллигентов, управленцев–профессионалов.

Важное значение имел небывалый рост социальной мобильности. За очень короткий по меркам истории срок десятки тысяч жителей Карелии приобщились к грамоте, освоили новые занятия, профессии, а вместе с ними и новый образ жизни, новые ценности. По данным переписи 1939 г., среди 17 автономных республик России Карелия занимала третье место по относительной численности горожан (32,1%). Почти 3/4 занятого в различных отраслях народного хозяйства населения республики в это время составляли рабочие и служащие.

В конце 1920–х — начале 1930–х гг. активизировался процесс выдвижения рабочих и крестьян в аппарат советских, партийных, профсоюзных, комсомольских органов. С 1 января 1929 г. по 1 июля 1930 г. в республике был выдвинут 1391 человек, из них на административно–хозяйственную и советскую работу — 1232, кооперативную — 111, колхозную и совхозную — 35, профсоюзную — 13. Кроме того, в резерве насчитывалось 430 человек. Большинство выдвиженцев составляли кадровые рабочие. В 1927 г. на руководящей работе в республике находились примерно 1,5 тысячи выдвиженцев[100]. Следовательно, только за полтора года пятилетки было выдвинуто почти столько же, сколько за всю нэповскую эпоху. Новые пополнения руководителей стали опорой правящего режима. С другой стороны, большинство выдвиженцев не имели навыков управленческой деятельности. В Петрозаводске была организована совпартшкола, регулярно проводились курсы для управленцев, однако они не могли в полной мере компенсировать отсутствие профессионального образования и опыта.

Мощным средством идеологического воздействия стала периодическая печать. В годы первой пятилетки заметно выросли тиражи республиканских газет. Если в 1928 г. тираж русскоязычной газеты "Красная Карелия" составлял 6 тыс., то в 1938 г. он вырос до 26 тыс. экземпляров. За годы первой пятилетки тираж финноязычной газеты "Пунайнен Карьяла" увеличился с 3 тыс. до 5,5 тыс. экземпляров. В 1929 г. на Онежском заводе начала выходить первая в Карелии многотиражная производственная газета "Вагранка". В 1930 г. в Кеми стала издаваться газета "Советское Беломорье" — первая районная газета в республике. В середине 1930–х гг. в Карелии выходило уже 16 районных и 9 фабрично–заводских газет[101].

Многие отдаленные деревушки Карелии получили связь с Москвой, Ленинградом, Петрозаводском благодаря радио. В городах и поселках радиоприемники стали устанавливаться не только в клубах, избах–читальнях, но и на квартирах рядовых обывателей. В программы радиопередач обязательно входили выпуски политических новостей, лекции и беседы на политические темы, обзоры местных и центральных газет. Благодаря радио пропаганда неслышно вошла в мир частной жизни людей, казалось бы, закрытый для посторонних.

Газеты и радио сделали в 1930–е гг. возможной передачу миллионам людей на огромные расстояния и с необычайной быстротой официальных лозунгов и установок. Вся информация строго дозировалась. Независимо от принадлежности и характера изданий оценки общественно–политических событий в них совпадали, поскольку все средства массовой информации находились под строжайшим контролем коммунистической партии. Альтернативные оценки и версии происходящего людям стали попросту недоступны.

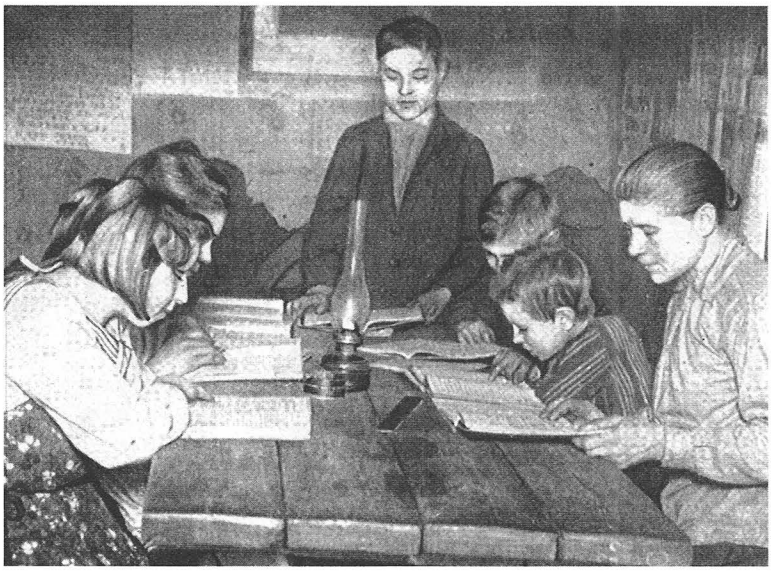
В 1931—1932 гг. развернулась массовая подготовка партийных пропагандистов на разного рода курсах. Центром этой работы стал Дом партийного просвещения,

Президиум III Всекарельского съезда РКСМ. 1924 г.

открытый в Петрозаводске в 1931 г. Главной формой политучебы стали партийные школы. Их численность в Карелии за 1928—1933 гг. выросла с 254 до 1277, а число слушателей за 1928—1934 гг. увеличилось с 4 тыс. до 73 тыс. человек. С 1932 г. на промышленных предприятиях и в колхозах стали проводиться специальные дни массовой политпропаганды — политдни. При избах–читальнях и клубах организовывались политические, производственные, оборонные кружки. Безусловно, идейно–политический уровень многих мероприятий был невысоким, политпросвещение носило поверхностный, лозунговый характер. Вместе с тем прямолинейные, незамысловатые установки агитаторов воспринимались малообразованными слоями общества как ориентир в общественной жизни. Сталинская пропаганда апеллировала прежде всего к чувствам людей, уводила их от мрачных реалий в мир красивых иллюзий. Ее воздействие на некоторые слои общества было очень существенным.

Особенное влияние эта пропаганда имела на молодежь. Политический режим умело использовал энтузиазм той части молодежи, которая видела, как на глазах меняется страна, и верила, что в обновляющейся России ей удастся реализовать себя. В годы первой пятилетки численность комсомольской организации Карелии увеличилась почти в 3 раза. На 1 января 1933 г. в организации насчитывалось свыше 15 тыс. комсомольцев. Через комсомол юноши и девушки активно вовлекались в политшколы, кружки политчиток, кружки текущей политики. В 1930/31 г. политучебой было охвачено около 9 тыс., а в 1932 г. — около 20 тыс. комсомольцев и несоюзной молодежи Карелии[102].

Однако дело не только в эффективности пропаганды. Переломные эпохи всегда рождают у части общества возвышенные устремления, искреннюю самоотверженность. Активно работали в начале 1930–х гг. в Карелии добровольные общественные организации. Чрезвычайно важна для республики была деятельность общества "Долой неграмотность!" (ОДН). Более 7,5 тыс. членов общества включились в годы первой пятилетки в работу по ликвидации массовой неграмотности и малограмотности в Карелии[103]. С особым энтузиазмом брались добровольные организации за проведение разного рода романтических кампаний. Члены Осоавиахима вели сбор средств



Кружок ликбеза в дер. Нелгомозеро. 1938 г.

на строительство воздушного флота. В голодном 1931 г. в Карелии было собрано на строительство самолета 135 тыс. руб. При этом Кестеньгский район, где было всего 7 тыс. жителей, собрал на развитие советской авиации 30 тыс. руб.[104] В июне 1931 г. в Петрозаводске состоялся общегородской поход 960 комсомольцев, физкультурников и осоавиахимовцев в Пески, во время которого прошел и учебный ночной бой, и воздушно-химическое нападение условного противника. В конце первой пятилетки более 38 тыс. жителей Карелии являлись членами Международной организации помощи борцам революции (МОПР). "Протестуем против беззаконно вынесенного приговора безвинным, беззащитным и бесправным в стране капитала 9 неграм и требуем отмены такового", — заявили на митинге в апреле 1932 г. мопровцы — студенты Карельского комвуза, пединститута и рабфака, откликаясь на информацию в советских газетах о смертном приговоре "угнетенным братьям"[105].

Многое делалось, чтобы вовлечь в общественную жизнь женщин. В 1929 г. в партийных организациях Карелии женщины составляли 11%, в 1933 — 16%, в 1940 г. — около 19% общей численности коммунистов. В Петрозаводске, Олонце, Кеми и многих других населенных пунктах были созданы делегатские собрания: раз в год из числа женщин избирались делегатки, которых прикрепляли к учреждениям, предприятиям. В годы первой пятилетки делегатские собрания стали создаваться в основном при промышленных предприятиях, колхозах, советских учреждениях. Делегатки следили за их санитарным состоянием, жилищными условиями рабочих, дежурили в красных уголках, участвовали в создании сети общепита, женских консультаций, участвовали в кампаниях перевыборов советов, контролировали работу кооперации. При делегатских собраниях создавались секции, среди которых самой популярной была секция по охране материнства и младенчества. Неграмотных делегаток стремились вовлечь в кружки по обучению грамоте. Всего за 1921—1933 гг. в Карелии через делегатские собрания прошли более 30 тыс. женщин. Если в 1929 г. в республике работали 153 делегатских собрания, то в 1933 г. — 496. Ежегодная численность делегаток за 1929—1933 гг. увеличилась более, чем в 3 раза — с 2826 до 9859[106].

О росте общественной активности рядовых граждан республики свидетельствовал широкий размах в годы первой пятилетки рабселькоровского движения, прежде развивавшегося довольно медленно. Если в 1928 г. при газете "Красная Карелия" объединялось около 600 рабселькоров, то к маю 1930 г. их стало уже 1,8 тыс. Численность рабселькоров "Пунайнен Карьяла" за это же время увеличилась с 200 до 660 человек. Более ста добровольных корреспондентов объединяла в начале 1930–х гг. каждая районная газета, десятки рабкоров составляли актив многотиражек. В 1930 г. общая численность рабселькоров всех газет республики составляла примерно 10 тыс. человек, из них около 4 тыс. писали в газеты регулярно. Подавляющее большинство добровольных корреспондентов составляли рабочие, присылавшие, как правило, короткие информационные материалы, строившиеся по схеме: "Что? Где? Когда?"

Рабселькоровское движение являлось важным каналом общения между гражданами и властью. Не случайно редакции часто передавали читательские письма в советские или судебные органы. На страницах газет рабселькоры критиковали недостатки быта — грязь в общежитиях, пьянство, хулиганство, бедность досуга молодежи, а также бюрократизм и волокиту органов власти. Большинство добровольных корреспондентов выступали под красноречивыми псевдонимами: "Пила", "Шило" и т.п. Псевдонимы должны были уберечь от мести раскритикованного начальства. В свою очередь власти были заинтересованы в корреспонденциях с мест как своеобразном мониторинге общественных настроений. В помощь рабселькорам, часто имевшим лишь начальное образование, редакции газет проводили слеты и совещания добровольных корреспондентов, организовывали рабселькоровские кружки[107].

На августовском 1929 г. пленуме обкома ВКП(б) была принята программа действий, направленная на расширение прав и социально-политических возможностей финно–угорских народов Карелии. В условиях роста унитарных тенденций и бюрократического централизма в развитии союзного государства Карелия быстро теряла свои особые бюджетные права и хозяйственную самостоятельность. Основной упор в национальной политике теперь делался на социальные и культурные аспекты. Активизация миграционных процессов, ускорение урбанизации в ходе форсированной индустриализации неизбежно должны были привести к важным социально–демографическим сдвигам в составе населения региона. Между тем подавляющее большинство карельского и вепсского населения составляли крестьяне. В этих условиях отнюдь не мифической представлялась опасность того, что местное карельское и вепсское население может оказаться на задворках индустриального мира, утратив свои культурные традиции и не вписавшись в новое мироустройство.

Прежде всего ставилась задача не допустить снижения доли финно–угорских народов в составе населения Карелии. В переселенческой работе выдвигался принцип: "заселять национальные районы преимущественно переселенцами той же национальности". На практике значительное большинство мигрантов составили русские. Вместе с тем за 1931—1935 гг. в Карелию переселились 5157 тверских карелов, более 6 тыс. финнов из США и Канады[108]. Подавляющее большинство мигрантов прибыли в 1931—1933 гг. Финно–угорские народы активно вовлекались в социалистическое строительство. В 1933 г. карелы составляли 21,4%, финны — 9,9% общей численности партийной организации Карелии. Среди комсомольцев 40,6% являлись представителями карелов, финнов, вепсов. Почти половина всех членов женских делегатских собраний в годы первой пятилетки состояла из представителей финно–угорских народов. Карелы составляли около половины рабселькоров финноязычной и четверть рабселькоров русскоязычной республиканских газет.

Форсирование промышленного развития предполагало ломку прежней социальной структуры. Резко возрастала роль в обществе рабочего класса, интеллигенции, формировалась новая управленческая элита. Руководство республики пыталось целенаправленно воздействовать на сложный процесс создания социальной структуры индустриального общества. Большое внимание уделялось политике "коренизации". В конце 1920–х гг. очень высокой — от 46 до 76% —была доля карелов, финнов, вепсов среди выдвиженцев. В середине 1930–х гг. карелы, финны, вепсы составляли 44—47% работников советского аппарата. В органах ГПУ Карелии в это же время 33,8% служащих составляли националы: 26,2% в центральном аппарате и 48% в районном. В 1933 г. удельный вес рабочих–националов составлял почти 22%. Особенно много их было на предприятиях бумажной, лесозаготовительной, деревообрабатывающей промышленности. Заметно выросла доля учащихся карелов, финнов, вепсов в школах ФЗУ: если в 1929 г. она составляла 21,7%, то в 1932 г. — 41,8%[109].

Особое внимание уделялось созданию национальной интеллигенции и использованию финского языка в сфере культуры. Издательство "Кирья", ставшее с 1931 г. государственным издательством, наращивало выпуск общественно–политической, учебной, научной, художественной литературы на финском языке. В Карелии выходили финноязычные газеты и журналы. Местная радиостанция включала в свои программы передачи на финском языке. В 1932 г. в Петрозаводске открылся профессиональный финский театр. Финская культура, до начала 1920–х гг. не имевшая никакой базы в Карелии, в начале 1930–х гг. приобрела широкое влияние. Другое дело, что в условиях усиления авторитарных тенденций в политической жизни России на рубеже 1920–х—1930–х гг. целый ряд мероприятий в этой сфере сопровождался административным нажимом, ущемлением прав людей.

В 1929 г. руководство республики официально утвердило финский язык в качестве единственного письменного и литературного языка карельского населения. В постановлении Карельского ОК ВКП(б) "Очередные задачи национальной политики в АКССР" (август 1929 г.) закреплялся отказ от принципа свободы выбора русского или финского языка для карелов. Во всех районах с преобладанием карельского населения началось ускоренное введение финского языка в школах, пунктах ликбеза, использование его в деятельности просветительных учреждений, советских и партийных органов. В начале 1932 г. 99,6% карельских детей (вместо 57,8% в 1929 г.) обучалось в школах на финском языке. В том же году из всего карельского населения, охваченного ликбезом, на финском языке обучалось 70% против 21% в 1928 г. Была развернута сеть курсов финского языка для работников партийного и советского аппарата[110]. Добровольность выбора языка обучения для карелов была восстановлена в 1935 г.

В начале 1930–х гг. руководство Карелии активно выдвигало идею введения финского языка не только для местного карельского населения, но и для проживавших в Ленинградской области ингерманландцев и для тверских карелов. Эта идея встретила резкое противодействие со стороны руководящих органов Тверского округа Московской области, по инициативе которых в 1930 г. началась разработка, а затем введение карельской письменности для тверских карелов. В апреле 1931 г. Президиум Совета национальностей одобрил опыт создания письменности для тверских карелов и рекомендовал правительству Карелии приступить к разработке карельского литературного языка и переводу на него всей деятельности в области культуры[111].

Эти рекомендации не нашли поддержки в Карелии. Состоявшееся в мае 1931 г.

совещание партактива единогласно высказалось против создания карельского литературного языка. Постановление Президиума Совета национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г., обязывавшее правительство республики перейти к использованию литературного карельского языка, было отменено Политбюро ЦК ВКП(б) 30 июня 1931 г., хотя широкой огласки это решение Политбюро не получило. Возможно, причиной тому стало обострение весной 1931 г. советско–финляндских отношений: в Финляндии велась шумная пропагандистская кампания против выселения ингерманландцев из Ленинградской области, в свою очередь советских дипломатов беспокоило усиление в Финляндии профашистского лапуаского движения[112]. В феврале 1933 г. Президиум ВЦИК признал нецелесообразным переход от финского языка на карельский в КАССР. Разработка и практическое введение письменности на карельском языке для тверских карелов были при этом продолжены.

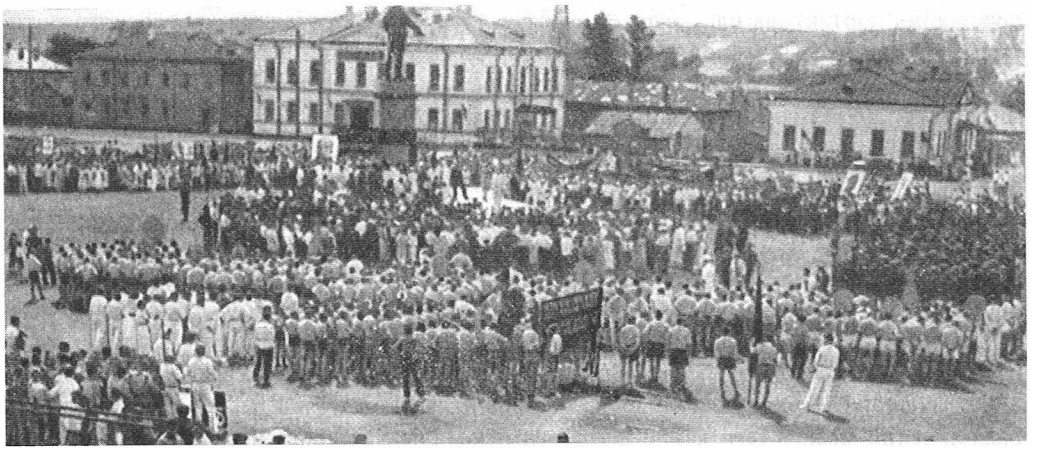
В середине 1930–х гг. в общественно–политической жизни республики усилились расхождения между тем, какие ценности и идеалы преподносились в официальной пропаганде, и тем, что было на деле. Поддерживая энтузиазм неопытных в политическом плане масс, сталинское руководство в то же время бдительно охраняло реальные рычаги власти от народного контроля. Под прикрытием демократического фасада Сталин строил и укреплял диктатуру.

В 1935—1936 гг. страна жила в ожидании больших перемен, возможно, самых значительных после революции 1917 г. Летом—осенью 1936 г. впервые в истории страны всенародно обсуждался проект новой Конституции СССР. Предложение высказаться по самым насущным проблемам, волнующим общество, открыто говорить все, что думаешь, внушало иллюзии демократии, да и сам проект давал основания для оптимизма. Многие полагали, что принятие конституции станет толчком для демократических реформ.

Обсуждение проекта вылилось в мощную пропагандистскую кампанию по поводу достижений советской власти. "Я — счастливый человек" — так назвала свою заметку читательница Берегова, рассказавшая на страницах республиканской газеты историю своей жизни: в 16 лет была выдана замуж за вдовца с шестью детьми, возможность учиться получила в колхозе, где была выдвинута бригадиром, затем стала председателем сельсовета, зампредседателя РИКа, а в то время, когда писалась эта заметка, 38–летняя Берегова училась на Высших курсах советского строительства при ВЦИК в Москве[113]. Многие заметки строились по принципу: "Раньше и теперь", "Мечта стала явью", "Я дожил до замечательных дней" и т. п.

Тем не менее даже в строго заданных рамках обсуждения люди стремились сказать о наболевшем. Не случайно особый интерес авторов опубликованных откликов вызвали те статьи проекта Конституции, где речь шла о правах граждан. Обидной и несправедливой казалась крестьянам существенная разница в фактических правах между жителями деревни и горожанами. Совсем обойти эту проблему оказалось невозможно, и редакция вынуждена была хотя бы робко затронуть больную тему, выбрав для публикации сравнительно безобидные предложения о равном праве на отдых. На страницах "Красной Карелии" читатели предлагали ввести оплачиваемые отпуска не только для рабочих и служащих, но и для колхозников. Причем эти предложения поступали как от отдельных читателей, так и от сельсоветов, от общих собраний колхозников.

Успехи системы государственного образования, возросшую тягу населения к знаниям отразили письма о том, чтобы внести в Конституцию пункт о всеобщем среднем образовании, увеличить возраст приема в высшие учебные заведения. Довольно ожив-



Торжества в Петрозаводске в день принятия Конституции Карельской АССР. 18 июня 1937 г.

ленно обсуждалась статья проекта Конституции, предусматривавшая введение всеобщего избирательного права. В некоторых письмах с удовлетворением отмечалось, что отныне интеллигенция уравнивается в правах с рабочими и крестьянами, одобрялось предоставление избирательных прав духовенству. Вместе с тем "Красная Карелия" публиковала письма, в которых читатели сомневались, стоит ли давать "лишенцам" избирательные права.

Большой резонанс в ходе обсуждения проекта Конституции получила тема борьбы с бюрократизмом и ответственности депутатов перед избирателями. Читатели просили дополнить проект положением об обязанности депутата регулярно отчитываться перед своими избирателями, законодательно закрепить периодичность таких отчетов. Довольно символично звучало в 1936 г. письмо пилостава Ууситало: "Я предлагаю внести в проект Конституции пункт, где бы говорилось о жестком контроле над проведением в жизнь советских законов".

Для обсуждения проектов Конституций СССР и Карельской ССР был созван XI Всекарельский Чрезвычайный съезд Советов, который начал работу в ноябре 1936 г. и продолжил ее в июне 1937 г. Председатель СНК КАССР П.И. Бушуев, делавший основной доклад на съезде, отметил, что в обсуждении проекта союзной Конституции участвовало 170 тыс. трудящихся республики, которые внесли 979 дополнений и изменений в текст документа. Проект Конституции СССР был назван "крупнейшим вкладом в сокровищницу марксизма–ленинизма" и единодушно одобрен. Участники прений от каждого района республики тщательно отбирались. Любопытно, что в списках выступающих фиксировалась не только партийность, общественные поручения каждого оратора, но и процент выполнения им производственных норм. Съезд поставил перед советами задачу воспитания в каждом трудящемся "классовой ненависти к врагам социализма". Причем неоднократно подчеркивалось, что необходимо "выкорчевывать врагов, под какой маской они бы не находились"[114]. Людей словно приучали к мысли, что врагами могут неожиданно оказаться совершенно непохожие на врагов люди и удивляться этому не нужно. 17 июня 1937 г. XI Всекарельский съезд Советов утвердил первую в истории Карелии Конституцию КАССР, написанную в полном соответствии с союзным Основным законом.

В декабре 1937 г. жители Карелии приняли активное участие в выборах в Верховный Совет СССР. После Учредительного собрания это были первые в истории России всеобщие, равные, прямые, при тайном голосовании выборы в высший законодательный орган страны. Кандидатами в депутаты выдвигались прославленные труженики, известные республике люди. Однако ход избирательной кампании не соответствовал демократическим нормам. Законодательно не запрещалось выдвижение в ходе избирательной кампании нескольких кандидатов, но на практике во всех избирательных округах был выдвинут только один кандидат. Тем самым выборы сводились к функциям подтверждения полномочий кандидатов в депутаты. На места поступали разнарядки ЦК ВКП(б) о том, сколько должно быть среди кандидатов рабочих, женщин, молодежи и т. д. Отобранные обкомами кандидатуры представлялись в ЦК партии на утверждение. На каждого из кандидатов запрашивались данные из НКВД. Подчас НКВД арестовывал некоторых кандидатов, показавшихся чем–то подозрительными. Так, незадолго до выборов, когда избирательная кампания в Карелии была в самом разгаре, кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Тимофеева арестовали как "врага народа"[115].

Безусловно, кандидаты в депутаты пользовались доверием широких слоев населения. Да и власти делали все, чтобы продемонстрировать в условиях всеобщих выборов с тайным голосованием максимально высокие цифры поддержки гражданами СССР сталинского режима. Всякий случай отказа от участия в выборах расценивался как результат антисоветской агитации. В ходе выборов 12 декабря 1937 г. за кандидатов блока коммунистов и беспартийных проголосовали 95,9% избирателей Карелии. В высшем законодательном органе страны Карелию представляли 14 человек. В Совет Союза были избраны и. о. первого секретаря обкома Н.И. Иванов, председатель карельского правительства П.В. Соляков и нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин. Депутатами Совета Национальностей стали колхозницы Т.С. Викулина, А.А. Ключарева, лесозаготовители М.А. Костина, С.К. Локкин, машинист А.И. Спиридонов, председатель ЦИК КАССР М.В. Горбачев, заместитель наркома просвещения Карелии А.С. Афанасьева, командир РККА В.А. Вавашкин, летчик И.П. Мазурук, полярник И.Д. Папанин, академик Б.Е. Веденеев[116].

В июне 1938 г. состоялись выборы в Верховные Советы РСФСР и Карельской АССР. В выборах участвовало 99,7% избирателей, из которых 99% отдали свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. В Верховный Совет Карельской АССР были избраны рабочие Д.А. Смирнов, Ф.П. Отавин, М.Г. Борисова, М.С. Артемов, заведующая колхозной фермой Н.А. Пронькина, учительница Л.И. Леонтьева, директор Онегзавода А.Н. Брызгалов и многие другие передовики труда.

Участвуя в выборах, люди не могли не замечать разительного несоответствия предвыборных речей суровым реалиям жизни. Наряду с бюллетенями в избирательные урны подчас опускались пространные записки–рассуждения, наполненные то горечью, то иронией. Приведем в качестве примера одну из них, обнаруженную на избирательном участке в Кондопожском районе: "Эти выборы, что ребята маленькие на улице играют... хотят нам, дуракам, глаза замутить выборами и конституциями, чтобы каждый советский гражданин был в УСЛОНе не год, не пять, а 25 лет, и этого добиваются наши руководители, чтобы работали остальной век свой бесплатно и жили из–под палки. Зато жить стало лучше и веселее, но дать стало нечего есть рабочему"[117].

Подготовка к выборам проходила в условиях вновь осложнившейся социально–экономической ситуации в стране. Попытка нового "экономического скачка" не уда-

лась. Многие предприятия не справились со взвинченными планами. В 1936 г. от засухи в стране пострадал урожай зерна и картошки. Урожай был так же плох, как в голодные 1931—1932 гг. Государственные заготовки проводились с прежней строгостью, в итоге хлеба в деревнях осталось меньше, чем в начале 1930-х гг. С конца зимы — весной 1937 г. в ряде районов страны начался голод, отступивший лишь вследствие рекордного урожая 1937 г. Однако рядовые люди не могли не ощутить продовольственных трудностей. В городах вновь возникли огромные очереди за продуктами. Подскочили цены на базарах. В 1937 г. в Карелии была введена пониженная норма продажи хлеба. За хлебом выстраивались длинные очереди даже в Петрозаводске. На многих предприятиях образовались двух—трехмесячные задержки с выдачей зарплаты. В продаже подолгу отсутствовали крупы, сахар, чай и другие товары первой необходимости. Сократился размер оплаты труда колхозников. Так, если в Олонецком районе в 1933 г. в 14% колхозов было выдано более 3 кг зерна на трудодень, то в 1936 г. более 3 кг нигде не выдавали, в 24% сельхозартелей на трудодень пришлось менее 1 кг зерна, в то время как в 1933 г. такие хозяйства составляли лишь 7%[118]. Социальное напряжение в обществе росло.

По мере усиления в стране социально-экономических трудностей в сознание рядовых граждан навязчиво внедрялся миф о вредительстве "врагов народа". Пребывавшие в длительном чрезмерном психологическом напряжении люди в массе своей были готовы принять его. История знала и прежде примеры того, как в кризисные эпохи усталые от дороговизны, голодовок, эпидемий люди проявляли склонность к "охоте на ведьм". Вся вторая пятилетка была отмечена возрастанием функций карательных органов. В 1934 г. создается общесоюзный Наркомат внутренних дел, в состав которого вошел аппарат ОГПУ. Убийство Кирова 1 декабря 1934 г. было использовано Сталиным для внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство: теперь дела о терроре можно было рассматривать в ускоренном порядке, в отсутствии обвиняемых и выносить смертный приговор, не подлежащий обжалованию.

Решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. официально закрепили курс на развертывание массовых репрессий. В мае 1937 г. состоялась областная партийная конференция, на которой обсуждались и были одобрены итоги февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). К тому времени в каждом районном отделении НКВД имелись агентурные разработки на подозреваемых в антисоветской деятельности. В этот круг автоматически, независимо от их реальных взглядов и действий, зачислялись граждане, прибывшие в Карелию из Европы и Америки — красные финны, финперебежчики, американские финны, а также участники "каравантюры", бывшие члены умеренных социалистических партий, стронники оппозиций внутри РКП(б)/ВКП(б), духовенство, сектанты и т. д.

В августе 1937 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. официально началась "операция по борьбе с кулачеством, уголовниками и иными антисоветскими элементами". Из центра поступили директивы об аресте в Карелии 1000 человек, 300 из которых были отнесены к первой категории (расстрел). Вводился упрощенный порядок ведения следствия и приведения приговоров в исполнение. Все операции первоначально были рассчитаны на 3—4 месяца. Вскоре аресты стали массовыми. Репрессивная кампания, развязанная сверху, быстро вышла из-под контроля центра и захлестнула общество. В центр пошли многочисленные телеграммы с просьбами увеличить число репрессируемых, особенно по первой категории. Разрешение было получено. Уже к 20 ноября 1937 г. республиканская "тройка" пригово-

рила к расстрелу 1690 жителей Карелии (72% осужденных). В декабре 1937 г. заработала так называемая "двойка". По приговору этого внесудебного органа только в декабре 1937 г. было арестовано 900 человек, 727 из них (80,8%) были приговорены к расстрелу. Большинство арестованных в это время (64,2%) составляли финны[119].

Самые кровавые события в Карелии развернулись в 1938 г., когда было арестовано и осуждено в полтора раза больше граждан, чем в предыдущем году. Карелия получила дополнительное разрешение на репрессии 700 человек, из которых 500 подлежали расстрелу. С 1 января по 10 августа 1938 г. было арестовано и осуждено 5164 человека, из которых 3223 (73,7%) были приговорены к расстрелу. Осенью 1938 г. в соответствии с приказом № 00606 были арестованы и осуждены еще 1805 человек, 1708 из них (94,6%) — расстреляны. По имеющимся данным, в Карелии в 1937—1938 гг. число репрессированных составило не менее 11 341 человека, эта цифра, однако, подлежит уточнению. Трагичной оказалась судьба финской диаспоры в Карелии в годы сталинского террора. На долю финнов, чья численность в середине 1930–х гг. едва превышала 3% населения, пришлось 40% всех репрессированных — 4688 человек. К расстрелу были приговорены 85% осужденных финнов[120].

Жестокий удар был нанесен по советским, партийным, хозяйственным кадрам, творческой интеллигенции, административно–управленческому персоналу. В апреле 1938 г. обком партии докладывал Сталину, что в Карелии арестовано и осуждено за контрреволюционную деятельность 616 руководителей. 29 октября 1937 г. был осужден бывший председатель ЦИК Карелии А.В. Шотман и на следующий день расстрелян. 14 июня 1938 г. приговорен к расстрелу отказавшийся на суде от своих показаний во время следствия бывший председатель СНК Карелии Э.А. Гюллинг. Его расстреляли через несколько часов после вынесения приговора. 21 апреля 1938 г. осужден и в тот же день расстрелян Г.С. Ровио, отказавшийся на суде от своих предварительных показаний. С мая 1937 г. по июнь 1938 г. из 149 членов и кандидатов в члены КарЦИКа были исключены как "враги народа" 51 человек, из состава членов РИКов — 50 человек, городских и поселковых советов — 53 человека. За второе полугодие 1937 г. исключено и отозвано 619 членов сельсоветов. Согласно отчету НКВД КАССР, за 1937—1938 гг. в Карелии были репрессированы 217 военных, в том числе около 100 были приговорены к расстрелу[121].

В июле 1937 г. Политбюро приняло решение о проведении репрессий в отношении жен и детей "изменников родины". В соответствии с приказом НКВД СССР 15 августа 1938 г. жены "врагов народа" арестовывались одновременно с мужьями. От ареста освобождались только женщины, которые сами донесли в органы НКВД на мужа, разоблачили его. Грудные дети до полутора лет направлялись с матерью в лагерь. Дети постарше отправлялись в детские дома, при этом, как правило, братья и сестры разлучались.

В обстановке массового психоза казнили подчас без особого разбора, жертвами становились люди самых разных общественных групп. Иногда поводом к доносу и аресту могли послужить даже шкурные интересы: хорошее жилье человека, личная обида, сведение старых счетов и др. В приграничном Петровском районе органами НКВД велась разработка "Повстанцы". Первые аресты по этому делу начались в июне 1937 г. Тогда были арестованы 9 человек. К февралю 1938 г. по этому делу подверглись аресту уже 2403 человека — жители 986 населенных пунктов республики. В Шуньге было репрессировано 95 человек, в Ухте — 258, в Матросах — 183 и т. д. В июне 1938 г. численность "повстанцев" составляла уже 4181, в том числе в Пряжинском районе — 448 человек, Петровском — 417, Пудожском — 356, Заонежском — 346 че-

ловек. Бурю репрессий вызвала агентурная разработка "Диверсанты", заведенная в Кондопожском районе. Согласно версии НКВД, в районе орудовали шпионы, сплотившие вокруг себя "вредителей" из числа руководства Кондопожского ЦБК. Весной—летом 1938 г. с крупных предприятий (Кондопожский ЦБК, Петрозаводская лыжная фабрика) арестованных увозили грузовиками. Людей стали хватать прямо на улицах, на глазах у изумленных прохожих[122].

На фоне зловещей активности НКВД общество выглядело каким-то растерянным, если не считать ту его часть, кто с вожделением клеймил павших, радуясь открывшимся карьерным перспективам. На многочисленных собраниях трудовых коллективов, митингах, партийных, комсомольских собраниях от людей требовали коллективного одобрения проводившейся политики. Стенограммы и протоколы этих собраний — достаточно сложный источник, который еще предстоит глубоко изучать историкам-профессионалам. Поначалу записи произнесенных на этих собраниях речей поражают примитивностью логики, выглядят совершенно неубедительными. Однако вскоре понимаешь, что строгости мысли от ораторов как раз и не требовалось. Отнюдь не силой логики, а благодаря блистательному учету законов массовой психологии они оказывали колоссальное влияние на поведение слушателей. Поощрялись утрирование в аргументации, эффектные примеры, броские обобщения. Идеи упрощались, сводились к нескольким элементарным предложениям, часто и долго повторялись в разных вариантах. Старательно раздувались разного рода слухи. Факты сгущались и обязательно принимали образную форму. Присоединяясь к мнению коллектива, человек как бы снимал с себя личную ответственность за принятое решение. Противостоять коллективному влиянию было архисложно не только низшим, необразованным слоям. Как правило, ему подчинялась и интеллектуальная элита, нонконформисты.

Что думали люди о происходящем, оставаясь наедине с собой? В какой-то мере помочь историку судить об этом могут документы личного происхождения. В переломные эпохи всегда большое число людей начинают вести дневники, чувствуя, что необходимо обязательно фиксировать события, современниками которых им выпало стать. Кроме того в дневниках, как правило, человек облегчает душу, описывает именно тяжелые, мрачные настроения, поэтому неудивительно, что в 1937 г. дневников велось немало.

Один из них принадлежит 35-летнему заместителю редактора газеты "Красная Карелия" Василию Михайловичу Градусову. Член партии с 1920 г., политрук, студент Ленинградского университета, газетчик, партийный работник — таковы основные вехи его профессиональной карьеры. Оставив в Ленинграде жену и детей, он приехал в Карелию в 1933 г. по решению Ленинградской парторганизации для "укрепления" республиканской газеты. Убежденный коммунист, партийный интеллектуал, человек системы — таким предстает перед нами автор дневника. 18 мая 1937 г. он записывает свои впечатления от областной партконференции, на которой обсуждались решения февральско-мартовского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б): "Основное, характеризующее конференцию — бдительность, она перла даже через край. Это здоровое качество — непримиримость к политическим ошибкам, если даже они осознаны "автором". Начавшиеся в июле аресты коллег вызывают поначалу у автора дневника гнев и возмущение по отношению... к арестованным: "Вот гады какие! Ну что было нужно этим вельможам?" (запись 15 июля 1937 г.) Эти откровения в определенной мере характеризуют атмосферу в некоторых парторганизациях и трудовых коллективах в 1937 г.: взаимное недоверие, склоки, подхалимство, подсижи-

вание. Как часто не хватало там духа товарищества, обычно связывающего, безусловно, очень разных, но занятых общим добрым делом людей. Подчиненные иногда с облегчением слышали весть об аресте зарвавшихся начальников, привыкших руководить путем разносов, крика, хамства. Вот и В.М. Градусов отмечает в своем дневнике: "Свершилось! "Хозяин" взят. Наконец–то убрали сволочь! Как я рад, как я доволен. Много попортил ты мне, гад, крови, много неприятностей доставил..." (запись 24 июля 1937 г.). Важным аргументом в правомерности арестов служит для автора дневника фактор возможного предательства в случае военной угрозы. В дневнике В.М. Градусова читаем: "Если их не перебить, то в случае войны они могут больших делов наделать. Это будут первые головорезы и вешатели от фашизма" (запись 24 июля 1937 г.).

Переоценка происходящего, как правило, начиналась тогда, когда критике подвергался сам человек. В сентябре 1937 г. В.М. Градусов был исключен из партии. Потрясенный, он пишет в дневнике: "Это что–то невероятное. И я твердо уверен, что это недоразумение будет урегулировано" (запись 13 сентября 1937 г.). Однако теперь уже вокруг него самого — бездна недоверия, отчужденность коллег и знакомых. Еще несколько месяцев назад воспевавший непримиримость и не знавший пощады к оступившимся, В.М. Градусов с неприкрытой болью пишет: "Как мне тяжело. Какие люди звери. Встретишь на улице — не здороваются. Избегают как прокаженного. Отчужденность людская — сильнее смерти" (запись 16 сентября 1937 г.)[123]. Впереди были бесплодные попытки устроиться на работу, безденежье и голод, а затем — ночной арест.

Реакции и поведение арестованных можно разбить на несколько фаз. Вначале, как правило, люди испытывали шок, не могли поверить в случившееся, казалось, что к ним происходящее не имеет никакого отношения. Н.Г. Осиненко, например, рассказывала, что сразу же после ареста ее доставили на допрос, где предъявили обвинения в принадлежности к контрреволюционной группе и подготовке отравления продуктов. Арестованная немедленно заявила протест, назвала обвинения необоснованными и объявила голодовку. Однако допрос продолжался. Кончалась эта фаза сильнейшей психологической травмой. Человек как бы подводил черту под всей своей прежней жизнью. При длительном пребывании в тюрьме панические настроения уступали место безразличию, все происходящее достигало сознания лишь в приглушенном виде. Казалось, все помыслы человека сосредоточивались на одном: пережить сегодняшний день. На допросах применялись жестокие пытки. Арестованный работник Каробкома ВКП(б) Я. Миляйс в чудом переправленной незадолго до гибели записке в ЦКК сообщал о длившемся беспрерывно с 1 по 28 июля 1938 г. допросе: "За все время спать мне давали три раза, тут же, на полу. Один раз шесть часов, второй — четыре и третий раз два часа. Это когда я уже не мог сидеть на стуле, валился на пол, отливали водой, заставляли стоять у стены. Но я все равно падал. Тогда мне давали поспать"[124].

Результатом таких допросов часто становились галлюцинации, расстройства психики. Никто не мог знать, как долго он будет находиться под арестом, когда состоится суд. Бессрочность существования приводила к переживанию утраты будущего. Эта неопределенность была одним из наиболее тягостных психологических обстоятельств. Иногда люди готовы были подписать любые показания, рассчитывая, что тем самым приблизят суд, на котором удастся все объяснить. Бывший главный врач Пудожской райбольницы Ф.Ф. Шаблеев писал жене: "Как ни возмущался мой разум, но, просидев 136 часов на следственном стуле безвыходно, без сна, почти

без приема пищи, я в полудремотном состоянии вынужден был признать себя виновным. Иначе, сказали,.что следствие даст заключение об абсолютной виновности, меня будут судить заочно. Теперь, когда следствие заканчивается, они меня успокаивают, что большого наказания не будет". Ф.Ф. Шаблеев был осужден и расстрелян 5 октября 1937 г.[125]

Главным орудием репрессий стали внесудебные органы, прежде всего так называемые "тройки", состоявшие из начальника НКВД, секретаря областного комитета партии и прокурора.

В Конституции Карелии 1937 г. статус государственного получили сразу три языка: предусматривалась публикация законов, ведение судопроизводства, государственная символика на карельском, финском и русском языках. Конституция закрепляла право обучения в школах на родном языке. Правда, в июле 1938 г. в Конституцию было внесено изменение: финский язык утратил статус государственного.

В критические для авторитета власти дни, когда она особенно была заинтересована в расширении социальной поддержки, началась кампания по созданию карельского литературного языка. Возглавил эту работу авторитетнейший специалист того времени в российском финно–угроведении профессор Д.В. Бубрих. Карельский язык был в центре его научных интересов с 1928 г. В 1930 г. Д.В. Бубрих организовал первую диалектологическую экспедицию в Карелию, в ходе которой был собран богатый полевой материал. В 1931—1932 гг. он опубликовал несколько научных работ о диалекте тверских карелов, который предлагал положить в основу карельского литературного языка. Под руководством Д.В. Бубриха велась разработка письменности для тверских карелов. В августе 1937 г. в Петрозаводске состоялась республиканская лингвистическая конференция, которая высказалась за создание единого литературного языка для всего карельского населения СССР. Решения конференции поддержал Президиум ЦИК КАССР. В конце 1937 — начале 1938 г. были утверждены алфавит единого карельского языка на основе русской графики письма и основные правила единого карельского литературного языка. В конце 1937 г. в Петрозаводске была издана грамматика карельского литературного языка, подготовленная Д.В. Бубрихом.

В январе 1938 г. в Ленинграде при ЛИФЛИ проводилось расширенное заседание по вопросам карелизации, на котором обсуждались вопросы создания единого литературного языка для карелов тверских и Карельской республики. Основной доклад на заседании сделал проф. Д.В. Бубрих, но обсуждения доклада не состоялось. Д.В. Бубрих был арестован. Полностью реабилитированный, он вернулся в науку лишь через два года.

Кампания по внедрению единого карельского языка сопровождалась политической трескотней и шумихой. Уже осенью 1937 — зимой 1938 г. на карельский язык было переведено преподавание в первых — третьих классах школ карельских районов. Однако довольно скоро обнаружилось несовершенство грамматики, отсутствие единой терминологии, нехватка специалистов и другие совершенно естественные в столь трудном деле проблемы. Их решение требовало многолетней вдумчивой работы интеллигенции, финансовой и материальной поддержки государства. Однако работа по созданию карельской письменности была брошена на полпути.

28 декабря 1939 г. в самый разгар советско–финляндской войны секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г. Куприянов уведомлял секретаря Олонецкого райкома

ВКП(б), что "по договору с народным правительством Финляндии" Олонецкий район должен войти "в состав независимой демократической Финляндии", поэтому вскоре потребуются кадры, владеющие финским языком, и нужно немедленно начать их подготовку[126]. В Олонце была укомплектована группа карелов, для которой изучение финского языка стало важнейшим партийным поручением, правда негласным. Вскоре после окончания советско–финляндской войны 31 марта 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании КАССР в союзную Карело–Финскую Советскую Социалистическую Республику. В условиях, когда в Европе уже шла вторая мировая война, Сталин рассчитывал, что ему удастся использовать ослабление столкнувшихся в смертельной схватке западных стран для того, чтобы расширить коммунистическое влияние в Европе, не останавливаясь даже перед военной помощью западным пролетариям. В новых условиях было пересмотрено отношение к финскому языку. Стала восстанавливаться финноязычная пресса, в школах республики возобновилось преподавание финского языка.

Безусловно, внешнеполитические цели советского руководства сыграли важную роль в столь стремительном повороте языковой политики в конце 1930–х гг. Однако, на наш взгляд, восстановление в правах финского языка в любом случае было неизбежно. Выброшенной за борт культурного, образовательного пространства оказалась немалая часть молодежи Карелии, получавшая школьное образование на финском языке. В условиях острой нехватки квалифицированных рабочих и служащих перед ними закрывались пути к успешной профессиональной карьере. А в поддержке образованных слоев рабоче–крестьянской молодежи очень нуждался сталинский режим, расправившийся со старой интеллектуальной и управленческой элитой в дни чисток и террора.

В 1937—1941 гг. прошло новое массовое выдвижение на руководящие должности. С осени 1937 по май 1938 г. на руководящую работу в республике было выдвинуто 1167 человек. Во второй половине 1938 г. и в 1939 г. только к руководству районными исполкомами и сельсоветами вновь пришло 535 человек, с марта по сентябрь 1939 г. на руководящую работу в районный партийный и советский аппарат было выдвинуто 700 человек, с марта 1939 по март 1940 г. лишь в Петрозаводске было направлено впервые на руководящую работу 948 человек. Учитывая неполноту имеющихся данных, без преувеличения можно сказать, что общая численность выдвиженцев в Карелии с конца 1937 по весну 1940 г. составляла не менее 4 тыс. человек. В количественном отношении это было не меньше, чем число выдвинутых в конце 1920–х—начале 1930–х гг.[127]

Массовая сменяемость кадров вновь существенно отразилась на качестве управленческих решений. Часто выдвиженцев приходилось освобождать от работы как несправившихся. Однако для Сталина главным было то, что он мог быть определенное время относительно уверен в политической лояльности неопытных выдвиженцев. Очередной всплеск социальной мобильности создал плеяду новых сторонников сталинского режима.

Несмотря на репрессии большого числа коммунистов, в 1938—1939 гг. численное сокращение парторганизации оказалось намного меньше, чем в 1934—1936 гг. и не превышало 16 %. В критическом 1937 г. численность партии даже выросла на 670 человек. Это свидетельствовало о том, что места расстрелянных срочно заполнялись новыми выдвиженцами. Вновь резкий рост партийных рядов начался в преддверии Великой Отечественной войны, когда за полтора года (1940 — июнь 1941 г.) численность карельской партийной организации выросла в два раза.

4. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Восстановив разрушенное хозяйство, советское руководство встало перед решением задачи продолжения индустриализации, начатой в эпоху Витте и Столыпина. Стадиальное отставание советской экономики от передовых западных стран следовало преодолеть как можно быстрее, иначе России грозила потеря национального суверенитета. Последующие события доказали справедливость такого утверждения. Через десять лет мир в Европе был взорван самой разрушительной в истории человечества войной, выиграть которую без индустриализации было бы невозможно.

Стратегия форсированной индустриализации предполагала усиление в экономике роли государства, которое должно было сосредоточить в своих руках максимум ресурсов. Большие надежды возлагались на плановое развитие хозяйства. Планирование делало возможным максимальную концентрацию усилий на развитии тяжелой индустрии, производящей средства производства. Чтобы выиграть время, предполагалось закупить на Западе самую современную технику и технологии, опираясь на них, обеспечить технологический рывок и развернуть отечественное производство современных машин и оборудования.

В межвоенные годы Советский Союз был самой бедной из крупных держав и в то же время входил в группу наиболее динамично развивавшихся стран. Темпы прироста промышленности были столь же высокими, как в период экономических бумов 1891—1899 и 1909—1913 гг. В 1930-е гг. СССР стал крупнейшим импортером машин, оборудования и новейших технологий. Его удельный вес в мировом импорте этих товаров (без автомобилей) в 1932 г. достигал 50%. Многие отрасли тяжелой промышленности СССР в технологическом отношении были не менее развиты, чем в странах Запада. СССР входил в число стран, которые могли освоить любой вид промышленной продукции, известной в то время человечеству.

В то же время в конце 1930-х гг. ручной труд являлся преобладающим в сельском хозяйстве и ряде отраслей промышленности, на доиндустриальном уровне оставались многие отрасли, обеспечивавшие нужды населения, не была создана соответствующая индустриальному обществу инфраструктура. Огромные инвестиции для закупки западного оборудования и технологий не вели автоматически к высокому уровню эффективности производства. Низкая производительность труда, плохое качество производимых изделий, высокая себестоимость продукции были характерны для многих предприятий.

Одна из проблем индустриализации страны состояла в размещении ее производительных сил и ресурсов. На востоке и севере страны были сосредоточены минеральные богатства, водные и лесные ресурсы. Поэтому в годы первых пятилеток был взят курс на ускоренное освоение восточных и северных регионов. Бурная индустриализация быстро меняла хозяйственный облик этих территорий. Однако промышленное освоение новых районов требовало значительно больших капиталовложений, активизации миграционных процессов, обеспечения трудовыми ресурсами промышленных новостроек. Решить эти проблемы комплексно было практически невозможно. На практике искусственно форсировалось развитие отраслей группы А, что неизбежно приводило к целому ряду деформаций в экономической и социальной сферах.

Для систематических закупок техники за границей необходимы были валютные средства. В конце 1920-х гг. цены на хлеб на мировом рынке резко упали. Увеличение вывоза зерна не давало достаточных валютных поступлений. Кроме того голод нача-

ла 1930–х гг., резкое ухудшение продовольственного снабжения внутри страны не позволяли наращивать объемы вывоза хлеба. Основными источниками валютных поступлений становились вывоз древесины, пушнины, нефти и некоторых других видов сырья. Только за 1928—1935 гг. экспорт карельского леса дал СССР около 115 млн золотых рублей[128]. Если накануне первой пятилетки в Карелии заготавливалось около 4 млн кубометров древесины в год, то в 1932 г. уже почти 7 млн, а в конце 1930–х гг. — свыше 9 млн кубометров леса, значительная часть которого шла на экспорт. Столь резкий рост лесозаготовок не отвечал экономическим интересам республики. Работа преимущественно на экспорт была убыточной для лесозаготовителей Карелии, поскольку себестоимость их продукции была значительно выше, чем в Швеции, Финляндии, прочно завоевавших в то время мировой лесной рынок. Небывалый рост лесозаготовок был несовместим со сложившимися в республике в годы нэпа хозяйственными механизмами и предопределил их разрушение.

Впрочем, первые проекты долгосрочных планов развития народного хозяйства Карелии строились на нэповских началах. Их подготовка активизировалась в середине 1920–х гг. На рассмотрение Карельской плановой комиссии, которую с 1925 г. возглавлял Э. Гюллинг, были представлены перспективные планы лесной, горной, деревообрабатывающей, бумажной, рыбной промышленности, рассчитанные на 10—15 лет. Проект перспективного плана электрификации, составленный инженером С.В. Григорьевым в 1925 г., связывал развитие гидроэнергетики на севере Карелии с "приложением вероятнее всего крупного иностранного концессионного капитала". В средней и южной Карелии С.В. Григорьев рекомендовал использовать опыт Норвегии и Швеции, где в аналогичных природных условиях успешно развивались энергоемкие отрасли промышленности — электрохимия, электрометаллургия. Большое внимание в проекте плана уделялось строительству электростанций на малых реках для обеспечения энергией уездных городов и деревень[129]. В 1925 г. на заседании плановой комиссии был заслушан доклад члена правления треста "Кареллес" А.К. Хелле "О перспективах развития промышленной деятельности "Кареллеса". Основной акцент докладчик сделал на необходимости преодолеть одностороннее развитие лесной отрасли, организовать комплексное использование всей заготовленной древесины, в том числе и отходов. Увеличения объемов лесопильного производства предполагалось добиваться за счет переоборудования старых лесозаводов. В проекте плана признавалось, что завоза рабочей силы для лесозаготовок не избежать, но основное внимание предлагалось уделять улучшению орудий труда лесорубов, строительству жилья для рабочих.

Проекты планов, составленные в середине 1920–х гг. исходили из признания необходимости технической реконструкции производства в рамках нэпа. В них остро ставился вопрос об источниках финансирования промышленного строительства, обеспечения производства квалифицированными кадрами, были высказаны предложения, позволявшие в определенной мере ослабить остроту этих проблем. Однако вопросов было больше, чем ответов.

В 1926 г. подготовка долгосрочного генерального плана была приостановлена. Госплан СССР разрабатывал варианты пятилетки и настаивал на срочном составлении соответствующих планов в регионах. В это время в Карелии был составлен первый проект пятилетнего плана развития промышленности КАССР на 1927—1932 гг. Главной задачей в нем называлось проведение в ближайшее время индустриализации республики. Этот документ был составлен уже в духе директивы Госплана. В отличие от проектов 1925 г. он изобиловал числовыми показателями. План пред-

ставлял собой набор статистических таблиц с краткими пояснениями к ним. До десятых долей процента на 5 лет вперед в проекте определялись рост валовой продукции, число рабочих, их зарплата в каждой из отраслей промышленности, уровень цен на продукцию и т. д. Многие предложения в проекте плана были никак не аргументированы, не раскрывалась методика их расчета. В проекте пятилетки 1926 г. впервые заявлялось, что большинство ассигнований в промышленность Карелии должно быть предоставлено из бюджета, поскольку внутрипромышленные накопления не могут обеспечить предлагаемых темпов индустриализации. Вскоре подготовленный Госпланом вариант пятилетки был подвергнут в Москве резкой критике и отклонен. Это предопределило судьбу подготовленного по московскому образцу проекта плана в Карелии.

После XV съезда ВКП(б), утвердившего директивы общесоюзного пятилетнего плана, в 1928 г. Карплан разработал еще один вариант пятилетки. Согласование этого варианта плана с общесоюзными директивами и лимитами по капиталовложениям застопорилось во второй половине 1928 г., когда в высших эшелонах партийного и государственного руководства СССР развернулась острая политическая дискуссия о методах проведения индустриализации. Поскольку вопросы финансирования экономики не были окончательно согласованы с центром, представленный VIII Всекарельскому съезду Советов в январе 1929 г. пятилетний план развития народного хозяйства и культуры Карелии являлся лишь предварительным, ориентировочным документом. Тем не менее этот проект дает представление о сути наметившихся подходов.

В резолюции VIII Всекарельского съезда Советов перед промышленностью республики в первой пятилетке были поставлены следующие задачи: снижение себестоимости промышленной продукции, рационализация производства, рост производительности труда, поднятие трудовой дисциплины, улучшение материального положения и бытовых условий рабочих. Главным условием развертывания промышленности назывались активизация балансов промпредприятий, мобилизация их внутренних ресурсов, достижение прибыльности карельской промышленности.

В конце 1920–х гг., когда завершалась верстка пятилетнего плана для Карелии в деталях, начался фронтальный пересмотр контрольных цифр союзного пятилетнего плана в сторону их увеличения. По выпуску продукции в третьем году пятилетки предписывалось вдвое превзойти плановые задания. Подхлестывание экономики обернулось падением темпов ее роста. В начале 1930–х гг. республика получала из центра плановые цифры развития каждой из отраслей, за выполнение которых разворачивалась нелегкая битва. Однако говорить об экономически обоснованном перспективном планировании республиканской экономики в это время не приходится. Штурмовщина и авралы процветали.

В начале второй пятилетки были подготовлены четыре варианта пятилетнего плана для Карелии. Один из них был составлен Карпланом, другие Госпланом СССР, ББК и Ленинградским облпланом. Между этими вариантами имелись значительные расхождения в показателях. Ни один из них не был утвержден высшими органами власти республики. Народное хозяйство Карелии по–прежнему развивалось в значительной мере стихийно, в зависимости от тех лимитов и финансовых средств, которые выделялись союзными наркоматами. По мере усиления международной напряженности планы экономического развития все больше ориентировались на необходимость подготовки к войне.

Как отнеслись республиканские власти к повороту экономического курса в

1928—1929 гг.? С одной стороны, они его явно поддержали. Важную роль играло то обстоятельство, что Карелия имела протяженную границу с Финляндией. Еще слишком свежи были в памяти события интервенции на Севере России в 1918 — начале 1920–х гг. Не могли не вызывать тревогу руководства Карелии изменения внутриполитической ситуации в соседней стране на рубеже 1920–х—1930–х гг. Осенью 1929 г. в Финляндии активизировалось лапуаское движение. После "крестьянского марша" на Хельсинки в июле 1930 г. лапуасцы укрепили свое влияние во внутренней политике. В СССР марш на Хельсинки и последовавшие за ним политические изменения восприняли как состоявшийся фашистский переворот. Кроме того, ускорение темпов социалистического строительства, с точки зрения финских революционеров–эмигрантов, должно было способствовать приближению революции на Севере Европы, о которой многие из них не переставали мечтать.

Начавшиеся в стране реформы карельские власти пытались использовать в интересах республики. В 1929 г. началась реорганизация управления лесной промышленностью. Часть лесов была передана хозяйственным организациям в долгосрочное пользование. Создавались леспромхозы, подчиненные трестам на правах самостоятельных хозяйственных единиц. СНК Карелии в августе 1929 г. принял постановление об организации 18 леспромхозов, 14 из них находились на территории лесов, переданных в пользование тресту "Кареллес". В состав леспромхозов вошла часть лесопильных заводов "Кареллеса".

В марте 1930 г. Гюллинг и Ровио обратились с письмом в ЦК ВКП(б), в котором выделили три важных направления реорганизации хозяйственной жизни республики. Прежде всего они сочли удобным момент, чтобы попытаться избавиться от сильного конкурента — транспортно–колонизационного комбината Мурманской железной дороги, который вел самостоятельную хозяйственную и переселенческую работу. Во–первых, они просили центр передать земли, отведенные "Желлесу", в ведение карельского правительства, объединить лесную промышленность республики в руках одного хозяина — треста "Кареллес". Во–вторых, руководство Карелии настаивало на том, чтобы сосредоточить в ведении правительства республики переселенческую деятельность. Расхождения СНК КАССР и комбината МЖД в миграционной политике сводились к следующему: СНК КАССР считал, что акцент нужно сделать не на сельскохозяйственное, а на промышленное переселение. Республиканские власти полагали необходимым контролировать национальный состав мигрантов — "в противном случае Карелии грозит опасность потерять свой национальный облик". Поэтому основной костяк переселенцев должны были составить карелы, финны, ингерманландцы. В–третьих, руководство республики настаивало на сохранении особых бюджетных прав Карелии. Гюллинг и Ровио просили Президиум ЦИК СССР и ВЦИК установить размер ежегодных отчислений из бюджета Карелии в федеральный бюджет. При этом они полагали, что эти отчисления не должны превышать 10% от общей суммы доходов республиканского бюджета Карелии[130].

Настойчивость республиканских лидеров не осталась безрезультатной. В июле 1930 г. тресту "Кареллес" были переданы все предприятия Желлеса, и деятельность последнего на территории Карелии прекратилась. В распоряжение республики были возвращены территории, отведенные в 1923 г. для хозяйственного освоения колонизационному отделу Мурманской железной дороги. В ведении республики находились не только ведущие промышленные предприятия, но и почти весь лесной государственный фонд, подготовка квалифицированных кадров для промышленных предприятий, переселенческая политика.

Однако через несколько месяцев ситуация резко изменилась. В октябре 1930 г. все важные и крупные предприятия Карелии были приравнены к предприятиям общесоюзного значения и переданы в ведение общесоюзных органов. Карельское правительство фактически лишилось права руководить ими. К началу 1931 г. в ведении ЦСНХ Карелии остались предприятия горной, строительной промышленности, производство стройматериалов, электростанции. Так, "Онегтрест" сначала был передан в ведение Российского объединения металлической промышленности, в 1930 г. включен в союзный "Дормаштрест", в 1931 г. передан Объединению дорожного и локомобильного машиностроения. В мае 1931 г. Гюллинг писал председателю ВСНХ Г.К. Орджоникидзе об "исключительно неблагоприятном, даже катастрофическом состоянии, в котором оказался Онежский машиностроительный завод", и напрямую связывал это с недостаточным руководством со стороны "Союзсредмашины" и "Дормаштреста". При этом тупиковое положение завода в 1931 г. противопоставлялось его успешному развитию в предшествовавшие годы, когда трест был в непосредственном ведении карельского правительства. Гюллинг просил разрешить СНК КАССР "руководство отошедшими в союзное подчинение предприятиями на праве мандатного управления"[131].

В январе 1932 г. ЦИК СССР принял постановление о перестройке управления промышленностью. Вместо ВСНХ СССР были образованы три отраслевых промышленных наркомата: Наркомат тяжелой промышленности, Наркомат легкой промышленности и Наркомат лесной промышленности СССР. В составе наркоматов создавалось большое число отраслевых главков, которые руководили предприятиями непосредственно или через тресты. В марте 1932 г. бюро обкома рассмотрело вопрос "О реорганизации управления промышленностью на территории КАССР". ЦСНХ был упразднен. При СНК Карелии учреждалась должность уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности. В его ведение вошли предприятия союзного значения: Онегзавод, Карелэнерго и др., а также предприятия местного значения: "Карелгранит", "Стройтрест" и др. Одновременно при СНК КАССР был учрежден пост уполномоченного Наркомлеса, в ведение которого входили трест "Кареллес", Кондопожская бумфабрика, Карпромсоюз. В июле 1932 г. из состава треста "Кареллес" выделился государственный трест лесопильной и деревообрабатывающей промышленности "Карелдрев", подчинявшийся Народному комиссариату лесной промышленности СССР. В годы первой пятилетки значительно расширились права общефедеральных органов в экономике, усилилась централизация управления.

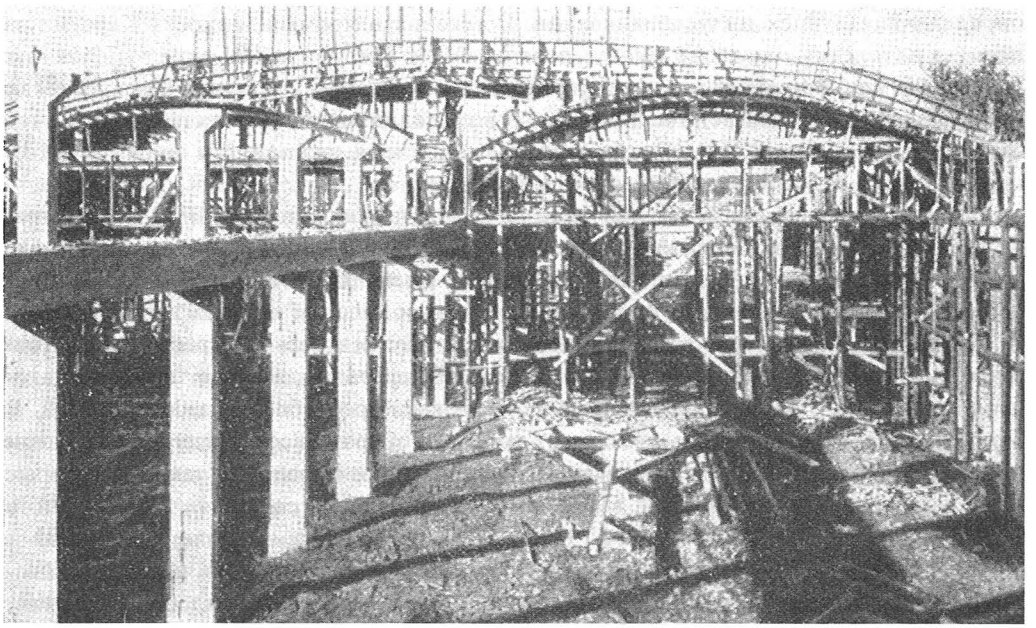
Существенные изменения во взаимоотношениях между союзными органами власти и республиками предопределили судьбу особых бюджетных прав Карелии. В 1929/30 г. размеры участия Карелии в общегосударственных расходах резко возросли: если в 1928/29 г. они составляли 1 млн 250 тыс. руб., то год спустя — 4 млн 250 тыс. руб. Кроме того проводились разные дополнительные изъятия, превышавшие официально установленные отчисления в федеральный бюджет. Такую политику в письме в ЦК ВКП(б) (март 1930 г.) Гюллинг и Ровио называли "фактическим аннулированием предоставленных Карелии бюджетных прав", "немотивированным и непонятным". В то же время они признавали, что, изъяв из республиканского бюджета в 1929/30 г. 6 млн руб., центр в то же время передал республике на развитие промышленности 20 млн руб.[132] На смену нэповским идеям территориального хозрасчета в годы первой пятилетки пришла жесткая централизация всех бюджетных средств с целью концентрации их на промышленных объектах,

определяющих успех индустриализации. Вложения в промышленность Карелии за первую пятилетку, согласно плану, должны были составить 101 млн руб. Из них только 15 млн приходилось на внутрипромышленные накопления. Большинство инвестиций в промышленное производство предполагалось обеспечить за счет бюджетных субсидий. Союзный бюджет становился важнейшим инструментом контроля над республиканской экономикой.

Главным источником доходной части бюджета являлись налоги. В 1931 г. в стране была проведена налоговая реформа. Вместо 86 видов платежей установили всего два: отчисления от прибыли и налог с оборота. Поскольку с начала 1930–х гг. промышленность перестала быть прибыльной, главным налогом являлся налог с оборота. Он полностью поступал в союзный бюджет, и уже центральные власти определяли долю, полагавшуюся республикам как субъектам федерации, а также процент отчислений от налога с оборота, шедший на формирование республиканских бюджетов. В бюджет Карелии включались доходы от налога с оборота всех предприятий, в том числе союзного значения, действовавших на территории Карелии, а также некоторые виды таможенных пошлин. Если в 1929 г. бюджет Карелии составлял 28,7 млн, то в 1931 г. — 50 млн, в 1932 — 60 млн, в 1933 г. — 71 млн, в 1934 г — 83 млн руб. За 1931—1934 гг. карельский бюджет вырос на 68%[133], хотя при рассмотрении числовых показателей бюджета следует иметь в виду влияние инфляции. Рубль удалось относительно стабилизировать только в 1933 г.

Финансовый диктат общесоюзных наркоматов часто лишал предприятия и регионы права на малейшие хозяйственные инициативы. Без многоступенчатых согласований директор завода не мог потратить даже мизерную сумму денег, приобрести хотя бы один станок. Нарушения правил такого рода жестоко карались. Докладывая о работе треста "Кареллес" на III пленуме обкома ВКП(б) в марте 1931 г., Архипов возмущался: "Я не имею права взять бревна без разрешения Москвы... Централизация вещь хорошая, но централизация, которая доходит до мелочей... — является вредной централизацией"[134]. Громоздкая административная система контроля, огромный штат финансистов часто оказывались не в состоянии эффективно распорядиться денежными и материальными ресурсами. Управленцы в начале 1930–х гг. обращали внимание: "Еще год—два назад наши инженеры говорили: "Если по плану не получим, то на барахолке купим". И действительно покупали. Сейчас на барахолке ничего не осталось. Снабжение находится в таком состоянии, что нам кроме разных обещаний ничего не дают". Карельские хозяйственники жаловались: "Когда надо получить вагон гвоздей, то мы посылаем на их поиски вагон людей". Одним из ярких примеров разбазаривания средств явилось строительство во второй пятилетке в Петрозаводске судоверфи. Затраты составили 2 млн руб., когда выяснилось, что без судоверфи можно обойтись. Нарком финансов Карелии Муценек на Всекарельском съезде Советов в 1935 г. назвал сложившуюся вокруг судоверфи ситуацию "преступлением по отношению к советскому рублю".

Реформирование экономики на макроуровне, безусловно, внесло существенные изменения в деятельность всех предприятий и отраслей карельской промышленности. В годы первых пятилеток шел напряженный поиск "нового лица" старейшего промышленного предприятия края — Онежского завода. В 1925—1932 гг. Онежский завод специализировался главным образом на выпуске дорожных машин. Некоторые виды машин, которые выпускал завод, прежде импортировались в СССР. Онежцы сумели за годы первой пятилетки увеличить объем производства в 3 раза. Однако завод работал на привозном сырье и топливе, поэтому себестоимость продукции была



Строительство нового цеха Онежского завода. 1930 г.

довольно высокой. Заводские заявки сокращались наполовину, выполнялись с большими опозданиями. Завод был загружен только на 60% мощностей. Производственные планы выполнялись на 60—70%. Трудности усугубляло то, что оборудование завода было старым, изношенным. В 1931 г. началась реконструкция завода. Предполагалось механизировать все работы, существенно расширить заводскую территорию, отведя р. Лососинку в новое русло. Реконструкция должна была позволить предприятию начать выпуск более сложных дорожных машин. Однако строительство Беломорско–Балтийского канала внесло коррективы в планы: завод переключился на выполнение заказов для этого строительства. В 1933 г. заказы ББК составляли почти три четверти всей продукции завода[135]. Помимо этого онежцы выполнили ряд важных заказов Нивской ГЭС. Во второй половине 1930–х гг. стала складываться новая специализация Онежского завода — выпуск лесозаготовительной техники, было освоено производство легированной стали.

26 июня 1929 г. вступила в строй Кондопожская бумажная фабрика. Правда, после нескольких часов работы фабрика была остановлена из–за поломки в оборудовании и возобновила работу лишь через две недели — 10 июля. Среднесуточная выработка в 1930 г. составила 52,6 тонны бумаги. Устойчиво выйти на проектную мощность — 75 тонн газетной бумаги в сутки — удалось лишь в середине 1930–х гг.

В ноябре 1931 г. в Петрозаводске вступила в строй лыжная фабрика, оснащенная новейшим оборудованием. Многое сделали для становления этого предприятия И. Туомайнен, директор, и В. Снелман, технический директор фабрики. На предприятии сформировался поистине интернациональный коллектив, включавший русских, карелов, финнов, шведов, норвежцев. В 1930–е гг. лыжная фабрика была одним из самых лучших промышленных предприятий Карелии. На ней выпускалась четверть всех лыж, производимых в СССР. Это были беговые, горные, прыжковые, охотни-

чьи, детские лыжи очень высокого качества. Лыжная фабрика осваивала также мебельное производство.

На западном побережье Онежского озера велись разработки диабаза. Самыми крупными в Карелии являлись разработки Роп–Ручей, поставлявшие камень для мощения улиц. Общая выработка карьера увеличилась в годы первой пятилетки в 2 раза. Рост был достигнут благодаря значительным затратам на механизацию. В годы первой пятилетки карьер был оборудован шведскими компрессорными установками, деррик–кранами, камнекольными машинами. Широкую известность как декоративный строительный материал получили карельские кварциты, разработка которых велась в Шелтозерском районе у ст. Шокша.

В годы первой пятилетки в Карелии возросла добыча нерудных полезных ископаемых: добыча полевого шпата увеличилась в 5 раз, пегматита — в 10 раз, кварца — в 2 раза. В марте 1929 г. в Петрозаводске открылась учебно–слюдяная мастерская, которая в феврале 1930 г. была преобразована в Петрозаводскую слюдяную фабрику. Трудились на ней в основном женщины. В первые дни после открытия на производстве было занято 19 работниц. В середине 1933 г. на Петрозаводской слюдяной фабрике работало 315, а в 1937 г. — 569 человек. Проектная мощность фабрики — 20 т щипаной слюды уже в 1932 г. была перекрыта более, чем в 3 раза[136].

Быстро росло потребление электроэнергии в промышленности. Если в 1928 г. промышленность потребляла 77% производимой в Карелии электроэнергии, то уже в 1932 г. — 92%. К началу первой пятилетки энергетическое хозяйство Карелии располагало электростанциями с суммарной мощностью 3,6 тыс. киловатт. Пуск в 1929 г. Кондопожской ГЭС (мощность 4,5 тыс. киловатт) и Кондопожской ТЭЦ на бумажной фабрике (мощность 3 тыс. киловатт) сразу увеличил производство электроэнергии в республике в 3 раза.

"Любимым детищем", которому правительство старалось уделять особое внимание, назвал Гюллинг в отчетном докладе IX Всекарельскому съезду Советов (февраль 1931 г.) дорожное строительство. В годы первой пятилетки был построен тракт Кемь—Ухта протяженностью 178 км. Для обслуживания тракта в Кеми была создана автобаза, одна из первых в Карелии. В это же время была достроена дорога Парандово—Ругозеро. 94% всего увеличения дорожной сети в первой пятилетке пришлось на северную Карелию — 248 км из 264.

По пятилетнему плану к 1933 г. предполагалось довести заготовки леса в Карелии до 8,2 млн кубометров. Однако уже в 1929 г. союзный центр потребовал увеличить объем лесозаготовок в крае до 12,3 млн кубометров — в три раза больше по сравнению с предшествующим годом. На работу в лес были отправлены 87 тыс. человек — в три раза больше, чем в обычные годы. Около 50 тыс. рабочих было завербовано на лесозаготовки из–за пределов Карелии. На их доставку израсходовали около 6 млн рублей, но работали приехавшие плохо, поскольку не имели нужной квалификации, не были приспособлены к жизни на севере. По призыву партийных и комсомольских организаций на лесозаготовки отправились тысячи коммунистов и комсомольцев Карелии. Государственные задания по лесозаготовкам получили все колхозы республики. В 1930 г. "Кареллес" и Карколхозсоюз заключили договор, по которому колхозы обязаны были направлять бригады крестьян в леспромхозы и на лесозаводы. В резолюции II Всекарельского съезда колхозников подчеркивалось: "Каждый колхозник... должен стать в ряды лесорубов и возчиков". В конце декабря 1929 — начале января 1930 г. ЦИК и СНК КАССР приняли решения добиться к 10 января выхода в лес всего трудоспособного населения колхозов. Уклонявшихся от лесозаготовок пред-

Участники велопробега Петрозаводск—Ленинград

лагалось немедленно снять со всякого довольствия. За агитацию к уклонению от лесозаготовок виновные привлекались к ответственности по знаменитой 58–й ст. Уголовного кодекса. К лесозаготовительным работам привлекались и горожане. Имевшие лошадей жители Петрозаводска из числа зажиточных слоев обязаны были возить продовольствие на лесозаготовки. Контроль за выполнением этих заданий вело ОГПУ.

Хотя спущенный сверху план выполнить не удалось, в 1929/30 г. ценой неимоверных усилий в Карелии было заготовлено рекордное количество древесины — 8,3 млн кубометров. Однако рекорд 1930 г. вызвал сильнейшее перенапряжение в социальной и хозяйственной жизни республики, и в 1931 г. объем лесозаготовок сократился на 18%. Процветали авралы: в феврале 1931 г. трест "Кареллес" выполнил только 20% квартального планового задания, а до конца сезона оставалось в лучшем случае 45—50 дней, на которые приходилось 80% плана. В целом в сравнении с нэповским временем объем лесозаготовок в начале 1930–х гг. вырос более чем наполовину: в 1931—1932 гг. в Карелии заготавливалось ежегодно 6,5—7 млн кубометров леса[137].

На начало 1930–х гг. пришлось трудное время освоения мощностей модернизированных в последние годы нэпа предприятий лесопильной отрасли. Несмотря на замену устаревших станков передовой западной техникой, быстро добиться существенного роста производства пиломатериалов не удалось. В 1931 г. на пленуме обкома ВКП(б) Гюллинг с горечью констатировал: самые худшие показатели мы имеем по лесопильному производству. Если в 1929—1930 гг. ежегодно выпуск пиломатериалов на лесозаводах Карелии увеличивался на 11—16 %, то в 1931—1932 гг. — только на 3—4%. Причем в 1931 г. произошло снижение выпуска пиломатериалов на лесозаводах севера Карелии, а в 1932 г. — и на южных лесозаводах. Причины

отставания крылись в низком уровне организации производства и недостаточной квалификации рабочих. В 1932 г. на работу в трест "Карелдрев" поступили 8710 рабочих, а уволились 7983. Постоянные аварии, поломки оборудования, высокий процент брака были характерны для многих лесозаводов. К середине 1930–х гг. установленная недавно техника оказалась "в состоянии разрушения" и нуждалась в срочной замене. Несколько десятков первоклассных рам, купленных за валюту, были изношены, имели крупные аварии из–за недопустимо небрежного отношения неквалифицированного персонала. В это время лесозаводы Карелии постоянно жаловались на нехватку сырья, что являлось результатом сверхнапряженных планов экспорта древесины. В результате возникали простои, росла себестоимость продукции[138].

Взвинчивание плановых заданий первой пятилетки привело к разрушительным последствиям для экономики республики. Конец 1930 г. был объявлен ударным кварталом, однако именно в это время наблюдалось резкое падение производства. Зимой 1930/31 г. выполнение плановых показателей едва перевалило за 50%. За первое полугодие 1931 г. шестимесячный план по лесопилению был выполнен только на 62,5%, по производству стройматериалов — на 25,4%[139]. Неудовлетворительной признавалась работа промышленности республики и в 1932—1933 гг.

В этих сложных условиях в начале 1930–х гг. закладывались новые промышленные объекты. Чтобы обеспечить новостройки дешевой рабочей силой, стала создаваться мощная и разветвленная экономика ОГПУ—НКВД. Еще в конце 1920–х гг. вопрос о широкомасштабном использовании труда заключенных в народнохозяйственных целях был поставлен и принципиально решен на общесоюзном уровне. В июне 1930 г. секретариат обкома ВКП(б) издал постановление, в котором признавал, что для хозяйственного подъема и колонизации малообжитых территорий Карелии следует привлекать заключенных. В то же время численность существовавших к тому времени на территории республики лагерей называлась предельной и не подлежащей дальнейшему увеличению. Для придания значимости последнему утверждению Г. Ровио ссылался на пограничные условия Карелии.

Силами заключенных в 1931 г. началось строительство Беломорско–Балтийского канала — водного пути, соединившего Онежское озеро и Белое море. Длина канала составила 227 км. В результате сократился в четыре раза путь между Балтийским и Белым морями. Канал должен был способствовать хозяйственному освоению обширных северных территорий, усилению транспортной связи Севера с центральными и южными районами страны. Осенью 1931 г. был организован Беломорско–Балтийский исправительно–трудовой лагерь (ББЛАГ). К лету 1932 г. численность заключенных ББЛАГа достигла 126 тыс. человек, немалую часть их составляли раскулаченные крестьяне. Силами Белбалтлага канал, получивший имя И.Сталина, был построен за рекордно короткий срок — 21 месяц. Канал сыграл ощутимую роль в системе водных магистралей СССР. Если в 1933 г. объем перевозок грузов по каналу составил 601 тыс. т, то в 1938 г. — 2640,6 тыс. т. Более двух третей перевозок в конце 1930–х гг. приходилось на грузы Белбалткомбината. Сфера экономического влияния канала постепенно расширялась далеко за пределы его трассы и Онежского озера[140].

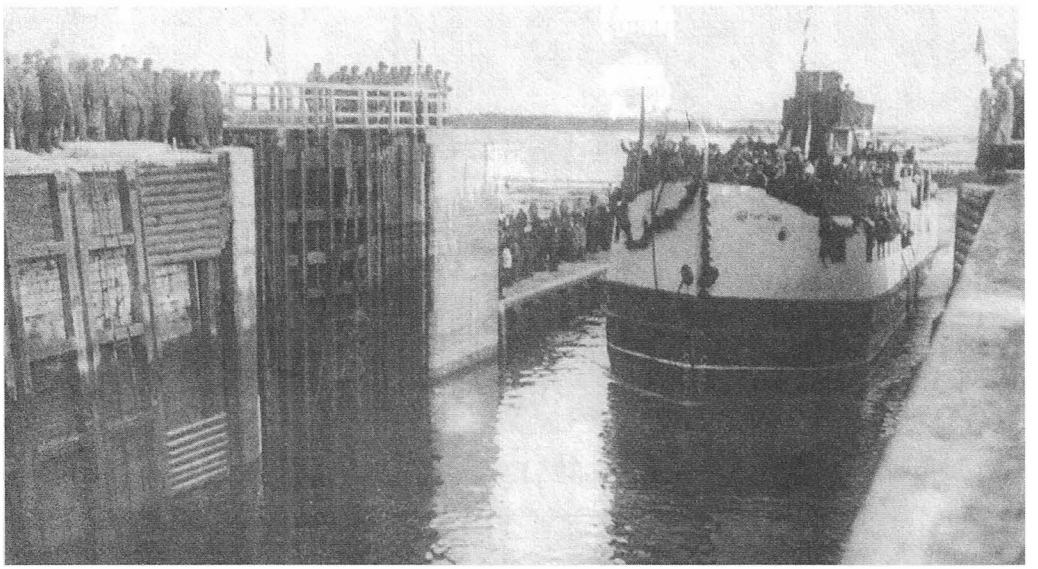
В рассматриваемый период сложились предпосылки для развертывания на севере Карелии химической промышленности всесоюзного значения. На Кольском полуострове проводились огромные изыскательские работы, в ходе которых были обнаружены мощные залежи апатито–нефелиновых руд — ценнейшего сырья для производства фосфорных удобрений. В 1931 г. в ВСНХ и СТО был представлен проект Северного

Строительство ББК

химического комбината в Кандалакше, в состав которого включались несколько предприятий, в том числе завод окиси алюминия мощностью 20 тыс. т, завод термофосфата мощностью 160 тыс. т, цементный завод, использующий отходы производства. С конца 1930 г. началось сооружение Нивской ГЭС мощностью 60 тыс. киловатт, которая должна была обеспечить электроэнергией соседний Хибиногорский район Кольского полуострова. По плану второй пятилетки предполагалось, что Нивская ГЭС станет третьей по мощности ГЭС СССР после Днепровской и Свирской. Нивская ГЭС сооружалась в суровых условиях Заполярья, опыта подобной работы на Крайнем Севере практически не было. В 1931/32 г. на Нивастрое трудились 11 600 человек, в том числе более 6000 спецпереселенцев.

Труд раскулаченных крестьян применялся и в горной промышленности. На восточном побережье Онежского озера велась добыча гранита. Из всех месторождений наиболее активно осваивались Кашинский массив на берегу р. Водлы и острова Гольцы близ устья Водлы. Шальские разработки гранита входили в состав треста Союзкарелгранит. Если в 1928 г. на Шальских разработках трудились 144 человека, то в 1932 г. — 649. В сентябре 1931 г. на острове Гольцы и около рудника Кашина Гора возникли спецпоселки, в которых к февралю 1932 г. проживали 224 раскулаченных семьи — 1019 человек[141].

Рабочий класс поддержал курс на индустриализацию страны. Форсированные темпы преобразований в экономике воспринимались как битва за социализм. Трудности строительства и освоения новых территорий казались временными, и люди часто не жалели сил, чтобы выйти "из прорыва", закончить производственный "штурм". В то же время трудовой героизм передовых рабочих часто сталкивался с серьезными недостатками в организации производства. Внутрисменные простои, перебои с сырьем, штурмовщина были характерны в конце 1920–х гг. для многих предприятий Карелии. Остро стояла проблема трудовой дисциплины. В начале первой пятилетки в промышленности Карелии прогулы на одного рабочего в среднем

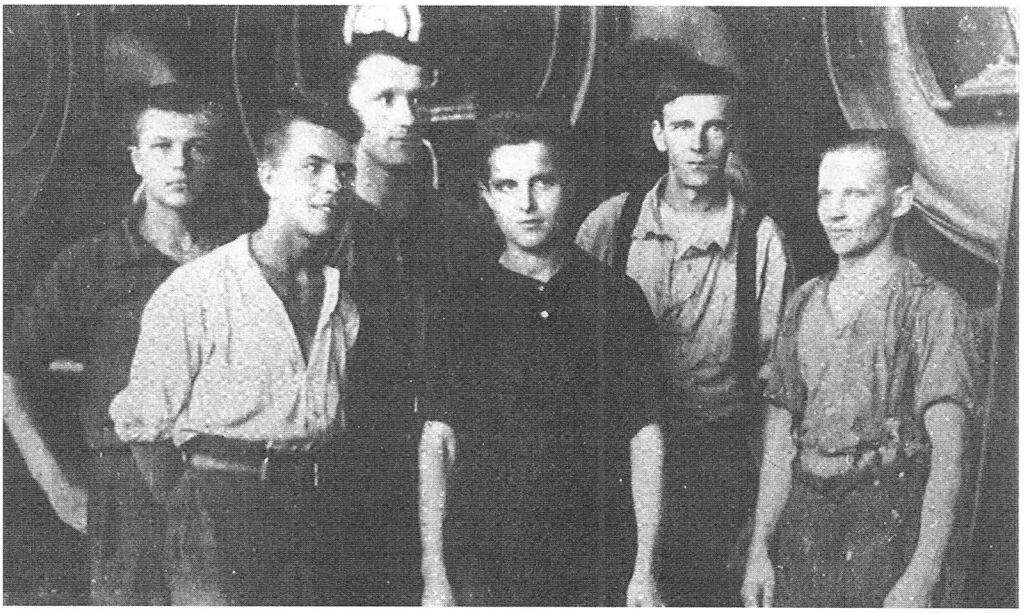


Открытие ББК

составляли 5,8 дня в год. В 1929/30 г. текучесть среди рабочих трестов "Кареллес" и "Карелгранит" доходила до 150%. Больше всего нарушений трудовой дисциплины было среди сезонных рабочих.

В январе 1929 г. была опубликована работа Ленина "Как организовать соревнование". ЦК ВКП(б) развернул широкую пропаганду соцсоревнования как метода социалистического строительства. Включаясь в соревнование, рабочий принимал на себя определенные обязательства. Они могут показаться наивными: рабочий обязался выполнять то, что ему по роду своей деятельности просто полагалось делать. Довольно характерны в этом отношении обязательства инициатора соцсоревнования на Онежском заводе кузнеца И.Т. Масленникова. Они включали следующие пункты: 1) загрузить полностью рабочий день, 2) не совершить ни одного прогула, 3) сокращать отходы сырья при изготовлении деталей, 4) аккуратно посещать производственные совещания и принимать в них активное участие. Рабочие, выполнявшие взятые обязательства, стали называться ударниками. В начале 1930 г. в дни годовщины смерти Ленина был объявлен призыв рабочих в ударники. За время ленинского призыва ударниками стали более 10 тыс. рабочих Карелии[142], а к началу 1932 г. в движении ударников участвовало 54,7% работавших в промышленности.

Важные изменения появились в формах организации трудовой деятельности. Именно в годы первой пятилетки широкое распространение получила бригадная организация труда, прежде малораспространенная. Работа в бригаде позволяла активнее применять разделение труда, эффективнее использовать немногочисленную технику, укреплять трудовую дисциплину. С 1929 г. начался быстрый рост числа бригад в фабрично–заводской промышленности Карелии. Внедрение бригадного метода труда в лесной и деревообрабатывающей промышленности развернулось с конца 1930 г., а в 1931—1932 гг. стало массовым. К концу 1931 г. в бригадах работало почти 3/4 лесозаготовителей республики. В 1929 г. началось движение за создание ударных бригад.



Ударники Кондопожской бумажной фабрики. 1932 г.

Наступление государства на индивидуальное крестьянское хозяйство усугубило продовольственные трудности в конце 1920–х гг. Вслед за введением карточек на хлеб, появляются карточки на мясо, а затем и на другие основные продукты питания и непродовольственные товары. В марте 1930 г. прошла реорганизация Наркомторга и его местных органов. Их главной задачей называлась организация общественного питания и "планового товарообмена". На деле карельские чиновники вынуждены были постоянно выбивать в Москве продовольствие, гоняясь за каждым вагоном крупы, зерна и т. д. Уровень снабжения напрямую зависел от индустриальной значимости предприятий и территорий. Промышленные города и объекты были разделены на два списка в зависимости от степени их индустриальной важности.

Особенно обострился продовольственный кризис осенью 1930 г. Дешевый черный хлеб стал единственным продуктом, который государство относительно стабильно выдавало горожанам. В октябре 1930 г. на рабочую карточку в Карелии выдавалось 800 г хлеба в день, 800 г крупы в месяц, 700 г сахара в месяц, 50 г чая в месяц. Мясо, рыба поступали только в столовые. Единственным предприятием в Карелии, которое снабжалось по особому списку, предусматривающему повышенные на 200—500 г нормы снабжения для индустриальных рабочих, была Кондопожская бумажная фабрика.

В 1931 г. Карелия была переведена на систему централизованного снабжения, что имело большое значение для обеспечения продовольствием индустриальных рабочих. Однако централизованное снабжение не касалось сезонных рабочих, которых в то время в Карелии было не менее 15 тыс. человек, а также вспомогательного персонала Мурманской железной дороги, рыбаков Поморья. Вне централизованного снабжения оказалось большинство сельского населения, хотя собственным хлебом крестьяне Карелии обеспечивали себя лишь на полгода. Из 280 758 сельских жителей республики снабжались в централизованном порядке лишь 64 518 человек (23%). Особенно в

трудном положении оказалась сельская интеллигенция и служащие. Они вообще не получали никаких продуктов кроме муки. Врачи, фельдшеры, учителя, почтовые работники жаловались в местные органы власти на совершенно невозможные условия жизни[143].

Центр принял на снабжение 90 тыс. жителей Карелии (в том числе около 13 тыс. детей), тогда как по подсчетам комиссии Карелии "по спискам" должны были снабжаться 116,9 тыс. населения (в том числе около 22 тыс. детей). Только в Лоухском районе более половины населения (51%) снабжались в 1931 г. централизованно. Вне централизованного снабжения оказались 51% населения Сорокского, 55% Кандалакшского, 63% Кондопожского, 68% Кемского, Шелтозерского и Медвежьегорского, 76% Ругозерского, 79% Ребольского, 85% Пудожского, Олонецкого и Петровского, 87% Сегозерского и Прионежского, 88% Ухтинского и Кестеньгского, 89% Пряжинского, 90% Тунгудского, 93% Заонежского районов[144].

Предпринимались неимоверные усилия, чтобы организовать общественное питание. Однако из–за нехватки продуктов столовые работали очень плохо. Как правило, меню ограничивалось селедкой, винегретом, пшенной кашей. Обеды были дорогими, а зарплату задерживали на два—три месяца. Голодающие рабочие часто вынуждены были отказываться от обедов в столовой из–за того, что нечем было за них платить. Очереди, давки, скандалы стали повседневным явлением быта.

Из–за скудного и однообразного питания резко выросла заболеваемость цингой. В 1931 г. ее уровень подскочил более чем в 10 раз по сравнению с другими годами[145]. На некоторых лесозаводах болели 90% рабочих. В 1932 г. цинга свирепствовала уже не только на севере, но и в южных районах республики. В Карелии была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с цингой, организованы специальные больницы и диетстоловые для заболевших. Весной 1931 г. в Сорокский район, где уровень заболеваемости был очень высоким, дополнительно завезли клюкву и квашеную капусту, однако из–за задержек зарплаты эти продукты оставались для рабочих малодоступными. Правительство Карелии вело переговоры даже с управлением лагерей, стремясь подключить лагерную экономику для организации рабочего снабжения. Однако после начала строительства ББК возможности лагерей в этом плане сократились.

Очень плохо было налажено снабжение промышленными товарами. Часть рабочих просто нищенствовала: ходили в лаптях, в рваных рубахах, без верхней одежды. В сентябре 1930 г. на Кондопожскую фабрику, где трудилось около 1000 рабочих, поступило 25 пар различной обуви, в октябре на Соломенский лесозавод для 700 рабочих прислали 18 шапок[146].

Особенно трудными были условия жизни рабочих–спецпереселенцев. На Нивастрое в условиях Заполярья более 2000 насильственных переселенцев составляли дети, в том числе младенцы. В июле—августе 1931 г. здесь умерло более 20% всех детей в возрасте до 3 лет. В августе 1931 г. умерло 109 человек, из них 96 детей. В следующем месяце на стройке скончалось 111 человек, из них 104 ребенка. В октябре 1931 г. умерло 66 человек, все умершие — дети до 14 лет. Главная причина высокой детской смертности — плохое питание. Дети на Нивастрое получали только хлеб, иногда — немного сахара. Питались малыши в основном хлебом, грибами и черникой. Для двух тысяч детей ежедневно привозилось из Хибиногорска 30—40 литров молока, его с трудом хватало лишь для больницы. Зиму 1931/32 г. многие спецпереселенцы прожили в палатках, стенки которых промерзали насквозь. Вокруг каждой палатки на десятки метров протянулись свалки нечистот и помоев. Внутри палаток были сооружены сплошные двухъярусные нары, на которых десятки людей спали вплотную друг к другу.

В спешно построенных бараках также была большая скученность: на одного человека приходилось 0,8 кв. м площади. В таких условиях невозможно было избежать эпидемий. Почти все дети на Нивастрое переболели корью, многие — коклюшем. В сентябре 1930 г. впервые зарегистрирован сыпной тиф. Из–за голода и лишений сопротивляемость людей болезням была крайне снижена. Когда сыпной и брюшной тиф стали горькой реальностью, на стройку были отправлены бригады эпидемиологов, но никакой санитарно–просветительской работы в местном клубе, общежитиях, в газете не велось. Вся информация об эпидемии была засекречена. Само ее наличие официально не признавалось[147].

Формально в стране самой высокой нормой продовольственного снабжения обеспечивались индустриальные рабочие, однако на практике существовало спецснабжение элиты. Осенью 1931 г. в Петрозаводске был создан спецраспределитель для начальников управлений, старших экономистов, главных бухгалтеров и других специалистов городских предприятий и организаций. Дополнительно получали продукты ответственные партийные работники. В 1931 г. добавочный паек для 950 партийных руководителей Карелии состоял из 400 г хлеба в день, 800 г сахара в месяц, 500 г рыбы в месяц, 100 г табака в месяц. В секретном письме наркому снабжения СССР Микояну Каробком ходатайствовал о том, чтобы для партийного актива Карелии ежемесячно выдавались также животное масло, копчености, сыр, яйца, кофе, какао, компот[148].

Сложившаяся в начале 1930–х гг. в Карелии социально–экономическая обстановка вызывала недовольство трудящихся. Наиболее распространенной формой его выражения были резкие высказывания, нелестные для властей оценки реалий окружающей жизни: “Говорят о вредительстве в то время, когда оно существует всюду. Коммунисты управлять страной не способны, пусть передадут власть людям более способным, тогда не будет и вредительства”[149]. Довольно широкий размах приняло пассивное сопротивление крестьян лесозаготовкам. Выход в лес откладывался до последнего, от работы уклонялись под любыми предлогами. Во время лесозаготовок характерными явлениями были систематические прогулы, уход с работы, отказы колхозников заключать договоры с леспромхозами, крайне низкая производительность труда, плохой уход за лошадьми. Прогулы могли достигать 80—90 рабочих дней в сезон. В Пряжинском районе в 1931 г. прогулы на лесозаготовках составляли 40% рабочего времени[150].

Возмутителями спокойствия в городах часто становились семейные женщины — хозяйки и матери. Напряженной была ситуация в трудовых коллективах промышленных предприятий. В сентябре 1930 г. на Онежском заводе проходило собрание рабочих. В повестке дня значилось обсуждение обращения ЦК ВКП(б), но рабочие быстро перевели разговор на продовольственные проблемы. В их выступлениях было много горечи: “На словах–то поете соловьями, а на деле с нас дерете последнюю шкуру, заставляете работать рабочих из последних сил, а рабочему ничего не даете, ни одежды, ни обуви, ни питания”[151]. Росло число прогулов, опозданий на работу, которые рабочие объясняли отсутствием обуви, слабостью из–за недоедания. На Сорокском лесозаводе зимой 1930 г. фиксировались факты распространения листовок. В 1931 г. участились волынки и забастовки. Только во втором полугодии 1931 г. на предприятиях Карелии было зарегистрировано 15 забастовок[152].

Чрезвычайная социально–экономическая ситуация требовала принятия срочных мер. Росло число лиц, осужденных “за срыв производственных программ”. В ноябре 1932 г. был издан закон об увольнении за один прогул без уважительной причины. В

том же году стали вводиться трудовые книжки. Большое число принятых мер лежало в русле усиления административного нажима на трудящихся. Однако без усиления экономических стимулов добросовестного высокопроизводительного труда выйти из кризиса было невозможно. Были введены дифференцированные ставки оплаты труда, зарплата поставлена в зависимость от непрерывного стажа работы. Совершенствовалась оплата труда лесозаготовителей. Усилилась дифференциация их заработной платы в зависимости от квалификации, производительности труда. В 1932 г. средний заработок высококвалифицированных лесозаготовителей в 3—6 раз превышал средний заработок рабочих отрасли[153]. Стали выплачиваться надбавки за стаж работы. Рабочие, проработавшие на лесозаготовках 4 месяца, получали 10–процентную надбавку, а за год непрерывной работы в лесу платилась надбавка в 20% к заработку. На предприятиях вводилась сдельщина: оплата труда напрямую зависела от количества произведенной продукции.

В 1931 г., в разгар кризиса, была поставлена задача перевести в кратчайший срок все без исключения государственные промышленные предприятия на хозрасчет. Введение хозрасчета на промышленных предприятиях и в цехах определялось приказом администрации. Переход на хозрасчет бригад был добровольным. В мае 1931 г. в прокатном цехе Онегзавода была создана первая в Карелии хозрасчетная бригада, в которой объединились 4 формовщика. В октябре 1931 г. уже проходил смотр хозрасчетных бригад Карелии, за время которого их число выросло с 26 до 228. В январе 1932 г. в Петрозаводске прошла Всекарельская конференция хозрасчетных бригад. В это время их было более 400. Выступая на конференции, работницы слюдяной фабрики оценили результаты внедрения хозрасчета на своем предприятии следующим образом: организованные бригады окрепли, на 25% повысилась производительность труда, в бригадах не было ни одного прогула. Вместе с тем хозрасчетные бригады не смогли вписаться в административную, жестко централизованную экономику начала 1930–х гг. Постепенно хозрасчетное движение сошло на нет[154].

Немало усилий предпринималось для профессиональной учебы рабочих. Наиболее массовым путем получения рабочей профессии являлось обучение непосредственно на производстве. Чтобы повысить производственную квалификацию рабочих, создавались профессиональные курсы. В годы первой пятилетки их число резко выросло. Переломным в организации курсовой учебы стал 1929 г. Тогда, по неполным данным, в Карелии около 5,9 тыс. рабочих прошли через различные курсы, в том числе 1,4 тыс. рабочих лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности. Однако эффективность курсов снижалась из–за высокой текучести кадров в промышленности. Так, в 1930 г. из 100 рабочих, направленных по окончании курсов в Карелгосстрой, закрепилось на производстве только 34 человека, а остальные уволились. Такие факты не были единичными.

Чтобы ускорить подготовку кадров квалифицированных рабочих, в 1929 г. в СССР реформируется система профессионально–технического образования. Руководство школами ФЗУ, профшколами, учебными мастерскими было передано в ведение хозяйственных органов. Профессионально–технические учебные заведения перешли на непрерывную рабочую неделю, на четыре учебных смены. Для всех учащихся была установлена обязанность проработать по окончании учебы три года по назначению хозяйственных органов. Принятые меры позволили расширить ситему профтехобразования. За первую пятилетку в народное хозяйство республики включились 888 выпускников школ ФЗУ, из них в промышленность 610 человек, на транспорт 183 чело-

века. Число учащихся школ ФЗУ увеличилось с 86 человек в 1928 г. до 2171 в 1932 г. За это время было открыто 11 новых школ ФЗУ[155].

"Колыбелью растущих кадров карельского пролетариата" считалась Кондопожская бумажная фабрика. При наборе рабочих на фабрику обязательно учитывалась национальная принадлежность. В результате заметно увеличилась национальная прослойка среди рабочих бумажной промышленности: если в 1929 г. карелы, вепсы и финны составляли 25,4% работавших, то в 1932 г. — 36,6%, а в 1934 г. — 41%. Этот показатель в бумажной промышленности был значительно выше, чем в других отраслях: в деревообрабатывающей он составлял 9%, в машиностроении — 13%, в горнодобывающей — 27,7%. По итогам местной переписи 1933 г. кадры национальных рабочих в Карельской АССР составляли в фабрично-заводской промышленности 17%, в строительстве 18%, на лесозаготовках 36% общего числа рабочих. В это время большинство рабочих лыжной фабрики в Петрозаводске, Кондопожской бумажной фабрики, Ильинского лесозавода, Онежских разработок диабаза являлись представителями карелов, финнов, вепсов.

Из-за малонаселенности Карелия не могла в то время обеспечить промышленность рабочей силой за счет внутренних резервов. Вместе с тем руководство республики понимало, что даровой труд насильственных мигрантов (раскулаченных крестьян, заключенных) не может стать основой современной индустрии. Поэтому в первой половине 1930-х гг. предпринимаются активные усилия для организации добровольной промышленной миграции в республику. Для организации этой работы было создано Переселенческое управление при СНК КАССР, действовавшее в 1931—1935 гг. Вербовка переселенцев велась прежде всего в тех районах, где проживали карелы, финны, ингерманландцы. В целом за 1931—1935 гг. из других районов СССР для работы в промышленности Карелии переселились около 14 тыс. человек, в том числе из Московской области, на территории которой проживали тверские карелы, более 5 тыс. человек. Вербовка переселенцев проводилась также на территории Западной, Смоленской, Центрально-Черноземной областей, Татарской, Чувашской, Мордовской автономных республик. Прибывшие рабочие направлялись преимущественно в лесную промышленность (с 1931 по 1934 г. — 4036 человек), в строительство (за тот же период — 558 человек), на Кондопожскую фабрику (105 человек), на кирпичные заводы (89 человек) и на другие промышленные предприятия республики. Переселенцы освобождались от подоходно-имущественного налога на три года, им предоставлялась отсрочка от призыва на воинскую службу, а также ряд других льгот. Предприятия, принимавшие на работу переселенцев, должны были предоставить им жилье, оплатить стоимость проезда, выдать пособие в размере месячного заработка. Эти условия далеко не всегда выполнялись, что являлось главной причиной возвращения части переселенцев на старое место жительства[156].

Напряженные задания пятилеток требовали скорейшего включения в производство значительно большего количества не просто рабочей силы, а именно высококвалифицированных рабочих. Для их подготовки в нужных масштабах требовалось время. В этой ситуации власти Карелии решились на неординарные шаги. В то самое время, когда в промышленности республики начался спад производства, в Карелию стали прибывать квалифицированные рабочие преимущественно финской национальности из США и Канады. Первая группа — около 40 лесорубов — приехала в сентябре 1930 г. За 1931—1935 гг. в Карелию приехало свыше 6 тыс. североамериканских финнов, треть из них составляли женщины и дети. Особенно активно переселенческая работа велась в 1931—1933 гг., когда промышленность республики находилась в кри-

зисе. В это время в Карелию переселилось более 5 тыс. североамериканских финнов — 90 % всех прибывших иностранцев.

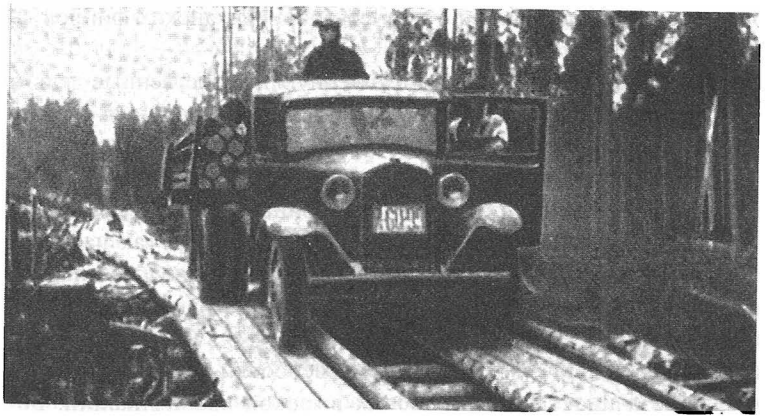
Переселенцы из Северной Америки везли с собой купленную на собственные деньги технику. Она продавалась через Переселенческое управление хозяйственным организациям с 50–процентной надбавкой к стоимости. Закупку техники и оборудования для республики вел также Комитет технической помощи Советской Карелии, созданный в 1931 г. в Нью–Йорке для организации переселения финнов в СССР. Главным источником пополнения средств комитета стали взносы переселенцев в так называемый машинный фонд. На средства североамериканских финнов для Карелии в первой половине 1930–х гг. было приобретено машин, оборудования и инструментов на сумму более 500 тыс. долларов[157].

Организованная Карельским правительством система вербовки была достаточно эффективна и обеспечила приезд иностранных рабочих высокой квалификации. Более половины из них (55%) были распределены в лесную промышленность. Около 15% рабочих–эмигрантов работали в строительных организациях республики. Заметная часть переселенцев трудилась на новых, оснащенных современной техникой промышленных предприятиях — на Кондопожской бумажной фабрике, на лыжной фабрике в Петрозаводске, на Ильинском лесозаводе, на кирпичных заводах, в Карелавто.

Безусловно, процесс адаптации финских эмигрантов к жизни в Карелии не был и не мог быть простым. Чтобы создать для переселенцев из Америки приемлемые жилищно–бытовые условия, им был разрешен беспошлинный ввоз товаров из–за границы, продовольственное снабжение иностранных рабочих осуществлялось по более высоким нормам, для них были открыты специальные магазины, столовые. Для иностранных рабочих строились отдельные школы, клубы. Поскольку рабочие–эмигранты имели высокую квалификацию, их заработки были существенно выше, чем у местных рабочих. Подчас это вызывало недовольство, зависть местных жителей. В сводках ГПУ приводились разного рода высказывания на эту тему: “В Карелии есть два класса — господствующий — финны, и угнетенный — русские и карелы, это надо изжить, пока не поздно”. В свою очередь для финских рабочих оказалась неожиданной та степень бедности жизни, аскетизма быта, с которой они столкнулись в Карелии. Многие финны были недовольны жилищными условиями, организацией питания, использованием их на работах не по специальности и т. д. Около четверти завербованных в США и Канаде переселенцев уехали обратно, не проработав в Карелии установленного трудовым соглашением двухлетнего срока.

В то же время большая часть переселенцев, невзирая на нищету и неустроенность окружающей жизни, работала самоотверженно. Следует помнить, что среди них было немало людей, верящих в коммунистические идеи и желавших на практике участвовать в строительстве социалистического общества. К началу 1934 г. 270 иностранных рабочих являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б). В это время более полутора тысяч иностранных рабочих участвовали в социалистическом соревновании, среди них было создано 143 ударных бригады. В начале 1934 г. 236 иностранных рабочих и специалистов, живших в Карелии, входили во Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов[158].

В 1934—1935 гг. социально–экономическая ситуация в Карелии относительно стабилизировалась. В отчетном докладе правительства X Всекарельскому съезду Советов (январь 1935 г.) Гюллинг признавал: “Особенно трудными были 1932—1933 гг. 1934 г. дает уже значительный перелом”[159]. Начали вступать в строй те промышленные объекты, что были заложены в период “социалистического штурма”.



Первые лесовозы на лежневых дорогах

Планы экономического развития в 1934—1935 гг. были относительно реалистичными и сбалансированными. В эти годы фактическая заготовка леса в Карелии, превышая 6,5 млн кубометров, приблизилась к плановым заданиям. Вышла из прорыва горная промышленность: трест "Карелгранит", в прежние годы дававший 53—74% плана, в 1934 г. выполнил план на 107%[160]. Были скорректированы планы развития лесопильной отрасли. Более чем удовлетворительной признавалась в середине 1930-х гг. работа треста Карелдрев, производившего свыше 900 тыс. стандартов пиломатериалов. Выросло число лесозаводов, успешно справлявшихся с планом. Так, Кандалакшский и Керетский лесозаводы, перейдя на обслуживание внутреннего рынка, в 1935 г. выполнили производственный план на 136—138%[161].

Ведущее место в Карелии по-прежнему занимала лесная промышленность. Западная Европа и Америка накопили к концу 1920-х гг. большой опыт механизации лесозаготовок. В СССР активное внедрение передовой техники в лесозаготовительной промышленности началось только в годы второй пятилетки. Можно выделить два основных пути, по которым в то время шло техническое перевооружение лесной промышленности Карелии. Во-первых, были достигнуты некоторые успехи в механизации и рационализации лесовывозки. Большое распространение получили тракторно—ледяные, автолежневые, автогрунтовые дороги. В Карелии впервые в СССР был использован для вывозки леса автомобиль. Расширялось применение в лесу гусеничных тракторов. За годы первой пятилетки число тракторов в тресте "Кареллес" увеличилось с 8 до 56, но большинство их было иностранных марок, запасные части к которым отсутствовали. Не хватало трактористов и ремонтных рабочих, поэтому производительность используемой техники была низкой.

Большое значение для Карелии имел пуск 1 июля 1933 г. Челябинского тракторного завода. В октябре 1934 г. в тресте "Кареллес" работали уже 44 трактора "Сталинец". Во второй половине 1930-х гг. техники стало поступать заметно больше. В 1937 г. 22,6% объема заготовленной древесины вывозилось механизированным путем, тогда как в 1932 г. — лишь 1,7%. Осенью 1937 г. трест "Кареллес" прекратил существование, на его базе возникли два новых треста — "Южкареллес" и "Севкареллес". На предприятиях треста "Южкареллес" была сосредоточена большая часть техники: в 1937 г. механизированным путем там вывозилось 50,7% заготовленной древесины. За 1937—1939 гг. количество тракторов в тресте "Южкареллес" увеличилось более чем на треть, а количество грузовиков — почти в два раза[162].

Накануне войны поставки лесозаготовительной техники сократились, поскольку промышленность была нацелена прежде всего на развертывание военного производства. В 1940 г. в распоряжении трестов "Севкареллес", "Южкареллес" и "Сердобольлес" находились 324 трактора Челябинского тракторного завода и 333 автомобиля ГАЗ и ЗИС. Большая часть имевшейся в республике техники была сосредоточена на тракторных и автомобильных базах, механизированных лесопунктах. В лесозаготовительной промышленности Карелии появились рабочие новых профессий. В 1940 г. на лесозаготовках работали 397 шоферов и 393 тракториста. Жалоб со стороны руководства трестов на недостаток рабочих этих специальностей в документах тех лет уже нет. Однако тракторы работали только зимой, остальное время года они не использовались из–за плохих дорог. Техника часто ломалась. Не хватало запасных деталей, и машины подолгу простаивали в ожидании ремонта. Основная нагрузка ложилась по–прежнему на гужевую силу. Во второй половине 1930–х гг. на лесовывозке работало более 5 тыс. лошадей.

Во–вторых, хотя заготовка леса в годы первых пятилеток велась еще вручную, производительность труда лесоруба повысилась за счет внедрения технически более передовых орудий труда. Прежде всего речь идет о лучковых пилах. Они начали применяться с начала 1930–х гг. В это время лучковые пилы, канадские топоры, другие высокопроизводительные орудия труда закупались в основном за границей. Во второй половине 1930–х гг. и Онежский завод освоил выпуск канадских топоров. Важно было использовать эти инструменты с максимальной производительностью. В 1933/34 г. проверка ряда леспромхозов Карелии показала, что в работе были заняты только 70% имевшихся на предприятиях лучковых пил, канадских топоров и другой техники. Главная причина простоев оборудования заключалась в недостатке квалифицированных рабочих. В республике широко развернулась работа по освоению новой техники. К концу 1930–х гг. "лучковки" полностью вытеснили старые двуручные пилы: в 1940 г. с их помощью было заготовлено 90—95% всей древесины[163]. И все же производительность труда в лесозаготовительной промышленности росла медленно.

В 1930–е гг. началось создание постоянных рабочих кадров в лесозаготовительной промышленности. В конце первой пятилетки на лесозаготовках работало более 5 тыс. постоянных рабочих. В годы второй пятилетки их численность увеличилась более, чем в два раза. К началу 1941 г. в тресте "Севкареллес" трудилось 5,8 тыс., в тресте "Южкареллес" 7,4 тыс., в тресте "Сердобольлес" 3,3 тыс. постоянных рабочих[164].

Активно велось расширение Кондопожской ГЭС и сооружение линии электропередач Кондопога—Петрозаводск. Если мощность первой очереди Кондопожской ГЭС составляла 4500 киловатт, то второй — уже 22 тыс. киловатт. 15 февраля 1941 г. Петрозаводск получил электроэнергию из Кондопоги. В среднем на строительство ГЭС в стране в это время требовалось 6—8 лет. Однако первый агрегат Нивской ГЭС был пущен уже в июне 1934 г. — через три с половиной года после начала строительства. Мощность Нивской ГЭС на 1 января 1936 г. составляла 30 тыс. киловатт.

Развитие промышленности в Кандалакше и Хибиногорском районе Кольского полуострова потребовало реконструкции железной дороги, связывавшей север Карелии с Кольским полуостровом. Мурманская железная дорога имела одну колею и с трудом справлялась с грузооборотом. Сохранение дороги на паровой тяге потребовало бы прокладки второй колеи и было сопряжено с большими расходами. Создание Нивской ГЭС позволило начать работы по электрификации северного участка Мурманской железной дороги. За 1929—1934 гг. на реконструкцию дороги было израсходовано 140 млн руб., в 7 раз больше, чем за предыдущее пятилетие. В январе

В столовой лесорубов Матросского участка

1935 г. Мурманская железная дорога была переименована в Кировскую. В декабре 1935 г. был сдан во временную эксплуатацию первый электрифицированный участок Кировской железной дороги Кандалакша—Апатиты—Кировск протяженностью 114 км[165].

В годы второй пятилетки более активно дорожное строительство велось в южной Карелии. В 1933 г. завершилось строительство новых дорог Петрозаводск—Бесовец—Сямозеро (60,4 км), ст. Кивач—Гирвас (51,4 км). К 1934 г. были реконструированы дороги Пряжа—Палалахта, Шуя—Кондопога, Ругозеро—Тикшезеро. Всего с 1927 по 1936 г. в Карелии было построено около 600 км стратегических дорог[166].

С 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб. Переход на свободную торговлю хлебом вызвал в первое время ажиотажный спрос на него. Реализуя созданные в торговой сети запасы, властям удалось стабилизировать ситуацию. С 1 октября 1935 г. были отменены карточки на мясные и рыбные продукты, жиры, сахар и картофель, с 1 января 1936 г. — на непродовольственные товары. На месте закрытых распределителей открылись магазины, доступные для всех. Было узаконено личное подсобное хозяйство крестьян, развивался крестьянский рынок. Правда, свобода торговли не означала свободы предпринимательства. Монопольным производителем товаров народного потребления оставалась государственная промышленность. Отмена карточек отнюдь не означала решения продовольственной проблемы. Вместо закрытых рабочих кооперативов на предприятиях создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы), ведавшие заводскими магазинами, ларьками, столовыми. Ассортимент товаров в заводских магазинах оставался довольно скудным, на работу заводских столовых по–прежнему было много нареканий.

К середине 1930–х гг. многие промышленные предприятия накопили разнообраз-

В сельмаге села Толвуя. 1936 г.

ный опыт самообеспечения продовольствием. В 1935 г. на Онегзаводе было 15 огородных артелей, в которых состояла примерно четверть рабочих завода. Выращенные овощи передавались для организации общественного питания. Кроме того 27% рабочих имели индивидуальные огороды. Завод имел также свое подсобное хозяйство, которое обеспечивало столовые мясом, снабжало молоком рабочих вредных производств, детей в рабочих семьях. На заводе была организована также рыболовецкая артель, заготовлявшая до 50 т рыбы в год[167].

Вторая пятилетка оказалась самым благоприятным в 1930–е гг. временем для развития отраслей, производивших предметы потребления. В городах изживался аскетизм быта: люди стремились разнообразить досуг, по мере возможности красиво и модно одеться, найти время для спорта, встреч с друзьями, общения с природой. Молодежь с удовольствием осваивала ритмы фокстрота и танго, училась играть в волейбол, быстро ставший популярным. В 1934 г. в Петрозаводске открылся аэроклуб, где многие юноши и девушки осваивали летное, планерное, парашютное дело. Любимыми местами отдыха петрозаводчан стали пригороды Пески, Бараний берег. Для рабочих лыжной фабрики, например, на берегу Петрозаводской губы Онежского озера были построены клуб с библиотекой, кегельбан, танцевальная площадка, баня. Началось строительство личных дач — маленьких домиков из 1—2 комнат, которые рабочие возводили своими силами.

В середине 1930–х гг. больше внимания, чем прежде, стало уделяться развитию городского жилищно–коммунального хозяйства. В 1933 г. СНК КАССР и обком ВКП(б) приняли решение о проведении реконструкции Петрозаводска. Был выдвинут лозунг "Превратить Петрозаводск в образцовую столицу Карелии". В 1934 г. СНК РСФСР утвердил план усиленного развития коммунального хозяйства Карелии. В том же году строители Петрозаводска сдали в эксплуатацию здание хлебозавода, дом карельской конторы Госбанка, общежитие медтехникума, первую очередь 6–й фабрично–заводской семилетки, построили 12 жилых домов площадью 5 тыс. квадратных метров и другие объекты[168]. В ноябре 1935 г. в столице Карелии появился водопровод. Площади Петрозаводска украсили памятники Ленину (1933 г.) и Кирову (1936 г.). Большое внимание уделялось благоустройству городской территории. На массовых субботниках в котловине около Онежского завода был заложен прекрас-

Жилые дома на улице Дзержинского. Петрозаводск, 1930–е гг.

ный парк, украшением которого стали широкие липовые, березовые, кленовые аллеи. Саженцы привозили из пригородных лесов и из Заонежья. Из Воронежской области прибыл вагон с маленькими дубками для городского парка[169].

В 1930–е гг. были построены десятки лесных поселков для постоянных рабочих–лесозаготовителей. Один из первых таких поселков возник на Матросском механизированном лесопункте. Все кадровые рабочие лесопункта были обеспечены отдельными квартирами в новых домах, снабженных электричеством. В поселке работали магазины, столовые, начальная школа, ясли, рабочий клуб.

Вместе с тем жилищный вопрос оставался одним из самых животрепещущих. В бараках, где посередине располагалась круглосуточно топившаяся печь, а по стенам — нары, проживала основная часть рабочих лесозаготовителей. Холодные, тесные бараки "волховстроевского типа" на долгие годы стали жильем для многих горожан Карелии. Работница заполярного Химкомбината Воробьева рассказывала в своем выступлении на X Всекарельском съезде Советов о том, что в 1934 г. в Кандалакше было построено 13 домов, а жить в этих домах из–за жуткого холода невозможно. "Мы мало говорим о соцгороде, — размышляла делегатка, — наверное, никто не знает, как он строится и какова там жизнь рабочих"[170]. X Всекарельский съезд Советов, проходивший в 1935 г., вообще отличался тем, что на нем как никогда прежде много говорилось о развитии торговли, строительства, о быте населения. Состояние здравоохранения было вынесено в повестку дня работы съезда специальным пунктом, что примечательно само по себе. На съезде отмечалось, что в 1934 г. почти на треть снизилась общая смертность в республике. Как очень важное достижение охарактеризовал Гюллинг снижение детской смертности с 25—30 до 20—21 на тысячу родившихся, а в некоторых районах Карелии — до 12—13[171].

В годы второй пятилетки на смену лозунгу "Техника решает все!" был выдвинут лозунг: "Кадры, овладевшие техникой, решают все!" Вновь подверглась реорганизации сеть школ ФЗУ. Они стали ориентироваться на подготовку рабочих только массовых профессий. Сроки обучения в ФЗУ были сокращены до 6—12 месяцев. Всего в годы второй пятилетки школы ФЗУ Карелии подготовили около 3,3 тыс. рабочих, в 3,7 раза больше, чем в годы первой пятилетки. Однако если исключить рекордный 1933/34 г., когда школы ФЗУ Карелии подготовили рабочих на четверть больше, чем

Дома лесорубов в поселке Матросы. 1938 г.

за всю первую пятилетку, то в годы второй пятилетки школы ФЗУ республики готовили ежегодно рабочих меньше, чем накануне реорганизации. Причиной этого явилось сокращение сети этих школ почти наполовину.

Фактически подготовка кадров сосредоточилась в руках хозяйственных организаций. Как только предприятие обеспечивало себя рабочими нужной квалификации, подготовка новых кадров сокращалась или прекращалась вовсе, даже если на соседних предприятиях, подчиненных другому ведомству, была острая необходимость в рабочих этой специальности. Предприятия стремились использовать освободившееся оборудование школы для выпуска продукции, входящей в производственный план. Поскольку школы ФЗУ давали узкопрофессиональные навыки, предприятию было выгоднее обучать рабочего непосредственно на производстве, это обходилось дешевле. Ведомственность, децентрализованность подготовки рабочих кадров негативно влияли на качество профессионального образования.

На предприятиях был введен обязательный технический минимум знаний для рабочих, обслуживавших сложные агрегаты и механизмы. Вскоре техминимум превратился в основную форму повышения квалификции. В 1934 г. в Карелии развернулось движение за сдачу общественно–технического экзамена. Для подготовки к техэкзамену стали организовываться производственно–технические кружки. По данным профсоюзов, в конце 1933 г. в республике работали 462 производственно–технических кружка, в которых занимались около 10 тыс. человек. Оживилась работа ячеек Всесоюзного общества "За овладение техникой" (ОЗОТ). В мае 1934 г. состоялась Всекарельская конференция общества "За овладение техникой" лесопильной промышленности. На лыжной фабрике более половины рабочих включились в ОЗОТовское движение. Членом общества являлся каждый третий рабочий Кемского лесозавода[172]. В 1935 г. был введен государственно–технический экзамен для рабочих, изучавших техминимум.

Во второй половине 1930–х гг. развернулось соревнование по профессиям. В лесной промышленности оно приняло особую форму — движения тысячников, когда лесорубы брали обязательство заготовить за сезон не менее тысячи фестметров древесины на человека. Инициатором этого движения стал лесоруб Колодозерского лесопункта Пудожского леспромхоза П.И. Филатов. Его вызвал на соревнование лесоруб

Матросского механизированного лесопункта Петрозаводского ЛПХ В.С. Паюнен. Оба соперника имели большой стаж работы в лесу. Оба были удивительно восприимчивы ко всему новому, смелыми и решительными по характеру. С охотой учились друг у друга, делились накопленным опытом. Паюнен помог Филатову освоить лучковую пилу. Филатов первым применил разделение труда, начал работать с подсобником. За ходом соревнования могла следить вся Карелия, поскольку сводки о выработке лесозаготовителей помещались на страницах республиканской газеты. Среди инициаторов социалистического соревнования в лесной промышленности Карелии были также знатный лесоруб П.П. Готчиев, возчик леса И.В. Гаврукоп, тракторист Э.И. Партанен и многие другие новаторы.

С октября 1935 г. в Карелии распространяется стахановское движение. Среди первых стахановцев республики были рабочие Онегзавода К. Ласточкин, А. Назаров, В. Брызгалов, А. Горлов, С. Мошников, сеточник Кондопожской бумфабрики П. Бураков, рабочий целлюлозного завода Кондопожского ЦБК И. Гагарин, машинисты ст. Петрозаводск П. Шапошников, П. Гульбинский, машинист ст. Кемь А. Спиридонов, работницы Петрозаводской слюдяной фабрики М. Амельченко, К. Михалкина, лесозаготовители В. Паюнен, А. Вапола, С. Матвеев, Г. Валдаев и др.[173] Большинство инициаторов стахановского движения в Карелии пришли на производство в 1930—1932 гг. Это были довольно молодые по возрасту, но имевшие уже опыт производственной деятельности рабочие. Большинство их и прежде систематически выполняли производственные нормы, награждались за ударный труд.

Движение стахановцев родилось в то время, когда были раскрепощены материальные стимулы поощрения качественного труда, ликвидировалось искусственное ограничение роста зарплаты. То, что раньше объявлялось буржуазной роскошью, становилось желательным. Уставшие от голода и карточек люди тянулись к зажиточной жизни. Во многих случаях непосредственным толчком к повышению производительности труда становилось стремление увеличить свой заработок. Действительно, в первые месяцы работы по-стахановски заработная плата новаторов производства возросла в 2—2,5 раза. О высоких заработках стахановцев с гордостью писала республиканская пресса. Рабочий лыжной фабрики, бывший детдомовец И. Самотаев рассказывал: "В октябре я прочитал в газете, что стахановцы зарабатывают по 500—600 руб. в месяц. Я задумался над этим: Как так? На второе утро пришел к станку и думаю: Надо сегодня побольше поработать. Ребята зовут в курилку, но я им отвечаю: Мне некогда!"[174]

Одним из главных условий новаторских рекордов середины 1930-х гг. явилось разделение труда между квалифицированным рабочим и подсобником. К этому времени сформировался определенный слой квалифицированных рабочих. Стахановское движение призвано было задействовать в полной мере их трудовой потенциал, сконцентрировать трудовые усилия этой группы рабочих на деятельности, соответствующей их квалификации. При этом все операции, не требующие высокого профессионализма, передавались подсобному рабочему. "Особых новшеств в моей работе нет, — рассказывал стахановец П. Готчиев. — Как я работаю, может работать каждый лесоруб. Я достиг высокой выработки потому, что овладел техникой лесозаготовительного дела, умело разделяю работу между собой и подсобником"[175].

Важное значение имело для рабочих то, что, став стахановцами, они резко повышали свой социальный статус. Стахановцами гордились. Стахановец — значит уважаемый человек. Это стало мощным стимулом для личностного и профессионального роста самих стахановцев. Многие из них напряженно учились, занимались

общественной работой. "Я свыше 30 лет работаю штукатуром и печником и никогда так остро не ощущал потребности учиться, как сейчас, — писал в январе 1936 г. инициатор стахановского движения на стройках Карелии А. Лехто. — Опыт у меня большой, творческой инициативы много, но когда дело доходит до того, чтобы проверить свои расчеты — у меня не хватает силы: я плохо знаю математику, не разбираюсь в чертежах, проектах"[176]. На всех крупных промышленных предприятиях работали в это время школы взрослых повышенного типа, общеобразовательные кружки для стахановцев.

Знатный лесоруб–стахановец П. П. Готчиев. 1940 г.

В июле 1936 г. на собрании по обсуждению проекта Конституции пильщик лесозавода им. Октябрьской революции Черноярoв рассказывал: "У меня прекрасная квартира, хороший заработок. Как стахановцу завод мне подарил мебель. За последние годы работы на заводе я 26 раз премирован, три раза ездил в дома отдыха и два раза на курорты. Отдыхал в Ленинграде и на берегу Черного моря. Разве мог я об этом мечтать раньше?"[177] Двадцатидвухлетний кузнец вагонного депо Ф. Грибанов на страницах республиканской газеты рассказывал свою историю: "Я два с половиной года работаю на железнодорожном транспорте и чувствую сейчас, как я вырос за это время. Пришел на транспорт малограмотным человеком, а теперь — стахановец. Правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени за ударную работу. Сейчас меня командируют в Транспортную академию. Буду учиться на командира железнодорожного транспорта"[178].

Своими трудовыми рекордами стахановцы позволили пересмотреть на реконструированных предприятиях устаревшие нормы выработки. В 1936 г. на ведущих предприятиях республики были введены новые нормы. На Онежском заводе они повысились в среднем на 24%, на Петрозаводской лыжной фабрике — на 27%, на слюдяной фабрике — на 20,4%, в депо ст. Петрозаводск — на 21% и т. д.[179] Началось массовое освоение новых норм выработки, что дало некоторый экономический эффект.

Руководство решило использовать движение стахановцев, чтобы возбудить новую волну трудового энтузиазма. Парторганизации на производстве организовывали стахановские смены, сутки, пятидневки, декады, месяцы, создавали стахановские бригады, участки, смены, цеха. Началась яростная погоня за массовостью, которая рождала формализм и бумаготворчество. Предполагалось, что стахановцы помогут

в борьбе с неритмичностью производства, внутрисменными простоями, высоким процентом брака. На деле рабочие натолкнулись на крепкую броню созданной в годы "социалистического штурма" системы хозяйствования, продуцировавшей бесхозяйственность. Этот монстр легко "переварил" новый почин. В 1936 г. в газетах Карелии появилась рубрика "Почему я не стахановец?" Многие рабочие отвечали на этот вопрос подобно сплавщику Подпорожской запани А. Игрокову: "Насколько долго и упорно я боролся за звание стахановца, настолько быстро и легко я стал нестахановцем. Сейчас я не выполняю норм выработки. Стыдно об этом говорить, но это так. Почему я не стахановец сейчас? Потому что не стало в запани порядка...Сейчас квалифицированный рабочий в рабочее время ходит по берегу и ищет прут, ищет цепи, ищет снасти"[180]. На практике очень часто рекорды вели к износу оборудования, нарушениям оптимальных технологических параметров, перерасходу сырья.

Однако сталинское руководство не желало признавать существенных издержек созданного в чрезвычайных условиях хозяйственного механизма. Заручившись поддержкой рабочих–новаторов, Сталин и его окружение предприняли новую попытку экономического рывка. Были существенно увеличены плановые задания ведущим промышленным предприятиям и трестам. Если в 1936 г. Кондопожский ЦБК произвел 32,6 тыс. т бумаги, то в 1937 г. предприятию надлежало выработать по плану 74,3 тыс. т бумаги. Почти вдвое увеличивался план производства целлюлозы. Основным источником повышения производительности труда должно было стать "ускорение движения машин" за счет стахановских рекордов. В 1937 г. Кондопожский ЦБК нарастил выпуск продукции, но безумные планы выполнить, конечно, не смог: комбинат произвел чуть более 34 тыс. т бумаги, 14,4 тыс. т целлюлозы. На 64% выполнил в 1937 г. план лесозаготовок трест "Южкареллес", 76% планового задания по выпуску пиломатериалов освоил трест "Карелдрев"[181]. "Экономическая атака" захлебнулась. Вся полнота ответственности за это пала на головы хозяйственных руководителей, технической интеллигенции и передовых рабочих. Подверглись репрессиям директор Кондопожской бумажной фабрики Г.Г. Ярвимяки, управляющий делами этой фабрики Кальске, замдиректора Кондопожского ЦБК Э.А. Анттонен, директор лыжной фабрики И. Туомайнен, начальник Кировской железной дороги Ледник, управляющий трестом "Кареллес" Г. Валлин, главный инженер "Кареллеса" П. Барчугов, директор Кемского лесозавода Ильин, директор Олонецкого леспромхоза В. Денисов, Пряжинского — В. Бауэр, Петровского — Е. Марьин и многие другие руководители[182].

Власти попытались использовать стахановцев в качестве своей социальной опоры в рядах рабочего класса во время чисток 1937 г. Ярлык "враг стахановского движения" призван был объяснить простым людям новый виток преследований хозяйственников, инженерно-технической интеллигенции. Вместе с тем репрессиям подверглось большое число самих стахановцев, а также рядовых рабочих. В 1937 г. в Матросском, Вилговском, Интернациональном механизированных лесопунктах органами НКВД проводилась проверка финских рабочих, прибывших из Америки и Финляндии. В январе 1938 г. управляющий трестом "Южкареллес" Балагуров писал в докладной записке руководству Главсевзаплеса, что хотя проверка еще не закончена, уже "исключено из списков постоянных рабочих" (читай — репрессировано) до 500 человек[183].

Репрессии вели к экономическому хаосу. В 1938 г. в Матросском, Вилговском лесопунктах, которыми прежде гордилась республика, недопустимо низкой была производительность труда. На производстве не хватало четверти постоянных рабочих, более 20% инженеров и техников. Из–за недостатка квалифицированных рабочих

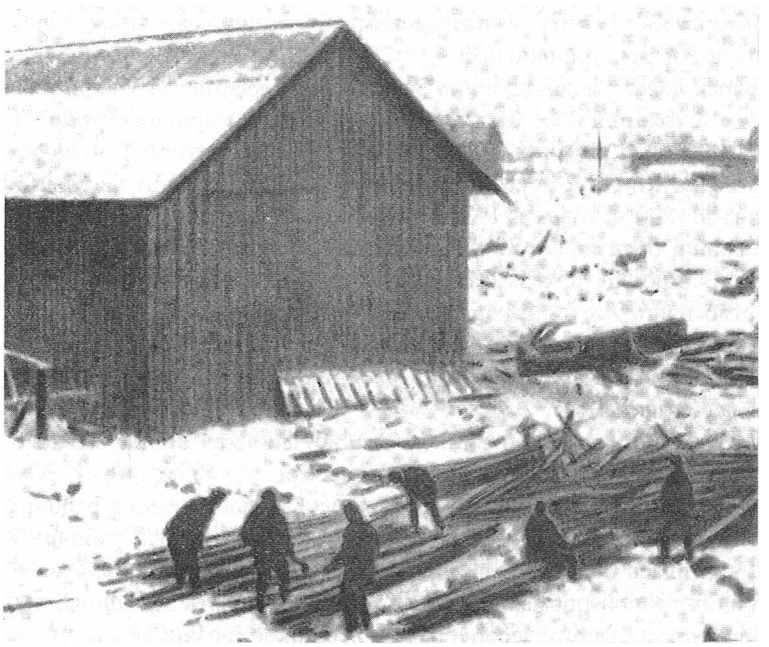
производственные планы в 1938—1939 гг. в Матросском механизированном лесопункте выполнялись на 30%, в Интернациональном — на 52%. Вилговский механизированный лесопункт пришлось вовсе ликвидировать. За четвертый квартал 1937 г. и первый 1938 г. по тресту "Южкареллес" были арестованы как "враги народа" и "вредители" около 1000 кадровых рабочих при общей их численности 6659 человек. Лихорадило производство на Кондопожском ЦБК. При среднесписочной численности трудового коллектива в 1800 человек в 1938 г. покинули предприятие 1120 рабочих. Многочисленные аварии, брак, простои были связаны прежде всего с неопытностью нового персонала. В докладе о хозяйственной деятельности ЦБК за 1938 г. отмечалось: "Большинство наших сеточников, варщиков и других свой стаж в данных квалификациях насчитывают месяцами"[184]. Словно и не было десятилетней напряженной работы по созданию в Карелии кадров рабочих–бумажников, которыми еще недавно гордилась республика.

Дополнительные тяготы принесла экономике советско–финская война. Среднегодовая обеспеченность рабочей силой лесозаготовительных трестов Карелии в 1937—1940 гг. составляла 50—60%. С июня 1939 г. началась массовая мобилизация рабочих в ряды Красной армии. За вторую половину 1939 г. численность кадровых рабочих в тресте "Южкареллес" сократилась более, чем в два раза — с 10,5 тыс. до 5 тыс. человек. Не менее трети рабочих лесной промышленности стали составлять женщины, вынужденные заменять ушедших на фронт лесорубов, трелевщиков, возчиков и т. д.

В целях преодоления дезорганизации производства в конце 1930–х гг. было ужесточено трудовое законодательство. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС 28 декабря 1938 г. усилило меры ответственности за нарушение трудовой дисциплины: опоздание на 20 минут могло привести к увольнению. В июне предвоенного 1940 г. с 7 до 8 часов был увеличен рабочий день при семидневной рабочей неделе, запрещалось увольнение по собственному желанию; прогул без уважительной причины карался исправительно–трудовыми работами по месту основной работы на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% зарплаты. Указ от 10 июля 1940 г. приравнял к вредительству со всеми вытекающими последствиями выпуск некачественной продукции. В октябре 1940 г. была создана система государственных трудовых резервов — профессиональные учебные заведения стали комплектоваться методом мобилизации молодежи.

В этих условиях в Карелии набирала силу "лагерная экономика". После завершения строительства и пуска в 1933 г. Беломорско–Балтийского канала сеть лагерей ОГПУ не закрылась. 17 августа 1933 г. Совнарком СССР принял два специальных секретных постановления, согласно которым для освоения канала и прилегающих к нему территорий в системе ОГПУ/НКВД создавался Беломорско–Балтийский комбинат (ББК), которому предоставлялись монопольные права эксплуатации канала и естественных богатств прилегающих к нему районов вдоль трассы Мурманской (Кировской) железной дороги. Только лесная территория ББК занимала площадь 2,8 млн га. Комбинату были переданы все находившиеся на территории освоения промышленные предприятия. До 1936 г. все операции комбината полностью освобождались от налогов и сборов. Никто без особого разрешения СНК СССР не имел права вмешиваться в административно–хозяйственную и оперативную деятельность комбината.

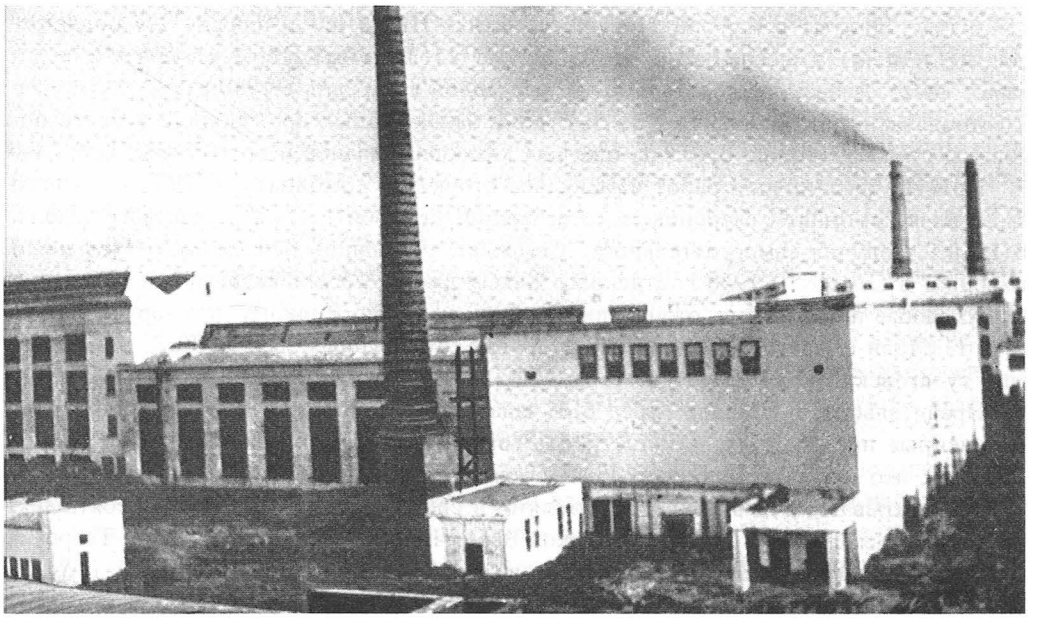
Казалось, власти вернулись к опыту нэповской эпохи, учли опыт работы в Карелии транспортно–колонизационного комбината Мурманской железной дороги. Однако деятельность ББК строилась совсем на других началах. Главную его рабочую



Строительство Сегежского ЦБК. Зима 1935 г.

силу составляли заключенные — в среднем 75—85 тыс. человек ежегодно. В конце 1930-х гг. доля осужденных "за контрреволюционную деятельность" равнялась примерно 35%. В составе ББК находился 21 спецпоселок, в которых размещались около 28 тыс. человек — семьи раскулаченных крестьян. Помимо заключенных и спецпоселенцев в Белбалтлаге работали 4—5 тыс. вольнонаемных сотрудников, а также военизированная охрана. Численность заключенных и спецпоселенцев, работавших на ББК, составляла четверть населения всей Карелии. Наиболее крупными объектами, построенными комбинатом на канале, стали Пиндушская судоверфь деревянного судостроения, Повенецкий судоремонтный завод, Сорокский порт. Были оборудованы пристани в Медгоре, Повенце, Надвоицах и др. Крупнейший объект ББК во второй пятилетке — самая северная в мире Туломская ГЭС мощностью 48 тыс. киловатт. Она сыграла большую роль в снабжении электроэнергией Кольского полуострова. Силами ББК строилась Ондская и Кумсинская ГЭС, лесобумхимкомбинат в Медгоре[185].

Силами заключенных и спецпоселенцев Беломорско-Балтийского комбината в 1936—1939 гг. был построен Сегежский ЦБК. Первая очередь комбината была принята правительственной комиссией в марте 1940 г. С 1 января 1940 г. Сегежский комбинат был выведен из подчинения НКВД СССР и начал работать как самостоятельное предприятие при Главном управлении бумажной промышленности западных районов (Главзапбумпром) Наркомлеса СССР. К началу Великой Отечественной войны комбинат имел действующий целлюлозный завод, оборудованный 9 варочными котлами, три бумажных машины, мешочный цех, силовую установку. В Сегеже перерабатывалась лишь треть вырабатываемой целлюлозы, а основная ее часть вывозилась на другие предприятия за пределы республики. Освоение производства шло с большими трудностями: 1940 г. был завершен со значительным недовыполнением плана. Выпуск продукции по отношению к проектной мощности составил в 1940 г. по первой буммашине 50%, а по варке целлюлозы — всего лишь 22%. Причинами невы-



Сегежский комбинат в год пуска. 1939 г.

полнения плана стали простои оборудования, плохая организация труда, незавершенность строительства ряда объектов, недостатки снабжения[186].

Особенно важную роль играл Беломорско–Балтийский комбинат в развитии лесной промышленности Карелии. Уже в 1937 г. на него приходилось 35% всего объема лесозаготовок и около 12% производства пиломатериалов. За 1938—1940 гг. ББК ввел в действие 7 узкоколейных лесовозных железных дорог (214 км), 5 автолежневых (122 км). В результате удельный вес механизированной вывозки древесины к ее общему объему резко вырос и в 1940 г. составил половину ее общего объема. В 1940 г. в республике было заготовлено 9433 тыс. кубометров древесины. Из них 3837 тыс. (41%) приходилось на долю Наркомлеса, а 5072 тыс. (54%) — на долю НКВД. Прочие организации заготовили 524 тыс. кубометров (6%) леса. Таким образом, в конце 1930–х гг. более половины леса в республике заготавливалось руками заключенных[187].

В системе Белбалткомбината развивалась лесопильная и деревообрабатывающая промышленность. Помимо Медвежьегорского и Сегежского лесозаводов, принятых от треста Карелдрев в 1934 г., ББК построил Пиндушский, Сунозерский и Летнереченский лесозаводы. Кроме того комбинат имел две мебельные фабрики в Медвежьегорске и Надвоицах, 10 однорамных лесозаводов передвижного типа и 19 шпалорезок. Было развито лесохимическое производство: велись заготовки смолы, дегтя, угля. В 1940 г. Наркомлес произвел 412 тыс. кубометров (42%), НКВД — 360 тыс. (36%), прочие организации — 215 тыс. (22%) пиломатериалов[188]. Таким образом, заключенными производилось более трети продукции лесопильной промышленности Карелии.

В предвоенные годы хозяйственная деятельность структур НКВД расширялась. Большую роль сыграл труд заключенных в развитии швейного, кожевенного, мебельного и других производств, создававших товары народного потребления. В 1940 г. в Карелии было сшито 200,7 тыс. пальто и полупальто для взрослых, из них 192,8 тыс. на предприятиях, подчинявшихся НКВД. Там же были сшиты 145,8 тыс. костюмов из

154,6 тыс., сшитых в Карелии. На предприятиях НКВД шили одежду для новорожденных, изящное женское белье, не говоря уже о телогрейках, ватных брюках и шароварах. Из 255,8 тыс. пар кожаной обуви, сделанной в Карелии в 1940 г., 221,9 тыс. пар изготовлено на предприятиях НКВД. Руками заключенных производилось более половины стульев, столов, буфетов, шкафов, комодов, диванов и другой мебели[189].

По мере расширения работ изменялась структура комбината. В 1937 г. из него выделился комбинат Североникель, отвечавший за строительство никелевого завода. В 1938 г. получил самостоятельность Сегежлаг, строивший целлюложно–бумажный комбинат в Сегеже. В 1940 г. отделился Кексгольмлаг, восстанавливавший целлюлозно-бумажные предприятия, отошедшие от Финляндии по мирному договору 12 марта 1940 г. Стали самостоятельными и ряд других структурных звеньев ББК, пополнивших гулаговский архипелаг.

Правительство поставило перед ББК задачу не просто создать новые ГЭС и промышленные предприятия, но "построить города социалистического типа". Предполагалось, что их жителями станут освободившиеся спецпоселенцы и заключенные. Власти учитывали, что вместе с родителями в спецпоселках жило много ребятишек. В середине 1930–х гг. в школах поселков ББК училось около 5 тыс. детей. Теоретически детям легче было привыкнуть к северному климату, природе, быту, в будущем они могли связать навсегда свою судьбу с севером. Действительно, труд заключенных и спецпоселенцев во многом помог становлению таких городов республики, как Сегежа, Медвежьегорск, Беломорск. Однако насильно переселенные люди воспринимали север именно как место заточения. Неимоверно суровые условия жизни и труда рождали у них озлобление и желание любыми путями вырваться на свободу. Хотя побеги сурово карались, их число на ББК всегда было высоким. В донесениях НКВД указывалось, что в 1937 г. беглецы составили более 10% заключенных. С 1935 г. спецпоселенцев, самовольно покинувших поселки, стали привлекать к уголовной ответственности, их переводили в лагерь как заключенных. Плохое питание, тяжелые жилищные условия, нравственные и физические страдания вели к высокой смертности среди этих групп населения. То, что среди жителей севера было много заключенных, повлияло на социокультурную обстановку в регионе, воздействовало на психологию людей.

Важные последствия для экономики республики имели итоги советско-финской войны. К Карелии отошла развитая в экономическом отношении часть территории Финляндии. Накануне Великой Отечественной войны велись работы по восстановлению и вводу в строй расположенных там предприятий. Были восстановлены Кайпинский пятирамный лесозавод, лесозавод в Сортавале, Сортавальский фанерный завод, Хелюльская мебельная фабрика и ряд других предприятий лесопильной и деревообрабатывающей промышленности. На отошедших к СССР территориях располагалось 10 целлюлозно–бумажных предприятий. Среди них бумажная фабрика в Ляскеля производительностью 20 тыс. т газетной и тонкой печатной бумаги в год, сульфат–целлюлозный завод в Питкяранте производительностью 42 тыс. т целлюлозы в год, картонная фабрика в Суоярви производительностью 8 тыс. т картона и др. Большинство этих предприятий были реконструированы финнами в 1930–е гг. и представляли собой современные производства. Особую ценность имел целлюлозно–бумажный комбинат в поселке Энсо, который состоял из пяти самостоятельных предприятий. В 1939 г. этот комбинат производил целлюлозы в количестве, равном 50% всего целлюлозного производства в СССР. После войны эти предприятия находились в нерабочем состоянии, все, что успели финны, отступая, разрушить, было разрушено или вы-

везено в глубь Финляндии. Однако очень скоро вывезенное финнами оборудование было возвращено, и уже в мае 1941 года пленум ЦК КП(б) КФ ССР констатировал: "В данное время все целлюлозно–бумажные предприятия дают продукцию стране"[190].

На отошедших к СССР территориях Финляндии имелось 19 электростанций, крупнейшей из которых была ГЭС Роухиала на р. Вуокса. Эта ГЭС давала электроэнергии в два раза больше, чем все электростанции Карелии в 1939 г. В 1940 г. вступила в строй линия электропередач Роухиала—Ленинград, которая должна была сыграть важную роль в снабжении электроэнергией Ленинграда.

Годы довоенных пятилеток стали важной вехой в промышленном развитии Карелии. В 1940 г. общий объем промышленной продукции КАССР по официальным данным превысил уровень 1913 г. в 8,4 раза. Если в целом по стране в 1937 г. свыше 80% всей продукции промышленности было получено с новых предприятий, построенных или полностью реконструированных в 1928—1937 гг., то в Карелии этот показатель был несколько выше общесоюзного, приближаясь к 90%.

Можно выделить несколько крупных промышленных районов, сложившихся в республике. Уже к концу первой пятилетки ведущим промышленным районом стал юго–западный регион Карелии (Кондопога—Петрозаводск). Здесь было создано бумажное производство, развивалась металлообрабатывающая промышленность. Рос объем лесозаготовок, на юге Карелии они стали значительно превышать расчетную лесосеку, что вело к истощению лесных богатств этой части республики. Вторым промышленным центром стала зона Беломорско–Балтийского канала, где концентрировалось лесопильное производство и активно развивалась рыбная промышленность. Третий промышленный "узел" был завязан в Заполярье, в районе Кандалакши, где росла горная, химическая индустрия. На юго–востоке Карелии преимущественное развитие получила промышленность стройматериалов.

Безусловный приоритет в годы первых пятилеток отдавался развитию промышленности группы "А". Продажа карельского леса за границу стала важным источником валютных поступлений для закупки западной техники и оборудования. Объем лесозаготовок в Карелии за годы первых пятилеток вырос более чем в 2 раза и накануне Великой Отечественной войны превышал 9 млн кубометров. Значительная часть древесины вывозилась из республики в необработанном виде. Добиться существенного роста выпуска пиломатериалов в рассматриваемый период не удалось. Если в 1913 г. на долю лесопиления приходилось 29% всей промышленной продукции Карелии, то в 1940 г. — только 9%. Односторонний характер развития лесной промышленности края, сложившийся еще до революции, в 1930–е гг. даже укрепился.

За годы первых пятилеток в 2 раза выросла доля металлообрабатывающей промышленности (с 6 до 12,5%). Достижением 1930–х гг. можно считать создание новых производств, которых ранее или вообще не было или они находились в процессе становления. Общесоюзное значение приобрела добыча нерудных ископаемых и строительного камня. Особое значение имело создание целлюлозно–бумажной промышленности. В 1940 г. объем производства в этой новой для республики отрасли в общем объеме промышленного производства КАССР составлял 12,1% .

Получили некоторый импульс к развитию отрасли промышленности, обеспечивающие производство продуктов питания и товаров народного потребления. Количество предприятий по обработке рыбы увеличилось за 1932—1940 гг. с 39 до 333, а объем производства на них вырос почти в 3 раза. В конце 1930–х гг. удельный вес швейно-трикотажной промышленности составлял 10%, пищевой — 9,8%, производства мебели, фанеры, лыж — около 6%[191]. Однако низкие капиталовложения в лег-

кую, пищевую промышленность существенно сдерживали их развитие. Во второй половине 1930–х гг. "забота" об этих отраслях постепенно перекладывалась на плечи экономики НКВД.

Не получило должной государственной поддержки в 1930–е гг. создание инфраструктуры промышленности. По показателю плотности дорожной сети на 100 кв. км Карелия в 1935 г. занимала одно из последних мест в СССР. На 100 кв. км в южной Карелии приходилось 15,2 км дорог, а на севере республики — всего 0,9 км[192]. В годы довоенных пятилеток был сделан рывок в промышленном использовании гидроресурсов Карелии. В то же время именно нехватка энергии сдерживала во второй половине 1930–х гг. рост производственных мощностей ряда предприятий.

Индустриализация привела к значительным изменениям численности и состава рабочего класса Карелии. Если в 1928 г. на территории республики трудились около 7 тыс., то в 1937 г. — 32 тыс. рабочих. По данным переписи 1939 г., рабочие составляли уже половину (50,8%) самодеятельного населения Карелии. Главным источником формирования рабочего класса являлось крестьянство, процесс приобщения которого к индустриальной культуре труда был достаточно сложен. Массовые миграции крестьян из деревни на стройки, заводы и фабрики были тесно связаны с политикой коллективизации и раскулачивания. Создание колхозной системы облегчило задачу обеспечения рабочей силой лесозаготовок. В деревообрабатывающей, горнорудной, бумажной, полиграфической промышленности быстро росло применение женского труда. За 1926—1936 гг. удельный вес женщин среди промышленных рабочих Карелии вырос с 11% до 40% и сравнялся с аналогичным общесоюзным показателем[193]. Большинство женщин трудились на неквалифицированных работах: уборщицами, чернорабочими и т. д.

Богатые запасы древесины, минерального сырья, сравнительно удобная связь с Западной Европой благоприятствовали ускоренному промышленному развитию Карелии. В то же время экономическое освоение этого удаленного от центра, малонаселенного, сурового в климатическом отношении края требовало огромных дополнительных средств в сравнении с центральными районами. Поскольку Карелия являлась приграничной республикой, "запах пороха" в Европе накладывал ряд ограничений на промышленное развитие территории, которая могла сразу же оказаться в зоне активных военных действий в случае войны. Отсутствие необходимых средств вело к одностороннему, подчас уродливому развитию региона.

Достаточно быстрое возведение промышленных объектов в суровых климатических условиях проходило при явном пренебрежении к социально–культурным запросам людей. В городах и промышленных центрах Карелии катастрофически не хватало жилья. В течение долгих лет сверхскудным оставалось питание северян. К сожалению, ряда бед и горестей в то время вряд ли можно было избежать. И поколение 1930–х гг. проявляло безмерное терпение и мужество в борьбе с лишениями и трудностями, созидая новую жизнь. В этих условиях правительство Карелии пыталось искать нестандартные пути решения сложнейших социально–экономических проблем. Развертывание широкой системы профессионального обучения рабочих, поддержка миграций в республику карельского населения из других регионов СССР, привлечение квалифицированных рабочих–финнов из–за границы сыграли важную роль в подъеме промышленного производства Карелии. И в сложных условиях форсированной индустриализации возможен был поиск более цивилизованных, чем открытый террор и явный волюнтаризм, решений. Вместе с тем, не в силах отказаться от экономического прожектерства и найти способы существенно повысить

эффективность экономической системы, сталинское руководство пошло на массовое использование принудительного труда для промышленного подъема северных регионов. Судьбы сотен тысяч людей были искорежены на сталинских новостройках. Лагерная экономика могла какое–то время прикрывать тяжелые последствия очередных "рывков" и "штурмов", однако ставка на массовое использование труда заключенных для создания передовой, эффективной экономики в перспективе была обречена на провал.

5. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1929 год стал "годом великого перелома" в деревне. Свертывание нэпа, переход к силовым методом хозяйствования привели к сокращению посевных площадей в стране и уменьшению производства и экспорта хлеба. С конца 1928 г. в городах появляются карточки на продукты питания. Из этих событий был сделан вывод о необходимости резко ускорить темпы индустриализации и повысить товарность сельского хозяйства путем сплошной коллективизации.

Форсирование коллективизации, начавшееся осенью 1929 г. в зерновых районах, захватило всю страну, не исключая и национальные районы. Особенно оно усилилось после опубликования статьи Сталина "Год великого перелома" (ноябрь 1929 г.) и его выступления в декабре 1929 г. на Всесоюзной конференции аграрников–марксистов. 5 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству", в котором устанавливались сроки завершения коллективизации в зерновых районах страны в 1930—1931 гг. Для незерновых и национальных районов конкретные сроки не устанавливались, но указывалось, что в течение пятилетия "мы сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств".

Сроки завершения сплошной коллективизации в Карелии республиканскими органами власти несколько раз пересматривались. В январе 1930 г. СНК КАССР постановил коллективизировать к концу года 18,5% хозяйств, в марте эта цифра повышается до 42%, а к концу 1931 г. предполагалось объединить в "артели с обобществлением всех средств производства и лесоразработок с быстрейшим перерастанием в коммуны" 75% крестьянских хозяйств.

Обращает на себя внимание тот факт, что ЦИК и СНК КАССР приняли постановление о развертывании сплошной коллективизации в Карелии 5 марта 1930 г. — уже после принятия постановления ЦК ВКП(б) "О коллективизации и борьбе с кулачеством национальных экономически отсталых районов" (20 февраля 1930 г.), после опубликования статьи Сталина "Головокружение от успехов" и Примерного устава сельхозартели, то есть тогда, когда центральная Россия находилась на грани крестьянской войны, и центральные власти вынуждены были временно отступить. В связи с этим мартовское постановление ЦИК и СНК КАССР, предусматривающее развертывание сплошной коллективизации в 1930 г. более чем в половине административных районов Карелии, фактически начали выполнять только в 1931 г.

Характерно, что коллективизация в Карелии изначально рассматривалась и как способ привлечения крестьян на лесозаготовки. В резолюции карельского обкома партии (21 марта 1930 г.) определялись такие главные типы колхозов: сельскохозяйственные товарищества с животноводческим уклоном и одновременным участием в лесозаготовительных и сплавных работах; рыбацкие товарищества и лесозаготови-

Митинг в сельхозартели Ренженского сельсовета

тельные, занимающиеся коллективизацией производства лесозаготовок и сплава с ведением сельского хозяйства для нужд колхоза[194].

При проведении коллективизации широко применялись административно-репрессивные меры. В Олонецком районе крестьян запугивали выселением и описью имущества. В Поморье Каррыбпромсоюз прекратил кредитование и снабжение орудиями лова единоличных хозяйств, мотивируя это тем, что Беломорское побережье объявлено районом сплошной коллективизации. Отказавшихся от вступления в колхоз объявляли врагами советской власти, им угрожали раскулачиванием, высылкой на Соловки, лишали снабжения потребкооперации и т. п.

Принуждение при организации колхозов сказалось на темпах коллективизации в республике. К весне 1930 г. уровень коллективизации заметно вырос. Так, если на 1 октября 1928 г. в колхозах состояло 69 хозяйств (0,2% от общего числа хозяйств), то через год — 415 (1,3%), на 10 февраля 1930 г. — 765 (1,9%), на 1 апреля 1930 г. — 6242 хозяйства (15,3%). Хотя по сравнению с другими регионами России этот показатель был очень невысок. Кроме того, колхозы в Карелии были карликовыми по российским меркам: осенью 1929 г. — зимой 1930 г. их размер не превышал 9—12 хозяйств и даже весной — летом 1930 г. был менее 50 хозяйств, что объясняется размерами карельских деревень и их удаленностью друг от друга. Гигантомания даже в разгар гонки сплошной коллективизации не получила в республике заметного распространения, хотя в Шелтозерском районе, например, была попытка создать колхоз-гигант, который объединил бы все хозяйства района.

В начальный период коллективизации даже среди членов Карельского обкома партии высказывались мнения о том, что в Карелии вследствие природных и климатических условий нецелесообразно создавать крупные хозяйства, а надо ориентироваться на фермерский, хуторской тип хозяйства по примеру Финляндии. Но эти голоса не были услышаны, а работники, высказывавшие такие мысли, были вскоре обвинены в правом уклоне и репрессированы.

После опубликования мартовско-апрельских документов ЦК ВКП(б) о "перегибах" в республике начался массовый выход из колхозов. Но особенность Карелии

заключалась в том, что в это же время активно проводилась агитация по вовлечению крестьян в колхозы. В связи с этим, хотя за период с 1 апреля по 1 мая 1930 г. из колхозов вышло более 1900 крестьянских хозяйств (или 1/3 от числившихся в колхозах), за это же время в колхозы вступили более 1000 хозяйств. Поэтому процент коллективизации уменьшился незначительно — с 15,3 до 13,1. К концу июня 1930 г. в республике насчитывалось 139 колхозов, которые объединяли 4875 крестьянских хозяйств, 6449 га пашни, 17 629 га лугов, 2555 лошадей, 2941 корову, имели 8 тракторов и 18 машинно-конных станций.

Самый высокий процент коллективизации наблюдался среди рыбацких хозяйств: в Кандалакшском районе к лету 1930 г. коллективизировали 48,6% рыбаков, в Кемском — 50,5%, в Олонецком — 44%, в Сорокском — 21,1%. Всего рыболовецких колхозов насчитывалось 43, из них 36 колхозов на Беломорском побережье. Однако производительность труда в колхозах была ниже, чем в единоличных хозяйствах: при среднем уровне коллективизации рыбацких хозяйств в 24,9% удельный вес добытой ими рыбы составлял 15—20% от общего числа.

Крестьяне, занимающиеся сельским хозяйством, менее активно вступали в колхозы. Наибольший процент объединившихся в колхозы хозяйств был в Олонецком районе (34,2%), в Кемском (27%) и в Шелтозерском (23,2%); наименьший — в Сорокском (0,9%), в Лоухском (1,6%), в Сегозерском (2,8%). Колхозы в Карелии были слабыми. Обеспеченность пахотной землей составляла менее 1,5 га на одно коллективное хозяйство, лугов — 3,5 га, рабочим скотом — одна лошадь на два хозяйства, крупным рогатым скотом — немногим более.

Вторая половина 1930 г. не внесла существенных изменений в уровень коллективизации в республике. Если на 1 июля в колхозах состояло 4961 хозяйство (12,1%), то на 1 ноября — 5286 (13%). Количество колхозов выросло к декабрю до 171, из них почти половина объединяла до 20 хозяйств, от 20 до 40 хозяйств имела треть колхозов, 9 колхозов (5,3%) насчитывали более 80 хозяйств.

По социальному составу колхозы были бедняцко-середняцкими, они включали 2% рабочих, 4,5% батраков, 40,2% бедняков, 47,5% середняков и 5,8% служащих, красноармейцев и др.

К осени 1930 г. можно было подводить первые итоги деятельности колхозов Карелии. Практически во всех публикациях СМИ того времени при показе преимуществ колхозного хозяйства перед индивидуальным в качестве примера приводились, в основном, только 4 "образцово-показательных хозяйства": коммуны "Сяде", "Заря", им. Гюллинга и артель им. Ярвисало. Это колхозы, которые проработали несколько лет, имели настоящие успехи, высокие урожаи и удои. Коммуна "Сяде", например, образовалась поздней осенью 1925 г. из 15 финских эмигрантов. С собой они привезли трактор, циркулярную пилу, тракторный плуг, молотилку, мельницу, различный инструмент. Приобрели 12 племенных коров, разработали 42 га пашни. К 1930 г. в коммуне удои коров восточно-финской породы доходили до 3600 кг в год при жирности молока 4%, коровы местной породы давали до 3500 кг, но не менее 2200 кг (для сравнения — в среднем по Карелии удои от коров местной породы составляли 700 кг). Овса в коммуне собирали в среднем по 21,5 ц с га, ячменя — 20 ц, клевера — 41 ц, турнепса — 451 ц.

Коммуна "Заря" организовалась в 1928 г. Первоначально в нее входили 7 хозяйств (27 человек). В 1930 г. коммунары собрали с гектара по 465 ц турнепса, 200 ц моркови, 400 ц капусты, 35 ц клевера, 430 ц брюквы и т.д. В то же время средние урожаи с гектара по Карелии составляли: ржи около 9,5 ц, овса — 9,8 ц, ячменя — 8 ц, корнеплодов — 90 ц.

В большинстве колхозов урожаи были низкими. Дело в том, что стимула хорошо работать у многих колхозников не было, так как их насильно записали в колхозы. Много было неполадок и неразберихи в организации производства. Не хватало квалифицированных кадров. В части колхозов не могли наладить элементарный учет работы, проделанной колхозниками. Мало было орудий производства, рабочего и продуктивного скота. Товарной продукции за 1930 г. колхозы сдали: картофеля — 6088 ц, сена — 4979 ц, 3180 ц овощей, 2600 ц молока, 240 ц мяса. Товарность одного коллективизированного хозяйства составляла 38,5 руб., тогда как товарность одного индивидуального хозяйства — 63 руб., то есть была почти в два раза выше. Колхозы не справлялись с основными производственными заданиями — убирали продукцию слишком поздно, при неблагоприятных погодных условиях. В 1930 г. в колхозах осталось нескошенным 30% сена, лишь на 61% колхозы справились с осенней посевной. Поскольку товарной продукции колхозы давали немного и их валовый доход был невелик, то и оплата труда была низкой и колебалась от 0,56 до 1,17 руб. на трудодень. Для сравнения приведем поденные цены на сельскохозяйственные работы, существовавшие в частных хозяйствах в 1929 г.: пешему рабочему платили от 2,7 до 3,25 руб. в день, на "харчах нанимателя" — от 1,82 до 2,9 руб., рабочему с лошадью давали около 6 руб. в день.

Следует также учитывать важную особенность карельских колхозов — все они должны были выполнять государственные задания по лесозаготовкам и сплаву. Согласно договору, заключенному между Кареллесом и Карелколхозсоюзом в 1930 г., каждый колхозник должен был "стать в ряды лесорубов и возчиков". Колхозников часто задерживали на лесозаготовках и сплаве, из–за этого ставились на грань срыва основные сельскохозяйственные работы и путина. Например, весной 1930 г. "Каррыбпром не добился, чтобы рыбаков вовремя освободили с лесозаготовок", они не успели подготовиться к путине, и ее план был сорван.

В 1931 г. начался новый этап форсирования коллективизации в Карелии. Наибольший темп коллективизации наблюдался в марте—апреле, но к концу весеннего сева темп обобществления крестьянских хозяйств снизился.

Быстрый рост "новых социалистических форм" обуславливался не только и не столько желанием крестьян вступать в колхозы, сколько вновь усилившимся нажимом на крестьянство. Происходило это потому, что центральные власти ориентировали местных работников на перевыполнение заданий. Характерна в этом отношении телеграмма Сталина секретарю Восточно–Сибирского крайкома, в которой указывалось, что решение ЦК о процентах коллективизации представляет минимум задания и местным организациям "не только не возбраняется, но наоборот, рекомендуется перевыполнять задание". Хотя телеграмма была адресована только одному партийному комитету, все понимали, что установка центра распространялась на все регионы Союза. Для ее реализации местные работники прибегали к администрированию, угрозам и принуждению.

Крестьянам угрожали раскулачиванием, высылкой, отправляли на лесозаготовки с твердым заданием, изымали имущество единоличников в пользу колхозов, продуктами и промтоварами единоличников снабжали в последнюю очередь. Но решающим фактором для колеблющихся крестьян стала массовая операция "по изъятию кулацкого и антисоветского элемента из деревни", проведенная органами ОГПУ в феврале—марте 1931 г. Только по Олонецкому району было арестовано не менее 17 человек. Крестьяне были напуганы. Как сообщалось в сводках ГПУ, типичными были разговоры: "Надо идти в колхоз, а то арестуют или товаров в потребительском обще-

стве не дадут". Так как хлебом сами себя могли обеспечить только крепкие крестьянские хозяйства в южных районах республики, то угроза лишить хлебной нормы была очень действенна.

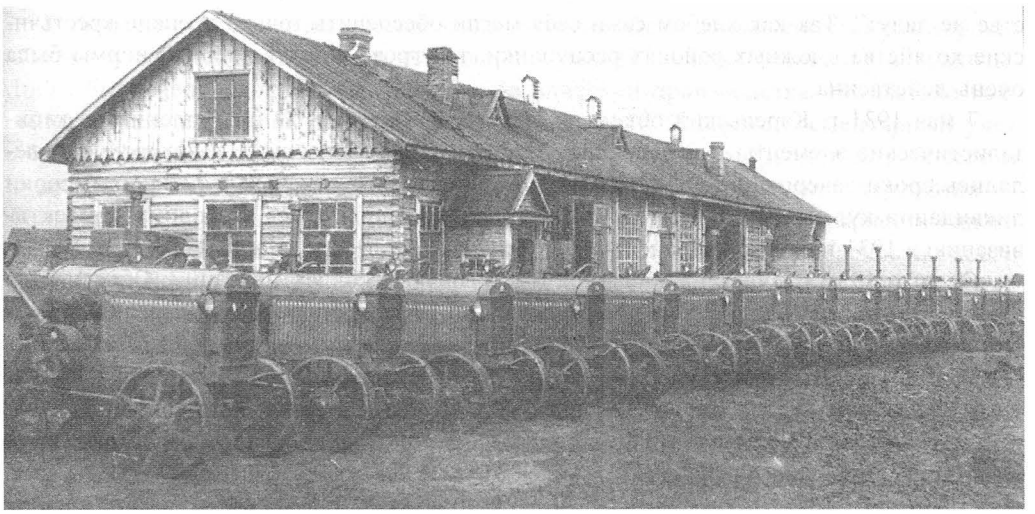
7 мая 1931 г. Карельский обком принял постановление "О наступлении на капиталистические элементы и дальнейших задачах коллективизации", в котором определялись сроки завершения сплошной коллективизации в отдельных районах и сроки ликвидации кулачества. В Поморских районах предполагалось завершить коллективизацию в 1931 г., в южных районах республики — в 1932 г., в остальных — в 1933 г.

Осенью 1931 г. вновь наблюдается быстрый рост коллективизации. Объясняется это тем, что в сентябре была проведена акция по раскулачиванию и выселению кулацких хозяйств. То, что именно раскулачивание стало мощным стимулом вовлечения крестьян в колхозы отмечалось и в официальных документах. В своем отчете в ЦИК КАССР и обком партии Карельская республиканская комиссия по ликвидации кулачества отмечала: "Данная кампания явилась стимулом значительного роста коллективизации... особенно в районах: Пряжинском (на 1.09 — 50,4%, на 20.09 — 72,2%, то есть рост на 21,8%), Лоухском (на 1.09 — 54,7%, на 20.09 — 72,4%, то есть рост на 17,7%), Петровском (на 1.09. — 64,7%, на 20.09 —74,7%, то есть рост на 10%)"[195]. Средний рост уровня коллективизации по республике с 10 сентября по 20 декабря 1931 г. составил 7,3% (с 50,8 до 58,1), однако по тем районам, где прошла акция по раскулачиванию и выселению, этот показатель был в 2—3 раза выше.

Отношение крестьян к колхозам, по сравнению с 1930 г., не изменилось, оно оставалось выжидательно-отрицательным. Преимуществ перед единоличным хозяйством колхозы не обнаружили. Не удивительно, что крестьяне отказывались идти в колхоз, мотивируя это тем, что "там ни копейки не платят, нечем даже выкупить норму в кооперации", что они знают, зачем организуются колхозы — "чтобы последнюю корову у мужика отобрать". Вступившие в колхоз часто стремились из него выйти в связи с тем, что "они все сдали в колхоз, за работу ничего не получают, ходят голодные, босые и раздетые". Многие крестьяне оставляли свое хозяйство и уходили работать в лесную, горнодобывающую или машиностроительную промышленность.

Резкий рост числа колхозов (с 190 до 673 в течение 1931 г.) не мог не сказаться на их качестве. Большинство колхозов были организационно и экономически чрезвычайно слабы. Не хватало сельхозинвентаря, рабочего скота, практически все работы выполнялись вручную. В Пряжинском районе, например, из 89 колхозов только в коммуне "Карельский пограничник" имелся один трактор. Сельскохозяйственных машин насчитывалось: сортировок 12 штук, соломорезок — 32, плугов — 211, железных борон — 31, сеялок — 4, молотилок — 2, жнеек — 1. В Петровском районе на 49 колхозов не было ни одного трактора. К концу 1931 г. колхозы Карелии имели 12 057 рабочих лошадей (в среднем 0,53 лошади на одно коллективизированное хозяйство), 24 431 голову крупного рогатого скота (1,08 на хозяйство), что составляло 32,5% всех рабочих лошадей республики и 35,6% крупного рогатого скота. Единоличники владели 59% рабочих лошадей и 63,3% крупного рогатого скота.

Летом 1931 г. в Карелии открылась первая машинно-тракторная станция — Олонецкая. 23 июня 18 тракторов прибыли в Олонец. Это были "Фордзоны—Путиловцы", присланные с Ленинградского завода "Красный путиловец". К концу года МТС получила еще 6 тракторов. Предполагалось, что станция будет обслуживать 21 колхоз, но фактически она обслуживала только пять хозяйств. В 1931 г. силами Олонецкой МТС было вспахано 300 га, произведен посев на 38 га, дискование на 480 га. Это значит, что каждый трактор с июля по ноябрь обработал около 34 га, тогда как днев-



Олонецкая МТС

ная норма выработки трактора составляла от 2 до 3 га на разных видах работ. Низкая производительность объяснялась неподготовленностью карельских полей к тракторной обработке (большое количество камней, кочек, маленькие размеры полей), низкой трудовой дисциплиной среди работников МТС, отсутствием необходимой квалификации у трактористов, неготовностью ремонтных мастерских (ремонтировать трактора отправляли в Ленинград на завод). Попытки использовать для нужд сельского хозяйства леспромхозовские тракторы также не увенчалась успехом. Обработка полей оказалась слишком дорогой — в три раза дороже, чем при конной тяге. К тому же не хватало прицепных орудий. Всего в 1931 г. в сельском хозяйстве Карелии работали 56 тракторов, то есть приблизительно 1 трактор на 12 колхозов. Таким образом, говорить об оснащении карельских колхозов передовой техникой, конечно, нельзя. Большинство работ велись по старинке — вручную. Новая сельхозтехника начала поступать только с 1932—1933 гг., причем в недостаточных количествах, да и использовалась она часто очень нерационально.

Слабым местом в работе колхозов был учет. Не хватало грамотных кадров. Запись в трудовые книжки велась лишь в половине колхозов, часто нерегулярно — один раз в полмесяца или месяц. В связи с этим имели место злоупотребления с записью трудодней.

Плачевные последствия имела и практика назначения председателей колхозов райколхозсоюзами. Как правило, это были люди не из данной деревни, их не знали, они не пользовались авторитетом, некоторые вообще не были знакомы с сельскохозяйственным производством. И как следствие не могли правильно организовать деятельность коллективов. Весьма распространенным явлением было пьянство среди руководящего состава колхозов. В сводках ГПУ КАССР, ежедекадно представляемых в обком партии, регулярно упоминались такие факты. Только в Петровском районе за пьянство сняли с работы 9 председателей колхозов[196].

Товарность одного коллективизированного хозяйства по сравнению с 1930 г. выросла на 2 рубля (с 38,5 до 40,5 руб.). Колхозы сдали государству 14 912 ц молока, 3000 ц мяса, 20 080 ц картофеля, 13 010 ц овощей и 15 920 ц сена. Но этой продукции

Поморы за разбором невода. Беломорский район

было недостаточно для обеспечения нужд республики и поэтому продукты и сено с каждым годом все в больших количествах приходилось ввозить из–за пределов Карелии. Хотя республика испытывала острый дефицит сельскохозяйственных продуктов, большое их количество ежегодно пропадало на полях. В 1931 г. осталось 40% колхозного сена, 30% сена не убрали со своих лугов единоличники. Во многих районах не успели до морозов убрать картошку, капусту.

В средствах массовой информации 30–х годов, а затем и в исторической литературе активно пропагандировался тезис о резко возросших доходах крестьян, вступивших в колхозы. На самом деле, таких примеров по Карелии было немного, чаще встречались как раз обратные. Так, в Пудожском районе в 1930 г. колхозник в среднем получил 424 руб. на хозяйство, а единоличник 514 руб., в 1931 г. разрыв увеличился — колхозник получил 420 руб., единоличник — 571 руб. Упали доходы колхозников и в других районах республики. Минимальная оплата на трудодень в 1931 г. составила 33 коп., максимальная 1 руб. 56 коп. В среднем по республике трудодень оценивался в 1 руб. 09 коп.

Снижение доходов колхозников было вызвано еще и тем, что оплата за сданную продукцию перечислялась заготовительными организациями с очень большим опозданием или не перечислялась вовсе. По Шелтозерскому району Наркомснаб КАССР остался должен товаров на 25 тыс. руб. за сданную продукцию. По Петрозаводскому району сумма задолженности составляла 100 тыс. руб. Рыбакам Водлозера (Пудожский район) не выдали 15 тыс. руб. за осеннюю путину. Райживмолсоюзы в обмен на сданную продукцию выдавали "квитки" на промтовары, но отоваривать их было невозможно, неоплаченные квитанции имелись во многих колхозах (Пряжа, Шелтозеро, Медвежья Гора, Олонец и др.).

В 1930—1931 гг. многие колхозники и единоличники свернули свое хозяйство и ушли работать в промышленность. К концу 1932 г. около 20% хозяйств прекратили ведение сельского хозяйства, их работники перешли в категорию промышленных рабочих.

Кроме оплаты за работу в колхозе и на отхожих промыслах, колхозник мог получить доход со своего приусадебного участка, но его размеры были малы и сколько–

нибудь существенного вклада в бюджет хозяйства внести не могли. Максимальный размер приусадебного участка составлял 9 соток (Олонецкий район), минимальный — 2 сотки (Кестеньгский район), средний размер по Карелии — 7 соток.

В рыболовецких колхозах проблем было еще больше, чем в сельскохозяйственных. Связано это с тем, что в рыболовецких колхозах сочетались четыре совершенно различных формы хозяйственной деятельности: рыболовство, сельское хозяйство, лесозаготовки и отходничество. И по каждой отрасли колхоз получал такой план, как будто это было единственное направление его деятельности. По каждой из отраслей колхоз подчинялся разным ведомствам, никакой увязки планов, даже формальной, не существовало. Разброс хозяйственной деятельности при небольшом количестве рабочей силы (в среднем 58 хозяйств на колхоз) приводил к тому, что на всех направлениях образовывались прорывы. Кроме того, как и вообще по Карелии, в этих хозяйствах очень плохо обстояло дело с обеспечением и внедрением новой техники. Орудия и инвентарь, обобществленные при создании коллектива изнашивались, а новые не приобретались. В основном колхозники–рыбаки пользовались кустарными ставными ловушками, неводами и мережами.

85,1% коллективизированных рыбацких хозяйств Сорокского района вылавливали 77% добываемой рыбы, то есть производительность труда в единоличном секторе была выше, чем в колхозном. Выловленную рыбу рыбаки сдавали конторам Карелгоррыбтреста, получали квитанцию, которую передавали в правление колхоза, а затем правление по этим квитанциям уже рассчитывалось с трестом. Вся рыба принималась по весу, независимо от породы. Поэтому ценные породы рыб — семгу, лосося, форель, сига, палью и хариуса — рыбаки стремились продать частным образом.

К концу 1932 г. в колхозы республики вступили почти 60% крестьянских хозяйств. Сплошная коллективизация была завершена в Кестеньгском, Ухтинском, Ругозерском, Петровском и Медвежьегорском районах. Полностью были коллективизированы рыболовецкие хозяйства Поморья.

В 1932 г. удельный вес колхозного сектора в сельском хозяйстве составлял: по количеству хозяйств — 58%, по размеру посевных площадей — 57,7%, сенокосов — 48%, рабочих лошадей — 39%, коров — 50,8%, валовой продукции — 56,9%, товарной продукции — 57,2%. Кроме заготовок мяса, молока, картофеля, овощей и сена, в республике стали проводиться хлебозаготовки, в результате чего многие колхозы и единоличники остались совершенно без хлеба. Это привело к голоду. Началась эпидемия цинги и тифа.

За годы первой пятилетки произошло уменьшение посевных площадей. На 20% сократилась валовая продукция сельского хозяйства. Резко уменьшилось поголовье крупного рогатого скота (с 129 тыс. голов в 1929 до 85 тыс. в 1933 г.), лошадей (с 44,9 тыс. до 33,9 тыс.), овец (с 81,6 тыс. до 68,6 тыс.). На 15—20% упала урожайность зерновых, овощей и корнеплодов. По зерновым культурам продукция карельского села покрывала 20—25% фактической потребности, по картофелю — 50—60%, по овощам — 40%, по сену — 75%[197]. Фактически сельское хозяйство вернулось к показателям начала 1920–х гг.

Насильственное проведение сплошной коллективизации означало вместе с тем и переход к ликвидации кулацких и зажиточных крестьянских хозяйств.

Еще на XII съезде РКП(б) (1923 г.) была принята резолюция, в которой заявлялось: “Наше законодательство (в первую очередь налоговое) должно учитывать классовое деление в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства...” Единый сельскохозяйственный налог на 1927/28 г.

был построен таким образом, чтобы достигнуть увеличения количества освобожденных от налогов бедняцких хозяйств и усиления обложения кулацких хозяйств. В 1928/29 гг. максимальная ставка обложения кулацких хозяйств была повышена с 25 до 30%, для зажиточной части крестьянства вводилась 5—25–процентная надбавка к налогу. Согласно постановлению СНК СССР от 21 апреля 1928 г. "О едином сельскохозяйственном налоге", наиболее богатые кулаки подлежали обложению не по нормам, а по действительной доходности в индивидуальном порядке. Количество кулацких хозяйств, облагаемых индивидуально, должно было составить 2—3% общего числа крестьянских хозяйств.

В Карелии в 1928/29 г. облагались сельскохозяйственным налогом 31 939 хозяйств (из 40 762 хозяйств крестьянского типа) на сумму 577 574 руб. Из них в индивидуальном порядке облагалось 262 хозяйства (0,64%) на сумму 37 227 руб., то есть в среднем по 142 руб. на одно хозяйство; с процентной надбавкой облагались 4437 хозяйств (10,9%) на сумму 243 951 руб., или по 55 руб. на хозяйство, и в обычном порядке — 27 240 хозяйств (66,3%) должны были уплатить 296 396 руб. или 11 руб. на хозяйство. Поскольку число индивидуально облагаемых хозяйств (0,64%) не достигло уровня, установленного постановлением СНК, Наркомфин РСФСР в телеграмме от 17 декабря 1929 г. категорически настаивал на "усилении мероприятий по выявлению кулачества". На следующий год республиканские власти увеличили число индивидуально облагаемых хозяйств до 459, что составило 1,1% всех хозяйств[198]. Такой результат опять не удовлетворил Наркомфин СССР. По мнению Наркомфина, это говорило "о слабости налогового процесса и нажима на кулака". Перед руководством Карелии была поставлена задача по довыявлению кулацких хозяйств. В 10 районах к 20 апреля 1930 г. нашли еще 518 "кулацких хозяйств", из которых после первой проверки осталось 318 хозяйств; в дальнейшем еще 200 хозяйствам индивидуальное обложение было снято, так как в списки "индивидуалов" по некоторым рикам включались все лишенцы, служители религиозных культов, лица, имевшие торговлю в 1923—1925 гг. В Великогубском РИКе в списке была и такая запись: "Привлечь к индивидуальному обложению как удовлетворительное хозяйство"[199]. Всего к началу 1931 г. было обложено индивидуально 607 хозяйств.

К категории обязательных налоговых платежей для индивидуально обложенных относились самообложение, единовременный сбор на хозяйственно–культурное строительство и страховые платежи. Размер самообложения в районах Карелии варьировался от 30 до 100% к сельхозналогу. Единовременный сбор везде составлял 100% к сумме сельхозналога. Страховых платежей в среднем приходилось 40 руб. на одно хозяйство. Таким образом, размер изъятия налогами изменялся по районам республики от 45 до 230% годового дохода. Многие хозяйства не могли справиться с наложенными на них повинностями и, чтобы уплатить налоги, вынуждены были продавать свое имущество. Например, по Олонецкому району в результате налоговой политики было раскулачено 30 хозяйств, причем 6 из них полностью, у 14 — остался только дом и лишь у 10 хозяйств остались дом и корова или лошадь, то есть хозяйства были доведены до уровня бедняцких или нищих[200]. Прочие обязательные платежи значительно повышали сумму изъятий. Для кулацких хозяйств в 1930 г. была введена плата за отпуск леса, за оказание ветеринарной помощи. За все виды землеустроительных и земельнорегистрационных работ кулацкие хозяйства платили по расценкам в 3 раза дороже. Финансовые органы приняли все меры к досрочному изъятию ссуд у кулацкого и зажиточного населения. В тех случаях, когда ссуда была взята для приобретения племенного скота, последний отбирался и передавался в пользование колхозов.

Наркомторг Карелии издал инструкцию, согласно которой все промтовары личного потребления (ткани, одежда, обувь и т.п.) могли отпускаться кулацким хозяйствам "исключительно по полному выполнению ими налагаемых на них твердых заданий" и только в пределах специально установленных риками норм. Товары производственно–хозяйственного назначения (железо, инструменты, гвозди и т. д.) могли отпускаться только по нормам, установленным Наркомземом, и по ценам на 15% выше обычных. Дефицитными товарами кулацкие хозяйства вообще не снабжались[201].

Кулацким хозяйствам Беломорского побережья, занимавшимся рыбным промыслом, кроме уплаты сельскохозяйственного налога с процентной надбавкой или в индивидуальном порядке, приходилось платить увеличенные ставки билетного сбора за право производства рыбного промысла: для хозяйств, обложенных с процентной надбавкой, ставки повышались на 50%, для индивидуально обложенных хозяйств — на 75%. Помимо того, для этих категорий хозяйств устанавливались обязательные нормы сдачи рыбы Каррыбпромсоюзу. А РИКам было разрешено изымать у этих хозяйств промысловые рыбацкие орудия, "находящиеся в умышленном неиспользовании"[202]. Всем хозяйствам, обложенным индивидуально, и части зажиточных хозяйств давались твердые задания по сдаче сельскохозяйственных продуктов, рыбы и лесозаготовкам. Удельный вес хозяйств, которым устанавливались твердые задания, определялся местными органами.

С июля 1930 г. Карельским обкомом термин "зажиточные" был объявлен выгодным только для правых оппортунистов и левых перегибщиков. Хозяйства, которые раньше определялись термином "зажиточные", перешли в разряд кулацких.

Чтобы ни одно обложенное в индивидуальном порядке и имеющее твердые задания хозяйство не ускользнуло от полной уплаты всех причитающихся платежей и выполнения наложенных повинностей, СНК и ЦИК КАССР, на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., обязали Петрозаводский горсовет все РИКи и сельсоветы лицам, занимающимся сельским хозяйством и переезжающим на новое место жительства, выдавать справки с указанием в них: а) числятся ли за данным лицом и его хозяйством недоимки, какие и в какой сумме, б) к какой социальной группе отнесено данное хозяйство, а также требовать такие справки от всех переселяющихся на их территорию граждан. Финорганы на основании этих справок должны были взыскать все недоимки[203]. Таким образом, налоговая, экономическая и административная политика на рубеже 20—30–х гг. была подчинена политике жесткого ограничения и вытеснения зажиточных слоев деревни и экспроприации кулацких хозяйств.

Переход от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса был провозглашен И.В. Сталиным в выступлении на Всесоюзной конференции аграрников марксистов в конце декабря 1929 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" от 5 января 1930 г. эта новая политика закреплялась в партийном порядке. 1 февраля 1930 г. политика ликвидации кулачества как класса была законодательно оформлена постановлением ЦИК и СНК СССР "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством", которое официально предоставляло право краевым, областным исполнительным комитетам и правительствам автономных республик "применять в районах сплошной коллективизации все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев".

Однако основным документом, который определял порядок раскулачивания, явилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации" и разработанная на его основе Инструкция ЦИК и СНК СССР "О мероприятиях по проведению раскулачивания" от 4 февраля 1930 г. Согласно этим документам в районах сплошной коллективизации отменялось действие закона об аренде и применении наемного труда. У кулаков конфисковывались средства производства, хозяйственные и жилые постройки, предприятия, кормовые и семенные запасы, наличные деньги. Устанавливались контрольные цифры по раскулачиванию — 3—5% всех крестьянских хозяйств. Кулакам оставлялись "лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые простейшие средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов, а также деньги до 500 руб. на семью, необходимые для переезда и устройства на новом месте".

Средства производства и имущество, конфискуемое у кулаков, подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов батраков и бедняков, за исключением той части, которая шла в погашение причитающихся с кулаков долгов государству и кооперации. Конфискованные жилые постройки могли использоваться на общественные нужды сельсоветов или для общежития вступающих в колхозы батраков, не имеющих собственного жилья. Паи и вклады кулаков в кооперативных объединениях передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а владельцы исключались из всех видов кооперации. Конфискации подлежали также и вклады в сберегательные кассы. Выдача вкладов кулакам в районах сплошной коллективизации прекращалась.

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли еще одно постановление о повсеместном (а не только для районов сплошной коллективизации) запрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими своего имущества под угрозой полной его конфискации.

8 февраля 1930 г. Карельский обком ВКП(б) принимает свое постановление о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. Напомним, что в Карелии на 10 февраля 1930 г. было коллективизировано всего 2% крестьянских хозяйств; хотя ряд районов и был отнесен к районам сплошной коллективизации, она там еще не начиналась. Начало проведения оперативной кампании по ликвидации кулацких хозяйств назначается на момент окончания лесозаготовок — апрель 1930 г. Конкретный план проведения кампании органы ОГПУ должны были представить в обком партии к 15 марта. ОГПУ рекомендовалось немедленно приступить к изъятию наиболее активных "контрреволюционных кулацких элементов". В особом постановлении Каробком просил ЦК ВКП(б), "учитывая особое политическое положение Карельской национальной республики, граничащей с Финляндией, а также незначительность коренного населения в Карелии (плотность — 2) и наличие значительного числа антисоветских и преступных элементов на территории Карелии (УСЛОН, колония заключенных)", исключить Карелию из числа районов, куда подлежат выселению кулаки[204].

20 февраля 1930 г. ЦИК и СНК КАССР приняли постановление "О мерах борьбы с хищническим убоем и распродажей скота". Продажа скота без соответствующего разрешения преследовалась в административном порядке. К лицам, нарушающим данное постановление, могли применяться меры "экономического и общественного воздействия": лишение права получения дефицитных товаров в кооперации, общественное порицание и т. п.

5 марта 1930 г. ЦИК и СНК КАССР приняли постановление "О колхозном строительстве и ликвидации кулачества как класса в республике". Кроме объявления 14 районов Карелии районами сплошной коллективизации, в постановлении отмечалось, что укрепление производственной базы колхозного строительства должно производиться за счет средств самого населения, вступающего в колхозы, а также за счет конфискованных средств производства кулацких хозяйств. Далее в постановлении излагались основные положения постановления ЦК ВКП(б) от 30 января и Карельского обкома от 8 февраля 1930 г. Однако в отличие от документов общесоюзных органов в постановлении ЦИК и СНК Карельской АССР устанавливались две категории кулацких хозяйств: а) кулацкий актив, наиболее богатые кулаки, которые выселялись из пределов республики в отдаленные места СССР; б) все остальные кулаки, не вошедшие в первую группу; они расселялись в пределах Карелии, но "на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках". Не подлежали выселению и раскулачиванию семьи бывших красных партизан, участников гражданской войны, "имеющих ранения или другие боевые заслуги", а также семьи красноармейцев и командного состава Красной армии.

Кроме того, в документе устанавливался и район ссылки для кулаков и их семей— восточная часть Пудожского района — и указывалось, что в отдельных случаях возможно расселение раскулаченных в пределах своего района, но для этого необходимо особое решение РИКа, утвержденное КарЦИКом; в пограничных районах все кулацкие хозяйства подлежали выселению. Для объединения всех мероприятий по ликвидации кулачества предлагалось немедленно создать в районах тройки в составе председателя РИКа, секретаря райкома ВКП(б) и уполномоченного ГПУ, которые должны составить списки кулаков, подлежащих выселению и расселению. Наркоматы земледелия и внутренних дел КАССР не позднее 20 марта должны были представить план расселения и организации спецпоселков. В целях предупреждения свободного переселения кулаков, а также их ухода в Финляндию, РИКам предлагалось не допускать свободного переселения, а ГПУ — усилить охрану границ. Наркомзему и Мурманской железной дороге предложено "совершенно прекратить доступ в КАССР кулакам из других местностей СССР в порядке добровольного переселения".

28 марта 1930 г. на заседании бюро фракции ВКП(б) ЦИК КАССР была организована республиканская комиссия по переселению кулаков в составе: Гюллинг Э.А. (председатель СНК КАССР), Ипатов В.М. (прокурор КАССР), Марков (уполномоченный от НКФ КАССР), Иванченко А.А. (начальник ГПУ КАССР), Хейнолайнен (заместитель наркома внутренних дел). На заседании был одобрен план по переселению кулаков[205].

Земля для поселенцев должна была выделяться необжитая, по норме от 2 до 4 га на одно хозяйство (с учетом луговой). Для работ на новом месте переселенцам разрешалось оставлять 2 топора, 1 пилу, кирку–мотыгу, 2 лопаты на одно хозяйство; одну лошадь, один плуг, 1 борону, 1 телегу, 1 комплект сбруи — на четыре хозяйства; запас продовольствия — на 2 месяца. Общий вес груза (исключая орудия производства) не должен был превышать 6 пудов на едока. Рыбацким хозяйствам, выселяемым на Ведлозеро, сверх того оставлялось по две мережи на хозяйство и по одному неводу на 6 хозяйств. Строительство поселков возлагалось на самих переселенцев. В районах, намеченных к сплошной коллективизации, стали создаваться тройки по ликвидации кулачества. К началу апреля такие тройки организовались практически во всех районах.

2 апреля 1930 г. состоялось первое заседание республиканской комиссии по переселению кулаков, на котором было предложено районным тройкам до 25 апреля со-

ставить поименные списки подлежащих раскулачиванию и представить их в комиссию, до утверждения списков центральной комиссией экспроприации кулацких хозяйств не проводить, но строго следить, чтобы кулацкое имущество не растранжиривалось. Комиссия одобрила план переселения кулаков.

Всего в январе—апреле 1930 г. ОГПУ арестовало 241 кулака. Было раскулачено (частично или полностью) около 150 хозяйств, главным образом мерами налогового обложения. Однако после опубликования статьи Сталина "Головокружение от успехов", переработанного Примерного устава сельхозартели, последовавшего за ними постановления ЦК ВКП(б) "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении", а также письма ЦК ВКП(б) "О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии" районные организации приняли решение о приостановлении раскулачивания. 15 апреля решение о раскулачивании отменяет пудожская районная тройка. "Принимая во внимание, — говорилось в ее постановлении, — мизерный процент коллективизированных хозяйств в деревне (как максимум 20%), что признать массовой коллективизацией фактически нельзя, а равно имея в виду указания партийной прессы, говорящей о том, что раскулачивание в районах с небольшим процентом коллективизации является грубейшим извращением партийной линии... решение тройки от 12 апреля отменить". 16 мая отказалась от составления списков ухтинская тройка. В Заонежском районе первоначально намечалось раскулачить 100 хозяйств, но в итоговом списке, отправленном в КарЦИК, осталось всего 11 хозяйств. В Петровском районе лишь в двух деревнях, где прошла сплошная коллективизация, раскулачивали 3 хозяйства. 20 июня 1930 г. центральная комиссия по переселению кулаков приняла решение: мероприятия по подготовке к оборудованию спецпоселков приостановить, вопрос о месте выселения оставить открытым, перенести внимание на административное раскулачивание путем переобложения налогами и наложения штрафов. Нового учета кулацкого имущества предлагалось не проводить[206]. Таким образом, дальнейшая работа по раскулачиванию была временно приостановлена и возобновилась в 1931 г.

Весной 1931 г. по всей стране начался второй этап раскулачивания и выселения кулацких хозяйств. Новая волна репрессий захватила и Карелию. В феврале—марте 1931 г., как и в 1930 г., органы ОГПУ КАССР провели изъятие "кулацкого и антисоветского элемента из деревни". Арестовывали глав кулацких семей. Некоторых из них за "контрреволюционную агитацию" заключали в концлагерь. Так, по постановлению тройки полномочного представительства Ленинградского военного округа в феврале—марте в концлагерь заключили Макарова Ф.А. (на 5 лет), Алекина С.М. (на 10 лет), Мельникова И.Е. (на 10 лет), Михеева П.И. (на 5 лет), Нефедова Ф.И. (на 3 года), Ананьева П.В. (на 3 года), а Королькова А.Е. выслали в Западно-сибирский край на 3 года[207]. В Олонецком районе в ходе операции арестовали не менее 19 человек, в Ребольском районе — не менее 10 человек, в Петровском районе — 8 человек. Всего по Карелии арестовали не менее 90 человек, из них сослали за пределы Карелии около 20 человек, расстреляли — 7 человек. Кампания по "изъятию кулацкого элемента" прошла в рамках подготовки к массовому выселению кулацких хозяйств из карельской деревни.

7 мая 1931 г. Карельский обком партии принял постановление "О наступлении на капиталистические элементы и дальнейших задачах коллективизации", которым определил сроки завершения коллективизации и ликвидации кулачества. В постановлении отмечалось, что в ряде районов наблюдается примиренческое отношение к кулаку со стороны сельсоветов и риков, вследствие чего кулацкие хозяйства выявлены не полностью.

В июне по постановлению Президиума ЦИК КАССР воссоздается республиканская комиссия по переселению кулачества. 15 июня 1931 г. состоялось ее первое заседание, на котором всем рикам предложили вновь создать тройки по раскулачиванию. На тройки возлагалось проведение всех подготовительных мероприятий и практической работы по раскулачиванию и переселению. Представителю ОГПУ Липовскому комиссия поручила представлять спецсводки о политических настроениях в деревне, в которых фиксировались бы разговоры, слухи, высказывания граждан и представителей власти, их поступки в связи с коллективизацией и ликвидацией кулачества[208].

В конце июня — начале июля районные тройки начали свою работу: 24 июня провела свое первое заседание олонецкая тройка, 1 июля — кандалакшская, 2 июля приступила к работе кемская тройка, 15 июля — ребольская, 18 июля — петровская, лоухская и др. Первоначальные списки, составленные тройками, были очень обширны, и в большинстве случаев кулаков предлагалось выселять по первой категории — за пределы Карелии, хотя при анализе кулацких хозяйств видно, что под категорию "контрреволюционный кулацкий актив, организаторы террора и восстаний" они не подходили. По 13 районам тройки наметили выселить 564 хозяйства, что на 133 больше, чем предполагалось выселить по предварительным данным ОГПУ. Особенно "постаралась" олонецкая тройка: в свои списки она внесла 168 хозяйств.

5 июля 1931 г. состоялось третье заседание республиканской комиссии по переселению кулаков. На нем было решено считать Петровский район районом сплошной коллективизации, хотя процент коллективизированных хозяйств здесь не превышал 60%. Затем показатели, необходимые для отнесения того или иного района к числу районов сплошной коллективизации, постоянно снижались. Вскоре целый ряд сельсоветов (Большегорский, Пульчельский, Видлицкий и некоторые другие) также были объявлены сельсоветами сплошной коллективизации, хотя процент коллективизированных хозяйств в них составлял от 30 до 60%. Во всех случаях для обоснования этого решения использовалась формулировка: "учитывая пограничность и продолжающийся прилив в колхозы"[209].

16 июля 1931 г. местом для переселения кулаков из рыбацких и сельскохозяйственных районов определили остров Гольцы (Пудожский район). Этот остров расположен на Онежском озере в 7 км от устья реки Водлы; остров небольшой — около полутора километров в длину и полкилометра в ширину. В тот же день республиканская комиссия утвердила "Инструкцию районным тройкам о проведении выселения кулаков и конфискации их имущества" и "Инструкцию районным тройкам по проведению учета имущества кулацких хозяйств".

С середины июля Пудожский райком партии, районная тройка по выселению кулаков совместно с ОГПУ и Карелгранитом приступили к организации места для спецпоселка на острове Гольцы. Там предполагалось разместить до 1000 человек. Необходимо было срочно начать постройку бараков, школы, больницы и т. п. В ходе подготовки к акции по переселению выяснилось, что остров не сможет принять всех выселяемых кулаков. Тогда республиканская комиссия решила организовать еще одно спецпоселение на разработках Карелгранита рядом с рудником Кашина Гора (около села Семеново Пудожского района). Определили, что 200 семей будут размещены на острове Гольцы, а остальные на Кашиной Горе[210].

В августе республиканская комиссия обратилась в ОК ВКП(б) с просьбой разрешить практическое проведение ликвидации кулачества, не считаясь с процентом коллективизации, уже не в отдельных пограничных сельсоветах, а во всех пограничных

районах республики. 8 августа Карельский обком принял соответствующее решение, основываясь на постановлении ЦК ВКП(б) от 2 августа. В постановлении ЦК ВКП(б) "О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов" разъяснялось, что коллективизация может считаться законченной в основном, если в колхозы вошли 68—70% крестьянских хозяйств с охватом 75—80% посевных площадей. В первом пункте постановления Карельского обкома "О темпах коллективизации, задачах по укреплению колхозов и мероприятиях по ликвидации кулачества как класса" эти цифры повторялись. Однако, вторым пунктом ОК ВКП(б) утвердил решение республиканской комиссии о ликвидации кулачества во всех пограничных районах: "Учитывая пограничность ряда районов Карелии, активизацию кулачества в них, попытки просачивания в Финляндию и смыкания с финскими фашистами, а также наличие коллективизации не менее, чем 40% в пограничной зоне, согласиться с постановлением республиканской комиссии о проведении ликвидации кулака как класса в кратчайший срок во всех пограничных районах, а именно: Олонецкий, достигший коллективизации на 1 августа 40% крестьянских хозяйств, Ребольский — 69%, Ухтинский — 35,2%, Тунгудский — 40,4%, Кестеньгский — 44,5%, Ругозерский — 52,8%, Петровский — 62,5%, Пряжинский — 30,7%". Из этого списка видно, что два района не достигли даже минимума, установленного обкомом в 40%, и тем не менее там решили проводить раскулачивание. Постановлением предписывалось провести ликвидацию кулачества и в Поморских районах. Таким образом, выселение кулацких хозяйств должно было проводиться в 12 районах Карелии[211].

Начало операции намечалось на 5 сентября. Во все 12 районов разъехались представители республиканской комиссии для непосредственного руководства этой акцией. Комиссия дала установку проводить собрания колхозников и единоличников по вопросу ликвидации кулачества только в тех сельсоветах, где есть такая возможность. В пограничных сельсоветах и в деревнях, где ожидались "защитные постановления", собраний рекомендовалось не проводить.

Акция по выселению кулачества прошла во всех районах одновременно с 5 по 8 сентября, достаточно быстро и организованно. Выселение, по сообщениям райтроек, прошло достаточно спокойно — не было сопротивления ни со стороны кулацких хозяйств, ни со стороны их односельчан. Однако "радости" по поводу выселения, как описывалось в публицистике того времени, ни колхозники, ни единоличники не высказывали. В Пряжинском районе в Кунгозерском сельсовете чуть не дошло до драки с представителем райтройки из–за выселяемого Сумкина, которого соседи требовали оставить на месте; в д. Чарнаволок при выселении семьи Власова односельчане "без шапок устроили проводы Власову". По свидетельству представителей пряжинской райтройки, в Сыссойльском сельсовете состоялся молебен и проводы "со слезами". В Пряжинском районе колхозных и бедняцко–середняцких собраний по выселению не провели ни в одном сельсовете, лишь в нескольких прошли совещания партийно–комсомольского актива, и только после выселения райтройка решила начать проведение разъяснительной кампании. В Петровском районе, напротив, провели широкую агитационную кампании: на собраниях по выселению присутствовало 2335 человек (19,2% всего населения района). Тем не менее и здесь жалели стариков и детей, прятали, чтобы сохранить, вещи кулаков, женщины провожали выселяемых со слезами, были попытки избиения представителей райтроек жителями деревень. В Олонецком районе задавались вопросы, почему проходит раскулачивание, если в районе нет сплошной коллективизации, среди крестьян пошли разговоры: "Сейчас отправляют кулаков,

потом возьмутся за середняков и колхозников", во многих деревнях односельчане пришли провожать выселяемых[212].

В ходе операции были раскулачены и хозяйства, официально не подлежащие раскулачиванию, правда, часть из них возвратили обратно и вернули отобранное имущество. По Олонецкому району, например, из 83 прибывших на сборный пункт хозяйств 9 пришлось вернуть. Всего в ходе операции выселили 196 хозяйств: 119 на остров Гольцы, 73 — в спецпоселок Кашина Гора и 4 семьи из Семеновского сельсовета (Пудожский район) — в Мурманскую область (Апатиты). Всего в сентябре 1931 г. выселили 55,2% учтенных кулацких хозяйств. Распределялись семьи по спецпоселкам по следующему принципу: в спецпоселок острова Гольцы направлялись семьи, имеющие большое количество трудоспособных, а в Кашину Гору — семьи, имеющие в своем составе много детей и нетрудоспособных. В Кашину Гору спецпереселенцам Петровского, Пряжинского и Олонецкого районов разрешили перевезти 53 лошади и 59 коров. После проведения акций по раскулачиванию и переселению кулацких хозяйств выселение не прекратилось. До 1931 г. в спецпоселки на остров Гольцы и в Кашину Гору отправили еще 47 семей (77 чел.)[213]. Таким образом, всего в 1931 г. было выселено 243 семьи (1045 человек).

При подведении итогов выселения 1931 г. республиканская комиссия констатировала: "Кампания явилась стимулом значительного роста коллективизации". Об этом свидетельствуют данные по некоторым районам. Так, в Пряжинском районе уровень коллективизации за 20 дней сентября (с 1 по 20) поднялся с 50,4 до 72,2%, в Лоухском — с 54,7 до 72,4%, в Петровском — с 64,7 до 74,7% и т. д.

29 марта 1931 г. ЦИК и СНК СССР утвердили "Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г." На основе этого положения СНК КАССР 28 апреля 1931 г. принял постановление "О порядке проведения единого сельскохозяйственного налога на 1931 г. по Карельской АССР". На основании этих актов все кулацкие хозяйства должны были облагаться налогом в индивидуальном порядке. При определении доходов учитывались и облагались налогом доходы от всех источников сельского хозяйства и всех видов неземледельческих заработков, в том числе и тех, которые по другим единоличным хозяйствам не облагались (например, доходы от свиноводства, молодняка крупного рогатого скота и лошадей, птицеводства, охоты и т. д.). Налоговая политика тех лет преследовала не только ливидацию кулацких хозяйств, но и ликвидацию единоличных хозяйств вообще. Кроме сельскохозяйственного налога единоличник вынужден был уплачивать много других платежей (самообложение, единовременные сборы, всевозможные займы и т. п.), которые начислялись, исходя из суммы сельскохозяйственного налога и, в общей сложности, "съедали" более половины годового дохода (55,2—61,3%). Крестьянину приходилось платить еще страховые платежи, займы и другие сборы, которые значительно повышали сумму изъятия.

Все это вынуждало крестьян вступать в колхозы или сворачивать свое хозяйство. Но если у обычных единоличников был хоть какой–то выбор: можно было уйти работать в промышленность, вступить в колхоз или продолжать вести свое хозяйство в меньших размерах, то у кулацких хозяйств такого выбора не было. Они не могли вступить в колхоз, так как еще летом 1929 г. ЦК ВКП(б) дал директиву не принимать кулаков в колхозы, они не могли покинуть свое местожительство, а весь годовой доход у большинства кулацких хозяйств изымался в пользу государства.

В 1931 г., как и в 1930 г., власти активно прибегали к распродаже имущества с торгов в уплату за налоги. По Олонецкому району в 8 сельсоветах из 60 индивиду-

ально обложенных хозяйств деньгами выплатили налоги только 6; 41 хозяйство вынуждено было частично распродать имущество, у 13 имущество продали полностью. По Сорокскому району из общего количества кулацких хозяйств налогами раскулачили полностью 38%, частично 50%. В Заонежском районе за неуплату налогов распродали имущество у 31 хозяйства, причем у 22 полностью. В Кондопожском районе 34 семьи лишились имущества на сумму 64156 руб., 16 хозяйств из 34 раскулачены полностью. В Петрозаводском районе за первые три месяца 1931 г. было произведено 13 распродаж имущества кулаков. Всего по Карелии лишь около 25% дворов смогли рассчитаться с наложенными на них денежными повинностями. В 75% случаев для уплаты налогов пришлось прибегнуть к полной или частичной продаже имущества[214].

Всего за годы первой пятилетки под индивидуальное обложение в Карелии попали около 750 хозяйств (1,8% общего их числа). Большинство из них были раскулачены до уровня бедняцких хозяйств, у многих не осталось вообще ничего.

Как и в предыдущие годы, кулацкие и зажиточные хозяйства в 1931—1932 гг. должны были выполнять твердые задания по сдаче сельскохозяйственной продукции и лесозаготовкам. По решению СНК АКССР размер твердых заданий для кулацких хозяйств составлял не менее 2/3 их валовой продукции. Выполнить нормы полностью хозяйства не могли, у многих не оставалось продуктов даже на еду, не говоря уже о семенах. За невыполнение же заданий хозяйства штрафовались и для них увеличивались нормы сдачи продукции.

С 1931 г. появилась новая тенденция наложения твердых заданий не только на кулацкие и зажиточные хозяйства, но и на крестьян, вышедших или вычищенных из колхоза. В 1932 г. во время проведения "месячника ревзаконности" эти действия местных органов были осуждены прокуратурой Карелии. В своем отчете прокурор республики констатировал: "Массовые наложения твердых заданий по сельхозпродуктам и займу на середняцкие и в ряде случаев бедняцкие хозяйства и направление трудоспособных членов этих хозяйств в безоговорочном порядке на летние лесозаготовки создавали в массе очень нездоровые политические настроения"[215].

Снижение валовой продукции сельского хозяйства, уменьшение поголовья скота и падение урожайности, ставшие последствиями сплошной коллективизации, еще долго сказывались на положении в сельском хозяйстве республики.

С целью подъема показателей сельскохозяйственного производства, укрепления колхозов в 1933 г. создаются чрезвычайные партийные органы — политотделы МТС. Они не подчинялись районным комитетам партии, начальники политотделов назначались и смещались ЦК ВКП(б). В Карелии первый политотдел создается в июле 1933 г. при Олонецком МТС. Чуть позже создаются политотделы при Пудожской, Прионежской МТС, в 1934 г. — при Пряжинской, Шелтозерской и двух вновь организованных Заонежской и Петровской МТС. Фактически политотделы МТС взяли на себя функции сельских партийных и советских органов, в связи с чем на местах возникло двоецентрие (двоевластие), которое приводило к постоянным конфликтам между руководящими работниками. В ноябре 1934 г. политотделы МТС были преобразованы в обычные партийные органы и слиты с райкомами партии.

В годы второй пятилетки все силы в сельском хозяйстве направлялись в первую очередь на организационно–хозяйственное укрепление колхозов. Теперь уже в каждом районе имелись колхозы–передовики, показывавшие примеры высоких урожаев и надоев молока. Колхозники, как и промышленные рабочие, активно вовлекались в

Работники колхоза "Путь Октября". Яндомозеро, Заонежский район

соцсоревнование и ударничество. В феврале 1935 г. в Москве прошел Всесоюзный съезд колхозников ударников, в работе которого приняли участие колхозники Карелии. На съезде делегаты обсудили и приняли Примерный устав сельскохозяйственной артели.

Благодаря активной деятельности чрезвычайных, партийных и советских органов Карелии и после проведения очередной акции по выселению "кулацких хозяйств и антисоветского элемента" из пограничных районов Карелии процент коллективизации поднялся в 1935 г. до 83,6, а процент обобществления посевов составил 91,8%.

Коллективизация рыбацких хозяйств к этому времени была полностью завершена. Для обслуживания рыболовецких колхозов в 1933 г. на Онежском озере создается моторно–рыболовная станция. Рыбаки стали пользоваться услугами механизированного флота и более совершенными орудиями лова. Вследствие этого увеличился вылов рыбы в республике. В годы третьей пятилетки среди рыболовецких колхозов появились колхозы–миллионеры. В 1940 г. валовый доход колхоза "Заря Севера" достиг 1062 тыс. руб., колхоза "Беломор"— 1022 тыс. руб.

30 декабря 1935 г. принимается специальное постановление бюро Карельского обкома партии "Об организационно–хозяйственном укреплении колхозов в связи с решениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР". В сельское хозяйство Карелии были направлены 140 тракторов, 150 жаток–самоскидок, 30 корчевальных машин, 30 кустарниковых и болотных плугов и другие сложные сельскохозяйственные машины. Это был значительный вклад в механизацию сельскохозяйственного производства. В 1936 г.

Наркомзем Карелии закончил все землеустроительные работы по закреплению за колхозами земли в бесплатное навечное пользование. К 1 января 1937 г. 860 из 900 сельскохозяйственных колхозов получили соответствующие акты.

В 1936 г. впервые в Карелии работницы сельского хозяйства заведующая фермой Чёлмужского колхоза им. Сталина А. Ключарева, телятница сельхозартели "Заря" Кондопожского района О. Феофилова и телятница колхоза "Дружба" Олонецкого района А. Филиппова за успехи в развитии животноводства были награждены орденами Союза ССР.

К концу второй пятилетки в сельском хозяйстве была завершена сплошная коллективизация. В колхозы вступили более 93% крестьянских хозяйств, процент обобществления посевов составил 99% посевных площадей республики. Мощность тракторного парка МТС к концу пятилетки достигла 9 тыс. лошадиных сил. МТС обрабатывали 72% посевных площадей колхозов. Наметились некоторые изменения в структуре посевных площадей колхозов. Расширились посевы картофеля.

Однако, несмотря на отдельные успехи передовых колхозов и колхозников, в целом сельскохозяйственное производство не смогло достигнуть показателей конца 20–х гг. Ежегодно не выполнялись планы сева и уборки урожая. Крупным недостатком в развитии сельского хозяйства Карелии являлось серьезное отставание животноводства. Подавляющее число животноводческих ферм в колхозах были мелкими и нерентабельными, не имели соответствующих помещений и необходимой кормовой базы. Из кормовых культур колхозы сеяли только многолетние и однолетние травы. Низкой оставалась продуктивность скота. В 1937 г. средний удой на корову составил всего 521 кг. Сеноуборка велась преимущественно вручную. Участие МТС в сеноуборочных работах было незначительным, поэтому обобществленные луга часто оставались нескошенными. Подавляющее большинство колхозов оставалось маломощными и экономически слабыми. Урожаи основных культур были достаточно низкие, а за годы второй пятилетки еще уменьшились. Сортовые посевы по зерновым составляли всего 1,1%, по картофелю — 0,1%[216].

На третью пятилетку планы в сельском хозяйстве не изменились — по–прежнему главной задачей оставались подъем сельскохозяйственного производства и организационно–хозяйственное укрепление колхозов. Количество передовых колхозов из года в год увеличивалось. За достигнутые в 1937—1938 гг. устойчивые урожаи зерна и высокие надои молока 43 колхоза и 7 совхозов были утверждены участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, открывшейся в августе 1939 г. в Москве. Два совхоза и молочная ферма колхоза им. Папанина (Олонецкий район) получили дипломы 1 степени, шесть колхозов — дипломы 2 степени. 3 передовика сельского хозяйства Карелии были награждены Большой золотой медалью, 2 — Большой серебряной и 6 — Малой серебряной медалями. В 1940 г. число участников ВСХВ от Карелии увеличилось в 5 раз. Право на участие в выставке завоевали Тунгудский район, 79 колхозов, 11 совхозов, 6 молочно–товарных ферм, Олонецкая МТС и 456 новаторов. Многие из участников выставки были награждены дипломами и медалями.

Всего на 1 января 1940 г. в колхозах республики насчитывалось 959 ферм крупного рогатого скота, 698 свиноводческих и 359 овцеводческих ферм. 207 колхозов имели по три фермы. В республике работали 32 машинно–тракторные станции, которые насчитывали 500 тракторов, 61 комбайн, 114 сложных молотилок и другие сельскохозяйственные машины.

Однако, несмотря на высокие показатели передовых колхозов и совхозов Карелии, средние показатели по республике к 1941 г. были весьма невысоки. Потери уро-

жая зерновых составляли 1—1,5 ц на га (при урожайности 9—10 ц с га). Картофеля собирали 80—85 ц с га. Удой на фуражную корову составлял 678 л молока в год.

В целом сельское хозяйство Карелии к концу 30-х гг. стало возвращаться к показателям конца 20-х. Положение постепенно нормализовалось. Налаживалась организация труда в колхозах. Появилась новая техника, на базе которой можно было бы добиться высоких результатов. Но мирное развитие вновь было прервано. Теперь — Великой Отечественной войной.

6. КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ В 1920—1930-е гг.

Формирование интеллигенции

Основную массу специалистов, работавших в годы нэпа в республике, составляла дореволюционная интеллигенция. Советской власти удалось привлечь к сотрудничеству практически всех специалистов со средним и высшим образованием, трудившихся в крае до революции (за исключением высшего чиновничества). Их численность составляла примерно тысячу человек[217].

Некоторые из представителей интеллигенции имели опыт активной революционной деятельности. Участник революции 1905 г. доктор медицины В.М. Касогледов в 1920-е гг. работал врачом Пудожской уездной больницы, затем заведовал акушерско-гинекологическим отделением центральной больницы в Петрозаводске. Бывший учитель Петрозаводской гимназии В.М. Парфенов возглавил в 1918 г. исполком губернского Совета, затем — губернский комиссариат просвещения, в годы нэпа являлся заведующим промышленно-экономическим техникумом в Петрозаводске. Немалое число тех, кто в молодости ратовал за радикальное обновление политического устройства, с возрастом поняли, что надеяться на скорые перемены в человеческом общежитии не приходится. В добросовестном выполнении своих профессиональных обязанностей они видели свой гражданский долг перед Россией, находившейся в неслыханной разрухе после войны. "Я вступил в партию не ради выгоды. Я не стремился занимать высокие должности и пользоваться привилегиями, я всегда старался уйти с "постов", с одной стороны... С другой стороны, я отдавал все свои силы, время, здоровье — порученной мне работе," — писал в Карельский истпарт, отбиваясь от нападок в прессе в 1930-е гг., В.М. Парфенов[218].

Интеллигенция с уважением относилась к решительным усилиям властей, направленным на борьбу с экономической разрухой, на подъем образовательного и культурного уровня широких масс трудящихся. Немногочисленные инженерно-технические специалисты активно способствовали восстановлению местной промышленности. С большой самоотдачей работали на Онежском заводе инженеры С.М. Эрихман, назначенный директором завода, и М.М. Карнаухов. Самоотверженно лечили больных, организовывали медицинское обслуживание врачи бывшей больницы Олонецкого губернского земства М.Д. Иссерсон, С.Б. Хазен, И.А. Шиф, И.А. Шехман. В прошлом активный деятель Петрозаводской кадетской организации учитель В.А. Богданов писал в 1923 г. в автобиографии: "Свое отношение к советской власти я определяю так: указанную власть, безусловно, признаю, служу ей честно и преданно, считаю ее полезной и необходимой для родного мне народа и всячески содействую ее укреплению своими специальными знаниями и практическим умением"[219].

Непрерывный рост цен, задержки выплаты заработной платы тяжело отражались

на положении интеллигенции в первые годы нэпа. Особенно бедствовали учителя. Их заработная плата была значительно ниже прожиточного минимума, часть учительства вообще потеряла работу. В середине 1920–х гг. материальное положение культурных учреждений несколько окрепло, хотя уровень жизни большинства представителей интеллигенции оставался заметно ниже, чем до революции. Резко упал уровень жизни фельдшеров, учителей, библиотекарей и других сельских интеллигентов в годы первой пятилетки — в отличие от горожан они не получали продовольственных карточек.

В пополнении местной интеллигенции особую роль сыграли финны, прибывшие в Советскую Карелию из Финляндии и Америки. Немалая часть финских мигрантов выдвинулась в Карелии на руководящие должности и выполняла функции интеллигенции. Складывались благоприятные возможности для взаимодействия славянской и финно–угорской культур, что обогащало духовную жизнь народов Карелии.

Р. Я. Нюстрем

В 1921—1923 гг. заведовал отделом народного образования КТК А.Ф. Нуортева — в прошлом преподаватель средней школы, депутат Финляндского сейма, в 1918 г. полпред Финляндской республики в США, в 1920 г. член советской делегации на англо–советских переговорах. В 1924—1928 гг. он избирался председателем ЦИК КАССР. Опытный организатор, Нуортева сделал немало для становления профессиональной журналистики, развития просвещения в республике. В Карелии раскрылся многогранный талант рабочего Р. Нюстрема (Р. Руско), активного участника революции в Финляндии. В СССР, по его собственному признанию, он впервые "по–настоящему получил возможность учиться". Автор стихов, повестей, пьес, драматических поэм, искусствоведческих исследований, Р. Нюстрем создал профессиональный театр, которым гордилась Карелия. Трагично сложилась судьба финской интеллигенции в 1930–е гг.: многие были оклеветаны, отлучены от любимого дела, брошены в лагеря, расстреляны. Культура Карелии понесла огромный урон.

В условиях острой нехватки интеллигенции и квалифицированных управленцев в Карелии стремительными темпами формировалась система средних специальных учебных заведений. Уже в 1920–е гг. работали русский и финский педагогические, промышленно–экономический и лесной техникумы. В годы первых пятилеток открылись железнодорожный, автодорожный, индустриальный и другие техникумы. В 1939 г. их насчитывалось 15. К 1934/35 учебному году было завершено строительство зданий железнодорожного, автодорожного, лесного, медицинского, кооперативного техникумов с хорошо оборудованными кабинетами и лабораториями. Однако ряд средних специальных учебных заведений работал в тяжелых материальных условиях — не хватало помещений, оборудования, учебных пособий.

К началу первой пятилетки в Карелии не было ни одного высшего учебного заведения. С 1921—1923 гг. для нее открылась возможность подготовки кадров в вузах Петрограда, куда молодые люди направлялись по путевкам учреждений и организаций. Из местного бюджета ежегодно выделялось от 20 до 50 стипендий для студентов

тех специальностей, в которых особенно нуждалась Карелия: инженеров, агрономов, экономистов, лесоустроителей, врачей, учителей. Студенты, получавшие стипендию, были обязаны вернуться на работу в Карелию[220].

В 1921 г. в Петрограде было создано Карельское студенческое землячество, имевшее свой устав и правление. По просьбе исполкома КТК Петроградский горисполком предоставил Карельскому землячеству две квартиры на Литейном проспекте и огромную 20–комнатную квартиру на Кирочной улице. Каждый год осенью из Петрозаводска прибывала баржа с дровами, выделенными карельским правительством для студенческого общежития. Исполком КТК выделял деньги на ремонт общежития, помог организовать в нем дешевую студенческую столовую. Завтраков и ужинов в столовой не было и на обед давали главным образом один суп, но многим студентам столовая помогла продержаться в трудное время, не бросить учебу.

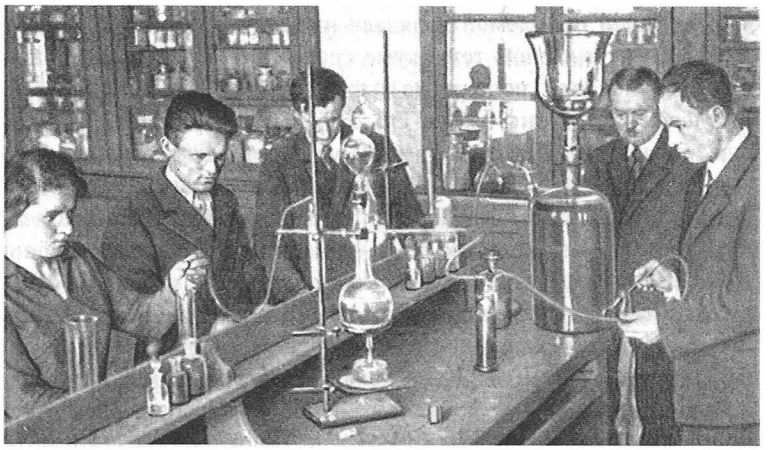
Первые выпуски специалистов, закончивших полные курсы вузов, Карелия стала получать с 1924 г. В 1926 г. после окончания Ленинградской консерватории начал работу в оркестре петрозаводского театра Р.С. Пергамент. Закончив Ленинградский институт медицинских знаний, в 1927 г. приступил к работе в Олонецкой больнице хирург П.В. Студитов. В числе специалистов высшей квалификации, завершивших образование в эти годы, были известные впоследствии карельские ученые Г.Е. Власьев, А.В. Иванов, П.А. Лупанов, В.И. Машезерский, А.Н. Малявкин и другие[221].

Ускорить темпы подготовки специалистов высшей квалификации могло создание собственных вузов в Карелии. В 1931/32 г. в Петрозаводске открылся лесной и сельскохозяйственный институты, однако в связи с тем, что необходимыми материальными ресурсами их обеспечить не удалось, осенью 1933 г. оба института были переведены в Ленинград, где на их базе создали карельские национальные отделения при лесотехнической академии и сельскохозяйственном институте.

В начале 1930–х гг. Карелии требовалось более 800 учителей повышенных школ, а в наличии имелось лишь немногим более 200. 24 августа 1931 г. СНК КАССР принял постановление "Об организации Карельского педагогического института", который торжественно открылся в дни Октябрьских праздников. На окраине Петрозаводска в конце Вытегорского шоссе был построен "вузовский городок": несколько холодных и сырых дощатых двухэтажных домов, в которых находились комнаты для занятий и для жилья студентов. К весне 1937 г. на проспекте Ленина появилось четырехэтажное здание учебного корпуса, в строительстве которого участвовали и сами студенты. Был построен так называемый "дом профессоров" — жилой дом для преподавателей института. Во время советско–финской войны помещение института было занято под госпиталь, но и в этих трудных условиях занятия не прекращались.

Осенью 1931 г. в институте работало только одно отделение — физико–техническое. Через год открылся прием на биологическое, в 1933 г. — на историческое и филологическое отделения. Начало работать заочное отделение. Пединституту был передан рабфак, действовавший в Петрозаводске с 1929 г. В 1934/35 г. при Карельском пединституте открылся двухгодичный учительский институт, готовивший учителей истории, русского языка и литературы для семилетних школ.

Преобразование автономной Карелии в союзную республику позволило решить вопрос о создании в Петрозаводске университета. 10 июля 1940 г. СНК СССР принял постановление "Об открытии Карело–Финского государственного университета". Он создавался на базе Карельского государственного педагогического института и включал четыре факультета: историко–филологический, физико–математический, биологический и геолого–гидрогеографический. Осенью 1940 г. приступили к работе 17



В химической лаборатории пединститута. 1938 г.

кафедр, на которых работали 62 преподавателя, в том числе 5 докторов и 32 кандидата наук. На первый курс было зачислено 417 юношей и девушек[222]. Однако в 1941 г. многим из них пришлось сменить университетские аудитории на фронтовые окопы.

Если в течение первого десятилетия советской власти Карелия получила всего 200 специалистов с высшим и средним специальным образованием, то в 1928—1940 гг. в вузах и техникумах было подготовлено для республики не менее 8—9 тыс. человек. Из них примерно 6 тыс. выпускников окончили местные техникумы, 610 специалистов — местный педагогический институт, остальные прошли курс обучения в вузах и техникумах РСФСР.

В комплектовании высших и средних специальных учебных заведений прочно утвердился принцип классового отбора. Детям предпринимателей, торговцев, зажиточных крестьян, духовенства и других "бывших" доступ в техникумы и вузы был существенно ограничен. К началу первой пятилетки рабочие и крестьяне составляли 41% общей численности молодежи, посланной республикой на учебу в вузы Ленинграда и Москвы. В 1927 г. в техникумах Карелии 40% учащихся составляли крестьяне, 15% — рабочие. В годы первых пятилеток их удельный вес еще более вырос: на 1 января 1938 г. в техникумах Карелии 55% учащихся составляли выходцы из крестьян, 25% — из рабочих. Основным путем пролетаризации студенчества стали рабфаки. При поступлении на рабфак требовалось лишь умение бегло читать, писать и знание четырех действий арифметики с целыми числами.

Особое внимание уделялось созданию национальной интеллигенции. В период нэпа карелы и финны составляли 20% среди посланных на учебу в вузы. В начале 1930-х гг. СНК КАССР установил специальные квоты: представители карельской, финской, вепсской национальностей должны были составлять не менее 50—60% общего числа принимаемых на учебу. Фактически студентов финно-угорских национальностей было более 40% общей численности студентов в учебных заведениях Карелии, 30% — вне Карелии. Прежде всего на националов ориентировались подготовительные курсы и отделения. В 1930-е гг. 50—68% рабфаковцев в Карелии являлись карелами, финнами, вепсами[223]. При приеме карельской и вепсской молодежи в техникумы несколько понижались требования к уровню образовательной подготовки абитуриентов.

Впервые в истории России для рабочих и крестьян открылись столь широкие возможности для получения высшего и среднего специального образования. При этом

серьезнейшей проблемой являлась низкая начальная подготовка поступавших учиться. В 1926 г. в лесном техникуме среди первокурсников лишь 18% студентов занимались без "неудов", положение выравнивалось только к третьему курсу, когда успешно сдавали экзамены около 2/3 студентов. Пришлось создавать подготовительные отделения для учащихся с низким уровнем подготовки.

Осенью 1931 г. к занятиям в пединституте приступили 48 студентов, до диплома из них дошла половина. Первые студенты набирались без вступительных экзаменов по разверстке Наркомпроса — 2—3 человека от каждого района республики, 3/4 принятых были коммунистами и комсомольцами. С середины 1930–х гг. вводились вступительные экзамены, однако сдать их могли далеко не все абитуриенты. В 1935 г. 45% новых студентов были зачислены с неудовлетворительными оценками на вступительных экзаменах. В 1936/37 г. с целью проверки грамотности на всех факультетах проводились контрольные диктанты — положительную оценку смогли получить только немногим более половины студентов. План приема студентов впервые удалось выполнить только в 1938 г.

Постепенно удается повысить уровень знаний выпускников высших и средних учебных заведений: вводятся экзамены и зачеты, защита дипломных проектов, появляются стабильные учебные планы и программы. Однако студенты 1930–х гг. по глубине знаний, общему кругозору существенно уступали своим собратьям предреволюционной эпохи.

Многое зависело от квалификации преподавателей. В 1920–е гг. преподавательский состав техникумов состоял из дореволюционных учителей. В русском педтехникуме работали опытные преподаватели, имевшие высшее образование: филолог А.Г. Бонч–Осмоловская, математик А.В. Чудинова, физик Г.К. Борисов. Обществоведение, политэкономию и исторический материализм преподавал Н.Г. Кучепатов, педологию и педагогику — Ф.И. Прохоров. Студентов финского педтехникума обучали имевшие университетское образование В. Такала, Л. Летонмяки, У. Туурала, выпускники учительской семинарии Х. Раутио, Х. Пулкинен, У. Руханен и др. В лесном техникуме словесность преподавал В.А. Богданов, естественные дисциплины — М.Г. Осмоловская, П.И. Орфинский и др. Преподавательский состав отличался стабильностью и высоким уровнем профессиональных знаний.

В годы первых пятилеток в составе преподавателей техникумов произошли большие изменения. Прежде всего выросла их численность — если в 1928 г. в техникумах работало 28, то в 1937 г. — 319 преподавателей. Специальные дисциплины читали инженеры и техники, общественные науки — партийные и советские работники. В 1937 г. совместители среди преподавателей техникумов составляли 62%. Массовое совместительство позволило обеспечить учебные заведения преподавателями, в то же время оно вело к снижению качества обучения, нарушало ритм учебного процесса.

Совместителями являлось также значительное число преподавателей педагогического института. Большую помощь ему оказали вузы Ленинграда и прежде всего Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Так, для чтения лекций по физическим наукам систематически приезжали в Петрозаводск профессора Н.И. Добронравов, П.П. Мачинский. Постепенно среди лекторов росла доля аспирантов, выпускников столичных вузов, прибывших на постоянную преподавательскую работу в Петрозаводск. Первые лекционные курсы педагогики в институте были разработаны его ректором И.А. Вихко, химии — П.А. Лупановым, физики — Л.Ю. Педдером, высшей математики — А.А. Райкерусом. Лекции о социально–экономическом развитии Карелии читал студентам глава правительства Э.А Гюллинг. На 1 января

1937 г. преподавательскую работу в вузе вели 40 человек, в том числе 2 профессора и 22 доцента. В 1936—1941 гг. защитили кандидатские диссертации преподаватели института М.Я. Марвин, Е.С. Гардин, Е.А. Васильев, А.Д. Ратнер. В 1938 г. открылась аспирантура при кафедре математики.

Высшие учебные заведения в России традиционно являлись рассадниками свободомыслия, поэтому НКВД тщательно следил за политическими настроениями преподавателей и студентов молодого вуза. Под жесточайшим идеологическим контролем находилась работа преподавателей общественных наук. Нередко причиной исключения из института являлось сокрытие "сомнительного" социального происхождения. В 1935 г. стали исключаться из состава студентов и преподавателей приехавшие из–за границы финны. Кампания по "очищению от враждебных, националистических и не внушающих политического доверия элементов" набирала силу. Только осенью 1937 г. было снято с работы 19 преподавателей и сотрудников института, многие из них вскоре арестованы. 16 студентов в это время были "изъяты органами НКВД"[224]. Предполагалось, что пединститут будет ориентироваться прежде всего на подготовку национальных кадров учителей для Карелии, Тверской Карелии и Ингерманландии. В первой половине 1930–х гг. преподавание в вузе велось на двух языках — русском и финском. Затем началось "изгнание финнизма".

Поскольку подготовить в средних и высших учебных заведениях значительное число выпускников за короткое время было трудно, заметную роль среди специалистов играли выдвиженцы из рабочих и крестьян, не имевшие должного уровня образования и профессиональной квалификации, но зато, с точки зрения властей, более политически надежные, нежели "буржуазные спецы". Массовое выдвиженчество способствовало формированию официального идеала "советского интеллигента" как добросовестного исполнителя воли государства. Высшей ценностью для части "новой интеллигенции" становились высокие должности и административные посты. Часть молодежи оказалась восприимчива к высокомерному, нигилистическому отношению к образованным слоям общества, само слово "интеллигент" подчас использовалось с иронией. Сталинский режим опасался тех, кто ценил независимость суждений, не склонен был жить в разладе с совестью и убеждениями.

Во второй половине 1920–х — в 1930–е гг. в Карелии находилось немало людей, чьи имена составили гордость российской культуры XX в. Однако жители республики не видели их имен на обложках книг, не могли встретиться с ними в студенческих аудиториях. Власти не жалели сил на то, чтобы приобщить к основам культуры малограмотные низы, и в то же самое время обрекали на непосильный труд на стройках и лесозаготовках представителей интеллектуальной элиты. В Кеми и Медвежьегорске отбывали лагерный срок выдающиеся философы А.Ф. Лосев, А.А. Мейер, П.В. Флоренский, историк Н.П. Анциферов и много других российских интеллигентов[225]. О заметной доле интеллигенции среди спецпоселенцев и заключенных БББК свидетельствует факт быстрого создания на его территории десятков клубов, библиотек и даже собственного театра.

Общеобразовательная школа

Основная часть бюджетных средств, выделенных для развития культуры, направлялась на школьное образование. С 1922 по 1937 г. количество школ в Карелии увеличилось более чем в полтора раза — с 325 до 515. В 1920–е гг. подавляющее большин-

ство школ были начальными с трехлетним сроком обучения. В карельских местностях время учебы в начальной школе удлинялось на один год. Школы второй ступени предусматривали 7 лет обучения. В первой половине 1920–х гг. такие школы работали в Петрозаводске, Олонце, Повенце, Пудоже, Кеми, Сороке, Суне, Шуньге и Угмойле. Единственной средней школой в республике была девятилетняя школа в Петрозаводске. Она готовила молодежь к поступлению в вузы. С 1923/24 г. прием в нее проводился на основе жесткого классового отбора и успеваемости. Преимущества имели дети рабочих и крестьян–бедняков.

В годы нэпа в стране была установлена плата за школьное обучение. В Карелии платное обучение вводилось только в городах и поселках городского типа. За учебу детей должны были платить предприниматели, торговцы, интеллигенция, кустари и ремесленники, а также рабочие и служащие, чей заработок составлял более 75 руб. в месяц.

В конце нэпа в школах Карелии обучалось 89% детей школьного возраста в городах и 79% — в сельской местности. VIII Всекарельский съезд Советов поставил задачу введения всеобуча для детей 8—12 лет к 1936/37 г. Однако летом 1930 г. ЦК ВКП(б), а затем ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О всеобщем обязательном начальном обучении", в котором намечалось ввести обязательное начальное обучение всех детей в возрасте 8—10 лет уже с 1930/31 г., а через год в городах и рабочих поселках перейти к семилетнему обучению детей, окончивших в том году начальную школу.

Чтобы выполнить решение центра в республике требовалось открыть значительное число новых школ, создать интернаты, найти дополнительно около 300 учителей, обеспечить более 20 тыс. нуждавшихся школьников одеждой, обувью, питанием. С августа 1930 г. развернулась напряженная работа по введению всеобуча для детей 8—10 лет. На местах проводился учет детей, подлежащих вовлечению в школы, велась агитация среди родителей. При всех советах были созданы комиссии содействия всеобучу. По примеру других областей страны комсомольская организация Карелии объявила себя шефом всеобуча. Карельский обком профсоюзов, кооперативные организации оказали всеобучу существенную материальную поддержку. Не редкостью были и добровольные пожертвования граждан. На эти средства открывались новые школы, закупались учебники, организовывались горячие завтраки. Из 30 тыс. учеников 21 тыс. получала бесплатное питание в школах. В результате принятых мер на 1 января 1931 г. в Карелии было охвачено учебой уже 97% всех детей 8—10 лет. С 1931/32 учебного года началась работа по постепенному переходу к семилетнему образованию. Накануне Великой Отечественной войны в городах и рабочих поселках Карелии семилетнее образование стало всеобщим. 92% учеников сельских школ, окончивших начальные классы, продолжали учебу в семилетней школе. В 1940 г. в республике существовало 58 средних школ.

Особенно большой скачок в деле школьного образования был сделан в деревнях. Именно там проживало большинство детей. Бедой сельских школ был высокий отсев учеников. В 1920–е гг. из каждых 100 детей, поступивших в первую группу, кончал начальную школу лишь 31 человек. Большинство деревенских ребят учились в школе не более двух лет. Специальные помещения для занятий имела примерно четверть всех школ, остальные работали в крестьянских избах. Серьезной проблемой была нехватка общежитий при школах для детей, приехавших на учебу из отдаленных деревень. Чаще всего дети квартировали у крестьян той деревни, где находилась школа.

Большую роль в обеспечении доступа к образованию сельской молодежи сыграло распространение интернатов, интенсивное школьное строительство на селе, особен-

но в районах с карельским населением. В результате по охвату детей семилетней и средней школой ряд малонаселенных карельских районов стал значительно опережать русские. В 1937 г. наивысший процент охвата детей средней школой был в Калевальском районе (33%), наибольшие показатели охвата детей семилетним обучением отмечены в Ведлозерском, Петровском, Сегозерском районах. Образование для карельских детей стало значительно более доступным, чем прежде. К концу 1930–х гг. уровень грамотности карельской и русской молодежи выровнялся.

И все же, несмотря на предпринимаемые меры, далеко не все сельские дети, закончив четвертый класс, могли продолжать учебу. Они вынуждены были зарабатывать трудодни, вести хозяйство во время страды и лесозаготовок, помогать встать на ноги младшим братьям и сестрам. Если 62% учеников городских школ, окончивших 7 классов, продолжали учебу в средней школе, то в сельской школе лишь 22%. Много препятствий получению среднего образования вставало перед детьми раскулаченных, лишенцев, ссыльных.

В первой половине 1920–х гг., когда в стране еще не существовало единых школьных программ, в Карелии предпринимались попытки разработать новые местные учебные программы. С этой целью при Карельском отделе народного образования был создан научно-методический совет, который создал первые программы для начальных и семилетних школ. Эти программы получили положительный отзыв Наркомпроса РСФСР и с 1922/23 учебного года были введены в качестве обязательных учебных программ во всех школах Карелии[226].

В середине 1920–х гг. в школах были введены новые комплексные программы Наркомпроса РСФСР. Содержание учебного материала в них концентрировалось вокруг трех тем: природа, труд, общество. В обучении широко использовались краеведческие материалы. В большинстве школ применялся экскурсионно–лабораторный метод преподавания. Организовывались экскурсии на природу, на местные предприятия. По итогам экскурсий школьники делали гербарии, чертили схемы и диаграммы, писали сочинения. Оценки и домашние задания были отменены. Вокруг новых программ и комплексной системы обучения развернулись бурные споры на республиканских совещаниях учителей. Ряд педагогов поддержали нововведения, видя их смысл в стремлении приблизить образование к практике повседневной жизни детей. Другие считали, что свертывание предметной системы обернется падением качества знаний школьников. “Не благодаря ли этим программам создается во второступенцах верхоглядство? — размышлял в своем выступлении на областной конференции заведующих школами в августе 1925 г. учитель Борисов. — В учащихся мы замечаем поражающую безграмотность, неумение считать, излагать свои мысли, неумение отвлеченно мыслить”[227]. В 1927/28 г. в школах были введены программы в новой редакции — первые обязательные для всех школ России учебные программы, предполагавшие сочетание комплексного и предметного обучения. В них сформулированы требования к минимуму знаний по родному языку и математике. С 1932 г. все школы Карелии перешли на предметную систему преподавания.

Большое внимание в 1920–е гг.уделялось трудовому обучению. Примечателен в этом отношении опыт Ухтинской школы, открытой в 1922 г. по инициативе финнов–эмигрантов. В школу принимались юноши и девушки карельской и финской национальностей, преимущественно из бедноты, не моложе 16 лет, имевшие начальное образование. За два года они проходили программу семилетней школы, но помимо этого под руководством агронома изучали теорию и практику сельского хозяйства. Школа имела значительный участок земли, лошадей, коров, овец, кроликов. В 1924 г. на базе

сельскохозяйственной школы в Ухте создается первая школа крестьянской молодежи (ШКМ). Постепенно в ШКМ были преобразованы большинство школ–семилеток в селах республики. В 1925 г. в Карелии открывается три фабрично-заводские семилетки, в которых трудовое обучение сочеталось с профессиональной подготовкой: Сорокская и Сунская готовили квалифицированных рабочих для лесопильной промышленности, Петрозаводская — для Онежского завода[228]. В 1937 г. во всех школах Карелии преподавание труда в качестве самостоятельного предмета было отменено, и все школьные мастерские ликвидированы.

С середины 1920–х гг. активизировалось внедрение в школы республики финского языка. В 1924 г. состоялся первый выпуск учителей в финском педтехникуме. В 1925—1926 гг. больше стало выходить учебной литературы на финском языке. Этому способствовала деятельность созданного в 1923 г. в Ленинграде кооперативного издательства "Кирья". В августе 1927 г. нарком просвещения Карелии Н. Гаппоев, выступая на финно–карельском съезде просвещения в Ленинграде, заявлял: "Основным литературным языком обучения и письменностью для работы среди карелов был принят финский литературный язык и финская письменность". В это время 44,5% школ республики уже работали на финском языке[229]. Поголовный перевод школьного обучения на финский язык встретил настороженное отношение со стороны населения, но в условиях массовой коллективизации, раскулачивания люди не решались на организованный протест против финнизации школьного дела. Как правило, крестьяне жаловались на то, что из–за плохого уровня преподавания дети слабо усваивают язык: "Ребята в школу ходят долго, а толку от этого мало". В республике остро ощущался недостаток учителей, знающих финский язык. Упала успеваемость учеников. Ребята, освоив технику чтения, не понимали прочитанного. Во время проверок были случаи, когда лишь 4 из 40 учащихся могли передать смысл финского текста, с которым только что познакомились.

В то же время длительный опыт активного изучения финского языка не прошел даром. В тех случаях, когда дети изучали финский язык в течение 4—5 лет под руководством квалифицированного педагога, они довольно свободно овладевали языком. Наиболее устойчивый и массовый характер приобщение к финской грамоте имело место в северной Карелии. По данным переписи 1933 г., в Ухтинском районе 80% грамотного населения владело финским языком, а 17% — русским и финским одновременно. В Кестеньгском районе эти показатели составляли соответственно 81 и 16%. Иной была ситуация в южной Карелии: 59,7% карелов Олонецкого района знали русскую грамоту, 22,7% — русскую и финскую одновременно, 17,5% карелов владели только финской грамотой. Широкое внедрение в рассматриваемый период финского языка в образовании само по себе было прогрессивным явлением, укреплявшим возможности культурного взаимообогащения славянской и финно–угорской культур в крае. Вместе с тем повсеместное его насаждение вело к ущемлению права карельского и русского населения на свободу выбора языка обучения своих детей, укрепляло авторитарные тенденции в деятельности общеобразовательной школы.

В 1935 г. после восстановления добровольности выбора языка обучения для карелов школы южной Карелии стали возвращаться к преподаванию на русском языке, хотя успеваемость по русскому языку первое время была довольно низкой. В 1937—1939 гг. в школах активно вводилось преподавание на карельском литературном языке, финский язык оказался запретным. В сложную ситуацию попала молодежь северной Карелии, где восемь из десяти юношей и девушек русскую грамоту знали очень плохо. Перед Отечественной войной, когда финский язык был официально восста-

Пионервожатые. Пудожский район. 1934 г.

новлен в правах, в 206 школах республики из 806 преподавание велось на финском языке. В этих школах обучалось более 15 тыс. детей[230].

Во главу угла школьного образования была поставлена задача формирования у детей материалистического мировоззрения и коммунистической идеологии. В школах проводились беседы, направленные против христианского учения, религиозных обрядов и праздников. Вводились преподавание обществоведения, политграмоты и обязательные для посещения политчасы. На этих занятиях детей знакомили с азами марксистского учения, Конституцией, современной политикой, ходом социалистических преобразований в Карелии, что само по себе было неплохо. Но целое поколение молодежи успело вырасти, не изучая в школе отечественной и мировой истории, — до 1934 г. она вообще не преподавалась, а позднее была сведена к формулировкам "Краткого курса". Скороговоркой характеризовалась на уроках история культуры, сверхупрощенно трактовалось развитие общественной мысли, из программы по литературе были исключены многие выдающиеся произведения. Это не могло не отразиться на развитии и кругозоре старшеклассников 1930–х гг.

В 1920–е гг. предпринимались усилия для демократизации внутренней жизни школы. Во многих школах организовались кружки — драматические, литературные, хоровые, спортивные. Поддержание дисциплины и порядка во всех семилетних школах и девятилетке было целиком возложено на организации учеников, ученические комитеты, хозяйственные комиссии, товарищеские суды, старостаты, дежурных. Быстро росла численность пионерской организации: в 1929 г. в республике было 6 тыс., а в 1940 г. — 33 тыс. пионеров. С 1932 г. пионерские отряды стали создаваться только при школах, а не при промышленных предприятиях, как прежде.

В 1920–е гг. в школах еще работало много учителей с богатым опытом преподавательской деятельности, имевших большой педагогический стаж. Многочисленную группу учительства составляли выходцы из крестьянских семей. В 1927 г. среди учителей начальной школы КАССР они составляли 44%, среди учителей школ второй ступени — 33%. 22% учителей начальных школ и 17% преподавателей средних школ в Карелии были выходцами из семей духовенства. Заметную долю преподавателей составляли выпускники духовной академии, семинарии, епархиальных училищ. Отношение к учителям, получившим духовное образование, со стороны властей было настороженным. "Среди них есть хорошие работники, но классовую сущность их мы

должны все-таки учитывать", — отмечал нарком образования Н. Гаппоев на VI Всекарельском съезде Советов в 1926 г. Атеистическая пропаганда в школах сопровождалась административным давлением на верующих преподавателей. В 1924 г. Наркомпрос Карелии потребовал снять иконы в квартирах учителей и уволить преподавателей, посещавших церковь[231].

Быстрое введение всеобуча потребовало ускоренной подготовки учительских кадров. Ежегодные выпуски местных педагогических техникумов в конце 1920-х гг. не превышали 50 человек. Пришлось прибегать к чрезвычайным мерам: в 1930 г. Наркомпрос республики направил на работу в начальные школы всех студентов местных педтехникумов (кроме первокурсников), всех учеников 9 класса финской девятилетки в Петрозаводске. На педагогическую работу в Карелию отправлялись по мобилизации комсомольцы из Ленинграда. Для увеличения выпуска специалистов в Ухте открывается новый педагогический техникум с преподаванием на финском языке, были значительно расширены наборы во все педтехникумы: в 1934 г. набор составил 200 человек вместо 50 в 1930 г. Всего за 1933—1938 гг. на преподавательскую работу в школы республики было направлено более 660 выпускников средних специальных учебных заведений. Большое значение имела деятельность педагогического и учительского институтов. Однако курсовая подготовка оставалась в Карелии одним из ведущих каналов формирования педагогических кадров. За 1930—1933 гг. школы республики получили не менее 800, в 1938 г. — более 700 человек, получивших подготовку лишь на краткосрочных курсах. Это позволило быстро увеличить численность учителей: по данным Всесоюзной переписи, в 1939 г. в Карелии работало 3282 учителя, 24,3% из них были карелами по национальности, 58% учителей составляли женщины. Однако курсовая подготовка означала явно низкий образовательный уровень педагогических кадров. В конце 1930-х гг. 47% учителей начальных классов имели образование не выше семилетнего. Среди учителей школ повышенного типа высшее образование имели лишь 23%.

В середине 1930-х гг. более половины учителей являлись коммунистами и комсомольцами, многие учителя имели разного рода общественные поручения, обязаны были присутствовать на многочисленных собраниях и заседаниях. Сверхзагруженность, переутомление вели к снижению качества преподавания. Работать школьным учителем в 1930-е гг. было очень сложно, а временами и опасно. Школы подвергались многочисленным проверкам. Даже детские шалости могли иногда быть поданы как политическая диверсия и обернуться суровым наказанием для педагога.

Массовые репрессии коснулись и ряда учителей, особенно преподавателей финского языка, истории, обществоведческих дисциплин. Так, в марте 1938 г. в Сегозерском районе была "ликвидирована антисоветская националистическая группа" среди учителей Селегской неполной средней школы. Учителей-финнов осудили за "внедрение" обучения на финском языке. Их обвинили также в том, что "среднюю и древнюю историю преподавали в финском буржуазно-националистическом духе, игнорировали преподавание арифметики в школе"[232].

После чисток и гонений на образованную часть общества во время "ежовщины" власти поспешно пытались наладить отношения с интеллигенцией, демонстрируя официальное признание ценности учительского труда. В мае 1939 г. за выдающиеся успехи в обучении и воспитании детей правительство наградило орденами и медалями сельских учителей страны, среди которых было 19 педагогов из Карелии. Ордена Ленина удостоились преподаватель Коткозерской семилетней школы Т.И. Вознесенская, Мяндусельгской семилетней школы Л.И. Леонтьева, ордена Знак Почета — учи-

тель Шуйской школы М.А. Прокофьева, Корзинской школы Е.П. Герпина, Ведлозерской школы П.Н. Малинина, Олонецкой школы П.К. Успенский и др.

Культурно–просветительная работа

Основными центрами просветительной работы в городах и рабочих поселках стали клубы. Чаще всего они создавались при крупных промышленных предприятиях и железнодорожных станциях и содержались на средства профсоюзов. Одним из первых в республике был построен в конце 1923 г. клуб в пос. Суна. В 1927 г. появилось специальное здание для клуба в Ухте. Важнейшее место в деятельности клубов занимали различные массовые мероприятия: собрания и вечера, лекции и доклады, экскурсии. Рабочий клуб 1920–х гг. был центром политической и культурной жизни промышленного предприятия и окрестных территорий. При клубе имелась библиотека, работали кружки политпросвещения, хоровой, физкультурный, драматический, оборонный, производственный, школа ликбеза, самодеятельный оркестр и т. д. Клубная сцена стала важнейшим способом вовлечения рабочих в искусство. Основным типом просветительных учреждений в селах республики являлась изба–читальня. В ее состав входили библиотека, различные кружки. Как и в городских клубах, центральное место в деятельности изб–читален заняли собрания, лекции, беседы, постановка спектаклей, громкие читки и обсуждения газет и журналов. Как правило, активная деятельность этих учреждений приходилась на разного рода праздники и кампании и в целом отличалась эпизодичностью.

Одним из лучших просветительных учреждений Карелии по праву считалась Центральная областная библиотека в Петрозаводске. В 1934 г. она получила название Республиканской публичной библиотеки. Книжный фонд ее составлял в 1929 г. более 84 тыс., а в 1940 г. — до 148 тыс. томов. В библиотеке имелись общеобразовательный, научно–академический, краеведческий, искусствоведческий, финский, музыкальный, детский отделы. В 1936 г. был создан справочно–библиографический отдел. В 1929 г. общее число читателей составило 9908 человек, из них 1130 рабочих, 572 крестьянина, 329 ремесленников и кустарей. Большинство читателей имели образование не выше начального, поэтому в библиотеке часто проводились громкие читки и беседы, цель которых состояла в том, чтобы прививать горожанам любовь к систематическому чтению. Для громких читок особенно часто выбирались произведения М. Горького, М. Шолохова, Н. Островского. Сотрудники библиотеки, штат которой в 1920–е гг. составлял всего 15 человек, вели большую работу по пропаганде знаний, организуя выставки литературы, вечера книги, доклады и лекции по истории культуры[233]. Широко отмечались юбилейные даты жизни и творчества А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького и других русских писателей.

Постепенно оживлялась работа уездных библиотек. Количество книг в них поначалу было невелико: если в библиотеках Кеми, Повенца, Олонца, Пудожа в середине 1920–х гг. насчитывалось от 6 до 9 тыс. томов, то в Паданской — 2 тыс., а в Ухтинской — около 1 тыс. томов. В библиотеки стала поступать литература на финском языке. Только в 1922 г. Карелия получила более 22 тыс. экземпляров финноязычных книг. Часть их прислали финские рабочие организации Америки. Основную массу читателей библиотек (до 80 %) в первые годы нэпа составляли школьники и подростки. Постепенно все больше взрослых рабочих и крестьян становились библиотечными читателями[234]. Если в 1928 г. количество читателей библиотек составляло чуть бо-

Актив Нигижемской сельской избы–читальни на празднике первой борозды в 1928 г.

лее 7% населения, то в 1938 г. — 20%. За годы первых пятилеток численность библиотек выросла почти в 4 раза: с 98 в 1927/28 г. до 379 в 1940 г. Причем этот рост происходил прежде всего за счет библиотек в колхозах, на лесопунктах. Быстро росли книжные фонды массовых библиотек.

В 1926 г. началась радиофикация Карелии, и через год радиоприемники имелись почти во всех волостях. В 1925 г. в республике появилась первая кинопередвижка, которую с восторгом встречали и взрослые, и дети. К концу 1930–х гг. кинофикацией были охвачены все без исключения районы Карелии. В 1932 г. в Петрозаводске открылся первый звуковой кинотеатр. В нем в основном демонстрировались фильмы советского производства. С подлинным триумфом прошел в республике фильм "Чапаев". Зрительским успехом пользовались "Броненосец Потемкин", "Юность Максима", "Веселые ребята" и многие другие киноленты. С 1935 г. начал выходить киножурнал "Советская Карелия".

К 1940 г. в Карелии сложилась система культурно–просветительных учреждений, включавшая 19 домов культуры, 58 рабочих клубов, около 300 колхозных клубов и изб–читален, 466 красных уголков, 379 библиотек, 173 киноустановки и более 27 тыс. радиоточек. Рост и укрепление материальной базы культуры были несомненны, хотя в деревнях Карелии культурно–просветительных учреждений все еще не хватало: одна библиотека приходилась на 11, одна киноустановка — на 21—22 деревни. К 1940 г. удалось подготовить более тысячи работников просветительных учреждений — количество, вполне достаточное для обеспечения имевшихся потребностей в кадрах этой специальности. Однако качественный уровень культпросветработников на протяжении 1930–х гг. оставался невысоким. К концу 1930–х гг. немногим более половины всех работников имели семилетнее образование, а около трети — лишь начальное.

Что касается профессиональной подготовки, то 50—75% всех работников культурно-просветительных учреждений окончили только кратковременные курсы, а 15—20% не имели никакой подготовки. В 1939 г. более половины клубных работников составляли карелы, финны, вепсы[235].

С 1923 г. в Карелии начинается возрождение работы по ликвидации неграмотности. В 1924—1925 гг. создаются отделения общества "Долой неграмотность". В январе 1926 г. прошел первый республиканский съезд ОДН. Главой правления общества был избран председатель КарЦИКа А.Ф. Нуортева. В целом за 1924—1927 гг. было обучено примерно 10 тыс. человек. Из них немногим более тысячи — на финском, остальные — на русском языке. Подавляющее большинство обученных составляли подростки и молодежь до 18 лет. Однако в середине 1920-х гг. большинство населения республики оставалось неграмотным. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., грамотность жителей Карелии составляла 49%. Сохранялась существенной разница в уровне грамотности городского (67,7%) и сельского (43,5%) населения республики. Среди разных национальностей самым высоким был показатель грамотности у финнов — 76,3%, а самым низким у карелов — 34,9%. Большую долю неграмотных составляли женщины. В сельских местностях грамотными являлись лишь 31,1% женщин. Среди карелов и вепсов, проживавших в сельской Карелии, лишь четвертая часть женщин умела читать и писать.

Для того, чтобы достичь решающих успехов, необходимо было объединить силы государства и всего народа в борьбе с неграмотностью. В 1929/30 г. в Карелии впервые за годы советской власти удалось организовать по-настоящему массовое обучение неграмотных. Важную роль в этом сыграл всесоюзный культурный поход, начатый по инициативе VIII съезда ВЛКСМ с осени 1928 г. Культпоход стал широким общественным движением, в которое с энтузиазмом включились тысячи граждан. Учеба проводилась, главным образом, силами добровольцев-культармейцев. В 1932 г. в Карелии работало свыше 6 тыс. ликвидаторов неграмотности. Подвижнически занимались этой работой учителя. Активной силой культпохода стали комсомольцы городов и рабочих поселков. Комсомольские ячейки проводили субботники, перечисляли в фонд ликбеза деньги от постановок самодеятельных спектаклей, танцевальных вечеров и даже часть заработной платы. Обучение промышленных рабочих взяли на себя профсоюзы. Введение всеобщего начального обучения детей 8—12 лет практически перекрыло канал пополнения рядов неграмотных за счет подростков.

Всего за 1927—1932 гг. в Карелии было обучено около 30 тыс. неграмотных и малограмотных — в два раза больше, чем за первое десятилетие советской власти. По данным переписи, в 1933 г. грамотность населения в возрасте 9—49 лет составила 85%. При этом на 15% в сравнении с переписью 1926 г. выросла грамотность сельского населения, достигнув 80%. С 57 до 76% выросла за 1926—1933 гг. грамотность женщин. Быстрыми темпами преодолевали прежнее отставание карелы и вепсы, уровень грамотности которых поднялся соответственно до 74 и 80%.

В годы второй и третьей пятилеток все большее число окончивших пункты ликбеза шли учиться дальше. В республике стали активно создаваться школы для малограмотных, школы повышенного типа, дававшие взрослым начальное образование, появились первые неполные средние школы для взрослых. Выпускники этих школ получали широкие возможности для дальнейшего профессионального и социального роста. За 1933—1940 гг. в Карелии было обучено не менее 50 тыс. неграмотных и малограмотных. К концу 1930-х гг. массовая неграмотность среди населения до 50-летнего возраста была в основном ликвидирована. Всесоюзная перепись 1939 г. устано-

вила, что среди жителей КАССР в возрасте 9—49 лет грамотные составляли 92,4%. Уровень грамотности молодежи в возрасте до 29 лет в городе и деревне стал практически одинаковым. Грамотность женского населения в возрасте 9—49 лет повысилась до 87,5%, что свидетельствовало об успешном преодолении прежнего неравенства полов в доступе к грамоте.

Наука

В 1920—1930-е гг. резко вырос интерес ученых Москвы, Петрограда (Ленинграда) к изучению природных ресурсов, истории и культуры севера. С 1918 по 1923 г. на территории Карелии работала Олонецкая научная экспедиция под руководством профессора Г.Ю. Верещагина, всесторонне изучавшая озера Сандал, Сегозеро, Выгозеро. В 1924 г. Российским гидрологическим институтом была организована Онежская научная экспедиция, занимавшаяся комплексным исследованием Онежского озера. Систематическое изучение водоемов Карелии проводило также Государственное Северное водное бюро под руководством С.В. Григорьева. На озерах и реках Карелии появились первые гидрометеорологические и водомерные посты, метеорологические станции. В 1926 г. Академия наук организовала Карельскую лесоэкономическую экспедицию под руководством С.Н. Недригайлова, задачей которой являлось проследить изменения в технических свойствах древесины в зависимости от природных условий на территории от Петрозаводска до Колы. Изучением медных руд в районе Надвоиц, мрамора у села Тивдия занималась геологическая экспедиция под руководством профессора В.М. Тимофеева.

Особенно активно развернулось в середине 1920-х гг. изучение языка, материальной культуры, устного народного творчества карелов. Комиссией по изучению племенного состава СССР при Академии наук была организована Карельская этнографическая экспедиция под руководством Д.А. Золотарева. Ее участники собирали антропологические данные и вели изучение языка, построек, костюмов, хозяйственного быта семей карелов в Ухтинской, Вокнаволокской и Тихтозерской волостях. Ленинградский институт истории искусств организовал экспедицию под руководством профессора К.К. Романова в Заонежье, где велись записи былин, песен, частушек, загадок, изучались церкви, избы, сараи, предметы домашнего обихода местных жителей.

В 1924 г. профессор Р.М. Габе изучал архитектуру северного побережья Онежского озера, сделал много акварельных зарисовок памятников гражданского зодчества. Летом 1926 г. научная экспедиция Наркомпроса РСФСР под руководством И.Э. Грабаря вновь обследовала состояние памятников деревянного зодчества Карелии. "Памятники совсем особенные — застывшие сказки," — писал И. Грабарь, прибыв на остров Кижи[236]. В 1927 г. в Карелию приезжал византист М.В. Алпатов для изучения иконописи.

Правительство Карелии поддерживало с московскими и ленинградскими исследователями тесные контакты, по возможности помогало ученым материально и стремилось использовать результаты научных изысканий на благо республики. Осенью 1926 г. за полтора месяца были проведены ремонтные работы в Преображенской церкви на острове Кижи, продлившие жизнь храма на десятилетия. Часть средств для ремонта по просьбе И. Грабаря выделило правительство Карелии. Систематическую материальную помощь получали Онежская, Карельская этнографическая и другие экспедиции. В 1926 г. правительство Карелии профинансировало работу студентов

Ленинградского университета по изучению вепсского и карельского населения Петрозаводского и Паданского уездов. Результаты научных исследований природных богатств края СНК Карелии стремился использовать при разработке перспективного плана социально-экономического развития республики. Представители Карелии входили в состав советов экспедиций, участвовали в разработке их программ. Маршрут лесоэкономической экспедиции обсуждался на особом совещании при правительстве Карелии. В программу геологической экспедиции В.М. Тимофеева входили задания, предложенные ЦСНХ республики. Для научных публикаций всегда были открыты страницы журналов "Экономика и статистика Карелии", "Карело–Мурманский край".

В 1920–е гг. делаются первые шаги для создания в Карелии собственных научных учреждений. В годы революции на озере Селигер в Новгородской губернии была законсервирована деятельность биологической станции, основанной академиком И.П. Бородиным. Ее второе рождение состоялось благодаря поддержке СНК КАССР, обеспечившего материальные условия для деятельности станции в Кончезере. С 1927 г. Бородинская станция стала постоянным научным учреждением Карелии и занималась гидробиологическими и рыбохозяйственными исследованиями. Биологи опубликовали 10 томов научных трудов, посвященных изучению пресноводных водоемов республики. Научную работу станции курировало Ленинградское общество естествоиспытателей, а материальные заботы взяло на себя правительство Карелии. Общее руководство деятельностью станции осуществлял академик В.Л. Комаров. Директором ее был назначен гидробиолог профессор Б.В. Перфильев. С работой на станции связана лучшая пора его творческой жизни. В конце 1920–х гг. Б.В. Перфильев выдвинул микрозональную теорию илообразования, о которой впервые рассказал в 1927 г. на IV лимнологическом конгрессе в Риме. Этот доклад отмечен высшей наградой конгресса — премией и медалью. В 1941 г. за работы по иловедению Б.В. Перфильев удостоен Сталинской премии[237]. В 1926 г. в селе Лоухи была организована первая в республике опытная сельскохозяйственная станция. Летом 1927 г. при Совнархозе Карелии начала работу научно–исследовательская группа по изучению и использованию лесных богатств края.

По инициативе интеллигенции в июне 1923 г. создается Общество изучения Карелии. Был принят Устав общества, утвержденный Карэкосо. В состав правления общества входили Л.Г. Гершанович, Б.А. Потапов, В.И. Крылов, А.Н. Лесков, Ф.Е. Поттоев, М.Н. Заводовский. В 1924 г. число членов общества краеведов приближалось к 80, из них двое — знаток края и неутомимый его исследователь А.А. Бернацкий и геолог, уроженец Карелии профессор В.М. Тимофеев были удостоены общим собранием звания почетных членов. На заседаниях общества регулярно заслушивались доклады о природных богатствах, об истории края. После докладов разворачивались оживленные прения. Как правило, на заседаниях вырабатывались предложения, рекомендации государственным органам. В 1925 г. в Кеми возникло уездное отделение Общества изучения Карелии.

Благодаря финансовой поддержке правительства Карелии, правления Крайсоюза краеведы начали публикацию научно–популярных брошюр, листовок. В 1924 г. вышли в свет два номера краеведческого журнала "Известия Общества изучения Карелии". Краеведческие кружки возникли в педагогическом и экономическом техникумах Петрозаводска. Краеведы Карелии сотрудничали с научными экспедициями, работавшими в Карелии, участвовали в работе Всероссийского съезда краеведов, краеведческого съезда северо–западной области. В 1932 г. состоялась I Всекарельская краеведческая конференция. В сборниках "Вопросы краеведения в Карелии" (1931),

"Краеведение в Карелии на новом этапе" (1933) были подведены итоги сделанного, намечены перспективы дальнейшего изучения родного края.

Одним из центров краеведения в Карелии была Центральная областная (Публичная) библиотека в Петрозаводске. Подлинным энтузиастом краеведческой работы стал заведующий краеведческим отделом библиотеки К.Ф. Филимонов. Сын крестьянина, бывший народный учитель и сотрудник губернского статистического комитета, он много сил отдал изучению родного края. К.Ф. Филимонов провел колоссальную работу по выявлению и сбору литературы и рукописных материалов по истории, этнографии, фольклору Карелии. Краеведческому отделу он передал и свою личную библиотеку по истории края. В 1920–е гг. в Центральной областной библиотеке были собраны все дореволюционные местные печатные издания. Тем самым создавалась база для научного изучения истории, быта, культуры Карелии[238].

При активном содействии краеведов была проведена реорганизация и оживилась работа Карельского музея, который в середине 1920–х гг. возглавлял В.И. Крылов. Музей становился ведущим центром исследований истории, культуры, быта народов Карелии. Ставилась задача постепенно преобразовать его в краеведческий. В это время в музее возникли отделы: археолого–этнографический, промышленно–экономический, естественно–исторический и общественный. С 1913 г. музей занимал 10 комнат в губернаторском доме (после революции — здание КарЦИКа), где размещались около 9 тыс. экспонатов. Несмотря на тесноту, в музее стали регулярно организовываться выставки. Особое впечатление на горожан произвела Карельская национальная выставка, приуроченная к празднованию пятилетия автономии Карелии. На ней демонстрировались картина В. Попова "Водопад Гирвас" и портреты А. Андрианова. Большой интерес посетителей выставки вызвали изделия крестьянских промыслов — кружева заонежских мастериц, изделия из соломы (Неккульская волость), тивдийского мрамора. Музейщики показали богатые коллекции почтовых марок и денежных знаков. Гвоздем выставки стала "Изба карельского крестьянина", где были представлены обстановка, предметы быта, одежда крестьян. Часть экспонатов музея, в том числе коллекция икон, церковные предметы, хранились в 1920–е гг. в запасниках. Музей установил научные связи с Русским музеем в Ленинграде, со всеми научными экспедициями, приезжавшими в Карелию. Плата за посещение музея составляла 5 коп., причем дети, учащиеся, красноармейцы, экскурсанты от входной платы освобождались.

После кончины В.И. Крылова в 1928 г. заведующим музеем был назначен выпускник Ленинградского университета С.А. Макарьев, выходец из крестьянской семьи прионежских вепсов. Его энергия и увлеченность наукой способствовали активизации собирательской, экспозиционной, культурно–просветительской деятельности музея. Повысился его статус — музей был переименован в Карельский государственный. Музею передали здание закрытой Александро–Невской церкви. Музей включился в работу добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий. В начале 1930–х гг. было разработано несколько туристских маршрутов по Карелии и СССР. При музее начали работу экскурсионное бюро и бюро краеведния с отделениями в райцентрах республики. У музейщиков появилось собственное печатное издание — Ежегодник КГМ. В районах Карелии вели сбор материалов этнографические, фольклорные экспедиции, организованные музеем или при его участии.

В 1926 г. создается Комиссия по охране памятников старины, искусства и природы, ставившая задачу провести учет, регистрацию памятников культуры республики, предотвратить вывоз культурных ценностей за пределы Карелии. На средства Наркомпроса была проведена экспедиция в уезды для обследования культурных памятников.

В 1920–е гг. в республике началось изучение революционного прошлого, событий Октября и Гражданской войны в крае. В 1923 г. в качестве отдела губернского комитета РКП(б) возникло бюро Истпарта, задачей которого являлся сбор материалов по истории большевистской партии и революционного движения в Карелии[239].

На рубеже 1920–х—1930–х гг. остро ощущалась необходимость объединения разрозненных научных учреждений и специалистов. В сентябре 1930 г. СНК КАССР принял постановление "Об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного) института — КНИИ", положившее начало созданию в Карелии профессиональной науки. Карельский НИИ должен был стать центром разработки научных основ развития экономики, рационального использования природных ресурсов, изучения культуры края. Первым директором КНИИ стал глава правительства Э.А. Гюллинг, а его заместителем С.А. Макарьев. С 1931 г. начали работу секции лесного хозяйства, сельскохозяйственная, развития естественных производительных сил, социально–экономическая, историко–революционная и этнографо–лингвистическая. В состав КНИИ вошли государственный лесной заповедник Кивач, Петрозаводская и Лоухская опытные болотные станции, с ним тесно сотрудничали филиалы центральных научных учреждений. Создавались новые лаборатории, опытные пункты, заповедники. Институтская библиотека к 1937 г. насчитывала около 43 тыс. томов, в том числе около 15 тыс. — на иностранных языках[240].

На работу в институт приглашалась местная интеллигенция, имевшая необходимые навыки научной деятельности, но таких специалистов в Карелии в то время было немного. Разворачивалась подготовка научных кадров из среды талантливой молодежи, однако становление ученого, как правило, процесс длительный, рассчитанный на многие годы. В этой ситуации Гюллингу удалось привлечь на карельскую землю видных российских ученых и минимизировать неизбежные трудности процесса становления академической науки в республике. Был образован президиум Карельского НИИ в составе 93 человек, в который входили не только петрозаводчане, но и ученые из других городов. В состав президиума вошли крупнейшие ученые СССР, среди которых академики Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, А.Е. Ферсман, Д.И. Соколов, Н.М. Дружинин, известные профессора и будущие доктора наук М.К. Азадовский, А.И. Андреев, М.П. Андреев, А.М. Астахова, А.Я. Брюсов, Д.В. Бубрих, Г.Ф. Верещагин, Р.Б. Мюллер, И.Ф. Правдин, В.И. Равдоникас, Н.Ф. Рождественский, К.В. Сивков, И.П. Шаскольский и др. Сотрудничество с ними было взаимовыгодным. Известные ученые находили в Карелии богатейший материал для своих исследований, учеников и последователей, финансовую поддержку. Их практическая помощь институту была неоценимой: специалисты высочайшей квалификации избирались членами ученого совета института, становились консультантами, научными редакторами, руководителями аспирантов, начальниками экспедиций и полевых отрядов и, наконец, являлись авторами фундаментальных научных работ о природе, экономике и культуре Карелии[241].

В 1931 г. возглавил организацию Карельской научно–исследовательской рыбохозяйственной станции и стал ее первым директором известный ученый–ихтиолог профессор И.Ф. Правдин. Он организовал широкое и разностороннее изучение крупнейших озер Карелии. Под его руководством были составлены научно–промысловые карты озер, начаты опытные работы по разведению сиговых, лососевых и других ценных рыб. Уже в 1932 г. вышел из печати сборник "Рыбное хозяйство Карелии", стали издаваться "Труды Карельского отделения ВНИОРХ"[242].

В области гуманитарных наук в 1930–е гг. главным направлением деятельности

Семья П. И. Рябинина–Андреева, конец 1930–х гг. Гарницы

стало собирание памятников устного поэтического и музыкального народного творчества, образцов речи различных диалектов карельского и вепсского языков. На одном из рыбацких становищ в 1933 г. ленинградский фольклорист А.Н. Нечаев познакомился с крестьянином села Кереть М.М. Коргуевым и записал от него 93 самобытных, высокохудожественных произведения. Двухтомное собрание сказок М.М. Коргуева, изданное в Петрозаводске в 1939 г., стало гордостью нашей фольклористики[243].

В научный оборот было введено устное творчество населения южных районов, прежде практически неизвестное. Ученые–фольклористы выявили целую группу одаренных сказителей, среди которых выделялись Т. Перттунен, М. Ремшу, М. Хотеева, А. Никифорова, М. Архипова, Е. Хямяляйнен и др. Благодаря поддержке Д.В. Бубриха впервые началось глубокое изучение карельского и вепсского языков.

В 1935 г. в Карелии торжественно отмечалось 100–летие первого издания карело–финского народного эпоса "Калевала". Юбилей способствовал знакомству с эпосом широких слоев населения Карелии и всей страны, он стал толчком для активизации научных исследований "Калевалы" и всего устного художественного творчества карельского народа.

В 1926 г. А.М. Линевский открыл первое скопление петроглифов на скалах р. Выг, недалеко от побережья Белого моря. Молодой историк назвал их Бесовыми следками по ассоциации с уже известными науке наскальными рисунками в районе Бесова Носа на восточном берегу Онежского озера. А.М. Линевский вел активную исследовательскую работу по изучению наскальных изображений. В монографиях "Петроглифы Карелии" (Петрозаводск, 1939) и "Очерки по истории древней Карелии" (Петрозаводск, 1940) он предложил свое толкование рисунков. А.М. Линевский удачно ввел петроглифы в художественную литературу, создав научно–фантастическую повесть "Листы каменной книги". В середине 1930–х гг. изучение петроглифов начал профессор В.И. Равдоникас. Ему удалось обнаружить немало новых фигур и скоплений. Сенсационным стало открытие большого, необычайно

выразительного скопления наскальных изображений на Залавруге, всего в 1,5 км от Бесовых следков[244].

Большой вклад в освещение древнейшего периода истории Карелии внес московский археолог А.Я. Брюсов, автор книги "История древней Карелии" (М., 1940). Изучение истории средневековой Карелии активно вели ленинградские исследователи С.С. Гадзяцкий, С.М. Левидова, Р.Б. Мюллер и др.

Были сделаны первые шаги в изучении новейшей истории Карелии. Историко–революционную секцию Карельского НИИ возглавил видный деятель финляндского революционного движения Э.А. Хаапалайнен. Были собраны ценные источники по истории 6–го финского полка, сражавшегося с интервентами и белогвардейцами на территории Олонецкой и Архангельской губерний, по истории коммуны "Сяде", основанной финнами–эмигрантами близ Олонца, воспоминания и биографии участников революции и Гражданской войны и др. В 1931 г. была издана на финском языке книга Л.М. Летонмяки "История Карелии". В 1932 г. вышел в свет на русском и финском языках сборник воспоминаний и очерков "В боях за Советскую Карелию".

В июне 1935 г. на бюро Карельского обкома ВКП(б) деятельность Карельского НИИ, прежде находившая поддержку и понимание властей, впервые подверглась разгромной критике, за которой последовали увольнения с работы и травля ученых. В январе 1937 г. комплексный институт был реорганизован в НИИ культуры, за которым сохранялось только гуманитарное направление. Подразделения естественно–научного и технико–экономического профилей передавались соответствующим наркоматам и ведомствам. Вскоре из состава института были выведены Общество изучения Карелии, заповедники, ликвидирован издательский сектор. Нелепые обвинения в засоренности Карельского НИИ классово чуждыми людьми в 1937 г. переросли в версию о существовании в институте шпионско–повстанческой националистической организации или ее ячейки. В 1937—1938 гг. были арестованы и расстреляны бывший заместитель директора КНИИ С.А. Макарьев, ведущие специалисты института Э.А. Хаапалайнен, Н.Н. Виноградов, Н.В. Хрисанфов, заведующая институтской библиотекой Е.П. Ошевенская. Арестам и тюремному наказанию подверглись также ряд служащих КНИИ. Незавершенными остались многолетние труды ученых, нереализованными творческие планы.

Искусство и литература

Традиционно северный характер отличали свободолюбие, терпеливость, самопожертвование, устойчивость перед силой обстоятельств. Душа крестьянина находила спасение от невзгод и лишений в сокровенной молитве и слитности с родной природой, в мудрости былины и радости общего праздника. Тяга к красоте, вольнолюбие души выливались в песне. В трудные 1930–е гг. возникли знаменитые крестьянские хоры: Петровский хор в селе Спасская Губа, вепсский народный хор в селе Шелтозеро, карельские народные хоры в Калевальском и Сегозерском районах, Поморский русский народный хор и некоторые другие. Праздником всей республики стали олимпиады художественной самодеятельности в 1931, 1932 и 1935 гг. В последней приняли участие более тысячи исполнителей, в том числе 9 театральных коллективов, 8 агитбригад, 17 оркестров и ансамблей, 6 хоров, 103 танцевальных и гимнастических группы. Лучшими в 1935 г. были признаны танцевальные коллективы Кондопожской бумажной фабрики и Онежского завода, оркестры Петрозаводской лыжной фабрики и

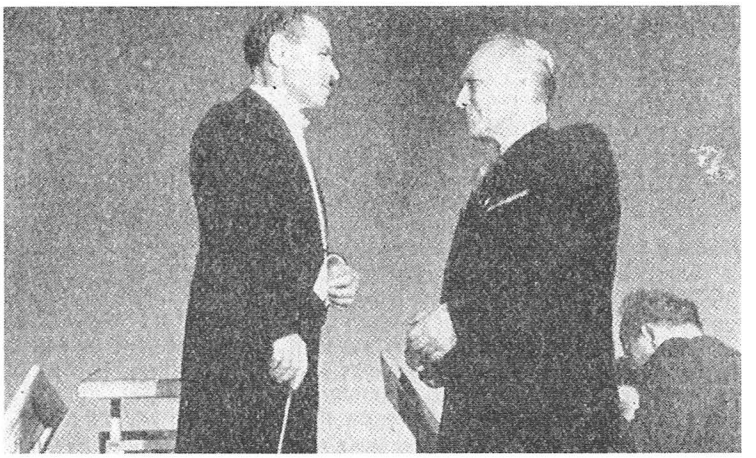
Живая газета "Сигнал" коллектива станции Медвежья Гора

Сорокского лесозавода, хор работниц слюдяной фабрики. В 1936 г. на Всесоюзной хоровой олимпиаде в Москве с успехом выступил карельский национальный хор. С 1937 г. олимпиады и фестивали художественной самодеятельности стали регулярно проводиться в районах республики[245].

Увлеченная литературой молодежь группировались вокруг республиканских газет, на страницах которых публиковались стихотворения, очерки, небольшие рассказы начинающих писателей. С 1924 г. по инициативе редакции "Красной Карелии" в Петрозаводске стали довольно регулярно проводиться вечера журналистов, на которых читали и бурно обсуждали произведения молодых литераторов. В "Красной Карелии" появилась специальная "Литературная страница".

Заявили о себе новые самодеятельные театральные коллективы молодежи. На финском языке работали самодеятельные театры в Петрозаводске и Ухте. Петрозаводский самодеятельный театр подготовил и показал пьесы Р. Руско "Красные розы", посвященную революции 1905 года, "Похититель цветов", высмеивавшую буржуазную мораль, "Суд" ("Именем революции"), отражавшую события революции и Гражданской войны на Севере. Р. Нюстрем (Р. Руско), выступавший как драматург и актер, был душой этого коллектива. Самодеятельный кружок в Ухте возглавил коммунист рабочий Х. Пуро. Репертуар кружка составляли переведенные на финский язык пьесы советских драматургов, а также пьесы местных авторов[246].

В 1926—1927 гг. под крылом Карельского совета профсоюзов работала живая газета "Красная Карелия", а позднее "Комсокепка". Актерами в ней стали учащиеся петрозаводской театральной студии, тексты выступлений писал режиссер Е. Минкин, а музыку сочинял Р. Пергамент. Живгазетчики выступали в рабочих клубах, обслуживали десятки предприятий по всей Карелии. Им не всегда хватало мастерства, но публика ценила молодежные постановки за то, что в них рассказывалось о местной, знакомой жизни, было много задора и юмора, творческого воодушевления. В 1927 г. в Петрозаводске возникла рабочая театральная мастерская (Ратемас), объединившая около 30 человек, в основном молодых рабочих. Успех спектаклей определяла злободневность репертуара и его созвучность эпохе. Были поставлены "Бронепоезд 14–69" В. Иванова, спектакли о жизни комсомольцев "Кремешки", "Бузливая когорта", "Зорька" и др. В 1929 г. Ратемас реорганизуется в Театр рабочей молодежи (ТРАМ). В его спектаклях политическая заостренность проблематики сочеталась с



Композиторы К. Э. Раутио (справа), Л. Я. Теплицкий

поиском новых сценических форм: большую роль играла музыка, пантомима, прямое обращение актеров к залу[247]. Постепенно культурный уровень зрителей рос. Агитационные пьесы не могли заменить драматических произведений, глубоко исследующих мир человеческой души. Обаяние молодости самодеятельных исполнителей не компенсировало отсутствия профессионального актерского мастерства. Значение деятельности рабочих театров состояло прежде всего в том, что они показали мощный порыв молодежи 1920–х гг. к духовному творчеству, тягу пока еще недостаточно образованных слоев общества к искусству.

Хотя время было отнюдь не сытое, правительство действовало дальновидно, поддерживая учебные заведения для талантливой молодежи. С 1936 г. в Петрозаводске работала студия изобразительных искусств, где под руководством В.Н. Попова, А.И. Кацеблина и ряда ленинградских мастеров учились начинающие художники. К началу 1940 г. в студии занималось 62 человека. В том же году был создан массовый рабочий университет музыкальной культуры, который знакомил слушателей с историей музыки и произведениями выдающихся композиторов. В 1938 г. в Петрозаводске открылось музыкальное училище.

С воодушевлением изучали народную культуру, черпали в ней вдохновение профессиональные музыканты, художники, писатели. В 1922 г. в Карелию приехал композитор К.Э. Раутио. Сын бедняка, он сумел закончить музыкальное отделение Калифорнийского университета, но в Америке не смог найти работу и решил эмигрировать в СССР. В Карелии К. Раутио возглавил финский хор, симфонический и духовой оркестры при финском педагогическом техникуме. В 1920–е гг. он начал внимательно изучать народное творчество Карелии. С именем К. Раутио связано появление оригинальных музыкальных произведений, навеянных природой и событиями истории Карелии, опирающихся на песенные традиции карельского и финского народов. К 10–летию Октября К. Раутио и поэт Я. Виртанен создали "Праздничную кантату".

Приехавший в Карелию из Воронежского края В.П. Гудков, работая в фольклорных экспедициях, заинтересовался старинным карельским музыкальным инструментом кантеле. Он досконально изучил его, усовершенствовал звучание и стал горячим пропагандистом карельской национальной культуры. В.П.Гудков создал самодеятельный инструментальный ансамбль кантелистов, в который вошли шесть музыкантов:

Группа артистов ансамбля "Кантеле"

Т. Вайнонен, К. Вильянен, А. Ходакова, Н. Кондратьева, М. Линдстрем и сам В.П. Гудков. Вскоре им улыбнулась удача: в марте 1936 г. ансамбль одержал победу во всесоюзном фестивале радиовещания, став лучшим среди 6,5 тыс. исполнителей. Вдохновленный В.П. Гудков в июне 1936 г. при Доме народного творчества создал новый кантеле–ансамбль из 17 человек, ядром которого стала "шестерка" победителей. На базе этого коллектива вскоре возник государственный ансамбль "Кантеле", включавший кантелистов, певцов, танцоров. Этот творческий коллектив стал своеобразным символом Карелии, достойно представляя республику на всесоюзных смотрах и фестивалях. Ансамблю принадлежит важная заслуга в собирании и сохранении карельских, финских и вепсских песен и танцев..

В музыкальной жизни Петрозаводска в 1920—1922 гг. видную роль играл композитор Ю.А. Шапорин. Незаурядная музыкальная одаренность, высокий профессионализм, взыскательный художественный вкус снискали ему признание горожан. Ю.А. Шапорин работал заведующим музыкальной частью местного Театра русской драмы и написал музыку к ряду пьес, поставленных на петрозаводской сцене. К сожалению, рукописи этих работ не сохранились. Одновременно Ю.А. Шапорин дирижировал любительским симфоническим оркестром. Программы концертов отражали творческие симпатии 33–летнего музыканта и включали произведения Глинки, Бородина, Римского–Корсакова, Бетховена, Гайдна. Концерты оркестра проходили с неизменным успехом, оркестр встречали и провожали овациями[248].

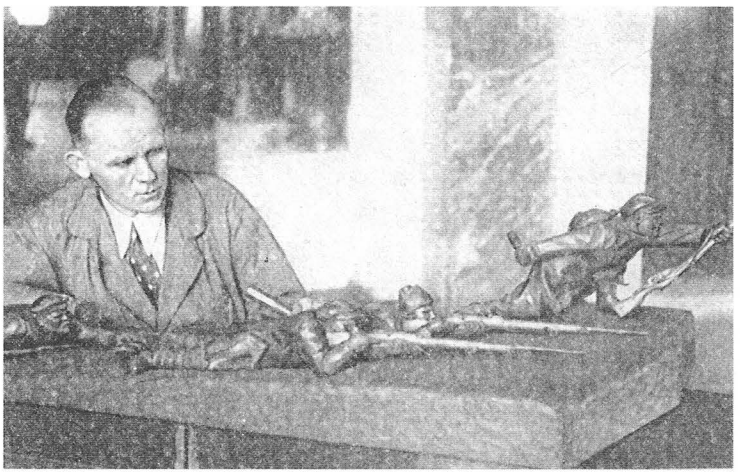
Благодаря энергии профессионалов и финансовой поддержке государства в 1930–х гг. родилось немало творческих коллективов, учреждений культуры, которым была суждена долгая, творчески насыщенная жизнь. В 1933 г. начал выступать республиканский симфонический оркестр, бессменным руководителем которого много лет являлся Л.Я. Теплицкий. В 1939 г. открылась Карельская государственная филармония, в состав которой вошли симфонический оркестр, государственный ансамбль песни и танца "Кантеле" и концертное бюро.

В Петрозаводске плодотворно работали родоначальники профессиональной живописи Карелии А.Я. Андрианов и В.Н. Попов. Оба они являлись выпускниками Петербургской Академии художеств, где В.Н. Попов занимался в мастерской И.Е. Репи-

Родоначальник профессиональной живописи Карелии художник В. Н. Попов

на, а А.Я. Андрианов в мастерской В.Е. Маковского. Оба представляли русскую реалистическую школу живописи. В 1920—1930–е гг. Андрианов и Попов писали карельские пейзажи, портреты близких им по духу людей. Они стремились передать лиризм, сдержанность и лаконичность северной природы, особенности характера северян. В 1928 г. состоялась первая персональная выставка Попова в Петрозаводске. К сожалению, большая часть творческого наследия живописцев пропала в годы Великой Отечественной войны. Эти художники стояли у истоков художественного образования в республике. В 1932—1937 гг. в Карелии работал одаренный художник, резчик по дереву и скульптор Ю. Раутанен.

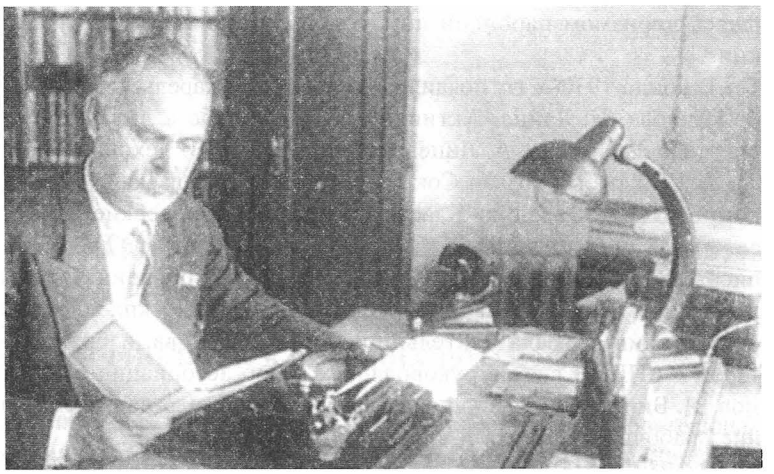
В годы нэпа на самоокупаемость был переведен петрозаводский Театр русской драмы. Однако добиться устойчивой рентабельности не удавалось. В связи с острыми финансовыми трудностями правительство республики вынуждено было закрыть постоянно действующий театр, но при малейшей возможности субсидировало работу в Петрозаводске театральных трупп, созданных на сезон из артистов ленинградских театров. На гастроли в Карелию приезжали театральные коллективы Ленинграда и Москвы. В Петрозаводске возобновила работу театральная студия, где талантливая молодежь осваивала азы актерского мастерства. В ноябре 1929 г. Русский драматический театр возобновил работу на постоянной основе. В довоенное время художественное руководство театром осуществляли ленинградские режиссеры Я.Н. Чаров, П.П. Гайдебуров, Г.С. Мнацаканов, внесшие весомый вклад в развитие театрального искусства республики. К середине 1930–х гг. в театре сформировалась постоянная труппа. В 1931 г. на работу в Петрозаводск приехали супруги А.И. Шибуева и П.Н. Чаплыгин. Их актерский талант и мастерство покорили петрозаводчан. В 1938 г. П.Н. Чаплыгину, первому в Карелии, было присвоено почетное звание за-



Скульптор Ю. О. Раутанен

служенного артиста республики. Основу репертуара театра составляли пьесы советских авторов Ф. Гладкова, В. Катаева, А. Корнейчука, А. Луначарского, Н. Погодина, Л. Сейфуллиной, Д. Фурманова и др. Широко была представлена в репертуаре русская и европейская классика. В 1920—1930–е гг. на петрозаводской сцене ставились "Гамлет" В. Шекспира, "Маскарад" М. Лермонтова, "Ревизор" Н. Гоголя, "Горе от ума" А. Грибоедова, многие пьесы А.Н. Островского. В конце 1930–х гг. состоялись премьеры спектаклей по пьесам ленинградского драматурга Д. Щеглова "Девичье сердце" и "Сокровище Сампо", посвященные истории карельского народа. Билеты на многие спектакли распространялись через профсоюзы, цена их при этом для зрителей существенно снижалась. На базе ТРАМа был создан Театр юного зрителя, в 1935 г. в его составе появилось кукольное отделение, в 1938 г. преобразованное в самостоятельный кукольный театр. Спектакли для детей пользовались неизменным успехом. Благодаря им формировалась театральная культура нового поколения зрителей[249].

С 1928 г. в Ленинграде училась актерскому мастерству группа молодежи, отобранной как в городах, так и в глухих деревнях Карелии. Вместе с эмигрантами — актерами–любителями эти молодые люди составили основу открывшегося в 1932 г. национального театра в Петрозаводске. Театр открылся постановкой пьесы Б. Лавренева "Разлом", на премьеру которой приезжал автор. Пьесы популярных советских драматургов составляли основу репертуара театра и в дальнейшем. В 1934 г. появились пьесы местных авторов. О молодом инженере, выпускнике советского вуза рассказывала пьеса А. Висанена "Изобретение Теппоева". Борьбе рабочих Германии против фашизма был посвящен спектакль по пьесе Э. Парраса "Гигантский пульс бьется". Петрозаводчанам особенно полюбилась музыкальная комедия "Мальбрук в поход собрался", рассказывавшая о захвате финнами Видлицы в 1919 г. и о десанте Онежской флотилии. Авторы пьесы Я. Виртанен, Л. Луото, композиторы К. Раутио, Л. Йоусинен, режиссер Р. Нюстрем в полной мере проявили в этом спектакле талант, выдумку, юмор. В сопровождении хора и оркестра кантелистов шел спектакль по трагедии Ю. Эркко "Куллерво", поставленный Р. Нюстремом на музыку Л. Йоусинена, К. Раутио, В. Гудкова. Творческие достижения театра единодушно отметили и взыскательная ленинградская публика, и театральные критики во время декады карельского искусства в городе на Неве весной 1937 г. Главный режиссер Р. Нюстрем, акте-



Ялмари Виртанен

ры, театральные композиторы были полны новых творческих планов. Однако через полгода национальный театр, работавший на финском языке, прекратил свое существование[250].

В 1918—1920-х гг. эмигрировали в Советскую Россию из Финляндии и Америки профессиональные журналисты и литераторы Я. Виртанен, Л. Летонмяки, Л. Латукка, А. Нумми, С. Мякеля, Х. Тихля и др. Финляндская революция 1918 г., став переломным событием их личной жизни, определила и ведущую тему творчества. Революционный героизм, самопожертвование во имя счастья народа, созидательный труд свободного человека воспевал в своих стихах Я. Виртанен. Эпическую панораму истории жизни нескольких поколений крестьян одной семьи представил в романе "Жители Юмюваары" (1933 г.) Э. Паррас. В 1937 г. он закончил исторический роман "Маура", однако после ареста писателя рукопись была уничтожена.

Душевная боль и раздумья о причинах поражения революции в Финляндии рождали особый интерес писателей-эмигрантов к истории крестьянства в революционную эпоху. О деревне, жителях глухих лесных селений. странствующих проповедниках писала на родине финская писательница Х. Тихля. В 1920-е гг. немолодым уже человеком оказалась она в Карелии, где познала и материальную нужду, и долгие годы литературного забвения. В этих обстоятельствах нужна была смелость, чтобы темой творчества на новой родине выбрать судьбу русского крестьянства от предреволюционных лет до начала коллективизации. Российской деревне посвящен роман Х. Тихля "Страница переворачивается" (1934—1936 гг.). Герои книги рассуждали о важности нравственного самосовершенствования, проповеди добра и красоты, о границах насилия.

В 1930-е гг. появляется и целая группа одаренных литераторов из среды местной молодежи. Стремлением раскрыть сложный мир душевных переживаний отличалась поэзия Л. Хело (Т. Гуттари). Мечтавший в детстве стать садовником или хлеборобом, он закончил Гатчинский педагогический техникум, учил детей финскому языку и литературе, создавал комсомольские ячейки, был членом сельсовета. Его истинным призванием стала лирическая поэзия. Следуя зову души, он вернулся к своим истокам, воспев родную Ингерманландию, мир крестьянина, северную природу. Молодой поэт окунулся в изучение ингерманландского и карельского фольклора, восхи-

щаясь лиризмом народной поэтики. В 1930–е гг. он выпустил шесть стихотворных книг.

В конце 1930–х гг. появились в печати на карельском языке стихи молодых поэтов Ф. Исакова, Н. Лайне. Активно заявили о себе в литературе того времени русские писатели В. Гудков, А. Линевский, С. Норин, В. Чехов.

В 1934 г. был создан Союз художников Карельской АССР. В 1937 г. возник Союз композиторов Карелии. Власти превратили творческие союзы в удобный канал насаждения идеологического монополизма. Наиболее драматично сложилась судьба писательской организации. 8 июля 1926 г. на собрании литературной общественности была создана Карельская ассоциация пролетарских писателей. Важную роль в ее становлении сыграла учительница Т.К. Трифонова, избранная ответственным секретарем КАПП. В состав руководящего бюро ассоциации были избраны также Т. Алимов, Я. Виртанен. Главной задачей КАПП считала вовлечение в литературное движение "рабочих от станка и крестьян от сохи".

В 1932 г. ЦК ВКП(б) "порекомендовал" писателям разных направлений объединиться в единый творческий союз. В 1934 г. на первой республиканской конференции писателей было создано Карельское отделение Союза советских писателей, возглавил которое Я. Виртанен. Во второй половине 1930–х гг. разгромные "проработки" товарищей по ремеслу, демонстрация "классовой бдительности" усиливали атмосферу отчаяния и страха в литературной среде. Преследования и гибель ведущих писателей привели к фактическому распаду карельской писательской организации. Под пытками или на принудительных работах в лагерях погибли Я. Виртанен, Э. Паррас, Р. Руско, О. Иогансон, многие сотрудники финноязычной прессы, издательства "Кирья", покончил с собой, не выдержав начавшейся травли, Л. Летонмяки. Горьки и невосполнимы были потери.

Глава VIII

КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945)

1. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939—1940 гг.

В 1930–х гг. страны мира переживали тревожное время. Все больше обострялись политические, территориальные, национальные проблемы, порожденные Версальской системой, определявшей мировой порядок после Первой мировой войны. На рубеже 1920–х—1930–х гг. капиталистический мир потряс острейший экономический кризис, имевший глубокие последствия. Все отчетливее ощущалась угроза новой мировой войны. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, в 1935 г. Италия захватила Эфиопию. Пришедший к власти в Германии Гитлер вынашивал планы расширения германских границ за счет территорий других стран. Англия и Франция стремились всячески удержать свое господствующее положение в Европе.

В то же время на востоке Европы быстрыми темпами развивалось социалистическое государство — Советский Союз. Если в первые годы советской власти СССР провозглашал курс на "мировую революцию", то в 1930–е гг. в его внешней политике произошли существенные изменения. Убедившись, что рассчитывать на мировую революцию в ближайшее время не приходится, руководство советского государства ставило главной задачей такую политику, которая позволила бы избежать втягивания страны в назревавшую войну. Таким образом, к середине 1930–х гг. в мире сложились три противостоящие друг другу силы: буржуазные державы Европы, США и страны, следовавшие в русле их политики; фашистские и милитаристские государства, наиболее агрессивным из которых была Германия; Советский Союз, возглавивший левые силы в мире. При этом СССР и западные державы, не доверяя друг другу, стремились не к тому, чтобы совместными усилиями обуздать агрессию, а к тому, чтобы остаться, по возможности, в стороне от вероятного военного конфликта, переложив главную тяжесть предотвращения мировой войны на других. Таким образом, логика "каждый за себя", недооценка лидерами Запада и СССР опасности фашизма для всего мира, нежелание подчинить свои интересы общей задаче —борьбе против надвигавшейся агрессии, стремление решать собственные проблемы за счет других государств создавали Германии благоприятные условия для развязывания войны[1].

23 августа 1939 г. между СССР и Германией был заключен пакт о ненападении (подобные пакты с Германией к тому времени имели Англия, Франция и другие государства), а также секретный дополнительный протокол. В соответствии с этим протоколом в сферу интересов СССР попадали Финляндия, Эстония, Латвия, восточная часть Польши и Бессарабия. Такой шаг позволял Советскому Союзу избежать перспективы быть втянутым в войну в крайне неблагоприятных условиях и воспрепятствовать движению фашизма на восток, к границам СССР. Но если сам пакт о ненападении был правомерным договором, то секретный протокол нарушал международное право и способствовал падению международного престижа советского государства, так как в нем решались судьбы третьих стран и народов без их ведома.

В то же время пакт и протокол, с точки зрения рационально понимаемых тогда национальных государственных интересов, давали Советскому Союзу ряд стратегических выгод. Если соглашение с Англией и Францией предусматривало участие СССР в войне, где главным фронтом мог стать советско–германский, то пакт с Германией позволял сохранить нейтралитет, обеспечивая геополитические позиции СССР в сопредельных с ним европейских странах. Протокол создавал возможность для СССР выдвинуть в случае необходимости свои войска на территории стран, вошедших в его сферу интересов, и создать передовой стратегический оборонительный рубеж в 200—250 км от западных границ Советского Союза. Кроме того, это позволяло советскому государству остаться вне войны, которая могла начаться между странами Запада и исключало создание единого капиталистического антисоветского фронта.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Через два дня Англия объявила войну Германии. Так началась Вторая мировая война. В возникшей ситуации части Красной Армии 17 сентября 1939 г. вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию, которые были отторгнуты от России в польско–советской войне 1920 г.

В условиях начавшейся Второй мировой войны, столкновения интересов группы стран на почве разделения сфер влияния резко обострились отношения между СССР и Финляндией. На проходивших осенью советско–финляндских переговорах Сталин предложил заключить пакт о взаимопомощи по образцу договоров, заключенных в сентябре–октябре 1939 г. с Латвией, Литвой и Эстонией. Одним из пунктов данных документов предусматривалось размещение советских военных баз и воинских частей на территории этих стран. Финляндия отвергла советское предложение, заявив, что такой пакт противоречил бы ее позиции нейтралитета. Новые предложения, выдвинутые СССР (передвинуть на несколько десятков километров в сторону Финляндии границу для обеспечения безопасности Ленинграда и передать СССР ряд островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии и др.), также были отвергнуты Финляндией. Одновременно для решения возникавших спорных вопросов велись военные приготовления, которые активизировались после прекращения 13 ноября 1939 г. переговоров[2].

Поводом к началу военных действий послужил якобы имевший место 26 ноября 1939 г., по утверждению советской стороны, обстрел финской артиллерией подразделения Красной армии около пограничной д. Майнилы[3]. Финляндское правительство отвергало обвинения в свой адрес и предлагало "совместно произвести расследование по поводу данного инцидента". Советское правительство расценило финские предложения по урегулированию возникшего конфликта как неприемлемые и заявило, что "считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении" с Финляндией. Утром 30 ноября 1939 г. войска Ленинградского военного округа (командующий К.А. Мерецков) пересекли границу и стали продвигаться в глубь Финляндии, что фактически означало начало войны. В тот же день президент К. Каллио заявил, что "Финляндия объявляет состояние войны"[4]. Предпринятые сразу же попытки и предложения других стран и мировой общественности по восстановлению мира на Севере Европы были отвергнуты советской стороной. Исчерпав возможности для прекращения советско–финляндского конфликта, Совет Лиги Наций 14 декабря 1939 г. принял резолюцию об исключении СССР из Лиги Наций и осудил "действия СССР, направленные против Финляндского государства".

Негативные оценки действий Советского Союза последовали и со стороны зарубежной общественности. Свидетельством тому может служить заявление группы из-

вестных русских эмигрантов в Париже из круга Александра Керенского, издававшего журнал под названием "Русская новелла". В нем, в частности, говорилось: "В настоящий момент, когда правительство Советского Союза сеет в Финляндии смерть, разрушения и ложь, мы выражаем самый решительный протест по поводу этого преступного безумия. Русский народ не участвует в этих преступлениях, которые творит сталинское правительство в Финляндии. Мы уверены, что русские никогда не чувствовали и не могут чувствовать никакой враждебности к финскому народу, который героически защищает свою страну. Между Россией и Финляндией нет никакого вопроса, который нельзя было бы разрешить дружественно мирным путем..." В числе подписавших данное заявление были Марк Алданов, Иван Бунин, Дмитрий Мережковский, Сергей Рахманинов, Борис Зайцев[5].

Одновременно с началом советско–финляндской войны произошел ряд связанных с ней политических событий определенного направления. 2 декабря 1939 г. газета "Правда" опубликовала сообщение о том, что в финском городе Териоки (Зеленогорск), занятом Красной армией, "по соглашению представителей левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской Демократической Республики" (ФДР) во главе с видным деятелем финляндского и международного коммунистического движения О.В. Куусиненом. "Народное правительство ФДР" в своей декларации заявило, что "полностью одобряет и поддерживает действия Красной Армии на территории Финляндии" и предложило правительству СССР "заключить пакт о взаимопомощи"[6]. В тот же день, 2 декабря 1939 г., было объявлено о заключении договора о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР, который подписали В.М. Молотов и О.В. Куусинен. В договоре провозглашалось, что одним из чаяний финского народа является воссоединение его с карельским народом, и выражалось согласие Советского Союза передать ФДР территорию Советской Карелии в 70 тыс. кв. км, как и согласие ФДР на передачу Советскому Союзу территории севернее Ленинграда на Карельском перешейке в 3970 кв. км, а также согласовывались другие территориальные вопросы. В конечном итоге реальные события на фронте, реакция мировой общественности на эти события, возможность участия в войне западных держав на стороне Финляндии предопределили роль ФДР и правительства О.В. Куусинена как временного фактора на пути разрешения советско–финляндского конфликта.

Соотношение сил воевавших сторон по всему фронту от Финского залива до Баренцева моря вначале выглядело следующим образом: советские войска — 240 тыс. человек, 1915 орудий, 1130 танков, 967 боевых самолетов; финские войска — 140 тыс. человек, 400 орудий, 600 танков, 270 боевых самолетов[7]. С начала декабря между воюющими сторонами развернулись тяжелые бои, которые не принесли ожидаемых советским руководством быстрых успехов. Только на Крайнем Севере частям 14–й армии при поддержке Северного флота удалось продвинуться вперед на 150—200 км, овладев финской территорией полуостровов Рыбачий и Средний, а также г. Петсамо. Армии, действовавшие на участке центральной Карелии, продвинулись вперед до 35—80 км. На главном стратегическом направлении — Карельском перешейке, где развернулись наиболее ожесточенные, кровопролитные бои, — 7–й армии удалось продвинуться лишь на 25—65 км от границы и на ряде участков подойти к основному оборонительному рубежу финнов — линии Маннергейма. Неоднократные попытки прорвать здесь оборону противника ничего, кроме больших потерь, не дали. Советскому командованию пришлось прекратить дальнейшее наступление и начать серьезную подготовку к штурму линии Маннергейма.

Красноармейцы у разрушенного финского дота. Март 1940 г.

Неудачный для СССР ход боевых действий на первом этапе войны объяснялся прежде всего просчетами в стратегическом планировании: явной переоценкой возможностей Красной армии и недооценкой боеспособности финских войск, ошибочным предположением достичь победы в результате осуществления быстрой армейской операции силами Ленинградского военного округа. В планах не предусматривалась возможность ведения продолжительных боевых действий в условиях суровой северной зимы, как это случилось на практике, из–за чего возникли перебои в снабжении фронта необходимыми ресурсами. Ослабленный репрессиями 1937—1938 гг. командный состав не смог обеспечить должного оперативного управления и взаимодействия между частями разных родов войск. Многие солдаты, особенно прибывшие из южных районов страны, оказались неподготовленными к непривычным для них тяжелым условиям суровой зимы с морозами до 40—45 градусов и снежным покровом до 2 м. Отрицательно сказался и политический стереотип — необоснованные ожидания, что население, прежде всего рабочий класс воюющих против СССР капиталистических стран, встанет на сторону социалистической страны.

В конце декабря 1939 — январе 1940 гг. советские войска получили значительные подкрепления. Был создан Северо–Западный фронт (командующий С.К. Тимошенко), состоявший из 7–й и 13–й армий. В целом к февралю 1940 г. группировка войск, дислоцировавшаяся между Балтийским и Баренцевым морями, включала до 40 дивизий с общей численностью личного состава около 950 тыс. человек[8]. Особое внимание уделялось созданию превосходства в силах над противником на Карельском перешейке. 11 февраля после мощной артподготовки части Северо–Западного фронта предприняли новое наступление, атаковав линию Маннергейма. В результате 10–дневных ожесточенных боев советским войскам удалось прорвать главную полосу финской обороны и 21 февраля выйти к ее второй полосе. После небольшой передышки, 28 февраля, соединения Северо–Западного фронта возобновили наступление, вынудили противника начать отход по всему фронту, окружили Выборгский укрепленный район и к 13 марта штурмом взяли г. Выборг (Виипури). Падение линии Маннергейма и разгром основной группировки финских войск поставили Финляндию в безвыходное положение. Ее правительство обратилось к советскому правительству с просьбой о мире.

Жители Карелии, оказавшейся ближайшим тылом советско–финляндской войны, в той или иной степени участвовали в развернувшихся событиях. С началом войны по линии обкома партии 250 коммунистов руководящего состава были направлены на политическую работу в действующую армию, сотни коммунистов — проводниками, переводчиками, сотрудниками военных газет, более тысячи добровольцев — в ряды финской народной армии. Республика предоставила в распоряжение Красной армии 500 автомашин, 100 тракторов, 5000 лошадей, тысячи комплектов перевязочных средств[9].

Герой Советского Союза П. М. Петров

Промышленность Карелии выпустила для нужд войны продукции на несколько миллионов рублей. Только Петрозаводская лыжная фабрика увеличила производство в 3 раза, изготовив для Красной армии более 160 тыс. пар лыж, 130 тыс. пар лыжных палок, 5000 пулеметных лыж, 5000 снегоступов, 500 лодочек–волокуш. Более 7500 человек трудились в лютые январские морозы на строительстве железнодорожной ветки Петрозаводск—Суоярви. Полотно длиной 132 км, из которых 90 км пролегало по болотам, было проложено всего за 45 дней. Свыше 5000 женщин пришли на предприятия и в колхозы, заменив на производстве мужчин, ушедших на фронт.

Жители Карелии отправили красноармейцам более 70 тыс. подарков. 650 членов общества Красного Креста (РОКК) работали в госпиталях, ухаживая за ранеными бойцами. 3500 человек стали активными донорами. Семьям фронтовиков оказывалась различная помощь — денежные пособия, устройство детей в детясли, ремонт жилья, обеспечение одеждой и обувью[10].

В советско–финляндской войне совершили подвиги многие уроженцы Карелии. Особенно отличился капитан П.М. Петров (1910—1941) — командир эскадрильи 13–й армии Северо–Западного фронта. 17 февраля 1940 г. он, приземлившись на своем истребителе И–16 на льду озера Муоланъярви в расположении противника, принял на лыжу самолета летчика подбитой машины Н. Косичкина и под вражеским огнем вывез его к своим. После того, как самолет П.М. Петрова опустился на аэродром, на фюзеляже машины насчитали около 100 пробоин. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1940 г. капитану П.М. Петрову присвоено звание Героя Советского Союза. В начале Великой Отечественной войны майор П.М. Петров командовал авиаполком на Юго–Западном фронте. К ноябрю 1941 г. сбил около десятка немецких самолетов. Трагически погиб 23 ноября 1941 г. в районе пос. Уразово Белгородской области. Посмертно награжден орденом Красного Знамени[11].

Победа Советскому Союзу досталась дорогой ценой. Только безвозвратные людские потери Красной армии (убитые, умершие от ран и пропавшие без вести) составили 126 875 человек — в пять раз больше аналогичных потерь финской армии. Большой урон был нанесен и материально–техническим ресурсам. Военно–воздушные силы потеряли 540 самолетов. При прорыве главной полосы линии Маннергейма только 7–я армия лишилась 1244 танков. Такие большие потери советских войск объясня-

Представители советского и финского командования на новой линии границы. Март 1940 г.

лись не только особенностями театра войны и недостатками в организации боевых действий, упорством финнов в обороне своих позиций, но и тем, что высшее руководство СССР тогда не считалось ни с чем для достижения поставленных целей. Вместе с тем итоги и уроки войны, приобретенный в ходе ее опыт сыграли определенную роль в дальнейшем развитии стратегии и тактики, оперативного искусства Красной армии, улучшении организационной структуры и вооружения, совершенствовании управления войсками[12].

12 марта 1940 г. в Москве был заключен советско–финляндский мирный договор, в основу которого легли советские условия и предложения. Советско–финляндская граница отодвигалась от Ленинграда в сторону Финляндии на расстояние до 150 км. В состав территории СССР включались: Карельский перешеек с г. Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом с островами; северо–западное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Суоярви; ряд островов в Финском заливе; территория в районе г. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море. Финляндия предоставляла Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко, прилегающие к нему острова и морскую территорию для создания там военно–морской базы. Советский Союз обязался вывести свои войска из занятого им в ходе войны района Петсамо (Печенга), а Финляндия подтверждала принятое ею по договору 1920 г. обязательство о демилитаризации побережья Северного Ледовитого океана. Обе стороны обязались "взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких–либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон"[13].

Заключение мирного договора означало, что, хотя и дорогой ценой, советские стратегические и экономические позиции на Северо–Западе укреплялись за счет присоединения к СССР значительной территории Финляндии. Однако в политическом плане война отрицательно повлияла на международный авторитет Советского Союза. Надежды на то, что после заключения мира между воевавшими странами возникнут благоприятные условия для дальнейшего развития отношений в духе сотрудничества и добрососедства, не оправдались. Правительство и определенные круги общественности Финляндии считали мирный договор несправедливым, навязанным им военной силой и рассматривали сложившуюся после 12 марта 1940 г. ситуацию как перемирие, а не как мир.

Советское руководство отводило особую роль Карелии в развернувшихся военно–политических событиях 1939 г., учитывая ее пограничное расположение, нацио-

нальный состав населения, включающий финно–угорские народы. После начала советско–финляндской войны и создания уже упоминавшегося народного правительства во главе с О.В. Куусиненом перед руководством Карелии ставилась конкретная задача — обеспечить всевозможную поддержку данному правительству в реализации идеи создания новой Финляндской Демократической Республики, развернуть массовую агитационно–пропагандистскую работу среди населения.

В специальной записке от 30 декабря 1939 г. первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г.Н. Куприянов докладывал секретарям ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и А.А. Жданову о проводившейся работе: "Народное правительство Финляндии приняло решение об организации комитетов трудового народного фронта. Мы проводим эту работу по организации комитетов силами партийного актива нашей областной парторганизации, помогая народному правительству Финляндии... Подобран резерв из 56 товарищей, на которых оформлены все документы. Этот резерв мы будем посылать по мере продвижения частей Красной армии вглубь Финляндии. По всем деревням и поселкам, занятым частями Красной Армии, сейчас организовано 7 комитетов трудового народного фронта... Кроме того, сейчас мы создаем кружки по изучению финского языка. Работники партийного аппарата — карелы, понимающие разговорный финский язык, сами немного говорящие на финском языке, должны будут хорошо овладеть литературным финским языком, научиться читать и писать по–фински с расчетом использования их потом на работе в государственном аппарате Народной республики..."[14].

Еще до начала военных действий в 1939 г. в помощь правительству О.В. Куусинена стала формироваться так называемая народная армия (ФНА) — в основном из карелов, финнов и ингерманландцев Карелии и Ленинградской области. В конце ноября основные соединения ФНА в составе двух стрелковых дивизий, сформированных в Петрозаводске, были переброшены на Карельский перешеек, один стрелковый полк перебазировался за Полярный круг, в район Петсамо. В начале 1940 г. в районе Поросозеро — Суоярви сформировалась третья стрелковая дивизия.

Посильную помощь ФНА, особенно тем ее частям, которые дислоцировались на территории Карелии (3–я СД в районе Поросозеро—Суоярви и 7–й отдельный полк — в районе Ухты), оказывал Карельский обком ВКП(б). К началу января 1940 г. в 3–ю СД по линии обкома было отправлено 36 политработников, в том числе: секретарь Олонецкого райкома ВКП(б) Кюршунов, назначенный комиссаром полка на олонецком направления, инструктор обкома партии Бойцов, ставший комиссаром полка на ухтинском направлении и другие. В районах республики, особенно в тех, где преобладало карельское население (Олонецком, Пряжинском, Петровском, Ведлозерском и др.), в течение всей войны проводилась работа по вербовке добровольцев. Только в 3–ю СД на 1 февраля 1940 г. пожелало вступить 322 добровольца, а к 1 марта — уже 722. К концу Зимней войны в ФНА насчитывалось около 20 тыс. человек.

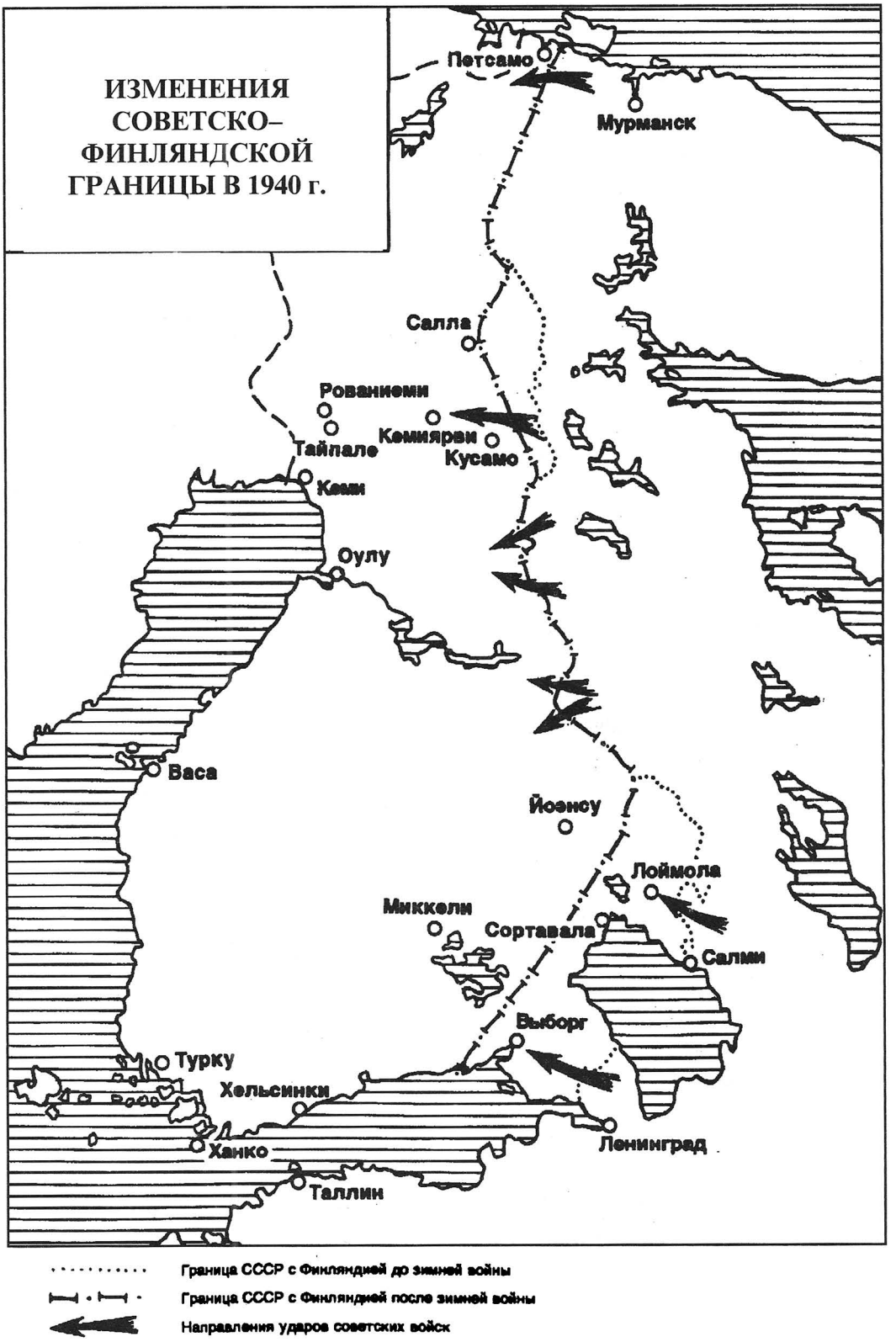
Народная армия создавалась в помощь правительству Куусинена и главная ее задача состояла в том, чтобы вслед за Красной армией войти в Хельсинки и обеспечить военную поддержку этому правительству. Ее соединения располагались во втором эшелоне за войсками Красной армии и в боевых действиях использовались мало. В начале марта 1940 г., когда стало очевидным, что война близится к концу, части 1–й и 2–й СД ФНА, находившиеся на Карельском перешейке, были отправлены на передовую. Для большинства народармейцев взятие г. Выборга явилось первым боевым крещением. После окончания войны началось расформирование частей ФНА. Личный состав ее позднее образовал ядро 71–й стрелковой дивизии Красной армии.

Как известно, почти все население отошедших от Финляндии к СССР территорий эвакуировалось и лишь незначительная его часть, немногим более 2000 человек, осталась на своих местах, главным образом в районе Суоярви. В начале февраля 1940 г. советское военное руководство приняло решение о немедленном переселении этих людей в тыловые районы Карелии. В результате все они в считанные дни оказались в трех спецпоселках: Интерпоселок (Пряжинский район), Кавгора (Кондопожский район), Кинтезьма (Калевальский район). Документы свидетельствуют о тяжелых условиях жизни финских граждан в спецпоселках, отсутствии у них средств к существованию, высокой заболеваемости и смертности, жестком контроле со стороны местных органов внутренних дел и госбезопасности, которые в специальных донесениях сообщали, что "большинство финнов крайне враждебно настроено к СССР"[15]. По условиям договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. почти все граждане Финляндии, оказавшиеся на территории Карелии (и Советского Союза), смогли, по своему желанию, вернуться в Финляндию в конце мая—начале июня 1940 г.

Итоги советско-финляндской войны оказали существенное влияние на дальнейшее развитие Карелии. VI сессия Верховного Совета СССР 31 марта 1940 г. приняла закон о преобразовании Карельской автономной республики (КАССР) в союзную Карело-Финскую ССР (КФССР). В состав Карелии передавалась основная часть территории, отошедшей от Финляндии к СССР по мирному договору: Карельский перешеек (за исключением небольшой полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду), западное и северное побережье Ладожского озера, территория западнее Кандалакши, ряд островов в Финском заливе. Летом 1940 г. здесь были образованы 7 новых районов — Выборгский, Кексгольмский, Куркиёкский, Питкярантский, Сортавальский, Суоярвский, Яскинский и 3 сельсовета — Алакурттинский, Кайрольский, Куолаярвский, включенные в состав Кестеньгского района. В результате территория республики увеличилась до 185, 8 тыс. кв. км, а количество районов — до 26. В соответствии с решениями VI сессии Верховного Совета СССР внеочередная сессия Верховного Совета КАССР (13—15 апреля 1940 г.) приняла закон о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР, о выборах ее высших органов власти и избрала конституционную комиссию для разработки проекта конституции КФССР[16].

Преобразование Карелии из автономной в союзную республику означало изменение ее государственно-правового статуса, расширение прав в области государственного, социально-экономического и культурного развития. Однако по действовавшей тогда Конституции СССР 1936 г. территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. Для выделения территории КАССР из состава России и преобразования ее в Карело-Финскую ССР требовалось согласие Верховного Совета РСФСР, который данный вопрос не рассматривал и согласия на изменение своей территории не давал. Таким образом, оказалось, что Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР с нарушением соответствующих норм Конституции СССР и Конституции РСФСР. Это один из примеров того, когда в условиях функционирования советской административно-командной системы политические расчеты ставились выше законов. В июле 1956 г. Карелия вновь стала автономной республикой в составе РСФСР[17].

16 июня 1940 г. в Карелии состоялись выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет КФССР. В них, согласно официальным итоговым данным, приняли участие 99,6% общего числа избирателей, 98,5% из которых проголосовали за "кандидатов блока коммунистов и беспартийных"[18]. Такие показатели характерны для того времени и предопределялись самим механизмом советской избирательной системы,


ИЗМЕНЕНИЯ СОВЕТСКО–ФИНЛЯНДСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1940 г.
Петсамо
Мурманск
Салла
Рованиеми
Кеми-ярви
Кусамо
Тайпале
Кеми
Оулу
Васа
Йоэнсу
Лоймола
Миккели
Сортавала
Салми
Выборг
Турку
Хельсинки
Ханко
Ленинград
Таллин
Граница СССР с Финляндией до зимней войны
Граница СССР с Финляндией после зимней войны
Направления ударов советских войск

условиями проведения выборов — их безальтернативностью, жестким контролем за их проведением и учетом поведения каждого голосовавшего.

Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР (8—11 июля 1940 г.) утвердила Конституцию КФССР, избрала Президиум Верховного Совета и образовала правительство республики. Председателем Президиума Верховного Совета республики избрали О.В. Куусинена, председателем Совета Народных Комиссаров утвердили П.С. Прокконена. Преобразования происходили в других сферах общественно-политической и хозяйственной жизни. 24—27 апреля в Петрозаводске состоялся I съезд Коммунистической партии Карело-Финской ССР, который обсудил отчетный доклад обкома партии и определил основные задачи партийно-советских органов в связи с образованием Карело-Финской союзной республики и вхождением в нее новых районов, отошедших от Финляндии к СССР по условиям мирного договора от 12 марта 1940 г. Съезд избрал свои руководящие органы. Первым секретарем ЦК КП(б) республики стал Г.Н. Куприянов. 1—3 июля состоялся I съезд комсомола Карело-Финской ССР, который избрал первым секретарем ЦК ЛКСМ республики Ю.В. Андропова.

ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР 28 мая 1940 г. приняли постановление "О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР и Ленинградской области". Карело-Финской ССР на восстановительные работы выделялось 300 млн руб.; предусматривалось переселение в республику 40 тыс. семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Мордовской, Татарской и Чувашской автономных республик, Вологодской, Калининской, Кировской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей. Однако заселение и освоение новых территорий Карелии шло трудно, о чем свидетельствуют многие докладные записки спецорганов руководству республики. Так, в докладной записке НКВД КФССР от 6 сентября 1940 г. отмечалось, что дело с приемом переселенцев остается крайне неудовлетворительным, не хватает автотранспорта для перевозки людей, эшелоны поездов простаивают, плохо поставлено снабжение переселенцев товарами первой необходимости, недостает жилья и т. д.[19]

К осени 1940 г. в новых районах начал функционировать аппарат партийных, советских и хозяйственных организаций, восстановлены частично или полностью большинство предприятий, организованы колхозы и МТС, начали работать торговая сеть, школы, медицинские и культурно-просветительные учреждения. К концу 1940 г. на восстановленных предприятиях работали 15 тыс. рабочих, а в созданных колхозах — 32 тыс. человек. Общая численность населения новых районов достигала 188 тыс., а в целом по республике — 700 тыс. человек.

Заметным событием в культурной жизни союзной республики стало открытие 1 сентября в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 10 июля 1940 г. в Петрозаводске на базе педагогического института Карело-Финского государственного университета в составе факультетов: историко-филологического, физико-математического, биологического и географо-гидрогеологического.

22—25 декабря 1940 г. в Петрозаводске состоялся первый съезд писателей Карело-Финской ССР, который подвел итоги и наметил перспективы развития литературы в республике. Республиканская писательская организация к этому времени насчитывала 25 литераторов — прозаиков, поэтов, народных сказителей, создававших произведения на русском, карельском и финском языках. Ответственным секретарем правления Союза писателей был избран поэт А. Эйкия[20].

Таким образом, советско-финляндская война 1939—1940 гг. оказала значитель-

ное влияние на ход развития Карелии, изменила ее территорию и границы, состав населения, административно–государственное устройство, все сферы общественно–политической, социально–экономической и культурной жизни края.

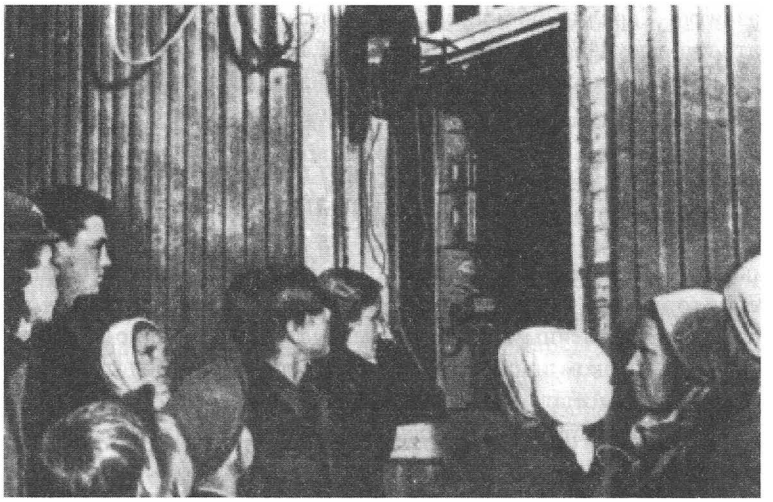
2. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРЕСТРОЙКА ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД

Ранним утром 22 июня 1941 г. войска фашистской Германии и ее союзников внезапно вторглись на территорию СССР. Так началась Великая Отечественная... В 12 часов того же дня с правительственным сообщением выступил по радио заместитель председателя Совнаркома, нарком иностранных дел страны В.М. Молотов. Президиум Верховного Совета СССР издал указы: "О мобилизации военнообязанных", "Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения" (в том числе и на территории Карелии).

29 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и советское правительство обратились к руководящим органам прифронтовых областей со специальной директивой, основные положения которой были обнародованы Председателем созданного Государственного Комитета Обороны (ГКО) И.В. Сталиным в речи по радио 3 июля 1941 г. В ней, в частности, подчеркивалось: "В навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение"[21]. Этот документ по существу стал программой мобилизации всех сил страны на борьбу с немецко–фашистскими агрессорами и включал в себя широкий комплекс организационных, политических, идеологических, экономических, военных мероприятий для достижения победы над врагом.

Буквально с первых часов войны стала перестраиваться и вся жизнь Карелии. Уже в 7 часов утра 22 июня 1941 г. открылось заседание бюро ЦК КП(б) КФССР, на котором была зачитана поступившая из ЦК ВКП(б) шифрограмма с сообщением о внезапном нападении на страну Германии и предложением немедленно развернуть работу согласно заранее составленному мобилизационному плану, рассмотрены первоочередные мероприятия в связи с началом войны. Сразу после заседания бюро состоялось совещание наркомов, начальников управлений и их заместителей. Около 10 часов утра во все районы выехали работники ЦК КП(б) и СНК КФССР для оказания практической помощи местным партийно–советским органам в проведении военно–организационных мероприятий, прежде всего, мобилизации военнообязанных первой очереди в ряды Красной армии и Военно–морского флота[22].

Сразу же после выступления по радио В.М. Молотова на территории республики прошли массовые митинги, на которых жители Карелии заявляли о своей готовности встать на защиту Родины. 22 июня состоялся общегородской многотысячный митинг в Петрозаводске, на котором выступили председатель горсовета Ф.В. Балагуров, первый секретарь ЦК ЛКСМ республики Ю.В. Андропов, студент университета С.Е. Криворучко и другие. На следующий день митинги состоялись на всех предприятиях и в учреждениях города и, в частности, на старейшем предприятии Петрозаводска — Онежском заводе. Секретарь горкома партии Н.А. Дильденкин обратился с призывом к рабочим отстоять Родину. Его поддержали старый большевик Х.Г. Дорошин, сталевар мартеновского цеха Н.И. Колин. "Нам навязали войну, — сказал Н.И. Колин, — и мы будем вести ее до полной победы. Мы, сталевары, обещаем да-



Жители пос. Лоймола слушают по радио сообщение о нападении Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 г.

вать больше высококачественной стали, чтобы разбить фашистских разбойников". В принятой резолюции онежцы записали: "Мы будем работать только так, чтобы полностью обеспечить нужды нашей Красной армии. Мы удвоим, утроим свои силы и разгромим, уничтожим немецких фашистов"[23].

Тысячи граждан Карелии выразили желание вступить в ряды действующей Красной армии, многие прямо на митингах и собраниях подавали заявления с просьбой направить их на фронт. Хотя согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. призыву подлежали военнообязанные запаса 1905—1918 годов рождения (то есть в возрасте 23—36 лет), заявления стали поступать и от тех, кто по разным причинам не подлежал призыву. По сообщению военного комиссара Карело–Финской ССР И.М. Макарова, отвечавшего за ход мобилизации, к концу дня 22 июня на призывные пункты явилось 60% подлежащих призыву в армию, а поздно вечером 23 июня мобилизация военнообязанных первой очереди в основном завершилась. Всего за 1941—1945 гг. Вооруженные силы страны получили из Карелии около 100 тыс. человек, которые сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны[24].

В первый же день войны с официальной просьбой о направлении в действующую армию обратился директор Онежского завода В.В. Тиден. Он как директор крупного металлургического и машиностроительного предприятия не подлежал мобилизации и получил отказ, тем более, что завод с первых дней войны приступил к выпуску оборонной продукции (корпусов снарядов крупного калибра и цилиндров для авиамоторов). В первых числах июля, порекомендовав на должность директора главного инженера завода А.Н. Брызгалова, он вновь обратился с просьбой разрешить ему сформировать из рабочих Онежского завода партизанский отряд для действий в тылу противника. Вскоре отряд "Красный Онежец" был сформирован. В.В. Тиден командовал отрядом до ноября 1941 г., потом — первой партизанской бригадой, в марте 1942 г. был направлен в Москву на курсы при Военной академии им. Фрунзе. После этого В.В. Тиден героически сражался в Карелии и Белоруссии, погиб в 1944 г.[25]

Только в первый месяц Великой Отечественной войны свыше 10 тыс. жителей республики подали заявления о добровольном вступлении в ряды действующей Красной армии[26].

Митинг рабочих Онежского завода в связи с нападением Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 г.

Одновременно с проведением мобилизации военнообязанных граждан в ряды действующей армии развернулась работа по формированию истребительных батальонов (ИБ), частей народного ополчения и партизанских отрядов. Истребительные батальоны в республике, как и в стране в целом, стали формироваться согласно принятому СНК СССР специальному постановлению от 24 июня 1941 г. "Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов" для организации необходимой охраны в прифронтовой полосе военных и народно–хозяйственных объектов, а также борьбы с вражескими агентами и диверсантами. Соответствующие решения принимались руководством Карело–Финской ССР, выполнение их в срочном порядке возлагалось на местные партийно–советские органы, районные отделения Наркомата внутренних дел республики.

В основном формирование истребительных батальонов в районах республики завершилось в начале июля 1941 г. По данным на 7 июля 1941 г. всего насчитывалось 38 батальонов с общей численностью личного состава 4325 человек. К осени 1941 г. общая численность бойцов–истребителей увеличилось до 5641 человека[27]. Одновременно в населенных пунктах организовалось около 100 групп содействия ИБ в составе 700 человек, задачей которых являлось наблюдение за обстановкой на местах для своевременной сигнализации о появлении противника. Общее руководство ИБ возлагалось на секретаря ЦК КП(б) КФССР А.С. Варламова, заместителя председателя СНК В.В. Стефанихина и наркома госбезопасности М.И. Баскакова. Позднее оно осуществлялось штабом истребительных батальонов НКВД республики. С первых дней существования ИБ несли охрану населенных пунктов, мостов и особо важных объектов, поднимались по боевой тревоге и выходили на преследование и ликвидацию обнаруженных вражеских десантов и диверсионных групп.

На станциях железной дороги и в райцентрах — Сортавале, Олонце, Кондопоге, Медвежьегорске — истребители обезвредили многих диверсантов. Об одном из таких эпизодов сообщило Совинформбюро в сводке за 1 июля 1941 г.: "На одном из озер Карело–Финской ССР противник высадил десант численностью 40 человек... Диверсионная группа полностью уничтожена..." Этот десант высадился на озере Выг и стал продвигаться на надувных лодках к шлюзам Беломорско–Балтийского канала с це-

Организаторы истребительных батальонов и партизанских отрядов М. Я. Исаков, С. Я. Вершинин, М. И. Баскаков, Н. Н. Сорокин, А. С. Варламов, М. Н. Попов

лью вывести из строя этот важнейший водный путь на Север. Бойцы Медвежьегорского истребительного батальона вместе с охраной канала сумели вовремя обнаружить, а затем уничтожить вражескую диверсионную группу. Через несколько дней была уничтожена диверсионная группа в составе 12 человек, которая пыталась взорвать одно из крупных гидротехнических сооружений ББК — Надвоицкую плотину[28].

Еще одна сфера деятельности истребительных батальонов — сбор и уничтожение вражеских листовок, которые разбрасывались противником в большом количестве, особенно в начале войны, с самолетов. Специальный приказ НКВД республики от 15 августа 1941 г. обязывал ИБ "следить за сбросом с вражеских самолетов контрреволюционных листовок и немедленно принимать меры окружения этой местности, не допуская к ней местное население..."[29]

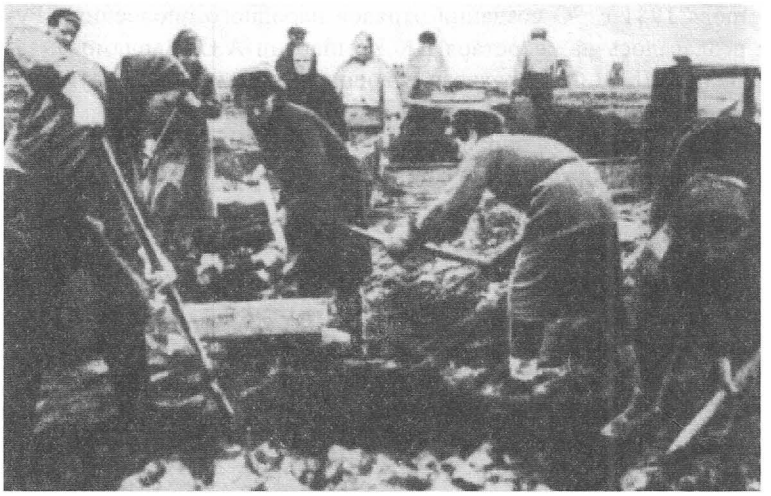
Летом и осенью 1941 г. в силу сложившейся тяжелой обстановки на фронте, отсутствия достаточного количества регулярных частей Красной армии ИБ Карелии направлялись на передовые позиции и вели упорные бои с противником, в которых проявили стойкость и мужество. Об этом говорят многочисленные оперативные сводки по линии НКВД за июль—декабрь 1941 г.: "Сводный истребительный батальон в количестве 354 человек, созданный из Медвежьегорского, Пудожского, Беломорского, Кемского и Сегежского батальонов, с 28 сентября по 1 октября участвовал вместе с частями Красной армии в боях с противником по обороне г. Петрозаводска. Батальон занимал рубеж от совхоза № 2, что юго–восточнее г. Петрозаводска, до Шелтозерского тракта, в течение 4 суток боем сдерживал регулярные части противника... 28 октября по распоряжению командования армейской группы медвежьегорского направления сводный Петрозаводско–Медвежьегорский истребительный батальон в составе 362 человек был направлен на оборону г. Медвежьегорска, где и находился до 5 октября 1941 г., ведя непрерывные бои с белофиннами..."[30]. Участвуя в этих первых, неравных и самых тяжелых боях против превосходящих сил противника истребительные батальоны понесли ощутимые потери, но выполнили свой долг с честью.

Еще одной формой отражения агрессии в республике, как и во всей стране, стало создание частей народного ополчения. Совнарком и ЦК Компартии КФССР приня-

ли постановление от 5 июля 1941 г. "О создании отрядов народного ополчения". Руководство ополчением возлагалось на секретаря ЦК Компартии А.С. Варламова, заведующего военным отделом ЦК Н.Ф. Карахаева и военного комиссара республики И.М. Макарова. В городах и районах организацией отрядов ополчения занимались первые секретари горкомов и райкомов партии, председатели исполкомов Советов депутатов трудящихся и военные комиссары. Народное ополчение состояло из добровольцев, пожелавших с оружием в руках защищать свою землю. "Мы считаем себя мобилизованными и призываем всех трудящихся Карелии, кто может держать оружие, вступить в ряды народного ополчения", — единодушно заявили на митинге рабочие Онежского завода. Многие патриоты, мужчины и женщины, независимо от возраста, вступали в ряды народного ополчения. К середине июля 1941 г. насчитывалось около 30 тыс. заявлений с просьбой о зачислении в отряды ополчения. К началу августа в Карелии уже действовали 3 полка, 32 батальона и 5 отдельных рот ополчения, в которых состояло свыше 22 тыс. бойцов. Во главе подразделений стояли командиры запаса, сержанты и красноармейцы. Ополченцы несли охрану важных объектов, дорог, мостов и т. д., а в первые месяцы войны использовались и в качестве резерва для пополнения войск на фронте[31].

Обстановка требовала непрерывного пополнения Красной армии боевыми резервами, поэтому население, способное носить оружие, следовало обучать военному делу. 17 сентября 1941 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны "О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР", а 20 сентября бюро ЦК Компартии республики разработало практические мероприятия по его выполнению. Районные комитеты партии утвердили командиров и политруков учебных подразделений и на всех предприятиях и в учреждениях организовали регулярное проведение военных занятий. В Беломорском районе, например, взяли на учет все население, подлежащее военному обучению. В октябре бюро райкома партии утвердило планы учебы, подобрало командиров и политруков. Население района стало систематически обучаться военному делу[32]. За короткое время политические работники военно–учебных пунктов республики провели около 4000 политинформаций, свыше 100 докладов, выпустили 3017 боевых листков и 317 стенных газет[33]. Всего за первые два года войны на пунктах всевобуча и в массовых оборонных организациях прошли обучение 14 365 автоматчиков, снайперов, минеров. Часть из них получила направление в действующую армию. Широкий размах приняла работа по подготовке населения к противовоздушной обороне. В начале июля 1941 г. на всех предприятиях и в учреждениях республики организовались кружки ПВХО, в которых обучалось более 50 тысяч человек. Среди женщин развернулось движение по овладению военно–санитарным делом. В санитарные дружины в первые дни войны их записалось 3278. В скором времени более 800 дружинниц отправились на фронт, а часть — в военные госпитали.

Неоценимую помощь фронту оказало создание силами населения летом и осенью 1941 г. оборонительных сооружений, военных аэродромов, дорог и других объектов. Люди работали в лесах и болотах почти круглосуточно, жили в палатках и землянках, испытывали недостаток в одежде, обуви и пище. В сентябре—октябре 1941 г. на оборонительном строительстве трудились 60 000 жителей Архангельской, Вологодской и других областей, в том числе свыше 20 000 жителей Карелии[34]. Возведение оборонительных рубежей развернулось вдоль всей линии фронта и включало 7 полевых строительств. Рабочие объединялись в отделения, взводы, батальоны. Каждое полевое строительство и каждый батальон имели штаб. Во главе подразделений сто-



Жители Карелии на строительстве оборонительных сооружений

яли командиры и политработники. В кратчайшие сроки были построены тысячи блиндажей и дзотов, вырыты сотни километров окопов и противотанковых рвов на огромном протяжении фронта от Ладожского озера до Баренцева моря. Опираясь на эти оборонительные рубежи, советские войска смогли оказать более сильное сопротивление превосходящим силам противника, задержать их продвижение.

В первые месяцы войны перед Карелией стояла важная задача — в короткий срок закончить строительство железнодорожной линии Сорокская—Обозерская. (Эта железнодорожная ветка протяженностью свыше 300 км проходила по побережью Белого моря и соединяла Кировскую и Северную железные дороги.) Требовалось принять самые срочные меры для завершения ее строительства. Руководство республики направило на этот участок несколько тысяч рабочих, необходимые материалы, тракторы, автомашины и другую технику. На сооружении дороги трудились и лучшие кадры железнодорожников–строителей, и заключенные Беломорско–Балтийского комбината, и население северных районов республики. В сентябре 1941 г. железнодорожная линия Сорокская—Обозерская вступила в строй. После захвата противником участка Кировской железной дороги от станции Лодейное Поле до станции Масельгская ей принадлежала особая роль в снабжении Карельского фронта и Северного флота военным снаряжением и подкреплениями из центральных областей страны, в осуществлении связей Карелии и Мурманской области со всей страной.

С началом войны в Карелии предпринимались попытки организовать собственное производство отдельных видов вооружения и боеприпасов для нужд фронта. Некоторые предприятия (мастерские Сегежского целлюлозно–бумажного комбината и Кировской железной дороги, Повенецкий судоремонтный завод) начали выпуск пистолетов–автоматов, минометов, мин и гранат. В ноябре 1941 г. стало действовать специальное совещание для рассмотрения данных вопросов с участием председателя Президиума Верховного Совета республики О.В. Куусинена, председателя Совнаркома П.С. Прокконена, секретаря ЦК КП(б) КФССР П.С. Солякова[35]. Постановлением ЦК КП(б) и Совнаркома Карело–Финской ССР в декабре 1941 г. создается Управление военной промышленности республики во главе с заместителем председателя Совнаркома М.Ф. Ивановым[36]. Однако развернуть в условиях прифронтовой

полосы в неприспособленных мастерских производство вооружения в достаточном количестве и соответствующего качества не удалось. В начале 1942 г. предприятия Управления военной промышленности, успевшие изготовить первые партии автоматов и минометов, прекратили выпуск вооружения.

На производство продукции для нужд фронта переходили другие предприятия мирного профиля. Петрозаводская лыжная фабрика стала изготовлять армейские лыжи. Несколько десятков видов оборонной продукции освоили лесозаводы. Промкомбинаты и артели промкооперации начали выпускать саперный инструмент, армейские котелки и т. п., ремонтировать обмундирование и обувь для бойцов фронта. Работники Кировской железной дороги стали оборудовать бронепоезда и бронеплощадки. Ремонтные мастерские и предприятия автотранспорта и местной промышленности приступили к ремонту танков, тракторов, моторов, автомашин и вооружения для фронта. Петрозаводский авторемонтный завод целиком переключился на ремонт военных машин. В течение 1941 г. предприятия республики отремонтировали и сдали частям Красной армии более 500 автомашин. По заданиям командования Карельского фронта производил перевозки автотранспорт хозяйственных организаций и учреждений республики, объединенный в автобатальоны и автороты. Обеспечивали бесперебойную доставку воинских грузов работники железнодорожного и водного транспорта. Бойцы действующей армии стали получать от тружеников сельского хозяйства мясо, овощи и другие продукты питания.

Экономика республики, подчиненная интересам фронта, характеризовалась некоторыми отличительными особенностями. Во–первых, переход ее на военный лад осуществлялся в условиях, когда наши войска, ведя оборонительные сражения, в силу ряда причин вынужденно отступали, оставляя родные города и села. В результате начавшийся процесс перестройки производства многим предприятиям не удалось завершить, и они эвакуировались в восточные районы страны.

Во–вторых, уже в первые месяцы войны немецко–финским войскам удалось значительно продвинуться в наступлении, оккупации избежала лишь одна треть общей довоенной территории республики. Это Беломорский, Лоухский, Кемский, Пудожский районы, а также часть Медвежьегорского, Тунгудского и Калевальского районов, где производилось менее одной пятой промышленной продукции. Здесь проживало в 1942 г. примерно 75 тыс. человек. Такова общая картина. Еще более показательны данные по лесной промышленности — ведущей отрасли народного хозяйства республики. Из 46 лесозаготовительных и лесосплавных предприятий, насчитывавшихся до войны, на неоккупированной территории продолжали свою деятельность только шесть. Основные средства производства лесной промышленности уменьшились на 80 процентов. В 1942 г. в лесу работало 15 тракторов и 21 автомашина, или 5% к довоенному уровню. Резко сократилась и численность рабочих, составлявшая к концу 1941 г. немногим более 3000 человек[37], причем 70 процентов из них впервые пришли на лесные делянки. Если до войны на лесозаготовительных предприятиях женщины составляли 25% от общего числа рабочих, то в 1942 г. — уже 50—60%. По сравнению с 1940 г. производительность труда снизилась: на заготовке древесины примерно на — 60%, на вывозке — до 70%. Около 40% рабочих не могли выполнять плановые нормы выработки. Объем лесозаготовок в 1942 г. по сравнению с 1940 г. сократился более чем в 10 раз.

В–третьих, промышленные предприятия, учреждения и организации длительное время (с декабря 1941 г. до середины 1944 г.) находились в непосредственной близости к фронту. При этом многое из того, в чем нуждался фронт, производилось тружени-

ками Карелии в непосредственной близости от мест боевых действий, в условиях налетов вражеских диверсионных отрядов и бомбардировочной авиации, что создавало дополнительные сложности для ведения необходимых работ и угрозу для жизни людей.

Одной из наиболее сложных проблем явилось обеспечение производства рабочей силой. В связи с войной резко сократилось число рабочих и специалистов, занятых в промышленности, на транспорте и особенно в сельском хозяйстве. Правительству пришлось принимать срочные меры по закреплению и перераспределению имеющейся рабочей силы в целях обеспечения кадрами в первую очередь важнейших участков народного хозяйства. На период войны вводилась трудовая мобилизация населения для проведения тех или иных первоочередных работ. Женщины, заменив ушедших на фронт мужчин, стали решающей силой во всех отраслях народного хозяйства.

Домашняя хозяйка Ксения Козина стала первой смотрительницей маяка, а через некоторое время пароходство насчитывало около 40 женщин, работавших на обслуживании маяков и бакенов[38]. Летом 1941 г. свыше 750 домохозяек работали на сплаве[39]. 66 студенток Петрозаводского университета трудились на Онежском заводе, 500 — занимались на курсах трактористов и шоферов. В селе Ладва Прионежского района в начале июля 1941 г. стала работать школа механизации сельского хозяйства. По путевкам ЦК ЛКСМ республики сюда прибыло 90 девушек. На Ильинском лесозаводе многих квалифицированных рабочих, ушедших на фронт, заменили женщины. Подручные работницы освоили профессию рамщика. На погрузке сырья стали работать женщины–домохозяйки. Несмотря на дефицит рабочей силы, завод не ослабил темпов производства, выполнил полугодовой план почти на 150%[40]. Всего на предприятия республики в годы войны пришло свыше 5000 молодых рабочих, в том числе 2000 студентов вузов и учащихся средних учебных заведений; 2329 юношей и девушек прибыли на производство по путевкам комсомола[41].

От привлеченных на производство недостаточно квалифицированных работников требовалось быстрое овладение сложными профессиями и постоянное повышение квалификации. На предприятиях развернулось обучение новых кадров. Школы ФЗО и ремесленные училища оказались эвакуированы, поэтому новое пополнение проходило обучение на различных курсах, в школах передового труда (стахановских школах), через индивидуальное обучение опытными квалифицированными рабочими. Все это в известной мере позволило разрешить сложную проблему кадров.

Война коренным образом изменила содержание и направление деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. В руководстве промышленностью, транспортом и сельским хозяйством главное внимание уделялось перестройке экономики республики в интересах фронта, удовлетворения его нужд. Коммунисты на собраниях обсуждали наиболее важные вопросы политической и хозяйственной жизни на местах, старались активнее влиять на ее ход. Повысилась роль бюро ЦК Компартии республики в решении хозяйственных и военно–оборонных задач. Как и по всей стране, в Карелии создаются политотделы машинно–тракторных станций и совхозов. По указанию ЦК ВКП(б) принимаются меры по улучшению деятельности политорганов на транспорте, учреждается институт партийных организаторов (парторгов) ЦК КП(б) леспромхозов, лесопунктов и лесобирж. В целях оперативного влияния на работу предприятий внимание партийных организаций направлялось на усиление контроля за деятельностью администрации.

В работе Советов на первый план тоже выдвигались вопросы оказания всемерной помощи фронту, мобилизации сил республики на борьбу с врагом, перестройки на-

родного хозяйства на военный лад. На сессиях Советов, заседаниях Президиума Верховного Совета республики и исполкомов районных Советов рассматривались важнейшие аспекты работы промышленных предприятий и колхозов. Так, на заседаниях Президиума Верховного Совета заслушивались отчеты Калевальского, Пудожского, Тунгудского районных Советов, рассматривались вопросы массовой работы Советов, их роли в выполнении производственных планов оборонного назначения.

Первый секретарь ЦК КП(б) КФССР, член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов

Перестраивали свою деятельность и профсоюзные организации. Они проявляли постоянное внимание к нуждам рабочих и служащих, детей–сирот, семей военнослужащих и инвалидов войны. Такая забота имела особо важное значение, потому что в условиях войны резко сократилось производство товаров народного потребления, значительно уменьшился розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, ухудшилось продовольственное положение населения.

Перестройка деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций республики сопровождалась серьезными изменениями, происходившими в их составе. Численность партийной организации Карелии к концу 1941 г. по сравнению с довоенным временем уменьшилась примерно в четыре раза. В связи с оккупацией ряда районов уменьшилось число партийных комитетов: на 1 июля 1941 г. в республике имелось 4 горкома, три городских райкома (в г. Петрозаводске) и 26 райкомов, а в начале 1942 г. насчитывалось лишь один городской и семь районных комитетов партии. Почти половина коммунистов ушла на фронт и в партизанские отряды, часть из них эвакуировалась в восточные районы страны. Если на 1 июля 1941 г. в составе республиканской партийной организации насчитывалось 14 543 человека, то на 1 сентября 1942 г. — 3526 [42]. Уменьшилось количество городских, районных и сельских Советов, а также число депутатов в них. Например, в Лоухском районе из 151 депутата (25 депутатов районных и 126 сельских Советов) осталось 46 (10 — районных и 36 — сельских Советов), в Беломорском из 51 — 36, в Медвежьегорском из 59 — 6 и т. д.[43]

В соответствии с требованиями военного времени перестраивали свою деятельность театральные и музыкальные коллективы, клубы, дома культуры, библиотеки республики. Брошюры, выпускаемые республиканским издательством рассказывали о героизме воинов Севера, о самоотверженном труде людей прифронтового края. Республиканские газеты “Ленинское знамя” и “Тотуус” (“Правда”), районные газеты систематически помещали материалы о положении на фронтах, о героических подвигах бойцов Карельского фронта, о жизни тыла.

Таким образом, перестройка народного хозяйства и культуры Карелии на военный лад шла полным ходом, однако завершить ее не удалось. Вынужденное отступление частей Красной армии потребовало эвакуации населения и перебазирования на восток промышленных предприятий, ценного имущества из районов, находившихся

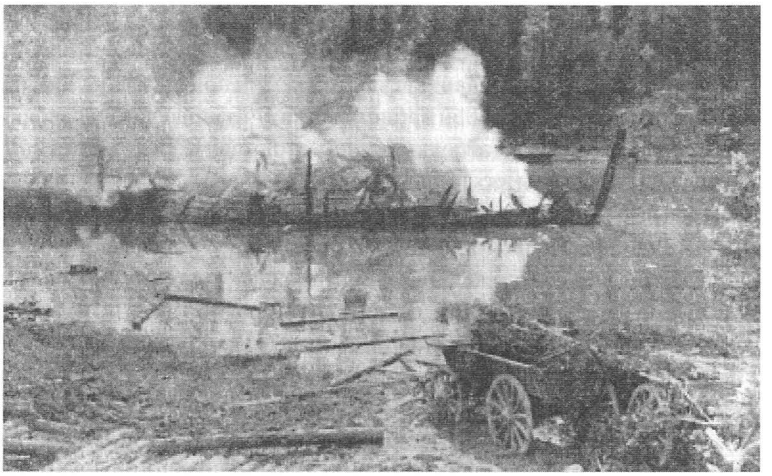
Фрезеровщица Онежского завода А. Акентьева на производстве снарядов для фронта на Красноярском механическом заводе

под угрозой захвата противником. Конкретные задачи трудящимся республики по проведению эвакуации определялись в постановлении ЦК Коммунистической партии и советского правительства от 27 июня 1941 г. "О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества" и в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. Для непосредственного руководства эвакуационными работами создавался Совет по эвакуации.

Непосредственное руководство вопросами эвакуации в Карелии осуществляла созданная по решению ЦК Компартии республики комиссия по эвакуации. Она приступила к работе в начале июля 1941 г. в следующем составе: секретарь ЦК Компартии П.В. Соляков, заместитель председателя Совнаркома М.Ф. Иванов и секретарь Президиума Верховного Совета КФССР Т.Ф. Вакулькин. Комиссия принимала решение об эвакуации, определяла сроки ее для населения и промышленных предприятий, утверждала планы и графики эвакуации, распределяла транспорт и т. п.[44] На местах эвакуацию проводили районные и городские комитеты партии и исполкомы Советов.

Эвакуация населения из пограничных районов Карелии началась с первых дней войны. По решению комиссии эвакуировались прежде всего детские учреждения (детские сады и ясли, детские дома) и дети до 16 лет вместе с родителями. Трудоспособное взрослое население оставалось на оборонных работах, на уборке урожая. Позже, в связи с продвижением противника, началась эвакуация и взрослого населения, проходившая в трудных условиях. Вражеские самолеты обстреливали поезда, пароходы и баржи на Онежском, Ладожском и других озерах, шоссейные дороги, по которым передвигалось население. 27 сентября 1941 г. на Онежском озере подверглись артиллерийскому обстрелу и бомбардировке пароход "Кингисепп" и баржа, на которой находились женщины и дети. Несколько снарядов попало в баржу, на ней вспыхнул пожар. Удалось спасти немногих, и то с большим трудом. Там, где противник успел перерезать дороги, население кружными путями, по лесным тропам уходило в советский тыл. Так, например, организованно вышло немало колхозников Сегозерского, Ведлозерского, Кестеньгского и некоторых других районов. Многие жители Калевальского, Ребольского и ряда других пограничных районов, где отсутствовали водные и железнодорожные пути, из–за нехватки транспортных средств уходили пешком, покидая дома и оставляя имущество.

Благодаря четкой организованности в целом эвакуация прошла успешно в широких масштабах и в сжатые сроки. Всего, по неполным данным, из республики эвакуи-



Первые последствия вражеской агрессии — горящая баржа на Ладожском озере

ровалось свыше 500 тыс. человек. Трудящиеся Карелии нашли приют у жителей Вологодской, Архангельской, Челябинской и других областей, Башкирской, Чувашской, Удмуртской, Татарской и Коми автономных республик. На новых местах они продолжали самоотверженно трудиться в помощь фронту.

Удалось своевременно вывезти оборудование и имущество 291 промышленного предприятия, в том числе Петрозаводской лыжной и Петрозаводской слюдяной фабрик, Кондопожского и Сегежского целлюлозно–бумажных комбинатов, большинства предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности и др. Эвакуированные на восток страны промышленные предприятия и оборудование в короткий срок устанавливались на новых местах и начинали выпуск продукции для нужд фронта. Первые эшелоны с оборудованием Онежского завода, к примеру, прибыли в Красноярск в августе 1941 г. Восстановить завод на новом месте помогли красноярские рабочие. Люди неделями не покидали строительную площадку, сутками не спали: рыли котлованы под фундаменты, воздвигали корпуса, строили котельную, проводили железнодорожную ветку и т. д. Уже в октябре 1941 г. онежцы отправили на фронт первую партию снарядов, а в декабре 1941 г. объем всей продукции завода в 1,5 раза превысил максимальный уровень производства мирного времени.

Огромную роль в эвакуации населения и грузов сыграли водники Карелии и железнодорожники Кировской магистрали. В летний период водники перевезли в тыловые районы страны более 200 тыс. т ценных грузов и около 250 тыс. человек эвакуируемого населения. В течение июля—ноября 1941 г. железнодорожники вывезли 8076 вагонов с промышленным оборудованием. Одновременно с эвакуацией населения и оборудования они переправили на другие дороги страны более сотни вагонов с железнодорожным оборудованием и запасными частями, 127 паровозов. Остальные паровозы в течение всей войны эксплуатировались на северном участке Кировской магистрали.

Особую трудность представляла эвакуация скота и сельскохозяйственных машин колхозов, совхозов и машинно–тракторных станций. Животных приходилось гнать сотни километров, обеспечивая их кормами, организовывая ветеринарную помощь. Преодолевая эти сложности, работники сельского хозяйства Карелии переправили в Вологодскую и Архангельскую области и Коми АССР около 150 тыс. голов скота.

В тыловые районы страны эвакуировались учреждения культуры республики. Среди них Карело–Финский государственный университет, переехавший в столицу Коми АССР г. Сыктывкар. Студенты и преподаватели университета получили здесь необходимые условия для продолжения учебного процесса.

В связи с временной оккупацией столицы Карело–Финской ССР государственные и партийные органы республики переехали из г. Петрозаводска в г. Медвежьегорск, а затем в г. Беломорск, ни на один день не прекращая своей деятельности, направленной на решение главной задачи военного времени: "Все для фронта, все для победы!"

3. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В 1941—1943 гг.

Оборонительные сражения советских войск в 1941 г.

Оборона советско–финляндской государственной границы возлагалась на войска Ленинградского военного округа (ЛВО), основные силы которых (23–я и 7–я армии) концентрировались на Карельском и Онежско–Ладожском перешейках. Прикрытие границы от Мурманска до Кеми осуществляла 14–я армия. Защита войск и объектов на этих направлениях с воздуха, а также ведение воздушной разведки возлагалось на ВВС округа. Важнейшие операционные направления, ведущие в глубь страны, прикрывались системой укрепленных районов, строительство и оснащение которых полностью еще не было завершено. В 1940 г. началось сооружение укрепрайонов: на мурманском направлении — Титовского, в Карелии — Сортавальского и на Карельском перешейке — Кексгольмского и Выборгского.

На кандалакшском направлении к началу войны заканчивалось строительство главной полосы обороны вдоль государственной границы по фронту 30 км и глубиной 12—15 км. На кестеньгском, ухтинском, ребольском и поросозерском направлениях были оборудованы по одному полковому участку обороны, состоявшему из 3—4 батальонных районов обороны шириной до 20 км и глубиной до 10 км. На петрозаводском и олонецком направлениях создавались полосы обороны дивизий, состоявшие из полковых участков обороны, ширина фронта каждого из них достигала 20—30 км, глубина до 12 км. Передний край оборонительных полос и участков на большинстве направлений проходил непосредственно по государственной границе, что позволяло противнику заранее изучить систему обороны советских войск и хорошо подготовиться к ее прорыву. Кроме того, незавершенность инженерных работ на важнейших оперативных направлениях значительно осложняла боевые действия советских войск в начальный период войны.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз 24 июня 1941 г. решением Верховного Главнокомандования (ВГК) СССР на базе Ленинградского военного округа был образован Северный фронт (командующий — генерал–лейтенант М.М. Попов), в состав которого вошли 7–я, 14–я и 23–я армии. В оперативное подчинение Северного фронта передавались пограничные отряды Карело–Финского, Ленинградского и Мурманского пограничных округов, а также Балтийский военно–морской флот. Они получили задачу — оборонять государственную границу с Финляндией общей протяженностью свыше 1500 км и не допустить вторжения противника на советскую территорию[45].

26 июня 1941 г. соединения группы немецких армий "Север" форсировали р. Западную Двину и нацелили свой удар с юга непосредственно на Ленинград. В тот же

день президент Финляндии Р. Рюти в выступлении по радио официально объявил о состоянии войны между Финляндией и СССР, возлагая ответственность за это на Советский Союз, который, якобы, уже начал военные действия на территории Финляндии. Он, в частности, заявил: "Сейчас, когда Советский Союз в связи с войной между Германией и СССР, распространил свои военные действия на территорию Финляндии, нападая на мирных жителей, наш долг защищаться, и мы сделаем это решительно и единодушно всеми имеющимися в употреблении моральными и военными средствами. Наши возможности выйти успешно из этой второй оборонительной войны на этот раз совершенно другие, чем были в прошлый раз, когда мы находились под натиском восточного гиганта. Вооруженные силы великой Германии под руководством гениального предводителя канцлера Гитлера успешно сражаются с нами против известных нам Вооруженных сил СССР. Кроме того, некоторые другие народы начали вооруженную борьбу с Советским Союзом, таким образом образовался единый фронт от Северного Ледовитого океана до Черного моря. Советский Союз теперь не сможет выставить против наших вооруженных сил той сокрушающей превосходящей силы, которая прошлый раз сделала нашу оборонительную борьбу безнадежной. Сейчас Советский Союз оказался по численности в равной борьбе, и успех нашей оборонительной борьбы обеспечен"[46].

Для Советского Союза данное официальное заявление Р. Рюти означало открытие еще одного боевого фронта — на европейском Севере, включая Карелию. Командование Северного фронта 27 июня издало директиву, в которой говорилось, что "открытие военных действий финнов и немцев против нашего фронта следует ожидать с часу на час". Поэтому все войска, выведенные к государственной границе, приводились в постоянную готовность к отражению наступления противника. Во всех армиях, соединениях и частях немедленно были отданы необходимые распоряжения[47].

В Финляндии в результате проведенной мобилизации действующая армия к началу войны насчитывала около 470 тыс. человек. Непосредственно у советско-финляндской границы размещались 21 пехотная дивизия и 3 бригады немецких и финских войск. На севере Финляндии развернулась отдельная немецкая армия "Норвегия" (с середины января 1942 г. переименованная в армию "Лапландия", а с середины июня 1942 г. — в 20-ю горную армию), в ее составе насчитывалось 4 немецких и 2 финских дивизии. Южнее, от озерной системы Оулуярви до Финского залива, дислоцировались 2 финские армии — Карельская и Юго-Восточная, состоявшие из 15 пехотных дивизий (в том числе одной немецкой), двух егерских и одной кавалерийской бригад. Сухопутные силы противника поддерживались 5-м немецким воздушным флотом и авиацией Финляндии, насчитывавшими вместе 900 боевых самолетов, и боевыми кораблями немецкого и финского военно-морских флотов в Финском заливе и на Баренцевом море. Противник превосходил советские войска в живой силе и боевой технике в 1,5—2,5 раза[48].

На Севере противник планировал захват всего Кольского полуострова и Карелии, с выходом на линию Архангельск—Киров. Ближайшие его цели заключались в следующем: на Крайнем Севере немецкие войска намеревались перерезать Кировскую железную дорогу и захватить Мурманск — незамерзающий порт и Полярный — военно-морскую базу Северного флота; между Ладожским и Онежским озерами финские войска предполагали соединиться с немецкой группировкой армии "Север", продвигавшейся на Ленинград и таким образом оказать ей содействие в операции по окружению и захвату города.

Военные действия на Севере начались 29 июня 1941 г. переходом в наступление

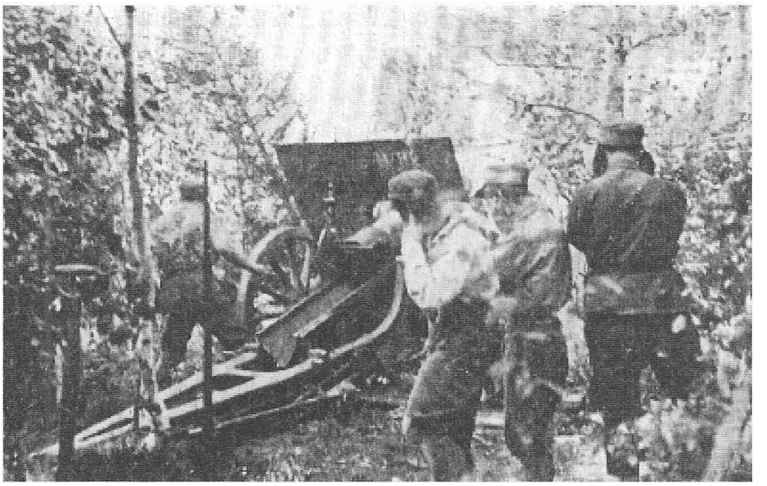
Герой Советского Союза Н. Ф. Кайманов

немецкой армии "Норвегия", части которой пытались нанести главный удар на Мурманск. Последовавшие одна за другой атаки противника, обладавшего на этом участке четырехкратным превосходством в силах и средствах, не имели успеха[49].

В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. на ряде участков государственную границу СССР перешли и финские войска. 10 июля 1941 г. главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Маннергейм отдал приказ, призывавший финских солдат "освободить земли карелов". В нем, в частности, говорилось: "Во время освободительной войны 1918 г. я обещал карелам Финляндии и Беломорья, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободными. Я поклялся в этом от имени финской крестьянской армии, надеясь на мужество ее солдат и на самоотверженность женщин Финляндии. 23 года Беломорье и Олония ждали выполнения этого обещания. Опустевшая после доблестной Зимней войны финская Карелия полтора года ждала нового рассвета. Бойцы освободительной войны, славные участники Зимней войны, храбрые мои солдаты! Новый день наступил. Карелия поднимается, в ваших рядах маршируют и ее батальоны. Свободная Карелия и великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий..."[50].

На всех направлениях фронта развернулись ожесточенные кровопролитные бои. Первыми начали отражать вторгнувшиеся на территорию Карелии вражеские силы (в районе Куолисмаа, Корписелькя, Вяртсиля, Яккима, Кумури, Кангасярви и др.) советские пограничники, не раз демонстрировавшие образцы стойкости и героизма. Одним из первых Героев Советского Союза вошел в историю Великой Отечественной войны офицер-пограничник Н.Ф. Кайманов (1907—1972), родом из Татарии. Он служил в пограничных войсках с 1929 г. После окончания московских курсов "Выстрел" в 1940 г. направлен в Карелию, где стал начальником отделения штаба 80-го погранотряда. В первые дни войны Н.Ф. Кайманов возглавил сводный отряд пограничников трех застав общей численностью 150 бойцов, которые 1 июля приняли на себя удар противника на Поросозерском направлении. Несмотря на значительное численное превосходство финнов, действовавших силами двух батальонов, интенсивный артиллерийский и минометный обстрел, а также бомбардировки с воздуха, отряд Н.Ф. Кайманова удерживал позиции в течение 20 суток. Огнем из винтовок и пулеметов, штыками и гранатами пограничники отбили десятки вражеских атак, а получив приказ об отходе, пробились из окружения к своим, вынеся всех раненых. Противник потерял в этих боях до 400 солдат и офицеров. Потери советских бойцов составили 19 убитыми и 14 ранеными. 46 пограничников получили ордена и медали, а старший лейтенант Н.Ф. Кайманов за умелое руководство героической обороной заставы удостоился звания Героя Советского Союза. В дальнейшем Н.Ф. Кайманов участвовал в сражении на Волге, командовал полком в боях под Курском и Белгородом[51].

Большое значение вражеское командование уделяло наступлению на кестеньг-



Финская артиллерия ведет огонь по территории Советской Карелии. 27 июля 1941 г.

ском направлении с целью выхода к Кировской железной дороге в районе станции Лоухи. В июле—августе усиленные подкреплениями вражеские войска предприняли здесь многочисленные атаки и смогли захватить районный центр Кестеньгу, создав непосредственную угрозу и станции Лоухи. В помощь оборонявшимся частям из Архангельской области по железнодорожной ветке Сорокская—Обозерская прибыла 88–я стрелковая дивизия. Воины ее сумели остановить противника и сорвать его планы по захвату станции Лоухи и выходу на железную дорогу, проявили отвагу и героизм. Так, пулеметчик Михаил Родионов с небольшой группой бойцов, защищая высоту, отразил 9 вражеских атак, получил ранение, но не оставил поле боя, а последней гранатой взорвал себя и окруживших его врагов. М.Е. Родионову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Здесь погибли командир дивизии генерал–майор А.И. Зеленцов, награжденный посмертно орденом Ленина, и военный комиссар дивизии А.И. Мартынов. За стойкость и мужество, проявленные в боях с врагом, 88–я стрелковая дивизия была преобразована в 23–ю гвардейскую дивизию. На кестеньгском направлении в боях участвовали истребительные батальоны, сформированные из жителей Карелии. У д. Коккосалми 80 бойцов Кестеньгского и Лоухского истребительных батальонов в течение 4 часов до подхода частей Красной Армии сдерживали натиск около 400 финских солдат и, по отзывам военного командования, "проявили в этом бою исключительную стойкость и героизм"[52].

На ухтинском направлении 1 июля перешли в наступление две финские дивизии. Два полка 54–й дивизии и группа пограничников в течение 10 дней стойко удерживали оборону близ государственной границы на р. Войница, и только ценой огромных потерь финны прорвали оборону советских частей, отошедших на новый рубеж в 10 километрах западнее Ухты.

Организованное сопротивление одного полка 54–й дивизии и 73–го пограничного отряда встретили финские войска на ребольском направлении. По словам Г.Н. Куприянова, "20 тысяч солдат противника, многие из которых были вооружены автоматами, против 4 тысяч наших! С 3 по 24 июля они отразили все атаки и нигде на этом участке не отступили от государственной границы"[53]. Здесь, на ребольском направлении, в течение месяца "прикрывал одно из наиболее уязвимых участков фронта" Ругозерский истребительный батальон. У села Паданы продвижение врага до подхо-

Советские войска переходят в наступление на Лоухском направлении. 1941 г.

да наших воинских частей задержал партизанский отряд "Вперед", сформированный из жителей Ругозерского района.

В ходе ожесточенных боев немногочисленные советские части отошли на рубеж р. Пижма. Здесь из отдельных подразделений в августе формируется 27–я стрелковая дивизия под командованием полковника Г.К. Козлова, который впоследствии писал: "В тяжелых боях воины дивизии показали исключительную стойкость. В течение напряженных более чем двухмесячных боев начального периода войны, несмотря на многократное превосходство противника, дивизия выполнила поставленную ей задачу, прикрыв Кировскую железную дорогу"[54].

10 июля основные силы финской Карельской армии начали наступление на Онежско–Ладожском перешейке, где развернулись особенно затяжные и жестокие бои. Противник сумел захватить станцию Лоймола, перерезав тем самым железнодорожную коммуникацию в полосе 7–й армии, и 16 июля захватил Питкяранту. Достигнув побережья Ладожского озера, финская армия развернула наступление одновременно на трех направлениях: петрозаводском, олонецком и сортавальском. Наши войска отступали, ведя упорные бои с превосходящими силами противника. В сложной обстановке командование 7–й армии 21 июля создало две оперативные группы — Петрозаводскую и Южную, которые 23 июля предприняли контрнаступление. Ожесточенные бои длились несколько дней, противник ввел в действие две свежих дивизии. Наши войска, понеся большие потери, в конце июля прекратили атаки. Но и противник вынужден был перейти к обороне, что позволило временно стабилизировать ситуацию[55].

19 июля в Петрозаводск прибыли главнокомандующий войсками Северо–Западного направления К.Е. Ворошилов и член Военного совета фронта секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов для решения ряда вопросов, связанных с обороной войсками 7–й армии северных подступов к Ленинграду. В течение двух дней К.Е. Ворошилов и А.А. Жданов изучали обстановку, связанную с боевыми действиями Петрозаводской и Южной оперативных групп, знакомились с работами по созданию оборонительных рубежей вокруг Петрозаводска. Вскоре по указанию главкома в распоряжение 7–й армии прибыли 272–я стрелковая дивизия и 3–я дивизия народ-

Финское стрелковое подразделение в районе Толвоярви. 1941 г.

ного ополчения Ленинграда. На фронт прибыли также несколько истребительных батальонов и вновь сформированных из жителей республики запасных стрелковых полков. 7 августа 1941 г. главное командование Северо-Западного направления в предвидении боев на Онежском озере приняло решение о формировании Онежской военной флотилии[56].

В оборонительных боях за Карелию летом 1941 г. исключительную стойкость и мужество проявили воины 168-й и 71-й стрелковых дивизий. Длительное время эти дивизии держали рубеж обороны, противостоя крупным силам Карельской армии финнов. Бывший начальник оперативного отдела 168-й дивизии С.Н. Борщев отмечает в своих воспоминаниях: "Двадцать пять дней мы стояли насмерть, защищая нашу государственную границу, и двадцать пять дней удерживали рубеж обороны"[57]. 126-м стрелковым полком 71-й дивизии, сформированной на территории Карелии, командовал майор Вальтер Валли. Полк в течение длительного времени удерживал занимаемые рубежи, оказывал упорное сопротивление превосходящим силам противника. Лишь после того, как вражеское командование ввело в бой свежие силы, 126-й полк начал вынужденный отход. Высокую стойкость и мужество проявил личный состав полка при обороне города Медвежьегорска. Ему было вручено Красное знамя Верховного Совета Карело-Финской ССР[58].

52-й полк той же дивизии после упорных оборонительных боев у д. Корписелькя по приказу командования отошел на юго-восток и к середине июля создал устойчивую оборону на восточном берегу озера Толвоярви. Первое наступление врага удалось отразить. Но в конце июля в бой вступила вновь прибывшая 163-я немецкая дивизия. Здесь, в районе Ристисалми, 28 июля 1941 г. в бою против гитлеровцев совершил свой воинский подвиг П. Тикиляйнен и бойцы его отделения. Они получили приказ не допустить выхода врага на дорогу, которая вела через Вохтозеро и Спасскую Губу на Петрозаводск. Окопавшись на восточном берегу Толвоярви, отделение П. Тикиляйнена встретило вражескую роту ружейно-пулеметным огнем. В течение всего дня советские бойцы героически отбивали натиск противника. К вечеру кончились патроны, в живых осталось только четверо, включая командира. Они поднялись на свой последний, рукопашный бой и не пропустили врага к дороге на этом рубеже,

Командующий Карельским фронтом в 1941—1944 гг. В. А. Фролов

выполнив до конца свой воинский долг. За этот подвиг П.А. Тикиляйнену присвоено звание Героя Советского Союза[59].

Стойко сражались с регулярными частями финской армии бойцы истребительных батальонов Карелии, вооруженные только винтовками и пулеметами. В боях под Питкярантой в течение нескольких часов сдерживали натиск противника до подхода частей Красной Армии Олонецкий (командир А.В. Анохин) и Питкярантский (командир С.Г. Яхно) истребительные батальоны. Суоярвский истребительный батальон (командир П.К. Жуков) и отряд пограничников в конце июля 1941 г. три дня вели упорный бой у станции Новые Пески с батальоном противника и одержали победу. Действия Суоярвского батальона заслужили высокую оценку командования. Выборгский истребительный батальон, участвуя в обороне города, попал в окружение, но с боем вышел из него. В оборонительных боях за г. Сортавала участвовал Сортавальский истребительный батальон. Несколько суток сдерживали натиск противника в районе Колатсельги истребительные батальоны Петрозаводска, Пряжинского и Ведлозерского районов. Активное участие в боевых действиях принимали и другие истребительные батальоны Карелии. Немало бойцов истребительных батальонов отдали свою жизнь за Родину.

23 августа Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР приняла решение о разделении Северного фронта на два самостоятельных — Карельский и Ленинградский. Главной задачей Карельского фронта (КФ) стала оборона имевших большое экономическое и стратегическое значение районов — Карелии и Заполярья. В состав КФ (командующий до февраля 1944 г. генерал-лейтенант В.А. Фролов, затем генерал армии К.А. Мерецков) входили 7-я, 14-я, 19-я, 26-я, 32-я общевойсковые армии, 7-я воздушная армия и другие отдельные соединения и части советских войск; ему оперативно подчинялись Северный военно-морской флот, Ладожская и Онежская военные флотилии.

Из всех советских фронтов Великой Отечественной войны КФ действовал самое продолжительное время (3,5 года) на самом протяженном расстоянии (около 1500 км — от Ладожского озера до Баренцева моря) и в особо сложных северных природно-климатических условиях. Труднопроходимая местность и неразвитая транспортная сеть позволяли вести боевые действия только по отдельным, изолированным между собой, направлениям (вдоль дорог в полосе 20—50 км), важнейшие из которых определились в 1941 г.: олонецкое, петрозаводское, медвежьегорское, ребольское, ухтинское, лоухское, кандалакшское, мурманское.

В самом конце июля финны начали новое наступление на Карельском перешейке. В результате ожесточенных боев противник прорвал оборону 23-й армии и 9 августа вышел к побережью Ладожского озера. Части 23-й армии оказались расчлененными на три изолированные группировки. Вскоре финны захватили Сортавала, Выборг, Лахденпохья, Кексгольм и ряд других населенных пунктов. Только в начале сентября советским частям удалось остановить продвижение противника на рубеже государ-

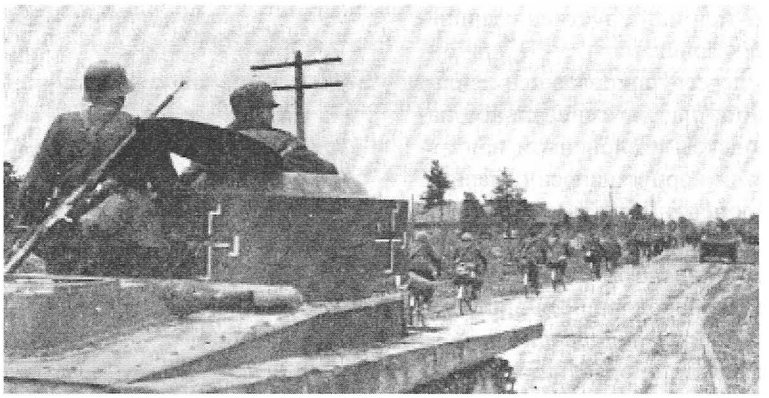
ственной границы 1939 г. и не допустить соединения финских и немецких войск.

В начале сентября, перегруппировав свои силы, Карельская армия финнов начала генеральное наступление на петрозаводском и олонецком направлениях. Ее 6–й армейский корпус наносил главный удар в направлении Олонец—Лодейное Поле. Наступление финских войск поддерживали большие группы бомбардировщиков, которые непрерывно бомбили и обстреливали оборонявшиеся здесь части Красной Армии. Используя превосходство в силах и средствах, противник прорвал оборону советских войск и к исходу 4 сентября вышел на дорогу Видлица—Олонец. 5 сентября он захватил Олонец, а два дня спустя вышел к северному берегу Свири на участке Лодейное Поле—Свирьстрой, перерезал Кировскую железную дорогу. Ему удалось форсировать Свирь и захватить небольшой плацдарм на ее южном берегу[60].

Герой Советского Союза П. А. Тикиляйнен

Финские оперативные сводки сообщали об этих событиях: "6–й армейский корпус. Олонец захвачен 5 сентября, в 20 часов достигли северо–западной части Мегреги. Продвижение продолжается. Вторглись в Нурмолицу. Идут бои. Около половины г. Олонца горит. В качестве трофеев в Олонце захвачены, в частности, 9 тяжелых дальнобойных пушек, тяжелые и легкие минометы, машины, тракторы, 6 танков уничтожено". Финский офицер службы информации М. Хаавио сделал такую запись в своем дневнике о торжествах в Олонце по случаю его взятия: "10 сентября. Этот день стал праздничным. Утром состоялся парад на площади Куттуева. Парад прошел так же, как в мирное время в Хельсинки перед Никольским собором. Колонны стояли ровными рядами. Все пуговицы на мундирах солдат были застегнуты, правда, сами мундиры были несколько потрепаны. На голове генерала была фуражка. Мы стояли вытянувшись как столбы. Оркестр исполнил марш. Генерал произнес речь. Генерал Пааво Талвела сказал: "Солдаты! Отважные наши войска два дня тому назад заняли Олонец и повернули фронт в сторону Свири... Так исполнилась мечта, о которой лишь редкие осмеливались грезить и лишь смелые совершали ради нее дела..."[61].

В начале сентября 7–й армейский корпус финнов нанес удар на петрозаводском направлении, где в первой линии оборонялась Петрозаводская оперативная группа (ПОГ) на фронте в 100 км. 71–я стрелковая дивизия, действовавшая правее Петрозаводской оперативной группы, вела упорные бои на фронте в 140 км. В результате неоднократных атак финнам удалось прорвать оборону советских частей. После небольшого перерыва, 20 сентября финские войска вновь начали наступление, бросив на петрозаводское направление более половины своей Карельской армии. Войска Петрозаводской оперативной группы и гражданское население стойко обороняли столицу Карелии. В конце сентября финны бросили сюда из резерва еще две пехотные дивизии и несколько танковых батальонов. 30 сентября они прорвали нашу оборону и устремились к Петрозаводску. В связи с угрозой городу и опасностью быть отрезанными командование ПОГ получило приказ оставить Петрозаводск и отойти на северный берег р. Шуи[62].



Захват финскими войсками г. Олонца. Сентябрь 1941 г.

За период с 1 по 30 сентября потери 7–й армии в боях составили 1991 человек убитыми, 5775 ранеными и 8934 пропавшими без вести. Согласно донесению политотдела армии в Главное политуправление РККА, одними из важнейших причин оставления Петрозаводска являлись следующие: отсутствие необходимых резервов; на петрозаводском направлении противник сосредоточил много артиллерии, минометов и автоматического оружия, между тем как наши части имели недостаточное вооружение; взаимодействие пехоты с артиллерией и авиацией на ряде участков оказалось недостаточным — авиация и артиллерия слабо уничтожали огневые точки противника; неудовлетворительно велась разведка, в результате наши части и подразделения мало знали о расположении и силах противника. Сосредоточение вражеских артиллерии и минометов дало возможность противнику держать Петрозаводск под непрерывным артобстрелом с 28 по 30 сентября 1941 г., в результате чего в городе возникли большие пожары и разрушения[63].

Согласно финским оперативным сводкам, части финской Карельской армии ворвались в Петрозаводск 1 октября в 4 часа 30 минут утра и в тот же день водрузили государственный флаг Финляндии над бывшим зданием правительства Советской Карелии. Маршал Маннергейм издал специальный приказ, в котором оценил важность события так: "К своим уже имеющимся блистательным победам Карельская армия добавила самый крупный успех —взятие г. Петрозаводска. Таким образом путем обширных и успешных действий достигнут результат, имеющий решающий характер..."[64]

По свидетельству финского офицера службы информации, Петрозаводск после захвата выглядел следующим образом: "Отступивший враг причинил крупным строениям города страшный ущерб. Первое впечатление такое, что здания неоклассической архитектуры на правительственной площади являются островами в море разрушений... После 18 часов улицы пустеют, так как с этого времени ходить по городу можно лишь по специальным разрешениям. Под луной, выглядывающей из–за предвещающих снег серых туч, город выглядит угрюмо темным и пустынным. Лишь сапоги патрулей или отдельных офицеров стучат по деревянным тротуарам. Из–за упавших на землю телефонных и телеграфных проводов передвижение по улицам напоминает хождение по полю среди капканов или противопехотных заграждений. Исчезли группы солдат, которые в течение дня ходили из дома в дом. Перед зданием театра возникает драка, которая прекращается после

Финские солдаты входят в захваченный Петрозаводск. Октябрь 1941 г.

того, как пьяный фельдфебель бросает на темную площадь ручную гранату... Все говорят о нехватке вина. В этом одна из причин того, что нигде не ощущается чувства победы..."[65]

Захватив Петрозаводск, финские войска продолжали развивать наступление на Медвежьегорск. После тяжелых упорных боев с превосходящими силами противника советские войска оставили г. Медвежьегорск. Оборону здесь держала Медвежьегорская оперативная группа (командующий генерал-майор М.С. Князев), созданная из частей 7-й армии 10 октября 1941 г. по приказу Ставки Верховного Главнокомандования. Весь ноябрь под Медвежьегорском шли упорные бои. Воины 71-й и 313-й дивизий отбивали по 5—8 атак в день, нередко сами переходили в контратаки. Город переходил из рук в руки. Однако нашим войскам пришлось оставить Медвежьегорск и по льду отойти на восточный берег Повенецкого залива и занять оборону на новых позициях[66] .

В одном из воздушных боев на подступах к Медвежьегорску героический подвиг совершил командир эскадрильи Н.Ф. Репников. Он родился в 1914 г. в семье лесозаготовителя, которая в 1930 г. переехала из г. Пудожа в г. Петрозаводск. После окончания школы ФЗУ Н.Ф. Репников работал слесарем-инструментальщиком на Онежском заводе, без отрыва от производства окончил курс обучения в аэроклубе и парашютной школе. Призван в армию в 1936 г. — в истребительную авиацию Ленинградского военного округа, участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Начало Великой Отечественной войны старший лейтенант Н. Репников встретил на Карельском фронте, где командовал авиазвеном, а затем эскадрильей 152-го истребительного авиационного полка. В воздушных боях он сбил 5 вражеских самолетов и в ноябре 1941 г. был награжден орденом Ленина. Свой последний бой капитан Репников провел 4 декабря 1941 г. Семь вражеских самолетов с бомбами шли в район Беломорско-Балтийского канала. Их перехватило звено советских истребителей во главе с Н. Репниковым, возвращавшееся на свой аэродром после

Герой Советского Союза Н. Ф. Репников

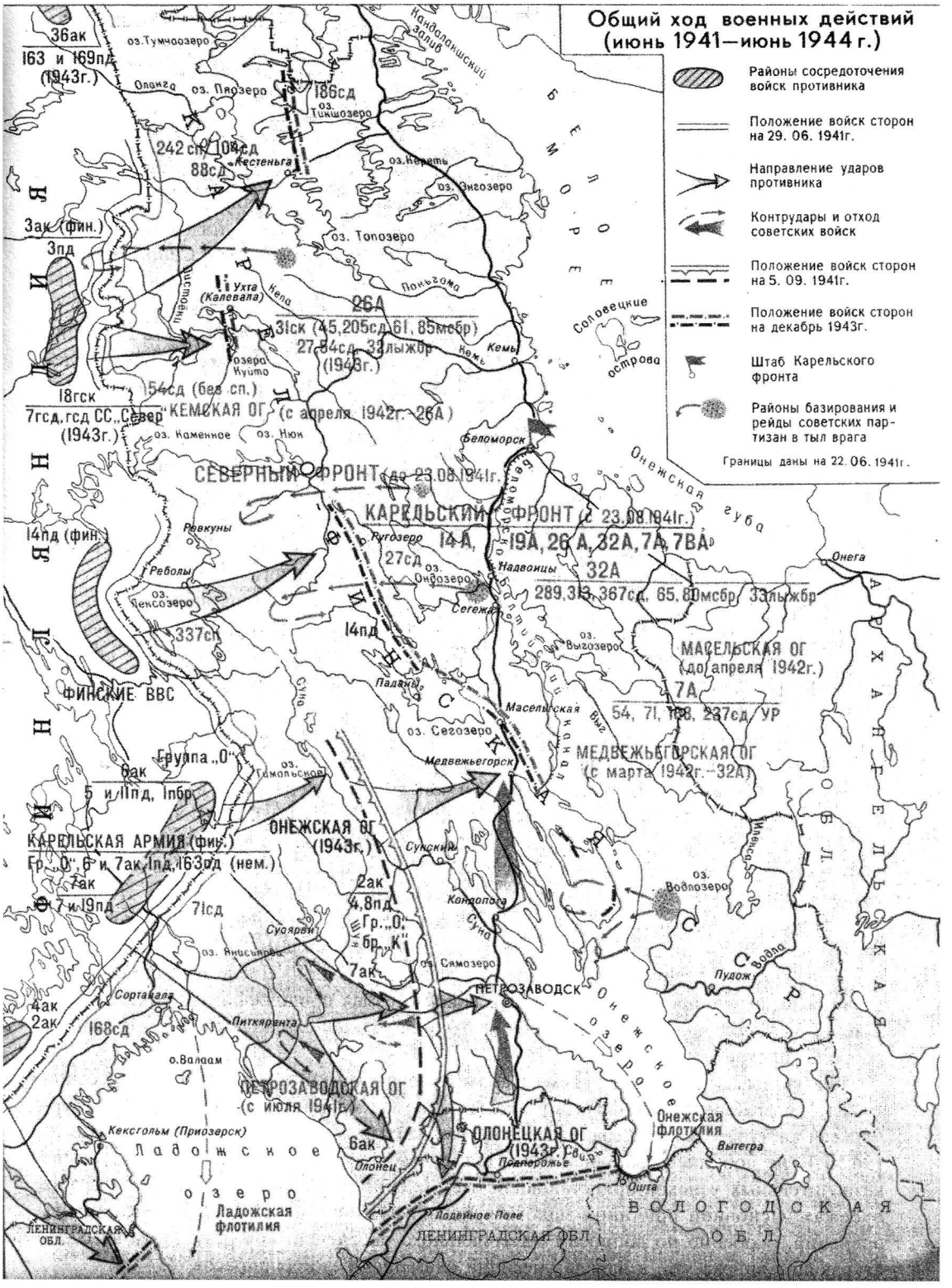
выполнения боевого задания. Завязался неравный бой. Когда у Репникова кончился боекомплект, он таранил головную машину противника, совершив один из первых воздушных таранов на Карельском фронте. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1943 г. Н.Ф. Репников посмертно удостоен звания Героя Советского Союза[67].

К середине декабря 1941 г. войска Карельского фронта окончательно остановили продвижение вражеских армий на всех направлениях. Линия фронта стабилизировалась на рубеже: южный участок Беломорско–Балтийского канала —станция Масельгская—Ругозеро—Ухта—Кестеньга—Алакуртти. Планы противника, рассчитанные на быстрый захват северных районов СССР, провалились. Советским войскам удалось сохранить главную базу Северного флота — Полярный, незамерзающий порт Мурманск, северный участок Кировской железной дороги (с железнодорожной веткой Сорокская—Обозерская), по которому проходили грузы из Мурманска, а также осуществлялось снабжение войск Карельского фронта; на юге Карелии и на Карельском перешейке финским и немецким армиям не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады[68].

Первые наступательные операции советских войск в период позиционной войны. 1942—1943 гг.

С декабря 1941 г. на Карельском фронте наступил новый этап боевых действий — период стабильной позиционной обороны. В течение почти двух с половиной лет советские войска прочно удерживали свои позиции от Баренцева моря до р. Свири, сковывали здесь значительные силы противника, а также предпринимали и наступательные операции.

Так, уже 3—10 января 1942 г. Масельгская оперативная группа под командованием генерал–майора Г.А. Вещезерского (186–я, 289–я и 367–я стрелковые дивизии, 61–я и 65–я морские стрелковые бригады) и Медвежьегорская оперативная группа под командованием генерал–майора С.Г. Трофименко (71–я и 313–я стрелковые дивизии, 1–я лыжная бригада в составе восьми батальонов) провели Медвежьегорскую наступательную операцию с целью окружения и ликвидации крупной группировки финских войск, обладавших превосходством в силах и средствах. 3 января части Масельгской оперативной группы после короткой артиллерийской подготовки перешли в наступление, а части Медвежьегорской оперативной группы начали разведку боем. В ночь на 4 января финское командование, подтянув ближайшие резервы, предприняло несколько сильных контратак. Завязались ожесточенные упорные бои, продолжавшиеся до 10—11 января. С подходом резервов противника соотношение сил существенно изменилось в его пользу. Советские войска стали испытывать недостаток в боеприпасах и горючем, поэтому по просьбе командования Ка-


Общий ход военных действий
(июнь 1941—июнь 1944 г.)
Районы сосредоточения войск противника
Положение войск сторон на 29. 06. 1941г.
Направление ударов противника
Контрудары и отход советских войск
Положение войск сторон на 5. 09. 1941г.
Положение войск сторон на декабрь 1943г.
Штаб Карельского фронта
Районы базирования и рейды советских партизан в тыл врага
Границы даны на 22. 06. 1941г.
Белое море
Финляндия
Ладожское озеро
Онежское озеро
Архангельская обл.
Вологодская обл.
Ленинградская обл.
Беломорск
Кемь
Соловецкие острова
Онежская губа
Медвежьегорск
Петрозаводск
Олонец
Лодейное Поле
Онежская флотилия
Кексгольм (Приозерск)
Сортавала
Питкяранта
о.Валаам
Кестеньга
Ухта (Калевала)
Куусамо
Суомуссалми
Каменное
Нюк
Ревкуны
Реболы
Кенсозеро
Ругозеро
Надвоицы
Сегежа
Маселькя
Сегозеро
Гомольское
Сунский
Шуйская
Суна
Пудож
Вытегра
Ошта
Подпорожье
Свирь
Онега
Выгозеро
Водлозеро
Тикшозеро
Пяозеро
Оланга
Тумчаозеро
Кандалакшский залив
Поньгома
Кемь
Нива
Кеть
Ковда
Выг
Ондозеро
Топозеро
Янисъярви
Контокки
Сямозеро
Ладожская флотилия
Ленинградская обл.
Финские ВВС
Карельская армия (фин.)
Гр. „О" 6 и 7ак, 1пд, 163од (нем.)
Ф 7 и 19пд
Гр. „О" 5 и 11пд, 1пбр
Гр. „О" 6ак
Гр. „О" 4,8пд
Гр. „О" бр. „К"
Онежская ОГ (1943г.)
Петрозаводская ОГ (с июля 1941г.)
Олонецкая ОГ (1943г.)
Медвежьегорская ОГ (с марта 1942г.-32А)
Масельская ОГ (до апреля 1942г.)
Кемская ОГ (с апреля 1942г.-26А)
Северный фронт (до 23.08.1941г.)
Карельский фронт (с 23.08.1941г.)
14А, 19А, 26А, 32А, 7А, 7ВА
26А
31ск (45,205сд, 61, 85мсбр)
27, 54сд, 3Элыжбр (1943г.)
32А
289, 313, 367сд, 65, 80мсбр, 3Элыжбр
7А
54, 71, 168, 237сд, УР
54сд (без сп.)
3ак (фин.)
3пд
14пд (фин.)
337сд
18гск
7гсд, гсд СС „Север" (1943г.)
163 и 169пд (1943г.)
36ак
242сп, 108сд
88сд
186сд
2ак
4,8пд
7ак
7ак
7ак

рельским фронтом Ставка Верховного Главнокомандования разрешила прекратить наступление.

Тем не менее итоги Медвежьегорской наступательной операции имели важное значение. Советские войска продвинулись на запад от 2 до 5 км, освободили ряд населенных пунктов и улучшили свои позиции. Неожиданность наступления вызвала растерянность в стане противника, и Маннергейм лично занялся организацией "отражения наступления русских". Финское командование не осмелилось снять ни одного полка с Медвежьегорского направления для усиления своих сил в районе р. Свири, что помогло при обороне Ленинграда. Более того, противнику пришлось бросить в бой имевшиеся резервы. Январские бои 1942 г. дали первый опыт для подготовки будущих решающих наступлений войск Карельского фронта. В начале февраля 1942 г. финны после тщательной подготовки попытались вернуть утраченные позиции. Подразделения 289–й и 367–й стрелковых дивизий отразили все атаки противника, после чего он уже не предпринимал наступательных действий на Карельском фронте[69].

24 апреля—11 мая 1942 г. войска 26–й армии Карельского фронта провели Кестеньгскую наступательную операцию с целью разгромить противостоящие силы противника, закрепиться на новом более западном рубеже и усилить оборону Кировской железной дороги. Главный удар на Кестеньгу наносился силами двух дивизий: с севера — 23–й гвардейской стрелковой дивизией под командованием генерал–майора В.А. Соловьева из района южнее озера Нижнее Черное и с юга — 263–й стрелковой дивизией под командованием генерал–майора Л.Е. Фишмана вдоль шоссейной дороги Лоухи—Кестеньга, их поддерживали 67–я морская стрелковая бригада и 8–я отдельная лыжная бригада. Советским войскам, имевшим здесь незначительное превосходство, противостояли немецкая дивизия СС "Север", сводная финская дивизия и другие подразделения.

24 апреля в 6 часов утра части 23–й и 263–й стрелковых дивизий перешли в наступление на главном направлении и к исходу дня вклинились в оборону противника на 1—3 км. Из–за слабой артиллерийской и авиационной поддержки в условиях сильного снегопада темп наступления оказался низким. Кроме того, противник бросил в бой все свои резервы и подразделения с соседних участков фронта, чтобы восстановить положение. После трехдневной перегруппировки сил 3 мая советские войска возобновили наступление. Впоследствии немецкий генерал Дитмар, оценивая эти события, напишет, что в результате ударов русских на кестеньгском направлении создалась критическая ситуация, которую удалось локализовать силами 163–й гитлеровской дивизии, спешно переброшенной сюда из района р. Свири. После еще одной трехдневной перегруппировки сил советские войска 10 мая продолжили наступление, однако 11 мая, получив указание Ставки Верховного Главнокомандования о переходе к обороне, прекратили его.

Как указывалось Генеральным штабом Красной армии, в результате боев весной 1942 г. части Карельского фронта на кестеньгском и мурманском направлениях (Мурманская наступательная операция проводилась с теми же задачами 28 апреля—10 мая 1942 г.) "не добились выполнения поставленных перед ними боевых задач и после незначительных успехов приостановили наступление и закрепляются на достигнутых рубежах. Основной причиной малого успеха... нужно считать неподготовленность операций, особенно по вопросам материального обеспечения, в результате чего наступающие войска уже в начале операций оказались без боеприпасов"[70].

Тем не менее Кестеньгская и Мурманская наступательные операции сорвали планы противника по захвату Мурманска и станции Лоухи Кировской железной дороги,

помогли обороне Ленинграда и улучшили позиции советских войск на отдельных участках Карельского фронта. Только на кестеньгском направлении отборные части немецкой дивизии СС "Север" потеряли до 5000 солдат и офицеров убитыми. Финский офицер службы информации О. Пааволайнен сделал в своем дневнике следующую запись о боях весной 1942 г. на лоухском (кестеньгском) направлении: "Наступление русских в Беломорье... вызвало напряжение чувств. Оборонительные бои на лоухском направлении официально объявляются сегодня завершенными. Снова пиррова победа. Эта мысль появляется у многих, хотя сообщается, что враг потерял 11 000 человек убитыми... Прошел почти год с начала войны. Тогда наивно говорили о парадном марше в Выборг и военном походе в несколько недель. Сейчас, год спустя, все кажется неясным, ненадежным, неопределенным"[71].

Герой Советского Союза Н. Г. Варламов

В условиях стабилизации обстановки боевые действия частных масштабов на разных участках фронта велись вплоть до решающих сражений 1944 г. Так, 15 сентября 1942 г. две роты 289–й дивизии 32–й армии захватили у противника две господствующие высоты в районе разъезда 14–й. В течение четырех дней советские воины держали оборону и смогли удержать захваченные позиции, несмотря на многочисленные контратаки превосходящих сил финнов. В ожесточенных боях здесь пали смертью храбрых политрук М.Т. Костенко и сержант С.Т. Тюрпека. Приказом командования Карельского фронта от 6 ноября 1942 г. эти высоты были названы именами героев[72].

25 июля 1943 г. совершил свой подвиг сержант Николай Варламов. С первых дней войны он, бывший рабочий Онежского завода, встал в ряды защитников Родины в составе 71–й дивизии. Осенью 1941 г. был тяжело ранен под Медвежьегорском, но после лечения в госпитале и службы в тыловых частях добился направления на передовую и стал командиром роты 27–й стрелковой дивизии, оборонявшей ребольское направление. При штурме вражеского укрепленного опорного пункта у р. Онда его подразделение попало под пулеметный огонь из вражеского дзота. В критический момент сержант Варламов своим телом закрыл амбразуру дзота, а его бойцы ворвались в опорный пункт и разгромили вражеский гарнизон. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1943 г. Н.Г. Варламову присвоено звание Героя Советского Союза[73].

Решающее влияние на ход всей войны, в том числе и на севере страны, оказала крупная победа советских войск в Сталинградской битве (19 ноября 1942—2 февраля 1943 гг.). Маршал Маннергейм, касаясь в своих воспоминаниях оценки высшим финским руководством влияния Сталинградской битвы на ход "большой" войны и политического курса Финляндии, писал: "... 3 февраля или через день после того как немцы капитулировали в Сталинграде, в Ставке Главнокомандующего собрались президент Рюти, премьер–министр Рангель и министры Валден и Таннер, чтобы узнать мое мнение об общей ситуации. В ходе беседы пришли к единодушному мнению, что большая война пришла к переломному моменту и что Финляндии при пер-

Лесозаготовительная бригада депутата Верховного Совета СССР П. Готчиева

вой же подходящей ситуации следует найти способ для выхода из войны. Одновременно констатировали, что пока еще мощь Германии препятствует осуществлению этого решения"[74].

4. КАРЕЛЬСКИЙ ТЫЛ

В результате эвакуации предприятий и оккупации наиболее развитых в экономическом отношении территорий Карелии в республике резко сократился выпуск промышленной продукции — по сравнению с довоенным уровнем он упал до 10,1%. В районах, не занятых врагом, насчитывалось лишь около 20 небольших промышленных предприятий[75]. В создавшихся условиях особое значение приобрело развитие лесной промышленности, ибо фронту, оборонной промышленности, транспорту и стройкам в больших объемах требовались деловая древесина и дрова.

В конце 1941—начале 1942 гг. паровозный парк Кировской железной дороги, как и некоторых других железных дорог страны, перешел с угольного на дровяное топливо. Выполняя задания ГКО, лесорубы Карелии обеспечивали дровяным топливом Кировскую магистраль. Тем самым они освободили сотни железнодорожных вагонов, необходимых для завоза угля, и позволили сэкономить тысячи тонн дефицитного топлива, в котором в то время страна испытывала острую нужду. Кроме того, за годы войны из карельского леса были изготовлены тысячи пар лыж для бойцов фронта, сотни тысяч корпусов противотанковых и противопехотных мин, ящиков для артиллерийских снарядов и мин, тысячи кубометров спецдревесины для авиационной промышленности.

Для удовлетворения потребностей фронта в древесине потребовалось расширить производственную базу и в сложных условиях войны в неосвоенных северо–восточных лесных массивах республики организовать новые предприятия. В зоне железнодорожной линии Сорокская—Обозерская возник Сумский леспромхоз в составе Маленгского, Колежемского и Вирандозерского лесопунктов. Особенно трудные условия сложились именно на новых лесопунктах. Здесь ощущался острый недостаток в рабо-

Ручная вывозка древесины

чей силе и жилье — около половины лесозаготовителей ютились в землянках, не хватало механизмов, лошадей, подъездных путей к линии железной дороги. В связи с этим в то время широко практиковалась ручная вывозка древесины. Каждое срубленное дерево рабочие подносили и грузили в вагонетки, на которых древесину вручную доставляли к линии железной дороги и перегружали в железнодорожные вагоны. В годы войны создавались бригады, работающие на ручной вывозке, и у Наркомлеса в отчетных документах имелась специальная графа — "ручная вывозка".

В числе первых на Маленгский лесопункт прибыл один из зачинателей движения передовиков производства в лесной промышленности депутат Верховного Совета СССР Петр Готчиев. В течение двух месяцев он обучил профессии лесоруба 45 молодых рабочих. Среди его учеников оказалась А.П. Фомина, карелка из Пряжинского района. С начала войны она, как и тысячи других местных жителей, работала на строительстве оборонительных рубежей, а затем была направлена на лесозаготовки. А.П. Фомина в короткий срок овладела нелегкой профессией лесоруба и стала перевыполнять нормы выработки в 2—3 раза. Ее бригаде присвоили звание "фронтовой", а сама она за самоотверженную работу получила награду — орден Ленина и звание лучшего лесоруба Карелии[76].

К концу 1942 г. вступили в действие узкоколейные железные дороги: Маленгская с паровозной, Вирандозерская с мотовозной и Колежемская с конной тягой. Расширение и частичная механизация лесозаготовительных предприятий республики позволили в четвертом квартале 1942 г. вывезти леса в 4 раза больше, чем в первом. Годовое задание ГКО по заготовке и вывозке древесины лесозаготовители Карелии в 1942 г. выполнили на месяц раньше срока. Одновременно с обеспечением железной дороги топливом заготовлялись лыжная береза, газогенераторное топливо, выполнялись другие хозяйственно–бытовые заказы Карельского фронта.

В годы войны предприятия лесной промышленности испытывали острую нехватку рабочих рук. Например, на 1 ноября 1942 г. вместо 4840 в наличии имелось лишь 3400 рабочих. В осенне–зимний сезон 1943/44 г. республике предстояло дать леса в 3 раза больше, чем в 1942 г., при обеспеченности рабочей силой лишь в 60%[77]. Кроме того, в лес пришли женщины и молодежь, не знакомые с производственными процес-

сами. Наблюдалась большая текучесть рабочей силы. В течение 1944 г., например, на предприятия прибыло 12 076 новых рабочих, а убыло 12 595 человек[78]. Руководство отрасли сумело организовать в короткий срок обучение нескольких тысяч рабочих для лесной промышленности. Только в течение 1942 г. получили или повысили квалификацию более 80% рабочих путем индивидуального, бригадного обучения и краткосрочных курсов. Кроме того, все вновь прибывшие рабочие в течение 15—20 дней знакомились с приемами работы на лесозаготовках.

Участники республиканской конференции молодых лесозаготовителей, которая состоялась 25—26 октября 1943 г. в г. Беломорске, обратились ко всем рабочим лесной промышленности Карелии с призывом развернуть борьбу за выработку 200 дневных норм за 145 рабочих дней осенне–зимнего лесозаготовительного сезона 1943/44 г. (с 1 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г.). Выработка 200 норм в сезон означала, что каждый рабочий должен выполнять производственное задание ежедневно не менее чем на 137 %. Почин нашел отклик, уже в декабре 1943 г. в соревнование за выработку 200 норм вступило 1500 рабочих. Широкий размах получило создание комсомольско–молодежных бригад: на 1 октября 1943 г. их насчитывалось 35, в конце осенне–зимнего сезона — 168, а в осенне–зимний сезон 1944/45 г. — уже 386 [79].

Стремление молодежи работать с максимальной отдачей нашло свое отражение в движении комсомольско–молодежных бригад за звание "фронтовых". Это звание присваивалось бригадам, средняя производительность труда которых была не ниже 135%. Решение о присвоении почетного звания "фронтовой" принималось на открытом комсомольском собрании лесопункта или леспромхоза, а затем утверждалось райкомом комсомола и ЦК ЛКСМ республики. 21 февраля 1944 г. постановлением бюро ЦК ЛКСМ Карело–Финской СССР лучшие комсомольско–молодежные бригады на лесозаготовках, систематически выполнявшие дневные нормы выработки на 150 и более процентов, удостоились звания "фронтовых": бригада Анны Тарасовой и Матрёны Лангуевой (Котозерский лесопункт Чупинского леспромхоза), Татьяны Махониной (Амбарный лесопункт Сумского леспромхоза) и другие — всего 29 бригад. До конца осенне–зимнего сезона 1943/44 г. из 168 комсомольско–молодежных бригад 66 завоевали звание "фронтовых". Всего за годы войны ЦК ЛКСМ и Наркомлес республики присвоили почетное звание "фронтовых" 121 бригаде; 124 молодых рабочих удостоились звания "Лучший лесоруб Карело–Финской ССР"[80].

В годы войны получили распространение фронтовые месячники. Инициаторами первого фронтового месячника в ознаменование боевых успехов Красной Армии под Сталинградом выступили бригадиры–новаторы Петр Готчиев, Анна Фомина, Алина Корхонен, Лаури Кяркяйнен, Маркиан Зуев. Объявленный с 20 января 1943 г. фронтовой месячник поддержали многие лесорубы и возчики, которые месячное задание перевыполнили более чем в 2 раза. Такие фронтовые месячники проводились и в последующий период войны.

В борьбе за выполнение плана лесозаготовок участвовали колхозники, служащие, коллективы различных предприятий и учреждений. Железнодорожники своими силами обеспечили часть заготовок дров для Кировской магистрали. В сборе аварийной древесины участвовало большинство трудоспособного населения городов и рабочих поселков. Осенью 1942 г. прошли воскресники по заготовке дров для Москвы. Таким образом, преодолевая трудности военного времени, труженики Карелии из года в год добивались увеличения заготовки и вывозки древесины. В 1943 г. они заготовили ее почти в два раза больше, чем 1942 г., а в 1944 г. — в два с лишним раза больше, чем в 1943 г.

Немало примеров трудовой доблести показывали в годы войны и рабочие дерево-

обрабатывающей промышленности Карелии. Перестройка предприятий отрасли велась с учетом запросов фронта в необходимой продукции. Уже в конце 1941—начале 1942 гг. лесозаводы освоили производство свыше 40 видов военной продукции: винтовочных и автоматных лож, стандартных домиков (теплушек), санитарных лодочек (волокуш), авиазаготовок, лыж, ящиков для артиллерийских снарядов, деревянных корпусов для мин и т. д. Только в 1942 г., например, лесозаводы отправили на Карельский и другие фронты страны свыше миллиона корпусов для противотанковых и противопехотных мин и ящиков для артиллерийских снарядов. В своих воспоминаниях председатель Совнаркома КФССР П.С. Прокконен называет имена организаторов выпуска военной продукции. Среди них — секретарь ЦК Компартии республики П.В. Соляков, секретарь Беломорского горкома партии Н.А. Дильденкин, управляющий трестом Карелдрев А.М. Кутиков, директор Беломорского лесозавода С.П. Попов, главный инженер П.И. Пребышевский, инженеры Н.Т. Головешкин, А.А. Шестаков, директор Кемского лесозавода А.Я. Дроздов и главный инженер Е.В. Долинов[81].

Коллективу Кемского лесозавода поручалось организовать производство лыж для фронтовиков. В кратчайший срок завод получил необходимое оборудование. Под лыжный цех приспособили ряд подсобных помещений, где установили станки. Рабочие, проявив немало инициативы и находчивости, через два месяца изготовили первую партию лыж. На совесть выполняли производственные задания Е. Григорьева, Л. Вирячева, З. Жилкина, Х. Виртанен, М. Льдинина, Т. Князева, А. Кунавина, Н. Шиловская, М. Кириллова и другие. В сжатые сроки также освоил производство лыж для фронта Пудожский (Шальский) лесозавод.

Комсомольская организация Беломорского лесозавода в начале 1943 г. выступила с почином — каждому комсомольцу отрабатывать два часа в неделю для нужд фронта. Инициатива комсомольцев, поддержанная ЦК Компартии КФССР, стала массовым движением молодежи Карелии под названием "комсомольских вторников". Два часа работы в неделю сверх основного рабочего времени дали существенные результаты. По далеко не полным данным, во время "комсомольских вторников" было собрано и отгружено 20 тыс. т металлолома, выстирано и отремонтировано огромное количество белья для госпиталей, сшито 16 тыс. накомарников, отгружено 10 тыс. кубометров дров для Кировской железной дороги, заготовлены сотни кубометров дров для семей фронтовиков[82].

Перестраивали свою работу и другие предприятия Карелии. Промкомбинаты местной промышленности и артели промкооперации стали выпускать саперный инструмент, армейские кухни, котелки, крепления для лыж, печи–времянки и т. п. Для удовлетворения потребностей фронта и хозяйственных организаций в строительных материалах, в слюде и керамическом сырье потребовалось создать новые и восстановить старые предприятия строительных материалов. В четвертом квартале 1942 г. промышленность строительных материалов дала в 7 раз больше продукции, чем в первом. Выполняя задания ГКО, промышленность строительных материалов поставляла предприятиям страны, работавшим на оборону, слюду, пегматит и полевой шпат. С 1942 по 1944 гг. объем промышленного производства названного сырья возрос почти в 2 раза[83].

Рыбная промышленность республики в связи с военными действиями временно потеряла богатые промысловые водоемы (Финский залив, Ладожское озеро, Сямозеро, Сегозеро и др.). В два раза сократилось число предприятий отрасли и рыболовецких колхозов. Не хватало рыболовных судов и орудий лова. Большинство рыбаков ушло в армию, а на их место пришли женщины. Однако рыбаки самоотверженно вы-

Лов сельди в Сумпосадской губе Белого моря

полняли свой долг перед Родиной, нередко работая под обстрелом вражеской авиации и артиллерии.

6 ноября 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о военизировании рыболовного флота страны. В марте 1942 г. была создана военизированная флотилия Наркомата рыбной промышленности Карелии. Начальником флотилии назначили наркома рыбной промышленности В.К. Саккеуса, начальником политуправления — Н.М. Анхимова. Флотилия действовала тремя дивизионами: первый в бассейне Белого моря (с базой в Беломорске), второй — в бассейнах Онежского озера, Водлозера и других (с базой в Пудоже), третий — в бассейне Баренцева моря (с базой в Териберке). В дивизионах имелись отряды. Командирами и комиссарами дивизионов и отрядов флотилии являлись С.М. Ломов, Н.Д. Носов, М.М. Морозов, Н.К. Кутчиев, Ф.М. Морозов, П.В. Редькин, Ф.З. Миронов, С.С. Гашков и др.[84]

В годы войны среди рыбаков значительно увеличилось число женщин. Одной из первых пришла на морской промысел рыбачка колхоза "Беломор" (с. Нюхча) М.А. Предина. Ее примеру последовали колхозницы А.П. Постникова и Т.И. Смагина из рыболовецкой артели "Океан" (с. Сухое). Трудились на мотоботах А.Е. Кононова из колхоза "Заря Севера" (с. Колежма), М.В. Суворова из колхоза "Волна" (с. Шижня), М.П. Зарубина и А.П. Осипова из колхоза "Выг" (с. Выгозеро) и многие другие[85].

На Баренцевом море родилось соревнование за вылов на каждого рыбака по 1000 пудов рыбы за сезон, в котором отличились бригада Н.М. Немчинова, звено А.Н. Ефремова и другие, давшие по 1400—1500 пудов на человека. Хороших результатов добились рыболовецкие колхозы "Красная заря", "12–я годовщина Октября", "Океан", "Путь Ленина" (Кемский район), "Заря Севера" (Беломорский район), перекрывшие план 1942 г. в 2—3 раза. Выполнив план 1942 г. более чем на 150%, рыбаки Карелии дали стране и фронту сверх задания тысячи центнеров продукции. Всего за три года они выловили 190 400 центнеров рыбы, из них передали воинам Красной

армии 123 270 центнеров[86]. В 1941 г. добыча рыбы в среднем на одного рыбака в республике составляла 25,1 центнера, в 1942 г. — 34,7, а в 1943 г. — уже 59,8 центнера.

Высокий патриотизм в годы войны проявили железнодорожники Кировской магистрали. Они считали себя бойцами фронта и трудились по-фронтовому, выполняя ответственные задачи. Карельский фронт и Северный военно-морской флот требовали все больше и больше новых пополнений, боевой техники, вооружения, боеприпасов, снаряжения. Кроме того, если в начале войны в работе дороги значительное место занимали эвакуационные перевозки, то в последующий период среди народно-хозяйственных грузов стали преобладать дрова, строительные и лесные материалы, а также импортные грузы.

Условия, в которых приходилось работать железнодорожникам прифронтовой магистрали, оказались чрезвычайно сложными. Немецко-финское командование, учитывая важность стратегического положения Кировской дороги, предпринимало активные наступательные операции, пытаясь захватить ее и тем самым отрезать от страны Советский Север, Карельский фронт и базу Северного военно-морского флота — Полярный. Но противнику удалось захватить лишь участок дороги от Лодейного Поля до станции Масельгской. Кировская железная дорога продолжала действовать бесперебойно.

Дорога проходила вдоль линии Карельского фронта, причем в некоторых местах всего в нескольких километрах от нее. Пытаясь во что бы то ни стало парализовать ее работу, вражеская авиация беспрерывно бомбила железнодорожные станции, перегоны и мосты. Всего за годы войны противник произвел на магистраль 2824 воздушных нападения, сбросил более 90 тыс. авиабомб, при этом разрушил 1126 зданий, повредил 4950 вагонов и более 500 паровозов. Были нанесены повреждения также железнодорожному полотну и линиям связи, 660 железнодорожников были убиты и 1450 ранены[87]. Диверсионные группы врага, пользуясь тем, что дорога проходила близко от фронта по малонаселенной и лесистой местности, совершали налеты на разъезды, закладывали мины под железнодорожное полотно. Железнодорожники проявляли немало мужества, находчивости и умения, чтобы выводить из-под бомбежек и обстрелов составы, обезвреживать мины и неразорвавшиеся бомбы, быстро восстанавливать разрушенные участки пути.

Самоотверженно трудился коллектив станции Лоухи — одного из важных участков дороги, непосредственно обслуживавший кестеньгское направление Карельского фронта. Командующий Карельским фронтом Маршал Советского Союза К.А. Мерецков в своих воспоминаниях отмечает, что в 1941 г. "гитлеровское командование перебросило сюда значительные силы авиации, чтобы мощными бомбардировками сломить стойкость защитников станции Лоухи, однако все было напрасно. К осени 1941 г. немцы и финны перешли к обороне". Далее он пишет: "Когда я приехал в Лоухи (в начале 1944 г. — *Ред.*), мне рассказывали об одном любопытном эпизоде. В начале 1942 г. во время налета вражеской авиации был сбит немецкий бомбардировщик, а летчик, выбросившийся на парашюте, взят в плен. На допросе он развязно заявил (тогда еще немецкие пленные вели себя нагло и вызывающе), что ему, между прочим, довелось в своей жизни бомбить три "Л", игравшие важную роль во второй мировой войне: Лондон, Ленинград, Лоухи. Этот случай по-своему иллюстрирует то значение, которое придавало фашистское командование станции Лоухи, и те мысли, которые в этой связи внушались действовавшим здесь немецким военнослужащим"[88].

Станция подвергалась систематическим и ожесточенным бомбардировкам. Здесь не осталось ни одного неповрежденного здания. Рабочие жили в землянках в лесу, в

Герои Социалистического Труда начальник Кировской железной дороги П. Н. Гарцуев и старший диспетчер Е. И. Меккелев

стороне от линии дороги. Начальник станции П.М. Васильев умело руководил работой, служил примером выдержки и организованности. Так, 11 ноября 1941 г. под бомбами врага он спас 22 цистерны с горючим, получив при этом серьезные ожоги. Ликвидацией последствий бомбардировок на дороге занимались специальные восстановительные поезда, создавались запасы рельсов, шпал, камня и других материалов. Эти поезда по первому требованию направлялись на устранение повреждений пути. На наиболее опасных участках дороги график движения поездов составлялся так, чтобы максимально использовать для работы ночное время.

Война предъявляла к железнодорожному транспорту повышенные требования. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. все железные дороги страны переводились на военное положение. Выполняя поставленные задачи, железнодорожники Кировской магистрали неоднократно завоевывали первенство во Всесоюзном соревновании и им вручали переходящие Красные знамена ГКО, ВЦСПС и НКПС. Четыре лучших железнодорожника — машинист И.П. Першукевич, диспетчер Е.И. Меккелев, стрелочница А.П. Жаркова и начальник дороги П.Н. Гарцуев — удостоились звания Героя Социалистического Труда, а 618 передовиков — орденов и медалей Советского Союза.

Сложные задачи в годы Великой Отечественной войны пришлось решать сельскому хозяйству Карелии. Противник временно оккупировал южные районы республики с наиболее развитым сельскохозяйственным производством. Из 1443 колхозов, насчитывавшихся до войны, осталось лишь 133, из 43 МТС и 710 тракторов соответственно — 7 и 145. Если в 1940 г. посевная площадь составляла 109,6 тыс. га, то в 1942 г. — 13 тыс.[89] Поголовье скота весной 1942 г. достигало 5—10% от довоенного уровня. Колхозы и совхозы испытывали острый недостаток в семенах и сельскохозяйственных машинах.

Серьезное положение сложилось и с кадрами. Подавляющее большинство председателей колхозов, механизаторов и других специалистов отрасли ушло в армию и партизанские отряды. Удельный вес женщин среди руководителей в деревне в 1944 г. составил: председателей колхозов — 26,4%, счетоводов и бухгалтеров — 71,1, бригадиров — 66,5, заведующих животноводческими фермами — 86,6%. В колхозах насчитывалось всего около 3000 трудоспособных, из них 2500 женщин[90]. К тому же

прифронтовое положение республики заставляло отвлекать часть сельского населения на строительство аэродромов, дорог и других военных объектов, а также на лесозаготовки.

В 1942 г. ни одно из плановых заданий сельскому хозяйству не удалось выполнить, в связи с чем в руководстве отрасли повышалась роль партийных комитетов, отвечавших за состояние дел в сельхозартелях. Широкое распространение получила практика направления уполномоченных на места. Так, в 1943 г. во время весеннего сева в колхозах находилось более 50 уполномоченных ЦК КП(б) и Совнаркома республики; кроме того, в бригадах агитационно–массовую работу проводили 130 коммунистов, посланных райкомами партии. Важная роль в преодолении трудностей отводилась политотделам МТС и совхозов, созданным в Карелии, как и по всей стране, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. "Об организации политотделов в МТС и совхозах". При наркоматах земледелия и совхозов республики были организованы политуправления[91]. Укреплению дисциплины в колхозах и своевременному проведению сельскохозяйственных работ способствовала реализация постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. "О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней".

Многие колхозы, фермы, бригады, звенья в годы войны возглавляли женщины, которые отдавали все свои силы и уменье организации производства, стремились дать как можно больше продуктов фронту и стране. Так, А.И. Клевина заменила ушедшего на фронт председателя колхоза "Возрождение" Беломорского района. А.И. Коновалова работала счетоводом, Т.И. Бахирева, Е.М. Бахирева — бригадирами, О.С. Лепетухина — звеньевой, М.С. Филимонова — заведующей хозяйством. Благодаря неутомимому труду А.И. Клевиной и ее ближайших помощников колхоз вышел в число передовых хозяйств в республике. Успешно руководили колхозами: "Парижская коммуна" (Пудожский район) — И.П. Фомина, "Океан" (Беломорский район) — З.Н. Чупиева, "Красная звезда" (Лоухский район) — Ф.Л. Сидорова, Имени Калинина (Пудожский район) — А.И. Шилова[92].

Советские патриоты показывали примеры самоотверженного труда на колхозных полях и на фермах. Чёлмужский колхоз Медвежьегорского района в годы войны называли "колхозом в окопах", так как в результате артиллерийских обстрелов жилые дома в деревне подверглись разрушению. По инициативе председателя сельсовета Дегтяренко колхозники переселились в землянки, вырытые в лесу. В 1942 г. 15 колхозниц полеводческой бригады лопатами обработали 17 га земли, вырастили и убрали с гектара по 225 центнеров капусты, по 200 центнеров картофеля, по 15 центнеров ржи и 22 центнера овса; вырастили они даже табак для бойцов фронта[93].

Трактористка Каршевской МТС Пудожского района Л.Г. Татаринова все годы войны перевыполняла нормы в 3—4 раза, показав "блестящий результат работы на тракторе", как отмечалось в одной из поздравительных телеграмм Совнаркома и ЦК Компартии республики[94]. Тракторист В.Ф. Крючков, инвалид Великой Отечественной войны, с парализованной левой рукой, систематически перевыполнял задания и сэкономил несколько сот килограммов горючего. Конюх колхоза "Заря Севера" Я.И. Юдин в 1943 г. от 17 закрепленных за ним конематок сохранил 17 жеребят. Е.В. Попова, заведующая молочно–товарной фермой колхоза "Труженик" Беломорского района, добилась в 1943 г. надоя молока от каждой коровы 1645 литров. По 2000 литров молока от коровы надаивали в колхозе "Красная заря" Кемского района, где фермой заведовала А.И. Кузьмина, что вдвое превышало довоенные показатели[95]. 70–летний колхозник сельхозартели "Имени 8 марта" Медвежьегорского райо-

на А.П. Еремеев не только выращивал хорошие урожаи овощей, но и сверх плана высаживал несколько гектаров овощей в Фонд обороны.

Всемерную помощь колхозному крестьянству в проведении сельскохозяйственных работ оказывало население городов и рабочих поселков. Для проведения весенне–полевых и уборочных работ в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. "О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей" привлекалось городское население. Так, в 1942 г. в весенне–полевых работах и на уборке урожая участвовало 3500 рабочих и служащих, а также школьников. Их помощь сельскому хозяйству осуществлялась на протяжении всей войны.

Чрезвычайно серьезной в годы войны в условиях севера стала проблема снабжения населения продовольствием. В первые месяцы войны в стране была введена карточная система на хлеб и другие продовольственные товары. Руководство республики уделяло много внимания налаживанию снабжения населения, распределения продуктов по карточной системе. Принимались меры по развитию подсобных хозяйств при промышленных предприятиях, коллективных огородов рабочих и служащих, сбору грибов и ягод, отстрелу лосей и лову рыбы, изготовлению хвойного настоя, богатого витамином С.

Подсобные хозяйства играли существенную роль в обеспечении рабочих и служащих продовольствием. Посевная площадь их, например, в 1943 г. увеличилась по сравнению с 1942 г. более чем на 40%, а сбор картофеля и овощей — почти в два раза; количество коллективных и индивидуальных огородов возросло в три раза. В общий котел шли и дикорастущие дары северной природы. В летнюю пору для сбора грибов и ягод привлекалось население городов. Каждый труженик брал на себя обязательство сдать для общественного питания по 10—15 кг грибов, 20—25 кг ягод. Так накапливались тысячи тонн полезных витаминизированных продуктов. Использовались щавель, крапива, морская капуста. Существовали в военную пору специальные предприятия, которые изготавливали витаминный напиток из хвойной лапки. Им как противоцинготным средством снабжались все столовые и буфеты для поддержания здоровья и трудоспособности населения[96].

Вместе с рабочими и колхозниками активное участие в борьбе с врагом принимала интеллигенция Карелии. В ряды Красной армии, партизанские отряды и истребительные батальоны ушли многие учителя и врачи, артисты и художники, поэты и писатели. Смертью храбрых в боях за Родину погибли сотрудники Карельского научно–исследовательского института культуры В.И. Пегов и М.М. Михайлов, поэты И.Г. Кутасов и Ф.Т. Исаков, художники М.А. Макарьевский и Н.И. Клоковский, артисты С.И. Котсалайнен и К. Сара, секретарь партбюро университета С.Е. Криворучко и многие, многие другие.

В сложнейших условиях войны в короткие сроки перестроили свою работу учреждения культуры. Литература Карелии военных лет отражала состояние духа советских людей, укрепляла их веру в победу, воспитывала ненависть к врагам. Выступая с докладом на совещании карельских писателей в июне 1943 г. начальник управления по делам искусств республики С.В. Колосенок говорил: "На фронте работает около 50 писателей. Большинство из них работают во фронтовой, армейской и дивизионной печати. Часть писателей работает в тыловых организациях. Среди них члены союза писателей КФССР: А. Эйкия, Т. Гуттари, Х. Тихля, В. Королев, В. Чехов, А. Линевский, Ю. Никонова, А. Иванов, Ф. Свиньин, А. Пашкова, Ф. Быкова, П. Рябинин–Андреев, В. Базанов, Е. Флейс, Н. Пантюхин; члены союза писателей дру-

гих республик и областей: Г. Фиш, М. Левитин, А. Коваленков, Б. Кежун, В. Курочкин, В. Заводчиков, С. Цимбал, Б. Костелянц, И. Вайсфельд, А. Абсалямов и др.; молодые писатели и журналисты: В. Эрвасти, Я. Ругоев, Л. Гренлунд, А. Тимонен, Н. Гиппиев, И. Никошенко, П. Трофимов, М. Рябинин, В. Евсеев, А. Иноземцев, И. Бойков, М. Комиссаров и др.; начинающие писатели бойцы и командиры Карельского фронта: Г. Мокин, А. Евсеев, Б. Наумов, Н. Занин, Г. Орловский, И. Шмаков, К. Кухарев и др."[97]. На различных фронтах Великой Отечественной войны воевали карельские литераторы: П. Борисков, У. Викстрем, Ф. Ивачев, Г. Кикинов, И. Симаненков, В. Усланов, Ю. Чепасов, Б. Шмидт, Н. Яккола. В рядах карельских партизан защищал Родину Д.Я. Гусаров. Не случайно в послевоенном творчестве этих писателей именно военно–патриотическая тема заняла столь значительное место.

В годы войны в литературе преобладали "малые" жанры: очерки и рассказы, стихотворения и фронтовые зарисовки, частушки и сатирические фельетоны. Как никогда получил развитие жанр боевой публицистики. На страницах фронтовых и республиканских газет и журналов все чаще появлялись произведения карельских писателей, отражавшие военную действительность. Государственное издательство республики, несмотря на крайне тяжелые условия, многое из них сумело издать. Это сборники о воинах Карельского фронта ("На Карельском фронте", "На правом фланге", "Наши земляки на фронте", "Север сражается", "Фронтовые будни"), карельских партизанах ("Шумят карельские леса"), железнодорожниках Кировской магистрали ("Кировцы в дни войны", "Кировцы на боевой вахте"), книги карельских сказителей ("Былины о Красной Армии", "Советские сказки", "Сказки М.М. Коргуева"). Отдельными изданиями вышли многочисленные газетные корреспонденции Г. Фиша и других писателей. На финском языке были изданы сборники рассказов Я. Ругоева, очерки И. Никошенко, Б. Костелянца, книги А.Абсалямова, И. Бражнина, В. Заводчикова, Р. Миролюбовой, В. Чехова.

Не оказались в стороне и художники Карелии. С первых дней войны в работу над созданием злободневных плакатов и карикатур включились М.А. Макарьевский, Н.И. Клоковский, М. Зайцев, И.В. Черных. Большую популярность завоевали произведения художников К.Л. Буторова и К.Н. Осиповой, принимавших активное участие в выпуске сатирических "Окон Карелфинтага". Новые полотна создавали В.Н. Попов, Г.А. Стронк, З.Е. Львович и другие. В мае 1944 г. открылась республиканская выставка "Фронт и тыл", представившая работы карельских художников, созданные в дни войны. Среди них выделялись рисунки художника–карела Осмо Бородкина.

Немало интересных музыкальных сочинений создали композиторы республики, в том числе массовые песни на темы и сюжеты Великой Отечественной войны. К. Раутио написал ряд симфонических, камерных и вокальных произведений, обработал для ансамбля "Кантеле" много народных песен, танцев и мелодий. Л. Йоусинен создал несколько песен на слова карельских поэтов, сонаты для скрипки и фортепиано. Молодой композитор Г. Синисало закончил несколько симфонических произведений и лирических песен ("Партизанская колыбельная", "Письмо к любимой"). Р. Пергамент написал "Песню о Соколе" на слова М. Горького — крупное произведение для симфонического оркестра, хора и солистов, Л. Вишкарев — кантату "Священная война", А. Голланд — цикл песен "Фронтовая лирика" и ораторию на слова К. Симонова "Убей его!" Значительное число произведений создано карельскими композиторами для фронтовых бригад.

Перестроили свою работу театральные и музыкальные коллективы Карелии. Они создали концертные бригады, которые обслуживали боевые части, госпитали и тру-

Выезд группы актеров Карельского театра музыкальной комедии на фронтовой концерт. 1943 г.

дящихся республики. "Концерты проходят, — говорится в одном из документов тех дней, — в самой разнообразной обстановке: и в воинском клубе, и в красноармейской столовой, и в блиндаже, и в землянке, и на воздухе, и в палатке у раненых"[98]. За годы войны театральные и музыкальные коллективы республики дали 4300 спектаклей и концертов, обслужили более 2 млн зрителей. Кроме того, на Карельском фронте, Северном военно-морском флоте и в госпиталях было проведено свыше 4000 шефских концертов. О напряженном труде артистов в годы войны говорят следующие цифры. Заслуженная артистка Карельской АССР Х.И. Мальми в годы войны приняла участие в 1927 концертах, артисты ансамбля "Кантеле" Р. Ниеми — в 1000, З. Емельянова — в 800, народный артист Карельской АССР В.И. Кононов — в 700, артисты театра русской драмы В.Д. Томашевская и А. Высоцкий — в 600 концертах[99].

Ансамбль "Кантеле", кроме поездок с концертами по республике и городам страны, очень часто совершал поездки на фронт. "Ваши концерты в подразделениях нашей части прошли с большим заслуженным успехом, произвели глубокое впечатление на всех бойцов и командиров... Ваши концерты влили в нас новые силы для скорейшего разгрома врага", — говорится в одном из многочисленных отзывов о выступлении этого коллектива[100]. Успеху ансамбля во многом способствовали кантелисты, певцы, танцоры М. Гаврилов, Т. Вайнонен, С. Рикка, Л. Теппонен, М. Кубли, Ф. Козин, К. Вильянен и другие.

"Постоянных бригад, кроме фронтовой бригады, мы не создавали, так как близость фронта обязывала всех работников искусства обслуживать бойцов, — говорится в отчете республиканского комитета профсоюза работников искусств в Центральную комиссию по культурному шефству над частями Красной армии и Военно-морского флота. — Поэтому состав бригад все время менялся. На ближние от Беломорска участки фронта выезды производились чаще и регулярно. На дальние участки выезжали коллективы в полном составе. На более крупных площадках они выступали всем составом со спектаклями и концертами. В мелких подразделениях, на переднем крае разбивались на маленькие бригады и этими бригадами обслуживали землянки, полевые госпитали, доты, блиндажи"[101]. Нередко поездки на фронт и концерты проходили под артиллерийским обстрелом или налетами вражеской авиации.

Школьники Кеми шьют одежду для фронтовиков

Коллективы работников искусств Карелии выезжали на гастроли и в другие города и области нашей страны. Они побывали в Мурманске, Кандалакше, Архангельске, Вологде, Туле, Рыбинске, Ярославле, Уральске, Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске, Горьком, Кирове и других местах. И везде показывали высокий профессионализм. "Независимо от условий, театр всегда сохранял свое мастерство. Спектакли проходили на высоком идейном и художественном уровне. Театр заслужил любовь и уважение бойцов и офицеров частей Дальневосточного фронта", — говорится в приказе политуправления фронта о гастролях театра русской драмы[102].

Прифронтовое положение республики определило своеобразие деятельности школ. Близость фронта не только осложняла работу, но и накладывала особую ответственность за сохранение жизни и здоровья детей. Война потребовала коренной перестройки всей воспитательной работы в школе, органичного слияния всего дела воспитания и обучения с жизнью и интересами страны, с суровой военной действительностью и борьбой народа во имя победы над фашизмом.

Общее количество школ и численность учащихся резко сократились. Если в 1940/41 учебном году в республике работало 746 общеобразовательных школ, в которых обучалось 93,8 тыс. учащихся, то в 1942/43 имелось лишь 85 школ с 9 тыс. учащихся[103]. Не хватало учителей, так как многие из них с оружием в руках защищали Родину. Уменьшился контингент учащихся старших классов, которые вовлекались в промышленное и сельскохозяйственное производство. Значительная часть школьных зданий была разрушена или использовалась под госпитали. Семилетние и средние школы стали работать в две—три смены. Серьезные трудности возникли в обеспечении школ оборудованием, учебно-наглядными пособиями, школьно-письменными принадлежностями. Нередко отсутствовали самые элементарные условия для занятий.

Школьники работали на лесопунктах и в рыболовецких артелях, на промышленных предприятиях и в мастерских, занимались сбором металлолома. Особенно широкое участие они принимали в работах на колхозных и совхозных полях. За годы войны школьники выработали 300 000 трудодней[104]. Созданные при пионерских отрядах тимуровские команды оказывали всевозможную помощь семьям фронтовиков и ин-

валидам Великой Отечественной войны. Школьники являлись шефами многих госпиталей — чинили белье, организовывали концерты для раненых, читали художественную литературу и т.п. Лина Орлова начала работать в госпитале, когда ей было 10 лет. Она писала письма и читала вслух раненым бойцам, помогала сестрам разносить обеды и кормить тяжелораненых. Командование Карельского фронта наградило юную патриотку медалью "За боевые заслуги". Множество подарков с любовно вышитыми кисетами, носовыми платками, воротничками, варежками, конвертами, изготовленными самими учениками, с теплыми сердечными письмами направлялись на фронт воинам Советской Армии.

Сложные задачи стояли перед медицинскими работниками Карелии. Большая часть их находилась в армии, многие работали в военных госпиталях, развернутых на территории Карелии. Высококвалифицированная врачебная помощь, забота и внимание позволили возвратить в строй многих и многих раненых бойцов. Стремление спасти жизнь раненых советских воинов привело в доноры тысячи жителей Карелии. Так, медицинская сестра А.В. Подкопаева за годы войны сдавала кровь около 150 раз. Она удостоилась награды — ордена Красной Звезды. Республиканская станция переливания крови, руководимая старейшим врачами Карелии М.Д. Иссерсоном и В.А. Дрейман, уже в сентябре 1941 г. обеспечила снабжение кровью военных госпиталей Карельского фронта. Успешно решали медики задачи охраны здоровья трудящихся и непрерывной противоэпидемической профилактики. Добросовестно выполнили свой долг служения народу В.А. Баранов, С.А. Вишневский, В.Д. Тихомиров, А.А. Гуткин, Л.Т. Шунгская, Л.Т. Цалит, Л.И. Карлукова, Т.С. Лисичкина, Н.Д. Цаль и многие другие врачи.

Трудящиеся Карелии горячо подхватили инициативу передовых рабочих Москвы и других крупных промышленных центров страны по добровольному сбору личных средств в Фонд обороны. Рабочие и служащие ежемесячно вносили в Фонд обороны часть заработка, сбережения, драгоценности, облигации государственных займов. Широкое распространение в дни войны получили массовые воскресники по выполнению различных заданий. Свой заработок за этот день граждане перечисляли в Фонд обороны. Трудящиеся Карелии внесли в Фонд обороны Родины, по далеко не полным данным, свыше 20 млн руб. деньгами и около 1 млн руб. облигациями[105]. В Фонд обороны страны труженики села передавали продукты питания как из коллективного хозяйства, так и из личных запасов. Колхозники Карелии, несмотря на сравнительно небольшие продовольственные ресурсы, сдали в Фонд обороны в 1943 г. 730 центнеров зерна, 404 центнера картофеля и овощей, а в 1944 г. — свыше 40 тысяч центнеров картофеля[106].

Составной частью общенародного движения за создание Фонда обороны СССР явилось патриотическое движение советских народных масс по сбору средств на вооружение Красной армии и Военно–морского флота. По инициативе рабочих Беломорского лесозавода и рыбаков–колхозников с. Вирма Беломорского района в Карелии развернулся сбор средств на постройку танковой колонны. 70–летняя колхозница колхоза "Восход" Беломорского района А.С. Королькова первая после окончания одного из митингов внесла свои сбережения — 100 руб. и до конца войны передала свою пенсию в Фонд обороны. Она сказала: "На фронтах сражаются с врагом пять моих сыновей. Я, несмотря на свой преклонный возраст, самоотверженным трудом помогаю своим детям громить врага. Я с радостью отдаю свои сбережения"[107].

Санитарка Шуерецкой больницы Е.Ф. Благодарева писала в марте 1944 г. на фронт: "В прошлом году в этот день от руки немца погиб на Ленинградском фронте

мой любимый сын. Два года прошло с тех пор, как скончался на операционном столе мой муж–фронтовик. Большое горе принесла война в мой дом. Это горе принесли немецкие и финские палачи. Горе рождает месть. Сердце мое хочет одного — отомстить убийцам. Собрав скромные сбережения, я пошла в Шуерецкую сберкассу и внесла на вооружение Красной армии 100 руб. деньгами и на 300 руб. облигаций государственных займов. Мне выписали квитанцию № 223162. Говорят, что солдат помнит номер своей винтовки. Я запомнила номер этой квитанции. Работаю я санитаркой больницы в с. Шуерецкое. Есть у меня трое малолетних детей. Они вырастут, и я расскажу им, как их отец и брат верно служили Отечеству, как их мать урывала свои трудовые копейки, чтобы помочь разбить врага. Дорогие наши воины, отомстите врагу за горе мое!"[108].

Секретарь ЦК комсомола КФССР Ю. В. Андропов

Охотник колхоза "Путь к свету" Пудожского района А.И. Вирозеров передал в Фонд обороны 25 тыс. руб. Много лет подряд по–ударному трудился он на охотничьем промысле, и все накопленные упорным трудом сбережения передал на постройку танков для Красной армии. За свой патриотический поступок А.И. Вирозеров получил личную благодарность от Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина. В этом патриотическом движении участвовали целые коллективы. Железнодорожники Кировской магистрали передали в начале 1943 г. на строительство самолетов, танков и бронепоездов 1140 тыс. руб. На постройку танковой колонны и эскадрильи самолетов "Комсомолец Карелии" комсомольцы республики собрали 1 165 976 руб., из них 1 010 741 руб. наличными. Пионеры и школьники на постройку танковой колонны и самолета "Карельский пионер" внесли 105 000 руб. наличными и 22 500 руб. облигациями[109]. "Передайте комсомольцам и молодежи Карело–Финской ССР, — говорилось в телеграмме председателя ГКО И.В. Сталина секретарю ЦК ЛКСМ Ю.В. Андропову, — собравшим 1191 тыс. руб. на строительство вооружения для Красной армии, мой горячий привет и благодарность Красной армии"[110].

За годы войны трудящиеся Карелии подписались на государственные займы, внесли на строительство танков и самолетов свыше 126 млн руб. личных сбережений. Танковые колонны "Карельский колхозник", "Железнодорожник Кировской магистрали", боевые самолеты "Карело–Финский донор", "Карельский пионер" и другие, построенные на личные сбережения трудящихся Карелии, сражались с вторгнувшимися захватчиками на земле и в небе.

Одной из форм патриотического движения в помощь фронту явилась забота трудящихся о раненых воинах. В октябре 1941 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был создан Всесоюзный комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. Аналогичные комитеты возникли на местах. Созданный ЦК Компартии КФССР в ноябре 1941 г. комитет по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии (председатель комитета — секретарь ЦК Компартии И.И. Сюкияйнен), поддержав инициативу трудящихся, организовал

шефство промышленных предприятий, колхозов и советских учреждений над госпиталями. Женщины дежурили в госпиталях, ухаживали за ранеными, убирали палаты, стирали белье. Некоторые предприятия оказывали помощь в оборудовании госпиталей и обеспечении их дровами. Трудящиеся организовали сбор мха, который использовался вместо ваты. Комсомольцы и школьники читали раненым газеты, журналы и книги, устраивали шефские концерты художественной самодеятельности. Колхозники Карелии направляли в госпитали свежую рыбу, молоко, мясо, ягоды. Предметом повседневной заботы стало удовлетворение материально–бытовых нужд семей военнослужащих, оказание им всевозможной помощи. В Карелии только в 1943 г. семьям военнослужащих было выделено 25,6 ц картофеля, 600 кг ягод, предоставлены участки земли под огороды и семена для посева. Колхозники Пудожского района обеспечили семьи фронтовиков дровами, в Медвежьегорском районе для детей военнослужащих в школах были организованы бесплатные завтраки, в Калевальском районе семьям воинов завезли дрова, сено, 67 человек были трудоустроены[111].

Проявлением народной заботы о Красной армии стал сбор и изготовление теплых вещей и белья для воинов, отправка на фронт праздничных подарков, оказание материальной и другой помощи семьям фронтовиков. Так, исполком Лоухского районного Совета депутатов трудящихся сообщал, что "в 1942 г. трудящиеся района, проводя сбор теплых вещей для Красной армии, собрали и отправили: кож коровьих 74 штуки, кож овечьих и козьих 486 штук, фуфаек и брюк 46 пар, теплых шапок 90, нательного белья 82 пары, варежек 180, полушубков 20 штук и много других подарков. Всего из 35 разных предметов внесено 1290 подарков". В Кемском районе в августе 1942 г. было передано для бойцов Красной армии 3636 теплых вещей[112]. Вместе с подарками шли сотни писем, поздравлений, подробных отчетов о трудовых делах в тылу. Для вручения подарков на фронт выезжали представители трудящихся республики.

Патриотическое движение жителей Карело–Финской ССР, как и всех народов СССР, по оказанию всемерной помощи фронту явилось демонстрацией политической сплоченности советского общества, нерушимого единства фронта и тыла, армии и народа; оно умножало их силы в борьбе с вторгнувшимися захватчиками и в конечном счете стало главным фактором, обусловившим победу Советского Союза над фашистской Германией и ее союзниками.

5. ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ. ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

Оккупационный режим

К концу 1941 г. более половины всей территории Карело–Финской ССР оказалась оккупированной финскими и немецкими войсками, которые вводили собственные порядки в устройстве жизни населения. Еще накануне войны, 16 июня 1941 г., в Финляндии распространялась специально подготовленная записка "Планы некоторых мероприятий в Восточной Карелии". На ее основе разрабатывались конкретные вопросы и основные направления оккупационной политики. Суть ее сводилась к тому, что Восточная Карелия якобы исторически принадлежала Финляндии и поэтому должна находиться в ее составе. Заказанное президентом Р. Рюти специальное исследование об этом было напечатано осенью 1941 г. в Берлине под названием "Жизненное пространство Финляндии"[113]. Агрессивные намерения финских правящих кругов на-

шли свое отражение и в официальных документах, в частности, в приказах главнокомандующего финской армии маршала Маннергейма. А одна из официальных газет "Карьяла" писала, что Финляндия "имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уж о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря". Таким образом, участие страны в войне оправдывалось, во–первых, целью борьбы с советской властью и, во–вторых, необходимостью освобождения родственных народов и присоединения их территории к Финляндии[114].

Принятые Главной штаб–квартирой финской армии правила публикации сведений о Восточной Карелии и войне также во многом раскрывают государственную, национальную и военную политику Финляндии того времени и ее оккупационной администрации. Согласно этим правилам, следовало говорить только об "освобождении" Восточной Карелии (а не о ее завоевании) и что якобы карелы сами просили о своем освобождении. Рекомендовалось публично подчеркивать, что Восточная Карелия — это земля карелов, что у русских здесь нет никаких корней и что эта территория имеет большое значение для обороны и независимости Финляндии. Следовало говорить не о народе, а о населении Восточной Карелии, не о карельском языке, а о диалекте. О местном населении рекомендовалось писать доброжелательно: "Говоря о господствующей в Восточной Карелии отсталости, следует подчеркивать, что виноват в этом советский строй, а не население, которому, напротив, нужно отдать должное в том, что оно в трудных условиях сохранило свою национальность и обладает природной смышленостью и талантом. Необходимо подчеркивать, что теперь мы хотим поднять население Восточной Карелии на уровень, соответствующий этим замечательным качествам". Все публикации и новости о жизни Восточной Карелии должны были получить предварительное одобрение финских органов — отдела цензуры Главной штаб–квартиры или штаба Военного управления Восточной Карелии[115].

15 июля 1941 г. маршал Маннергейм отдал приказ об организации управления на оккупированной территории — Военного управления Восточной Карелии (ВУВК). Командир ВУВК подполковник В. Котилайнен в тот же день выпустил обращение к гражданам захваченных районов КФССР, в котором объявил, что он принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей. В каждом районе назначался начальник, которому принадлежала вся власть на местах. В перечне требований из восьми пунктов местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 21 до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги и необоснованные сведения; предлагалось гражданскому населению продолжать свою обычную работу и представить опись своего имущества, а оставшимся советским солдатам немедленно сложить оружие и сдаться в плен. За нарушение данных требований могла последовать смертная казнь[116].

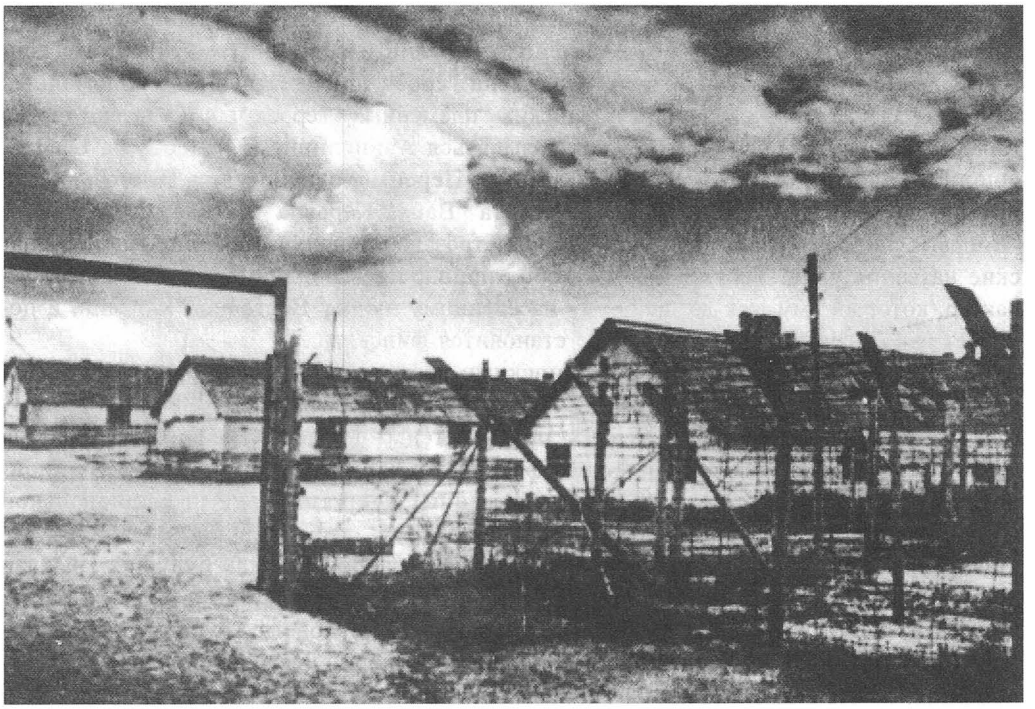
Основные направления работы оккупационного финского Военного управления Восточной Карелии нашли отражение в его структуре, представленной целым рядом отделов: командным, противовоздушной обороны, административным, полицейским, надзора, экономическим, интендантским, ветеринарным, просветительским, социальным, разведки, медицинским. Штат управления насчитывал: офицеров и военнослужащих — 470 человек, младших офицеров — 364, мужчин и юношей — 488, личный состав ПВО — 1081, женщин — 514, всего — 2917 человек[117]. Штаб ВУВК находился сначала в г. Йоэнсуу (Финляндия), а затем — в Петрозаводске. Территория, подчиненная Военному управлению Восточной Карелии, была разделена на

В одной из школ оккупированного Петрозаводска отмечается день независимости Финляндии. 6 декабря 1941 г.

3 округа (Олонецкий, Масельгский и Беломорский), каждый из которых делился на районы, а они в свою очередь — на более мелкие административные единицы — участки (несколько населенных пунктов). Окружные, районные и местные начальники управляли всей административной и хозяйственной жизнью на своих территориях. Кроме того, в крупных деревнях назначались старосты для надзора за населением, организации необходимых мероприятий и т. п. На службу в оккупационные органы подбирались, как правило, "заинтересованные" в делах Восточной Карелии лица, имевшие военную подготовку и опыт административной работы. При аппарате ВУВК имелась совещательная комиссия из 12 человек, в которую входили "благонадежные лица из восточных карелов", ушедших в Финляндию после революции 1917 г. Предполагалось, что эта комиссия придаст "местный колорит" созданному управлению, однако, не имея никаких прав, она не оказывала сколько–нибудь существенного влияния на принятие важных решений.

Всего на оккупированной части Карело–Финской ССР насчитывалось около 85 тыс. местных жителей, считая и перемещенных из Ленинградской области. Для усиления контроля и наблюдения за ними оккупационные власти провели подробную перепись населения. В каждом крупном селе имелся полицейский участок, за нарушение установленного режима (нахождение на улице во время комендантского часа, пребывание в доме постороннего лица, выход за пределы постоянного места жительства без специального пропуска и т.п.) предусматривались различные меры наказания вплоть до расстрела. В специальные лагеря (концентрационные, переселенческие, трудовые) были заключены около 1/3 всего населения. Только в г. Петрозаводске имелось 6 лагерей, в которых содержались свыше 20 тыс. человек. По разным данным, следствием тяжелых лагерных условий жизни (непосильных работ, голода, массовых эпидемических болезней), а также расстрелов явилась гибель от 4000 до 7000 человек[118].

Особую сферу деятельности оккупационной администрации составляло "просвещение и воспитание национального населения". У карелов следовало формировать "знание об исторической задаче финского племени в его противодействии



Один из шести финских концентрационных лагерей в Петрозаводске

вековому стремлению России захватить Финляндию". На разного рода просветительских мероприятиях следовало говорить о незначительных успехах СССР и деятельности ВУВК на благо населения, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Важнейшими каналами просветительской работы являлись газета и радио: "Вапаа Карьяла" ("Свободная Карелия") и Ауниксен радио (Радио Олонца). 5 января 1942 г. было обнародовано постановление об основах народной школы в Восточной Карелии. Языком обучения во всех школах становился финский. По этой причине дети "ненациональных" родителей оставались за бортом народной школы вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. работали 53 школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них числились 8393 ученика–"национала" и, кроме того, в 13 школах учились около 3000 русских детей. Особенно большое внимание в учебных планах уделялось мировоззренческим предметам (история, география, финский язык, религия), создавались специальные учебники, в которых доминировали финские национальные мотивы[119].

Составной частью политики финнизации на оккупированной территории являлось переименование населенных пунктов, улиц, имен и фамилий местных жителей. Так, уже 16 сентября 1941 г. окружные начальники получили предписание ВУВК о приведении к единообразию названий населенных пунктов на оккупированной территории. В нем, в частности, подчеркивалось: "Следует брать употребляемые местными жителями названия населенных пунктов, если они являются финскими. Группу деревень, построенных близко друг от друга, следует считать одной деревней. Предложения по переименованию русских названий деревень на финские с резолюцией

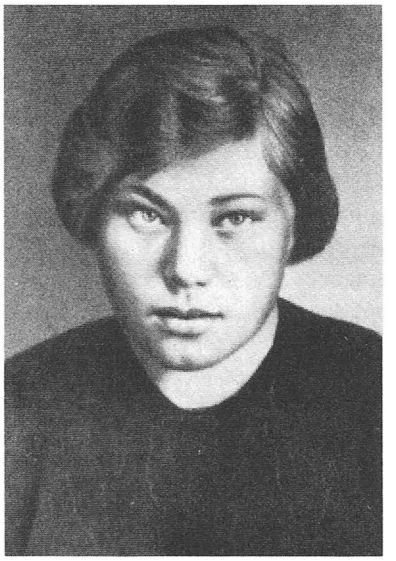
окружного начальника следует посылать нам". Тогда же в районы были направлены рекомендательные списки для переименования улиц и населенных пунктов Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев предшествующих "племенных войн", а также имена карельских и финских "племенных" героев или же имена героев Калевалы. Так, г. Петрозаводск стал называться Аанислинна (Крепость на Онего), Олонец — Аунуслинна (Крепость Олонии). Переименование улиц Петрозаводска произошло в начале 1943 г. Финская газета "Вапаа Карьяла" писала в этой связи: "Впервые за время своего существования Петрозаводск получает национальные финские названия улиц. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему, как важнейшему населенному пункту Восточной Карелии, и подобает иметь. Лицо города все более становится финским..."[120]

Таким образом, установленный финскими военными властями режим на захваченной территории Карело–Финской ССР представлял собой продуманную систему мер (экономических, идеологических, просветительских, политических), которая во многом определялась национальными факторами. Отправной момент оккупационной политики заключался в том, что родственных финнам людей по национальной принадлежности ("соплеменников" — карелов, финнов, вепсов, ингерманландцев, составлявших 50% местных жителей) необходимо "освободить" как будущих граждан "Великой Финляндии". Реализация такой политики на практике выразилась в разделении жителей Восточной (Советской) Карелии на две основные группы: "национальное и ненациональное", или привилегированное и непривилегированное во всех отношениях население. Первая группа людей лучше обеспечивалась социальными благами (зарплатой, продовольственными и промышленными товарами, медицинским обслуживанием и т. д.), для них организовывались специальные народные школы и курсы по месту жительства и в Финляндии, проводилась активная идеологическая и просветительская работа. Вторая группа, в основном русские, находилась в худших условиях, и именно они, прежде всего, помещались в концентрационные (трудовые) лагеря с целью дальнейшего перемещения после предполагавшейся победы в войне Германии и ее союзников.

О конкретных результатах оккупационной национальной политики в Карелии, отношении к ней местного населения в определенной степени можно судить по событиям на заключительном этапе военных действий на Севере: начавшемся здесь летом 1944 г. наступлении советских войск, уходе финнов и эвакуации с ними местных жителей, которая, по утверждениям финских военных властей, осуществлялась на добровольной основе.

На оккупированной территории Карелии, по данным финских источников, к лету 1944 г. оставалось всего 83 541 человек местного населения, из них 68 453 человека проживали в населенных пунктах, 14 926 человек — в переселенческих лагерях и 162 человека — в концентрационных лагерях. Около половины местных жителей — 41 803 человека — относились к родственным финнам народам (карелы, финны, вепсы, ингерманландцы и др.). Согласно подробному отчету финских военных властей по эвакуации, всего из населения Восточной Карелии переселились в Финляндию 2799 человек, или 3,35%. Из них родственное финнам население составляло 2196 человек. Таким образом, в целом число переселившихся (эвакуировавшихся) жителей Карелии в Финляндию оказалось незначительным. Следует учесть, что для некоторых эвакуация была неизбежной, в частности для тех, кто находился на службе у финнов. Многие переселившиеся состояли в браке с финнами и уже являлись гражданами Финляндии[121].

Герой Советского Союза
А. М. Лисицына



Герой Советского Союза
М. В. Мелентьева

Подпольное движение

С первых дней войны в Карелии стали создаваться подпольные группы и партизанские отряды для борьбы с захватчиками. Руководили этой работой партийные и советские органы республики — ЦК КП(б), Совнарком, Наркомат госбезопасности, а затем Республиканский штаб партизанского движения (РШПД) при Военном совете Карельского фронта (начальник С.Я. Вершинин). В этой работе активно участвовал ЦК комсомола республики и его первый секретарь Ю.В. Андропов. Многие партизаны и подпольщики достойно проявили себя в сложной боевой обстановке.

В июне 1942 г. ЦК Компартии республики направил юных комсомолок карелку М. Мелентьеву и вепсянку А. Лисицыну в оккупированный финскими войсками Шелтозерский район. Разведчицы организовали явки для подпольных райкомов партии и комсомола, собрали сведения об оккупационном режиме, добыли ценные документы и данные о расположении огневых точек и оборонительных сооружений противника. Кроме того, комсомолки–связные проводили беседы с населением, рассказывали правду о жизни в стране и о героических делах Красной армии, разоблачали истинные цели оккупантов. При возвращении домой геройски погибла А. Лисицына. Однако М. Мелентьева, преодолев невероятные трудности, выполнила задание и доставила по назначению добытые сведения и документы. Позднее, устанавливая связь с новой подпольной группой в Сегозерском районе, М. Мелентьева была схвачена врагами. До последней минуты жизни она вела себя стойко и достойно. За мужество и героизм, проявленные при выполнении ответственных заданий, М.В. Мелентьевой и А.М. Лисицыной посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза[122].

Всего на подпольную работу с начала войны и до конца 1943 г. были направлены более 120 человек. Из них членов и кандидатов в члены партии — 67, комсомольцев

— 46. Из числа подпольщиков в мирное время секретарями райкомов партии работало 7 человек, председателями райисполкомов — 2 человека, на другой руководящей партийной, советской и комсомольской работе — 5 человек. 94 подпольщика являлись карелами, вепсами и финнами. 47 из них имели возраст от 18 до 25 лет, 73 — от 25 до 40 лет и один — старше 40 лет[123].

Сложности при организации и деятельности подполья в Карелии обусловливались низкой плотностью и в целом малочисленностью населения. Большинство деревень пустовало, во многих жили буквально несколько человек. Так, в с. Ругозере насчитывалось 19, а во всем Кестеньгском районе — 82 жителя. При строгом режиме надзора, когда каждый житель находился на учете у полиции, появление нового человека, особенно в деревне, сразу же становилось известным оккупационным властям. Кроме того, часть населенных пунктов находилась недалеко от линии фронта, которая в течение трех лет оставалась неизменной, в них располагались воинские подразделения противника и осуществлялся наиболее суровый оккупационный режим.

Финские власти приложили немало усилий, чтобы подорвать деятельность подполья. Они создали широко разветвленный аппарат для выявления и ликвидации сопротивления, использовали в борьбе с ним все возможные средства, непрерывно усиливали и совершенствовали меры его подавления. Им удалось разгромить часть нелегальных организаций и нанести ощутимые потери подпольщикам. Однако несмотря на все трудности, советское подполье в Карелии существовало и активизировало изо дня в день свою деятельность. На оккупированной территории республики действовали следующие подпольные организации: Петрозаводская, Ведлозерская, Заонежская, Олонецкая, Сегозерская и Шелтозерская. Кроме того, партийно–комсомольские группы действовали в Кондопожском, Прионежском и Пряжинском районах.

Как известно, создание в стране подпольных организаций шло по трем направлениям. Во–первых, путем заблаговременного создания сети партийных комитетов и ячеек, явочных квартир, подбора связных и т. п.; во–вторых, при помощи создания подпольных организаций по инициативе патриотов, оказавшихся на оккупированной территории; в–третьих, способом создания подготовительных групп в советском тылу, а затем переброски их через линию фронта во вражеский тыл, в места будущей деятельности. Эти пути использовались и при создании подпольных организаций в Карелии. Летом 1941 г. ЦК Компартии республики провел работу по заблаговременному созданию подполья в тылу противника. Однако многим подпольщикам не удалось развернуть свою деятельность. Попав в трудные условия и не имея опыта работы, они вскоре обнаружили себя и были ликвидированы финнами, часть из них оказалась в концентрационных лагерях. Путь заблаговременного создания подпольных организаций в Карелии не получил широкого распространения. Известны лишь несколько подпольных групп, возникших по инициативе советских патриотов на местах. К примеру, в г. Кондопоге комсомолка Е.В. Тимошина (Фомина) организовала такую подпольную группу[124]. Наиболее действенным в Карелии оказался путь создания подготовленных групп в советском тылу и переброски их затем через линию фронта на оккупированную противником территорию.

Деятельность подпольных организаций заметно усилилась с середины 1942 г. К тому времени они накопили определенный опыт борьбы с врагом, более обстоятельно изучили оккупационный режим и его методы подавления сопротивления. При ЦК Компартии республики работала спецшкола, где подпольщики получали подготовку. Появилось достаточное количество радиостанций, что улучшало возможности конспиративной работы. Стало больше самолетов, на которых подпольщики могли

доставляться в любую точку оккупированной территории[125]. Усилилось сопротивление оккупационному режиму населения, воодушевленного успехами Красной армии на фронте в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском. В Карелии, как правило, подпольные комитеты назначались ЦК Компартии республики в таком составе: секретарь райкома партии, секретарь райкома комсомола и радист.

Группа олонецких подпольщиков (слева направо): У. П. Кузьмина, Я. В. Ефимов, В. А. Кузьмин

Подполье в Олонецком районе, например, создавалось и действовало так. Летом 1942 г. здесь начала свою деятельность группа подпольщиков в составе секретаря райкома партии М.М. Деляева, его заместителя — секретаря райкома комсомола А.М. Звездиной и радистки О.Е. Филипповой. Уроженец Олонецкого района, карел, М.М. Деляев, в начале войны назначенный комиссаром истребительного батальона, затем получил назначение на подпольную работу в тыл врага. А.М. Звездина — карелка из Олонецкого района, до войны работавшая литературным сотрудником олонецкой районной газеты "Колхозник", в августе 1941 г. заменила ушедшего на фронт секретаря райкома комсомола и была направлена на подпольную работу. О.Е. Филиппова до войны работала в Калевальском районе учительницей, с начала войны находилась в действующей армии, где овладела специальностью радиста. Группа работала до октября 1942 г., ей удалось сделать многое: собрать разведданные о расположении финских частей и линии их обороны, сообщить советскому командованию о передвижении войск противника на участке Олонец—Лодейное Поле, устроить несколько диверсий на вражеских объектах, распространить листовки и сводки Совинформбюро. Однако в октябре 1942 г. финнам удалось арестовать подпольщиков. Всех троих расстреляли в феврале 1943 г. Герои посмертно награждены боевыми орденами СССР[126].

В этом же районе летом 1943 г. появилась новая группа подпольщиков. Возглавил ее карел Я.В. Ефимов. С начала Великой Отечественной войны он, бывший мелиоратор Олонецкой машинно–тракторной станции, был комиссаром партизанского отряда имени Чапаева, а затем — отряда "Буревестник". В состав группы входили В.А. Кузьмин, И.П. Юплов и У.П. Кузьмина. Все они хорошо знали местность, где работали в предвоенные годы, поэтому быстро разобрались в сложившейся обстановке. После выполнения задания, в ноябре 1943 г., подпольщики вышли к линии фронта, преодолев 300 км пути, но наткнулись на боевое охранение финских войск и вступили в неравный бой. Тяжело раненных, их захватили в плен и 3 марта 1944 г. расстреляли[127].

Осенью 1943 г. в тылу противника начали работать разведчики М. Егоров и З. Григорьева, сообщавшие советскому командованию ценную информацию о численности, дислокации и передвижении финских частей. Когда в декабре связь с Центром прервалась, они решили перейти линию фронта, но в одной из деревень их предали, и в неравном бою они погибли. Указом Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г.

Шелтозерские подпольщики среди местных жителей :
Д. М. Горбачев (крайний слева), Д. Е. Тучин (второй слева), П. И. Удальцов (крайний справа)

З. Григорьева и М. Егоров посмертно награждены орденом Отечественной войны II степени[128].

Шелтозерский район населяли в основном вепсы, и находился он вблизи линии фронта. Финские войска проводили здесь большие работы по укреплению своей обороны, тут же проходили их главные коммуникации по обеспечению обороны на р. Свири. Близость фронта создавала дополнительные трудности для работы подпольщиков, так как в каждом населенном пункте имелись гарнизоны врага. В августе 1943 г. в Шелтозерском районе начала действовать группа во главе с Д.М. Горбачевым — секретарем подпольного райкома партии. В нее входили П.И. Удальцов — секретарь подпольного райкома комсомола, М.Ф. Асанов — связной и С.К. Паасо — радистка. Этой работой были охвачены не только Шелтозерский, но и другие районы — с. Ладва (Прионежский район), поселки Вознесенье и Подпорожье (Ленинградская область), а также Петрозаводск. В подпольную работу включалось все больше и больше местных жителей. Поэтому, когда в связи с угрозой ареста Д.М. Горбачев, П.И. Удальцов и С.К. Паасо (М. Асанов погиб раньше) были вынуждены в апреле 1944 г. уходить за линию фронта, сформировался новый состав райкома, который активно работал до освобождения района от оккупации. Всего Шелтозерскому райкому удалось вовлечь в активную подпольную работу свыше ста человек[129].

Секретарь Заонежского подпольного райкома партии Т.А. Куйвонен писал впоследствии, что райком давал местным жителям разнообразные поручения: "Сидорова собирала для нас сведения о войсках противника... налаживала связи с местными надежными людьми... Максимова помогала установить связь с местной рыболовецкой бригадой. Она же добывала данные о с. Великая Губа, о финском штабе Заонежского участка фронта. Юрьев имел задание провести ряд бесед с местным населением. Максимова Надежда и Рябова Мария распространяли среди населения наши листовки и сводки Совинформбюро, написанные от руки"[130].

В Ведлозерском районе активно участвовала в подпольной работе вся семья колхозника Исакова. Отец — Павел Исаков — организовал явки для подпольщиков, снабжал их продуктами, предупреждал об опасности. Его жена укрывала подпольщиков,

помогала им устанавливать связь с местным населением. Старший сын Федор был связным, младший, 12-летний, разносил советские листовки и газеты по деревням[131].

Большую роль в вовлечении населения в подпольную борьбу играла политическая работа в тылу врага. Подпольные организации имели своих активистов, которые проводили эту работу в 112 населенных пунктах. Начиная с марта 1942 г., регулярно, три раза в месяц, для населения временно оккупированных районов издавались специальные выпуски республиканских газет "Ленинское знамя" и "Тотуус" (на финском языке). Помимо газет в тылу противника разбрасывались сотни листовок. Только за период с октября 1941 по июль 1942 гг. было издано 32 листовки.

Карельские партизаны во время рейдов по тылам врага также распространяли среди местного населения газеты и листовки. Так, в период похода партизанской бригады И. Григорьева в январе 1942 г. на Большой Клименецкий остров партизаны распространили свыше 10 тыс. листовок. Кроме того, они делали рукописные лозунги с призывом к населению бороться с оккупантами. Подпольные организации и группы не только распространяли среди населения газеты и листовки, доставленные из советского тыла, но и печатали их сами. Сегозерский райком партии, например, выпустил районную газету "Ударный труд" и листовки[132].

В политической пропаганде среди населения подпольщики использовали групповые и индивидуальные беседы с жителями оккупированной территории, другие формы работы. Так, например, Шелтозерский райком партии организовал прослушивания советских радиопередач. Вот что рассказывал об одном из таких прослушиваний секретарь подпольного райкома партии Д.М. Горбачев: "31 декабря 1943 г. мы решили организовать слушание новогодней речи М.И. Калинина. Это было необходимо потому, что финны усиленно распускали слухи о том, что в прошлом 1942 г. товарищ Калинин, выступая по радио, будто бы заявил, что вепсам и карелам теперь надо готовить гробы, так как Советская власть с ними расправится. Этот трюк финской пропаганды широко распространялся среди некоторых слоев населения. Мы решили показать народу, что эти слухи просто злобная выдумка врага. 31 декабря 1943 г. к нам пришли слушать радио Гринин Иван, Тучин Дмитрий, Тучин Степан, Горбачева Евдокия и многие другие. Слышимость была очень хорошая. Простые и ясные слова М.И. Калинина глубоко взволновали всех присутствующих. Уходя от нас, Гринин Иван сказал: "Ну, теперь я слышал своими ушами и всем расскажу, что товарищ Калинин не только не говорил о гробах вепсам и карелам, а прислал нам привет"[133].

Политическую работу подпольщики вели также и среди солдат противника, подрывая тем самым моральное состояние вражеских войск, снижая их боеспособность. Секретарь ЦК Компартии республики, член Военного Совета Карельского фронта Г.Н. Куприянов сообщал, что секретарь Петрозаводского подпольного комитета Ф.Ф. Тимоскайнен "попросил ЦК прислать в Петрозаводск не только листовки для наших военнопленных, но и листовки для финских солдат и граждан. Такие листовки в Беломорске начали немедленно издавать и посылать подпольщикам. Кроме листовок в город начали направлять газету "Голос солдата" на финском языке, которую издавало политуправление фронта"[134]. "Финны бесились, — пишет в своих воспоминаниях радистка Шелтозерского подпольного комитета С.К. Удальцова (Паасо), — так как чувствовали, что в районе работает подпольная организация. Регулярное появление листовок, советских газет на Свири, в Янигубе, у военнопленных, в Бережном Шелтозере, и, главное, настроение населения и не только местного, но и финских солдат, приводило начальника района капитана Ориспяя, начальника полиции Раутанена и комендантов деревень в ярость"[135].

Важнейшее место в работе подпольных организаций занимала разведывательная деятельность. ЦК Компартии республики имел тесные связи с командованием Карельского фронта. Член Военного совета фронта, первый секретарь ЦК Компартии генерал–майор Г.Н. Куприянов непосредственно был связан с руководителями партизанского движения и подпольной работы в тылу врага. Это позволяло давать подпольщикам конкретные разведывательные задания, а добытые разведданные своевременно доставлять командованию советских войск. Подпольщики сообщали ценные сведения о дислокации и численности вражеских частей, штабов, расположении аэродромов, о воинских перевозках и т. п. По разведданным подпольщиками объектам советская авиация наносила бомбовые удары.

Шелтозерский райком партии с помощью местных жителей собрал данные о дислокации войск и оборонных сооружениях противника. "Комсомольцы Вознесенья, — вспоминает С.К. Удальцова, — составили подробную карту оборонных укреплений финнов на р. Свири протяженностью 18 км, указав, где вражеские посты, прожекторы, орудия, огневые точки, когда происходит смена патрулей, также зорко выследили, какие места финны минировали. Карту начисто начертил С. Бутылкин, а я в несколько сеансов передала ее на Большую землю"[136]. Ведлозерские подпольщики, установив, что финны начали строить оборонительную линию в Олонецком районе, собрали подробные данные о ней и сообщили командованию советских войск[137]. Подпольщики добыли немало ценных документов — пропусков, паспортов, приказов и т. п.

В период наступления войск Карельского фронта летом 1944 г. подпольные организации активизировали свои действия. Ведлозерские подпольщики с приближением частей Красной Армии уничтожили несколько телефонных пролетов и тем самым прервали вражескую телеграфно–телефонную связь в районе. Шелтозерский подпольный комитет организовал из местного населения партизанский отряд численностью свыше 80 человек, который занял два населенных пункта — Тихоницу и Залесье — и удерживал их до прихода советских войск. Партизанский отряд создал и Сегозерский подпольный комитет. Возглавил этот отряд секретарь райкома И.В. Калинин. Оружие и боеприпасы подпольщикам были доставлены авиацией. Партизаны установили наблюдение за дорогами. Они заняли д. Сельгу и вступили в центр Сегозерского района — с. Паданы. С освобождением территории Карелии от финских захватчиков летом 1944 г. подпольные организации и группы прекратили свою деятельность.

Г.Н. Куприянов, оценивая значение подпольного движения, впоследствии писал: "Несмотря на все наши промахи и недостатки, гибель подпольщиков не была напрасной. Трудно переоценить и невозможно представить в цифрах всю ту многообразную и тяжелую, сложную работу, которую проделали они в тылу врага. Подпольщики сумели дать ЦК Компартии и Военному совету фронта сведения, которые очень пригодились нам как в чисто военных целях, так и в целях общеполитических. Эти сведения помогли сохранить тысячи жизней наших солдат. Своими действиями они дезорганизовывали и ослабляли тылы врага, создавали у оккупантов неуверенность в прочности успехов, достигнутых ими в первый период войны"[138].

Партизанская борьба

Партизанские отряды в Карелии начали создаваться в июле 1941 г. Решением бюро ЦК Компартии Карело–Финской ССР для их формирования 2 июля 1941 г. была создана тройка в составе секретаря ЦК КП(б) А.С. Варламова, заместителя председа-

теля Совнаркома КФССР М.Я. Исакова и наркома госбезопасности М.И. Баскакова. Позднее, 6 августа, ЦК Компартии создал республиканский штаб по руководству партизанским движением в Карело–Финской ССР во главе с заместителем председателя Совнаркома М.Я. Исаковым.

К середине августа 1941 г. в республике насчитывалось 15 партизанских отрядов общей численностью 1700 человек. Среди них имелись представители более чем 30 национальностей СССР: русские, карелы, финны, вепсы, украинцы, белорусы и др. Карелы в первых партизанских отрядах составляли 20% от общего числа партизан. Социальный состав первых партизанских отрядов выглядел так: рабочие составляли почти 44%, колхозники — 5% и служащие — около 52%[139]. На командную и политическую работу подбирались наиболее грамотные и опытные в военном и политическом отношении работники из партийного, советского и хозяйственного актива. В числе первых командиров и комиссаров были 11 секретарей райкомов и горкомов партии и 16 руководящих работников республики.

В первые месяцы войны, когда противник, имея численное превосходство, продвигался в глубь нашей территории, некоторые партизанские отряды вступили в бой вместе с регулярными соединениями Красной армии. В сентябре 1941 г., например, когда финские войска подходили к Петрозаводску, в их тылу и на ближних подступах к городу активно действовали партизанские отряды "Бей фашистов", "За Отечество", отряд из жителей Прионежского района под командованием Ф.И. Грекова и др. На севере Карелии — на ребольском, ухтинском и кестеньгском направлениях — во вражеском тылу с осени 1941 г. успешно действовали отряды "Красный онежец", "Боевой клич", "Красный партизан" и "Боевое знамя". Отряд "Красный онежец" в течение трех месяцев (август—октябрь 1941 г.) совершил 10 походов в тыл противника.

Особенно успешно действовали специально подготовленные отряды для войны в тылу противника. Командир отряда особого назначения на ребольском направлении П.В. Волков вспоминает о том, как они читали в газетах за 22 сентября 1941 г. сводку о своем первом рейде: "Я, как дорогую реликвию, храню пожелтевшую от времени вырезку из "Известий" с этой сводкой. Вот она: "От Советского информбюро. Утреннее сообщение. 22 сентября 1941 г. партизанский отряд под командованием тов. В. совершил боевой поход по тылам немецко–финской армии. За 10 дней отряд прошел более 100 км. Партизаны во многих местах порвали линии связи и разрушили два только что отстроенных фашистами моста. На минах, заложенных партизанами на разных участках шоссе, взорвалось несколько немецко–финских автомашин. Устроив засаду на лесной дороге, партизаны уничтожили еще три машины, восемь солдат и двух офицеров. Через день разведчики обнаружили, что по дороге движутся 60 белофинских велосипедистов. Ночью, через болота, партизаны прошли наперерез белофиннам. Тов. В. выделил группу засады и группу удара. После многочасовой перестрелки группа удара пошла в атаку. Белофинны отошли и попали под огонь партизан, засевших в засаде. Противник понес большие потери и бежал, бросив 4 станковых пулемета, 10 велосипедов, несколько повозок с лошадьми и много боеприпасов... Позднее мы с волнением читали в центральных газетах Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный М.И. Калининым, о награждении воинов отряда боевыми орденами и медалями. Орденами Красного Знамени были награждены 7 человек, орденом Красной Звезды — 6 человек, медалью "За отвагу" — 17 человек, а всего 30 человек"[140].

В партизанском движении Карелии можно отметить три характерных этапа, обусловленных обстановкой на фронте, положением на оккупированной территории и

Партизаны в походе

тактикой боевых действий партизан. Первый этап охватывает период с июля до начала декабря 1941 г., когда войска фронта вели тяжелые оборонительные бои. Это этап зарождения и организационного оформления партизанского движения, его становления. Руководство республики провело большую работу по подбору партизанских кадров и формированию отрядов, которые начали боевые действия, приобретая опыт и вырабатывая тактику в ходе боев.

Второй этап, охватывающий период с декабря 1941 г. до июня 1944 г., — время стабильной обороны войск Карельского фронта, когда партизаны расширяли зону своих действий путем длительных и кратковременных рейдов по тылам врага. Они действовали не только в оккупированных районах Карелии, но и совершали походы на территорию Финляндии. На этом этапе определилась организационная структура партизанских сил, сложились и приобрели боевой опыт командные кадры, выработались основные принципы и черты тактики партизанской войны.

Третий этап связан с осуществлением решающих наступательных операций войск Карельского фронта. Он охватывает период от начала наступления советских армейских частей в июне 1944 г. до полного освобождения Карелии от финских войск в сентябре 1944 г. Боевая деятельность партизанских отрядов в это время тесно взаимосвязывалась с боевыми действиями частей Карельского фронта.

В первые месяцы войны партизанское движение в Карелии, как и в других районах страны, преодолевало огромные трудности становления, накапливало боевой опыт. Сложности и трудности заключались не только в организации отрядов, в чем не имелось опыта. Многим партизанам приходилось действовать без подготовки в прифронтовых районах или непосредственно на линии фронта. Сказывался и недостаток самого необходимого — оружия, боеприпасов, медикаментов, обмундирования и продовольствия. Большие трудности обусловливались отсутствием радиостанций, что не позволяло оказывать своевременную помощь партизанам авиацией.

Командир 1-й партизанской бригады И. А. Григорьев

Однако, несмотря на все сложности, партизанские отряды Карелии уже на первом этапе показали свою силу и способность наносить серьезные удары по тылам противника.

Своеобразие условий определило формы и методы, особенности партизанской войны в Карелии на ее втором этапе. На оккупированной территории республики проживало немногим более 80 тыс. человек, в основном женщин, стариков и детей, которые, естественно, не могли участвовать в вооруженной борьбе. При этом тысячи советских граждан находились в концентрационных лагерях. Из многих населенных пунктов население было перевезено в Петрозаводск и заключено в концлагеря. Причиной такого принудительного переселения, как отмечалось в одном из отчетов ВУВК, являлось партизанское движение, которое стало настолько "оживленным", что оккупанты "приняли меры по эвакуации населения". В таких условиях нельзя было рассчитывать на создание, пополнение и снабжение партизанских отрядов с помощью только жителей оккупированных районов. Известные трудности представлял для партизан и суровый климат — длинная снежная зима с сильными морозами, летом частые дожди, постоянная сырость, белые ночи, кроме того, бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки. В силу этого партизанские отряды Карелии базировались на неоккупированной территории республики, вблизи линии фронта. Чтобы выполнить ту или иную операцию во вражеском тылу, им каждый раз приходилось дважды пересекать линию фронта, преодолевать расстояние от 300 до 500 км, нести на себе оружие, боеприпасы и продовольствие на весь период похода (нередко на 30—40 дней) и другой груз общим весом до 40 кг на человека. Сложную проблему представляла транспортировка раненых и больных из вражеского тыла. Своеобразие условий сказалось и на форме организации партизанских сил: как правило, действовали отряды численностью до 100 бойцов.

В начале 1942 г. по решению ЦК Компартии республики была сформирована партизанская бригада, состоявшая из 9 отрядов, минометной роты, пулеметного и разведывательного взводов общей численностью 1140 человек. Летом 1942 г. бригада (командир И.А. Григорьев, комиссар Н.П. Аристов) в составе шести отрядов ("Боевые друзья", "За Родину", им. Тойво Антикайнена, "Буревестник", "Мстители", "им. Чапаева") провела глубокий рейд в тыл врага. Боевой задачей бригады ставилось — разгромить штаб 2-го финского армейского корпуса в районе Поросозеро и разрушить здесь коммуникации противника. Поход продолжался 57 дней. Бригада 26 раз вступала в бой с финнами и причинила им значительный урон в живой силе и технике. Советское информбюро 1 сентября 1942 г. сообщало об этом походе: "Партизаны прошли по лесам и болотам почти 700 км, нанося внезапные удары по коммуникациям противника. Против партизан были брошены пограничные части и шюцкоровские отряды. В боях с белофиннами партизаны истребили до 750 солдат и офицеров, уничтожили большое количество автоматического оружия, радиостанций, снаряжения и боеприпасов"[141]. В ходе операции проявились высокие боевые и моральные качества партизан, однако бригада понесла большие потери — только небольшая ее

часть, около 100 человек, возвратилась на базу. Это объяснялось тем, что такому крупному соединению было невозможно скрытно перейти линию фронта, а затем успешно маневрировать во вражеском тылу. Поход бригады показал, что в условиях Карелии нецелесообразно действовать такими большими группировками. Поэтому в октябре 1942 г. бригада была расформирована, и каждый партизанский отряд вновь стал действовать самостоятельно. Периодически, когда проводилась та или иная более крупная операция, несколько партизанских отрядов временно объединялись под единым командованием.

Определенное впечатление о буднях партизанской борьбы дает дневник комиссара партизанского отряда Я.В. Ефимова, участвовавшего в указанном выше рейде: "9 августа [1942 г.]. Ночь провели на небольшой высоте в обороне, так как поблизости большие силы противника. Шел сильный дождь. Около 6.00 утра разведка противника обстреляла передовые дозоры 6–го отряда, завязалась короткая перестрелка, противник поспешно отошел, посланная для преследования группа не догнала его. Идем на северо–восток. Не доходя до северо–западного конца Второе Куккозеро, впереди идущую разведку и 4–й отряд с засады обстрелял противник. Убит комиссар 4–го отряда Плеве. Нашего начальника штаба отряда Пронина пришлось оставить... Он слишком плохо себя чувствовал, а нести никто не мог, люди обессилены. Он сам пришел к этому решению, спокойно и мужественно попрощался со всеми и вынул пистолет...

11 августа. Ночь прошла благополучно. В 5.00 утра идем на север. В 17.00 изменили азимут и пошли на восток. В координате 56—90 останавливаемся на привал. Вечером прилетели наши самолеты и дважды сбросили продукты. Другие две группы тоже подошли к озеру Гардюс и завтра присоединятся к нам. Сегодня в нашем отряде на марше с голоду и от сильного истощения умер боец Быстров.

14 августа. Ночь провели на месте. Утром около 6.00 снова подошла разведка противника. Наш дозор ее обстрелял, она скрылась. Противник снова стал подтягивать силы к нашей обороне. Вернулась разведка с реки Волома. Через болото, прямо на восток, идем к реке, до которой напрямую чуть больше двух километров. К реке вышли у бараков в координате 60—96. В 11.00 начали переправу на левый берег. Вскоре подошли отряды "Боевые друзья" и "За Родину". Путь у них оказался потруднее, шли с частыми боями. Переправу закончили в 12.00. Противника пока не видно. Командование бригады принимает решение дальше опять идти тремя группами и чтобы каждая выходила в свой тыл самостоятельно. Каждой группе ставится боевая задача — вблизи линии охранения разгромить полевые гарнизоны противника. Но до линии финского охранения еще надо дойти..."[142].

Командование финских войск предпринимало значительные усилия, чтобы парализовать партизанское движение. С начала 1942 г., когда стабилизировался фронт, финские части усилили охрану своих коммуникаций, укрепили оккупированное ими побережье Онежского озера и другие участки фронта, стараясь закрыть все пути прохода партизан в свои тылы. Были созданы укрепленные опорные пункты с артиллерией, пулеметами, наблюдательными постами и вышками, минными полями, проволочными заграждениями и т. п., организованы полевые заставы и передвижные дозоры. Зимой прокладывались контрольные лыжни, которые несколько раз в сутки проверялись дозорами. Вдоль дорог вырубались леса. Борьбу с партизанами вели пограничные и специально сформированные части, состоявшие из хорошо подготовленных и обученных солдат, использовавших служебных собак. Тем не менее, по признанию финляндского исследователя Х. Сеппяля, летом 1942 г. "партизанское движение настолько расширилось, что ставка сочла нужным обратиться к войскам с письмом, где

говорилось о заметном оживлении деятельности советских партизан, которая не только расширяется, но и приносит "разрушительные действия"[143].

30 мая 1942 г. Государственный Комитет Обороны образовал при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения. Одновременно создавались партизанские штабы при военных советах фронтов, в том числе и при Военном совете Карельского фронта, начальником которого стал генерал–майор С.Я. Вершинин. Штаб партизанского движения и Военный совет Карельского фронта направляли боевую деятельность отрядов, проводили мероприятия по дальнейшему их усилению, подбору и подготовке кадров, организовывали рейды в тыл противника.

Партизанские отряды Карелии постоянно пополнялись свежими силами, так как в боях 1941 г. они понесли значительные потери, а некоторые влились в ряды Красной армии[144]. Создавались и новые отряды. В марте 1942 г. появился отряд "Красное знамя", а в ноябре по инициативе секретаря ЦК комсомола республики Ю.В. Андропова — "Комсомолец Карелии". На Карельский фронт прибыли отряды, организованные в Мурманской ("Советский Мурман" и "Большевик Заполярья"), Архангельской ("Полярник", "Большевик" и "Сталинец") и Вологодской ("За Родину") областях. В марте 1944 г. из Ленинградской области прибыл партизанский отряд "Ленинградец"[145]. Всего в течение 1942—1944 гг. сражаться в северных лесах прибыли 2366 бойцов, в том числе 553 из Архангельской области, 292 из Мурманской, 234 из Ленинградской, 120 из Вологодской области. Пополнение прибывало и из других районов страны. В отряде "Мстители", например, воевали посланцы Свердловской области и Красноярского края, в отряде "Железняк" — Ярославской области, в отрядах им. Т. Антикайнена и им. Чапаева — Коми АССР, в отряде "Буревестник" — Иркутской области, в отряде "Красное знамя" — г. Ташкента.

Партизанские отряды в этот период лучше обеспечивались оружием, боеприпасами, продовольствием и обмундированием. В 1943 г. уже каждый отряд имел рацию и опытных радистов, что значительно повышало их возможности, оперативность управления отрядами и оказания им необходимой помощи авиацией. На учебном пункте штаба партизанского движения велась подготовка командиров взводов и отделений, радистов, инструкторов–подрывников. Все прибывшее пополнение до зачисления в отряды проходило, как правило, месячные сборы на этом учебном пункте. Особое внимание обращалось на подготовку к боевым действиям бойцов в условиях севера — хождению на лыжах, умению ориентироваться на местности и т. п.

За период с начала 1942 и до июня 1944 г. партизаны провели много походов в тыл врага и боевых операций. В январе 1942 г. партизанская бригада разгромила вражеские гарнизоны на Большом Клименецком острове Онежского озера. Совершив ночью при 30–градусном морозе и встречном ветре 40–километровый бросок по льду озера, бойцы скрытно подошли к намеченной цели и внезапно в разных пунктах острова атаковали противника. В результате смелого удара вражеские гарнизоны в деревнях Воевнаволоке, Конде, Клименицах, Сенной Губе, Кургеницах оказались разгромленными. В феврале 1942 г. партизаны бригады в результате смелого налета разгромили гарнизоны противника на западном берегу Онежского озера в поселке Карелгранит и на Маяке, а 10 марта 1942 г. уничтожили финский диверсионный отряд в устье р. Водлы.

С 11 по 22 июля 1942 г. во вражеском тылу на ребольском направлении действовал партизанский отряд "Вперед" (командир К.В. Бондюк, комиссар В.И. Поташев). Его бойцы уничтожили на шоссейных дорогах несколько автомашин с солдатами, сожгли 4 деревянных моста и порвали более 400 м телефонных проводов. На этом же

Бойцы партизанского отряда "Красный онежец". Зима 1942 г.

направлении с 11 июня по 11 августа партизанский отряд "Красный онежец" провел пять боевых и восемь разведывательных операций, уничтожив при этом два вражеских гарнизона, три склада с продовольствием и военным имуществом. С 19 августа по 2 октября 1942 г. этот отряд совершил поход в тыл врага на ухтинском направлении, во время которого разгромил вражеский гарнизон в д. Толлорека.

Активно действовал в 1942 г. на кандалакшском направлении отряд "Полярник" (командир Д.А. Подоплекин, комиссар Д.Г. Майзер). Об одной из операций отряда "Полярник" Совинформбюро сообщало: "19 июля гитлеровцы и их финские подручные в торжественной обстановке открыли только что построенный мост длиною около 70 м. В ночь на 20 июля этот мост был взорван партизанами отряда "Полярник". Через несколько дней бойцы этого же отряда пустили под откос железнодорожный эшелон с боеприпасами и истребили 78 вражеских солдат и офицеров..." Для охраны шоссейной и железной дорог оккупанты были вынуждены выделить значительные силы.

За время летних операций 1942 г. карельские партизаны нанесли существенный ущерб немецко-финским захватчикам в живой силе и технике. Они организовали семь крушений воинских поездов, разбив при этом 5 паровозов, 128 вагонов, уничтожили 59 автомашин, 3 трактора, 10 складов с продовольствием и боеприпасами, взорвали 18 железнодорожных и шоссейных мостов, разгромили 9 вражеских гарнизонов. Противник потерял убитыми около 2 тыс. солдат и 28 офицеров[146].

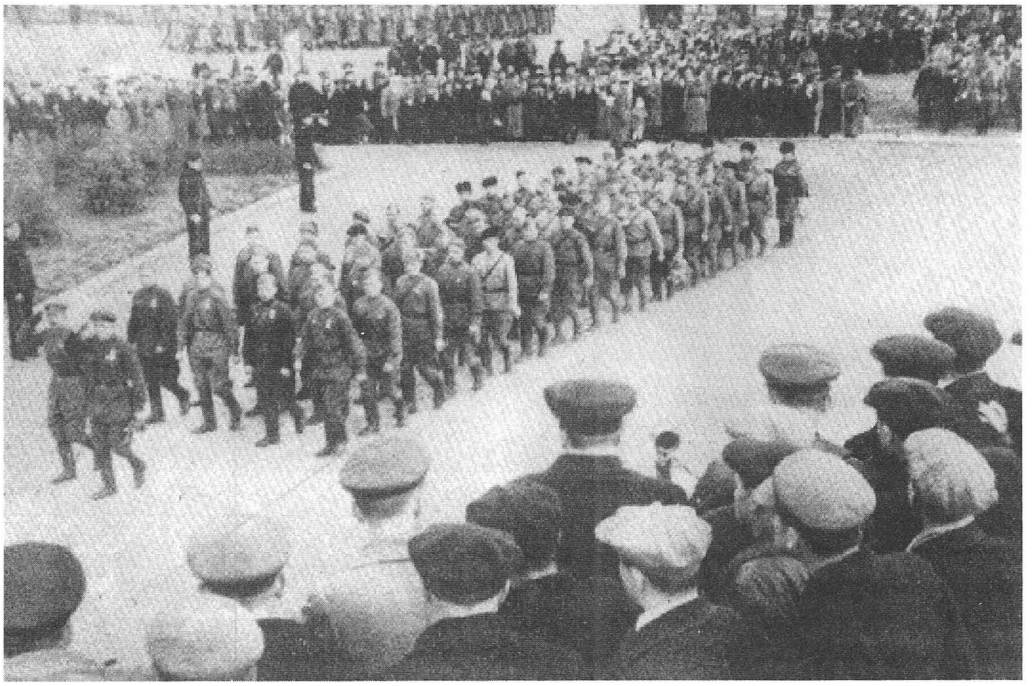
Боевые действия партизан в 1943 г. проходили в период коренного изменения обстановки на советско-германском фронте: завершения разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, грандиозной Курской битвы и наступления советских войск по всему фронту. Партизанские отряды значительно активизировали свою дея-

Группа бойцов отряда "Красный партизан"

тельность. В январе 1943 г. сводная группа из четырех партизанских отрядов ("За Родину", им. Т. Антикайнена, "Боевые друзья" и им. Чапаева) под командованием В.М. Лопаткина, пройдя по льду Онежского озера за одну ночь более 30 км, внезапно атаковала гарнизоны противника в деревнях Линдоме, Крестовой Губе, Тамбиц–Маяке. Партизаны истребили свыше 200 вражеских солдат и офицеров, уничтожив несколько орудий, минометов, пулеметов, взорвали склады с боеприпасами и снаряжением. В марте 1943 г. другая сводная группа партизанских отрядов ("Вперед", "Буревестник", "Железняк" и "Красный Онежец") под общим командованием К.В. Бондюка, преодолев на лыжах 180–километровый путь, разгромила вражеский гарнизон в д. Мергубе (Ругозерский район), уничтожила гараж с автомашинами, склады с боеприпасами, военным имуществом и горючим.

Партизанский отряд "Советский Мурман" (командир С.Д. Куроедов, комиссар В.Н. Васильев) в течение лета 1943 г. совершил три успешных операции в глубоком тылу врага, пройдя по сильно пересеченной местности свыше 1000 км. Отряд "Красный партизан" (командир Ф.Ф. Журих, комиссар В.Н. Пертунен) во время 95–суточного похода в глубоком тылу врага разбил финский карательный отряд, разгромил 2 гарнизона, уничтожил при этом большое число солдат и офицеров, склад с боеприпасами, 5 казарм, много военного имущества. Активные боевые действия вели и другие отряды. Всего за 1943 г., по неполным данным, партизаны разгромили 20 вражеских гарнизонов, уничтожили несколько тысяч солдат и офицеров противника, 5 железнодорожных эшелонов, взорвали 5 мостов.

Ряд боевых операций провели партизанские отряды зимой 1943/44 г. Однако следует заметить, что их зимние походы оказались не столь успешными, как прежде. Объяснялось это двумя причинами. Во–первых, в связи с предполагаемым наступлением войск Карельского фронта партизаны выполняли специальные задания по разведке оборонительных сооружений и сил противника на отдельных направлениях. Этим самым они выполняли большую и ценную работу для общего дела разгрома врага, но меньше нанесли ущерба живой силе и технике противника. Во–вторых, пользуясь длительной стабильностью линии фронта, противник, обеспокоенный смелыми действиями партизан, оттянул с переднего края обороны значительные силы, укрепил старые и создал новые гарнизоны, усилил охрану коммуникаций, что зна-



Парад партизан Карельского фронта в Петрозаводске. 8 октября 1944 г.

чительно затруднило проход партизанских отрядов во вражеский тыл и их боевые действия.

В связи с подготовкой к наступлению войск Карельского фронта партизаны в начале 1944 г. значительно активизировали свою деятельность. 1—2 июня 1944 г. ЦК Компартии республики провел совещание командиров и комиссаров всех партизанских отрядов Карелии и Заполярья, где перед ними были поставлены конкретные задачи в связи с предстоящим наступлением советских войск.

Летом 1944 г. на территории Карелии и Заполярья действовало 19 партизанских отрядов, в которых насчитывалось 1557 бойцов[147]. Наступление советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии создало благоприятную обстановку для действий в тылу противника. Финское командование вынуждено было ослабить гарнизоны и охрану своих тылов, что позволило партизанским отрядам усилить боевые действия на важнейших коммуникациях противника. Поэтому, например, из 19 отрядов, выполнявших боевые задания, 18 проникли в тыл противника незамеченными[148]. Партизанские отряды, действовавшие на севере Карелии, своими боевыми операциями препятствовали переброскам вражеских частей на участки фронта, где осуществлялось наступление наших войск. За три месяца летних операций 1944 г. партизаны разгромили 9 гарнизонов противника, пустили под откос 17 воинских эшелонов, уничтожили 306 вагонов и много вооружения и боеприпасов. Они взрывали мосты и линии связи, устраивали засады на путях отступления врага. Тем самым оказывалась большая помощь войскам Карельского фронта в их успешном наступлении и быстрейшем освобождении территории республики от немецко–финских оккупантов.

38 месяцев длилась самоотверженная борьба партизан Карелии. 8 октября 1944 г.

в освобожденной столице Карелии г. Петрозаводске состоялся парад партизан. В этот день в обращении ко всем трудящимся республики партизаны рапортовали о своих делах за три года войны: они уничтожили и ранили несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, разгромили 53 гарнизона противника, организовали 31 крушение воинских эшелонов, взорвали 151 мост, 314 автомашин, 78 складов, уничтожили много другого имущества врага[149]. Это был ощутимый вклад в общее дело разгрома немецких и финских захватчиков на советском Севере.

6. ОСВОБОЖДЕНИЕ КАРЕЛИИ И НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЕЕ МИРНОЙ ЖИЗНИ

Освобождение Карелии

В первой половине 1944 г. Вооруженные силы СССР, проведя успешные военные операции под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму, вступили на территорию одного из союзников Германии—Румынию. В результате создавались благоприятные предпосылки для освобождения всех районов страны и достижения полной и окончательной победы над вражескими войсками. Создавшаяся военно-стратегическая ситуация и назревавший политический и экономический кризис в Финляндии вынудили ее руководство в середине февраля 1944 г. обратиться к советскому правительству за выяснением условий выхода из войны. Однако те предварительные условия перемирия, которые изложила советская сторона, правительство Финляндии отклонило. Оно не ответило и на совместное обращение правительств СССР, Англии и США к сателлитам гитлеровской Германии от 13 мая 1944 г., в котором союзники по антигитлеровской коалиции предупредили их об ответственности в случае продолжения войны на стороне Германии.

В январе 1944 г. войска Волховского и Ленинградского фронтов разбили немецкую группу армий "Север", 900 дней державшую в блокаде Ленинград. Эта победа оказала большое влияние на ход боевых действий в Карелии. По воспоминаниям маршала К.А. Мерецкова, в середине февраля его срочно вызвали в Ставку ВГК и уведомили, что Волховский фронт, которым он тогда командовал, ликвидируется, его войска передаются Ленинградскому фронту, а Мерецков назначается командующим Карельским фронтом. Пожелавший отправиться воевать на Западном направлении К.А. Мерецков, по его словам, получил примерно следующий ответ И.В. Сталина: "Вы хорошо знаете и северное направление. К тому же приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Вам и карты в руки, тем более что еще в 1939—1940 гг., во время советско-финляндской войны, вы командовали армией на выборгском направлении и прорывали линию Маннергейма. Назначать же на Карельский фронт другого человека, совсем не знающего особенностей этого театра военных действий и не имеющего опыта ведения боев в условиях Карелии и Заполярья, в настоящее время нецелесообразно, так как это связано с затяжкой организации разгрома врага..."[150]

Тогда же Ставка Верховного Главнокомандования сформулировала в общих чертах поставленную перед Карельским фронтом задачу: за летне-осеннюю кампанию 1944 г. освободить оккупированные районы Карелии и Кольского полуострова. Далее из воспоминаний К.А. Мерецкова следует: "Так как Карельский фронт длительное время стоял в обороне и в связи с этим его войска и командиры не имели опыта

Командующий Карельским фронтом в 1944 г. К.А. Мерецков

крупных наступательных операций, то наряду со сменой командования Ставка решила перебросить в Карелию еще и управление Волховским фронтом. Приход новых и опытных сил должен был активизировать боевые действия. Командующему же надлежало как можно скорее разобраться в обстановке, изучить наступательные возможности фронта и к концу февраля представить свои соображения по разгрому немецко-финских войск"[151].

Советское Верховное Главнокомандование с целью разгрома финских войск и восстановления на Северо-Западе государственной границы приняло решение провести Выборгско-Петрозаводскую операцию. Осуществить ее планировалось силами Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий. Наступательные действия предстояло начать войскам Ленинградского фронта (Выборгская операция), а затем в наступление переходили войска Карельского фронта (Свирско-Петрозаводская операция). Для проведения операции выделялись 41 дивизия, 5 стрелковых бригад и 4 укрепленных района. Они насчитывали около 450 тыс. человек, 10 тысяч орудий и минометов, 800 танков и самоходных орудий, 1540 самолетов и превосходили противника: в людях — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 5,2 раза, в танках и самоходных орудиях — в 7,3 раза и в самолетах — в 6,2 раза.

10 июня 1944 г., после тщательной подготовки, войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л.А. Говорова в составе 21-й и 23-й армий при поддержке кораблей Балтийского флота и самолетов 13-й воздушной армии перешли в наступление на Карельском перешейке. В результате 10-дневных упорных боев советские войска прорвали три полосы мощной глубоко эшелонированной вражеской обороны и 20 июня овладели г. Выборгом. Противник, понеся большие потери в людях и технике, подтянул к району боев свежие подкрепления из южной Карелии, что создавало благоприятную обстановку для наступательных операций частей Карельского фронта на перешейке между Ладожским и Онежским озерами.

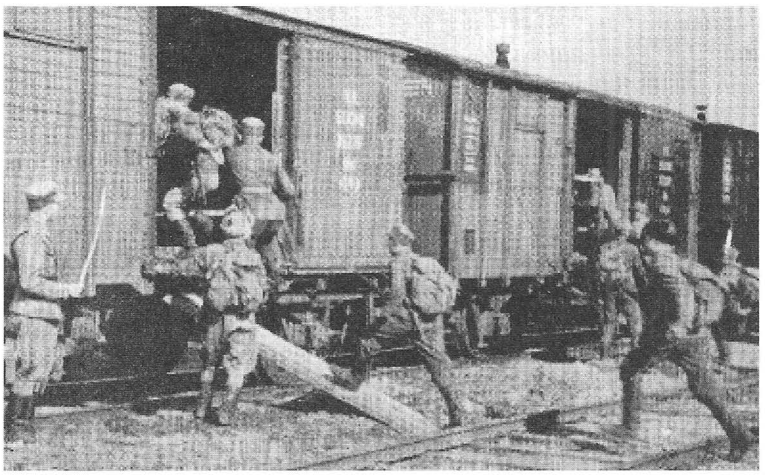
21 июня 1944 г. войска Карельского фронта начали Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию, имея целью разгромить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами и освободить южную Карелию. Главный удар наносился 7-й армией (командующий генерал-лейтенант А.Н. Крутиков) из района Лодейного Поля вдоль Ладожского озера в направлении на Олонец—Питкяранта—Сортавала с выходом на государственную границу. Кроме того, частям 7-й армии ставилась задача одновременно наступать вдоль западного побережья Онежского озера в северном направлении на Петрозаводск. Войскам 32-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф.Д. Гореленко) надлежало наступать из района северо-восточнее Медвежьегорска в направлении Суоярви, а частью сил — на Петрозаводск. Остальные войска Карельского фронта (14-я, 19-я, 26-я армии) находились в готовности к переходу в наступление в случае переброски вражеских сил из северной в южную

Высадка советских десантников у р. Тулокса

Карелию[152]. В наступлении участвовали Онежская и Ладожская военные флотилии, 7–я воздушная армия и 19 партизанских отрядов.

Наступление началось утром 21 июня форсированием р. Свирь и сопровождалось мощной артиллерийско–авиационной подготовкой. Группа из 16 молодых бойцов–добровольцев стала преодолевать Свирь шириной до 400 метров. Когда противник открыл по переправлявшимся огонь, нашим наблюдателям удалось уточнить систему вражеских огневых точек и помочь открыть прицельную стрельбу по ним. Все 16 гвардейцев добрались до противоположного берега и закрепились на нем, способствуя успешному форсированию реки главными силами. За этот самоотверженный подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР советские воины А.М. Алиев, А.Ф. Барышев, С. Бекбосунов, В.П. Елютин, И.С. Зажигин, В.А. Малышев, В.А. Маркелов, И.Д. Морозов, И.П. Мытарев, В.И. Немчиков, П.П. Павлов, И.К. Паньков, М.Р. Попов, М.И. Тихонов, Б.Н. Юносов и Н.М. Чухреев удостоены звания Героя Советского Союза. В итоге первого дня подразделения 7–й армии успешно форсировали Свирь и прорвали главную оборонительную полосу противника[153]. Им удалось продвинуться вперед на 20—30 км и освободить более 200 населенных пунктов. В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся подразделениям было присвоено наименование "Свирских". Большую помощь частям 7–й армии оказывали Ладожская и Онежская военные флотилии. 23 июня в тылу финской обороны, у Тулоксы, они высадили группу десантников, которые перерезали шоссейную и железную дороги вдоль берега Ладожского озера и вынудили отступавшие с фронта вражеские войска бросать технику и отходить по проселочным дорогам. С помощью десанта части 7–й армии овладели Олонецким укрепленным районом и после ожесточенных боев 25 июня освободили г. Олонец[154].

Одновременно части 32–й армии перешли к активным боевым действиям севернее Онежского озера. К концу дня 21 июня они заняли Повенец, а 23 июня, несмотря на сильное сопротивление противника, — Медвежьегорск. После освобождения Медвежьегорска, в соответствии с планом операции, советские войска повели наступление на запад, в направлении Чебино—Мяндусельга— Поросозеро, а 1070–й стрелковый



Бегство финских войск из Олонецкого района

полк 313–й дивизии — на юг, в направлении Кондопога—Петрозаводск. 28 июня этот полк овладел Кондопогой[155].

Продвижение советских войск на всех направлениях создало угрозу окружения южной группировки противника и заставило его начать поспешный отход из района Петрозаводска, к которому вдоль берега Онежского озера после форсирования Свири продвигалась с боями 368–я стрелковая дивизия, взаимодействовавшая с Онежской военной флотилией. 26 июня в тылу врага, у Шелтозера, с бронекатеров высадился десант, который заставил финнов покинуть село Шелтозеро. 28 июня группа десантников высадилась в районе Уйской губы, она освободила с. Деревянное. В тот же день десантники Онежской военной флотилии при содействии частей 32–й армии, наступавших вдоль Кировской железной дороги с севера, и частей 7–й армии, наступавших по западному побережью Онежского озера с юга, в 11 часов 30 минут вошли в г. Петрозаводск, находившийся в руках финнов с 1 октября 1941 г.[156]

Лейтенант Н.Д. Капустин, командир катера, вошедшего в Петрозаводский залив первым, вспоминал об этом событии: "Мы видели горящие дома, пристань и другие сооружения... Улицы города хорошо просматривались, они были безлюдны. И вдруг мы увидели множество людей, которые бежали в сторону порта, к горящему пирсу. После некоторых колебаний мы решили, что это жители города бегут нам навстречу". Когда катера подошли к горящему пирсу, по словам Н.Д. Капустина, там началось такое, что "описать невозможно". "Мы попали в объятия истосковавшихся в неволе советских людей. Нас целовали, обнимали, дарили цветы. Стоявшие у пирса катера были засыпаны живыми цветами. Каждый стремился хотя бы дотронуться до нас и убедиться, что все это не сон... Ко мне подошла пожилая женщина Анна Севостьяновна Рогозкина, со слезами счастья на глазах расцеловала меня и передала красное знамя, которое она хранила с риском для жизни все время оккупации, веря, что придет час освобождения"[157].

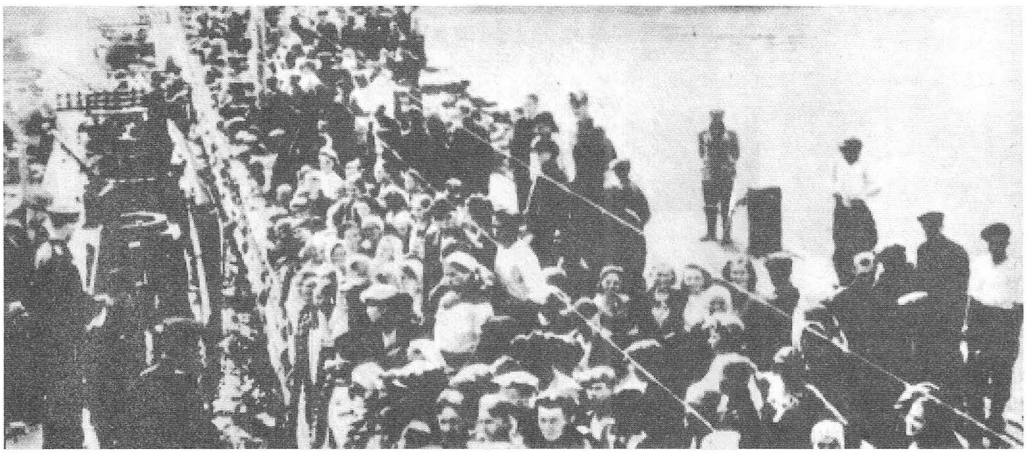
Вскоре к причалу подошли другие корабли флотилии и на берег высадились десантники 31–го отдельного батальона морской пехоты. Командир батальона капитан И.С. Молчанов приказом командующего флотилией Н.В. Антонова был назначен военным комендантом города. 28 июня штаб Карельского фронта отправил

Освобождение Олонца от оккупации советскими войсками. Июнь 1944 г.

Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину боевое донесение об освобождении Петрозаводска. Утром 29 июня в город вошли передовые части 368–й и 313–й стрелковых дивизий, наступавшие с юга и севера. В тот же день, 29 июня, Москва салютовала советским воинам, освободившим Петрозаводск, 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. В честь одержанной победы наиболее отличившиеся соединения и части получили почетное право называться "Петрозаводскими": 313–я стрелковая дивизия, 31–й отдельный батальон морской пехоты, дивизион минных катеров, дивизион канонерских лодок и дивизион бронекатеров Онежской военной флотилии. 30 июня на центральной площади Петрозаводска состоялся общегородской массовый митинг населения, посвященный освобождению города.

Всего за первые 10 дней наступления (с 21 по 30 июня) войска Карельского фронта освободили более 800 населенных пунктов Ленинградской области и Карелии, полностью очистили от врага Кировскую железную дорогу и Беломорско–Балтийский канал. Противник понес значительные потери в живой силе (до 22 тыс. убитых) и технике. Но основным силам финнов удалось отойти на новые рубежи обороны. К.А. Мерецков вспоминал: "Чем ближе к финляндской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались. Дороги заваливались баррикадами из спиленных многолетних деревьев. Минировался чуть ли не каждый квадратный метр оставляемой территории. Например, на дорогах от Лодейного Поля до Олонца наши саперы обнаружили и обезвредили 40 тыс. мин. Мы натыкались и на оборонительные рубежи, подготовленные еще за год до этого: на один километр фронта приходилось до 12 дотов и дзотов"[158]. Тем не менее войска Карельского фронта продолжали движение вперед. В первой половине июля после упорных боев освобождены Салми, Питкяранта, Суоярви, Поросозеро. 21 июля 176–я стрелковая дивизия 32–й армии вышла на государственную границу. К 9 августа 1944 г. советские войска вышли на линию Кудамгуба—Куолисмаа—Питкяранта, завершив в основном Свирско–Петрозаводскую наступательную операцию.

В результате полуторамесячных боев войска левого крыла Карельского фронта во взаимодействии с Ладожской и Онежской военной флотилиями продвинулись на 200—250 км, разгромили 6 пехотных дивизий и 6 различных бригад финнов. Противник потерял только убитыми свыше 50 тыс. солдат и офицеров, 470 орудий, 165 мино-



Жители освобожденного Петрозаводска встречают десантников Онежской флотилии. 28 июня 1944 г.

метов, 432 пулемета, 30 паровозов, свыше 500 вагонов, 50 различных складов с военным имуществом, 20 танков и бронемашин[159].

Активно участвовали в наступательной операции карельские партизаны и подпольщики. В полосе наступления 7–й армии подпольщики Олонецкого, Шелтозерского районов и Петрозаводска доставляли советским войскам важные разведывательные сведения и помогали освобождать населенные пункты. В районе боевых действий 32–й армии на коммуникациях противника действовали партизанские отряды. Так, 2 июля 1944 г. отряд "Красное знамя" вошел в с. Паданы, а отряд "Мстители" — в д. Сельга Медвежьегорского района, о чем поступили сведения в штаб партизанского движения КФССР. Командир отряда "Красное знамя" А.В. Парамонов сообщал: "Среди местного населения проведен митинг. В результате проведенного учета в с. Паданы осталось: местного населения 348 человек, в том числе мужчин 49, женщин 155, детей 144; скота: 23, коров 134. Имеются посевы". Информация командира отряда "Мстители" Н.П. Шестакова: "среди местного населения проведено 2 митинга, охвачено 250 человек. В деревнях Сельга и Топорная Гора осталось 610 человек, в том числе мужчин от 16 лет и старше — 12 человек, женщин — 298, мальчиков до 16 лет — 154, девочек до 16 лет — 146; скота — лошадей 50, коров — 217". По данным обоих командиров, местное население встретило партизан очень радушно и ждет прихода частей Красной армии, 29 жителей вступили в партизанские отряды[160].

В боях с противником советские воины проявили массовый героизм. В ходе Свирско–Петрозаводской операции 23 990 человек награждены орденами и медалями, а 52 — удостоены звания Героя Советского Союза. В боях за освобождение Карелии участвовали представители всех народов и республик СССР — России, Украины, Казахстана, Грузии и др. Так, боевой путь 313–й стрелковой дивизии, сформированной из жителей Удмуртии, был неразрывно связан с Карелией. В трудные сентябрьские дни 1941 г. она вступила в бой около карельского села Пряжа, летом 1944 г. вела наступательные операции за освобождение Петрозаводска, Медвежьегорска, Повенца и многих других населенных пунктов Карелии. За успешные боевые действия этой дивизии присвоили почетное наименование "Петрозаводской" с награждением орденом Крас-

Советско-финляндская граница восстановлена

ного Знамени. 272-я стрелковая дивизия за время наступления с ожесточенными боями прошла около 200 км, освободила 115 населенных пунктов, в том числе районные центры Салми и Питкяранта. В ходе операции дивизия форсировала 8 водных преград — реки Свирь, Олонка, Тулокса и др. За проявленные при этом мужество и героизм 1622 человека награждены орденами и медалями, 11 воинам присвоено звание Героя Советского Союза[161]. В боях за Медвежьегорск обессмертил свое имя старшина И. Клюев, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. Под Видлицей смертью храбрых погиб подполковник В.Н. Леселидзе, удостоенный звания Героя Советского Союза.

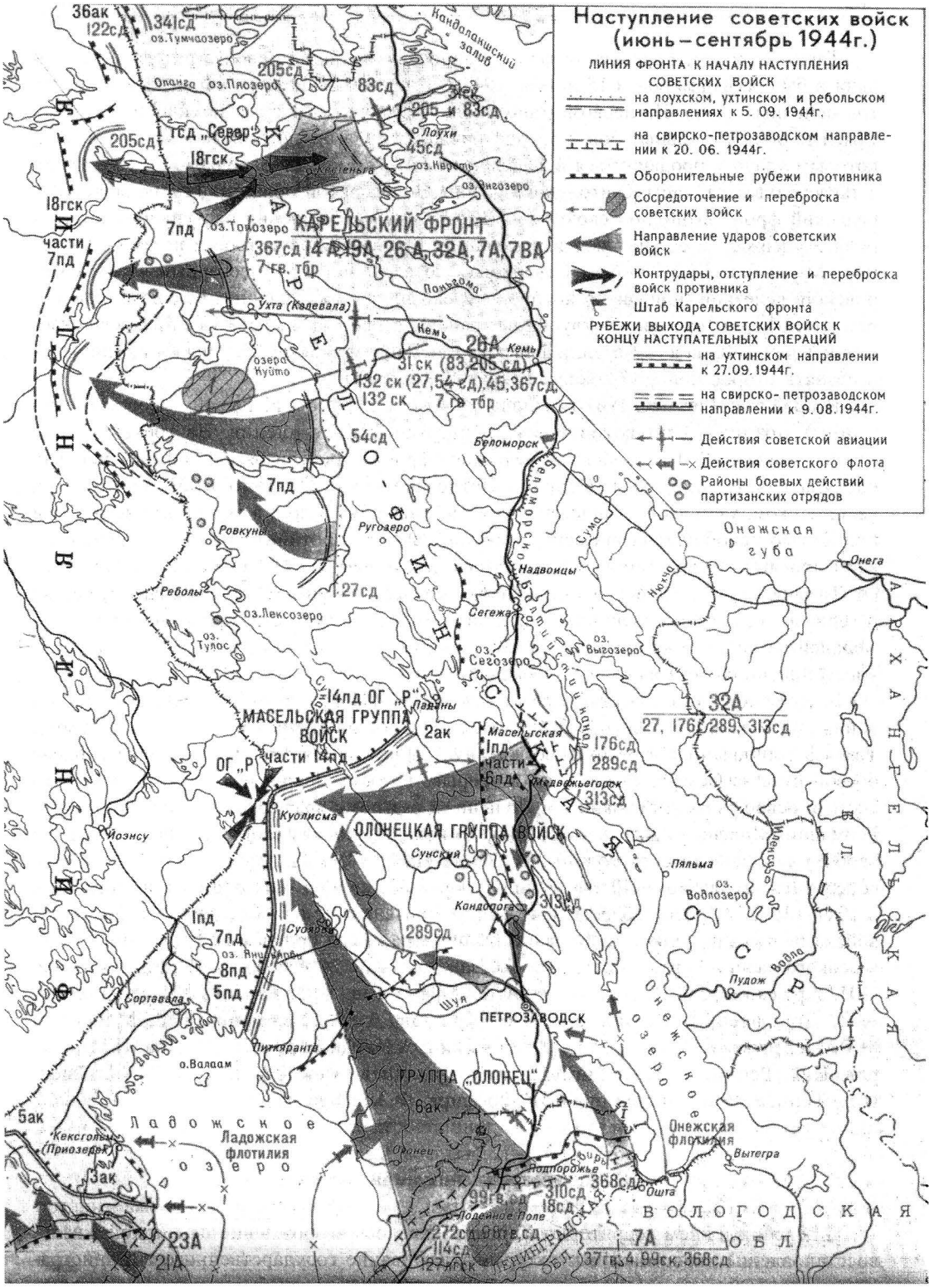
Мощные удары советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии обострили внутриполитическую и военно-экономическую обстановку в Финляндии.

Среди населения росли антивоенные настроения, падало моральное состояние армии. Все это обусловило уход президента Рюти 1 августа 1944 г. в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Вновь сформированное правительство обратилось к СССР с предложением начать переговоры о перемирии или заключении мира. Советское правительство выразило согласие вступить в переговоры при условии, что Финляндия публично заявит о разрыве отношений с Германией и обеспечит вывод немецко-фашистских войск со своей территории до 15 сентября[162]. В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление по радио о том, что принимает предварительные условия правительства СССР о разрыве отношений с Германией и выводе немецких войск из Финляндии. Одновременно объявлялось о прекращении военных действий на всем участке расположения финских войск с 8 часов утра 4 сентября. Советские войска Карельского и Ленинградского фронтов тоже получили приказ Верховного Главнокомандования прекратить военные действия против Финляндии с 8 часов 5 сентября[163].

19 сентября в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией, с другой. Соглашением восстанавливалось с некоторыми изменениями действие мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., и его пункты в значительной мере относились к Карелии. Финляндия обязывалась: отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 г.; разоружить германские войска, остававшиеся на ее территории, и передать их советской стороне в качестве военнопленных; перевести свою армию на мирное положение в течение двух с половиной месяцев; немедленно передать СССР всех находившихся в ее власти советских и союзных военнопленных и насильственно уведенных граждан; возместить СССР убытки, причиненные военными действиями и оккупацией советской территории в размере 300 млн долларов; возвратить СССР в полной сохранности вывезенные с советской территории во время войны все ценности и материалы и др. На основе Соглашения о перемирии через два с лишним года, 10 февраля 1947 г., между СССР и союзными государствами, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны, был подписан мирный договор.

После заключения перемирия военные действия продолжались лишь на северном участке Карельского фронта против находившейся здесь 20-й немецкой горной армии. В сентябре 1944 г. в результате обходного маневра, осуществленного советскими 19-й и 26-й армиями, немецко-фашистское командование отвело свои войска на кестеньгском, ухтинском и кандалакшском направлениях. В ходе боев противник понес большие потери. Территория Карелии была полностью освобождена. В октябре 1944 г. соединения Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота успешно завершили боевые действия на Крайнем Севере: в результате проведенной Петсамо-Киркенесской операции они освободили оккупированные районы советского Заполярья. Государственная граница на Северо-Западе СССР была окончательно восстановлена.

Следует отметить, что успех в наступательных операциях частей Карельского фронта достигался не только за счет их превосходства в силах, но и за счет превосходства стратегии и тактики советского командования и массового героизма советских воинов. Об этом свидетельствует сам маршал Маннергейм в своих воспоминаниях: "Наши силы на этой стадии подверглись исключительно трудному испытанию. Это было следствием не только огромного превосходства противника в силах, но и того, что продолжавшаяся почти 3 года позиционная война ... притупила их привычку к военным действиям. Красная же армия, наоборот, с 1942 г. шла от победы к победе и приобрела тем самым исключительный опыт наступления..."[164]


Наступление советских войск
(июнь – сентябрь 1944г.)
ЛИНИЯ ФРОНТА К НАЧАЛУ НАСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
на лоухском, ухтинском и ребольском направлениях к 5. 09. 1944г.
на свирско-петрозаводском направлении к 20. 06. 1944г.
Оборонительные рубежи противника
Сосредоточение и переброска советских войск
Направление ударов советских войск
Контрудары, отступление и переброска войск противника
Штаб Карельского фронта
РУБЕЖИ ВЫХОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК К КОНЦУ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
на ухтинском направлении к 27.09.1944г.
на свирско-петрозаводском направлении к 9.08.1944г.
Действия советской авиации
Действия советского флота
Районы боевых действий партизанских отрядов
КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ
367сд 14 А, 19А, 26 А, 32А, 7А, 7ВА
7 гв. тбр
26А
31 ск (83,205 сд),
132 ск (27,54 сд), 45, 367сд,
132 ск 7 гв тбр
32А
27, 176, 289, 313сд
МАСЕЛЬСКАЯ ГРУППА ВОЙСК
ОЛОНЕЦКАЯ ГРУППА ВОЙСК
ГРУППА „ОЛОНЕЦ"
ПЕТРОЗАВОДСК
Ладожское озеро
Ладожская флотилия
Онежская флотилия
Онежское озеро
Онежская губа
Белое море
Беломорск
Кандалакшский залив
Ухта (Калевала)
Кемь
Ругозеро
Надвоицы
Сегежа
Повенец
Медвежьегорск
Куолисма
Сунский
Кондопога
Пудож
Вытегра
Ошта
Подпорожье
Лодейное Поле
Сортавала
Питкяранта
о.Валаам
Кексгольм (Приозерск)
Лоухи
Олонец
Вологодская обл.
Ленинградская обл.
Карельская АССР
Архангельская обл.
36ак
122сд
341сд
205сд
83сд
18гск
7пд
54сд
27сд
14пд ОГ „Р"
2ак
1пд
176сд
289сд
313сд
8пд
5пд
10сд
368сд
18сд
99гв.сд
272сд, 98гв.сд
114сд
127гск
23А
21А
7А
37гв, 4, 99ск, 368сд

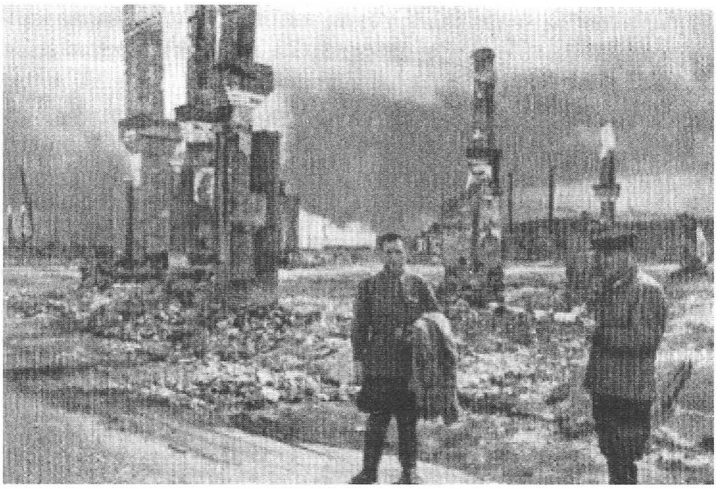
Таким образом, Карельский фронт полностью выполнил свои стратегические задачи и был расформирован 15 ноября 1944 г. В боевых действиях КФ можно выделить три основных этапа. На первом этапе (июнь—декабрь 1941 г.) советские войска вели тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами финских и немецких армий, которым удалось продвинуться в Карелии на 50—220 км и в Заполярье на 10—85 км, а также захватить часть Оштинского района Вологодской области. Тем не менее Карельский фронт выполнил свою основную задачу — остановил наступление противника и удержал за собой ключевые позиции: Кольский полуостров и незамерзающий порт Мурманск, главную базу Северного флота — Полярный, северный участок Кировской железной дороги, по которой перевозились поступавшие от союзников морем грузы через Мурманск в глубинные районы страны, а также осуществлялось снабжение войск КФ; на юге Карелии финским и немецким войскам не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Второй этап (декабрь 1941 г.—июнь 1944 г.) — период стабильной обороны удержанных позиций и подготовки решающего контрнаступления. На третьем этапе (июнь—ноябрь 1944 г.) войска Карельского фронта провели ряд крупных успешных наступательных операций (Свирско–Петрозаводскую, Петсамо–Киркенесскую, на кестеньгском, ухтинском, кандалакшском направлениях и др.), в результате чего была полностью освобождена временно оккупированная противником территория, и на всем протяжении восстановлена государственная граница с Финляндией и Норвегией. Тысячи солдат, офицеров и генералов Карельского фронта, проявившие мужество и героизм и достойно выполнившие свой воинский долг, были удостоены орденов и медалей СССР, 145 человек получили звание Героя Советского Союза, 12 человек удостоились ордена Славы трех степеней[165].

Жители Карелии с честью сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны: на Украине и в Белоруссии, в Молдавии и Прибалтике, в Заполярье и Крыму. Так, сформированная в республике накануне войны, 71–я стрелковая дивизия, начав боевой путь на Севере, участвовала в прорыве блокады Ленинграда, в битве под Курском, в освобождении Украины и Польши, в разгроме вражеских сил на территории Германии. Многие из жителей Карелии, до конца выполняя свой долг, пали в боях за свободу и независимость Родины. В "Книге Памяти", изданной к 50–летию Победы, содержатся имена более 40 тыс. воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в 1941—1945 гг.[166] За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецко–финскими войсками, тысячи воинов из Карелии были награждены орденами и медалями СССР. Высокого звания Героя Советского Союза удостоены 26 человек: Ф.М. Александров, И.И. Артамонов, Т.Н. Артемьев, А.Н. Афанасьев, В.С. Басков, Н.Г. Варламов, А.П. Дорофеев, В.М. Зайцев, Ф.М. Крылов, А.М. Лисицына, А.Р. Машаков, М.В. Мелентьева, И.А. Мешков, Н.Т. Омелин, А.Н. Пашков, А.П. Пашков, П.М. Петров, Н.Ф. Репников, Н.И. Ригачин, А.Е. Румянцев, М.Т. Рябов, П.А. Тикиляйнен, И.П. Торнев, В.М. Филиппов, А.И. Фофанов, Ф.А. Шельшаков[167].

Начало возрождения мирной жизни

С освобождением территории Карелии началось возрождение ее мирной жизни, восстановление экономики и культуры, налаживание государственного административно–территориального управления. Решение новых задач было связано с преодолением больших трудностей, поскольку ущерб, нанесенный экономике и культуре



Руководители Медвежьегорского района А. Я. Ястребов и Ф. М. Пришвин осматривают освобожденный от противника Медвежьегорск

Карелии в результате войны и оккупации, оказался исключительно велик. На основе материалов, собранных Чрезвычайной республиканской комиссией[168], утверждалось, что сумма ущерба составляла свыше 20 млрд руб., не считая потерь от прекращения промышленного и сельскохозяйственного производства[169].

В частности, на временно оккупированной противником территории подверглись полному разрушению все промышленные объекты. Огромные повреждения получили Беломорско–Балтийский канал, сооружения и флот Беломорско–Онежского пароходства. На Кировской железной дороге оказались разрушенными 540 км железнодорожного полотна, 511 мостов, 148 путевых зданий. На месте железнодорожных станций Масельгская, Медвежья Гора, Кивач, Кяппесельга, Уница, Лижма и других остались лишь груды кирпича и металлолома. При отступлении финские войска вывезли техническое оборудование и запасы продукции промышленных предприятий. В тяжелом положении оказалось сельское хозяйство: было подорвано поголовье рабочего и молочного скота, семенной фонд. Свыше половины колхозной пашни в оккупированных районах запустело, пришла в негодность мелиоративная сеть, подверглись разрушению машинно–тракторные станции и колхозы. Большой ущерб понесли учреждения культуры: подверглись разрушению здания университета, научно–исследовательского института культуры, публичной библиотеки, 255 школ, сотен клубов и библиотек. Десятки тысяч жителей остались без крова. Полностью были уничтожены 84 и частично 409 населенных пунктов. Сильно пострадал и Петрозаводск: в городе оказались разрушенными более половины жилых домов, здания учебных заведений, больниц, театров и т.д., выведены из строя водопровод, канализация и телефонная связь, взорваны все городские электростанции, мосты и плотины, уничтожены памятники[170]. По существу предстояло не восстанавливать, а строить все заново.

В ходе освобождения от оккупации на территории Карело–Финской ССР вновь организовывались органы советской власти и Компартии республики. Так, 30 июня 1944 г. возобновил деятельность Прионежский райисполком. Затем стали действовать Ведлозерский (4—7 июля), Шелтозерский исполкомы (7 июля), Петрозаводский горисполком (8 июля), Петровский (11 июля), Заонежский (16 июля), Сегежский (17 июля), Кондопожский (18 июля), Олонецкий (23 июля), Пряжинский (29 июля), Пит-

кярантский (9 августа), Суоярвский (август) райисполкомы, Сортавальский горисполком (16 октября), Ребольский (23 декабря), Сортавальский (31 декабря), Куркиёкский (7 февраля 1945 г.) райисполкомы[171].

7 июля 1944 г. Совнарком и бюро ЦК Компартии республики приняли постановление о переезде руководства Карело–Финской ССР из Беломорска, где оно находилось во временной эвакуации, в освобожденный от оккупантов Петрозаводск. В соответствии с данным постановлением переезд республиканских учреждений начинался 15 июля. Для этого были приняты специальные меры: выделены вагоны и железнодорожные составы, утвержден график отправления поездов и маршрутов. Таким образом, в июле 1944 г. Петрозаводск вновь стал столицей Карелии[172].

Руководящие кадры подбирались из состава партийно–советского актива, командиров и политработников партизанских отрядов. Некоторых отзывали из эвакуации и рядов действующей армии и направляли в освобожденные районы — главным образом тех, кто работал здесь до войны. Так, из 483 работников, направленных на руководящую работу в освобожденные районы, ранее работали там секретарями парткомов — 22, а председателями исполкомов — 9 человек. Среди них П.А. Фомин (Ведлозерский район), Н.И. Кукелев (Заонежский район), А.В. Денисов (Кондопожский район), Л.П. Жарков (Куркиёкский район), А.Я. Ястребов (Медвежьегорский район), Н.Ф. Карахаев (Олонецкий район), М.С. Данилов (Петровский район), Г.И. Чесноков (Питкярантский район), И.Ф. Дружинин (Прионежский район), Н.М. Анхимов (Пряжинский район), И.А. Пошехонов (Ребольский район), Ф.И. Тимофеев (Сегозерский район), Я.С. Крючков (Сортавальский район), К.П. Варакин (Суоярвский район), Г.И. Голубев (Шелтозерский район), В.И. Каргопольцев (г.Сортавала), Н.А. Дильденкин и Ю.В. Андропов (Петрозаводск). Всего к 1 августа 1944 г. в освобожденные районы на руководящую партийно–советскую и административно–хозяйственную работу было направлено 2295 человек, которые нередко прибывали к месту назначения вместе с частями действующей армии, освобождавшими города и села республики[173].

Изменения в территории и населении освобожденной республики выглядели следующим образом. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 24 ноября 1944 г. Выборгский, Кексгольмский и Яскинский районы с городами республиканского подчинения Выборгом и Кексгольмом отошли от Карелии к Ленинградской области. Без этих трех районов территория Карело–Финской ССР уменьшилась на 7,3 тыс. кв. км. и стала составлять 178,5 тыс. кв. км. Перед войной на ней проживало 606 300 человек[174].

Основная часть населения Карелии находилась в эвакуации и в армии. К 1945 г. население республики составляло 196 тыс. человек, то есть в три с лишним раза меньше, чем до войны[175]. В некоторых районах имелось лишь несколько процентов жителей от довоенного уровня. Например, в Кондопожском районе насчитывалось 4239 человек, тогда как до войны — 34 883 человек, в Прионежском соответственно — 6300 и 26 983 человек, в Шелтозерском — 3360 и 8135 человек[176]. К тому же это были в основном женщины и дети. Поэтому исключительное значение для возрождения края являлось скорейшее возвращение жителей на родные места и заселение края выходцами из других областей и республик страны.

Уже с осени 1944 г. началось массовое организованное возвращение (реэвакуация) местного населения. Только в октябре—ноябре реэвакуировалось свыше 50 тыс. человек. Специальными решениями Совнаркома и ЦК Компартии республики предусматривался ряд мер по оказанию возможной помощи прибывавшим людям: им

предоставлялось пособие в размере 1000 руб. на семью и временное освобождение от денежных налогов и обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов и др.

Для развертывания восстановительных работ на большей части освобожденной территории потребовалось провести разминирование. В этом опасном деле участвовало более 1200 минеров, главным образом 18—20–летние девушки. Сформированные весной 1944 г. 19 районных команд минеров прошли специальную подготовку в Беломорске, Сегеже и других местах. К концу 1944 г. полностью удалось закончить разминирование Петрозаводска, Кондопожского, Заонежского и ряда других районов. Работы по разминированию продолжались и в 1945 г. Всего было разминировано свыше 50 тыс. кв. км площади и обезврежено около 1,5 млн мин. За самоотверженные действия большая группа минеров удостоилась государственных наград, среди них И. Херронен, Комарова, Рудницкая и другие, обезвредившие по 2000 мин и больше[177].

Восстановительные работы в Карелии развертывались в соответствии с рядом принятых руководством СССР и КФССР решений. В частности 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации", на основе которого руководство республики разработало планы восстановления различных отраслей народного хозяйства и культуры.

Определялись предприятия, которые должны были начать работу в первую очередь, намечались неотложные меры по реэвакуации населения, а также по строительству объектов жилищно–коммунального хозяйства в городах и селах, особое внимание обращалось на увеличение выпуска продукции, материалов и оборудования, необходимых для возрождения экономики освобожденных районов[178].

В дальнейшем руководство страны приняло несколько специальных постановлений, предусматривающих неотложные меры и мероприятия по скорейшему возрождению общественно–государственной и хозяйственно–культурной жизни Карело–Финской ССР: "О восстановлении Сегежского целлюлозно–бумажного комбината Наркомбумпрома" от 11 февраля 1944 г. ; "О мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства Карело–Финской ССР" от 1 сентября 1944 г.; "О первоочередных мерах по восстановлению лесной промышленности КФССР" от 21 сентября 1944 г.; "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства города Петрозаводска" от 23 сентября 1944 г. и др. Для осуществления намеченной программы восстановительных работ выделялись необходимые материальные средства. Как отмечалось на 4–й сессии Верховного Совета КФССР, во второй половине 1944 г. государственный бюджет республики был значительно увеличен, а в 1945 г., по сравнению с 1944 г., он возрос почти в 1,5 раза[179]. В освобожденные районы Карелии стали прибывать машины, станки, оборудование, а также квалифицированные кадры рабочих и специалистов из различных регионов и городов страны — Москвы, Ленинграда, Горького, Урала, Украины и др.

Стремясь скорее возродить разрушенные города и села, жители республики устраивали массовые трудовые субботники и воскресники. Так, на следующий день после освобождения Петрозаводска тысячи людей вышли на очистку улиц города и строительство мостов. Горожане, коллективы предприятий и учреждений взяли на себя обязательство отработать на восстановительных работах не менее 8 часов еженедельно. Только с ноября 1944 г. по март 1945 г. на восстановлении города было отработано свыше 12 тыс. человеко–дней. Для обеспечения нормальной жизни и удовле-

Петрозаводчане на расчистке улиц освобожденного от оккупации города

творения неотложных нужд населения после освобождения Петрозаводска до Дня Победы вступило в действие 35 предприятий и мастерских, в том числе: в июле 1944 г. — рыбозавод, хлебокомбинат, винный завод; в августе — типография им. Анохина; в сентябре — молококомбинат; в октябре — мясокомбинат; в ноябре — судоремонтный завод; в декабре — газогенераторный завод, металлозавод; в феврале 1945 г. — лесозавод горпромкомбината. Все эти предприятия давали более 25% довоенного объема продукции. В городе завершилось восстановление четырех электростанций общей мощностью 2100 квт, в том числе Соломенской гидроэлектростанции мощностью 1350 квт[180].

В районах республики восстановительные работы также развертывались сразу после освобождения их территории. Так, например, начиналось возрождение Олонецкого района. По воспоминаниям секретаря райкома партии Н.Ф. Карахаева, "стали прибывать из эвакуации и с фронта местные жители: И.И. Михайлов, А.В. Окунева, П.И. Журавлев, Е.И. Заккиева, Я.К. Белецкий... Все они шли к нам сразу с автомашины, на которой приехали, и просто требовали поскорей послать на работу туда, где они нужнее всего. Видно было, как люди соскучились по родной земле"[181]. Уже в июле 1944 г. начал работать Олонецкий леспромхоз, что позволило снабжать древесиной не только местные стройки, но и населенные пункты других районов страны, в частности Ленинграда. В том же году вступил в строй Ильинский лесозавод. Бригады плотников восстановили мосты и дороги. Заработали пекарни. Открылись больницы и медпункты. Была установлена телефонная связь. Активное участие всего населения

в уборке урожая позволило отправить на фронт 12 тыс. пудов сверхпланового хлеба. В 1945 г. посевные площади увеличились на 378 гектаров, стали работать машинно–тракторные станции и десятки колхозов[182].

Одна из первоочередных задач состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки возобновить движение на освобожденном участке Кировской магистрали. Работы выполнялись скоростными темпами: в сутки вводилось в строй 14 км пути и 96 погонных метров искусственных сооружений, в мастерских железной дороги изготавливались необходимые детали (поковки, скрепления и т.п.). С первого дня освобождения г. Петрозаводска на восстановлении станционных путей и моста через р. Неглинку трудилось более 900 человек. Уже 14 июля первый поезд прибыл в г. Петрозаводск с севера, а через два дня, 16 июля, открылось сквозное движение поездов по Кировской магистрали от Ленинграда до Мурманска, что на 556 км сократило путь грузов по данному маршруту в сравнении с транспортировкой через Вологду. В целом военные железнодорожники, путевые рабочие, местные жители смогли восстановить за 37 дней основные сооружения дороги, вышедшие из строя в результате боевых действий: 540 км пути, 3660 погонных метров искусственных сооружений, 13 пунктов водоснабжения, 4100 км линий связи, 15 промышленно–гражданских объектов[183].

Особое внимание уделялось ведущей отрасли народного хозяйства — лесной промышленности, так как потребность в древесине была очень большой во всей стране. Восстановление лесозаготовительных предприятий началось с июля 1944 г. К концу 1944 г. начали выпуск продукции 9 леспромхозов (Кондопожский, Петровский, Пряжинский, Олонецкий, Ведлозерский, Шуйско–Виданский, Ладвинский, Паданский и Надвоицкий), 3 механизированных лесопункта (Деревянский, Пайский и Пяжиево-сельгский), а также Шуйская сплавная контора.

В первый лесозаготовительный сезон 1944/45 г. среди лесорубов началось движение за досрочное выполнение планов и выработку каждым рабочим 200 дневных норм. С 25 января по 25 февраля на лесозаготовках был проведен "фронтовой месячник". Высоких показателей добивались комсомольско–молодежные бригады, которых насчитывалось 386, многие из них получили право называться "фронтовыми". В результате квартальный план заготовки и вывозки древесины был выполнен досрочно, к 25 марта 1945 г.[184]

Всего в 1944 г. лесозаготовителям удалось вывезти свыше 1200 тыс. кубометров древесины — на 572 тыс. кубометров больше, чем в 1943 г. Основная часть лесоматериалов отправлялась на восстановление городов и сел страны. Так, летом 1944 г. лесорубы Карелии во внеурочное время заготовили и отгрузили в подарок Ленинграду 40 платформ строительного леса, с первым эшелоном отправленным в город–герой по восстановленному участку Кировской железной дороги. Руководство Ленинграда, секретарь горкома партии А.А. Кузнецов и председатель горисполкома П.С. Попков, писали, что ленинградцы с особой радостью встретили делегацию лесорубов только что освобожденной от оккупации Карелии. В письме, в частности, говорилось: "Трудящиеся Ленинграда выражают свою искреннюю благодарность лесорубам братской республики за присланный подарок — эшелон строительного леса. Присланный вами строительный лес послужит ценным вкладом в дело восстановления наших жилищ, коммунального хозяйства и промышленности города". Тогда же маршрутные поезда из Карелии со строительной древесиной прибыли в Киев, Днепропетровск, Донбасс[185].

Большие работы велись по восстановлению целлюлозно–бумажной промышленности. До войны в Карелии действовали шесть предприятий данной отрасли, из них пять, кроме Сегежского ЦБК, оказались на оккупированной территории. К концу

1945 г. на комбинате Харлу досрочно стали работать все три машины бумажной фабрики общей мощностью 10 тыс. т бумаги в год. К этому же времени заканчивались восстановительные работы на бумажной фабрике Ляскеля и была достигнута довоенная мощность на Сегежском комбинате. Полным ходом шли работы по введению в строй Питкярантского целлюлозного завода и Суоярвской картонной фабрики. К восстановлению полностью разрушенного Кондопожского ЦБК удалось приступить лишь в 1946 г.

Ускоренными темпами шло развитие рыбной промышленности. За год возобновили работу все существовавшие до войны рыболовецкие колхозы, три рыбозавода, три моторно–рыболовных станции. Добыча рыбы уже в 1945 г. превысила довоенный уровень. Восстанавливались предприятия и других отраслей индустрии. К выпуску продукции приступили Онежский завод, Петрозаводская слюдяная фабрика, Ильинский лесозавод, кирпичный завод и электростанция в Соломенном, горные разработки "Каменный бор". Вступили в строй предприятия местной промышленности, в 1945 г. они выпустили товаров широкого потребления на 190% к довоенному уровню[186].

Сельское хозяйство восстанавливалось медленнее, низкой оставалась урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота. Тем не менее организационно оформилось 675 колхозов, 10 совхозов, 19 машинно–тракторных станций. Колхозы республики получили существенную помощь от государства: свыше 6 млн рублей долгосрочного кредита, тысячи голов крупного рогатого скота и лошадей, необходимые машины и инвентарь. К концу 1944 г. на освобожденной территории было восстановлено 448 колхозов и 13 МТС. К подготовке квалифицированных кадров приступила школа механизаторов в с. Ладве.

Определенные результаты отмечались в культурной жизни. За год после освобождения возобновили работу 13 домов культуры, 125 изб–читален, 143 библиотеки, республиканская публичная библиотека, краеведческий музей, коллективы народного творчества[187]. В августе 1944 г. в Петрозаводск вернулся из г. Сыктывкара Коми АССР эвакуированный туда Карело–Финский государственный университет. Возрождение вуза оказалось трудным делом. Работу пришлось начинать в новом, малоприспособленном здании (старое подверглось разрушению). Тем не менее уже в течение 1944/45 учебного года кафедры университета наладили учебный процесс по основным теоретическим и практическим дисциплинам[188].

В сентябре 1944 г. в Петрозаводске открылся первый после освобождения города театральный сезон. Республиканский театр музыкальной комедии поставил комическую оперу Ж. Оффенбаха "Перикола". Приступил к работе вернувшийся из гастрольной поездки по Советскому Союзу ансамбль песни и пляски "Кантеле". Финский драматический театр дал несколько спектаклей в г. Олонце[189].

Возрождалась литературная жизнь. 31 января 1945 г. в Петрозаводск приехали известные ленинградские писатели и поэты: М. Зощенко, А. Прокофьев, О. Берггольц, М. Дудин и др. Они приняли участие в работе пленума Союза писателей Карело–Финской ССР, встречались с трудовыми коллективами, интеллигенцией, военнослужащими, студентами и учащимися республики[190]. Вновь начал выходить ежемесячный литературно–художественный и общественно–политический журнал "На рубеже" (ныне "Север"). Государственное издательство республики увеличило выпуск книжной продукции.

26 февраля 1945 г. в Петрозаводске состоялся съезд учителей Карело–Финской ССР. На нем отмечалось, что до войны в республике работали 692 школы, 14 техникумов, 2 вуза, в которых насчитывалось свыше 100 тыс. учащихся. Материальный

ущерб народному образованию от боевых действий и оккупации составил 49 миллионов рублей. Возрождение учебных заведений началось сразу после освобождения территории республики советскими войсками. На время работы съезда в освобожденных районах работали 247 школ, в них занимались 21 512 учащихся. Возобновил деятельность учительский институт, открылись педагогические училища, лесной техникум, Дворец пионеров[191].

Таким образом, еще продолжалась Великая Отечественная война, когда в Карелии начались восстановительные работы, возрождение ее хозяйственной и культурной жизни. Конечно, пока делались лишь первые шаги, основная работа в данном направлении предстояла впереди. Достаточно сказать, что в 1945 г. общий объем валовой продукция промышленности не превышал 25% довоенного уровня. Посевные площади в сельском хозяйстве составили 50% довоенных размеров. Низкой оставалось урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. Население республики находилось в крайне неблагоприятных условиях, обусловленных трудностями послевоенного времени. Испытывалась нужда в самом необходимом — продовольствии, жилье, одежде. Товары отпускались по карточкам. Жильем являлись наспех сколоченные деревянные бараки, а то и землянки. Чтобы вернуть к жизни все разрушенное во время войны, возродить родной край, требовались время, огромные материальные ресурсы и самоотверженные усилия трудящихся республики.

Глава IX

КАРЕЛИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940–х— в 1960–е гг.

1. ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РЕСПУБЛИКИ

Окончание Великой Отечественной войны вызвало подъем общественного самосознания и ожидание перемен к лучшему. Общественная жизнь первых послевоенных лет была пронизана пафосом Победы. 26 июня 1945 г. в Москве состоялся Парад Победы. Мирная жизнь постепенно входила в привычное русло. Население возвращалось из эвакуации, шла демобилизация армии, восстанавливались разрушенные города и села.

Победа в Великой Отечественной войне укрепила авторитет Советского государства и социалистической идеи. Практически сразу после войны были определены основные тенденции внутренней и внешней политики, которые консервировали сложившиеся в довоенных условиях отношения.

Особое место в общественно–политической жизни страны послевоенного периода занимала идеология, характерными чертами которой в послевоенный период являлись национально–патриотические мотивы, культ вождя. В республике массовыми тиражами издавались сочинения Сталина на русском и финском языках, велась широкая пропаганда идей марксизма–ленинизма, преимуществ социалистического строя. Такой пропагандой занимался большой отряд политинформаторов, пропагандистов, агитаторов. Только агитаторов в 1948 г. насчитывалось свыше 12 тыс. человек. К политической работе в массах были привлечены члены созданного в мае 1947 г. республиканского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Идеологическая деятельность партии, безусловно, мобилизовывала трудящихся на решение труднейших задач восстановления и развития народного хозяйства, но в то же время сохранялся жесткий контроль над духовной жизнью общества. Монополия партии на средства массовой информации позволяла дозировать круг сведений, доводящихся до рядовых тружеников. В сентябре 1945 г. СНК КФССР утвердил Положение о Главном управлении по делам литературы и издательств ("Главлит"), которое получило широкие полномочия по запрещению издания и распространения произведений печати, "содержащих материалы и взгляды, направленные против существующего в СССР социалистического строя и политики партии и правительства, разглашающих военные и государственные тайны". Цензура распространялась на деятельность всех газет и журналов, библиотек, музеев, других учреждений культуры.

В июле 1947 г. была усилена уголовная ответственность за разглашение государственной тайны и утерю документов, содержащих тайну. Совершенно секретными объявлялись даже такие сведения, как численность населения, количество браков и разводов, планы развития физкультуры и спорта. Ужесточение секретности касалось деятельности партийных органов, различных учреждений и организаций.

Постановлением бюро ЦК КП(б) КФССР от 30 октября 1947 г. вводились письменные обязательства для работников партийных организаций о неразглашении секретных и служебных сведений. Кроме того, в анкете требовалось указать наличие родственников и знакомых, связанных с иностранцами или выехавших за границу. В целях изоляции советских граждан в 1947 г. принимается решение, запрещавшее браки с иностранными лицами. Подозрительным оставалось отношение к людям, находившимся во время войны на оккупированной территории республики. К началу 1947 г. на бюро ЦК КП(б) было рассмотрено 111 дел коммунистов, оставшихся на оккупированной территории, из них исключено из партии 94 человека[1].

Не претерпела сколько–нибудь значительных изменений политическая система. Ведущей политической силой оставалась партия. Партийная организация республики быстро восстановила и увеличила свои ряды. Уже к 1949 г. число первичных партийных организаций в Карелии возросло по сравнению с довоенным 1940 г. в 1,5 раза. В конце 1950 г. в республике работало 1500 первичных парторганизаций и кандидатских групп, в которых состояло на учете 17,2 тыс. коммунистов. Возобновился регулярный созыв партийных собраний и активов, пленумов партийных комитетов, однако в жизни партии по–прежнему процветали формализм, подмена государственных и хозяйственных органов. Практически отсутствовал принцип выборности, и подавляющее большинство партийных работников было кооптировано в руководящие органы.

С окончанием войны началась перестройка государственного аппарата: изменились структура, полномочия, формы и методы деятельности государственных органов в центре и на местах, были упразднены чрезвычайные и другие органы власти, вызванные потребностями военного времени. Несколько ослабла жесткая централизация управления, восстанавливались нарушавшиеся в годы войны принципы выборности в органы власти на местах.

В феврале 1946 г. состоялись первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР, в феврале 1947 г. — выборы в Верховные Советы республик, а в декабре 1947 г. — в местные Советы депутатов трудящихся. В 24 районных, 12 городских, 3 районных Совета г. Петрозаводска, 245 сельских и 17 поселковых Советов республики было избрано 4050 депутатов, из них члены и кандидаты в члены партии составляли 45,7%[2]. Состоявшаяся в апреле 1947 г. первая сессия избрала Президиум Верховного Совета и образовала правительство республики. Председателем Президиума Верховного Совета КФССР был вновь избран О.В. Куусинен (в этой должности — до 1957 г.), председателем Совета Министров назначен П.С. Прокконен (а после окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), с 1950 по 1956 гг., — вновь председатель Совета Министров республики, в 1956—1979 гг. — председатель Президиума Верховного Совета КАССР).

Советы сосредоточили внимание на восстановлении и дальнейшем развитии экономики и культуры республики, решении социальных вопросов. Однако вскоре верх вновь стали брать испытанные в чрезвычайных условиях методы партийного диктата, прямой подмены парторганами Советов и их исполкомов. Партийные организации определяли повестку дня и сроки проведения сессий Советов, выдвигали кандидатов в депутаты, осуществляли подбор и расстановку советских кадров. Депутаты слабо привлекались к подготовке сессий, все больше превращающихся в расширенные ведомственные совещания. Обсуждение проблем на сессиях носило формальный характер, а критические замечания депутатов игнорировались.

Беспрерывно шел процесс создания и упразднения новых ведомств, росла чис-

ленность управленческого аппарата. В 1946 г. была разработана новая система номенклатурных должностей, которая формировалась с учетом таких критериев, как партийность, национальность, социальное происхождение, образовательный уровень. Одним из важнейших качеств работника считалось беспрекословное исполнение директив, исходящих свыше.

В начале 1948 г. в номенклатуру ЦК КП(б) республики входило 1335 должностей в госаппарате и общественных организациях, а в номенклатуру горкомов и райкомов партии — 7150 должностей, из них карелы, финны и вепсы занимали соответственно 25 и 30% должностей. В национальных районах республики карелы, финны и вепсы составляли 68% среди руководящих работников.

По–прежнему велика была роль органов внутренних дел и госбезопасности. В их компетенцию официально входило не только обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и социалистической собственности, но и управление автомобильным транспортом, шоссейными и грунтовыми дорогами, лагерями ГУЛАГа, руководство переселенческим делом, органами ЗАГСа и архивами и т. д.

Были предприняты попытки оживить деятельность общественных организаций. 23—24 октября 1948 г. в Петрозаводске состоялась первая межсоюзная конференция профсоюзов Карелии, на которой присутствовало 110 делегатов, представлявших 113 тыс. членов профсоюзов республики (80% рабочих и служащих). Конференция избрала республиканский совет профсоюзов и его председателя Н.И. Бесперстова.

Комсомольская организация республики выросла за послевоенную пятилетку втрое и насчитывала в 1951 г. около 30 тыс. человек. На предприятиях, в строительстве, на транспорте были созданы комсомольско–молодежные бригады, стремившиеся к достижению высоких показателей в работе. Регулярно проводились республиканские слеты пионеров. Первый такой слет прошел в г. Петрозаводске 19—20 августа 1945 г.

Государственную церковную политику послевоенных лет при всей ее непоследовательности можно охарактеризовать как политику религиозного возрождения в СССР. Постановлением СНК СССР 22 августа 1945 г. патриархии, епархиальным управлениям и приходским общинам предоставлялось право юридического лица: они могли открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, создавать предприятия.

В июле 1945 г. было зарегистрировано православное религиозное объединение Екатерининской церкви в г. Петрозаводске. В 1946 г. прошли регистрацию еще две православные общины — Успенской церкви в г. Олонце и Никольской церкви в г. Сортавале. В 1947 г. открылись церкви в пос. Соломенное, в с. Великая Губа Заонежского района и с. Паданы Сегозерского района. К 1950 г. в республике насчитывалось 9 церквей, 15 служителей культа. Начавшееся в годы войны улучшение отношений между церковью и государством нашло свое продолжение в роспуске в 1947 г. Союза воинствующих безбожников, существовавшего в Карелии с 1925 г. Функции антирелигиозной пропаганды перешли к Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний. Оживление религиозной жизни в республике было связано также с притоком значительного числа переселенцев из других регионов страны. В республике сложились 3 обособившиеся группы лютеран (в г. Петрозаводске и п. Чална Пряжинского района), которые позднее, в 60–е годы, объединились. Заметно увеличилось количество крещений детей и отпеваний умерших, престольные праздники отмечались массовым посещением церквей.

Однако наряду с послаблениями в церковной политике сохранялось недоверие к служителям церкви, стремление ограничить их влияние на население. В 1946 г. закрываются 3 церкви и 2 часовни. Из 29 ходатайств об открытии церквей, поступивших в местные органы власти с января 1947 по сентябрь 1949 г., было удовлетворено лишь 3. Отклонены ходатайства верующих об открытии церквей в г. Беломорске, несмотря на более чем 500 подписей, Пудоже — 119 подписей, селах Пряже, Нюхче и др.

С 1948 г. власти вновь стали запрещать молебствия на полях, крестные ходы из села в село. В 1953 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, исполнявший обязанности епархиального архиерея Олонецкой епархии, обратился к патриарху Московскому и всея Руси Алексию с жалобой на местные власти Карелии, которые категорически, под страхом лишения регистрации, запрещали служителям религиозного культа выезжать по просьбе верующих для исполнения обрядов в те районы, где не было действующих храмов.

Спустя два—три года после окончания войны четко обозначился рост критических настроений людей, связанный с откладыванием решения социальных проблем, ухудшением ситуации на потребительском рынке. Все чаще на партийных, колхозных собраниях, лекциях поднимались острые вопросы: “Будут ли голосовать репатриированные граждане?”, “Почему наше правительство оказывает помощь другим странам, не обеспечив запаса внутри страны?”, “Что рентабельнее для нашего государства, колхозы или совхозы?”, “Почему в одном и том же районе существуют разные нормы питания для рабочих?”, “Почему не дают молока всем рабочим совхоза, а только администрации?” и др.

Растущее недовольство отражало назревшую в обществе необходимость решения ряда острых проблем, однако вместо принятия соответствующих конкретных решений правящий режим решил вновь начать кампанию против “врагов” народа. Кроме политических причин возобновления репрессий существовали и экономические причины. Значительную часть рабочей силы, причем весьма дешевой, составляли заключенные. Хотя в мае 1947 г. Совет Министров СССР по ходатайству правительства Карелии освободил 3788 спецпоселенцев (раскулаченных) и, таким образом, категория “бывших кулаков” на территории республики перестала существовать, будучи уравнена в правах с остальными гражданами, тем не менее в Карелии на спецпоселении оставались “власовцы”, “немцы” и некоторые другие категории спецпоселенцев. В первые послевоенные годы применялся в республике и труд военнопленных. Силами заключенных и спецпоселенцев МВД только за два года послевоенной пятилетки из общего объема капитальных работ, предусмотренных пятилетним планом, было выполнено 40% работ[3].

С 1948 г. волна репрессий усилилась. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля политические осужденные практически лишались перспективы выйти на свободу и по отбытии срока направлялись в ссылку на поселение. В начале 1950 г. была восстановлена отмененная в 1947 г. смертная казнь. Росло число привлеченных к уголовной ответственности в республике: в 1948 г. — 10 580 человек, в 1949 г. — 11 606, 1950 г. — 13 751 человек. Наибольшее число среди осужденных (около 1/3) составляли лица, привлеченные к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. (за прогулы и самовольный уход с предприятий, учреждений). При этом имели место частые факты привлечения к уголовной ответственности людей, находившихся в больнице, не подлежащих мобилизации по трудовой и гужевой повинности в связи с преклонным возрастом, и т. п.

Широкое распространение подобная практика получила в колхозах республики. Неправомерные действия местных властей в отношении председателей колхозов вынудили бюро ЦК КП(б) республики принять в августе 1947 г. постановление "О мероприятиях по ликвидации недопустимых фактов частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов", в соответствии с которым председатели колхозов могли привлекаться к судебной ответственности только с санкции прокурора республики, а их дела рассматривались в Верховном суде республики. Однако постановление практически не "работало". В 1952 г. Президиум Рыбакколхозсоюза направил в прокуратуру республики материалы о привлечении к уголовной ответственности 37 председателей рыболовецких колхозов из 70 имевшихся в республике. В Беломорском районе к уголовной ответственности были привлечены 10 из 11 председателей рыболовецких колхозов за различные нарушения Устава сельскохозяйственной артели, порядка обязательных поставок продукции сельского хозяйства государству.

Ужесточились и меры по фактам хищения государственного и общественного имущества, за которое следовало заключение на срок от 2 до 25 лет. Дело доходило до таких случаев, когда требовалось вмешательство прокуратуры. В 1948 г. прокурор республики опротестовал факт осуждения двоих несовершеннолетних к 10 годам заключения в исправительно–трудовых лагерях за кражу нескольких штук кормового турнепса с совхозного поля.

Конец 40–х — начало 50–х гг. ознаменовались новыми политическими процессами против "врагов народа": именно тогда были сфабрикованы "ленинградское дело", "дело врачей" и др. Проводились чистки партийных, советских органов, хозяйственных организаций.

10 января 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление по отчету ЦК КП(б) КФССР. Недостатки в работе партийной организации республики (низкий уровень критики и самокритики, отсутствие коллегиальности, круговая порука, неудовлетворительное руководство массово–политической работой и т. д.) послужили предлогом для осуществления "чистки кадров". Первый секретарь ЦК Компартии республики Г.Н. Куприянов был освобожден от работы, из состава бюро ЦК выведены В.М. Виролайнен, Н.И. Бесперстов, В.И. Васильев, И.В. Власов, А.И. Малышев, А.А. Трофимов, Н.И. Крачун, А.И. Башкуров. Первым секретарем ЦК КП(б) избран А.А. Кондаков, а через несколько месяцев, в сентябре 1950 г., — А.Н. Егоров, находившийся на этом посту до августа 1955 г.

В марте 1950 г. Г.Н. Куприянов был арестован по ложным показаниям в связи с "ленинградским делом". Ему были предъявлены обвинения во "вредительстве" — в привлечении на лесозаготовки рабочих из других отраслей хозяйства, переселении в Карелию в 1949 г. ингерманландских финнов и др. Г.Н. Куприянов был осужден по ст. 58 УК на 25 лет исправительно–трудовых лагерей, а после сокращения срока в 1954 г. — на 10 лет. Реабилитирован в 1956 г.

В апреле 1950 г. решением бюро ЦК партии республики было прекращено организованное переселение ингерманландцев в Карелию, начавшееся в конце 40–х гг., когда в республику прибыло около 21—22 тыс. человек[4]. Теперь "как политически неблагонадежные и социально–опасные элементы" ингерманландцы в трехмесячный срок выселялись из пограничных районов в непограничные. Так, из Кестеньгского, Ругозерского и Калевальского районов было переселено 50 семей; а из Питкярантского, Сортавальского и Куркиёкского районов — 100 семей ингерманландцев. Маховик репрессий раскручивался, и только смерть Сталина остановила его, завершив целую эпоху в жизни страны.

Первые месяцы после смерти вождя в обществе царила растерянность, многих охватила глубокая искренняя скорбь. В ЦК хлынул поток соболезнований и предложений по увековечению памяти Сталина. От имени ЦК Компартии Карело–Финской ССР было направлено письмо первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с просьбой о присвоении имени Сталина Зарецкому району г. Петрозаводска и Онежскому машиностроительному заводу, а также об установке в г. Петрозаводске памятника Сталину. Ни одно из поступивших предложений не было принято. По негласному решению Политбюро вскоре после смерти Сталина его имя постепенно стало исчезать со страниц прессы без каких–либо объяснений.

Освобождение от наиболее жестких форм сталинизма началось после июльского (1953 г.) пленума ЦК партии с восстановления законности и правопорядка (с учетом условности данных терминов для того времени). Были ликвидированы все внесудебные органы, восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор. В 1955 г. Министерство госбезопасности преобразовано в соответствующий комитет при Совете Министров СССР с одновременной значительной заменой кадров. В Карелии общая численность КГБ была сокращена на 20%, уничтожено около 6 тыс. архивных дел на бывших агентов, завербованных в свое время без конкретной цели, пересмотрены все дела оперативного учета и сдано в архив 1468 дел, заведенных по непроверенным и малозначительным материалам, уничтожено более тысячи архивных дел по той же причине со снятием с учета 1615 человек. Однако факты необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности изживались с трудом. В 1954 г. количество незаконно арестованных в республике увеличилось по сравнению с 1953 г. более чем в 2 раза.

Другим важным шагом нового руководства стала реабилитация жертв политических репрессий 1930—1950–х гг. Первый этап реабилитации (с марта 1953 г. по февраль 1956 г.) проходил в основном негласно. В марте—октябре 1954 г. республиканская комиссия пересмотрела следственные дела на 873 человека. Было полностью реабилитировано 73 человека, 160 сокращены сроки наказания, амнистировано по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. 124 человека, состав преступления переквалифицирован 28 лицам. Приговор оставлен в силе для 478 человек[5]. Реабилитация в первую очередь коснулась тех, кто был расстрелян, умер в лагерях и ссылках. В 1955 — начале 1956 гг. посмертно реабилитированы в судебном порядке проходившие по так называемому "делу Гюллинга Э.А." руководящие деятели республики: Э.А. Гюллинг, Г.С. Ровио, Н.В. Архипов, В.Т. Гурьев, И.А. Вихко, Я.Ф. Мяки, Ф.Е. Поттоев, Н.А. Ющиев, В.К. Форстен и др.

Массовая реабилитация жертв политических репрессий началась после XX съезда партии. В целом за 1954—1961 гг. в республике было реабилитировано свыше 10 тыс. жертв сталинского террора.

Менялось отношение к спецпоселенцам. В июле 1955 г. на бюро ЦК Компартии республики был поднят вопрос об имевшихся фактах выражения политического недоверия к спецпоселенцам со стороны партийных, советских и хозяйственных органов, которые не допускали их к выборной работе в общественных организациях, не представляли к наградам за достижение высоких результатов в работе. В постановлении бюро указывалось, что подобная практика идет вразрез с линией партии.

В январе 1950 г. на спецпоселении в Карелии находилось более 5 тыс. человек, к 1 декабря 1955 г. их осталось 565 человек, а к концу 1958 г. практически завершилось освобождение спецпоселенцев. К этому времени часть из них отбыла свой срок наказания ("власовцы" — 6 лет, а выселенные на основании Указов Президиума

Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г.* — 8 лет), другая часть была амнистирована ("власовцы" — на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г., "немцы" — на основании приказа МВД СССР от 16 декабря 1955 г. и др.)

Определенные положительные перемены происходили в жизни партии. Предпринимались попытки восстановить принцип коллективности руководства, партийные и государственные документы широко обсуждались в печати, на партийных собраниях, в трудовых коллективах. Сократился поток бумаг, идущих из республиканских организаций в районы. Таким образом, негласно принятый курс партийного руководства страны на прекращение политики культа личности, хотя и противоречиво, но проводился в жизнь. Вместе с тем миф о вожде народов оставался в неприкосновенности. В декабре 1954 г. широко отмечалось его 75–летие.

Переломным событием в развенчании самого Сталина и разоблачении созданного им режима политического террора стал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.). Съезд поставил вопросы о необходимости развития советской демократии, укрепления законности. В "секретном докладе" Н.С. Хрущева на съезде были вскрыты многочисленные факты нарушения законности, чудовищной фальсификации дел, в результате которых погибли многие тысячи невинных людей. Однако в докладе ничего не говорилось о преступлениях коллективизации, голоде 1932—1933 гг. Причины крупных деформаций в общественной жизни были сведены к культу личности одного человека, а критика сталинизма носила не политический, а скорее моральный характер. Сам доклад был опубликован в СССР только в 1989 г.

Тем не менее публичное осуждение культа личности сыграло огромную роль в пробуждении общественного сознания. На прошедших повсеместно партийных собраниях коммунисты вносили предложения об изъятии портретов Сталина и выносе гроба с его телом из Мавзолея, поднимали вопросы о зажиме критики отдельными руководителями, игнорировании ими предложений рядовых коммунистов. Негативные высказывания в адрес режима выходили из–под контроля. Чтобы предотвратить рост критических настроений, ЦК КПСС 30 июня 1956 г. принял постановление "О преодолении культа личности и его последствий", которое подтвердило правильность линии партии и закрыло эту проблему для обсуждения. Выход за рамки официальных оценок расценивался как антипартийные вылазки.

Осуждение культа личности повлекло за собой ряд практических шагов. В 1958 г. было разработано уголовное и процессуальное законодательство СССР и республик, принят закон об отмене лишения избирательных прав по суду, из Уголовного кодекса убрана пресловутая 58 статья об ответственности за политические преступления. Однако определение некоторых государственных преступлений и антисоветской деятельности осталось настолько гибким, что к ним могло относиться любое инакомыслие или выражение несогласия в печати.

В целях усиления законности был восстановлен институт 20–х годов — товарищеские суды, занимавшиеся разбором дел о мелких правонарушениях. Участие в работе товарищеских судов помогало гражданам лучше осознать свои права, но недостаток профессиональных знаний по уголовному законодательству и судеб-

---

* *Речь идет о выселении в отдаленные районы лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. Под эту категорию большей частью подпадали колхозники, не выполнившие минимума трудодней.*

ной практике нередко приводил к превышению народными судами своих полномочий и низкому качеству рассмотрения дел.

Против рецидива культа личности был направлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г., который упорядочил дело присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, городам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям. В Карелии переименование коснулось 13 колхозов, носивших имена здравствующих людей, а также 2 колхозов им. Калинина, 4 колхозов им. Кирова и 2 колхозов "1 Мая" в Заонежском и Олонецком районах.

Большое внимание уделялось организации массовой пропаганды. В середине 1957 г. в республике издавалось 32 газеты и журнала, разовый тираж которых составлял более 160 тыс. экземпляров. К работе в печати и на радио привлекались рабочие и сельские корреспонденты. В редакциях газет создавались внештатные отделы, рабселькоровские и авторские советы, работавшие на общественных началах. В апреле 1959 г. начал работу коллектив Петрозаводской телестудии. К концу 1960–х гг. ежесуточный объем ретрансляций местного радиовещания составил 18 часов, а объем телевещания — более 14 часов.

Средства массовой информации, пропагандируя преимущества социалистического строя, напоминали и о военной опасности. События 1956 г. в Польше и Венгрии не замедлили сказаться на усилении военно–оборонных мероприятий. Было введено всеобщее обязательное обучение населения по противовоздушной, противоатомной, противохимической и противобактериологической защите, созданы республиканский, районные и городской (в Петрозаводске) штабы МПВО, санпосты, сандружины и т. д. Выдвинутые перед партией задачи усиления идеологической работы нашли свое отражение в постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 г. "О задачах партийной пропаганды в современных условиях" и июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС, подчеркнувшего, что "не должно быть даже столкновения и сопоставления идей в СССР и что не может быть мирного сосуществования идеологий". Только в 1958—1965 гг. число слушателей в системе политического просвещения республики выросло в 3 раза (с 25 до 75 тыс. человек). Хотя формы и методы политического просвещения стали более разнообразными — политические школы, кружки по изучению основ марксизма–ленинизма, истории КПСС, экономические школы и семинары, теоретические конференции, постоянно действующие лектории и т. д. — в пропагандистской работе все больше утверждались догматизм, начетничество, отрыв от реальной жизни. Ее основным лейтмотивом выступала борьба против буржуазной идеологии.

Столь же противоречиво развивались политические процессы на международной арене, которые непосредственным образом затронули Карелию. 16 июля 1956 г. был принят Закон Верховного Совета СССР о преобразовании Карело–Финской союзной республики в Карельскую автономную республику и включении ее в состав РСФСР. Официальным основанием для понижения статуса республики послужили происшедшие изменения в национальном составе ее населения (около 80% жителей составляли русские, белорусы и украинцы), а также необходимость удешевления государственного аппарата, расходы на содержание которого в 1955 г. составили 19,6 млн рублей. Однако фактические причины лежали глубже и были связаны с неосуществившимися надеждами политического порядка, ради которых в 1940 г. было предпринято преобразование КАССР в КФССР. Изменение статуса республики явилось актом дружественной политики Н.С. Хрущева в отношении

П. С. Прокконен, председатель СНК (Совета Министров) Карелии в 1940—1947 гг., 1950—1956 гг.; председатель Президиума Верховного Совета КАССР в 1956—1979 гг.

Финляндии. 1 января 1956 г. СССР досрочно вернул Финляндии полученную им согласно мирному договору территорию Порккала, одобрил нейтралитет Финляндии и не препятствовал ее вступлению в ООН. Преобразование КФССР в Карельскую АССР должно было показать финнам, что у СССР не было агрессивных целей в отношении Финляндии, и в то же время положить конец попыткам финской стороны вновь поднять вопрос о пересмотре границ и присоединении Карелии[6]. Подобное неоднократное изменение статуса республики явилось единственным в практике национально–государственного строительства бывшего СССР, являя пример возобладания политической целесообразности над законом.

В связи с преобразованием КФССР в КАССР была осуществлена соответствующая перестройка партийных, государственных и общественных организаций. В августе 1956 г. первая сессия Верховного Совета КАССР приняла Конституцию (Основной Закон) Карельской АССР, избрала Президиум Верховного Совета (председатель П.С. Прокконен — на этом посту до 1980 г.) и образовала правительство республики (председатель Совета Министров И.С. Беляев — на этом посту до марта 1967 г.). Было произведено укрупнение административно–территориальных единиц. В 1955—1959 гг. количество районов в республике сократилось на 10: упразднены Тунгудский, Кестеньгский, Шелтозерский, Сегозерский, Ведлозерский, Питкярантский, Петровский, Куркиёкский, Ругозерский и Заонежский районы с включением их территории в состав других районов республики.

После XX съезда, провозгласившего усиление руководящей роли партии в обществе, несравнимо расширились экономические функции партийных организаций, низовым ячейкам было предоставлено право контроля за деятельностью администрации. Выполнение партийными организациями не свойственных им административных, чисто хозяйственных функций обозначило тенденцию к технократизации партийного аппарата.

Во второй половине 1950–х — первой половине 1960–х гг. в республике, как и в целом по стране, шел быстрый рост партийных рядов. Только с января 1956 г. по январь 1966 г. кандидатами в члены КПСС вступили около 18 тыс. человек, в результате число коммунистов увеличилось в 1,7 раза. В соответствии с указаниями XX съезда партии о необходимости регулирования роста партийных рядов был взят курс на преимущественный прием в партию рабочих и колхозников, которые составляли более половины принятых в партию в 1960–е гг. Ориентация на пополнение партийных рядов представителями рабочих и колхозников создавала иллюзию социального равенства и обеспечивала формальное сохранение пролетарского характера партии.

Однако количественный рост рядов партии нередко шел в ущерб качественному составу. В 1960 г. лица с начальным образованием в областной партийной

организации составляли 34%. Даже среди 88 освобожденных секретарей первичных организаций 30,7% не имели среднего образования. В 1956—1960 гг. после рассмотрения персональных дел коммунистов за различные проступки и недостойное поведение было исключено из партии 618 человек. Значительную долю среди них составляли автоматически выбывшие из партии коммунисты, которые без уважительной причины в течение 3 месяцев не платили членские взносы. Этот факт можно расценивать и как неудовлетворенность коммунистов положением дел в партийных организациях, несоответствием целей их вступления в партию с реальным воплощением их в жизни.

В 1950—1960-е гг. сохранялся номенклатурный принцип подбора руководящих кадров, хотя номенклатура обкома партии сократилась с 1700 должностей в 1952 г. до 480 должностей в 1961 г. Достижения республики в области народного образования отразились на росте образовательного уровня партийно–советской номенклатуры: если в 1951 г. 66% работников номенклатуры ЦК КП(б) имели высшее, неполное высшее и среднее образование, то в 1958 г. — 78%.

17 сентября 1958 г. состоялся пленум обкома КПСС, который освободил от обязанностей первого секретаря ОК партии Л.И. Лубенникова в связи с переходом на работу в аппарат ЦК КПСС. Л.И. Лубенникова, возглавлявшего партийную организацию республики в 1955—1958 гг., сменил И.И. Сенькин, работавший в этой должности на протяжении 27 лет, до 1985 г. И.И. Сенькин (1915—1986), уроженец Карелии, участник Великой Отечественной войны, с 1946 по 1955 г. работал в партийных органах Свердловской области, в 1955—1956 гг. являлся заместителем председателя Совета Министров КФССР, в 1956—1985 гг. — секретарем ОК КПСС.

Во второй половине 1950–х—1960–е гг. были осуществлены определенные меры по оживлению деятельности советов в хозяйственной и политической жизни. В 1959 г. принят ряд важнейших законодательных актов и положений, касающихся принципов деятельности советов: Закон об отмене лишения избирательных прав по суду, Закон о порядке отзыва депутатов Верховного Совета СССР и аналогичные законы о порядке отзыва депутатов Верховных Советов республик и местных Советов и др. Расширились права местных Советов в планировании народного хозяйства, производстве и распределении продукции местной промышленности, в их ведение были переданы предприятия коммунального и бытового обслуживания, торговли, находившиеся ранее в распоряжении министерств и ведомств. Увеличились расходы местных Советов на капитальный ремонт жилого фонда, благоустройство городов, рабочих поселков и сельских райцентров. Только в 1960—1962 гг. по решению Совета Министров республики и исполкомов местных советов сверх установленных бюджетных ассигнований на развитие хозяйства и культуры районов и городов было направлено за счет сверхплановых остатков бюджетных средств 8 млн руб.

Хотя, по сравнению с предыдущим временем, Советы получили больше прав, самостоятельности у них не прибавилось. В районах республики установилась практика принятия большого количества совместных постановлений бюро РК КПСС и исполкомов райсоветов по хозяйственным и другим вопросам, нередко нарушались бюджетные права местных советов вышестоящими организациями. Не обладая реальной властью и не имея собственных средств, Советы вынуждены были обращаться за помощью к министерствам и ведомствам.

В 1950–е гг. активизировалась деятельность профсоюзов республики, которые в 1958 г. насчитывали в своих рядах 232 тыс. рабочих и служащих. Указом Прези-

диума Верховного Совета СССР от 15 июля 1958 г. было утверждено положение "О правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза", осуществлено упрощение структуры профсоюзов за счет объединения родственных отраслей, увеличились материальные возможности профсоюзов. В 1960—1961 гг. им было передано управление санаториями (за исключением туберкулезных) и домами отдыха, распоряжение государственными клубами, библиотеками и культурно–просветительными учреждениями, решение многих вопросов охраны труда и социального страхования, контроль за соблюдением трудового законодательства. Увольнение работающих по инициативе администрации могло осуществляться только с согласия фабрично–заводских профсоюзных организаций. В то же время, в соответствии с решениями декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, были расширены функции профсоюзов в разработке промфинпланов предприятий, решении вопросов нормирования труда и зарплаты, разработке систем премирования. Профсоюзы занимались организацией социалистического соревнования, руководили работой постоянно действующих производственных совещаний, научно–технических обществ, обществ рационализаторов и изобретателей и т. д. Распыление сил профсоюзов приводило к дублированию деятельности хозяйственных органов и нередко отодвигало на задний план их основную функцию — защиту интересов трудящихся. Со стороны хозяйственных руководителей допускались нарушения прав ФЗМК при решении вопросов распределения жилой площади, расходовании премиальных фондов и фондов предприятий, увольнении работников по инициативе администрации.

Противоречивые процессы наблюдались и в деятельности комсомола республики, который к концу 1961 г. объединял 62 тыс. юношей и девушек. Новая общественно–политическая атмосфера вызвала всплеск энтузиазма молодежи: освоение целины, молодежные стройки по "комсомольским путевкам", создание отрядов "комсомольского прожектора", рейдовых бригад, штабов технического прогресса, советов молодых специалистов, факультетов и школ общественных профессий и т. д. Вместе с тем уже в конце 1950—1960–х гг. в деятельности комсомола стали проявляться негативные явления, которые усилились в последующие годы: копирование партийных форм и методов работы, погоня за количеством, формализм и заорганизованность многих мероприятий.

В середине 1961 г. в стране началась подготовка к XXII съезду партии. Небывалая по масштабам пропагандистская работа принесла успех очередной политической кампании. В ходе ее в редакции республиканских газет поступило более тысячи писем трудящихся, было высказано более 280 критических замечаний в адрес партийных, советских и хозяйственных органов. Вносились предложения строго пресекать факты преследования за критику, соблюдать принципы социальной справедливости, ограничить сроки пребывания на руководящих партийных и государственных постах, исключать из партии за стяжательство, частнособственническую психологию и т. д. Эти предложения так и не были реализованы, но в них угадывался опасный симптом будущих "болезней", которые в полную силу заявят о себе в 1970–е гг.

В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, принявший Программу коммунистического строительства в СССР и новый Устав партии. Идеологически окрашенные задачи Программы, которые предстояло решить в течение 10—20 лет (построение материально–технической базы коммунизма, то есть достижение наивысшего в мире уровня производства продукции на душу населения, наивысшей произво-

дительности труда и самого высокого в мире жизненного уровня народа; переход к коммунистическому общественному самоуправлению, воспитание нового, всесторонне развитого человека, соответствующего моральному кодексу строителя коммунизма) уже тогда выглядели нереальными для страны, которой еще предстояло завершить раннеиндустриальную стадию развития. Абсурдность деклараций Программы привела к потере ориентиров дальнейшего общественного развития, сместила акцент с реальных общественных процессов в сторону абстрактных социологических конструкций и тем самым по существу сняла всякую необходимость реформы политической системы.

В то же время в Программе и Уставе партии, материалах съезда содержался ряд конструктивных идей, направленных на решение прежде всего политических проблем — преодоление наследия культа личности, возрастание роли общественных организаций, осуществление ротации кадров (обновление при каждых очередных выборах состава ЦК КПСС на 1/4, а обкомов, горкомов и райкомов партии — на 1/3, ограничение тремя сроками времени пребывания на руководящей должности, правда, с определенными оговорками) и т. п. Однако затем по инициативе Л.И. Брежнева пункт о сменяемости руководящих кадров из Устава партии был изъят.

После XXII съезда был сделан еще один важный шаг в наступлении на сталинизм: в печати публиковались факты о преступлениях сталинского режима, тело Сталина убрали из Мавзолея. Началась полоса переименований названных именами вождя населенных пунктов, улиц, предприятий. В ноябре 1961 г. постановлением Совета Министров КАССР и ОК КПСС Беломорско–Балтийский канал имени Сталина переименовывается в Беломорско–Балтийский канал. Из печати исчезло славословие в честь вождя, однако его все еще причисляли к классикам марксизма. Расширилась зона критики, хотя зачастую она была осторожной и половинчатой. На пленуме обкома партии в январе 1962 г. подчеркивалось: "Нельзя допускать, чтобы под видом борьбы с последствиями культа личности в марксистско–ленинской теории наносили удар по самой этой теории, по ее основам, чтобы под шумок всплывали наружу и проникали в нашу среду всякого рода антиленинские взгляды и настроения"[7].

Выдвинутые в Программе задачи, несмотря на их теоретическую несостоятельность и несоответствие реалиям того времени, вызвали ожидание перемен к лучшему, расширение инициативы и творческого поиска в разных областях жизни общества. Общественный подъем стимулировали такие важные события конца 1950–х — начала 1960–х гг., как запуск первого в мире искусственного спутника Земли, полет в космос 12 апреля 1961 г. первого в мире космического корабля–спутника "Восток" с пилотом–космонавтом Ю.А. Гагариным. В честь этого события исполком Петрозаводского горсовета вынес решение о переименовании площади, прилегающей к новому вокзалу ст.Петрозаводск, в площадь имени Ю. Гагарина. 11 августа 1962 г. на орбиту спутника Земли был выведен космический корабль "Восток–3", пилотируемый космонавтами А.Г. Николаевым и П.Р. Поповичем. До поступления в авиационное училище А.Г. Николаев работал мастером на лесопункте Шапша Деревянского леспромхоза КАССР.

16 июля 1962 г. столицу республики посетил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, побывавший на строительных площадках завода "Тяжбуммаш" и комбината строительных конструкций, а также на Онежском тракторном заводе.

На волне политического подъема в конце 1950–х гг. родилось движение за коммунистическое отношение к труду — заметное явление тех лет. Участники движе-

В Деревянском леспромхозе во время полета космонавта А. Николаева, 1962 г.

ния принимали не только обязательства производственного характера, но и повышения общеобразовательного, политического и культурного уровня. Однако попытка внедрения коммунистических принципов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества была обречена на неудачу. К тому же в движении за коммунистическое отношение к труду, как и в других формах соревнования, очень быстро проявился один из его главных пороков — формализм. Искусственно форсировался рост числа участников движения: за 1961—1965 гг. число соревнующихся по индивидуальным обязательствам увеличилось более чем в 10 раз, а завоевавших звание ударника коммунистического труда — почти в 12 раз. Разительный контраст между ростом числа носивших звание ударника коммунистического труда на предприятиях и результатом их производственной деятельности вскоре привел к девальвации этого звания и дискредитации самого движения.

Рост политической и социальной активности трудящихся нашел свое выражение и в широком развитии общественных начал в работе партийных, советских, профсоюзных и других организаций, возникновении многочисленных общественных самодеятельных организаций трудящихся. В большинстве городских и районных комитетов профсоюзов, первичных профсоюзных организаций вся работа велась силами актива. При исполкомах местных советов в 1964 г. действовали 80 внештатных отделов, 1836 внештатных инструкторов и инспекторов, 824 постоянных комиссии, насчитывавшие более 5 тыс. депутатов и около 12 тыс. активистов.

Широкое распространение получили общественные самодеятельные организации трудящихся в области культуры, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, торговли и др. Осенью 1961 г. в республике было 6779 таких организаций, объединявших свыше 83 тыс. человек, а в 1970 г. — уже около 15 тыс. организаций, насчитывающих более 138 тыс. человек. Плодотворно работали многие добровольные народные дружины, товарищеские суды, родительские комитеты в школах, домовые комитеты, комиссии по трудоустройству, советы пенсионеров и некоторые другие самодеятельные организации. Опыт общественного самоуправления тех лет позднее нашел свое выражение в деятельности ТОС (ко-

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в Петрозаводске. 16 июля 1962 г. Справа — первый секретарь Карельского обкома КПСС И. И.Сенькин, слева — председатель Совета Министров КАССР И. С.Беляев

митетов территориального общественного самоуправления), советов самоуправления по месту жительства пенсионеров в микрорайонах при ЖЭУ и др. Вместе с тем условия развития самоуправленческих начал в то время были ограниченными. При создании общественных формирований не всегда учитывались профессиональный уровень и степень подготовленности актива к выполнению управленческой работы. Не оправдали себя организация объединенных советов домов культуры, клубов, кинотеатров и библиотек, перевод ряда библиотек и клубов на работу на общественных началах, образование комиссий ФЗМК по пенсионным вопросам, общественных советов ВТЭК, состоявших из врачей, загруженных на основной работе. Некоторые общественные структуры брали на себя не свойственные им функции, дублировали работу государственных органов, а нередко и злоупотребляли энтузиазмом людей. Недооценка роли штатного аппарата привела к снижению уровня работы в области народного образования, культуры, торговли. В результате в конце 1960–х гг. пришлось вновь восстановить упраздненные в ряде районных и городских исполкомов отделы.

Внедрение общественных начал в работу Советов, партийных и профсоюзных организаций проводилось одновременно с развернувшейся еще во второй половине 1950–х гг. кампанией по сокращению административно–управленческого аппарата. В 1954—1957 гг. аппарат управления в республике сократился на 2 тыс. человек. Однако, несмотря на усилия по упорядочению деятельности государственного аппарата, численность его не уменьшалась, а разрасталась.

Во второй половине 1950–х гг., несмотря на противоречивость отношений государства и церкви, последняя еще сохраняла некоторую свободу действий. В 1956 г. впервые в советский период были напечатаны Библия и Евангелие. Увеличилось число заявлений об открытии церквей, усилилась деятельность баптистов и люте-

ранских проповедников. Выросли доходы церкви. Если в 1950 г. они составили по республике 652,5 тыс. руб., в 1954 г. — 918,8 тыс. руб., то в 1958 г. — 1105 тыс. руб.[8] Однако сложившаяся в стране после XXI и XXII съездов партии политическая ситуация, выразившаяся в курсе на строительство коммунизма, обусловила возврат к идеям 1930–х гг. о бесклассовом обществе, в котором не должно быть места религиозным взглядам. В постановлениях бюро обкома партии по вопросам усиления антирелигиозной пропаганды в республике от 6 мая 1958 г. и 22 марта 1962 г. партийным, профсоюзным и комсомольским организациям предписывалось придать научно–атеистической пропаганде боевой, наступательный и действенный характер. В городах и районах республики были созданы группы лекторов–атеистов, в клубах и домах культуры проводились циклы лекций по антирелигиозной тематике, в быт людей внедрялись новые гражданские обряды и народные праздники — проводы зимы, посвящение в рабочий класс, проводы в армию и др.

В 1950—1962 гг. в Карелии власти закрыли 6 из 10 православных приходов, и ни одна новая церковь не была открыта. В результате осталось только 4 действующих церкви: 2 в Петрозаводске, в Олонце и в Сортавале. В 1961 г. был проведен учет недействующих церковных зданий, в их числе 40 церквей и 116 часовен, из них местным органам власти предписывалось снести 107 зданий, в том числе из–за ветхости — 94.

В конце 1950–х — начале 1960–х гг. был нанесен удар по материально–технической базе церкви: сумма налога на свечи в 1959 г. возросла более чем в 70 раз, увеличились размеры налогообложения духовенства, которое в 1962 г. переведено на твердые оклады. Священники были отстранены от финансово–хозяйственной деятельности, и все дела по управлению церквами перешли в руки исполнительных церковных органов. В церквах был введен квитанционный учет исполнения обрядов, а с января 1962 г. — журналы учета. Имевшие место случаи посещения церквей руководящими партийными и советскими работниками, крещения ими детей проверялись комиссиями содействия, созданными при исполкомах городских и районных Советов, обсуждались на партийных собраниях, после чего, как правило, следовало исключение из партии. В результате жесткого контроля значительно сократилось число крещений детей в церкви: в 1959 г. — 1122, а в 1969 г. — 178 крещений[9].

Во второй половине 1960–х гг. репрессивная политика в отношении церкви не прекратилась, хотя и несколько смягчилась. С 1963 г. вновь стали расти доходы церкви: в 1963 г. — 94,5 тыс. руб., в 1970 г. — 159,6 тыс. руб. Проведенное в 1965—1966 гг. лабораторией социально–педагогических исследований Карельского педагогического института изучение религиозности населения путем выборочного анкетного опроса взрослого населения 67 населенных пунктов различных районов республики показало, что среди опрошенных верующие составляли 19,5%[10]. (Проводившие исследование специалисты признавали, правда, что эти результаты не могут считаться абсолютно точными.)

Многочисленные организационные перестройки 1950—1960–х гг. были непоследовательны, а порой и непродуманны, что обрекло их на неудачу. Особенно наглядно это проявилось при перестройке партийных и советских органов по так называемому производственному принципу в соответствии с решениями ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС. В Карельской АССР, с учетом незначительного объема сельскохозяйственного производства, перестройка коснулась в основном районного звена. Вместо 13 райкомов и 1 горкома КПСС было создано 6 промышленно–

производственных парткомов, 4 партийных комитета производственно–совхозных управлений и 2 горкома партии, преобразована также структура советских, профсоюзных, комсомольских организаций. Однако произведенная перестройка не оправдала себя. На пленуме Карельского обкома КПСС 21 ноября 1964 г. подчеркивалось, что она привела к смешению функций, прав и обязанностей партийных, советских и хозяйственных органов, к ослаблению районного звена. Хотя центральный аппарат министерств и ведомств сократился на 18%, а аппарат исполкомов районных и городских советов на 8%, возросли расходы, связанные с деятельностью аппарата по руководству районом, в полтора—два раза увеличилась нагрузка на работников, в результате многие специалисты уволились. В декабре 1964 — январе 1965 гг. в Карелии были восстановлены единые районные партийные и советские органы.

Отставка Н.С.Хрущева не вызвала широкого общественного резонанса. Собрание актива областной партийной организации 16 октября 1964 г. единодушно одобрило постановление октябрьского пленума ЦК КПСС об освобождении Н.С.Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР и призвало коммунистов решительно бороться против парадности, зазнайства, самоуспокоенности, развивать критику и самокритику.

Со сменой лидера в 1964 г. политическая ситуация в стране складывалась в целом вразрез с демократическими принципами XX съезда партии. Провозгласив курс на стабильность, новое политическое руководство взяло под сомнение и то положительное, что было осуществлено в предшествующие годы, и под видом ликвидации проявлений волюнтаризма постепенно свело на нет все реформы, вернувшись к старым испытанным методам руководства. Об этом свидетельствовали постановление ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, восстановившего единство партийных и советских организаций, а также решения XXIII съезда партии, на котором из Устава КПСС были удалены формулировки, ставившие формальные преграды непрерывной и долговременной партийной карьере, что укрепило роль номенклатуры.

Известный поворот вправо после XXIII съезда КПСС проявился и в том, что была свернута критика культа личности Сталина. Из официальных документов постепенно исчезли упоминания о XX съезде партии, пошла на убыль реабилитация жертв политических репрессий, а в статьях, приуроченных к юбилеям репрессированных партийных и государственных деятелей, перестали указывать причину их смерти. Усилились идеологический диктат по отношению к средствам массовой информации и учреждениям культуры, преследование инакомыслящих. Уголовный кодекс РСФСР в 1966 г. пополнился статьей 190 “прим”, согласно которой за “распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй”, предусматривалось лишение свободы до 3 лет, а за “агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления советской власти” грозило наказание до 7 лет тюрьмы (ст.70).

События в Чехословакии в августе 1968 г. завершили поворот, начатый октябрьским (1964 г.) пленумом ЦК КПСС. Боязнь либерализации политической жизни и экономических реформ, усиления антикоммунистических сил привела к прямому военному вторжению советских войск в Чехословакию. Эта акция вызвала неоднозначную реакцию трудящихся республики. На собраниях в трудовых коллективах наряду с одобрением действий партии и правительства и готовностью встать с оружием в руках на защиту “социалистических завоеваний” в Чехослова-

кии звучали и другие оценки событий: "Введение наших войск в ЧССР — это прямая оккупация. Она ничем не отличается от фашистской оккупации".

Стержнем нового политического курса стала идея долгосрочного и постепенного совершенствования социализма на базе последовательных эволюционных изменений. Программа развернутого строительства коммунизма была заменена более прагматичной концепцией развитого социализма, которая, впрочем, также оказалась чисто умозрительной, так как обходила стороной накопившиеся недостатки и противоречия.

И все же в 1960–е гг., несмотря на заметный отход от принципов демократического курса, провозглашенных XX съездом партии, полного поворота к прошлому не произошло и в разных областях общественной жизни продолжались поиски выхода из трудностей. Определенные положительные изменения наметились в области расширения международных обменов и контактов. В 1966 г. в г. Петрозаводске открылось Агентство "Интурист". За первый сезон столицу республики и Кижи посетили около 400 зарубежных гостей. В 1970 г. Карельское агентство приняло уже 1800 иностранных туристов. Трудящиеся республики получили возможность побывать в туристических поездках по ряду зарубежных стран, преимущественно социалистического лагеря. Плодотворную работу по укреплению культурных связей, знакомству трудящихся республики с жизнью населения других стран, их экономикой, политикой, культурными традициями проводили Карельское отделение общества "СССР — Финляндия", созданное в 1962 г., и Карельское отделение советского общества дружбы с ГДР, организованное в 1970 г. Тесные побратимские связи установились в 1965 г. между столицей Карелии и финским городом Варкаус. Вошли в традицию взаимные гастроли театральных и концертных коллективов, обмен художественными выставками, проведение совместных научных конференций и семинаров, встреч молодежи, студентов и спортсменов и т. д. Однако нередко международное сотрудничество сдерживалось факторами политического порядка и бюрократическими препонами.

Вторая половина 1960–х гг. ознаменовалась целым рядом юбилейных дат в истории страны и республики. В период подготовки к 50–летнему юбилею Октябрьской революции и 100–летию со дня рождения В.И. Ленина по решению правительства и обкома партии был утвержден перечень зданий и мест на территории Карелии, связанных с событиями, имеющими историко–революционное значение, в который вошло 50 памятных мест. В 1968 г. были установлены памятники председателю Олонецкого губисполкома П.Ф. Анохину и первому председателю КарЦИКа А.В. Шотману в г.Петрозаводске, памятный знак в честь лыжного отряда Т. Антикайнена в пос.Кимасозеро Муезерского района и др. В июле 1967 г. в столице республики состоялся слет бывших партизан и подпольщиков. Около 500 ветеранов Великой Отечественной войны встретились с трудящимися республики, молодежью и школьниками, рассказали о героических подвигах советского народа. Тысячи юношей и девушек совершали походы по местам революционной, боевой и трудовой славы отцов.

В связи с 25–летием освобождения г. Петрозаводска и республики от фашистских захватчиков и 25–летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне был открыт мемориал и зажжен Вечный огонь Славы на Могиле Неизвестного Солдата в г. Петрозаводске (архитекторы Э.Ф. Андреев и Э.В. Воскресенский, скульпторы Э.А. Акулов и Л.К. Давидян — лауреаты Государственной премии КАССР), открыт мемориал в Песках, где захоронены многие узники фашистских

концлагерей, установлены памятные знаки боевой славы в местах сражений воинов Карельского фронта в г. Петрозаводске, Медвежьегорске, Олонце, Питкяранте, в Калевальском, Муезерском и Сортавальском районах.

8 июня 1970 г. республика отметила свой полувековой юбилей. Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с юбилеем Карельская АССР была награждена орденом Октябрьской революции.

Юбилейные отчеты о реальных достижениях в развитии экономики и культуры республики в послевоенные годы не могли скрыть обострения противоречий, роста застойных явлений в различных областях общественной жизни. Несмотря на попытки демократизации политической системы, широкого привлечения трудящихся к управлению государством, активизации общественных организаций, политические реформы по существу не выходили за рамки приспособления сталинской модели к новым условиям общественного развития. Сохранение в неизменном виде консервативной политики, в свою очередь, тормозило поиск новых подходов к развитию экономики, сдерживало прогрессивные тенденции в культурной жизни республики.

2.СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Демографическая ситуация в республике

Великая Отечественная война привела к значительному уменьшению численности населения республики. Связано это не только с прямыми потерями на фронтах войны и в районах, подвергшихся оккупации, но и с резким падением рождаемости в военные годы, ухудшением возрастной структуры населения, повышением в нем доли женщин.

Одним из главных источников пополнения кадров республики в первые послевоенные годы являлись демобилизованные из Советской армии. 14 июля 1945 г. в Петрозаводском горвоенкомате были зарегистрированы первые 11 демобилизованных в соответствии с Законом о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии от 22 июня 1945 г. К началу 1947 г. в республику прибыло более 16 тыс. демобилизованных воинов и более 5 тыс. инвалидов войны. Демобилизация завершилась в 1948 г. Вернувшимся из армии воинам была оказана материальная помощь продуктами питания, зерном, денежными суммами на строительство и хозяйственное обзаведение. Правительство республики предложило всем застройщикам передавать 10% новой и восстановленной жилплощади для предоставления ее семьям демобилизованных воинов.

С началом восстановительных работ усилилась реэвакуация населения. 26 октября 1945 г. Совнарком СССР принял постановление "О возвращении в КФССР ранее эвакуированного населения", обязывавшее союзные и союзно–республиканские наркоматы, совнаркомы республик и обл(край)исполкомы беспрепятственно отпускать всех эвакуированных из республики во время войны граждан, желающих вернуться на прежнее место жительства. К этому времени, по данным СНК КФССР, в областях и республиках СССР проживало еще более 170 тыс. эвакуированных жителей Карелии, а вернулось в республику около 127 тыс. человек. Несмотря на постановление СНК СССР, многие предприятия и организации под теми или иными предлогами препятствовали возвращению жителей Карелии домой,

особенно это касалось кадров лесной промышленности и специалистов сельского хозяйства. Организованный прием возвращавшихся в республику из эвакуации людей в основном завершился к началу 1948 г. Однако предвоенную численность населения (606,3 тыс. человек в 1940 г.) удалось восстановить только в 1954 г.

С конца 1940–х гг. ведущую роль в пополнении трудовых ресурсов Карелии играла межреспубликанская миграция. Основной поток мигрантов шел из центральных областей Российской Федерации, Белоруссии, Украины, республик Поволжья и Прибалтики. В первое послевоенное десятилетие в республику ежегодно приезжало более 30 тыс. человек, что значительно превышало общесоюзные темпы прироста населения. В 1960–е гг. наиболее интенсивно миграционный обмен осуществлялся между Карелией и соседними областями РСФСР (Ленинградской, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Калининской).

С середины 1950–х гг. темпы роста населения уменьшились более чем втрое, и начался его отток из республики. В отдельные годы (1967, 1968 и 1970) впервые после войны численность населения даже сократилась. Доля мигрирующего населения в Карелии в 1970 г. составляла 9,6% — значительно выше средней по РСФСР (6,7%).

В республике отчетливо проявились те же нежелательные тенденции, что и по стране в целом: снижение рождаемости, сокращение естественного прироста населения. По сравнению с началом 1950–х гг., когда уровень рождаемости в Карелии был выше, чем по РСФСР (36,9 против 26,9 родившихся на 1000 жителей), в 1970 г. он понизился в 2,3 раза и составил 15,9 против 14,6 родившихся по РСФСР. Основными причинами снижения рождаемости в послевоенные годы стали быстрый рост городского населения, повышение образовательного и культурного уровня, широкое вовлечение женщин в общественное производство, ухудшение половозрастной структуры населения в результате войны и др.

Значительно сократилась смертность населения. Если в 1945 г. на 1000 жителей республики приходилось 20,6 умерших, то в 1965 г. — 6,6. Однако детская смертность на протяжении послевоенного периода значительно превышала средние показатели по РСФСР, при этом в первой половине 1960–х гг. она стала самой высокой из всех областей и автономных республик РСФСР.

Отличительной чертой демографического развития республики в послевоенные годы становится быстрый рост городского населения. В 1950–е гг. в Карелии было образовано 16 поселков городского типа, в 1960–е гг. — еще 7. К 1970 г. в республике насчитывалось 40 поселков городского типа и 12 городов, из которых лишь один (Петрозаводск) имел население 184,5 тыс., тогда как остальные города — до 40 тыс. Темпы роста городского населения в Карелии значительно опережали общесоюзные. За 1939—1970 гг. число горожан увеличилось в 3,3 раза, а доля городского населения возросла с 32 до 68,8% (по стране в целом —56,3%). В то же время неуклонно сокращалось сельское население: за 1939—1970 гг. оно уменьшилось в 1,4 раза[11].

Форсированное развитие лесозаготовительной промышленности привело к возникновению сети лесных поселков, в сферу влияния которых вовлекались окружающие деревни. К 1957 г. в республике насчитывалось 324 лесных поселка.

В 1950—1960–е гг. интенсивно проводилось укрупнение сельских населенных пунктов. Во время осуществления административно–хозяйственной реформы 1957 г. из 608 близлежащих или фактически слившихся селений было образовано 152 населенных пункта, по аналогичной реформе 1967 г. из 97 населенных пунктов статус сельских сохранили 17. Процесс разрушения традиционной поселенческой сети завер-

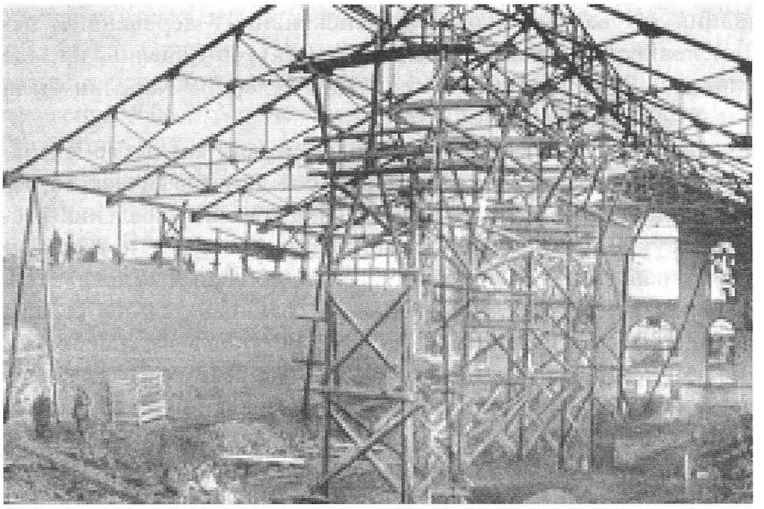
шила политика ликвидации так называемых "неперспективных" деревень. В целом за 1939—1970 гг. численность сельских населенных пунктов Карелии, прежде всего аграрных, сократилась с 2973 до 1069. В средней и северной Карелии были практически ликвидированы многие деревни.

Разрушение исторически сложившихся межселенных связей, активные миграционные процессы вели к преображению этнокультурного и демографического облика территории. Общая тенденция изменения этнического состава населения республики заключалась в неуклонном росте численности русского и в целом славянского населения и сокращении численности карелов, финнов и вепсов. Если перед войной в Калевальском и Кестеньгском районах в границах тех лет карелы составляли абсолютное большинство населения (от 80 до 90%), а в Ругозерском и Ребольском районах — от 50 до 70% населения, то в 1959 г. в республике осталось 3 района со сравнительно высокой долей карелов — Калевальский (58,6%), Олонецкий и Пряжинский[12]. В целом доля русского населения выросла с 63,2% в 1939 г. до 68,1% в 1970 г., удельный же вес карелов, финнов и вепсов понизился с 27 до 15,8%. Одной из самых многочисленных национальностей, населявших Карелию, стали белорусы, число которых с 1939 по 1959 г. увеличилось почти в 17 раз, а удельный вес составил 11% от всего населения. Заметно возросло число украинцев, поляков, эстонцев, чувашей и др. Усиление межэтнических контактов вело к распространению двуязычия, языковой и этнической ассимиляции.

Изменения в социально-экономической структуре населения в 1940—1960-е гг. определялись курсом партии на сближение всех классов и социальных групп в направлении социальной однородности. В 1959 г. рабочие и служащие с семьями составляли 95,7% против 74,5% в 1939 г. Удельный же вес колхозников и членов их семей понизился с 20,1 до 3,3%. Эти изменения были связаны с преобразованием колхозов в совхозы, передачей предприятий системы промкооперации в ведение государственных органов, а также переходом части колхозников на работу в другие отрасли хозяйства.

Среди областей и республик Северо-Западного экономического района Карелия в 1959 г. имела самый высокий удельный вес рабочих — 72,1% (по стране в целом — 48,2%). Значительно выше, чем в целом по Союзу, был в Карелии и уровень занятости населения в общественном производстве, что объяснялось высоким удельным весом лиц в трудоспособном возрасте, слабым развитием приусадебного хозяйства рабочих, колхозников и служащих и др. В конце 1950-х—1960-х гг. доля занятых среди населения в трудоспособном возрасте составляла по СССР 77—85%, в Карелии 81—88%[13].

Особенно высокими темпами шло вовлечение женщин в общественное производство. Если в 1939 г. они составляли 37,3% всех работавших (кроме членов семей, занятых в индивидуальном хозяйстве), то в 1970 г. — 53—54% рабочих и служащих республики. Увеличение занятости населения в общественном производстве, с одной стороны, позволяло отчасти решить проблему нехватки кадров (мы не касаемся вопроса эффективности использования трудового потенциала), но, с другой стороны, существенно сокращало долю времени, используемого для организации быта, досуга семьи, воспитания детей, ухода за престарелыми. Между тем существовавшая инфраструктура не могла компенсировать эти потери. В результате возникли такие отрицательные явления, как снижение рождаемости, антисоциальное поведение, увеличение заболеваемости и смертности. Но главным негативным следствием являлась дестабилизация семьи, наметившаяся еще во второй половине



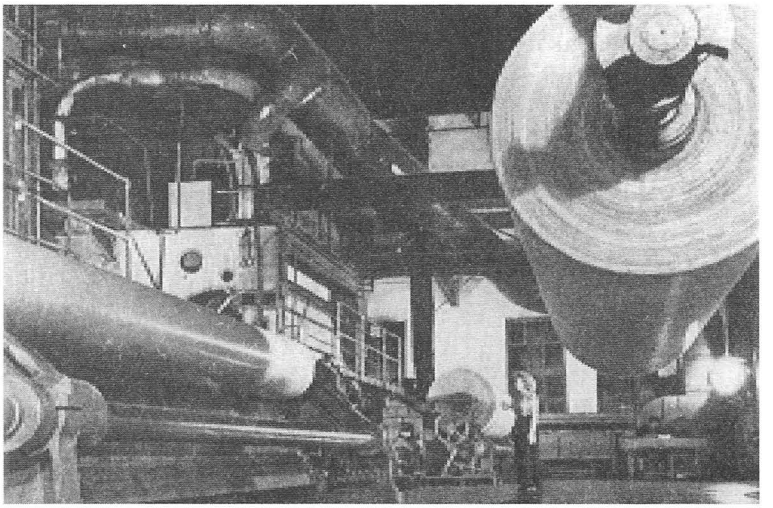
Поднимается из руин ремонтно–механический цех Онежского завода

1960–х гг. К сожалению, статистика располагает в основном только общими цифрами брачности и разводимости, хотя процесс снижения фактического возраста вступления в брак раздвигает реальные границы браков и разводов. По сравнению с концом 1940–х гг. в первой половине 1960–х гг. количество разводов в республике возросло в 5—6 раз. Естественно, что причины неустроенности семьи лежали глубже — в целом комплексе условий, определяющих положение женщины.

Восстановление и дальнейшее развитие промышленности, строительства и транспорта

С освобождением территории Карелии перед трудящимися республики встала задача восстановления разрушенного войной народного хозяйства. В июле 1946 г. Верховный Совет КФССР утвердил пятилетний план, основные задачи которого заключались в том, чтобы не только восстановить, но и превзойти довоенный уровень народного хозяйства края. Тем самым в планы послевоенного восстановления и развития экономики вновь закладывался быстрый рост темпов в промышленности, строительстве, на транспорте — своего рода продолжение индустриальной гонки 1930–х гг. Основу экономической политики определял старый курс на форсированное развитие тяжелой промышленности за счет и в ущерб производству потребительских товаров и сельского хозяйства. За пятилетие объем промышленного производства в республике намечалось увеличить более чем в 4 раза. Особое внимание уделялось развитию отраслей, связанных с эксплуатацией лесосырьевых ресурсов.

Восстанавливать народное хозяйство республики помогала фактически вся страна. Из Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Белоруссии, с Урала Карелия получала не только все необходимое оборудование, топливо, сырье и материалы, но и кадры — рабочих и инженерно–технических работников, в которых так остро нуждалась республика в послевоенные годы. Только ленинградцы за первые два с половиной года пятилетки поставили предприятиям Карелии более 300 видов и



В цехе Сегежского ЦБК. 1950 г.

марок станков, приборов и т. д. В обеспечении оборудованием Онежского завода участвовали 73 промышленных предприятия из 33 городов страны, оборудование для Сегежского ЦБК поступило от 45 заводов СССР. В свою очередь, Карелия оказывала помощь стране лесом, бумагой, рыбой, строительными материалами. Эшелоны со строительным лесом из Карелии отправлялись в Ленинград, Киев, Днепропетровск, другие города страны.

В 1946 г. в Карелии было восстановлено и пущено в эксплуатацию более 100 промышленных предприятий, а за годы первой послевоенной пятилетки — 208. Вступили в строй домостроительный, металлообрабатывающий и судоремонтный заводы, завод строительных деталей в г. Петрозаводске, Пиндушская судоверфь, Кондопожский и Летнереченский кирпичные заводы, два первых в республике рыбоконсервных завода в городах Петрозаводске и Беломорске и др. Было освоено производство новых видов промышленной продукции: деревянных стандартных домов, мотовозов, судовых двигателей, автодерриков, кранов-погрузчиков, станков для балансировки пил, шерстяных тканей, валяной обуви, трикотажных изделий, спирта, рыбных консервов и т. д. Сегежский ЦБК, первым в республике достигший в 1946 г. довоенного уровня производства, в 1948 г. превзошел его в два раза и отказался от государственной дотации. За успехи в восстановлении комбината в связи с 25-летием республики Сегежский ЦБК был награжден орденом Ленина. Уже в 1949 г. промышленные предприятия республики в основном достигли довоенного уровня выпуска валовой продукции. За 1946—1950 гг. промышленное производство в Карелии увеличилось в 4,7 раза, в то время как по РСФСР — в 1,6 раза.

Однако не все отрасли достигли показателей пятилетнего плана (лесозаготовки, деревообработка). Неравномерно развертывались восстановительные процессы в различных районах республики. Так, экономика Беломорской Карелии к завершению первой послевоенной пятилетки не смогла достичь довоенного уровня. В Кестеньгском районе объем лесозаготовок составлял лишь 16% довоенного уровня, объем валовой продукции местной промышленности — 20%.

Тем не менее успехи восстановления были впечатляющими. Причины столь бы-

Электропильщик Медвежьегорского леспромхоза, лауреат Государственной премии А. П. Готчиев

стрых темпов возрождения народного хозяйства в республике, как и в целом по стране, до сих пор являются предметом споров и научных дискуссий.

Рост производственных показателей в послевоенные годы в значительной степени основывался на высоких мобилизационных возможностях директивной экономики, далеко не исчерпанных резервах экстенсивного развития, а также широком использовании бесплатного труда заключенных и военнопленных. Проверенная войной система представлялась законченной и не требовавшей кардинальных перемен. Отраслевые министерства из Москвы контролировали работу предприятий определенного профиля по всему Союзу. В Карело–Финской ССР предприятия союзного подчинения в 1950 г. давали 57% всей валовой промышленной продукции.

Одним из важнейших факторов восстановления и роста экономики стало увеличение капитальных вложений государства в экономику. Только за две послевоенные пятилетки в народное хозяйство КФССР было вложено, по разным источникам, от 4,6 до 5,7 млрд руб. (в ценах на 1 июля 1955 г.); причем около половины этих средств получили основные отрасли промышленности. Определенную роль сыграло поступление по репарациям оборудования из Германии и Финляндии, основная часть которого была направлена в лесную промышленность, машиностроение и промышленность строительных материалов.

Особую роль в экономическом возрождении республики и страны сыграл трудовой героизм, рост инициативы и активности масс. Тысячи людей после окончания рабочего дня выходили на восстановление городского хозяйства. Петрозаводча-

не приняли обязательство отработать на стройках города по 30 часов. К 1 октября 1945 г. население отработало 36 тыс. человеко–дней на восстановлении столицы республики. Районы Карелии к этому времени отгрузили в Петрозаводск 2,5 тыс. кубометров пиломатериалов, 60 т извести, 150 т цемента, 2 т гвоздей[14].

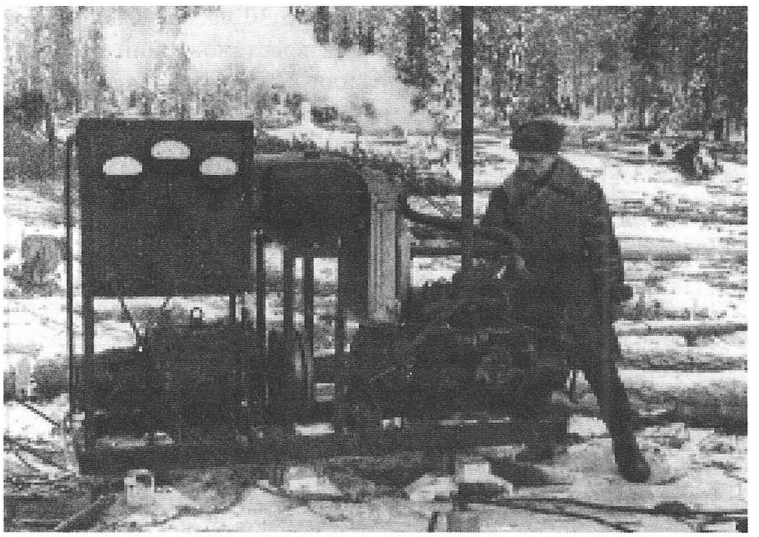
С первых дней после окончания войны развернулось соревнование за выполнение пятилетки в четыре года. На предприятиях республики получили поддержку почины передовых коллективов и новаторов производства страны: соревнование за скоростную обработку деталей, движение за создание бригад отличного качества, за выпуск продукции с личным клеймом, за экономию сырья и материалов и др. В каждой отрасли, на каждом предприятии были свои передовики и новаторы производства. За высокие показатели в труде орденом Ленина были награждены строгальщик Онежского завода Н.Я. Горожанкин, шлифовальщик Кондопожского ЦБК В.Э. Хуусари, бригадир Беломорского рыбокомбината П.Н. Воронов и др., одними из лучших машинистов страны признаны И.Д. Яблоков и А.Р. Ковалев (депо ст.Петрозаводск). По инициативе бригады электропильщиков А.П. Пякконена из Кондопожского леспромхоза развернулось соревнование за освоение новой техники на лесозаготовках и рациональную организацию производства. В 1946 г. около 200 комсомольско–молодежных бригад республики включились в движение за овладение новыми машинами и механизмами.

В 1949 г. бригада А.П. Готчиева из Медвежьегорского леспромхоза выступила инициатором работы поточно–комплексными укрупненными бригадами, которые осуществляли все лесозаготовительные операции — от валки до вывозки древесины. Организация поточных линий на лесозаготовках позволяла лучше использовать людей и механизмы, повысить производительность труда. За достижение высокой выработки, успешное освоение техники и внедрение прогрессивных методов труда А.П. Готчиев был удостоен ордена Ленина и Государственной премии.

Важнейшей задачей послевоенного периода стало восстановление лесной промышленности. Лесозаготовительным предприятиям республики война нанесла большой ущерб. Полностью прекратили свою деятельность 40 из 46 леспромхозов, на 80% сократились основные средства производства, на 95% — автомобильный и тракторный парк.

Послевоенное развитие лесной промышленности шло прежде всего на основе ее технической реконструкции. Лесозаготовительные предприятия интенсивно пополнялись новой техникой: трелевочными тракторами, лесовозными машинами, электро– и бензомоторными пилами, бульдозерами, погрузочно–разгрузочными кранами и др. Возникли новые лесозаготовительные и лесосплавные предприятия: Ухтинский, Медвежьегорский, Пяльмский, Поросозерский, Кестеньгский, Валдайский леспромхозы, Кемская, Медвежьегорская, Сунская и Пудожская сплавные конторы и др. Только за 1946—1950 гг. сумма капитальных вложений в отрасль возросла в 8 раз, а численность рабочих — почти в 4 раза. Такие темпы не имели аналогии ни с каким другим периодом.

11 февраля 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление "О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело–Финской ССР", которым предусматривалось доведение объема заготовки и вывозки древесины на территории республики до 20 млн кубометров в 1955 г. Достижение такого объема лесозаготовок предусматривалось за счет освоения новых районов лесозаготовок, строительства механизированных предприятий и лесовозных дорог, рабочих поселков.



Передвижная электростанция на Вирандозерском лесопункте Сумского леспромхоза. 1947 г.

Одним из самых острых вопросов в решении задач форсирования лесозаготовок являлся крайний недостаток рабочих кадров. Вплоть до начала 1950–х гг. почти 1/3 работающих на лесозаготовках составляли колхозники, направляемые в лес в порядке трудовой повинности. Однако такая система не обеспечивала необходимого количества рабочих и не отвечала интересам как колхозов, так и лесозаготовительных организаций. Другим источником пополнения лесозаготовительных кадров в первые послевоенные годы было использование труда военнопленных. Однако производительность их труда в среднем была в 4 раза ниже, чем постоянных рабочих, к тому же на работу выходило 30—50% их состава.

Задача создания постоянных рабочих кадров на лесозаготовках потребовала поиска других источников, решающую роль среди которых стали играть организованный набор и промышленное переселение, использовавшиеся и в довоенные годы. Постановлением Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. намечалось переселение в республику на добровольных началах в течение двух лет 25 тыс. семей. Лесная промышленность получила преимущество в пополнении своих предприятий кадрами из Белоруссии, Брянской, Кировской, Костромской, Псковской и других областей страны (сюда поступало более половины всех прибывших рабочих). В 1949—1955 гг. в леспромхозы КФССР прибыло более 90 тыс. человек. К 1956 г. уже абсолютное большинство лесозаготовительных предприятий имело постоянные рабочие кадры, что играло важную роль в превращении лесозаготовок в индустриальную отрасль производства. Однако из–за неудовлетворительных социально–бытовых условий, низкой квалификации прибывавших в республику по оргнабору и промышленному переселению высока была текучесть кадров. Если в 1946—1949 гг. в лесную промышленность прибыло около 56 тыс. человек, то уехало более 32 тыс.[15]

Серьезные трудности оставались в области освоения крупных сумм капитальных вложений, поступавших в лесную промышленность. В 1946—1955 гг. по министерству лесной промышленности примерно пятая их часть оказалась неосвоенной в силу целого ряда причин (неэффективное использование техники, низкий уро-

вень механизации производства, нерациональная организация труда, текучесть кадров и т. д.). На решение этих проблем был направлен творческий поиск новаторов отрасли. На лесозаготовках внедрялись часовой график работы, цикличная организация труда, метод крупнопакетной погрузки древесины, позволившие существенно увеличить производительность труда рабочих, сократить внутрисменные простои техники.

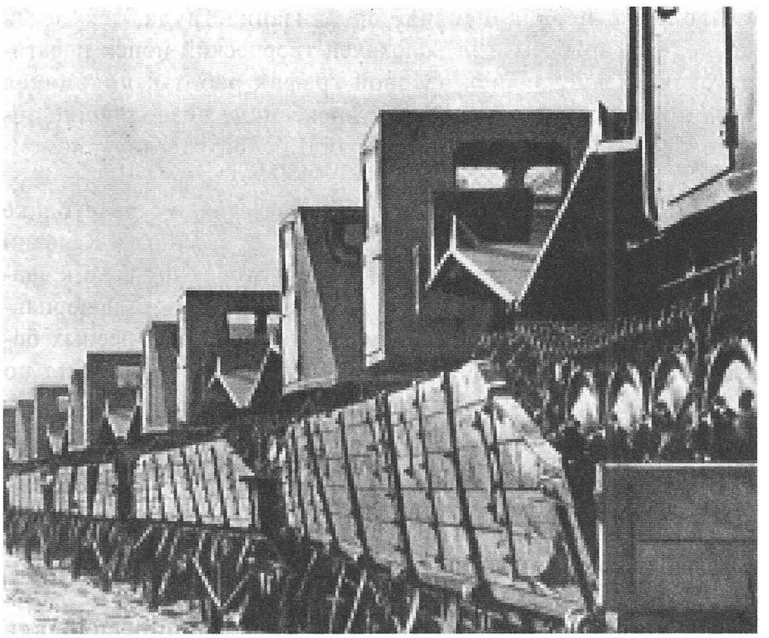
Сохранившийся в 1950–е гг. курс на форсирование лесозаготовок в республике обусловил их резкий рост. За 1946—1956 гг. вывозка деловой древесины в Карелии возросла в 6,5 раза[16]. Быстрое наращивание объемов лесозаготовок привело к значительному перерубу расчетной лесосеки, закрытию ряда леспромхозов, исчерпавших лесосырьевые базы, и создало угрозу преждевременного истощения лесных богатств края. Свыше 25% вырубаемой площади лесосек не возобновлялось, по существу отсутствовал контроль за использованием лесосечного фонда. Необходимость более равномерного размещения лесозаготовительных предприятий обусловила курс на увеличение объема лесозаготовок на севере республики, в бассейне р. Кеми, в районе Западно–Карельской железной дороги и в Пудожском районе. Однако освоение новых лесных массивов не подкреплялось соответствующими капитальными вложениями, своевременным строительством узкоколейных и автомобильных дорог.

Ориентация на одностороннюю экономическую специализацию республики привела к значительному отставанию отраслей по переработке древесины. Хотя в послевоенный период была осуществлена техническая реконструкция лесозаводов и целлюлозно–бумажных предприятий, обновлено оборудование, вступили в строй Петрозаводский и Сегежский домостроительные комбинаты, увеличилось производство картона, фанеры, древесно–волокнистых плит, лыж, стандартных домов, новых видов мебели, тем не менее из года в год увеличивалась вывозка древесины из республики в необработанном виде. В 1951 г. она составляла 33,7% от всей вывезенной древесины, в 1954 г. — 45%.

Ускоренное развитие лесозаготовительной промышленности значительно повысило ее удельный вес в общем выпуске валовой промышленной продукции: с 16,5% в 1946 г. до 27,3% в 1955 г. В то же время понизилась доля машиностроения и металлообработки (с 18,8 до 8,9%), целлюлозно–бумажной промышленности (с 28 до 19,4%), что свидетельствовало о сырьевой направленности экономики республики[17].

В послевоенные годы началось интенсивное освоение природных богатств северной и западной Карелии. С 1948 г. было организовано комплексное экспедиционное изучение западных районов КФССР силами местных и некоторых центральных научных учреждений под руководством Карело–Финской базы АН СССР. Строительство Западно–Карельской железной дороги и возникновение вдоль нее многочисленных поселков лесозаготовителей и деревообработчиков, восстановление и строительство железнодорожной ветки Лоухи — Кестеньга — Софпорог, сооружение целого ряда электростанций способствовало увеличению экономического потенциала этой части республики. Северо–Западным геологическим управлением были осуществлены поиски месторождений слюды в Лоухском районе, возобновлена разведка Костомукшского железорудного месторождения, начаты поиски колчедана в Кестеньгском районе. Однако по существу это были лишь первые шаги по вовлечению в народно–хозяйственный оборот минерально–сырьевых ресурсов края.

Восстановленные в короткий срок после войны предприятия машиностроитель-

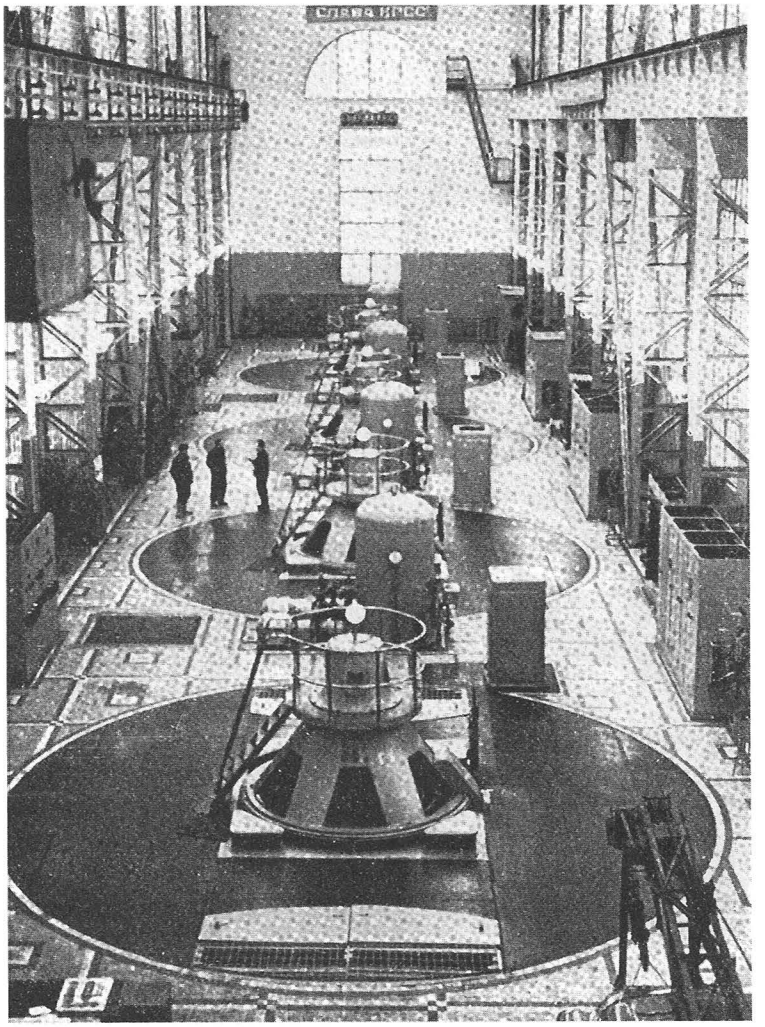


Эшелон с тракторами ТДТ–40М отходит от заводских ворот

ной и металлообрабатывающей промышленности — Онежский металлургический и машиностроительный завод, Вяртсильский металлургический, Петрозаводские авторемонтный и судостроительный заводы, а также новые предприятия отрасли — Петрозаводский металлообрабатывающий завод и первенец цветной металлургии Карелии — Надвоицкий алюминиевый завод, вступивший в строй в 1954 г., — расширяли свое производство, осваивали новые виды продукции. На Онежском заводе было налажено производство мотовозов, узкоколейных стрелочных переводов, кранов–погрузчиков, платформ, автоприцепов, морских буксиров, передвижных электростанций, трелевочных лебедок, осуществлена перестройка производственного процесса для капитального ремонта лесозаготовительной техники. Такая обширная номенклатура изделий, предназначенных для лесной, судостроительной промышленности и автотранспорта, вызывала бесконечную перестройку производства на заводе, затрудняла его работу.

В январе 1956 г. Совет Министров СССР принял решение о коренной реконструкции Онежского завода в связи с организацией производства трелевочных тракторов. На эти цели правительством были выделены крупные капитальные вложения и необходимая техника. В основе организации нового производства лежала широкая кооперация с Минским тракторным заводом, откуда доставлялось специальное оборудование. Первый трактор ТДТ–40 на заводе был собран 23 июня 1956 г., а с 1958 г. завод приступил к серийному выпуску этой машины и запасных частей к ней.

Интересы быстрорастущего народного хозяйства республики настоятельно требовали ускоренного развития энергетики. В 1948 г. общая мощность электростанций достигла довоенного уровня. В 1953 г. вступила в эксплуатацию Маткожненская ГЭС — первая в каскаде Выгских ГЭС. В ноябре 1954 г. была введена в действие Пальеозерская ГЭС, а в 1955 г. завершилось строительство высоковольтной линии



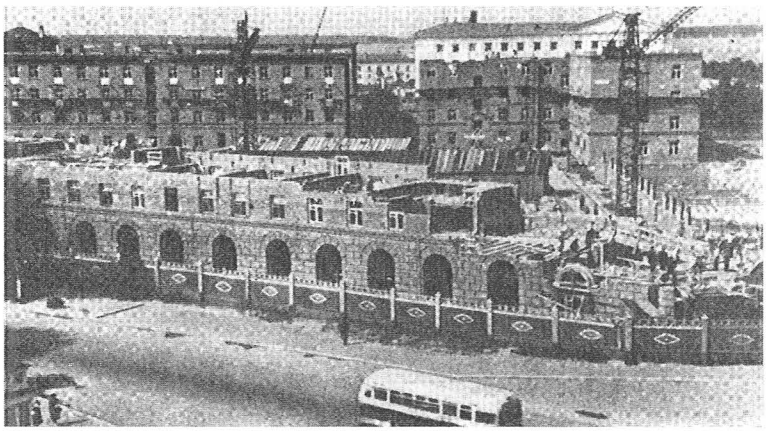
Машинный зал Ондской ГЭС. 1956 г.

электропередач Лодейное Поле — Олонец, по которой в Карелию поступала электроэнергия из Ленинградской области. В 1956 г. дали промышленный ток 4 агрегата Ондской ГЭС, в ее строительстве участвовали более 200 предприятий СССР. Все это позволило существенно увеличить энергетический потенциал республики, однако гидроэнергетическое строительство привело к серьезным социальным и экологическим последствиям. Оно вынудило население к переселению из зоны затопления в новые места жительства, что разрушало традиционную среду обитания. Вследствие этого строительства, а также лесной мелиорации, молевого сплава древесины, отравления водоемов промышленными и сельскохозяйственными стоками были утрачены невозобновимые стада семги, лосося на реках Кемь и Выг, прекратился промысловый лов ряпушки в Кондопожской губе Онежского озера, почти полностью исчез сиг в р. Суне. Уже к середине 1950–х гг. в Белом море и внутренних водоемах республики добывалось лишь 14% общего улова рыбы, а остальная часть —в Атлантике и Баренцевом море.

Сортировка семги на Беломорском рыбокомбинате

В послевоенные годы основной вылов рыбы приходился на рыболовецкие колхозы, удельный же вес государственного лова рыбы был невелик (в 1950 г. — 19%); численность рыболовецких колхозов, обремененных высокими государственными заданиями по поставке сельскохозяйственной продукции государству, катастрофически уменьшалась, так как рыбаки–колхозники переходили на работу в лесную промышленность. Если после Великой Отечественной войны в Карелии было более 80 рыболовецких колхозов, то в 1962 г. — 13. В 1950–х гг. решающее значение в рыбодобыче приобрели государственные предприятия, основным из которых являлась созданная в 1951 г. Беломорская база гослова. Был обновлен флот, широко стали использоваться высокопроизводительные промысловые суда — средние рыболовецкие траулеры (СРТ), современное оборудование.

Во второй половине 1940–х — первой половине 1950–х гг. были осуществлены большие строительные работы в Петрозаводске, Кондопоге, Сегеже. Только в строительство и благоустройство столицы республики вложено в 1951—1955 гг. около 800 млн руб. Важную роль в выполнении программы капитального строительства сыграло создание индустриальной базы строительства — завода железобетонных конструкций в Петрозаводске и технически оснащенных строительных управлений



Петрозаводск строится

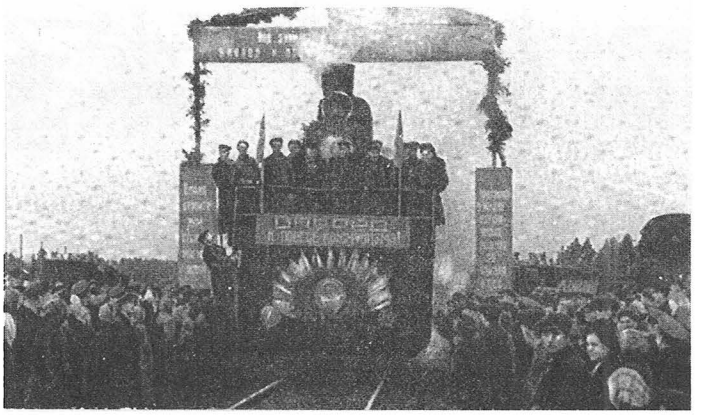
промышленного и жилищно-культурного строительства. Однако мощность строительных организаций оставалась недостаточной, не хватало квалифицированных рабочих и специалистов, что приводило к затягиванию сроков строительства объектов.

В 1950-е гг. увеличилась эксплуатационная длина путей сообщения, особенно автомобильных дорог с твердым покрытием, выросла и обновилась техническая база всех видов транспорта. Было установлено регулярное автобусное сообщение глубинных районов с городами и железнодорожными станциями. К 1956 г. в республике имелось 55 междугородных автобусных линий, 34 внутригородских и пригородных линии. В 1949 г. началось строительство Западно-Карельской железной дороги, которая должна была связать богатые природными ресурсами западные районы республики с Петрозаводском и Ленинградской областью. В начале 1956 г. вступил в строй первый ее участок Суоярви—Поросозеро протяженностью 81 км.

Важное значение для расширения транспортных связей республики имело вступление в эксплуатацию в 1952 г. Волго-Донского судоходного канала, который открыл прямой путь из Белого моря в Азовское и Черное моря. С открытием канала значительно возросли перевозки Беломорско-Онежского пароходства. Объем же местного водного транспорта, работавшего на малых реках и озерах, оставался незначительным.

Определенные успехи были достигнуты в развитии связи. В 1945 г. вступила в строй новая телефонная линия Петрозаводск—Сортавала, а в 1946 г. в Петрозаводске начала работать первая в Карелии автоматическая телефонная станция на 400 номеров. Расширились возможности радиовещания. В 1949 г. вступила в строй современная радиовещательная станция, работавшая на средних волнах, в 1956 и 1957 гг. — коротковолновые станции.

Создание в республике новых отраслей промышленности и увеличение объемов промышленного производства вызвали рост рабочего класса. Только в промышленности численность промышленно-производственного персонала возросла с 20,3 тыс. человек в 1945 г. до 98,9 тыс. в 1955 г.[18] Пополнение рядов рабочего класса шло как за счет внутренних источников (набор рабочих самими предприятиями из числа местного населения и др.), так и, преимущественно, за счет внешних источников (оргнабор, промышленное переселение). Задачи подготовки и повышения квали-



Вступил в эксплуатацию первый участок Западно–Карельской железной дороги от Суоярви до Поросозера. 1956 г.

фикации рабочих кадров решались путем индивидуального и бригадного обучения, учебы в стахановских школах и на курсах, организованных непосредственно на производстве, а также через систему государственных трудовых резервов. В четырех ремесленных училищах и 11 школах ФЗО за 1946—1955 гг. было подготовлено для предприятий 22 тыс. квалифицированных рабочих. Непосредственно на производстве ежегодно в первой половине 1950–х гг. обучалось новым профессиям и повышало квалификацию от 35 до 40 тыс. рабочих и служащих[19]. В высших и средних специальных учебных заведениях велась подготовка инженерно–технических кадров, недостаток которых остро ощущался на ряде предприятий. Их должности приходилось замещать практиками. В 1952 г. по Министерству лесной промышленности только 25% инженерно–технических работников имели высшее и среднее техническое образование.

Результаты, достигнутые в развитии промышленности к середине 1950–х гг., давали основание для оптимистических прогнозов. Во всех отраслях промышленности (особенно в лесозаготовительной и рыбной) возросла степень механизации тяжелых и трудоемких работ, внедрялись новые высокопроизводительные машины, передовые технологические процессы и методы организации производства. Основные промышленно–производственные фонды предприятий превысили уровень 1940 г. почти в 5 раз. Производство бумаги в 1955 г. по сравнению с 1940 г. увеличилось в 4 раза, бумажных мешков — в 6,3 раза, пиломатериалов — в 1,5 раза, вывозка древесины — в 2,4 раза, улов рыбы — в 4,2 раза, производство электроэнергии — в 5 раз[20]. Однако наряду с достижениями имелись серьезные нерешенные проблемы. Медленно осваивались производственные мощности, не было преодолено отставание капитального строительства. Устаревший хозяйственный механизм обусловливал невосприимчивость экономики к техническому прогрессу, сковывал инициативу предприятий.

Попытки реформирования экономики в 1950—1960–х гг.

Курс на демократизацию общества в середине 1950–х гг. потребовал серьезного пересмотра экономической политики, изменения жестко централизованной структуры управления промышленностью. Поиски новых организационных форм управле-

ния велись уже с начала 1950–х гг. В 1953 г. был объединен ряд министерств и ведомств КФССР, осуществлена ликвидация многих местных снабженческих организаций, мелких структурных подразделений. В 1954—1956 гг. в ведение союзных республик из союзных министерств был передан ряд промышленных предприятий. В Карелии доля предприятий союзного подчинения сократилась с 57% в 1950 г. до 41% в 1955 г. Децентрализация даже в таком объеме дала положительный результат.

В середине 1950–х гг. развернулась кампания по сокращению штатов административно–управленческого персонала, численность которого в 1952 г. составила 30,8 тыс. человек, или 14,6% от общей численности рабочих и служащих республики. С 1952 по 1959 г. число управленцев уменьшилось до 23,7 тыс. человек, тем не менее на одного управленца приходилось в среднем 11 рабочих и прочих работников[21]. В общей численности административно–управленческого персонала преобладал учетно–бухгалтерский персонал, одна треть которого была сосредоточена на промышленных предприятиях. Сокращение управленческого аппарата происходило в основном до 1960 г., затем он вновь начал разрастаться.

Меры по совершенствованию организационных форм управления не меняли существа сложившегося хозяйственного механизма — ведомственного принципа. Существовавшая длительное время "ведомственная" стратегия освоения природных ресурсов, отсутствие механизма противодействия территорий хищническому хозяйствованию породили множество проблем, остро проявившихся в Карелии. Среди них — недостаточно полное, некомплексное использование природных богатств, неравномерное развитие транспортной сети, низкий уровень развития социальной сферы, загрязнение окружающей среды и др.

В 1953 г. Верховный Совет СССР предложил сместить акценты развития народного хозяйства в сторону удовлетворения материальных и культурных потребностей народа. В связи с этим ускоренное развитие должны были получить легкая и пищевая промышленность, а также сельское хозяйство.

С 1953 по 1956 гг. производство основных видов бельевого трикотажа в Карелии выросло в 1,6 раза, валяной обуви — в 1,7 раза, кожаной обуви — в 1,4 раза, макаронных и колбасных изделий — в 1,3 раза, кондитерских изделий — в 1,2 раза[22]. Осваивались новые виды продукции, улучшалось ее качество. Однако в целом на долю местной государственной промышленности и промысловой кооперации, в основном занимавшихся производством в республике товаров широкого потребления, приходилось в середине 1950–х гг. лишь около 10% промышленной продукции. Многие изделия из дерева, такие как топорища, кухонные и стиральные доски, толкушки, скалки, вешалки, прищепы для белья и т. д. на протяжении ряда лет завозились в Карелию из других областей страны.

В числе организационно–хозяйственных перестроек 1950–х гг. была и реорганизация промысловой кооперации, которая в послевоенный период претерпела значительные изменения. Многие ее предприятия, такие как артели "Кустпромметалл", "Мебельщик", "Швейно–трикотажная", "Пимокатная", "Деревообделочник" по уровню технической оснащенности, квалификации кадров, объему производства, сложности выпускаемой продукции и другим показателям перестали носить характер кустарно–кооперативного производства и мало чем отличались от предприятий государственной промышленности. К середине 1956 г. в составе промкооперации было 33 артели, насчитывающих 560 предприятий и мастерских, 12 магазинов и лавок, 9 ларьков розничной торговой сети[23]. Более половины всей продукции промкооперации приходилось на швейно–трикотажные изделия, производились

также кожаная и валяная обувь, хром, кожтовары, чемоданы. После войны были освоены новые виды производства — моторостроение, литейное, изготовление мебели, скобяных изделий, плугов, сенокосилок, металлических кроватей, железных бочек, детских санок и т. д.

В 1956 г. наиболее крупные предприятия промкооперации были включены в государственную промышленность. Ликвидация промкооперации завершилась в начале 1960–х гг., когда было организовано управление бытового обслуживания и легкой промышленности при Совете Министров КАССР и запрещены (в 1962 г.) отдельные виды промыслов кустарей и ремесленников — производство и продажа изделий из гипса, папье–маше, жести и стекла, изготовление чемоданов, головных уборов, люстр, ремонт телевизоров, радиоприемников, автомобилей, мотоциклов, велосипедов, часов и авторучек, химчистка и окраска одежды, изготовление фотографий и др. Последующая практика показала, что эта мера была неоправданной, так как потенциальные возможности промкооперации до конца не были использованы. Однако в условиях провозглашенного XXII съездом партии курса на строительство коммунизма участь промкооперации как "частнокапиталистического уклона" была предрешена.

Центральное место среди экономических перестроек второй половины 1950–х — начала 1960–х гг. заняла реформа управления промышленностью 1957 года. Начало реформе положили решения февральского (1957 г.) пленума ЦК КПСС о переходе от отраслевого к территориальному принципу управления на основе упразднения большинства министерств и создания в 105 административных экономических районах страны советов народного хозяйства. Эти районы совпали с краями, областями, автономными республиками.

1 июня 1957 г. постановлением Совета Министров РСФСР был образован Совет народного хозяйства Карельского экономического административного района. В ведение Карельского совнархоза было передано более 150 промышленных, транспортных и строительных предприятий. Продукция промышленности, подведомственной СНХ, составила 80% промышленной продукции республики.

На первых порах реорганизация управления способствовала кооперации и специализации промышленности, более комплексному ее развитию в границах краев, областей и республик. Карельский совнархоз осуществил отраслевую специализацию предприятий, в результате чего было создано 5 производственных управлений (лесной промышленности, целлюлозно–бумажной и деревообрабатывающей промышленности, рыбной промышленности, промышленности строительных материалов и энергетического хозяйства), объединивших 121 предприятие. Кроме того, 4 предприятия непосредственно подчинялись совнархозу: Онежский тракторный и Надвоицкий алюминиевый заводы, завод "Авангард" и Вяртсильский металлургический завод. Специализация и укрупнение предприятий проводились также внутри отраслевого управления: были объединены в одно предприятие Сегежский целлюлозно–бумажный и Сегежский домостроительный комбинаты, Хелюльская и Сортавальская мебельные фабрики, Беломорские и Кемские моторно–рыболовные станции, Летнереченский домостроительный комбинат и Летнереченский комбинат промстройматериалов, ряд мелких леспромхозов. Число снабженческих организаций сократилось с 18 до 7, строительных организаций — с 4 до 2. Эти мероприятия позволили значительно сократить административно–управленческий персонал, улучшить использование производственных мощностей, повысить уровень руководства предприятиями.

В целях усиления специализации в промышленности была создана специализированная база по ремонту дизельных двигателей на Петрозаводской судоверфи; на Онежском тракторном заводе организован специализированный цех литья, снабжавший цветным литьем все предприятия Карелии. Специализация осуществлялась на станкостроительном и ремонтно–механическом заводах, мебельных и швейных предприятиях, однако развитие ее ограничивалось нехваткой средств и оборудования.

Особое внимание руководство совнархоза уделяло осуществлению мер по улучшению кооперирования и межрайонных связей. Существовавшие ранее ведомственные барьеры приводили к нерациональным перевозкам. Так, Петрозаводский ДСК получал фанеру не из Лахденпохского фанерного комбината, а от предприятий западной Украины, что значительно удорожало себестоимость стандартных домов. Некоторые предприятия Беломорска отправляли тракторы для ремонта на Украину, хотя в городе имелась своя ремонтная мастерская и т. п. Ликвидация ведомственных барьеров позволила оперативнее решать задачи механизации производственных процессов, рациональнее использовать сырье и материалы, укрепить горизонтальные связи региональной экономики.

Первые результаты работы в условиях совнархозовской системы были обнадеживающими. За 1957—1961 гг. предприятия Карельского СНХ получили прибыль в сумме 197,8 млн руб. Однако экономический эффект перестройки управления промышленностью оказался кратковременным. Экономические рычаги не заработали — от совнархозов 1920–х гг. новые СНХ унаследовали лишь название. Нарушились сложившиеся хозяйственные связи между регионами, затруднялось проведение единой технической политики в рамках отрасли. Реформа не внесла качественных изменений в условия хозяйствования: сохранялись директивное планирование, централизованное распределение материально–технических ресурсов, административное ценообразование. По мере возрастания распорядительных функций аппарат совнархозов все более обособлялся от местных органов власти, превращаясь в "мини–министерство" на своей территории. Раздробленность управления создала несогласованность, управленческую неразбериху, циркуляры министерств и совнархозов тонули в бесконечной волоките.

С организацией совнархозов существенно сократились ассигнования Госплана РСФСР на культурно–бытовые и социальные нужды. В Карелии замедлилось строительство торговых предприятий, столовых, детских учреждений. К 1961 г. число убыточных предприятий по Карельскому совнархозу составило 33%.

Негативные стороны деятельности совнархозов вынудили руководство страны искать пути их преодоления. В конце 1962 г. по распоряжению правительства СССР произошло укрупнение экономических административных районов: вместо 105 их стало 47, а в РСФСР — вместо 67 — 24. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1962 г. был образован совнархоз Северо–Западного экономического района с центром в г. Архангельске, в связи с чем Карельский совнархоз прекратил свою деятельность. Одновременно из ведения СНХ выводятся строительные организации и в укрупненных районах создаются самостоятельные органы для руководства строительством, в центре возрождаются отраслевые комитеты. Таким образом, начался обратный процесс — восстановление ведомственно–отраслевой системы хозяйственного управления внутри территориальной. Однако теперь управление становится громоздким, что, в конечном счете, привело к краху совнархозовской системы и возврату к испытанным формам руководства народным хозяйством.

Пришедшая на смену реформе 1957 г. хозяйственная реформа 1965 г. была обусловлена ростом масштабов производства и значительной исчерпанностью экстенсивных источников увеличения продукции, что вызвало необходимость повышения эффективности производства. Начало хозяйственной реформе положили решения сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, определившего три ее главных направления: повышение научного уровня государственного планирования и расширение хозяйственной самостоятельности предприятий на основе полного хозрасчета; усиление экономического стимулирования производства с помощью таких средств, как цена, прибыль, премия, кредит; повышение материальной заинтересованности работников в улучшении работы предприятий. Реформа усилила роль прибыли и дала приоритет стоимостным показателям над натуральными. Оценку работы предприятий предполагалось осуществлять по реализованной продукции, уровню рентабельности и выполнению планов по поставкам.

В соответствии с решениями сентябрьского пленума ЦК КПСС были упразднены существовавшие с 1957 г. советы народного хозяйства экономических районов и восстановлены промышленные министерства, построенные по отраслевому принципу. Важнейшие промышленные предприятия КАССР вошли в подчинение ряда министерств СССР и РСФСР. Для управления предприятиями лесной, деревообрабатывающей, рыбной промышленности и промышленности строительных материалов были созданы производственные объединения и управления. Образованные в республике министерства лесного хозяйства, местной, пищевой промышленности, бытового обслуживания населения осуществляли управление отраслями народного хозяйства, имевшими местное значение.

Первым в республике в апреле 1966 г. на новые условия хозяйствования перешел Онежский тракторный завод. Здесь была создана система внутризаводского хозрасчета, разработано более 20 положений о премировании за достижение высоких качественных показателей, стали применяться экономические санкции по взаимным претензиям работников смежных производств. Эти меры способствовали улучшению результатов работы предприятия. В 1966—1969 гг. коллектив ОТЗ обеспечил рост обьема производства на 18,7%, а производительности труда — на 16%.

К концу восьмой пятилетки (1970 г.) по новой системе хозяйствования работало 189 предприятий республики (82%), на их долю приходилось 98% объема промышленного производства. За 1966—1969 гг. абсолютная сумма прибыли возросла почти в 3 раза, а количество плановоубыточных предприятий сократилось на 40%, объем производства промышленной продукции увеличился на 17%[24] . Анализ эффективности мероприятий по внедрению новых методов хозяйствования затрудняется неполнотой, несопоставимостью, а зачастую и недостоверностью статистических данных.

Реформа, хотя и дала некоторый эффект, в конечном счете свелась к серии формальных реорганизаций. Она коснулась в основном управленческих этажей хозяйственного механизма. Деятельность предприятий оставалась жестко регламентированной, несмотря на сокращение числа централизованных показателей, спускаемых сверху. Сохранялись планирование по валу, корректировка планов, производство и стимулирование труда продолжали ориентироваться на количественные показатели. Направленность на прибыль при сохранении директивного порядка определения оптовых цен на продукцию толкала предприятия на самый легкий путь — повышение цен вместо снижения себестоимости продукции, затрудняла внедрение технических новшеств, освоение новых видов продукции.

В республике медленно решались вопросы освоения достижений науки и техники, несмотря на определенные шаги в этом направлении. В 1950—1960-е гг. положено начало внедрению поточных и автоматических линий, автоматического и полуавтоматического оборудования, электронно-вычислительных машин и другой счетно-решающей техники. К началу девятой пятилетки (1971 г.) в промышленности Карелии работало 328 механизированных поточных и 12 автоматических линий; 192 участка и цеха, 13 предприятий были комплексно механизированы и автоматизированы[25]. Среди них каскады Кемской, Выгской и Сунской ГЭС, Южно-Карельские электросети, Медвежьегорский щебеночный завод, Питкярантское карьероуправление и др. Во всех отраслях были обновлены станочный парк и оборудование, усовершенствованы технологические процессы.

Большое внимание уделялось электрификации производственных процессов. К началу 1960-х гг. на долю мелких, неэкономичных электростанций в Карелии приходилось примерно 17% вырабатываемой электроэнергии. Карельская энергосистема оставалась дефицитной, а потребление электроэнергии на душу населения из-за нерациональной отраслевой структуры было значительно выше, чем в России в целом. Увеличение потребления электроэнергии производилось в основном за счет получения дорогостоящей электроэнергии из Ленинградской и Кольской энергосистем и роста потребления выработки на блок-станциях. В 1960-е гг. началось создание объединенной энергосистемы Севера, включавшей энергосистемы Карелии, Архангельской и Мурманской областей. В широких масштабах велось сооружение высоковольтных линий электропередач, были введены в эксплуатацию Выгостровская, Беломорская, Палокоргская, Путкинская ГЭС. Одновременно проводилась работа по сокращению числа передвижных малоэффективных электростанций и неэкономичных мелких тепловых электростанций. В 1966 г. объединенная энергосистема Северо-Запада была подключена к единой энергосистеме европейской части страны, что обеспечило устойчивое электроснабжение народного хозяйства республики. К 1970 г. к государственным электросетям были подключены все промышленные предприятия, более половины леспромхозов.

Научно-технический прогресс вызвал изменения в количественном и качественном составе рабочего класса республики. Численность промышленно-производственного персонала в Карелии только за 1956—1965 гг. выросла со 103 до 131 тыс. Уже к концу 1950-х гг. в промышленности насчитывалось более 90 важнейших профессий рабочих высокой квалификации. Значительно возросла численность рабочих таких профессий, как электро- и газосварщики, механики, наладчики, настройщики, инструментальщики. Вместе с тем в начале 1970 г. 42% всех рабочих в республике выполняли работу вручную, кроме того, свыше 10 тыс. человек были заняты на ручных работах по ремонту машин и механизмов, причем основную массу таких работ выполняли женщины. Оставался высоким удельный вес практиков, занимавших должности руководящих и инженерно-технических работников. В промышленности на этих должностях работало 5920 человек, или 44%, причем подавляющее большинство нигде не училось[26].

Важное значение в совершенствовании производства и внедрении новой техники имело укрепление содружества предприятий с научными учреждениями страны и республики. В начале 1960-х гг. предприятия Карелии сотрудничали более чем с 30 научно-исследовательскими институтами и вузами. В результате этого содружества внедрялась передовая технология, осваивались новые виды продукции. На ОТЗ была применена полуавтоматическая сварка в среде углекислого газа,

разработан метод спектрального анализа жаропрочных сталей, создавались новые конструкции валочно–трелевочных машин и тракторов. С помощью ученых Москвы и Ленинграда разрабатывались пути комплексного использования древесины, было организовано использование отходов деревообработки, дров и древесины лиственных пород в производстве целлюлозы, картона, гидролизного спирта, древесно–волокнистых плит.

В решение задач технического прогресса включились массовые объединения трудящихся, работавшие под руководством профсоюзных организаций. В 1953 г. было создано научно–техническое общество в лесной промышленности республики (НИТОЛес). В 1958—1959 гг. возникли отраслевые научно–технические общества (НТО) в энергетической, целлюлозно–бумажной и деревообрабатывающей промышленности, на водном транспорте и др. В августе 1961 г. состоялась первая межотраслевая конференция НТО республики, которая избрала областной совет НТО. К этому времени в Карелии насчитывалось 152 первичных организации НТО, а их членами состояли более 5 тыс. человек. Только в 1960—1962 гг. в лесной, целлюлозно–бумажной и деревообрабатывающей отраслях промышленности с участием членов НТО было разработано свыше 120 мероприятий по повышению производительности труда, улучшению качества и снижению себестоимости продукции. Реализация большинства из них позволила получить экономию в сумме свыше 14 млн руб.[27]

Определенные успехи были достигнуты в развитии рационализаторства и изобретательства, хотя оставались нерешенными многие проблемы и, в первую очередь, оперативного внедрения рацпредложений в производство.

Одной из лучших в Карелии являлась первичная организация ВОИР Сегежского ЦБК, где впервые в стране была разработана и внедрена новая технология получения целлюлозы высокого выхода, давшая только за год свыше 8 млн руб. экономии, новая технология производства спирта, обеспечившая увеличение мощности гидролизного завода на 25% без дополнительных капитальных затрат. За внедрение нового режима гидролиза древесины коллективу гидролизного завода в 1962 г. был вручен диплом I степени ВДНХ СССР. Начальнику гидролизного завода И.Н. Эфросу и слесарю бумажной фабрики М.В. Самкину присвоено звание заслуженных рационализаторов РСФСР.

Проблему ускорения научно–технического прогресса пытались решить и с помощью соревнования. Творческий поиск новаторов в разных отраслях народного хозяйства позволял выявить резервы производства, повысить производительность труда. Звания Героя Социалистического Труда были удостоены мастер Петрозаводской слюдяной фабрики Е.С. Антипова, фрезеровщик ОТЗ П.М. Чехонин, мастер Пряжинского леспромхоза П.С. Гаврилов, бригадир Олонецкого леспромхоза Ф.Ф. Кошкин, электропильщик Надвоицкого леспромхоза Э.М. Ярви, старшая трубочница Сегежского ЦБК Е.Ф. Михкалёва, прессовщик Петрозаводского ДСК И.М. Хуттунен, бригадир Чупинского рыбозавода Д.С. Лангуев, старший сеточник Кондопожского ЦБК В.В. Егоров, бригадир Петрозаводского жилстройтреста К.П. Петушкова, машинист депо Кемь И.Ф. Егоров и др.

Однако сохранилось традиционное направление соревнования — за перевыполнение плановых заданий. Если в годы первых пятилеток перевыполнение планов почти во всех случаях давало экономический эффект, то в 1950—1960–е гг. ситуация существенно изменилась. В условиях возросших масштабов производства требовалась сбалансированность во всех звеньях экономики. Соревнование же за

перевыполнение плановых заданий дезорганизовывало функционирование народного хозяйства, вело к диспропорциям в экономике, росту сверхплановых запасов. Трудовые коллективы были слабо заинтересованы во внедрении новой техники, так как сохранялась ориентация производства на валовые показатели. Оставались значительные различия в уровне технической оснащенности отраслей, медленно осваивались и неэффективно использовались производственные мощности. Более 1/3 механизированных поточных и автоматических линий, установленных на предприятиях республики, в начале 1970 г. работали в одну смену. Повышение технической оснащенности предприятий не вызвало адекватных изменений в росте производительности труда, снижении материалоемкости и повышении качества выпускаемой продукции.

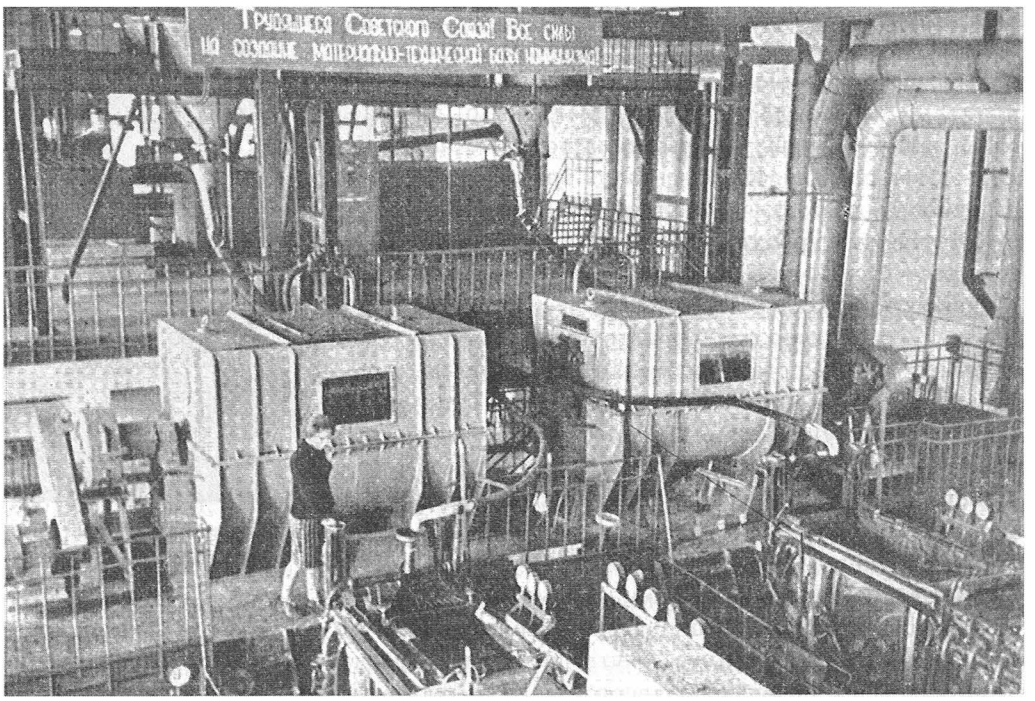
Герой Социалистического Труда Ф. Ф. Кошкин

Все эти общие для союзной экономики недостатки усугублялись нерациональной структурой производства в республике. С утверждением отраслевого принципа управления экономикой все большее распространение получала так называемая "индустриальная модель" развития Севера, ориентированная на крупномасштабную добычу "дешевых" природных ресурсов и не учитывавшая исторических и культурных особенностей развития народов Севера. На Севере, в том числе и в Карелии, с особой остротой проявились последствия экстенсивного индустриального роста: истощение природных богатств, запущенность социальной сферы, нерешенность экологических проблем.

Карелия оставалась сырьевой базой промышленных центров европейской части страны. В середине 1960–х гг. около 75% ее промышленного производства приходилось на долю тяжелой промышленности. Роль КАССР в общесоюзном разделении труда определяли традиционные для республики отрасли лесопромышленного и рыбопромышленного комплексов, предприятия по добыче и обработке местного минерального сырья, машиностроение и металлургия, которые выпускали около 4/5 объема промышленной продукции республики. Доля же местной промышленности в товарообороте в 1970 г. не превышала 0,5%.

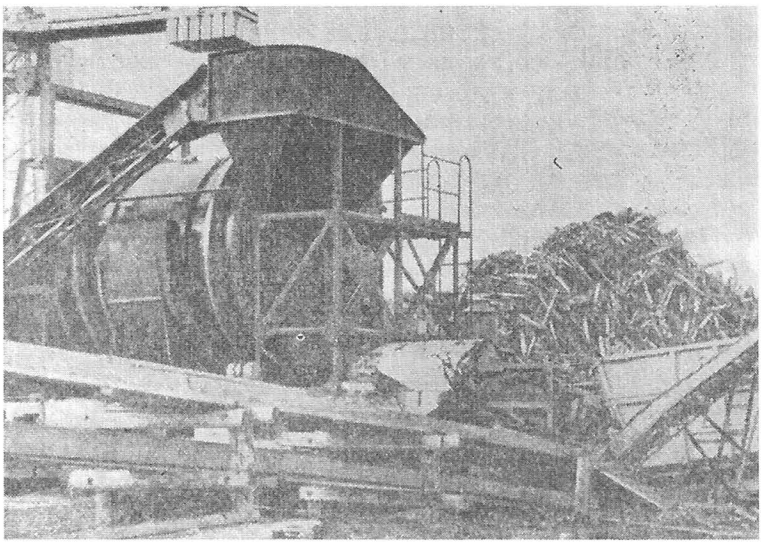
Основные направления изменения межотраслевой структуры промышленности в республике наметились в начале седьмой пятилетки и окончательно сформировались в восьмой пятилетке. Они были конкретизированы в постановлении Совета Министров РСФСР "О мерах по дальнейшему развитию хозяйства Карельской АССР" (январь 1968 г.) и в постановлении Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему развитию промышленности, улучшению жилищных и культурно–бытовых условий рабочих и служащих в Карельской АССР" (февраль 1968 г.). Постановления предусматривали более рациональное использование лесных богатств республики, наращивание мощностей целлюлозно–бумажной и деревообрабатывающей промышленности, создание новых отраслей хозяйства — горно–рудной и приборостроения, укрепление энергетической базы и т. д.[28]

Перспективы развития народного хозяйства республики тесно увязывались с



Цех Петрозаводской слюдяной фабрики, где впервые в стране освоено производство слюдопласта

лучшим использованием недр. В годы восьмой пятилетки развернулись проектно–изыскательные работы на Костомукшском месторождении железных руд, где предполагалось строительство крупного горно–обогатительного комбината. Возросли объемы добычи строительного камня, кварц–полевошпатовых материалов, которые являлись важным сырьем для фарфоровой, стекольной и керамической промышленности РСФСР. В конце 1960–х гг. начались работы по освоению Нигозерского месторождения шунгитовых сланцев для производства шунгизита. Накануне 1971 г. установка по производству шунгизитовых сланцев в Кондопоге дала первый карельский шунгизит. На предприятиях промышленности строительных материалов был освоен выпуск новой продукции — мраморной крошки, технологической извести, щебня, известняковой муки и др. На Петрозаводской слюдяной фабрике в 1964 г. вступил в эксплуатацию первый в стране цех промышленного слюдопласта — ценного электроизоляционного материала. Фабрика освоила выпуск радиодеталей, конденсаторной слюды. В 1967 г. начал давать продукцию первый в Карелии цех по производству каменного литья на Кондопожском пегматитовом заводе, где выпускалась разнообразная продукция из литого камня — плиточные изделия, футеровочный материал, кислотоупорный порошок, трубы и др. В 1968 г. в пос. Чупа была принята в эксплуатацию помольно–обогатительная фабрика — первое в стране предприятие по обогащению пегматита для нужд стекольной и керамической промышленности. Однако ввиду затянувшихся сроков строительства (11 лет) оборудование и технология, предусмотренные проектом, морально устарели, и вплоть до начала 1980–х гг. фабрика не могла достигнуть запланированной мощности.

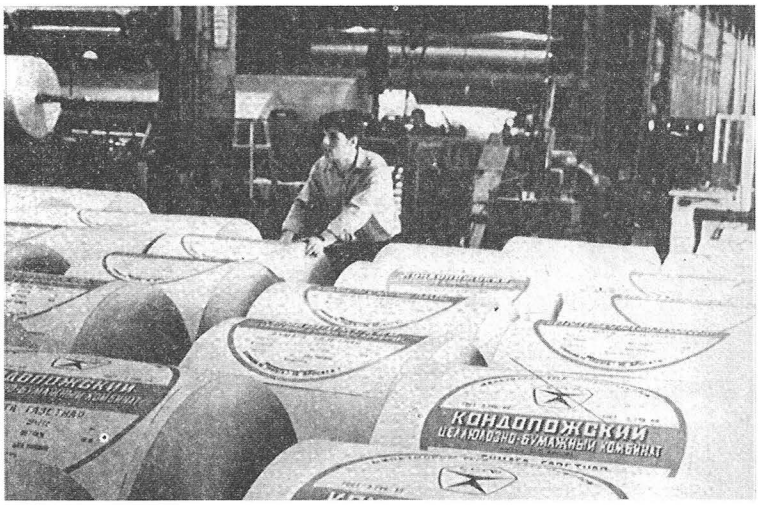


Установка для производства технологической щепы УПЩ-3 в Надвоицком леспромхозе

Почти 1/3 промышленного производства КАССР в начале 1960–х гг. приходилась на долю лесной промышленности. К этому времени отрасль пополнилась новыми, более производительными машинами и механизмами: автомобилями повышенной проходимости, консольными и башенными кранами, автопогрузчиками, окорочными станками и др. На нижних складах ряда леспромхозов были внедрены автоматические и полуавтоматические поточные линии для раскряжевки и разделки хлыстов. Однако из–за слабой технической оснащенности труда на вспомогательных и подготовительных работах техническое перевооружение в лесозаготовительной промышленности носило незавершенный характер.

Определенные шаги предпринимались в области совершенствования технологии и организации лесозаготовительного производства: нашли применение поточный метод на лесозаготовках, механизированные рубки и рубки ухода, крупнопакетная погрузка и выгрузка древесины, трелевка ее с кроной и др. Широкое распространение в Карелии получило движение малых комплексных бригад за выработку 1000 и более кубометров древесины в месяц на каждую бригаду на основе внедрения прогрессивной технологии, бережного использования техники. В 1965 г. бригады–тысячницы вывезли почти 1/3 заготовленной в республике древесины.

Острой проблемой в лесной промышленности оставался низкий уровень лесовосстановительных работ, которые в начале 1960–х гг. проводились лишь примерно на 1/5 части вырубаемой площади и в основном вручную. Осуществленная в 1960 г. реорганизация лесного хозяйства республики путем объединения лесхозов, лесничеств и леспромхозов в единые хозяйства не решила коренных вопросов улучшения ведения лесного хозяйства, в результате во второй половине 1960–х гг. решено было вновь вернуться к прежней системе управления. Хотя объемы лесовосстановительных работ за 1959—1965 гг. увеличились в республике более чем в 4 раза, интенсивная эксплуатация лесов, применение на значительной территории сплошных лесосечных рубок привели к резкому сокращению общих запасов леса: за 1958—1968 гг. они уменьшились на 115 млн кубометров. Среди всех районов Северо–Запада Карелия допустила самый значительный переруб расчетной лесосеки — еже-



Кондопожской газетной бумаге присвоен государственный "Знак качества". 1969 г.

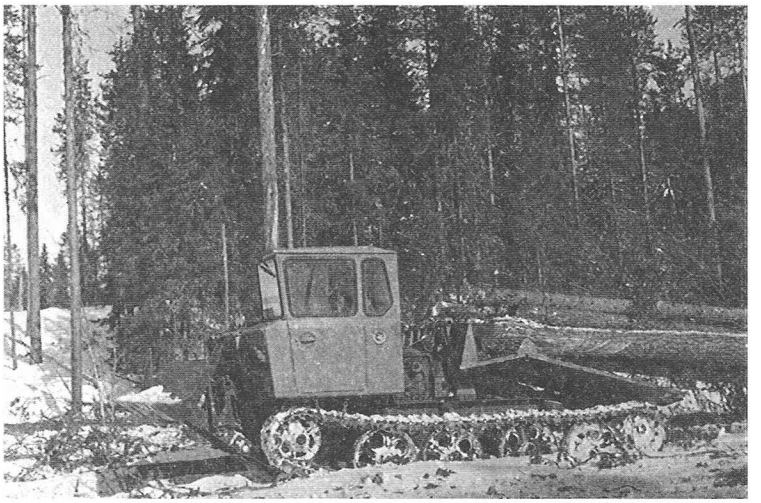
годно на 25—30%. Несмотря на это, вплоть до середины 1960–х гг. продолжалось наращивание объемов лесозаготовок. С 1953 по 1964 г. вывозка древесины в республике увеличилась почти в 2 раза и достигла максимума 19,9 млн кубометров, что составило более 5% объема вывозки древесины в целом по стране. По размеру лесозаготовок на одного жителя — около 28 кубометров — Карелия вышла на первое место в стране[29].

В годы восьмой пятилетки в республике был взят курс на сокращение объема вывозки древесины. Решение этой задачи осложнялось тем, что при некотором уменьшении объединением "Кареллеспром" объемов лесозаготовок в 1969 г. против 1965 г. другие лесозаготовители не только не уменьшили рубку леса, но и постепенно расширяли свою деятельность. В результате общий объем лесозаготовок по республике сократился незначительно, и задания по доведению объема лесозаготовок до уровня расчетной лесосеки (14,3 млн кубометров) не были выполнены[30].

Определенные шаги были предприняты в области интенсификации лесного хозяйства. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР "Об улучшении ведения лесного хозяйства в Карельской АССР" (1966 г.) осуществлялись мероприятия по комплексному использованию низкосортной древесины и лесосечных отходов. К началу 1971 г. в леспромхозах действовало 40 цехов по производству тары и клепки, изделий производственного назначения; в лесхозах было создано 15 цехов по переработке древесины, полученной от рубок ухода и санитарных рубок. На лесозаводах и в леспромхозах проводилась работа по организации производства технологической щепы. Однако в целом в республике использовалось лишь 16% отходов.

Больше внимания стало уделяться проведению лесохозяйственных работ. Получили распространение специализированные ММС, осуществлявшие мелиоративные работы, лесопосадки и строительство лесохозяйственных дорог, значительно расширились площади лесных питомников, рубок ухода, улучшилось лесосеменное хозяйство.

Курс на сокращение объема лесозаготовок и комплексное использование лесных ресурсов в республике вызвал необходимость наращивания объемов производ-

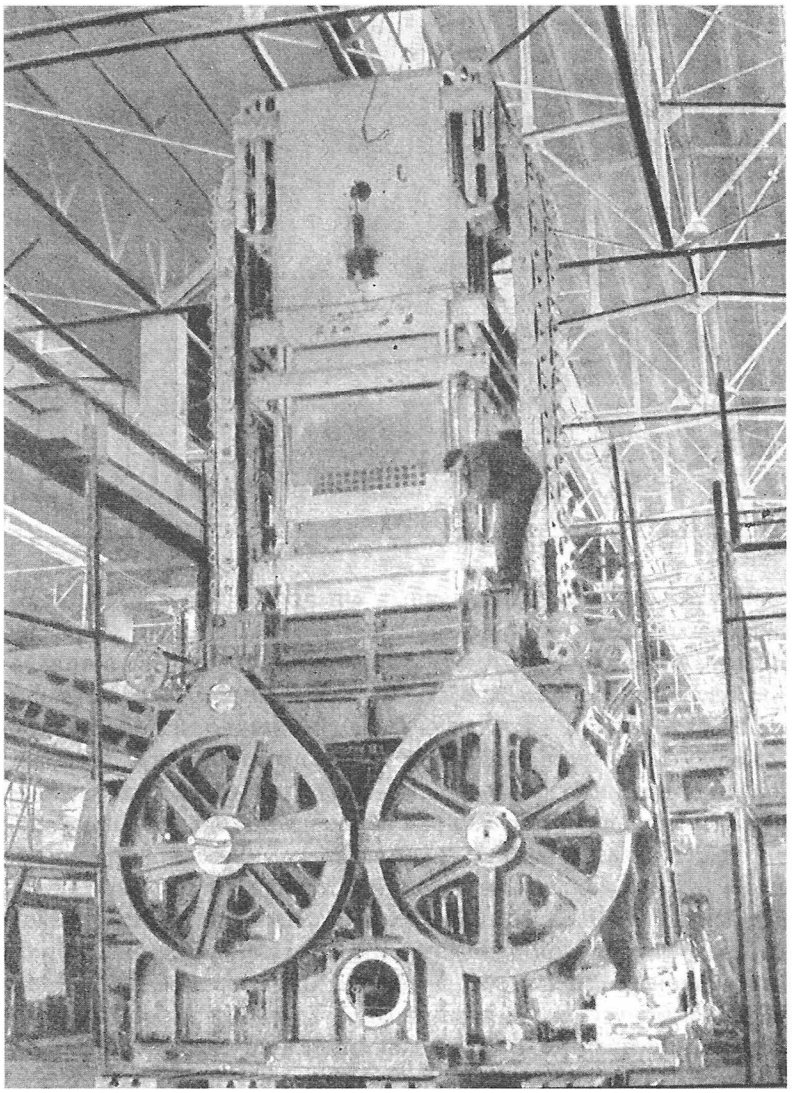


Трактор ТДТ–55 в лесу

ства в других отраслях, в первую очередь связанных с переработкой древесины. В лесопильной и деревообрабатывающей промышленности осуществлялась специализация предприятий, механизация и автоматизация производства, расширился ассортимент изделий. В целлюлозно–бумажной промышленности в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по ликвидации отставания целлюлозно–бумажной промышленности" (7 апреля 1960 г.) расширялись и реконструировались предприятия, проводилась модернизация оборудования. Более 6 тыс. посланцев комсомола Карелии, других областей и республик страны прибыли на Кондопожский и Сегежский целлюлозно–бумажные комбинаты, объявленные всесоюзными ударными комсомольскими стройками. В первой половине 1960–х гг. на Кондопожском ЦБК были введены в действие спиртзавод, целлюлозный завод, дрожжевой и очистной цехи, пущены в эксплуатацию четыре новых бумагоделательных машины, на седьмой буммашине достигнута самая высокая скорость в стране — 700 м в минуту. На Сегежском ЦБК вступили в строй содорегенерационный цех, комплекс по производству 120 тыс. т целлюлозы, новый цех по производству бумажной тары с полуавтоматическими поточными линиями и другие объекты. В результате реконструкции и расширения Кондопожский и Сегежский ЦБК стали одними из крупнейших предприятий отрасли.

Значительная работа по наращиванию производственных мощностей, внедрению прогрессивных технологических процессов была проведена и на других целлюлозно–бумажных предприятиях республики — Суоярвской картонной фабрике, Ляскельском ЦБК, целлюлозном заводе "Питкяранта". К концу 1960–х гг. на предприятиях целлюлозно–бумажной промышленности вырабатывалась почти 1/5 часть промышленной продукции республики. Однако нерешенными оставались вопросы своевременного освоения мощностей, из–за отсутствия комплексной системы очистки промышленных стоков обострились экологические проблемы.

Быстрыми темпами развивались машиностроение и металлургия, которые заняли одно из ведущих мест в структуре промышленного производства КАССР. В 1970 г. на долю этих отраслей приходилось около 14% валовой промышленной продукции. В 1950—1960–е гг. вступили в строй новые предприятия — Надвоицкий



Первый серийный отечественный дефибрер создан на заводе "Тяжбуммаш". 1966 г.

алюминиевый завод, Петрозаводский завод тяжелого бумагоделательного машиностроения, филиал Ленинградского завода "Светлана" (впоследствии — завод "Онего"). Петрозаводский станкостроительный завод (бывший "Металлист"), организованный на базе артели "Кустпромметалл", стал единственным в стране производителем окорочных станков.

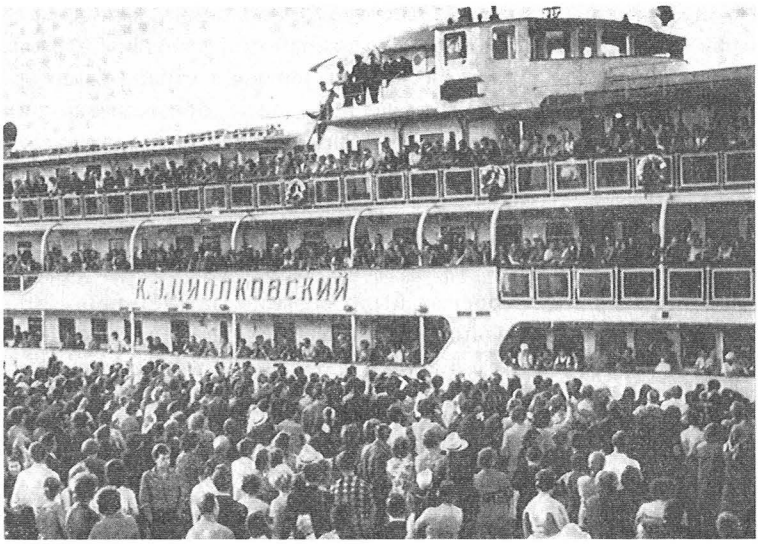
Главным центром машиностроения и металлургии являлся г. Петрозаводск, где выпускалось около 92% продукции этой отрасли. На Онежском тракторном заводе в годы восьмой пятилетки было освоено производство трелевочного трактора ТДТ–55 и на его базе создана система машин, позволяющих комплексно механизировать лесосечные, лесохозяйственные и лесосплавные работы: тракторы ЛХТ–55 и ТБ–1, плавающий трактор ТП–90. За успехи в производстве новой лесозаготовительной техники ОТЗ был награжден орденом Октябрьской Революции.

Коллектив завода "Тяжбуммаш" в содружестве с Ленинградским институтом "ЦНИИбуммаш" и его филиалом в г. Петрозаводске разработал и создал ряд образцов новых машин, оборудования и аппаратов. Здесь впервые в стране было освоено производство дефибреров для получения древесной массы, обезвоживающих машин, агрегатов для выработки многослойного гофрированного картона, дисковых мельниц, коробдирочных барабанов, продольно-резательных станков, суперкаландров и другого оборудования. 1969 г. стал годом первого изготовления на заводе комплектной линии для производства технологической щепы из отходов лесозаготовок. В июле 1970 г. на базе завода "Тяжбуммаш" и научно-исследовательского института целлюлозного машиностроения было создано научно-производственное объединение "Целлюлозмаш" (впоследствии "Петрозаводскмаш") — первое объединение такого типа в нашей республике. Создание производственных и научно-производственных объединений позволило развивать специализацию и кооперирование производства, устранить многоступенчатость в структуре управления.

Возросшие объемы капитального строительства потребовали укрепления строительных организаций республики. В 1959 г. на базе Карельского и Петрозаводского строительно-монтажных управлений создается Петрозаводский промышленно-строительный трест, объединяющий свыше двухсот промышленных, жилищных и сельскохозяйственных строительных объектов. В начале 1960-х гг. приступили к практической деятельности межобластной трест "Главсевзапстрой" и Петрозаводский жилстройтрест. В развитие строительной базы Карелии только в 1963—1965 гг. было вложено более 15 млн руб. На стройках возросло число экскаваторов, башенных кранов, бульдозеров, внедрялись индустриальные методы строительства, применялись панели перекрытий, свайные фундаменты, армоцементные конструкции, совмещенные кровли жилых домов. В целях улучшения организации строительного производства в южной промзоне г. Петрозаводска в конце 1960-х гг. положено начало созданию объединенной производственной базы стройиндустрии "Главсевзапстроя", в которую входил комплекс предприятий строительной индустрии и строительных материалов. Это позволило существенно усилить материально-техническую базу строительства, увеличить выпуск сборных железобетонных и бетонных конструкций, панельных домов, прокатных перегородок и др. Для производства механизированных работ в республике был создан трест "Строймеханизация". Широкое распространение получило крупнопанельное строительство. В Петрозаводске и Кондопоге было освоено строительство домов повышенной этажности. Большую помощь стройкам оказывали студенческие строительные отряды. В 1970 г. на стройках Карелии работало 2,5 тыс. студентов.

Однако не удалось преодолеть отставания в капитальном строительстве, устранить недостатки в его планировании и организации. Распыление ресурсов и оборудования, большое количество одновременно сооружаемых объектов затрудняли типизацию и унификацию в строительстве.

Значительное внимание уделялось совершенствованию транспортных путей. В 1964 г. с вводом в эксплуатацию последнего участка Муезерка—Юшкозеро было завершено строительство Западно-Карельской железной дороги. На Октябрьской железнодорожной магистрали все участки были переведены на тепловозную тягу с реконструкцией локомотивного хозяйства, внедрялись автоматизация процессов управления движением поездов, прогрессивные способы обслуживания локомотивов.



Теплоход "К. Э. Циолковский". Проводы отправляющихся в увлекательное путешествие

Возросло расстояние перевозки грузов автомобильным транспортом. В районах республики вводились в эксплуатацию шоссейные дороги с твердым покрытием, реконструировались действующие магистрали. В 1961 г. на улицах г. Петрозаводска появился новый вид общественного транспорта — троллейбус. Важное значение имело строительство автомагистрали Ленинград—Мурманск, связывающей республику с крупнейшим экономическим центром Северо–Запада СССР.

Речной флот Карелии пополнился новыми современными пассажирскими и крупнотоннажными грузовыми судами, неэкономичный паровой флот был заменен дизельным. В 1961 г. на Онежском озере появились пассажирский теплоход "Ракета" на подводных крыльях, трехпалубный теплоход "К.Э. Циолковский", который совершал туристские рейсы по маршруту Петрозаводск—Кижи—Ленинград, а с 1965 г. — Петрозаводск—Астрахань. В 1963 г. в Петрозаводске открылось речное училище, которое готовило специалистов для Беломорско–Онежского пароходства. Карельские речники первыми в стране начали осваивать смешанное (река—море) плавание и бесперевалочные перевозки грузов за границу. Новые линии перевозок по Белому, Балтийскому, Каспийскому, Азовскому и Черному морям открыл вступивший в эксплуатацию после коренной реконструкции в 1964 г. Волго–Балтийский водный путь имени В.И.Ленина. Он позволил включить водные пути Карелии в единую глубоководную систему европейской части СССР. Освоение новых линий и экспериментальных перевозок обеспечило только в 1959 —1965 гг. рост грузооборота Беломорско–Онежского пароходства почти в 2 раза.

Расширилась сеть воздушных линий. Зимой 1963 г. в республике действовало около 30 воздушных трасс. В 1965 г., когда на авиалиниях Аэрофлота были внедрены многоместные газотурбинные самолеты, Петрозаводск получил прямое воздушное сообщение с Москвой и Ленинградом, а через год — с Архангельском. Вступили в строй аэропорты и посадочные площадки в Пудоже, Калевале, Сортавале, Сегеже, новый аэровокзал в Петрозаводске.

Ввод в действие радиорелейных линий Ленинград—Петрозаводск—Мурманск и Петрозаводск—Сортавала дал возможность населению республики смотреть все

основные передачи центрального и республиканского телевидения. Вступили в строй новый радиоцентр в Петрозаводске, автоматические телефонные станции в Сортавале, Питкяранте и Лоухах, ряд телефонных станций в сельской местности. Увеличилось количество прямых телефонных каналов на Москву и другие города. Полностью была автоматизирована телеграфная связь.

Важным итогом промышленного развития Карелии к концу 1960–х гг. явилось улучшение структуры промышленного производства за счет быстрого развития ведущих отраслей со сложной технологией, имевших общесоюзное значение (целлюлозно–бумажная, тракторостроение, энергетика, судостроение, алюминиевая). В то же время сохранялась традиционная ориентация республики на преимущественное развитие лесопромышленного комплекса и вплоть до середины 1960–х гг. продолжалось наращивание объемов лесозаготовок.

Высокие темпы экономического роста, достигнутые к середине 1950–х гг., в дальнейшем начали снижаться. Если в 1951—1955 гг. среднегодовой темп прироста валовой промышленной продукции в республике составил 16,1%, то в 1956—1960 гг. — 9,3%, в 1961—1965 гг. — 5,9%, а в 1966—1970 гг. — 4,7%[31]. Причем в Карелии темпы роста промышленного производства и производительности труда в 1960–е гг. были заметно ниже, чем по Северо–Западному экономическому району и в целом по РСФСР. В значительной степени на снижение темпов роста производства повлияло сокращение объемов лесозаготовок, большая текучесть рабочих кадров, ограниченность топливно–энергетических ресурсов. Не были использованы и имевшиеся внутренние резервы: медленно осваивались производственные мощности, внедрялись технические новшества, рациональная организация труда и т. д. Поиски более эффективных форм управления народным хозяйством не дали заметных результатов.

Сельское хозяйство: противоречия и трудности развития

Сложные задачи стояли перед сельским хозяйством Карелии, находившимся после окончания войны в удручающем состоянии. Правительство оказало большую помощь колхозам и совхозам республики. Только в начале послевоенной пятилетки колхозам было выделено около 4 тыс. лошадей, 5 тыс. голов крупного рогатого скота, более 2 тыс. т семенной ссуды и долгосрочная денежная ссуда в сумме 10 млн руб. В сельское хозяйство направлялись тракторы, машины, сельскохозяйственный инвентарь. Реэвакуированному населению республики в 1945 — начале 1947 гг. было выплачено единовременных пособий на общую сумму 50 млн руб.[32]

Несмотря на огромный ущерб, причиненный сельскому хозяйству республики, Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства КФССР на 1946—1950 гг. были поставлены напряженные задачи: восстановить довоенные размеры посевных площадей и поголовье скота, повысить урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота и на этой основе не только достичь довоенного объема производства сельскохозяйственной продукции, но и превысить его на 70% и т. д. Между тем объем централизованных капитальных работ по сельскому хозяйству по линии республиканских министерств земледелия и животноводства определялся лишь в сумме 17 млн руб., в то время как по промышленности (республиканской и местной) — в объеме 242 млн руб. Таким образом, государственная политика в отношении крестьянства после Великой Отечествен-

Пахота на Олонецкой равнине

ной войны не претерпела существенных изменений по сравнению с эпохой социалистической реконструкции, и деревня по–прежнему рассматривалась в основном как источник материальных и трудовых ресурсов для сверхиндустриализации.

Повсеместно началось восстановление колхозов и совхозов. В освобожденных от оккупации районах их создавали заново. Уже в начале 1946 г. в республике действовало 867 колхозов из 1142 существовавших до войны (или 76%), были восстановлены 24 из 32 МТС, создано 18 совхозов против 14, имевшихся до войны. Большинство колхозов республики восстанавливались при наличии 5—7 хозяйств, рассчитывая в последующем пополниться за счет возвращавшегося из эвакуации населения, чего в действительности не произошло. Между тем за восстановленными колхозами закреплялись все числившиеся за ними до войны земельные угодья и устанавливались соответственные планы, с которыми хозяйства справиться не могли.

Кадровая проблема оказалась одной из самых острых в сельском хозяйстве республики в послевоенные годы. К 1945 г., по сравнению с 1940 г., численность трудоспособного населения в колхозах сократилась с 60 до 28,4 тыс. человек, при этом численность женщин на селе превышала численность мужчин в 5 раз. Для обеспечения сельского хозяйства рабочими кадрами проводилась работа по переселению в

республику жителей других областей страны. Однако, как и в промышленности, она не дала ожидаемых результатов. В силу экономической слабости карельских колхозов, бытовой неустроенности, ограниченных возможностей для ведения приусадебного хозяйства многие переселенцы выезжали на прежнее место жительства или переходили на работу в лесную промышленность. В 1949—1953 гг. в колхозах закрепилось только 3,5 тыс. человек в трудоспособном возрасте, то есть немногим более 1/3 переселившихся. Между тем в 1950—1953 гг. на эти цели было израсходовано около 10 млн руб.[33]

Требовала своего решения и проблема обеспечения хозяйств квалифицированными рабочими и специалистами. К началу 1950–х гг. в сельском хозяйстве работало свыше 1 тыс. специалистов, в том числе 300 человек с высшим образованием, однако 36% специалистов не имели высшего и среднего специального образования и являлись практиками[34].

Трудоемким делом оказалось восстановление материально–технической базы сельского хозяйства. Несмотря на усилившийся приток техники, (за 1946—1950 гг. республика получила 343 новых трактора, 300 грузовых автомашин, 20 комбайнов и другие машины), подавляющее большинство работ производилось ручным способом. Осуществление механизации производственных процессов усложнялось каменистостью и разбросанностью земельных участков, густой сетью открытых мелиоративных канав, отсутствием необходимой, приспособленной к работе в условиях севера, техники. Вместо навесных плугов в республику поступали тяжелые прицепные орудия и крупногабаритные агрегаты, которые практически невозможно было применять. Не хватало простейших механизмов для обработки почвы, тракторов. В Кестеньгском районе, например, в 1950 г. на один колхоз приходилось 1,5 сельскохозяйственные машины. Лишь 4% колхозов республики использовали электроэнергию в сельскохозяйственном производстве. Одной из важнейших особенностей восстановительного периода в карельской деревне явилось сохранение многоотраслевой структуры сельскохозяйственного производства как в масштабах республики, так и внутри одного хозяйства. Кроме зерновых и картофеля, колхозы выращивали капусту, морковь, лук, занимались разведением крупного рогатого скота, свиней, овец, лошадей и т. д.

В республике развернулась работа по восстановлению и переустройству запущенных во время войны угодий, введению в оборот новых земель. Однако, хотя за 1945—1950 гг. посевная площадь в республике выросла на 13,2 тыс. га, она составляла к довоенному уровню лишь 2/3. Увеличение посевных площадей происходило в основном за счет совхозов, половина которых (9 из 18) находилась в трех пограничных районах — Куркиёкском, Сортавальском и Суоярвском. Восстановление земледелия происходило неравномерно и по районам республики. В 1950 г. в Калевальском районе посевные площади были меньше, чем в 1940 г., в 1,8 раза, в Лоухском районе — в 2,6 раза, в Ругозерском — в 2,1 раза[35].

В послевоенные годы произошли некоторые изменения в структуре посевных площадей колхозов, где вплоть до 1955 г. посевы зерновых культур превышали посевы кормовых. Несмотря на неблагоприятные климатические условия для ведения сельского хозяйства, в республике не проводилась работа по разведению морозоустойчивых сортов культур. В 1950 г. сортовые посевы зерновых в республике составили 61%, а картофеля — лишь 14% к общей площади посева этих культур. К этому добавлялось повсеместное нарушение агротехники, недооценка внесения удобрений и известкования почв, запущенность семеноводства. В результате низкой

оставалась урожайность основных сельскохозяйственных культур. К 1953 г. по сравнению с 1940 г. урожайность зерновых во всех категориях хозяйств понизилась на 3,7 ц/га, картофеля — на 16 ц/га. Несколько лучше обстояло дело в области овощеводства, где урожайность выросла на 36 ц/га, а также выращивания многолетних трав и кормовых корнеплодов[36].

В послевоенные годы возобновились попытки развернуть в республике садоводческую работу. За 1945—1952 гг. количество плодовых деревьев в Карелии увеличилось почти в два раза, расширились площади под кустами смородины и крыжовника, ягодниками малины и земляники. Однако в целом только индивидуальные хозяйства занимались плодово–ягодными насаждениями, преимущественно в Куркиёкском, Питкярантском, Сортавальском районах и г. Петрозаводске, и их количество не доходило до 4 тыс.[37]

Первостепенное внимание в послевоенные годы уделялось восстановлению и развитию животноводства. С первых дней после окончания войны в республику стал завозиться трофейный племенной скот, а также скот, эвакуированный в годы войны в Архангельскую, Вологодскую и Ленинградскую области. Однако из–за отсутствия необходимых помещений для содержания скота, недостатка рабочих рук и нехватки кормов осенью 1946 г. в колхозах Петровского района пало 44% трофейного племенного крупного рогатого скота и 52% лошадей, в колхозах Кондопожского района — 36% крупного рогатого скота и 40% лошадей, в Пряжинском районе — 49% лошадей. В ряде колхозов было полностью ликвидировано поголовье свиней[38].

Восстановление колхозных товарных ферм попытались осуществить также за счет скота, находившегося в личном пользовании колхозников. Постановлением Совета Министров КФССР от 19 сентября 1945 г. предписывалось сохранить в личном пользовании колхозников по одной корове с приплодом 1944 года, а остальной крупный рогатый скот обобществить для восстановления поголовья скота в колхозах.

В этой акции явственно просматривались отголоски принудительной коллективизации 1930–х гг. Однако поскольку к началу 1946 г. в республике 54,8% колхозных дворов не имели коров, одну корову имели 44,8%, а 2 коровы — только 0,4% дворов[39], то возможности для использования испытанных методов 1920—1930–х гг. оказались весьма ограниченными. Результатом этого явилась переориентация местных властей на всемерное содействие развитию индивидуального животноводства и птицеводства среди рабочих, служащих, колхозников. В городах и рабочих поселках создавались животноводческие товарищества рабочих и служащих, которым оказывалось содействие в приобретении скота, заготовке кормов. Для покупки скота колхозникам предоставлялся кредит сельскохозяйственного банка в сумме до 600 руб. на хозяйство сроком на 3 года. Колхозы получили право покупать скот для бескоровных членов артелей сверх плана покупки скота для животноводческих ферм (в этом случае колхозники должны были вернуть долг колхозам в течение 2—3 лет), а также выдавать на трудодни колхозникам или продавать им из сверхпланового поголовья скота часть молодняка.

Принятые меры позволили к 1950 г. значительно увеличить число дворов, имевших одну корову (до 57%). Число колхозных дворов, не имевших никакого скота, сократилось в 1949 г., по сравнению с 1945 г., с 39 до 18%. Поголовье крупного рогатого скота в колхозах и совхозах, по официальным данным, в 1950 г. превысило довоенный уровень, а поголовье овец увеличилось в 1,7 раза[40].

В послевоенные годы возникли новые, нетрадиционные для Карелии направления производства с высоким уровнем специализации — птицеводство, звероводство и производство овощей в закрытом грунте. Звероводство пришлось создавать практически заново, так как все звероводческие фермы в годы войны были уничтожены. Организованные в 1946—1947 гг. три звероводческих совхоза специализировались на разведении кроликов. С 1949 г. звероводство специализировалось на разведении песцов и норок.

Таким образом, в восстановлении животноводства наметились определенные результаты, однако не успели они закрепиться, как руководством страны была выдвинута сверхпрограмма, рассчитанная на 3 года (1949—1951) и призванная резко поднять поголовье скота и производство мясо-молочных продуктов. Нереальная программа в целом по стране была провалена. Колхозы республики, несмотря на большую помощь правительства СССР, тоже не выполнили ее ни по одному показателю. В 1951 г. удой молока на фуражную корову составил 828 л против 2 тыс. по плану, причем по сравнению с 1949 г. он даже снизился. Правда, за 1949—1951 гг. поголовье крупного рогатого скота в колхозах увеличилось в 1,6 раза, овец — в 2,1 раза, свиней — в 2,4 раза, птицы — в 4,5 раз, но производство кормов осталось на уровне 1948 г. В результате в 1952 г. в условиях бескормицы и недостатка приспособленных помещений начался падеж и массовый забой скота: только в колхозах было потеряно 14,4% крупного рогатого скота, 14% свиней, 28,4% овец[41]. Колхозы республики понесли большие убытки, так как вынуждены были сдавать государству последний скот.

Неразумное планирование и сверхцентрализация управления сельскохозяйственным производством вплоть до определения посевных площадей тех или иных культур и количества скота в хозяйствах, наносили удар по экономике колхозов, и без того влачивших жалкое существование. Экономическое развитие колхозов было поставлено в жесткие рамки натурального продуктообмена, носившего налоговый характер. У колхозов изымалась подавляющая доля продукции через различные каналы: обязательные заготовки, натуральные платежи МТС, сельскохозяйственный налог и др.

Задавленные непосильными налогами колхозы искали выход из положения, самочинно перечисляя часть закрепленных за ними земель в угодья, с которых не начислялись обязательные поставки, предоставляли отдельным колхозникам льготы, освобождая их от обязательных поставок продукции. Подобные нарушения действующих законов жестко пресекались властью. В 1947 г. в МТС были восстановлены политотделы, одной из функций которых был контроль за сдачей колхозниками продукции государству. Колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам запрещалась продажа и обмен зерна, муки, крупы, печеного хлеба до выполнения ими плана сдачи продукции государству в полном объеме. В случае невыполнения директив партии и правительства председателям колхозов грозило снятие с должности и перспектива оказаться на скамье подсудимых. Только в 1946 г. и за 7 месяцев 1947 г. народными судами было осуждено 56 председателей колхозов.

Используя бесправное положение колхозов, Министерство сельского хозяйства, Министерство финансов республики, МТС, конторы государственных и сельскохозяйственных банков, заготовительные организации встали на путь массового предъявления исков к колхозам через суд для взыскания с них просроченных налогов и прочих платежей. В 1951 г. в Олонецком, Пудожском, Куркиёкском, Заонеж-

ском и других районах все без исключения колхозы, а отдельные из них по 10 и более раз, были подвергнуты судебным санкциям по искам различных организаций. В то же время органы прокуратуры и суда допускали медлительность при рассмотрении дел, связанных с возмещением убытков, причиненных колхозам различными организациями, задолженность которых росла из года в год.

На протяжении всех послевоенных лет государство продолжало через ценовую политику осуществлять неэквивалентный товарообмен между городом и деревней. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию не менялись с 1928 г., тогда как на промышленную продукцию выросли за это время в 20 раз. В результате полученные колхозниками средства покрывали лишь незначительную часть издержек производства, а доходы крестьян от общественного хозяйства вплоть до середины 1950–х гг. были ниже прожиточного минимума. В конце 1940–х — начале 1950–х гг. выдача на трудодень по колхозам республики составляла в денежном выражении от 35 до 85 коп., зерном — от 0,5 до 1,2 кг. Другие продукты, как правило, не выдавались.

Выручало крестьян приусадебное хозяйство, которое позволяло кое-как сводить концы с концами. Но вскоре и его стали ограничивать. В целом средние размеры приусадебных участков в КФССР оставались около нижнего уровня, установленного Примерным уставом сельхозартели. В 1951 г. они составляли 0,18 га, в то время как в соседних с республикой Архангельской и Вологодской областях — 0,28 га. Тем не менее в 1950 г. на приусадебные хозяйства приходилось 70% производства картофеля, 36% овощей, 54% мяса и сала всех видов в убойном весе, 66% молока[42].

Налоги и поборы с приусадебных хозяйств колхозников в начале 1950–х гг. равнялись примерно 1/5 части всех денежных расходов крестьянского двора. Продукция же крестьянских приусадебных хозяйств сдавалась государству по чисто символическим ценам. В 1950 г. молоко сдавалось по цене 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп., мясо — по цене 14 коп. за килограмм при государственной цене 11 руб. 40 коп.[43]

Государственная политика в области сельского хозяйства вызывала сопротивление крестьян, которое выражалось в уклонении от работ, бегстве в город и т. д. Отсутствие материальной заинтересованности крестьян в развитии производства пытались подменить административным нажимом. В послевоенные годы происходило ужесточение личной ответственности крестьян за нежелание трудиться в колхозах. Постановлением правительства СССР от 31 мая 1947 г. был подтвержден принудительный характер труда в колхозах, введенный в 1930–е гг. Не выработавшие обязательного минимума трудодней колхозники привлекались к судебной ответственности. Такой порядок сохранялся вплоть до 1954 г. Дискриминация колхозников проявлялась также в существовании жесткого паспортного режима, в прикреплении крестьян к земле и лишении права на государственное пенсионное обеспечение, на оплату по временной нетрудоспособности и т. д.

Тяжелым бременем на карельские колхозы ложилась обязанность поставлять рабочую силу на лесозаготовки в порядке трудовой повинности. План по заготовке леса на одного колхозника в КФССР в лесозаготовительный сезон 1947/48 г. превышал в 3—4 раза нагрузку на одного колхозника в соседних с Карелией областях (Вологодской, Кировской, Ленинградской). Постановлением Совета Министров СССР от 1 марта 1948 г. райисполкомам, сельсоветам и правлениям колхозов запрещалось препятствовать переходу колхозников на постоянную работу в лесозаготовительные организации. Это постановление по существу закрепило факт превра-

щения колхозников в источник рабочих кадров для лесной промышленности. Только с 1947 по 1952 г. на работу в лесную промышленность перешло более 10 тыс. трудоспособных колхозников. В ряде колхозов потери кадров составили 50—60%[44]. В результате численность трудоспособного населения в колхозах к концу послевоенной пятилетки была меньше, чем до войны. В целом же за 15 послевоенных лет численность сельского населения республики сократилась более чем на 60 тыс., или на 24%. Следствием такого положения явилось привлечение во все возрастающих размерах рабочих, служащих, учащихся для оказания помощи сельскому хозяйству. В начале 1950-х гг. ежегодно в сельском хозяйстве работало не менее 10—12 тыс. человек по 3—4 месяца[45].

Попытки государства укрепить слабые колхозы путем предоставления им определенных льгот не дали желаемых результатов. С колхозов республики регулярно списывались недоимки по подоходному налогу, по сдаче государству сельхозпродуктов, денежная задолженность за работу МТС, колхозам предоставлялись льготные условия по обязательным поставкам и т. д. Только с 1948 по 1953 г. с колхозов КФССР была списана задолженность в сумме почти 20 млн руб. Не увенчались успехом и попытки привлечь к оказанию помощи сельскому хозяйству промышленные предприятия, так как в большинстве случаев шефская помощь распылялась на выполнение мелких нужд колхозов и МТС.

В начале 1950-х гг. в сельском хозяйстве республики были предприняты две крупные кампании, которые проводились одновременно и преследовали цель улучшить положение в аграрном секторе экономики. Первая из них касалась пограничных районов КФССР, присоединенных к республике по мирному договору с Финляндией в 1940 г. Здесь находилось более половины всей пахотной площади Карелии. В послевоенные годы в Куркиёкском, Сортавальском, Питкярантском и Суоярвском районах путем переселения из других регионов страны было создано 66 колхозов, хозяйство которых базировалось на существовавших здесь ранее хуторах. Перед местными органами власти стояла задача — в течение 2—3 лет завершить работу по переселению хуторов в новые хозяйственные центры. Однако ввиду экономической слабости колхозов и неспособности самих переселенцев оплатить 50% расходов по переносу домов и построек на новое место жительства идея сселения хуторов потерпела полный крах. К началу 1952 г. на новые места было перевезено и построено только 133 дома, из них заселено 30, вместо 770 домов по плану. Помимо необоснованных денежных затрат государства кампания привела к потере части трудового потенциала этих районов.

Противоречивое влияние на развитие сельского хозяйства оказало осуществление в 1950-е гг. курса на укрупнение хозяйств и ликвидацию мелких колхозов. Теоретическим его обоснованием служило представление о преимуществах крупного производства перед мелким. В то же время была сделана попытка решить не только производственные, но и социальные проблемы деревни, которые казались легче выполнимыми в крупных поселках. Укрупнение мелких хозяйств в республике осуществлялось высокими темпами, сходными с темпами коллективизации конца 1920-х—1930-х гг. Только за 2,5 месяца (июль—сентябрь) 1950 г. из 350 мелких хозяйств было создано 125 укрупненных. В отдельных районах после укрупнения число колхозов сократилось почти наполовину (Шелтозерский, Пряжинский, Пудожский). В целом с 1950 г. по 1953 г. число колхозов в республике сократилось в 2,4 раза (с 902 до 373)[46]. Укрупнение хозяйств продолжалось и в последующие годы, хотя и меньшими темпами.

В некоторых колхозах после укрупнения возросли денежные доходы (в колхозе "Пламя" Олонецкого района, например, они увеличились на 36%), был сокращен административно–управленческий персонал, несколько расширились возможности использования техники. Однако в целом достичь ожидаемых результатов не удалось. В результате укрупнения не произошло концентрации производства, единой организации земельной территории, скот размещался мелкими группами в нескольких населенных пунктах, не хватало кадров специалистов. Как показала последующая практика, при проведении этой акции не всегда учитывались особенности мелкоконтурного земледелия, разбросанность населенных пунктов, из–за чего многие укрупненные хозяйства оказались трудноуправляемыми, и их вскоре пришлось вновь разукрупнить. К тому же эксперименты начала 1950–х гг. привели к ущемлению социальных интересов жителей небольших селений, а в последующем — к запустению деревень.

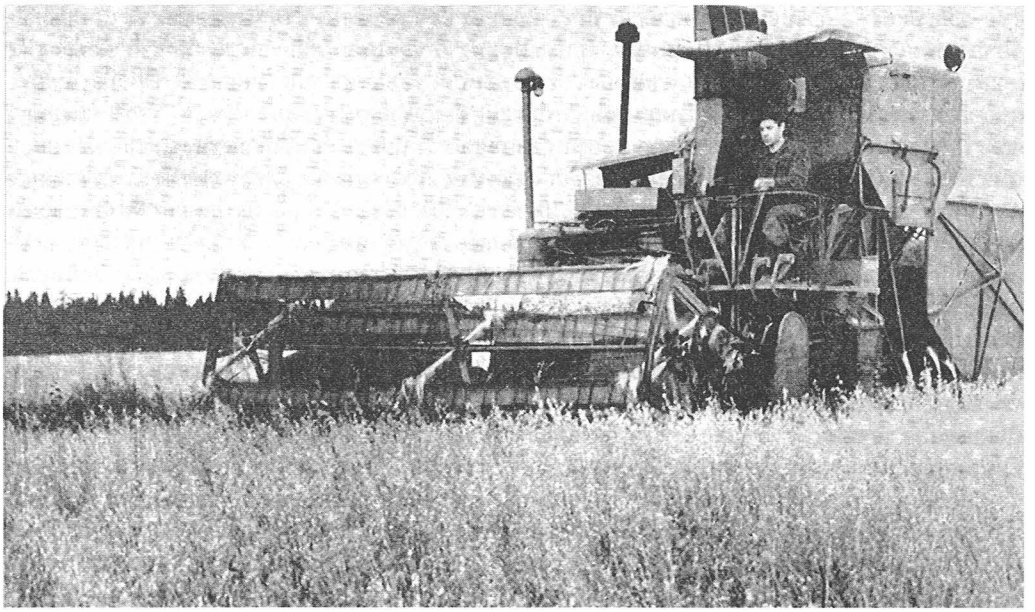
К середине 1950–х гг. и без того сложное положение в сельском хозяйстве республики резко ухудшилось, что, в первую очередь, было связано с ростом налогов, ограничениями в отношении приусадебного хозяйства колхозников, рабочих и служащих. Понизились все основные показатели развития сельскохозяйственного производства. Денежная задолженность колхозов республики государству к середине 1954 г. в два раза превышала их годовой доход и составила более 40 млн руб. Отдельные сельхозартели настолько сократили свое хозяйство, что по существу только носили название колхоза. Так, колхоз "Красная гора" Кондопожского района насчитывал всего 13 дворов, 8 трудоспособных колхозников, 15 голов крупного рогатого скота. В 1953 г. колхоз получил денежный доход в сумме 4 тыс. руб., а задолженность его государству составила 50,6 тыс. руб.[47] Немногим лучше обстояло дело в совхозах, хотя их производственные показатели были выше, чем в колхозах.

В целом удельный вес республики в общесоюзном производстве был ничтожным: в 1954 г. он составил 0,1%. В Карелию во все возрастающих размерах ввозилась сельскохозяйственная продукция из других регионов страны. Резкое падение темпов развития сельского хозяйства к середине 1950–х гг. было характерно и в целом для страны. С начала 1953 г. предпринимались поиски выхода из тяжелой ситуации. Правда, они велись в русле частичных реорганизаций и небольших уступок крестьянству (предоставление колхозникам права беспрепятственной продажи излишков картофеля и овощей после выполнения месячных планов сдачи продукции государству независимо от выполнения плана в целом по району, запрещение выдачи колхозам дополнительных обязательств по сдаче зерна и т. д.).

Поиски новых методов управления сельским хозяйством

Попытку сделать более решительные шаги в этом направлении предприняли сентябрьский (1953 г.) и мартовский (1965 г.) пленумы ЦК КПСС. В аграрную политику были внесены качественно новые элементы: взят курс на повышение уровня эквивалентности обмена между городом и деревней, усиление материальной заинтересованности тружеников села в развитии общественного производства.

Прежде всего была осуществлена коренная реформа сельскохозяйственного налога, который раньше исчислялся от общей суммы доходов с крестьянского хозяйства по отдельным видам продукции, независимо от размеров хозяйства, в резуль-



Северный комбайн на полях Карелии

тате чего наиболее продуктивные хозяйства оказывались в самом невыгодном положении. Новый принцип налогообложения предусматривал твердые денежные ставки, определяемые в соответствии с размером приусадебного участка. Сумма налога с сельского населения уменьшилась более чем в два раза, а все долги по прежним выплатам были списаны.

Снизились нормы обязательных поставок сельхозпродукции колхозами и колхозниками, были повышены заготовительные и закупочные цены, что дало возможность получения прибыли колхозами и совхозами. Позднее, в 1958 г., обязательные поставки сельхозпродукции были полностью отменены и заменены государственными закупками по повышенным ценам, а во второй половине 1960–х гг. для каждого совхоза стали устанавливаться твердые планы закупок сельхозпродукции.

Важные изменения коснулись принципа оплаты труда в колхозах. В марте 1956 г. было введено ежемесячное авансирование колхозников и форма денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда. С одной стороны, эта мера существенно улучшила материальное положение членов сельхозартелей, с другой, введение гарантированной оплаты труда колхозников способствовало все большему превращению их в наемных рабочих.

После сентябрьского пленума ЦК 1953 г. были расширены права колхозов в организации своей внутренней жизни. Колхозы могли сами определять размеры посевных площадей по культурам и поголовья скота по видам, размеры приусадебных участков, количество скота в личной собственности, устанавливать минимум трудодней, распределять доходы, принимать в артель и исключать из нее. Однако в правовом положении колхозников не произошло существенных изменений: вплоть до 1965 г. они не имели государственных пенсий и до 1974 г. — паспортов.

В 1950—1960–е гг. государство увеличило финансовые ассигнования на разви-

тие сельского хозяйства, предоставило колхозам кредиты. Повысилась техническая оснащенность хозяйств. Широкое применение получили навесные плуги, навесные тракторные культиваторы, удобные для использования в условиях севера, самоходные комбайны, машины для приготовления кормов, стогометатели и др. Использование новых видов оборудования позволило в более широких масштабах механизировать сельскохозяйственные работы и в основном завершить техническую реконструкцию отрасли. К началу 1970–х гг. все совхозы республики были электрифицированы. В животноводстве внедрялась комплексная механизация трудоемких процессов. Были комплексно механизированы фермы в совхозах им. Зайцева, "Ведлозерский", "Куркиёки", "Мегрегский", "Эссойльский", "Олонецкий". На Петрозаводской птицефабрике вступил в строй птичник на 18 тыс. голов с полной механизацией трудоемких процессов. К концу 1960–х гг. уровень механизации подачи воды на фермах крупного рогатого скота достиг 94%, 98% коров переведено на машинное доение, в то же время комплексно механизированы были лишь 5% ферм крупного рогатого скота.

Укрепились связи сельского хозяйства с научными учреждениями республики. Широкое применение на практике нашли способы механизированной подготовки биологически активных торфяных удобрений, предложения по селекции сельскохозяйственных растений и внедрению новых высокопродуктивных сортов многолетних трав и др., разработанные сотрудниками Института биологии Карельского филиала АН СССР.

Много внимания уделялось решению проблемы кадрового обеспечения отрасли. После сентябрьского (1953 г.) пленума партии на работу в МТС и колхозы было направлено 574 специалиста, по путевкам комсомола прибыло 2543 человека. В 229 колхозах из 442 были заменены председатели, а в 12 совхозах — директора[48]. В 1955 г. в стране была предпринята крупномасштабная акция, согласно которой в село направлялось не менее 30 тыс. человек из числа партийных, советских и хозяйственных кадров, инженеров, рабочих и служащих. По своим масштабам и методам осуществления эта кампания напоминала призыв "двадцатипятитысячников" в сельское хозяйство в начале 1930–х гг. ЦК Компартии республики направил на должности председателей колхозов 48 человек. В большинстве своем они не знали глубоко специфики сельскохозяйственного производства, деревенского образа жизни и хотя некоторые из них немало сделали для укрепления колхозов в целом этот опыт оказался неудачным.

Улучшилась система повышения квалификации специалистов и руководителей среднего звена всех профилей. Они стали проходить переподготовку через каждые 5 лет. С 1966 г. начала работу Карельская школа повышения квалификации сельскохозяйственных кадров при Сортавальском совхозе–техникуме. За счет выпускников Петрозаводского государственного университета укрепился состав главных агрономов и зоотехников совхозов. В 1970 г. на предприятиях и в организациях сельского хозяйства работал 1891 специалист с высшим и средним специальным образованием — почти в два раза больше, чем в 1959 г.[49] Серьезной проблемой оставалась высокая текучесть кадров специалистов.

Подготовка кадров массовых профессий по 8 специальностям осуществлялась тремя сельскими ПТУ. Только за 1966—1970 гг. они выпустили 3 тыс. рабочих. Несколько возросло в совхозах число трактористов–машинистов I и II классов, которые составили в 1969 г. 40% их численности. Эта цифра была значительно выше, чем в других областях и автономных республиках европейского Севера[50].

Экономические и организационные меры, предпринятые в 1950—1960–е гг. в области сельского хозяйства, дали определенный импульс его развитию. В 1953—1958 гг. валовая продукция сельского хозяйства возросла более чем в три раза, причем прирост производства был достигнут, главным образом, за счет повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота. Хороших результатов добились передовые хозяйства республики — совхоз "Салми" Питкярантского района, колхоз им.Тельмана Сортавальского района и др. Улучшилось положение колхозов, увеличились их неделимые фонды, основные средства производства и денежные доходы. Оплата деньгами трудодня колхозников выросла с 86 коп. в 1953 г. до 4 руб. в 1957 г.[51]

Вместе с тем темпы роста сельского хозяйства, при довольно низких исходных данных, не отличались устойчивостью. В проведении курса сентябрьского пленума не было последовательности и стабильности. Так и не был осуществлен новый порядок планирования. Вскоре верх стали брать непродуманные решения, прожектерские проекты, рассчитанные на невиданный подъем сельского хозяйства и благосостояния народа в кратчайшие сроки, как то: освоение целины, кукурузная кампания, ликвидация МТС и сиюминутная продажа их техники колхозам, реорганизация районного и вышестоящих звеньев управления и др.

В марте 1955 г. с разрешения ЦК КПСС и Совета Министров СССР в республике в виде опыта было осуществлено присоединение земель слабых колхозов к существующим совхозам и организация подсобных хозяйств промышленных предприятий. На базе 12 МТС и 77 колхозов было образовано 13 совхозов и 3 звероводческих фермы, 40 колхозов влились в уже существующие совхозы. На землях 55 колхозов организованы подсобные хозяйства леспромхозов. Эксперимент дал некоторые положительные результаты: повысилась урожайность сельскохозяйственных культур, выросло количество скота в хозяйствах и его продуктивность.

В то же время положение колхозов оставалось тяжелым. Полученные ими от государства семенные, продовольственные и фуражные ссуды в 2—3 раза превосходили сдачу ими зерна государству. В большинстве колхозов основные средства производства и продуктивный скот были почти наполовину приобретены за счет государственных средств. Многие колхозы насчитывали всего до 20—30 трудоспособных колхозников. Экономическая слабость колхозов, а также такие факторы, как неудобство обработки мелкоконтурных полей современной техникой, удаленность мелких деревень от новосозданных центров укрупненных колхозов послужили основанием для начала массовой кампании по преобразованию колхозов в совхозы.

1 марта 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах помощи по организационно–хозяйственному укреплению колхозов и совхозов Карело–Финской ССР", в соответствии с которым хозяйства колхозников освобождались от обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству в 1956—1960 гг. и с них была списана вся задолженность, числившаяся за ними на 1 января 1956 г. Для совхозов Карелии устанавливались временные надбавки к розничным ценам на молоко, мясо крупного рогатого скота и свинину в размере 35%, они освобождались от направления плановой прибыли на капитальные вложения и могли зачислять ее в фонд укрепления хозяйства. Было признано целесообразным на базе экономически слабых колхозов организовать совхозы. С учетом опыта реорганизации сельского хозяйства, накопленного в 1955 г., было решено еще 150 колхозов включить в состав совхозов и подсобных хозяйств предприятий, а 20 перевести на Устав рыболовецких колхозов[52].

Свертывание колхозного сектора, начавшееся по всей стране в середине 1950–х гг., базировалось на упрощенных схемах и представлениях о переходе советского общества к коммунистическим общественным отношениям и о государственной форме собственности как высшей по отношению к кооперативной. Процесс сближения форм собственности, и прежде всего по уровню обобществления, считался важнейшим залогом стирания существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, рабочим классом и колхозным крестьянством.

Реорганизация колхозов проходила ускоренными темпами: в 1955 г. в республике насчитывалось 360 сельскохозяйственных артелей, в 1956 г. — 262, в 1957 г. — 84, в 1958 г. — 65[53]. К 1961 г. в Карелии осталось всего 13 колхозов, специализирующихся на рыбодобыче. Процесс огосударствления затронул и рыболовецкие колхозы: в 1956 г. Рыбакколхозсоюз был ликвидирован, и его функции переданы хозяйственному управлению по делам рыболовецких колхозов и МРС в составе Министерства рыбной промышленности СССР.

Преобразование колхозов в совхозы позволило несколько увеличить финансирование хозяйств, повысить уровень их технической оснащенности, усилить специализацию и концентрацию производства. На первых порах улучшились показатели работы совхозов, созданных на базе экономически слабых колхозов. В 1956 г. они удвоили производство продукции, государственные расходы на содержание административно–управленческого персонала сократились на 50%. Однако в целом реорганизация колхозов не привела к ускоренному росту производства, повышению его эффективности. В 1959 г. более 80% совхозов в республике являлись убыточными. В 1963 г. по сравнению с 1959 г. сверхплановые убытки совхозов выросли более чем в 10 раз, а производство продукции за это время выросло всего в 2 раза[54].

Еще пагубнее оказались социальные последствия реорганизации сельского хозяйства, приведшей к дальнейшему превращению крестьянина в сельскохозяйственного рабочего, жизнь которого все меньше зависела от результатов своего труда. К этому следует добавить исчезновение многих сел и деревень, оказавшихся "неперспективными" в результате курса на создание крупных аграрных селений, миграции сельского населения в город. В 1960—1966 гг. только в Калевальском, Лоухском, Беломорском и Кемском районах были сняты с учета более 100 населенных пунктов, из которых выехало население.

Реорганизация колхозов в республике осуществлялась без учета специфики северного земледелия, в результате мелкие населенные пункты оказались удалены от центральных усадеб на расстояние 30—60 км, а в отдельных совхозах — до 100 км, что затрудняло управление и организацию производства. В результате в 1967 г., например, было принято решение о разукрупнении совхозов "Олонецкий" и "Ильинский" Олонецкого района, "Толвуйский" и "Прогресс" Медвежьегорского района и создании новых совхозов — "Мегрегского", "Туксинского" и "Ильинского". Не оправдало себя и создание на базе экономически слабых колхозов подсобных хозяйств промышленных предприятий, абсолютное большинство которых оказалось убыточными.

Неоднозначные последствия имела предпринятая в конце 1950–х гг. реорганизация МТС, предусматривавшая продажу техники МТС колхозам в целях усиления их самостоятельности. С одной стороны, ликвидация МТС избавляла государство от непроизводительных расходов. В 1955 г. на содержание МТС в Карелии, на базе которых были организованы совхозы, государство затратило 8,5 млн руб., в то время как все денежные и натуральные доходы МТС составили всего 0,5 млн руб.[55]

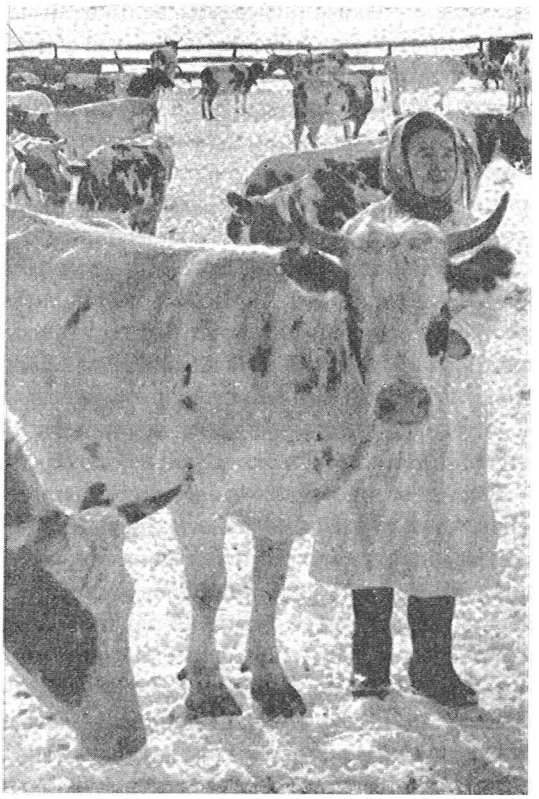
С другой стороны, выкупные платежи за технику оказались столь велики, а выплата производилась в такие сжатые сроки, что эта мера нанесла огромный ущерб экономике колхозов и по существу свела на нет прибыль, полученную от повышения закупочных цен. Из 66 колхозов технику в 1958 г. смогли приобрести только 37, а поскольку все затраты на ремонт и обслуживание техники были переложены на колхозы, то положение со снабжением их запасными частями, горючим даже ухудшилось. Хотя ожидаемый эффект от реорганизации МТС достигнут не был, последствия ее были исторически прогрессивными, так как усиливали самостоятельность крестьянского хозяйства и расширяли сферу рыночных отношений.

Отступление от линии сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, начавшееся по существу уже с середины 1950–х гг., особенно проявилось в политике по отношению к крестьянскому двору. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. "Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели" оформило курс на ограничение приусадебного хозяйства граждан, запретив увеличивать его размер за счет общественных земель и ограничив количество скота в личной собственности. В первые дни после передачи текста постановления в Петрозаводске, Питкяранте и некоторых других городах начался забой скота, в результате цены на мясо на рынках Петрозаводска снизились с 25 до 10 руб. за кг. В совхозы и подсобные хозяйства было подано более 30 заявлений от жителей Петрозаводска с просьбой купить скот.

Следующим шагом по ликвидации индивидуальных хозяйств стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1959 г. "О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках", в котором под предлогом ликвидации "примитивного ведения животноводства, отвлекающего рабочую силу от производительного труда, создающего антисанитарные условия и приводящего к значительному расходованию хлеба и других продуктов", было запрещено с 1 октября 1959 г. содержание продуктивного и рабочего скота в личной собственности граждан, проживающих в столицах автономных республик, краевых и областных центрах и прилегающих к ним окрестностях. В г. Петрозаводске колхозы, совхозы и мясокомбинат закупили у владельцев индивидуального скота 614 коров и телок. Прекратилась продажа населению кормов для скота, был запрещен выпас скота на общественных землях, ограничивалось использование покосов.

Если до начала 1960–х гг. в отношении личных хозяйств проводилась политика ограничения, то с принятием новой Программы партии в 1961 г., провозгласившей курс на строительство коммунистического общества, началось их форсированное свертывание. Только за 1960—1964 гг. поголовье крупного рогатого скота у населения республики сократилось на 12 тыс. голов, а коз — на 14 тыс. Экономическими и социальными последствиями политики в отношении индивидуальных хозяйств стало нарушение продовольственного баланса, рост цен на сельхозпродукты, понижение жизненного уровня населения, миграция из села.

Перемены в отношении к землепользованию двора наступили лишь в 1964 г., когда по существу уже завершилось его урезание до положения подсобного хозяйства. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР и бюро ЦК КПСС по РСФСР от 13 ноября 1964 г. "Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих" местные органы власти провели работу по восстановлению уменьшенных приусадебных участков, оказали



Племенной скот совхоза "Сортавальский"

населению помощь в обзаведении скотом, предоставлении пастбищ и заготовке кормов для скота, находящегося в личной собственности. Несмотря на противоречивую политику в отношении крестьянского хозяйства, ему удалось в 1966—1970 гг. сохранить на одном уровне свое участие в производстве мяса в республике (51%), увеличить удельный вес в производстве картофеля (с 44 до 54%), хотя уменьшился его удельный вес в производстве молока (с 43% до 40%) и яиц (с 33 до 19%)[56].

В 1950—1960–е гг. полностью определилась специализация аграрного сектора республики на животноводстве. К началу 1970–х гг. оно занимало 80% в структуре валовой продукции сельского хозяйства, на долю же растениеводства приходилось 20%. В совхозах молочно–животноводческого направления была проведена работа по улучшению племенного дела. Вместо разнопородного и малопродуктивного скота создано одно из лучших в России стадо айрширских коров. На базе совхоза "Сортавальский" организован племенной совхоз, созданы фермы крупного рогатого скота холмогорской и буро–латвийской пород в совхозах "Салми", "Ведлозерский", "Маяк", "Олонецкий", "Толвуйский", им. Зайцева. В 1967 г. была организована Петрозаводская межрайонная государственная станция по племенной работе. К концу 1960–х гг. весь крупный рогатый скот в совхозах являлся породным, что способствовало повышению его продуктивности. Если в 1953 г. удой молока на одну корову в колхозах и совхозах составлял 1296 кг, то в 1970 г. — 3277 кг[57].

Специализация хозяйств сопровождалась концентрацией производства в отраслях сельского хозяйства. Наиболее высокая степень концентрации была достигнута в птицеводстве, которое с 1960 г. начало переводиться на промышленную основу. В 1965 г. птицеводство в республике выделено в самостоятельную отрасль сельскохозяйственного производства, и организован трест "Птицепром", объединивший 6 специализированных хозяйств. За 1960—1970 гг. производство яиц в республике возросло в 3,3 раза.

Быстрыми темпами развивалось пушное звероводство. В 1959—1960 гг. в республике создано 11 звероводческих хозяйств. В 1962 г. поголовье зверей составляло более 70 тыс., или в 12 раз больше, чем в 1952 г. Звероводство превращалось в крупную рентабельную отрасль сельскохозяйственного производства республики. В конце 1960–х гг. звероводческие совхозы ежегодно сдавали пушнины на сумму 22—25 млн руб. Карельская пушнина заняла почетное место в производстве пушнины страны, высоко котировалась на международных аукционах.

Отправка пушнины на международный аукцион зверосовхозом "Повенецкий"

Больше внимания стало уделяться вопросам повышения культуры земледелия. Во всех совхозах было проведено почвенное обследование, на значительных площадях осуществлено известкование кислых почв, введены правильные севообороты, увеличилась поставка хозяйствам минеральных удобрений. В совхозах Олонецкого и других районов республики успешно применялась закладка на осушенных землях долголетних культурных пастбищ, которые являлись источником полноценных и дешевых кормов для скота в летний период.

В 1950—1960-е гг. произошло изменение структуры посевных площадей в Карелии. Ориентация на преимущественное развитие животноводства и увеличение посевов кормовых культур нанесли непоправимый ущерб растениеводству. Только с 1953 по 1961 гг. посевные площади под зерновыми культурами сократились с 37 до 2 тыс. га, а валовой сбор — с 18,1 до 1,8 тыс. т. Окончательное уничтожение зернового хозяйства завершилось в 1960-е гг. В 1970 г. в структуре посевных площадей кормовые культуры составили 84%[58]. Урожайность их была крайне низкой, фактическая себестоимость превышала в 1,7 раза стоимость завозных кормов. К тому же обеспеченность кормами собственного производства в начале 1960-х гг. составляла 45—50%, в результате приходилось регулярно завозить корма и солому из дру-

Герой Социалистического Труда А. П. Засекова

гих районов страны. В то же время в республике не проводилась работа по повышению плодородия естественных сенокосов, ежегодно почти 50% сенокосных участков оставались неубранными. Одновременно наращивались объемы мелиоративных работ с целью получения на северных болотах питательной травы, что не дало практических результатов, но привело к нарушению уникальных экосистем. Негативно повлияла на развитие растениеводства и развернувшаяся в середине 1950–х гг. в стране кукурузная кампания, повлекшая за собой нарушение обычных севооборотов в Карелии, ухудшение снабжения скота кормами.

К концу 1960–х гг. в развитии сельского хозяйства республики были достигнуты определенные успехи. За 1960—1970 гг. валовая продукция отрасли увеличилась на 44%, при этом рост валовой продукции сопровождался повышением уровня интенсификации производства. Повысилась урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность скота и птицы. В 1970 г. 47 совхозов из 56 являлись прибыльными. За счет внутрихозяйственной специализации, повышения культуры земледелия, внедрения новой техники совхозы им. Зайцева, "Олонецкий", "Сортавальский" и ряд других хозяйств республики добились рентабельности производства. За высокие результаты работы звания Героя Социалистического Труда удостоены директор совхоза "Сортавальский" А.О. Дубровский, директор совхоза им. Зайцева И.Ф. Задесенец, доярка совхоза "Ведлозерский" А.П. Засекова, бригадир совхоза "Олонецкий" И.В. Чайкин.

Несмотря на увеличение продукции земледелия и животноводства, в 1960–е гг. замедлились темпы развития сельского хозяйства, высокой оставалась себестоимость производства молока, яиц, картофеля, овощей, кормовых культур, убыточным было производство молока, мяса птицы, картофеля. Уровень рентабельности производства сельскохозяйственной продукции в Карелии был ниже, чем в среднем по Северо–Западному региону.

В осуществлении аграрной политики не было стабильности, последовательности, а искажения и деформации при выполнении принятых решений резко снижали их значение. Продолжалось административное вмешательство в дела колхозов и совхозов, несправедливый обмен между городом и деревней. Попытки приспособить отжившие методы хозяйствования к новым условиям не могли привести к устойчивым результатам в сельском хозяйстве.

Социальная сфера

Социальные проблемы после окончания войны вновь оказались на заднем плане, так как все силы и средства были направлены на форсированное восстановление и развитие индустрии. Между тем потери в социальной сфере были ничуть не

меньше. За время войны были полностью уничтожены 84 населенных пункта и 409 разрушены частично. Жилой фонд лесной промышленности уменьшился на 92%[59]. Люди жили в бараках и землянках, оставшихся от военной поры. Ощущался острый недостаток больниц, предприятий сферы общественных услуг, торговли. Сохранялась карточная система на продукты питания и промышленные товары.

Уже в 1945 г. были предприняты определенные шаги по нормализации условий труда на предприятиях: восстановлены отпуска рабочих и служащих, отмененные на период военного времени, и 8–часовой рабочий день. В деревнях и селах республики вновь открылись 143 магазина и лавки, 46 столовых, 15 пекарен, возобновили работу 33 сельских потребительских общества[60]. В сельскую торговую сеть направлялись шорные изделия, гвозди, сортовое железо, печное литье, лопаты и другие хозяйственные товары.

Особое внимание уделялось участникам войны, инвалидам. Повсеместно было организовано их трудоустройство, обучение на курсах; силами общественности им оказывалась помощь в заготовке дров, ремонте квартир. Для инвалидов войны были организованы дома отдыха и пять домов инвалидов на 555 мест. В Петрозаводске открылся госпиталь для инвалидов войны на 200 мест. При госпитале работало отделение восстановительной хирургии, которым руководил заслуженный врач республики М.Д. Иссерсон. Во всех районах работали больницы. Однако остро ощущался недостаток медицинских кадров. В 14 районах республики не было детских врачей, в сельской местности практически отсутствовали специализированные виды медицинской помощи. Спустя 10 лет после окончания войны в городской местности на 10 тыс. человек приходилось 22 врача, а в сельской — 4.

Одной из первых забот было устройство детей, оставшихся без родителей. В середине 1946 г. в детских домах и интернатах содержалось более 4 тыс. детей. К концу 1947 г. детская беспризорность была в основном ликвидирована. Принимались меры по ликвидации такого явления как нищенство. Местные органы власти обязаны были помочь в трудоустройстве или в определении в дома инвалидов и престарелых остро нуждающихся. На предприятиях и в организациях было организовано шефство над престарелыми и инвалидами.

Требовали решения в республике проблемы снабжения населения продовольственными и промышленными товарами первой необходимости. В ноябре 1945 г. в Петрозаводске прошла первая послевоенная колхозная ярмарка, в которой участвовало 56 колхозов. В целях насыщения рынков продовольственными и промышленными товарами осуществлялись меры по развитию кооперативной и коммерческой торговли; расширилась сеть коммерческих чайных, кафе, закусочных и ресторанов; были снижены ставки разового сбора и платы на колхозных рынках. Петрозаводский горсовет выделил жителям столицы республики более 200 га земли и выдал 77 кг семян овощей. В конце 1946 г. в республике насчитывалось более 34 тыс. человек, имевших огороды. На индивидуальных и коллективных огородах было собрано более 10 тыс. т картофеля и 1300 т овощей[61].

В конце 1946 г. резко обострилась проблема снабжения населения хлебом вследствие длительной засухи, поразившей страну. 3 октября 1946 г. было принято постановление Совета Министров и ЦК КП(б) КФССР "Об экономии в расходовании хлеба", ограничившее контингент населения, снабжаемого пайковым хлебом: сняты со снабжения неработавшие взрослые иждивенцы (кроме учащихся и лиц, ухаживавших за малолетними детьми); сократилось число снабжаемых пайковым хлебом в сельской местности, рабочих и служащих местной промышленности и

промысловой кооперации, уменьшились нормы выдачи хлеба всем иждивенцам с 300 до 250 г в день на человека, детям — с 400 до 300 г в день и т. д. Только в Калевальском районе со снабжения пайковым хлебом в сентябре 1946 г. было снято 1043 жителя сельской местности, по Заонежскому району остались без карточек 473 рабочих, 497 иждивенцев, 237 детей[62].

Попыткой переломить ситуацию со снабжением продовольствием, оздоровить финансовую систему явилась денежная реформа 1947 г. Была отменена карточная система, выпущены в свет новые денежные знаки, введены единые цены на продовольственные и промышленные товары, которые были ниже коммерческих, но в 3,2 раза выше прежних государственных цен. Реформа дала простор коммерческой торговле, позволила сбалансировать денежную массу с товарной, но цены для большинства населения оказались недоступными. В последующие годы (1948—1954) цены на товары широкого потребления снижались семь раз, вследствие чего розничные цены снизились в 2,3 раза. Одновременно со снижением цен, что было психологически благоприятно воспринято обществом, по существу была заморожена заработная плата; 11 раз государство прибегало к займам денег у населения; крайне низкими оставались заготовительные цены на сельхозпродукцию. Таким образом, выгоды от снижения цен одна часть общества получила за счет другой. От такой политики в области цен и заработной платы вскоре пришлось отказаться, так как аграрный сектор не мог развиваться в подобных условиях.

Проведение денежной реформы и отмена карточной системы не смогли ликвидировать острый дефицит продуктов. 16 декабря 1947 г. в Карелии началась открытая торговля по единым сниженным государственным розничным ценам на товары массового потребления. Нехватка продуктов вызвала очереди и недовольство населения республики. В спецсообщении МГБ КФССР по Петрозаводску приводились следующие высказывания: "Обрадовались свободной торговле, а на деле это ничего не стоит... Зачастую бывает так, что люди стоят–стоят и ни с чем уходят, так как во всех магазинах установлен лимит, больше которого не имеют права продавать..." "В магазинах Петрозаводска преобладают пустые полки, сахар и масло бывают очень редко, а овощей не бывает никогда. В общем, отмена карточек дала результаты незавидные..."

По существу, сохранялся прежний, как при карточной системе, принцип снабжения продуктами и товарами повседневного спроса. В первую очередь их получали представители партийно-советской номенклатуры, промышленные центры, торговая сеть отделов рабочего снабжения важнейших отраслей производства. Остальные граждане вынуждены были покупать значительную часть продуктов на колхозном рынке.

Кроме Петрозаводска, колхозные рынки имелись в 10 других городах республики, наиболее крупный из которых был в Сортавале. В конце 1940–х гг. городская кооперативная торговля была передана Министерству торговли, отменены закупки сельхозпродуктов кооперацией по ценам, складывавшимся на рынке, что привело к фактическому прекращению деятельности колхозных рынков в ряде районов.

Расширилась сеть розничной торговли. С 1945 по 1955 г. сеть магазинов, ларьков, палаток, предприятий общественного питания увеличилась в 2,2 раза, однако сократилось число мелких предприятий розничной сети — ларьков, разносок, развозок, которые играли значительную роль в снабжении товарами первой необходимости жителей отдаленных районов. В целом розничный товарооборот возрос в 5 раз[63]. Однако не удовлетворялся спрос на многие продовольственные и

Сегежа. 1948 г.

такие промышленные товары, как кожаная обувь, шерстяные ткани, детская одежда и т. д.

Не менее острой оставалась жилищная проблема. К началу 1950–х гг. по основным видам коммунальных услуг средняя фактическая обеспеченность на одного жителя города еще не достигла уровня 1940 г. В столице республики в начале 1947 г. на человека приходилось в среднем около 3 кв. м жилой площади. Не выдерживались сроки ввода в действие объектов, по существу, не проводилось благоустройство райцентров и большинства городов. При крайней ограниченности возможностей тем не менее принимались и такие, например, нереальные решения, как строительство показательного села Верхний Бесовец Прионежского района менее чем за один год (1946).

Государство увеличило выделение средств на жилищное строительство. За 1946—1955 гг. в эту сферу было вложено более 165 млн руб. За это время введено в действие 2607 тыс. кв. м жилой площади[64], причем площадь, оборудованная водопроводом, канализацией и центральным отоплением, возросла в 2 раза, электрическим освещением — более чем в 3 раза. С 1947 г. был взят курс на повышение удельного веса каменного жилищного и социально–культурного строительства в республике, в результате за 10 лет жилая площадь в каменных и кирпичных зданиях увеличилась в 8 раз, в том числе в многоэтажных зданиях — в 7 раз. Однако средняя жилая площадь на одного проживавшего в республике еще значительно отставала от санитарной нормы и составляла 5,7 кв. м. В 4 городах из 12 не было водопровода, в 5 — канализации, действовавшая в городах водопроводная сеть не имела очистных сооружений.

Увеличились расходы бюджета на социально–культурные мероприятия (за 1950—1956 гг. почти в полтора раза), вместе с тем все более широкое распространение получал ведомственный принцип в решении социально–бытовых проблем, вследствие чего рабочие различных предприятий и отраслей промышленности оказыва-

Квартира стахановца

лись в неодинаковом положении. В 1953 г. бытовые мастерские имелись лишь в 36 из 130 лесных поселков, где проектами предусматривалось их строительство. На селе вплоть до начала 1960–х гг. не была создана сеть предприятий общественного обслуживания[65].

В начале 1950–х гг. были предприняты определенные шаги в сфере регулирования трудовых отношений. 14 июля 1951 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР "О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия", который знаменовал собой значительное ослабление чрезвычайных жестких мер военного и послевоенного времени и начало перехода к более цивилизованным формам трудовых отношений. (Полная отмена судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул без уважительной причины произошла в апреле 1957 г.) Регулирование режима рабочего дня коснулось министерств, ведомств и других советских учреждений. В августе 1953 г. была отменена работа во внеурочное время и запрещено руководителям этих организаций без надобности задерживать работников в учреждениях.

Курс на ликвидацию режима культа личности и демократизацию общества в середине 1950–х гг. потребовал серьезных корректив экономической политики, ее ориентации на улучшение условий жизни людей. Таких масштабов, как в 1950–е годы, социальная политика страны еще не знала: массовое жилищное строительство, пенсионная реформа, сокращение рабочего дня, паспортизация на селе, повышение зарплаты и т. д.

С середины 1950–х гг. развернулась работа по повышению ставок и окладов, упорядочению заработной платы рабочих и служащих, увеличению оплаты труда колхозников. Предпочтение при этом отдавалось низко– и среднеоплачиваемым категориям рабочих и служащих. Минимум зарплаты был повышен с 27—35 руб. в середине 1950–х гг. до 40—45 руб. в середине 1960–х гг. и до 60 руб. с 1 января 1968 г. Была повышена заработная плата рабочих и служащих всех отраслей на-

родного хозяйства, установлен необлагаемый минимум зарплаты, введена единая система ставок и окладов, увязанная по отраслям, производствам и категориям работающего персонала, а в деревне введена денежная оплата труда колхозников, снижены налоги на приусадебное хозяйство. В результате упорядочения среднемесячная зарплата рабочих и служащих выросла с 78,4 руб. в 1956 г. до 122,7 руб. в 1966 г. Более 20% рабочих и служащих получали зарплату свыше 200 руб.[66]

С 1 января 1968 г. для всех трудящихся республики был введен коэффициент к зарплате, дифференцированный по районам, от 1,15 до 1,3. Ранее, при упорядочении заработной платы в 1958—1960 гг., был установлен подобный коэффициент для работников лесозаготовительной промышленности на всей территории республики и для работников целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей отраслей промышленности, электроэнергетики, строительных организаций — в 6 районах из 11. Заработная плата рабочих и служащих Карелии за 1966—1970 гг. увеличилась на 32% и составила в 1969 г. 137,3 руб., однако она оставалась ниже уровня соседних областей[67].

Позитивные шаги в области повышения заработной платы в 1950—1960-х гг. в итоге отнюдь не обеспечивали приближение оплаты труда к уровню, достаточному для эффективного удовлетворения разнообразных нужд современного работника. Опережающий рост зарплаты в годы восьмой пятилетки по сравнению с ростом производительности труда вызвал разрыв между денежной массой и потребительским рынком, усилил инфляционные процессы. Не менее негативные последствия имели уравнительные тенденции в оплате труда. Инженеры стали получать меньше рабочих, упал престиж инженерно-технического труда, специалисты переходили на рабочие должности. В 1969 г. 1250 специалистов с высшим и средним специальным образованием в промышленности республики занимали должности, не требовавшие специального образования, из них 38 специалистов с высшим образованием и 863 дипломированных техника трудились в должности рабочих[68]. Уравниловка порождала иждивенческие настроения, вела к деформации трудовой морали. Нередко проблемы слабых предприятий решались за счет сильных.

Большое социально-политическое значение имели мероприятия по сокращению продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих. В 1956 г. была на 2 часа сокращена продолжительность рабочей недели за счет соответствующего уменьшения времени работы в предвыходные и предпраздничные дни. С 1956 по 1960 гг. осуществлен переход на 7-часовой рабочий день (в некоторых отраслях промышленности — 6-часовой) при сохранении 6-дневной рабочей недели. В результате на 10—20 лет раньше, чем в других социалистических странах, продолжительность рабочей недели установлена на уровне 41 часа в неделю. В 1967 г. был осуществлен перевод коллективов предприятий, организаций и учреждений на 5-дневную рабочую неделю с 2 выходными днями. Сокращение рабочего дня позволило каждой семье полнее использовать свободное время для удовлетворения материальных и культурных потребностей, воспитания детей. Увеличилась до 15 рабочих дней продолжительность отпуска рабочих и служащих, которые до этого пользовались отпуском в 12 рабочих дней.

В середине 1950-х гг. были предприняты шаги по совершенствованию системы пенсионного обеспечения рабочих и служащих. По Закону о государственных пенсиях, принятому 14 июля 1956 г., установлены единые критерии для назначения гарантированных пенсий: возраст (самый низкий по тому времени): для мужчин — 60 лет, для женщин — 55 лет; трудовой стаж: для мужчин — 25 лет, для женщин —

20 лет; среднемесячный размер зарплаты. Средний размер пенсий увеличился вдвое, расширился контингент получавших пенсии. Однако Закон не учитывал интересы колхозников, обеспечение которых по старости и нетрудоспособности осуществлялось за счет средств самих колхозов. Лишь спустя 8 лет был принят Закон "О пенсиях и пособиях членам колхозов", по которому государственные пенсии стали получать члены 13 рыболовецких колхозов Карелии, а с апреля 1965 г. — и бывшие члены колхозов, земли которых переданы совхозам и другим предприятиям и организациям (в республике было учтено около 3 тыс. таких лиц). Пенсии рабочих и служащих и пенсии колхозников были неодинаковыми: в 1966 г. они составляли соответственно 36 и 12 руб., а на 1 января 1971 г. — 43 и 13 руб.[69], что свидетельствовало о сохранявшемся социальном неравенстве между рабочим классом и колхозным крестьянством. В 1968 г. на 5 лет был снижен возраст для назначения пенсий по старости инвалидам войны, увеличились размеры этих пенсий, введен новый вид социального обеспечения — пособия инвалидам с детства. Северянам снижен возраст выхода на пенсию по старости: мужчинам — с 55, а женщинам — с 50 лет. К началу 1970 г. численность пенсионеров в республике составила 80,9 тыс. человек, а средний размер пенсии — 41,5 руб. Кроме того, получали пенсию 4,8 тыс. колхозников[70]. К концу 1960–х гг. социальная направленность пенсионного обеспечения снизилась уравнительными тенденциями в начислении пенсий, неэффективным способом их определения с заработка последнего года, а отношение средней пенсии к средней заработной плате спустилось до 42% против 63% в момент принятия Закона.

В 1950—1960–е гг. систематически увеличивались выплаты из общественных фондов потребления на социальное страхование, медицинское обслуживание, пенсии, пособия, стипендии учащимся и т.д. Основные выгоды от этих выплат получало городское население, малообеспеченные слои.

Однако ориентация преимущественно на количественные показатели снижала эффективность выплат из общественных фондов потребления, усиливала уравнительные тенденции в распределении материальных благ.

Повышение заработной платы, выплат из общественных фондов потребления, прекращение в 1956 г. массовых государственных займов, отмена платы за обучение в средней школе и высших учебных заведениях и т. д. обусловили увеличение денежных доходов на душу населения в республике с 466 руб. в 1955 г. до 887 руб. в 1968 г. При этом во второй половине 1960–х гг. доходы ежегодно превышали расходы на сумму от 16 до 25 млн руб., что свидетельствовало о недостатках в работе торговых организаций, в бытовом обслуживании и др. Отложенный спрос усилил приток вкладов в сберкассы: только за 1965—1970 гг. их сумма увеличилась на 51,5 млн руб.[71]

Прогрессивные изменения наметились в структуре денежных расходов населения. Значительно увеличилось потребление продовольственных и непродовольственных товаров, особенно товаров культурно–бытового назначения и длительного пользования. В 1959—1965 гг. продажа населению холодильников возросла в 8 раз, стиральных машин — в 3,8 раза, автомобилей — в 1,5 раза. К началу 1970 г. в личном пользовании населения имелось 1574 легковых автомобиля, более 200 тыс. радиоприемников, свыше 100 тыс. телевизоров[72].

Улучшилась структура питания населения, снизилось потребление муки, крупы, макаронных изделий, увеличилось потребление наиболее ценных в питательном отношении продуктов. Но в сравнении с физиологическими нормами, рекомендо-

ванными Институтом питания АН СССР, еще недостаточно потреблялось мяса, молока и яиц, при этом потребление хлебных продуктов и картофеля было несколько выше физиологической нормы. В числе негативных тенденций в области потребления следует отметить увеличение реализации ликероводочных изделий. В 1959 г. около 17% всего фонда зарплаты в республике расходовалось на приобретение спиртных напитков, а по отдельным леспромхозам более 30%. В 1963—1967 гг. продажа ликероводочных изделий росла более быстрыми темпами, чем продажа других продовольственных товаров (соответственно 36 и 25%).

Хотя в 1950—1960-е гг. значительно вырос товарооборот, расширилась сеть предприятий торговли, в целом сохранялся товарный дефицит. Население республики снабжалось, главным образом, за счет завозных продуктов и промышленных товаров. Только за счет разницы в ценах расходы в бюджете каждой семьи республики на питание были выше, чем в центральных районах страны примерно на 12%. Население Карелии несло дополнительные расходы на приобретение одежды, обуви, оплату коммунальных услуг. Ограниченными были возможности развития приусадебного хозяйства в условиях севера.

Со второй половины 1950-х гг. начался качественно новый этап решения жилищного вопроса. Перспективным планом развития народного хозяйства КАССР на 1959—1965 гг. из общей суммы средств по хозяйству, подведомственному Совету Министров республики, предусматривалось направить на развитие промышленности более 15,9 млн руб., а на жилищное строительство — 38,7 млн руб., то есть почти в 2,5 раза больше[73]. Заметно возросли масштабы строительства жилья. В 1956—1960 гг. было построено жилья больше, чем за предыдущие или последующие пятилетки, при этом жилищное строительство велось в основном за счет государства.

В 1950—1960-е гг. не только существенно возросла обеспеченность жильем, но и начал меняться жилищный стандарт: вместо комнат в "коммуналках" стали предоставляться отдельные квартиры с различными удобствами. В марте 1959 г. началась газификация столицы республики. За 10 лет в Петрозаводске, Кондопоге, Сегеже и 18 совхозных поселках было газифицировано более 35 тыс. квартир. Осуществлялась работа по улучшению теплоснабжения городов. В Петрозаводске, Сортавале, Суоярви, Медвежьегорске и Беломорске во второй половине 1960-х гг. были созданы предприятия объединенных котельных и тепловых сетей. Улучшилось благоустройство обобществленного жилого фонда: жилая площадь, оборудованная водопроводом, с 1960 по 1970 г. увеличилась с 26 до 52%, канализацией — с 25 до 51%, центральным отоплением и теплофикацией — с 14 до 43%, газом — с 4 до 37%, ванной (душем) — с 11 до 31%. При этом расходы по квартирной плате в 1969 г. составляли только 26% от всех расходов по содержанию жилого фонда, а в совокупности денежных расходов на квартплату и коммунальные услуги расходовалось только 3%[74].

Во второй половине 1960-х гг., хотя темпы жилищного строительства несколько снизились, был сделан важный шаг в улучшении благоустройства жилых кварталов. Жилищное строительство стало осуществляться комплексно, микрорайонами, когда наряду с жилыми домами возводились детские сады, школы, торговые центры, учреждения бытового обслуживания. Вместе с тем в области жилищного строительства и коммунального хозяйства оставалось много нерешенных проблем. Уровень обеспеченности населения жилым фондом и коммунальными удобствами в республике значительно уступал многим другим районам страны. Особенно небла-

Новый микрорайон в г. Петрозаводске. 1967 г.

гополучным было положение с жильем в лесных поселках и сельской местности: в 1970 г. более 30% жилого фонда составляли каркасно–щитовые жилые дома постройки 1950—1955 гг., неприспособленные к условиям суровой северной зимы.

Серьезные упущения отмечались в области бытового обслуживания населения. В конце 1950–х гг. расходы республики на оплату оказанных населению услуг в среднем были на 15—20% ниже уровня, достигнутого по РСФСР. В 1963 г. трудящимся предоставлялись услуги в 426 населенных пунктах, что составляло только 27% к их общему количеству, причем на жителя сельской местности приходилось услуг почти в 4 раза меньше, чем в городской местности[75].

В 1960–е гг. были освоены новые виды и формы обслуживания населения — ремонт трикотажных изделий, предметов бытового назначения, крашение и химчистка одежды. В городах и рабочих поселках построено 11 комбинатов бытового обслуживания, 3 фабрики химчистки, 5 ателье по индивидуальному пошиву одежды и др. В поселках лесозаготовителей и совхозов к 1970 г. работали более 70 павильонов бытового обслуживания. В целом населению республики оказывалось около 300 видов бытовых услуг[76].

Во второй половине 1950—1960–х гг. улучшилось положение дел в здравоохранении. Укрепилась материальная база лечебных учреждений; в 1960–е годы вступили в строй более 20 крупных медицинских объектов, среди них: 13 новых больниц, 4 поликлиники, в том числе главный корпус республиканской больницы, новое здание Петрозаводской городской больницы, центральные районные больницы в Кеми, Суоярви, Олонце, здание республиканского онкологического диспансера в Петрозаводске, станция переливания крови, детская республиканская больница и др. Больницы и поликлиники оснащались современным медицинским оборудованием и диагностической аппаратурой, в практику их работы внедрялись новые средства и методы лечения. По сравнению с 1950 г. число больничных коек на 10 тыс. человек населения в 1970 г. увеличилось в 1,8 раза, врачей — почти в 2 раза, среднего медицинского персонала — более чем в 2 раза[77].

Олимпийский чемпион (1956 г.) Ф. М. Терентьев

В 1960 г. было положено начало подготовке местных кадров врачей на созданном медицинском факультете Петрозаводского государственного университета. Кроме подготовки студентов, на кафедрах факультета разрабатывались актуальные проблемы теоретической медицины. В целях расширения среднего медицинского образования в 1962—1963 гг. открылись медицинские училища в Сортавале, Сегеже, Кондопоге, проводились курсы медицинских сестер. Несмотря на расширение подготовки медицинских кадров, весной 1969 г. в участковых больницах сельской местности не было укомплектовано более 1/3 должностей врачей[78].

Улучшилось санаторно–курортное обслуживание трудящихся. В феврале 1964 г. открылся санаторий "Марциальные воды" на 150 мест, имеющий всесоюзное значение. При крупных промышленных предприятиях работало 10 профилакториев, 76 баз отдыха. В санаториях и профилакториях ежегодно лечились около 12 тыс. рабочих и служащих республики, более 21 тыс. проводили свои отпуска в домах отдыха и на туристских базах[79].

В целях укрепления здоровья людей большое внимание уделялось развитию физической культуры и спорта. В 1967 г. в различных спортивных секциях занимались свыше 163 тыс. человек. В 1969 г. в республике насчитывалось 200 мастеров спорта, в том числе 55 мастеров спорта по лыжам и 4 мастера международного класса, 46 спортсменов входили в состав сборной РСФСР[80]. Спортсмены республики выступали на всесоюзных и всероссийских соревнованиях по различным видам спорта. Высоких результатов в состязаниях добились карельские спортсмены. М.Е. Минина, трижды завоевавшая звание чемпиона СССР в шоссейной гонке на 25 км в 1946—1950 гг.; мастер спорта Д. Агонин, установивший в 1953 г. новый рекорд страны в олимпийской стрельбе по силуэтам; лыжник Ф. Терентьев, неоднократный чемпион СССР и чемпион зимних Олимпийских игр 1956 года; мастер спорта международного класса К. Назаров, 9–кратный чемпион СССР, 5–кратный серебряный призер Европы в гребле на байдарке. Во второй половине 1960–х гг. новые рекорды страны и мира установили многократный чемпион мира, Европы и СССР, участник Олимпийских игр, на протяжении почти 10 лет являвшийся одним из лучших стрелков мира В. Постоянов, студентка Л. Сафронова, выигравшая в 1967 г. первенство СССР в беге на 800 м, кондопожская школьница О. Рокко, ставшая в 1969 г. чемпионкой Европы среди юниоров в беге на дистанцию 5 км. Традиционными стали в республике ежегодные заочные республиканские соревнования "Лыжня Антикайнена" на переходящий приз газеты "Комсомолец".

Таким образом, рост заработной платы и увеличение денежных доходов населения, сокращение рабочего дня, всеобщее пенсионное обеспечение граждан, ускоренное жилищное строительство, не имевшая в те годы аналогов система социального обеспечения, медицинского обслуживания, поддержание среднего (по минимальным меркам) прожиточного уровня граждан — все это были весомые и бесспорные успехи. Однако при всех положительных сдвигах картина оставалась

неоднозначной. Сфера услуг по–прежнему рассматривалась как нечто второстепенное. Об этом наглядно свидетельствовали следующие цифры: в 1970 г. из 876 сельских населенных пунктов республики, подчиненных сельсоветам, детские сады и ясли имели только 38%, швейные мастерские — 12%, обувные мастерские — 6%, парикмахерские — 8%, больницы и медпункты — 51%, столовые и чайные — 27% населенных пунктов. Многие из них не были электрифицированы и радиофицированы, не имели телефонной связи[81]. Не удалось преодолеть отставания республики от РСФСР и большинства областей Северо–Западного региона по обеспечению населения товарами народного потребления, бытовому обслуживанию, благоустроенности жилья. Негативно сказывались на развитии сферы услуг ведомственный принцип управления экономикой, несбалансированность городской инфраструктуры, уравнительная тенденция в оплате труда.

3. КУЛЬТУРА

Развитие народного образования

С первых дней освобождения республики от вражеской оккупации началась работа по возрождению учреждений просвещения и культуры. В годы Великой Отечественной войны в Карелии было уничтожено свыше 250 школьных зданий. Ущерб, нанесенный системе народного образования, выразился в сумме 63,5 млн руб. Правительство СССР оказало республике необходимую помощь и направило для школ освобожденных районов 320 тыс. книг, 84 тыс. экземпляров учебников, на 314 тыс. руб. наглядных пособий, тетрадей[82]. Значительные суммы были выделены из республиканского бюджета на строительство новых зданий школ, пополнение учебного оборудования.

В 1945/46 учебном году в республике уже работало 528 дневных и вечерних школ (71% от довоенного числа) с количеством учащихся 54 тыс. человек[83]. В связи с большой разбросанностью и малым числом жителей населенных пунктов в ряде районов насчитывалось большое количество малокомплектных школ, число учащихся в которых не превышало 20 человек. В первые послевоенные годы значительная часть учащихся выбывала из школ. Причины были различные: отсутствие одежды и обуви, помощь родителям по дому, вынужденная работа на предприятии и др. Тем не менее в течение 1946—1950 гг. в Карелии было полностью осуществлено всеобщее начальное обучение и создана учебная база для семилетнего образования, введение которого завершилось в 1952 г. В последующие годы происходило увеличение сети семилетних и средних школ. Часть школ, имевших небольшую численность (5—7 человек), была ликвидирована, крупные начальные школы преобразованы в семилетние, а семилетние — в средние.

Вместе с тем в ряде районов доля детей, не охваченных обучением, оставалась высокой: в 1952 г. в Сегежском, Сегозерском, Медвежьегорском районах она составляла 7%. Остро не хватало кабинетов, приспособленных для изучения предметов школьных программ: в начале 1954 г. только 11 из 259 семилетних и средних школ имели оборудованные кабинеты по физике, химии, биологии.

Школы испытывали острый дефицит в педагогических кадрах. Из–за отсутствия учителей в ряде школ не велось преподавание математики, физики, химии, биологии, иностранного языка и некоторых других предметов. В 1946 г. Министерство

просвещения республики отказалось от краткосрочной подготовки учителей, как не оправдавшей себя. Подготовка педагогических кадров осуществлялась в педагогическом институте, государственном университете, Петрозаводском и Пудожском педагогических училищах. В 1951—1955 гг. было подготовлено 2047 учителей. Кроме того, более 500 специалистов Карелия получила из внереспубликанских вузов. Таким образом, за 5 лет в школу было направлено более 2500 учителей, однако за то же время около 1,8 тыс. преподавателей выбыли из республики в связи с материальной неустроенностью. В последующие количество учителей значительно выросло, достигнув в 1958 г. 5,3 тыс. человек, то есть увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 1945 г.[84] Однако и к началу 1960–х гг. задача полного обеспечения школ квалифицированными учителями не была решена.

С окончанием Великой Отечественной войны каких–либо существенных изменений в области языковой политики в республике, исходившей из нецелесообразности создания карельской и вепсской письменности и тем самым игнорировавшей культурные запросы карельского и вепсского народов, не произошло. Вновь, исходя из политических соображений, было введено обязательное обучение детей на финском языке в школах тех районов, где проживали финны и карелы, одновременно в средних специальных учебных заведениях предусматривалось обязательное изучение финского языка по 2 часа в неделю в течение трех курсов. Карело–финские школы (так они назывались), функционировавшие в районах массового проживания карелов, вепсов и финнов, являлись единственным типом национальной школы в Карелии.

В начале 1946 г. в республике насчитывалось 118 национальных школ, а в конце 1950 г. — 164 школы. Эти школы отличала малая наполняемость классов — иногда до 2—3 человек, особенно в Сегежском, Петровском, Ругозерском и некоторых других районах. Многие учителя нерусских школ сами слабо знали литературный финский язык. В 1948 г. из 289 учителей им вполне владели только 40 человек[85]. В связи с этим в 8—10 классах финский литературный язык не изучался, на низком научно–теоретическом уровне велось преподавание ряда учебных дисциплин. Не была разработана методика обучения детей в нерусской школе, отсутствовала художественная литература для внеклассного чтения. В целях расширения подготовки национальных педагогических кадров при Карело–Финском государственном учительском институте было организовано отделение по подготовке учителей финского языка и литературы, увеличен прием в Петрозаводском педагогическом училище на отделение по подготовке учителей для нерусских школ.

Несмотря на принятые меры по развитию национальных школ, количество их из года в год сокращалось. В 1954 г. в республике насчитывалось 130 таких школ. Существенные различия в лексике финского языка и в диалектах средней и южной частей Карелии вызывали определенные трудности. Уровень знаний учащихся нерусских школ по математике, биологии, истории и другим предметам являлся низким, что затрудняло поступление их в вузы и техникумы. По этой причине имелись факты массового отказа учащихся от обучения на финском языке. Это побудило правительство республики в августе 1954 г. принять постановление "О мерах по улучшению обучения детей в нерусских школах республики", согласно которому преподавание всех предметов в 1—10 классах этих школ было переведено с финского на русский язык, но оставалось изучение с 3 по 10 класс финского языка как одного из основных предметов. Эти меры осуществлялись в контексте подготовки ликвидации статуса финского языка как государственного и ликвидации самого

статуса союзной республики. С 1958/59 учебного года было отменено обязательное изучение детьми финнов и карелов финского языка как предмета в школах. Изучение финского языка, но уже в качестве одного из иностранных языков, было вновь введено лишь во второй половине 1960–х гг.

В конце 1950–х — начале 1960–х гг. вопросы национально–языковой политики в республике фактически были пущены на самотек. Непоследовательность в решении проблем литературного языка и письменности для карельского населения вызвала немалые издержки в организации народного образования, в подготовке кадров. Всесоюзные переписи населения 1959 и 1970 гг. показали, что по доле лиц с высшим образованием среди коренных национальностей 11 автономных республик РСФСР карелы занимали одно из последних мест.

Вытеснение родного языка на периферию общественной жизни стимулировало тенденцию к сокращению его использования и на семейно–бытовом уровне. Об этом свидетельствовали данные о росте численности и удельного веса карелов, финнов, вепсов, у которых родной язык и национальная принадлежность не совпадали. Если в 1959 г. назвали язык своей национальности в качестве родного языка 80,9% карелов, 74,2% финнов и 38,6% вепсов, то в 1970 г. — соответственно 71,7%, 61,1% и 31,9%[86].

Развертывание научно–технической революции поставило перед школой ответственные задачи, среди которых на первый план выдвинулись повышение общеобразовательного уровня молодежи, сочетание в средней школе общего образования с профессиональной подготовкой. Новый курс в развитии общеобразовательной школы нашел воплощение в Законе "Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР", принятом 24 декабря 1958 г. сессией Верховного Совета СССР. Закон положил начало реформе школы, продолжавшейся до середины 1960–х гг. В соответствии с господствовавшими тогда идеями быстрого построения коммунизма система образования должна была в короткий срок решить проблему профессионализации общеобразовательной школы. Закон предусматривал введение всеобщего 8–летнего образования и реорганизацию 10–летних школ в 11–летние средние политехнические школы с производственным обучением. Выпускники средней школы наряду с аттестатом зрелости получали свидетельство о специальности. Кардинально менялась вся система профтехобразования. Действовавшая до этого система "трудовых резервов", включавшая ФЗО, строительные школы, ремесленные училища, училища механизации сельского хозяйства и технические училища, была признана устаревшей, и профессионально–техническое образование переведено на единую общеобразовательную базу (8 классов) путем создания городских и сельских ПТУ со сроками обучения от 1 до 3 лет.

В 1959/60 учебном году в республике было организовано обучение учащихся более чем 50 различным профессиям. Ввод в действие новых школьных зданий позволил уже в 1959/60 учебном году ликвидировать третью смену занятий. В 1961/62 учебном году в городах и селах работало 97 восьмилетних школ и 82 одиннадцатилетних средних политехнических школы с производственным обучением. К 1963 г. завершился переход школ с семилетнего на восьмилетний срок обучения.

Вместе с тем материально–техническая база школ и учительский корпус оказались неподготовленными к реализации задач производственного обучения. Идея сближения школы с жизнью на практике заключалась в приобщении к физическому ручному труду, что принижало принципы политехнизма. Профессии и специ-

Школа в лесном поселке Верхние Важины

альности для производственного обучения учащихся в ряде случаев определялись без учета потребности в рабочих кадрах для народного хозяйства республики. Во многих отраслях промышленности, сельском хозяйстве, строительстве велика была доля ручного неквалифицированного труда, что вызывало трудности в профориентации учащихся.

Была допущена неоправданная диспропорция в соотношении дневного, вечернего и заочного обучения в пользу последних. Хотя вовлечение в вечернюю и заочную учебу позволяло многим молодым людям без отрыва от производства повышать культурно–технический уровень, эффективность этих форм учебы была низкой. На селе лишь небольшое число хозяйств могло выделить суммы на развитие вечернего образования, государственные же ассигнования не решали этой проблемы. Планы обучения в вечерней школе не выполнялись. Только в 1963/64 учебном году из школ рабочей и сельской молодежи выбыла треть учащихся, по этой причине было закрыто 6 школ.

Некоторые направления реформы обнаружили свою несостоятельность уже в первой половине 1960–х гг. В 1964 г. было решено вновь возвратиться к 10–летнему сроку образования и практически отказаться от полной профессионализации общеобразовательной школы. Профессиональная подготовка была оставлена в тех школах, которые располагали материальной базой, и проводилась за счет уроков труда в порядке внеклассных занятий.

К середине 1960–х гг. сложились условия для введения в стране всеобщего среднего образования (его осуществление завершилось в течение десятилетия). В связи с этим встала проблема достижения оптимального соотношения между различными формами обучения. Однако идея всеобщего среднего образования была подменена ориентацией молодежи на ПТУ, которым придавался статус средних учебных заведений, дающих также профессиональную подготовку. В 1970 г. в республике работали 26 ПТУ, из них 5 средних, они вели подготовку рабочих по 90 профессиям, в то время как в начале 1960–х гг. — по 28 специальностям.

К концу 1960–х гг. в развитии средней общеобразовательной школы были достигнуты значительные успехи. Более 80% учителей 4—10 классов имели высшее образование. В числе педагогических кадров 39 являлись заслуженными учителями РСФСР, 300 — заслуженными учителями КАССР. 3/4 выпускников восьмилетних школ продолжали учебу в 9–х классах средних и вечерних школ, в ПТУ и средних специальных учебных заведениях. Вместе с тем низкой оставалась успеваемость учащихся. В 1970/71 учебном году восьмые классы окончило лишь около 3/4 ребят, поступивших в первые классы 8 лет назад. Каждый четвертый ученик либо остался на второй год, либо бросил школу. Существенно отличалось качество среднего образования, даваемого городской и сельской школой.

Дальнейшее развитие получили среднее специальное и высшее образование. К началу 1946 г. положение с кадрами специалистов было сложным: их численность оказалась в два с лишним раза меньше, чем в довоенном 1941 г. Большую помощь в организации учебного процесса в первые послевоенные годы вузам и техникумам республики оказали Ленинградский, Московский, Свердловский университеты, Вологодский, Удмуртский и Башкирский педагогические институты. С 1945—1946 гг. были открыты подготовительные отделения для поступающих в вузы карелов, финнов, вепсов, а также демобилизованных воинов, на которых обучалось более 90 человек. В Петрозаводском государственном университете в 1951 г. осуществлен первый прием студентов на отделения, готовившие инженеров–технологов лесной промышленности, а также агрономов и зоотехников. В 1959 г. на лесоинженерном факультете была организована специальность "промышленное и гражданское строительство", а в 1960 г. открылся медицинский факультет и тем самым было положено начало подготовке местных кадров врачей. В 1951—1960 гг. в госуниверситете было подготовлено более 2,5 тыс. специалистов[87].

1 сентября 1952 г. начались занятия в Петрозаводском педагогическом институте, созданном на базе Карело–Финского государственного учительского института. Два его отделения — историко–филологическое и естественно–математическое — готовили преподавателей средних школ и техникумов. В 1956/57 г. в республике работало 13 техникумов с числом учащихся 6 тыс. человек. Были открыты новые учебные центры по подготовке медицинских сестер, акушеров, фельдшеров, лесоводов, зоотехников, приняты меры по повышению качества подготовки специалистов за счет улучшения учебно–материальной базы техникумов, перехода к комплектованию их выпускниками средней школы.

По сложившейся еще в 1930–е гг. традиции особое внимание обращалось на привлечение к учебе молодежи с производства из числа карельского, вепсского и финского населения. В первые послевоенные десятилетия широкое распространение получил внеконкурсный прием в вузы других республик и районов страны в основном для выпускников национальных школ, так как они не проходили по конкурсу. В 1944—1956 гг. республике было предоставлено около 650 мест по внеконкурсному приему, из них подавляющее большинство приходилось на медицинские специальности вузов Москвы, Ленинграда, Ярославля, а остальная часть — на технические вузы. Однако планы набора учащихся по внеконкурсному приему систематически не выполнялись, многие студенты не заканчивали учебу.

Помощь республике специалистами оказывалась также посредством межведомственного планового распределения выпускников центральных вузов и техникумов и поступления на работу специалистов с опытом практической деятельности. С

1944 по 1959 гг., по неполным данным, в республику прибыло около 8 тыс. специалистов высшей и средней квалификации, из них более половины имели высшее образование[88]. В дальнейшем по мере укрепления системы высшего и среднего специального образования в Карелии республика стала в свою очередь оказывать помощь кадрами специалистов другим областям страны.

Существовавшая в то время система специального образования была ориентирована на глубокое изучение основ наук и мало связана с непосредственной трудовой деятельностью человека. Эту проблему попытались решить путем осуществления реформы народного образования в конце 1950–х гг. В соответствии с Законом "Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР" (1958 г.) расширилась сеть вечернего и заочного образования, преимущество при поступлении в вузы предоставлено было рабоче–крестьянской молодежи, имевшей стаж работы на производстве не менее 2 лет, обеспечивалась возможность внеконкурсного зачисления лицам, направленным в вузы непосредственно предприятиями и учреждениями. Расширению доступности высшего и среднего специального образования способствовала отмена платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях.

При Петрозаводском государственном университете началась заочная подготовка студентов по четырем новым специальностям: лесоинженерное дело, машины и механизмы, лесная промышленность и лесное хозяйство, промышленное и гражданское строительство, агрономия. С 1962 г. начал работать общетехнический факультет с вечерней и заочной формами обучения, на котором без отрыва от производства велась подготовка инженерных кадров почти по 50 специальностям. В 1965/66 учебном году число студентов заочного и вечернего отделений ПГУ выросло в 2,3 раза по сравнению с 1958/59 учебным годом и значительно превысило число студентов дневного отделения[89]. Однако качество теоретической подготовки специалистов, получивших образование без отрыва от производства, в ряде случаев не отвечало современным требованиям. Значительная часть обучающихся не оканчивала в срок полного курса обучения.

Явный перекос в сторону заочного и вечернего специального образования был исправлен лишь в середине 1960–х гг. Дневные отделения вновь стали основной формой подготовки специалистов, как это было и раньше. Были изменены и не оправдавшие себя правила приема в вузы, так как выпускники средних школ стремились получить высшее образование, устраиваясь на работу на короткий срок только ради стажа. Расширение доступности высшего образования привело к перепроизводству специалистов в материальной сфере и, как следствие, к обесцениванию социального статуса высшего образования.

Несмотря на просчеты и издержки, в 1950—1960–е гг. были достигнуты значительные успехи в развитии высшего и среднего специального образования. Только в 1960–е гг. в университете было открыто 15 новых кафедр, а число студентов выросло более чем в 2,5 раза и составило более 6800 человек[90]. В 1967 г. в Петрозаводске начал работать третий вуз республики — филиал Ленинградской консерватории им.Н.А.Римского–Корсакова. Повысился образовательный уровень населения. О достаточно высоком динамизме темпов его роста можно судить по данным Всесоюзных переписей населения. Если в 1939 г. на 1000 человек населения республики в возрасте 10 лет и старше приходилось 132 человека с высшим и средним (полным и неполным) образованием, в 1959 г. — 361, то в 1970 г. — 493

человека. Еще более увеличилась доля этих лиц среди работавшего населения: на 1000 занятых имели высшее и среднее (полное и неполное) образование в 1959 г. — 427 человек, в 1970 г. — 638 человек[91].

Наука

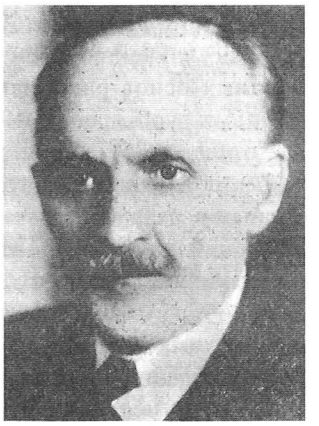
В послевоенные годы успешно развивалась наука. 31 января 1946 г. постановлением Президиума АН СССР была организована Карело–Финская научно–исследовательская база АН СССР. Из Москвы в Петрозаводск выехала бригада Академии наук во главе с академиком геологом А.А.Полкановым (в 1946—1947 гг. — первый директор КФб АН СССР) для организации научного учреждения и разработки тематики научных исследований. В составе КФб АН были созданы 5 секторов: геологический, гидрологии и водного хозяйства, почвенно–ботанический, зоологический и промышленно–экономический, а также лаборатория лесохимии. Базе были подчинены КФ НИИ культуры, переименованный в Институт языка, литературы и истории, и Кивачский заповедник. Первое заседание ученого совета базы состоялось 31 марта 1946 г. Сотрудниками КФб АН была проделана значительная работа по изучению природных богатств республики, составлены каталоги рек и озер, открыты новые залежи полезных ископаемых. Выросли научные кадры: в 1946 г. база насчитывала 69, в октябре 1949 г. — 117 сотрудников, в их числе 4 доктора и 21 кандидат наук[92].

В 1949 г. КФб АН преобразована в Карело–Финский филиал АН СССР, что способствовало расширению объема научно–исследовательских работ. Силами научных учреждений Москвы, Ленинграда и Петрозаводска было организовано комплексное изучение природных условий и естественных богатств Западной Карелии с целью определения перспектив хозяйственного освоения этого района. Совместно с научными сотрудниками Центрального музея почвоведения в Ленинграде ученые филиала АН провели исследование почвенного покрова и агропроизводственных свойств почв Карелии. Институтом геологии проделана работа по изучению геологического строения территории республики и ее минерально–сырьевых ресурсов. В составе Карельского филиала АН появились новые институты, созданные на базе лабораторий и отделов, — Институт биологии (1953 г.), Институт леса (1957 г.), Институт геологии (1960 г.). За успехи в научных изысканиях почетного звания заслуженного деятеля науки республики в числе первых удостоены член–корреспондент АН СССР языковед Д.В. Бубрих, доктора биологических наук С.В. Герд и профессор И.Ф. Правдин, геолог профессор П.А. Борисов, гидролог С.В. Григорьев, доктор исторических наук профессор А.Я. Брюсов и др.

В 1950—1960–е гг. благодаря усилиям ученых нашли широкое применение на практике научные рекомендации по механизированной послойной заготовке торфяных удобрений, повышению эффективности использования минеральных удобрений в сельском хозяйстве, внедрению рациональных приемов лесовосстановительных работ и повышению продуктивности лесов. По инициативе отдела гидрологии предпринято комплексное изучение вод Ладожского озера, позволившее выявить его термический режим и степень загрязненности. Работы экспедиции имели практическое значение для рыбного хозяйства республики, водоснабжения населенных мест и промышленных предприятий, для гидротехнического строительства. В середине 1960–х гг. силами ученых Ленинграда и Петрозаводска была организована

И. Ф. Правдин

П. А. Борисов



Д. В. Бубрих

Онежская экспедиция, осуществившая комплексное исследование Онежского озера в связи с хозяйственным использованием его природных ресурсов.

В Институте языка, литературы и истории организовано планомерное изучение истории, археологии и этнографии Карелии, особенностей карельского, вепсского, саамского и финского языков, литературы республики и народно–поэтического творчества финно–угорских народов, а также литературы и истории соседней Финляндии. Учеными института были подготовлены диалектные словари карельского и вепсского языков, ингерманландского говора финского языка, "Грамматика финского языка" и "Русско–финский словарь", "Очерки истории Карелии", "Очерк истории советской литературы Карелии" и другие работы.

На развитии науки, как и в других областях культурной жизни республики, в 1940—1950–е гг. сказались жесткий идеологический контроль, ограничение тематики исследований. В особой степени они затронули общественные науки. На съезде Компартии республики в апреле 1949 г. подверглась критике рукопись первого тома "Истории Карелии", в котором "не были использованы высказывания классиков марксизма–ленинизма применительно к древней истории, не давалась большевистская критика реакционных шовинистических теорий финских националистов". Политическими были названы ошибки в работе сектора литературы ИЯЛИ, где "не проводилась разница между социалистическим реализмом и реализмом прошлого". Был подвергнут критике как последователь сравнительно–исторического метода в языкознании, основатель советского финно–угроведения член–корреспондент АН СССР Д.В. Бубрих.

Волюнтаризм в руководстве наукой сказался и в реорганизации Карельского филиала АН в 1963 г. В соответствии с решениями ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС институты Карельского филиала АН СССР были переданы в ведение государственных комитетов по отраслям промышленности (за исключением Института биологии, переданного Петрозаводскому государственному университету, и ИЯЛИ, оставшегося в структуре АН СССР). Реорганизация филиала привела к ослаблению координации проводимых исследований, ухудшению материальной базы, распылению финансирования по многим каналам с учетом узковедомственных интересов, оттоку квалифицированных кадров из сферы науки. Единый Карельский филиал АН СССР был восстановлен постановлением Совета Министров

СССР от 18 февраля 1967 г. К концу 1960–х гг. он стал крупным региональным центром по изучению производительных сил европейского Севера СССР, разработке научных основ рационального освоения природных ресурсов, развития экономики и культуры края. В 1970 г. Карельский филиал АН СССР объединял 4 института и 2 отдела с 35 лабораториями и 7 секторами, в которых было занято более 250 научных сотрудников, в том числе 8 докторов и 112 кандидатов наук. Возросла роль ученых в разработке актуальных проблем народного хозяйства, во внедрении достижений науки в производство. По рекомендации Института геологии началось использование шунгитовых пород в строительстве, отрабатывалась технология камнеобрабатывающих предприятий. Сотрудниками Института биологии и Отдела водных проблем разрабатывались эффективные способы применения минеральных удобрений и мелиорации земель. При организации лесохозяйственных работ в республике использовались рекомендации Института леса и лесной опытной мелиоративной станции.

Плодотворную научную работу проводили другие научные учреждения республики — Северный НИИ озерного и речного рыбного хозяйства (СевНИОРХ), организовавший исследования в области рыбоводства на внутренних водоемах Карелии, Архангельской и Вологодской областей; Карельский НИИ лесной промышленности (КарНИИЛП), разработавший новые машины и механизмы для ведения лесозаготовительных и лесовосстановительных работ, комплексного использования лесосырьевых ресурсов; Карельский проектно–изыскательский НИИ (Карелпроект), лесная, сельскохозяйственная и мелиоративная опытные станции и др.

Литература и искусство

Окончание Великой Отечественной войны породило в обществе надежды на обновление культурной жизни. Конечно, жесткий идеологический диктат сдерживал развитие творческой мысли, и все же новые идеи и подходы пробивали дорогу, формировался нестандартный взгляд на многие современные явления, отстаивалась свобода творчества. Однако вскоре началось широкое наступление на идеологическом фронте, первыми жертвами которого стали литература, театр, кинематограф. В 1946—1948 гг. был принят ряд постановлений ЦК партии по вопросам литературы и искусства, в которых осуждались “аполитичность”, “безыдейность” творческой интеллигенции, отступление от принципа партийности в художественном творчестве.

Пропагандистская кампания не обошла стороной и Карелию. Подверглась критике редколлегия журнала “На рубеже”, печатавшего мало произведений на современную тему, руководство Финского и Русского драматических театров, отдававших предпочтение русской и зарубежной классике перед советской пьесой. Карельских художников упрекали в увлечении пейзажами, натюрмортами и портретами, а карельских композиторов — в предпочтении фольклорным произведениям, из которых они брали для переработки только грустные мотивы. Правительство республики приняло ряд постановлений, предусматривавших установление жесткого контроля за деятельностью театрально–зрелищных и концертных предприятий, продукцией изобразительного искусства. Проведение спектаклей, концертов, литературных вечеров допускалось только с разрешения Управления по делам искусств при Совете Министров республики и уполномоченного Главреперткома по

КФССР. Виновные в нарушении постановления подвергались в административном порядке штрафу в сумме 100 руб. или исправительно–трудовым работам на срок до 30 дней.

Деятельность творческой интеллигенции регулярно обсуждалась на партийных пленумах и конференциях, заседаниях бюро, совещаниях работников культуры. Перед деятелями литературы и искусства ставились задачи изучения марксистско–ленинской теории, активного участия в воспитании строителей нового общества. Борьба за коммунистическую идейность творчества деятелей культуры вылилась в начале 1949 г. в широкую кампанию против космополитизма и "низкопоклонства" перед Западом. 30—31 марта 1949 г. в Петрозаводске состоялось собрание работников литературы и искусства, на котором были выявлены ошибки "космополитического" характера в работе творческих кадров республики. Руководство Финского драматического театра упрекалось в увлечении произведениями финских писателей, "чуждых советскому зрителю по своему идейному содержанию". Критике подверглась постановка национальным театром пьесы норвежского драматурга Г. Ибсена "Нора". Проявлением "космополитизма" было названо и то, что на кафедре философии университета из 70 часов по истории философии на русскую классическую философию отводилось лишь 30 часов. Навязывание сверху единомыслия, абсолютизация классового подхода к проблемам культуры привели к отказу от многих достижений мировой литературы и искусства. Однако первые, хотя и робкие шаги, сделанные обществом на пути духовного раскрепощения в первые послевоенные годы, были необратимы и подготовили почву для потепления идеологического климата в середине 1950–х гг.

В послевоенный период литература республики продолжала развиваться на двух литературных языках — финском и русском. В эти годы родилась самостоятельная финноязычная, обогащенная беломорско–карельским диалектом литература. Заявила о себе группа творчески зрелых писателей–карелов родом из района Калевалы, родины знаменитых народных сказителей–рунопевцев. А. Тимонен, Н. Яккола, О. Степанов, Н. Лайне, Я. Ругоев, П. Пертту привнесли в литературу новые темы, их творчество отмечено художественным своеобразием, преемственной связью с фольклорной традицией[93].

Велась работа по переводу лучших произведений русской классики, современной советской литературы на финский язык. В русскоязычной литературе Карелии появились новые имена прозаиков и поэтов А. Титова, Б. Шмидта, Д. Гусарова, И. Симаненкова, М. Тарасова и В. Морозова.

Возрождение карельской послевоенной прозы шло в русле усиления эпического начала. Хотя преимущественное развитие в первые послевоенные годы получили очерк, рассказ, газетная корреспонденция, наряду с этим появляются крупные романы, в которых осмысливается историческое прошлое карельского народа, — "Беломорье" А. Линевского, "На берегах Пирттиярви" Н. Яккола, "От Карелии до Карпат", "Освещенные берега", "В заливе ветров" А. Тимонена, "Вперед, народ трудовой" У. Викстрема и др. Новые произведения в поэтическом жанре опубликовали Л. Хело, Я. Ругоев, Н. Лайне, В. Эрвасти и др. В карельской поэзии получила развитие как жанр поэма. Были опубликованы поэмы Б. Шмидта, А. Титова, первая в истории поэзии Карелии крупная поэма–эпопея на финском языке Я. Ругоева "Сказание о карелах".

В феврале 1949 г. литературная общественность республики и страны широко отметила 100–летний юбилей эпоса "Калевала". В Москве вышло в свет издание

В президиуме выездной сессии секретариата Союза писателей РСФСР. Петрозаводск, 1964 г. Слева направо: сказительница А. Ф. Никифорова, писатель А. Н. Тимонен, председатель правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, поэт Я. В. Ругоев

"Калевалы" на русском языке в переводе Л. Бельского под редакцией М. Шагинян и В. Казина, а в Петрозаводске — составленная О.В. Куусиненом "Поэзия Калевалы" — собрание избранных рун. В популяризации народного поэтического наследия большую роль играли карельские сказители. На страницах финноязычной периодики активно публиковались произведения сказителей М. Ремшу, М. Михеевой, Е. Хямяляйнен, в которых традиционно противопоставлялось новое старому, что было характерной чертой советского фольклора тех лет.

Развитие литературы в послевоенные годы сдерживалось жесткими рамками метода социалистического реализма, не допускавшими глубокого раскрытия индивидуальности и национальной самобытности. Идеологический контроль за деятельностью творческих работников республики со стороны партийных органов и учреждений цензуры мешал собственной трактовке писателями тех или иных событий прошлого и современности. Критике подверглась повесть А. Линевского "Тогда на Ладоге", якобы умалявшая достоинства советских людей, роман Д. Гусарова "Боевой призыв" за "недостаточно яркое воплощение руководящей роли КПСС в жизни общества", ряд других произведений. В декабре 1952 г. на заседании бюро ЦК Компартии республики было осуждено "непартийное" поведение писателей А.Н. Тимонена и У.К. Викстрема, "некритически подходивших к финской литературе и замалчивавших ее реакционные стороны". А.Н. Тимонен был освобожден от обязанностей председателя правления Союза писателей республики.

Смерть Сталина и публичное осуждение культа личности на XX съезде партии (1956 г.) создали благоприятную почву для обновления литературы, искусства, науки. Советский читатель впервые после долгих лет цензуры смог познакомиться

На выставке произведений карельских художников в залах Академии художеств СССР. 1959 г.

с романом В. Дудинцева "Не хлебом единым", повестью А. Яшина "Рычаги", творчеством А. Солженицына. Одной из центральных проблем духовной жизни того времени стала проблема свободы творчества. Широкий резонанс в писательских кругах вызвало выступление молодого поэта В. Морозова, призвавшего преодолеть провинциализм в творчестве, понимаемый им как жизнь по указаниям свыше. Ряд литераторов республики выступил с предложением переиздать произведения реабилитированных авторов. В 1954—1958 гг. читателям были возвращены произведения писателей Карелии Т.О. Гуттари, Ф.П. Ивачева, Я.Э. Виртанена, Э.Б. Парраса и др. Однако уже в конце 1950–х — начале 1960–х гг. эта работа начала постепенно свертываться. На партийных конференциях, пленумах и совещаниях вновь усилилась критика в адрес карельских писателей, художников, композиторов за недостаточное внимание к современной действительности, попытки толкнуть литературу и искусство на так называемый "свободный путь развития". Серьезные претензии были предъявлены к пьесе карельских писателей Н. Яккола и Т. Ланкинена "Глушь пробуждается", в которой была слабо показана роль политссыльных большевиков, к книге В. Бабич "Хозяйка леса", где имели место элементы аполитичности. Поэта Т. Сумманена упрекали в том, что он описывает сугубо личные чувства и переживания.

Литература республики в 1950—1960–е гг. пополнилась рядом крупных произведений, вызвавших интерес массового читателя. Появились романы А. Тимонена "Родными тропами", "Белокрылая птица", "Здесь мой дом", О. Степанова "Родичи", У. Викстрема "Суоми в огне", Д. Гусарова "Цена человеку" и книга "Три повести из жизни Петра Анохина", трилогия А. Линевского "Беломорье" и др. Новые социальные и психологические проблемы народной жизни поднимались в прозе и поэзии О. Мишина, В. Морозова, М. Тарасова, П. Борискова, Г. Кикинова, Б. Шмидта. Был осуществлен ряд постановок по пьесам местных авторов — "Это было в Карелии" А. Иванова, "В огненном кольце" П. Борискова и др. Пьеса П. Борискова была удостоена третьей премии на Всероссийском конкурсе на лучшую пьесу.

Росту влияния писательской организации Карелии на литературный процесс на Севере России способствовало преобразование с начала 1966 г. журнала "Север" (до 1965 г. журнал "На рубеже") в орган Союза писателей РСФСР, КАССР, Архангельского и Вологодского отделений СП РСФСР. В январе 1969 г. Карельский обком КПСС и Совет Министров КАССР учредили ежегодную Государственную премию Карельской АССР в области литературы и искусства. Первым лауреа-

Л. Ф. Ланкинен, народный художник РСФСР член–корреспондент Академии художеств СССР

том Государственной премии КАССР стал писатель А.М. Линевский, получивший ее за эпопею "Беломорье" и повесть "Листы каменной книги". В октябре 1969 г. литературная общественность Карелии отметила 200–летний юбилей со дня рождения выдающегося карельского рунопевца А.И. Перттунена.

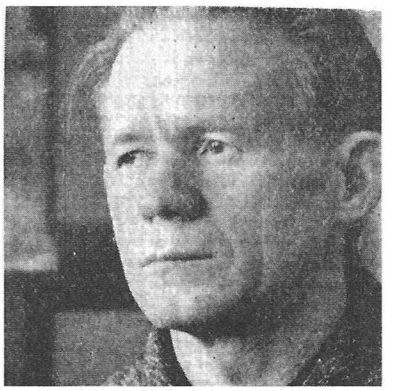
Значительное внимание в послевоенные годы уделялось развитию изобразительного искусства, его широкой пропаганде среди трудящихся. В 1950 г. в г. Петрозаводске открылась первая передвижная выставка Союза художников республики. На ней экспонировалось 30 произведений живописи и графики. За две недели выставку посетило более 2 тыс. человек. С этого года передвижные выставки стали проводиться регулярно. В августе 1951 г. состоялась первая выставка изобразительного искусства Карелии в Москве, на которой экспонировалось свыше 100 произведений живописи и скульптуры. В 1956 г. в г. Петрозаводске открылся выставочный зал Союза художников КАССР. Картины живописцев республики широко экспонировались на зональных выставках "Советский Север", выставках "Советская Россия", а также в Финляндии. Продолжались поиски новых тем и жанров. Получили значительное развитие станковая и книжная графика, офорт, линогравюра и литография.

Далеко за пределами республики были известны имена народного художника РСФСР скульптора Л.Ф. Ланкинена, удостоенного в 1969 г. Государственной премии РСФСР имени И. Репина в области изобразительного искусства за создание серии скульптурных портретов, народного художника КАССР Г.А. Стронка, народного художника РСФСР, лауреата Государственной премии КАССР С.Х. Юнтунена, заслуженных деятелей искусств КАССР З.Е. Львовича и А.И. Авдышева и др.

Активную работу по пропаганде изобразительного искусства проводил открывшийся 20 октября 1960 г. в г. Петрозаводске Музей изобразительных искусств. Основу его коллекции составили произведения, переданные из фондов Государственного историко–краеведческого музея. В комплектовании фондов музея большую помощь оказали Государственный Русский музей, Государственная Третьяковская галерея и Эрмитаж, которые подарили музею около 300 произведений русского и зарубежного искусства. За время экспедиций сотрудниками музея была собрана уникальная коллекция — более 2 тыс. произведений древнерусской живописи XV—XVIII веков, имеющих мировое значение. К 1971 г. коллекция музея насчитывала более 5600 произведений живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства. При музее работал школьный лекторий по русскому, советскому и карельскому изобразительному искусству, регулярно проводились встречи с художниками.

Восстановление городов и поселков, начавшееся еще до завершения войны, стало новым этапом в развитии градостроительства и архитектуры. В конце 1940–х — начале 1950–х гг. была осуществлена разработка планов застройки городов и

райцентров республики, однако ее существенным недостатком являлось преобладание малоэтажных и деревянных строений, неудовлетворительное архитектурное оформление, отсутствие комплексности в возведении жилых и социально-культурных объектов. Строительство велось в основном разбросанно, без создания законченных архитектурных ансамблей, а также, за редким исключением, без учета традиций народного зодчества Карелии. Не всегда учитывались экологические последствия возведения промышленных предприятий в зоне жилой застройки городов.



С. Х. Юнтунен, народный художник СССР

В послевоенные годы в столице республики был построен ряд крупных общественных зданий, создавших неповторимый облик города: универмаг на ул. Дзержинского (архитектор Н. Корнева, 1948 г.), гостиница "Северная" (архитектор К. Гутин, 1948 г.), летний кинотеатр в Парке культуры и отдыха (архитектор М. Старченко, 1949 г.), Дом связи на ул. Дзержинского (архитектор А. Андреев, 1950 г.), Музыкально-драматический театр (архитекторы С. Бродский и др., 1955 г.). Запоминающийся гостям города своеобразный стиль приобрел проспект Карла Маркса.

Со второй половины 1950-х гг. наступил новый период развития градостроительства, основанный на широком внедрении типовых проектов. В республике велась планомерная застройка Петрозаводска и районных центров — Сегежи, Кондопоги, Медвежьегорска, Кеми и др., где появились улицы многоэтажных каменных домов. Выросли новые рабочие поселки — Черный Порог, Пяльма, Боровой, Амбарный, Костомукша, Чкаловский. Однако из 36 поселков городского типа в 1959 г. генеральные планы застройки имели только 11 поселков.

Столица республики значительно расширила границы в северо-западном и юго-восточном направлениях. В 1960 г. каменные дома составляли уже 1/3 жилого фонда. Заметными вехами в формировании архитектурного облика города стали построенные во второй половине 1950-х гг. Дом физкультуры, Дом культуры ОТЗ, Публичная библиотека, Телецентр, в 1960-е гг. — одно из первых современных общественных зданий — клуб Петрозаводского отделения Октябрьской железной дороги (архитектор Э. Адалева, 1966 г.), Финский драматический театр (архитектор С. Бродский, 1965 г.), универмаг "Карелия" (архитектор А. Ротиков и В. Архипов, 1967 г.), комплекс Карельского филиала АН СССР (архитектор Е. Тимошков, 1967 г.), Дом политического просвещения, получивший на Всероссийском конкурсе по качеству строительства диплом I степени (автор и главный архитектор проекта Т.В. Ковалевская, автор интерьера Э.Б. Адалева, 1969 г.) и др.

Расширилась концертно-гастрольная и музыкально-просветительская деятельность. В августе 1947 г. Карелию впервые посетила Ленинградская государственная академическая капелла имени М. Глинки. Незабываемыми событиями в культурной жизни Карелии послевоенного периода стали выступления в Петрозаводске лауреатов Ленинской премии музыкантов С. Рихтера, Э. Гилельса, Л. Когана, творческий вечер-концерт композитора В.П. Соловьева-Седого. В 1946 г. возобновила

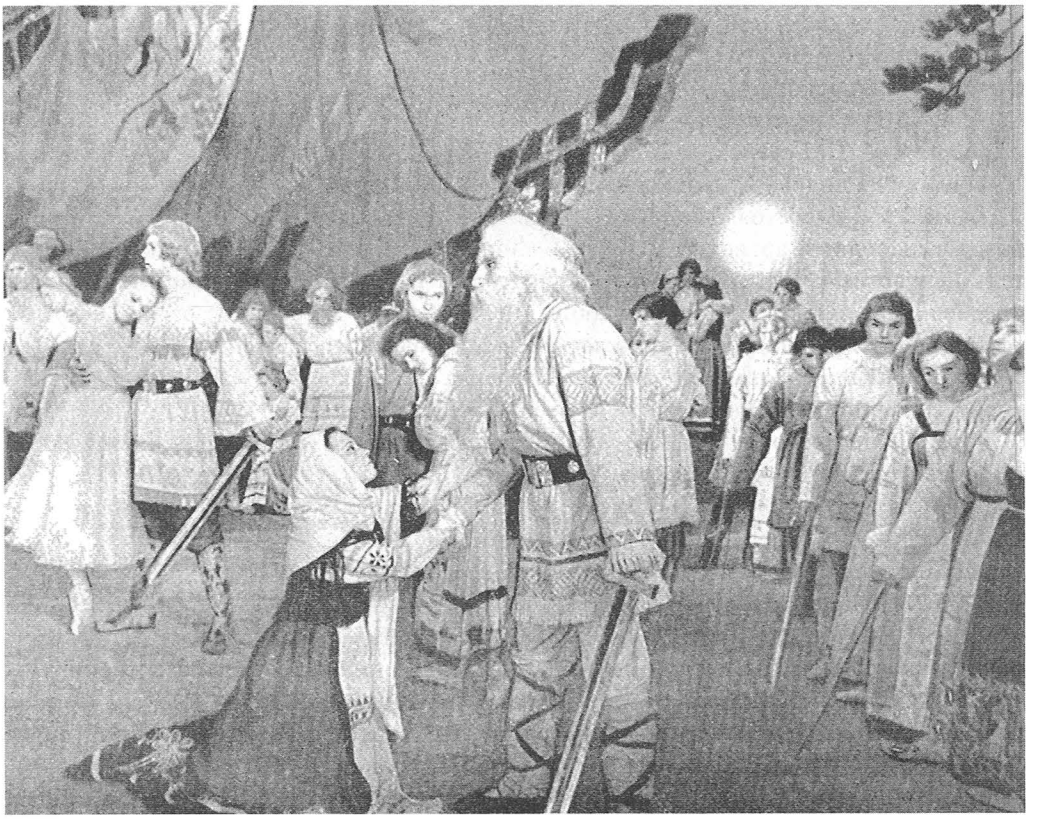
Сцена из первой карельской оперы "Кумоха". 1959 г.

свою работу Карельская государственная филармония, был возрожден симфонический оркестр. В первые послевоенные годы его деятельность ограничивалась в основном исполнением произведений русской и зарубежной классики в их наиболее популярных образцах и сочинений карельских авторов. В 1950—1960–е гг. репертуар оркестра пополнился крупными сочинениями современных советских и зарубежных композиторов — С. Прокофьева, Д. Шостаковича, И. Стравинского, А. Копленда и др. Национальный ансамбль "Кантеле", сохраняя лучшие традиции карельской, вепсской, финской народной музыки и танца, включил в свой репертуар русские, белорусские, украинские, эстонские песни, болгарские и румынские танцы, классические музыкальные произведения.

Творчество композиторов республики обогатилось новыми, в том числе синтетическими, жанрами музыкального искусства. Традиции национальной культуры нашли свое выражение в первом крупном музыкально–сценическом произведении — балете "Сампо" Г. Синисало и его же сюите "Карельские картинки", в комической опере "Кумоха" и "Вепсской рапсодии" Р. Пергамента, сюите на темы "Калевалы" Р. Раутио, "Вариациях на финскую тему" Г. Синисало, "Финских танцах" Л. Теплицкого и других произведениях. Были сделаны обработки карельских, финских и вепсских песен. В 1960–е гг. состоялись премьеры симфонической кантаты "Кантелетар" и "Симфонических рун" Э. Патлаенко, в которых были претворены образцы карельского и финского фольклора. Представители различных народов республики привносили в культуру свое восприятие национально особенного, придавая новым формам черты самобытности.

В целях улучшения музыкального образования населения открылись новые музыкальные школы в Сортавале, Олонце, Ухте, Сегеже, Беломорске. В 1952 г. состоялся первый выпуск музыкального училища республики, основанного в 1938 г. В 1967 г. в столице республики открылся филиал Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского–Корсакова.

Коллективы театров республики после окончания Великой Отечественной войны обновили репертуар, знакомя зрителей с лучшими образцами русской и совет-



Сцена из первого карельского национального балета "Сампо"

ской драматургии, классической и современной музыки. На Всесоюзном смотре спектаклей русской классики в конце 1945 г. Театр русской драмы занял одно из первых мест в стране, показав спектакли "Старик" М. Горького, "Доходное место" А. Островского, "Дворянское гнездо" И. Тургенева. В 1949 г. Театр русской драмы и Финский драматический театр приняли участие во Всесоюзном смотре спектаклей на современные советские темы. Лучшими спектаклями были признаны "Ветер с юга" Э. Грина в Финском театре, нашедший широкий отклик в Эстонии и Финляндии и впоследствии удостоенный Государственной премии СССР, и "Два капитана" В. Каверина в Театре русской драмы. За постановку спектакля "Ветер с юга" режиссер театра В.Э. Суни и заслуженные артисты КФССР Е.С. Томберг и Т.И. Ланкинен были удостоены Государственной премии СССР.

В 1950 г. открылся третий театр в Карелии — передвижной драматический театр в Сортавале, обслуживавший районы республики, а в начале ноября 1955 г., после трех лет небывалого по размаху и напряженности строительства, открыл занавес новый Музыкально-драматический театр. Музыкальное отделение театра составили выпускники ГИТИСа, консерваторий, музыкальных и хореографических училищ страны, а также опытные актеры — И. Гридчина, З. Эстрин, Н. Полагаева, Д. Утикеев, А. Шеронов, П. Паровишник, Р. Сабирова, С. Губина, С. Степанова, Ю. Сидоров, В. Мельников и др. Постепенно расширялся репертуар театра.

Зрители могли познакомиться не только с классической и советской опереттой, но и с операми "Чио–Чио–сан" Дж. Пуччини, "Травиата" Дж. Верди, "Евгений Онегин" П. Чайковского.

В 1956 г. в Музыкально–драматическом театре был поставлен первый балет — "Соперницы" П. Гертеля, в 1957—1958 гг. были показаны балеты "Эсмеральда" Ц. Пуни, Р. Глиэра, С. Василенко и "Бахчисарайский фонтан" Б. Асафьева, а 27 марта 1959 г. состоялась премьера первого национального балета "Сампо" (композитор народный артист РСФСР Г.Н. Синисало, балетмейстер заслуженный деятель искусств РСФСР И.В. Смирнов), который получил широкое признание и за пределами республики. Постановкой в 1960 г. балета "Лебединое озеро" в жизни театра начался период освоения классического балетного наследия. На карельской сцене появились балетные спектакли "Баядерка" и "Дон Кихот" Л. Минкуса, "Спящая красавица" П.Чайковского, "Жизель" А. Адана и др.

Драматическое отделение театра представило на суд зрителя ряд новых спектаклей: "Иркутская история" А. Арбузова, "Проводы белых ночей" В. Пановой, "Поднятая целина" М. Шолохова, "Живой труп" Л. Толстого, "Тартюф" Ж.–Б. Мольера и др. В конце 1960–х гг. по произведениям карельских писателей были поставлены спектакли "Примешь ли меня, земля карельская?" А.Н. Тимонена и "Любить и верить" по мотивам романа Д.Я. Гусарова "Цена человеку". На всероссийском конкурсе театров, посвященном 100–летию со дня рождения В.И. Ленина, оба спектакля и их авторы были награждены дипломами первой степени. Почетное звание народного артиста КАССР было присвоено солисту балета Государственного музыкального театра Ю.М. Сидорову, звание народной артистки РСФСР — солистке балета театра С.И. Сидоровой (Губиной).

Укрепился состав Финского драматического театра. В 1957 г. в театр вернулись выпускники карельской студии, созданной в 1952 г. при Ленинградском театральном институте имени А.Н. Островского, а в 1965 г. при Финском театре была образована своя студия. В репертуаре театра преобладала мировая и советская драматургическая классика, произведения местных авторов. В 1950—1960–е гг. был осуществлен ряд удачных постановок, по достоинству оцененных как в республике, так и за ее пределами: "Люди с Дангора" М. Андерсена–Нексё, "Васса Железнова" М. Горького, "Сын рыбака" В. Лациса, "Бабье лето" М. Лассила, "Новые друзья" У. Викстрема и др.

Творчество деятелей культуры республики получило достойную оценку. Ордена Ленина была удостоена певица С.А. Рикка, звание народной артистки СССР присвоено Е.С. Томберг, звания народных артистов РСФСР удостоены Д.К. Карпова, Т.И. Ланкинен, звания заслуженных деятелей искусств РСФСР — балетмейстер В.И. Кононов, режиссер С.А. Туорила и др.

В 1950—1960–е гг. расширилось культурное сотрудничество между Карелией и Финляндией. Регулярно проводились обмен выставками художественных произведений, гастроли театральных коллективов и коллективов художественной самодеятельности. Несмотря на идеологическую заданность и ограниченность контактов определенными рамками, международный обмен позволял расширить представления жителей республики о культурных достижениях и традициях северного соседа. В 1957 г. в г.Петрозаводске прошел фестиваль финляндских фильмов, который посетило более 30 тыс. человек. В 1958 г. были осуществлены съемки совместного советско–финского фильма "Сампо", в котором снимались актеры Финского драматического театра Т. Ромппайнен, К. Севандер, Э. Хиппеляйнен, Э. Мюрюляйнен.

Олонецкий народный хор

Более широкие масштабы приняло издание литературы на финском языке. В 1945—1957 гг. Карельское книжное издательство выпустило в свет 923 названия произведений советских авторов на финском языке, за то же время было издано 17 произведений писателей Финляндии — М. Лассила, Ю. Ахо, Э. Синерво и др. С января 1961 г. издание книг на финском языке перешло к специально созданной финской редакции издательства "Прогресс".

Разнообразнее стали творческие встречи жителей республики с известными в стране актерами, писателями, художниками. В 1940—1960-е гг. в Карелии побывали писатели М. Дудин, Л. Леонов, Р. Рождественский, Д. Гранин, Э. Грин, Ю. Рытхэу, актеры народные артисты СССР Н. Черкасов, Л. Орлова, Н. Симонов, заслуженный артист РСФСР П. Кадочников, американский художник Р. Кент и др.

Определенные шаги предпринимались по укреплению материально-технической базы культурно-просветительных учреждений. К 1949 г. в республике работало более тысячи домов культуры, клубов, изб-читален, библиотек. Все сельские клубы и избы-читальни были радиофицированы, обеспечены газетами и журналами. Непоправимый ущерб культурно-просветительной работе среди населения нанесла развернувшаяся в середине 1950-х гг. кампания по сокращению штатов в учреждениях и организациях. В районных центрах были объединены районные и городские библиотеки, а в мелких населенных пунктах сельской местности — клубные и библиотечные учреждения.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в системе государственной культурной политики определяющим стал принцип "остаточного подхода" к финансированию культурных программ. Вновь были сокращены средства на социально-культурные мероприятия, в результате сократились штаты музеев, клубных учреждений и

библиотек, ряд из них был переведен на работу на общественных началах, сократилось число памятников старины, оставленных под охраной государства и т. д. Особенно пострадала при этом материальная база культуры села, которая практически была лишена государственной поддержки. По результатам единовременного обследования, проведенного в 1108 населенных пунктах республики в начале 1967 г., в 71% населенных пунктов не было массовых библиотек, в 67% — клубных учреждений, в 600 населенных пунктах не демонстрировались кинофильмы[94]. Деятельность самих культпросветучреждений была чрезмерно политизирована, на первый план в их работе ставились задачи мобилизации трудящихся на выполнение производственных планов, а не организации их полноценного отдыха.

В конце 1950–х — в 1960–х гг. в Карелии были созданы новые музеи. В 1959 г. принял посетителей первый в республике районный краеведческий музей в г. Олонце, возглавляемый заслуженным работником КАССР Н. Прилукиным. В 1966 г. был официально открыт государственный историко–архитектурный и этнографический музей–заповедник "Кижи", формирование которого началось еще во второй половине 1940–х — в 1950–е гг. (в 1961—1966 гг. — филиал Карельского краеведческого музея). В 1967 г. открылся музей вепсской культуры в с. Шелтозеро Прионежского района.

Важное место в развитии и пропаганде культуры отводилось художественной самодеятельности. После войны были вновь организованы 172 коллектива художественной самодеятельности, возрождены районные национальные хоры, игравшие неоценимую роль в популяризации народного творчества. Широкую известность в республике и за ее пределами приобрели лауреат премии комсомола Карелии Олонецкий народный хор (художественный руководитель — заслуженный артист КАССР И.И. Левкин, с 1970 г. — заслуженный работник культуры КАССР З.Д. Аутио), хор студентов Петрозаводского государственного университета (художественный руководитель и дирижер — заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Государственной премии КАССР Г.Е. Терацуянц), хор мальчиков "Пеллерво" Дворца пионеров и школьников (художественный руководитель — заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии КАССР С.П. Оськина) и др. Большим успехом у публики пользовались выступления фольклорных ансамблей, оркестров народных инструментов.

Регулярно проводились республиканские смотры художественной самодеятельности. Первый такой смотр состоялся в 1945 г. На нем было представлено 188 коллективов художественной самодеятельности с количеством участников 1015 человек. В республиканском смотре художественной самодеятельности в 1948 г. участвовало уже 659 коллективов различных жанров — хоровых, драматических, музыкальных, танцевальных и других, объединявших 6300 человек. В 1953 г. был проведен первый республиканский Праздник песни, в котором участвовало до 500 коллективов художественной самодеятельности[95].

В целом развитию культуры в послевоенный период, как и других сфер общественной жизни, свойственны непоследовательность и противоречивость. С одной стороны, были достигнуты значительные успехи в повышении общеобразовательного уровня населения, подготовке кадров специалистов, в развитии науки, литературы, искусства. С другой стороны, творческая деятельность интеллигенции сдерживалась рамками единомыслия, в руководстве культурой усилился принцип "остаточного" финансирования, были допущены издержки в языковой политике и т. д.

Глава X

НАРАСТАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ И ПОПЫТКИ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ (1971—1991 гг.)

1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

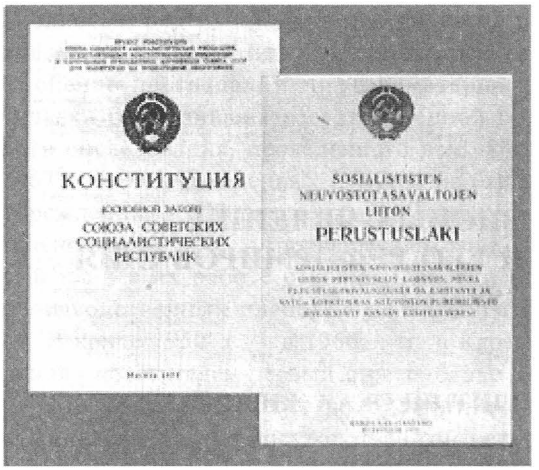
Принятие новой Конституции

В начале 1970-х гг. в СССР происходит окончательный переход к консервативной политике, предусматривавший отказ от осуществления серьезных реформ во всех сферах жизни общества. В политической системе наблюдалась консервация сложившейся системы государственных и общественных институтов. Карельская АССР не стала исключением из общего правила.

Реальная власть принадлежала партийным органам, принимавшим все важнейшие решения, определявшие основные направления общественно-политического и социально-экономического развития республики. В 1971 г. численность республиканской партийной организации составляла 35 747 человек. На протяжении 1970—1980-х гг. она непрерывно росла, достигнув к 1988 г. 44 054 человек (рост — 23%). Действовало 1289 первичных организаций[1].

Одним из главных событий общественно-политической жизни страны в это время стало принятие новых Конституций СССР, союзных и автономных республик. Ключевыми идеями нового конституционного законодательства были положения о построении в Советском Союзе "развитого социалистического общества" и создании "общенародного государства". Конституция СССР, принятая в 1977 г., закрепляла "руководящую и направляющую роль" Коммунистической партии Советского Союза, провозглашала общенародную собственность на средства производства экономической основой общества, а Советы народных депутатов — основой политической системы страны.

Карелия активно вовлекается в конституционный процесс. В июне 1977 г. была сформирована Конституционная комиссия под председательством первого секретаря обкома партии И.И. Сенькина. Подготовленный комиссией проект Основного Закона опубликовали для всенародного обсуждения. В ходе организованной кампании по обсуждению проекта, продолжавшейся 12 дней, состоялось 6390 собраний, в которых приняло участие 290 тыс. чел. (треть населения республики). Было внесено 362 предложения и замечания по тексту проекта, в том числе о внесении в Конституцию положения об ответственности руководителей, не принимающих мер по борьбе с загрязнением окружающей среды, о привлечении к ответственности граждан, причиняющих вред природе, об обязанности приумножать природные богатства и т. д. Но ни одно из них не учли, что говорит о сугубо формальном характере всенародного обсуждения.



Конституция СССР 1977 г. на русском и финском языках

30 мая 1978 г. депутаты Верховного Совета КАССР единогласно приняли новую Конституцию республики. По своей структуре и основным положениям она была идентична ранее принятым Конституциям СССР и РСФСР. Однако по сравнению с прежней Конституцией Карелии вновь принятый Основной Закон содержал ряд новых положений, в частности, в него был включен раздел о Государственном плане экономического и социального развития и Государственном бюджете КАССР. Число депутатов Верховного Совета КАССР увеличилось со 145 до 150 человек. Расширялись полномочия Верховного Совета КАССР, ему поручалось координировать деятельность постоянных комиссий Верховного Совета, контролировать соблюдение Конституции и т. д.

Возрастали полномочия Совета Министров КАССР. Так, отныне республиканскому правительству вменялось в обязанность обеспечивать комплексное социально–экономическое развитие республики, координировать и контролировать деятельность предприятий, учреждений и организаций союзного и российского подчинения по во-просам, относящимся к ведению Карельской АССР.

В Конституции появилась новая статья о наказах избирателей. Расширялся перечень прав граждан: на охрану здоровья, на пользование достижениями культуры, на жилище, на свободу научного, технического и культурного творчества, на участие в управлении государственными и общественными делами, на внесение в государственные организации предложений об улучшении их деятельности и критику недостатков в их работе.

Органы государственной власти и управления. Местные Советы

По результатам обсуждения проекта Конституции непосредственно на сессии Верховного Совета были внесены два новых положения: об обязанности Совета Министров КАССР предоставлять Верховному Совету республики отчеты о выполнении Государственных планов экономического и социального развития и исполнении Государственного бюджета и об обязанности правительства обеспечивать комплексное социально–экономическое развитие не только республики в целом, но и районов и городов.

Вступление новой Конституции КАССР в силу, а также существенные изменения в союзном и российском законодательстве вызвали необходимость обновления карельского законодательства. В 1978 г. принимается Закон о выборах в Верховный Совет КАССР, в 1979 г. — Закон о выборах в местные Советы народных депутатов. Но изменения в избирательном законодательстве носили не принципиальный, а преимущественно технический характер. Так, при выборах в местные Советы для каждо-

Сессия Верховного Совета КАССР утверждает план развития народного хозяйства республики на 1976—1980 гг.

го их звена устанавливалось минимальное и максимальное число избирательных округов, отменялся институт окружных избирательных комиссий при проведении выборов в поселковые и сельские Советы, общественным организациям и трудовым коллективам предоставлялось право отменять свои решения о выдвижении кандидатов. Примечательно, что при принятии обоих законов депутаты не высказали никаких замечаний по проектам и голосовали единогласно, что, впрочем, в тот период являлось обычной практикой.

Большое значение для жизни республики имело принятие законов о Совете Министров КАССР и о внесении изменений в законодательство о местных Советах. Высшим органом власти по–прежнему оставался Верховный Совет Карельской АССР, в компетенцию которого входило принятие республиканских законов, утверждение государственных планов экономического и социального развития и государственных бюджетов, формирование республиканского правительства, проведение единой социально-экономической политики и т. д.

В годы "застоя" процесс выборов жестко контролировался партийными и советскими органами. На один депутатский мандат выдвигался только один кандидат, представлявший "единый блок коммунистов и беспартийных". Социальный, профессиональный, национальный и персональный состав будущего депутатского корпуса предопределялся заранее и потому оставался стабильным. Типичным примером являются результаты выборов 1975 г. В них приняло участие 99,89% избирателей, из них 99,73% проголосовало за кандидатов "единого блока коммунистов и беспартийных". 50% вновь избранных депутатов составляли рабочие, 5% — инженерно–технические работники и специалисты сельского хозяйства, 35% — партийные, советские, комсо-

мольские и профсоюзные работники. Доля женщин среди депутатов — 35%. 96 человек из 145 стали депутатами впервые. Национальный состав депутатского корпуса характеризовался следующими показателями: 59% — русские, 39% — карелы, финны и вепсы, 2% — представители других национальностей. 48% депутатов имели высшее или незаконченное высшее образование, 27% — среднее, 23% — неполное среднее и 2% — начальное образование. 19% депутатов были моложе 30 лет, 21% имели возраст от 31 до 40 лет, 43% — 41—50 лет, 17% были старше 50 лет. Членами или кандидатами в члены КПСС являлись 60% депутатов, комсомольцами — 15%[2].

При формировании руководящих органов Верховного Совета КАССР, в том числе его Президиума, кандидатах на руководящие посты депутатам не сообщалось ничего, кроме названия избирательного округа. Вопросы им не задавали. Коллективные органы избирались списком.

Карельский обком КПСС, активно используя конституционное положение о руководящей и направляющей роли партии в политической системе советского общества, фактически полностью контролировал деятельность Верховного Совета. Все предложения по кадровым вопросам вносились от имени бюро обкома партии. При этом кандидаты на руководящие должности являлись, как правило, освобожденными партийными работниками или членами областного комитета партии. Например, в Верховном Совете Карельской АССР 11-го созыва таковыми являлись оба Председателя Верховного Совета, оба Председателя Президиума Верховного Совета, Секретарь Президиума, 9 из 12 председателей постоянных комиссий. Президиум Верховного Совета КАССР без разрешения обкома партии не мог созывать сессии Верховного Совета и утверждать их повестку дня. Принимавшиеся по этому поводу постановления бюро обкома партии имели гриф "секретно".

Местные Советы народных депутатов, провозглашенные Конституцией политической основой общества, руководили всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства как непосредственно, так и через образуемые ими органы. На сессиях Советов рассматривались важнейшие вопросы социально-экономической жизни, непосредственно касавшиеся насущных проблем жизни людей. Именно в Советы наиболее часто обращались граждане с просьбами о помощи. Так, в 1985 г. поступило более 43 тыс. обращений граждан, из них 55% — по жилищным вопросам, 13% — по коммунальному хозяйству, 7% — по вопросам законности и правопорядка, по 3% — по сельскому хозяйству, торговле и общественному питанию, бытовому обслуживанию и т. д.[3] Аналогичной была структура обращений населения в Верховный Совет и Совет Министров КАССР.

Однако реальные возможности местных Советов оставались ограниченными. Политическая власть была у партии, экономическая — у отраслевых министерств и ведомств. По этим причинам, а также из-за слабой материально-финансовой базы и отсутствия механизма реализации декларированных в законодательстве полномочий Советы не могли оказывать существенного влияния на политическое и социально-экономическое развитие. Основная роль в работе Советов принадлежала не представительным, а исполнительным структурам. Все важнейшие решения по вопросам социально-экономического и культурного развития принимались партийными органами.

В 1985 г. начался новый этап истории нашей страны, связанный с осуществлением политики "перестройки", имевшей целью совершенствование, модернизацию социалистического строя в СССР. На начальном этапе перестройки в центре внимания оказались Советы народных депутатов. Их подвергли критике за слабое использование

своих полномочий. Однако со временем власти признали, что главная проблема в работе Советов заключается в нехватке реальных, а не декларированных полномочий. XXVII съезд КПСС в 1986 г. выдвинул задачу активизации Советов, усиления их влияния на социально–экономическое развитие страны. Принимается ряд решений по расширению их полномочий и совершенствованию избирательной системы.

В Карелии в 1987 г. вносятся изменения в законодательство о выборах в местные Советы народных депутатов, предусматривавшие определенную демократизацию избирательной системы. В частности, теперь допускалась возможность проведения выборов по многомандатным округам. В качестве эксперимента такие выборы провели в Кондопожском районе, где образовали 122 многомандатных округа вместо 465 существовавших ранее. На окружных предвыборных собраниях обсуждалось примерно по два кандидата на каждый депутатский мандат. Из числа рекомендованных властями кандидатур поддержку собраний получили только 70%. В голосовании приняло участие 88% избирателей. Большинство избирателей, не принявших участие в голосовании, объяснили свое неучастие в выборах недовольством порядком продажи винно–водочных изделий (выборы проходили в разгар очередной кампании по борьбе с пьянством), решением жилищно–коммунальных и торговых вопросов, работой местных Советов. 93 человека заявили о своем несогласии с порядком проведения выборов и с избирательной системой. Все кандидаты получили более 50% голосов и стали депутатами или резервными депутатами. 36% резервных депутатов являлись партийными и советскими работниками, что создало неожиданные для властей сложности с подбором руководителей Советов, депутатских комиссий и групп.

Результаты эксперимента учли при подготовке следующих выборов в Советы в новом Законе "О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Карельской АССР", принятом в 1989 г. Принятию закона предшествовало его широкое обсуждение, в ходе которого наиболее часто выдвигались предложения о проведении выборов по производственным округам (от трудовых коллективов) и о прямых выборах председателей Советов. Первое предложение было отклонено как нарушающее природу Советов, являющихся органами самоуправления территорий. Второе решили экспериментально проверить в ходе выборов в Петрозаводске и Костомукше. Новый закон позволял проводить выборы депутатов местных Советов по много– и одномандатным округам по решению самих же Советов. В небольших населенных пунктах разрешалось проведение выборов депутатов по единому списку. Вводилась должность председателей Советов, которые вместе с президиумами должны были организовывать работу Советов, чтобы уйти от ситуации, когда работой Советов фактически руководили их исполнительные органы. Теперь же исполнительная власть сосредоточивалась в руках главы местной администрации.

Очередные выборы в местные Советы состоялись в 1990 г. и характеризовались, с одной стороны, относительно низкой активностью избирателей, а с другой — острой конкуренцией среди кандидатов. Так, в Петрозаводске на 180 мандатов претендовало 610 человек. Низкая активность избирателей почти повсеместно привела к необходимости проведения повторного голосования и повторных выборов. Пытаясь решить эту проблему, некоторые местные Советы организовывали в день выборов дополнительную продажу спиртного или даже фальсифицировали избирательную документацию. Эксперимент по проведению прямых выборов председателя местного Совета, состоявшийся в Костомукше, оказался неудачным — для признания выборов действительными не хватило голосов избирателей.

Карельская организация КПСС в годы перестройки

Изменение роли Советов народных депутатов в политической системе не могло не вызвать изменений в формах и методах деятельности партийных органов. "Перестройка" предполагала сохранение и усиление руководящей роли партии. В Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде партии говорилось о том, что в новых исторических условиях руководящая роль партии закономерно возрастает. Важной предпосылкой сохранения руководящей роли КПСС являлась опора на региональные партийные организации, жестко подчиненные Центральному Комитету, но обладавшие значительной властью на местах.

В апреле 1984 г. первым секретарем Карельского обкома партии стал В.С. Степанов. И.И. Сенькин, руководивший партийной организацией республики на протяжении 25 лет, избирается Председателем Президиума Верховного Совета КАССР. В.С. Степанов оказался жестким, волевым руководителем "андроповского" типа, склонным к администрированию и полагавшим, что укрепление исполнительской дисциплины способно решить основные проблемы, стоявшие перед республикой. Обком КПСС с его бюро и секретариатом по–прежнему руководили всей жизнью республики, рассматривая на своих заседаниях не только собственно партийные или политические, но и сугубо производственные вопросы. Деятельность районных и городских партийных организаций обком оценивал по итогам социально–экономического развития районов и городов Карелии. Он контролировал деятельность государственных и хозяйственных органов республики и давал им прямые поручения.

После XXVII съезда КПСС на всех уровнях стали говорить о необходимости коренной перестройки форм и методов партийной работы, но каких–либо конкретных и конструктивных предложений ни в центре, ни на местах не выдвигалось. Все сводилось к общим призывам улучшать работу с кадрами, повышать требовательность к вступающим в партию и т. д.

Перестройка деятельности партийных организаций шла трудно и мучительно. Она активизировалась после XIX Всесоюзной партконференции. Летом 1989 г. прошли пленумы райкомов и горкомов партии, собрания партийных активов, обсуждавшие задачи партийных организаций по усилению партийно–политической работы в современных условиях, усилению влияния коммунистов на ход перестройки. Коммунистами выдвигалось немало предложений, призванных обеспечить настоящее обновление партийной жизни: проводить альтернативные выборы секретарей парткомов; предоставить "первичкам" право окончательного приема в партию; предусмотреть в Уставе КПСС процедуру добровольного выхода из партии; ввести принцип гласности во всех внутрипартийных делах вплоть до Политбюро; предоставить первичным организациям право самостоятельно распоряжаться членскими взносами и т. д.

4 августа 1989 г. состоялось собрание партийного актива республики, обсудившее проблемы перестройки партийной работы. Оно приняло программу действий, предусматривавшую, в частности, проведение в областной партийной организации дискуссии о роли партии в условиях обновляемой политической системы, развития внутрипартийной демократии.

Но обновление деятельности партии шло слишком медленно. Она постепенно утрачивала свой авторитет и властные функции, что подтвердили неудачные для партии итоги выборов народных депутатов СССР, РСФСР, депутатов Верховного Совета КАССР и местных Советов в 1989—1990 гг. Тем не менее к началу 1990 г. обком КПСС продолжал оставаться реальным органом власти в республике. Любо-

пытной иллюстрацией является тот факт, что митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий II) обратился с просьбой ускорить выполнение постановления Совета Министров КАССР "О передаче объектов бывшего Валаамского Спасо–Преображенского монастыря в пользование Ленинградской епархии Русской православной церкви" не к Верховному Совету или Совету Министров КАССР, а к первому секретарю Карельского обкома КПСС.

Первый секретарь Карельского обкома КПСС В. С. Степанов

С 1990 г. в деятельности КПСС все явственнее проступают кризисные явления. Начинается выход коммунистов из партии. Нарастает критика в адрес центральных и региональных партийных органов. В июне 1990 г. первый секретарь Карельского обкома КПСС следующим образом оценивал настроения в республиканской парторганизации: "Часть коммунистов и парторганизаций охватила растерянность и парализовала их деятельность, с другой стороны, проявляется нетерпение, недовольство большого числа коммунистов темпами и последовательностью демократизации внутрипартийной жизни"[4].

У коммунистов всех течений, существовавших к тому времени в партии, оставалась большая надежда на XXVIII съезд КПСС. Одновременно значительная их часть выступила за создание Коммунистической партии Российской Федерации. Итоги референдума, проведенного по этому вопросу в Карельской парторганизации, показали, что 70% коммунистов республики поддерживают данное предложение.

XXVIII съезд КПСС, состоявшийся в июле 1990 г., не оправдал возлагавшихся на него надежд. Неудовлетворенность итогами работы съезда усугубила кризис в КПСС, наглядным проявлением которого стало увеличение числа вышедших из партии. За 1990 г. Карельская областная партийная организация сократилась на 9363 человека, в том числе за период после партийного съезда — более чем на 5 тыс. На 1 января 1991 г. в ней состояло 33 142 члена и кандидата в члены КПСС. Сокращался прием в партию, уменьшалась доля рабочих, происходило старение парторганизации (средний возраст составлял 55 лет). За январь—июнь 1991 г. республиканская парторганизация сократилась еще на 12,5% (на 4125 человек). За это же время по республике было принято в партию всего 8 человек. К моменту прекращения своей деятельности Карельская республиканская организация КП РСФСР насчитывала 29 017 человек, объединенных в 1128 первичных организаций[5]. Весьма болезненным стал процесс департизации силовых структур и учреждений образования. Карельская парторганизация оказалась не готовой к переносу основной работы от производственных к территориальным парторганизациям.

Все более острой проблемой становилось сокращение финансовой базы област-

ной парторганизации вследствие снижения дотаций из центра и уменьшения доходов от членских взносов. Особенно серьезно это сказалось на финансировании партийной печати. В этих условиях ставились задачи сокращения численности освобожденных партийных работников и развития собственной хозяйственной деятельности.

Адаптироваться к новым условиям республиканская парторганизация не смогла и не успела, так как после событий августа 1991 г. ее деятельность была приостановлена, а имущество национализировано. В дни августовского кризиса обком, райкомы и горкомы КП РСФСР заняли пассивную, наблюдательную позицию, не поддержав определенно ни одну из сторон разразившегося конфликта.

Возникновение новых общественно–политических движений и организаций

Перестройка способствовала появлению принципиально новых общественных организаций. Одной из первых стала возникшая весной 1988 г. федерация творческих союзов республики, считавшая своей главной задачей борьбу за радикализацию перестроечных процессов в республике. Но она быстро распалась, фактически не начав действовать.

В ноябре 1988 г. начинает действовать Народный фронт Карелии (НФК). Предполагалось, что новая организация будет объединять активных сторонников "перестройки" для демократического преобразования общества. НФК считал своими задачами реализацию в республике решений XIX партконференции, формирование в республике общественного мнения, активное участие в выборах, подготовку и реализацию программы территориальной, национальной, хозяйственной и культурной автономии республики. Принципиальное значение имело решение о том, что НФК не будет иметь национальной основы. Подавляющее большинство членов НФК представляло интеллигенцию.

С самого начала в НФК сложились два течения. Радикалы считали своей главной целью борьбу с бюрократией как классом эксплуататоров путем проведения митингов, забастовок, организации движения общественного неповиновения, выступая против любого сотрудничества с КПСС. Представители второго течения считали основной задачей борьбу за социально–экономические преобразования в сотрудничестве с органами власти, допускали возможность сотрудничества с КПСС по реализации решений XIX Всесоюзной партконференции, не возражали против участия коммунистов в деятельности НФК. Серьезными проблемами для НФК оставались отсутствие единства взглядов по принципиальным вопросам и недостаточная массовость организации. Разногласия среди членов НФК затянули работу по принятию устава организации. К началу 1989 г. удалось принять только "Обращение оргкомитета по инициации всенародного движения за перестройку в Карелии", в котором говорилось, что НФК является организацией, действующей во имя социалистической демократии, гуманизма и прогресса, поощряющей гражданскую инициативу и способствующей созданию правового государства, в котором социальная справедливость и материальное благополучие сочетаются с богатой духовной жизнью народа[6].

Появление НФК было недоброжелательно встречено партийными и комсомольскими органами. Однако после выборов 1989 г., в которых Народный фронт принял активное участие, популярность движения возросла, что заставило власти несколько изменить свое отношение к нему. В ходе выборов народными депутатами СССР ста-

ли поддержанные НФК кандидаты — С. Белозерцев, А. Генчев и А. Юдов, победивший первого секретаря обкома КПСС В. Степанова. В мае 1989 г. идеологический отдел обкома КПСС организовал встречу с Народным фронтом, в которой приняли участие представители и других "неформальных" организаций.

В сентябре 1989 г. в Петрозаводске состоялась учредительная конференция НФК. К этому времени НФК объединял около 600 петрозаводчан и 400 жителей районов республики. Конференция приняла Декларацию и Устав НФК. НФК заявил, что вся власть в стране и на местах должна принадлежать Советам, призвал жителей Карелии избегать методов силового давления при решении спорных вопросов, добиваться гласного обсуждения республиканских проблем, готовиться к предстоящим выборам в советы всех уровней, требовать отмены 6–й статьи Конституции СССР, бороться за демократическую перестройку в КПСС, требовать равных экономических условий для государственных, кооперативных и индивидуальных производителей и т. д.

Устав провозгласил целями НФК повышение общей и политической культуры народа, создание "демократического механизма подлинно гуманного общества", выдвинул следующие лозунги: "Вся власть — Советам, земля — крестьянам, предприятия — рабочим!", "Мир без насилия!", "Демократия, гласность — во всех сферах жизни общества!", "Социальная справедливость и гуманизация всех отношений в обществе!" Принципами деятельности организации были названы: демократия и плюрализм, право народов на самоопределение, уважение к личности и защита прав человека, дружба народов и сохранение всех национальных культур в Карелии, социальная справедливость, гласность и открытый характер деятельности, коллективность принятия решений и коллегиальность руководства, взаимное уважение и сотрудничество[7].

Переломным для НФК стал 1990 год, когда Президиум Верховного Совета КАССР зарегистрировал его как независимую общественно–политическую организацию. После выборов 1990 г. представители НФК или близкие к движению люди стали депутатами местных Советов, что потребовало изменения форм и методов работы фронта.

Другой организацией, объединившей сторонников перестройки, стала "Демократическая инициатива", созданная в сентябре 1988 г. в результате слияния костомукшского литературного объединения и группы "зеленых". Новая организация провозгласила своей основной задачей "утверждение принципов демократии во всех сферах жизни города, а также всего советского общества, и практическое содействие процессу перестройки". Пути решения этой задачи виделись в в содействии городским советским и общественно–политическим органам в рассмотрении и решении общественно–политических проблем, в участии в избирательных кампаниях, в общественной защите лиц, преследуемых бюрократическим аппаратом "за действия в рамках широкого социалистического плюрализма".

Организация была официально зарегистрирована. К началу 1989 г. организация объединяла 15—20 человек. Рабочие составляли 40%. "Демократическая инициатива" приняла активное участие в избирательной кампании 1989 г., однако ее представители неудачно баллотировались в народные депутаты СССР. В составе организации действовали экологическая группа, секция по защите интересов потребителей, секция по работе с молодежью. "Демократическая инициатива" выступала против строительства в республике атомной электростанции, провела митинг по "афганской" проблеме, через своих депутатов активно участвовала в работе Костомукшского горсовета.

В начале 1989 г. в составе "Демократической инициативы" возникает социал–

демократическая группа, в мае 1989 г. создается социал–демократический клуб и принимается его устав. Было принято решение о вхождении во Всесоюзную конфедерацию социал–демократических клубов. Постепенно социал–демократический клуб занял место "Демократической инициативы". Все его члены приняли участие в качестве кандидатов в выборах народных депутатов РСФСР, Верховного Совета и местных Советов КАССР[8].

Одновременно началось формирование социал–демократической организации в Петрозаводске. В июне 1990 г. исполком Петрозаводского отделения Социал–демократической партии выступил с обращением "К гражданам Карелии", в котором, в частности, говорилось о создании в Петрозаводске и Костомукше территориальных организаций Социал–демократической партии России, о работе по созданию аналогичных организаций в других городах Карелии и подготовке создания Социал–демократической партии Карелии в составе СДПР.

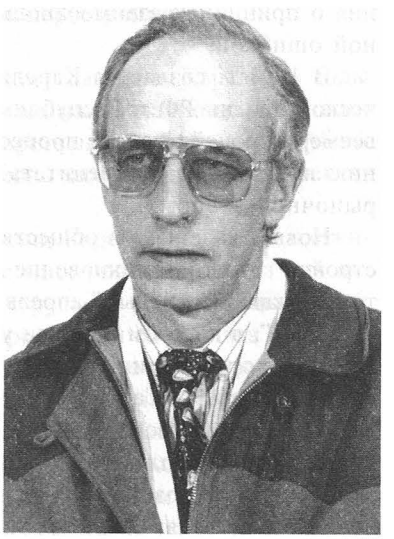
В июле 1990 г. социал–демократы Петрозаводска выразили свое отношение к итогам работы XXVIII съезда КПСС, заявив, что фактически единой Коммунистической партии Советского Союза более не существует, что она представляет собой объединение трех политически враждебных сил: реформаторов западного социал–демократического направления, прагматиков–аппаратчиков и сталинистов. По мнению социал–демократов, ни одна из этих группировок не являлась истинно коммунистической. Провозглашенная на съезде идея демократического социализма была позаимствована у социал-демократов и НТС. 24 сентября 1990 г. Совет Министров КАССР зарегистрировал газету петрозаводских социал–демократов "Республика".

В октябре 1990 г. социал–демократы Петрозаводска обратились к населению республики с изложением своих программных целей. В области экономики они предлагали разрешить частную собственность, начать юридическую проработку вопроса о создании в Карелии свободной экономической зоны, разрешить покупку и продажу земли, реорганизовать республиканскую финансовую систему, допустив, в частности, создание кооперативных и акционерных банков. Социальные цели социал–демократов включали введение пособий по безработице, отмену режима прописки, принятие закона об альтернативной воинской службе, улучшение социальной защиты работников правоохранительных органов, принятие закона о материнстве и детстве и т. д. Политическими задачами социал–демократов являлись объявление Карелии безъядерной зоной, запрещение политической деятельности на производстве, деполитизация правоохранительных органов, суда, прокуратуры, школы, изъятие политических функций от профсоюзов, принятие нового избирательного законодательства, которое предусматривало бы проведение выборов по партийным спискам и т. п.[9]

Летом 1990 г. предпринимаются попытки координации действий демократически ориентированных политических групп Карелии. Появляются совместные обращения и заявления. Так, в июле 1990 г. координационный совет НФК, рабочий комитет ПО ОТЗ, коллективные члены Конфедерации труда СССР, исполком Петрозаводского отделения СДПР выступили с совместным обращением к коммунистам Карелии по итогам работы учредительного съезда РКП, в котором, резко осудив решения съезда, призвали коммунистов Карелии "дождаться XXVIII съезда КПСС и только после него сделать свой выбор: кому оставаться в КПСС, кому переходить в обращенную вспять РКП, кому выделяться с Демплатформой в самостоятельную партию, предварительно разделив бюджет КПСС". Такой призыв отражал присущее в тот период демократическим слоям политически активного населения убеждение в возможности реформирования КПСС изнутри. В связи с этим они считали весьма опасным массовый

выход демократически настроенных коммунистов из рядов все еще влиятельной и мощной партии.

Попытки организационного объединения демократических партий и движений предпринимались осенью 1990 г. по призыву российского оргкомитета по созданию движения "Демократическая Россия". 26 сентября 1990 г. в Петрозаводске состоялось организационное собрание, на котором присутствовали представители Народного фронта Карелии, обществ "Мемориал" и "Природа", Петрозаводского и Костомукшского отделений СДПР, формировавшейся в тот период "Демократической платформы" в КПСС, Демократической партии России, представители ряда предприятий и объединений, народные депутаты РСФСР, КАССР, депутаты Петрозаводского горсовета. Был избран оргкомитет и принято решение о проведении республиканской конференции демократических сил республики.



Сопредседатель движения "Демократическая Россия" в Карелии И. И. Чухин

Учредительная конференция общественно–политического движения "Демократическая Россия" в Карелии состоялась в октябре 1990 г. Сопредседателями движения были избраны С. Белозерцев, И. Чухин, Г. Киреев. Участники конференции приняли резолюцию, в которой поддерживалось решение Верховного Совета РСФСР о реализации программы радикальных экономических реформ "500 дней" С. Шаталина и Г. Явлинского. В резолюциях конференции содержались требования отставки Совета Министров СССР, всенародных выборов президента СССР, проведения прямых переговоров между республиками о заключении нового союзного договора, национализации имущества КПСС, отмены неконституционных привилегий для членов КПСС, деидеологизации средств массовой информации. Вызвал дискуссию и остался неразрешенным вопрос о том, могут ли входить в движение "Демократическая Россия" члены КПСС[10].

Становление многопартийности заставляло власть вырабатывать формы и методы сотрудничества с новыми партиями и общественно–политическими движениями. Петрозаводский горсовет выступил с инициативой организации "круглого стола" и принятия заявления "Об основных принципах взаимодействия политических партий и движений в г. Петрозаводске". Проект этого документа устанавливал, что подписавшие его партии и движения будут считать главной своей целью "создание в городе стабильной общественно–политической обстановки, способствующей нормальной жизни, работе и отдыху петрозаводчан". Декларировались принципы равенства партий и движений перед законом, соблюдения законодательства, приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и групповыми, политического плюрализма, соблюдения прав человека и т. д. Предполагалось, что подписавшие документ партии и движения будут участвовать в разработке и осуществлении социально–экономических программ, содействовать развитию в Петрозаводске национальных культур[11]. В заседании "круглого стола", состоявшемся в сентябре 1990 г., приняли участие коммунисты, социал–демократы, "зеленые", НФК. Выяснилось, что только коммунисты готовы подписать этот документ. Отказ демократических сил от подписания заявле-

ния о принципах взаимоотношений политических партий и дивжений стал их крупной ошибкой.

В 1991 г. создается Карельская ассоциация представителей Социал–демократической партии РФ и Республиканской партии России, заявившая о своем намерении всемерно содействовать процессу становления гражданского общества, восстановлению подлинного суверенитета России, формированию эффективной многоукладной рыночной экономики.

Новым явлением в общественно–политической жизни республики периода "перестройки" стало возникновение и развитие движения "зеленых", боровшихся за защиту окружающей среды. 7 апреля 1990 г. в Петрозаводске состоялся Всекарельский съезд "зеленых", в котором приняли участие комитет "Экология и жизнь" Народного фронта Карелии, организация "Природа" (Петрозаводск, Медвежьегорск), кондопожский союз "зеленых" "Сандал", экологическая группа поселка Надвоицы, экологическая секция костомукшского движения "Демократическая инициатива", студенческая "Зеленая лига". Предложения съезда включали: разработку конструктивной программы экологического оздоровления края; объявление Сегежского района зоной экологического бедствия; закрытие или перепрофилирование Надвоицкого алюминиевого завода; составление и обнародование экологических карт Карелии; подготовку и принятие законов об охране природы Карелии и об охраняемых природных территориях Карелии; прекращение любых работ по строительству Карельской АЭС и горно–лыжного центра на горе Нуорунен; передачу местным Советам решение вопросов лесопользования[12]. 17 ноября 1990 г. состоялась конференция Ассоциации "зеленых" Карелии, зарегистрированной за месяц до этого.

Целая группа новых общественно–политических движений имела ярко выраженный профессиональный характер. Политическая деятельность стала для них способом защиты профессиональных, "цеховых" интересов. В декабре 1988 г. был создан Союз кооператоров "Карелия". Он являлся общественной организацией кооперативов, предприятий и граждан, созданной с целью способствовать осуществлению перестройки в стране, проведению радикальной экономической реформы, развитию кооперативного сектора экономики и индивидуальной трудовой деятельности. Принципами деятельности союза провозглашались экономическая свобода его членов, свободная конкуренция, свободное ценообразование, свобода торговли, предпринимательства, маркетинга, самоуправления. В уставе закреплялось право союза выдвигать кандидатов в депутаты советов всех уровней, что делало его политической организацией.

В мае 1989 г. состоялся внеочередной съезд Союза кооператоров. В сентябре 1989 г. прошла учредительная конференция по созданию профсоюза кооператоров, избравшая обком профсоюза и делегатов на предстоявший съезд профсоюза работников кооперативов РСФСР. Приоритетами деятельности нового профсоюза учредительная конференция определила защиту "законных прав и интересов трудящихся в области труда и заработной платы и других социальных вопросов, контроль за исполнением действующего законодательства о труде, участие в выработке советскими и хозяйственными органами программ экономического и социального развития республики, в решении других вопросов конкретного участия производственных кооперативов, ассоциаций, объединений в их реализации".

Ни одна из новых общественных и политических организаций республики не приобрела массового характера и не оказала существенного влияния на внутриполитическую ситуацию в Карелии.

Национальный вопрос в Карелии в годы перестройки

Важнейшей особенностью общественно–политического развития Карелии в годы перестройки стало выдвижение в центр общественного внимания национального вопроса и связанной с ним проблемы национально–государственного статуса республики. Он не приобрел той остроты, которая была характерна для многих других регионов СССР, хотя и имел свои особенности.

По данным переписи населения 1989 г., на территории Карельской АССР проживали представители 92 наций и народностей. Наиболее многочисленными из них являлись русские — 73,6% населения, карелы — 10, белорусы — 7, украинцы — 3,6, финны — 2,3, вепсы — 0,8%. Доля прочих наций и народностей составляла 2,7%. Из проживавших в СССР 212 тыс. финнов, вепсов и карелов на долю республики приходилось менее половины. Они составляли 13% населения республики. Основным разговорным языком являлся русский. Им свободно владело 99,4% населения республики. Считали родным или могли свободно говорить на карельском языке 63,5% карелов. На вепсском языке свободно говорили 55,1% вепсов, на финском языке — 40,8% финнов[13].

В 1986—1987 гг. в республиканских средствах массовой информации представители национальной интеллигенции начали поднимать вопрос о необходимости возрождения карельского и вепсского языков, о сложном положении этих народов. Одновременно выдвигались предложения о создании национально–культурных обществ, призванных способствовать национальному возрождению народов Карелии. В дальнейшем в центре внимания оказались вопросы национально–государственного статуса республики. Острую дискуссию вызвал вопрос о том, какие народы следует считать коренными для Карелии. В итоге дискуссии таковыми признали карелов, вепсов и русских. И если для русских каких–то специфических именно для Карелии национальных проблем не было, то применительно к карелам и вепсам их возникало множество.

Карелы, дав имя названию республики, не только не обладали какими–то преимуществами, но и оказались в состоянии кризиса как этнос. Реальной становилась перспектива исчезновения этого народа, прежде всего, в ходе естественной ассимиляции.

В годы перестройки обозначились различные взгляды на пути решения вопроса о сохранении и развитии карельского народа. В центре внимания оказался карельский язык. Это не было случайностью, поскольку проблема карельского языка явно или скрыто существовала на протяжении всего советского периода истории карельского народа. Известный писатель Я. Ругоев, выступивший за сохранение и развитие карельской культуры, одновременно заявил, что нет смысла пытаться создавать карельскую письменность, так как общим литературным языком для всех карелов может служить финский. Заявление Я. Ругоева вызвало активную дискуссию о судьбах карельского языка. Обсудив ее итоги, Совет Министров КАССР поручил ИЯЛИ КФ АН СССР, Министерству народного образования, Министерству культуры КАССР, другим заинтересованным министерствам и ведомствам разработать целевую программу по развитию карельского языка, учитывающую необходимость решения проблем национального самосознания, материальной и духовной культуры карелов. Предполагалось подготовить букварь карельского языка на основе латинской графики и свод орфографических правил карельского языка для карелов–ливвиков. Намечались меры по изданию школьных учебников карельского языка для 1—3 клас-

сов. Увеличивался прием студентов на финно–угорское отделение Петрозаводского государственного университета.

Однако обсуждение проблем карельского языка постепенно приняло политический характер. Поводом стало "Открытое письмо к жителям Карелии", опубликованное 5 апреля 1989 г. в газете "Ленинская правда". Его подписали писатели Я. Ругоев, О. Степанов, П. Мутанен, композитор Г. Синисало, художники В. Добрынин, К. Буторов и др. Проанализировав итоги выборов народных депутатов СССР, состоявшихся 26 марта 1989 г., они отметили, что из 71 кандидата только 13 представляли коренное население республики, в том числе 9 карелов, 2 вепса и 2 финна. После проведения окружных избирательных собраний зарегистрировали только 5 представителей коренного населения. Все кандидаты, представлявшие коренное население, включая первого секретаря Карельского обкома КПСС В.С. Степанова, выборы проиграли.

По мнению авторов, "то, что случилось... не является случайностью. Скорее всего это отражение не только крупных срывов в интернациональном воспитании населения Карелии... но и результат длительного пренебрежения и нежелания разобраться в существующих межнациональных отношениях в нашей многонациональной республике. Многочисленные же сигналы с мест о неблагополучных явлениях годами квалифицировались, чаще всего, как частные случаи, и им не давали принципиальной оценки. По давней традиции считалось и до сих пор считается, что у нас в Карелии неудобно затрагивать эти больные вопросы...". Среди виновников такой ситуации авторы письма называли мигрантов, чуждых истории и культуры края и его "первожителям". Письмо вызвало бурную реакцию общественности и активизировало дискуссию по национальному вопросу. Зазвучали требования о законодательном определении статуса карельского языка. Новый толчок политизации "карельского вопроса" дали итоги выборов в Верховный Совет КАССР в 1990 г. Среди избранных депутатов представители коренного населения составили около 10%, что соответствовало национальной структуре населения республики. Но не всех этот результат удовлетворил. В прессе появились публикации, авторы которых настаивали на создании правового механизма, обеспечивающего гарантированную квоту депутатских мандатов для представителей коренного населения.

В мае 1989 г. в Петрозаводске состоялась конференция "Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы развития в условиях совершенствования межнациональных отношений". Участники конференции приняли рекомендации, в том числе об изучении карельского языка только как родного карельским населением и на безусловно добровольной основе. Они обратились к Министерству народного образования КАССР с предложением ввести преподавание карельского языка для карелов в детских садах и начальных классах, не препятствовать изучению карельского языка лицами других национальностей. В рекомендациях конференции предлагалось открыть кафедру родных языков в КГПИ и отделение родного языка в ПГУ.

Тогда же создается Общество карельской культуры. Общество ставило перед собой задачи развития культуры и языка карелов, воспитания у них уважительного отношения к своему историческому наследию, участия в решении вопросов, затрагивающих интересы карельского народа. В центре внимания общества находилась проблема карельского языка. К весне 1989 г. общество насчитывало около 300 членов, в основном петрозаводчан. Его отделения создаются в Олонце, Пряже, Паданах и Сегеже. До 1990 г. Общество карельской культуры не занималось политической деятельностью. Однако со временем общественно–политические вопросы начинают зани-

мать в его работе все большее место, возможно, под влиянием критики со стороны радикального крыла карельского национального движения.

С осени 1990 г. вне рамок обществ национальных культур возникают инициативные группы, выступающие с идеей государственного суверенитета для титульных наций. В Карелии в ноябре появляется группа А. Григорьева, со временем оформившаяся в "Карельское движение", своей целью определила отстаивание социально–политических, экономических интересов карелов путем пересмотра национально–государственного статуса Карелии. Для этого предлагалось создать общественно–политического движение, которое координировало бы деятельность всех национально–культурных обществ финно–угорских народов. Однако последние не проявили интереса к предложению.

Обществом карельской культуры в декабре 1990 г. было принято решение о проведении в июне 1991 г. республиканского съезда карелов для выработки единой республиканской комплексной программы национального возрождения карельского народа в Карельской АССР, включающей в себя решение вопросов социальной, экономической и демографической политики, определение путей совершенствования национально–государственного устройства республики, обсуждение мер по дальнейшему развитию языка, культуры, образования карелов, укрепление их сотрудничества с карелами, проживающими за пределами автономии. 16 января 1991 г. это предложение поддержал Президиум Верховного Совета Карельской АССР. Выборы делегатов состоялись весной 1991 г.

Оргкомитет по подготовке и проведению съезда опубликовал тезисы доклада "О политико–правовом состоянии карельского народа в Карельской АССР", в которых говорилось о том, что создание государственного образования для карелов только на словах являлось реализацией права народов на самоопределение, в реальности же этот шаг вызвало противостояние Советской России и Финляндии. На протяжении всей истории существования карельской государственности она оставалась формальной. В Конституции КАССР 1978 г. даже не упоминается о карелах, не определяется статус карельского языка. Принятая Верховным Советом республики в августе 1990 г. Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР продолжила линию на территориальный, а не национальный характер карельской государственности.

Авторы тезисов предлагали добиваться расширения прав республики в решении социально–экономических вопросов, отказаться от статуса автономной республики, реализовать на практике положения Тартуского договора 1920 г., прежде всего "Заявления о самоуправлении Восточной Карелии", в соответствии с которым карельская автономия должна быть в границах ее этнической территории, с органами самоуправления, обладающими широкой свободой действий, с карельским народным языком в качестве государственного, с собственными силами местной обороны в виде милиции. Оргкомитет съезда предлагал решить вопрос о создании на этнической территории карелов национальных районов и сельских Советов, образовать Государственный комитет по делам национальностей, создать в Верховном Совете КАССР палату национальностей, предоставить право отлагательного вето на решения, ущемляющие права коренных народов республики, либо депутатам от национальных районов, либо постоянной комиссии по вопросам национальной политики, языка, культуры и охраны исторического наследия Верховного Совета Карельской АССР[14].

"Карельское движение" предложило свой вариант повестки дня съезда, включавший: восстановление "правдивой истории карельского народа"; достижение подлинного суверенитета карельского народа либо путем превращения Карелии в союзную

республику, либо путем предоставления ей независимости по прибалтийскому варианту, либо через присоединение к Финляндии; создание "действительно национальных" государственных структур (либо двухпалатный парламент, либо квота в треть мест в парламенте); языковое, этническое и культурное возрождение путем консолидации южных и северных карелов, вепсов, финнов, ингерманландцев на основе финского языка; узаконение миграционных процессов (ограничение притока в республику представителей других национальностей); возвращение исторических названий населенным пунктам; защита национальной символики и т. д.[15]

Съезд карельского народа состоялся 28—30 июня 1991 г. в Олонце. В нем приняло участие 236 делегатов, из которых 231 владел карельским языком, 97 — финским. Он принял Решение и Декларацию, избрал Совет уполномоченных и назначил очередной съезд на 1994 г. В Декларации выражались глубокая тревога и озабоченность за судьбу карельского народа, в значительной степени ограниченного в правах на свое политическое, экономическое и культурное возрождение. В Декларации содержались следующие предложения: отказ от статуса автономной республики; принятие названия "Карельская республика" в составе РСФСР; соблюдение прав Карельской автономии, признанных Тартуским мирным договором 1920 г.; создание условий для образования на этнической территории карелов по их желанию национальных образований; предоставление этим национальным образованиям права собственности на землю и природные богатства; образование Государственного комитета по делам национальностей; создание в Верховном Совете КАССР двух палат: палаты республики и палаты национальных образований; признание государственными языками русского и карельского[16].

Некоторые решения съезда вызвали острую полемику. Так, ряд известных карельских писателей резко выступили против решения съезда о необходимости признания государственными языками карельского и русского, назвав его "расистским". Они считали, что при принятии этого решения делегаты руководствовались каким-то старым предубеждением к северным карелам, разговаривающим почти на финском языке.

Упоминавшаяся в решениях съезда идея создания национальных районов и сельских советов к тому времени не только широко обсуждалась, но и находилась в стадии практического решения. В Верховном Совете КАССР шла работа над проектом закона "О правовом статусе национального районного, сельского и поселкового Совета народных депутатов". А в Калевальском районе, не дожидаясь принятия этого закона, 12 июня 1991 г., одновременно с выборами Президента РСФСР, провели референдум по вопросу "Согласны ли Вы придать Калевальскому району статус национального?" В референдуме приняло участие 84% избирателей, из них 82,7% ответили на предложенный вопрос положительно. Карелы составляли 36% населения района, русские — 43%, белорусы — 12%. Однако до принятия соответствующего закона итоги референдума не могли иметь юридического, обязывающего значения.

Таким образом, к началу 1990-х гг. национальные проблемы карельского народа оказались в центре внимания общественности, приобрели политизированный характер, но их практическое решение еще только начиналось.

Основными проблемами вепсской народности являлись угроза ассимиляции и утраты вепсского языка. Рядом исследователей была предложена следующая программа решения проблем вепсов: поэтапное восстановление и развитие вепсской автономии, воссоздание письменности, введение в школах преподавания вепсского языка, истории и культуры вепсского народа. В 1988 г. представители вепсов обра-

тились в только что созданный научно–общественный совет по сохранению культур малых народов при Советском фонде культуры. Совет подготовил 11 обращений в министерства и ведомства по оказанию помощи в возрождении вепсской народности. Были даже выпущены марка и буклет, посвященные вепсам. Совет выступил инициатором проведения регионального межведомственного совещания "Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки", состоявшегося в Петрозаводске 27—28 октября 1988 г. В подготовке и проведении совещания участвовали Совет Министров КАССР, Ленинградский и Вологодский облисполкомы, КФ АН СССР, министерства и ведомства. В рекомендациях совещания констатировалось, что географически единая территория расселения вепсов была включена в разные административно–территориальные образования, что повлекло за собой нарушение экономических связей и естественного общения населения. Районы проживания вепсов оказались на окраинах двух областей и автономной республики, что усугубило их социально–экономическое положение. Это усилило миграцию вепсов в города, привело к обезлюживанию многих сельских населенных пунктов, выпадению из хозяйственного оборота значительных массивов земельных угодий. Упразднение вепсских национальных районов, прекращение изучения в школах вепсского языка и преподавания других предметов на вепсском языке, ликвидация вепсской письменности в конце 1930–х гг. и позднее, отсутствие литературы на языке, искусственное ускорение ассимиляции, снижение продолжительности жизни вепсов создали реальную угрозу существованию и единству вепсской народности, ее культуры и языка.

Совещание рекомендовало Совету Министров КАССР, Ленинградскому и Вологодскому облисполкомам рассмотреть возможность создания в районах проживания вепсов национальных вепсских районов в качестве переходного этапа к созданию Вепсского автономного округа. Среди признанных необходимыми мероприятий были: возрождение хозяйственной деятельности в обезлюдевших и малых деревнях силами местного коренного и привлеченного вепсского населения на основе арендного, индивидуального и семейного подрядов; широкое дорожное строительство; разработка и обоснование перечня льгот для вепсов или распространение на них льгот, предусмотренных для народностей Севера; разработка долгосрочной концепции экономического и социального развития районов проживания вепсов; введение изучения вепсского языка в детских дошкольных учреждениях и начальных классах; подготовка вепсского букваря; введение в школах курса "Народоведение". Совещание поручило оргкомитету обратиться к комиссии по обобщению предложений и замечаний к обсуждавшемуся в тот период проекту изменений Конституции СССР с предложениями о дополнениях и изменениях, касающихся представительства народов СССР, не имеющих своих национально–государственных образований, в Советах всех уровней, возможности включения автономных округов в состав автономных республик, статуса национальных районов и национальных сельских Советов[17].

Материалы совещания обсудил Совет Министров РСФСР, поручивший министерствам и ведомствам проработать поднятые вопросы и решить их в пользу вепсского населения. Госплан КАССР подготовил предложения по дальнейшему социально–культурному и экономическому развитию вепсского края до 2005 г. Началась работа по воссозданию вепсской письменности и организации изучения вепсского языка в школах Карелии. В Министерстве просвещения КАССР была создана специальная рабочая группа. Впервые преподавание вепсского языка началось в Рыборецкой 8–летней школе. Готовилась экспериментальная проверка букварей вепсского языка

в рукописных вариантах на основе латиницы и кириллицы. Решение же вопроса о вепсской автономии было отложено.

В июне 1989 г. состоялось учредительное собрание инициативной группы представителей общественности Карелии по созданию добровольного общества вепсской культуры. Был утвержден устав общества, проведены выборы правления и руководящего состава. В руководящие органы общества вошли представители вепсов Ленинградской и Вологодской областей.

11 августа 1989 г. бюро Карельского обкома КПСС рассмотрело вопрос "О создании вепсского национального района на базе Шелтозерского, Шокшинского и Рыборецкого сельских Советов". В решении бюро говорилось о необходимости вынесения вопроса национально–административного устройства вепсской народности на обсуждение всего населения Прионежского района и проведения сельских сходов. КФ АН СССР поручалось разработать статус национального района.

В августе 1989 г. в Шокше, Шелтозере и Рыбреке прошли собрания территориальных парторганизаций, обсудившие идею создания вепсского национального района. Вопрос этот широко обсуждался в местной печати. В конце концов республиканские и районные органы власти пришли к выводу, что вопрос об административно–территориальном устройстве вепсов необходимо вынести на обсуждение сессий сельских Советов и народных сходов. Большинство из них сочли идею создания национального района преждевременной и экономически неоправданной.

Продолжалась работа по созданию вепсской письменности. Ученые подготовили два варианта вепсского букваря. Букварь Р.Ф. Максимовой и Э.В. Коттиной, основанный на русском алфавите, учитывал особенности северовепсского диалекта. Букварь Н.Г. Зайцевой и М.И. Муллонен использовал латинский шрифт и отражал средневепсский говор. В итоге были изданы оба варианта букваря.

В марте 1990 г. президиум Совета Министров КАССР рассмотрел вопрос о первоочередных мерах по социально–экономическому развитию территории проживания вепсов Карелии в 1990 г. и на XIII пятилетку. Президиум признал, что имеет место реальная угроза существованию и единству вепсской народности, ее культуре и языку и предложил республиканским министерствам и ведомствам, Прионежскому райисполкому принять меры по устранению недостатков и упущений, активизировать строительство жилья и объектов культурно–бытового назначения, развитию традиционных отраслей, возрождению хозяйственной деятельности обезлюдевших и мелких сел и деревень и т. д. Министерству народного образования КАССР поручалось с 1990 г. ввести изучение вепсского языка в детских дошкольных учреждениях и школах с учетом желания родителей[18].

В октябре 1990 г. в Шелтозере, Рыбреке и Шокше провели опрос общественного мнения по вопросу о создании вепсского национального района. В январе 1991 г. объединенная сессия Шелтозерского, Шокшинского и Рыборецкого сельских Советов предложила включить в повестку дня очередной сессии Верховного Совета КАССР обсуждение законопроекта о национальных районах и сельских Советах. Однако в тот период вопрос о создании вепсского национального района остался нерешенным.

Официальные структуры, руководство республики основное внимание уделяли реформированию системы органов государственной власти и управления. 1 ноября 1989 г. Верховный Совет КАССР внес изменения и дополнения в текст Конституции Карельской АССР, отнеся к ведению Верховного Совета обеспечение развития национальной культуры и языка. В то же время не получили поддержки предложения об

образовании национальных избирательных округов, о предоставлении лицам коренных национальностей исключительного права избираться депутатами Верховного Совета КАССР.

Борьба за государственный суверенитет Карелии

Весной 1990 г. довольно широкий резонанс вызвала идея возвращения Карелии статуса союзной республики, утраченного в 1956 г. Первым ее выдвинул Народный фронт Карелии на своем I съезде в мае 1990 г.[19] Верховный Совет КАССР нового созыва, учитывая возрастающую значимость проблем национально–государственной политики, избрал постоянную Комиссию по национальной политике, языку, культуре и охране исторического наследия, которая должна была защищать национальные интересы народов республики, способствовать созданию равных условий для развития всех культур народов Карелии.

На первой сессии Верховного Совета Карельской АССР 12 созыва группа народных депутатов выступила за принятие Декларации "О суверенитете Карельской республики". Они обосновывали необходимость этого шага тем, что "с одной стороны, по сумме фактических прав уровень нашей самостоятельности практически не отличается от обычной области, а важнейшая функция суверенитета — законотворческая деятельность — полностью заблокирована статьей 81 Конституции РСФСР. С другой стороны, целый ряд объективных и формальных признаков (национальный состав, особенности природно–хозяйственного комплекса, наличие Конституции, законодательных органов) позволяют рассматривать нас как суверенное государство в составе союза равноправных партнеров, добровольно передавших часть своих функций союзным структурам"[20].

В предложенном депутатами проекте Декларации говорилось о том, что Карельская республика является демократическим, правовым, суверенным государством, в котором обеспечены права народов республики на осуществление государственной власти, на их свободное национальное и культурное развитие. Провозглашался принцип разделения властей. Проект предполагал безотлагательное проведение переговоров с суверенными партнерами о заключении нового Союзного договора. При этом республика сохраняла бы право выхода из Союза. Реализация положений данного варианта Декларации могла привести к превращению Карелии в союзную республику. Обсудив данное предложение, Верховный Совет КАССР принял решение рассмотреть проект Декларации в постоянных комиссиях и включить данный вопрос в повестку дня своей второй сессии. На основе этого проекта, предложений Комиссии по вопросам законодательства, законности и правопорядка Верховного Совета КАССР, Прокуратуры КАССР, Министерства юстиции КАССР республиканская Конституционная комиссия разработала проект Декларации о государственном суверенитете Карельской АССР и опубликовала его для всенародного обсуждения[21]. Проект вызвал бурную дискуссию.

В августе 1990 г. Верховный Совет КАССР вернулся к вопросу о принятии Декларации. Споры разгорелись не только по ее содержанию, но и по названию документа. Депутаты предлагали назвать его "Декларацией о государственном суверенитете, о принципах государственной самостоятельности, о государственном статусе, о принципах государственной власти, о политической самостоятельности республики". Одновременно прозвучали предложения об изменении и названия республики. Предла-

гались следующие варианты: Карельская Советская Социалистическая Республика, Карельская Республика, Карельская Советская Республика, Республика Карелия. В итоге остановились на варианте, предложенном Конституционной комиссией.

9 августа 1990 г. Верховный Совет КАССР принял Декларацию о государственном суверенитете Карельской АССР, в которой говорилось о том, что КАССР создает правовое демократическое суверенное государство в составе РСФСР и СССР, добровольно делегируя им часть своих полномочий на основе Федеративного и Союзного договоров. Народ республики провозглашался носителем суверенитета и источником государственной власти. Декларация гарантировала осуществление принципа разделения властей, соблюдение прав и свобод человека, возможность свободного национального и культурного развития всех народов республики, возрождение национальной самобытности коренных народов. В документе говорилось о стремлении республики к объединению с другими суверенными членами РСФСР и СССР в рамках обновленной Федерации и о необходимости незамедлительно приступить к переговорам о заключении Федеративного и нового Союзного договоров. Республика признавала верховенство союзного и федеративного законодательства в рамках передаваемых полномочий. Наряду с гражданством СССР и РСФСР вводилось гражданство КАССР. В экономическом разделе Декларации земля республики, ее недра, прибрежный шельф, растительный и животный мир, памятники истории и культуры объявлялись собственностью народа Карельской АССР и основой экономического суверенитета. Провозглашалось равенство всех форм собственности.

Окончательный вариант Декларации, принятый Верховным Советом КАССР, существенно отличался от проекта Конституционной комиссии. В него не вошло положение о том, что "законодательством Карельской АССР гарантируется представительство карельского, финского и вепсского народов в органах государственной власти республики". Его заменили гарантией возрождения национальной самобытности коренных народов и свободного национального и культурного развития всех народов Карелии. Появился отсутствовавший в проекте раздел, посвященный местным Советам. Положение проекта о праве Карелии на выход из состава СССР и РСФСР сформулировано не столь категорично: "Карельская АССР заявляет о своем праве на изменение государственного статуса..." В то же время провозглашалось право Верховного Совета КАССР приостанавливать действие законов и других актов органов государственной власти и управления РСФСР и СССР, выходящих за рамки добровольно передаваемых полномочий, либо ущемляющих права и интересы народов Карелии[22]. Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР оставляла открытым вопрос о национальном характере государственности республики. Он не был ни отвергнут, ни подкреплен какими–либо правовыми механизмами.

Верховный Совет КАССР рассматривал Декларацию о государственном суверенитете Карельской АССР как основу для разработки новой Конституции республики, заключения Союзного и Федеративного договоров. На той же сессии он сформировал делегацию Карельской АССР для участия в подготовке и подписании этих документов. 21 декабря 1990 г. Верховный Совет КАССР одобрил основные принципы проекта Союзного договора, вынесенного на рассмотрение IV Съезда народных депутатов СССР, предложив Верховному Совету РСФСР ускорить процесс согласования интересов и полномочий с Союзом ССР, суверенными республиками по подписанию Союзного договора, активизировать работу по подготовке Федеративного договора.

21 марта 1991 г. состоялся референдум о судьбе СССР. В нем приняло участие

75,8% избирателей республики. 76% из них проголосовало за сохранение Советского Союза, 22,2% — против. В состоявшемся одновременно российском референдуме участвовало 76,2% избирателей, из них 61,1% проголосовали за введение поста Президента РСФСР, 33,8% — против[23].

Продолжая политическую линию, закрепленную в Декларации о государственном суверенитете, Верховный Совет КАССР одобрил проект Союзного договора, разработанный с участием представителей республик. Проект Федеративного договора одобрения не получил. Депутаты постановили решить вопрос о его подписании после доработки с участием субъектов федерации. Они предлагали "закрепить за субъектами федерации право самостоятельно решать вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами и другими природными ресурсами на своей территории. Республикам, входящим в РСФСР, на основании Федеративного договора должно быть предоставлено право выхода из федерации в порядке, установленном участниками договора".

26 марта 1991 г. вносятся изменения в Конституцию Карельской АССР. Новая редакция статьи 11 предусматривала, что "земля, ее недра, ресурсы континентального шельфа, растительный и животный мир в их естественном состоянии, памятники истории и культуры являются собственностью народа Карельской АССР и основой экономического суверенитета". Статью 104 дополнили пунктом 6, дающим республике право опротестовывать решения органов государственного управления СССР и РСФСР, нарушающие установленные законом права республики[24].

В январе 1991 г. объединенная сессия Шелтозерского, Шокшинского и Рыборецкого сельских Советов Прионежского района предложила включить в повестку дня очередной сессии Верховного Совета республики обсуждение законопроекта о национальных районах и национальных сельских Советах. Верховный Совет КАССР на своей 6–й сессии действительно рассмотрел проект закона "О правовом статусе национального районного, поселкового и сельского Советов народных депутатов", но депутаты его отклонили и отправили на доработку. Многие депутаты вообще не были убеждены в необходимости его принятия.

Тем не менее под давлением общественного мнения в марте 1991 г. Верховный Совет Карелии следующим образом сформулировал 71 статью Конституции республики: "Карельская АССР определяет свое районное деление и решает иные вопросы административно–территориального устройства республики в соответствии с законодательством. В Карельской АССР могут быть образованы национальные административно–территориальные единицы (национальные районы, национальные поселковые и сельские Советы)"[25]. Теперь открывались возможности для практических шагов по созданию национально–административных единиц. 12 июня 1991 г. в Калевальском районе состоялся референдум о придании району статуса национального. Подавляющее большинство принявших участие в голосовании поддержали эту идею[26].

Республиканский съезд представителей карелов в июне 1991 г. заявил о необходимости отказаться от статуса автономной республики. Он выступил за провозглашение Карельской республики в составе РСФСР, за создание на этнической территории карелов их национальных образований, за то, чтобы карельскому языку был придан статус государственного и т. д.[27] Возможно, что именно решения съезда представителей карелов повлияли на депутатов Верховного Совета КАССР, которые в июле 1991 г. все же приняли в первом чтении, хотя и с перевесом всего в один голос, законопроект "О правовом статусе национального поселка, национального сельсовета КАССР".

4 июля 1991 г. Верховный Совет Карельской АССР принял решение об участии в

подписании Договора о Союзе суверенных государств в составе РСФСР. В состав делегации Карелии вошел представитель Совета уполномоченных республиканского съезда представителей карелов. Однако работа над этим документом, как и подписание нового Союзного договора, была сорвана событиями августа 1991 г.

События августа 1991 г. в Карелии

После объявления о переходе президентских полномочий к Г.И. Янаеву, создания ГКЧП и введения чрезвычайного положения в отдельных регионах страны республиканские органы власти заняли пассивную, выжидательную позицию. Президиум Верховного Совета КАССР 19 августа собирался дважды, но оба раза не принял никаких решений из-за отсутствия кворума. Удалось лишь образовать инициативную депутатскую группу для подготовки заседания Президиума и сессии Верховного Совета КАССР.

В то же время демократические движения и организации немедленно и решительно выступили против действий ГКЧП, заявили о поддержке действий российского руководства и призвали население республики к акциям гражданского неповиновения. Такой же была позиция Петрозаводского городского Совета народных депутатов. Президиум Петрозаводского горсовета 19 августа принял постановление "О политической ситуации в стране", в котором заявил о незаконности действий ГКЧП и подчинении только решениям российского руководства в лице Президента, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. Членам президиума и депутатам горсовета было поручено выйти в трудовые коллективы, на предприятия и организации города для разъяснения ситуации и контроля исполнения решений органов государственной власти и управления РСФСР. Президиум призвал предприятия и организации города, обеспечивающие его жизнедеятельность, отказаться от забастовок, ограничившись другими политическими формами протеста[28].

Президиум Петрозаводского горсовета принял также обращение к жителям Петрозаводска, в котором предельно четко обозначил свою оценку происходящих событий: "Мы... выражаем решительный протест против попытки антиконституционного дворцового переворота и требуем восстановления законной, избранной народом власти. Келейное объявление инициатора перестройки и демократических реформ, избранного Съездом народных депутатов Президента страны М.С. Горбачева, якобы недееспособным, причем со стороны лиц, узурпирующих президентскую власть, является неслыханным произволом, попранием конституционных норм, надругательством над волей народа и здравым смыслом. Стремящиеся использовать в своих корыстных политических целях аппарат подавления руководители заговора должны немедленно уйти со своих постов, склонив голову перед волей народа, и понести заслуженное наказание"[29].

В своем обращении президиум горсовета указал Верховному Совету КАССР, сотрудникам КГБ и МВД КАССР, военнослужащим Петрозаводского гарнизона на необходимость выполнения указов Б. Ельцина. Обращаясь к петрозаводчанам, президиум призвал их принять участие в политических акциях протеста вплоть до забастовок (за исключением предприятий и организаций, обеспечивающих жизнедеятельность города). Руководители города и группа депутатов горсовета заявили о выходе из КПСС[30].

19 августа 1991 г. состоялось совместное заседание Петрозаводского отделения

СДПР, Координационного совета НФК, оргкомитета "Демократического союза" г. Петрозаводска, Координационного совета движения "Демократическая Россия" в Карелии, Карельского республиканского отделения Демократической партии России и Координационного совета Ассоциации "зеленых" Карелии. Было принято два документа, адресованных Верховному Совету КАССР. В первом говорилось о возмущении действиями ГКЧП и необходимости "дать населению недвусмысленный ответ — чью власть признает Президиум ВС КАССР и СМ КАССР на территории Карелии... собирается ли Президиум ВС КАССР и СМ КАССР добиваться ясности в вопросе о состоянии здоровья М.С. Горбачева или безропотно признать Г.И. Янаева в качестве исполняющего обязанности Президента СССР. Требуем незамедлительно дать населению Карелии ответ о своей позиции через все средства массовой информации. Промедление с ответом может внести смуту и спровоцировать беспорядки". Во втором документе содержалось требование дать развернутое разъяснение правительственного сообщения об отстранении М.С. Горбачева от власти и образовании ГКЧП[31].

В телеграмме, адресованной Б.Н. Ельцину, демократические организации республики заявляли о своей верности российским властям и "готовности выполнять распоряжения этой власти и отстаивать ее любыми ненасильственными методами, вплоть до организации кампании гражданского неповиновения самозваному Государственному комитету по чрезвычайному положению и тем государственным, муниципальным и хозяйственным органам, которые возьмут на себя черное дело проведения в жизнь его антинародной политической линии"[32].

Карельское радио передавало распоряжения российского руководства. По телевидению выступил Председатель Совета Министров КАССР С.П. Блинников, заявивший о поддержке действий органов государственной власти и управления РСФСР. В столице республики состоялся митинг протеста, собравший несколько тысяч человек. Газеты "Ленинская правда" и "Неувосто–Карьяла" 20 августа опубликовали без комментариев документы ГКЧП, а в последующие дни стремились объективно информировать население о ситуации в стране и в республике, о решениях российского руководства.

После обострения обстановки в Москве в ночь с 20 на 21 августа президиум Петрозаводского горсовета 21 августа 1991 г. принял постановление "Об обострении политического положения в стране", в котором объявил 22 августа днем траура в Петрозаводске, объявил набор в добровольную народную дружину, запретил реализацию спиртных напитков, призвал трудовые коллективы города к политической забастовке, в очередной раз обратился к Верховному Совету КАССР с требованием поддержать законно избранные органы государственной власти СССР и РСФСР. В тот же день МВД и КГБ КАССР заявили о подчинении распоряжениям российских властей. Сотрудники МВД были отозваны из отпусков[33]. Военные продолжали отмалчиваться.

Только 21 августа 1991 г. собрался на заседание Президиум Верховного Совета КАССР. Он не поддержал требования группы депутатов выступить с категорическим осуждением действий ГКЧП, подверг критике действия Петрозаводского горсовета, Карельского телевидения и радио. Первый заместитель Председателя Верховного Совета КАССР И.П. Александров категорически потребовал от президиума Петрозаводского горсовета ни в коем случае не исполнять призыва Б. Ельцина к политической забастовке[34]. Тем не менее в принятом постановлении "О политической обстановке в стране" Президиум Верховного Совета КАССР объявил создание ГКЧП и

введение чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР незаконным, а указы исполняющего обязанности Президента СССР Г.И. Янаева не имеющими силы и не подлежащими исполнению органами исполнительной власти и должностными лицами. Президиум Верховного Совета КАССР подтвердил, что вся полнота власти на территории Карелии принадлежит законно избранным органам власти, призвал жителей республики сохранять выдержку, благоразумие, поддерживать дисциплину и правопорядок, не поддаваться на возможные провокации, воздержаться от проведения забастовок и несанкционированных митингов.

Одновременно было принято обращение к Верховному Совету СССР, в котором, в частности, говорилось: "Президиум Верховного Совета КАССР настаивает на том, чтобы Верховный Совет СССР дал принципиальную оценку деятельности государственных должностных лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР, распустил этот комитет, отменил указы исполняющего обязанности Президента и освободил от занимаемых должностей лиц, дестабилизировавших обстановку в стране... Мы обращаемся с требованием повторно назначить дату подписания Союзного договора"[35].

23 августа 1991 г. состоялась внеочередная сессия Верховного Совета КАССР. В начале заседания группа депутатов выразила недоверие Председателю Верховного Совета республики В.Н. Степанову и его первому заместителю И.П. Александрову и предложила включить в повестку дня вопрос об отзыве их с должностей. Но это предложение было отклонено. В.Н. Степанов проинформировал депутатов о действиях руководства Верховного Совета в период кризиса и, в частности, заявил о приостановлении своего членства в составе Политбюро ЦК РКП до выявления четкой позиции руководства Компартии России. Верховный Совет КАССР поддержал действия российского руководства и согласился с постановлением Президиума Верховного Совета КАССР от 21 августа 1991 г. Президиуму Верховного Совета поручалось сформировать комиссию для оценки действий руководителей КГБ, МВД, органов связи, местных советов и их исполкомов. Прокуратуре предлагалось провести проверку деятельности общественно–политических организаций по имевшимся фактам поддержки попытки государственного переворота. По оценке депутатов, "Президиум Верховного Совета Карельской АССР проявил медлительность в оценке положения и созыве внеочередной сессии Верховного Совета республики, что явилось следствием позиции выжидания со стороны руководства Президиума Верховного Совета Карельской АССР т. Степанова В.Н. и Александрова И.П."[36]

В конце августа — начале сентября 1991 г. состоялись сессии местных Советов республики, обсудившие политическую ситуацию. Они осудили попытку государственного переворота и поддержали действия президентов М. Горбачева и Б. Ельцина по ликвидации ее последствий. Кроме того, Петрозаводский и Костомукшский Советы народных депутатов выразили недоверие Президиуму, Председателю Верховного Совета КАССР В.Н. Степанову и его первому заместителю И.П. Александрову. В связи с этим Президиум Верховного Совета вынес на рассмотрение очередной сессии вопрос о доверии себе. Но для вынесения вотума недоверия не хватило голосов.

26 августа 1991 г. Президиум Верховного Совета КАССР приостановил деятельность органов и организаций Коммунистической партии РСФСР на территории Карельской АССР, а 29 августа постановил: "объявить государственной собственностью Карельской АССР все принадлежащие КПСС и Коммунистической партии РСФСР и находящееся на территории Карельской АССР недвижимое и движимое имущество, включая денежные средства в рублях и иностранной валюте, помещенные

в банках, страховых, акционерных обществах, фондах, совместных предприятиях и иных учреждениях и организациях"[37]. 13 ноября 1991 г. Верховным Советом было принято решение "именовать Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику Республикой Карелия"[38].

После августа 1991 г. политическая ситуация в стране в целом и в Карелии в частности начала стремительно меняться. Власть окончательно перешла в руки государственных органов. Коммунистическая партия прекратила свое существование в ее традиционной полугосударственной форме. Произошел отказ от попыток реформирования социализма и был сделан выбор в пользу перехода к рыночной экономике и демократической политической системе западного типа. Начался новый этап в истории России.

2. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

Особое внимание руководство страны уделяло развитию военно–промышленного комплекса, энергетики, сельского хозяйства; ставилась задача дальнейшего освоения Сибири. Благоприятная конъюнктура внешнего рынка способствовала притоку в СССР "нефтедолларов". За счет экспорта невосполнимых природных ресурсов разворачивались гигантские стройки, возводились новые предприятия, что создавало видимость благополучия. Реформаторские действия, однако, были поверхностны и носили чисто косметический характер. Таким образом уже к началу 1980–х гг. неэффективность попыток ограниченного реформирования системы стала очевидна. В стране явственно обозначились признаки кризиса.

Промышленность и транспорт

Экономика Карелии вступала в 1970–е гг. в условиях сложной демографической ситуации. Напряженность с трудовыми ресурсами приобретала хронический характер. Традиционные источники привлечения кадров были исчерпаны. Массовое вовлечение женщин в производство завершилось в 1960–х гг.; достигшие трудоспособного возраста новые молодые поколения были малочисленны. Усиливался отрыв Карелии от многих регионов страны по уровню развития социальной инфраструктуры, что делало республику менее привлекательной для мигрантов. Таким образом, возможности развития экономики за счет привлечения дополнительных рабочих рук были ограничены. Руководство республики осознавало, что в этих обстоятельствах особое внимание следует уделить механизации и автоматизации производства, внедрению достижений научно–технического прогресса, отдать приоритет развитию отраслей, определяющих технический прогресс: машиностроению (в том числе станкостроению, электронике, радиотехнике и приборостроению) и электроэнергетике. Это имело немаловажное значение и для преодоления одностороннего развития промышленности Карелии, где преобладали отрасли, связанные с заготовкой и переработкой леса.

В 1970–х — первой половине 1980–х гг. в республике появились новые промышленные предприятия, среди которых Подужемская и Юшкозерская ГЭС, Костомукшский горно–обогатительный комбинат, радиозавод, Петрозаводская ТЭЦ, комбинат строительных конструкций и завод по производству шунгизитового гравия в Пет-

На строительстве Подужемской ГЭС

розаводске, камнеобрабатывающий и шунгизитовые заводы в Кондопоге, Медвежьегорский канифольно-экстракционный завод и др.

За 1971—1985 гг. объем промышленного производства вырос в 1,8 раза. Однако этот рост был достигнут главным образом за счет увеличивавшихся из года в год инвестиций. Темпы прироста стоимости основных фондов (сооружений, оборудования, механизмов и т. д.), достигли к началу 1980-х гг. 10—12 % ежегодно[39]. Но затраченные средства не давали желаемого результата. Сохранялась сформировавшаяся еще в 60-е гг. устойчивая тенденция к снижению фондоотдачи. В 1976—1985 гг. при росте фондовооруженности в 2,5 раза фондоотдача снизилась в 2,3 раза[40]. Средства, направлявшиеся на развитие промышленности, распределялись по ведомственным каналам. Министерства предпочитали вкладывать их в строительство, а не в переоснащение действующих предприятий. Структура капиталовложений была нерациональной: львиная доля средств шла на новостройки и расширение производства и лишь 3—5 % — на его реконструкцию.

Важнейший интегральный показатель эффективности общественного производства — производительность труда — во всех отраслях промышленности Карелии рос медленнее, чем в целом по стране. Кроме того, темпы его роста более чем в два раза отставали от роста фондовооруженности. Руководство отраслей, партийные и хозяйственные органы республики оказались не в силах переломить эту негативную тенденцию.

Особенно неблагоприятное положение сложилось в промышленности во второй половине 1970-х гг. и, начиная с 1976 г., планы развития стали корректироваться в сторону уменьшения. Несмотря на это, многие предприятия не справлялись с планами реализации продукции. Доля таковых в промышленности Карелии даже возрастала. В 1978—1981 гг. рост выпуска продукции заметно уменьшился — темпы прироста составили всего лишь 1% в год. В начале 1980-х гг. наблюдалось их увеличение до 6—7%. Но это кратковременное явление объяснялось в значительной мере началом работы Костомукшского ГОКа. Без его учета прирост выпуска продукции составил бы всего 19% (вместо 30%), стоимости фондов — 32% (вместо 75%)[41].

Отдельные отрасли промышленности Карелии развивались неравномерно. В 1970-х гг. устойчиво высокие темпы наблюдались в машиностроении, выше среднего уровня оказался прирост производства в горно-рудной и целлюлозно-бумажной промышленности, в то же время уменьшили объемы производства лесозаготовитель-

ная и деревообрабатывающая промышленность. Именно эти пять отраслей определяли в основном динамику развития промышленности. В 1980–х гг. наибольшее развитие получили такие фондоемкие отрасли, как добыча железной руды, целлюлозно–бумажная промышленность, электроэнергетика, промышленность строительных материалов, машиностроение и металлообработка.

Трудности в промышленности усугублялись хроническим отставанием капитального строительства, связанным с дефицитом рабочей силы, недостаточной мощностью подрядных организаций, разбросанностью объектов по территории республики и удаленностью многих из них от основных строительных баз. Систематически росла численность незавершенных строительных объектов: если в 1975 г. их было 1633, то четыре года спустя — уже 1943 объекта. Ситуация практически не изменилась и в 1980–х гг. Нормативные сроки строительства нарушались, многие объекты приобретали характер долгостроя. На рубеже 1980—1990–х гг. средний срок строительства промышленных объектов составлял 29 лет. К этому времени было законсервировано 133 объекта и 19 строек с технической готовностью 70%. В то же время планировалось начать 414 новых объектов[42].

В промышленности стройматериалов к середине 1980–х гг. насчитывалось около 130 предприятий и производств, выпускающих достаточно широкий ассортимент продукции, перечень только основных видов которой включал более 35 наименований.При этом большинство предприятий имели физически и морально изношенное оборудование, а выпускаемая ими продукция — многочисленные отклонения от требований ГОСТа. Практически отсутствовали безотходные технологии, не использовалось вторичное сырье и промышленные отходы. Технически отсталая отрасль не обеспечивала все внутриреспубликанские потребности в строительных материалах, даже камень завозили в Карелию из Узбекистана и Свердловской области. Отставание капитального строительства сдерживало структурные изменения в промышленности.

Одной из наиболее технически оснащенных отраслей промышленности республики оставалась электроэнергетика. К концу 1970–х гг. в ней имелось два комплексно–механизированных предприятия и пять автоматизированных. Весной 1975 г. на р. Кемь близ поселка Авнепорог приступили к сооружению Кривопорожской ГЭС мощностью 180 тыс. киловатт — самой крупной и самой экономичной по расчетам специалистов электростанции Кемского каскада. Но строилась она, как впрочем и другие, составлявшие каскад, крайне медленно и была введена в эксплуатацию лишь в 1991 г. Потребности республики в электроэнергии по-прежнему не удовлетворялись. За 1970—1980–е гг. дефицит электроэнергии вырос в два раза и частично компенсировался за счет перетоков из соседних областей — Ленинградской и Мурманской. К началу 1980–х гг. сложился непокрываемый дефицит электрических мощностей в 120—150 мегаватт. К концу 1980–х — началу 1990–х гг. уже свыше половины потребности республики в электроэнергии покрывалось за счет Кольской и Ленинградской энергосистем. Потребление электроэнергии из–за преобладания энергоемких отраслей было значительно выше, чем в любой европейской стране и в России в целом[43]. Из–за необеспеченности энергоресурсами стало сдерживаться освоение природных богатств республики, развитие ее производительных сил. В ряде городов и рабочих поселков в зимний период предприятия находились на “голодном пайке”, снижали использование производственных мощностей.

Продукция машиностроения соответствовала особенностям народного хозяйства республики. Крупнейшие предприятия этой отрасли — Онежский тракторный завод,

Стотысячный трактор ОТЗ. Март 1972 г.

объединение "Петрозаводскмаш", Петрозаводский станкостроительный завод — производили половину трелевочных тракторов страны, треть — целлюлозно-бумажного оборудования, все окорочные станки. В 1972—1973 гг. на ОТЗ была выпущена опытно-промышленная партия усовершенствованных и более мощных тракторов ТДТ-55 и бесчокерного трактора ТБ-1, модели которых были разработаны еще в первой половине 1960-х гг. В 1976 г. завод удвоил, по сравнению с проектом, выпуск тракторов. Однако новые мощности предприятия создавались медленно. Средний цикл конструкторской разработки и внедрения в производство марок тракторов, выпускавшихся в 1980-х гг., составлял 9 лет. На внутреннем рынке рекламации получали лишь 2—3 трактора из каждой тысячи. Но на внешнем рынке тракторы ОТЗ не пользовались большим спросом. К тому же из каждой тысячи машин, отправленных на экспорт в социалистические страны, возвращалось на доработку 30—35 штук. Капиталистические страны и вовсе не покупали продукцию предприятия, так как гусеничные тракторы там практически не использовались из-за наносимого ими ущерба природе.

В начале десятилетия был введен ряд цехов на второй промплощадке. К этому времени оборудование завода было на 65,5% морально устаревшим. Чтобы реконструировать завод, при имевшихся темпах модернизации потребовалось бы 37 лет.

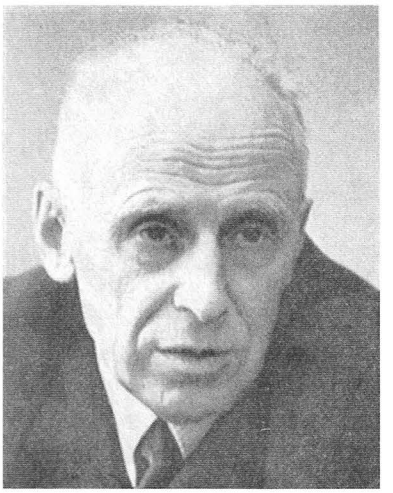
В 1974 г. крупнейшее предприятие по выпуску оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности — завод "Тяжбуммаш" — приступил к производству наиболее сложной продукции — бумагоделательных машин.

В 1970-х гг. в Карелии возникли новые отрасли машиностроения: радиотехническая, электронная, приборостроительная, представленные Петрозаводским радиозаводом, филиалом ленинградского завода "Светлана", заводом "Турболопатка". В 1970—1980-х гг. машиностроение развивалось стабильно высокими темпами со среднегодовым приростом 4—5 %. Но рост происходил в основном за счет экстенсивных факторов. В начале 1990-х гг. почти половина производимых в отрасли изделий выпускалась по образцам, освоенным в два предыдущих десятилетия.

Крупнейшие машиностроительные предприятия республики относились к производствам полного цикла, почти на всех имелось литейное оборудование. Господствовавший тип предприятия создавал условия для сохранения ручного труда, служил препятствием для широкого внедрения механизации и автоматизации. Обновление фондов осуществлялось в 3—4 раза медленнее оптимально необходимого, поэтому в отрасли накапливалось физически и морально устаревшее оборудование. Противоречивые тенденции в развитии машиностроительного комплекса усиливали несба-

лансированность народного хозяйства республики, серьезно осложняли развитие лесного комплекса, по-прежнему составлявшего основу промышленности республики, производившего около 40% всей товарной продукции.

Завышенные планы заготовки древесины, устанавливавшиеся союзными министерствами, привели к истощению лесосырьевых запасов в Карелии. В 1980 г. вывоз круглого леса из республики составил 2126 тыс. кубометров[44]. "Зеленое золото" обеспечивало пополнение валютных запасов всей страны. В Карелии же деревообрабатывающие предприятия недополучали сырье. Имевшееся в 1960-х гг. отставание лесоперерабатывающих отраслей от лесозаготовок сменилось к середине 1970-х гг. дисбалансом иного рода: недостатком сырья для перерабатывающих отраслей, что затрудняло формирование единого лесопромышленного комплекса.



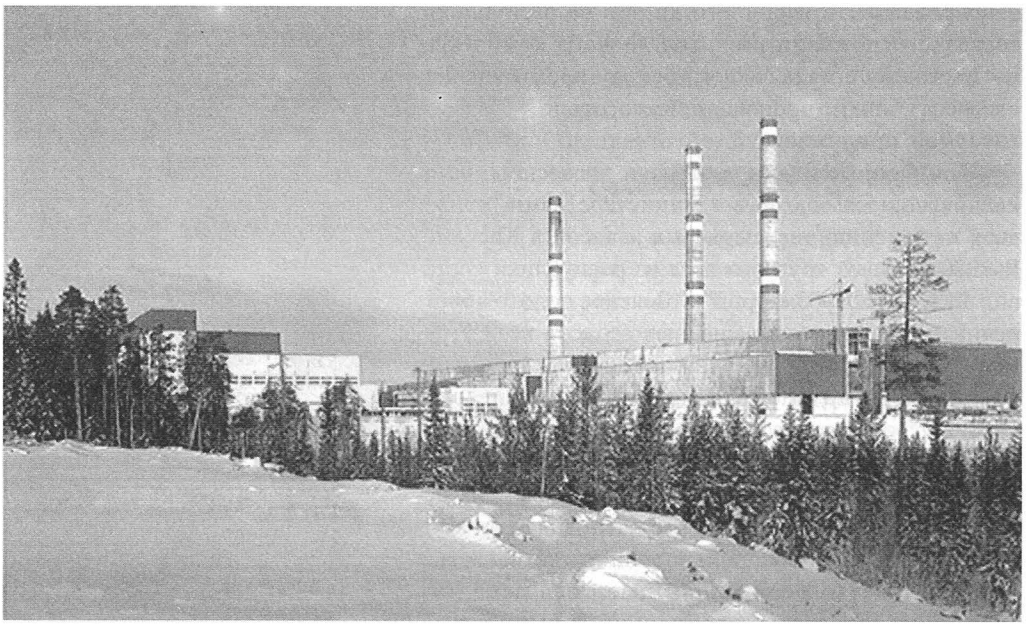
Директор Кондопожского ЦБК Герой Социалистического Труда В. М. Холопов

Руководство республики пыталось изменить ситуацию, добиться прекращения вывозки из Карелии леса в необработанном виде, более полного использования низкосортной древесины. Объем вывозки леса, снижение которого началось в 1960-х гг., был доведен в 1979 г. (по главному пользованию) до размера расчетной лесосеки — 14 млн. кубометров. К началу 1990-х гг. общий отпуск леса с 1 га лесопокрытой площади снизился до 1,3 кубометров (по сравнению с 2,4 кубометра в середине 1960-х гг.). Древесина, прежде вывозившаяся преимущественно за пределы республики, стала в основном потребляться на месте.

На рубеже 1960—1970-х гг. произошли существенные технологические изменения на отдельных фазах лесозаготовок (механизация обрезки сучьев, бесчокерная трелевка, автоматизированная раскряжевка и т. п.). В течение же двух следующих десятилетий принципиальных перемен в технике и технологии на лесозаготовках не происходило. Новые машины применялись неэффективно, в леспромхозах не хватало квалифицированных специалистов для их использования. Наряду с объективными трудностями (ухудшение лесосечного фонда, увеличение расстояния вывозки) негативное влияние на лесозаготовительную промышленность оказывала недостаточная механизация труда на вспомогательных работах, содержание сверхплановой численности рабочих. Уже к 1975 г. отрасль стала убыточной и представляла собой слабое звено в лесном комплексе республики[45]. Первые комплексные предприятия появились лишь в 1985 г.

Ведущие позиции в формирующемся комплексе заняла целлюлозно-бумажная промышленность. Были расширены, хотя и со значительным отставанием от плана, Сегежский и Кондопожский ЦБК — крупнейшие предприятия отрасли. Их освоение сдерживалось перебоями в снабжении сырьем. Дефицит технологической древесины и целлюлозы пытались устранить путем их завоза из Сибири и других регионов.

С пуском в 1982 г. Костомукшского ГОКа в общем объеме производства республики значительно выросла доля горно-рудной отрасли. Стройка в Костомукше отличалась от все прочих в Карелии и стране. За семь лет в отдаленном от промышленных центров приграничном районе поднялся крупнейший горно-обогатительный

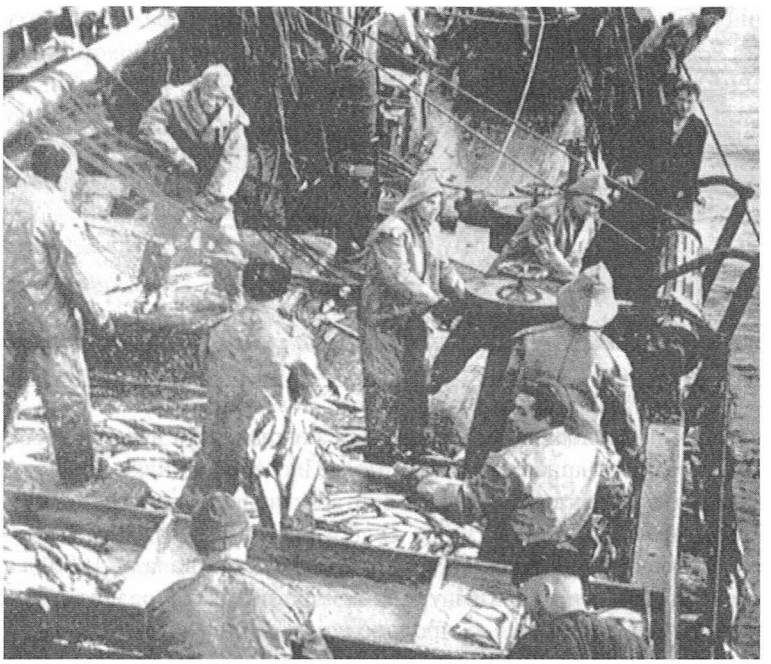


Костомукшский горно–обогатительный комбинат

комбинат и одновременно с ним вырос город. Строительный объект имел политическое значение, в его возведении участвовали многочисленные фирмы и тысячи рабочих из Финляндии. Среди международных проектов СССР Костомукшский — самый крупный по объему инвестиций. Потребителями продукции комбината стали Череповецкий и Челябинский металлургические предприятия. Железная руда вывозилась также за рубеж, в основном в Финляндию, в счет компенсации за строительство ГОКа.

Типичное для всей страны преимущественное развитие тяжелой промышленности в ущерб легкой и пищевой в Карелии проявлялось особенно отчетливо. Существующую проблему пытались решать, в частности, навязывали предприятиям тяжелой промышленности обязательства по производству товаров народного потребления. Например, ОТЗ занимался производством задвижек, отверток; станкостроительный завод выпускал вешалки, детские санки; объединение Кареллесоэкспорт — лыжи, игрушки; ПО Петрозаводскбуммаш — закаточные машинки, замки и т. п. Но подобные меры давали слабый эффект: в середине 1970–х гг. удельный вес производства всех товаров народного потребления в общем объеме производства Карелии составлял немногим более 15%. Положение не изменилось и десять лет спустя[46].

Ведущее место в пищевой промышленности Карелии принадлежало рыбной отрасли. В первой половине 1970–х гг. она из планово–убыточной стала рентабельной. В 1975 г. на вооружении промыслового флота находилось 50 судов. Осваивались новые районы лова в центрально–восточной Атлантике; в морях и океанах добывалось в 1970—1980–х гг. около 97% общего вылова рыбы. В то же время внутренние водоемы республики использовались очень незначительно. С 1977 г. обновление флота почти не велось, а это привело к тому, что в 1979 г. объем продукции резко снизился



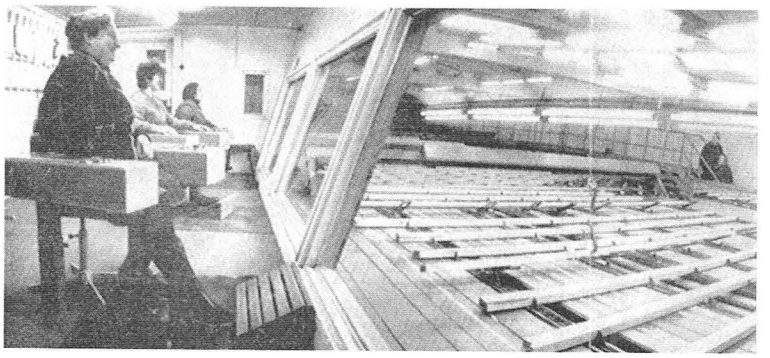
Карельские рыбаки в Баренцевом море

по сравнению с 1975 г. Ухудшение ситуации в отрасли было связано также с введением в 1977 г. прибрежными государствами 200–мильных рыболовных и экономических зон. Общая техническая оснащенность рыбной промышленности оставалась низкой. В конце 1980–х гг. ручным трудом здесь было занято 75% работающих[47].

Слабым звеном в экономике оставался транспорт. Темпы строительства дорог отставали от потребностей народного хозяйства, а их качество не соответствовало интенсивности движения и грузоподъемности транспортных средств. Более половины деревянных мостов находились в аварийном состоянии. Сеть дорог с асфальтобетонным покрытием составляла всего 18%. В середине 1970–х гг. даже в столице республики более половины улиц не имели твердого покрытия. Для исправления положения в начале 1980–х гг. были построены асфальтобетонные заводы в Голодай–Горе и Питкяранте, введены в строй две установки по переработке гудрона, и в первой половине 1980–х гг. в основном завершилось соединение районных центров с центральными усадьбами совхозов дорогами с твердым покрытием. Но и к концу 1980–х гг. сеть автомобильных путей республики состояла из дорог низших категорий за исключением строившейся магистрали Мурманск—Ленинград.

Наиболее динамично развивался речной транспорт. Суда Беломорско–Онежского пароходства осуществляли перевозки грузов по Волго–Балтийскому, Беломорско–Балтийскому каналам в 120 портов Балтийского, Северного, Черного, Каспийского и Средиземного морей, в 20 иностранных государств. Пароходство постоянно расширяло предоставление судов во фрахт для перевозки грузов иностранным фирмам.

Продолжалось развитие местных авиалиний. Во второй половине 1970–х гг. были реконструированы аэровокзалы в портах Пески–Петрозаводск, Пудож, Сегежа, введены в эксплуатацию грунтовые аэродромы в поселках Толвуя и Паданы, взлетно–



Автоматизированная линия по торцовке, сортировке и пакетированию на Кемском лесозаводе

посадочная полоса с искусственным покрытием в аэропорту Сортавала. В 1983 г. открылись регулярные полеты в пос. Пяозеро. Однако имевшаяся сеть аэропортов и взлетно–посадочных полос не соответствовала требованиям эксплуатации новых типов самолетов.

Состояние транспорта к концу 1980–х — началу 1990–х гг. характеризовалось относительно невысоким уровнем технического развития, отставанием от других отраслей материального производства. Доля капиталовложений в развитие транспорта была незначительна и постоянно снижалась. К этому времени в основном были исчерпаны пропускные способности Мурманской и Западно–Карельской линий железных дорог, Беломорско–Балтийского и Волго–Балтийского каналов. В республике ощущался недостаток широтных железных дорог, транспортных выходов на территорию Финляндии.

Условия и организация труда в промышленности и строительстве

Перед экономикой Карелии, как и всей страны, стояла задача перехода на интенсивный путь развития, широкого использования достижений научно–технической революции, создания более современной структуры промышленного производства за счет развития передовых наукоемких отраслей. Требовался переход от старых поколений техники, исчерпавших свои возможности, к новым, то есть по сути предстояла технологическая революция, которая началась в мире еще в конце 1950–х — начале 1960–х гг.

На предприятиях республики стала появляться электронно–вычислительная техника. Ряд бумагоделательных машин Кондопожского и Сегежского ЦБК к 1979 г. оснащается автоматическими системами управления на основе ЭВМ производства США. На машиностроительных же предприятиях электронная техника внедрялась с трудом. Так, на ОТЗ первая ЭВМ была получена в 1973 г., и лишь в 1979—1980 гг. здесь стала действовать первая очередь АСУ[48]. Одним из направлений технического прогресса в промышленности являлось внедрение механизированных и автоматизированных линий, однако его темпы, также как и освоение новых технологий, были крайне замедленны. В 1979 г. на промышленных предприятиях республики насчитывалось 593 механизированных и 38 автоматизированных линий, но при этом большая часть их была введена в первой половине десятилетия.

Внедрение достижений науки и техники в производство тормозил существова-

вший в стране механизм хозяйствования. Трудовые коллективы не проявляли заинтересованности в освоении новой техники, так как это отрицательно сказывалось на результатах работы предприятий и каждого труженика в отдельности. К середине 1980–х гг. в Карелии были автоматизированы или комплексно механизированы только 9 предприятий, причем 7 — до начала 1970–х гг. По этому показателю Карелия значительно отставала от среднего уровня по стране. Незначительная специализация и кооперирование сделали невозможным достижение комплексной автоматизации и механизации производства. В свою очередь, связанное с этим медленное внедрение новой техники и технологий влияло на замедление развития промышленности Карельской АССР.

Административно–командная система управления экономикой привела к тому, что предприятия десятилетиями отчисляли в государственный бюджет, министерствам и ведомствам основную (до 80%) часть прибыли, других доходов. На развитие производства средств по существу не оставалось. В результате в промышленности износ основных фондов увеличился к 1980 г. до 36 % и продолжал расти[49].

Руководство страны видело один из способов повышения эффективности производства в активизации трудовой деятельности рабочих через вовлечение их в управление производством. Особое место, как и прежде, отводилось социалистическому соревнованию. По отчетам профсоюзов численность участников соревнования вплоть до конца 1980–х гг. неуклонно росла. Вместе с тем в его организации все больше обнаруживался формализм, показуха, обязательства и планы зачастую не выполнялись. К началу 1980–х гг. соревнование, искусственно поддерживавшееся государством и фактически подчиненными ему профсоюзами, было полностью дискредитировано в глазах трудящихся и утратило экономический смысл. Руководство профсоюзов признало это лишь на XIX съезде в 1990 г.

При мизерной оплате труда к рабочей дисциплине предъявлялись соответственно низкие требования. Опоздания, продолжительные чаепития, походы по магазинам в рабочее время (в поисках необходимых продуктов) стали нормой. Руководство нередко закрывало глаза даже на прогулы. По данным специальной проверки, проведенной в Петрозаводске в 1974 г., лишь половина прогульщиков была подвергнута взысканиям[50]. В результате безнаказанности количество прогульщиков росло из года в год. Новый секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов на пленуме ЦК КПСС в декабре 1982 г. заявил, что "хотя нельзя все сводить к дисциплине, начинать надо... именно с нее". Проблема укрепления дисциплины труда и борьбы с расточительством на несколько месяцев стала основной в средствах массовой информации. Для укрепления дисциплины предпринимались беспрецедентные меры: проверялись удостоверения личности в магазинах, милиция совершала облавы на кинотеатры с целью обнаружения тех, кто пришел туда в рабочее время. Эти меры дали лишь кратковременный эффект, и вскоре все вернулось на свои места. В 1984 г. в промышленности и строительстве Карелии прогульщиком оказался каждый четвертый рабочий. В результате прогулов, простоев и неявок с разрешения администрации ежедневно не работало 900 человек. Кроме того, в середине 1980–х гг. только на сельскохозяйственные работы, строительство и другие виды деятельности в промышленности ежедневно отвлекались до тысячи и более человек. А в последние дни каждого квартала и особенно в конце года начинались необходимые для выполнения плана авральные работы с принудительными сверхурочными. В 1986 г. принимаются меры по борьбе с пьянством, и благодаря им потери рабочего времени уменьшаются наполовину. Однако в 1987 г. вновь начался их рост.

Численность промышленно–производственного персонала возросла со 132 тыс. в 1970 г. до 145 тыс. в 1985 г. Вместе с тем, текучесть рабочей силы составляла по отдельным отраслям до 27 % в год[51] (по СССР в 1970–х гг. — 20—30%). Рабочие уходили с предприятий, прежде всего, в поисках более высокой заработной платы, лучшего продовольственного снабжения, лучших жилищных условий, условий для "шабашки" и т. д. Особенно тяжелая обстановка складывалась на стройках. Во–первых, и в 1970–е, и в 1980–е годы здесь более половины рабочих были заняты ручным трудом. Во–вторых, трудились в основном мигранты из села, для которых стройка представляла, как правило, лишь стартовую площадку, и вскоре они переходили в более благополучные отрасли. В середине 1970–х гг. только на стройках Петрозаводска недоставало 1000 рабочих. По–прежнему в промышленности и строительстве использовался труд "спецконтингента" (ИТУ), а также условно–заключенных и условно–освобожденных. Особенно много их работало в Сегеже, Кондопоге, Суоярви. Этот традиционный путь "латания дыр" имел и значительные экономические издержки: требовались затраты на обучение, расходы на охрану.

Источником дешевой рабочей силы являлись студенческие отряды. В 1970—1980–е гг. Центральный штаб студенческих строительных отрядов при ЦК ВЛКСМ ежегодно во время каникул направлял около 3 тыс. студентов для оказания помощи народному хозяйству Карелии. Заявки на привлечение стройотрядов поступали от многих предприятий республики, однако ряд договоров срывался из–за неготовности предприятий обеспечить нормальные условия труда и быта студентов.

При дефиците собственных трудовых ресурсов Карелия все–таки не осталась в стороне от "стройки века" — БАМа. В 1974 г. бюро обкома КПСС рассмотрело вопрос об участии строителей Карелии в сооружении объектов Байкало–Амурской магистрали. Организациям республики было поручено шефство над строительством железнодорожной станции Воспорухан.

В конце 1970–х — начале 1980–х гг. для улучшения ситуации на производстве стали внедряться, а скорее навязываться сверху новые формы организации труда: злобинский метод, бригадный, коллективный подряды. Но они носили заформализованный характер. Как только даже такого рода новации получали развитие и создавали в отдельных коллективах предпосылки для сокращения административно–управленческого персонала, их сила подрывалась многочисленными инструкциями. В результате подобные начинания, не успев развиться, оказывались фактически похороненными и не принесли желаемого результата.

Смысл шумихи, поднимавшейся вокруг всевозможных "починов" и "методов" состоял в одном: навязать рабочим более высокие нормы, но в завуалированной форме, чтобы они не выглядели как плод фантазии чиновников из номенклатурных кабинетов. С этой же целью осуществлялось заигрывание с молодежью, шла спекуляция на ее неопытности: в частности, объявлялись комсомольско–молодежные призывы на строительство Костомукшского ГОКа, Кривопорожской ГЭС и др.

В течение 1970—1980–х гг. при увеличении затрат в промышленности республики наблюдалось снижение ее эффективности. Кризисные явления выразились также в сокращении темпов экономического роста. Промышленность сохраняла преимущественно ресурсодобывающий характер. Ее общий технический уровень все более отставал от требований времени. Возможности усовершенствования средств труда в границах сложившихся технологических принципов были близки к исчерпанию. Это обусловливало преобладание затратной формы научно–технического прогресса в промышленности республики. В целом задачу максимального использования достижений НТР,

перехода к новым технологиям в рассматриваемый период решить не удалось, что и стало основной причиной "застоя".

Попытки реформирования экономики

Кризис, охвативший экономику страны в середине 1980–х гг., требовал радикальных перемен. Улучшить функционирование системы частными изменениями уже не представлялось возможным. Лозунгами нового руководства страны во главе с М.С. Горбачевым стали "ускорение" и "перестройка". Первый из них казался весьма традиционным — это был призыв к ускорению темпов развития экономики. Для его воплощения в жизнь в Карелии, как и во всей стране, были разработаны целевые программы "Интенсификация – 90", "Качество – 90", "Материалоемкость – 90" и целый ряд других. "Перестройка" же подразумевала настоящую "реконструкцию" всего здания советского общества в целом и экономики в частности.

Первоначально суть реформы определили две основные тенденции: расширение самостоятельности государственных предприятий и расширение сферы деятельности частного сектора. "Закон о государственном предприятии" от 30 июня 1987 г. (вошедший в силу для всех предприятий с 1 января 1989 г.) был призван обеспечить переход на новые принципы: хозрасчет и самофинансирование. Предполагался постепенный переход от посредничества Госплана к непосредственным связям предприятий с поставщиками и потребителями, с предоставлением предприятиям права самим планировать свою деятельность. В действительности государство, оставаясь главным заказчиком в промышленности, почти полностью покрывало госзаказом производственные мощности предприятий, оставляя за ними весьма ограниченные возможности коммерческой деятельности, сфера рынка ограничивалась договорами между предприятиями, а централизованный контроль, напротив, усилился, благодаря введению "госприемки" — проверки качества выпускаемой продукции в момент ее сдачи (что использовалось прежде только на предприятиях оборонной промышленности). Первые органы госприемки начали действовать на ряде предприятий Карелии в конце 1986 — начале 1987 г. По их оценке лишь 10 % выпускаемой продукции соответствовали высшей категории качества[52].

В 1988 г. начался переход предприятий с периодическим (прерывным) циклом на многосменный режим работы. Идея многосменки состояла в том, чтобы полностью загрузить прогрессивную часть оборудования и освободиться от устаревшей его части. В промышленности Карелии 37% машинного парка было старше 10 лет, в том числе 15% — старше 20 лет. Переход к многосменке, доставлявшей много неудобств, шел вяло и не принес существенных результатов.

Изменения в производстве требовали совершенствования профессионально–квалификационной структуры рабочих кадров. В 1990 г. двадцать два ПТУ выпустили более 8 тыс. квалифицированных рабочих, из них более половины — для промышленности республики. Но потребность в квалифицированных рабочих по–прежнему не была удовлетворена. Престиж рабочих специальностей падал, и училища ежегодно не выполняли план приема молодежи. Мало готовилось рабочих по новым профессиям, связанным со сложным оборудованием и техникой. Отчасти поэтому на предприятиях сохранялась практика использования специалистов с высшим и средним специальным образованием на рабочих местах. В связи с переходом предприятий на новые условия хозяйствования стала заметно сокращаться численность промышлен-

но–производственного персонала. С 1985 по 1989 гг. она уменьшилась на 25 тыс. человек, составив в 1989 г. 120 тыс.[53]

Все решения о "самоуправлении" предприятий продолжали навязываться бюрократией. На предприятиях Карелии стали создаваться советы трудовых коллективов (СТК) вместо существовавших прежде постоянно действующих производственных совещаний. Крайне ограниченные в своих полномочиях, они выступали с правом совещательного голоса и фактически дублировали официальные инстанции; в большинстве своем СТК оказались придатками администрации и лишь создавали видимость участия рабочих в управлении производством.

Новых целей старались достичь прежними средствами. Предприятия также оставались под опекой министерств и продолжали пользоваться субсидиями, позволявшими многим из них избежать банкротства и увольнения персонала. При сокращении общей численности работающих число управленцев даже возросло. В 1989 г. их насчитывалось 50 тыс., то есть один из восьми занятых в народном хозяйстве Карелии был руководителем[54]. Это косвенно свидетельствовало о медленном переходе от административных к экономическим методам управления. В данном отношении показательно также то, что крайне медленно искоренялась система двойной статистики: правдивой — для внутреннего употребления на предприятии и ложной — для отчетов. Масштабы дезинформации оставались колоссальными: в 1988 г., по данным Карельского управления статистики, на 162 предприятиях из 318 обследованных были обнаружены приписки и другие искажения статистической отчетности[55].

Второе направление экономической реформы состояло в расширении сферы деятельности для частной инициативы. Частная деятельность была легализована более чем в 30 видах производства товаров и услуг. С 1987 г. в Карелии стал быстро развиваться кооперативный сектор. Интенсивный рост кооперативов продолжался до 1991 г.: их было зарегистрировано более 1 тыс., а численность работающих составила около 15 тыс. человек (3% от общей численности занятых в народном хозяйстве республики), удельный вес кооперативов в валовом общественном продукте достиг 4%. Наиболее активную экономическую деятельность развернули строительные, а также торгово–закупочные кооперативы.

Кооперативы достигли значительного роста производительности труда. В целом она была на 10—20 % выше, чем в государственном секторе, в строительных кооперативах превышение составляло около 30%, в сфере обслуживания — 20%, а в торговле было четырехкратным[56]. В 1991 г. началось сокращение кооперативного сектора: только в 1991 г. число действующих кооперативов уменьшилось на 12%. Развитию кооперативов мешало растущее налоговое бремя, транспортные трудности, отсутствие помещений, оборудования, материалов, сложности с финансированием.

Большой вред негосударственным предприятиям нанесла кампанейщина. Чрезмерная пропаганда и призывы к активизации кооперативного движения осуществлялись без раскрытия реальных возможностей его развития. Существующие противоречия в значительной мере извратили кооперативное движение, толкали его к теневым формам и переориентации с производственной на торгово–закупочную деятельность. Высокие цены и большие доходы кооперативов вызывали откровенно негативное отношение населения: неоднократно регистрировались поджоги торговых киосков в Петрозаводске и районах Карелии.

В 1990 г. Совет Министров СССР принял постановление "О мерах по развитию малых предприятий", практически разрешившее создание частных предприя-

тий. Уже к 1 октября 1991 г. в республике было зарегистрировано 931 малое предприятие, из них работали приблизительно 500. Около 40% МП являлись государственными, примерно столько же коллективными и почти 19 % — индивидуальными и частными. Они выпускали лишь 5% промышленной продукции, но по уровню рентабельности и фондоотдачи существенно превышали средние показатели по промышленности[57].

В течение полутора лет после принятия в декабре 1989 г. "Закона об аренде" были переданы в эту форму собственности около 40 предприятий, из которых 15 — автомобильного транспорта. В 1991 г. при общеэкономическом спаде производство на промышленных арендных предприятиях выросло на 1,6%. Почти половину продукции арендных промышленных предприятий производил "Петрозаводскбуммаш".

Появление совместных предприятий (СП) в конце 1980–х гг. рассматривалось как одна из самых сложных и современных форм прямых производственных и научно–технических связей между странами. К концу 1991 г. в различных отраслях производства Карелии действовало более 20 СП. По уровню их развития республика занимала второе место после Мурманской области на европейском Севере России. К началу 1990–х гг. половина всех предприятий с иностранными инвестициями в Карелии была образована финскими фирмами. Однако они занимались исключительно добычей сырья и торговлей. Финские фирмы не вкладывали средств в модернизацию производства, не желая улучшать качество, а тем самым и конкурентоспособность карельских товаров. В целом удельный вес СП в народном хозяйстве республики оставался незначительным.

В 1991 г. в республике начали образовываться акционерные общества, в основном — посреднические фирмы. В промышленности к концу года действовало 9 небольших товариществ и одно акционерное общество, общая численность занятых составляла всего 100 человек. Тогда же была организована первая товарная биржа — Петрозаводская. В число ее учредителей входили Госснаб, банки и предприятия Карелии и некоторых других регионов России.

Формирование многоукладной экономики сопровождалось ухудшением ряда ее показателей. К началу 1990–х гг. технический уровень промышленности оставался невысоким. В республике было всего 2 комплексно–автоматизированных предприятия и 5 автоматизированных, 5 комплексно–механизированных в целом и 12 комплексно–механизированных по основному производству. Около 40% предприятий не имели средств комплексной автоматизации и механизации. Техника на промышленных предприятиях оказалась значительно изношенной, а в ряде случаев непригодной к эксплуатации. Так, уровень износа производственных фондов объединения "Карелеспром" составлял свыше 60%, "Петрозаводскбуммаша" — более 45%. В целом же уровень износа основных производственных фондов народного хозяйства Карелии составлял около 40%[58].

Эффективность экономики Карелии не повысилась и после перехода предприятий республики на принципы самофинансирования и самоокупаемости. Показатели развития промышленности свидетельствовали о нарастающем кризисе. Уже к 1989—1990 гг. темпы роста объемов производства существенно снизились, а в некоторых отраслях начал сокращаться выпуск продукции. С 1991 г. спад производства был всеобщим.

За годы "перестройки" еще более усилился разрыв в уровне экономического развития отдельных районов. В конце 1980–х гг. 40% всей промышленной продукции

Карелии производилось в Сегежском, Кондопожском районах и г. Костомукше, остальные 13 районов и г. Сортавала давали в общей сложности 30% продукции, ровно столько же, сколько производил один Петрозаводск.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство продолжало оставаться самой отсталой отраслью в советской экономике. Государственная политика в деревне в 1970–х — первой половине 1980–х гг. была определена решениями мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС, конкретизировавшего программную задачу "стирания существенных различий между городом и деревней" и наметившего курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства путем его ускоренной концентрации и специализации. Противоречивый характер развития деревни в этот период заключался в том, что, с одной стороны, никогда ранее за всю историю советской деревни не предпринималось таких серьезных попыток вывести из кризисного положения аграрный сектор, а с другой, — именно в этот период в результате преобразования села значительная часть деревень, отнесенных к разряду "неперспективных", была подвергнута очередному тяжелейшему эксперименту и обречена на исчезновение.

На 1970–е гг. пришлась кульминация попыток добиться реализации установок программы КПСС, принятой на XXII съезде, по преобразованию деревни. Этапным в этом отношении стало постановление ЦК партии и правительства от 20 марта 1974 г. "О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны СССР". Однако "меры" касались не всего аграрного сектора, а лишь его "перспективной" части. Планировалось строительство крупных животноводческих комплексов с полной механизацией и автоматизацией производственных процессов, создание межхозяйственных объединений и "завершение к 1990 г. сселения жителей из мелких населенных пунктов в крупные поселки". Развитие сельского хозяйства по–прежнему отставало от промышленности. Если за 1970—1988 гг. промышленная продукция выросла в 2,1 раза, то валовая продукция сельского хозяйства — в 1,7 раза. Но при этом в сельскохозяйственном производстве стала значительно выше роль общественного сектора, а доля создаваемой в нем валовой продукции поднялась с 66% в 1971 г. до 84% в 1985 г. В середине 1980–х гг. сельскохозяйственная продукция производилась в 59 совхозах, на трех опытных станциях, в более чем ста подсобных хозяйствах промышленных предприятий и организаций, а также в личных подсобных хозяйствах населения. Половина всех совхозов занималась производством молочной и мясной продукции, треть — звероводством, 10 % — птицеводством.

Территория республики оставалась крайне слабо освоенной под сельскохозяйственное производство. В конце 1980–х гг. сельхозугодья занимали всего 1,3% общего земельного фонда, из них пашни составляли около 36% площади, природные кормовые угодья (сенокосы и пастбища) — 63 %. На одного жителя приходилось по 0,3 га сельхозугодий (в целом по РСФСР — 1,5 га), в том числе 0,09 га пашни. В 1970–х —1980–х гг. была сделана ставка на мелиорацию как основу укрепления сельскохозяйственного производства Карелии, вся территория которой относится к зоне избыточного увлажнения. Особенно масштабные мелиоративные работы развернулись в Суоярвском, Пудожском, Калевальском и Кондопожском районах. В 1971—1975 гг. было осушено 16,5 тыс. га (вдвое больше, чем в предыдущей пятилетке), в 1980–х гг. ежегодно вводилось в эксплуатацию 4,0—5,3 тыс. га осушенных земель. В 1970 г. посевы

на осушенных землях составляли 52%, в 1985 г. — уже 75%[59]. Вместе с тем общий земельный клин расширялся в меньших размерах, чем велось освоение новых земель, так как прежде обрабатываемые посевные площади продолжали исключаться из хозяйственного оборота. В существенной мере это связано с ликвидацией "неперспективных" деревень. В 1971—1985 гг. общая посевная площадь выросла лишь на 10,8 тыс. га, или на 15,8%. Не использовались и значительные площади осушенных угодий. Нередко это происходило из–за низкого качества мелиорированных земель. Из–за отсутствия ухода в ряде хозяйств мелиоративная сеть уже через 3—4 года требовала капитального ремонта или полного восстановления.

Подкормка посевов минеральными удобрениями

Одновременно в значительных объемах проводились работы по известкованию кислых почв и внесению органических и минеральных удобрений. В 1970—1985 гг. количество минеральных удобрений, вносимых на единицу площади, возросло на 40%, органических удобрений — на 70%. Практически все пахотные угодья обеспечивались минеральными удобрениями, что в целом положительно отразилось на урожайности. Вместе с тем на протяжении всего периода сохранялась проблема больших потерь удобрений в ходе их транспортировки, хранения и внесения в почву.

В хозяйствах республики наблюдалась тенденция к росту урожайности сельскохозяйственных культур. В частности, для овощей и силосных культур в 1970—1985 гг. она повысилась на 24 %, вместе с тем неизменной осталась урожайность картофеля. Передовые совхозы — "Сортавальский", "Туксинский", "Мегрегский", "Большевик" и некоторые другие ежегодно получали до 200—300 ц/га картофеля, по 400—600 ц/га овощей, по 45—55 ц/га сена многолетних трав — что значительно выше среднереспубликанских показателей. В целом по республике урожайность оставалась не высокой, все еще сильно сказывалась зависимость ее от погодных условий.

Из–за очевидной нерентабельности зернового производства Карелия была освобождена от продажи зерна государству. К 1985 г. производство зерна практически прекратилось, валовой сбор по республике составил всего 100 тонн, то есть свободно помещался в пяти железнодорожных вагонах. Земледелие республики было в основном подчинено задаче обеспечения кормами развивающегося животноводства — основной отрасли сельского хозяйства Карелии. Меры по интенсификации производства, увеличение поголовья животных и племенная работа позволили повысить продуктивность. За 1971—1988 гг. удой молока на корову в совхозах повысился с 3311 кг до 3607 кг, или на 296 кг при существенной разнице в показателях по отдельным хозяйствам. Например, личный рекорд С.Ф. Крамаренко из совхоза им. Зайцева,

Уборка капусты в совхозе "Туксинский"

неоднократно признававшейся в 1970–х гг. лучшей дояркой Карелии, составил 5660 кг (1974 г.). В 1985 г. годовой удой молока на одну корову колебался с 2873 кг в совхозе "Выгостровский" до 5250 кг в племсовхозе "Сортавальский"; среднегодовой прирост живой массы крупного рогатого скота на 1 голову молодняка — со 121 до 237 кг[60].

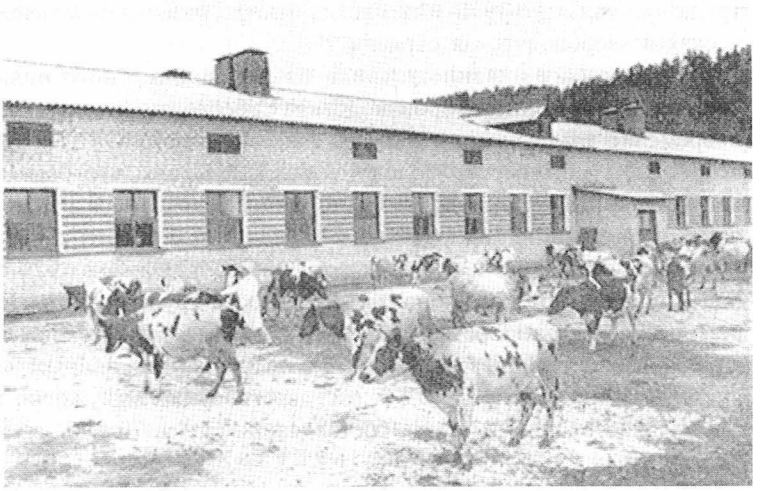
Сдерживающим фактором развития животноводства стало недостаточное развитие кормовой базы. Республика продолжала получать корма в обмен на лес. Завозились даже те виды кормов (грубые и сочные), которые могли бы в достаточном количестве заготавливаться на месте, но этого не происходило из–за низкой урожайности культур вследствие грубых нарушений агротехники.

Эффективно развивалось птицеводство. К концу 1980–х годов яйца были единственным сельскохозяйственным продуктом, которым Карелия обеспечивала себя полностью. Росло производство мяса птицы. К концу 1980–х гг. оно составляло одну треть общего производства мяса в республике.

Значительное развитие получило клеточное звероводство. К середине 1970–х гг. насчитывалось 20 специализированных совхозов. В хозяйствах содержалось более 260 тыс. самок норки и почти 8 тыс. самок песца — в основном высококачественное импортное поголовье, завезенное в разные годы из Финляндии, Швеции, Канады, Норвегии. Пушное звероводство ориентировалось на мясо–рыбные корма. Их доставляли с Дальнего Востока, Северного морского бассейна, Казахстана, южной России. Ограниченность кормовых ресурсов стала сдерживать дальнейшее развитие отрасли, дававшей стране значительный валютный доход. В середине 1980–х гг. звероводческие хозяйства ежегодно реализовывали пушнины более чем на 75 млн руб.[61]

Среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции выросло в сопоставимых ценах с 112,9 (1965—1971 гг.) до 202,6 млн руб. (1981—1985 гг.). И все же задача полного обеспечения населения цельномолочной продукцией, картофелем, овощами (за исключением теплолюбивых) и частично мясом не была решена. В течение всего рассматриваемого периода производство этих продуктов оставалось дотационным. Снабжение населения сельхозпродукцией за счет внутренних резервов улучшалось слабо, а по отдельным видам ее выпуск в расчете на одного жителя даже снизился[62].

Ассортимент овощных культур оставался крайне ограниченным. При производстве, транспортировке и хранении овощей допускались большие потери и порча продукции. Рост городского населения обострил продовольственную проблему. Для ее смягчения в столице Карелии был построен пригородный совхоз "Тепличный". Пер-



Животноводческий комплекс племсовхоза "Сортавальский"

вая очередь теплиц (площадью 6 га) дала овощную продукцию в 1972 г. В начале 1980–х гг. началась работа по внедрению прогрессивных методов заготовки и хранения овощей: перевозка в контейнерах, поставки по схеме "поле—магазин", минуя овощную базу. Вместе с тем спрос населения на картофель и овощи так и не был удовлетворен полностью, снабжение осуществлялось с большими сезонными перебоями.

Техническая оснащенность и условия труда в сельском хозяйстве

В 1970—1980–е гг. постоянно росли капиталовложения в сельское хозяйство. Они составляли 20—25% всех инвестиций СССР (в США — 4%). Большие средства расходовались на строительство дорог, школ, жилья, закупку удобрения, улучшение земель. В 1971—1975 гг. на развитие сельского хозяйства Карелии было направлено 177 млн руб., в 1976—1980 гг. — 286, в 1980–х гг. в агропромышленный комплекс было вложено более 900 млн руб. Только лишь за вторую половину 1970–х гг. в совхозах введены в действие животноводческие помещения для крупного рогатого скота на 23,3 тыс. мест, для свиней — на 6,9 тыс. мест, для птицы — на 178,5 мест. Построены и введены в действие картофелехранилища емкостью 9,7 тыс. т, силосные сооружения на 19 тыс. т, сенажные сооружения на 18 тыс. т, склады для хранения минеральных удобрений — почти на 14 тыс. т. За период с 1965 по 1985 гг. производственные фонды сельскохозяйственного назначения увеличились с 74,7 до 502,2 млн руб., то есть выросли более чем в 6 раз[63].

Значительно возросла электрификация совхозного производства. В 1985 г. на производственные цели было использовано 170,6 млн киловатт–часов вместо 15,8 млн в 1965 г. Рост технической оснащенности и фондовооруженности позволил поднять степень механизации производственных процессов. В 1981—1985 гг. сельскому хозяйству было поставлено 2216 тракторов (тягачей), 565 специализированных автомобилей, 1565 тракторных прицепов, 340 экскаваторов, 313 бульдозеров, 17 скреперов и 2 зерноуборочных комбайна[64]. Производительность труда в совхозах республики за 1971—1985 гг. повысилась на 66%. Наиболее значительный рост производительности

труда пришелся на 1970–е гг., когда быстро развивались менее трудоемкие птицеводческая и звероводческая отрасли.

Простое наращивание техники не давало заметного повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Себестоимость продукции увеличивалась, одновременно значительно снизилась фондоотдача. С 1971 по 1985 гг. в два и более раз возросла себестоимость молока, мяса, картофеля, что было связано с повышением цен на промышленную продукцию, использовавшуюся в сельском хозяйстве, ростом норм амортизации, значительным повышением уровня оплаты труда. Среднемесячная заработная плата в совхозах возросла со 123 руб. в 1970 г. до 262 руб. в 1985 г., или в 2,1 раза при росте производительности труда за этот период лишь на 66%. Возросли цены на приобретаемую технику, корма, строительные материалы и др. Доходы совхозов увеличивались за счет повышения закупочных цен. Чтобы не допустить роста розничных цен, с 1977 г. государство было вынуждено выделять сельскому хозяйству постоянные дотации, составлявшие более 70 руб. ежегодно на каждого жителя страны.

Важнейший показатель эффективности — фондоотдача — за период с 1965 по 1985 г. сократился в 2 раза. За 1970–е — первую половину 1980–х гг. производство сельскохозяйственной продукции росло в 2,5 раза медленнее, чем стоимость производственных фондов. Республика шла по "затратному" пути развития сельского хозяйства. Капиталовложения в сельское хозяйство не оправдывали себя. Сказывалось отсутствие комплексного и экономически обоснованного строительства. Так, например, большинство животноводческих ферм строились под использовавшуюся в 1930–х гг. технологию содержания животных. Причины падения фондоотдачи кроются и в структуре затрат на сельское хозяйство. Постоянно росла доля расходов на строительство зданий, сооружений, тогда как доля затрат на машины и оборудование, то есть активную часть фондов, даже сокращалась.

В результате удельный вес ручных работ в совхозах республики составлял в 1985 г. 46 %. Уровень комплексной механизации на фермах крупного рогатого скота составил 47 %, свиноводческих — 57 % , и лишь в птицеводстве он достиг 93 %. Уборка овощей комбайном составляла всего 17%. Уровень рентабельности сельскохозяйственного производства сильно колебался: с 15% в 1970 г. он поднялся к 1975 г. лишь до 17%, к 1980 г. упал до 12% и к 1985 г. возрос до 26%. Убыточных хозяйств в соответствующие годы насчитывалось 9, 12, 20 и 1[65].

Сохранялась стандартная бригадная система организации труда. Заработная плата зависела от производственного задания, а не от конечного продукта. Уборка урожая приобретала авральный характер. Ежегодно в плановом порядке на сельхозработы отправлялись тысячи студентов вузов, техникумов, а также рабочие и служащие промышленных предприятий и государственных учреждений. На пленуме Карельского обкома КПСС в июне 1971 г. говорилось: "...шефство над совхозом — кровный долг и прямая обязанность каждого промышленного предприятия, поскольку дело развития сельского хозяйства является делом общепартийным и всенародным".

В первой половине 1970–х гг. 89 предприятий республики взяли обязательства по оказанию помощи совхозам в строительстве животноводческих помещений, картофелехранилищ и других производственных объектов. Обкомом КПСС были установлены нормы выезда горожан в совхозы на заготовку кормов, прополку посевов, уборку урожая. Однако плохая организация труда и быта привлекаемых на сельхозработы людей делала их труд малоэффективным.

Попытки реорганизации сельскохозяйственного производства

В конце 1970–х гг. правительство решило заняться самой структурой сельского хозяйства и в первую очередь ключевым вопросом —личными подсобными хозяйствами. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1977 г. приняли специальное постановление, облегчавшее получение земельных участков в пользование граждан. За три последующих года в Карелии площадь огородов и приусадебных участков населения увеличилась на 600 га, было создано дополнительно 37 садоводческих кооперативов[66]. Однако новые возможности люди использовали с осторожностью и оглядкой на политику прошлых десятилетий.

С 1981 г. условия ведения личного подсобного хозяйства улучшились: стали предоставляться льготные кредиты, совхозам на договорной основе разрешалось закупать продукцию у населения, вводились налоговые льготы. Но на местах решения выполнялись крайне медленно, с неимоверной бюрократической волокитой. В первой половине 1980–х гг. число семей, имеющих приусадебные участки, и площадь этих участков даже несколько уменьшились. Соответственно снизилась и доля сельскохозяйственной продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах. В 1985 г. они дали 45% (в 1981 г. — 52%) картофеля, 15% (18%) молока, 31% (сохранился уровень 1981 г.) мяса. Оживление интереса населения к приусадебному хозяйству, появившееся на рубеже 1970—1980–х гг., сменилось снижением активности в связи с трудностями получения сенокосных угодий, приобретения молодняка скота, недостатком удобрений, инвентаря, кормов[67].

Одновременно власти пытались оживить работу подсобных хозяйств промышленных предприятий, значительная часть угодий которых находилась в запущенном состоянии, а производственные показатели были намного хуже, чем в совхозах. В 1981 г. обком КПСС и Совет министров республики обязали руководителей предприятий улучшить работу подсобных хозяйств, при ряде заводов и фабрик в приказном порядке создавались новые хозяйства. К 1985 г. поголовье крупного рогатого скота в этих хозяйствах выросло почти на 20%, в три раза (до 23 тыс. кв. м) увеличилась площадь теплиц. Однако подсобные хозяйства предприятий так и не смогли достичь среднереспубликанских сельскохозяйственных показателей продуктивности и урожайности: они здесь были в среднем ниже на треть[68]. Наиболее успешно развивались хозяйства Кондопожского и Сегежского ЦБК, Главсевзапстроя, завода "Авангард".

Неблагополучное состояние в аграрном секторе привело к более радикальным мерам, среди которых важнейшим представлялось создание в 1982 г. агропромышленных комплексов (АПК). Эта реорганизация должна была обеспечить интеграцию сельского хозяйства в самом широком смысле слова. В единую систему объединялись не только собственно сельское хозяйство, но и производство специализированных машин, оборудования, удобрений, а также переработка сельскохозяйственного сырья. В Карелии АПК существовал в незавершенном виде: потребности его отраслей в машинах, тракторах, оборудовании, удобрениях и другом обеспечивались за счет ввоза из–за пределов республики. Слабее, чем в других регионах России, были представлены и связи сельского хозяйства с перерабатывающими отраслями. Агропромышленный комплекс так себя и не оправдал, оставшись лишь административным объединением.

Попытка интенсифицировать сельскохозяйственное производство, преобразовать социальную сферу села, сопровождавшаяся ликвидационной политикой, захлебну-

лась. Меры по развитию личного подсобного хозяйства предпринимались параллельно с осуществлением политики по ликвидации неперспективных деревень. Продолжался процесс экономической и социальной деградации деревни. Причины неблагополучия в сельском хозяйстве экономисты усматривали прежде всего в суровых природных условиях, закрывая глаза на то, что в соседней Финляндии в аналогичном климате сформировалось высокопродуктивное сельскохозяйственное производство. В русле официальной концепции застой в сельском хозяйстве объяснялся также слабостью материальной базы, недостаточной энерговооруженностью, уровнем мелиорации и т. д. Производственные отношения — коренная причина сложившегося положения — оставались вне зоны критики.

С середины 1980–х гг. на начальном этапе "перестройки" была подвергнута шквальной критике концептуальная сущность аграрной политики. Защитников у нее не оказалось, поскольку политика переустройства деревни, базировавшаяся на программе построения коммунизма, зашла в тупик. На новую пятилетку была разработана программа "Земля – 90", предусматривающая теперь уже возрождение неперспективных и заброшенных деревень. Первый шаг в осуществлении этой программы был сделан по стандартной схеме: в ноябре 1985 г. обком КПСС принял постановление об образовании агропромышленного комитета (агропрома) КАССР. Появление еще одной управленческой структуры не могло приостановить негативные тенденции развития отрасли. Темпы роста валовой продукции сельского хозяйства во второй половине 1980–х гг. снизились в два раза по сравнению с предыдущим пятилетием[69]. В 1988 г. в составе АПК Карелии имелось 11 планово–убыточных предприятий (в том числе Сортавальский и Петрозаводский пивзаводы, Беломорская база Гослова, два хлебозавода, Беломорский молочный завод и др.). Объем запланированных на год убытков достиг почти полутора миллионов рублей.

Мартовский 1989 г. пленум ЦК КПСС подверг критической переоценке весь путь, пройденный советской деревней. Порочной признавалась практика "нарушения эквивалентности обмена между городом и деревней". Пленум признал необходимость сбалансированного развития города и села, промышленности и сельского хозяйства, призывал поощрять стремление горожан, готовых переселиться в деревню. Уже 5 апреля 1989 г. в постановлении СМ СССР "О программе социального развития села" была подчеркнута необходимость изменения производственных отношений в агропромышленном комплексе. Среди основных направлений выделялось "преодоление региональных диспропорций в обеспечении сельского населения социально–культурными благами", "сохранение и развитие малых деревень". Данное постановление стало по существу "зеркальным отражением" (но с противоположным знаком) всего комплекса программных и директивных решений, в соответствии с которыми строилась политика в деревне в предыдущие десятилетия.

В сельском хозяйстве стал внедряться арендный подряд. В середине 1989 г. он применялся в 68% совхозов Карелии, за арендными коллективами было закреплено 15% пашни. На пути аренды было немало трудностей, формализма. Крестьяне, желавшие работать на условиях аренды, не могли получить землю на предусмотренные законом 50 лет; чаще всего срок аренды не превышал 5—10 лет. Проведенное органами госстатистики обследование показало, что в ряде случаев на аренду люди переходили не по собственному желанию, а по настоянию руководителей хозяйств. Из–за сохранившегося административного регулирования деятельности хозяйств каждое четвертое из числа обследуемых подразделений не получило подлинной самостоятельности. Отмечались факты нарушения договорных обязательств, вмешательства в текущую ра-

боту арендаторов. Большая часть сельского населения проявляла враждебность к возможности появления "новых кулаков".

С 1990 г. начался процесс организации крестьянских (фермерских) хозяйств (Суоярвский район, территория Костомукшского горсовета). Он проходил за счет перераспределения имеющихся сельскохозяйственных угодий с предоставлением земли в пожизненное наследуемое владение. В приграничных районах помощь фермерам стали оказывать различные учреждения Финляндии: в новые хозяйства поставлялась техника, предоставлялись услуги по обучению.

Появлялись новые формы организации сельскохозяйственных предприятий. На базе зверосовхоза "Видлицкий" и рыболовецкой бригады Сортавальского рыбозавода был создан агроконсорциум "Видлицкий". По принципу "кооператив кооперативов" стала работать агрофирма им. В.М. Зайцева. Хороших результатов добился, переведя на полную аренду свои цеха, зверосовхоз "Кондопожский". Однако в большинстве хозяйств не шли дальше создания отдельных арендных звеньев, экономические новшества по инерции внедрялись формально.

Слабые ростки новых явлений в сельском хозяйстве не могли изменить общую неблагополучную картину. С 1980 по 1990 г. объем производимого в республике картофеля сократился на четверть, овощей — более чем на треть. В конце десятилетия руководители совхозов уже планомерно из года в год сокращали площади под эти культуры, поскольку теперь не приходилось рассчитывать на помощь горожан в уборке урожая. В запущенном состоянии оказалось кормопроизводство. Из-за недостатка кормов происходил значительный падеж скота: лишь за 1990 г. совхозы потеряли 2,3 тыс. коров. Устойчивость же производства мяса и молока в республике объяснялась ростом поголовья скота в индивидуальном секторе. На рубеже 1980—1990-х гг. многие семьи вынуждены были перейти к самообеспечению продуктами питания. Только за 1990 г. поголовье свиней в личных подсобных хозяйствах выросло в 1,5 раза и составило 42,2 тыс. голов[70].

Одновременно началась работа по переселению в сельскую местность. В условиях инфляции и дефицита продуктов жизнь в деревне стала казаться более привлекательной, поскольку давала возможность для выживания. В 1990 г. в сельском хозяйстве значительно снизилась утечка кадров, из других регионов в совхозы Карелии переселилось 39 семей.

Таким образом, сельское хозяйство Карелии шло в 1970—1980-е гг. по затратному пути развития. Беспрецедентные капиталовложения не смогли переломить общей тенденции экономической деградации деревни, они распылялись по многочисленным стройкам и объектам. Начатое в конце 1980-х гг. реформирование производственных отношений в сельском хозяйстве осуществлялось робко и непоследовательно.

* * *

К началу 1990-х гг. Карелия играла существенную роль в общесоюзном разделении труда. Занимая 1% территории Российской Федерации, располагая 0,5% ее населения и сравнительно невысокой долей природных ресурсов, республика производила около 20% бумаги, выпускаемой в стране (23,3% — по России), 9,5% целлюлозы, 35% газетной бумаги, 8,4% железорудных окатышей, 30% бумагоделательного и целлюлозно-бумажного оборудования. Вся ее доля в промышленном производстве РФ составляла 0,57%. В экономике республики по-прежнему преобладали отрасли, свя-

занные с добычей и первичной обработкой сырья (их доля превышала 60%). В структуре экспорта сырье (главным образом продукты лесного комплекса) составляло более 90%. Стоимость природных богатств республики убывала примерно на 1% в год.

Экологическая ситуация

Возраставшие объемы хозяйственной деятельности вели к усилению антропогенной нагрузки на природу. В 1970–х гг. мероприятия по охране природы в основном направлялись не на предупреждение загрязнения окружающей среды, а лишь на ликвидацию допущенных ранее ошибок. За первую половину десятилетия на реках и озерах было собрано более 1 млн кубических метров затонувшей древесины, к 1976 г. на 78 водоемах был прекращен молевой сплав леса. К этому же времени ввели очистные сооружения на Кондопожском и Сегежском ЦБК. На Суоярвской картонной фабрике, кроме того, впервые в отрасли была осуществлена система замкнутого водооборота, что позволило осуществлять производство почти без сточных вод. В городах республики продолжались работы по строительству квартальных котельных и более мощных ТЭЦ, что позволило к середине 1970–х гг. только в Петрозаводске закрыть 56 мелких котельных.

Первый комплексный документ, касающийся охраны атмосферы, почвы и водных бассейнов, Карельский ОК КПСС принял в сентябре 1975 г. С тех пор предприятиями стали разрабатываться и внедряться природоохранные мероприятия. Средства, выделявшиеся на охрану природы, практически ежегодно не осваивались, в основном из–за отсутствия специализированной организации по строительству очистных сооружений и проектно–сметной документации, в результате срыва поставок строительных материалов и оборудования. Высокая стоимость очистных сооружений, достигающая трети общей стоимости производственных объектов, снижала заинтересованность предприятий в их установке.

Сложившаяся в республике экстенсивная модель природопользования вела к истощению сырьевой базы. Лишь после создания в 1985 г. производственного объединения "Кареллеспром" стали выполняться планы лесовосстановительных работ. Объемы лесоосушения (мелиорации болотистых земель, начатой в 1950–х гг.) достигли в 1970–х гг. 50 тыс. га в год. Мелиорация не дала должного народо–хозяйственного эффекта, поскольку не была сбалансирована с хозяйственным освоением осушенных земель и дорожным строительством. К тому же были уничтожены многие сотни гектаров болот–ягодников. Из–за несовершенной технологии лесозаготовок и низкой культуры труда на лесозаготовках 3—7% древесины терялось и бросалось на делянках, составляя в итоге тысячи кубометров. Они захламляли вырубки, делали их малопригодными для дальнейшего лесовосстановления.

Больше внимания проблеме охраны природы стало уделяться в 1980–е гг. К этому времени антропогенное воздействие на природу достигло по ряду показателей критической черты. Состояние окружающей природы перешло в разряд важнейших социально–экономических проблем. Использовавшиеся на предприятиях Карелии технологические схемы переработки сырья были далеки от ресурсосберегающих и безотходных технологий и не обеспечивали экологическую чистоту производства. К началу 1990–х гг. более 400 предприятий республики выбрасывали вредные вещества в атмосферу (около 300 тыс. т). С началом работы Костомукшского ГОКа в Карелии появился новый очаг экологической напряженности. Выбросы комбината составля-

ли треть всех промышленных выбросов в Карелии. Мощные источники загрязнения сосредоточивались также в Сегеже, Петрозаводске, Кондопоге. Помимо промышленных выбросов в воздух поступало более 80 тыс. т вредных веществ от автомобильного транспорта. В результате во многих районах республики состояние воздушного бассейна стало неблагополучным.

Вследствие потребительского отношения к природным ресурсам в неудовлетворительном состоянии оказались также водоемы Карелии. Из–за отсутствия или несовершенства водоочистных сооружений питьевая вода во многих населенных пунктах республики, в том числе и в Петрозаводске, не соответствовала установленным стандартам. В середине 1980–х гг. 80% сточных вод, попадавших в водоемы Карелии, были загрязнены, что четырехкратно превышало среднероссийские показатели. К концу десятилетия до нормального уровня очистки доводилось лишь 0,001% сточных вод, около 10% стоков сбрасывалось вообще без очистки. Остальная часть стоков (90%) после прохождения очистных сооружений не достигала уровня нормативно очищенных. В результате добычи полезных ископаемых и эксплуатации песчано–гравийных карьеров без достаточных геологических изысканий, без проектов разработки и восстановления земель к рубежу 1980–х — 1990–х гг. около 1 тыс. га Карелии превратились в пустынные котлованы с поваленным лесом и свалки мусора[71].

Препятствием для решения экологических проблем оставался ярко выраженный отраслевой характер использования природных ресурсов. Узковедомственный подход часто приводил к возникновению конфликтных ситуаций. Так, при использовании водохранилищ Выгского каскада столкнулись интересы гидроэнергетики, судоходства, лесосплава и рыбоводства.

Особенностью природоохранной деятельности в 1980–е гг. являлось увеличение числа заповедных зон. Создавались заказники для редких видов растений, выделялись территории, необходимые для поддержания запасов охотничье–промысловой фауны, был организован гидрологический заказник "Талая ламби", а пять родников с особым химическим составом воды получили статус памятников природы. Этот статус был присвоен 10 геологическим объектам, 21 дереву–интродуценту и 18 болотным массивам. Были исключены из планов мелиорации болота–ягодники. В 1983 г. был создан заповедник типичных природных ландшафтов северотаежной подзоны "Костомукшский". К тому времени лишь в данном месте республики сохранилась значительная, почти не пострадавшая от хозяйственной деятельности человека территория с типичным для европейского Севера природным комплексом. В 1991 г. на основе заповедника "Костомукшский" и пяти охраняемых территорий Финляндии, находящихся в непосредственной близости, организован международный заповедник "Дружба".

К 1 января 1991 г. охраняемый природный фонд Карелии насчитывал 158 территорий и объектов общей площадью 635,15 тыс. га, то есть 3,6% площади республики, причем доля заповедников составляла всего 0,3 %. Это один из самых низких показателей среди областей и республик европейского Севера. В 1991 г. были приняты решения о создании национальных парков: "Паанаярви" (103 тыс.) в Лоухском районе и Водлозерского (404 тыс. га) в Пудожском районе Карелии и Архангельской области.

В 1989 г. было создано Министерство экологии и природных ресурсов Республики Карелия. Теперь строительство новых предприятий стало возможным лишь после экологической экспертизы министерства.

Ежегодный рост затрат на охрану окружающей среды не привел к улучшению

экологической обстановки. Распределение средств между различными объектами не соответствовало уровню их экологической опасности. Природоохранные мероприятия лишь несколько сдерживали вал экологических проблем.

3. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Население

Общая численность населения Карелии за период с 1971 по 1981 г. увеличилась с 710 до 742 тыс. человек, а в 1991 г. в республике проживало 799 тыс. человек. В 1970–е гг. темпы роста по сравнению с предыдущим десятилетием сократились и оказались заметно меньше, чем в соседних областях и республиках, но в 1980–е гг. они существенно выросли.

В 1970–х гг. в Карелии оставался низким естественный прирост населения. Падение уровня рождаемости привело к тому, что в 1978—1979 гг. не обеспечивалось даже простое воспроизводство населения. На одну женщину условного поколения в возрасте 15—49 лет приходилось в среднем лишь 1,89 рождения. На снижение естественного прироста также влияло постарение населения и связанное с ним повышение уровня смертности[72].

Подъем рождаемости в 1980–х гг. во многом был связан с осуществлением мер по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей. Особенно важное значение имело предоставление работающим и учащимся женщинам частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, а затем полутора лет. 1987 г. явился пиком рождаемости за период с 1962 г.: в Карелии появилось тогда около 14 тыс. младенцев. В Костомукше, где средний возраст населения составлял всего лишь 25 лет, наблюдался локальный демографический взрыв: уровень рождаемости здесь в два раза превысил средние показатели по республике. Воздействие мер государственной помощи, влияющих на рождаемость, оказалось кратковременным, они вскоре были нивелированы ухудшением общей экономической ситуации в стране. Рождаемость снизилась быстрее, чем в свое время поднялась. Уже в 1988 г. она упала до уровня 1980 г., а затем стала самой низкой за все послевоенное время.

Длительный спад рождаемости привел к значительному старению населения Карелии. Если в 1970 г. старше трудоспособного возраста был каждый десятый житель республики, то в 1991 г. — уже каждый шестой. По международным критериям население считается старым, если удельный вес лиц старше 65 лет превышает 7%. Карелия перешагнула данный рубеж во второй половине 1980–х гг.

В возрастно–половой структуре населения Карелии сохранялась повышенная доля женщин (в 1989 г. на 10 мужчин приходилось 11 женщин), но соотношение полов все же было более благоприятным, чем в целом по стране. Однако по данным переписи 1989 г., среди сельских жителей в возрасте 16—34 лет число мужчин на 4,6 тыс. превышало число женщин. По существу эти люди обречены были оставаться холостяками.

Возрастной состав определил устойчивую тенденцию роста уровня смертности населения. После кратковременного понижения смертности, вызванного в 1985—1987 гг. мерами по преодолению пьянства и алкоголизма, ее рост возобновился. Снова среди причин смертности на одно из первых мест вышли травматизм и несчастные случаи на почве пьянства. В результате в 1990 г. естественный прирост оказался вдвое ниже по сравнению с 1980 г., а в Медвежьегорском и Сегежском районах наметилась даже

естественная убыль населения. Все это существенно сказалось на средней продолжительности жизни — в 1989 г. она составляла 74 года у женщин и 63 года у мужчин.

Продолжался рост числа семей. Переписью 1970 г. в Карелии было учтено 172 тыс. семей, а в 1989 г. их насчитывалось уже 217 тыс. Почти 90% составляли небольшие семьи, из двух–четырех совместно проживающих человек. Семья на всех уровнях испытывала сильнейшее социальное напряжение. Послевоенная проблема нехватки мужского населения сменилась другой — разводы стали обычным делом. К 1989 г. в Карелии на сто браков приходилось сорок разводов (в Костомукше — 65). Главная причина, которая называлась в судах, — пьянство мужей. В конце 1980–х гг. в Карелии каждая вторая семья была неполной. Такие семьи состояли, как правило, из одиноких матерей, разведенных женщин и вдов[73].

В родильном доме г. Петрозаводска

Статус работающей стал для женщины нормой. Женщины составляли 51% рабочей силы в республике. Но их средняя зарплата была на треть меньше заработной платы мужчин; они занимали более низкие должности, трудились в низкооплачиваемых сферах здравоохранения и народного образования. Двойная нагрузка, которую несли женщины, наряду с другими причинами, вела к низкому уровню рождаемости. В 1970—1980–е гг. со всей очевидностью проявилась ориентация большинства семей на одного—двух детей. Основным средством регулирования рождаемости по–прежнему оставались аборты. Ежегодно в Карелии 20—25 тыс. женщин делали операцию по прерыванию беременности.

До конца 1970–х гг. продолжался отток населения из республики. Он несколько ослаб по сравнению с 1960–ми гг. благодаря введению "северных" надбавок к заработной плате. Одной из главных причин миграции из республики послужило продолжавшееся сокращение объемов лесозаготовок. Кроме того, уровень жилищного и социально-бытового обслуживания, особенно в "глубинке", не мог в полной мере удовлетворить потребности ни коренного, ни пришлого населения. Люди выезжали в промышленные центры своей республики и за ее пределы, прежде всего в Ленинград, Ленинградскую и Мурманскую области, Белоруссию, Прибалтику, на Украину. Наибольшие людские потери несли районы с сильно истощенной лесосырьевой базой и те, которые попали в зону влияния Петрозаводска.

В начале 1980–х гг. в связи с освоением Костомукшского железорудного месторождения и строительством города горняков итог миграции в целом стал вновь положительным. Костомукша испытывала настоящий миграционный бум. Только за 1984 г. туда прибыло более 5 тыс. человек. Общая демографическая обстановка в Карельской АССР в эти годы заметно улучшилась: прекратился отток населения из респуб-

лики, несколько повысился уровень его естественного прироста за счет повышения рождаемости. Однако к концу 1980–х гг. демографическая ситуация вновь стала напряженной. По мере завершения строительства Костомукшского ГОКа миграция в республику стала постепенно сокращаться. Вместе с тем продолжалось выбытие людей из многих районов Карелии. Сальдо миграции приблизилось к нулевой отметке. Внутриреспубликанская миграция определялась уменьшением населения во всех северных и центральных районах Карелии и увеличением его в большинстве южных районов.

Провозглашенный в годы "перестройки" курс государства на открытость общества сделал возможной массовую официальную эмиграцию. В 1991 г. в страны "дальнего зарубежья" на постоянное жительство выехало 96 жителей Карелии. В основном это была этническая эмиграция в Финляндию.

Несмотря на значительный прирост населения в 1970—1980–е гг., Карелия продолжала оставаться сравнительно малонаселенной республикой. Она занимала 0,8% всей территории СССР с 0,3% его населения. В 1989 г. плотность населения составляла 4,6 человека на 1 кв.км при средней плотности по стране 13 человек. Довольно неравномерным оставалось размещение населения. Большая его часть по–прежнему была сконцентрирована на юге республики. Плотность населения к концу 1980–х гг. составляла здесь около 20 человек на 1 кв.км. Вместе с тем в трех обширных северо–западных районах (Лоухском, Калевальском и Муезерском), занимающих третью часть территории Карелии, проживало только 7,4% всего населения республики. Плотность населения здесь составляла 1 человек на 1 кв. км.

Главной чертой процесса расселения оставалась урбанизация. К концу 1980–х гг. 82% всего населения республики проживало в городах и рабочих поселках, из них 34% в столице. Петрозаводск как центр промышленности и культуры давал достаточно широкие возможности для получения образования, выбора трудовой деятельности, открывал перспективы профессионального и социального роста. Город стягивал население со всей территории республики и из–за ее пределов. 13 декабря 1971 г. Петрозаводск торжественно отметил рождение своего 200–тысячного гражданина, в его честь даже была отлита специальная медаль. В конце 1980–х гг. сюда ежегодно прибывало 12—13 тыс. человек, из них половину составляли выходцы из районов Карелии. По переписи 1989 г. в Петрозаводске проживало 269,5 тыс. человек[74].

Также стабильно продолжалась концентрация населения в промышленно развитых районных центрах, что определило соответствующий рост экономических, социальных и экологических проблем этих населенных пунктов. В 1983 г. получала статус города быстро растущая Костомукша, где проживало в то время более 15 тыс. человек. К началу 1990–х гг. в Карелии насчитывалось 57 городских поселений, из них 13 городов (включая три города республиканского подчинения — Петрозаводск, Сортавалу, Костомукшу), в которых проживало почти 4/5 всего городского населения республики, и 44 поселка городского типа. Развитие городов и рабочих поселков происходило крайне неравномерно. Максимальный прирост населения наблюдался в Петрозаводске, Кондопоге, Сегеже и Костомукше — городах с быстро развивающейся промышленностью с устойчивым положительным сальдо миграции. Самые высокие темпы прироста были в Костомукше, главным образом за счет притока людей из–за пределов Карелии. Сравнительно быстрыми темпами росло также население городов Питкяранта и Олонец, рабочих поселков Шуя, Пиндуши, Хелюля и Чална, менее значительными темпами — поселков Лоухи, Надвоицы и некоторых других. При этом в большинстве поселков городского типа численность населения в той или иной мере сократилась, особенно в леспромхозах с сильно истощенной сырьевой базой.

В 1970–х — 1980–х гг. наряду с ростом городского населения быстро уменьшалась численность сельских жителей, шло свертывание сети сельских населенных пунктов. В условиях сохраняющихся различий в уровне жизни населения городской и сельской местности, отдельных районов Карелии миграция выступала средством решения накопившихся житейских проблем. Продолжался отток населения из села в город, из районов с менее благоприятными условиями жизни в относительно благополучные районы. В начале 1970–х гг. отток сельского населения приобрел наибольший размах: ежегодно деревня теряла более 13 тыс. жителей. Всего за 1970—1990 гг. сельская местность потеряла более 75 тыс. человек, из них 80% пришлось на первое десятилетие. По темпам снижения численности сельского населения в эти годы Карелия превзошла и Россию, и СССР.

В немалой степени этому способствовало сокращение лесозаготовительного производства. Быстрее всего теряли население и постепенно исчезали мелкие и мельчайшие сельские населенные пункты, расположенные вдали от городов и промышленных поселков, транспортных магистралей. Из села уезжали преимущественно молодые люди, что ухудшало возрастной состав населения, подрывало его воспроизводственные возможности.

К концу 1970–х гг. завершилась ликвидация остатков кустов деревень во всей северной и средней Карелии, сильно поредела их сеть в южных районах республики. Хотя к середине 1980–х гг. средняя людность сельского поселения вдвое превышала довоенную, численность сельских поселений сильно сократилась. В 1970 г. их было еще 1069, в 1979 г. уже 795, а в 1989 г. — 668. В малообжитые места превращались уже не отдельные "неперспективные" деревни, а целые районы. Численность сельского населения уменьшилась с 223 тыс. в 1970 г. до 145 тыс. в 1991 г. Нехватка людей в сельском хозяйстве стала столь острой и болезненной, что средства, отпускаемые на развитие материально-технической базы аграрного сектора, оказывались неэффективными.

Проживание в условиях "неперспективной" деревни, лесного поселка, пронизывало атмосферу сельской жизни значительной части населения, утверждало социальную апатию, безразличное отношение к судьбе деревни, поселка, производства. В результате распространявшихся представлений о неперспективности все новых и новых селений в общественном сознании сложился миф о деревенской неполноценности. Сформировалась устойчивая психологическая готовность сельских жителей к перемене места жительства. Ликвидация деревень — традиционной среды обитания коренных народов Карелии — нанесла невосполнимый ущерб их этническим корням. Для деревень с преимущественно карельским населением это была настоящая трагедия, так как в большинстве из них (примерно в 70%) испокон веков проживало не более чем 100 жителей. С 1959 по 1989 г. численность деревень с преимущественно карельским населением сократилась в 3,5 раза при уменьшении общего числа поселений в 2,3 раза[75].

Политика "неперспективных деревень" — попытка форсированной глобальной переделки исторически сложившейся системы расселения — повлекла долговременные и отрицательные последствия в самых различных сферах жизни северного села. Она привела к ускорению темпов сокращения сельского населения. На практике "сближение" города и деревни шло за счет последней, путем ее поглощения. Предпринятые в условиях "перестройки" попытки возрождения заброшенных деревень оказались неспособными остановить запущенный в предыдущие десятилетия маховик разрушения сельской среды.

Произошли изменения и в национальном составе населения Карелии. Доля рус-

ских — самой большой национальной группы — увеличилась с 68% в 1970 г. до 74% в 1989 г. Общая доля карелов, финнов и вепсов — представителей финно-угорской языковой группы, — по переписи 1989 г., составляла 13% против 16% в 1970 г.[76] Одновременно снизилась доля белорусов, украинцев, чувашей и других национальностей, которые местная статистика обычно относила к группе "прочих".

В 1971 г. XXIV съезд КПСС отметил, что в СССР утвердилась новая историческая общность людей — советский народ. В Карелии ожидаемое сближение народов шло быстрее, чем во многих других регионах СССР. Доля национально-смешанных семей в Карелии была одной из самых высоких в СССР: в 1979 г. они составили более трети всех семей в республике. Примечательно, что их средний размер значительно превышал размер национально-однородных семей. В смешанных семьях родители чаще всего выбирали детям русскую национальность. Ассимиляция вела к старению прибалтийско-финских народов республики. В 1989 г. средний возраст русских составлял 31 год, тогда как у карелов он равнялся 40 годам, у финнов — 44, у вепсов — 46. Как показывают материалы социологических исследований, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. 57% карелов и 48% вепсов не желали, чтобы дети наследовали их национальность[77]. По существу этносы оказались в критической ситуации.

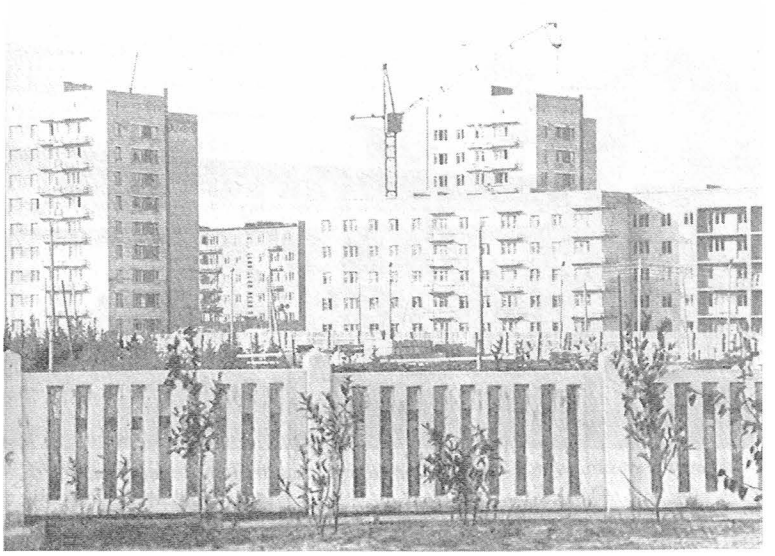
Социальные проблемы

В 1971 г. на XXIV съезде КПСС впервые в советской истории подъем материального и культурного уровня трудящихся был объявлен главной задачей очередного пятилетнего плана. В последующем десятилетии в социальную сферу направлялись достаточно крупные капиталовложения — самые значительные в абсолютном выражении за все предшествующие годы. Но наибольшее продвижение было достигнуто лишь в одной сфере — в жилищном строительстве.

В 1970-х гг. продолжался переход к застройке населенных пунктов по генеральным планам. В результате застройка приобретала упорядоченность, но использование типовых планов вело к унылому однообразию городов и поселков. В этом вопросе столкнулись интересы архитекторов проектных организаций, горсоветов и предприятий, осуществлявших строительство. Ущерб архитектурной среде был нанесен в Питкяранте, Сортавале, Кондопоге и других городах.

Продолжился начавшийся в 1960-е гг. массовый исход из коммунальных квартир. Все большее число семей жило в отдельных квартирах. С 1971 по 1980 г. в Карелии было построено более 3 млн квадратных метров жилья, а в последующее десятилетие жилой фонд республики удвоился и достиг к концу 1991 г. 13,6 млн квадратных метров. Тем не менее обеспеченность жилой площадью росла медленно. В 1976 г. на одного жителя в городской местности приходилось 13,7 квадратных метра общей площади, в 1980 г. — 15,1, в начале 1990-х гг. — менее 17 квадратных метров[78]. 80% новых домов составляли типовые постройки в крупнопанельном исполнении. В начале 1970-х гг. в застройке Петрозаводска, например, применялось лишь три типовых проекта домов: кирпичные и крупнопанельные пятиэтажные дома (с улучшенной планировкой квартир) и точечные девятиэтажные. Наряду с домами массовой застройки появлялись и "спецобъекты" — дома для номенклатурных работников, прозванные в народе "дворянскими гнездами".

В качестве жилья все еще использовалось значительное число бараков, подвальных помещений и аварийных домов. К 1970-м гг. пришли в полную негодность дома



Новые жилые дома в г.Сегеже

каркасно-засыпного типа и барачные здания, построенные в первые послевоенные годы. В 1971 г. в аварийном жилом фонде, составлявшем 195 тыс. квадратных метров жилья, проживало более 26 тыс. человек. В одном лишь Петрозаводске в 1976 г. проживало в ветхом фонде более 3 тыс. семей коренных горожан. Из-за недостатка жилья около 10 тыс. семей имели жилую площадь менее 5 м на человека[79]. Крайне медленными темпами велось жилищное и культурно-бытовое строительство в западных районах республики, отвоеванных у Финляндии в годы Второй мировой войны.

Постановлением Карельского обкома КПСС и СМ КАССР от 9 марта 1973 г. намечалось к 1976 г. ликвидировать бараки, подвалы и аварийные дома. Несмотря на неоднократные указания и постановления, эти планы не были выполнены, к началу 1980 г. общая площадь бараков и подвалов насчитывала 43 тыс. квадратных метров. В домах, пришедших в аварийное состояние, все еще проживало 6,8 тыс. человек. Очередь в местных Советах на получение жилья составляла около 14 тыс. семей (49 тыс. человек), из которых более 3 тыс. вовсе не имели жилья. Общий жилищный фонд Карелии по уровню благоустройства уступал средним показателям по СССР. К середине 1980-х гг. водопровод имелся в 126 населенных пунктах, канализация — в 82, причем значительная часть жилого фонда этих поселений оставалась неблагоустроенной[80].

Прорыв в жилищном строительстве произошел в 1983—1984 гг., когда во главе государства стоял Ю.В. Андропов — выходец из Карелии, неравнодушный к судьбе республики. 31 марта 1983 г. он подписал постановление "О мерах по ускорению жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства в Карельской АССР в 1984—1990 гг". Объемы сдаваемого жилья в три последующих года на четверть превосходили уровень предшествовавших лет. Особенный размах строительство приняло в Петрозаводске. Началось возведение нового жилого массива на Древлянке, продолжалась застройка микрорайонов Кукковка и Ключевая. На смотре-конкурсе 1984 г. дипломами Союза архитекторов СССР и РСФСР была отмечена застройка третьего микрорайона на Кукковке. Для освоения дополнительных средств в Карелию были направлены группы строителей из Москвы, Ленинграда, Литвы. Из этих и других регионов поставлялись строительные материалы и техника.

Новый речной вокзал в Петрозаводске, 1976 г.

Дополнительные финансовые вложения не решали всех проблем. Около половины работ в жилищном строительстве выполнялись маломощными организациями различных министерств и ведомств. Стремление выполнить план любой ценой приводило к авралам: до 60% жилья спешно сдавалось в конце года. Только половина всех домов принималась комиссиями с оценкой "хорошо" 180 предприятий и организаций, участвовавших в долевом финансировании, вынуждены были направлять рабочих в помощь строителям. Их силами выполнялось более 20% отделочных работ, велось благоустройство территории.

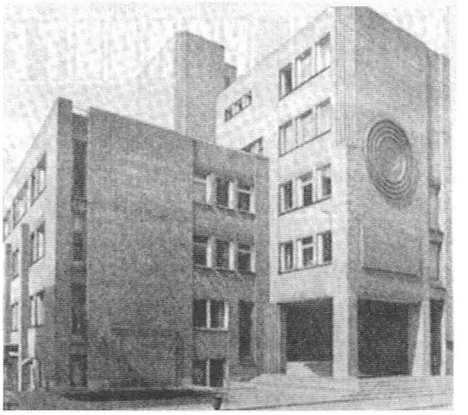
После смерти Ю.В. Андропова финансирование было свернуто, и строительство резко пошло на убыль. К началу 1990–х гг. в жилищных очередях Карелии стояло более 60 тыс. семей, или практически каждая четвертая семья. Основная их часть ждала улучшения жилищных условий 10 и более лет. Более 7 тыс. человек проживало в общежитиях. Разрыв между потребностью в жилье и его наличием осложнялся тем, что к этому времени более 205 тыс. человек проживало в домах, построенных до 1960 г., требовавших капитального ремонта или вовсе не подлежащих восстановлению.

В 1990 г. робко и не очень последовательно началось формирование рыночных отношений в жилищной сфере. Первым шагом на этом пути стала добровольная приватизация жилья: в течение 1990 г. в Карелии было приватизировано 182 квартиры, в 1991 г. — 460 квартир государственного и общественного жилищного фонда. Для покупки жилья основная часть населения не имела достаточных материальных средств[81]

В 1970—1980–х гг. наиболее значительные объекты социально–культурной сферы были построены в Петрозаводске. В их числе — здание кинотеатра "Калевала", речного вокзала, Дворца пионеров, стадиона "Спартак", туркомплекса "Карелия" Перед архитекторами стояла сложная задача — вписать новые здания в исторически сложившуюся среду. По мнению специалистов, это наиболее удалось архитектору Е. Ферсанову, автору проекта оригинального здания Центра начисления и выплаты пенсий и Министерства социального обеспечения на пр. Ленина.

К 1970–м гг. в Карелии имелась развитая сеть детских учреждений. Тем не менее она не удовлетворяла колоссальный спрос. Даже после предоставления женщинам в 1981 г. права на оплачиваемый отпуск по уходу за детьми до полутора лет детские

сады оставались переполненными. Последовавший всплеск рождаемости лишь обострил проблему. В 1990 г. на каждые 100 мест в дошкольных учреждениях приходилось 124 ребенка.



Здание Министерства соцобеспечения

Основа благосостояния населения — реальные доходы — в 1971—1985 гг. в расчете на душу населения возросли на 69% и в 1985 г. составили 1416 руб. При этом темпы роста реальных доходов постоянно снижались: в 1971—1975 гг. они составили 5,5%, в 1976—1980 гг. — 3,0%, в 1981—1985 гг. — 2,25%. Преобладающую часть реальных доходов населения составили денежные доходы, которые в 1971—1985 гг. возросли в два раза. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих за 15 лет увеличилась со 137 руб. до 228 руб., наибольшие темпы ее роста были в 1971—1975 гг. (5,1%), однако в последующем пятилетии они снизились в два раза и оставались примерно на одном уровне до 1985 г. Особенно значительно заработная плата выросла в сельском хозяйстве: за 15 лет она увеличилась в два раза, таким образом приблизившись, а затем и превысив зарплату в промышленности. Заметно увеличился средний размер пенсии, составив в 1989 г. 100 руб. в месяц[82].

С 1 января 1973 г. были расширены так называемые "северные льготы". В дополнение к установленным ранее районным коэффициентам стали вводиться процентные надбавки к заработной плате за непрерывный стаж работы. Максимальная надбавка составляла 30% и полагалась после пяти лет работы на предприятиях или в учреждениях Карелии. С учетом районного коэффициента надбавка составляла 45—60%. Такое дополнение к заработной плате, позволившее несколько компенсировать повышенные расходы жителей республики на продукты питания и другие товары первой необходимости, оказало положительное влияние на закрепление кадров: миграционная убыль населения заметно снизилась по сравнению со второй половиной 1960–х гг.

Улучшалась имущественная обеспеченность населения. В 1970–е гг. неотъемлемой чертой быта стали телевизоры и холодильники, а к концу 1980–х гг. каждая вторая семья имела цветной телевизор. К середине 1980–х гг. за счет использования станций спутниковой связи 93% населения могли смотреть первую программу, 64% — вторую программу телевидения. В то же время 120 населенных пунктов не были радиофицированы, пятую часть из них составляли поселки с населением от 100 до 500 человек[83].

Однако большая часть денежных средств населения не имела товарного покрытия. Если в 60–х гг. в сберегательные кассы поступало около 10 % доходов населения, то в начале 80–х гг. уже около 40%, а в конце 80–х гг. — более 55%, что было отнюдь не здоровым процессом. Централизованное планирование порождало недостаток одних и избыток других товаров. В начале 70–х гг. в Карелии ощущался дефицит холодильников, мебели, ковровых изделий, фарфоровой и эмалированной посуды. Одновременно склады были переполнены запасами отдельных видов тканей, одежды, обуви устаревших фасонов и расцветок, другими товарами.

Со второй половины 70–х годов возникли трудности в продовольственном снабжении населения. Недоставало мяса, сливочного масла, других продуктов. Их дефи-

Очередь за продуктами. Петрозаводск, 1990 г.

цит в структуре питания компенсировался ростом потребления хлеба, картофеля, сахара. Хотя потребление основных видов продовольствия продолжало расти, оно далеко не соответствовало рациональным нормам питания. Потребление овощей и фруктов вдвое отставало от рациональных норм. Многие жители Карелии отправлялись за продуктами в Ленинград. Поезд "Петрозаводск—Ленинград" в быту стали называть "колбасным". Порожденная централизованным планированием нехватка необходимых населению товаров и особенно услуг привела к расцвету нелегальной "теневой" экономики, частично восполнявшей этот недостаток.

В 1989 г. впервые нарушилась тенденция значительного отставания товарооборота от роста денежных доходов населения и начался обратный процесс, вызванный, главным образом, ростом цен, усилением ажиотажного спроса населения. В 1989—1990 гг. значительно уменьшились поставки товаров из государственных ресурсов, а из ряда областей они вовсе прекратились, что привело к товарному голоду, резкому сокращению запасов почти всех основных продуктов питания в торговой сети. Пришлось вводить талоны на мясо и мясные продукты, а затем и на другие товары. Торговля постепенно заменялась распределением. В 1991 г. по талонам реализовывалось уже более 20 видов товаров: мясо, масло, чай, сахар, рыбные консервы, табачные изделия, моющие средства, чулочно–носочные изделия, белье и т. д. К тому же сокращалось количество продуктов, выдаваемых на один талон. Многие предприятия для поддержания своих работников стали открывать магазины, где продавали товары, полученные в обмен на собственную продукцию.

Усиление дефицитности товаров, увеличение неудовлетворенного и отложенного спроса населения в 1980–х гг. в сущности означали скрытую инфляцию. Тем не менее номинальные доходы росли. Последним годом, когда сохранялось такое положение вещей, стал 1990–й. В 1991 г. средняя заработная плата в Карелии снизилась сразу на 11%[84]. Рост заработной платы в 1970—1980–х гг., не подкрепленный предоставлением товаров и услуг, давал населению "пустые" деньги, что привело к росту потребления алкогольных напитков — единственного имевшегося тогда в избытке товара. К этому вопросу отношение государства было весьма противоречивым. Продажа алкогольных напитков являлась важным источником пополнения государственной казны, но к началу 1970–х гг. уровень потребления алкоголя воз-

рос настолько, что стали очевидны его вред для экономики и воздействие на растущую преступность. По оценке экспертов МВД 37% работающих "злоупотребляли" алкоголем в той или иной степени.

В 1971 г. в Карелии было продано в расчете на душу населения 32,5 литра винно-водочных изделий, что в 2,3 раза превышало средний уровень по стране. В мае 1972 г. ЦК КПСС направил в партийные организации письмо "О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма". Вслед за ним в трудовых коллективах активизировалась антиалкогольная работа. По отношению к пьяницам принимались меры различной эффективности: от проведения комсомольских рейдов и обсуждения на рабочих собраниях до перевода на нижеоплачиваемую работу и самого серьезного наказания — переноса очереди на получение квартиры. Однако рост продажи спиртных напитков в 1970–х гг. не удалось остановить (по СССР рост на 77%). Если в начале десятилетия в медвытрезвители доставлялось ежегодно около 30 тыс. человек в состоянии сильного алкогольного опьянения, то к концу 1970–х гг. эта цифра выросла до 40 тыс.

Резкий, но кратковременный перелом в потреблении алкоголя наступил в середине 1980–х гг. в результате антиалкогольной кампании, начавшейся 1 июня 1985 г. Была ограничена продажа спиртного, повышены цены, повсеместно создавались отделения Общества борьбы за трезвость, развернувшие активную пропагандистскую деятельность. Запретительные меры очень скоро обнаружили свою неэффективность: началась затяжная "позиционная война очередей", быстро разрослись спекуляция, самогоноварение и, как следствие, хронический сахарный дефицит, развал государственной монополии на производство спиртного. За уменьшением продажи алкоголя в 1986 и 1987 гг. уже в 1988 г. последовал его рост, а в 1990 г. — практически возврат на позиции 1985 г. Кампания вскоре была свернута.

В результате мер по улучшению медицинского обслуживания и улучшению условий труда в 1970–х гг. в Карелии произошло снижение заболеваемости, однако к концу десятилетия этот показатель все еще оставался самым высоким в стране. В здравоохранении наиболее ярко проявился остаточный принцип финансирования социальной сферы. Хотя положение с обеспеченностью местами в лечебных учреждениях Карелии уже в начале 1970–х гг. было значительно лучше, чем в целом по стране, медицинские учреждения постоянно испытывали недостаток средств для улучшения собственной материальной базы. Девять из пятнадцати центральных районных больниц располагались в приспособленных, ветхих зданиях с печным отоплением, без водопровода и канализации[85]. Попасть на стационарное лечение с таким, например, серьезным заболеванием, как воспаление легких, даже в Петрозаводске было почти невозможно. Наиболее распространенными были простудные заболевания. Ежедневно в республике по причине болезни на работу не выходили 15 тыс. рабочих и служащих. Выше средней заболеваемость оставалась в лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности, где доля рабочих пожилого возраста была наибольшей, а условия труда — самыми тяжелыми. Отмечался рост профессиональной заболеваемости. В конце 1970–х гг., по словам министра здравоохранения Карелии, "о современном уровне медицинской помощи работникам предприятий не могло быть и речи". Одновременно две тысячи номенклатурных работников имели особые условия медицинского обслуживания. Хорошо оборудованная больница Министерства здравоохранения — учреждение закрытого типа — обслуживала советско–партийный актив и "ответственных работников" республики.

В 1980–х гг. несколько окрепло материальное положение "рядовых" учреждений

здравоохранения, улучшилось их техническое оснащение. К середине десятилетия численность врачей выросла в два раза по сравнению с 1970 г., в полтора раза увеличилась численность среднего медицинского персонала. В крупнейшем медицинском учреждении — республиканской больнице — ежегодно проходили курс лечения более 14 тыс. пациентов, выполнялось около 6 тыс. сложных хирургических операций. В конце 1980–х гг. финансирование здравоохранения ухудшилось. К 1991 г. потребности в лекарствах удовлетворялись лишь на три четверти, остро ощущался недостаток диагностической и лечебной аппаратуры, возросли сложности с организацией питания больных в стационарных учреждениях.

Большое влияние на качество жизни населения оказывал высокий уровень преступности. В 1970–х гг. в Карелии он превышал на 50% общесоюзный уровень и на 25% — показатели по Северо–Западу России. 3/4 всех преступлений совершалось на почве пьянства. Высокий уровень преступности отчасти был связан с миграцией населения. В начале 1970–х гг. преступность среди коренного населения была в два раза ниже, чем среди лиц, живущих в республике менее двух лет. На стройках городов Карелии (Сегежа, Суоярви, Кондопога и др.) работали тысячи условно освобожденных и условно осужденных. Они давали до половины рецидивной преступности. 40% всех преступлений, регистрировавшихся в республике, приходились на Петрозаводск и Сегежский район. С целью решения проблемы в 1971 г. в Петрозаводске началось комплектование отрядов ночной милиции, одновременно в МВД создавались штабы охраны правопорядка, была усилена карательная практика судов. На предприятиях делались попытки оживить работу добровольных народных дружин. К 1977 г. в республике насчитывалось более 27 тыс. дружинников, патрулировавших в вечернее время улицы городов и поселков, кроме того имелось 377 Советов профилактики. Однако работа этих органов оставалась малоэффективной. Преступность продолжала расти.

По данным Министерства юстиции Карелии, наиболее распространенными видами преступлений были хулиганство (40% осужденных), хищение государственного и общественного имущества (19%), а также бесхозяйственность, выпуск недоброкачественной продукции. Специфика криминальной ситуации 1970–х гг. состояла в заметном росте краж государственного имущества. Так проявилась реакция на все усиливавшийся дефицит товаров. Характерно, что в начале 1970–х гг. 10% (а по некоторым районам 50%) всех краж подобного рода составляли в Карелии кражи бензопил[86]. Показатели "моральной статистики" резко улучшились в годы проведения антиалкогольной кампании. Количество преступлений в 1987—1988 гг. по сравнению с предыдущими годами уменьшилось на треть. Но как только борьба с пьянством прекратилась, произошел всплеск преступности, и ее уровень возрос почти в два раза. Криминогенная обстановка ухудшалась вслед за снижением уровня жизни.

Среди социальных явлений, сопутствовавших реформам, население наиболее болезненно воспринимало появление безработицы. Официально безработные стали регистрироваться с 1992 г. До тех пор статистика стыдливо относила их к "временно нетрудоустроенным". В 1991 г. в трудоустройстве нуждалось более 3 тыс. жителей республики[87].

Неравномерность социального развития районов Карелии не снижалась. В значительной мере она совпала с их экономическим развитием. Последовательно ухудшалось культурно–бытовое обеспечение деревни. Как и в других областях и республиках, политика ликвидации "неперспективных" деревень происходила исключительно под лозунгом подъема культуры, улучшения условий жизни на селе. Но в результате произошло даже снижение доступа населения к культурным благам.

Социально-культурное положение небольших по размерам населенных пунктов ко второй половине 1970-х гг. оказалось просто вопиющим. В 1988 г. 37.% деревень не имели предприятий торговли, 73% — общественного питания, 76% — приемных пунктов бытового обслуживания. Обеспеченность деревни врачами была вдвое ниже, чем в городах, а школы имелись лишь в 26% сельских населенных пунктов[88]. Реальность была далека от проповедовавшихся идеалов социального равенства. Период 1971—1991 гг. характеризовался неравномерностью развития отдельных областей социальной сферы. В годы "перестройки" произошел перелом в ряде показателей качества жизни.

4. КУЛЬТУРА

В 1970-х — первой половине 1980-х гг. по отношению к культуре сохранялась преж-няя концепция, выработанная партией в послевоенные годы. Она основывалась на необходимости "борьбы против чуждых народу тенденций и явлений" и требовании воплощения в художественных образах идеалов социалистического общества: первенства государственных интересов над интересами личности, социального оптимизма и готовности к любым лишениям на пути к великой цели. В ходе "перестройки" идеологические шоры в искусстве постепенно исчезали, деятельность в области культуры стала возможна в более разнообразных и свободных формах.

Образование и наука

Приоритетное внимание в сфере культуры уделялось ее базовой отрасли — образованию. XXIV съезд КПСС выдвинул на 1971—1975 гг. задачу перехода страны ко всеобщему среднему образованию молодежи. Пять лет спустя очередной съезд партии констатировал: поставленная задача в основном решена. В Карелии же к этому времени лишь две трети молодежи своевременно получали среднее образование. Препятствием для осуществления планов было невыполнение в республике Закона о всеобщем восьмилетнем обучении: в середине 1970-х гг. 15 % юношей и девушек не получали в положенный срок восьмилетнего образования[89].

Тем не менее численность окончивших полную среднюю школу выросла с 6 тыс. в 1971 г. до 10, 6 тыс. в 1980 г. Последовавшее в начале 1980-х гг. значительное уменьшение количества учащихся в средних школах было вызвано вступлением в школьный возраст малочисленных контингентов детей, родившихся в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Шло укрупнение средних и сокращение начальных и восьмилетних школ. В итоге общее количество дневных школ уменьшилось с 592 в 1970/71 учебном году до 341 в 1989/90 г. Из-за нехватки ученических мест во многих школах от 10 до 30% школьников занимались во вторую смену, по-прежнему школы испытывали недостаток специальных учебных кабинетов. Совершенствовался преподавательский состав средних учебных заведений. В 1970 г. в школах Карелии работало 7,9 тыс. учителей, более половины из них имели высшее образование. К 1990 г. численность школьных педагогов возросла до 8,7 тыс., а доля имевших вузовские дипломы составила свыше 80%[90].

В 1984 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление, предусматривавшее дальнейшее реформирование школы. Начался постепенный перевод де-

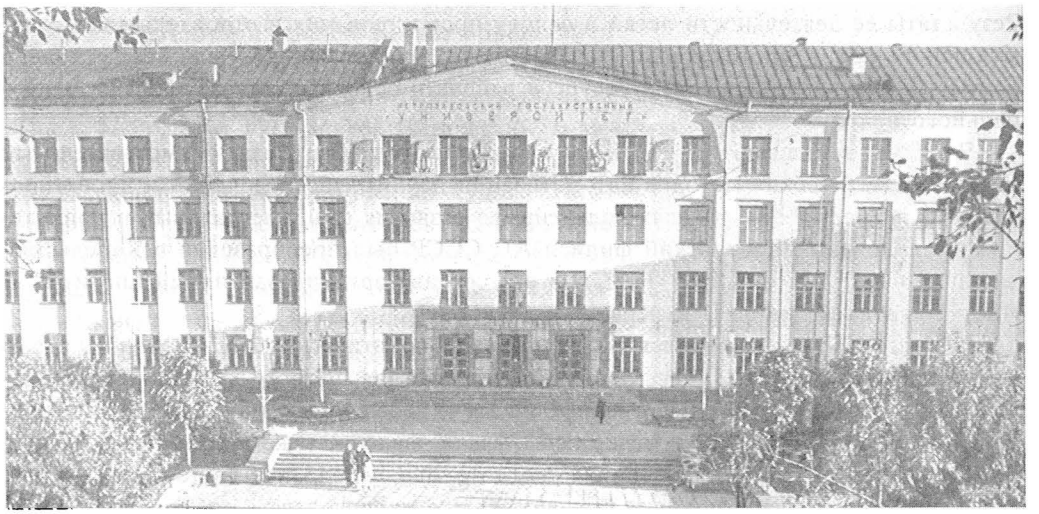
1 сентября в школе № 34 Петрозаводска. Ленинский урок ведет первый секретарь обкома КПСС И. И. Сенькин

тей на обучение с шестилетнего возраста (впоследствии не оправдавший себя), средняя школа становилась одиннадцатилетней. Из-за недостатка помещений для занятий шестилеток стали приспосабливать детские сады. В 1989/90 учебном году по новой программе одиннадцатилетней школы обучалось 5,9 тыс. первоклассников.

В 1970-х гг. более пристальное внимание уделяется эстетическому воспитанию молодежи: стали регулярно проводиться массовые мероприятия "Театр и дети", недели музыки и детской книги. В то же время отзвуком "холодной войны" стало усиление военно-патриотического воспитания в школах, вводилась начальная военная подготовка молодежи, во всесоюзном масштабе проводилась массовая военизированная игра "Зарница".

В Карелии в первой половине 1970-х гг. была проведена реорганизация профессионально-технических училищ в средние профессионально-технические училища (СПТУ). Теперь одновременно с рабочей квалификацией учащиеся получали среднее образование. За 1971—1990 гг. в различные отрасли народного хозяйства было направлено более 150 тыс. выпускников таких училищ. Получило развитие среднее специальное образование. В 1972 г. в Петрозаводске открылся еще один техникум — коммунально-строительный. В 1975 г. в республике насчитывалось 16 училищ и техникумов, где велась подготовка по 63 специальностям[91].

Приметой времени стал значительный рост числа людей с высшим образованием. За 1970—1985 гг. в народном хозяйстве Карелии количество специалистов с вузовскими дипломами удвоилось и составило 38 тыс. человек. Продолжали расти конкурсы в вузы. В начале 1970-х гг. на восемь факультетов Петрозаводского университета ежегодно поступало более 1300 человек. Наиболее высоким был конкурс на медицинский и историко-филологический факультеты, в то же время падал престиж строительных и сельскохозяйственных специальностей. Расширялся спектр специальностей, по которым велась подготовка кадров. В 1980 г. в университете открылся экономический факультет. В 1971—1990 гг. численность студентов, обучавшихся в трех вузах Петрозаводска (университете, пединституте и филиале Ленинградской консерватории) составляла ежегодно 9,5—10 тыс. человек[92]. Однако материальная база



Петрозаводский государственный университет

вузов оставалась слабой, их финансирование, как и всей сферы культуры и образования, велось по остаточному принципу. Из–за нехватки помещений занятия в университете проводились в три смены, с 8 до 23 часов.

Высшее образование, а в ряде случаев и карьера, напрямую были связаны с идеологией. Со второй половины 1970–х гг. стала внедряться система общественно–политической практики студентов, проведения Ленинских зачетов.

Выпускники петрозаводских вузов составляли костяк научных кадров Карелии. В 1980 г. в республике насчитывалось 17 научных учреждений. Наряду с филиалом Академии наук, вузами и архивами исследовательскую работу вели 4 научно–исследовательских института, Карельская государственная сельскохозяйственная опытная станция, Заповедник "Кивач". Всего в научных учреждениях было занято более 1,5 тыс. научных работников, в том числе 48 докторов наук и 629 кандидатов[93].

Карельский филиал АН СССР, ставший крупным научным центром на Северо–Западе СССР, успешно развивал комплексные работы в области фундаментальных исследований и по важнейшим научным проблемам, связанным с изучением природных ресурсов и культуры КАССР. Научные подразделения филиала осуществляли исследования с целью расширения минерально–сырьевой базы и развития горно–добывающей промышленности, комплексного использования сырья, повышения продуктивности лесов и сельскохозяйственных угодий Карелии; росла доля работ, связанных с экологической тематикой. История и культура Карелии и Финляндии изучалась специалистами Института языка, литературы и истории. Только за 1970–е гг. в институте было подготовлено 80 книг, в их числе обобщающие исследования и монографии, сборники документов, воспоминаний, научные публикации фольклора, словари.

Комплексный, многоотраслевой характер Карельского филиала АН позволял эффективно решать важные народно–хозяйственные задачи. Примером плодотворного сотрудничества широкого круга ученых и специалистов разного профиля может служить работа Костомукшской комплексной экспедиции, проводившаяся в начале 1970–х гг. В составе экспедиции работали специалисты 19 лабораторий и секторов.

Результаты ее деятельности легли в основу проектирования и строительства Костомукшского горно–обогатительного комбината. Одновременно была осуществлена комплексная оценка природных ресурсов района и основных направлений их рационального использования.

В 1975 г. в филиале АН СССР на правах института был создан самостоятельный отдел математических методов автоматизации научных исследований и проектирования. В январе 1990 г. в целях дальнейшего развития фундаментальных и прикладных исследований Карельский филиал АН СССР был преобразован в Карельский научный центр АН СССР. В 1991 г. в его составе организован пятый институт — Институт водных проблем Севера.

Весь спектр наук находился под неусыпным политическим надзором и зачастую подвергался прямому диктату. Особенно уязвимы для прямого политического вмешательства оказывались общественные науки. Ученые–обществоведы, занимавшиеся проблемами социализма, нередко испытывали давление некомпетентных вышестоящих инстанций. В таких условиях, когда слово и дело все чаще расходились, исследователям и преподавателям становилось все труднее давать правдивую и объективную информацию, высказывать научно обоснованные суждения по проблемам развития общества. Они вынуждены были или молчать или проповедовать прописные истины.

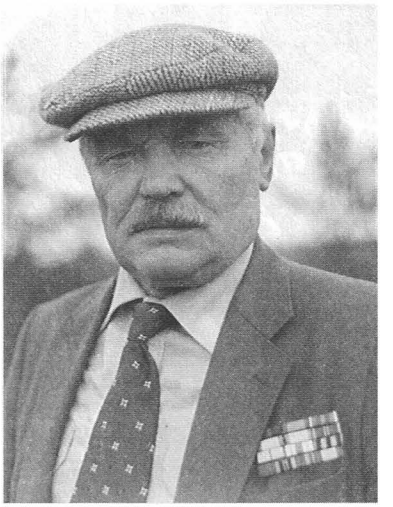
В 1970–х гг. стало налаживаться сотрудничество вузов и учреждений науки с зарубежными партнерами. В октябре 1974 г. СССР и Финляндия подписали разработанную Межправительственной комиссией перспективную программу сотрудничества в области науки и техники. В выполнении этой программы активное участие принимали ученые Карельского филиала АН СССР, особенно специалисты, занимающиеся проблемами лесного комплекса, геологии, языкознания, истории. В мае 1978 г. был подписан договор о межвузовском сотрудничестве Петрозаводского университета с университетом г. Йоэнсуу (Финляндия). С этого времени стал развиваться международный обмен преподавателями и студентами.

Литература. Периодическая печать

Для литературы эпохи "застоя" свойственно затушевывание негативных явлений советской действительности, теневых сторон, трудностей и противоречий жизни. Авторитарные оценки являлись непререкаемыми истинами, а любые суждения, казавшиеся спорными, безжалостно вычеркивались цензурой. В тематической иерархии очевидное предпочтение отдавалось героическому прошлому советского народа, производственной тематике, а все, что касалось личной жизни, относилось к "бытовизму" и "мелкотемью". Такая ситуация способствовала появлению серых, художественно несостоятельных книг. Однако лучшие писатели и в этих условиях стремились вести читателя к спроведливости, добру и разуму.

1970—1980–е гг. отмечены вниманием писателей Карелии к военно–исторической проблематике. Успешно продолжал в своем творчестве военную тему известный прозаик Дмитрий Гусаров. Его роман–хроника "За чертой милосердия" (1974 г.), а также повести "Партизанская музыка", "История неоконченного поиска" (1988 г.) раскрывают социальные, нравственные, психологические истоки героизма защитников Отечества. Книга "За чертой милосердия" неоднократно издавалась массовыми тиражами в СССР, дважды была опубликована в Финляндии, переведена на венгерский язык.

К событиям минувшей войны обращались также прозаики Олег Тихонов ("Операция в зоне "Вакуум"), Федор Трофимов (книга повестей "После войны") и поэт Виктор Потиевский. В августе 1978 г. в Петрозаводске состоялось выездное заседание комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей РСФСР. Оно было посвящено военно-патриотической теме в журнале "Север". Совещание высоко оценило работу журнала в этом направлении. На его заседаниях как образец художественного творчества рассматривались произведения Л.И.Брежнева "Малая земля" и "Возрождение", что соответствовало духу времени.



Писатель Д. Я. Гусаров

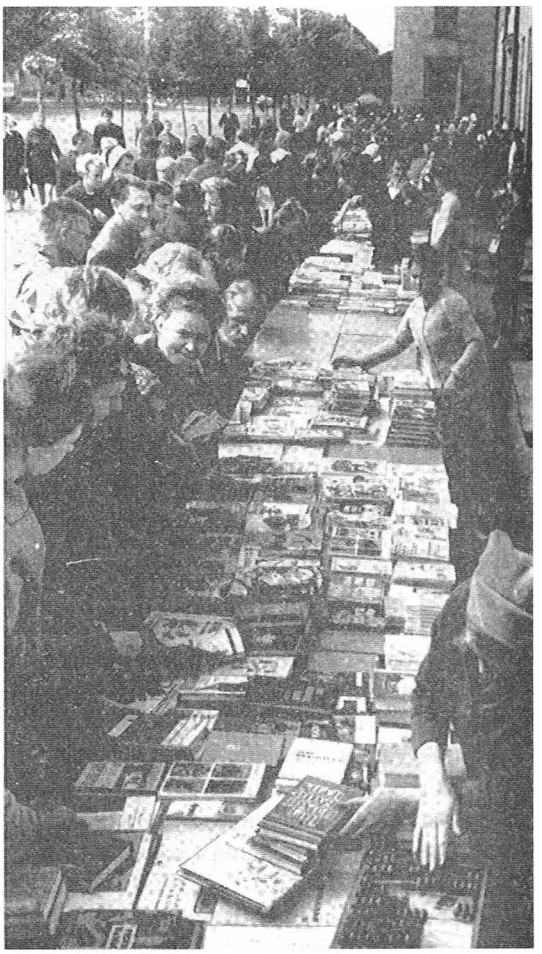
В жанре исторической прозы свой писательский талант проявил Дмитрий Балашов. В его книгах, основанных на глубоком знании фольклора, других источников, обнаружилось желание донести до читателя свою интерпретацию событий российской истории. Книги Дмитрия Балашова из серии "Государи московские", выпускавшиеся многотысячными тиражами, раскупались за считанные дни, что свидетельствовало о стремлении общества к осознанию собственного исторического прошлого.

Как продолжатель традиций русского сказа заявил о себе Виктор Пулькин. Фольклор — предания, народные рассказы — лег в основу его книг "Происхождение красоты", "Подаренье" и др. По-новому взглянуть на природу, определить в ней место человека пытался в своих философско-экологических работах Юрий Линник[94].

Произведения зрелых литераторов (Д. Гусаров, В. Соловьев) и писателей, только входивших в литературу (С. Панкратов, В. Пулькин), свидетельствовали об усилившемся стремлении к раскрытию всей сложности и неординарности человеческой души.

В русской поэзии Карелии в этот период доминирует чувство Родины, в котором любовь к родному очагу, отчему дому сливается с любовью ко всей России. Приверженность к глубинным основам народной жизни, ее коренным началам отличала стихотворения и поэмы И. Костина, В. Сергина, В. Устинова и других[95].

В 1970-х гг. появляются новые произведения писателей, пишущих на финском языке. Старейший писатель Карелии Антти Тимонен в 1971 г. завершил роман "Мы карелы" — многоплановое произведение, раскрывающее судьбу карельского народа в период исторического "перелома". Книга неоднократно массовым тиражом издавалась в Петрозаводске, а также в Москве. В 1972 г. за пьесу "Примешь ли меня, земля карельская?" в постановке Государственного финского драматического театра (1969 г.) А. Тимонен был удостоен Государственной премии РСФСР им. К. Станиславского в области театрального искусства. Тему национально-исторической памяти, характерную для литературы конца 1970-х гг., А. Тимонен продолжил в романе "Жители покинутой деревни" (1977 г.). Эта тема также увлекла Ортье Степанова. В 1970—1980-е гг. он написал основную часть известной эпопеи "Родичи", охватывающей события, происходившие на севере Карелии в 1920—1950-е гг. В историческом жанре продолжал работу Ульяс Викстрем. На склоне лет взялся за работу о жизни



Книжный базар на пр. Ленина в Петрозаводске

предков Пекка Пертту. Большинство произведений исторической прозы, созданных в период "застоя", освещали в стиле социалистического реализма те страницы прошлого, которые имели устоявшуюся, идеологически выдержанную оценку (революция, коллективизация, война). Работая под надзором партии и органов госбезопасности, писатели не имели возможности (а некоторые и не хотели) сказать всю правду о трагической судьбе народа.

Многожанровым было творчество Яакко Ругоева. К 1970–м гг., когда сформировалась яркая творческая индивидуальность поэта, он все настойчивее обращается к лирическим формам, в которых пытается осмыслить "корни" человека, судьбу "малой родины". Для произведений Я. Ругоева характерны бескомпромиссность, серьезная общественная проблематика.

На 1970–е—1980–е гг. приходится пора писательской зрелости Армаса Мишина, Рейе Такала, М. Нийрала (Матти Мазаева), Катри Корвела (У.С. Конкка), Тертту Викстрем. Поэзию этого периода характеризует жанрово–тематическое разнообразие, обращение к проблемам, о которых прежде писатели говорить не осмеливались: например, умирание деревни и национальное будущее народа, его языка и культуры.

Несмотря на положительные явления в финноязычной литературе все более проблематичным становилось ее будущее. Игнорирование проблем развития языка нарушило преемственность поколений творческой интеллигенции. В конце 1980–х—начале 1990–х гг., когда ряды финноязычных авторов стали катастрофически редеть, новое поколение прозаиков, критически пересмотрев метод социалистического реализма, осваивало мировой художественный опыт через литературу Финляндии[96].

Новым явлением в литературе 1980–х гг. стало возрождение карелоязычной поэзии, и заслуга в этом принадлежит в первую очередь поэту Владимиру Брендоеву (1931—1990), писавшему свои стихи о родном Олонецком крае, о нелегкой судьбе народа.

Книги писателей Карелии выходили большими тиражами — по 100, 300 и даже по 500 тыс. экземпляров. За один лишь 1984 г. в различных издательствах страны на русском и финском языках вышло 28 книг карельских авторов[97]. Почти каждая на-

писанная на финском или карельском языке книга переводилась на русский язык. Далеко за пределами республики стали известны книги, выпущенные издательством "Карелия". Среди лучших работ — юбилейное издание эпоса "Калевала" на финском языке с иллюстрациями заслуженного художника РСФСР М.М. Мечева (1975 г.). Финская редакция издательства "Прогресс" выпускала книги с расчетом на их распространение в Финляндии. Основная часть изданий носила общественно–политический характер, большими тиражами выпускались произведения классиков марксизма–ленинизма, быстро расходившиеся в Финляндии. В 1971 г. в Типографии им. Анохина были установлены машины для офсетной печати, а в Сортавальской типографии частично заменено устаревшее оборудование. В результате полиграфический уровень книг, издаваемых в Карелии, заметно поднялся.

Неуклонно рос спрос населения на книги. Развитая библиотечная сеть тем не менее не удовлетворяла запросов читающей публики. Книги приобретали не только ради чтения. Иметь домашнюю библиотеку было престижно, нарядные книжные переплеты дорогих изданий воспринимались многими как необходимое украшение жилища. Художественная литература не задерживалась на полках магазинов. Люди стояли в многочасовых очередях, чтобы подписаться на какое–либо собрание сочинений, книги меняли через систему специальных пунктов при книжных магазинах, приобретали в обмен на сданную макулатуру. Подлинный читательский бум начался в годы "перестройки", когда были сняты запреты с многих тем. В Петрозаводске и районных центрах создавались читательские клубы, где обсуждались книги А. Солженицына, В. Войновича, Ч. Айтматова и других писателей. В этих условиях возродилась работа передвижных библиотек.

В столице Карелии Петрозаводске издавались два литературно–художественных и общественно–политических журнала: "Север" и "Punalippu" (на финском языке). Журнал "Север" в 1965 г. стал межобластным, а с 1966 г. получил статус органа Союза писателей РСФСР. За первые 10 лет после изменения статуса тираж этого единственного издаваемого на Северо–Западе русского журнала увеличился более чем в 4 раза, в 1976 г. он составил 21 тыс. экземпляров и не удовлетворял имевшийся на него спрос[98].

Как и вся финноязычная литература, успешно развивался журнал "Punalippu". В 1977 г. его ежемесячный тираж превышал 10 тыс. экземпляров. Основная часть тиража шла по подписке в Финляндию, Швецию, Канаду и другие страны, поэтому партийные органы требовали от редакции особого внимания к вопросам "идеологической борьбы", пропаганды преимуществ советского образа жизни. Наряду с общественно–политическими материалами на страницах журнала печатались литературные произведения прозаиков Антти Тимонена, Ортье Степанова, Пекки Пертту, Ульяса Викстрема и других, поэтов Николая Лайне (Гиппиева), Тайсто Сумманена, Яакко Ругоева. В годы "перестройки" журнал обратился к запрещенным в прежние годы темам. Первой сенсацией стала публикация материалов о репрессированных ингерманландцах в августовском номере за 1987 г., вышедшем с опозданием на месяц из–за задержки цензуры.

Во второй половине 1980–х гг. информационное поле существенно расширилось. Появились газеты, провозгласившие свою политическую независимость, в том числе "Новости для всех: Независимая газета" (1989 г.), "Набат Северо–Запада: Народная газета" (1990 г.), "Намедни: Свободная газета" (1991 г.). В 1990 г. стали издавать свою газету "Голос" профсоюзы Карелии. 10 января 1991 г. впервые вышла газета "Петрозаводск" — первая городская газета столицы Карелии.

Сцена из спектакля "Примешь ли меня, земля карельская?" в финском драматическом театре

Театр. Музыка. Изобразительное искусство

Старейший в республике Русский драматический театр главное внимание уделял темам современности, героике прошлого и настоящего. В 1970–х — начале 1980–х гг. основу репертуара театра составляли спектакли по пьесам М. Шатрова, В. Розова, А. Гребнева, Б. Васильева, Э. Володарского, Р. Ибрагимбекова, А. Вампилова, К. Симонова, М. Рощина и других советских авторов. Театр неоднократно обращался к карельской драматургии. Значительное место в его репертуаре занимали пьесы русской и зарубежной классики. Успехом среди театральной публики пользовались ведущие актеры труппы — заслуженные артисты РСФСР Л.Ф. Живых, Ю.С. Гришмановский, К.В. Пилипенко, заслуженные артисты КАССР Л.С. Прикот, Г.И. Годарев, артисты Е. Золотарев, Н. Леденева, Г. Ситко, В. Мойковский. Театр успешно гастролировал в Москве и Ленинграде, других городах страны, его работы были отмечены многими дипломами и грамотами представительных конкурсов.

В ноябре 1975 г. подвел итоги 20–летней работы Музыкальный театр. За два десятилетия театром было создано 89 новых постановок, показано 5866 спектаклей, численность зрителей превысила 3,6 млн человек[99]. Имея в своем составе хор, оркестр, балет, театр достойно представлял лучшие музыкальные произведения советских и зарубежных композиторов; знакомил зрителей Карелии со многими классическими произведениями, составляющими "золотой фонд" мирового музыкального репертуара. В 1970–х гг. на сцене Музыкального театра были поставлены произведения, созданные на местном материале: балет Г. Синисало "Кижская легенда" (1973 г.), опера Ю. Зарицкого "Меч кузнеца" (1972 г.). К 150–летнему юбилею "Калевалы" был возобновлен балет Г. Синисало "Сампо".

Финский драматический театр успешно развивал сотрудничество с театральными коллективами соседней страны. К постановке спектаклей в Петрозаводске приглашались финские режиссеры и актеры. В 1970 г. режиссер С. Пуурунен поставил спектакль "Жаворонок" Ж. Ануя, в 1974 г. — художественный руководитель объеди-

ненного театра г. Куопио Курт Нуотио — спектакль "Калевала" и др. В 1984 г. после восьмилетнего перерыва состоялись гастроли театра в Финляндии. Финская публика проявила большой интерес к этому единственному за пределами страны профессиональному финскому театру, спектакли проходили при полном аншлаге.

Программа культурного обмена составлялась обществом "Финляндия — СССР", согласовывалась с Министерством культуры СССР, утверждалась Карельским обкомом КПСС. Из Финляндии приглашались "прогрессивные" коллективы и деятели культуры и искусства; предпочтение отдавалось спектаклям, критиковавшим капиталистический строй. До середины 1970–х гг. в Карелию из Финляндии приглашались только самодеятельные театральные коллективы.

В начале 1980–х гг. петрозаводские театры оказались в кризисной ситуации. На вечерних спектаклях залы нередко заполнялись лишь наполовину. Газеты писали, что Петрозаводск "утрачивает славу театрального города". Определенную роль в этом сыграло телевидение, составившее серьезную конкуренцию театру и другим зрелищным видам искусства. Однако в значительной мере кризис стал результатом администрирования, жесткого вмешательства партийных управленческих структур во внутреннюю жизнь театров, навязывания репертуара с преобладанием "злободневных" пьес, а также следствием старения актерских коллективов. В конце 1980–х гг. в городе появился новый художественный коллектив. Группа ведущих актеров Русского драматического театра создала камерный театр "Творческая мастерская", официальное открытие которого состоялось 16 ноября 1988 г. Первой работой нового коллектива был спектакль по роману Ч. Айтматова "Плаха", поставленный режиссером Иваном Петровым. Спектакль пользовался успехом у зрителей.

В 1970–е гг., как и в 1960–е, ведущим жанром в творчестве карельских композиторов еще оставалась симфония, но со временем удачных симфонических произведений становится все меньше. Среди интересных сочинений, отмеченных критикой и слушателями, – симфония рун "Куллерво" А. Белобородова. Это произведение, как и большое число других, было рождено подготовкой к празднованию 150–летнего юбилея "Калевалы". Художественным явлением в жизни ансамбля "Кантеле" стала новая программа с музыкой А. Белобородова и А. Репникова.

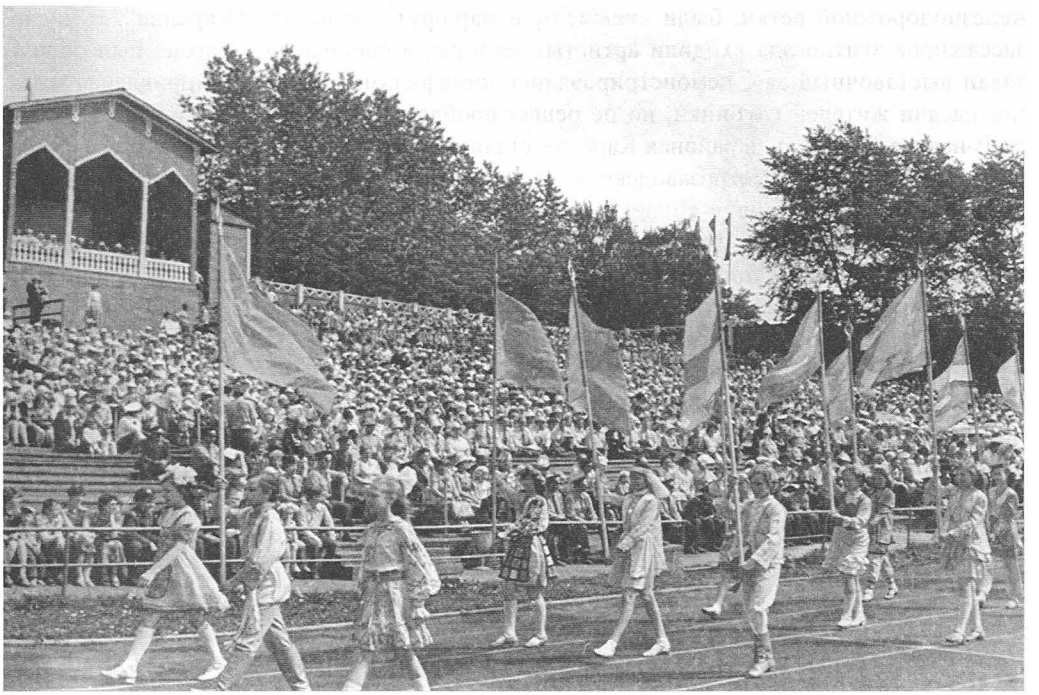
В 1980–е гг. наиболее успешно и плодотворно композиторы Карелии работали в жанрах камерно–инструментальной и вокально–инструментальной музыки. XI пленум Союза композиторов Карелии отметил удачные инструментальные сюиты Э. Патлаенко, фортепианные опусы и песни Г. Вавилова, камерные сочинения П. Козинского, Б. Напреева, В. Кошелева, В. Угрюмова. Концерты, традиционно сопровождавшие пленумы Союза композиторов и собиравшие большое количество любителей музыки, в 1986 г. впервые проходили в полупустых залах, отмечалось также резкое снижение интереса к классической музыке. В то же время неизменным вниманием пользовались хоровые концерты. Музыкальную славу республики в этом жанре составляли Олонецкий, Сегозерский и Ведлозерский карельские, Поморский русский, Вепсский народные хоры. В 1980 г. коллективу, сформировавшемуся на основе народного хора слюдяной фабрики в г. Петрозаводске, было присвоено звание "Народный ансамбль песни и танца". Лауреатом многих всероссийских, всесоюзных и международных конкурсов стал Академический хор студентов ПГУ под руководством Г.Е. Терацуянца. Быстро завоевывал популярность молодой музыкальный коллектив университета — финно–угорский фольклорный ансамбль "Тойве", созданный в 1982 г. под руководством Г.В. Туровского и отличавшийся своеобразием интерпретаций народных произведений.

А. Авдышев. "В Типиницах". Линогравюра

В 1970—1980-е гг. в Карелии расширились возможности для получения музыкального образования. В середине 1980-х гг. Петрозаводский филиал Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова вел подготовку музыкантов по 22 специальностям, в том числе здесь готовили высококвалифицированных преподавателей для детских музыкальных школ, сеть которых в республике продолжала расширяться.

Подъем изобразительного искусства, начавшийся в Карелии в годы "оттепели", захватил и начало 1970-х гг. Карельская "школа" приобретала известность в стране. Критики отмечали композиционную слаженность и особый, близкий карельской иконописи колорит пейзажных полотен Суло Юнтунена; разнохарактерность скульптурных портретов и натюрмортов Лео Ланкинена, в которых можно было найти и финскую, несколько рационалистическую образность, и мягкую карельскую лиричность. Пейзажист Борис Поморцев первым среди живописцев негромко, но правдиво сказал о погибающей российской деревне. Портреты и натюрморты Фолке Ниеминена продлили жизнь появившегося на рубеже 1950-х—1960-х гг. "сурового стиля", родившегося как способ утверждения "простого" человека. Другим наиболее ярким проявлением сурового стиля — теперь уже в графике — были многочисленные линогравюры Алексея Авдышева. Интерпретируя народную культуру, Николай Брюханов сумел придать книжным изданиям финскую, карельскую, скандинавскую окрашенность. Тамара Юфа приобрела широкий круг почитателей графическими композициями на мотивы "Калевалы", в которых органичная для темы "наивная" манера утверждалась впервые в станковом искусстве России.

Художники Карелии становились участниками всероссийских, всесоюзных и зарубежных выставок. Однако со второй половины 1970-х гг. профессиональный уровень выставок снижается, что стало отражением усиливавшегося идеологического прессинга, установлением двойного морального стандарта. В эти годы падает активность ведущих мастеров. Но и в жестких идеологических рамках художники искали пути самовыражения. Добиться убедительности иногда удавалось Валентину Чекмасову, Александру Трифонову. Превосходные небольшие композиции на бересте со-



Празднование 60-летия Карельской АССР. Петрозаводск, июнь 1980 г.

здавал Владимир Зорин. Среди целого ряда графиков выделялся Олег Юнтунен, с характерным для его работ поэтическим рационализмом, с явным нежеланием эстетизировать. Находят признание работы Виталия Добрынина, повествующие о драматической судьбе края Калевалы[100].

Культурно–просветительная работа

Расширялась сеть учреждений культуры республики: в 1973 г. она объединяла 445 домов культуры, 500 библиотек, 19 народных коллективов художественной самодеятельности, 4 государственных музея, 6 профессиональных театров и музыкальных коллективов, около 600 киноустановок. В Петрозаводске и большинстве районных центров действовали парки культуры и отдыха, где в летний период проводились народные гулянья, театрализованные представления, спортивные соревнования, концерты. Основная часть учреждений культуры находилась в городах. Вне сферы их деятельности оставались сотни сельских населенных пунктов и лесных поселков. Решить проблему пытались различными способами. Проводились гастроли театров Петрозаводска в районах республики, устраивались передвижные выставки, авторские концерты композиторов и встречи с писателями. Однако посещаемость спектаклей и концертов серьезной музыки была низкой. Большей популярностью пользовались выступления самодеятельных артистов, приезжавших с автоклубами. Во время весенне–полевых и уборочных работ популярной формой обслуживания стали автоагитпоезда. В 1970–х гг. лесные поселки, расположенные вдоль западно–карельской

железнодорожной ветки, были включены в маршрут агитпоезда "Карелия". В число пассажиров агитпоезда входили артисты, лекторы, в специальном вагоне был оборудован выставочный зал, демонстрировались кинофильмы. Агитпоезд привлекал многие тысячи жителей глубинки, но не решал проблемы культурной организации досуга. В начале 1980–х гг. в районах Карелии стали проводиться дни культуры и искусства г. Петрозаводска, а в Петрозаводске — дни культуры районов Карелии, что стимулировало творческую работу коллективов художественной самодеятельности.

Во второй половине 1980–х гг. народная самодеятельность выходит из–под опеки партии, комсомола и профсоюзов: создаются различные неформальные общества, клубы по интересам. Но одновременно в результате попыток перевода ДК, кинотеатров, музеев на хозяйственный расчет материальной базе культуры был нанесен урон. Сокращение уровня финансирования оказалось особенно губительным для сельских учреждений культуры.

Наиболее доступным и предпочтительным видом культурного досуга для большинства населения оставалось кино. В 1970–е гг. в массовую культуру также прочно вошло телевидение. Решалась задача обеспечения приграничных районов надежной трансляцией отечественных телепрограмм, отвлечения жителей от просмотра передач "буржуазного финского телевидения". Конкуренцию традиционному кинопрокату и телевидению со второй половины 1980–х гг. составили видеосалоны, демонстрировавшие в основном западные коммерческие фильмы. Видеобум в Карелии начался с открытия первого видеосалона в Костомукше в декабре 1987 г. Появилось и альтернативное телевидение. 10 января 1991 г. была создана Карельская независимая телекомпания "Ника".

Велась большая работа по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. Карельское отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры осуществляло их инвентаризацию, занималось созданием "Свода памятников истории и культуры Карельской АССР". В 1970–х гг. ремонтно–реставрационные работы были проведены на 120 исторических объектах деревянного зодчества, увеличилось количество памятников музейного показа. Наряду с четырьмя государственными музеями в 1980 г. действовало более 90 общественных музеев.

Расширялась просветительская и научно–исследовательская деятельность историко–архитектурного и этнографического музея "Кижи". За первую половину 1970–х гг. экспозиция музея пополнилась 12 новыми памятниками народного зодчества. За этот же период музей посетили более 600 тыс. туристов, из них 15,5 тыс. — иностранцы. В 1975 г. музей обслужил своего миллионного посетителя[101]. Постановление Совета Министров РСФСР от 28 августа 1979 г. предусматривало создание на острове Валаам музея–заповедника. С 1981 г. там начались ремонтно–реставрационные работы. В 1981 г. вышли два постановления Совета Министров КАССР, касающиеся сохранения и использования памятников Валаамских островов и музея–заповедника "Кижи".

Неотъемлемой частью культурно–просветительной работы оставалась атеистическая пропаганда. Влияние церкви было сильно подорвано за годы советской власти. В начале 1970–х гг. в республике действовали шесть зарегистрированных религиозных общин: четыре прихода Русской православной церкви (два в Петрозаводске и по одному в Олонце и Сортавале); лютеранская церковь и община евангельских баптистов в Петрозаводске. В первой половине 1970–х гг. распались и прекратили существование несколько сектантских организаций протестантского толка. Эти малочисленные объединения не смогли противостоять идеологическому и административному

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в Кижах

давлению властей[102]. По социологическим опросам середины 1980–х гг. верующие составляли 9—10% населения Карелии.

В годы "перестройки" государственно–церковные отношения стали меняться. Начало перемен связано с подготовкой и празднованием 1000–летия Крещения Руси. Юбилейные торжества в Карелии проводились в середине августа 1988 г. В них принял участие митрополит Ленинградский и Новгородский, управляющий Олонецкой епархией Алексий, впоследствии — Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

Принятый в 1990 г. Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий" открыл благоприятные возможности для возрождения деятельности многих религиозных организаций Карелии. В 1991 г. были официально зарегистрированы общества Петрозаводской епархии Русской православной церкви в городах Костомукше, Кондопоге, Сегеже, Олонце, Пудоже, поселках Пряжа и Надвоицы; протестантские религиозные объединения: лютеранская община Церкви Ингрии в г. Питкяранта, общества Карельского регионального объединения церквей Союза христиан веры евангельской — пятидесятников в городах Петрозаводске, Костомукше, Сегеже, Кеми, Кондопоге и др.

Свидетельствами коренных изменений отношений государства и церкви стало возвращение верующим в июне 1990 г. одной из самых почитаемых ими святынь — мощей карельского святого Елисея Сумского и начавшаяся в 1991 г. передача объектов, расположенных на территории Валаамского архипелага, в собственность Русской православной церкви в лице Спасо–Преображенского Валаамского монастыря.

Учебные издания на карельском и вепсском языках

В 1990 г. Петрозаводская епархия выделилась из состава Ленинградской митрополии. Во главе ее стал епископ Петрозаводский и Олонецкий Мануил, с именем которого связано начало возрождения православной духовной культуры в крае[103].

* * *

В 1970–е гг. ведущей тенденцией этнокультурных перемен стала языковая ассимиляция. Переписи населения свидетельствовали об упрочении позиций русского языка. В 1989 г. назвали русский язык родным 703 тыс. человек, или 88% всех жителей Карелии, что значительно превышало долю русских в населении республики. В это число наряду с русскими вошли 122 тыс. лиц других национальностей, для которых русский язык стал родным. Кроме того, в 1989 г. 82 тыс. человек назвали русский язык в качестве второго языка, которым они свободно владеют. Примечательно, что в Карелии процент знающих русский язык из числа нерусских национальностей был намного выше, чем в целом по стране. Непоследовательная политика по отношению к так называемым коренным народам республики, пренебрежительное отношение к карельскому и вепсскому языкам на государственном уровне привело к восприятию этими народами своих языков как непрестижных. Многие стали стесняться своей национальной принадлежности. В 1989 г., согласно данным переписи, язык своего народа считали родным 52 % карелов и 38% вепсов. В районах проживания карельского населения, а также в одной из школ Петрозаводска как иностранный преподавался финский язык. Во второй половине 1970–х гг. были созданы новые учебники финского языка для средней школы.

Языковая ассимиляция вела к этнической. В начале 1970–х гг., по данным социо-

логов, более 70 % городских карелов не могли назвать ни одной карельской песни, более половины не могли воспроизвести ни одного народного танца. Забывались народные промыслы, утрачивались традиции народного изобразительного искусства. Отход от традиционной культуры сопровождался освоением современных форм городской культуры.

В начале перестройки в Карелии настойчиво стали говорить о необходимости возрождения национальных языков. Представители гуманитарной интеллигенции стали обращаться в средства массовой информации, к руководителям Карелии и РСФСР с просьбой обратить внимание на положение этих народов. В 1988 и 1989 гг. в Петрозаводске состоялись совещания по проблемам национального развития вепсов и карелов. Они выработали рекомендации, послужившие толчком для создания учебников по карельскому и вепсскому языкам. Языковеды Института ЯЛИ КФ АН СССР и Петрозаводского государственного университета занялись составлением букварей карельского и вепсского языков, разработкой правил правописания. В 1989 г. был подготовлен букварь для карелов–ливвиков, продолжалась работа над букварем "собственно карельского диалекта", началось издание школьных словарей карельского языка и хрестоматий фольклора. С 25 до 50 человек увеличился прием студентов на финно–угорское отделение Петрозаводского государственного университета. Устраивались специальные языковые курсы для учителей, желающих преподавать этот язык в школе. В начальных классах школ и в детских садах в районах проживания карельского и вепсского населения в 1989—1990 гг. было начато преподавание родных языков. Вепсский язык впервые начали преподавать в Рыборецкой восьмилетней школе, карельский — в восьми школах пяти районов республики. В 1990 г. в Петрозаводском университете открылась кафедра карельского языка[104].

28 сентября 1989 г. республиканская газета "Ленинская правда" вышла с полосой на ливвиковском диалекте и на "собственно карельском языке". В статьях, помещенных на этой полосе, шла речь о деятельности Общества карельской культуры, о работе фольклорных экспедиций на территории республики, о современном состоянии карельского языка. 27 марта 1990 г. бюро Карельского обкома КПСС приняло предложение Общества карельской культуры о создании еженедельной республиканской газеты на карельском языке "Ома муа" на основе латинской графики.

Кризисные явления, охватившие общество в 1970–х — 1980–х гг., в той или иной степени затронули все сферы профессионального искусства и культуры. Прорыв в идеологическом диктате КПСС, произошедший в годы перестройки, вызвал к жизни общественную инициативу, оживил творческую активность деятелей культуры. Искусство, вырвавшись из тисков социалистического реализма, получило возможность воплощения в более свободных и многообразных формах. В то же время ослабление материальной базы культуры, экономические проблемы создавали для работавших в сфере науки, культуры и искусства сложности нового характера, отдельные отрасли были вынуждены существовать в режиме "борьбы за выживание".

Глава XI

НА ПУТИ К НОВОМУ ОБЩЕСТВУ (1990-е гг.)

1. ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В 1991 г. завершился советский период отечественной истории. Россия, а вместе с ней и Карелия, вступили в новый этап своего развития. Основным его содержанием является переход к рыночной экономике и демократическому общественно–политическому строю "западного" типа. Этот процесс далек от завершения и идет с огромными трудностями, вызванными как причинами объективного характера, прежде всего сложностью решаемых задач, так и ошибками и просчетами в осуществлении реформ, отсутствием в обществе единства взглядов по вопросу об их целях и содержании.

Карелия не стала исключением из общей картины, хотя характерные для всей России процессы в республике развиваются достаточно своеобразно, что обусловлено особенностями региона. К ним, прежде всего, следует отнести относительно спокойную общественно–политическую обстановку. В социально–экономической сфере на протяжении 1990-х гг. не столько занимались осуществлением реформ, сколько боролись с кризисом. Только в последнее время стали предприниматься попытки разработки комплексной стратегии выхода из кризиса, обеспечения экономического роста, стабилизации ситуации в республике.

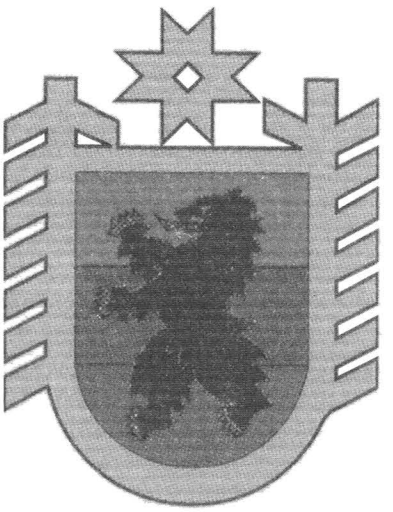
Общественно–политическое развитие Карелии в 1990–е гг. шло по нескольким направлениям: уточнялся статус республики как субъекта Российской Федерации; продолжалось реформирование республиканских органов государственной власти; развивалась система местного самоуправления; интенсивно шло партийное строительство. На все эти процессы влиял национальный вопрос, остававшийся весьма актуальной проблемой.

Распад СССР, превращение России в самостоятельное государство потребовали более четкого определения взаимоотношений между федеральным центром и субъектами Федерации, одним из которых является Республика Карелия. С одной стороны, существовала реальная опасность дальнейшего развития процессов децентрализации, ведущих к утрате государственного единства уже в рамках Российской Федерации. С другой, нельзя было отказываться и от позитивных результатов, связанных с расширением прав субъектов Федерации.

Решалась эта проблема достаточно сложно, в обстановке острой политической борьбы. В качестве выхода из ситуации предлагалось подписать Федеративный договор, в котором были бы урегулированы все вопросы взаимоотношений между федеральными органами и субъектами Федерации. Карелия приняла активное участие в работе над текстом договора. Этот вопрос неоднократно рассматривался Верховным Советом РК, который выдвигал конкретные дополнения и изменения к тексту документа[1]. Делегация Карелии приняла участие в подписании Федеративного договора, состоявшемся 31 марта 1992 г. Это был важный шаг на пути определения основ го-

сударственного устройства Российской Федерации. Предстояла не менее сложная работа по реализации положений договора на практике.

В соответствии с Федеративным договором и Декларацией о государственном суверенитете Карелия получила статус суверенного государства в составе Российской Федерации. Это потребовало внесения изменений в республиканское законодательство, прежде всего, конституционное. 28 ноября 1992 г. Верховный Совет республики утвердил новую редакцию первой статьи Конституции Карелии: "Республика Карелия — суверенное государство в составе Российской Федерации, обладающее всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации в соответствии с Федеративным договором"



Герб Республики Карелия

Еще 27 ноября 1991 г. Президиум Верховного Совета РК принял постановление об изменении государственной символики и проведении соответствующего конкурса. Всего было предложено 60 проектов флага и 20 проектов герба республики. 16 февраля 1993 г. новый Государственный флаг Республики Карелия был утвержден. Он состоит из горизонтальных красной, голубой и зеленой полос равной ширины[2].

6 апреля 1993 г. был утвержден Государственный гимн Республики Карелия. Автор музыки гимна — композитор А.Белобородов. Авторы русского текста — поэты А.Мишин и И.Костин, финского — А.Мишин.

28 сентября 1993 г. Верховный Совет РК установил: "Государственным гербом Республики Карелия является прямоугольный закругленный в нижней трети, трижды пересеченный в равных долях цветами государственного флага Республики Карелия щит с изображенным на нем профилем стоящего медведя черного цвета. Золотое обрамление щита переходит в стилизованное изображение ели с левой стороны и сосны — с правой. В навершии щита расположена восьмиконечная звезда (сдвоенные кресты) золотого цвета". Таким образом, к концу 1993 г. вопрос государственной символики республики был успешно решен.

Тем не менее окончательное определение государственно–правового статуса республики в составе Российской Федерации затруднялось нерешенностью данного вопроса на федеральном уровне вследствие разразившегося острого конституционного кризиса.

На федеральном уровне все более обострялось противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти. В декабре 1992 г. съезд народных депутатов внес поправки в Конституцию РФ, существенно изменившие баланс власти в пользу законодателей. В ответ Президент, оценив действия съезда как "ползучий переворот", 10 декабря 1992 г. обратился к гражданам России с предложением провести в январе 1993 г. всенародный референдум по вопросу: "Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации — нынешнему составу съезда и Верховного Совета или Президенту России?" Съезд, в свою

очередь, выступил с обращением к народу, обвинив Б.Н.Ельцина в превышении конституционных полномочий и намерении уничтожить законодательную власть.

Верховный Совет РК 19 февраля 1993 г. высказался против проведения референдума и в связи с продолжающимся углублением политического и экономического кризиса в стране, наличием реальной угрозы целостности государства предложил объявить на 1993 г. мораторий на всей территории Российской Федерации на референдумы и выборы и направить усилия на вывод страны из кризиса. Таким же было отношение к референдуму большинства субъектов Федерации. В марте 1993 г. съезд народных депутатов РФ отказался от проведения референдума. В ответ Президент Б.Н.Ельцин 20 марта 1993 г. в телевизионном обращении к гражданам России объявил о фактическом введении президентского правления вплоть до принятия новой Конституции страны. На 25 апреля он назначил референдум о доверии Президенту и вице-президенту, а также по проекту новой Конституции и проекту Закона о выборах нового парламента. 22 марта 1993 г. Конституционный суд РФ признал ряд действий Президента не соответствующими Конституции.

23 марта 1993 г. собравшийся на внеочередную сессию Верховный Совет РК постановил: "1. Уведомить Верховный Совет, Президента и Совет Министров — Правительство Российской Федерации об отсутствии оснований для введения чрезвычайного положения, а следовательно, и особого порядка управления на территории Республики Карелия. 2. Признать невозможным проведение голосования (референдума) по основным положениям Конституции Российской Федерации в сроки, предложенные Президентом... Поддержать предложение Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина о проведении внеочередного голосования (референдума) о доверии Президенту".

Содержащееся в обращении Президента предложение о проведении 25 апреля 1993 г. голосования по проекту новой Конституции и проекту Закона о выборах федерального парламента, по мнению Верховного Совета РК, не могло быть реализовано в указанные сроки из–за отсутствия согласованных с субъектами Федерации проектов данных документов.

26 марта срочно собравшийся съезд народных депутатов РФ оценил действия Президента как попытку государственного переворота, но не смог набрать достаточного для импичмента количества голосов. Был достигнут очередной временный компромисс. Президент признал недействительным свое обращение к гражданам России. Съезд, в свою очередь, согласился на проведение референдума по следующим вопросам: 1) Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину? 2) Одобряете ли Вы социально–экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 г.? 3) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации? 4) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

В ходе референдума, состоявшегося 25 апреля 1993 г., большинство жителей Карелии, принявших участие в голосовании, поддержали Президента Б.Н.Ельцина и проводимую им социально–экономическую политику, но высказались против досрочных президентских и парламентских выборов. При этом в целом по России большинство проголосовавших граждан поддержали идею досрочных выборов народных депутатов, но для признания голосования по этому вопросу действительным не хватило голосов. По остальным вопросам итоги референдума в России и Карелии совпали. Президент расценил их как мандат на продолжение реформ и форсировал

Во время визита первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в Карелию. Слева – председатель Президиума Верховного Совета Республики Карелия В. Н. Степанов, справа – мэр г. Петрозаводска С. Л. Катанандов. 1993 г.

работу по изменению Конституции с целью превращения России в президентскую республику[3].

Работа над новой Конституцией России началась в июне 1993 г. и проходила в обстановке продолжающегося политического противостояния. Каждая из сторон предложила свой проект, категорически отказываясь учитывать предложения оппонентов. По мнению же Верховного Совета РК, ни один из представленных проектов Конституции не мог быть принят за основу, так как оба фактически игнорировали права народов России, обходили молчанием принципы построения и образования российского федеративного государства, не определяли понятие и статус субъекта Федерации, содержали положения, нарушающие Федеративный договор и ограничивающие права субъектов Федерации.

Верховный Совет РК отметил, что представление Президентом Российской Федерации Б.Н.Ельциным проекта Конституции страны резко ускорило конституционный процесс в Российской Федерации, но в то же время осудил попытки опорочить представительные органы Российской Федерации: "Какое–либо стремление низложить их открывает прямую дорогу политическому беспорядку и ведет в тупик, подрывает основные принципы демократии". Карельские депутаты предложили Президенту и Верховному Совету РФ выработать с участием полномочных представителей субъектов Федерации единый согласованный проект Конституции России, положив в ее основу права человека и Федеративный договор, принять Закон "О механизме согласования и принятия новой Конституции Российской Федерации". Они также внесли конкретные предложения по содержанию Конституции и порядку ее принятия.

Активная и конструктивная позиция Карелии в конституционном процессе не

осталась незамеченной. Не случайно именно в Петрозаводске 12 августа 1993 г. Президент РФ провел совещание с главами республик — субъектов Российской Федерации. Они заняли осторожную позицию, высказавшись за одновременные досрочные выборы парламента и Президента, что и было обещано сделать в июне 1994 г. На этом совещании Б.Н.Ельцин впервые выдвинул идею создания Совета Федерации РФ.

Но осенью 1993 г. политическое противостояние в Москве переросло в острый конфликт, не только вышедший за конституционные рамки, но и сопровождавшийся вооруженными столкновениями в столице. 21 сентября 1993 г. Президент РФ прекратил полномочия съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, ввел прямое президентское правление на период до избрания нового парламента — Государственной думы, выборы которой назначил на декабрь 1993 г. К этому же времени предполагалось завершить работу над новой Конституцией страны. Верховный Совет РФ и часть депутатов съезда квалифицировали действия Президента как государственный переворот, приняли решение об импичменте Б.Н.Ельцина и о вступлении в должность Президента РФ вице–президента А.В.Руцкого.

В связи с событиями в Москве Президиум Верховного Совета и Президиум Совета Министров РК выступили с совместным заявлением о том, что органы власти Республики Карелия как субъекта Российской Федерации будут действовать согласованно и в строгом соответствии с Конституциями Российской Федерации и Республики Карелия. 22 сентября 1993 г. Верховный Совет РК принял постановление "О политической ситуации в стране в связи с Обращением Президента Б.Н.Ельцина к гражданам Российской Федерации и принятием Указа Президента Российской Федерации "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации", в котором отмечалось, что Указ принят с нарушением положений действующей Конституции и Присяги Президента РФ, что в результате неконституционных действий Президента Российской Федерации и ответных мер Верховного Совета Российской Федерации сложилась критическая ситуация в государстве, на федеральном уровне сформировалось двоевластие, опасное для существования Российской Федерации. Верховный Совет РК потребовал от Верховного Совета Российской Федерации немедленного созыва Съезда народных депутатов Российской Федерации для принятия решений о проведении одновременных досрочных выборов высшего органа законодательной власти и Президента Российской Федерации, для отмены неконституционных указов Президента Российской Федерации, а также для подготовки в двухмесячный срок с участием субъектов Федерации законов о высшем органе федеральной законодательной власти Российской Федерации и выборов в него.

В связи с решением Конституционного суда РФ о неконституционности Указа Президента РФ "О конституционной реформе в Российской Федерации" он был признан не действующим на территории Республики Карелия. Верховный Совет предоставил Президиуму Верховного Совета РК право по обращению Совета Министров республики приостанавливать действие на территории Республики Карелия любых нормативных актов федеральных органов власти Российской Федерации в случае несоответствия их Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Карелия с последующим утверждением, при необходимости, Верховным Советом Республики Карелия. Верховный Совет обратился к гражданам Республики Карелия с настоятельной просьбой соблюдать спокойствие и выдержку.

Собравшийся 23 сентября 1993 г. чрезвычайный съезд народных депутатов РФ призвал граждан России встать на защиту конституционного строя. По распоряже-

нию Президента 25 сентября здание Дома Советов было блокировано. Начавшиеся по инициативе Патриарха Алексия II переговоры между конфликтующими сторонами к успеху не привели.

29 сентября 1993 г. Верховный Совет РК, признавая реальность развала конституционного строя Российской Федерации, вызванную действиями Президента РФ Б.Н.Ельцина, во избежание углубления конфликта и возможного его перерастания в вооруженное противостояние, в целях придания легитимности процессу преобразования власти в Российской Федерации и сохранения федеративного государства подтвердил свою позицию о необходимости скорейшего проведения одновременных досрочных выборов высшего органа законодательной власти и Президента Российской Федерации. В связи с заключением Конституционного суда РФ о неконституционности Указа Президента РФ "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" Верховный Совет РК признал не действующими на территории Карелии положения "О федеральных органах власти на переходный период" и "О выборах депутатов Государственной Думы", введенные в действие указом Президента. Парламент Карелии обратился к Президенту и субъектам Российской Федерации с предложением принять следующие меры: а) незамедлительно созвать Совет Федерации для согласования Положения о выборах в Федеральное Учредительное собрание; б) провести выборы в Федеральное Учредительное собрание до 12 декабря 1993 года; в) Федеральное Учредительное собрание избрать для принятия законов о федеральных органах государственной власти и порядка выборов в них, а также назначения даты выборов.

Карельские депутаты потребовали немедленно прекратить блокаду Дома Советов Российской Федерации, снять все ограждения, включить свет, воду, отопление, предоставить свободу передвижения и прекратить ограничение прав и свобод народных депутатов. 1 октября 1993 г. Верховный Совет РК заявил о возможности проведения одновременных выборов в органы федеральной власти России при условии достижения согласия по выходу из политического кризиса между Верховным Советом Российской Федерации, Президентом и Правительством — Советом Министров Российской Федерации и при участии Совета Федерации.

3—4 октября в Москве произошли вооруженные столкновения, в ходе которых, по официальным данным, погибло около 150 человек. В связи с этими событиями Верховный Совет РК 8 октября 1993 г. принял заявление, в котором выразил соболезнование родным и близким погибших в трагические дни 3—4 октября в г. Москве и осудил всех виновных в прошедших кровавых событиях[4]. Таким образом, в дни политического кризиса, вызванного противостоянием Президента и Парламента России, вышедшим за конституционные рамки, органы власти Карелии заняли достаточно взвешенную и конструктивную позицию, не допустили обострения общественно–политической ситуации в республике.

Результатом октябрьского политического кризиса стала ликвидация советской формы организации власти в стране. События 3—4 октября 1993 г. означали фактическое прекращение деятельности съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 26 октября 1993 г. указом "О реформе местного самоуправления в Российской Федерации" Президент РФ прекратил деятельность местных Советов и до выборов новых представительных органов местного самоуправления передал власть главам местных администраций.

Указы Президента РФ, изданные после октябрьских событий 1993 г., предопределили два основных направления внутренней политики Карелии: организацию выбо-

ров в федеральные и республиканские органы государственной власти и реформу местного самоуправления.

Необходимость скорейшего введения общественно–политического развития в конституционные рамки вынудили Верховный Совет РК изменить свое отношение к указам Президента и принять решение о проведении 12 декабря 1993 г. досрочных выборов в федеральные органы государственной власти. Одновременно были приняты решения о проведении досрочных выборов в органы государственной власти и местного самоуправления Карелии, а также о проведении референдума по вопросам реформирования органов государственной власти республики. На референдум выносился один вопрос: "Считаете ли Вы, что высшее должностное лицо (глава исполнительной власти) Республики Карелия должно избираться населением Республики Карелия?"

12 декабря 1993 г. 69% избирателей республики, принявших участие в голосовании, поддержали предложенный проект Конституции РФ. 80% высказались за избрание Председателя Правительства РК непосредственно населением. При выборах депутатов Государственной думы РФ наибольшее число голосов в Карелии получили избирательные объединения "Выбор России", ЛДПР, "Женщины России". Коммунисты заняли только шестое место.

Существенные изменения в политической системе страны, принятие Конституции РФ потребовали обновления конституционного законодательства Республики Карелия, что и было сделано 24 декабря 1993 г. Новая редакция Конституции РК предполагала введение должности Председателя Правительства РК, избрание двухпалатного парламента, учреждение Конституционного суда РК и другие принципиальные новации.

Отныне в республике создавалось Законодательное собрание РК, состоящее из двух палат: Палаты Республики и Палаты Представителей. Палата Республики состоит из 25 депутатов, работающих на постоянной основе. К ведению этой палаты Конституция РК отнесла конституционное законодательство, утверждение государственного бюджета, принятие законов по республиканским налогам и сборам, назначение референдума, выражение недоверия главе исполнительной власти и руководителям республиканских органов государственного управления и т. д. Палата Представителей, состоящая из 36 депутатов, работающих на непостоянной основе, контролирует исполнение республиканского бюджета, рассматривает вопрос о чрезвычайном положении на территории республики, ратифицирует договоры и соглашения и т. д. Срок полномочий всех депутатов — 4 года. Принятые законы подписываются Председателем Правительства РК.

Исполнительная власть в соответствии с новой редакцией Конституции осуществляется Председателем Правительства РК и возглавляемым им Правительством РК. Председатель Правительства является высшим должностным лицом республики, определяет структуру республиканских органов исполнительной власти, решает кадровые вопросы. Он наделен правом законодательной инициативы, разрабатывает и вносит на рассмотрение Законодательного собрания РК проект государственного бюджета, обеспечивает его исполнение, разрабатывает и осуществляет программы экономического и социального развития республики, представляет республику во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти и иностранными государствами. В соответствии с итогами республиканского референдума Конституция предусмотрела, что Председатель Правительства РК избирается на 4 года населением республики на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании.

Первые выборы Председателя Правительства РК и депутатов Законодательного собрания РК состоялись 17 апреля 1994 г. Председателем правительства РК стал В.Н.Степанов, получивший 68% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В выборах депутатов участвовало 42% избирателей[5]. Палату Представителей Законодательного собрания РК возглавила В.Н.Пивненко, Палату Республики — И.П.Александров.

На выборах 1998 г. Председателем Правительства РК во втором туре избирается С.Л.Катанандов, получивший 49% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В.Н.Степанов получил 43%. Депутаты Палаты Представителей нового созыва избрали своим председателем В.Н.Пивненко. Палату Республики возглавила Н.В.Коцюба.

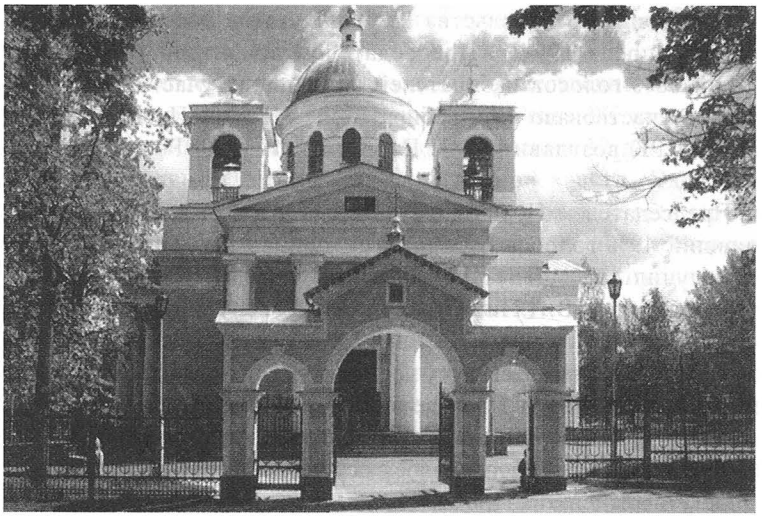
Политический кризис 1993 г. оказал весьма существенное влияние на систему местного самоуправления. В октябре 1993 г. Президент РФ прекратил деятельность местных советов, избранных в 1991 г., и возложил их функции на соответствующие местные администрации. Субъектам РФ рекомендовалось осуществить реформу местного самоуправления на основе утвержденного тогда же "Положения об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы" и провести муниципальные выборы в декабре 1993 г.— июне 1994 г. на основе также утвержденных Президентом РФ "Основных положений о выборах в органы местного самоуправления".

12 ноября 1993 г. Верховный Совет РК утвердил "Основные положения реформы местного самоуправления в Республике Карелия", назначил выборы в органы местного самоуправления на 17 апреля 1994 г. (в Петрозаводске — на 12 декабря 1993 г.) и установил, что полномочия местных советов народных депутатов созыва 1990—1995 гг. сохраняются до избрания новых представительных органов местного самоуправления, если ими не было принято решение о самороспуске. Такое решение противоречило предписаниям федеральной власти, но было оправданным, поскольку способствовало сохранению политической стабильности в республике.

23 декабря 1993 г. Верховный Совет РК уточнил, что до избрания новых представительных органов местного самоуправления и глав местного самоуправления (глав администраций) полномочия выборных представительных органов местного самоуправления осуществляют советы народных депутатов (за исключением принявших решение о самороспуске), а функции глав местного самоуправления (глав администраций) — главы администраций, назначенные Председателем Совета Министров Республики Карелия.

В январе 1994 г. принимается Закон РК "О местном самоуправлении в Республике Карелия"[6]. Республика оказалась в числе первых субъектов РФ, принявших подобные законодательные акты. Наличие хорошей правовой базы позволило местным Советам, избранным в апреле 1994 г. начать работу в нормальной обстановке. Реформа местного самоуправления в Карелии прошла намного спокойнее, чем в целом по России. Основные проблемы в деятельности органов местного самоуправления республики связаны не с организационно–правовыми, а с социально–экономическими факторами.

В 1990–е гг. в республике продолжало формироваться гражданское общество, характеризующееся становлением многопартийной системы, созданием условий для свободного вероисповедания, свободы слова и т. д. К концу этого периода в Карелии действовало 91 общественно–политическое и 107 религиозных объединений. Наиболее активными общественно–политическими движениями являлись республиканские



Восстановленный кафедральный собор Александра Невского

структуры КПРФ, ЛДПР, движения "Яблоко" и некоторые другие. Они получили широкое представительство в Законодательном собрании и представительных органах местного самоуправления республики, что свидетельствовало об определенной поддержке их деятельности со стороны населения.

Религиозная ситуация на протяжении 1990–х гг. характеризовалась ростом числа верующих и появлением приверженцев новых конфессий. Наиболее влиятельной религиозной организацией остается Русская православная церковь. Петрозаводская и Карельская епархия включает 31 приход, 3 монастыря и 2 подворья. На протяжении 1990-х гг. епархии и ее приходам было возвращено более 40 зданий культового и иного назначения. К началу 2000 г. действовало более 40 храмов и молитвенных помещений. Продолжалось строительство новых и ремонт старых храмов. В 1993 г. восстановлен православный приход на о. Кижи[7]. Важнейшее духовное и нравственное значение имеют восстановление Спасо–Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря и Александро–Невского собора в г. Петрозаводске, освященного в июне 2000 г. патриархом Московским и всея Руси Алексием II и ставшего кафедральным собором епархии. Епископ Петрозаводский и Карельский Мануил в 1999 г. был возведен в сан архиепископа, что стало признанием его заслуг в восстановлении православия в Карелии.

Помимо Русской православной церкви в Карелии действуют общества Российской православной свободной церкви и Истинно–православной церкви. В 1994 г. в Петрозаводске зарегистрирован приход Римско–католической церкви. Устойчиво растет количество новых для республики конфессий, прежде всего протестантских. Так, второе место после Петрозаводской и Карельской епархии РПЦ по числу религиозных объединений занимает республиканское религиозное объединение церквей Союза христиан веры евангельской — пятидесятников. Растет число объединений и верующих Ингерманландской евангельско–лютеранской церкви, адвентистов Седьмого дня, свидетелей Иеговы, Новоапостольской церкви и церкви Христа (харизматов).

Одной из основных проблем общественно–политического развития республики в 1990–е гг. оставался национальный вопрос. Суть его практически не изменилась по

Освящение собора Александра Невского Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Июнь 2000 г.

сравнению с периодом "перестройки". Но решение национальных проблем во все большей степени переходило в практическую плоскость.

27 марта 1993 г. Верховный Совет РК принял решение о создании Фонда национального возрождения малочисленных народов Республики Карелия. 1 апреля 1992 г. Верховный Совет РК рассмотрел вопрос о выполнении предложений республиканского съезда представителей карелов. Отмечалось, что многое из предлагавшегося на съезде реализовано. Установлен порядок изменения национальности граждан в Карельской АССР. Председатель Совета уполномоченных был включен в состав делегации для подписания Союзного договора. Изменено название республики. Принят Закон "О правовом статусе национального района, национального поселкового и сельского Советов в Республике Карелия". Образован Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете Министров РК. Серьезные шаги предприняты в деле возрождения языка и культуры. В то же время Верховный Совет отклонил просьбу об утверждении "Положения о Совете уполномоченных республиканского съезда карелов", сочтя это прерогативой самого съезда. В свою очередь, Совет уполномоченных не принял предложения Президиума Верховного Совета РК о его регистрации Министерством юстиции РК. Не получили поддержки Верховного Совета предложения съезда карелов о создании в республиканском парламенте палаты национальностей и о квотировании депутатских мандатов для карелов, финнов и вепсов.

Наиболее радикальных позиций в национальном вопросе по–прежнему придерживалось "Карельское движение", считавшее главными вопросы национальной государственности и "национального воссоединения". Движение ставило перед собой сугубо политические цели. Зимой 1991/92 г. оно заявило о непризнании решений съезда карелов и вновь призвало к превращению республики в "особую автономию" Финляндии.

Оставаясь немногочисленной организацией и выражая взгляды незначительной части карельского населения республики, это движение проявляло большую политическую активность, вынуждая порой органы власти Карелии так или иначе реагировать на свои акции. Так, в марте 1992 г. координационный совет "Карельского дви-

Представители Карелии П. М. Зайков и З. И. Строгальщикова на III Всемирном Конгрессе финно–угорских народов. Сыктывкар, 1992 г.

жения" выступил с заявлением "О положении карельской нации в Республике Карелия", в котором в очередной раз потребовал пересмотра границ между Россией и Финляндией. В связи с этим Совет Министров РК был вынужден выступить с заявлением о том, что подобные предложения не имеют под собой соответствующей международно–правовой базы, не отражают интересов подавляющего большинства населения Карелии, разжигают националистические страсти, обостряют обстановку внутри республики, осложняют отношения с Финляндией. С аналогичным заявлением по Карельскому телевидению выступил Председатель Верховного Совета РК В.Н.Степанов. Прокуратура республики предупредила руководство "Карельского движения" о недопустимости нарушений законов РК и разжигания национальной розни.

В ноябре 1992 г. состоялся 1–й Национальный конгресс карелов, финнов и вепсов Карелии, идея созыва которого принадлежала "Карельскому движению". Обсуждался широкий круг вопросов. Наибольшие споры вызвало рассмотрение устройства политической системы республики. Делегаты от "Карельского движения" вынесли на обсуждение конгресса проект "Декларации о независимости Карелии", в которой, в частности, объявлялась низложенной власть российского правительства на территории суверенного карельского государства. При обсуждении вопросов о гражданстве и организации представительной власти в республике вновь выдвигались предложения о создании двухпалатного парламента. В одну из его палат должны были войти представители от карелов, финнов, вепсов и коренных русских Заонежья и Беломорья (положение о представительстве коренных русских было новым). Однако делегаты конгресса отказались принимать решения антироссийского характера. При выборах в исполком Национального конгресса национал–радикалы также потерпели поражение.

21 января 1993 г. Президиум Верховного Совета РК рассмотрел материалы Национального конгресса и поручил Совету Министров Карелии разработать Государственную программу возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов и внести предложения по организации изучения национальных языков в детских дошкольных учреждениях и школах республики. Петрозаводскому государственному университету было предложено рассмотреть вопрос о создании факультета финно–угорской филологии и культуры. В то же время Верховный Совет РК отказался признать претензии исполкома Национального конгресса на официальное представительство интересов карелов, вепсов и финнов во властных структурах, сославшись на отсутствие правовой базы для этого.

Осенью 1993 г. в преддверии выборов в российский и карельский парламенты состоялся 2–й Национальный конгресс. Обсуждались практически те же вопросы, что и на 1–м конгрессе (гарантированное представительство в высших органах власти, двухпалатный парламент и т. п.). Конгресс сменил свое название на "карельский" (из 128 делегатов было только 15 финнов и 10 вепсов). Новый состав исполкома возглавил А.Григорьев, что отражало усиление влияния радикалов. Однако это не совпадало с настроением населения республики. На выборах депутатов Верховного Совета РК в апреле 1994 г. из 10 кандидатов Карельского конгресса победил лишь один.

Союз карельского народа занимал более умеренные позиции, сотрудничал с властными структурами, что позволило ему достичь определенных успехов. 4 апреля 1998 г. состоялся 3–й съезд карелов Республики Карелии, в работе которого приняли участие 64 делегата от всех административно–территориальных единиц республики. Подготовкой съезда занимался Комитет по местному самоуправлению и национальной политике РК. Съезд высказался за поддержку всех кандидатов–карелов в предстоящей избирательной кампании, выдвинул В.Н.Степанова кандидатом на пост Председателя Правительства РК. Много внимания было уделено проблеме карельского языка. Вновь выдвигались предложения о закреплении за ним статуса государственного. Говорилось о развитии карельской культуры и карельского языка.

Обсуждение проблем вепсского народа носило гораздо менее политизированный характер, во многом благодаря конструктивной позиции Общества вепсской культуры. Одним из условий сохранения вепсов как этноса Общество считало создание национальных административно–территориальных образований. Выдвинутую в конце 1980–х гг. идею создания Вепсского автономного округа реализовать не удалось. Гораздо более успешно решился вопрос о национальных самоуправляющихся территориях: 10 февраля 1992 г. был образован Шелтозерский, 1 июня 1993 г. — Рыборецкий и Шокшинский вепсские национальные сельские Советы. Соответствующие решения принимались Верховным Советом РК на основании результатов местных референдумов.

В 1994 г. на базе национальных сельских Советов создается Вепсская национальная волость, включившая 3 сельских администрации 14–ти населенных пунктов с населением 3,6 тыс. человек. Были избраны представительный орган и глава местного самоуправления. С первых дней своего существования Вепсская волость столкнулась с серьезными трудностями, в том числе во взаимоотношениях с Прионежским районом. Однако главной проблемой стало почти полное отсутствие собственных доходных источников вследствие тяжелейшего состояния экономики региона.

Более успешно начали решаться вопросы сохранения и развития языка и культуры вепсов. Постоянно росло число школьников, изучающих вепсский язык. Ежемесячно на русском и вепсском языках выходит газета "Кодима", освещающая вопросы

национально–культурной жизни. В 1996 г. состоялся первый праздник вепсской культуры, включивший конкурс знатоков вепсского языка. В дальнейшем началось ежегодное проведение этнического праздника "Древо жизни". В 1995 г. состоялась научная конференция "Вепсы: история, культура и межэтнические контакты". Председатель Общества вепсской культуры З.И.Строгальщикова в 1994 г. возглавила Комиссию по национальной политике Верховного Совета РК.

С конца 1994 г. роль национального фактора в политической жизни республики постепенно снижается. В центре ее оказываются не национальные организации, а партийные формирования. Это подтвердила и избирательная кампания 1998 года. Вопросы национальной политики не заняли центрального места в предвыборных программах кандидатов на пост Председателя Правительства РК и большинства кандидатов в депутаты Законодательного Собрания РК. Основная работа по решению национальных вопросов перемещается из политической в социально–экономическую область.

2.СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

На протяжении 1990–х гг. происходило ухудшение социально–экономического положения республики, проявившееся в спаде объемов промышленного производства, снижении уровня использования лесных, минерально–сырьевых и производственных ресурсов, ухудшении финансового положения предприятий и республики в целом, росте безработицы. Падал уровень жизни населения. Среди причин кризиса можно выделить как объективные, обусловленные экономической ситуацией в стране в целом, проблемами переходного периода, так и субъективные, заключающиеся в ошибках и просчетах в оценке ситуации и выборе форм и методов экономических реформ.

Экономические реформы, призванные обеспечить переход от преимущественно административных к рыночным отношениям, сводились к либерализации цен, приватизации государственной собственности и развитию новых форм хозяйствования. Появление крупного негосударственного сектора экономики потребовало выработки новых форм и методов работы государственного аппарата, обновления экономического законодательства.

Отправным моментом в переходе к рыночной экономике стала либерализация цен, осуществленная в ускоренном темпе. Идеологи реформы исходили из того, что экономика к началу 1990–х гг. уже находилась в состоянии острейшего кризиса и постепенного перехода к рынку она просто не выдержит. Кроме того, существовала надежда, что менее чем через год наступит ценовая стабилизация, начнется подъем производства и рост уровня жизни населения.

В январе 1992 г. были "отпущены" цены на все товары и услуги за исключением энергоносителей. За 1992 г. потребительские цены на товары и услуги выросли в 28,1 раза, а денежные доходы населения — только в 8,4 раза (среднемесячная начисленная заработная плата работающих в экономике — в 11,6 раза, пенсии — в 7,4 раза). Это привело к снижению реальных доходов населения более чем в 2 раза, реальной заработной платы — в 2,5, реальной пенсии — почти в 4 раза. В 28 раз обесценились сбережения населения. Высокими темпами росли оптовые цены в промышленности, особенно в отраслях–монополистах. Если в среднем по Карелии они выросли в 33 раза, то в черной металлургии — 49,7, в электроэнергетике — в 74,4 раза. Обесценились основные и оборотные фонды. Хронический дефицит товаров сменился дефицитом

денег. В результате либерализации цен в 1992 г. резко снизилось конечное потребление и уровень жизни населения, произошел спад производства, обострилась проблема неплатежей. Ожидаемой финансовой стабилизации не произошло. Инфляция в 1992 г. составила около 2600%.

Органы власти Карелии, признавая необходимость проведения экономических реформ, категорически возражали против методов их проведения. 27 ноября 1992 г. Верховный Совет РК заявил, что результатом грубейших просчетов федеральных органов власти в стратегии и тактике экономических реформ стало ухудшение социально–экономической ситуации в республике, в том числе углубление спада производства, усиление инфляции, снижение жизненного уровня населения, рост безработицы и т. д. "Преобразования в экономике носят непоследовательный характер, не сопровождаются действенными мерами по социальной защите малообеспеченных категорий населения. На первое место выдвинут не человек труда, создающий материальные блага, а разного рода дельцы, наживающие свой капитал на перепродаже товаров в условиях острого дефицита". Верховный Совет потребовал отказа от методов "шоковой терапии" в проведении экономических реформ.

В 1993 г. темпы роста потребительских цен в республике замедлились, но оставались достаточно высокими. Потребительские цены выросли в 10,3 раза, цены на промышленную продукцию — в 9,5 раза[8].

В 1994 г. потребительские цены выросли в 3,3 раза, цены на промышленную продукцию — в 4,3 раза. В 1995 г. соответственно в 2,5 и 2,7 раза. Уровень инфляции составил: в 1992 г. — 2810,3%, в 1993 — 1032,3%, в 1994 — 330,8%, в 1995 — 249%, в 1996 — 121%. Всего за 1992—1996 гг. — 2896,4%.

До либерализации цен рынок потребительских товаров в республике на 60% формировался из товаров, произведенных в Карелии. После начала рыночных реформ спрос на отечественную продукцию резко упал из–за высоких цен и низкого ее качества. Это открыло потребительский рынок для импорта. С 1992 г. роль собственного производства в формировании товарного рынка неуклонно снижалась. Расширялся ассортимент импортных товаров.

Произошло ухудшение качества питания населения. Ценные в питательном отношении продукты замещались более дешевыми и менее калорийными. Так, осталось на прежнем уровне потребление картофеля, лишь на 9% сократилось потребление хлеба, круп, макаронных изделий. Население стало значительно меньше приобретать предметов культурно–бытового назначения и хозяйственного обихода. Изменилась структура покупок продуктов питания различными слоями населения. Высокообеспеченные семьи тратят на покупку продуктов питания 39% потребительских расходов, семьи с низкими доходами — 60%. В высокодоходных семьях втрое выше потребление мясопродуктов, молочных продуктов, фруктов. Семьи с высокими доходами тратят на приобретение непродовольственных товаров 40% потребительских расходов, семьи с низким доходом — 18%. В 1996 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 26% денежных доходов, на долю 10% наименее обеспеченных — 2,6% (в 1995 г. соответственно 22 и 3,6).

В целом за время прошедшее с начала рыночных реформ темпы инфляции и роста цен многократно превзошли ожидания. Были подорваны условия воспроизводства. Троекратно снизилась заработная плата. Предельно обесценилась рабочая сила.

Основой рыночных реформ стала приватизация, предполагавшая приобретение гражданами и юридическими лицами объектов, находившихся в государственной собственности. Параллельно шел процесс выделения из государственной новой —

муниципальной — формы собственности, объекты которой, в свою очередь, также подверглись приватизации. В 1991—1992 гг. создается правовая база приватизации в России. Параллельно такая работа велась и в Карелии. Принимаются законы РК "О собственности в Карельской АССР" и "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Республике Карелия", некоторые другие нормативные акты. Они основывались на российском законодательстве, но имели и некоторые особенности. Так, российские законы трактовали приватизацию как приобретение государственных и муниципальных предприятий только в частную собственность, в Карелии же говорилось также о передаче их в коллективную собственность. Карельский закон о приватизации называл в качестве покупателей государственной и муниципальной собственности членов трудовых коллективов, иных физических и юридических лиц, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Все объекты республиканской собственности были разделены на четыре группы. Приватизация одних запрещалась вообще. Вторые могли приватизироваться только по решению Правительства РК. Третьи подлежали приватизации по решению Госкомимущества РК. Четвертые были объявлены объектами обязательной приватизации.

Для выполнения функций продавца объектов государственной и муниципальной собственности создаются Карельский фонд государственного имущества и Фонды муниципального имущества. При этом управление государственной собственностью осуществлялось Государственным комитетом по управлению государственным имуществом РК.

Первый этап приватизации (1992—1994 гг.) получил название чекового. Он охватил все слои населения. Приватизационный чек — ваучер — являлся документом, подтверждающим права гражданина на определенную долю государственного имущества. Посредством чеков предполагалось дать всем гражданам России возможность стать собственниками. Ваучеры можно было продавать, приобретать на них акции акционерных обществ, вкладывать в чековые инвестиционные фонды.

В Карелии принимается Республиканская программа приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 г., продленная позднее и на 1993 г. Программа объявляла целями приватизации облегчение процесса либерализации цен, освобождение государства от бремени содержания неэффективных предприятий и объектов, создание условий для повышения экономической эффективности деятельности предприятий и увеличения внебюджетных доходов. В соответствии с этим документом в 1992 году предполагалось приватизировать 18% (по стоимости) государственного имущества.

Всего в 1992—1994 гг. было приватизировано 823 объекта. 28% приватизированных объектов относились к промышленности, 1% — к сельскому хозяйству, 7% — к транспорту и связи, 45% — к торговле и общественному питанию, 19% — к сфере бытового обслуживания[9]. Из общего числа объектов, приватизированных в 1992—1994 гг., 64% находились прежде в муниципальной собственности, 32% — в республиканской и 4% — в федеральной собственности[10]. В целом приватизация шла ускоренными темпами. Ее основной формой был выкуп собственности трудовыми коллективами. При этом крупные и средние предприятия преимущественно акционировались.

Оценить результаты первого (ваучерного) этапа приватизации можно, сравнив полученные результаты с теми задачами, которые ставились в республиканских программах приватизации. Приватизация предприятий торговли и сферы услуг должна была облегчить переход к свободным рыночным ценам. Эти процессы начались одновременно в 1992 г. В торговле началась конкуренция, складывается потребительский рынок,

Приватизационный чек — ваучер

постепенно произошло насыщение его товарами. Инфляция способствовала накоплению торгового капитала. В тоже время многие учреждения торговли превратились в объекты спекуляции, резко ухудшилось торговое обслуживание лесных поселков и сельской местности. Рухнула система бытового обслуживания населения.

Приватизация должна была избавить государство от бремени содержания наименее эффективных предприятий и объектов. Но решить эту задачу не удалось. В условиях экономического кризиса оказалось невозможным найти нового собственника, способного вложить средства в реконструкцию и развитие производства, обеспечить повышение его эффективности. С одной стороны, для этого требуется длительный период. Но с другой, сказались и ошибки, допущенные в процессе проведения приватизации. Так приватизация путем преимущественного выкупа акций или собственности трудовыми коллективами в принципе не могла создать эффективного собственника — у них не было необходимых для развития производства средств. Низкая номинальная стоимость приватизационных чеков и возможность их использования в качестве платежного средства привели к перераспределению первоначально распределенных ваучеров, массовой их скупке. Появился слой держателей крупных пакетов акций. Приватизация приобрела спекулятивный, зачастую криминальный характер. В результате перераспределения акций держатели контрольных пакетов, как правило, не стали эффективными собственниками, заинтересованными в развитии производства. Многочисленные держатели мелких пакетов акций не могли стать эффективными собственниками и были заинтересованы лишь в потреблении. Владельцы крупных пакетов акций были заинтересованы в личной наживе, а не в развитии производства. Среди последних оказалось немало представителей партийной, советской, хозяйственной номенклатуры, использовавших свое положение для извлечения максимальной выгоды из приватизации. В результате вместо повышения эффективности производства произошло его снижение. Вместо инвестиций новые собственники проедали уже имеющееся. Приватизация разрушила неэффективную экономику, основанную на государственной собственности. Но она не создала новой, эффективной экономики.

Важная задача приватизации заключалась в увеличении бюджетных доходов. В 1992—1994 гг. доходы составили 17,7 млрд руб., из которых в республиканский и местный бюджеты поступила незначительная сумма — 8,8 млрд руб.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОГО ТИПА
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ
"ГЕРМЕС - СОЮЗ"
г. Тюмень
АКЦИЯ
№ 10097107
ТРЕТИЙ ВЫПУСК
обыкновенная именная
Акция дает право на один голос
Уставный капитал общества - 110.000.000.000 (сто десять миллиардов) рублей
Номинальная стоимость акции - 10.000 (десять тысяч) рублей
Выпущено именных акций - 10.000.000 (десять миллионов) штук
Выпуск акций зарегистрирован Министерством Финансов Российской Федерации 13 января 1994 года, регистрационный номер МФ 67-1-0570
ГЕРМЕС-СОЮЗ
Председатель Совета директоров В. Неверов
Президент Г. Данилов
© МПФ Гознак, 1994.

В 1994—1997 гг. проходил второй этап приватизации, осуществлявшийся на основе "Карельской республиканской программы приватизации государственных и муниципальных предприятий после 1 июля 1994 г.", утвержденной Верховным Советом РК 7 марта 1994 г. Этот документ предусматривал направление 20% полученных от приватизации средств в республиканский бюджет, из них половина должна была идти на поддержку предпринимательства в Карелии. В соответствии с новой Программой все объекты республиканской собственности подразделялись на подлежащие приватизации по решению Председателя Правительства РК, по решению Госкомсобственности РК, на подлежащие обязательной приватизации и те, что приватизировать запрещалось. Особо выделялись расположенные в Карелии объекты федеральной собственности, приватизация которых должна была осуществляться по решению правительства РФ. Предполагалось, что 80% средств, полученных от приватизации объектов муниципальной собственности, поступит в местные бюджеты, по 10% — в республиканский и федеральные бюджеты. 5% средств от приватизации республиканской собственности зачислялись в Фонд реконструкции и развития народного хозяйства Республики Карелия с соответствующим уменьшением доли средств, зачисляемых в республиканский бюджет, до 40%.

Второй этап приватизации в республике характеризовался переходом от преимущественно безвозмездной передачи государственной собственности с использованием приватизационных чеков к ее продаже по ценам, определяемым рынком. Ставилась задача обеспечить в процессе приватизации максимальный приток инвестиций[11]. Основным способом приватизации становились денежные аукционы и инвестиционные конкурсы. В 1995—1996 гг. приватизации подверглись 97 предприятий, в том числе

67 ранее находившихся в муниципальной собственности, 28 — в республиканской и 3 — в федеральной собственности.

В 1997 г. с принятием Закона "О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации" начался третий этап этого процесса, продолжающийся по сегодняшний день. Его особенностями являются переориентация на повышение эффективности как экономики в целом, так и отдельных предприятий, отказ от массовой распродажи государственной собственности.

Всего в 1992—1997 гг. было приватизировано 972 предприятия и объекта. 66% из них ранее относились к муниципальной собственности, 32% — к республиканской и только 2% — к федеральной. Сложилась следующая отраслевая структура приватизированных объектов: 34% — торговля, 25% — промышленность, 8% — общественное питание, по 7% — строительство и бытовое обслуживание, 3% — транспорт и связь, 2% — сельское хозяйство. От приватизации государственного и муниципального имущества в 1992—1997 гг. получено 32,2 млрд руб. и 1169 ваучеров. 37% вырученных средств поступили в местные бюджеты, 23% — в республиканский, 14% — в федеральный, 11% — органам, проводившим приватизацию и т. д.

Приватизация привела к формированию негосударственного сектора экономики с преобладанием частной собственности и многообразными организационно–правовыми формами. Доля частных предприятий в торговле и общественном питании в 1997 г. составляла 82%, в строительстве — 62%, в промышленности — 56%. Это обеспечило базу для дальнейшего осуществления рыночных реформ. В то же время форсированная и массовая приватизация, успешно решив задачу разрушения прежней экономической системы, основанной на единой государственной форме собственности, не создала в большинстве случаев нового эффективного собственника, заинтересованного в развитии производства.

Важнейшей составной частью перехода к рынку стало реформирование системы и методов управления социально–экономическим развитием, суть которой заключалась в переносе центра тяжести с административных на экономические методы. Государственное регулирование регионального развития осуществляется как федеральными органами в рамках общей региональной политики РФ, так и непосредственно региональными органами. При этом огромное значение приобретают взаимоотношения между федерацией и ее субъектами. Эти взаимоотношения выстраиваются по нескольким направлениям. Во–первых, складываются новые межбюджетные отношения. Во–вторых, происходит разграничение государственной собственности на федеральную собственность, собственность субъектов федерации и муниципальную собственность. С этой целью 26 мая 1993 г. правительства Российской Федерации и Республики Карелия подписали Соглашение о разграничении государственной собственности между Российской Федерацией и Республикой Карелия. Проблема четкого разграничения компетенции и ответственности в распоряжении собственностью между Российской Федерацией, Карелией и органами местного самоуправления остается актуальной, особенно применительно к природным ресурсам.

В результате разграничения государственной собственности, находящейся на территории Карелии и подлежащей учету в процессе приватизации, на 1 января 1997 г. было зарегистрировано 12 315 субъектов хозяйствования. Из них 8,7% находились в государственной собственности, 6,5% — в муниципальной, 67,2% — в частной, 8,2% — в смешанной российской собственности, 2,6% — в смешанной собственности с иностранным участием, 0,8% — в иностранной собственности. 52% субъектов хозяйствова-

ния сосредоточено в торговле и общественном питании, 16% — в промышленности, 10% — в строительстве. 57% предприятий и организаций зарегистрировано в Петрозаводске.

Сложной проблемой оказалось управление государственной собственностью в рыночных условиях. К 1998 г. в республиканской собственности осталось 146 предприятий и 156 учреждений. Сформировалась следующая отраслевая структура государственного сектора экономики: 27% — предприятия сельского хозяйства, 11% — строительства, 10% — полиграфии, 8% — торговли и всего 4% — лесного комплекса. При этом большинство государственных предприятий находятся в тяжелом положении, работают неэффективно. Такая ситуация в значительной степени является следствием незавершенности процесса адаптации органов государственной власти и управления к работе в новых условиях.

Демографическая ситуация в Карелии на протяжении 1990–х гг. характеризовалась кризисными явлениями. В 1992 г. начался процесс сокращения численности населения республики. Если к концу 1991 г. она составляла 799,4 тыс.человек, то в 1997 г.— 776,4 тыс. человек. Причинами этого являются низкая рождаемость и высокая смертность населения. Уровень рождаемости в республике на 1/3 ниже необходимого для простого сохранения численности населения. Только в г. Костомукше рождаемость превышает смертность.

Снижается число заключаемых браков. Растет число разводов. Если в 1991 г. было зарегистрировано браков в 2,1 раза больше, чем разводов, то в 1993 г. — только в 1,2 раза. В Костомукше и Кондопоге в отдельные годы распадалось семей больше, чем возникало. Около трети браков — повторные. С 1992 по 1994 гг. вдвое выросло число детей, оставшихся без попечения родителей. Уровень смертности в Карелии является самым высоким среди регионов Северного экономического района. Особенно велика смертность среди населения трудоспособного возраста, причем у мужчин она вчетверо выше, чем у женщин. Так, в 1996 г. 33,5% умерших находились в трудоспособном возрасте. Основными причинами смертей являются болезни органов кровообращения, несчастные случаи, новообразования. Средняя продолжительность жизни снизилась за 1991— 1995 гг. с 62 до 55 лет у мужчин и с 74 до 69 лет у женщин.

В то же происходит быстрое старение населения. Растет число пенсионеров. Сокращается доля занятых в народном хозяйстве. Увеличивается отток населения из республики в другие регионы страны и за рубеж (в Белоруссию, на Украину, в Финляндию, Германию, США, Израиль). Одновременно все больше людей приезжают на постоянное место жительство из Казахстана, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Таджикистана и Прибалтики. Доля русских среди иммигрантов составляет 82%. В целом Карелия остается одним из слабозаселенных регионов России. При доле территории в 1% она имеет 0,5% населения страны. Плотность населения долгое время остается стабильной и составляет 4,4 человека на 1 кв. км. В республике имеется около 700 населенных пунктов, в том числе 12 городов и 12 поселков городского типа. Доля городского населения — 73,8%. Наиболее крупными городами остаются Петрозаводск (282,8 тыс.человек), Кондопога, Сегежа, Костомукша, Сортавала.

Структура национального состава населения на протяжении 1990–х гг. оставалась стабильной. По данным микропереписи населения 1994 г. русские составляют 73,7%, карелы — 10,8, белорусы — 6,7, украинцы — 3,1, финны — 2,9, вепсы — 0,6%. Русский язык является основным для 87% населения республики. Свободно им владеют 99% населения. Около 100 тыс. человек говорят на финно–угорских языках.

Социально–экономический кризис 1990–х гг. привел к резкому сокращению финансирования сферы культуры, ухудшению ее материально–технической базы. Однако огромный историко–культурный, духовный, творческий потенциал культуры Карелии позволил ей не только сохраниться, но и продолжать развиваться. Этому способствовала также государственная культурная политика, направленная на сохранение самобытной национальной культуры, культурного наследия, на содействие развитию литературы и искусства, возрождение и сохранение духовных традиций. Правительством разработаны и реализуются "Концепция развития культуры в Республике Карелия до 2008 г.", программы "Развитие сферы культуры в Республике Карелия на период до 2010 г.", "Сохранение и развитие культуры в сельской местности на 1999 —2001 гг." Большую работу по поддержке учреждений культуры проводят органы местного самоуправления.

В результате удалось сохранить многопрофильную сеть учреждений культуры, многие из которых на протяжении десятилетий составляют гордость республики. К их числу относятся музеи, театры, библиотеки, концертные и другие организации. Карелия располагает уникальными памятниками истории и культуры. На государственном учете состоят 3944 единичных памятника, 160 исторических населенных мест, 40 историко–культурных комплексов, 18 историко–культурных территорий. Под государственной охраной находятся 1275 зданий и сооружений, в том числе 64 — федерального значения[12].

Большими коллекциями располагают Музей изобразительных искусств РК, государственный историко-архитектурный и этнографический музей–заповедник "Кижи", включенный в 1993 г. указом Президента РФ в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации и решением ЮНЕСКО — в список Всемирного природного и культурного наследия, Карельский государственный краеведческий музей, располагающийся с 1993 г. в зданиях историко–архитектурного ансамбля конца XVIII в. "Круглая площадь". Краеведческим музеем в 1990–е гг. подготовлены выставки, проведение которых ранее было бы невозможным: "История ББК", "Долгая дорога домой" (о судьбах североамериканских финнов–иммигрантов в Карелии в 20—30–е гг.), "Культура староверов Выга".

Библиотечную сеть республики возглавляет Национальная библиотека РК, получившая нынешний статус в 1992 г. Она располагает более 1,5 млн экземпляров книг, журналов, газет и других носителей информации. Национальная библиотека РК выполняет функции межобластного депозитария для регионов Северо–Запада России и республиканской Книжной палаты. В 1993 г. началось осуществление программы "Автоматизация и технологическое переоснащение библиотек Республики Карелия".

Ведущими театрами республики остаются Русский драматический, отметивший в 1997 г. свое 90–летие, Музыкальный, Национальный. Все большую популярность в Карелии и за ее пределами завоевывает театр "Творческая мастерская". В 1996 г. с успехом прошли его гастроли в Германии. Важнейшим событием театральной жизни республики является ставший традиционным международный фестиваль камерных спектаклей "Ламбушка".

В 1996 г. праздновалось 60–летие государственного ансамбля песни и танца "Кантеле", наиболее известной концертной организации республики. Была проведена реорганизация Карельской государственной филармонии, в состав которой вошли оркестр русских народных инструментов под руководством Г.Миронова и единственный на Северо–Западе России симфонический оркестр, возглавляемый с 1992 г. О.Солдатовым.

Наряду с традиционными, на протяжении 1990–х гг. возникали инновационные культурно–досуговые учреждения: клубы–музеи, центры досуга, клубы–библиотеки. Так, в 1994 г. в Петрозаводске открылся Морской историко–культурный центр "Полярный Одиссей". С 1996 г. в его составе действует морской музей.

К числу новых организаций относятся и национально–культурные общества: Союз карельского народа, Ингерманландский союз финнов РК, общества вепсской, еврейской, грузинской, армянской, белорусской культуры, национально–культурные автономии украинцев и греков, Карельское общество друзей Финляндии и др. В 1992 г. в целях развития национальных культур, удовлетворения специфических культурных потребностей и интересов народов Карелии начал работать Республиканский центр национальных культур.

Неотъемлемой частью культурной жизни республики стали международные фестивали "Кантеле", "Мельница", "Музыка, юность, надежда", "Калевальский карнавал", фестивали камерной музыки и современной рок–музыки в Костомукше, джазовой музыки "Звезды и мы".

* * *

Анализ общественно–политической и социально–экономической ситуации в России и Карелии в 1990–е гг. показывает, что переходный период только начинается. Накоплен определенный, в значительной степени негативный, опыт политических и экономических реформ. На смену легковесным представлениям о возможности форсированной модернизации страны приходит понимание огромной сложности решаемых задач. Делаются первые попытки осмыслить результаты реформаторской деятельности в последнее десятилетие XX века и на этой основе скорректировать тактику и стратегию реформ. Одним из шагов в этом направлении стала разработка Концепции социально–экономического развития Республики Карелия на период 1999—2002—2010 гг[13].

Наметившиеся в 1999—2000 гг. позитивные изменения позволяют надеяться на то, что республика вступает в новый этап своего развития, когда, наконец, реформы дадут свои результаты и начнется экономический рост, ускорится решение проблем во всех сферах жизни общества, стабилизируется политическая ситуация.

8 июня 2000 г. отмечалось 80–летие образования Республики Карелия. К этому юбилею Карелия подошла с первыми положительными результатами реализации разработанной Концепции социально-экономического развития республики. Как отметил Председатель Правительства РК С.Л.Катанандов, выступая на торжественном собрании по случаю юбилея, "после длительного простоя многие предприятия восстановили производство, набирает обороты промышленность... Трудом, опытом и знаниями многих поколений обустраивается республика, укрепляется ее экономическое и финансовое положение... Политическая стабильность, природные ресурсы, высокий уровень науки и образования, мощный производственный и интеллектуальный потенциал – залог успешного движения вперед, повышения благосостояния населения"[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

[1] Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С.125—208; Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.

[2] Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940; Брюсов А.Я. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; Линевский А.М. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940; Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА №29. Л., 1952; Гурина Н.Н. Древняя история Северо–Запада Европейской части СССР // МИА №87. М.; Л., 1961; Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997; Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 5–30.

[3] Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: Сб. статей. Л., 1974; Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.

[4] Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С.7.

[5] Геология Карелии. Л., 1987.

[6] Елина Г.А. Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981.

[7] Археология Карелии. С.36—61; Мезолит СССР: Археология СССР. М., 1989.

[8] Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969; Девятова Э.И. Природная среда позднего плейстоцена и ее влияние на расселение человека в Северо–Двинском бассейне и Карелии. Петрозаводск, 1982; Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986.

[9] Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА №47, М.; Л., 1947.

[10] Археология Карелии. С.62—148; Ошибкина С.В. Неолит восточного Прионежья. М., 1978.; Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

[11] Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене...

[12] Археология Карелии. С.65.

[13] Там же. С.76—77.

[14] Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы: Сб. статей. Л., 1995.

[15] Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.

[16] Энеолит СССР: Археология СССР. М., 1982. С.5—9; Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.

[17] Журавлев А.П. Пегрема. Петрозаводск, 1991.

[18] Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987. С.10—28, 137—156.

[19] Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы — железного века в Карелии. СПб., 1993. С.24—62; Археология Карелии. С.193—198.

[20] Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялова В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

[21] Археология Карелии. С.367—370.

[22] Косменко М.Г. Указ. соч. С.138—139.

[23] Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб, 1994. С.118—119.

[24] Археология Карелии. С.377.

[25] Муллонен И.И. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья // Белозерская весь. Петрозаводск, 1991. С.192—194.

К главе II

[1] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С.265.

[2] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М., 1982. С. 229; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С.214; Славяне и скандинавы. М., 1986. С.190—192.

[3] Археология Карелии. Петрозаводск, 1996 (Далее — АК). С.310, 380; Бубрих Д.В.: 1) Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С.17, 31; 2) Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып.5. Л., 1971. С.17; Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990 (Далее — ПИК). С.101, 107.

[4] Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С.100—101.

[5] АК. С.272—280; Кочкуркина С.И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С.103—112; Спиридонов А.М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С.29—48.

[6] АК. С.286—310.

[7] ПИК. С.115; Кочкуркина С.И. Древняя Корела. Л., 1982. С.29, 36, 165.

[8] Кочкуркина С.И. Древняя Корела. С.29, 36; Спиридонов А.М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тыс. н.э. // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С.140.

[9] Жербин А.С., Шаскольский И.П. Особенности развития феодализма в Карелии (XI—XVI века) // История СССР. 1982, № 4. С.134.

[10] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Далее — НПЛ). С.176; Исландские саги. М., 1956. С.78—79; Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С.52—54.

[11] АК. С.309, 315—317.

[12] Экман И.М., Журавлев А.П. О древнейшем землетрясении в Карелии по данным хроно- и биостратиграфических исследований // Геология докембрия центральной и южной Карелии: Оперативно-информационные материалы. Петрозаводск, 1986. С.51—54; АК. С.303.

[13] Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С.24—28; Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. S.72—76; Гомилевский В.И. С Крайнего Севера России // Сельское хозяйство и лесоводство. 1878. Май—август. С.30—32.

[14] Кочкуркина С.И. Древняя Корела. С.34; АК. С.303, 319.

[15] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л, 1949 (Далее — ГВНП). С.289, 291, 295; Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С.71—74.

[16] Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 г. (1500 г.) Город Корела с уездом // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн.12. М., 1852. [Далее — Писцовая книга 1500 г.]. С. 140.

[17] АК. С.301—303, 326—330, 334—335.

[18] Кочкуркина С.И. Древняя Корела. С.163—164.

[19] НПЛ. С.374; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т.5. 1851. С.235.

[20] ПИК. С.44; Кочкуркина С.И. Древняя Корела. С.37—40.

[21] НПЛ. С.367, 379; Писцовая книга 1500 г. С.5—7.

[22] ГВНП. С.18—19; ПИК. С.42—43; Северные грамоты XV в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг. Вып.35. Л., 1929. С.135—164; Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. Л., 1987. С.119.

[23] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С.72—73.

[24] Северные грамоты XV в. С.135—164; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С.207—208.

[25] Чудские памятники и предания о "панах" // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. С.113—117.

[26] Памятники русского права. Вып.2. М., 1953. С.117—118, 121—122.

[27] ГВНП. № 284; Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955. С.16—17; Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С.236—244.

[28] Герд А.С.: 1) Русские говоры в бассейне реки Ояти // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С.188—194; 2) К истории образования говоров Заонежья // Северорусские говоры. Вып.3. Л., 1979. С.206—211; Семакова И.Б. Антропологические особенности суйсарян и их влияние на певческую культуру // Село Суйсарь: История, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С.263.

[29] РГАДА. Ф.159. Приказные дела новой разборки. Оп.3. Д.145. Л.1—6.

[30] ГВНП. С. 147.

[31] ГВНП. С.309—310; Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. С.268.

[32] Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С.21—25.

[33] Подробнее см.: Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С.56—58.

[34] РГАДА. Ф.96. Сношения со Швецией (Коллекция дел и документов). Оп.3. Д.34. Л.16; Данилова Л.В. Очерки... С.268; История северного крестьянства. Т.1. Крестьянство европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С.56.

[35] Срезневский И.И. Академический словарь церковно–славянского и русского языка. Т.3. СПб., 1848. С.172; Самоквасов Д.Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно–вотчинных учреждений Московского царства. Т.2. Ч.1. М., 1909. С.26; Ч.2. С.386.

[36] Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.197, 200.

[37] Данилова Л.В. Очерки... С.79.

[38] Криничная Н.А. Русская историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С.39; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С.53, 57, 74; История северного крестьянства. Т.1. С. 76.

[39] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С.68—71.

[40] Янин В.Л.: 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Новгородская феодальная вотчина. Историко–генеалогическое исследование. М., 1981; 3) Новгородские акты XII—XVвв. М., 1991.

[41] НПЛ. С.95, 325, 337.

[42] Крохин В. История карел // Русская старина. 1908. Июнь. С.226, 382; Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море... С.19; Моора Х.А., Лит Х.М. К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С.135—136.

[43] Арциховский А.В., Борковский В.И.: 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С.73—76, 104—105; 2) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). С.66—67; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С.98, 193.

[44] Писцовая книга 1500 г. С.165.

[45] Сага о Скъёльдунгах. Фрагмент о древних конунгах // ПИК. С.129.

[46] Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна // ПИК С.123—129; Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.79—80.

[47] Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С.16—19.

[48] Погибшего в новгородско–суздальской Липицкой битве 1215 г. "Съмьюна Петриловиця, тьрьскаго даньника" летопись назвала в числе очень немногих убитых в сражении знатных новгородцев (НПЛ. С. 18, 57, 201, 257).

[49] Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.: Сб. статей. Л., 1970. С.46.

[50] Олонецкие губернские ведомости. 1868. № 51; Криничная Н.А. Русская историческая проза. С.64.

[51] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С.49.

[52] НПЛ. С.24, 25, 209, 210.

[53] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С.147—148; Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. С.138—142. ПСРЛ. Т.2. 1843. С.274.

[54] РГАДА. Ф.159. Оп.3. Д.145. Л.4—6.

[55] ГВНП. С.11—12; Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. С.142—146.

[56] НПЛ. С.82—83, 310—311.

[57] Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Дополнены и изданы высочайше учрежденной комиссией. СПб., 1836 (далее — ААЭ). С.18—19; ГВНП. С.11.

[58] Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). С.21—25.

[59] НПЛ. С.507—508; Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. С.146—147; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С.25—26, 264, 472, 530; Буров В.А. О сотнях и тысячах Новгородской земли (к проблеме административно-территориального деления Новгородского государства) // Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С.114—137.

[60] ГВНП. С.13, 16, 20; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С.105—107.

[61] Янин В.Л. Новгородские посадники. С.174.

[62] ПИК. С.114—115; Головинский М.В., Ядрышев П.К. История финского народа. СПб., 1901. С.65.

[63] Писцовая книга 1500 г. С.1—188.

[64] Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981. С.131; ГВНП. № 29; Лебедев Г.С. Северо-Запад Новгородской земли: Этапы и итоги развития к середине XIII века (по археологическим данным) // Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С.108—113.

[65] Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Bisantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963. S.31.

[66] НПЛ. С.26, 27, 212, 213; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т.7. 1856. С.45.

[67] Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С.58—59, 99—101.

[68] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т.1. 1962. С.449; Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. S.73—74; Хёш Э. Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке // Александр Невский и его эпоха. С.70.

[69] ГВНП. № 38; НПЛ. С.89, 321; Буров В.А. Указ. соч. С.134—135.

[70] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С.72—73; НПЛ. С.387; Писцовая книга 1500 г. С.122—123, 136; Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ. соч. С.26—27.

[71] Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. I. Петрозаводск; Йоэнсуу. 1987. С.189—192, 195—197, 220—222, 228—232; Греков Б.Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч.1 // Избр. труды. Т.4. М., 1960. С.185.

[72] РГАДА. Ф.96. Оп.1/1620. Д.1. Л.117—118.

[73] Геннадий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова. Предисловие к "Пасхалии на осьмую тысячу лет", 1492/93 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф.29. Собрание рукописных книг А.В. Горского XVI—XIX вв. Описание 1. Ед.хр.40. Сборник сказаний, апокрифов, патериковых повестей и слов, гл.46. Л.55—62 об.

[74] НПЛ. С.78, 295; Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С.200, 206—226.

[75] НПЛ. С.88, 89, 319, 321; Гадзяцкий С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С.75—76.

[76] НПЛ. С.323; Софийская первая летопись. С.199.

[77] НПЛ. С.327; Софийская первая летопись. С.201.

[78] НПЛ. С.327, 328; Софийская первая летопись. С.202.

[79] ПИК. С.39; ПСРЛ. Т.2. С.274.

[80] Киркинен Х. История Карелии с древнейших времен до Ништадского мира // История карельского народа/ Пер. с фин. Петрозаводск, 1998. С.32—35.

[81] Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978. С.112.

[82] Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т.4. 1848. С.119.

[83] Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinais-karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica humanistica, 11. Joensuu, 1998. S.113—114.

[84] Рыдзевская Е.А. Сведения по истории Руси XIII в. в "Саге о короле Хаконе" // Исторические связи Скандинавии и России. С.325—326; Шаскольский И.П. Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. 1945. № 1. С.114; Джаксон Т.А. Александр Невский и Хакон Старый: Обмен посольствами // Александр Невский и его эпоха. С.136.

[85] Медынцева А.А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С.53—75; Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С.252—256.

[86] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С.72—73; НПЛ. С. 387.

[87] ГВНП. С.309 — № 322; Собрание государственных грамот и договоров. Ч.1. М., 1813. С.436—437.

[88] Северные грамоты XV в. С. 153.

[89] Там же. С.139, 149.

[90] Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. С.254—256.

К главе III

[1] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн.2. М., 1993. С.68—71; Носов Н.Е. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С.152.

[2] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.1 М., 1813 (Далее — СГГД). С.436—439.

[3] РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.99. Л.287 об.—288; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1. СПб., 1846 (Далее — ДАИ). С.71—72.

[4] РГАДА. Ф.27. Оп.1. Д.5. Список с грамот царя Ивана IV Васильевича шведскому королю, 1571—1573 гг. 30 л.

[5] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941. — (Далее Материалы...). С. 148—149, 169, 247—249, 272—274, 330—335; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (Далее — РИБ). Т.2. СПб., 1875. Ст. 365—370.

[6] РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.36. Л.7 об.—10; Д.83. Л.23 об.—34.

[7] М.М. Богословский, по источникам XVII в., находил четыре заонежских стана: Олонецкий, Оштинский, Выгозерский и Водлозерский (Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т.1. М., 1909. С.31, 38, 40). Н.Е. Носов, соглашаясь с ним, обнаружил в материалах XVI в. сведения лишь о трех станах: на Выгозере, Водлозере и в Оште (Носов Н.Е. Становление сословно-представительских учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С.484, 498—501).

[8] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.17. Л.63 об., 66, 68; Ф.1209. Оп.1. Д.8551. Л.97—159 об.; Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898 (Далее — Акты Юшкова). С.121—122; Материалы... С.163; РИБ. Т.2. Ст.353—358.

[9] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.17. Л.3—10; Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.921—922 об.; Лихачев Н.П., Мятлев Н.В. Тысячная книга 7059—1550 гг. Орел, 1911. С.79; Материалы... С.162—164.

[10] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.17. Л.13—33 об.; Д.8554. Л.422—919; Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Писцовые книги Обонежской

пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930 (Далее — ПКОП). С.77—86, 247.

[11] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.17. Л.56об.—65 об.; Д. 8554. Л.921—922 об.

[12] Там же. Ф.181. Оп.1. Русские летописи и хронографы (XVI—XIX вв.). Д.99. Разрядная книга 1493—1609 гг. Ч.1. 1493—1575 гг. Л.25—25 об.; Д.111. Разрядная книга ("наказные списки боярам") 1493—1631, 1632 гг. Л.47—48; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С.32; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1. Ч.1. М., 1977. С.67; Лихачев Н.П. Государев родословец и род Адышевых // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып.10. СПб., 1897. С.57—58; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С.246.

[13] Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч.4. Пруссия, Франция и Швеция. М., 1909. С.116—118; Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä karjalaan. II. Karjala taistelukenttänä. Helsinki, 1976. S.26, 31.

[14] РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.99. Л.397—397 об.; История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987 (Далее — История Карелии, I). С.55, 75.

[15] РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.111. Л.245 об.

[16] Там же. Д.99. Л.338, 344, 367, 391, 403—403 об., 428—429, 433, 454—455 об., 468, 482, 486, 525, 544; Д.130. Разрядная книга 1521—1617 гг. Л.25, 41 об., 67, 74 об.; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т.2. Ч.2. М., 1982. С.378—379.

[17] Савич А.А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Севере в древней Руси. Пермь, 1927. С.55—57; Kirkinen H. Ibid. S.136—139.

[18] Данные о полномочиях старост, старожильцев и других "людей добрых" за XVI — начало XVII в. см.: ПКОП. С.166, 182, 203, 209, 215, 240, 244; История Карелии, I. С.73—76; Материалы... С.133—136, 143—144, 154, 192, 342—343, 368—379; Акты социально-экономической истории Северо-Запада России XV—XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря (Далее — АСМ). Т.1. 1479—1571 гг. Л., 1988. С.135—136, 177, 180—181; ДАИ. С.144—146, 294—299; РИБ. Т.35. Пг., 1917. С.7—8; Акты Юшкова. С.188—189.

[19] История Карелии, I. С.20; АСМ. Т.1. С.59—61; Акты Юшкова. С.121—122; Материалы... С.151—154.

[20] См., например: жалованные грамоты Василия III и Ивана IV Валаамскому монастырю 1507 и 1540 гг. (РИБ. Т.32. Пг., 1915. Ст.1095—1099) и Соловецкому монастырю 1539, 1541, 1550 и 1551 гг. (АСМ. Т.1. С.50—52, 54—56, 96—97, 103—104).

[21] ДАИ. С.144—146; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С.271—273.

[22] Материалы... С.190—193; АСМ. Т.1. С.185—186; Богословский М.М. Указ. соч. С.12—13.

[23] ДАИ. С.121—122.

[24] Салинген, Симон ван. Русские в Лапландии в XVI в. // Литературный вестник. Т.1. Кн.3. СПБ., 1902. С.295—307.

[25] АСМ. Т.1. С.213, 216.

[26] Там же. С.219, 221, 226—227, 237—238; АСМ. Т.2. 1572—1584 гг. Л., 1990. С.27—28, 31, 38, 41, 48—50, 57, 62—63, 70, 72, 74, 76, 91, 100, 104—106, 132, 125, 128—129, 134, 144, 150, 153—155.

[27] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии Наук. Т.1. СПб., 1836. (Далее — ААЭ). С. 363—365; Материалы... С. 308—312, 327—330; Гальперин Г.Б. Формы правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964. С.71; Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 199—200; Рогожин М.М. Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1996. С. 38, 98, 185.

[28] Ушаков И.Ф. Указ. соч. С.73—74. О дипломатических усилиях России см.: РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.99. Л.922об.—923; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т.2. Вып.2. М., 1976. С.176, 202; РИБ. Т.16. СПб., 1897. Ст.217—238, 309—326, 377—378.

[29] АСМ. Т.2. С.115; Материалы... С.184—286, 306—308, 311, 316—319; Савич А.А. Указ. соч. С.55—57.

[30] Сборник грамот Коллегии экономии. Т.2. Л., 1929. (Далее — СГКЭ). С.465—469; Карелия в XVII в. Сб. документов. Петрозаводск, 1948. С.28—30, 38.

[31] РИБ. Т.35. С.7—8; ДАИ. С.294—299.

[32] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.136—138 об.; Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // Памятники отечественной истории. Вып.2. Ч.2. М., 1984. С.176—239.

[33] Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от "Смутного времени" до кануна Петровских времен. Л., 1986. С.104—107, 111—113; Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С.66—78; Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России: Первая половина XVIII века. М., 1964. С.21, 22.

[34] ДАИ. С.253—254.

[35] Акты времен правления царя Василия Шуйского (1606 г., 19 мая — 17 июня 1610 г.) / Сост. А.М. Гневушев. М., 1914. С.92.

[36] Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С.48—49.

[37] Акты времен правления царя Василия Шуйского. С.136—141.

[38] Карелия в XVII в. С.21—23.

[39] Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии... С.73—79. И.П. Шаскольский приводит мнение Н.М. Карамзина, поставившего героическую оборону Корелы в один ряд с прославленной обороной Смоленска от поляков в 1609—1611 гг.

[40] Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып.5. Новгород, 1911. Июль. С.3—11.

[41] ДАИ. С.285—286, 294—299.

[42] РИБ. Т.35. Ст.213—215.

[43] РГАДА. Ф.96. Оп.1/1620. Д.1. Л.118.

[44] Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии... С.88—104.

[45] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.933 об.—934; Ф.210. Оп.17. Д.8. Ст.2. Л.5—11, 104—105.

[46] Там же. Ф.159. Оп.2. Д.480. Л.1—1 об.

[47] Там же. Ф.96. Оп.1/1619. Д.1; Оп.1/1620. Д.1; Оп.1/1621. Д.1.

[48] Там же. Ф.137. Д.20. Л.46—48 об.; Д.30-А. Л.17; Д.34. Л.9 об.—10; Ф.159. Оп.3. Д.93. Л.54—65.

[49] Там же. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.925, 926 об., 933 об.—934; Чернякова И.А. Указ. соч. С.78—79.

[50] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.980; Карелия в XVII в. С.36—37, 55—59.

[51] Карелия в XVII в. С.62—66, 71—72.

[52] См., например: РГАДА. Ф.137. Олонец. Д.2.; Д.3.; Д.4.

[53] См.: Там же. Д.4.

[54] Там же. Д.2. Л.3 об.—4; Д.3. Л.25 об.—26; Д.4. Л.188 об., 204—204 об., 253 об.—254.

[55] См., например: РГАДА. Ф.138. Дела Посольского приказа и служащих в нем. Оп.1/1696. Д.12; Оп.1/1699. Д.29.

[56] Там же. Ф.137. Боярские и городовые книги. Олонец. Д.4. Л.173—219, 272—316 об.; Поместный приказ. Д.3. Переписная книга карелов — зарубежных выходцев, 1667 г.; Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / Сост. А.П. Барсуков. СПб., 1902. С.77—78.

[57] Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947. С.123—130; Чернякова И.А. Указ. соч. С.120—122.

[58] Карелия в XVII в. С.193.

[59] Там же. С.211—212.

[60] РГАДА. Ф.159. Оп.3. Д.32. Л.1—3 об., 4 об.—5; Ф.137. Тотьма. Д.60. Л.582 об.—583.

[61] Там же. Ф.138. Оп.1/1689. Д.1.; Ф.137. Соль Камская. Д.2.

[62] Ключевский В.О. Указ. соч. С.405.

[63] Подсчитано по: История Русской церкви. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. С.716—718.

[64] Барсуков Н.А. Соловецкое восстание (1668—1676 гг.). Петрозаводск, 1954. С.36—63.

[65] Старостина Т.В. Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70-е гг. XVII в. //

Ученые записки Петрозаводского университета. Т.VII. Вып.1. Петрозаводск, 1958. С.59—63, 69—72.

[66] Жербин А.С. Социально-экономическое развитие Карелии в XVII в. / Рукопись. Л.25.

[67] Демкова Н.С. О начале Выговской пустыни: Малоизвестный документ из Собрания Е.В. Барсова ("Распросные речи" шунжанина Терешки Артемьева в Олонецкой приказной избе 20 апреля 1695 г.) / Публикация // Памятники литературы и общественной мысли. Новосибирск, 1985. С.237—248; Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XXв.). М., 1999. С.71—77, 118.

[68] Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. С.219.

[69] Цит. по: Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956. С.29, 31.

[70] Там же. С.37.

[71] РГАДА. Ф.27. Оп.1. Д.18. Л.133—143.

[72] Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в.: Сб. документов. М., 1897. С.282—283; Карелия в XVII в. С.36—37.

[73] РГАДА. Ф.159. Оп.2. Д.481. Л.1; Д.622.

[74] Жербин А.С. Переселение карел... С.43.

[75] РГАДА. Ф.27. Оп.1. Д.18. Л.428—550.

[76] Кан А.С. Стокгольмский договор 1649 г. // Скандинавский сборник. Вып.1. Таллин, 1956. С.116.

[77] РГАДА. Ф.137. Олонец. Д.4. Л.153, 188 об., 201 об.—202; Ф.137. Поместный приказ. Д.3. Л.43—43 об., 50, 89 об., 100—100 об., 103—103 об.

[78] Там же. Ф.137. Олонец. Д.4. Л.252—253 об., 300 об.—302 об., 358—359, 431 об.—433.

[79] История Европы. Т.4. Европа Нового времени (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С.221; Шаскольский И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998; Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Февраль. С.210—277; Апрель. С.321—354; Май. С.48—103; Июнь. С.311—350; 1899. Июнь. С.277—339; Сентябрь. С.47—92.

[80] Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотской пятины: Корела с уездом // Временник МОИДР. Кн.12. М., 1852. С.1—188. Здесь и далее в главе подсчеты проведены по методике Т.И. Осминского. По его данным, в России XVI—XVII вв. среднестатистическая населенность двора с одним тяглецом составляла 5 человек обоего пола на семью, а с двумя — 7,5 человека. См.: Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. (Далее — АИСЗР).С.19—20.

[81] Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии, I. С.52—178. Данные подсчеты превышают цифры Х. Киркинена, указавшего численность населения Корельского уезда к середине XVI в. в 35—40 тыс. человек (См.: Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä karjalaan. Helsinki, 1971. I. Venäjän renessansilla (1478–1617). S.41—42.). Х. Киркинен пользовался другой методикой подсчетов.

[82] Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т.2. Ч.2. М., 1909. С.59—125.

[83] Там же. С.372—396.

[84] Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590 / Переписная книга Кексгольмского лена 1590 г.// История Карелии, I. С.265—282; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т.3. Ч.3. М., 1989. С.17—18.

[85] ДАИ. С.253—254.; РИБ. Т.35. С.13—14.

[86] ПКОП. С.1—17, 29—48, 57—254; Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С.109; АИСЗР. С.256; Х. Киркинен дает цифры в 30—35 тыс. человек. См.: Kirkinen H. Ibid. S.41—42.

[87] История Карелии XVI—XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993 (Далее: История Карелии, III). С.34—341.

[88] Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915. С.53; Рожков Н.А. Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI в. М., 1899. С.334.

[89] Самоквасов Д.Я. Архивный материал... Т.2. Ч.2. С.386—387.

[90] Первое известие о селении Куйтоозеро (Ухте) см.: АСМ. Т.2. С.15.

[91] История Карелии, 1. С.186—233.

[92] СГГД. С.336—337; Материалы... С.320—327; История Карелии, I. С.234—242.

[93] СГКЭ. Ст.442—451, 451—462.

[94] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8551.

[95] Там же. Ф.1209. Оп.1. Кн.1137. Ч.1—2; Кн.980.

[96] Чернякова И.А. Указ. соч. С.101, 103; Витов М.В. Указ. соч. С.115.

[97] Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С.241, 244—245.

[98] РГАДА. Ф.137. Тотьма. Д.60. Л.578—578 об.

[99] Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С.31—40; Беляев А.А. Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР // Труды Кар. филиала АН СССР. Вып.12. Петрозаводск, 1958. С.60.

[100] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.157 об.—158, 164—242 об.; Оп.3. Д.16932. Л.162—248 об.; Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С.85—86.

[101] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.72—73 об., 99 об.—100, 670—671, 906—906 об.

[102] Памятники русского права. Вып.3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М., 1955. С.169; ДАИ. С.384; Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С.183; История Карелии, I. С.181, 189; СГГД. С.436—439; АСМ. Т.1. С.135; Материалы... С.190—193; РИБ. Т.2. С.371—376.

[103] РГАДА. Ф.137. Тотьма. Д.60. Л.581—582; История Карелии, I. С.214—215; Материалы... С.325; СГКЭ. Ст.446, 460; Приходно-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М., 1983. С.320.

[104] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С.294—295; Материалы... С.306—316, 318; ААЭ. С.200—201; АСМ. Т.1. С.135—136, 183—184; Т.2. С.8—9; Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С.70.

[105] ПКОП. С.159—164. Монастырская церковь Апостолов Петра и Павла в Вирме уже в 1526 г. получила от новгородского архиепископа жалованную грамоту с освобождением от уплаты церковной "софийской пошлины" (АСМ. Т.1. С.40).

[106] Колесников П.А. Указ. соч. С.179; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С.47.

[107] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.923 об.—932 об.; Чернякова И.А. Указ. соч. С.71—72.

[108] РГАДА. Ф.159. Оп.3. Д.93. Л.34; История Карелии, I. С.186—233.

[109] Колесников П.А. Указ. соч. С.156.

[110] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.30-А. Л.70—70 об.

[111] ПКОП. С.135—137; История Карелии, I. С.74—75, 77—78, 169—171.

[112] СГКЭ. Ст.442—452; Бернштам Т.А. Указ. соч. С.71—72.

[113] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.1137. Ч.2. Л.295—303 об.; ААЭ. С.200—201; АСМ. Т.1. С.80—83; Материалы... С.308—312; СГКЭ. Ст.442—462; Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск, 1966. С.154—155.

[114] Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность северо-западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971. С.173—177; Бахрушин С.В. Очерк по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. (к вопросу о предпосылках всероссийского рынка) // Научные труды. Т.1. М., 1952. С.64—67; Шаскольский И.П. Развитие ремесла и возникновение мануфактуры в Карелии в XVI—XVII вв. // Материалы к советско-финскому научному симпозиуму по истории ремесла и возникновения мануфактурной промышленности (XIV—XIX века). Л., 1972. С.27—28.

[115] РГАДА. Ф.137. Оп.1. Д.18. Ч.1. Л.32 об.—33.

[116] Там же. Д.19. Л.83—84 об.

[117] Мулло И.М. К вопросу о производстве огнестрельного оружия в Карельском Поморье в XVI—XVII вв. // Краеведение и музей: Сб. статей. Петрозаводск, 1992. С.151—165.

[118] Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XV—XVII вв. М., 1970. С.247—248.

[119] Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670—1703). Л., 1979.

[120] Шаскольский И.П. Развитие ремесла... С. 34.

[121] Бахрушин С.В. Указ. соч. С.88—96, 100.

[122] РГАДА. Ф.27. Оп.1. Д.18. Л.428—550; Шаскольский И.П. Развитие ремесла... С.28—29; Жилинский А.А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957. С.7, 24, 37; Старостина Т.В. Шуерецкая волость в XVI—XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С.205—207.

[123] ПКОП. С.113, 168, 202 (данные на 1563 г.); История Карелии, I. С.73 (сведения за 1568 г.); Бахрушин С.В. Указ. соч. С.85—86, 90—91.

[124] СГГД. С.436—439; Карелия в XVII в. С.354—359, 363—365; Мюллер Р.Б. Указ. соч. С.161.

[125] РГАДА. Ф.96. Оп.1/1630. Д.1. Л.32—35.

[126] Полное собрание русских летописей. Т.12. СПб, 1901. С.184; СГКЭ. Ст.452—453.

[127] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Единичные случаи возвращения властями бежавших крестьян, по требованию их общин, встречались уже в середине XVI в. (ПКОП. С.116—117).

[128] АИСЗР. С.226.

[129] Коваленко Г.М. Указ. соч. С.44, 58, 79—80.

[130] Самоквасов Д.Я. Архивный материал... Т.1. Ч.1. М., 1905. С.9; АИСЗР. С.215.

[131] АИСЗР. С.208.

[132] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.1137. Ч.1.

[133] Там же. Ф.137. Олонец. Д.2, 3, 4; Карелия в XVII в. С.190, 225.

[134] См.: РГАДА. Ф.159. Оп.3. Д.32. Л. 4 об.—8.

[135] Там же. Ф.181. Оп.1. Д.36. Л.7 об.—10; Д.83. Л.23 об.—34, 63—73; Писцовая книга 1500 г. С.11—13, 34—45, 76—86, 87—91, 97—101.

[136] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.979; Кн.980; Кн.1137. Ч.1. Л.49 об.—50, 95 об.—97; ПКОП. С.77—78, 84—85, 100—103, 197, 218—221; История Карелии, III. С.74—75, 86—105, 279—297.

[137] ПКОП. С.100—101, 122, 123, 135.

[138] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. Т.1. М.; Л., 1949. С.26.

[139] Карельские эпические песни. М.; Л., 1950; Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма. Петрозаводск, 1985; Карху Э.Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. Т.1. СПб., 1994.

[140] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. Т.1—2. Былины. Петрозаводск, 1989—1990.; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958; Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

[141] Пименов В.В. Указ. соч. С.131—132.

[142] Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С.275, 282—283, 319.

[143] СГКЭ. Ст.446; История Карелии, I. С.208.

[144] Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М., 1983. С.43, 71—72.

[145] Там же. С. 1—7, 42—43; Орфинский В.П., Гришина И.Е. Народное зодчество села Суйсарь // Село Суйсарь: История, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С.72—73.

[146] Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. // История Карелии, I. С.235—238.

[147] Ополовников А.В. Указ. соч. С.220—241.

[148] См., например: Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX — начало XX в. Л., 1985. С.52—132; Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С.101—213.

[149] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.8554. Л.304.

[150] Там же. Д.8551, 8554; Куспак Н.В. Церковные сооружения Олонца // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994. С.67—68; Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С.24—97.

[151] Денисова И.М. Дерево — дом — храм в русском народном искусстве // Советская этнография. 1990. № 6. С.109; Орфинский В.П., Гришина И.Е. Указ. соч. С.62—63.

[152] РГАДА. Ф.159. Оп.3. Д.145. Л.1—6; Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ. соч. С.56—71.

[153] Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980; Легенды, предания, бывальщины. М., 1989. С.28—29.

[154] РГАДА. Ф.196. Оп.3. Д.2002. Л. 1; Д.687. Л.1, 2.

[155] Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992. С.59.

[156] Цит. по: Охотина-Линд Н.А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С.81. Подробнее о "Челобитной" см.: Кунцевич Г. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912.

[157] Кижи: Древняя живопись Карелии. Петрозаводск, 1979; Лазарев В.Н. Русская иконопись. М., 1983. С.68; Конкка А.П. Жертвоприношения животными на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С.77—95; Виноградова И.Ю. Ритуал первого вывода скота на пастбище у вепсов // Обряды и верования... С.4—26.

[158] Фишман О.М. Связь пастушеской и свадебной обрядности у карел // Русский Север: Проблемы этно-культурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1988. С.190—205; Шапанская Т.П. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С.104.

[159] Реформаторская М.А. Северные письма. М., 1968; Смирнова Э.С. Древнерусская живопись. Новые открытия. Живопись Обонежья XIV—XVIII веков. Л., 1974.

[160] См., например: Материалы... С.368—377.

[161] ДАИ. С.294—299.

[162] См., например: РГАДА. Ф.27. Оп.1. Д.18. Л.146; Рогов А.И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII века. Ч.2. М., 1979. С.142.

[163] Архив КНЦ РАН. Разряд 1. Оп.2. Д.92. Д.12. Д.37. Д.91; АСМ. Т.1—2.

[164] РГАДА. Ф.137. Д.3. Л.109.

[165] Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977.

[166] Творогов Л.А. Малоизвестные рукописные источники по истории старой Карелии / Рукопись // Архив КНЦ РАН. Ф.1. ИЯЛИ. Оп.36. Д.21. Л.11—18.

[167] История России с древнейших времен до конца XX века. В 3 кн. М., 1997. Кн.1. История России с древнейших времен до конца XVII века. С.559; Копанев А.И.: 1) Книжность северной волости XV—XVII вв. // Культурное наследие древней Руси. Итоги. Становление. Традиции. М., 1976. С.394—399; 2) Волостные крестьянские библиотеки XVI—XVII вв. // Русские библиотеки и их читатели (из истории русской культуры эпохи феодализма). Л., 1983. С.59—70.

К главе IV

[1] Тревожные годы Архангельска. 1700—1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С.65—66.

[2] ГААО. Ф.1829. Оп.1. Д.14. Л.1.

[3] Тревожные годы Архангельска. С.29, 364.

[4] ГААО. Ф.1025. Оп.1. Д.1401 Л.1.

[5] Беспятых Ю.Н. "Крестьянское перемирие" и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII в. // Скандинавский сборник. Вып. XXV. Таллин, 1980. С. 50—58.

[6] Kuujo E. Taka-Karjalan verotus vuoteen 1710. Forssa, 1959. S.234.

[7] Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. S.29.

[8] Тревожные годы Архангельска. С.108.

[9] Шутой В. Партизан Иван Окулов // На рубеже. 1960. № 6. С.112.

[10] Журнал или поденная записка блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Ч.I. СПб., 1770. С.61.

[11] Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä, 1970. S.58—59.

[12] Беспятых Ю.Н., Коваленко Г.М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. С. 101—102.

[13] Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600—1800-luvulla. Helsinki, 1995. S. 110.

[14] РГАДА. Ф. 248. Кн. 503. Л.219—219 об., 224—224 об.

[15] Там же. Л.224.

[16] Там же. Кн. 426. Л.1256 об. — 1257.

[17] Там же. Кн. 421. Л.698 об.—699.

[18] Шпилевский Н. Описание войны между Россиею и Швециею в 1741, 1742 и 1743 гг. СПб., 1859. С. 126.

[19] Олонецкие губернские ведомости. 1874. 16 января.

[20] ГААО. Ф.1367. Оп.2. Д.134. Л.1—5.

[21] Кан А.С. История скандинавских стран. М., 1971.С. 101. См. также: Лайдинен А.П. К оценке Аньяльской конфедерации в русской дореволюционной и зарубежной исторической литературе// Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С.159—167.

[22] Архив Государственного Совета. Т. I. СПб., 1869. С.38.

[23] НА РК. Ф.396. Оп.1. Д.7/43. Л.6.

[24] ИРЛИ. Ф.96. Оп.5. Д.11. Л.2, об.—5.

[25] Пашков А.М. Карелия в 1812 г.// Север. 1992. № 8. С.138—140.

[26] Там же. С.140.

[27] Мирославский И. Беломорье в годы Крымской войны // Север. 1965. № 5. С.80—85.

[28] Кавелин С.П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М., 1912. С.10.

[29] См.: НА РК. Ф.584. Оп.3. Д.15/193. Л.1.

[30] См.: Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. (Пути и формы крестьянского общественного служения). Вологда, 1990. С.14—15.

[31] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962. С.36.

[32] Полное собрание законов Российской империи. I. Т.22. № 16 603 (Далее — ПСЗ–I; ПСЗ–II).

[33] Камкин А.В. Указ. соч. С.18.

[34] Там же. С.23.

[35] НА РК. Ф.165. Оп.2. Д.2/3. Л.103.

[36] ПСЗ–I. Т.23. № 17 222; Т.24. № 18 272.

[37] Там же. Т.31. № 24 117; Т.32. № 24 992; ПСЗ–II. Т.14. № 12 867; Т.36. № 37 818.

[38] Левитский А.С. Управление земскими повинностями в Олонецкой губернии в дореформенное время// Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1914. № 6. С.81.

[39] Амозова Л.Н. Олонецкие государственные крестьяне в конце XVIII — первой половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С.117.

[40] Там же. С.123.

[41] НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.6/87. Л.8.

[42] Там же. Ф.1. Оп.36. Д.58/42. Л.12—13.

[43] Амозова Л.Н. Олонецкие государственные крестьяне в конце XVIII — первой половине XIX в. С. 121.

[44] ПСЗ–I. Т.23. № 17 394; ПСЗ–II. Т.9. № 7 317, № 6 887.

[45] НА РК. Ф.1. Оп.36. Д.12/24. Л.5; Д.25/23. Л.2—14.

[46] ПСЗ–II. Т.12. № 10 834.

[47] Там же. Т.13. № 11 189; Т.14. №№ 12 165, 12 166.

[48] История северного крестьянства. Т.1. Архангельск, 1984. С.282.

[49] ПСЗ–II. Т.15. № 13 276; Т.22. № 21 790.

[50] История северного крестьянства. Т.1. С.287.

[51] РГИА. Ф.398. Оп.15. Д.4991. Л.3 об.

[52] ПСЗ–I. Т. 4. № 1943, 2538.

[53] Данченко В.Г. Губернская реформа Петра Великого на Северо–Западе России (административное управление Санкт–Петербургской губернии): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С.11.

[54] Там же. С.62.

[55] См.: РГА ВМФ. Ф.223. Д.9. Л.4—14; Ф.117. Д.58. Л.4—5.

[56] ПСЗ–I. Т.5. № 2538.

[57] Олонец. Историко–краеведческие очерки в 2-х ч. Ч. 1. Петрозаводск, 1999. С. 67.

[58] Очерки истории Карелии. Т.I. Петрозаводск, 1957. С.183—184.

[59] См.: РГАДА. Ф.547. Оп.1. Д. 5, 6, 13, 15, 20, 23, 29, 42, 57, 63 и др.

[60] Там же. Ф.1201. Оп.5. Д.3448. Л.2—39; Д.4234. Л.1—3; Д.4685. Л.15.

[61] Там же. Ф.16. Оп.1. Д.785. Л.271,об.

[62] См.: ПСЗ–I. Т.20. № 14602; Т.21. № 15394; Т.22. № 15999.

[63] Стрельбицкий И.П. Пространство и населенность Олонецкой губернии// Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 г. Петрозаводск, 1903. С.371.

[64] Эпштейн Е.М. Г.Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С.56.

[65] Там же. С.23.

[66] Российское законодательство X—XX вв. Т.5. М., 1987. С.167—168.

[67] НА РК. Ф.29. Оп.1. Д.15. Л.1 об., 4 об.

[68] Там же. Д.24/204.

[69] Богословский М.М. Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II// Три века. Т.IV. М., 1992. С.527.

[70] РГИА. Ф.1374. Оп.1. Д.188а Л.239 об.—240.

[71] См.: НА РК. Ф. 60, 170, 187, 204, 211, 221, 222, 226, 234, 534.

[72] Благовещенский И.И. Образование Олонецкой губернии, управление ее за столетие (1802—1902 гг.) существования// Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. Петрозаводск, 1902. С.188, 193, 194.

[73] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. С.297.

[74] Власть и реформы. СПб., 1996. С.173.

[75] Амозова Л.Н. Лесоохранительная политика правительства в начале XIX в.// Вопросы истории европейского Севера (Проблемы общественно–политической истории XIX—XX вв.). Петрозаводск, 1991. С.39.

[76] ПСЗ–I. Т.37. № 29 472.

[77] См.: НА РК. Ф.191, 188, 390.

[78] Подсчитано по: Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.314, 332, 441—446; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М. 1963.

[79] Стрельбицкий И.П. Указ. соч. С.371; Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1898. С.131.

[80] Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. С.160.

[81] Подсчитано по: Кабузан В.М. Изменения в размещении народонаселения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С.124—136.

[82] Более подробно об этом см.: Колесников П.А. Указ. соч. С.314.

[83] РГИА. Ф.1286. Оп.6. Д.662. Л.10.

[84] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. С.25.

[85] Колесников П.А. Указ. соч. С.314.

[86] Филиппов Р.В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961. С.41.

[87] НА РК. Ф.1. Оп.36. Д.67/26. Л.2.

[88] Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С.169—170.

[89] Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С.178.

[90] Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990. С.101.

[91] Колесников П.А. Указ. соч. С.241.

[92] Цит. по: Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. М., 1967. С.96.

[93] ПСЗ-I. Т. 20. № 14 991.

[94] НА РК. Ф.63. Оп.3. Д.3/25. Л.110.

[95] ПСЗ-I. Т.22. № 16 433.

[96] Кораблев Н.А. Становление города Пудожа (1785—1788 гг.)// Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и в раннее новое время. М., 1996. С.177.

[97] НА РК. Ф.63. Оп.3. Д.319. Л.1, 62, 71, 77, 101.

[98] Миронов Б.Н. Русский город в 1740—1860-е гг.: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.156.

[99] Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т.2. Ч.I. С.283; Ч.2. С.131; Хромов П.А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963. С.159.

[100] Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии. (1670—1703 гг.). Л., 1979. С.52.

[101] РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.9. Л.13.

[102] Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии. С.53.

[103] РГАДА. Ф.9. Оп.3. Д.2. Л.646.

[104] Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии. С.64.

[105] Материалы для истории русского флота. Ч.I. СПб., 1865. С.16.

[106] История отечественного судостроения. Т.I: Парусное деревянное судостроение IX—XIX вв. СПб., 1994. С.93—109.

[107] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. С.20—21.

[108] Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957. С.57.

[109] Ведомости времени Петра Великого. Вып.I. М., 1903. С.28.

[110] Балагуров Я.А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск, 1955. С.20.

[111] Беспятых Ю.Н., Коваленко Г.М. Карелия при Петре I. С.58.

[112] Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае. Петрозаводск, 1902. С.72—74.

[113] Там же. С.56.

[114] Подробнее об этом см.: Балагуров Я.А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. С.24.

[115] Горлов В.И. К истории горного дела в Карелии// Материалы по исторической географии Севера Европы. Вып.I. Петрозаводск, 1996. С.50.

[116] Указ о работе приписных крестьян см: ПСЗ-I. Т.18. №13 303. См. также: Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т.2. СПб., 1901. С.466.

[117] Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. С.17.

[118] Там же. С.24—25.

[119] См.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д.65252. Л.2—12.

[120] Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. С.53.

[121] Там же. С.111.

[122] Там же. С.72.

[123] Там же. С.73—74.

[124] Васильевская О.И. Из истории первых лет Александровского (ныне Онежского) завода // Известия Карельского филиала Академии Наук СССР. 1949. № 3. С.65.

[125] Памятная книжка Олонецкой губернии на 1857 г. Петрозаводск, 1857. С.57—60.

[126] Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. С.126.

[127] Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994. С.181.

[128] Там же. С.181.

[129] Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С.220.

[130] Там же.

[131] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. С.159.

[132] См.: Державин Г.Р. Поденная записка, учиненная во время обозрения Олонецкой губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным// Пименов Е.М., Эпштейн Е.М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С.133; Исторические примечания о древностях Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и Топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества// Архив КНЦ РАН. Разряд 6. Оп.6. Л.38; Коваленко Г.М. Промыслы и торговля в Карелии в XVII в.// Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность. Л., 1981. С.54.

[133] Салохеймо В. Торговля горожан и крестьян в приграничных районах Шведского государства и Российской Карелии в XVIII в.// Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность. С.41.

[134] РГАДА. Ф.371. Кн.2159. Л.1618—1619.

[135] Попытка оценить масштабы торговли была предпринята Г.Р. Державиным (См.: Державин Г.Р. Поденная записка... С.113).

[136] НА РК. Ф.63. Д.319. Л.1, 62, 71, 77, 101.

[137] ПСЗ–I. Т.21. № 15 669.

[138] НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.7/90. Л.21.

[139] Очерки истории Карелии. Т.I. С.164.

[140] Еленевский Е.П. Социально–экономическая история крестьян Карелии: Дисс... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1963. С.508.

[141] Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в.// История СССР. 1959. № 1. С.67—69.

[142] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. С.145.

[143] Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность северо–западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971. С.204.

[144] Очерки истории Карелии. Т.I. С.204.

[145] Васильевская О.И. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. (1730—1770 гг.). Петрозаводск, 1954. С.39; Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. С.168.

[146] Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 г. Архангельск, 1916. С.86.

[147] Еленевский Е.П. Социально–экономическая история... С.305—306.

[148] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т.20. СПб., 1908. № 596; Количество церквей подсчитано по: РГАДА. Ф.547. Оп.1. Д.547. Л.2—46.

[149] ПСЗ–I. Т.20. № 14921.

[150] Кучепатов Н.Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956. С.12.

[151] Воронов А. Историко–статистическое обозрение учебных заведений Санкт–Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. СПб, 1849. С.48.

[152] Цит. по: Кучепатов Н.Г.Указ. соч. С. 13.

[153] Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. С.138.

[154] Кучепатов Н.Г.Указ. соч.. С.18; Ламанский И.Д. Олонецкая гимназия// Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. С.230.

[155] Кучепатов Н.Г.Указ. соч. С.19.

[156] НА РК. Ф.17. Оп.6. Д.7/8. Л.17—23.

[157] Кучепатов Н.Г. Указ. соч. С. 21—22; Архангельский сборник. Ч. 1. Кн. 2. Архангельск, 1865. С. 20.

[158] Кондратьев В. Образование в Карелии в XVIII— XX веках. // Краевед. 10 лет. Сб. статей. Петрозаводск, 1999. С. 25, 30.

[159] История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века). Петрозаводск, 2000. С. 114.

[160] Островский Д.В. Олонецкая духовная семинария // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. С. 247.

[161] Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее

50–летие (1828—1879 гг.)// Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879. С.25—26, 29—30,39.

[162] Подробнее об этом см.: Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры. Петрозаводск, 1994. С.108, 147—148.

[163] Капуста Л. Публичная библиотека в Петрозаводске: Страницы истории // Краевед. 10 лет. С. 5—7.

[164] Балагуров Я.А. Петрозаводский театр в XIX в.// На рубеже. 1948. № 8. С.72—73.

[165] Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 1. М., 1909. С. 440.

[166] Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л. 1972. С. 108—109.

[167] Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. С.175,176.

[168] Эпштейн Е.М. Указ. соч. С. 41—42.

[169] История Карелии в документах и материалах. С. 130; Архангельский сборник. Ч. 1. Кн. 2. С. 20.

[170] См.: Описание трех путей в Швецию, составленное в 1701 г./ Подгот. к печати П.Г. Бутковым// Журнал МВД. СПб., 1838. Ч.29. С.260—295; Шаскольский И.П. "Описание трех путей в Швецию" Афанасия Холмогорского// ТОДРЛ. Т.14. Л., 1958. М.; С.460 и др.

[171] Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв. Петрозаводск, 1969. С.14—18.

[172] Там же. С.21.

[173] Лаксман Э. Экономические ответы, касающиеся до хлебопашества в лежащих около Свири и в южной части Олонца местах// Труды Вольного экономического общества. 1769. Ч.8. С.9—14.

[174] Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Карелия глазами путешественников и исследователей. С.38—42.

[175] Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. Ч.IV. СПб., 1805.

[176] ОР РНБ. Эрмитажное собрание, 293. Л.1—28.

[177] Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Карелия глазами путешественников и исследователей. С.58—64.

[178] "Топографическое описание" сохранилось во множестве списков. См., например: Архив КНЦ РАН. Разряд 6. Оп.6. Д.45.

[179] Державин Г.Р. Поденная записка... С.157—191.

[180] Севергин В.М. Обозрение Российской Финляндии. СПб., 1805.

[181] Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Карелия глазами путешественников и исследователей. С.125—126.

[182] Конкка У. Дело всей жизни // Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. Петрозаводск, 1985. С.9—10.

[183] Базанов В. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в. Петрозаводск, 1955. С.33—45.

[184] Там же. С.147—149.

[185] Арсеньев К.И. Описание Олонецких заводов с самого их основания до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой губернии// Труды Минералогического общества. Ч.I. СПб., 1830; Об исследовании Воицкого рудника и окрестностей оного горною экспедициею под начальством маркшейдера Грамматчикова// Горный журнал. 1828. Ч.I. С.45; Гельмерсен Г.П. Геогностическое исследование Олонецкого горного округа, произведенное в 1856, 1857, 1858 и 1859 гг.// Там же. 1860. Ч.IV. С.43.

[186] Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838.

[187] Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях // Журн. МВД. 1841. Ч. XLI—XLII.

[188] Пашков А.М. Т.В. Баландин — малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII — начала XIX в.// Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С.16—29.

[189] Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702—1917 гг. Краткий очерк. М., 1971. С.22.

[190] Столетие Олонецкой губернской типографии (1805—1905 гг.). Краткий историко–статистический очерк. Петрозаводск, 1905. С.41.

[191] Витухновская М.А. Из истории российской провинциальной печати. (Олонецкие губернские ведомости в конце XIX в.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М.; СПб, 1992. С. 105.

К главе V

[1] Филиппов Р.В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961. С.42.

[2] НА РК. Ф.24. Оп.1. Д.10/224. Л.17; Д.67/3048. Л.3—4; РГИА. Ф.577. Оп.24. Д.163. Л.15-16, 25—27; Д.166. Л.3—4, 18 об.

[3] РГИА. Ф.577. Оп.24. Д.162. Л.20, 21, 23, 24, 41; НА РК. Ф.24. Оп.1. Д.8/167. Л.1—2.

[4] Филиппов Р.В. Указ. соч. С.88.

[5] Подсчитано по: РГИА. Ф. 577. Оп. 24. Д. 162. Л. 41—43; Д. 163. Л. 25 об.—27; Д. 165. Л. 34—36, 40 об.; Д. 166. Л. 18 об., 21; НА РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65/2891. Л. 77 об.—79 об.; Ф. 95. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 29—30 об.; История северного крестьянства. Т. 2. Архангельск, 1985. С. 25.

[6] Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962. С.328—329; НА РК. Ф.24. Оп.1. Д.8/168. Л.57, 129.

[7] Подсчитано по: Колесников П.А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.332—333, 341—346.

[8] НА РК. Ф.24. Оп.1. Д.66/3015. Л. 6 об.—7.

[9] Там же. Д.50/2019. Л.115; РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 250. Л. 4 об., 7, 29.

[10] Подсчитано по: Учет земель по дачам генерального и специального межевания и по владениям. Вып.1. Пудожский уезд. Петрозаводск, 1912. С.XIV—XV; Вып.2. Повенецкий уезд. Петрозаводск, 1913. С.17; Вып.3. Олонецкий уезд. Петрозаводск, 1915. С.8—9.; Вып.4. Петрозаводский уезд. Петрозаводск, 1916. С.10.

[11] Учет земель... Вып.1. С.XIV—XV; Вып.2. С.17.

[12] Подсчитано по: Учет земель... Вып.1. С.XIV—XV; Вып.2. С.12; Вып.3. С.8—9; Вып.4. С.10.

[13] Олонецкая губерния. Стат. справочник. Петрозаводск, 1913. С.87—92.

[14] Архангельская Карелия. Архангельск, 1907. С.25.

[15] Подсчитано по: Баданов В.Г. Земство на европейском Севере России (1867—1920 гг.). Канд. дисс. Петрозаводск, 1996. С.208.

[16] Подсчитано по: Бузин В.И., Левитский С.А. История Олонецкого земства. Вып.1. Дореформенный период и введение земских учреждений. Петрозаводск, 1917. С.210, 217.

[17] Баданов В.Г. Указ. соч. С.63.

[18] Там же. С.65.

[19] Подсчитано по: Бюджет губернского и уездных земств Олонецкой губернии за 1863—1914 гг. Петрозаводск, 1917. С.44—47, 66, 70, 72; Баданов В.Г. Указ. соч. С.70.

[20] Подсчитано по: Бюджет губернского и уездных земств Олонецкой губернии... С.142—210.

[21] Баданов В.Г. Указ. соч. С.74.

[22] Там же. С.103, 129.

[23] Подсчитано по: Олонецкая губерния. Стат. справочник. С. 346—347.

[24] НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.7/100. Л.7 об.

[25] Мухин Н.П. К 20-летию Петрозаводского окружного суда. Петрозаводск, 1915. С.17.

[26] Покровская И.П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г.// Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 93, 94, 97.

[27] Там же. С.102—103.

[28] Там же. С. 94—95, 105—106.

[29] Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи на 1897 г. Вып. 1. Архангельская губерния. Тетрадь 3. СПб., 1904. С.95; Вып. 27. Олонецкая губерния. Тетрадь 3. СПб., 1904. С.61,83—85.

[30] Сельскохозяйственные орудия и машины в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913. С.2—3,20—21.

[31] Подсчитано по: Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII — XIX вв. С.139; Обзоры Олонецкой губернии за 1897—1900 гг. Петрозаводск, 1898—1901.

[32] Подсчитано по отчетам губернаторов Олонецкой и Архангельской губерний, хранящимся в архивах С.-Петербурга, Петрозаводска и Архангельска (РГИА. Ф.1263; НА РК. Ф.1,27; ГААО. Ф.1) и опубликованным обзорам этих губерний за 1880—1901 гг.

[33] Подсчитано по: Обзоры Олонецкой и Архангельской губерний за 1891—1900 гг.; Покровская И.П. Население дореволюционной Карелии... С.94; Нифантов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С.285, 286, 288.

[34] ОГВ. 1902. 23 марта.

[35] Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С.61.

[36] Подсчитано по отчетам губернаторов Олонецкой и Архангельской губерний (РГИА. Ф. 1263; НА РК. Ф. 1,27; ГААО. Ф. 1) и опубликованным обзорам этих губерний за 1891—1900 гг.

[37] ОГВ. 1860. 6 августа; 1910. 15 апреля ; НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.7/90. Л.7.

[38] Олонецкая губерния. Стат. справочник. С.224.

[39] ОГВ. 1902. 27, 29 июня, 11 июля.

[40] Крылов Н.А. Экономическое значение Беломорского канала. Петрозаводск, 1889. С.11.

[41] Подсчитано по: РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2961. Л.214, 496; Д.3027. Л.270; Д.3157. Л.596; Д.3161. Л.856; Д.3252. Л.664; НА РК. Ф.1. Оп.36. Д.89/5. Л.13, 34, 84, 130, 159, 165; Ф.27. Оп.2. Д.6/80. Л.54; Д.7/92. Л.49; ОГВ, 1864, 19 сентября; Обзоры Олонецкой и Архангельской губерний за 1898—1902 гг.

[42] ОГВ. 1876. 22 декабря; НА РК. Ф.27. Оп.1. Д.16/6 . Л.7.

[43] Обзор Олонецкой губернии за 1901 г. Петрозаводск, 1902. С.6; ОГВ. 1901. 10 мая, 12, 23 июня.

[44] Обзор Олонецкой губернии за 1878 г. Петрозаводск, 1879. С.17.

[45] Подсчитано по: НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.6/85. Л.7об.; Д.7/90. Л.3—4; Д.10/138. Л.41об.; Д.10/145. Л.22; ОГВ. 1873. 29 сентября; Обзоры Олонецкой губернии за 1898—1902 гг.

[46] Подсчитано по: Архангельский сборник. Ч.1. Кн.2. Архангельск, 1865. С.239; Отчеты Архангельского губернского статкомитета за 1898—1902 гг. Архангельск, 1899-1903 (далее— Отчеты АГСК).

[47] Обзор Олонецкой губернии за 1895 г. Петрозаводск, 1896. С.13—14.

[48] Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. Общая часть. С. 41. Описание отдельных промыслов. С.286.

[49] Там же. Описание отдельных промыслов. С.2, 7, 14. Прилож. С.3; Отчет АГСК за 1901 г. Архангельск, 1902. С.146—147; Благовещенский И.И., Гарязин А.Л. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895. С. 64—68.

[50] Благовещенский И.И., Гарязин А.Л. Указ. соч. С.76, 78; Кустарные промыслы... Описание отдельных промыслов. С.100.

[51] НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.7/100. Л.46—48; Обзор Олонецкой губернии за 1900 г. Петрозаводск, 1901. Вед.8.

[52] Кустарные промыслы... Описание отдельных промыслов. С.61, 63, 66, 84. Прилож. С.6.

[53] Там же. С.140—146.

[54] Еленевский Е.П. Социально-экономические отношения в карельской деревне в конце XVIII — первой половине XIX в. Петрозаводск, 1960. С.56; Отчет АГСК за 1900 г. Архангельск, 1901. С. 73..

[55] Подсчитано по: НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.17/264. Л.60—61.

[56] Подсчитано по: ОГВ. 1874. 8 июня; НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.10/142. Л.4об.

[57] Подсчитано по: НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.17/264. Л.60—61: Отчет АГСК за 1899 г. Архангельск, 1900 С.73.

[58] Обзор Олонецкой губернии за 1883 г. Петрозаводск, 1884. С.14; То же за 1890 г. Петрозаводск, 1891. С.10; НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.9/130. Л.26; Д.10/138. Л.45.

[59] Кустарные промыслы... Описание отдельных промыслов. С.71—75, 97, 98, 99.

[60] ОГВ. 1879. 1 августа.

[61] Кустарные промыслы... Описание отдельных промыслов. С.152, 154.

[62] ОГВ. 1864. 24 декабря.

[63] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии (1861—1917). Петрозаводск, 1968. С.15.

[64] Там же. С.20.

[65] Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 200—256; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.16—20.

[66] Материалы... С.200—233; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.26—30.

[67] Подсчитано по: Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.26—30; НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.9/121. Л.19; Д.9/130. Л.23—24; Д.10/133. Л.27 об.; Оп.7. Д.1/3. Л.30—31об.; Отчеты АГСК за 1898—1902 гг. Архангельск, 1899—1903.

[68] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.20—21.

[69] Подсчитано по: Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.94; Цейтлин М.А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М., 1968. С.236.

[70] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.26—29.

[71] Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С.166—167.

[72] Базегский Д.В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX—начале XX в. Автореферат канд. дисс. Петрозаводск, 1998. С.11.

[73] НА РК. Ф.5. Оп.1. Д.1/2. Л.68—73; Ф.27. Оп.1. Д.10/138. Л.47; Д.10/146. Л.27; Оп.6. Д.1/2. Л.28; Aho J. Kootut teokset. X. Helsinki, 1936. S. 247—248.

[74] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 94; Обзор Олонецкой губернии за 1900 г. Вед.8.

[75] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.57—59.

[76] Там же. С.60, 97; ОГВ. 1901. 10 июля; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.). М., 1979. С.101, 104—105.

[77] Рассчитано по: Барышников Н.Н. О составе, жилищах, бюджете и заболеваниях олонецких рабочих. Петрозаводск, 1899. С.3, 4; Материалы... С.420.

[78] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С. 70.

[79] Труды III съезда земских врачей и председателей земских управ Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1908. С.181—182.

[80] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Олонецкая губерния. СПб., 1903. С. 97—98, 105.

[81] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.82—84.

[82] Там же. С.89—90.

[83] Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С.232; Савицкий И.В. Либеральное дворянство Вологодской губернии в начале XX в.// Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С.19—20.

[84] Ушаков А.В. Революционное движение в Олонецкой губернии во второй половине XIX—начале XX в.// Учен. записки Карельского гос. пед. ин-та. Т. 3. Вып.1. Петрозаводск, 1956. С.8.

[85] Цит. по: Ушаков А.В. Указ. соч. С.10.

[86] Шумилов М.И. За счастье народное. Петрозаводск, 1967. С.20; Карельская организация КПСС. Хроника. 1895—1987. Петрозаводск, 1988. С.15.

[87] Шитов Н.Ф. Рабочие Петрозаводска в годы первой русской революции. Петрозаводск, 1956. С.26.

[88] 1905 год в Карелии: Сб. документов и воспоминаний. Петрозаводск, 1926. С.50.

[89] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции (1905—1907). Петрозаводск, 1977. С.33; ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.3. Д.1228. Л.4—5.

[90] Кучепатов Н.Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956. С.79—80.

[91] Шитов Н.Ф. Указ. соч. С.29—30; Кучепатов Н.Г. Указ. соч. С.80.

[92] НА РК. Ф.1. Оп.5. Д.13/237. Л.11—12.

[93] Там же. Ф.19. Оп.2. Д.31/6. Л.15—16, 47; Революционные события в Карелии в годы пер-

вой русской революции. 1905—1907. Сб. документов и материалов. Изд.2. Петрозаводск, 1981. С.143.

[94] ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.3. Д.1326. л.1—4, 7—8об.; Дубровская Е.Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С.70—73.

[95] ОГВ. 1905. 20 октября.

[96] НА РК. Ф.1. Оп.46. Д.36/943.Л.7.

[97] Там же. Д.36/939. Л.7—7об., 9, 11; Ф.19. Оп.2. Д. 31/7. Л.6 об.—7; Копяткевич А.А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1922. С.2; ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.2. Д. 193. Л.12—13об., 20—21об.

[98] НА РК. Ф.1. Оп.46. Д.36/943. Л. 21—22об.; ОГВ. 1906. 10 марта; Энциклопедический словарь Гранат. Изд.12. Т.17. М., 1939. Прилож. Стлб.1, 3, 27.

[99] Дубровская Е.Ю. Указ. соч. С.73.

[100] НА РК. Ф.1. Оп.5. Д.18/282. Л.12—22; Оп.46. Д.37/943. Л.21—22об.

[101] Олонецкий край. 1906. 2 июля; НА РК. Ф.61. Оп.1. Л.3, 63—64.

[102] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.73.

[103] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.45—55.

[104] Там же. С.56; НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/42. Л.1; Олонецкий край. 1906. 8 июня.

[105] НА РК. Ф.1. Оп.5. Д.27/111. Л.856; Д.29/32. Л.23, 24, 57; Д.32/198. Л.68—75; Ф.19. Оп.1. Д.3/41. Л.6, 7, 11, 33—35, 41; Морозов И.П. Воспоминания о товарище А.М.Кузьмине. Петрозаводск, 1918. С.1—28.

[106] Олонецкий край. 1906. 2 июля; НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/42. Л.1; Ф.37. Оп.2. Д.182/1706. Л.6—7.

[107] Олонецкий край. 1906. 9 июля.

[108] Там же. 1906. 2 и 9 июля; НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/42. Л.2—3.

[109] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.108.

[110] Олонецкий край. 1906. 2 июля, 10 сентября; НА РК. Ф.37. Оп.2. Д.182/1703. Л.53; Д.182/1706. Л.1—93.

[111] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.101.

[112] НА РК. Ф.1. Оп.46. Д.37/943. Л.21—21об., 23, 26 об.

[113] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.109—111.

[114] Олонецкий край. 1906. 13 августа; 1905 год в Карелии... С.5, 55—56; НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/42. Л.79—80; Ф.1. Оп.5. Д.18/300. Л.7—8; Оп.46. Д.36/943. Л.23—24.

[115] ОГВ. 1906. 19, 24 сентября; НА РК. Ф.31. Оп.1. Д.17/11. Л.64, 70—78.

[116] НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/42. Л.84, 90.

[117] Революционные события в Карелии... Изд.2. С. 115—124; Шитов Н.Ф. Указ. соч. С.79—81.

[118] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.75.

[119] Там же.

[120] НА РК. Ф.31. Оп.1. Д.21/3. Л.16; Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.74, 105.

[121] НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/41. Л.6—7, 11, 31—35, 40—41.

[122] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.81—83.

[123] Революционные события в Карелии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.) Сб. документов и материалов. Изд.1. Петрозаводск, 1955. С.109—110; НА РК. Ф.37. Оп.1. Д.132/2315. Л.132, 136, 148, 160.

[124] Очерки истории Архангельской организации КПСС. Архангельск, 1970. С.41—42.

[125] Революционные события в Карелии... Изд.1. С.118—120; Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.65—67; ГААО. Ф.110. Оп.1. Д.85. Л.119—120, 155—157.

[126] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.80, 90—93; Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.68.

[127] Революционные события в Карелии... Изд.1. С.127—133, 135—138; ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.2. Д.193. Л.64—66, 69, 70, 73—75об.

[128] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.68—69; Революционные события в Карелии... Изд.2. С.79—81, 94.

[129] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.70—72; ГААО. Ф.66. Оп.2. Д.1096. Л.74.

[130] Революционные события в Карелии... Изд.1. С.120—124; ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.3. Д.1225. Л. 263—264.

[131] ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.2. Д.193. Л.157; Т.3. Д.1336. Л.31—31об.; Ф.66. Оп.2. Д.1139. Л.76—76 об., 155; Революционные события в Карелии... Изд.2. С.124—125; Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.79—80.

[132] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.146—147.

[133] Шумилов М.И. Революционное движение в Карелии в 1905—1907 гг. Петрозаводск, 1955. С.35.

[134] Обзор Олонецкой губернии за 1906 г. Петрозаводск, 1907. С.27—28, 29.

[135] Обзор Олонецкой губернии за 1907 г. Петрозаводск, 1908. С.23.

[136] Шумилов М.И. Революционное движение в Карелии... С.35–36.

[137] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.152—154.

[138] НА РК. Ф.1. Оп.5. Д.28/111. Л.305—307, 310—311, 313—315.

[139] Олонецкий край. 1906. 6 июля.

[140] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.159—160.

[141] НА РК. Ф.19. Оп.1. Д.3/41. Л.9об.; Шумилов М.И. Революционное движение в Карелии... С.36—37.

[142] НА РК. Ф.324. Оп.3. Д.78/1278. Л.141.

[143] Революционные события в Карелии... Изд.2. С.163—165.

[144] ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т.3. Д. 1336. Л.1—2; Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. 1906—1922. Tampere, 1997. S.19—20.

[145] Ranta R. Op. cit. S.23—40; Витухновская М.А. Карелы в Карелии "как яблоко раздора": Русская власть и православная церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв.: Специфика границы. СПб., 1999. С.241—242.

[146] Ranta R. Op. cit. S. 42—44.

[147] ГААО. Ф.1. Оп.4. Т.3. Д.1326. Л.80—81об.; Suomen Kansallisarkisto. Kenraali–kuvernöörin kanslia-arkisto. Hd 102; Дубровская Е. Ю. Указ. соч. С.72—75.

[148] Витухновская М.А. Указ. соч. С.242. Suomen Kansallisarkisto. Kenraali–kuvernöörin kanslia-arkisto. Fb 330, Hd 102.

[149] ОГВ. 1907. 1, 16 сентября; Энциклопедический словарь Гранат. Т.17. Прилож. Стлб.62, 67, 68.

[150] Балагуров Я.А. Карелия в годы первой русской революции. С.98—99.

[151] Шитов Н.Ф. Указ. соч. С.97.

[152] ОГВ. 1907. 7, 11 сентября; НА РК. Ф.1. Оп.1. Д.103/59. Л.5, 8 об., 11.

[153] НА РК. Ф.19. Оп.2. Д.31/7. Л.6—7; Д.33/41. Л.1—3.

[154] Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С.34—35.

[155] ГААО. Ф.66. Оп.1. Д.1096. Л.329; Suomen Kansallisarkisto. Kenraalikuvernöörin kanslia–arkisto. Fb 330; Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo–Helsinki–Juva. 1994. S.274.

[156] ОГВ.1908. 7 января; 1910. 14 января, 26 июня; 1911. 12 марта.

[157] История северного крестьянства. Т.2. С.170—171, 181.

[158] Итоговые сведения о деятельности землеустроительных комиссий за 1907—1915 гг. Пг., 1916. С.38—39; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916. С.87.

[159] Там же.

[160] Олонецкая губерния: Стат. справочник. С.253, 256, 257, 268, 273.

[161] Там же. С.273; Отчет агронома Повенецкого уездного земства за 1911—1912 гг. Петрозаводск, 1913. С.37; Волейко В. Краткий обзор о состоянии сельского хозяйства и кооперации в Олонецкой губернии // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5/8. С.42—43.

[162] Подсчитано по: Обзор Олонецкой губернии за 1900 г. Вед.4; То же за 1913 г. Петрозаводск, 1914. Вед.4; Обзор Архангельской губернии за 1900 г. Архангельск, 1901. Вед.9; То же за 1913 г. Архангельск, 1914. Вед.9.

[163] Олонецкая губерния: Стат. справочник. С.336; Социалистическая индустриализация Карельской АССР. М.; Л., 1935. С.22.

[164] Подсчитано по: Обзоры Олонецкой и Архангельской губерний за 1895—1914 гг.

[165] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.38.

[166] Там же. С.38—40.

[167] Полуйко И.З. Леса и лесная промышленность КФССР. Петрозаводск, 1949. С.41.

[168] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.126; Шумилов М.И. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти. Петрозаводск, 1957. С.8—9.

[169] Олонецкая губерния: Стат. справочник. С.23, 62; Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М.,1955. С.215.

[170] ОГВ. 1912. 1 сентября, 20 октября.

[171] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.150—151.

[172] ОГВ. 1914. 25 июля.

[173] Там же. 1914. 17 августа; Крылов В.И. Отклики в Олонецкой губернии великой европейской войны// Известия Общества изучения Олонецкой губернии, 1914, № 5/8. Прилож. С.1—55.

[174] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.43; Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.// Труды ЦСУ. Т.26. Вып.1—2. М., 1926. С.388, 393.

[175] Списки фабрик, заводов и других промышленных предприятий Олонецкой губернии по данным Всероссийской промышленной переписи 1918 г. Тула, 1919. С.3, 10.

[176] НА РК. Ф.37. Оп.1. Д.114/2550. Л.2, 4, 5, 6.

[177] Бузин В. Результаты предварительного подсчета материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи по Олонецкой губернии// Вестник Олонецкого губернского земства (ВОГЗ). 1916. №17. С.4—5; Шумилов М.И. Крестьянский двор Карелии в годы Первой мировой и Гражданской войн// Крестьянское хозяйство: История и современность. Материалы Всерос. научн. конф. Вологда, 1992. С.149; Статистический ежегодник Архангельской губернии за 1916 г. Архангельск, 1918. С.8.

[178] Олонецкая губерния: Стат. справочник. С.196; Статистический ежегодник Карелии. Вып. 3. Петрозаводск, 1929. С.152—153; Шумилов М.И. Крестьянский двор... С.149.

[179] Голубев А.А. История постройки Мурманской железной дороги. 1915—1917 гг. Канд. дисс. СПб., 1995. С.52, 73, 78, 81; ОГВ. 1914. 19 июля.

[180] Очерк постройки Мурманской железной дороги. Пг., 1917. С.13—24.

[181] Голубев А.А. Указ. соч. С.127, 128, 138—143; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.162—164.

[182] Очерк постройки Мурманской железной дороги. С.43—44; Харитонов С.Ф. Рассказ о великом северном пути. Петрозаводск, 1984. С.23, 24.

[183] Голубев А.А. Указ. соч. С.159.

[184] ОГВ. 1914. 28 июля; 1915. 14 февраля.; Бубновский М. В глубоком тылу// Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 5. С.196; Бузин В. Война и жизнь// ВОГЗ. 1915. № 29. С.2.

[185] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.166; Никулина Т.В. Пролетариат европейского Севера России в годы империалистической войны// Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С.73.

[186] Никулина Т.В. Указ. соч. С.76.

[187] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.169.

[188] Там же. С.174.

[189] Там же. С.169; НА РК. Ф.320, Оп.3. Д.41, Л.109; Ушаков И.Ф. Указ. соч. С.633.

[190] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.172.

[191] Ушаков И.Ф. Указ. соч. С.591—592, 594.

[192] Очерк постройки Мурманской железной дороги. С. 75, 86; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.175.

[193] ГААО. Ф.1323. Оп.1. Д.437. Л.121об.; НА РК. Ф.1. Оп.9. Д.12/3430. Л.4.

[194] Бубновский М. В бане// Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 7/8. С.289.

[195] Крылов В.И.Отклики... С.46.

[196] НА РК. Ф.320. Оп.3. Д.4/24. Л.27, 29, 30; Д.5/31. Л.6—16; Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.179—180.

[197] НА РК. Ф.20. Оп.1. Д.9/1. Л.65, 66; Ф.31. Оп.3. Д.155/89. Л.12—25; Ф.324, Оп.2. Д.35/5. Л.232—233.

[198] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.177, 180; НА РК. Ф.320, Оп.3. Д.6/41. Л.122—125; ГААО. Ф.1323. Оп.1. Д.437. Л.335—335об.

[199] НА РК. Ф.1. Оп.46. Д.37/965. Л.24—24об.

[200] Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие... С.182.

[201] Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г. Хроника. Ч. 1. М., 1989. С. 41; НА РК. Ф.324. Оп.3. Д.86/143. Л.11—12; Ф.320. Оп.8. Д.2120. Л.7—8.

[202] ГААО. Ф.1323. Оп.1. Д.437. Л.442—442об.

[203] НА РК. Ф.1. Оп.9. Д.12/430. Л.4; Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С.42.

[204] НА РК. Ф.25. Оп.1. Д.31/7. Л.2—62; Д.36/28. Л.49—50; Д.38/33. Л.2—39.

[205] Статистические материалы по народному образованию в Олонецкой губернии (1867—1896). Петрозаводск, 1898. С. 5.

[206] Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г. Петрозаводск, 1860. С.267.

[207] Школьная статистика: Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 г. Вып. I. Петрозаводск, 1913. С.5.

[208] Там же. Вып. II. Петрозаводск, 1914. С.19—20.

[209] Архангельская Карелия. Архангельск. 1908. С.67—68.

[210] Школьная статистика... Вып. I. С.20, 26.

[211] Там же; НА РК. Ф.240. Оп.1. Д.15/282. Л.1—8.

[212] НА РК. Ф.79. Оп.1. Д.6/2. Л.20.

[213] Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск. 1978. С.23—24; Учет грамотности и образования населения Олонецкой губернии. Петрозаводск. 1910. С.20—22.

[214] Памятная книжка Олонецкой губернии на 1865 г. Петрозаводск, 1865. С.109; ОГВ. 1906. 23 апреля; 1913. 26 ноября.

[215] Ламанский И.Д. Олонецкая гимназия (Историческая записка)// Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. Петрозаводск, 1902. С.239.

[216] Школьная статистика... Вып.IV. Петрозаводск, 1917. С.17; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 г. Петрозаводск, 1913. С.62—66, 93—94; Архангельская Карелия. С.67—68.

[217] Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1867 г. Ч.2. Петрозаводск, 1868. С.112—113; Протоколы заседаний съезда земских врачей Олонецкой губернии 1896 г. Петрозаводск, 1897. С.13—70; Обзор Олонецкой губернии за 1913 г. С.34—35; Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. Архангельск, 1913. С.190—191.

[218] Шиф И. Земская медицинская помощь населению и фельдшера// ВОГЗ. 1907. №3. С.21—23.

[219] Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1867 г. Ч.2. С.112—113; Протоколы заседаний съезда земских врачей Олонецкой губернии 1896 г. С.13—70; Обзор Олонецкой губернии за 1913 г. С.34—35; Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. С.190—191.

[220] ВОГЗ. 1907. №6. С.15—16.

[221] Илюха О.П. Пути книги к читателю: Книгоиздание, книжная торговля и библиотеки в Олонецкой губернии (XIX — нач. XX в.)// Rajamailla II. Rovaniemi. 1996. С.113.

[222] Там же. С.114—115.

[223] НА РК. Ф.27. Оп.2. Д.520. Л.5—7; Обзор состояния внешкольного образования в Олонецкой губернии за 1917 г. Петрозаводск, 1918. Приложение; Архангельская Карелия. С.63.

[224] Илюха О.П. Указ. соч. С.100.

[225] Пименов В., Эпштейн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1969. С.202—206.

[226] ОГВ. 1906. 30 декабря; 1910. 6 ноября; Колосенок С.В. Театр нашего города. Петрозаводск, 1973. С.4—5.

[227] ОГВ. 1902. 18 июля; 1914. 18 февраля, 2 апреля.

[228] Цит. по: Базанов В. Поэзия русского Севера. Петрозаводск, 1981. С.51.

[229] Цит. по: Чистов К.В. Народная поэтесса // И.А.Федосова. Избранное. Петрозаводск, 1981. С.1.

[230] ОГВ. 1902. 23 апреля. 18 мая. 13 июня.

[231] Цит. по: Чистов К.В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980. С.76.

[232] ГАРФ. Ф.406. Оп.1. Д.986. Л.90—91.

[233] Крылов В.И. Н.Ф. Лесков (Некролог) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1915. №5/8. С.121—125.

К главе VI

[1] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С.14—20.

[2] НА РК. Ф.1710. Оп.1. Д.31. Л.12.

[3] Там же. Ф.1541. Оп.1. Д.1. Л.6—7.

[4] Организация и строительство Советов в 1917 г. Сб. документов. М., 1928. С.27—28.

[5] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.11. Л.5—6.

[6] Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 6 апреля; Исторический архив. 1959. №5. С.28.

[7] ГАОПДФ РК. Ф.14. Оп.1. Д.11. Л.17.

[8] Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 13 августа.

[9] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.3/32. Л.12.

[10] Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 16 мая; Земля и воля (Петроград). 1917. 22 июня.

[11] Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 18 июня; НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.1. Л.25.

[12] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.1. Л.8—10; Оп.2. Д.1. Л.24.

[13] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.30—31.

[14] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.27. Л.226—227.

[15] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.44—48.

[16] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 13—14 июля; НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.4. Л.72—76.

[17] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 13 августа.

[18] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.20. Л.18, 20; Известия Олонецкого губсовета. 1917. 10, 19 сентября.

[19] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 10, 20 августа.

[20] Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 15, 19 июля.

[21] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.13. Л.25.

[22] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.67.

[23] Там же. С.58—61.

[24] ГААО. Ф.366. Оп.1. Д.31. Л.45, 104; Д.38 Л34—35, 43—44, 61; ГАРФ. Ф.406. Оп.6. Д.58. Л.124.

[25] Борьба за установление и упрочение советской власти на Севере. Сб. документов и материалов. Архангельск, 1959. С.64.

[26] Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации: Материалы по истории советского строительства. Т.1. Ч.2. М., 1929. С.244.

[27] НА РК. Ф.108. Оп.1. Д.8. Л.8, 25—27; Д.19. Л.49.

[28] Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. №15. С.14.

[29] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 2 сентября.

[30] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.20. Л.19—20; Известия Олонецкого губсовета. 1917. 21 сентября.

[31] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 24, 26 октября.

[32] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.20. Л.22.

[33] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.86—87.

[34] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 10 декабря.

[35] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.71, 74.

[36] Правда. 1917. 1 ноября.

[37] Härkönen J. Karjalan sivistysseuran toiminta. 1917—1919. Helsinki, 1919. S.8—15; ГА РФ. Ф.398. Оп.1. Д.51. Л.14—17.

[38] Сюкияйнен И.И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 гг. Петрозаводск, 1948. С.23—24.

[39] Машезерский В.И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С.25—26.

[40] Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. №16. С.20.

[41] Архив КНЦ РАН. Ф.1. Оп.31. Д.39. Л.1—2; Дубровская Е.Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С.81—82.

[42] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.98—99.

[43] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 9 ноября.

[44] Там же. 1917. 30 ноября, 12, 15 декабря.

[45] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.101.

[46] НА РК. Ф.1541. Оп.1. Д.12, Л.5; Д.19. Л.41, 55, 58, 61, 70, 79.

[47] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.103.

[48] Советы Карелии. 1917—1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С.30—31.

[49] Известия Олонецкого губсовета. 1917. 12 декабря.

[50] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.95.

[51] ГАОПДФ РК. Ф.14. Оп.1. Д.49. Л.1—4; Д.87. Л.2—5.

[52] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.151—152.

[53] Там же. С.159—160.

[54] История Карелии в документах и материалах: Советский период. Петрозаводск, 1992. С.13—15.

[55] ГАРФ. Ф.393. Оп.5. Д.110. Л.275—277; Д.114. Л.176.

[56] ГААО. Ф.352. Оп.1. Д.17. Л.67, 131.

[57] В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957. С.35–36.

[58] Советы Карелии. 1917—1992. С.43.

[59] IV Чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1918. С.18—19; В борьбе за власть Советов. С.70, 126—128.

[60] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.255.

[61] Новый путь. 1919. №1—2. С.7—9.

[62] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.158.

[63] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.21; Материалы по земельной реформе 1918 г. Вып.1. Распределение земли в 1918 г. М., 1919. С.2—7, 16—17.

[64] НА РК. Ф.98. Оп.1. Д.60. Л.29.

[65] С Лениным вместе: Воспоминания. Документы. Петрозаводск, 1970. С.303—304.

[66] Советы Карелии. 1917—1992. С.44—46; НА РК. Ф.2. Оп.1. Д.24.

[67] Известия Олонецкого губсовета. 1918. 19 февраля.

[68] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. 1918—1927. Петрозаводск, 1983. С.65—70.

[69] ГАОПДФ РК. Ф.1. Д.1. Л.9; Ф.2. Оп.1. Д.2. Л.1—5; Д.7. Л.9; Д.20. Л.2, 7.

[70] НА РК. Ф.566. Оп.1. Д.2. Л.49.

[71] Машезерский В.И. Указ. соч. С.33—35.

[72] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.209.

[73] Gylling E. Ensimmäinen sosialistisen tasavaltain välinen sopimus// Kommunisti. 1928. № 1. S.25—29.

[74] Правда. 1918. 10 марта.

[75] ГААО. Ф.352. Оп.1. Д.17. Л.126, 129—131.

[76] РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.5685. Л.1—2.

[77] Papers Relating to the Foraign Relations of the United States. 1918. Russia. Washington, 1939. Vol.1. P.384.

[78] Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг–стрит. М., 1980. С.34.

[79] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.221.

[80] Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский "узел" в марте—июне 1918 г. // Отечественная история. 1994. № 1. С.79.

[81] РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.5685. Л.1; Ф.19. Оп.1. Д.99. Л.3; Д.109. Л.26.

[82] РГА ВМФ. Ф.Р–342. Оп.1. Д.170. Л.8.

[83] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.344.

[84] Сюкияйнен И.И. Карельский вопрос... С.32—36.

[85] Левкоев А.А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918—1923 гг.) // Общественно–политическая история Карелии XX в.: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С.26.

[86] РГА ВМФ. Ф.Р–130. Оп.1. Д.43. Л.4; Ф.Р–342. Оп.1. Д.172. Л.1, 5—6, 9—10, 14—15; Д.174. Л.1; Кедров М.С. Без большевистского руководства. Л., 1930. С.69—70.

[87] Балагуров Я.А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Изд. 2–е. Петрозаводск, 1973. С.54—65.

[88] Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сб. документов. Петрозаводск, 1944. С.52, 54; Машезерский В.И. Указ. соч. С.53—54.

[89] Коутанен Г. В Мурманском крае в 1917—1920 гг. // Красная летопись. 1930. №2; Архив КНЦ РАН. Ф.1. Оп.13. Д.121; Оп.20. Д.101, 137, 163, 166.

[90] ЦГА СПб. Ф.142. Оп.6. Д.7. Л.42—44, 88—90.

[91] Машезерский В.И. Указ. соч. С.50—51.

[92] НА РК. Ф.319. Оп.1. Д.26. Л.18.

[93] Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975. С.37—38.

[94] Борьба за установление и упрочение советской власти на Мурмане: Сб. документов и материалов. Мурманск, 1960. С.201, 204.

[95] Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918—1920. М., 1993. С.45.

[96] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.276.

[97] ГАРФ. Ф.393. Оп.1. Д.117. Л.17—19.

[98] Северный фронт. 1918—1920: Документы. М., 1961. С.95.

[99] Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т.1. М., 1990. С.208—209.

[100] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.7—8.

[101] Северный фронт. 1918—1920. С.27—28.

[102] Там же. С.32.

[103] НА РК. Ф.29. Оп.1. Д.81. Л.58; Д.175. Л.1.

[104] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.26.

[105] НА РК. Ф.2441. Оп.1. Д.40. Л.88.

[106] ГАОПДФ РК. Ф.2. Оп.2. Д.2. Л.31.

[107] Подсчитано по: Вестник областного комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области. 1919. №5. С.492—493.

[108] Аграрная политика советской власти (1917—1918 гг.): Документы и материалы. М., 1954. С.502.

[109] Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. Т. 1. М., 1960. С. 31—32, 43—46, 52—58, 66—67, 74—78, 84—87.

[110] НА РК. Ф.443. Оп.1. Д.4/54. Л.84.

[111] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. 1918—1920. Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С.211.

[112] Андриайнен А.И. Онежский завод в годы иностранной интервенции // Из истории

иностранной интервенции и Гражданской войны в Карелии. Труды Карельского филиала АН СССР. Вып.24. Петрозаводск, 1960. С.47.

[113] НА РК. Ф.533. Оп.1. Д.53/597. Л.42.

[114] Богданова Г.Н. На хозяйственном фронте. 1918—1920: Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и Гражданской войны. Петрозаводск, 1980. С.62—66.

[115] Там же. С.62.

[116] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.233.

[117] РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.13301. Л.3.

[118] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.27.

[119] НА РК. Ф.98. Оп.1. Д.60. Л.29.

[120] РГАСПИ. Ф.19. Оп.3. Д.21. Л.5, 64—65, 73.

[121] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.277—279.

[122] НА РК. Ф.108. Оп.3. Д.192. Л.45—46.

[123] Статистический ежегодник 1918—1920 гг.: Труды ЦСУ. Т.8. Вып.1. М., 1921. С.XVI, 113.

[124] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.325—329; НА РК. Ф.108. Оп.3. Д.192. Л.45—46.

[125] НА РК. Ф.98. Оп.1. Д.31/801. Л.30, 88—90; Ф.12. Оп.1. Д.1075. Л.152, 177; Д.291. Л.237.

[126] Советы Карелии. 1917—1992. С.70—71.

[127] НА РК. Ф.639. Оп.6. Д.1. Л.6; Д.22. Л.74—78.

[128] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.32.

[129] Там же. С.41—42; Статистический справочник по аграрному вопросу. Вып.3: Сельское хозяйство в 1918—1920 гг. М., 1922. С.1.

[130] НА РК. Ф.108. Оп.3. Д.89. Л.115—116; Д.142. Л.5—7, 43—46.

[131] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.41.

[132] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.358; НА РК. Ф.29. Оп.1. Д.176. Л.3.

[133] Советы Карелии. 1917—1992. С.59.

[134] НА РК. Ф.28. Оп.1. Д.11. Л.36—39, 42—43, 46—48, 57.

[135] Советы Карелии. 1917—1992. С.61.

[136] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.404—413.

[137] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Washington. 1931. Vol.II. P.546.

[138] Из истории Гражданской войны в СССР. Т.2. М., 1961. С.16; Army. The Evacuation of North Russia. 1919. London, 1920. P.20.

[139] Ironside W.E. Archangel. 1918—1919. London, 1953. P.58.

[140] ГАОПДФ РК. Ф.10. Оп.2. Д.2. Л.72—73; Д.6. Л.42; Д.11. Л.38.

[141] Афанасьева А.И. Бои за станцию Сегежа в 1919 г.// Труды Карельского филиала АН СССР. Вып.24. С.24—28; РГВА. Ф.190. Оп.2. Д.34. Л.192—195.

[142] Army. The Evacuation of North Russia. P.26.

[143] Дубровская Е.Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей// Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С.65—66.

[144] Maynard C.M. The Murmansk Venture. London, 1928. P.198—213, 251—252, 312—321; Сюкияйнен И. Это было на Севере. Петрозаводск, 1965.

[145] Борьба за установление и упрочение советской власти на Мурмане. С.337—345, 465.

[146] Холодковский В.М. Указ. соч. С.65—67.

[147] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.166—167, 170—182, 587.

[148] РГВА. Ф.9. Оп.8. Д.32. Л.40—44; Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.344.

[149] НА РК. Ф.28. Оп.1. Д.186. Л.11.

[150] Army. The Ewacuation of North Russia. P.35.

[151] Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.)// Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Вып.1. Архангельск, 1993. С.290—292, 310—325.

[152] Самойло А.А., Сбойчаков М.И. Поучительный урок. М., 1962. С.140.

[153] Морозов К.А. Онежская флотилия в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Петрозаводск, 1961. С.45—55.

[154] Из истории Гражданской войны в СССР. Т.2. С.343.

[155] НА РК. Ф.639. Оп.6. Д.7. Л.374, 400—403; Д.185. Л.9.

[156] Северный фронт. 1918—1920. С.236—237.

[157] Советы Карелии. 1917—1992. С.63—65.

[158] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.128—129, 587.

[159] Марушевский В.В. Указ. соч. С.329.

[160] Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982. С.150.

[161] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.140—153, 166—197; За советскую Карелию. 1918—1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С.173—204; Балагуров Я.А. Борьба за советы в Карельском Поморье. С.111—134.

[162] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.144, 145, 153, 159, 166.

[163] Дубровская Е.Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей. С.67.

[164] Какурин Н.Е. Указ. соч. Т.2. С.210.

[165] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.46—47.

[166] Army. The Evacuation of North Russia. P.45.

[167] Морозов К.А. Указ. соч. С.88—91.

[168] Советы Карелии. 1917—1992. С.67.

[169] ГАРФ. Ф.5867. Оп.1. Д.33. Л.8.

[170] Там же. Д.77. Л.129—130.

[171] Безбережьев С.В. Миссия генерала Клюева // Север. 1993. №7. С.119—131.

[172] Советы Карелии. 1917—1992. С.72, 517.

[173] Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т.1. М., 1944. С.404, 412—413, 447.

[174] Богданов Г.Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (1918—1921 гг.)// Карело-Мурманский край. 1927. №10—11. С.9—11.

[175] ГААО. Ф.352. Оп.1. Д.170. Л.19.

[176] Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. С.209, 294—296; Советы Карелии. 1917—1992. С. 68—70; Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С. 529—531; Suomen Ulkoasiainministeriön Arkisto. 11 A V 2.

[177] Советы Карелии. 1917—1992. С. 71-73, 517; НА РК. Ф. 550. Оп. 1. Д. 3. Л. 36—49.

[178] Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 44.

[179] Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С. 529.

[180] Там же. С. 530-531.

[181] Левкоев А.А. Указ. соч. С.31.

[182] Куджиев В.М. Карельская Трудовая Коммуна: Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск, 1970. С.30—32; С Лениным вместе: Воспоминания. Документы. С.66—67, 205—206; Йокипии М. Основные этапы экономического и политического развития Карельской республики // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С.354—355; Афанасьева А.И., Морозов К.А. В.И. Ленин и Советская Карелия. Изд. 2-е, доп. Петрозаводск, 1985. С.22—24.

[183] За Советскую Карелию. 1918—1920. С.472; Афанасьева А.И., Морозов К.А. Указ. соч. С.53.

[184] Цит. по: Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.537.

[185] Куджиев В.М. Как создавалась Карельская Трудовая Коммуна // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С.11.

[186] НА РК. Ф.28. Оп.1. Д.316. Л.4—5; Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1—3 июля 1920 г. Первый Всекарельский съезд Советов. 11—18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С.257; Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. С.532—533.

[187] Всекарельский съезд... С.4, 7—90; Олонецкая коммуна. 1920. 4 июля.

[188] АВП РФ. Ф.135. Оп.3. Д.10. П.10. Л.2.

[189] Шувалов В.И. Первый Всекарельский съезд Советов// Вопросы истории. Петрозаводск, 1973. С.94.

[190] Всекарельский съезд... С.38.

[191] Там же. С.124, 263; Богданов Г.Х. Указ. соч. С.11.

[192] АВП РФ. Ф.135. Оп.4. Д.21. Л.1—2; Килин Ю.М. Указ. соч. С.47—50; Левкоев А.А. Указ. соч. С.37.

[193] Афанасьева А.И., Морозов К.А. Указ. соч. С.64; Машезерский В.И, Указ. соч. С.97—98.

[194] Куджиев В.М. Карельская Трудовая Коммуна. С.58—59.

[195] ГАОПДФ РК. Ф.4. Оп.2. Д.10. Л.7.

[196] Олонецкая Коммуна. 1920. 24 августа.

[197] Машезерский В.И. Указ. соч. С.106—107.

[198] Олонецкая коммуна. 1920. 24 августа.

[199] ГАОПДФ РК. Ф.4. Оп.1. Д.133. Л.59; Оп.2. Д.10. Л.7; НА РК. Ф.550. Оп.1. Д.19. Л.680.

[200] Левкоев А.А. Указ. соч. С.47.

[201] Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997. С.331.

[202] Всекарельский съезд... С.17—18.

[203] Невалайнен П. Карелия после 1917 года// Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С.253.

[204] Документы внешней политики СССР. Т.III. М., 1959. С.281—282.

[205] Всекарельский съезд... С.91—251.

К главе VII

[1] Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С.46.

[2] Ежегодник АКССР. Вып.4. Петрозаводск, 1929. С.1—3.

[3] Гюллинг Э. Естественный прирост населения в Карелии в 1923—1926 годах // Экономика и статистика Карелии. 1928. № 2. С.112—117; Ежегодник АКССР. Вып.4. С.5; Покровская И.П. Указ. соч. С.48.

[4] Покровская И.П. Указ. соч. С.65—69; Клементьев Е.И. Этносоциальные аспекты переписи населения 1926 года. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С.44—50; Такала И.Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо–Западе России в 1920—1950–е годы. Петрозаводск, 1998. С.162—164.

[5] Такала И.Р. Финны–иммигранты // Финны в России: История, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С.104, 106.

[6] НА РК. Ф.690. Оп.1. Д.9/65. Л.35

[7] Коммуна. 1921. 27 декабря.

[8] Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства. 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С.65

[9] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.42. Л.16—17, 34, 49.

[10] Там же. Ф.13. Оп.5. Д.7. Л.52—53; Ф.3. Оп.1. Д.42. Л.14, 18, 31, 33, 35.

[11] Там же. Ф.3. Д.48. Л.63.

[12] НА РК. Ф.689. Оп.1. Д.18/187. Л.178—181.

[13] Чухин И.И. Карелия–37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С.25.

[14] ГАОПДФ РК. Ф.3. Д.62. Л.1.

[15] Сидорова Л.А. Советы Карелии в годы восстановления народного хозяйства и начала социалистической индустриализации. 1920—1927. Петрозаводск,1986. С.41, 43.

[16] Неизвестная Карелия: Сб. документов. Петрозаводск, 1997. С.84.

[17] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.151. Л.11—12.

[18] Сидорова Л.А. Советы Карелии в годы восстановления... С.118—119.

[19] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.139. Л.13; Д.154.

[20] Там же. Оп.1. Д.48. Л.124.

[21] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. Петрозаводск, 1983. С.225.

[22] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.139. Л.43.

[23] Там же. Оп.2. Д.178. Л.63.

[24] Неизвестная Карелия. С.35.

[25] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.42. Л.34—35; Д.48. Л.68, 95.

[26] Там же. Д.48. Л.66, 98, 100.

[27] Там же. Л.66, 90—91.

[28] Там же. Л.87.

[29] Там же. Л.92, 93, 96, 99.

[30] НА РК. Ф.689. Оп.4. Д.1/1а. Л.48.

[31] Там же. Оп.1. Д.28/328. Л.69.

[32] Гардин Е.С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). Петрозаводск, 1955. С.21.

[33] Шумилов М.И. Крестьянский двор Карелии в годы Первой мировой и Гражданской войн // Крестьянское хозяйство: История и современность. Ч.2. Вологда. 1992. С.148—151.

[34] Коммуна. 1921. 29 января.

[35] Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С.221.

[36] Там же. С.132, 159, 163, 164, 167.

[37] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.48. Л.63, 65.

[38] Афанасьева А.И. Начало // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С.10.

[39] Гюллинг Э.А. Бюджетные права Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 7—8. С.4.

[40] НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.7/52. Л.31—33.

[41] Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929. С.73.

[42] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.48. Л.49.

[43] Там же. С.75.

[44] Там же. Ф.1552. Оп.1. Д.30. Л.45.

[45] VIII Всекарельский съезд Советов: Протоколы. Петрозаводск, 1929. С.21—22.

[46] Некоторые данные о работе Карельского правительства. С.19, 78.

[47] Там же. С.77—78; НА РК. Ф.549. Оп.1, Д.8/100. Л.23.

[48] Востряков А.И. Кондопога. Петрозаводск, 1975. С.56.

[49] Тарасов И.К. Так начиналась новая Кондопога // На фронте мирного труда. 1920—1940: Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. Петрозаводск, 1976. С.18

[50] НА РК. Ф.571. Оп.1. Д.32/274. Л.561—569.

[51] Там же. Д.8/100. Л.132; Д.39/346. Л.113—114.

[52] Киселева О.А. Транспортно-промышленный колонизационный комбинат МЖД // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С.145.

[53] См.: Курсков Ю.В. Концессия "Репола-Вууд" (1924—1931 гг.) (из истории советско-финляндских экономических связей) // Скандинавский сборник V. Таллин, 1962. С.15—33.

[54] Неизвестная Карелия. С.51.

[55] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.151. Л.5.

[56] Чухин И. Каналоармейцы // Север. 1989. № 9.

[57] Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания. СПб, 1997. С.224.

[58] НА РК. Ф.704. Оп.5. Д.19/169. Л.5; VIII Всекарельский съезд Советов. С.92—93; Ежегоднк АКССР. Вып. 4. С.108.

[59] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.178. Л.6—7, 13.

[60] НА РК. Ф.480. Оп.2. Д.65/81. Т.2. Л 712, 718—719; Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 — июнь 1941. Петрозаводск, 1984. С.18, 21.

[61] НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.4/33. Л.33.

[62] Некоторые данные о работе Карельского правительства. С.66

[63] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.579. Л.129—130.

[64] Неизвестная Карелия. С.31.

[65] Некоторые данные о работе Карельского правительства. С.64—65.

[66] Там же. С.67.

[67] Народное хозяйство Карелии. 1926 — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С.146.

[68] Там же. С.145, 148, 149.

[69] И.К. Крестьянская взаимопомощь в Карелии// Карело-Мурманский край. 1928. № 3. С.28.

[70] Никольский И.М. Справочная книжка АКССР. Ч.I. Петрозаводск, 1929. С.175.

[71] Краткий отчет Народного комиссариата земледелия АКССР за 1928—1929 гг. Петрозаводск, 1930. С.16.

[72] Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Петрозаводск, 1997. С.21—22.

[73] VIII Всекарельский съезд Советов. С.6.

[74] НА РК. Ф.689. Оп.5. Д.17б/113. Л.226—227, 229; Карташев Г. Советы Карелии в борьбе за пятилетку в четыре года // Советская Карелия. М.; Л., 1933. С.167.

[75] Вавулинская Л.И. Из истории Советов Карелии (1930—1960 гг.). // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С.170.

[76] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.3. Д.118. Л.47.

[77] Карташев Г. Указ. соч. С.166, 168; НА РК. Ф.689. Оп.5. Д17б/113. Л.227—228.

[78] Вавулинская Л.И. Из истории Советов Карелии. С.171, 172.

[79] Там же. С.168.

[80] Карельская организация КПСС в цифрах. 1921—1984. Петрозаводск, 1985. С.35; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.3. Д.52. Л.4.

[81] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.225. Л.116—17, 31—34, 39, 41, 72; Д.315. Л.52.

[82] Там же. Д.315. Л.34, 36, 52, 77.

[83] Там же. Оп.3. Д.311. Л.35; НА РК. Ф.3414. Оп.1. Д.1/4. Л.1—4.

[84] Кангаспуро М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. С.140—144.

[85] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.3. Д.108. Л.46; Д.111. Л.73, 77; Д.112. Л.5;. Д.114. Л.50; Д.118. Л.53, 55.

[86] Там же. Оп.4. Д.106. Л.30; Д.284. Л.25; Ф.1552. Оп.1. Д.423. Л.5,10,12.

[87] Вавулинская Л.И. Из истории Советов Карелии. С.176; Славин И. Революционная законность в Карелии. (1917—1932) // Советская Карелия. С.228.

[88] Славин И. Указ. соч. С.235.

[89] Чухин И. Карелия-37. С.26—27.

[90] Там же.

[91] Там же. С.23—26.

[92] Там же. С.28.

[93] Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917—1990-е годы). Петрозаводск, 1999. С.65.

[94] Там же. С.66; Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С.147—148.

[95] Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ.соч. С.147—149; Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г. Указ. соч. С.74.

[96] Детчуев Б.Ф. Макуров В.Г. Указ.соч. С.72—73.

[97] Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ.соч. С.143—146; Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г. Указ.соч. С.96—101, 147—154.

[98] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. 1928—1940. Петрозаводск, 1989. С.161; Детчуев Б.Ф. Макуров В.Г. Указ.соч. С.166—179; Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ. соч. С.147, 149.

[99] Карташев Г. Указ. соч. С.159—161.

[100] Сидорова Л.А. Рост политической активности рабочего класса Карелии в 1926—1932 годах. Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1982. С.66; Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. С.224.

[101] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии . С.108, 128.

[102] Тинькова Н.К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926—1932). Петрозаводск, 1981. С.36, 87.

[103] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.67.

[104] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.656. Л.41—42.

[105] Тинькова Н.К. Деятельность карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи. С.115, 127—128.

[106] Тинькова Н.К. Женские делегатские собрания Карелии (1921-1933) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С.51, 56, 60, 62, 64—65.

[107] Афанасьева А.И.Культурные преобразования в советской Карелии. С.115—117.

[108] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.315. Л.33, 75; Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С.14.

[109] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.204—205; Вавулинская Л.И. Из истории Советов Карелии. С.171; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.3. Д.114. Л.77; Советы Карелии. 1917—1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С.170; Рабочий класс Карелии в период построения социализма. С.22.

[110] Афанасьева А.И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии (1920—1940 гг.) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С.57.

[111] Там же. С.58.

[112] Левкоев А.А. Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении истории Карелии. 110—112.

[113] Красная Карелия. 1936. 4 сентября.

[114] НА РК. Ф.689. Оп.5. Д.12/73. Л.69, 89, 124—128.

[115] ГАОПДФ РК. Ф.1552. Оп.1. Д.432. Л.9, 11.

[116] Советы Карелии. С.485.

[117] Там же. С.203.

[118] Чухин И. Карелия-37. С.30; Неизвестная Карелия. С.262—263; НА РК. Ф.704. Оп. 5.Д 19/169. Л.23; ГАОПДФ РК. Ф.1552. Оп.1. Д.446, Л.61, 67, 84.

[119] Такала И.Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С.186—190.

[120] Там же. С.194—199.

[121] Яровой А.О карелизации, финнизации и "хромом барине" // Север. 1991. № 11. С.143; Чухин И. Карелия-37. С.85, 86, 179.

[122] Такала И.Р. Репрессивная политика в отношении финнов в советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С.126; Чухин И. Карелия-37. С.42—44.

[123] Цит. по: Верхоглядов В. 1937: Дневник Василия Градусова // Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С.270, 273—274, 282—283.

[124] Цит. по: Чухин И. Карелия-37. С. 53—56, 65.

[125] Трубин А. Тайна квартала №22 // Их называли КР. С.301—302.

[126] ГАОПДФ РК. Ф.1552. Оп.1. Д.443. Л.4,7.

[127] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.214—215.

[128] Доклад Карельского правительства Президиуму ВЦИКа и Совету Национальностей ЦИКа. XV лет Карельской АССР. 3/VIII 1920 — 3/VIII 1935 .Петрозаводск, 1935. С.8.

[129] НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.4/34. Л.36; Д.7/50. Л.16; Д.4/34. Л.48; Д.7/51. Л.36; Д.4/32. Л.312.

[130] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.423. Л.94—96.

[131] История Карелии в документах и материалах: Советский период. Петрозаводск, 1992. С.110—112.

[132] Советы Карелии. С.149.

[133] НА РК. Ф.689. Оп.5. Д.26/185. Л.31—32.

[134] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.515. Л.96.

[135] НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.1119. Л.39.

[136] Социалистическая индустриализация Карельской АССР. М; Л., 1935. С.138; Народное хозяйство Карелии. С.116

[137] Социалистическая индустриализация Карельской АССР С.158, 202; X Всекарельский съезд Советов: Сокращенный стенографический отчет. Петрозаводск, 1935. С.40; Народное хозяйство Карелии. С.49.

[138] Социалистическая индустриализация Карельской АССР. С.187; НА РК. Ф.1960. Оп.1. Д.7/23. Л.108, 110; Д.17/88. Л.122; Д.23/140. Л.69—70.

[139] Народное хозяйство Карелии. С.22.

[140] Макуров В.Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933—1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. С.135—137, 157;

[141] Никитина О.А. Спецпоселения в Карелии (1931—1932 гг.) // Новое в изучении истории Карелии. С.123—124, 130.

[142] Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С.62—63.

[143] НА РК. Ф.690. Оп.1. Д.17/189. Л.3.

[144] Там же. Д.19/218. Л.16—19, 26.

[145] Там же. Ф.689. Оп.5. Д.26/186. Л.145.

[146] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.494. Л.34

[147] НА РК. Ф.690. Оп.1. Д.21/242. Л.3, 5, 15, 17, 31, 34; Д.22/252. Л.37—39.

[148] Там же. Д.19/218. Л.43, 51; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.564. Л.29.

[149] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.494. Л.44.

[150] НА РК. Ф.689. Оп.5. Д.17б/113. Л.210.

[151] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.494. Л.15.

[152] Вавулинская Л.И. К вопросу о культуре труда // Народная культура Севера: "первичное" и "вторичное". Традиции и новации. Тезисы докл. Архангельск, 1991. С.21.

[153] НА РК. Ф.480. Оп.3. Д.43/350. Л.61.

[154] Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С.90, 186—187; Вавулинская Л.И. Ударничество: противоречия развития (на примере Карелии. 1929—1932 гг.) // Промышленные рабочие Карелии в XX веке. Петрозаводск, 1991. С.96—97.

[155] Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С.22.

[156] НА РК. Ф.690. Оп.3. Д.52/438; Ф.685. Оп.1. Д.8/32. Л.9; Вавулинская Л.И. Активизация миграционных процессов в Карелии в первой половине 1930-х годов // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1994.

[157] Андриайнен А.И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С.194; Такала И.Р. В поисках Эльдорадо: Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С.95—96.

[158] НА РК. Ф.480. Оп.2. Д.171/2. Л.32.

[159] Там же. Ф.689. Оп.5. Д.26/183. Л.70.

[160] Там же. Д.26/185. Л.103.

[161] Там же. Ф.1960. Оп.1. Д.17/88. Л.123, 125, 130.

[162] Там же. Ф.480. Оп.3. Д.32/371. Л.56; Ф.700. Оп.1. Д.213/1559. Л.50; Ф.1009. Оп.2. Д.11/83. Л.5—6; Д.7/57. Л.16; Д.2/9. Л.25, 30.

[163] Там же. Ф.2716. Оп.1. Д.49/556. Л.13.

[164] Макуров В.Г. Формирование постоянных кадров рабочих лесной промышленности Карелии (конец 1930-х — 1950-е гг.) // Промышленные рабочие Карелии в XX веке. С.104; НА РК. Ф.2716. Оп.1. Д.13/92. Л.82, 115, 123.

[165] НА РК. Ф.528. Оп.3. Д.78/627. Л.4.

[166] Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. С.135.

[167] Материалы о снабжении рабочих Онегзавода предоставлены автору А.А. Рагозиной.

[168] НА РК. Ф.689. Оп.5. Д.26/186. Л.113.

[169] На фронте мирного труда. С.52—55; Тукачев В. И улица стала проспектом // Комсомолец. 1978. 6 июля.

[170] НА РК. Ф.689. Оп.5. Д.26/185. Л.52.

[171] Там же. Д.26/183. Л.99; Д.26/185. Л.141.

[172] Там же. Ф.1044. Оп.2. Д.167/6. Л.5; Красная Карелия. 1934. 17 мая.

[173] Тинькова Н.К. Стахановское движение в народном хозяйстве Карельской АССР (1935—1937 гг.) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1986. С.132—135.

[174] Комсомолец Карелии. 1935. 2 декабря.

[175] Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С.152.

[176] Красная Карелия. 1936. 30 января.

[177] Там же. 1936. 4 июля.

[178] Там же. 1936. 9 августа.

[179] Тинькова Н.К. Стахановское движение... С.141.

[180] Красная Карелия. 1936. 5 сентября.

[181] НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.217/1625. Л.22; Ф.1960. Оп.1. Д.23/140. Л.68; Ф.1009. Оп.2. Д.2/9. Л.17; Ф.2034. Оп.1. Д.2/11. Л.57

[182] Советы Карелии. С.198; И. Чухин. Карелия–37. С.44. Карелин В.А., Карпенко А.С., Пудышев Г.Я., Яковицкий В.М. Кондопога: Очерки истории и культуры края. Петрозаводск, 1996. С.56—57.

[183] НА РК. Ф.1009. Оп.2. Д.3/12. Л.2.

[184] Там же. Д.7/58. Л.24—28, 37—40, 43; Ф.2034. Оп.1. Д.2/11. Л.63, 64, 82; Макуров В.Г. Формирование постоянных кадров рабочих лесной промышленности Карелии. С.109.

[185] Макуров В.Г. Беломорско–Балтийский комбинат в Карелии. С.141, 157—158; ГУЛАГ в Карелии: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1992. С.196.

[186] История Карелии в документах и материалах: Советский период. С.123; НА РК. Ф.882. Оп.1. Д.4/20. Л.51, 72; Д.1/8б. Л.163; Д.94/561а. Л.3.

[187] Макуров В.Г. Беломорско–Балтийский комбинат в Карелии. С.158—159; НА РК. Ф.1411. Оп.2. Д.19/266. Л.33.

[188] НА РК. Ф.1411. Оп.2. Д.19/266. Л.33.

[189] Там же.

[190] Народное хозяйство Карелии. С.84.

[191] Покровская И.П. Экономическое и социальное развтие Карелии за 60 лет // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1986. С.15.

[192] Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. С.136.

[193] Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С.16—17; Покровская И.П. Население Карелии. С.61; Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940. М., 1976. С.131.

[194] НА РК. Ф.604. Оп.1. Д.1/2. Л.46—47.

[195] Из истории раскулачивания в Карелии. Петрозаводск, 1991. С.216—217.

[196] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.592. Л.65; Д.593. Л.132; Д.594. Л.14, 63, 66; Д.607. Л.6.

[197] За большевистскую реализацию решений XVII съезда партии // Карело–мурманский край. 1934. №1—2. С.5.

[198] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.767. Л.35.

[199] НА РК. Ф.690. Оп.1. Д.18/194. Л.171—172.

[200] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.591. Л.22об.—23об.; Из истории раскулачивания в Карелии. С.131—133.

[201] НА РК. Ф.690. Оп.1. Д.18/194. Л.169, 175—176об; Ф.604. Оп.1. Д.1/2. Л.66.

[202] Там же. Ф.698. Оп.1. Д.5/57. Л.106; ГАОПДФ РК. Ф.39. Оп.2. Д.28. Л.83.

[203] Из истории раскулачивания в Карелии. С.88—89; НА РК. Ф.690. Оп.3. Д.33/252. Л.110—111.

[204] Из истории раскулачивания в Карелии. С.29.

[205] НА РК. Ф.698. Оп.1. Д.5/57. Л.94—95; Из истории раскулачивания в Карелии. С.60—61, 76—77.

[206] НА РК. Ф.604. Оп.1. Д.1/2. Л.97; Из истории раскулачивания в Карелии. С.89, 92, 93—94, 95–100.

[207] Из истории раскулачивания в Карелии. С.128—129.

[208] Там же. С.138—140.

[209] НА РК. Ф.604. Оп.1. Д.1/3. Л.4—5; Из истории раскулачивания в Карелии. С.150—151, 153, 170, 172, 175.

[210] Из истории раскулачивания в Карелии. С.171, 178.

[211] Там же. С.180–181.

[212] Там же. С.196—197, 198—200, 204—209, 223—224.

[213] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.606. Л.66; Д.607. Л.119–119об; Из истории раскулачивания в Карелии. С.217, 222.

[214] ГАОПДФ РК. Ф.3. Д.592. Л.8,10; Из истории раскулачивания в Карелии. С.126.

[215] НА РК. Ф.690. Оп.1. Д.22/250. Л.1—7.

[216] Народное хозяйство Карелии. С.203.

[217] Афанасьева А.И.Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. С.231

[218] ГАОПДФ РК. Ф.14. Оп.1. Д.174. Л.2.

[219] Там же. С.168.

[220] Тополь Ю.А. Средняя специальная школа Карелии в годы второй пятилетки (1933—1937) // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С.163—164, 186—210, 222—223.

[221] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. С.223.

[222] Петрозаводскому государственному университету 50 лет. Петрозаводск, 1990. С.6—14.

[223] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.189, 195—196, 200, 203, 222—223; Афанасьева А.И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920—1940) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С.42.

[224] Карельский государственный педагогический университет в цифрах и фактах. Петрозаводск, 1996. С.29—49.

[225] Макуров В.Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. С.142—143.

[226] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии.С.141.

[227] НА РК. Ф.630. Оп.1. Д.21/188. Л.74.

[228] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии.С.142—143, 209.

[229] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.2. Д.177. Л.3, 5.

[230] Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. С.224—225.

[231] Илюха О.П. Социальный облик школьного учителя советской Карелии (1920—1930-е гг.) // Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия: Тезисы докладов международного симпозиума историков (21—23 мая 1999 г.). Петрозаводск, 1999. С.81.

[232] Неизвестная Карелия. С.289.

[233] Илюха О.П. Указ. соч. С.179—180. Культурное строительство в Советской Карелии. Народное образование и просвещение: Документы и материалы. Петрозаводск, 1986. С.133—134.

[234] Афанасьева А.И Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. С.133—137, 165—177, 180.

[235] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.144—145, 147—149, 173—177; Афанасьева А.И. Завершение ликвидации массовой неграмотности в Карелии (1928—1941 гг.) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1986. С.146—155.

[236] И. Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966. С.252.

[237] Веселов Е. Жизнь, полная труда и творческого горения // Ленинская правда. 1977. 6 июля.

[238] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. С.179, 212—213.

[239] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.1. Д.216. Л.91; Д.124. Л.78—79.

[240] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.225, 228—235.

[241] Савватеев Ю.А. Степан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность (к 100–летию со дня рождения) // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С.15—18, 20—21, 31—35.

[242] Покровский В., Шабунин В. Жизнь, отданная науке. Петрозаводск, 1971. С.21, 26, 78—79.

[243] Сенькина Т.И. Сказочник М.М. Коргуев // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978; Сенькина Т.И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988; Криничная Н.А. Сын моря и сказки // Серебряный корабль. Сказки Матвея Коргуева. Петрозаводск, 1988. С.5—20.

[244] Савватеев Ю.А. Вечные письмена // Север. 1999. № 2. С.118.

[245] Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. С.181—182, 185—186, 243.

[246] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. С.217.

[247] НА РК. Ф.630. Оп.1. Д.48/393. Л.50—53.

[248] Лапчинский Г. Шапорин в Карелии // Советская музыка. 1966. № 6. С.151—152; Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977. С.56—57.

[249] Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. С.144.

[250] Никитин П. Становление театра // Север. 1988. №8. С.100—106.

К главе VIII

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно–исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 13—26.

[2] Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4. М., 1946. С. 598; Барышников В.Н. От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930–е гг. СПб., 1997. С. 261—275.

[3] Известия. 1939. 30 ноября.; По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 7—9.

[4] Talvisodan historia. 1. Porvoo—Helsinki, 1977. S.148; По обе стороны Карельского фронта. С. 10.

[5] Suomen Sosiaalidemokraatti.1940. 9. tammik.; UA.R. 109. OS. 4.

[6] "Правда". 1939. 2 декабря.

[7] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 595. Л. 78; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М.,1992. С. 160.

[8] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1960. С. 266, 269—270; Зимняя война. 1939—1940. Кн. 1.Политическая история. М.,1998. С. 303—324.

[9] По обе стороны Карельского фронта. С. 42.

[10] ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 451.Л. 74—76.

[11] Героям Родины — слава! Петрозаводск, 1985. С. 278—279.

[12] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных операциях. Статистическое исследование. М., 1993. С. 100—121; Зимняя война. 1939—1940. Кн.2. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б).) М.,1998.

[13] Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 494—496.

[14] ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278.Л. 8—17.

[15] Новое в изучении истории Карелии: Сборник статей. Петрозаводск, 1994. С. 160—167.

[16] Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта—4 апреля 1940 г.: Стенографический отчет. М., 1940. С. 14—27; Красная Карелия. 1940. 13—16 апреля.

[17] Государственное управление и местное самоуправление на европейском Севере: Исторический опыт и современность. Петрозаводск, 1996. С. 44—45.

[18] Красная Карелия. 1940. 16 и 20 июня.

[19] Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 318—322.

[20] Ленинское знамя. 1940. 8 сентября, 22—26 декабря.

[21] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. Т. 6. М., 1971. С. 19. (Далее —КПСС в резолюциях.)

[22] ГАОПДФ РК. Ф. 5425. Оп. 1. Д. 185.Л. 35; НА РК. Ф. 3435. Оп. 3. Д. 3. Л. 17—18; Куприянов Г.Н. Во имя великой Победы: Воспоминания. Петрозаводск, 1985. С. 22.

[23] Ленинское знамя. 1941. 23 и 24 июня; Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С.17, 20—22.

[24] Книга памяти. Списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Петрозаводск, 1994. С. 9.

[25] Смирнов В.И. Два века Онежского завода. Петрозаводск, 1974. С. 216—217.

[26] Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983. С. 23.

[27] НА РК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.

[28] Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1982. С. 42.

[29] НА РК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 3. Л. 32,35.

[30] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 96—97; Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 120, 122, 123.

[31] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 11. Д. 644. Л. 13—14; Онежец. 1944. 9 июля.

[32] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 554. Л. 50.

[33] Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР (1941—1945 гг.): Сборник статей. Петрозаводск, 1976. С. 59.

[34] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 19. Л. 55.

[35] Там же. Оп. 11. Д. 637. Л.1—25.

[36] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 119—120.

[37] НА РК. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

[38] Ленинское знамя. 1941. 17 июля.

[39] НА РК. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

[40] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 62.

[41] Шпак А.А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1975. С. 195.

[42] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 12. Д. 39. Л. 6.

[43] НА РК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 149. Л. 14, 44, 51.

[44] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 11. Д. 648.

[45] Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 23—24.

[46] По обе стороны Карельского фронта. С. 54—59; Sinivalkoinen Suomi 1939—1941 julkisten asiakirjojen valossa. II. 1978. S. 128—136.

[47] ЦАМО РФ. Ф.217. Оп. 1227. Д. 21. Л. 15.

[48] Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 17—20.

[49] ЦАМО РФ. Ф.1280. Оп. 1. Д. 9. Л. 15—17; Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье (1941—1944). М., 1963. С. 30.

[50] По обе стороны Карельского фронта. С. 69—70; Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918—1944. Helsinki, 1970. S. 120; Suomen historian dokumentteja. 2.Helsinki, 1970. S. 420.

[51] Героям Родины — слава! С. 97; Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Сб. документов. М., 1968. С. 212—215.

[52] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 79.

[53] Куприянов Г.Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972. С. 110.

[54] Козлов Г.К. В лесах Карелии. М.,1963. С. 75; Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 61.

[55] ЦАМО РФ.Ф.340. Оп. 5372. Д. 3. Л. 49; Д. 87. Л. 27—28. Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 42.

[56] Куприянов Г.Н. Во имя великой победы. С. 48—53; Боевые вымпела над Онего: Воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1986. С. 3.

[57] Борщев С. Н. От Невы до Эльбы. Л., 1970. С. 11.

[58] Вспоминают ветераны: Сборник воспоминаний ветеранов 71-й Торуньской Краснознаменной дивизии. Петрозаводск. 1970. С. 3; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 99.

[59] Героям Родины — слава! С. 289.

[60] ЦАМО РФ.Ф. 340. Оп. 5372. Д. 23. Л. 23,28.

[61] По обе стороны Карельского фронта. С. 99—100; Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä. Päiväkirja sodan vuosilta 1941—1942. Helsinki, 1969. S. 140—142.

[62] ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1439. Д. 304. Л. 329; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 50—51.

[63] ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5370. Д. 6. Л. 316—323.

[64] По обе стороны Карельского фронта. С. 111—112; Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä ... S. 130.

[65] Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941—1944. Helsinki, 1961. S. 194—196.

[66] ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 87. Л. 152.

[67] Героям Родины — слава! С. 281.

[68] Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 54.

[69] Там же. С. 57—67; Крапивин В.И. 313-я Петрозаводская. Петрозаводск, 1971. С. 48.

[70] ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 71. Л. 79; Д. 162. Л. 31, 173; Д. 163. Л. 189; Оп. 1510. Д. 82. Л. 305; Мировая война 1939—1945 гг.: Сб. статей. Пер. с нем. М., 1957. С. 141.

[71] По обе стороны Карельского фронта. С. 230—231; Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu... S. 206.

[72] ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 57. Л. 14; Д. 507. Л. 12.

[73] История Карелии в документах и материалах. Советский период: Петрозаводск. 1992. С. 242—243.

[74] По обе стороны Карельского фронта. С. 312.

[75] Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР. С. 94.

[76] Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Изд. 2. Петрозаводск, 1974. С. 323—326.

[77] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 12. Д. 63. Л. 152; Ф. 28. Оп. 1. Д. 547. Л. 5.

[78] НА РК. Ф. 2716. Оп. 1. Д. 180. Л. 104; Ф. 1943. Оп. 1. Д. 146. Л. 64.

[79] ГАОПДФ РК. Ф. 1229. Оп. 3. Д. 572. Л. 42; Д. 676. Л. 40; Д. 741. Л. 16; НА РК. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 146. Л. 114.

[80] Ленинское знамя. 1944. 25 февраля; ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 14. Д. 265. Л. 25; Ф. 1229. Оп. 3. Д. 676. Л. 41; Д. 741. Л. 17; НА РК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 780. Л. 174.

[81] Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны: Воспоминания. Петрозаводск, 1974. С. 72.

[82] Шпак А.А. Указ. соч. С. 230—232.

[83] Третья сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 13—15 февраля 1943 г.; Стенографический отчет. Петрозаводск, 1943. С. 14; Из истории партийных организаций Северо-Запада РСФСР. С. 97.

[84] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 4. Д. 17. Л. 421—422.

[85] Прокконен П. С. Указ. соч. С. 126.

[86] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 13. Д. 109. Л. 1—2; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 133.

[87] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 12. Д. 145. Л. 8; Куманев Г.А. На службе фронта и тыла: Железнодорожный транспорт накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. М., 1976. С. 84; Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны. Л.,1970. С. 301.

[88] Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 348.

[89] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 12. Д. 1. Л. 184; Карельская АССР. 60 лет: Статистический сборник. Петрозаводск, 1980. С. 41.

[90] НА РК. Ф. 1831. Оп. 3. Д. 451. Л. 70; Д. 466. Л. 1; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 402—404.

[91] КПСС в резолюциях. Т.6. С. 36—38; ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 4. Д. 16. Л. 268—269.

[92] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 155—156; Незабываемое. С. 347.

[93] Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1984.С. 25; На рубеже. 1949. № 12. С. 92.

[94] В грозные годы: Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1970. С. 185—186.

[95] Карельская АССР. 60 лет. С. 45.

[96] Прокконен П. С. Указ. соч. С. 136—137.

[97] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 163—164.

[98] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 12. Д. 159. Л. 1.

[99] НА РК. Ф. 2150. Оп. 2. Д. 50. Л. 35; Колосенок С., Моносов И. Культура Советской Карелии. Петрозаводск, 1967. С. 124.

[100] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 162—163.

[101]Там же. С. 166.

[102] Незабываемое. С. 354.

[103] ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 13. Д. 335. Л. 10, 11; НА РК. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 145. Л. 1; Карельская АССР. 60 лет. С. 103.

[104] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 193.

[105] Там же. С. 192.

[106] Шушкин Н.Н., Улитин С. Д. Союз рабочих и крестьян в Великой Отечественной войне. Л., 1977. С. 149.

[107] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 180.

[108] В грозные годы. С. 226.

[109] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 194.

[110] Ленинское знамя. 1943. 25 апреля.

[111] Шушкин Н.Н., Улитин С. Д. Указ. соч. С. 170.

[112] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 183; В грозные годы. С. 221—222.

[113] Laine A. Suur–Suomen kahdet kasvot. Itä–Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 61—63; Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941—1944 гг. // Север. 1995. № 4—5. С. 99.

[114] Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä ... S. 120; Suomen historian dokumentteja. 2. S. 420; Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939—1944. Lahti. 1967. S. 99.

[115] По обе стороны Карельского фронта. С. 264—266.

[116] Там же. С. 72—73; SA. 2870/1

[117] По обе стороны Карельского фронта. С. 153—175.

[118] Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941—1944. Helsinki, 1989. S. 132—133; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 176.

[119] Морозов К. А. Указ. соч. С. 81; Вопросы истории европейского Севера: Проблемы социальной экономики и политики. 60-е годы XIX—XX вв.: Сборник научных статей. Петрозаводск, 1995. С. 103—104.

[120] НА РК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 7; Vapaa Karjala. 1943. 12 февраля; По обе стороны Карельского фронта. С. 102, 312—314.

[121] По обе стороны Карельского фронта. С. 541—553; XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М. , Петрозаводск, 1997. С. 31—32.

[122] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 272—274.

[123] Там же. С. 276.

[124] ГАОПДФ РК. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 251; Незабываемое. С. 285—288; В грозные годы. С. 87—91.

[125] Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 240.

[126] ГАОПДФ РК. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 58. Л. 1—4; Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 238—240.

[127] Морозов К. А.Указ. соч. С. 91—92.

[128] Васильев А.И. Олонец. Петрозаводск. 1984. С. 86—87.

[129] ГАОПДФ РК. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 200. Л. 48.

[130] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 268.

[131] Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны: Сборник статей. М., 1963. С. 665.

[132] Незабываемое. С. 271—272.

[133] Советские партизаны. С. 666.

[134] Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 250—251.

[135] Незабываемое. С. 268.

[136] Там же. С. 263.

[137] Архив КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 229. Л. 548, 570.

[138] Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 270.

[139] ГАОПДФ РК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 620. Л. 2—3; Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 12.

[140] Известия. 1941. 22 сентября; На Ребольском направлении: Воспоминания, очерки, стихи о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1995.С. 87, 195.

[141] Сообщения Советского информбюро. Т. 3. М., 1944. С. 149.

[142] Гусаров Д.Я. За чертой милосердия. Партизанская музыка. Петрозаводск, 1983. С. 236—239.

[143] Seppälä H. Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki, 1971. S. 177—180.

[144] ГАОПДФ РК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 5. Л. 6—7; Д. 620. Л. 5—6; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 254—263.

[145] ГАОПДФ РК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 622. Л. 48—82.

[146] Советские партизаны. С. 654.

[147] ГАОПДФ РК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 620. Л. 45.

[148] Советские партизаны. С. 661.

[149] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 252—253.

[150] Мерецков К.А. Указ. соч. С. 365.

[151] Куприянов Г.Н. Во имя великой победы. С. 221; Мерецков К.А. Указ. соч. С. 366.

[152] ЦАМО РФ.Ф.214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 3—6, 24—25; Морозов К. А. Указ. соч. С. 186—187.

[153] В бой за Родину. 1944. 24 и 25 июня; Правда. 1944. 25 июня; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 203.

[154] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 297—298, 305—306.

[155] ЦАМО РФ. Ф.1622. Оп. 1. Д.78. Л. 17.

[156] Там же. Ф.214. Оп. 1437. Д. 1635. Л. 48—50; Ф. 340. Оп. 5370. Д. 6. Л. 316—323; По обе стороны Карельского фронта. С. 481—482.

[157] Боевые вымпела над Онего. С. 140—141, 165.

[158] ЦАМО РФ. Ф.214. Оп. 1437. Д. 1137. Л. 13; . Оп. 1510. Д. 493. Л. 43; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 78. Л. 17; Мерецков К.А. Указ. соч. С. 386—387.

[159] Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 186—224; ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 402. Л. 32; Ф. 214. Оп. 1510. Д. 507. Л. 207.

[160] НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 239. Л. 257.

[161] ЦАМО РФ. Ф.214. Оп. 1437. Д. 2051. Л. 24; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 221.

[162] Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 274—279.

[163] Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т.5. М.,1947. С. 423.

[164] Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 475.

[165] Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 295—310.

[166] Книга памяти. Списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1—8. Петрозаводск, 1994—1997.

[167] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1—2. М., 1987.

[168] После принятия 2 ноября 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР указа "Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР" руководство Карело-Финской ССР создало аналогичные республиканскую и районные комиссии. (ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 268; Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 7 ноября.)

[169] Четвертая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 9—11 июля 1945 г.: Стенографический отчет. Петрозаводск, 1946. С. 7.

[170] Морозов К. А. Указ. соч. С. 198—199.

[171] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 331—332.

[172] НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 207. Л. 2; Советы Карелии. 1917—1992.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 244—245.

[173] Морозов К. А. Указ. соч. С. 205—206.

[174] Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Том "СССР". М., 1947. С.1938; Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 104.

[175] Покровская И.П. Указ. соч. С. 105.

[176] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп. 14. Д. 131. Л. 1, 5, 7.

[177] В грозные годы. С. 242—243; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 341; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп. 14. Д. 358. Л. 164, 172—173; Оп. 15. Д. 587. Л. 7,12.

[178] Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. 29 августа; Правда.1943. 22 августа; Известия. 1943. 22 августа; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп. 15. Д. 587. Л. 7, 12.

[179] Четвертая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР.: Стенографический отчет. С. 10.

[180] ГАОПДФ РК. Ф.1230. Оп. 24. Д. 1. Л. 13—14; Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944—1950: Документы и материалы. Петрозаводск, 1988. С. 22—23.

[181] Незабываемое. С. 361.

[182] Олонец. Историко-краеведческие очерки. Ч.2. Петрозаводск, 1999. С. 71.

[183] Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 351—353; ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 14. Д. 286. Л. 31, 52—54.

[184] НА РК. Ф. 1215. Оп. 6. Д. 8. Л. 23—24; Ф. 1943. Оп. 1. Д. 146. Л. 113—114.

[185] Ленинградская правда. 1944. 23 июня; Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 349—351; ГАОПДФ РК. Ф. 8. Оп. 14. Д. 265. Л. 169; Д. 405. Л. 13.

[186] Морозов К. А. Указ. соч. С. 210—211.

[187] Там же. С. 212.

[188] НА РК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 58. Л. 10—12.

[189] Правда. 1944. 18 сентября.

[190] Ленинское знамя. 1945. 2 февраля.

[191] НА РК. Ф. 1217. Оп. 2. Д. 171. Л. 68; Ленинское знамя. 1945. 6 марта.

К главе IX

[1] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.23. Д.2. Л.56.

[2] Известия. 1947. 28 декабря.

[3] Земсков В.Н. Судьба кулацкой ссылки в послевоенное время // Социс. 1992. № 8. С.25; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.19. Д.202. Л.2.

[4] Веригин С.Г., Суни Л.В. Переселение ингерманландцев в Карелию в конце 1940-х годов // Карелы. Финны: Проблемы этнической истории. (Сб. статей и докладов.) М., 1992. С.208.

[5] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.99. Д.108. Л.39.

[6] Hyytiä I. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta. 1940—1956. Helsinki, 1999. S.189;

Йокипии М. Основные этапы экономического и политического развития Карельской республики // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С.169—170.

[7] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.13. Д.2. Л.31.

[8] НА РК. Ф.310. Оп.2. Д.7. Л.7.

[9] Там же. Л.12; Д.15. Л.136—137; Д.16. Л.146, 147.

[10] Там же. Д.14. Л.32, 33.

[11] Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С.131, 136.

[12] Клементьев Е.И. Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. С.46; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.12. Д.95. Л.8, 12.

[13] Покровская И.П. Указ. соч. С.167, 168, 169.

[14] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.1. Д.1422. Л.88.

[15] НА РК. Ф.2716. Оп.8. Д.57. Л.238.

[16] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.8. Д.50. Л.4.

[17] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.14. Л.20.

[18] Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сборник. Петрозаводск, 1957. С.76.

[19] Там же. С.82—83.

[20] Там же. С.23, 26, 27, 29, 35.

[21] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.2460. Л.1; Ф.690. Оп.11. Д.593. Л.11, 13; Ф.1394. Оп.6. Д.2040. Л.183.

[22] Карельская АССР за 50 лет: Стат. сборник. Петрозаводск, 1967. С.51, 52.

[23] НА РК. Ф.2717. Оп.5. Д.1567. Л.20.

[24] Материалы Карельской республиканской научно-практической конференции по вопросам технического прогресса и научной организации труда. Петрозаводск, 1970. С.11, 13.

[25] Карельская АССР. 60 лет: Стат. сборник. Петрозаводск, 1980. С.17—18.

[26] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.5728-а. Л.1; Материалы Карельской республиканской научно-практической конференции... С.13—14, 32.

[27] НА РК. Ф.2948. Оп.1. Д.154. Л.145; Д.123. Л.34.

[28] Советы Карелии. 1917—1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С.347—348.

[29] Ревайкин А.С., Кица Л.П. Производительные силы Карельской АССР: Современный уровень. Проблемы развития. Петрозаводск, 1979. С.11; Северо-Запад РСФСР: Экономико-географическая характеристика. М., 1964. С.525.

[30] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.5380. Л.7об.

[31] Развитие производительных сил Карелии. Петрозаводск, 1976. С.149—150.

[32] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.18. Д.40. Л.120.

[33] Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1945—1960. Л., 1988. С.77, 79; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.99. Д.82. Л.239.

[34] Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.80; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.86. Д.83. Л.101.

[35] Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.41; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.69. Д.44. Л.101, 103.

[36] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.4457. Л.112; Ф.700. Оп.25. Д.135. Л.8, 9, 11.

[37] Там же. Ф.1411. Оп.4. Д.2878. Л.9; Ф.1394. Оп.7. Д.609. Л.2; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.4. Д.225. Л.33.

[38] НА РК. Ф.1394. Оп.6. Д.813. Л.84; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.4. Д.106. Л.55; Оп.19. Д.256. Л.23.

[39] НА РК. Ф.1394. Оп.6. Д.2047. Л.29—30.

[40] Там же; Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.49.

[41] НА РК. Ф.1831. Оп.3. Д.2759. Л.9.

[42] Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.36.

[43] Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): Сб. документов. М., 1993. С.124.

[44] НА РК. Ф.1394. Оп.6. Д.813. Л.328—329.

[45] Там же. Ф.2717. Оп.4. Д.604. Л.118—119; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.99. Д.82. Л.5, 239.

[46] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.10. Д.69. Л.68; Оп.66. Д.3. Л.34,43; НА РК. Ф.1831. Оп.3. Д.1456. Л.2.

[47] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.99. Д.82. Л.2, 3, 241.

[48] Там же. Д.77. Л.22, 24,28; Оп.100. Д.54. Л.75—76.

[49] Народное хозяйство Карельской АССР в девятой пятилетке: Стат. сборник. Петрозаводск, 1976. С.79.

[50] Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сборник к 50–летию образования СССР. Петрозаводск, 1972. С.99; Специализация сельского хозяйства Карелии. Петрозаводск, 1971. С.176.

[51] НА РК. Ф.698. Оп.16. Д.8. Л.331—332.

[52] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.7. Д.14. Л.1—3; НА РК. Ф1394. Оп.6. Д.2699. Л.10—16.

[53] Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.46.

[54] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.4457. Л.73; Ф.689. Оп.17. Д.580. Л.66.

[55] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.8. Д.50. Л.45.

[56] Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сборник. Петрозаводск, 1985. С.36.

[57] Карельская АССР. 60 лет. С.45; НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.4227. Л.31.

[58] Карельская АССР. 60 лет. С.40.

[59] Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ соч. С.165.

[60] Ленинское знамя. 1945. 26 сентября.

[61] НА РК. Ф.1394. Оп.3. Д.1173. Л.188; Ленинское знамя. 1945. 16 мая, 22 июня.

[62] Севеты Карелии. С.266—267.

[63] Карельская АССР за 50 лет. С.108, 114; Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.88.

[64] Народное хозяйство Карельской АССР (1957). С.48; Карельская АССР. 60 лет. С.62.

[65] Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ. соч. С.161.

[66] НА РК. Ф.659. Оп.12. Д.36. Л.263—269.

[67] Там же. Ф.690. Оп.11. Д.1021. Л.241—242; Народное хозяйство Карельской АССР в девятой пятилетке. С.11; Ленинская правда. 1971. 13 февраля.

[68] НА РК. Ф.659. Оп.11 Д.5335. Л.14—15, 17.

[69] Там же. Д.8666. Л.108.

[70] Там же. Д.5672. Л.35.

[71] Народное хозяйство Карельской АССР в девятой пятилетке. С.16; НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.5336. Л.30; Ф.690. Оп.11. Д.794. Л.284.

[72] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.5672. Л.37; Июдин И.М., Кривченок И.Е. Карелия в цифрах и фактах. 1917—1967. Петрозаводск, 1967. С.91.

[73] НА РК. Ф.690. Оп.11. Д.214. Л.37.

[74] Там же. Ф.659. Оп.11. Д.5672. Л.40.

[75] Там же. Ф.690. Оп.11. Д.568. Л.193; Д.1063. Л.37; Заседания Верховного Совета КАССР шестого созыва. Первая сессия. 22—23 марта 1963 г.: Стенограф. отчет. Петрозаводск, 1963. С.33.

[76] Ленинская правда. 1970. 21 марта.

[77] Народное хозяйство Карельской АССР (1985). С.79.

[78] НА РК. Ф.689. Оп.17. Д.1698. Л.10.

[79] Ленинская правда. 1971. 14 февраля.

[80] Июдин И.М., Кривченок И.Е. Карельская АССР. 50 лет. Петрозаводск, 1970. С.171.

[81] НА РК. Ф.659. Оп.14. Д.71. Л.1—4.

[82] Федорович Г.А. Восстановление и развитие системы народного образования в Карелии в 1946—1950 гг. // Вопросы истории европейского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С.162, 166.

[83] Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сборник. К 50–летию образования СССР. С.114.

[84] НА РК. Ф.2717. Оп.5. Д.1457. Л.79.

[85] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.19. Д.73. Л.8.

[86] Покровская И.П. Указ. соч. С.161.

[87] Петрозаводскому государственному университету 50 лет. Петрозаводск, 1990. С.57.

[88] Бархатова С.В. Формирование интеллигенции в Карелии, 1944—1960 гг. Автореферат диссерт. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Петрозаводск, 1990. С.14.

[89] Карельская АССР за 50 лет. С.126.

[90] Петрозаводскому государственному университету 50 лет. С.59.

[91] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.8676. Л.56.

[92] Ленинское знамя. 1949. 29 октября.

[93] Карху Э. В краю "Калевалы" (Критический очерк о современной литературе Карелии). М., 1974. С.135.

[94] НА РК. Ф.659. Оп.11. Д.4766. Л.83.

[95] ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.3. Д.15. Л.9, 10; Ленинское знамя. 1953. 6, 8, 15 декабря.

К главе X

[1] Карельская организация КПСС: Хроника. 1895—1987. Петрозаводск, 1988. С.290.

[2] Заседания Верховного Совета Карельской АССР девятого созыва. Первая сессия. 3 июня 1975 г.: Стеногр. отчет. Петрозаводск, 1975. С.30—31.

[3] НА РК. Ф.689. Оп.20. Д.1567. Л.26—27.

[4] Ленинская правда. 1990. 16 июня.

[5] Там же. 1991. 22 февраля; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.51. Д.8. Л.43—44.

[6] Цыганков А.М. К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. "Зеленые"... Кто они? К чему стремятся? Петрозаводск, 1991. С.21, 23, 26.

[7] ГАОПДФ РК. Ф.6143. Оп.1. Д.2. Л.10.

[8] Цыганков А.М. Указ. соч. С.63—80.

[9] Новости для всех. 1990. 15 июля, 22 июля; Ленинская правда. 1990. 30 сентября, 4 октября.

[10] Новости для всех. 1990. 20 октября .

[11] Там же. 1990. 13 октября.

[12] Комсомолец. 1990. 10 апреля.

[13] Карельская АССР в цифрах в 1989 г. Петрозаводск, 1990. С.5.

[14] Ленинская правда. 1991. 26 июня.

[15] Набат Северо-Запада. 1991. 14 июня.

[16] Ленинская правда. 1991. 2 июля.

[17] Рекомендации регионального межведомственного совещания "Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки" // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С.163—171.

[18] Ленинская правда. 1990. 23 марта.

[19] Там же. 1990. 16 мая.

[20] Там же. 1990. 4 мая.

[21] Там же. 1990. 20 июля.

[22] Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР // Ленинская правда. 1990. 11 августа.

[23] Ведомости Верховного Совета Карельской АССР. 1991. №3. С.32.

[24] Там же. С.136.

[25] Там же.

[26] Ленинская правда. 1991. 20 июня.

[27] Там же. 1991. 2 июля.

[28] ГАОПДФ РК. Ф.6149. Оп.1. Д.9. Л.6.

[29] Там же. Л.14.

[30] Там же. Л.13.

[31] Там же. Д.6. Л.23.

[32] Там же. Д.9. Л.10.

[33] Там же. Л.15—17.

[34] Там же. Л.18.

[35] Ведомости Верховного Совета КАССР. 1991. №12. С.39—40.

[36] Там же. С.214.

[37] Там же. С.43—44.

[38] Там же. 1992. №1. С.229.

[39] Яскунов С.М. и др. Система экономического анализа и прогнозирования развития промышленности автономной республики. Петрозаводск, 1989. С.8—9; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.111. Д.25. Л.24.

[40] Яскунов С.М. и др. Указ. соч. С.8.

[41] Там же. С.8—9; Дружинин П.В., Немкович Е.Г., Попова М.Б. Народное хозяйство Республики Карелия. Петрозаводск, 1993. С.4.

[42] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.53. Д.75.

[43] Текущий архив Карелэнерго. Д.155/1190. Л.131; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.119. Д.160. Л.19; Дружинин П.В., Немкович Е.Г., Попова М.Б. Указ. соч. С.6—7.

[44] Валентик И.Я. Экономические основы интенсификации лесного хозяйства Карельской АССР. Л., 1986. С.61.

[45] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.95. Д.206. Л.22; Килин Ю.М. Научно–технический прогресс и рабочие промышленности Карелии в 1970—80–е годы // Промышленные рабочие Карелии в XX в. Петрозаводск, 1991. С.47.

[46] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.27. Д.63. Л.32; Оп.49. Д.93. Л.11.

[47] Арутюнова Е.Ф. Научно–технической прогресс в рыбохозяйственном комплексе // Региональные вопросы ускорения научно–технического прогресса. Петрозаводск, 1989. С.89, 91; Килин Ю.М. Указ. соч. С.53.

[48] Килин Ю.М. Указ. соч. С.178.

[49] Там же. С.181.

[50] НА РК. Ф.690. Оп.11. Д.2496. Л.70.

[51] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.36. Д.71. Л.171.

[52] Там же. Оп.49. Д.93. Л.10.

[53] Труд в промышленности: Стат. сборник. Петрозаводск, 1989. С.1.

[54] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.53. Д.51. Л.16.

[55] Там же. Д.52. Л.2.

[56] Дружинин П.В., Негреева Л.П. Развитие негосударственного сектора в Республике Карелия. Петрозаводск, 1992. С.10—13.

[57] Там же. С.17—18; Дружинин П.В., Немкович Е.Г., Попова М.Б. Указ. соч. С.5.

[58] Дружинин П.В., Немкович Е.Г., Попова М.Б. Указ. соч. С.6; Климов Г.И. и др. Проблемы становления рыночной экономики (на примере республики Карелия) // Региональные проблемы развития северных экономических районов. Петрозаводск, 1992. С.65.

[59] Проблемы самообеспечения продовольствием в Карельской АССР. Петрозаводск, 1989. С.2; Бакунович В.Н. Развитие сельского хозяйства в Карелии в 1965—1985 гг. Препринт. Петрозаводск, 1987. С.3—4, 7, 8—10.

[60] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.27. Д.1; Архив КНЦ РАН. Ф.2. Оп.96. Д.397. Л.161—162.

[61] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.27. Д.125. Л.47.

[62] Бакунович В.Н. Указ. соч. С.40; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.51. Д.34. Л.19; Архив КНЦ РАН. Ф.2. Оп.96. Д.397. Л.164—165.

[63] Бакунович В.Н. Указ. соч. С.36—37; Проблемы самообеспечения продовольствием в Карельской АССР. С.16.

[64] Бакунович В.Н. Указ. соч. С.38.

[65] Архив КНЦ РАН. Ф.3. Оп.96. Д.400. Л.19; Бакунович В.Н. Указ. соч. С.45.

[66] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.36. Д.106. Л.2.

[67] Там же. Л.3, 4, 20, 32.

[68] Там же. Л.2, 75—77.

[69] Там же. Оп.51. Д.34. Л.20.

[70] Там же. Л.21—23.

[71] Советы Карелии: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С.401; Проблемы рационального природопользования и развития производительных сил Республики Карелия. Петрозаводск, 1994. С.50.

[72] См.: Покровская И.П., Зинчук В.Л. Демографическая ситуация и использование трудовых ресурсов Карелии. Петрозаводск, 1986. С.23; Шумилова М.М. Некоторые аспекты демографического развития Карельской АССР. Препринт. Петрозаводск, 1991. С.16.

[73] Уровень жизни населения Карелии. Петрозаводск, 1995. С.16—17; Показатели уровня развития экономики и социальной сферы городов и районов Карельской АССР за 1989 г. Петрозаводск, 1990.

[74] Покровская И.П., Зинчук В.Л. Указ. соч. С.30—31; Шумилова М.М. Указ. соч. С.9, 10.

[75] Клементьев Е.И. Карелы. Петрозаводск, 1991. С.48; Он же. О проблемах социально-экономического развития карел Карельской АССР // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С.95.

[76] Покровская И.П., Зинчук В.Л. Указ. соч. С.41—43.

[77] Бирин В.Н. Демографическая ситуация у карел Карельской АССР в 1950—1980-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. С.137; Покровская И.П., Зинчук В.Л. Указ. соч. С.41; Клементьев Е.И. О проблемах социально-экономического развития карел Карельской АССР С.99; Строгальщикова З.И. Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. С.14.

[78] Текущий архив Госкомстата РК. Д.33/235. Л.4, 28; Боцва Т.Л. Некоторые аспекты приватизации жилья // Региональные проблемы развития северных экономических районов. С.7.

[79] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.22. Д.1. Л.86; Советы Карелии. С.378.

[80] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.102. Д.64. Л.150, 174; Советы Карелии. С.393; Архив КНЦ РАН. Ф.2. Оп.96. Д.396. Л.64—69.

[81] Боцва Т.Л. Указ. соч. С.8—9.

[82] Архив КНЦ РАН. Ф.2. Оп.96. Д.396. Л.58, 60; Карельская АССР в цифрах в 1989 г. С.68.

[83] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.36. Д.56. Л.2, 31, 41.

[84] Уровень жизни населения Карелии. С.45.

[85] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.113. Д.165. Л.210.

[86] Там же. Оп.22. Д.51. Л.71, 97; Д.59. Л.29, 74.

[87] Там же. Оп.53. Д.80. Л.126.

[88] Клементьев Е.И. О проблемах социально-экономического развития карел Карельской АССР. С.97.

[89] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.30. Д.232. Л.6—8; Оп.28. Д.235. Л11.

[90] Карельская АССР в цифрах в 1989 г. С.89; ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.26. Д.171. Л.46—52; Оп.22. Д.297. Л.1—2.

[91] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.26. Д.170. Л.34—35.

[92] Карельская АССР в цифрах в 1985 г. Петрозаводск, 1986. С.95; Народное образование в Карельской АССР. Петрозаводск, 1989. С.56.

[93] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.32. Д.298. Л.21, 24.

[94] Писатели Карелии. Петрозаводск, 1994.

[95] История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000.

[96] Алто Э.Л. Финноязычная литература Карелии. Петрозаводск, 1997.

[97] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.22. Д.1. Л.232; Оп.36. Д.245. Л35.

[98] Там же. Оп.27. Д.125. Л.41; Д.187; Оп.32. Д.292. Л.11.

[99] Там же. Оп.26. Д.143. Л.6.

[100] J. Kalinin. Kansallinen aate ja Karjalan taiteilijaliitto // Carelia. 1996. №6. S. 62—69.

[101] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.27. Д.188. Л.52—54.

[102] Там же. Оп.23. Д.97. Л.17; Д.120. Л.3–4.

[103] Б.Ф. Детчуев, В.Г. Макуров. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917—1990-е гг.). Петрозаводск, 1999. С.131—136.

[104] ГАОПДФ РК. Ф.3. Оп.53. Д.80. Л.34; Строгальщикова З. И. Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов. С.14—15.

К главе XI

[1] Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1992. №3. Ст.279; №5. Ст.305.

[2] Там же. 1993. №4. Ст.452.

[3] Цыганков А.М. Пришествие избирателя: Из истории выборных кампаний Карелии. 1989—1996. Петрозаводск, 1998. С.137—138.

[4] Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1993. №11—12. Ст.21.

[5] Карелия. 1994. №25.

[6] Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1994. №3—4. Ст.623.

[7] Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917—1990-е гг.). Петрозаводск, 1999. С.139.

[8] Экономические реформы в Республике Карелия. Состояние. Последствия. Перспективы. Петрозаводск, 1997. С.92.

[9] Там же. С.68—69.

[10] Там же. С.70.

[11] Там же. С.81—82.

[12] Республика Карелия: Информационно-справочное пособие. Петрозаводск, 1999. С.68—69.

[13] Возрождение Карелии. Концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999—2002—2010 гг. Петрозаводск, 1999.

[14] Карелия. 2000. 10 июня.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

VII тыс. до н. э.	Первоначальное заселение края
VII—V тыс. до н. э.	Эпоха мезолита в Карелии
Конец V — начало III тыс. до н. э.	Эпоха неолита
III — середина I тыс. до н. э	Эпоха раннего металла (энеолит и бронзовый век)
III тыс. до н. э.	Создание петроглифов
Середина I— конец I тыс. до н. э.	Эпоха железа в Карелии
IX в. н. э	Образование Древнерусского государства
Конец IX в.	Возникновение Новгорода — северного политического центра восточных славян
1143	Первое упоминание в русской летописи о кореле (карелах)
XII в.— первая половина XIV в.	Совместная борьба русских и древних карелов против шведской крестоносной агрессии
1227	Крещение карелов в православие
1242	Разгром немецких рыцарей Александром Невским на Чудском озере (Ледовое побоище)
XIII в., вторая треть	Начало русской крестьянской колонизации восточной части территории Карелии
Начало 1260–х гг.	Образование административной области Обонежского ряда в составе Новгородской феодальной республики
1270/71	Создание административной области "Корельская земля" в составе Новгородской феодальной республики
1293	Захват шведами юго–западной части Карелии и постройка ими крепости Выборг
1310	Строительство Новгородским государством города–крепости Корела
1323	Ореховецкий мирный договор. Разделение Корельской земли на русскую (восточную) и шведскую (западную) части
XIV в., конец	Возникновение Спасо–Преображенского Валаамского монастыря
1430–е гг.	Возникновение Спасо–Преображенского Соловецкого монастыря
1478	Присоединение Карелии в составе земель Великого Новгорода к Российскому государству
1500	Создание Корельского уезда

Конец 1530–х — середина 1560–х гг.	Губная и земская реформы местного управления и самоуправления на Севере России
1580—1597	Временная оккупация шведами Корельского уезда
1604—1614	Борьба народов России против польской и шведской интервенции
1610, сентябрь—1611, март	Оборона г. Корелы русскими и карелами от шведских войск
1614, март	Разгром польско–литовских отрядов под Олонцом
1617, 23 февраля	Столбовский мир. Переход Корельского уезда под власть Швеции
1633	Учреждение шведскими властями в Кексгольмском лене г. Сортавалы
1649	Постройка города–крепости Олонца. Образование Олонецкого уезда
1668—1676	Соловецкое восстание
1670—1673	Постройка С. Гавриловым Фоймогубского медеплавильного завода в Заонежье
1680—1690–е гг.	Строительство Г. Бутенантом Олонецких железоделательных заводов
1691	Возникновение старообрядческих поселений на р. Выг. Начало "Выговского общежительства"
1694—1696	Первое Кижское восстание и "приписка" крестьян Кижского погоста к Олонецким заводам
1700—1721	Северная война
1703	Основание Олонецкой (Лодейнопольской) верфи
1703—1707	Строительство Олонецких Петровских заводов. Возникновение слободы при Петровском заводе, давшей начало городу Петрозаводску
1705, январь	Взятие отрядом Ф.М. Апраксина Сортавалы
1714	Возведение Преображенского собора в Кижах
1718	Открытие курорта "Марциальные воды"
1741—1743	Русско–шведская война
1764	Образование Олонецкой епархии
1769—1771	Восстание приписных крестьян Карелии (Кижское восстание)
1773—1774	Постройка Александровского пушечного завода
1777, 21 марта	Преобразование Петрозаводской слободы в г. Петрозаводск
1784, 22 мая	Образование Олонецкого наместничества (губернии). Первый губернатор — Г.Р. Державин
1785	Кемский острог (городок) преобразован в г. Кемь. Пудожский погост преобразован в г. Пудож
1786	Открытие в Петрозаводске Главного народного училища
1787	Объединение Олонецкой и Архангельской епархий

1805	Открытие в Петрозаводске Олонецкой губернской типографии
1808	Открытие Олонецкой губернской мужской гимназии в Петрозаводске
1812	Отечественная война
1826	Ссылка поэта–декабриста Ф.Н. Глинки в Петрозаводск
1828	Воссоздание самостоятельной Олонецкой епархии
1829	Открытие в Петрозаводске Олонецкой духовной семинарии
1837—1841	Реформа управления государственными крестьянами
1838	Начало издания газеты "Олонецкие губернские ведомости"
1849	Первое полное издание Э. Леннротом эпоса "Калевала"
1853—1856	Крымская война
1859—1866	Пребывание в олонецкой ссылке П.Н. Рыбникова, собирателя русского фольклора и ученого
1861, 19 февраля	Отмена крепостного права в России
1861, 8 марта	Освобождение приписных крестьян Карелии от обязательных работ для горных заводов
1861	Установление регулярного пассажирского пароходного сообщения Петербург—Петрозаводск
1866	Распространение основных положений реформы 1861 г. на государственных крестьян
1867	Введение земских учреждений в Олонецкой губернии
1869	Постройка М. и П. Беляевыми первого в Карелии парового лесозавода в с. Сорока (ныне г. Беломорск)
1870	Реформа городского самоуправления
1873	Открытие краеведческого музея в Петрозаводске
1874	Введение всеобщей воинской повинности в России
1875, февраль	Первая стачка рабочих на Александровском заводе
1892, 28 февраля	Указ о введении судебной реформы в Олонецкой губернии в полном объеме
1903	Открытие в Петрозаводске учительской семинарии
1905, 9 января	Начало первой российской революции
1905, 17 октября	Манифест Николая II о гражданских свободах и о предоставлении Государственной думе законодательных полномочий
1905, декабрь — 1906, май	Создание первых политических организаций в Карелии (октябристов, кадетов, эсеров, социал–демократов)
1906, январь—начало марта	Выборы в I Государственную думу
1906, 12—25 июня	Стачки на лесопильных заводах Карельского Поморья

1906, 3 августа	Образование Союза беломорских карел
1906, 7 сентября	Создание профсоюза рабочих Кемского лесопильного завода
1906, 18 сентября	Демонстрация рабочих и учащейся молодежи на Тюремной площади в Петрозаводске. Столкновение демонстрантов с полицией
1906, 25—27 сентября	Политическая забастовка рабочих Александровского завода
1906, 9 ноября	Указ о выходе крестьян из общины (начало столыпинской аграрной реформы)
1906, 26 декабря	Открытие профессионального театра в Петрозаводске
1907, 3 июня	Роспуск II Государственной думы. Новый избирательный закон (Третьеиюньский переворот). Окончание первой российской революции
1907, 26 ноября	Создание Карельского православного братства
1913, 18 апреля	Возникновение Общества изучения Олонецкой губернии
1914, май — 1916, ноябрь	Строительство Мурманской железной дороги
1914, 19 июля	Начало Первой мировой войны
1917, 27 февраля	Победа Февральской революции. Свержение самодержавия
1917, 15 марта	Образование Петрозаводского совета рабочих и солдатских депутатов
1917, 20—23 мая	I съезд крестьянских депутатов Олонецкой губернии в Петрозаводске. Избран губернский исполком Совета крестьянских депутатов
1917, 22 июня	Объединение Петрозаводского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Образование Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов
1917, 25—26 октября	Победа вооруженного восстания в Петрограде. II Всероссийский съезд Советов. Образование советского правительства
1917, 27 октября	Объединенное заседание Олонецкого губсовета, Главного дорожного комитета Мурманской железной дороги и представителей солдатских комитетов петрозаводского гарнизона заявило о переходе власти в Олонецкой губернии в руки губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов
1917, 17 декабря	Съезд Советов Поморья в с. Сорока. Избран Совет Поморского района Кемского уезда, признавший советское правительство
1918, 4—5 января	Переизбрание Олонецкого губернского исполкома Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Полное признание власти Совета народных комиссаров во главе с В.И. Лениным
1918, январь	Установление советской власти в Олонце, Пудоже, Повенце
1918, 30 января — 1(14) февраля	III съезд крестьянских депутатов Олонецкой губернии. Провозглашение советской власти на всей территории Олонецкой губернии
1918, 3—4 марта	Провозглашение советской власти на всей территории Кемского уезда
1918, 6 марта	Высадка первых отрядов войск интервентов в г. Мурманске
1918, конец марта — начало апреля	Отражение белофиннов, вторгшихся в северную Карелию

1918, начало июля	Вторжение иностранных интервентов на территорию северной Карелии
1918, 16 июля	Образование Олонецкого губернского революционного исполкома (губревкома)
1918, 6—7 августа	I Олонецкая губернская конференция РКП(б)
1918, 16 сентября	Образование Олонецкого губернского совета профсоюзов
1918, сентябрь	I съезд учителей Олонецкой губернии
1919, 17 февраля	Переход англо–франко–американских интервентов в наступление в зоне Мурманской железной дороги
1919, 22—23 апреля	Вторжение белофиннов в Олонецкую Карелию
1919, 21—22 июня	Поражение белофиннов под Петрозаводском
1919, 27 июня	Разгром белофиннов под Видлицей
1920, февраль — март	Наступление частей Красной армии на европейском Севере. Освобождение Карелии от интервентов и белогвардейцев
1920, 8 июня	Образование Карельской Трудовой Коммуны
1920, 1—3 июля	Всекарельский съезд представителей трудящихся карелов в Петрозаводске
1921, 11— 19 февраля	I Всекарельский съезд Советов
1921, 8—16 марта	X съезд РКП (б). Переход к нэпу
1921, 26 апреля	Постановление СНК РСФСР о развитии экономики Карелии
1921, ноябрь — 1922, февраль	Вооруженные события на севере Карелии
1922, 1 января	Образование Карельского совета профессиональных союзов
1922, 15—20 марта	I Карельская областная конференция РКП(б)
1922, 26—31 марта	I областной съезд профсоюзов Карельской Трудовой Коммуны
1922, 31 мая—2 июня	I Всекарельский съезд РКСМ
1923, 25 мая	Постановление Совета Труда и Обороны РСФСР об организации промышленно–колонизационного комбината Мурманской железной дороги
1923, 25 июля	Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Карельской АССР
1926, 8 июля	Образование Карельской ассоциации пролетарских писателей
1927, 7 июня	Пуск в эксплуатацию Ухтинской ГЭС — первенца сельской электрификации в Карелии
1927, 29 августа	ВЦИК принял постановление "О районировании Карельской АССР". Вместо 7 уездов и 55 волостей в республике создавалось 26 районов
1929, 13 января	Пущена в эксплуатацию первая очередь Кондопожской ГЭС
1929, 26 июня	Вступила в строй первая очередь Кондопожской бумажной фабрики

1929, 25—28 октября	I Всекарельский съезд колхозников. Организация Карколхозсоюза
1929, 1 ноября	В Петрозаводске открылся Карельский государственный театр драмы. С 1932 г. — театр русской драмы (теперь Русский театр драмы РК)
1930, 5 марта	Принято постановление ЦИК и СНК Карельской АССР "О колхозном строительстве и ликвидации кулачества как класса"
1930, 21 сентября	Принято решение СНК КАССР о создании Карельского научно-исследовательского института
1931, 1 января	Кооперативное издательство "Кирья" реорганизовано в государственное издательство "Кирья" (теперь издательство "Карелия")
1931—1933	Сооружение Беломорско-Балтийского канала
1931, 23 июня	Создана первая в Карелии Олонецкая МТС
1931, 8 ноября	Открытие первого вуза в Карелии —Карельского государственного педагогического института
1932, 1 января	Начал работу передвижной Финский драматический театр (теперь Национальный театр РК)
1933, 17 августа	Создание Беломорско-Балтийского комбината
1934, 11—13 июня	Состоялась I Всекарельская конференция писателей, положившая начало Союзу писателей Карелии
1935, 28 февраля	Празднование 100-летия первого издания карело-финского эпоса "Калевала"
1935, 7 июля	Первую продукцию дал Кондопожский целлюлозный завод
1936, февраль	Создан Государственный ансамбль песни и пляски "Кантеле"
1937, 10—19 марта	Декада карельского искусства в Ленинграде
1937, весна — 1938, осень	Наиболее значительная волна массовых политических репрессий, осуществлявшихся сталинским режимом
1937, 17 июня	Принятие XI чрезвычайным Всекарельским съездом Советов первой Конституции Карельской АССР
1938, 5 июня	Рабочий поселок Кондопога преобразован в город
1938, 11 сентября	Преобразование рабочего поселка Сорока в г. Беломорск
1938, 26 сентября	Преобразование рабочего поселка Медвежья Гора в г. Медвежьегорск
1939, 1 ноября	Пуск в эксплуатацию первой очереди Сегежского ЦБК
1939, 30 ноября — 1940, 12 марта	Советско-финляндская война
1940, март	Завершено строительство железной дороги Петрозаводск — Суоярви
1940, 31 мая	Принятие Верховным Советом СССР постановления о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР
1940, 24—27 апреля	I съезд Компартии Карело-Финской ССР
1940, 1—3 июня	I съезд ЛКСМ Карело-Финской ССР
1940, 8—11 июля	I сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. Принятие Конституции КФССР

1940, июль	Выход в свет первых номеров республиканских художественно–литературных и общественно–политических журналов “Punalippu” (ныне Carelia) и “На рубеже” (ныне “Север”)
1940, сентябрь	Открытие государственного университета в Петрозаводске
1941, 22 июня	Нападение Германии и ее союзников на СССР. Начало Великой Отечественной войны
1941, 26 июня	Объявление Финляндией войны СССР
1941, июль—август	Формирование на территории Карелии первых партизанских отрядов и начало их боевых действий
1941, 11 августа	Образование Карельского фронта
1941, сентябрь	Ввод в действие железной дороги Сорокская—Обозерская
1941, декабрь	Советские войска остановили наступление противника на территории Карелии
1942, июнь	Организация штаба партизанского движения при Военном совете Карельского фронта
1943, 26 декабря	Рабочий поселок Сегежа преобразован в город
1944, 21 июня	Переход в наступление войск Карельского фронта. Форсирование р. Свири, прорыв вражеской обороны на Медвежьегорском направлении
1944, 24 июня	Освобождение советскими войсками г. Медвежьегорска
1944, 25 июня	Освобождение советскими войсками г. Олонца
1944, 28 июня	Освобождение советскими войсками городов Кондопоги и Петрозаводска
1944, 16 июля	Возобновлено движение поездов по всей Кировской железной дороге — от Ленинграда до Мурманска
1944, 19 сентября	Подписание в Москве соглашения о перемирии между СССР и Финляндией.
1944, 1 октября	Возобновил работу Петрозаводский университет
1944, 8 октября	Парад партизан и подпольщиков в Петрозаводске
1945, 9 мая	День Победы
1945, май	Восстановлен и приступил к выпуску продукции Онежский завод
1945, 2 сентября	Капитуляция Японии. Окончание Второй мировой войны
1945, 2 октября	СНК КФССР объявил территорию Кижского погоста государственным заповедником
1946, март	Создана Карельская научная база АН СССР. В 1949 г. преобразована в Карельский филиал АН СССР (ныне Карельский научный центр РАН)
1946, 17 июля	Принят закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства КФССР
1947, 10 февраля	Подписание Парижского мирного договора между СССР и Финляндией

1947, 29 июня	Восстановлена и дала первый ток Кондопожская ГЭС
1947, 7 июля	Восстановлен целлюлозный завод "Питкяранта"
1947, июль	Создано общество по распространению политических и научных знаний (общество "Знание")
1947, 10 декабря	Завершилось восстановление Кондопожского ЦБК
1947, 14 декабря	Начало денежной реформы и отмена карточной системы
1948, 1 апреля	Пущен в эксплуатацию Петрозаводский домостроительный комбинат
1949, февраль	Празднование 100–летнего юбилея полного издания "Калевалы"
1951, 1 мая	Создана Беломорская база гослова —ведущее предприятие по добыче рыбы в республике
1951, август	Первая выставка изобразительного искусства Карелии в Москве
1954, март	Начало реабилитации жертв политических репрессий 1930—1950–х гг. в Карелии
1954, 25 сентября	Вступил в строй Надвоицкий алюминиевый завод
1955, 22 февраля	Принято постановление Совета Министров и бюро ЦК Компартии КФССР, положившее начало процессу реорганизации колхозов в совхозы
1955, 3 ноября	В Петрозаводске открылся Республиканский музыкально–драматический театр
1956, январь	Онежский металлургический и машиностроительный завод переведен на производство трелевочных тракторов и переименован в Онежский тракторный завод
1956, 16 июля	Карело–Финская ССР преобразована в Карельскую АССР в составе РСФСР
1958, март	Создан Сортавальский мебельно–лыжный комбинат
1959, 27 марта	Премьера балета Г. Синисало "Сампо" — первого карельского национального балета — в республиканском Музыкально–драматическом театре
1959, 21—30 августа	Декада карельской литературы и искусства в Москве
1960, апрель	Начала работу Петрозаводская телестудия
1960, 20 октября	Открылся республиканский музей изобразительных искусств
1961, 5 сентября	В столице Карелии появился новый вид транспорта —троллейбус
1962, 1 декабря	Учреждено Карельское отделение общества "СССР —Финляндия"
1963, 1 июля	Вступила в строй первая очередь Петрозаводского завода "Тяжбуммаш"
1964, январь	Открылся санаторий "Марциальные воды"
1965, 25 ноября	Завершено строительство Западно–Карельской железной дороги от ст. Суоярви до ст. Юшкозеро
1967, 1 июля	Осуществлен переход рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций республики на 5–дневную рабочую неделю с двумя выходными днями

1967, 1 сентября	Открылся филиал Ленинградской консерватории в г. Петрозаводске (ныне Петрозаводская государственная консерватория)
1969, 6 января	Учреждена Государственная премия КАССР в области литературы и искусства
1969, 16 октября	Торжественно отмечалось 200–летие со дня рождения рунопевца А. Перттунена
1974, 4 июля	Вступил в строй Петрозаводский радиозавод
1977, январь	Пущена в эксплуатацию первая очередь Петрозаводской ТЭЦ
1978, 30 мая	Принята новая Конституция Карельской АССР
1982, 15 июня	Открыто пассажирское железнодорожное сообщение на линии Петрозаводск—Костомукша
1982, 5 октября	Вступила в строй первая очередь Костомукшского горно–обогатительного комбината
1983, 31 марта	ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление "О мерах по ускорению жилищного, коммунального и культурно–бытового строительства в Карельской АССР в 1984—1990 годах"
1983, 25 апреля	Рабочий поселок Костомукша получил статус города
1989, 19 сентября	Совет Министров КАССР принял постановление о передаче ряда объектов на острове Валаам Русской Православной церкви
1990	В Карелии началось создание фермерских хозяйств
1990, 12 июня	I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации
1990, 9 августа	Верховный Совет КАССР принял Декларацию о государственном суверенитете республики
1991, 17 марта	Референдум за сохранение СССР
1991, 12 июня	Избрание Б.Н. Ельцина Президентом РФ
1991, 29 июня	В г. Олонце состоялся I съезд карелов Карельской АССР
1991, 13 ноября	Карельская АССР переименована в Республику Карелия
1991, декабрь	Подписание руководителями союзных республик декларации о ликвидации СССР и создании Содружества независимых государств
1992, 1 января	Начало радикальной экономической реформы в России, либерализация цен, конфискация денежных сбережений граждан
1992, 31 марта	Делегация Республики Карелия приняла участие в подписании Федеративного договора о разграничении полномочий между субъектами Российской Федерации и федеральным центром
1992, 1 октября	Начало осуществления приватизации. Выдача жителям России приватизационных чеков (ваучеров)
1993, 16 февраля	Утвержден новый (трехцветный) Государственный флаг Республики Карелия
1993, 16 апреля	Утвержден новый Государственный гимн Республики Карелия

1993, 28 сентября	Утвержден новый Государственный герб Республики Карелия
1993, 26 октября	Указ Б.Н. Ельцина о прекращении деятельности Советов всех уровней. Ликвидация советской формы власти
1993, 12 декабря	Первые выборы в Совет Федерации РФ и Государственную Думу. Принятие новой Конституции России
1993, 24 декабря	Принята новая редакция Конституции Республики Карелия, предусматривающая учреждение Конституционного суда, введение должности Председателя Правительства РК, избрание двухпалатного парламента — Законодательного Собрания
1994, 17 апреля	Состоялись первые выборы депутатов Законодательного Собрания РК и Председателя Правительства РК
2000, 8 июня	Празднование 80–летия Республики Карелия
2000, 12 января	Визит в Петрозаводск исполняющего обязанности Президента РФ В. В. Путина
2000, 26 марта	Избрание В. В. Путина Президентом РФ

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ, МАТЕРИАЛЫ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАНЫ В КНИГЕ

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)
Архив Института русской литературы (ИРЛИ)
Архив Карельского научного центра Российской Академии наук (Архив КНЦ РАН)
Государственный архив Архангельской области (ГААО)
Государственный архив общественно-политических партий, движений и формирований Республики Карелия (ГАОПДФ РК)
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Национальный архив Республики Карелия (НА РК)
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОРРНБ)
Российская историческая библиотека (РИБ)
Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ)
Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Российский государственный военный архив (РГВА)
Российский государственный исторический архив (РГИА)
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

* * *

Sota-arkisto (SA, Военный архив Финляндии, Хельсинки)
Suomen Kansallisarkisto (SK, Национальный архив Финляндии, Хельсинки)
Suomen Ulkoasiainministeriön Arkisto (UA, Архив Министерства иностранных дел Финляндии, Хельсинки)

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Документальные публикации

Акты времен правления царя Василия Шуйского (1606 г., 19 мая — 17 июня 1610 г.) / Сост. А.М. Гневушев. М., 1914.

Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря. [Кн. 1] 1479—1571 гг. Л., 1988; [Кн. 2] 1572—1584 гг. Л., 1990.

Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898.

Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М.,1958.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957.

В грозные годы: Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1970.

VIII Всекарельский съезд Советов: Протоколы. Петрозаводск, 1929.

Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1—3 июля 1920 г. Первый Всекарельский съезд Советов. 11—18 февраля 1921 г.: Протоколы. Петрозаводск, 1990.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л, 1949.

ГУЛАГ в Карелии: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1992.

X Всекарельский съезд Советов: Сокращенный стенографический отчет. Петрозаводск, 1935.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (1613—1645 гг.). Т. 1. СПб., 1846.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

Журнал или поденная записка блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Ч.I. СПб., 1770.

Заседания Верховного Совета Карельской АССР VI— IX созывов: Стенографические отчеты. Петрозаводск, 1963—1978.

Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. 1918—1922. М., 1961.

Из истории раскулачивания в Карелии: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1991.

История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века). Петрозаводск, 2000.

История Карелии в документах и материалах: Советский период. Петрозаводск, 1992.

История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т.I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987; Т. II. Йоэнсуу, 1991; Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993.

Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Документы и материалы. Петрозаводск, 1975.

Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944—1950: Документы и материалы. Петрозаводск, 1988.

Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925: Сборник документов. Петрозаводск, 1979.

Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. 1918—1920: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964.

Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск, 1948.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.

Красная Карелия: Сборник материалов официального характера со времени образования Карельской Трудовой Коммуны до преобразования ее в АКССР. Петрозаводск, 1930.

Крепостная мануфактура в России: Сборник документов. Ч. 2. Олонецкие медные и железные заводы. Л., 1931.

Культурное строительство в Советской Карелии. 1926—1941: Народное образование и просвещение: Документы и материалы. Петрозаводск, 1986.

Ленин и Север: Сборник документов и материалов. Архангельск, 1969.

Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае. Петрозаводск, 1902.

Материалы для истории русского флота. Ч.I. СПб., 1865.

Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941.

Народное хозяйство Карелии. 1926г. — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941—1956 гг. Петрозаводск, 1999.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 г // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М., 1852.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е.] Т. 1—45. СПб., 1830; [Собрание 2-е.] Т.1—55. СПб., 1830—1884; [Собрание 3-е] Т. 1—33. СПб., 1885—1917.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962; Т. 4. Новгородская четвертая летопись. М., 1848; Т. 5. Софийская первая летопись. М., 1851; Т.7. Воскресенская летопись. М., 1856.

По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР (1926 г. — июнь 1941 г.): Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1984.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1—3. М., 1977—1989.

Революционные события в Карелии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.): Сборник документов и материалов. Изд.1. Петрозаводск, 1955; Изд. 2. Петрозаводск, 1981.

Российское законодательство X—XX вв. Т. 1—9. М., 1984—1994.

Самоквасов Д.Я. Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 1—2. М., 1905—1909.

Северный фронт. 1918—1920: Документы. М., 1961.

Советы Карелии. 1917—1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993.

Тревожные годы Архангельска (1700—1721): Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993.

Чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1918.

Якубов С.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в.: Сборник документов. М., 1897.

* * *

Army. The Evacuation of North Russia. 1919. London, 1920

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. I,II.Washington, 1939.

Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918—1944. Helsinki, 1970.

Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939—1944. Lahti. 1967.

Sinivalkoinen Suomi 1939—1941 julkisten asiakirjojen valossa. I,II. Helsinki, 1978.

Suomen historian dokumentteja. Helsinki, 1970.

Экономико-географические, статистические и справочные издания

Архангельская Карелия. Архангельск, 1908.

Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838.

Бюджет губернского и уездных земств Олонецкой губернии за 1863—1914 гг. Петрозаводск, 1917

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2. Ч.I. Архангельская губерния; Ч. 2. Олонецкая губерния; СПб., 1853.

Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях // Журн. МВД. 1841. Ч.XLI—XLII.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990.

Итоговые сведения о деятельности землеустроительных комиссий за 1907—1915 гг. Пг., 1916.

Карельская АССР. 60 лет: Статистический сборник. Петрозаводск, 1980.

Карельская АССР в цифрах в 1989 г.: Краткий статистический сборник. Петрозаводск, 1990.

Карельская организация КПСС в цифрах. 1921—1984. Петрозаводск, 1985.

Книга памяти. Списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1—8. Петрозаводск, 1994—1997.

Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905.

Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910.

Народное хозяйство Карельской АССР: Статистический сборник. Петрозаводск, 1957.

Народное хозяйство Карельской АССР: Статистический сборник. Петрозаводск, 1985.

Народное хозяйство Карельской АССР: Статистический сборник к 50-летию образования СССР. Петрозаводск, 1972.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

Обзоры Архангельской губернии за 1878—1914 гг. Архангельск, 1879—1915.

Обзоры Олонецкой губернии за 1878, 1880—1915 гг. Петрозаводск, 1878—1915.

Олонецкая губерния: Статистический справочник. Петрозаводск, 1913.

Отчеты Архангельского губернского статистического комитета за 1875—1904 гг. Архангельск, 1876—1905.

Памятная книжка Олонецкой губернии на 1856—1858,1860, 1864—1869, 1902—1915 гг. Петрозаводск, 1856—1915.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи на 1897 г. Вып. 1. Архангельская губерния. Тетрадь 3. СПб., 1904; Вып. 27. Олонецкая губерния. Тетрадь 3. СПб., 1904.

Показатели уровня развития экономики и социальной сферы городов и районов Карельской АССР за 1989 г. Петрозаводск, 1990.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг.,1916.

Республика Карелия в цифрах. 1995: Краткий статистический сборник. Петрозаводск, 1996.

Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

Статистические материалы по народному образованию в Олонецкой губернии (1867—1896). Петрозаводск, 1898.

Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 1. М., 1928.

Статистический справочник по аграрному вопросу. Вып. 3. Сельское хозяйство в 1918—1920 гг. М., 1922.

Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. // Труды ЦСУ. Т. 26. Вып. 1—2. М., 1926.

Численность, состав и движение населения в Республике Карелия: Статистический сборник. Петрозаводск, 1995.

Чубинский П.П. Статистико-этнографический очерк корелы // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2. Архангельск, 1866.

* * *

Karjalan kirja. Porvoo, 1932.

Мемуары. Дневники. Переписка. Записки путешественников

Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1—2. Архангельск, 1993.

Боевые вымпела над Онего: Воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1986.

В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.

Вспоминают ветераны: Сборник воспоминаний ветеранов 71-й Торуньской Краснознаменной дивизии. Петрозаводск, 1970.

За Советскую Карелию. 1918—1920: Воспоминания о Гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

Козлов Г.К. В лесах Карелии. М.,1963.

Копяткевич А.А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1922.

Крапивин В.И. 313-я Петрозаводская. Петрозаводск,1971.

Куджиев В.М. Карельская Трудовая Коммуна: Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск, 1970.

Куприянов Г.Н. Во имя великой победы: Воспоминания. Петрозаводск, 1985.

Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1982.

Маннергейм К.Г. Мемуары. Пер. с фин. М., 1999.

Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968.

Морозов И.П. Воспоминания о товарище А.М. Кузьмине. Петрозаводск, 1918.

На фронте мирного труда: Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск, 1976.

На Ребольском направлении: Воспоминания, очерки, стихи о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1995.

Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Изд. 2. Петрозаводск, 1974.

Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

Октябрьская фронтовая: Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны. Л.,1970

Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.

Прокконен П.С. Героизм народа в дни войны: Воспоминания. Петрозаводск, 1974.

Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. Ч. IV. СПб., 1805.

Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма. Петрозаводск, 1985.

С Лениным вместе: Воспоминания. Документы. Петрозаводск, 1967.

Салинген Симон ван. Русские в Лапландии в XVI в. // Литературный вестник. Т.1. Кн.3. 1902.

* * *

Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä. Päiväkirja sodan vuosilta 1941—1942. Helsinki, 1969.

Härkönen J. Karjalan sivistysseuran toiminta. 1917—1919. Helsinki, 1919.

Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941—1944. Helsinki, 1961.

ЛИТЕРАТУРА

Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974.

Аграрная история Северо-Запада России XVII века (Население, землевладение, землепользование). Л., 1989.

Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995.

Алто Э.Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии. Т. 2. СПб., 1997.

Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I . Введение подушной подати в России. Л., 1982.

Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980.

Анфимов А.М. Российская деревня в годы мировой войны (1914—февраль 1917). М., 1962.

Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. 1918—1927. Петрозаводск, 1983.

Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. 1928—1940. Петрозаводск, 1989.

Базанов В. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в. Петрозаводск, 1955.

Базанов В. Поэзия русского Севера. Петрозаводск, 1981.

Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958.

Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962.

Балагуров Я.А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. 1861— 1917. Петрозаводск, 1967.

Балагуров Я.А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск, 1955.

Барсуков Н.А. Соловецкое восстание (1668-1676 гг.). Петрозаводск, 1954.

Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

Бахрушин С.В. Очерк по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. (К вопросу о предпосылках всероссийского рынка) // Научные труды. Т. 1. М., 1952.

Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. М.; Вологда, 1991.

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.— Л., 1961.

Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.

Беспятых Ю.Н., Коваленко Г.М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988.

Богданова Г.Н. На хозяйственном фронте: Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и Гражданской войны. 1918—1920. Петрозаводск, 1980.

Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1—2. М., 1909—1912.

Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI — XVII веках. Петрозаводск, 1966.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Бузин В.И., Левитский С.А. История Олонецкого земства. Вып.1. Дореформенный период и введение земских учреждений. Петрозаводск, 1917.

Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Васильевская О.И. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. (1730—1770 гг.). Петрозаводск, 1954.

Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн.1—4. М., 1998—1999.

Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. 2-е изд. М., 1998.

Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1—4. СПб., 1909—1911.

Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI — XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962.

Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI — XVIII веках. М., 1974.

Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996.

Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений. 1697—1710 гг. Л., 1986.

Вопросы истории европейского Севера. Межвузовский научный сборник. Петрозаводск, 1974—1999.

Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от "Смутного времени" до кануна Петровских времен. Л., 1986.

В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Сборник статей. Петрозаводск, 1998.

Гадзяцкий С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.

Гардин Е. С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). Петрозаводск, 1955.

Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957.

Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920. М., 1993.

Греков Б.Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Избранные труды. Т. 4. М., 1960; Ч. 2 // Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 г. Вып. 1. Л., 1927.

Гуркина Н.К. Интеллигенция европейского Севера России в конце XIX— начале XX в. СПб., 1998.

Гусев К.В. К истории Карельского мятежа (по материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6.

Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955.

Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г. Государственно–церковные отношения в Карелии (1917—1990-е гг.). Петрозаводск, 1999.

Древний Олонец: Сборник статей. Петрозаводск, 1994.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1956; Т. 2. М., 1958.

Дружинин П.В., Немкович Е.Г., Попова М.Б. Народное хозяйство Республики Карелия. Петрозаводск, 1993.

Еленевский Е.П. Социально–экономические отношения в карельской деревне в конце XVIII — первой половине XIX в. Петрозаводск, 1960.

Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956.

Жербин А.С., Шаскольский И.П. Особенности развития феодализма в Карелии (XI—XVI века) // История СССР. 1982, № 4.

Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XV—XVII вв. М., 1970.

Заонежский сборник: Сборник статей. Петрозаводск, 1992.

Зимняя война. 1939—1940. Кн. 1. Политическая история. М.,1998.; Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б).) М.,1998.

Зырянов П.Н. Крестьянская община европейской России 1907—1914 гг. М., 1992.

Из истории иностранной интервенции и Гражданской войны в Карелии: Сборник статей. // Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 24. Петрозаводск, 1960.

Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. История Костомукши. Петрозаводск, 1997.

Интервенция на Северо–Западе России. 1917—1920 гг. СПб., 1995.

Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.: Сборник статей. Л., 1970.

Исторические судьбы Беломорской Карелии: Сборник статей. Петрозаводск, 2000.

История крестьянства Северо–Запада России: Период феодализма. СПб., 1994.

История России с древнейших времён до конца XX века. В 3 книгах. М., 1997.

История Русской церкви: Спасо–Преображенский Валаамский монастырь, 1991.

История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984; Т. 2. Крестьянство европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985.

Их называли КР: Репрессии в Карелии 20—30–х годов. Петрозаводск. 1992.

Йокипии М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940—1941 гг. Пер. с фин. Петрозаводск, 1999.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992.

Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. (Пути и формы крестьянского общественного служения.) Вологда, 1990.

Камкин А.В. Православная церковь на севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда. 1992.

Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сборник статей и докладов. М., 1992.

Карельская АССР: Природа. Хозяйство. Петрозаводск, 1986.

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1984.

Карху Э.Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. Т. 1. СПб., 1994.

Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. 1920-1941. Петрозаводск, 1999.

Киркинен Х., Сихво Х., Невалайнен П. История карельского народа. Пер. с фин. Петрозаводск, 1998.

Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1978.

Клементьев Е.И. Карелия: Модель этнологического мониторинга. М., 1998.

Клементьев Е.И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945—1960. Л., 1988.

Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.

Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670—1703). Л., 1979.

Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976.

Кораблев Н.А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX в. Петрозаводск, 1981.

Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба во вторую половину XVI в. М., 1970.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы — железного века в Карелии. СПб., 1993.

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965.

Кочкуркина С.И. Древняя Корела. Л., 1982.

Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сборник статей. Л., 1967.

Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977.

Кучепатов Н.Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Линевский А.М. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940.

Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.

Макуров В.Г. Развитие лесной промышленности европейского Севера СССР в послевоенный период (1946—1955 гг.). Петрозаводск, 1979.

Машезерский В.И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740—1860-е гг.: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983.

Морозов К.А. Онежская флотилия в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). Петрозаводск, 1961.

Музыкальная культура Карелии. Петрозаводск, 1988.

Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947.

Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х гг. XIX в. Л., 1984.

Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX—начале XX в. СПб., 1994.

Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Петрозаводск, 1997.

Новое в изучении истории Карелии: Сборник статей. Петрозаводск, 1994.

Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920—1930–е гг. СПб., 2000.

Носов Н.Е. Становление сословно–представительских учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Обряды и верования народов Карелии: Сборник статей. Петрозаводск, 1988.

Общественно–политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995.

Олонец. Историко–краеведческие очерки. Ч. 1—2. Петрозаводск, 1999.

Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

Очерки истории Карелии. Т.1. Петрозаводск, 1957; Т.2. Петрозаводск, 1964.

Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974.

Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994.

Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв. Петрозаводск, 1969.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.

Проблемы истории и культуры вепсской народности: Сборник статей. Петрозаводск, 1989.

Промышленные рабочие Карелии в XX веке: Сборник статей. Петрозаводск, 1991.

Прибалтийско–финские народы: История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.

Пулькин М.В. , Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV— первая треть XX в.). Петрозаводск, 1999.

Развитие науки в Карелии за 50 лет советской власти: Сборник статей. Петрозаводск, 1970.

Россия и Финляндия в XVIII—XX вв.: Специфика границы: Сборник статей. СПб., 1999.

Россия и Финляндия: Торговля, промыслы, крупная промышленность. Л., 1981.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978.

Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80–е гг. XIX в.) М., 1966.

Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

Село Суйсарь: История, быт, культура. Петрозаводск, 1997.

Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность северо–западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971.

Сидорова Л.А. Советы Карелии в годы восстановления народного хозяйства и начала социалистической индустриализации. 1920—1927. Петрозаводск, 1986.

Система государственного феодализма в России: Сборник статей. Ч. 1—2. М., 1993.

Славяне и скандинавы: Сборник статей. М., 1986.

Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50–х гг. XVI в. М.; Л.,1958.

Смирнова Э.С. Древнерусская живопись. Новые открытия: Живопись Обонежья XIV—XVIII веков. Л., 1974.

Советская Карелия: Очерки партийного, советского и культурного строительства. М.; Л., 1933.

Социалистическая индустриализация Карельской АССР.М.; Л.,1935.

Старостина Т.В. Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70–е гг. XVII в. // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. VII. Вып. 1. Петрозаводск, 1958.

Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX — начало XX в. Л., 1985.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л., 1965.

Тинькова Н.К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926—1932). Петрозаводск, 1981.

Филиппов Р.В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961.

Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв. Архангельск, 1975.

Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия: 1918—1920. М., 1975.

Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чистов К.В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980.

Чупров В.И. Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX—начале XX в. (1908—февр. 1917 г.). М., 1991.

Чухин И. Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII—начало XIV в. Петрозаводск, 1987.

Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.

Шитов Н.Ф. Рабочие Петрозаводска в годы первой русской революции. Петрозаводск, 1956.

Шпак А.А. Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1975.

Шпилевский Н. Описание войны между Россиею и Швециею в 1741, 1742 и 1743 гг. СПб., 1859.

Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

* * *

Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922. Porvoo, 1970.

Hyytiä O. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta. 1940—1956. Helsinki, 1999.

Kainussa ja Vienassa. Näkokulmia naapurusten elämään. Studia Carelica humanistica, 10. Joensuu. 1997.

Kauppala P. Venäjän Pohjola: Valtiollisen asutustoiminnon synty, kukoistus ja nykytila. Helsinki, 1998.

Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Bisantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963.

Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä Karjalaan. I. Venäjän renessansilla (1478-1617). Helsinki, 1971.

Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä Karjalaan. II. Karjala taistelukenttänä. Helsinki, 1976.

Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo-Helsinki-Juva. 1994

Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941—1944. Helsinki, 1989.

Kuujo E. Taka-Karjalan verotus vuoteen 1710. Forssa, 1959.

Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä, 1970

Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941—1944. Helsinki, 1982.

Myllyniemi S. Suomen sodassa 1939—1945. Keuruu. 1982.

Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Rauma, 1988.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600—1800-luvulla. Helsinki, 1995.

Rajamailla I—IV. Rovaniemi, 1995—1997.

Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta Karjalan Sivistysseuraksi. 1906—1922. Tampere, 1997.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinais-karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica humanistica, 11. Joensuu, 1998.

Seppälä H. Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Helsinki, 1971.

Suomen sota. 1941—1945. Osa 2. Helsinki, 1952; Osa 8. Kuopio, 1958.

Talvisodan historia. 1—4. Porvoo—Helsinki, 1977—1979.

Vahtola J. "Suomi suureksi—Viena vapaaksi". Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988.

Ylärakkola A. Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Keuruu, 1976.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Або (Турку), г. 87, 93,189
Авдеевская вол. 404
Авнепорог, пос. 783
Австрия 338
Австро-Венгрия 314, 396
Адмиралтейский округ 197, 198
Азовское море 697, 712
Алаборг, г. 80
Алакуртти, пос. 590, 614
Аландские о-ва 381
Александро-Свирский монастырь 160, 171, 172, 175, 178, 205, 207, 227, 229, 479
Александровский у. 391, 431, 434, 435
Алексеевский завод 213, 217
Алексинские заводы 163
Альдейгьюборг (см.: Ладога, г.)
Аляска 229
Амбарный, пос. 751
Амбарный, разъезд 318
Америка 498, 521, 522, 530, 557, 567, 577, 581
Англия 191, 217, 275, 314, 583, 584, 651
Андома, с. 154
Андома, р. 102, 208
Андомский погост 84, 101, 138, 153,175
Андрусовский монастырь 479
Антониев монастырь 160
Аньяла, м. 189
Апатиты, г. 524, 552
Архангельск, г. 134, 155, 162, 182, 191, 192, 201, 220, 221, 226, 263, 269, 270, 276, 278, 298, 307, 309, 347, 356, 381, 387—390, 408, 409, 415, 424, 470, 474, 605, 629, 701, 712
Архангельская губ. 150, 151, 153, 195, 197, 201, 207 247, 249, 254, 257, 279, 284, 290, 300, 305, 306, 308, 309, 310, 327, 334, 339, 356, 360, 373, 378, 379, 411, 425,429, 430, 431, 434, 435, 437, 439, 441, 450, 474, 575
Архангельская Карелия (см.: Беломорская Карелия)
Архангельская обл. 14, 34, 52, 597, 603, 607, 647, 686, 703, 716, 718, 746, 749, 803
Астрахань, г. 390, 712
Атлантика 695, 786

Б

Бабья Губа, д. 50, 143
Байкало–Амурская ж.д. 790
Баку, г. 390
Балтийский регион 86, 125, 484
Балтийское море 134, 154, 181,316, 317, 513, 586, 712, 787
Балтика 44, 47, 54, 62, 71, 79, 87, 88, 103, 112, 134, 154, 155,181, 212
Баренцево море 191, 277, 564, 586, 588, 598, 605, 610, 614, 622, 695, 787
Башкирская автономная республика (Башкирская АССР, Республика Башкортостан) 426, 603
Бежицы (Бежицкий ряд), ист. обл. 82, 83
Белгород, г. 606
Белгородская обл. 587
Белград, г. 338
Белое море 6, 14, 17, 21, 28, 29, 37, 40. 44, 52, 55, 63, 68, 81, 97, 99, 100, 105, 117, 119, 136, 146, 180, 182, 191, 192, 212, 225, 236, 272, 275—278, 335, 360, 378, 389, 422, 434, 438, 441, 443, 477, 479, 513, 574, 598, 622, 633, 695, 697, 712
Белое оз. 17, 59, 61
Белозерский у. 201
Белозерье 42, 45, 47, 59, 63
Беломорск, г. (Сорока, с.) 191, 274, 285, 298, 299, 307, 312, 314, 317, 321, 324, 344—347, 355, 356, 371, 373, 374, 385, 389, 391, 411, 424, 472, 534, 562, 564 604, 620, 622, 628, 641, 662, 663, 671, 689, 701, 735, 752
Беломорская Карелия 181, 186, 238, 304, 338, 359, 360, 361, 384, 422, 431, 689
Беломорский р-н 488, 543, 596, 597, 599, 601, 622, 625, 629, 630, 672, 724,
Беломорско-Балтийский канал 254, 278, 506, 510, 513—515, 531—535, 561, 595, 596, 613, 655, 661, 679, 787, 788
Беломорско–Мурманский край 384, 389
Беломорское побережье 476, 479, 538, 539, 546
Беломорье 24, 25, 27, 29, 37, 40, 44, 53, 55, 59, 97, 111, 113, 145—147, 149, 150, 154, 178, 180, 181, 365, 380, 389, 441, 606, 840
Белоозеро, г. 62, 85, 197
Белоруссия (Белорусская ССР) 127, 383, 390, 584, 592, 660, 686, 688, 692, 805, 848
Белосток, г. 294
Бельгия 275
Бережная Дуброва, с. 332
Бережное Шелтозеро, д. 641
Березов Наволок, д. 129
Березово, оз. 52
Березово X, поселение 17, 52
Берлин, г. 387, 632
Бесов Нос, мыс 24, 26, 27, 544
Бесов Нос VI, стоянка 9, 11
Бесовец, пос. 524
Бесовы Следки, м. 24, 25, 27, 28, 38, 52, 574, 575
Бессарабия 583
Биармия, ист. обл. 62, 64, 81
Бирючева, д. 243
Ближний Восток 13
Богородицкий монастырь на Тихвине 118, 128
Богоявленская вол. 302, 303, 306, 379
Болгария 338
Большие Горы, д. 340, 550
Большой Клименецкий о-в 641, 647
Боровой, пос. 751
Бостилово II, стоянка 42
Бохта II, поселение 53
Ботнический, залив 39, 94, 103, 155
Боярская, ст. 318
Брянская обл. 692
Бураково, с. 332

В

Вага, р. 409
Важинка, р. 145, 154
Важинский погост 84, 102, 138, 144, 145
Важинская вол. 313
Важины, с. 120, 332
Валаам, о. 236, 826
Валаамский архипелаг 827
Валаамский монастырь 90, 160, 171, 172, 173, 175, 178, 207
Валазма, д. 279
Валиесари, мыза 134
Варзуга, с. 109, 146
Варзужская вол. 108, 110
Варкаус, г. 684

Вашингтон, г. 412
Ведлозеро, оз. 7
Ведлозеро, с. 331, 407, 414
Ведлозерская вол. 248, 431, 393
Ведлозерский р-н 488, 563, 589, 602, 610, 640, 661, 662
Великая Горка, д. 243
Великая Губа, с. 351, 419, 421, 640, 670
Великие Луки, г. 89, 94
Великий Устюг (Устюг), г. 175
Великобритания 218, 381, 408, 412—414, 421, 427, 467, 658
Великогубская вол. 269, 287, 302
Великогубская треть 210
Венгрия 381, 675
Веницкий погост 84, 102, 137, 138
Вепсская вол. 841
Верела, д. 190
Версаль, г. 388
Верхневидлицкое сельское общество 427
Верхнее Куйто оз. 361
Верхнее Поволжье 37, 38, 40, 61
Верхние Важины, пос. 741
Верхний Выг, р. 129
Верхний Бесовец, д. 243, 731
Верхняя Волга 38, 45
Верхняя Лопь 129
Верхняя Русь 61, 62, 65, 80
Вершининская вол. 376
Весьегонск, г. 220
Вигайнаволок I, поселение 18, 32—34, 37
Видлица, р. 63, 272, 416
Видлица, с. 272, 308, 332, 339, 407, 413, 415, 550, 580, 611
Видлицкая вол. 185, 427
Византия 127
Викша, р. 419
Вильманстранд, крепость 188, 189, 190
Винницкая вол. 406
Винница, с. 407
Вирма, с. 147, 359, 365, 629, 630
Витебск, г. 191
Владивосток, г. 381, 390, 629
Водла, р. 20, 27, 38, 73—75, 81, 83, 102, 155, 175, 303, 419, 514, 550, 647
Водлозеро, оз. 14, 16, 18, 20, 45, 47, 51, 60, 62, 83, 410, 419, 421, 543, 622, 803
Водлозерская вол. 410
Водлозерский национальный парк 803
Водлозерский погост 74, 84, 101, 138
Водлозерский стан 102
Водлозерье 51
Водская земля. 94, 100
Водская пятина 100, 107, 137
Воевнаволок, д. 647
Воже, оз. 17
Вознесенье, с. 394, 640, 642
Воицкий рудник 200, 215, 236, 238
Войнаволок IX; XXV; XXVII, стоянки 14, 36, 38
Войница, д., пос. 143, 238, 339, 425
Войница, р. 607
Вокнаволок, с. 143, 305, 360, 361, 385, 392, 425
Вокнаволокская вол. 190, 322, 360, 366, 386,392, 420, 430, 432, 570
Волга, р. 7, 45, 58, 59, 65, 151, 155, 170, 607
Волго-Балтийский водный путь 712
Волго-Балтийский канал 787, 788
Волго-Донской канал 697
Волго-Камье 55
Волго-Окское междуречье 18
Волжская Болгария 55
Вологда, г. 150, 175, 201, 221, 269, 388, 389, 396, 412, 474, 629, 665
Вологодская губ. 191, 197, 247, 308, 311, 404, 437, 474
Вологодская обл. 14, 22, 34, 592. 597, 603, 647, 660, 686, 716, 718, 746, 749, 773, 774
Вологодчина 437
Волок Ламский, г. 89
Волома, р. 646
Волхов, р. 65, 80, 84
Воренжа, д. 247, 389
Вороная, р. 87
Воронежская обл. 526, 577
Воспорухан, ст. 790
Восточная Европа 17, 65
Восточная Карелия 7, 388, 413, 415, 428, 438, 439, 446, 606, 632—636
Восточная Прибалтика 37
Восточное Прионежье 7
Восточная Сибирь 284
Восточная Финляндия 262
Восточное Кончезеро, д. 243
Восточно–Карельская автономная обл. 39
Вотская автономная обл. (см.: Удмуртия)
Вохтозеро, с. 331, 609
Вуокса, р. 63, 71, 75, 76, 79, 89, 92, 94, 115, 535
Выборг (Вийпури), г. 71, 79, 92, 102, 103, 113, 114, 185, 186, 188, 226, 308, 340, 586, 588, 589, 610, 617, 652 662
Выборгская губ. 190, 309, 329
Выборгский залив 588
Выборгский лен 103, 114, 130
Выборгский р-н 590, 604, 662
Выг (Выгозеро), оз. 73, 87, 98, 434, 570
Выг, р. 16, 18, 20, 24, 27, 32, 38, 39, 52, 62, 97, 147, 274, 360, 574, 695, 848
Выгозеро, с. 413, 622
Выгозерская вол. 101
Выгозерский погост 84, 97, 101, 107, 138, 147, 151, 213
Выгозерский стан 101, 102
Вымь, р. 59
Вымоченский (см.: Толвуйский) погост
Высокая Нива, д. 287
Вытегорский округ 196
Вытегорский погост 84, 102, 137, 153, 201
Вытегорский, у. 166, 196, 201, 229, 230, 243, 306, 437
Вытегра, г. 156, 161, 200, 220, 277, 297, 329, 340, 394, 398, 400, 414, 419
Вытегра, р. 9, 20, 154,155, 200
Вычегда, р. 51, 409, 410
Вычетайбольская вол. 393
Вянгинская пристань (см.: Вытегра)
Вяртсиля, пос. 606
Вятка, г. 390
Вятская губ. 247,
Вятчальское II, поселение 48

Г

Гаага, г. 446
Габсельга, д. 421
Ганза, союз городов 79, 88
Гардюс, оз. 646
Гдов, г. 197
ГДР (см.: Германия)
Гельсингфорс (см.: Хельсинки), г.
Германия 88, 275, 314, 315, 381, 383, 387, 388, 390, 411, 426, 464, 484, 580, 583, 584, 593—595, 605, 636, 651, 658, 660, 684, 690, 848, 849
Гижозеро, д. 248
Гимрека, с., пос. 169, 171
Гирвас, пос. 524
Голиковка 296
Голодай–Гора, пос. 787
Гольцы, о. 514, 550. 552
Гомаргора, д. 267
Горелый Мост II—VIII, поселение 42, 52, 53
Горка, д. 302
Городенский погост 89, 136
Городовой, о. 73
Горская автономная республика 427
Горький, г. (см.: Нижний Новгород)
Готский берег (Готланд), о. 86
Громово (Саккола), д., пос. 71
Грузия 656

Д

Дагестанская автономная республика (Республика Дагестан) 427
Даго, о. 186

Дальний Восток 796
Даниловская вол. 303
Даниловское сельское общество 311
Дания 103, 104, 181
Датско–Норвежское королевство 110
Двинская земля (Двина, Двинские земли, Подвинье) 79, 81—85, 89, 97, 99, 100, 109, 118, 167
Деревянное, с. 169, 654
Деревянное I, поселение 34
Дерпт, г. (см.: Тарту)
Днепр, р. 6, 65
Днепропетровск, г. 665, 689
Дон, р. 6, 115, 390
Донбасс 665
Древнерусское гос-во, Древняя Русь, Русь 61, 65, 66, 71, 72, 76, 80—82, 84, 87, 92, 165,

Е

Евразия 55
Европа 57, 86, 134, 136, 241, 455, 484, 498, 503. 536, 583, 584,
Европейская Россия 120, 207, 250, 258, 310
Европейский Север России (Север, Русский Север, Северная Русь) 11,13, 63, 66, 69, 76,77, 79—81, 83, 90, 91, 97, 98, 109, 110, 112, 118, 120, 126, 129, 135, 140, 142, 148, 149,154,155,165, 167, 171, 173, 175, 178,179 259, 283, 334, 381, 383, 388, 390, 397, 405, 408, 412, 419, 421, 422, 423, 441, 471, 507, 513, 570, 605, 627, 636, 660, 703, 705, 722, 749, 803
Елменкоски, стоянка 39, 40, 42
Елетьозеро, д. 143
Емца, р. 155
Ерпин Пудас II, поселение 17, 24

Ж

Железная пустынь (Пяльский), завод 152, 153

З

Заволочье 59, 73, 81, 83, 85
Задне–Никифоровская пустынь 479
Задняя Корела 75—77, 86, 89, 94, 102, 136, 137, 147, 148, 158, 163
Закавказье 390
Залавруга I; II; IV, поселения 25, 27, 37, 38, 52, 575
Залесье, д. 642
Заонежский п-ов 18, 32, 34, 62, 63, 65, 74, 102, 119, 129,147,155, 159, 403, 417, 418, 441
Заонежский р-н 640, 661, 663, 670, 675, 676, 717, 730
Заонежье (Заонежские станы) 73, 82, 100, 102, 112, 118, 128, 129, 137, 138, 144, 145, 147, 148, 151—153, 158, 159, 160, 163, 178, 216, 217, 221, 240, 242, 258, 266, 272, 341, 421, 480, 486, 488, 517, 549, 553, 554, 570, 840
Заонежские погосты 98, 99, 100, 101, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 116, 118, 120—123, 132, 137—140, 142, 163, 164, 171, 180
Запад 79, 155, 438, 583, 584
Западная Белоруссия (см.: Белоруссия)
Западная Двина, р. 604
Западная Европа 64, 122, 181, 191, 522, 536
Западная Карелия 86
Западная обл. 520
Западная Русь 127
Западная Украина (см.: Украина)
Западное Прибеломорье 325
Западное Прионежье 258
Западно–Карельская ж. д. 697, 698, 711, 768
Западно–сибирский край 549
Заполярье 517, 535, 610, 650, 651, 658, 660
Званка (Волховстрой), ст. 317, 318, 345
Золотая Орда ("Батыевы улусы") 84, 91, 98, 165, 170
Золотец I; XI, поселения 38, 52

И

Ивангород, г. 103, 113
Иваново–Воскресенск, г. 322
Иваново Посиденье, д. 75
Ивина, р. 303
Ижорская земля, ист. обл. 93, 100, 102, 130
Израиль 848
Ийоки, р. 97
Илекса I; III; V, поселения 14, 34, 38, 45, 47, 48, 57
Иломантский погост 188, 189
Ильинское, с. 467
Иматра, г. 384
Имоченицы, местн., с. 73, 74
Импилахти, д., крепость, с. 133, 384
Ингерманландия 186, 561, 581
Ингерманландская (см.: Санкт-Петербургская) губерния
Интерпоселок 590
Иоканьга, о 391
Иосифо–Волоцкий монастырь 173
Ирбит, г. 151
Ирбитская ярмарка 151, 155
Иркутская обл. 647
Италия 583

Й

Йоэнсуу, г. 384, 385, 469, 633, 818

К

Кабардинская автономная область 426, 427
Кавгора, пос. 590
Казань, г. 166
Казахстан 656, 796, 848
Калевала, пос. 139, 287, 288, 303, 305, 327, 360, 361, 379, 385, 386, 388, 392, 420, 424, 425, 427, 443, 499, 511, 563, 564, 566, 567, 576, 589, 607, 614, 752712
Калевальский р-н 563, 575, 590,600, 601, 602, 632, 672, 685, 687, 715, 724, 730, 772, 777
Калининская (см.: Тверская) обл.
Калмыцкая автономная обл. 427
Каменное Озеро, д. 425
Канада 412, 463, 479, 493, 520, 521, 796, 821
Кангасярви, оз. 606
Кандалакша, с, г. 192, 193, 360, 385, 386, 389, 391, 391, 392, 411, 468, 477, 514, 523—526, 535 590, 629,
Кандалакша, ст. 323, 324, 345—347, 385, 467
Кандалакшская вол. 110
Кандалакшский р-н 488, 517, 539, 604, 648, 658, 660
Канцы (Ниеншанц), г. 155
Капша, р. 208
Каргополь, г. 146, 150, 162, 166, 175 197, 200, 209, 220, 221, 265, 297,329, 340
Каргополье 42, 45, 47, 178
Каргопольский округ 196
Каргопольский, у. 116, 118, 196, 201, 229, 283, 305, 352, 404
Кардис, г. 134
Карелгранит, пос. 647
Карелия (Карельский край, Карельская АССР, Карело-Финская ССР, Республика Карелия) 5—7, 9, 11, 13,14,17, 18, 20—22, 24—26, 29—32, 34, 36—69, 71—84, 86, 89, 94, 96—100, 104—108, 110, 112—114, 116—125, 128—132, 134—136, 139—143, 146, 148—168, 170—183, 186, 188—191, 193, 200, 201, 203—208, 210, 212, 213, 215, 217, 218, 220—247, 249, 253—256, 258—265, 267—270, 272, 274—280, 282—289, 291, 301, 303—305, 307, 308, 310—319, 322, 324, 325, 327—341, 422—440, 464, 466—480, 482—484, 486—488, 490—500, 502, 504—565, 581—584, 587—590, 592—596, 598, 601—605, 607, 609—614, 616, 618, 620—622, 624—626, 629, 630, 632—786, 788—797, 799—811, 813—828, 830—844, 846—850
Карело–Мурманский край 468

Карело–Мурманский р-н 443
Карельские заливы 80
Карельский берег 89, 96, 99, 109, 146, 147, 149
Карельский перешеек 62, 64, 66, 67, 71, 80, 86, 185, 186, 387, 585, 586, 588—590, 604, 614, 650, 652, 657
Карельское Поморье ("Лопский берег") 105, 128, 140, 145,158, 191, 192, 197, 221, 224—226, 236, 266, 274—277, 279, 291, 298—300, 307, 312, 316, 317, 364, 366, 388, 389, 392, 411
Каспийское море 712, 787
Кашина Гора, рудник 514, 550, 552
Каширские заводы 153
Каяни (Каянеборг), крепость, г. 97, 156, 182, 186
Каянский лен 186
Кедрозерский завод 153, 210
Кекомяки VI, погребение 65
Кексгольм, (см.: Корела), г.
Кексгольмский лен 153, 155, 182, 183
Кексгольмский р-н 590, 604, 662
Кексгольмский у. (см.: Корела, ист. обл.)
Келка III, стоянка 39, 42
Кемийоки, р. 94
Кемская вол. 89, 97—99, 109, 111, 140, 158, 199
Кемский городок (см.: Кемь, г.)
Кемский округ 360
Кемский острог (см.: Кемь, г.)
Кемский р-н 488, 517, 539, 596, 599, 622, 625, 632, 724
Кемский, у. 201, 207, 226, 247, 249, 254, 257, 258, 260, 265, 266, 268, 269,274, 277, 284, 285, 287, 288, 290, 302, 310, 322, 324, 327, 329, 333, 334, 336, 365, 366, 371, 378, 379, 387, 391, 430—432, 434, 435, 440, 441, 444, 446—448, 455, 466, 469
Кемь, г. 140, 145, 146, 155, 181,182, 186, 191, 192, 200, 204, 225, 229, 230, 234, 235, 255, 259, 274, 276, 284, 289, 299—301, 307, 312, 313, 321, 323, 324, 340, 341, 344—347, 366, 368,370, 374, 385, 386, 389, 391, 392, 411, 420, 425, 429, 434, 470, 488, 492, 511, 528, 561, 562, 567, 571, 604, 629, 736, 751, 827
Кемь, р. 7, 51, 89, 139, 146, 234, 693, 695, 783
Кенозеро, с. 332
Кенский волок 155
Кенто, оз. 7
Кенто IV, стоянка 49, 50
Кереть, с. 68, 109, 111, 132, 140, 145, 147, 158, 192, 193, 299, 307, 319, 336, 344, 385, 574
Керетская вол. 97, 99, 100, 107, 110, 111, 140, 146, 158
Кестеньга, с. 132, 146, 277, 607, 614, 616, 693
Кестеньгская вол. 366, 375, 392, 420, 421
Кестеньгский р-н 488, 492, 544, 551, 564, 590, 602, 604, 607, 638, 643, 660, 672, 676, 687, 689, 693, 715,
Кивач, заповедник 573, 744
Кивач, ст. 418, 421, 524, 661
Киев, г. 80, 124, 133, 338, 665, 689
Кижи, о. 11, 168, 173, 217, 232, 570, 684, 712, 826, 827, 838, 849
Кижский погост 84, 102, 138, 142, 145, 159, 234
Кижское сельское общество 287
Кимасозеро, д. 120, 137, 139,143, 222, 260, 443, 684
Кирилловский, у. 310
Кирило–Белозерский монастырь 173, 152, 175
Кирьяжский погост 72, 89, 96, 136, 137
Кинелахта, д. 269
Кинтезьма, пос. 590
Киров, г. 605, 629
Кировск, г. 524
Кировская (см.: Мурманская) ж.д.
Кировская обл. 592, 718
Киящинское сельское общество 427
Кладовец II; Va, поселения 9, 38
Клименицкий монастырь 160
Клименицы, д. 647
Климецкий о. 420, 421
Княжая Губа, д. 347, 386, 391, 420
Княжая губа, залив 119
Княжбор, д. 303
Ковда, с. 192, 275, 298, 300, 307, 323, 324, 344, 349, 355, 356, 385, 391, 420
Ковдская вол. 110
Койкары, д. 418
Коккосалми, д. 607
Кокорино, д. 63
Кола, г. 105, 110, 146, 149, 155, 175, 192, 323, 570
Колатсельга, д. 610
Колгостров I, поселение 34
Колежемская вол. 190, 359
Колежма, с., пос. 147, 152, 191, 391, 622
Колежма, р. 147, 152
Кольский п-ов 17, 34, 51, 62, 81, 110, 132, 317, 384, 386—388, 434, 513, 514, 523, 532, 605, 651, 660
Кольский у. 110, 126, 143
Коми АССР (Коми край, Коми автономная обл., Республика Коми) 409, 427, 603, 604, 647, 666
Конда, д. 647
Кондопога, с., г. 145, 171, 233, 234, 321, 344, 458, 461, 462, 464, 523, 524, 535, 595, 638, 654, 696, 706, 711, 735, 737, 751, 782, 790, 803, 806, 808, 814, 827, 848
Кондопожская вол. 336, 461
Кондопожский р-н 464, 488, 497, 500, 517, 590, 638, 661—663, 720, 761, 768, 794
Кондукса, д. 143
Коневец, о. 173, 236
Коневский монастырь 160, 172, 175, 178
Константинополь, г. 80
Контокка, с. 360, 361
Контокская (Кондокская) вол. 322, 392, 420
Контуши (Кондуши), с. 183
Кондушская (Контушская) вол. 185
Кончезеро, оз. 213
Кончезеро, с. 235, 279, 571
Кончезерский завод 188, 198, 212, 213, 215—217, 244, 270
Копорье, г. 103, 113
Коргуба I, поселение 14
Корела (Корельская земля, Корельский у., Кексгольмский лен, Кексгольмс-кий у.) ист. обл. 71, 72, 75, 77, 79, 82, 85, 89, 91, 93—96, 99, 100, 102—105, 107—109, 112—116, 119, 121, 124, 130—134, 136—140, 142—145, 151, 152, 154, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 175, 179, 180, 322
Корела (Кексгольм, Кякисальми, Приозерск) г. 71, 72, 76, 77, 79, 85, 89, 92—96, 99, 102—105, 107, 108, 114—116, 132,133, 136, 137, 143, 156, 157,161, 162, 175, 179, 185, 186, 188, 588, 610, 662
Корельская половина 107, 137
Коросозеро, д. 247
Корписелькя, д. 606, 609
Костомукша, оз. 7
Костомукша (Костомукса), д., пос., г. 143, 392, 751, 761, 765—768, 781, 782, 785, 786, 794, 801, 802, 804—806, 817, 818, 826, 827, 848, 850
Костромская обл. 692
Котка, г. 190
Коткозеро, с. 332
Коткозерская вол. 366
Котлас, г. 389, 390, 412
Котлин, о. 185
Кочнаволок I, поселение 14

Крайний Север 99, 105, 107, 110, 128, 147, 175, 422, 514, 585, 605, 658
Краков, г. 113
Красноярск, г. 603
Красноярский край 647
Крестовая Губа, д. 649
Кронштадт, г. 456
Крошнозеро, с., пос. 480
Крым (Крымская автономная республика) 390, 427, 651, 660
Кубань 390
Кудамгуба, д. 635
Кудома VIII; X; XI, стоянки 38, 40, 48, 50, 51, 57
Кудомгуба VII, поселение 17
Кузаранда, д. 377, 421
Кузарандское сельское общество 302
Куйтежское сельское общество 431
Куйто, оз. 48, 51, 123, 139
Куйтоозеро, д. (см.: Ухта)
Куккозеро 646
Кукковка 292, 293, 295
Кулмукса, д. 376
Кумури, д. 606
Кунгозеро, д. 551
Куолаярви, с. 67, 385, 588, 590
Куолисмаа, д. 606, 655
Куопио, г. 385, 823
Купецкое, с. 419
Кургеницы, д. 647
Куркиеки, пос. 71
Куркиекский р-н 590, 662, 672, 676, 715—717, 719
Курола, местн. 79
Курск, г. 606, 639, 648, 660
Курская губ. 332, 394
Куусамо, д. 67, 288, 385
Кюлолакша, д. 72, 89
Кюлолакшский (Кюлоласкый) погост 72, 89
Кюмень, р. 189
Кюмийоки, р. 87
Кяппесельга, ст. 417, 418, 421, 424, 661

Л

Лавуя, застава 134
Ладва, с., пос. 144, 279, 305, 351, 600, 640, 666
Ладвинская вол. 269, 303, 441
Ладвинское сельское общество 302
Ладвозеро (Латваярви), д. 238, 385
Ладога (Альдейгьюборг, Старая Ладога), г. 62, 66, 69, 72, 80, 85, 87, 94, 119, 197, 221
Ладожское оз. (Ладога) 6, 7, 18, 37, 39, 59, 61, 62, 64—67, 71, 79, 100, 102, 113, 149, 154, 172, 184, 188, 236, 271, 360, 378, 402, 438, 466, 588, 590, 598, 602, 603, 605, 608, 610, 621, 652, 653, 744
Ладожский, у. 107
Лакшезеро II, поселение 22
Ландскрона, г. 93
Лапино, д. 389
Лапинская вол. 359, 373
Лапландия 81, 94
Латваярви (см.: Ладвозеро)
Латвия 22, 583, 584
Лахденпохья, г. 71, 610
Лахта I; II, поселение 49, 50, 57
Лача, оз. 17
Ледмозеро, оз. 50
Лейнаволок, м. 263
Лекса 231
Лексинский погост 189
Лендерская четверть 186
Лендеры, д., с., пос. 137, 139, 309
Ленинград (см.: Санкт-Петербург)
Ленинградская губ. 441
Ленинградская обл. 14, 22, 34, 486, 494, 495, 589, 592, 634, 640, 647, 655, 662, 686, 695, 697, 718, 773, 774, 783, 805
Лепостров 234
Летнеконецкая вол. 375, 386
Летнерецкая вол. 190
Летний берег 52
Летняя Река, д. 420
Ливония 81, 130, 133
Ливонский Орден (Орден) 104
Лижемская губа 421
Лижемский завод 153, 212, 217
Лижма, д. 217, 323, 363, 377
Лижма, р. 216
Лижма, ст. 417, 418, 421,661
Линдозеро, д., с., пос. 169, 171
Линдозерский погост 89, 139, 175
Линдома, д. 649
Листьегуба, д. 467
Литва 94, 104, 584, 809
Логмозеро 274
Логмозеро I, поселение 17
Лодейное Поле, г. 212, 284, 655, 695
Лодейное Поле, ст. 345, 393, 394, 414, 598, 611, 623, 639, 652
Лодейнопольский, у. 196, 201, 206, 208, 243, 263, 290, 306, 313, 340, 403, 407, 437, 441
Лоймола, ст. 594, 608
Лондон, г. 381, 383, 412, 414, 415, 623
Лопские погосты ("Дикая Лопь") 86,90, 98, 105, 107, 108, 111, 116. 117, 122, 123, 129, 136, 139, 140, 143, 145—149, 151, 152, 154, 156, 158, 175, 186, 187, 200, 225
Лососинка, р. 153, 212, 217, 510
Лоухи, пос. 318, 571, 607, 616, 623, 693, 713, 806
Лоухский р-н 488, 517, 539, 541, 552, 599, 601, 607, 625, 632, 693, 715, 724, 803, 806
Лубосалма, д. 189
Лувозеро, погост, д. 143, 248
Луганский завод 220
Луза, д. 410, 421
Лычный, о. 169
Любек, г. (Германия) 86
Ляскеля, пос. 534, 666

М

Майгуба, ст. 410, 467
Майнила, д. 584
Макарьевская ярмарка 151
Малая Суна IX, поселение 51
Мангышлак, п-ов 229
Мандозеро, д. 143
Мантсинсаари, о. 174
Маньчжурия 318, 583
Маргаритинская ярмарка 226
Мариинская водная система, Мариинский канал 254, 269, 283
Марийская автономная обл. 426
Марциальные воды 235, 737
Масельгская, д. 7
Масельгская, ст. 323
Масельгский округ 634
Маслозеро, д. 140
Маслозерская вол. 386
Матросы, пос. 358, 499, 527
Машезерский монастырь 207
Мег, о. 421
Мегорский погост 84, 102, 138
Мегостров, д. 419
Мегра, р. 208
Мегрега, р. 182
Мегрега, с. 332, 407, 611
Медвежьегорск (Медвежья Гора), г. 467, 532—534, 543, 561, 576, 596, 604, 609, 613, 652, 653, 656, 657, 661, 685, 735, 751, 768, 782
Медвежьегорский р-н 488, 517, 544, 596, 599, 601, 616, 625, 632, 656, 661, 662, 724, 738, 804
Медвежья Гора, ст. 345, 417, 422, 424
Междуозерный р-н (Междуозерье) 386, 415, 417, 418
Межозерье 59, 61, 62, 80
Мезень, р. 59, 409
Мелар (Меларен), оз. 87
Мергуба, д. 649
Миккели, г. 87
Миры Ликийские, г. 175
Михеева Сельга, д. 419
Молдавия 660
Молога, р. 63
Монастырская Слобода, д. 363
Мордовская АССР (Республика Мордовия) 520, 592
Москва, г. 85, 90, 94, 98, 99, 102—105, 107, 108, 111, 113—116, 118—124, 127, 130, 132,

133, 138, 143, 145, 147, 152—155, 159, 165, 170, 180, 181, 191, 211, 213, 214, 220, 221, 226, 233, 263, 265, 286, 289, 295, 338, 352, 381, 383, 388, 390, 391, 394, 397, 398, 414, 425, 428, 454—456, 458, 467, 469, 485, 490, 495, 506, 509, 516, 555, 559, 570, 576, 579, 587, 620, 629, 639, 655, 658, 663, 668, 688, 690, 704, 712, 713, 742, 744, 747, 750, 779, 809, 834, 835
Московская обл. 494, 520
Московское гос-во (см.: Россия)
Молчанов, о. 355
Мудьюг, о. 391
Муезерский, пос. 711
Муезерский р-н 684, 685, 806
Муномалакша, д. 143
Муоланъярви, оз. 587
Мурман, Мурманский берег 149, 225, 270, 278, 317,318, 380, 381, 383, 384, 387—392, 408, 411—413, 426
Мурманск, г. 345, 372, 381, 383, 384, 389—391, 409, 421, 424, 426, 604—606, 614, 616, 629, 660, 665, 712, 787
Мурманская ж. д.317, 318, 319, 320, 321, 323, 344—347, 361, 363, 368, 373, 383, 385, 386, 389, 394, 398, 401, 402, 410, 411, 421—423, 425, 434, 435, 441, 442, 454, 459, 464—469, 471, 472, 474, 507, 516, 523, 524, 531, 548, 598, 599, 603, 605, 607, 608, 611, 614, 616, 618, 620, 623, 624, 627, 631, 654, 655, 660, 661, 665, 692
Мурманская обл. 14, 434, 552, 598, 647, 686, 703, 783, 793, 805
Мурманский край 383, 420
Мурманский р-н 366, 383, 422
Мурманское побережье 270, 317, 438
Муромля, с. 331
Муромский монастырь 160, 166, 168, 207
Муромское, оз. 45, 63
Муромское VII, поселение 9, 47, 48
Мяндусельга, д. 653
Мяндусельгская вол. 375, 379
Мятусово, с. 332
Мячево, д. 332

Н

Надвоицы, д, пос. 410, 532, 533, 570, 768, 806, 827
Нарва, г. 113, 181, 185, 197, 212
Настола 87
Нева, р. 79, 92, 93, 134, 154, 155, 580
Неглинка, р. 665
Нейшлот, крепость 189, 190
Неккульская вол. 267, 268, 572
Нелгомозеро, пос. 492
Немцев Поволжья Трудовая коммуна 426, 429
Нечерноземная зона 260
Нигижма, с. 351
Нигижемская вол. 305, 404
Нижнее Куйто, оз. 361
Нижнее Приобье 55
Нижнее Черное, оз. 616
Нижний Новгород (Горький), г. 221, 322, 338, 629, 663
Николайстадт (Вааса), г. 304
Николо-Вяжицкий монастырь 160
Ништадт, г.
Новая Заживка, д. 243
Новая Залавруга, м. 24, 25, 29
Новая Ладога, г. 220, 393
Новгород Великий (Новгород), г. 62, 66, 69, 71, 72, 74, 76—85, 89, 90, 94, 95, 99, 101—105, 107, 108, 110, 112, 113, 116, 118—122, 124, 125, 138, 152, 154, 155, 157, 158, 166, 168, 179, 197, 201, 209, 211, 221, 226, 227, 651
Новгородская губ. 198, 200, 270, 571
Новгородская республика (Новгородское гос-во) 71, 73, 75, 78, 79, 81—98, 162
Новгородская земля (Новгородчина) 72, 75, 73, 77, 82—86, 91, 94, 97, 99, 100, 103, 107, 108, 110, 112, 116, 118, 120, 122, 147, 148, 158, 162, 163
Новгородский Север 77, 85, 103
Новгородский у. 98, 101, 102, 111, 116, 120, 121
Новгородское наместничество 200
Новгородско-Псковская земля 74
Новые Пески, ст. 610
Норвегия 17, 34, 62, 65, 95, 100, 111, 276, 438, 458, 469, 505, 660, 796
Нотебург (см.: Орешек) г.
Нуорунен, гора 768
Нурмес, приход 384
Нурмойла, д. 266
Нурмолица, д. 611
Нью-Йорк, г. 521
Нюхотская вол. 101, 111, 190, 359, 469
Нюхча, с. 146, 191, 365, 411, 622, 671
Нялмозерская вол. 185

О

Обжа, д. 63
Обозерская, ст. 390
Обонежье (Обонежская Карелия, Обонежская пятина, Обонежский ряд, Обонежская тысяча) 60, 73—75, 77—79, 82—85, 89, 97, 100, 107, 118, 120, 137, 164, 264
Одесса, г. 338
Ока, р. 38
Октябрьская ж.д. (см. : Мурманская ж.д.)
Оланга, д. 361
Олангская вол. 375, 392, 430
Оленеостровский могильник 11, 12, 57
Олонец, г., крепость 123—125, 129, 133, 134, 154, 156, 161, 162, 169, 175, 179, 182—185, 187, 188, 197, 198, 200, 201, 209, 220, 221, 227—229, 235, 236, 255, 259, 267, 268, 276, 279, 284, 297, 347, 361, 365, 368, 371, 374, 377, 392, 393, 407, 413—415, 425, 431, 442, 455, 492, 503, 541, 543, 562, 567, 575, 595, 611, 612, 635, 636, 639, 652, 653, 655, 666, 670, 682, 685, 695, 736, 752, 770, 772, 806, 826, 827
Олонец, местн. 83, 119—122
Олонецкая верфь 184, 197, 212
Олонецкая губ. 189, 190, 191, 195, 196, 197, 201, 203—210, 222, 224—226, 229, 230, 234, 236—240, 243, 247, 249, 251,252, 253, 256, 257, 259, 260, 262—266, 268, 269, 270, 276, 279, 280, 281, 283, 284, 290, 292, 294, 295, 302, 305—310, 313, 317, 320, 325—327, 329, 332, 334, 337, 339, 344, 348, 350, 359, 362, 363, 368, 370, 373—379, 383, 385, 395, 396, 401—405, 413—415, 425, 429, 430, 434, 435, 437, 439, 441, 446, 450, 454, 575
Олонецкая Карелия 359
Олонецкая провинция 197, 200, 221
Олонецкая равнина 63, 64, 75, 80, 82, 98, 136, 138, 144, 147, 148
Олонецкая ж. д. 317, 318
Олонецкие заводы (Олонецкие горные заводы) 159, 217, 218
Олонецкие Петровские заводы 153, 184, 186, 198, 201, 206, 208, 209, 211—215, 219, 223, 227, 236, 238
Олонецкий горный округ 194, 198, 216, 237, 245
Олонецкий край (Олония) 200, 221, 364, 416, 458, 606
Олонецкий округ 196, 236, 360, 634
Олонецкий погост 77, 83, 84, 102, 138, 142, 145, 155
Олонецкий р-н 442, 447, 470, 481, 485, 488, 498, 503, 517, 538—540, 544, 545, 549, 551,

552, 555, 564, 589, 604, 639, 642, 654, 656, 661, 662, 664, 675, 687, 717, 720, 724, 727,
Олонецкий стан 101, 102, 110
Олонецкий у. 123—126, 133, 134, 142, 143, 150, 163, 179, 180,182, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 207—209, 211, 212, 221, 224, 226, 227, 236, 247—249, 258, 260, 262, 263, 265—269, 271, 272, 302, 308, 312, 313, 317, 327, 333, 336, 340, 375, 376, 393, 401, 403, 407, 413, 414, 427, 428, 430, 431, 432, 435, 442, 443, 446, 451, 460
Олонка, р. 102, 123, 154, 657
Онгамукса, д. 279
Онда, р. 384, 617
Ондозеро, д. 430
Онега, г. 389, 419, 424
Онега, р. 81, 83,146, 155, 419
Онежский бассейн 59
Онежский у. 441
Онежское, оз. (Онего) 6—9, 11, 14, 16—18, 20, 22, 24, 26, 27, 29—32, 35, 37—40, 42, 44, 45, 48, 57, 59—64, 74, 78, 84, 98, 99, 102, 107, 113, 136, 138, 146, 148, 149, 154, 162, 166, 175, 180, 208, 212—214, 235, 236, 272, 277, 278, 335, 360, 378, 393, 402, 410, 417, 419, 421, 424, 434, 438, 466, 467, 511, 513, 514, 550, 554, 570, 574, 602, 605, 609, 622, 633, 646, 647, 649, 652, 653, 654, 695, 745
Онежско-Ладожский водный путь 263, 264, 266, 277
Онежско–Ладожский перешеек 38, 138, 604, 608
Онежско-Ладожский район 180
Онежско–Ладожское межозерье 65, 84, 112, 138, 143, 145, 158
Опочек (Опочка), г. 197
Орешек (Нотебург), г. 72, 93, 94, 102, 103, 107, 114
Орешковский у. 107, 119, 133
Оривеси, оз. 79
Оровгуба, д. 421
Оровнаволок V; IX; XV, поселения 9—11, 17
Остречинская вол. 279
Остречинский погост 84, 102, 138
Остров Шойрукшин, стоянка 53
Оулу, г. 71, 156
Оулу, р. 51, 96, 97
Оулуярви, оз. 605
Охта, р. 155
Охтома II; III, стоянка 38, 45, 47
Ошта, с. 116, 121
Ошта, р. 208
Оштинский погост 145,175, 201
Оштинский р-н 660
Оштинский стан 108
Оять, р. 63, 74, 78, 208

П

Паанаярви, национальный парк 803
Паасо, городище 71, 79, 166
Паданский округ 201
Паданский погост 175, 190, 200, 225
Паданский р–н 447
Паданский у. 222, 446, 447, 571
Паданское сельское общество 311
Паданы, д., с., пос. 151, 361, 387, 410, 432, 467, 608, 642, 656, 670, 770
Падмозеро, д. 64, 119
Палалахта, д. 524
Палеостровский монастырь 101, 107, 129, 160, 177, 207
Палий, о. 129
Палтога, д. 230
Пальтомо, приход, 186
Панаярви, д. 360
Паннила, д. 248
Панозеро, с. 146, 392, 431
Панозерский погост 89, 117, 139, 181, 186, 190
Парандово, д. 511
Париж, г. 191, 267, 381, 391, 412, 414, 585
Паша, р. 63, 73, 82, 208
Пебозеро, д. 140
Пегрема I; II; III; V; VII; IX; XXII, поселения 14, 18, 32, 33, 38
Пензенская обл. 592
Первомайская I, поселение 38
Передняя Корела, 75—77, 86, 89, 94, 100, 102, 136, 137, 143, 147, 148, 159, 160, 162, 163
Пери Нос, мыс 24
Пермь, г. 390
Пермская губ. 247
Пертозеро, оз. 213
Петербург (см.: Санкт-Петербург), г.
Петербургская (см.: Санкт-Петербургская), губ.
Петербургский р-н 268
Петербургский тракт 263, 266, 291, 292
Петрова, д. 303
Петровский завод 153, 198, 199, 200, 212—217, 227, 234
Петровский р-н 488, 499, 517, 541, 542, 544, 549—552, 563, 589, 662, 676, 716, 739
Петровский Ям, д. 410
Петровско–Ямская вол. 247
Петроград (см.: Санкт–Петербург), г.
Петроградская (см.: Санкт–Петербургская), губ.
Петрозаводск, г. (Петрозаводская слобода, Слобода Петровского з-да) 18, 32, 64, 153, 190, 193, 198, 200, 203, 205, 207, 209, 210, 220—222, 226—228, 230—232, 235, 238—240, 243, 244, 254—256, 258, 259, 262—264, 267, 270, 274—279, 282, 283, 285, 286, 288—297, 305,306, 308, 309, 311—318, 322—324, 326, 328—331, 333—337, 340, 342, 344, 345, 347, 349—351, 353—355, 361—363, 365, 368, 371—376, 378, 383, 390, 393, 394, 396, 399—402, 407. 408, 410, 412—415, 418, 422, 424, 428, 429, 430, 435, 437, 442, 443, 454—456, 466, 467, 469, 471, 472, 474, 485, 486, 488—490, 492, 494, 496, 498, 502, 503, 509—512, 518, 519, 521, 523-526, 528, 529, 535, 556, 558, 560, 562, 564, 566—568, 570—572, 574, 576—580, 587, 589, 592, 595, 596, 601, 604, 608—613, 633—636, 640. 641, 643, 645, 650—652, 654—656, 661—666, 668, 670, 673, 675, 682, 684—686, 689, 691, 696, 697, 710—713, 716, 725, 729, 730, 735, 736, 742, 744, 747, 748, 750, 751, 754, 761, 765—768, 770, 773, 778, 779, 781, 784, 787, 789, 790, 802, 803, 805, 806, 808—810, 812—816, 819, 821—823, 825—828, 833, 834, 837. 838, 848, 850
Петрозаводская губа 525, 654,
Петрозаводский округ 360
Петрозаводский р-н (см.: Прионежский р-н)
Петрозаводский, у. 188, 196, 201, 206—208, 221, 224, 226, 229, 242, 243, 245, 247, 249, 250, 258—260, 262, 263, 265—267, 269, 276, 287, 302, 303, 305, 312, 317, 323, 324, 327, 333, 336, 340, 358, 371, 375, 376, 395, 401, 403, 404, 430, 434, 435, 442, 443, 446, 447, 451, 460, 571
Петсамо (Печенга), г. 120,175, 380, 388, 391, 415, 422, 424, 425, 438, 585, 588, 589, 658
Печора, р. 59, 409, 410
Пидьма, с. 332
Пижма, р. 608
Пинега, р. 409
Пинего–Печорский р-н 409
Пиндуши, пос. 806
Пиркинский погост 84, 102, 142
Питинозерское общество 195
Питкяранта, г. 384, 608, 610, 634, 652, 655, 657, 685, 713, 725, 787, 806, 808, 827

Питкярантский р-н 590, 661, 662, 672, 676, 716, 719, 723
Пичево III, стоянка 42, 48—51
Повенец, рядок, с, г., пос. 73, 102, 120, 150, 153—156, 161, 204, 213, 221, 229, 235, 255, 256, 259, 277, 282—284, 332, 365, 368, 377, 379, 389, 392, 394, 417, 421, 422, 424, 434, 441, 532, 562, 567, 653, 656
Повенецкий завод 213
Повенецкий залив 419
Повенецкий округ 196, 360
Повенецкий у. 189, 196, 201, 206—208, 221, 224—226, 242, 243, 245, 247—250, 258, 260, 262, 263, 265, 269, 272, 274, 276, 277, 302, 303, 306, 311, 312, 316, 317, 327, 333, 360, 375, 376, 387, 393, 395, 398, 401, 404, 418, 430, 432, 435, 437, 441, 449, 460, 466
Повенчанка, р. 213
Поволжье 32, 39, 40, 44, 59, 118, 217, 224, 390, 393, 443, 686
Погранкондуши, д. 416
Подпорожье, д., пос. 277, 640
Подужемье, с., пос. 140
Полоцк, г. 134
Полтава, г. 185
Польша (Речь Посполитая) 104, 105, 113—115, 119, 125, 127, 130, 133, 134, 381, 583, 584, 675
Полярный 605, 614, 623, 660
Полярный круг 68, 589
Поморье (Поморский регион, Поморский р-н) 98, 105, 108, 109, 111, 118, 126, 128, 135, 139, 143, 146, 147, 150, 151, 156, 175, 180, 182, 258, 264, 279, 299, 312, 317, 356, 372, 387, 475, 516, 538, 541, 544, 551
Поньгома, ст. 347
Попов Остров (Рабочеостровск), пос. 274, 299, 312, 323, 324
Порккала 676
Поросозеро, оз. 90
Поросозеро, пос. 385, 438, 439, 589, 604, 645, 653, 655, 697, 698
Поросозерская (Порозерская) вол. 75. 90, 116, 119, 120, 154, 351, 366, 375, 379, 393, 425, 430, 438, 439, 440
Посвирье 62—64, 73, 74, 80, 82—84, 98, 107, 123, 147
Правобережная Украина (см.: Украина)
Прибалтика 17, 22, 34, 38, 55, 57, 58, 88, 104, 119, 133, 270, 295, 340, 381, 383, 660, 686, 688, 805, 848
Прибеломорье 24, 48
Приботния Восточная (Приботния, Остерботния) 63, 71, 79, 94, 95, 97, 103, 113, 117, 156
Приильменье 61, 80
Прикамье 17, 50, 51, 53, 58
Приладожская Карелия (Корела) 76, 181, 237
Приладожье (Приладожский р-н), 11, 59, 61, 62—64, 66, 68—70, 80, 82, 83, 86, 87, 95, 131, 138, 144, 182, 184, 185, 186, 188, 238, 374
Приморье 359
Приневье 64
Приозерск (см.: Корела), г.
Прионежский р-н 374, 517, 553, 600, 638, 640, 643, 661, 662, 774, 777, 841
Прионежье 51, 138, 144, 153, 175, 279, 325, 441
Присвирье 184, 264
Приуралье 32, 44, 48, 53, 58, 79
Проба 292, 293
Пряжа, с. 313, 358, 414, 480, 524, 543, 656, 671, 770, 827
Пряжинский р-н 480, 488, 499, 517, 518, 541, 551, 552, 589, 590, 610, 638, 661, 662, 670, 687, 716, 719
Прякка, д. 358
Псков, г. 72, 104, 114, 124, 134, 137, 197
Псковская губ. 270
Псковская обл. 692
Псковщина (Псковская земля) 74, 89, 261
Пудога 78
Пудож, г. 204, 210, 221, 224, 229, 235, 255, 257, 259, 277, 283, 284, 297, 332, 349, 365, 368, 377, 378, 392, 393, 407, 410, 417, 441, 562, 567, 613, 622, 671, 712, 787,
Пудожгора, д. 417, 419
Пудожский погост 84, 101, 102, 129, 138, 153,175
Пудожский р-н 486, 488, 499, 517, 543, 548, 550, 552, 565, 596, 599, 601, 625, 631, 632, 693, 717, 719, 794, 803
Пудожский стан 102
Пудожский, у. 195, 196, 201, 207, 208, 226, 229, 247—249, 258, 260, 261, 263, 265, 268, 269, 274, 275, 276, 282, 302, 303, 311, 317, 322, 327, 333, 341, 356, 371, 376, 395, 400, 403, 404, 421, 437, 442, 466
Пудожье 261, 266, 336, 441
Пульчейла, д. 550
Пушсовхоз II, поселение 14
Пуэта, р. 300
Пюхяйоки, р. 94
Пяжиева Сельга, ст. 323
Пяла, р. 152
Пяльма, пос. 751
Пяозеро, оз. 146
Пяозеро, пос. 788

Р

Рабочеостровск (см: Попов остров), пос. 344, 346, 374, 385, 420
Разлив, д. 483
Раковор, г. 92
Раяйоки ст. 425, 427, 428
Реболы, с. 110, 120, 139, 143, 146, 309, 360, 361, 384, 385, 388, 432, 438, 439
Ребольская вол. 75, 104, 105, 116, 117, 137, 139, 143, 146, 185, 279, 351, 375, 379, 387, 392, 420, 425, 430, 439, 440
Ребольский погост 186, 189, 190
Ребольский р-н 469, 488,517,549, 551, 602, 604, 607, 643, 647, 662, 687,
Ревель, г., см.: Таллин
Рекольская Весь, д. 75
Реутовская, д. 266
Рига, г. 293
Ригсельга, д. 358
Рим, г. 571
Римское, с. 419
Римская вол. 417
Ристисалми, пролив 609
Рованиеми, г. 288
Ровдужский погост 89, 136
Ровкулы (Роккулы), погост, д. 143, 146
Рогозеро, д. 143
Ропручей, д. 467, 511
Россия (Московская держава, Русская земля, Русское гос-во, Российская империя, РСФСР, Российская Советская Федеративная Социалистическая республика, Российская Федерация) 17,57—59, 72, 79, 86, 91, 97—99, 102—104, 106, 107, 110, 111, 113, 114, 116, 118—121, 123—128, 130—137, 143, 145, 148, 150, 153, 155, 156, 157, 159, 162, 164, 166, 177, 178, 179, 180, 181, 185, 186, 189, 190, 191, 193, 208, 210, 214, 218, 220, 223, 227, 238, 240, 241, 250, 256, 258—261, 268, 270, 275, 276. 278, 280, 283, 284, 286, 287, 289, 290, 302, 303, 305, 306, 309—315, 317, 322, 325, 338, 340, 341, 360, 361, 379—381, 383—388, 390, 396, 397, 400, 405, 411, 413, 415—417, 419, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429—432, 434, 437—440, 442, 446, 453—455, 457, 458, 461, 462, 471, 475, 478, 483, 484, 486, 490, 491,

497, 507, 525, 537, 538, 545, 559, 563, 581, 584, 585, 590, 633, 635, 656, 675, 686, 689, 701, 702, 706, 736—738, 740, 748, 750, 758, 762, 763, 766—768, 772, 773, 775—778, 780, 781, 783, 794, 796, 799, 801, 807, 809, 819, 821—824, 826, 827, 829—837, 844, 847—850
Ростово-Суздальская земля 92, 165
Роухиала 535
Роченсальм 190
Ругозеро, д., острог, с., пос. 139, 385, 388, 443, 511, 524, 614, 638
Ругозерская вол. 248, 366, 375, 379, 430, 440
Ругозерский погост 89, 139, 186, 189, 190
Ругозерский р-н 488, 517, 544, 551, 607, 608, 649, 672, 676, 687, 715, 739
Румыния 651
Русская Карелия 379
Русская равнина 59
Рыбачий п-ов 584, 585, 588
Рыбинск, г. 276
Рыбрека, пос. 773, 774, 777
Рыпушкальская вол. 266, 267, 278, 359, 366, 393
Рязанская обл. 592

С

Савилахти (Саволакс), погост 86, 87, 89
Саво, ист. обл. 62, 89, 94
Сайменские озера 63, 94
Саксония 181
Сакульский погост 89, 136
Салми, д., г., с. 131, 133,174, 182, 183, 385, 655, 657
Салминский приход 182
Сандал, оз. 64, 421, 570
Сандалы, д. 306
Сандермоха II; IV, поселения 14, 17
Санкт-Петербург (Петербург, Петроград, Ленинград), г. 200, 201, 203, 209, 212, 215, 217, 220, 221, 229, 236, 237, 263—268, 270—272, 274, 276—278, 284, 286, 287, 291, 295, 296, 315, 334, 337, 338, 340, 342, 345, 347, 355, 357, 359, 361—363, 368, 372, 376, 380. 381, 387, 390, 393, 395, 397, 398, 402, 414, 415, 417, 424, 444, 445, 454, 458, 467, 485, 486, 490, 500, 502, 512, 529, 535, 542, 557—560, 562, 564, 566, 570, 572, 579, 580, 584, 585, 587, 590, 604, 605, 608, 609, 616, 617, 623, 651, 660, 663, 665, 688, 689, 704, 712, 742, 744,
Санкт-Петербургская (Петербургская, Петроградская, Ингерманландская), губ. 197, 270, 437
Сапосалма, д. 117
Саргопорог, д. 266
Сванский Волочек, рядок 133, 136, 143, 154,156, 161, 162, 175
Свеаборг, крепость 347
Свердловская обл. 647, 783
Свирь, р. 7, 64, 77, 82, 102. 105, 119, 144, 154, 180, 208, 212, 236, 277, 290, 360, 378, 387, 414, 428, 434, 438, 443, 611, 614, 616, 633, 640—642, 653, 654, 657
Свирьстрой, пос. 611
Святозеро, с. 331, 339, 340, 358
Святозерская вол. 144, 145
Святоникольский монастырь 175
Святская перевара 76
Священная Римская империя 99
Северная Америка 521
Северная Двина (Двина), р. 62, 155, 167, 175, 384, 390, 409, 413
Северная Европа (Север Европы) 86, 434
Северная ж.д. 389, 598
Северная Карелия 7, 511, 512
Северная обл. 390, 391, 395, 408, 409, 411—413, 415, 420, 421, 422
Северное море 787
Северный Кавказ 393
Северный край 423
Северный Ледовитый океан 61, 120, 151, 381, 387, 388, 428, 438, 588, 605
Северный р-н 398
Северный Урал 143
Северогерманские княжества 130
Северо-Запад Европы 52
Северо-Западная Россия (Северо-Запад России, Северо-Западный регион) 54, 113, 148, 209, 415, 652, 658, 687, 701, 703, 707, 712, 713, 738, 814, 817, 821, 849
Сегежа, г. 532, 534, 663, 696, 712, 731, 735, 737, 751, 752, 770, 785, 787, 790, 803, 809, 814, 827, 848
Сегежа, ст. 324, 344, 347,349, 389, 392, 397, 410, 424,
Сегежский р-н 596, 661, 738, 739, 768, 794, 804, 806, 814
Сегозеро, оз. 272, 570, 621
Сегозерский р-н 467, 480, 488, 517, 539, 563, 566, 575, 602, 641, 642, 662, 670, 676, 738
Сейняйоки 384
Селецкий погост 89, 90, 139, 188, 189, 225
Селигер, оз. 571
Сельга, д., с. 151, 410, 642, 656
Семеново, с. 550, 552
Семипалатинская обл. 318
Семчезеро, д., с. 151
Семчезерский погост 89, 90, 139
Сенная Губа, д. 647
Сербия 338
Сердоболь, г. 188
Сердобольский (Сердовольский) погост 79, 88, 131, 136, 137, 175
Сердобольский, у. 340
Сермакса, р. 119
Сестра, р. 94
Сестрорецк, г. 214
Сибирское ханство 166
Сибирь 151, 155, 238, 258, 283, 295, 337, 446
Сигтуна, г. 87
Скандинавия (Скандинавские страны) 6, 51, 54, 428, 438, 455
Смоленск, г. 124, 130, 133, 191
Смоленская обл. 463, 520, 592
Соколозеро, д. 385
Соловецкий монастырь 90, 108—111, 116, 127—129, 147, 150—154, 160, 171, 172, 173, 175, 178, 179,180, 181, 192, 199
Соловецкие о-ва (Соловки) 111, 128, 467, 538
Соловецкий округ 111, 116, 118, 127
Соломенное, пос. 173, 215, 400, 670
Соломенное VII, стоянка 38
Соломенский погост 89, 94, 131, 136
Соль Камская (Соликамск), г. 151
Сомбола I, поселение 45, 48
Сон, р. 97, 272
Сорока, с. (см.: Беломорск, г.)
Сорокская вол. 190, 359, 371
Сорокская-Обозерская ж.д. 598, 607, 614, 618
Сорокский р-н 517, 539, 544, 553
Сортавала, г. 63, 131, 133, 182, 184,185, 272, 305, 384, 385, 534, 588, 595, 610, 652, 662, 670, 682, 697, 712, 713, 730, 735, 737, 752, 753, 788, 794, 806, 808, 826, 848
Сортавальский р-н 590, 604, 662, 672, 685, 715, 716, 719, 723
Соткамо, приход 186
Софпорог, пос. 693
Спасопреображенская вол. 279, 366, 375
Спасо-Хутынский монастырь 129, 160
Спасская Губа, с. 575, 609
Спасский, о. 115
Средиземное море 787
Среднее Куйто, оз. 361
Среднее Поволжье 45, 58
Средний п-ов 584, 585, 588
Средняя Азия 390
СССР (Советский Союз) 393,

446, 453, 459, 466, 469, 484, 495—499, 502—506, 508—510, 513, 518, 520, 522, 531, 532, 534—536, 540, 545—548, 552, 554, 555, 558, 572, 577, 583—588, 590, 592, 593, 605, 606, 610, 635, 651, 656, 658, 675, 684, 687, 689, 701, 702, 717, 740, 753, 757, 758, 760, 762, 765—767, 769, 770, 773, 774—777, 779, 780, 785, 790, 792, 794, 797, 799, 800, 806—809, 813, 815, 817, 818, 823, 830
Сталинград, г. 617, 620, 639, 648, 666
Старая Залавруга, м. 24, 28
Старая Ладога (см.: Ладога), г.
Старая Русса, г. 72, 151, 197
Старая Финляндия
Столбово, д. 119, 132
Стокгольм, г. 99, 102, 104, 113, 116, 119, 130—134, 190
Суда, р. 63
Судалица, д. 267
Сулажгора, д. 414
Сулгу, р. 48
Сулгу II, поселение 14
Сумозеро XV, стоянка 53
Сумский острог 111, 112, 116, 117, 119, 152, 155, 181, 182, 186, 199, 200.
Сумская (Сумпосадская) вол. 101, 108, 111, 147, 152, 199
Сумский посад (Сумпосад), с. 77, 109, 154, 191, 277, 282, 307, 347, 354, 359, 365, 389, 391, 488
Суна, д. 312, 366, 377, 562, 564, 567
Суна, ст. 324
Суна, р. 145, 458, 462, 695
Суна VI; XII; XIII; XIV, поселения 9, 11, 42
Суомуссалми, г. 305
Суоярви, г. 534, 587—590, 652, 655, 697, 698, 735, 736, 790, 814
Суоярвский р–н 590, 662, 715, 719, 794, 801
Сурмикли, городище 71
Сухое, с. 622
США 396, 408, 493, 520, 521, 557, 583, 651, 797, 848
Сыктывкар, г. 81, 604, 666, 840
Сысоева, д. 243
Сысола, р. 81
Сыссойла, д. 551
Сюрьга, д. 267
Сямозеро, оз. 18, 22, 48, 50, 62, 65, 67, 78, 139, 156, 175, 621
Сямозеро, с, пос 363, 418, 524
Сямозерская вол. 144, 145
Сяркилахти 94
Сяряисниеми I, поселение 17
Сясь, р. 63
Сясьское городище 63

Т

Таджикистан 848
Толвандозеро 385
Таллин, г. 79
Тамбиц–Маяк, д. 649
Тампере (Таммерфорс), г. 304, 359
Тарту (Юрьев, Дерпт), г. 133, 134, 212, 431, 438
Тарутино, с. 191
Татария (Татарская АССР, Татарская автономная республика, Республика Татарстан) 427, 520, 592, 603
Ташкент, г. 647
Тверь, г. 197
Тверская губ. 455
Тверская обл. 94, 592, 686
Тверская Карелия 561
Тверской округ 494
Телекинка, р. 213
Тервозимская Весь, д. 75
Териберка, пос. 622
Териоки (Зеленогорск), г. 585
Тивдия, д., пос. 153, 570
Тивдийская вол. 455
Тивдийский завод 153
Тивдийские мраморные ломки 215, 217, 238
Тиверск, г., городище 71, 72, 93, 94, 166
Тикша, д. 117
Тикшезеро 524
Типиницкое сельское общество 287
Типиницы, с. 263
Тихвин, г. 118, 151, 156, 175, 220, 221, 267
Тихвинская ярмарка 149
Тиҳоница, д. 642
Тихтозеро, д. 361
Тихтозерская вол. 360, 386, 392, 420, 430, 432, 570
Толвоярви,.оз. 609
Толвуйская вол. 266, 269, 287, 302, 417
Толвуйский (Вымоченский) погост 73, 74, 84, 101, 138, 153,171, 213
Толвуя, острог, д., с. 118—120, 128, 208, 417, 418, 525, 787
Толлорека, д. 648
Томица, стоянка 42, 51
Топозеро, д. 146
Топорная Гора, д. 656
Торжок, г. 89, 197
Тре (Тирь), вол. 81,
Троицкий Сенной монастырь 173
Тула, г. 214, 629
Тулгас, с. 390
Тулгуба, д. 363
Тулмозеро, д. 407, 414
Тулмозерская вол.195, 271, 366, 431
Тулокса, р. 63, 416, 653, 657
Туломозерская застава 184
Тульская обл. 592
Тульские заводы 153
Тумча, стоянка 52
Тунгуда, оз. 52
Тунгудская вол. 375, 386, 392, 469
Тунгудский р-н 469, 488, 517, 551, 555, 599, 601, 676
Туркестан 390
Турция 189, 191, 215
Тууккала, могильник 88

У

Угмойла, д. 562
Удмуртия (Вотская автономная обл., Удмуртская автономная обл., Удмуртская АССР) 426, 603, 656
Узбекистан 783, 848
Уйская губа 654
Украина (Украинская ССР) 17, 127, 383, 386, 390, 393, 584, 592, 651, 656, 660, 663, 686, 701, 805, 848
Украина Левобережная 133
Улваны, д. 266
Умбская вол. 110, 146
Унежма, вол. 111, 146
Уница, ст. 344, 418
Уницкая губа 63, 434
Уницкий залив 272
Уразово, пос. 587
Урал 22, 47, 55, 98, 225, 270, 389, 409, 663, 688
Уральск, г. 629
Уральская обл. 308
Уросозеро, ст. 323, 410, 413
Усадище, д. 243
Усланка, д. 376
Уссуна 418
Уссурийск, г. 629
Устье, д. 393
Устьрецкий завод 153,159, 212
Усть–Уда, поселение 52, 53
Устюжна, г. 197
Уфимская губ. 247
Ухта, р. 139, 238
Ухта (см.: Калевала), волостка, с.
Ухтинская вол. 288, 304, 308, 340, 360, 366, 386, 392, 425, 570
Ухтинский о. 360
Ухтинский р-н 441, 442, 447, 452, 517, 544, 551, 564, 643, 648, 658, 660
Ухтинский у. 446, 447

Ф

Фенноскандия 6, 42, 44, 53, 54, 57—59
Филипповская, д. 159
Филипповское сельское общество 245
Финляндия (Финская земля, Великое княжество Финляндское, Финляндское гос–во)

14, 17, 22, 34, 38, 48, 59, 62, 86—88, 92, 93, 97, 111, 114, 117, 130, 133, 137, 142, 155, 165, 182, 185, 186, 188, 189, 190, 220, 221, 237, 238, 262, 264, 267, 268, 270, 277, 278, 288, 303—305, 308, 309, 340, 351, 359—361, 366, 371, 372, 375, 378—381, 383—385, 387, 388, 392, 393, 411—417, 422—432, 438, 439, 455, 457, 469, 479, 483, 486, 495, 503, 505, 507, 530, 534, 535, 538, 547, 548, 551, 557, 581, 583—585, 587—590, 592, 604—606, 612, 632—636, 644, 651, 657, 658, 660, 676, 684, 690, 719, 750, 753, 771, 772, 786, 788, 796, 800, 801, 803, 806, 809, 817, 818, 821,823
Финнмарк (Финмаркен) 62
Финский залив 59, 71, 87, 91, 92, 94, 104, 113, 185, 584, 588, 590, 605, 621
Фоймогубская вол. 153
Фоймогубский завод 153,159, 211
Франкская империя 62
Франция 191, 314, 381, 388, 408, 409, 414, 583, 584
Фридлянд, г. 191
Фридрихсгам, г. 188, 189, 190

Х

Хабаровск, г. 629
Хазарский каганат 64
Харьков, г. 322
Хейнола 87
Хельсинки, г. 188, 347, 354, 379, 413, 415, 416, 420, 425, 427, 457, 483, 589
Ханко, п–ов 588
Харлу, пос. 666
Хелюля, пос. 806
Хибиногорск, г. 517
Хибиногорский р–н 514, 523
Холмогоры, г. 99, 100, 118, 150, 155, 162, 175,
Хольмгард (см.: Новгород Великий)
Хямеэнлахти, залив 71

Ц

Царское Село, г. 219
Центрально–Черноземная обл. 520
Цыганская горка 292

Ч

Чална, пос. 670, 806
Чамово, с. 390
Чарнаволок, д. 551
Чебино, д. 653
Челябинская обл. 603
Черева, р. 81
Череповецкая губ. 407, 414
Черная Губа I; III; IV; IX; XI; XIX, поселения 9, 22, 23, 34
Черная Речка, волостка, с., пос. 140
Черная Речка I, поселение 18
Черное море 317, 422, 529, 697, 712, 787
Черный Порог, пос. 751
Чехия 338
Чехословакия 464, 683, 684
Чёлмужи, с. 63, 67, 167, 170, 249, 417, 419, 421, 422
Чёлмужский погост 84, 101, 138
Чирка–Кемь, р. 89
Чкаловский, пос. 751
Чувашская АССР (Чувашская автономная обл., Республика Чувашия) 426, 592, 603
Чупа–губа, залив 234
Чупа, с., пос. 140, 70

Ш

Шала, с., пос. 154, 279, 303
Шальский погост 84, 101, 102, 138, 154
Швеция (Свейское гос–во, Шведское королевство) 34, 71, 72, 76, 85—87, 91—94, 96, 97, 99, 100, 103, 104, 107, 110, 113—119, 123—125, 130, 132—134, 136, 137, 143, 153, 155, 162, 163, 180, 181, 186, 187, 189, 190, 201, 211, 235, 428, 438, 464, 479, 505, 796, 821
Шелтозеро, с. 144, 487, 543, 575, 654, 755, 774, 777, 841
Шелтозеро VIII; XII; XV, поселение 9, 11, 36
Шелтозерская (Шелтозерско–Бережная) вол. 269, 303, 366, 441, 442, 467
Шелтозерский р-н 448, 486, 488, 511, 517, 538, 539, 543, 640—642, 656, 661, 662, 676, 719
Шелтозерье 258
Шелтомская вол. 302
Шенкурск, г. 390, 409
Шеттима I; II, поселения 45, 47, 48, 51
Шиженская вол. 190
Шижня (Шижма), с. 191, 365, 622
Шимозеро, волостка, с. 145
Шлиссельбург (Шлютельбург), г. 197
Шойрукшин, о. 27
Шокша, с. 215, 511, 774, 777, 841
Шола, р. 208
Шомба, р. 146
Шуезерский погост 89, 139, 189, 213
Шуерецкая вол. 89, 98, 99, 109, 111, 140, 158, 168, 190
Шуерецкое, с. 191, 365, 385, 631
Шуйская вол. 245, 375
Шуйский погост 84, 102. 138, 142, 144, 145, 151, 154, 175, 178
Шунгская вол. 417, 434
Шунгская ярмарка 220, 222, 225, 263, 264, 265, 267
Шунгский Бор, д. 418
Шунгский острог 119
Шунгский погост 74, 84. 101, 102, 129, 142, 153, 175, 221
Шуньга, с. 118, 120, 154, 220, 262, 311, 331, 351, 417, 421, 499, 562
Шуя, с., пос. 151, 524, 806
Шуя, р. 78, 146, 155, 611

Э

Эзель, о. 186
Энгозеро, ст. 347, 391
Энсо (Светогорск), г. 534
Эстерботния 182
Эстония (Эстляндия) 22, 62, 186, 583, 584, 753
Эфиопия 583
Эюряпяя, погост 89

Ю

Ювяскюля, г. 304, 379
Южная Европа 13
Южная Карелия 475
Южная Швеция 381
Южный Олений о. 11
Южный Урал 217
Юргилицкое общество 195
Юрьев (см.: Тарту), г.
Юрьевский монастырь 160
Юшкозеро, с. 431, 443, 711, 781
Юштоозеро, д. 151

Я

Яккима, пос. 606
Яковлево Сиденье, д. 75
Якостров 274
Ялгуба, с. 262, 351, 377
Ям, г. 103, 113
Яндомоозеро, д.. 169, 554
Янигуба, д. 641
Япония 583
Ярославль, г. 156, 221, 338, 629, 742
Ярославская обл. 647
Яскинский р–н 590, 662
Ясная Поляна, с. 338
Яяски, погост 89

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамов 372
Абсалямов А. 627
Аввакум, протопоп 128
Авдеев Н.Е. 410
Авдышев А.И. 824
Аверкиев Д. 335
Агафелов В. 299
Агонин Д. 737
Адалева Э.Б. 751
Адан А. 754
Адкин П. 75
Азадовский М.К. 573
Айронсайд У.Э. 409, 413, 419
Айтматов Ч. 821, 823
Акентьева А. 602
Аксентьев П.К. 358
Акулов Д.З. 377
Акулов Э.А. 684
Алданов М. 585
Алекин С.М 549
Александр I, император190,191, 219, 228—230
Александр II, император 241, 245, 251, 254, 335
Александр III, император 255, 283, 326
Александр, король Сербии 338
Александр Свирский 178, 406
Александр Ярославич Невский, вел. князь 83, 91, 92, 96
Александров И.П. 779, 780, 837
Александров Ф.М. 460
Алексеев Б.И. 462
Алексеевский Л.Н. 389
Алексей Александрович, вел. князь 331
Алексей Михайлович, царь 122, 124—126, 128
Алексий I, патриарх 671
Алексий II, патриарх 827, 835, 838, 839
Алиев А.М. 653
Алимов Т. 582
Алмазов К.В. 347, 353, 367, 370
Алпатов М.В. 570
Алфеев С.П. 419
Альшиц Н.Л. 294, 297
Амельченко М. 528
Аминта, легенд. князь 166
Ананьев П.В. 549
Анастасия, боярыня 77
Андерсен-Нексе М. 754
Андерссон Л. 115
Андреев А.И. 751, 752
Андреев М.П. 573
Андреев П.В. 284
Андреев Э.Ф. 684
Андрей Александрович, вел. князь 93
Андрианов А.Я. 572, 578, 579
Андропов Ю.В. 593, 631, 637, 647, 662, 789, 809, 810
Аникеев П.И. 371
Анисимов Т.Д. 356, 368
Анисимов Т.Я. 371
Анохин А.В. 610
Анохин П.Ф. 308, 368, 378, 379, 394, 397, 433, 437
Антикайнен Т. И. 443, 645, 647, 649, 684
Антипова Е.С. 704
Антоний Сийский 172
Антонов И. 301
Антонов Н.В. 654
Антонов М.С. 418
Антоновы 278
Аттонен Э.А. 530
Ануй Ж. 822
Анхимов Н.М. 622, 662
Анциферов Н.П. 561
Апраксин П.М. 184
Апраксин Ф.М. 185
Арбузов А. 754
Аренский А.С. 338
Аристаров М.Г. 313
Аристов Н.П. 645
Аристотель 231
Армстронг Р.А. 243
Арнольдов А. 468
Аронов В.М. 414
Арсений, келарь 173
Арсеньев К.И. 238
Арсеньев Ю.К. 251
Артамонов И.И. 660
Артемий (Оря), староста 73
Артемов М.С. 497
Артемьев Т.М. 660
Архипов В. 277
Архипов В. 751
Архипов И. 277
Архипов Н. 469
Архипов Н.В. 366, 448, 509, 673
Архипов М.Н. 422
Архипова М.Ф. 574
Асанов Г. 298
Асанов М.Ф. 640
Асафьев Б. 754
Аспелин Е. 339
Астахова А.М. 573
Аутио З.Д. 756
Афанасий Холмогорский, архиепископ 235
Афанасьев А.Н 660.
Афанасьева А.С. 447
Афанасьев (Ахава) П. 288, 304, 305, 384, 385
Афонины 279
Африкантов А.В. 289, 290, 291, 292, 293
Аффлек С. 186
Ахава (Афанасьев) И. 385, 386, 392, 411, 412
Ахо Ю. 755

Б

Бабадин 193
Бабич В.Ф. 749
Багрянский П.301
Базанов В. 626
Базегские 275, 278
Базегский Н.А. 261
Баклановский И. И. 124
Бакулин А.В. 463
Балагуров 530
Балагуров Ф.В. 593
Балагуров Я.А. 208
Балакирев М.А. 338
Балакшин В. 77
Балакшин С. 77
Балакшины 72
Баландин Т.В. 239, 240
Балашов И.В. 353, 367, 394
Балашов Д.М. 819
Баранов В.А. 630
Барклай де Толли М.Б. 191
Барминский Е.С. 391
Барсов Е.В. 337, 338
Барчугов П. 530
Барыковы 162
Барышев А.Ф. 653
Барышников Н. 280, 281
Барятинский С. 183, 184
Баскаков М.И. 595, 596, 643
Басков В.С. 660
Бауэр В. 530
Бахирев В.А. 366
Бахирева Е.М. 625
Бахирева Т.И. 625
Башкуров А.И. 672
Безнин–Нащокин М. А. 104
Безобразов А.И. 115
Бекбосунов С. 652
Белецкий Я.К. 664
Белобородов А. 823, 831
Белозерский К.И. 96

Белозерцев С. 785, 787
Белосельский–Белозерский К. 271, 272
Белоусов 301
Белоусов Д.В. 290, 291, 302
Бельский Л.П. 340, 748
Беляев И.С. 676, 681
Беляев М.П. 274
Беляев Н.П. 274
Беляевы 272, 297, 312, 314, 355, 356, 373
Бем Е.Ю. 422
Бенедиктов В.Г. 229
Берггольц О. 666
Бергрен А. 272
Бергштрессер К.Ф. 238, 239
Берегова 495
Берзстыс Я.К. 347, 355, 365, 378, 407
Бернацкий А.А. 458, 571
Берсонов С.А. 462
Бесперстов Н.И. 670, 672
Бетховен Л. 578
Бибиков С.Д. 321
Благовещенский И.И. 334
Благодарева Е.Ф. 630
Блинников С.П. 779
Блюментрост Л.Л. 235
Бломстедт Ю. 304
Блюэр И. 212, 235
Бобров И. И. 102
Богатенковы 278
Богданов В. 269
Богданов В.А. 376
Богданов В.А. 556, 560
Богданов В.Г. 348
Богданов Г.Х. 425, 432, 433
Богданов Е. 336
Богданов П.С. 471
Богданов Т.Е. 293, 346, 347
Богданова А. 488
Богданова Н.С. 336
Богдатьева (Багдатьева) Н.Я. 324, 347, 365
Божик С.А. 411
Бойко–Букевичи 243
Бойков И. 627
Бойцов Б. П. 232, 233
Бондюк К.В. 647, 649
Бонч–Бруевич М.Д. 388
Бонч–Осмоловская А.Г. 560
Бореиус–Ляхтенкорва А. 339
Борецкая М. 77
Борецкий И. А. 77
Борзаковский И.Е. 421, 424
Борис Константинович, князь 76, 93
Борис Годунов, царь 113, 137
Борисков П.С. 627, 749
Борисов 563
Борисов Г.К. 560
Борисов П.А. 744
Борисова М.Г. 497
Боровский К.Н. 419
Бородин А.П. 338, 578
Бородин И.П. 571
Бородкин О.П. 627
Бороздин–Борисов Г. Н. 104
Борщев С.Н. 609
Босенко Н.Н. 463
Бражнин И. 627
Бранд (Брандт) Э. 272, 312, 324
Брежнев Л.И. 679, 819
Брендоев В.Е. 820
Бродский С. 751
Броун 212
Брызгалов А.Н. 594
Брызгалов В. 497, 528
Брюсов А.Я. 26, 573, 575, 744
Брюханов Н.Н. 824
Брянчанинов А. 159
Бубрих Д.В. 502, 573, 574, 744, 745
Булгаков–Куракин Ф.А. 104
Бунин И.А. 585
Бураков П. 528
Бутенант А.А. 211, 213
Бутенант фон Розенбуш Г. 153,159, 216
Бутеневы 243
Бутенев Н. Ф. 238
Буторин 379
Буторов К.Л. 627, 770
Бутурлин И. И. 103
Бутылкин С. 642
Бухарин Н.И. 450
Бушуев П.И. 485, 496
Быкова Ф.И. 626
Быстров 646

В

Вавашкин В.А. 497
Вавилов Г.А. 823
Вадецкий А.К. 342
Вайнонен Т. 578, 626
Вайсфельд И. 627
Вакулькин Т.Ф. 602
Валдаев Г. 528
Валден Р. 617
Валдола, род карел. знати 73
Валит И. Ф. 71
Валлениус К. 385
Валли В. 609
Валлин Г. 530
Вальдман 323
Вампилов А. 822
Вапола А. 528
Варакин К.П. 662
Варламов А.С. 595—597, 642
Варламов Н.Г. 617, 660
Василенко С. 754
Василий Александрович Казимир, боярин 77
Василий II Темный, вел. князь 166
Василий III, вел. князь 102, 107, 140,146
Василий Шуйский, царь 111, 114, 115
Васильев 277
Васильев Б. 822
Васильев В.И. 672
Васильев В.Н. 649
Васильев Е.А. 561
Васильев И.И. 347, 354, 419
Васильев Н.Н. 297
Васильев П.М. 624
Васнецов В.М.338
Вастен А.П. 389, 410
Вахрамеев И.И. 384
Вацетис И.И. 409, 416
Введенский П.Т. 347
Веденеев Б.Е. 497
Вельяминов Л.А. 118
Вельяшев Н.Е. 116, 118
Венгеров Е.И. 348
Вениамин, метрополит 328
Верещагин Г.Ю. 570
Верещагин Г.Ф. 572
Верещагин Д.И. 462, 464
Вершинин С.Я. 596, 637, 647
Вещезерский Г.А. 614
Викстрем Т. 819
Викстрем У.К. 627, 747—749, 754, 821
Викулина Т.С. 497
Викулов Д. 129
Вильсон В. 388
Вильянен К. 578, 628
Виноградов Д.И. 235
Виноградов Н.Н. 575
Виноградов П.Т.338, 339
Вирозеров А.И. 631
Виролайнен В.М. 672
Виртанен 452
Виртанен Х. 621
Виртанен Я.Э. 577, 580—582, 749
Вирячева Л. 621
Висанен А. 580
Виткович 189
Витковский П. 299
Витте С.Ю. 289, 504
Вихко И.А. 560, 673
Вихури В. 385, 412
Вицуп Р.С. 385, 389
Вишкарев Л.В. 627
Вишневский С.А. 630
Владимир I, князь 166
Владимир Всеволодович Мономах, вел. князь 82
Владимирский М.Ф. 428
Власков М.Г. 355
Власов 551
Власов И.В 451, 672
Власов Н.И. 366, 465
Власов (Власьев) Я. 213
Власьев Г.Е. 558
Вознесенская Т.И. 566

Войнович В. 821
Волейко В.Ф. 458
Волков В.И. 413
Волков П.В. 643
Володарский Э. 824
Волосатый П.Ф. 371
Воробьева 526
Воровский В.В. 387
Воронов П.Н. 691
Вороновы 271
Ворошилов К.Е. 608
Воскресенский Э.В. 684
Врубель М.А. 338
Вуолийоки С. 380
Вымольцы, род карел. знати 72,73, 96
Высоцкий А. 628
Вяйнеля Ю. 412

Г

Габе Р.М. 570
Гаврилов А.В. 251
Гаврилов И. 411
Гаврилов М. 628
Гаврилов М.С. 413
Гаврилов П.С. 704
Гаврилов С. 153
Гаврюков И.В. 528
Гагарин И. 528
Гагарин Ю.А. 679
Гадзяцкий С.С. 575
Гайдебуров П.П. 579
Гайдин А.Н. 266
Гайдн И. 578
Галецкий И.В. 290
Галкин Е.И. 391
Гамалтон А. 122
Гаппоев Н. 451, 564, 566
Гардин Е.С. 561
Гарлоев Н.П. 366
Гармуев П. 373
Гаррш А. 215
Гарцуев П.Н. 624
Гаскойн К. 218
Гаттен ван дер Е. 153
Гаупт Б.С. 367
Гашков С.С. 622
Гейс Т. 122
Гельмерсен Г.П. 238, 335
Геннин В.И. 198, 214
Генчев А. 765
Георгиевский А.Д. 331
Георгиевский М.Д. 331, 339, 340
Герасимов М.М. 13
Герберштейн С. 101
Герд С.В. 744
Герман И. 228
Германарих, король 61
Гермоген, патриарх 115
Геронтий, старец 127
Герпина Е.П. 567
Гертель П. 754
Герцен А.И. 337
Гершанович Л.Г. 346, 571
Гете И.В. 219
Гецелиус Ю. 132
Гижицкий Л.А. 365, 368
Гилельс Э. 751
Гильфердинг А.Ф. 337, 338
Гиппиев Н.Г. (Николай Лайне) 582, 627, 747, 821
Гитлер А.583, 605
Гладков Ф. 580
Глеб, князь 81
Глинка Ф. Н. 238, 578
Глиэр Р. 754
Говоров Л.А. 652
Гоголь Н. В. 335, 580
Годарев Г.И. 822
Голланд А.И. 627
Головешкин Н.Т. 621
Голубев Г.И. 662
Гольц фон дер 381
Гольштейн–Готторпские 189
Гольштейн–Готторпский А. Ф. 189
Гониг Г.К. 317
Горбачев Д.М. 640, 641
Горбачева Е. 641
Горбачев И.С. 378, 407
Горбачев М.В. 487
Горбачев М.С. 778—780, 791
Гореленко Ф.Д. 652
Горлов А. 528
Горлов Н.Н. 297
Горожанкин Н.Я. 691.
Горш Е.А. 408.
Горький М. 337
Горячковский В.В.317
Готчиев А.П. 690, 691
Готчиев П.П. 528, 529, 618, 619, 620
Грабарь И.Э. 234, 570
Градусов В.М. 500, 501
Грамматчиков А. 238
Гранин Д. 577
Гребнев А. 822
Греков Ф.И. 643
Гренлунд Л. 627
Грибанов Ф. 529
Грибоедов А.С. 233, 335, 580
Григорий, боярин 96
Григорий (см.: Чуков Н.К)
Григорий Есипович, купец 78
Григорий Петрович, вотчинник 77
Григорий Семенович, боярин 73
Григорий Тужил, крестьянин 90
Григорьев 379
Григорьев А. 771, 841
Григорьев Г.Г. 263
Григорьев Д.Д. 307
Григорьев И.А. 641, 645
Григорьев И.Ф. 365
Григорьев Н.Т. 292, 293, 294, 297, 298, 305, 306, 308, 314, 355, 367
Григорьев С.В. 458, 462, 463, 505, 570, 744
Григорьева Е. 621
Григорьева З. 639, 640
Григорьев–Тергуев П. 279
Гридчина И.С. 753
Грин Э. 753
Гринин И. 641
Гришмановский Ю.С. 822
Гром А. 299
Громов И.Ф. 274
Громовы 272
Груздев А.А. 347
Губина С.И. (см.: Сидорова С.И.)
Гудков В.П. 577, 578, 580, 582
Гуковский А.И. 390
Гулельми 407
Гульбинский П. 528
Гулькевич К. 422
Гуревич Н.И. 289, 290, 293, 307, 330
Гурьев В.Т. 365, 418, 432, 433, 434, 437, 455, 673
Гурьев С.Т. 410
Гусаров Д.Я. 627, 747-—749, 754, 818, 819
Гусаров М.П. 415, 419
Гусев С.И. 416
Густав I Ваза, король 103, 113
Густав II Адольф, король 119, 130
Густав III, король 189
Гутин К. 751
Гуткин А.А. 630
Гуттари Т.О. (Леа Хело) 581, 626, 747, 749
Гуттоевы 162
Гюллинг В.Я. 451
Гюллинг Э.А. 380, 428, 429, 432, 433, 434, 435, 437, 438, 440, 442, 445, 446, 454, 455, 457—460, 484, 485, 505, 507, 508,511, 512, 521, 548, 560, 573, 673

Д

Давидян Л.К. 684
Давыдов А.299,300, 307
Данилевский Н.Я. 335
Данилов И.А. 397, 432, 433, 448, 451, 456, 457
Данилов М.А. 463
Данилов М.С. 662
Дашков В.А. 239
Девятова Э.И. 32
Дегтяренко 625
Дедусенко Я.Т. 390
Делагарди П. 105
Делагарди Я. 114, 115, 118, 119
Делкоев А.К. 414
Деляев М.М. 639
Демидов 216

Демидов М.Д. 265
Денисов А.В. 662
Денисов А.Д. 216
Денисов В. 530
Денисов С.Д. 216
Державин Г.Р. 201, 202, 234, 235, 237, 240
Дзержинский Ф. Э. 467
Дильденкин Н.А. 593, 621, 662
Дитмар 616
Дмитриев В.В. 289, 290, 293, 296
Дмитриев В.Л. 317
Дмитриев В.П. 376
Дмитриев К.И. 331
Дмитриев Н. 115
Дмитрий Александрович, князь 83, 84, 92
Добронравов Н.И. 560
Добрынин В. 770, 825
Добряков П.А. 373
Долинов Е.В. 621
Дорофеев А.П. 660
Дорофеев И. 304
Дорофеев Н.Н. 419
Дорофеев (Аланко) С. 359
Дорошин П.П. 229
Дорошин Х.Г. 364, 377, 400, 451, 593
Дрейман В.А. 630
Дроздов А.Я. 621
Дружинин И.Ф. 662
Дружинин Н.М. 573
Дубинкин В. 354
Дубровин А.И. 307
Дубровский А.В. 372, 392
Дубровский А.О. 728
Дудин М.А. 666, 755
Дудинцев В. 749
Дьяков Н.Л. 355
Дяшаев В.И. 413

Е

Евгений, архимандрит 406
Евсеев А. 627
Евстафьев М.А. 347
Егоров 451
Егоров А.Н. 672
Егоров В.А. 285, 292, 293, 294, 296, 297, 308
Егоров В.В. 704
Егоров И.Ф. 704
Егоров М. 639, 640
Егоров Ф.И. 366, 392, 427, 428, 452
Егорова О.А. 408
Екатерина II, императрица 189, 200, 203, 215, 217, 218, 222
Екатерина Ягеллонка, принцесса 104
Елагин С. 103
Елизавета I, императрица 189
Елисей Сумский 488, 827
Елпидинский 372
Ельцин Б. Н. 771, 779, 780, 832—835
Елютин В.П. 653
Емельянова З. 628
Енукидзе А.С. 429
Епифанов С. 411
Еремеев А.П. 626
Еремеев Е.Ф. 443
Еремеев (Ряйхя) В. 288, 305, 308
Еременко В. 296
Ермак Тимофеевич 166
Ермилин В.Ф. 421
Ермолаев Д. 159
Ермолай, священник 101
Ермолов В.В. 391, 411—413, 424
Есипович А.П. 376
Естоев (Таннер) И. 304
Ефименко А.Я. 334
Ефименко П.С. 334
Ефимов Я.В. 639, 646
Ефремов А.Н. 419
Ефремов А.Н. 622

Ж

Жарков Л.П. 662
Жаркова А.П. 624
Жданов А.А. 589, 608
Живых Л.Ф. 822
Жилкина З. 621
Жуков П.К. 610
Жульников А.М. 36
Жуньич 339
Журавлев П.И. 366, 664
Журих Ф.Ф. 649
Жюно, Ж.-А. 191

З

Заборщиков А. 301
Завалишин Ф.З. 365
Заводовский М.Н. 347, 571
Заводчиков В. 627
Завьялов С.А. 419
Задесенец И.Ф. 728
Зажигин И.С. 653
Зайков П.М. 840
Зайцев Б. 585
Зайцев В.М. 660, 795, 796
Зайцев М. 627
Зайцева Н.Г. 774
Зайчневский П.Г. 332
Заккиева Е.И. 664
Занин Н. 627
Зарицкий Ю.М. 822
Зарубина М.П. 622
Заруцкий И.М. 116
Засекова А.П. 728
Захаров Г.В. 410
Захарьевы 272, 274, 278
Звездина А.М. 639
Звенигородский И.П. 103
Зеленцов А.И. 607
Зеликсон 451
Зиновьев Г.Е. 394, 395, 417
Золотарев В.Ф. 122
Золотарев Д.А. 570
Золотарев Е. 822
Зорин В. 825
Зосима Соловецкий 68, 178
Зосимский С.К. 283, 284
Зотов В. Н. 125
Зотов Н. М. 125
Зощенко М. 666
Зубов П.Ю. 390
Зубовский М.И. 322
Зуев Г.В. 421
Зуев М. 620
Зыков И.М. 331, 376
Зыков С. 323

И

Ибрагимбеков Р. 822
Ибсен Г. 747
Иван Алексеевич, царь 173
Иван Герасимов сын, крестьянин 73
Иван Григорьевич, боярин 77
Иван III Васильевич, вел. князь 85, 97, 98, 100, 102, 103, 136,145, 160, 166
Иван IV Васильевич Грозный, царь 101, 103—105, 108—111, 145—147, 150, 158, 166, 173, 177
Иванов, мещанин 258
Иванов, полковник, 295
Иванов А.А., поэт 626, 749
Иванов А.А., член Учредительного собрания 390
Иванов А.В. 407
Иванов А.И. 240,334
Иванов В. В. 576
Иванов М.Ф. 598, 602
Иванов Н.И. 497
Иванов П. 286
Иванченко А.А. 548
Ивачев Ф.П. 627, 749
Ивуков 349
Игал, купец 79
Игнатий (Семенов) 230
Игнатиус Х. 413
Игоча Перфильев И. 73
Игошкин Я.Ф. 368, 397, 418
Игошкина А.Д. 408
Игроков А. 530
Идуев Тойвод 75
Ийвонен К. 385, 412
Ильин 530
Ингигерд, принцесса 80
Ингман Л. 413
Индова Е.И. 113
Иноземцев А. 627
Иностранцев А.А. 335
Иноходцев П.Б. 236, 237
Иоаким, патриарх 173
Иогансон О. 582
Ион, архиепископ 87
Иордан, историк 61
Иосиф, игумен 173

Ипатов В.М. 548
Ипатов М.Я. 366, 443
Ипатова П. 278
Ирклис П.А. 485
Исак Леонтьевич, вотчинник 77
Исаков М.Я. 596, 643
Исаков П. 640
Исаков П.М. 471
Исаков Ф. 641
Исаков Ф.Т. 582, 626, 627
Иссерсон М.Д. 330, 556, 630, 729
Исупов А.Е. 290
Итконен А.Э. 59
Йоусинен Л. 580, 627

К

Кабузан В.М. 207
Каверин В. 753
Кадочников П. 755
Казанский К.И. 306, 313
Казин В. 748
Кайманов Н.Ф. 606
Калганов Д.О. 371
Калинин А. 279
Калинин А.М. 399, 418,
Калинин И.В. 642
Калинин М.И. 284, 404, 429, 437, 641, 643
Каллио К. 584
Кальске 530
Каменев А.А. 347, 365, 366, 370, 389
Каменев С. С. 444
Кантер О.К. 368, 372, 406, 418, 437
Каплан М.А. 362
Капранов А. 182
Капустин Н.Д. 654
Капусткин И.Н. 347, 364
Капусткин К.Н. 354
Карахаев Н.Ф. 597, 662, 664
Карахан Л.М. 428
Каргопольцев В.И. 662
Карельский А. 298
Карельский Д. 300
Карл IX Ваза, король 113, 114
Карл XIII, король 190
Карлукова Л.И. 630
Кармихель В. 122
Кармихель М. 122
Карнаухов М.И. 399, 400
Карнаухов М.М. 556
Карпелан К. 54
Карпов И.А. 430
Карпова Д.К. 754
Касогледов В.М. 556
Кастрен К. 413
Касьянов И.А. 336, 338
Катаев В. 580
Катайков Д. 303
Катанандов С.Л. 837, 850
Кауппинен А. 412
Кац Р.Г. 291, 292, 333
Кацеблин А.И. 577
Квашнины 72, 78
Кежун Б. 627
Кемов Г.Т. 366
Кемп В. 381,
Кент Р. 755
Керенский А.Ф. 357, 585
Кесслер К.Ф. 335
Кетлинский К.Ф. 383
Кеуняс В. 359
Кикинов Г. 627, 749
Киприан (Шитников А.) 309
Кипрушкины 272, 279, 303
Киреев Г. 767
Кириков И.Г. 365
Кирилл, игумен 173
Кириллова М. 621
Киров С.М. 483, 498, 525
Кирьянов М.М.305
Кирьяновы 272. 279
Киселев П.Д. 196
Китаев Д. В. 100
Кишмутин И. 151
Кищенко И.А. 458
Клевина А.И. 625
Клешнин А. 236
Клоковский М.И. 626
Клоковский Н.И. 627
Клюев И. 657
Клюев Н. 422
Клюев Н.А. 295
Ключарева А.А. 497, 555
Ключаревы 249
Ключевский В.О. 127
Книпович Н.М. 335
Князев М.С. 613
Князева Т. 621
Кобозев П.324
Ковалайнен Г. 412
Ковалев А.Р. 691
Ковалевская Т.В. 751
Коваленко А.Е. 419
Коваленко П.И. 391
Коваленков А. 627
Коган Л. 751
Кожевников А.Ф. 290, 306, 351—353
Кожевников Ф. 128
Козин Ф. 628
Козина К. 600
Козинский П. 823
Козлов Г.К. 608
Кокорин В.Г. 365
Кокорка, старейшина 73
Коленов А.П. 417
Колесников П.А. 209
Колин Н.И. 593
Колосенок С.В. 626
Колосов В.Н. 384, 391
Колотихин Ф.С. 410, 419
Колчак А.В. 413, 415, 423
Колыбин И. 298, 373
Комаров В.Л. 571
Комаров Н.В. 346, 347, 352, 353, 354, 362, 364, 367
Комарова 233
Комарова 663
Комиссаров М. 627
Комиссарова М. 267
Комлев Л.М. 385, 391
Конашков Ф.А. 336
Кондаков А.А. 672
Кондратьев 460
Кондратьев И. 75
Кондратьева Н. 578
Конецкий И. 290
Конкка У.С. (Катри Корвела) 820
Коновалова А.И. 625
Кононов В.И 294, 296
Кононов В.И. 700, 754
Кононова А.Е. 622
Копеин И. 300,307
Копейкин Ф.Г. 292, 296
Копленд А. 752
Копнин А.Ф. 368
Копяткевич А.А. 289, 292, 295, 297, 308, 345—347, 353, 357, 358
Кораблев А. 303
Кораблевы 272, 279
Коргуев М.М. 336, 574, 627
Кордаков М. 274
Коржавин С. 384
Корнева Н. 751
Корнейчук А. 580
Корнилий, старец 129
Корнилов Л.Г. 357
Коровин К.А.335
Королев В. 339, 340
Королев В. 626
Корольков А.Е. 549
Королькова А.С. 630
Коротнев С. 120
Корхонен А. 620
Корчагина–Александровская Е.П. 376
Косичкин Н. 587
Косменко М.Г. 42, 45, 52, 58
Костелянц Б. 627
Костенко М.Т. 617
Костин И. А. 819, 831
Костина М.А. 497
Котилайнен В. 633
Котсалайнен С.И. 626
Коттина Э.В. 774
Коцюба Н.В. 837
Кочанов П. 287
Кочкуркина С.И. 70
Кошелев В. 823
Кошкин Ф.Ф. 704
Крамаренко С.Ф. 795
Краферт Т. 122
Крачун Н.И. 672
Крашенинников Н. 308
Кречатников П. 77
Криворучко С.Е. 593, 626
Крон К. 339

Крон Ю.339
Крузенштерн Ф. 134
Крутиков А.Н. 652
Крылов А.Е. 229
Крылов В.И. 334, 348, 376, 571, 572
Крылов Ф.М. 660
Крючков В.Ф. 625
Крючков Я.С. 662
Крямичев М.А. 348
Кубли М. 628
Куделин Н.Г. 392
Куджиев В.М. 347, 348, 350, 352, 353. 355, 362—364, 429, 432, 433, 435, 437, 438, 440, 446, 456
Куджиев М.С. 340
Кузнецов 411
Кузнецов А. 298
Кузнецов А.А. 665
Кузнецов В. 300, 307
Кузнецов И.Н. 434
Кузнецов М.М 290
Кузьмин А. 308
Кузьмин В.А. 639
Кузьмин Н.Н. 409
Кузьмина А.И. 625
Кузьмина У.П. 639
Куинджи А.И. 335
Куйвонен Т.А. 640
Куйсма Т. 392
Кукелев Н.И. 662
Кулагин П.В. 347, 377, 397, 418
Кунавина А 621
Кунжин П.И. 365, 427, 428, 455
Куняев А.Н. 376
Куприянов Г.Н. 502, 601, 607, 641, 642, 672
Курасов Н.Д. 324. 347, 391
Курбатов П. 159
Куроедов С.Д. 649
Курольцы, род карел. знати 73
Курочкин В. 627
Курченинов Д.И. 332
Кутасов И.Г. 626
Кутиков А.М. 621
Куткевич А. 378
Куттуев В.Е. 278
Куттуев (Куттиев) Г.В. 401, 416, 422, 611
Куттуевы 271, 279
Кутузов М.И. 191
Кутумов Б. 119
Кутчиев Н.К. 622
Куусинен О.В. 585, 589, 592, 598, 669, 748
Кухарев К. 627
Кучевский И.Ф. 344, 349, 352
Кучепатов Н.Г. 560
Кюршунов 589
Кяркяйнен Л. 620

Л

Лавренев Б. 580
Лазарь Муромский 169, 239
Лазук И. Г. 282
Лаксман Э. 236
Лангсет Х. 458
Лангуев Д.С. 704
Лангуева М. 620
Ланев Е. 407
Ланев Ф.Д. 305
Ланкинен Л.Ф. 749, 750, 824
Ланкинен Т.И. 753, 754
Лансинг Р. 408
Ларион Алексеев сын, крестьянин 90, 116
Ларионов М.В. 366
Ласси П.П. 188
Лассила М. 754, 755
Лацис В. 754
Ласточкин А. 240
Ласточкин К. 528
Латукка Л. 581
Лачиновы 243
Лебедев Д.Н. 272, 274
Лебянен 444
Леви И.И. 322, 348
Левидова С.М. 575
Левинсон–Лесинг Ф.Ю. 335
Левитан И.И.335
Левитин М. 627
Левитский С.А. 334
Левкин И.И. 756
Леденева Н. 822
Ледник 530
Лежеев Г.И. (Лесонен Рикко) 386, 425
Лежеев Г.И. 411, 420
Лейманов М.А. 279
Леймановы 278
Ленин В.И. 297, 361, 363, 368, 375, 383, 384, 389, 390, 394, 397,399, 401, 402, 408, 428, 429, 435, 437, 451, 457, 458, 483, 515, 525, 684, 754
Леонов Л.М. 755
Леонтьев Б. Ф. 108, 109
Леонтьев З. Ф. 124
Леонтьев С.Г. 418
Леонтьев Т.В. 376
Леонтьева Л.И. 497, 560
Лепетухина О.С. 625
Лепехин И.И. 236, 237
Лергоевы 162
Лермонтов М. Ю. 580
Леселидзе В.Н. 657
Лесков А. 444
Лесков А.Н. 457, 458, 571
Лесков Н.Ф. 340, 341
Лесонен В. 336
Лесонен Н. 336, 340
Летонмяки Л.М. 560, 575, 581, 582
Лехтимяки В. 386, 412
Лехто А. 529
Лехтонен А. 336, 339, 340
Лённрот Э. 165, 338
Лжедмитрий II 114
Либкнехт К. 406
Линдстрем М. 578
Линевский А.М. 26, 574, 582, 626, 747—750
Линник Ю. 819
Линовский Е.Н. 419, 421
Липинский Т. 307
Лисицына А.М. 637, 660
Лисичкина Т.С. 630
Лихарев М.В. 118
Лихач М.А. 390
Лихачев Д.С. 470
Ллойд Д. 413
Ловчиков И. Б. 124
Логинов 451
Логинов М. 298
Лойко И.О. 324, 347, 365, 391
Локкин С.К. 418, 497
Ломов С.М. 622
Ломоносов М.В. 231
Лопатинский М.В. 228
Лопаткин В.М. 649
Лосев А.Ф. 561
Лубенников Л.И. 677
Лудри И.М. 416
Лузгин В. 290
Лука Леонтьевич, вотчинник 77
Луначарский А.В. 580
Луото Л. 580
Лупанов П.А. 558, 650
Лыков 163
Лыкошин Д. 194, 217
Львов 359
Львов Г.Е. 342
Львович З.Е. 627, 750
Льдинина М. 621
Люксембург Р. 406
Лядинская Е.Н. 408

М

Магнус О. 62. 63, 81. 86. 87
Мазавин С.Г. 385
Мазурук И.П. 497
Майдель Г.Х. 185
Майзер Д.Г. 648
Макаров И.М. 597
Макаров Ф.А. 549
Макарьев С.А. 572, 573, 575
Макарьевский М.А. 626, 627
Макконен Э. 469
Маковский В.Е. 579
Максим Онцифорович, боярин 96
Максимова Н. 640
Максимова Р.Ф. 774
Максимовы 243
Маленков Г.М. 558, 589
Маликов А.Ф. 347, 399
Малинен О. 238
Малинина П.Н. 567
Малышев А.И. 672
Малышев В.А. 653
Малышев П.Н. 389

Мальм К.В. 385
Мальми Х.И. 628
Малявкин А.Н. 558
Маннергейм К.Г. 384, 385, 413, 416, 585—587, 606, 612, 616, 617, 633, 651, 658
Мануил, архиепископ 828, 838
Мануйлов 359
Марвин М.Я. 561
Марк Панфильевич, купеч. староста 77
Маркелов В.А. 653
Марков 548
Маркс К. 297
Марр Н.Я. 573
Марселис–младший П. 153
Мартикайнен И. 340
Мартинен М. 336
Мартов Ю.О. 347
Мартынов А.И. 607
Мартынов А.Ф. 375
Мартынов Д.П. 327
Мартюшин Г.А. 390
Марушевский В.В. 384, 385, 413, 414
Марьин Е. 530
Маскиевич А. 411
Масленников И.Т. 515
Маслов С.С. 390
Матвеев И.В. 372
Матвеев Н. 303
Матвеев А.Ф. 354, 362
Матросов Н. 303
Матсон Э.Г. 421, 452, 453
Махонина Т. 620
Мачинский П.П. 560
Машаков А.Р. 660
Машезерский В.И. 558
Мегорский В.П. 334
Медведев Н. 323
Медведюк С.Н. 410
Мейер А.А. 561
Мейер И.К. 330
Мейнард Ч. 392, 411—415, 417, 421
Меккелев Е.И. 624
Мелентьев В. 301
Мелентьева М.В. 637, 660
Мельников И.Е. 549
Мельников В. 573
Мельников–Печерский П.И. 338
Менжинский В.Р. 368
Менченковы 243
Меншиков А.Д. 196—198, 211, 212
Мережковский Д. 585
Мерецков К.А. 610, 623, 651, 652, 655
Мерин–Волконский Ф. Ф. 124
Метелкин А.С. 377
Мечев М.М. 821
Мешков И.А. 660
Мещанинов И.И. 573
Микита, купец 79
Микоян А.И. 518
Микъял, посол 96
Миллер Е.К. 409, 415, 422, 423, 424
Миляйс Я. 501
Минин К. 118
Минин Ф. 287
Минина М.Е. 737
Миничев А.М. 415
Минкин Е. 576
Минкус Л. 754
Миролюбова Р. 627
Миронов А. 299, 359
Миронов Г. 849
Миронов Ф.З. 622
Миронцев Г.С. 355
Митрашевский 349
Митрофанов (Митро) А 277, 304,305, 359, 379
Митрофанов Е. 359
Митрофанов (Каукониеми) И 288, 304
Михаил Александрович (Романов), вел. князь 342
Михаил Федорович, царь 96, 101, 118
Михаил Ярославич, вел. князь 93
Михайличенко М.И. 293
Михайлов 424
Михайлов И.И. 664
Михайлов М.М. 626
Михалкина К 528.
Михеев В. 293
Михеев П.И. 549
Михеева М. 748
Михкалева Е.Ф. 704
Миша, боярин 96
Мишин А.И. (Олег Мишин) 749, 820, 831
Мишиничи, бояр. род 96
Мишуков Д.З. 188
Мнацаканов Г.С. 579
Мойковский В. 822
Мокин Г. 627
Молотов В.М. 585, 593
Молчанов И.С. 654
Мольер Ж.Б. 754
Мордвинов Н.С. 231
Морозов А.Ф. 292, 294, 308
Морозов В. 747, 749
Морозов И.Д. 653
Морозов И.М. 371
Морозов И.П. 354, 355
Морозов М.М. 622
Морозов Ф.М. 622
Морозовы 72
Мосорин А.И. 324, 347, 366, 386, 391
Мошкин И.Т. 366
Мошников С. 528
Мстислав Владимирович, князь 82
Муйлаччу А.336
Муликовский Б. 290
Муллонен М.И. 774
Мунк Х. 119
Муномел Игалин брат, купец 79
Муромцев С.А. 293
Мусоргский М.П.338
Мутанен П. 770
Муценек 509
Мытарев И.П. 653
Мышецкий Т. В. 124, 134
Мюллер Р.Б. 573, 575
Мюрюляйнен Э. 754
Мякеля С. 581
Мяки Я.Т. 425, 429, 432, 433, 435
Мяки Я.Ф. 673

Н

Наволоч, род карел. знати 73
Нагродский В.А. 317
Назаров А. 528
Назаров К. 737
Назимов 217
Наполеон Бонапарт 191, 219
Напреев Б. 823
Нартов А. 184
Натье Ж.–М. 187
Наумов Б. 627
Нацаренус С.П. 384, 389
Недригайлов С.Н. 570
Неелов А.Н. 313
Неелов Н.Н. 306
Незнанов С. 211
Некрасов А.М. 413
Некрасов Н.А. 338
Немчиков В.И. 653
Немчинов Н.М. 622
Нестеров 411
Нестеров А. 379
Нефедов Ф.И. 549
Нечаев А.Н. 574
Ниеми Р. 628
Ниеминен Ф. 824
Нийрала М. (Матти Мазаев) 820
Никанор, архимандрит 127
Никитин 372
Никитин И.А 365, 427, 428, 432, 433, 444, 448, 451, 452, 457
Никифоров Л.М. 231
Никифорова А.Ф. 574, 748
Николаев А.Г. 679, 680
Николай I, император 219
Николай II, император 283, 285, 301, 305, 307, 309, 317, 338, 342
Никольский Л.В. 343—347, 358, 363, 365
Никон, патриарх 127
Никонов А. 263
Никонов М.А. 471
Никонова Ю. 626
Никошенко И. 627
Нифонт, епископ 83
Новожилов 354

Новожилов И.Н. 347
Норин С. К. 582
Носов Н.Д. 622
Нохрин А.С. 391
Нуланс Ж. 408
Нумми А. 581
Нуортева А.Ф. 452, 557, 568
Нуотио К. 823
Нюстрем Р. (Рагнар Руско) 557, 576, 580, 582

О

Одинцов Н.И. 347
Одинцов Н.П. 399
Одинцов П.И. 354, 419
Одоевский И.Н. 116
Озерецковский Н.Я. 236, 237
Окессон О. 414
Окулов И. 183, 184
Окуловы 162
Окунева А.В. 664
Олеариус А. 76, 106
Олег, князь 80
Оленев И.В. 260
Омелин Н.Т. 660
Оничков К. В. 139
Онниев А.Н. 413
Орджоникидзе Г.К. 508
Ордин-Нащокин А. Л. 124
Ордин-Нащокин Б. И. 124
Ориспяя 641
Орлов, губернский прокурор 295
Орлов, рабочий, командир отряда 384
Орлова Л. 630, 755
Орловский Г. 627
Орфинский П.И. 560
Осиненко Н.Г. 501
Осипов В.И. 266
Осипов Ф. 178
Осипова А.П. 622
Осипова К.Н. 627
Ослунд Г. 272, 275, 297. 300
Осмоловская М.Г. 560
Оссовский Н. 270
Остафий Перфильев сын, крестьянин 73
Островский А.Н. 335, 580, 753
Островский Д.В. 334
Островский Н. 567
Оськина С.П. 756
Отавин Ф.П. 487
Оффенбах Ж. 666
Очин-Плещеев З. И. 103
Ошевенская Е.П. 575
Ошевнев 341
Ощерин И. И. 102

П

Пааволайнен О. 617
Паасо С.К. (см.: Удальцова С.К.)
Павлов И. 307
Павлов К 321.
Павлов П.П. 653
Пайкачев И.В. 391
Палицын А. И. 110
Панин П.П. 367
Панов В.Н. 292,308
Панова В. 754
Пантюхин Н. 626
Панфилий Селифонтьевич, вотчинник 78
Панцержанский Э.С. 393, 416, 419
Паньков И.К. 653
Папанин И.Д. 487
Парамонов А.В. 656
Парахин М.А. 347, 391
Парижский З. 398, 400
Паровишник П. 753
Паррас Э.Б. 580, 581, 582, 749
Партанен Э.И. 528
Парфенов В.М. 346, 347, 363, 364, 367, 376, 378, 451, 556
Паршуков К.А. 365, 373
Пасторов Ф.И. 314
Патлаенко Э.Н. 752, 823
Патрикий, князь 72
Патрушев И. 212, 235
Паулахарью С. 339
Пахитка, старейшина 73
Пахкуев Г. 90
Пашигорев Ф. 284
Пашков А.Н. 660
Пашков А.П. 660
Пашков Е.М. 418
Пашков П.М. 418
Пашкова А. М. 626
Паюнен В.С. 528
Пегов В.И. 626
Педдер Л.Ю. 560
Пеньков М. 424
Пергамент Р.С. 558, 576, 752, 627
Перепелкин Ф.М. 392
Пермин, старейшина 73
Пертту П. 747, 820, 821
Перттунен А.И. 238, 239, 336, 750
Перттунен И. 186
Перттунен М. А. 336
Перттунен Т. 574
Пертунен В.Н. 643
Перфильев Б.В. 571
Першукевич И.П. 624
Песков Н.С. 347
Петр Николаевич, вел. князь 271
Петр I, император 124—126, 173, 181, 183—187, 197, 199, 210—213, 224, 240, 335,
Петров И. 823
Петров И.П. 366
Петров И.Ф. 366, 375
Петров К.М. 240, 334
Петров Н.В. 376
Петров П.М. 587, 660
Петровы 271
Петушкова К.П. 704
Печенеговы 162
Печерин И.М. 399
Печерин Н. 354
Пивненко В.Н. 837
Пикар П. 185
Пикин Н.Ф. 251, 255
Пиккувирта М. 412
Пилипенко К.В. 822
Пименов Г.Е. 255, 343, 348, 400
Пименов Е.Г. 251, 255
Пименовы 272, 274, 278
Питин сын, купец 79
Плеве С. Н. 646
Плеханов Г.В. 297
Повало-Швейковский Х.Х. 208
Погодин Н. 580
Подвойский И.И. 391
Подкопаева А.В. 630
Подоплекин Д.А. 648
Подосенов А.М. 365
Позерн Б.П. 451, 452, 483
Пожарский Д.М. 116
Поленов В.Д. 328, 335
Поляков Г.К. 292, 294, 295, 296
Поляков П. 282
Полагаева Н. 753
Полканов А.А. 744
Поморцев Б. 824
Пономарев В.В. 378, 399
Попков П.С. 665
Поплавко Н. 410
Попов В.Н. 572, 577—579, 627
Попов И.В. 411
Попов К. 159
Попов М.М. 604
Попов М.Н. 596
Попов М.Р. 653
Попов С. 385
Попов С.П. 621
Попова Е.В. 625
Попович П.Р 679
Пор, лоплянин 90
Постникова А.П. 622
Постоянов В. 737
Потанин И.П. 391
Потапов Б.А. 458, 571
Поташев В.И. 647
Поташев Г.П. 414
Поташев Н.А. 305
Потиевский В.А. 819
Поттоев Ф.Е. 379, 432, 433, 571, 673
Пошехонов И.А. 662
Правдин И.Ф. 573, 744
Прайс, генерал 411
Пребышевский П.И 621
Предина М.А. 622
Преображенский 450
Пригоровский А.М. 399
Прикот Л.С. 822
Прилукин Н. 756
Пришвин Ф.М. 661
Прозоровский С.В. 118

Прокконен П.С. 592, 598, 621, 669, 676
Прокофьев А. 666
Прокофьев С. 752
Прокофьева М.А. 567
Пронин 646
Пронькина Н.А. 487
Проскуряков 372, 451
Протасьев Н.В. 286, 291, 293, 294, 295, 301, 307, 308
Протопопов Р. 187
Прохоров Г.И. 347
Прохоров П.Н. 336
Прохоров Ф. 296
Прохоров Ф.И. 293, 294, 352, 560
Пряников И.Ф. 355, 364
Пугачев Е.И. 217
Пужбольский-Ростовский И. И. 102
Пулкинен Х. 560
Пуль Ф. 381, 388, 390, 408
Пулькин В.И. 819
Пуни Ц. 754
Пуро Х. 576
Путятин Н. Е. 163
Путятины 162
Пуурунен С. 822
Пухов С.К. 471
Пушкарев Н.Н. 335
Пушкин А.С. 219, 567
Пушкин Меньшой И. М. 115, 116
Пушкин П. 124, 133
Пушкины 162
Пыпин А.Н. 337
Пякконен А.П. 691

Р

Равдоникас В.И. 11, 573, 574
Равелин Г. (см.: Ровио Г.С.)
Радченко Г.И. 391
Радченко К.И. 463
Раевский С.А. 238
Разин С. Т. 125, 128
Райкерус А.А. 560
Рангель Ю.В. 617
Ратнер А.Д. 561
Ратч И.Я. 235
Ратьков Н.А. 251, 289
Раутанен 641
Раутанен Ю. 579, 580
Раутио К.Э. 577, 580, 627
Раутио Р. 752
Раутио Х. 560
Рахманинов С.В. 585
Рашевская Н.С. 376
Регельман К. А. 125
Регнвальд, наместник 81
Редровы 162
Редькин П.В. 622
Рейнгардт В. 284
Ремезов А.В. 415
Ремер 193
Ремсу Я. 136
Ремшу М. 574, 748
Ремшуев К. 304
Ремшуев Т. (Маннер) 304, 359, 360
Ремшуев Ф. 308
Репин И.Е. 578
Репников А. 823
Репников Н.Ф. 613, 614, 660
Рерих Н.К. 335, 338
Ригачин Н.И. 660
Рикка С.А. 628, 754
Римский-Корсаков Н.А. 338, 578, 824
Ринк А.Г. 407
Рихтер С. 751
Ровио Г.С. 483, 485, 499, 507, 508, 513, 673
Ровкульцы, род карел. знати 73
Рогозкина А.С. 654
Родионов М.Е. 607
Родионов С. 151
Родоконаки Ф. 272
Рождественский Н.Ф. 753
Рождественский Р.И. 755
Розенштейн М.Е. 413
Розов В.822
Роккачу (Рогачев И. С.) 117
Рокко О. 737
Рокульские, род карел. знати 72
Романов К.К. 570
Романов М.Г. 418
Романов С.Г. 306
Романова М. 207
Романовы 189
Ромоев И.А. 414
Ромппайнен Т. 754
Ротиков А. 751
Рощин М. 822
Рубинов А.С. 376
Ругоев Я.В. 627, 747, 769, 770, 820, 821
Рудниковы 243
Рудницкая 663
Рудольф, епископ 87
Румянцев А.Е. 660
Русанов Н.А. 274
Русановы 272
Русинов Н. 287
Руцкой А.В. 834
Руханен У. Н. 560
Рухтуевы 162
Рыбников П.Н. 165, 240, 337
Рытхэу Ю. 755
Рюрик, князь 61
Рюриковичи 65
Рюти Р. 605, 617, 632, 658
Рябинин М. 627
Рябинин-Андреев П.И. 574, 626
Рябинин И.Т. 336,338, 339
Рябинин Т.Г. 336, 337, 338
Рябов М.Т. 660
Рябова М. 640
Рябоев (Ребоев) И. 235
Рясенцев И.М. 330

С

Сабирова Р. 753
Саблин Л. И. 163
Сабуров Ю. К. 100, 102
Савватий Соловецкий 68, 178
Савельев В.В. 251, 257
Савельев И.Ф. 335
Савин Н. 284
Савин Н.Г. 392
Савин С.Н. 418
Савин Ф. 274, 278
Савины, крестьяне 274, 299
Савины, помещики 162
Садиков А.А. 347,354,358, 364, 367
Сазонов П.С. 375
Сайло А. 239
Саккеус В.К. 622
Сакса А. 114
Саксман Г.А. 457
Салинген ван С. 108
Самкин М.В. 704
Самойло А.А. 409
Самотаев И. 528
Самсон Васильевич, кемлянин 128
Самцов К.Д. 293, 294, 296
Сара К. 626
Сарасте Р. 469
Сарафанов И. 128
Сафронова Л. 737
Свешниковы 162
Свиблов Т. 120
Свинхувуд П. 381, 384,
Свиньин Ф. 626
Святослав Игоревич, князь 65
Святослав Ольгович (Олегович), князь73, 83, 87
Севандер К. 754
Севастьянов А.И. 419
Севергин В.М. 237
Седякин А. 443
Сейфуллина Л. 580
Селиверстов И.С. 255
Селиверстовы 279
Семенов А. 182
Семенов А. 272
Семенов Ф. 295. 296
Сенькин И.И. 677, 681, 757, 762, 816
Сеппяля Х. 646
Сераго Н.Т. 255
Сергеев Л.П. 285,292, 308
Сергий, архиепископ 308
Сергин В. 819
Серебряковы 271, 278
Сечкины 446
Сиверс Я.Е. 200, 209
Сивков И.И. 385
Сивков К.В. 573
Сигге Л. 92
Сигизмунд III Ваза, король 113, 130

Сидоров Ю.М. 753, 754
Сидорова 640
Сидорова (Губина) С.И. 753, 754
Сидорова Ф.Л. 625
Сильвестр, епископ 115, 116
Сильчевский Д.334
Симаненков И. 627, 747
Симеон, архиепископ 94
Симеон Бекбулатович, князь 104
Симонов К. М. 627, 822
Симонов Н. 755
Симонов Ф. 186
Синерво Э. 755
Синеус, легендарный князь 61
Синисало Г.Н. 627, 752, 754, 770, 822
Сирола Ю.К. 428
Ситко Г. 822
Сихво 413, 415
Скоков В. 346, 354
Скопин-Шуйский М.В. 114, 115
Сливов Н.П. 419
Смагина Т.И. 622
Смирнов А.И. 376
Смирнов Д.А. 497
Смирнов И.В. 754
Смоликов М.К. 418
Смоликова Е.К. 408
Снелман В. 510
Соболев К. 217
Соболев Л.С. 748
Соболев С.А. 435
Собольщиков-Самарин Н.И. 335
Соймонов М.Ф. 209, 217
Соймонов Ф.И. 215
Соколов Д.И. 573
Соколов П. 322
Соколов-Тарасов М.В. 267
Солдатов О. 849
Солженицын А. И. 749, 821
Солнышков Н.А. 376
Соловьев В.А. 616
Соловьев В.А. 819
Соловьев П.Е.317
Соловьев П.Н. 413
Соловьев-Седой В.П. 751
Солунин В.П. 365, 389, 399, 410
Соляков П.В. 485, 497, 602
Соляков П.С. 598, 621
Сонников И.П. 424, 425
Сорокин Н.Н. 596
Соснин А. 378
Сосновский И. 308
Софронов И.304
Софья Алексеевна, царевна 124, 126,181
Спиридонов А.И. 497, 528
Спиридонов И.Д. 384, 389, 409, 419
Срезневский В.И. 144, 145
Сталин И.В. 417, 484, 489, 495, 498, 499, 503, 513, 537, 540, 546, 549, 555, 584, 593, 631, 651, 655, 668, 673, 674, 679, 683
Стальбовский В. 406
Старк 385
Старцев Н.А. 390
Старченко М. 751
Степанов А.С. 410
Степанов В.Н. 780, 833, 837,840, 841
Степанов В.С. 762, 763, 765, 770
Степанов Г.А. 416, 419
Степанов Н. 262
Степанов Н.М. 365, 391
Степанов А.М. (Ортье Степанов) 747, 749, 770, 819, 821
Степанова С. 753
Стефанихин В.В. 595
Стоивор Глебов В. 73
Столберг К.М. 438
Столыпин П.А. 293, 297, 306, 308, 309, 504
Стравинский И. 752
Стрешнев Л. А. 124, 125
Стрешнев Т. Н. 125
Строгальщикова З.И. 840, 842
Стронк Г.А. 627, 750
Студитов П.В. 558
Стюарт А. 117
Стюарт К. 272, 275, 297, 300, 312, 324, 355, 356
Суворов А.В. 219
Суворова М.В. 622
Суворовы 243
Сумкин 551
Сумманен Т.К. 821
Суни В.Э. 753
Супинен П. 384, 416
Суриков В.И. 335, 338
Сурков А. 272, 274
Суханов 258
Суханов А.Т. 419
Суханов И.Н. 367, 372
Суханов Н. 282
Сухово-Кобылин Старого В.К. 104
Сюкияйнен И.И. 631

Т

Такала В. 560
Такала Р. В. 820
Талвела П. 611
Таннер В. 617
Тараева С.Ю. 336
Тарасов А.Ф. 365
Тарасов И.Е. 471
Тарасов И.К. 463
Тарасов М.В. 747, 749
Тарасов М.Ф. 372
Тарасов Ф. 323
Тарасова А. 620
Татаринова Л.Г. 625
Теве А. 100
Тейфель Ю. 275, 280
Теплицкий Л.Я. 577, 578, 752
Теппонен Л. 628
Терацуянц Г.Е. 756, 823
Терентьев 451
Терентьев Ф. 153
Терентьев Ф.М 737
Теряев А. 78
Тиден В.В. 594
Тизенгаузен Э.П. 421
Тийволайнен С. 186
Тикиляйнен П.А. 609—611, 660
Тимонен А.Н. 627, 747—749, 754, 819, 821
Тимонен М.М. 365, 368, 372
Тимоскайнен Ф.Ф. 641
Тимофеев В.М. 328, 570, 571
Тимофеев Г. 159
Тимофеев Ф.И. 662
Тимошенко С.К. 586
Тимошина (Фомина) Е.В. 638
Тимошкин В. 75
Тимошков Е. 751
Титов А. 747
Тихля Х.К. 581, 626
Тихомиров А.П. 456
Тихомиров В.Д. 630
Тихонов М.И. 653
Тихонов О.Н. 819
Тихонов С.А. (Антти Виерма) 420
Тихонов Ф.И. 255, 278
Тойвот, старейшина 73
Токой О. 380, 386, 412
Толстой Л.Н. 338, 567, 754
Толяренок О.И. 365
Томас, епископ 92
Томашевская В.Д. 628
Томберг Е.С. 753, 754
Торнев И.П. 660
Трейден Я. 112
Трифон, старец 172
Трифонов 393
Трифонов А. 824
Трифонова Т.К. 582
Троицкий И.Е. 328
Трофименко С.Г. 614
Трофимов А.А. 672
Трофимов В.Н 414
Трофимов П. 627
Трофимов Ф.А. 819
Троцкий Л.Д. 363, 381, 383
Трошин В.А. 292
Трубецкой Д.Т. 116
Трубецкой С.Н. 286
Трувор, легендарный князь 61
Туомайнен И. 510, 530
Туорила А. 385
Туорила С.А. 754
Тургенев И.С. 753
Туриков А.П. 414
Туровский Г.В. 823
Турунен И.П. 359
Тутолмин Т.И. 189, 190, 237
Туру Е. 336
Туурала У. 560
Тучин Д.Е. 640, 641

Тучин С. 641
Тучков М. М. 103
Тушин А. Ф. 103
Тушовская Г.С. 292, 297
Тушовская З.С. 407
Тюргильс Кнутссон, правитель 92
Тыртов И. 151
Тюрпека С.Т. 617

У

Угрюмов В. 823
Удальцов П.И. 640
Удальцова (Паасо) С.К. 640—642
Улеб (Ульв) 80
Ульян 151
Урусов 217
Усланов В.И. 627
Успенский П.К. 567
Устинов В. 819
Утикеев Д. 753
Ууситало 496
Ушаков В. 419
Ушинский К.Д. 331

Ф

Фаддей 307
Федор 93
Федор Алексеевич 126
Федоров А. 290
Федосеев И.В. 455
Федосова И.А.336—338
Федотов Д.И. 393
Федулин А.И. 355
Федулов Ф.М. 365, 392, 393
Фелькнер Н.А. 245
Феофилова О. 565
Ферсанов Е. 810
Ферсман А.Е. 573
Фершуковы 274, 279
Фесвитянинов С.М. 365
Филатов П.И. 527, 528
Филатов П.Ф. 463
Филимонов К.Ф. 572
Филимонова М.С. 625
Филипп (Колычев), митрополит 172
Филиппов В.М. 660
Филиппова А. 655
Филиппова О.Е. 639
Фирсов И.П. 365, 371
Фиш Г. 627
Фишман Л.Е. 616
Флейс Е. 626
Флоренский П.В. 561
Флотский Я. 302
Фолкерн И. 228
Фомин Н. 151
Фомин П. А. 662
Фомина А.П. 619, 620
Фомина И.П. 625
Фонвизин Д.И. 232
Форстен В.К. 444, 643
Фортунатов Ф.Ф. 328, 340
Фостий М.В. 347, 365, 385, 391
Фофанов А.И. 660
Френкель Н. 470
Фролов В.А. 610
Фрэнсис Д. 381, 408
Фурманов Д. 580

Х

Хаавио М. 611
Хаапалайнен Э.А. 575
Хазен С.Б. 556
Хакон Хаконссон, король 81, 85
Ханс, король 103
Харитонов А. В. 297, 346
Хеглунд И.В. 70
Хейнари О.304
Хейнолайнен 548
Хелле А.К. 505
Херронен И. 663
Хилков П. 121
Хиппеляйнен Э. 754
Хмелев Н. 78
Хмельницкий Б. 133
Хмельницкий Ю. 134
Хованский 233
Ходакова А. 578
Ходотов Н.Н. 328
Ходыченков 183
Холопов В.М. 785
Холсти Р. 422
Хорошевский А.А. 365
Хотеева М. 574
Хоткевич 118
Хрисанфов Н.В. 451, 575
Хрущев Н.С. 673—675, 679, 681, 683
Хуттунен И.М. 704
Хуусари В.Э. 691
Хямяляйнен Е.И. 574, 748
Хярконен И. 304, 359, 360

Ц

Цалит Л.Т. 630
Цаль Н.Д. 630
Цветаев Б.И. 407
Цимбал С. 627
Цур Милен фон С. 295
Цыкарев Я.Г. 418
Цюрупа А.Д. 403

Ч

Чаадаев И. И. 124
Чайкин И.В. 728
Чайковский Н.В. 390, 391
Чайковский П.И. 754
Чаплыгин П.Н. 579
Чаров Я.Н. 579
Часовенный С.И. 352, 353
Чеглоков (Чоглоков) В. А. 124, 134
Чекмасов В.С. 824
Чепасов Ю.П. 627
Черкасов Н. 755
Чернояров 529
Черных И.В.627
Чернышевский Н.Г.337
Чернякова И.А. 112
Чесноков Г.И. 662
Чехов В. 582, 626
Чехонин 258
Чехонин П.М. 704
Чехонин Т.М. 297
Чивилев А.И. 229
Чижиков И.В. 347
Чирков И. В. 292
Чичерин Г.В. 425, 431
Чоглоков А.С. 214
Чохов А. 152
Чубинский П.П. 334
Чубриев М.Ф. 365
Чудинов Ф.Ф. 376
Чудинова А.В. 560
Чуков Н.К. (Григорий) 328, 376, 671
Чулков Б. 118
Чупиева З.Н. 625
Чухин И.И. 787
Чухреев Н.М. 657

Ш

Шаблеев Ф.Ф. 501, 502
Шагинян М.С. 748
Шайжин Н.С. 334
Шакшин К.А. 292, 293, 294, 308
Шамшиев 215
Шапорин Ю.А. 578
Шапошников П. 528
Шаргаев Д. Д. 179
Шаскольский И.П. 573
Шаталин С. 767
Шатров М. 822
Шафалович А. 284
Шахматов А.А. 337
Шегрен И.А. 238
Шекспир В. 580
Шельшаков Ф.А 660.
Шемонин С. 179
Шепелев С.П. 284
Шергольд Ю. 272, 274
Шереметев Б.П. 182
Шеронов А. 753
Шестаков А.А. 621
Шестаков Н.П. 656
Шехман И.А. 330, 556
Шибуева А.И. 579
Шидловский А.Ф. 334
Шиллер Ф. 219
Шилова А.И. 625
Шиловская Н. 621
Шировский А.Н. 365
Шиф И.А. 556
Шишкин И.И. 335
Шишкин М.Д. 354, 362, 455
Шишков Н.Л. 342, 344
Шляхтин Н.П. 416
Шмаков И. 627
Шмидт (Кузнецов) Б.А. 627, 747, 749
Шолохов М.А. 567, 754

Шостакович Д.Д. 752
Шотман А.В. 446, 448, 457, 480, 499, 684
Шредер И.Н. 335
Шумилов Е.Г. 411
Шумилов Ф.З. 347
Шунгская Л.Т. 630

Щ

Щеглов Д. 580
Щеголенок (Шевелев) В.П. 336, 338
Щёголев Г. 383, 384
Щукин М.323

Э

Эгил, викинг 64
Эйкия А. 592, 626
Энберг С. 186
Энгельс Ф. 297
Энкель К. 422
Эрвасти В.627, 747
Эрик, викинг 93
Эрик XIV Ваза, король 104
Эрин В.В. 289
Эрих Р. 427
Эрихман С.М. 399, 458, 556
Эркко Ю. 580
Эстрин З.Н. 753
Этерлей С.Н. 421
Эфрос И.Н. 704

Ю

Юденич Н.Н. 414, 415, 422
Юдин Я.И. 625
Юдов А. 765
Юнгин 411
Юносов Б.Н. 653
Юнтунен О.С. 825
Юнтунен С.Х. 824, 750, 751
Юплов И.П. 639
Юрий Владимирович Долгорукий, вел. князь 87
Юрик, легендарный князь 82, 94
Юринов Д.П. 463
Юрша Э. 296
Юрьев 640
Юрьев А.М. 389
Юрьин Ю.Н. 376
Юстен, хронист 92
Юфа Т. Г. 824
Юхан III, король 104, 105, 113, 130
Ющиев Н.А. 480, 481, 673

Я

Яблоков И.Д. 681
Яблонский Л.Л. 285, 291, 292, 293, 297
Явлинский Г.А. 767
Якимов В.П. 13
Якимовский В.К. 290, 291
Яккола Н.М. 627, 747, 749
Яковлев А.О. 463
Янаев Г.И. 778—780
Янковские 243
Ярви Э.М. 704
Ярвимяки Г.Г. 462, 530
Ярвисало И.А. 444, 448, 450, 483
Ярослав Владимирович Мудрый, вел. князь 80
Ярослав Всеволодович, князь 89
Ярослав Ярославич, князь 83, 84, 92
Ярославцев И. 290
Ярцов А.С. 217, 218, 236
Ястребов А.Я. 661, 662
Яхно С.Г. 610
Яхонтов И. 298
Яшин А. 740
Яшков В.И. 413

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... 3

Глава I

Карелия в эпоху первобытно—общинного строя (VII тысячелетие до н. э. —конец I тысячелетия н. э.) ... 5
1. Карелия накануне заселения ... 6
2. Мезолит. Заселение и освоение Карелии ... 7
3. Неолит ... 14
4. Медно–каменный век (энеолит) ... 31
5. Бронзовый век ... 38
6. Железный век ... 44
7. На пороге средневековья ... 53

Глава II

Карелия в средневековье (X—XV вв.) ... 61
1. Становление феодального общества ... 61
2. Под властью Великого Новгорода: организация управления и отражение шведской экспансии ... 80

Глава III

Карелия в составе России (конец XV— XVII в.) ... 98
1. Политические преобразования ... 98
2. Население. Экономическое развитие ... 135
3. Традиционная культура Карелии ... 164

Глава IV

Карелия в XVIII—первой половине XIX в. ... 181
1. Карелия во внутренней и внешней политике России ... 181
2. Демографические и социально–экономические процессы ... 206
3. Развитие культуры ... 227

Глава V

Карелия во второй половине XIX —начале XX в. (1861—1917гг.) ... 241
1. Проведение либеральных реформ 1860–х —1870–х гг. ... 241
2. Экономическое и социальное развитие края в пореформенные десятилетия XIX в. 258
3. В годы революции (1905—1907) ... 283
4. Край в период думской монархии в России ... 306
5. Культура ... 325

Глава VI

Революция и Гражданская война в Карелии (1917—1920 гг.) ... 342
1. От Февраля к Октябрю 1917 г. ... 342
2. Рождение советской власти в Карелии ... 361
3. Начало иностранной военной интервенции на Европейском Севере и в Карелии ... 381
4. Карелия в условиях военного коммунизма ... 396

5. Боевые действия против иностранных интервентов и белых в Карелии в 1919—1920 гг. ... 408
6. Образование Карельской Трудовой Коммуны ... 426

Глава VII

Карелия в годы нэпа и первых пятилеток (1920–е — 1930–е гг.) ... 441
1. Национально–государственное строительство в годы нэпа ... 441
2. Социально-экономическое развитие в годы нэпа ... 454
3. Общество и власть в период "социалистического наступления" (1929—1930–е гг.) 480
4. Индустриализация ... 504
5. Коллективизация сельского хозяйства ... 537
6. Культура Карелии в 1920 —1930–е гг. ... 556

Глава VIII

Карелия в годы Второй мировой войны (1939—1945) ... 583
1. Советско–финляндская война 1939—1940 гг. ... 583
2. Начало Великой Отечественной войны и перестройка жизни республики на военный лад ... 593
3. Боевые действия на территории Карелии в 1941—1943 гг. ... 604
4. Карельский тыл ... 618
5. Оккупационный режим. Война в тылу врага ... 632
6. Освобождение Карелии и начало возрождения ее мирной жизни ... 651

Глава IX

Карелия во второй половине 1940-х —в 1960-е гг. ... 668
1. Общественно–политическая жизнь республики ... 668
2. Социально–экономические процессы ... 685
3. Культура ... 738

Глава X

Нарастание кризисных явлений в обществе и попытки его реформирования (1971—1991 гг.) ... 757
1. Общественно–политическая жизнь ... 757
2. Развитие экономики ... 781
3. Социально–демографическая ситуация ... 804
4. Культура ... 815

Глава XI

На пути к новому обществу (1990–е гг.) ... 830
1. Общественно–политическое развитие ... 830
2. Социально–экономическая и культурная жизнь ... 842

Примечания ... 851
Основные даты истории Карелии ... 898
Основные источники и литература ... 908
Географический указатель ... 919
Указатель имен ... 930

Научное издание

История Карелии
с древнейших времен до наших дней

Редакторы Д.З. Генделев, Э.Г. Растатурина, В.И. Яшков
Макет и оформление В.И. Яшков
Художественно–технический редактор В.И. Яшков
Корректор Е.А. Барбашина
Компьютерный набор Н.Л. Шибанова
Компьютерная верстка И.В. Столярова

Лицензия ЛР № 040464 от 02. 04. 98
Подписано в печать 1.06.01. Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. 76,1.
Уч.–изд. л. 74,2. Тираж 1000 экз. Зак. 1661.
Издательство "Периодика". 185610, Петрозаводск, ул. Германа Титова, 3.
Государственное предприятие Республиканская ордена "Знак Почета" типография им. П.Ф.Анохина.
185630, Петрозаводск, ул. "Правды", 4.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред.
И 90 Н. А. Кораблев, В.Г. Макуров, Ю.А. Савватеев, М.И. Шумилов. —Петрозаводск: Периодика, 2001.—944 с.: ил.

ISBN 5–88170–049150–X

Настоящая книга является новым обобщающим научным трудом по истории карельского края с древнейших времен до наших дней. В ней предпринята попытка всесторонне рассмотреть процесс заселения и хозяйственного освоения территории современной Карелии, показать жизнь и быт людей, их производственную и общественно–политическую деятельность, положение отдельных социальных слоев, взаимоотношения власти и общества на различных этапах исторического развития.

ББК 63.3 (2Р —6К)